

И. Г. КОЛОМИЕЦ

**СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЗАКАРПАТЬЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX СТОЛЕТИЯ**

Том второй

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1962

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Т о м 1

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
19	5 снизу	karmánylap	karmánylap
70	3 снизу	Hazánk	Hazánk
213	2 сверху	„Пчела“	„Муравей“
271	10 сверху	Австро-венгерское правительство	Австрийское и венгерское правительство

Т о м 2

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
7	10 снизу	ломки	ломкой
127	5 сверху	бочарный	бочарный
158	18 сверху	„латинской“	„латинкой“
229	7 сверху	крупли	крупил
238	13 сверху	проповедывавшие	проповедовавшие
285	9 снизу	et impera...	et impera
314	7 сверху	дополняются	дополняет
324	10 снизу	фимизм	фимиазм
335	19 сверху	из	без
493	13 снизу	„ветник день“	„ветник, день“
505	12 снизу	по	то
527	4 сверху	идей	идей,
596	4 снизу	„Житеі	„Житеі
596	5 снизу	„І ми	„І ми
617	21 сверху	„Голуверккоглуңс	„Голуверккоглуңс
617	25 сверху	Голуверккоглуңс	Голуверккоглуңс
646	12 сверху	и жизни	в жизни
646	1 снизу	Mse	Msé
650	21 сверху	в единій	в единій
651	29 сверху	(Szekelyföldi és felvidéki gazdasági	(Szekelyföldi) es felvidéki gazdasági
651	21 снизу	kiszonyairól	viszonyairól
653	6 снизу	б) Журналы: („Месяцословы“,	б) Журналы („месяцословы“,
654	24 сверху	„Idei“	„Idei“
655	6 сверху	Журналы:	Журналы
658	19 сверху	Неточаев	Неточас

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
660	10 сверху	Stur̃	Štur̃.
666	23 снизу	З днанших	Зеднанших
666	17 снизу	а	в
667	8 сверху	Прохлаеоробске	Про хлеборобске
667	29 снизу	історіі	історіі
668	13 снизу	Maramaros	Maramaros̃
668	5 снизу	Muvaseve,	Mukaseve,
670	24 сверху	славенское	словенское
674	12 сверху	tuzelen	tūzeben
674	16 сверху	idōszaki	idoszakai
675	4 сверху	vāremegye	vārmegye
675	13 сверху	Да	Das
647	21—22 снизу	Ф. Энгельс Демократический панславизм Соч, т 6 (второе издание)	Ф Энгельс Крестьянская война в Германии Соч, т 7 (второе издание)

И. Г. КОЛОМИЕЦ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЗАКАРПАТЬЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX СТОЛЕТИЯ

Том второй

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1962

**РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РЫНКА И КРЕДИТНОЙ
СИСТЕМЫ**

ГЛАВА I

**ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЗАКАРПАТЬЯ И ПОЛОЖЕНИЕ
ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ¹⁾**

**1. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ
ВЕНГРИИ И ЗАКАРПАТЬЯ**

Экономика Закарпатья была органически связана со всей хозяйственной системой Венгрии, которая после революции 1848—1849 годов и отмены крепостного права вступила в период промышленного подъема. Капиталистические преобразования в сельском хозяйстве Венгрии, увеличение экспорта хлеба за границу, развернувшееся железнодорожное строительство способствовали накоплению капитала, развитию ряда отраслей промышленности, внутреннего рынка и кредитной системы.

В 80-х годах XIX столетия в Венгрии в основном завершается промышленная революция, положившая начало образованию фабричной индустрии. Однако Венгрия и в этот период продолжала оставаться преимущественно аграрной страной с отсталой экономикой, со слабой собственной экономической базой по сравнению с передовыми европейскими странами. Затянувшееся господство крепостничества в Венгрии обусловило собой относительно медленное складывание

¹⁾ Характеристика развития промышленности Закарпатья в первой половине XIX столетия (ремесленное производство, вотчинная промышленность, зарождение капиталистической мануфактуры и фабрики) нами дана в «Очерках по истории Закарпатья» (см. И. Г. Коломиец, Очерки по истории Закарпатья, часть II, Томск, 1959, стр. 62—114).

необходимых предпосылок для развития промышленного капитализма.

Характерными чертами экономического развития Венгрии во второй половине XIX столетия являлись, во-первых, зависимость от Австрии, стремившейся сохранить Венгрию в качестве аграрной страны, сырьевой базы и рынка сбыта для австрийской промышленности; во-вторых, зависимость как от австрийского, так и иностранного капитала (главным образом германского), усиленное проникновение которого привело к подчинению им ряда важнейших отраслей промышленности и банковской системы Венгрии*. Русский консул в Будапеште в одном из своих донесений указывал (1898 год), что фабричная промышленность Австрии «уже давно значительно развилась», а Венгрия — страна «почти исключительно земледельческая», поэтому «австрийские фабричные произведения направляются преимущественно в Венгрию и притом беспощинно», отчего в Австрии «окрепла фабричная производительность»²⁾, а в другом донесении (1914 год) консул подчеркивал все более возрастающую роль германского капитала в финансировании венгерской промышленности³⁾.

В свою очередь господствующие классы Венгрии по отношению к областям, населенным зависимыми народами, проводили политику, задерживающую их промышленное развитие. Закарпатская Украина с ее значительными естественными богатствами, запасами промышленного и сельскохозяйственного сырья оставалась и во второй половине XIX столетия самой отсталой в экономическом отношении областью Австро-Венгрии. Тяжелой индустрии в Закарпатье не существовало; добывающая и обрабатывающая промышленность были развиты очень слабо, в то время как Венгрия в конце XIX — начале XX столетия в развитии крупной промышленности сделала значительный шаг вперед. Добыча каменного угля за 10 лет, с 1880 по 1890 год, возросла в 1,5 раза, производство чугуна — в 3 раза, добыча железной руды — в несколько раз. В 80—90-х годах начали развиваться электротехническая промышленность, производство электроэнергии (в 1890 году в Венгрии было 2 электростанции, а в 1900 году — 43), паровозо- и вагоностроение⁴⁾.

Структура же хозяйства Закарпатья была отсталой и приобрела в очень большой степени колониальные черты. Его экономическое развитие определялось не интересами местного населения и даже не наличием природных богатств и эко-

2) АВПР, ф Канцелярия, 1898 г., д 110, л 66 об.

3) См. там же, 1914 г., д. 157, л. 10.

4) См. O. Sugar, Die Industrialisierung Ungarns, Leipzig, 1908, стр. 18, Eckhardt F, A Magyar közgazdaság 100 éve, Bdp., 1941, стр. 144; Z P. P a c h, Magyar gazdaságtörténet, 1848—1900, Bdp., 1957, стр. 120, 121.

номическими возможностями, а исключительно интересами австро-венгерского и иностранного капитала, потребностями европейского рынка. Поэтому многие отрасли производства, имеющие все основания для своего развития, оставались в зачаточном состоянии или совершенно не развивались. Почти все предметы широкого потребления ввозились из Австрии и Венгрии, для которых Закарпатье являлось рынком сбыта промышленных изделий и источником промышленного сырья⁵⁾.

Экономическая политика господствующих классов Австро-Венгрии, направленная к сохранению Закарпатья в качестве аграрно-сырьевого придатка империи Габсбургов, узость местного рынка, отдаленность зарубежных рынков, конкуренция австро-венгерских и иностранных промышленных монополий задерживали инвестицию капиталов в закарпатскую промышленность.

Несмотря на наличие дешевого сырья, постоянной резервной армии безработных, местная буржуазия предпочитала в сложившихся условиях вкладывать свои средства не в промышленные предприятия, а в торговлю, спекуляцию землей и ростовщические операции, приносявшие значительный и гарантированный доход. Ростовщический капитал в Закарпатье, занимавший по своим размерам второе место после земельного капитала, был вложен преимущественно в будапештские банки и использовался для финансирования австро-венгерской экономики. Помимо ростовщиков, представителей торгово-купеческой верхушки, значительными денежными средствами обладали владельцы крупных закарпатских латифундий, получившие огромные суммы выкупных платежей и располагавшие огромными территориями, занятыми лесами и содержащими полезные ископаемые. Однако и представители земельной аристократии Закарпатья в погоне за большими прибылями предпочитали вкладывать свои средства в пре-

⁵⁾ В связи с осуществлением «верховинской акции» в закарпатских жупах были созданы комиссии по содействию развитию промышленности, деятельность которых ограничилась выработкой предложений общего характера, не имевших практического значения. Комиссия Бережской жупы (в составе главного жупана В. Гагары, министерского советника М. Герштера, депутатов парламента Я Недечи, Э. Барта, управляющего доминией Шенборна Н. Цайнера, начальников округов и униатских священников) предлагала основать химический завод по сухой дистилляции дерева в Сольве, железоделательный завод на базе месторождения железной руды у села Гатмег, квасцовый завод в селе Мужиево, фабрику по обработке льна, конопли и т. д. Комиссия рекомендовала правительству «заинтересовать» иностранный капитал использованием сырьевых ресурсов Закарпатья, так как у местных предпринимателей отсутствуют сколько-нибудь значительные капиталы (см. ГАЗО, ф. 772, оп. 1, 1898 г., д. 33, лл. 3—4; 1903 г., д. 460, лл. 3—80). Предложения жупных комиссий не были реализованы венгерским правительством.

успевающие промышленные предприятия и банки как в Австро-Венгрии, так и за границей. Поэтому вложение капиталов местной буржуазией и крупными помещиками в закарпатскую промышленность было весьма незначительным и ограничивалось наиболее доходными отраслями производства по переработке древесины и сельскохозяйственного сырья⁶⁾.

Габбургское правительство всячески препятствовало развитию закарпатской промышленности, использующей местное сырье. Примером этого может служить следующий факт. Еще в 1823 году возле села Дубриничи, находившегося на территории ужгородского казенного имения, были открыты залежи каолиновой глины высокого качества, которая могла служить сырьем для фарфоровой промышленности. Только через 18 лет после этого между венским фарфоровым заводом и администрацией имения был заключен договор на поставку отмученной глины в Вену, но вследствие невыгодности транспортировки глины на такое большое расстояние, этот договор вскоре был расторгнут. Однако дубриническая глина продолжала пользоваться спросом на венском рынке, и арендатор каолинового карьера Поллак продолжал до 1847 года поставлять сырье венскому фарфоровому заводу.

В 50-х годах XIX столетия финансовая дирекция в Ужгороде решила построить на базе дубринических залежей каолина фарфоровый завод. Во всех австрийских и венгерских газетах было опубликовано объявление о сдаче в аренду капиталистам-предпринимателям этого месторождения глины. Однако, как сообщалось в официальном донесении, относящемся к 1856 году, «при тогдашнем безденежье», когда капитал можно было без риска и с большой выгодой использовать в ростовщических целях, частные предприниматели в создании предприятий по переработке каолина в Закарпатье заинтересованы не были. После этого местными властями был выдвинут проект создания в Дубриничах государственного фарфорового завода, но этот проект не встретил поддержки со стороны австрийского правительства, стремившегося закрепить монопольное положение на фарфоровом рынке венских заводов⁷⁾. Так, залежи каолиновой глины в Закарпатье, не уступавшие по качеству лучшим европейским месторождениям, не были использованы вследствие дискриминационной экономической политики австрийского правительства.

То же самое можно сказать и об эксплуатации лесных богатств Закарпатья. Несмотря на наличие огромных лесных массивов, деревообрабатывающая и сопутствующие ей отрасли промышленности были развиты слабо. Переработка заготовленного в Закарпатье леса производилась преимущественно

⁶⁾ См. Deb, 1904, стр. 23

⁷⁾ См. указ соч. ГІ Перени, стр. 41

но на австро-венгерских предприятиях. Очень много прекрасной буковой древесины оставалось неиспользованной и шло на топливо, в то время как целлюлозно-бумажное производство создано не было. Основанию крупных предприятий по промышленной переработке древесины в Закарпатье противодействовали австро-венгерские капиталисты, выкачивавшие дешевое сырье из закарпатских областей для своих заводов и фабрик.

Промышленная отсталость Закарпатья, развитие капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому» пути определили собой и своеобразие процесса образования рабочего класса, который формировался за счет разоренных полупролетарских элементов деревни. В составе рабочего класса Закарпатья преобладал не дифференцировавшийся от крестьянства сельскохозяйственный пролетариат (поденные, сезонные рабочие и батраки, а также сезонные лесные рабочие), который в количественном отношении превосходил в 10 раз число наемных рабочих, занятых в промышленности. В свою очередь значительная часть промышленных рабочих, особенно в мелкой промышленности, так же была связана с земледелием. Это свидетельствовало о том, что процесс отделения промышленности от сельского хозяйства в Закарпатье, процесс создания постоянных кадров промышленного пролетариата, единственным средством существования которого является работа на фабрике, еще не вполне завершился к концу XIX — началу XX века.

Вследствие замедленных темпов развития капитализма в Закарпатье удельный вес промышленного пролетариата в составе всего населения и концентрация его были значительно ниже, чем в венгерских областях. Если в Венгрии в конце XIX столетия сравнительно быстро сокращается количество населения, занятого в сельском хозяйстве (с 75% в 1890 году до 66,5% в 1900 году)⁸⁾, и возрастает число населения, связанного с промышленным производством (с 600 тысяч в 1870 году до 900 тысяч в 1895)⁹⁾, то в Закарпатье образование и развитие фабричной промышленности не сопровождалось значительными изменениями в структуре населения и коренной ломки социальных отношений. В 70-х годах XIX столетия в отдельных жупах Закарпатья было занято в сельском хозяйстве 90—95% населения; в 80—90-х годах — 85—90 и в начале XX столетия — 80—85, а в промышленном производстве и на транспорте соответственно 5—7, 8—9 и 10—11%. Из общего числа закарпатоукраинского населения в конце

⁸⁾ Msé, 1899, II, Vdp, 1900, стр. 345.

⁹⁾ Deb, 1879, стр. 76—77, АВПР, ф Политархив, 1901 г, л 576, лл 77—78 В 1890 году в Венгрии было занято в промышленности и на транспорте 15% населения (см. Mos, 1899, II; 1900, стр. 345).

XIX — начале XX века было занято в сельском хозяйстве около 90%, а в промышленности — не более 5¹⁰).

Развитие капитализма в промышленности Венгрии прошло три основные стадии: мелкое товарное капиталистическое производство (мелкие городские и крестьянские промыслы), капиталистическая мануфактура и крупная машинная индустрия. Характерной чертой промышленного развития Венгрии и особенно Закарпатья, как зависимой и чрезвычайно отсталой области, являлось длительное существование наряду с фабрично-заводской промышленностью мелких промыслов и предприятий мануфактурного типа.

Официальная статистика насчитывала в Венгрии в 1895 году 321258 «промышленных предприятий»¹¹), из которых 199055 (61,96%) представляли собой мельчайшие мастерские, не применявшие наемного труда, и 120959 промышленных заведений (37,65%), которые относились главным образом к мелким городским и сельским капиталистическим промыслам и мастерским мануфактурного типа с числом семейных и наемных рабочих (включая учеников) от 1 до 20 человек¹²). О количестве предприятий фабрично-заводского типа, насчитывавших более 20 рабочих и применявших в большинстве своем механическую двигательную силу, которых венгерская

¹⁰) Msé, 1874, III, 1875, стр. 200—203; Msé, 1895, III, 1896, стр. 42—43, 64—65, 157, Mos, 1899, II, 1900, стр. 345; A Magyar szent korona orszá-gának 1900 évi népszámlálása, II, Bdp., 1901, стр. 540—548, Statistic-

ká grigucka R. S., I, 1920, стр. 18; т. II, ч II, 1925, стр. 155, В В У с е н к о, Вплив Великої Жовтневої соціалістичної революції на розвиток революційного руху в Закарпатті в 1917—1919 рр., К., 1955, стр. 26, указ соч. В. И. Неточаев, Закарпаття напередодні першої світової війни... стр. 119; указ соч. П. Гапак, «Дукля», № 2, стр. 63, 64.

¹¹) Венгерская промышленная статистика второй половины XIX столетия находилась в хаотическом состоянии. Она отличалась не только неполнотой, разрозненностью сведений, но и отсутствием четкого определения различных типов промышленных заведений и различных категорий производителей. Так, в число «промышленных предприятий» включались, наряду с фабриками и заводами, мелкие ремесленные, кустарные и сельскохозяйственные заведения, в число «фабрик» — предприятия мануфактурного типа, не имеющие механических двигателей, мелкие водяные и ветряные мельницы и т. п., а в число фабрично-заводских рабочих — рабочие кустарной промышленности и мануфактурных мастерских. Все промышленные заведения с количеством рабочих свыше 20 человек (наемных, семейных рабочих и учеников) относились к числу «крупных» предприятий.

В большинстве своем промышленная статистика основывалась на сведениях самих фабрикантов и заводчиков, которые значительно уменьшали количество рабочих и сумму производства. Пороки, присущие венгерской статистике, вносили путаницу в статистические данные, превращая нередко их в груды недостоверных цифр, непригодных для целей научного исследования.

¹²) АВГР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 78.

статистика относилась к «крупным», дает представление табл. 1¹³⁾.

Таблица 1

Количество рабочих	Количество предприятий
от 21 до 50	774
от 51 до 100	239
от 101 до 200	114
от 201 до 300	49
от 301 до 500	39
от 501 до 700	9
от 701 до 1000	9
более 1000	11

Таким образом только 1244 предприятия (0,39%) Венгрии имели каждое свыше 20 рабочих; на всех этих предприятиях было занято 112345 человек¹⁴⁾. По количеству промышленных заведений первое место занимали отрасли пищевой промышленности (54,6% всех предприятий, насчитывавших более 20 рабочих или пользовавшихся механической двигательной силой), второе место — металлургической и машиностроительной (12,5%), третье — деревообрабатывающей (10,7%), затем предприятия строительной и керамической промышленности (производство кирпича, черепицы, глиняных сосудов (8,5%), химической промышленности (4,5%), ткацкие фабрики (2,3%) и др.¹⁵⁾.

В 1899 году, как можно судить по данным, приведенным в докладе министра торговли Гегедюша венгерскому парламенту, было основано 20 новых промышленных предприятий с капиталом в 23 млн. крон и 30 фабрик с капиталом в 10,7 млн. крон были реконструированы; в 1900 году построено 46 новых фабрик (капитал 31 млн. крон), на которых было занято 13700 рабочих¹⁶⁾.

В начале XX столетия в Венгрии усиливается процесс концентрации производства, что приводит к увеличению удельно-

¹³⁾ Там же, лл. 78 об.—79.

¹⁴⁾ В 1900 году в Венгрии насчитывалось 465559 всех типов предприятий, из них предприятий с числом рабочих свыше 20 человек — 2261, или 0,5% (см. A Magyar szent korona országai gyárgiparának üzemi, és munkás statisztikája az 1906 évről, Vdp, 1910, стр. 335).

¹⁵⁾ АВПР, ф. Политархив, 1901 г. д. 576, л. 79.

¹⁶⁾ Там же, л. 72.

го веса рабочих, занятых в крупной промышленности (в 1895 году — 30,95, в 1900 году — 44, в 1910 году — 51 %) ¹⁷⁾. Число фабрично-заводских рабочих в конце XIX — начале XX века в Венгрии возросло в три раза ¹⁸⁾.

В Закарпатье из 12300 промышленных предприятий только 48 (0,4 %) насчитывало более 20 рабочих. Однако и среди этих предприятий преобладали мелкие, о чем свидетельствуют следующие данные промышленной статистики ¹⁹⁾.

Таблица 2

Предприятия с количеством рабочих	Число предприятий	Количество занятых рабочих	Число предприятий	Количество занятых рабочих
	1900 год		1910 год	
от 21 до 50	29	950	36	1230
от 51 до 100	9	650	12	860
от 101 до 200	5	750	12	1740
от 201 до 300	3	700	2	460
от 301 до 500	1	440	1	490
от 501 до 700	1	510	1	510
от 701 до 1000	—	—	1	710

Из 48 предприятий Закарпатья (1900 год), как свидетельствуют приведенные данные, по количеству рабочих выделялось только одно самое крупное, насчитывавшее 510 рабочих. 40 % всех рабочих было занято на мелких и средних предприятиях с общим количеством рабочих от 21 до 100 человек и 60 % на фабриках и заводах с общим числом рабочих от 100 до 500 человек. Закарпатские украинцы составляли приблизительно 20 % всех промышленных рабочих Закарпатья, а последние по отношению ко всем рабочим Венгрии, занятым, придерживаясь терминологии официальной венгерской статистики, в «крупной промышленности» (с общим количеством рабочих свыше 20 человек), составляли только 1,5 %.

¹⁷⁾ Там же, лл 78 об.— 79.

¹⁸⁾ П. Гапак, Внески до історії українців в Угорщині у другій половині XIX і початку XX століть, «Дукля», № 2, Пряшів, 1957, стр 63, Andics Erzsébet, A Magyarországi munkás mozgalom az 1848—1849 forradalomtól és szabadságharcától az 1917—es Nagy Októberi szocialista forradalomig, Bdp, 1954, стр. 29, 59

¹⁹⁾ A Magyar szent korona országainak 1900 évi népszámlálása, II, Bdp, стр. 540—548; 1910, II, стр. 470—500; Statistická příručka R. C., I, Praha, 1920, стр. 57.

В Венгрии в это время 37 предприятий насчитывали от 501 до 1000 рабочих каждое и 29 предприятий — свыше 1000 человек; на всех этих предприятиях было занято более 1/3 всех промышленных рабочих. Хотя процесс концентрации производства и рабочих в Закарпатье протекал гораздо медленнее, чем в Венгрии в целом (с 1890 по 1900 год количество фабрично-заводских рабочих в Закарпатье возросло на 35%, а в Венгрии более чем в два раза, количество рабочих, занятых на предприятиях с общим числом рабочих свыше 20 человек, составляло 30 и 50%, число рабочих на предприятиях с общим числом рабочих свыше 500 человек составляло соответственно 12 и 35%)²⁰), но в начале XX столетия на предприятиях, насчитывавших свыше 100 рабочих, было сосредоточено уже 65% всех рабочих, а удельный вес этих предприятий в производстве промышленной продукции был еще выше и достигал 80%.

Промышленное развитие Венгрии и усиление процесса концентрации промышленного производства сопровождалось быстрым ростом акционерных компаний и их капиталов, образованием монополий и сращиванием промышленного капитала с банковым. На протяжении 1867—1873 годов в Венгрии возникло 124 акционерных компании (19 из них имели капитал в 1 млн. крон, 26 — от 500 тысяч до 1 млн. крон и 79 — от 100 до 500 тысяч крон)²¹). В 1895 году в Венгрии насчитывалось уже 328 акционерных компаний всех видов с капиталом в 394 млн. крон (из всех акционерных компаний находилось в Будапеште 114 с капиталом в 220 млн. крон)²²). Как говорилось в экономическом обзоре русского консульства в Будапеште, «старейшие» из акционерных компаний получили в 1895 году 22,2 млн. крон чистой прибыли и выдали в среднем 7,88% дивидендов²³).

Венгерское правительство, пытаясь ослабить застой в промышленности в 90-х годах XIX столетия, помимо предоставления льгот отдельным предприятиям, содействовало также основанию промышленных акционерных обществ. Министр торговли Венгрии в одном из своих выступлений в парламенте указывал, что в промышленности «произошел застой» и «частная деятельность была парализована неопределенностью политического положения, которая постепенно увеличивалась». Отмечая деятельность правительства, направленную к «поддержанию некоторых находившихся в упадке промышленных» и к «дарованию выгод новым фабрикам», министр

²⁰) Sándor Vilmos, *Nagyipari fejlődés Magyarországon 1867—1900*, Bp., 1954, стр. 594

²¹) Там же, стр. 39—42.

²²) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 87.

²³) Там же, лл. 80, 84.

призывал капиталистов-предпринимателей к организации «союзов» промышленников, ибо, по его словам, «лишь те промышленности могут успешно развиваться, которые соединяются на рациональных основаниях для общих действий»²⁴).

Акционерный капитал промышленных предприятий Венгрии в 1880 году составлял 756 тысяч, в 1890 году — 18 млн., а в 1900 году — 47 млн. крон, т. е. возрос за эти годы более чем в 60 раз²⁵).

В Закарпатье конец XIX столетия также был отмечен возникновением акционерных обществ, но темпы количественного роста обществ и их капиталов, а также удельный вес закарпатских акционерных предприятий в системе венгерских монополий были незначительными. По нашим подсчетам²⁶), в Закарпатье в конце XIX столетия было 9 промышленных акционерных обществ (с капиталом 4 млн. крон), которым принадлежало 10 предприятий (в их числе 2 крупных химических завода, фабрика мебели, имеющие по 400—500 рабочих). Предприятия, принадлежащие акционерным обществам, составляли $\frac{1}{6}$ часть всех промышленных предприятий с числом рабочих свыше 20 человек; на этих предприятиях была занята $\frac{1}{2}$ всех рабочих. Основной капитал закарпатских предприятий, принадлежавших акционерным обществам, составлял $\frac{1}{20}$ часть капиталов венгерских промышленных акционерных обществ.

Главной формой монополистических объединений в Венгрии в конце XIX — начале XX столетия являлись картели; их упрочению и развитию способствовал экономический кризис 1900—1903 годов, отмеченный резким снижением уровня производства, особенно в металлургической и машиностроительной отраслях промышленности. В 1906 году в главных отраслях венгерской промышленности господствовали 56 смешан-

²⁴) Там же, лл 56, 62

²⁵) См. указ соч. Sándor V, стр. 371. Накануне первой мировой империалистической войны число акционерных обществ возросло до 906, сосредоточивших в своих руках 76% всех капиталовложений Венгрии (Magyarország története, III, Bdp., 1950, стр. 73).

²⁶) Данные о промышленных акционерных компаниях основаны на следующих источниках: Deb, 1895, стр. 98—99, 165—166, Kassai, 1911, стр. 129, 130; A Bántlin féle vegyigyárak r. t. Perecsény, 50 éves története 1893—1943, Bdp., 1943, стр. 30, 31 и сл., Tehnická práce v zemi Podkarpatoruské 1919—1933, Ужгород, 1933, стр. 328, 329, см так же указ соч. Sándor V., стр. 371, 430, 478, 479, 570, 573, 579, 581; Vengend I., Ránci Gy., Magyarország gyártipara 1900—1914, Bdp., 1956, стр. 123, 152, 155, 232; М. Клим п о т ю к, Підступи американських імперіалістів на Закарпатті, Ужгород, 1952, стр. II и др.; Н е т о ч а є в В. І., Закарпаття напередодні першої світової війни (1908—1914), Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 29, Ужгород, 1957, стр. 100 и сл.; указ соч. П. Гапак, «Дукля», № 3, 1957, Пряшів, стр. 44.

ных австро-венгерских и 26 венгерских картелей²⁷⁾. Крупнейшими монополистическими объединениями Венгрии являлись «Римаурань» (в области металлургической, рудной и угольной промышленности), Дунайская пароходная компания и Общество австрийских государственных железных дорог (угольная промышленность), электротехническое акционерное общество Ганц и др.²⁸⁾.

В начале XX столетия венгерские монополистические банки (Всеобщий кредитный банк, Коммерческий банк, Австро-венгерский банк и др.), тесно связанные с иностранным капиталом, контролировали большую часть крупных промышленных предприятий страны²⁹⁾. Вместе с тем усиливается влияние не только австрийского, но и иностранного, особенно германского капитала (около 45% акций крупнейших венгерских банков принадлежало австрийскому капиталу; в начале XX столетия значительная часть государственных займов, предоставленных Венгрии, приходилась на долю германских банков)³⁰⁾.

Русский консул в Будапеште в своем донесении накануне первой мировой войны писал: «В экономическом отношении Германия занимает в Венгрии господствующее положение. Все более или менее крупные торговые и промышленные (в том числе строительные) предприятия работают почти исключительно в кредит, получаемый — и часто по громадным процентам — в местных банках, эти же последние находятся в сильнейшей зависимости от германского капитала, причем, участие его в венгерской финансовой жизни все возрастает»³¹⁾. Германские банки являлись не только главными кредиторами Венгрии, но и оказывали огромное влияние на ее внешнюю торговлю.

Так, к концу 1912 года государственный долг Венгрии достиг 5217 млн. крон, из них 3179 млн. приходилось на займы вне Венгрии; австрийским банкам из этой суммы принадлежало 1356 млн. и германским — 1470 млн. крон. В 1907 году на долю Германии приходилось 35,5% венгерского импорта,

²⁷⁾ «Századok», 1952, № 1—4, стр. 209.

²⁸⁾ См. Babics A, A Pécsvidéki kőszénbányászat története, Bdp., 1952; Budapest székesfőváros statisztikai Hivatala, A Budapesti Részénnyársaságok állapota és üzleteredményei az 1906-ban, Bdp., 1908, указ. соч. Sándor V, стр. 478—579.

²⁹⁾ См. указ. соч. Sándor V, стр. 396; Berend I, Ránki Gy., стр. 65, 155; Tanulmányok a kapitalizmus történetéhez Magyarországon 1867—1918, Bdp., 1956, стр. 148; Varga I., A Magyar Kartellek, Bdp., 1912, стр. 81; R. Keller, Die Industrieförderung in Ungarn, Praga, 1906, стр. 13, 97, 101 и сл.

³⁰⁾ См. Исламов Т. М., Политическая борьба в Венгрии в начале XX в., М., 1959, стр. 21, 22.

³¹⁾ АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 157, л. 10

а в 1911 году—35,6. В целом в руках германского капитала находилась $\frac{1}{3}$ торгового оборота Венгрии. В 1907 году импорт из Германии превышал ввоз венгерских товаров на 22 млн. крон, а в 1911 году в Венгрию было ввезено из Германии больше товаров, чем ввезено в Германию на 60 млн. крон. «Крепкие финансовые узы, которыми Германии удалось опутать Венгрию, говорилось в донесении русского консула, являются в ее руках могущественнейшим средством для подчинения должника воле кредитора и в сфере политики»³²).

В 1895 году из 1242 крупных промышленных предприятий Венгрии принадлежало иностранным фирмам и анонимным обществам 146 (по одному предприятию по производству вагонов, оружия, миноносок, военного снаряжения, химических продуктов, цемента, мебели и т. д.; по 2 предприятия в таких отраслях производства, как судостроение, производство взрывчатых веществ, керосина, ткацких изделий, бумаги, спичек, кожи и т. д.; по 3—5 машиностроительных заводов, ремонтных заводов железнодорожного подвижного состава, предприятий пищевой промышленности, шерстяных изделий и т. д., а также 8 паровых мельниц и 28 предприятий деревообрабатывающей промышленности). Помимо этого, около 11% предприятий, принадлежавших венгерским гражданам, были основаны на средства иностранных капиталистов³³). Министр торговли Венгрии, объясняя причины застоя в промышленности (1898 год), указывал, что на развитие промышленности неблагоприятно отразилось отсутствие иностранных капиталов, без которых, по его словам, Венгрия «не может обойтись»³⁴). Усиление роли иностранного монополистического капитала в промышленности Венгрии в условиях ее экономической, торговой и финансовой зависимости от Австрии задерживало прогрессивное развитие страны и сопровождалось вывозом за границу в огромных размерах прибавочной стоимости.

Акционерные общества в Закарпатье также были тесно связаны с банковскими монополиями, оказывавшими решающее влияние на их производственную деятельность. Так, большая часть акций Марамарошского лесопромышленного акционерного общества (основано в 1892 году компанией Газ и Дейч), имевшего основной капитал в 2,8 млн. крон, находилась в руках «Wiener Bank Verein»; контрольный пакет акций акционерного общества «Клотильда» принадлежал венгерским банкам; контроль над промышленными предприятиями акционерного общества «Бантлин» осуществляли будапешт-

³²) Там же, л. 10 об.

³³) Там же, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 79 об.—80.

³⁴) Там же, л. 62.

ские, венские и германские банки. Во всех крупных акционерных обществах Закарпатья, помимо основного австро-венгерского капитала, значительную роль играли швейцарский, французский и особенно германский капиталы.

Акционерное общество «Бантлин» входило в состав крупного монополистического объединения с преобладанием иностранного капитала и было связано с Лейпцигским банком; акционерное общество «Клотильда» входило в состав австро-венгерского химического картеля; синдикат «Мундус», которому принадлежала мебельная фабрика в Закарпатье, финансировался венскими банками с участием иностранного капитала³⁵). Прибыли, получаемые иностранным капиталом в Закарпатье, вывозились за границу и вкладывались в развитие местной промышленности в самых минимальных размерах.

Гегемония австрийской промышленности при отсутствии таможенной границы между Австрией и Венгрией наносила серьезный ущерб национальной промышленности последней, что повлекло за собой переход Венгрии к протекционистской политике для защиты интересов своей промышленности. С этой целью венгерское правительство предоставляет промышленным предприятиям денежные ссуды и субсидии, освобождает их от налогов и пошлин, содействует получению казенных заказов и реализации промышленной продукции на зарубежных рынках. Субсидирование правительством промышленных предприятий Венгрии началось еще в конце 60-х годов, но размеры его были незначительными. В 1881 году был принят специальный закон, предусматривающий увеличение правительственных ассигнований и проведение ряда других мер в этом направлении. С 1881 года размер субсидий увеличивается и достигает наибольших размеров в конце XIX столетия.

Представление о размерах и динамике субсидирования венгерских предприятий можно составить по следующим данным (см. табл. 3), приводимым в экономическом обзоре «Промышленность Венгрии», составленном русским консульством в Будапеште³⁶).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что на протяжении 1868—1896 годов, т. е. за 29 лет, венгерские промышленные предприятия получили около 4,5 млн. франков государственных субсидий, размер которых из десятилетия в десятилетие возрастал (в течение 1868—1877 годов — около 300 тысяч франков; в течение 1878—1887 годов — более

³⁵) См. указ соч Sándor V стр 478—479, 570—579, 581, A Bántlin., стр 78—96, М. Климпотюк, стр. 11

³⁶) АВПР, ф Политархив, 1901 г, д 576, лл. 81—об. 82.

1 млн. франков и за последние 9 лет [1888—1896 годы] субсидии превысили сумму в 2 млн. франков).

Таблица 3

Год	Размер субсидий (в франках)	Год	Размер субсидий (в франках)	Год	Размер субсидий (в франках)
1858	134	1878	23027	1888	67352
1869	14751	1879	25332	1889	30970
1870	12010	1880	114559	1890	55896
1871	24675	1881	129910	1891	69258
1872	111080	1882	160245	1892	96975
1873	10263	1883	174700	1893	239244
1874	14560	1884	170073	1894	406875
1875	35512	1885	110253	1895	560000
1876	29434	1886	88286	1896	520000
1877	18670	1887	96443		

Однако и этих кредитов для поддержания венгерской промышленности оказывалось недостаточно. В 1890 году правительство создало специальный фонд для поощрения промышленности и торговли в сумме 2,5 млн. франков, из которого было выдано на протяжении 6 лет государственных субсидий промышленным предприятиям около 1 млн. франков. Таким образом, за указанные нами 29 лет только сумма выданных субсидий (исключая взаимообразные ссуды) превышала 4 млн. франков. В 1895 году правительство предоставило промышленным предприятиям субсидий и ссуд, вместе взятых, на сумму более 832 тысяч франков, из которых предприятиям крупной промышленности было предоставлено 80, мелкой промышленности — 12 и кустарной промышленности — 8%³⁷⁾. Субсидии выдавались преимущественно предприятиям, производящим изделия, которые до этого ввозились главным образом или исключительно из-за границы. В 1895 году правительство предоставило субсидию в сумме 170,4 тысячи франков фабрикам ткацких изделий, по 20 тысяч фабрикам швейных машин и хлопчатобумажных тканей, по 40 тысяч ссуды целлюлозно-бумажной и фарфоровой фабрикам, 20 тысяч франков заведению художественных вышивок и т. д.³⁸⁾.

³⁷⁾ Там же, л. 82.

³⁸⁾ Там же, лл. 82—83.

В соответствии с законом XIII 1890 года освобождались от налогов на срок до 15 лет 782 предприятия. Льготы получали предприятия, имеющие современное техническое оснащение и вырабатывающие продукцию, которая до этого не производилась в Венгрии, а также предприятия, вырабатывающие изделия из латуни, жести, цинка, олова, свинца, железную проволоку, эмалированные сосуды, иголки, токарные станки, оружие, паровые машины, фарфор, фаянс, стекло, резину, целлюлозу, химические продукты, и ткацкие, горнорудные и другие предприятия³⁹).

Закон XIV 1890 года устанавливал особые льготы для такой акционерной компании, которая, «имея местопребывание в Будапеште и владея вполне оплаченным основным капиталом в 5 млн. форинтов, будет учреждена с целью поощрять венгерскую торговлю и промышленность, создавать в стране новые отрасли производства и развивать уже существующие»⁴⁰). Капитал, затраченный на строительство новых промышленных предприятий в течение 1891—1894 годов, достигал 170 млн. франков⁴¹). На государственные субсидии, полученные в соответствии с законом 1899 года, в Венгрии было основано около 200 новых предприятий (45 текстильных, 37 металлургических, 34 химических и др.)⁴²).

Важным средством поощрения национальной промышленности Венгрии являлось также предоставление венгерским промышленным предприятиям казенных заказов и льготных железнодорожных тарифов. В конце XIX столетия ежегодно казенные поставки только для ведомства министерства торговли составляли 90 млн. франков (из которой на долю венгерской промышленности приходилось 80 млн. франков и на долю иностранных фирм — 10 млн. франков). Значительными были также поставки военному ведомству. Все это, как говорилось в экономическом обзоре русского консульства, обеспечивало венгерской национальной промышленности «широкий рынок сбыта»⁴³). Наконец, венгерское правительство через так называемый «Торговый музей», специальных торговых агентов и т. д. способствовало вывозу и реализации отечественных товаров на зарубежных рынках.

До 90-х годов XIX столетия закарпатские промышленные предприятия государственных субсидий и других льгот почти не получали. Т. Легоцкий упоминает только один случай предоставления государственной ссуды акционерному обществу мукомолов Бережской жупы в конце 70-х годов XIX сто-

³⁹) Там же, л 83

⁴⁰) Там же, л 84.

⁴¹) Там же, л 84 об

⁴²) См указ соч Vegend I., Rápkí Gy, стр 49

⁴³) АВПР, ф. Политархив, 1901 г д 576, л 85.

летия⁴⁴). С конца XIX столетия тем закарпатским предприятиям, в развитии которых было заинтересовано правительство, предоставляются денежные ссуды, льготы по налогам, пошлинам и железнодорожным перевозкам, не говоря уже о том, что интересы крупных закарпатских экспортеров, тесно связанных с венгерскими и иностранными банками и входивших в состав общевенгерских монополистических объединений, венгерское правительство защищало на иностранных рынках, используя для этого всю систему, все рычаги торгово-промышленного протекционизма. В конце XIX столетия в соответствии с изданными законами о поощрении национальной промышленности получали ссуды, освобождались частично от налогов и пользовались льготным железнодорожным тарифом такие закарпатские предприятия, как химические заводы «Бантлин» и «Клотильда». Правительство оказывало этим предприятиям также содействие и в обеспечении их рабочей силой, запретив в районах их расположения вербовку сельскохозяйственных рабочих в Альфельд⁴⁵).

В течение последних десяти лет XIX века, по данным В. Шандора, венгерское правительство израсходовало на осуществление протекционистской политики более 18 млрд. крон⁴⁶). Однако и эти огромные ассигнования не удовлетворяли венгерских промышленников, которых один из промышленно-финансовых магнатов Венгрии назвал «передовыми работниками одной из важнейших отраслей национального производства... служащих важному патриотическому движению...»⁴⁷). На учредительном съезде Союза венгерских промышленников (1902 год) выдвигались следующие важнейшие требования: введение жестких покровительственных пошлин, таможенное обособление от Австрии, увеличение числа депутатов от промышленников и значительное увеличение суммы государственных субсидий. Председатель подготовительного комитета этого съезда Франц Хорин в своей речи, отражающей помыслы и стремления венгерских капиталистов-предпринимателей, говорил: Экономическая политика Венгрии «исчерпывалась уменьшением налогов и железнодорожных тарифов в пользу венгерских промышленных произведений и умеренными субсидиями, которые выдавались новым отраслям промышленного производства. Жертвы, принесенные страной, ничтожны в сравнении с теми, которые уже принесе-

⁴⁴) Lehoczky T., Beregvármegye monográfiája, II, Ungvár, 1881, стр. 428

⁴⁵) Kassai, 1911, стр. 129, 130.

⁴⁶) См. указ соч. Sándor V, стр. 370

⁴⁷) АВПР, ф Политархив, 1902 г, д 577, л 109

ны другими, более развитыми странами в пользу их промышленности»⁴⁸).

Отчеты местных торгово-промышленных палат (Дебреценской и Кошицкой), выражавшие интересы закарпатских предпринимателей, были заполнены такими же требованиями, сводящимися к устранению конкуренции австрийских и иностранных товаров, к снижению железнодорожных тарифов и предоставлению государственных ссуд и субсидий⁴⁹).

За щедрую помощь капиталистическим монополиям, оказываемую правительством из средств государственной казны, расплачивались рабочий класс, трудящиеся Венгрии, подвергавшиеся чудовищной эксплуатации и ограблению господствующими классами. Русский консул в Будапеште в одном из своих донесений по поводу «сращивания» государственного аппарата Венгрии с капиталом, подчинения экономической политики правительства интересам монополий писал: «Здесь, как и в большинстве других стран, возрастающее могущество государства с его законодательными и исполнительными органами, идя рука об руку с капиталом, приобретает все более решающее значение среди многочисленных факторов народного хозяйства. Имея такую власть, нередко государственные органы, находясь под давлением капитала, решают поднять некоторые избранные ими отрасли производства и распределения, через что ослабевают другие. К сожалению, потом оказывается, что произошла «ошибка», что первые не так нужны для общего благосостояния страны, как вторые. Водворяется экономический хаос с неизбежными спутниками — безработицей и нищетой. Таково положение в Венгрии»⁵⁰).

Известно, что применение паровых двигателей в производстве является одним из характерных признаков начальной стадии крупной машинной индустрии. Во второй половине XIX столетия по сравнению с предшествующим периодом наблюдается повышение технической оснащенности закарпатских предприятий, но общий технический и энергетический уровень их продолжал оставаться чрезвычайно низким: в конце XIX столетия в Закарпатье насчитывалось 219 паровых машин⁵¹), общей мощностью 3 тысячи л. с., что составляло

⁴⁸) Там же, лл 110.

⁴⁹) Deb. 1895, стр. 42—48, Kassai, 1911, стр. 68—76.

⁵⁰) АВПР, ф. Политархив, 1900 г., л 575, л. 56 об.

⁵¹) Msé, III, 1895, стр. 176 В Венгрии уже в 1863 году насчитывалось 812 паровых машин мощностью 13100 л. с. (см. указ. соч. Sándor V., стр. 32), в 1895 году число паровых котлов достигало 6966 (см. Msé, 1895, III, Vdr., 1896, стр. 176); в 1898 году по сравнению с 1884 годом мощность паровых машин в Венгрии возросла с 63867 до 231114 л. с., т. е. в 3,6 раза (в металлургической промышленности с 14844 до 72892 л. с., т. е. почти в пять раз, в машиностроительной промышленности — почти в 9 раз, в химической промышленности — в 6 раз и т. д.) см. указ. соч. Sándor V., стр. 515.

только $\frac{1}{80}$ часть мощностей паровых машин Венгрии. На закарпатских предприятиях преобладал ручной труд. Возрастает также и общее число промышленных предприятий, особенно в самом конце XIX — начале XX века: в 1899 году было 42 предприятия с числом рабочих свыше 20 человек, в 1900 году — 48, а в 1910 году — 65; количество рабочих в течение второй половины XIX столетия увеличилось приблизительно на 50%⁵²⁾.

В ряде отраслей промышленного производства в Закарпатье, особенно в соледобывающей, горнорудной, металлургической и мукомольной, с конца XIX столетия происходит сокращение объема производства, вызванное цикличностью развития капиталистической промышленности, конкуренцией промышленных предприятий более развитых областей империи и иностранных предпринимателей, а также кризисными явлениями в экономике Австро-Венгрии. Русский консул в Будапеште оценивал экономическое положение Венгрии за десятилетие (1886—1895 годы) как «более удовлетворительное» по сравнению с предшествующим десятилетием. Однако и в этот период некоторое оживление в промышленности в отдельные годы сменяется застоем, спадом, ухудшением конъюнктуры. В 1888 году, как говорилось в этом экономическом обзоре, «замечено утешительное улучшение в экономической области», промышленная продукция находит хороший сбыт; в 1889 году продолжается оживление в промышленности, а в 1890 году отмечается неравномерность в развитии отдельных отраслей промышленности вследствие того, что «спрос оказался ниже ожидавшейся нормы»; в 1891 году экономическое положение Венгрии было «более благоприятным», а в 1892 году «не проявилось более оживленного движения». В 1893 году «усиливается торговля и промышленная деятельность», которая сменяется в следующем году «менее благоприятной» конъюнктурой⁵³⁾. В последние годы XIX столетия спад деловой активности не приостанавливался, обострилась политическая грызня внутри господствующих классов, в которой все большее значение приобретала проблема торгового-таможенного союза с Австрией.

Один из членов венгерского правительства, выступая в 1898 году, по этому поводу говорил «...Нас удручает сознание, что экономическое развитие венгерского государства остановилось, что Венгрия отстала от других государств и страдает от слишком продолжительного застоя. В обширной

⁵²⁾ A Magyar szent korona országainak 1900 évi népszámlálása, стр. 540—548, 1910 évi, стр. 470—486, Statistichá príručka R. C., I, 1920, стр. 57, Kjsé, 1901, стр. 480

⁵³⁾ АВГР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 47—50

области наших материальных интересов не видно ни одной светлой точки, вся энергия и самодеятельность государства разбивается по случаю злополучного спора из-за таможенно-торгового союза с Австрией...»⁵⁴). Экономический кризис, развившийся в самом конце XIX — начале XX столетия, привел к значительному сокращению производства в ряде отраслей промышленности Венгрии. В Закарпатье в этот период продолжали развиваться только новые предприятия лесохимической промышленности, входившие в состав крупных монополистических объединений.

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ВАЖНЕЙШИХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Среди отраслей добывающей промышленности наибольшее значение имела соляная промышленность. Добыча соли была сосредоточена на государственных рудниках Солотвино, Шугатаг и Ронашак Марамарош-Сигетского соленосного района. Систематическая разработка соляных месторождений в Закарпатье производилась уже в средние века, о чем, в частности, свидетельствует патент короля Владислава, изданный в 1498 году⁵⁵). Запасы каменной соли в этом районе огромны. Самое большое соляное месторождение в Солотвино относится к крупнейшим в Европе; запас соли его исчислялся в 27,7 млн. тонн⁵⁶). Производственная площадь Солотвинского рудника составляла 3,4 км, а соляной массив (шток) по вертикали достигал 600 м. Значительные запасы соли имелись и на других рудниках. Только на территории двух шахт Шугатагского рудника «Михаил» и «Габор», по подсчетам администрации, произведенным в 1891 году, общий запас соли определялся в 386 тысяч тонн; к 1892 году здесь было добыто только 19 тысяч тонн⁵⁷). Соль этого района отличается выдающимися качествами, прозрачностью и малым количеством примесей; содержание NaCl от 94,5 до 99,7%.

Размеры добычи соли на трех рудниках Марамарош-Сигетского района (Солотвино, Шугатаг и Ронашак) в количественном и ценностном выражении характеризуют следующие данные⁵⁸).

⁵⁴) Там же, л. 56

⁵⁵) ГАЗО, ф. 260, д. 614, лл. 7, 8

⁵⁶) В. А. Анучин, А. И. Спиридонов, Закарпатская область, М., 1947, стр. 15.

⁵⁷) ГАЗО, ф. 260, д. 614, лл. 9—21

⁵⁸) Таблица составлена на основе данных следующих источников: Mse, 1872, стр. 166—168, Msé, 1874, стр. 210—211; Msé, III 1875, стр. 197, 198, Mos, 1899, II, 1900, стр. 457, Msé, VIII, 1901, стр. 134; ГАЗО, ф. 260, д. 665, лл. 13, 36

Как видно из приведенной таблицы, добыча соли на рудниках Марамарош-Сигетского района в течение второй половины XIX столетия из года в год снижалась и составляла в 90-х годах 70% по отношению к среднегодовой добыче в 60-х годах. На шахтах Солотвинского рудника в течение этого пе-

Таблица 4

Годы	Количество добытой соли (в тысячах центнеров)	Стоимость соли (в тысячах форинтов)	Годы	Количество добытой соли (в тысячах центнеров)	Стоимость соли (в тысячах форинтов)
1868	1452	7975	1873	1037	5123
1869	1306	6653	1891—1895 (в среднем за год)	826	7110
1870	1352	6712	1898	862	7468
1871	1410	6955	1899	889	7640
1872	1362	6739	1900	859	5756 ⁵⁹⁾

риода добыча соли сохранялась на одном уровне (в пределах 500 тысяч центнеров в год), снизившись к концу столетия примерно на 7%⁶⁰⁾. Шахты Шугатагского и Ронашакского рудников особенно значительно снизили добычу соли (в 90-х годах по сравнению с 70-ми годами на 40—50%). В денежном выражении стоимость валовой добычи соли снизилась на 50—55%. Себестоимость одного центнера соли повысилась с 5,2 в 1868—1869 годах до 6,7 форинта в 1896—1900 годах.

В конце XIX столетия в связи с возрастанием себестоимости соли многие шахты района приносили совершенно незначительный доход или даже стали нерентабельными. Так, в

⁵⁹⁾ В Венгрии в целом было добыто соли в 1873 году 2608 тысяч центнеров на сумму 12956 тысяч форинтов (см. *Msé*, III, 1875, стр. 197, 198), в 1898 году — 1786 тысяч центнеров на сумму 13989 тысяч форинтов и в 1899 году — 1826 тысяч центнеров на сумму 13497 тысяч форинтов (см. *Mos*, II, 1900, стр. 457).

⁶⁰⁾ Добыча соли на шахтах Солотвинского рудника в начале XX столетия характеризовалась такими данными (в тысячах центнеров): 1903 год — 1557, 1907 год — 577, 1911 год — 435, 1913 год — 494, что составляло 34% добычи соли в 1868 году и 56% по отношению к добыче соли в 1900 году (см. *Deb*, 1904, стр. 109, *Beskid A.*, *Marmaros*, Ужгород, 1925, стр. 176).

1892 году валовой доход соляных рудников Закарпатья составлял 487 тысяч форинтов, а расходы—483 тысячи; по шахтам Шугатагского рудника расходы превышали доходы на 1600, а по Ронашакскому руднику—на 2184 форинта⁶¹⁾ (себестоимость одного центнера соли на шахте «Ференц» этого рудника в феврале 1892 года составляла 25 форинтов⁶²⁾, т. е. превышала в 4 раза себестоимость центнера соли по району в целом). На одного списочного рабочего в 1868 году на всех рудниках приходилось 1162 центнера добытой соли, а в 1900 году только 687 центнеров⁶³⁾. На шахте «Ференц» Шугатагского рудника в 1890 году при 116 списочных рабочих было добыто 23296 центнеров соли, т. е. на одного рабочего приходилось 140 центнеров⁶⁴⁾. Важнейшей причиной, обусловившей снижение уровня добычи соли, повышения ее себестоимости и нерентабельности многих шахт, являлись низкая техническая оснащенность рудников, изношенность оборудования, которые не позволяли в условиях усложнения производственного процесса, вызванного значительным углублением шахт, увеличить производство продукции.

Добыча соли на закарпатских шахтах производилась ручным способом; машины в соляной промышленности применялись в самых ограниченных размерах. В 1898 году на всех трех рудниках было 20 небольших паровых машин мощностью всего в 226 л. с.; конных приводов—5 (24 л. с.) и 14 ручных лифтов и помп. В целом по Венгрии в соляной промышленности в 1891—1895 годах насчитывалась 31 паровая машина мощностью 687 л. с. Через три года число паровых машин возросло до 36, но мощность их осталась прежней, а общая мощность всех видов машин и механических приспособлений даже снизилась с 687 в 1891 году до 681 л. с. в 1898 году⁶⁵⁾.

На самом большом в Закарпатье Солотвинском руднике в 1899 году действовало только 6 паровых машин мощностью 90 л. с., по одному лифту на шахтах «Кунигунда» и «Ференц»—24 и 15 л. с., дробильная машина (16 л. с.), две помпы (25 л. с.), один локомотив, снабжавший шахты водой (10 л. с.), и два электрических генератора (12 л. с.). На шахтах «Старый Людвиг» и «Новый Людвиг» работало две маломощных помпы, приводимых в действие конной тягой⁶⁶⁾. В 1900 году на шахтах этого рудника действовало уже 11 паровых машин (190 л. с.)⁶⁷⁾, т. е. количество и мощность ма-

61) ГАЗО, ф. 260, д. 665, л. 4 об.

62) Там же, л. 615, лл. 2—6.

63) Msé, 1872, стр. 166, 167, 168, Msé, VIII, 1900, стр. 128, 134.

64) ГАЗО, ф. 260, д. 615, лл. 2—6.

65) Mos, II, 1900, стр. 453.

66) ГАЗО, ф. 374, д. 424, л. 1.

67) Msé, VIII, 1900, стр. 130.

шин увеличились вдвое, однако и в начале XX столетия на соляных рудниках Марамарош-Сигетского района преобладал ручной труд, а тягловая сила животных использовалась как для откачивания воды из шахт, так и для транспортировки соли (узкоколейки были проложены на некоторых рудниках только в 80-х годах)⁶⁸).

Количество рабочих, занятых в соляной промышленности Закарпатья, на протяжении 60—90-х годов оставалось стабильным и не превышало 1000—1200 человек. Обобщая статистические и архивные данные⁶⁹), можно составить следующую таблицу, характеризующую количество рабочих на соляных шахтах Марамарош-Сигетского района во второй половине XIX столетия.

Таблица 5

Г о д ы	Количество рабочих (в округлен- цифрах)
1868	1250
1869	1190
1870	1160
1871	1100
1872	1060
1873	1020
1891	1160
1896—1900 (в среднем за год)	1250

На соляных шахтах использовался труд мужчин и детей. В 1869 году из 1190 рабочих детей было 160 (13,4%), в 1900 году на шахтах работало 120 детей (10%). Труд женщин стал применяться только с конца XIX столетия: в среднем на шахтах работало 20 женщин (1,6% общего числа рабочих)⁷⁰).

Другая отрасль добывающей промышленности — рудная, была представлена мелкими предприятиями кустарного типа.

⁶⁸) ГАЗО, ф. 374, д. 351, лл. 2—8.

⁶⁹) Msé, 1872, стр. 166—167, Msé, 1874, стр. 212, 213, Msé, III, 1875, стр. 197, 198, Msé, VIII, 1900, стр. 128, ГАЗО, ф. 260, д. 614, л. 7. На всех соляных шахтах Венгрии на протяжении 1881—1899 годов (в округленных цифрах в среднем в год) было занято 2100—2200 рабочих (дети среди рабочих составляли в 1881 году 6,3, а в 1899 году — 11,3%). Таким образом, на шахтах Марамарош-Сигетского района было сосредоточено более 50% всех рабочих соляной промышленности Венгрии (см. Mos, II, 1900, стр. 450).

⁷⁰) Msé, 1900, стр. 128.

В 1869 году в Закарпатье насчитывалось 28 действующих рудников и шахт по добыче железной руды⁷¹⁾, алунита (алюминиевые руды)⁷²⁾ и других ископаемых (Марамарошский комитат — 15 шахт, Ужгородский — 7, Угочский — 4, Бережский — 2), из которых 24 принадлежали частным предпринимателям и помещикам и 4 государству.

О небольших размерах горнорудных предприятий свидетельствует незначительная эксплуатационная площадь, которую они занимали. Половина предприятий занимала территорию до 14 тысяч кв. венских сягов⁷³⁾ [шахты «Матвей», «Антал», «Урбан» (Ужгородская жупа), «Регина», «Жарампо», «Гурабой» (Марамарошская жупа) и др.], 7 шахт — от 25 до 70 тысяч кв. сягов (шахты Шенборна и Карольи в Бережской жупе, Подурножские шахты в Марамарошской жупе и др.), 4 шахты — от 85 до 140 тысяч кв. сягов [шахты Рота, «Король Стефан», «Анна» (Марамарошская жупа)] и 3 предприятия с площадью от 245 до 680 тысяч кв. сягов [Тройчайское и Копникбанское государственное объединение шахт и шахта «Мария Шегич» (Марамарошская жупа)]. Таким образом, по эксплуатационной площади более половины горнорудных шахт надо отнести к мелким, три — к крупным и остальные 8 шахт — к средним.

К концу XIX столетия большинство мелких шахт вследствие нерентабельности прекратило производство и закрылось, но общее число их осталось почти прежним, так как было основано несколько новых шахт (шахты «Эмерих», «Липот», «София», «Ирма» и другие в Марамарошской жупе), которые однако работали нерегулярно⁷⁴⁾. Размеры производства горнорудных предприятий оставались незначительными; годовая добыча железной руды на отдельных средних шахтах колебалась от 300 до 500 тонн, и только рудники, принадлежавшие наиболее крупным заводам, добывали в год до 2 тысяч тонн руды⁷⁵⁾. Одна из наиболее значительных алунитных шахт, принадлежавшая графу Шенборну, добыла в 1894 году

⁷¹⁾ На значительной площади Закарпатья — от Рахова до Ужгорода — открыто значительное число месторождений железных руд, однако запасы руды здесь невелики и качество ее сравнительно низкое. Руды Закарпатья содержат различные соединения железа чаще всего гематит (красный железняк — Fe_2O_3), магнетит (магнитный железняк — Fe_3O_4), сидерит (железный шпат — $FeCO_3$) и сферосидерит (см. указ. соч. В. А. Анучин, А. И. Спиридонов, стр. 18).

⁷²⁾ Залежи алунита низкого качества были открыты возле Берегово

⁷³⁾ Венский сяг — около двух квадратных метров

⁷⁴⁾ Из 18 рудников Марамарошской, Бережской и Угочской жуп в 1894 году работало только 4 два мелких рудника («Король Стефан» — 5 рабочих и «Елизавета» — 3 рабочих) и два крупных — графа Шенборна в селе Фридешево (233 рабочих) и Лисичевского железодельного завода в селе Довгое (260 рабочих). См. Deb, 1895, стр. 84—87.

⁷⁵⁾ Deb, 1895, стр. 86—87

634 тонны сырья на 1141 форинт⁷⁶) и 687 тонн железной руды на 27450 форинтов⁷⁷). Шахты Лисичовского железодельного завода добыли железной руды 577 тонн (в денежном выражении — на 28400 форинтов)⁷⁸). На шахте «Ирма», насчитывавшей 5 рабочих, было добыто полиметаллических руд на 3 тысячи форинтов; производство одной из шахт Угочской жупы (8 рабочих) в 1894 году оценивалось в 1430 форинтов; на шахте «Елизавета» (Марамарошская жупа) с 3 рабочими добыто 5,7 тонны марганцевой руды (на 80 форинтов), а на шахте «Король Стефан» — 2 кг серебра (165 форинтов), 74 кг меди (23,7 форинта) и 2921 кг свинца (3934 форинта)⁷⁹).

На 23 действующих предприятиях горнорудной промышленности в 1869 году было занято в общей сложности около 1000 рабочих⁸⁰). Только на одном предприятии (Копникбанское государственное объединение шахт) число рабочих превышало 300 человек; на двух шахтах (Рота и «Мария Шегич») было занято от 120 до 150 рабочих, на 6 предприятиях — от 25 до 80 человек, а на остальных 14 шахтах — от 2 до 15 человек (Подурножское объединение — 15, шахта «Антал» — 10, шахты Карольи, «Матвей» и другие — от 2 до 5 рабочих). Из общего числа рабочих горнорудной промышленности мужчин было 87,2, детей — 10,9, женщин — 1,9%⁸¹). В конце XIX столетия число рабочих в горнорудной промышленности не превышало 800 человек: только на каждом из 3 рудников Марамарошской, Бережской и Угочской жуп (из 11 действующих) насчитывалось более 50 рабочих, Боршавский рудник — 82, шахты Шенборна — 233, шахты Лисичовского завода — 260 человек, а на всех остальных шахтах было занято от 1 до 10 рабочих⁸²).

Во второй половине XIX столетия началась разработка и нерудных ископаемых: гранита, каолина, мрамора, огнеупорных и гончарных глин, известняка, андезита, трахита, риолита, вулканического туфа и т. п. Каолиновые глины были обнаружены в районе Берегова, но особенно высокого качества залежи каолина, известного как лучшего в Европе и употреблявшегося для производства венского фарфора, в селе Дубриничи Ужгородской жупы. Однако вследствие указанных нами выше

⁷⁶) Там же

⁷⁷) Там же, стр 84—87.

⁷⁸) Там же.

⁷⁹) Там же. В Венгрии добыча металлической руды составляла (в тысячах тонн): 1869 год—2941, 1880 год—5860 (см. указ. соч. Sándor V, стр 141)

⁸⁰) His, V, II, 1872, стр. 64—65. 94—95, 96—97.

⁸¹) Там же. В промышленности Венгрии в 1901 году дети и подростки до 16 лет составляли 13,06% всех рабочих (см. указ. соч. Sándor V, стр 615).

⁸²) Deb, 1895, стр 84—87.

причин, начатая еще в 40-х годах разработка каолина в Закарпатье не вышла за рамки кустарного производства. Эксплуатация месторождений мрамора (район между реками Теремля и Тересва и в бассейне реки Тиссы между Раховым и Деловым), известняков (район Перечина, Свалявы, Довгого) начинается только в самом конце XIX и начале XX столетия. Залежи гранита, андезитов, трахитов и риолитов (район Радванки, Каменицы, Середнего, Хуста), представляющих собой отличный дорожный и строительный материал, разрабатывались более интенсивно. В начале XX столетия в год добывалось 40—50 тысяч куб. м гранита⁸³). На двух каменоломнях Угочской жупы было занято 53 рабочих, на карьерах фирмы «Гранит» — до 120 рабочих; большинство же каменоломен было мелкими (Берегово, Фридешево, Скотарское, Косино, Мужиево), их производство не превышало нескольких сот куб. м камня в год. На каменоломне, арендованной А. Райманом у барона Перени (Севлюш), в 1903 году было добыто 600 куб. м камня⁸⁴).

Породы, содержащие уголь, занимают сравнительно большие площади Закарпатья, простирающиеся полосой вдоль юго-восточного склона Карпат от Тячева до Ужгорода. Среди углей Закарпатья преобладают лигниты с теплотворной способностью в 3,6—4,0 тысяч калорий (Иршавский, Мукачевский, Середнянский и Ужгородский районы), но встречаются бурые угли с теплотворной способностью до 6 тысяч калорий (Вишковский и Углянский районы Марамарошской котловины). Первая эксплуатационная угольная штольня была заложена в Закарпатье в 1865 году (село Ильница Иршавского района). В это же время были открыты небольшие угольные шахты в районе сел Вишково, Великий Раковец, Нижняя Кучава и др., но добыча угля во второй половине XIX столетия здесь не получила сколько-нибудь значительного развития.

В конце XIX и в первые годы XX столетия в Закарпатье начались работы по разведке на нефть при участии венгерского, австрийского, немецкого, английского, польского и американского капиталов⁸⁵). Признаки нефти были обнаружены в полосе Центрально-Карпатской депрессии (в верховьях реки Ужа)⁸⁶) и в Ясинской котловине. Первые разведочные работы были произведены австро-венгерским нефтяным картелем⁸⁷),

⁸³) Указ. соч. Усенко В., стр. 29.

⁸⁴) Deb, 1904, стр. 115.

⁸⁵) В 1894 году правительственными органами было выдано 745 разрешений на проведение геологических разведок в трех жупах Закарпатья с целью обнаружения полезных ископаемых (см. Deb, 1895, стр. 88).

⁸⁶) Район низких гор с мягкими очертаниями

⁸⁷) Указ. соч. Verend I., Ránki Gy, стр. 97.

объединявшим нефтеочистительные предприятия и нефтеразведочные группы на территории Венгрии. В районе села Луга первое бурение производилось в 1870—1874 годах, но не дало положительных результатов. Позднее одна из скважин, глубиной свыше 700 метров, выдала небольшое количество нефти. В Ясинской котловине разведки были начаты в 1878 году⁸⁸).

В 1903 году создается «Венгерское акционерное общество нефтяной промышленности» («Magyar Petróleumipar Részvénytársaság»), которое было связано с другими, австрийскими, американскими и английскими нефтяными монополиями («Стандарт Ойл», «Вакуум Ойл», «Фраммер ет компани лимитед») ⁸⁹). Все перечисленные компании, а также акционерное общество «Бантлин», немецкая фирма «Г. Ставен» и польский промышленник Щепановский пытались также обнаружить запасы нефти в Закарпатье⁹⁰).

Разведка на нефть проводилась как в восточных районах Закарпатья (округа Ясиня и Рахов), так и в западных (близ села Луги Великоберезнянского округа). Особенно интенсивные разведочные работы развернулись накануне первой мировой империалистической войны, после создания австро-немецкого акционерного общества «Ясинер петролеум гезельшафт», возглавляемого немецким бароном Шлосбергером. Эта компания, связанная с американскими и английскими капиталистами⁹¹), вкладывала в работы по разведке на нефть большие средства. Поисковыми работами занималось также созданное в этот период «Венгерско-карпатское нефтяное общество» («Magyar Kárpáti Petroleum Rt»), располагавшее основным капиталом в 5 млн. крон⁹²). Однако до начала первой мировой войны поиски нефти в Закарпатье не дали положительных результатов; промышленные запасы нефти обнаружены не были. Пробные скважины давали по несколько сот литров нефти. Поэтому венгерским капиталистам приходилось ввозить нефть из Галиции и очищать ее на месте. Количество нефтеочистительных заводов в Венгрии возросло к началу мировой войны с 13 до 28, причем 9 из них являлись крупными предприятиями, перерабатывавшими от 100 до 300 тысяч гектолитров нефти⁹³). В Закарпатье в это время существовало только 3 небольших нефтеочистительных завода.

⁸⁸) Указ. соч. В А Ануцин, А И Спиридонов, стр 15

⁸⁹) Указ соч Berend I, Ránki Gy, стр. 97—98.

⁹⁰) Указ. соч М Климпотюк, стр 11.

⁹¹) Указ соч Technická práce..., стр 194—199.

⁹²) Указ. соч. Berend I., Ránki Gy., стр. 229.

⁹³) Там же, стр 228.

Обрабатывающая промышленность в Закарпатье была представлена главным образом металлургическими, деревообрабатывающими и мукомольными предприятиями. Во второй половине XIX столетия в четырех закарпатских комитетах существовало 13 мелких железоплавильных и металлообрабатывающих заводов с отсталой техникой производства, характерной для середины XVIII — начала XIX столетия, когда они и были основаны. Из общего числа этих предприятий 5 принадлежали государству (заводы в селе Турья-Ремета Ужгородской жупы [основан в 1803 году], в селах Марамарошского комитета — Довгое [арендовал предприниматель Э. Приградный], Лисичово, Фегерпатак, Кобыляцкая Поляна [основан в 1774 году]; 5 заводов представляли собой остатки помещичьего предпринимательства и принадлежали владельцам латифундий: графу Стараи (село Верхне-Реметы Ужгородской жупы, основан в 1797 году), Габриэлю Ботка в селе Анталовци (основан в 1820 году), 3 завода принадлежали графу Шенборну (Мукачево, Загатье, Фридешево⁹⁴), Бережской жупы) и собственниками 3 заводов являлись капиталисты-предприниматели (заводы Мойзеша Фалвана (Угочанская жупа), Бетлери и Четнеки (Ужгородская жупа). Для всех этих предприятий были характерными отсталая техника, преобладание ручного труда, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация естественных богатств, низкая производительность труда, сильное развитие отработков, прикрепление к заводам кабально-зависимых рабочих из числа деревенской бедноты.

Металлургические заводы Закарпатья вырабатывали чугуны и железо из местной руды. На Верхнереметский завод железная руда доставлялась из прилегающего к нему рудника, а также из рудников сел В. Рыбница, Немецкая Поруба, Банское (Ужгородская жупа) и из села Тарна (Угочанская жупа). На Анталовский завод помещика Ботки руда доставлялась из сел Чертежное, Денглаз, Глубокая, Орлёва и Нодьлаз (Ужгородская жупа). Рудник в Нодьлазе снабжал сырьем и Турьяреметский государственный завод. Предприятия, расположенные в селах Довгое, Лисичово, Кобыляцкая Поляна, получали руду из Марамарошского, Бережского и Угочанского комитатов (Хуст, Вишково, Крива, В. Раковец, Билки), заводы Шенборна — из собственных рудников в Бережской жупе (Визница, Бендиловцы, Лавки, Шелестово, Чабина, Подгоряны). Руда доставлялась нередко на заводы из

⁹⁴) Железоплавильный завод в Фридешево был основан в XVIII веке, но до 1880 года работал нерегулярно

рудников, расположенных за 10—30 километров. Процент железа в рудах Закарпатья составлял 15—30 (рудники Бережского комитата — 18, Ужгородского и Угочского комитатов — 14—30, наивысший процент железа в рудах достигал 40, и только в виде исключения отдельные рудные жилы давали 50—57% железа).

О размерах железоплавильных и металлообрабатывающих предприятий Закарпатья можно судить по технической оснащенности их, по объему переработанного сырья, выпущенной продукции и количеству занятых на предприятиях рабочих. На всех металлургических предприятиях Закарпатья насчитывалось 4—5 устаревшего типа домниц (работавших на древесном угле) с холодным или слабо нагретым дутьем, 13—15 небольших железоплавильных печей, 10—12 прокатных станков и несколько чугунолитейных, кузнечных и гвоздильных цехов⁹⁵).

Эти предприятия, помимо силы животных, использовали главным образом двигательную силу воды (на одном из наиболее крупных заводов в Турья-Ремета использовалась энергия 10 водяных колес мощностью 83 л. с.); локомобили применялись на 3—4 заводах. Сравнение данных за 60-е и 90-е годы показывает, что технический уровень металлургических предприятий в течение этого периода существенно не изменился. Прimitивной технической базе предприятий соответствовал и низкий уровень технического руководства. На всех предприятиях этого рода не было ни одного инженера или техника со специальным образованием. Техническое руководство предприятиями осуществляли практики-мастера и квалифицированные рабочие. Штат мастеров также был весьма ограничен; на наиболее крупных заводах — Анталовском, Верхнереметском, Турьяреметском и Фридешевском — было по 3—4 мастера (доменщики, литейщики, прокатчики, кузнецы)⁹⁶).

О масштабах производства металлургических предприятий Закарпатья можно судить по таким данным. Завод графа Стараи в Верхне-Реметах за 1872 год переработал 1420 центнеров руды и выплавил 715 центнеров железа на сумму 9975 форинтов (в отдельные последующие годы, как, например, в 1880 году производство железа достигало 4—8 тысяч центнеров)⁹⁷); Анталовский завод Ботки переработал 2400 центнеров руды, Турьяреметский завод — 50 тысяч центнеров.

⁹⁵) См. Hunfalvy Iános, A Magyar birodalom természeti viszonyainak leírása, Pest 1865, стр. 94—96; Hís, V, I, 1872, стр. 94, 95—97; Hís, V, II, 1872, стр. 64—65; Deb, 1895, стр. 167, 169, Horváth Iános, Ungmegye monographiája, Ungvár, 1872, стр. 75

⁹⁶) Указ. соч. Horváth I., стр. 75, 76

⁹⁷) Указ. соч. Sándor V. стр. 163—164.

Металлургический завод Шенборна в Мукачеве в 1850 году дал чистого дохода 1932 форинта⁹⁸); в 1860 году валовой доход завода составил 31599, расходы — 29255, а чистая прибыль — 2374 форинта⁹⁹); чугунолитейный завод Шенборна в Загатье выработал в 1865 году железа на 9971 форинт. Чистый доход шенборновских заводов от продажи железа и металлических изделий в 1867 году составил только 573 форинта¹⁰⁰). Завод Шенборна в Фридешево в 1780 году производил сырца-железа 3187 центнеров, из которого было изготовлено 246 центнеров литых изделий, 858 центнеров полосового железа и инструмента на 7062 форинта¹⁰¹). В конце XVIII столетия среднегодовое производство завода составляло 4800 центнеров железа, находившего сбыт в закарпатских областях, Сатмарской жупе, в областях южнее Тиссы и в Галиции. В начале XIX столетия производство железа заводом сократилось на 40—50% (в 1815 году, например, было получено железа-сырца 2077 центнеров и изготовлено 480 центнеров литых изделий, 612 центнеров полосового железа, 538 центнеров инструмента и 329 тысяч гвоздей). Во второй половине XIX столетия производство Фридешевского завода по сравнению с 20-ми годами возросло в 2—3 раза (в 1854 году завод выработал 4600 центнеров литья, 5 тысяч центнеров полосового железа, 150 центнеров инструмента и 1,2 млн. гвоздей¹⁰²), а в 1894 году было выплавлено 6872 центнера железа стоимостью в 27488 форинтов)¹⁰³). Лисичовский государственный завод в 1894 году выплавил 5766 центнеров железа, оцениваемого в 28426 форинтов¹⁰⁴).

Закарпатские железоплавильные и металлообрабатывающие заводы помимо сырца-чугуна, употреблявшегося в литейном деле, и сырца-железа, шедшего на поковки, производили главным образом предметы домашнего обихода, мелкие сельскохозяйственные орудия и скобяные изделия, находившие сбыт на узком местном рынке, однако некоторые предприятия (заводы Шенборна в Загатье и Фридешево, государственные заводы в Фегерпатаке и Кобыляцкой Поляне и завод Приградного в селе Довгом) могли, по мнению Дебреценской торгово-промышленной палаты, экспортировать свою продукцию и за границу¹⁰⁵).

Конец XIX столетия отмечен снижением уровня производства железоплавильных и металлообрабатывающих заводов в

⁹⁸) ГАЗОФ, ф. 87, л. 1151, лл. 17—21.

⁹⁹) Там же, д. 1497, лл. 11—24

¹⁰⁰) Там же, дд. 1524, 1519 и указ соч. Horváth I, стр. 75, 76

¹⁰¹) Lehoszky T., Beregvármegye monográfiája..., II, стр. 465.

¹⁰²) Там же, стр. 465, 466

¹⁰³) Deb, 1895, стр. 86—87.

¹⁰⁴) Там же

¹⁰⁵) Там же, стр. 167, 169.

связи с нерентабельностью производства. Экономическая невыгодность металлургического производства объяснялась примитивной техникой предприятий, низкой производительностью труда, невысоким качеством руды, ограниченностью рынка сбыта и конкуренцией относительно дешевой продукции более развитой австрийской и венгерской промышленности и особенно конкуренцией импортных заграничных изделий.

Как свидетельствует отчет о деятельности Дебреценской торгово-промышленной палаты за 1894 год, владельцы железоплавильных и металлообрабатывающих предприятий были «чрезвычайно обеспокоены и недовольны» тем, что на рынки Венгрии, начиная с 60—70 годов XIX столетия, все в большем количестве стали проникать дешевые заграничные, особенно английские, металлические изделия и, прежде всего, металлический сельскохозяйственный инвентарь¹⁰⁶⁾.

Важнейшими причинами, обусловившими низкую конкурентную способность венгерской металлургической промышленности, по мнению палаты, являлись следующие: 1) английские сельскохозяйственные машины и инвентарь завоевали «полное доверие мадьярских сельских хозяев»¹⁰⁷⁾ своим высоким качеством, прочностью, долговечностью и дешевизной. Продукция же местных заводов отличалась низким качеством и высокими ценами; 2) английские предприниматели, располагая крупными капиталами, предоставляют сельскохозяйственные орудия помещикам и крестьянам в кредит из 6% годовых, чего не могут сделать местные предприниматели; 3) недостаток капиталов у венгерских промышленников и ненадежность организованного кредита; 4) нехватка квалифицированной рабочей силы¹⁰⁸⁾.

Вследствие указанных причин к концу XIX столетия наблюдается не только сворачивание производственной деятельности многих закарпатских железоплавильных и металлических предприятий¹⁰⁹⁾, но и полное прекращение производства некоторыми из них¹¹⁰⁾. Анализ производственной дея-

¹⁰⁶⁾ Там же, стр. 89

¹⁰⁷⁾ Там же, стр. 90

¹⁰⁸⁾ Там же, стр. 91

¹⁰⁹⁾ Созданная в 1898 году в селе Анталовци (Ужгородская жупа) фабрика по производству мотыг и других мелких сельскохозяйственных орудий работала нерегулярно, так как вследствие отдаленности железной дороги доставка сырья (за 30—34 километра из Ужгорода и Мукачева) и вывоз готовой продукции производились на подводах, что чрезвычайно повышало накладные расходы и делало производство нерентабельным (см. Kassai, 1911, стр. 55)

¹¹⁰⁾ Одним из немногих «преуспевающих» предприятий являлся завод по производству церковных колоколов Эгри Ференца в селе Малые Гевецы Ужгородской жупы (см. Kassai, 1911, стр. 67).

тельности одного из наиболее крупных предприятий металлургической промышленности Закарпатья, Фридешевского завода Шенборна, позволяет раскрыть многие стороны процесса спада производственной и коммерческой активности в этой отрасли промышленности.

Продукция Фридешевского завода, имевшего железоплавильную печь, литейный и кузнечный цехи, прокатный стан и мастерскую по производству гвоздей и ножей, в 60—80-х годах находила сбыт как на местном рынке, так и в венгерских и австрийских областях. Однако в 90-х годах заметно сокращается объем и ассортимент выпускаемой заводом продукции (не находят сбыта гвозди и ножи, и завод переходит к производству чугунной печной арматуры и мотыг), затрудняется сбыт металлических изделий, вследствие чего завод вынужден был при заключении торговых сделок предоставлять значительные скидки с продажной цены по преискуранту. Основными покупателями изделий Фридешевского завода являлись местные торговые фирмы (Клейн в Мукачеве, Вайнбергер в Ужгороде, Браун в Берегове, Раппопорт во Львове). Небольшое количество продукции завод продавал будапештским фирмам (Ганц и К^о, Френкель), кишвардинским (Рейзман) и сатмарским торговцам.

О коммерческой деятельности завода можно судить по следующим данным¹¹¹⁾.

Таблица 6

Г о д ы	Число заключенных сделок	Сумма, вырученная от продажи продукции (в тысячах форинтов)
1893	320	112
1894	280	90
1895	250	97
1896	40	16
1897	15	8
1898—1899	з а в о д н е р а б о т а л	
1900	30	37

Как видно из приведенной таблицы, в конце XIX столетия, на протяжении 1893—1900 годов, наблюдается значительное сокращение проданной заводом продукции в денежном выражении. Если данные 1893 года принять за 100, то в 1894—1895 годах сумма, вырученная от реализации изделий

¹¹¹⁾ ГАЗОФ, ф. 87, д. 1564, лл 1—37.

завода, составляла 80—86, в 1896 году — 14, а в 1897 году — только 7%. В течение двух лет (1898 и 1899 годы) завод, вследствие нерентабельности производства, был закрыт. В 1900 году главным образом за счет продажи мотыг завод выручил 37 тысяч форинтов, что составило по отношению к сумме, полученной заводом за проданную продукцию в 1893 году, только 33%. Таким образом, за последние 7 лет XIX столетия объем производства Фридешевского завода сократился в ценностном выражении в 3 раза¹¹²⁾.

Количество торговых сделок за эти годы сократилось в 10 раз, причем администрация завода, стремясь ликвидировать залежи продукции, наряду с оптовой продажей металлических изделий, практикует и розничную продажу, о чем свидетельствуют торговые «сделки» на сумму от 20 до 80 крестеров. С этой же целью завод вынужден был предоставлять значительные скидки с продажной цены изделий. Так, если скидка для оптовых покупателей в 1893—1894 годах составляла 25, то в 1895 году 50 и более процентов (ужгородская фирма Вайнбергера, например, приобрела партию чугуной печной арматуры на сумму 4800 форинтов со скидкой 40% и колесных шин на 11500 форинтов со скидкой до 55%)¹¹³⁾.

Не случайно в этих условиях застоя и упадка в металлургической и металлообрабатывающей промышленности закарпатские предприниматели все настойчивее добиваются от правительства «ограждения» их интересов на рынке и «реальной» помощи в ликвидации нерентабельности предприятий. Дебреценская торгово-промышленная палата, выражая интересы закарпатских предпринимателей и торговцев, в своем отчете за 1894 год выдвигала в целях оздоровления предприятий по производству металлических изделий следующие требования: 1) прекратить ввоз металлических изделий из Англии и таким образом создать «доверие» мадьярских сельских хозяев к продукции отечественных предприятий; 2) обеспечить сбыт венгерских металлических изделий на зарубежных рынках (Румыния, Болгария, Турция, Греция, Сербия); 3) предоставить предпринимателям дешевый государственный кредит и льготные условия для перевозки грузов железнодорожным и водным транспортом; 4) снизить цены на сырье, необходимое для металлургической и металлообрабатывающей промышленности; 5) расширить сеть торгово-промышленных школ для подготовки квалифицированных рабочих; с этой же целью направлять рабочих для обучения за границей; 6) обеспечить

¹¹²⁾ В 1909 году завод в Фридешево подвергся модернизации; на его реконструкцию было израсходовано около 1 млн. крон (см. Deb, 1909, стр. 112).

¹¹³⁾ ГАЗОФ, ф. 87, д. 1564, лл. 4—39.

«солидарность» рабочих и предпринимателей, т. е. решительно подавлять забастовочное и революционное движение рабочего класса, обеспечив ликвидацию кризиса в промышленности за счет усиления эксплуатации рабочих, снижения заработной платы и удлинения рабочего дня¹¹⁴).

На всех предприятиях металлургической и металлообрабатывающей промышленности Закарпатья во второй половине XIX столетия было занято в среднем от 1000 до 1300 рабочих¹¹⁵) (на заводах в Анталовцах, Мукачево, Загатье, Аваше от 10 до 50, на заводах Фегерпатакском и Белери — до 100, в Кобыляцкой Поляне — 253¹¹⁶), на Фридешевском заводе Шенборна [вместе с рудником] — 233, на заводе в селе Довгом — 156¹¹⁷), на Лисичовском заводе и принадлежащем ему руднике — 260, на Верхнереметском заводе в 1880 году — 150, а в начале XX столетия — на заводе и руднике до 600 человек¹¹⁸). Наряду с трудом мужчин на этих заводах широко эксплуатировался и труд подростков. На Верхнереметском заводе в 1870 году, например, работало 60 мужчин и 20 подростков (33,3%), на Турьяреметском заводе соответственно 80 и 12 (15%), на Фегерпатакском заводе — 47 и 16 (34%)¹¹⁹).

На базе использования местного сырья в Закарпатье во второй половине XIX столетия возникло несколько небольших кирпичных и черепичных заводов¹²⁰), предприятий по произ-

¹¹⁴) Deb, 1895, стр. 91, 92.

¹¹⁵) Общее число рабочих установлено приблизительно на основе следующих данных: His, V, II, 1872, стр. 94—97; Deb, 1895, стр. 86—87; указ. соч. Horváth I, стр. 75, 76. Рост числа рабочих в горной и металлургической промышленности Венгрии в 80—90-х годах XIX столетия характеризуют следующие данные (в среднем за год в тысячах): 1881—1885 гг.—45, 1886—1890 гг.—46, 1891—1895 гг.—57, 1899—1900 гг.—68 (см. Mos, II, 1900, стр. 450). Количество рабочих, занятых в горной и металлургической промышленности Закарпатья, составляло только 3% числа рабочих этих отраслей промышленности в Венгрии.

¹¹⁶) Указ соч. П Гапак, «Дукля», № 3, 1957, стр. 44.

¹¹⁷) См указ соч. Sándor V., стр. 163—164. В 1867 году на всех шахтах и заводах Шенборна было занято 208 рабочих (из них 20 детей). См указ. соч. Lehoszky T., Beregvármegeje topográfiaja., II, стр. 465.

¹¹⁸) Указ. соч. В. И. Неточаев, Закарпаття напередодні першої світової війни..., стр. 100.

¹¹⁹) His, V, II, 1872, стр. 94—95. В горной и металлургической промышленности Венгрии в 1881 году среди рабочих женщины составляли 3% и подростки — 12% и в 1899 году соответственно 4% и 9% (см. Mos, II, 1900, стр. 450).

¹²⁰) К началу первой мировой войны в Закарпатье насчитывалось 16 предприятий по изготовлению кирпича и черепицы. На наиболее крупных из них работало от 50 до 150 рабочих (на кирпичном заводе в Ужгороде — 50 человек, на трех кирпично-черепичных заводах в Берегово — до 500 рабочих (см. указ. соч. Усенко В., стр. 29).

водству квасцов и соды¹²¹⁾) и стекольных заводов. К числу этих предприятий относились: 16 кирпичных заводов (начало XX столетия), завод квасцов и калийного сульфата в селе Коропец Бережского комитата (владелец граф Шенборн), государственный содовый завод в селе В. Бычкове (Марамарошский комитат), стекольные заводы Шенборна (село В. Грабоница Бережского комитата)¹²²⁾, Филиппа (Марамарошский комитат), Кагана (село Требушаны Марамарошского комитата) и др.¹²³⁾.

На отдельных предприятиях этого рода было занято в среднем от 30 до 50, на более крупных предприятиях — 100 и более рабочих (на трех кирпичных заводах в Берегове — до 500 человек рабочих)¹²⁴⁾. Объем выпускаемой продукции был небольшим. Квасцовый завод Шенборна, например, вырабатывал в 60—70 годах 10—15 тысяч центнеров калийного сульфата, поташа и квасцов в год. В 1860 году заводом было реализовано продукции на 92081 форинт, а производственные расходы достигали 88428 форинтов; таким образом завод принес чистой прибыли 3653 форинта¹²⁵⁾. В 1876 году этим заводом было продано 11282 центнера продукции на сумму 73333 форинта (в среднем 6,5 форинта за центнер); прибыль завода составила менее 3 тысяч форинтов¹²⁶⁾. В 1880 году заводы Шенборна производили 1200 центнеров поташа (продажная цена за центнер в Мукачево составляла 8, а в Будапеште — 18 форинтов)¹²⁷⁾. Стекольные заводы выпускали небольшое количество оконного стекла и бутылок.

Среди предприятий по производству стекла выделялся завод Кагана в Требушанах, построенный в 1894 году. Это бы-

¹²¹⁾ Квасцы вырабатывались из alunита. На содовом заводе производилась кальцинированная сода. Сульфат калия применялся для производства квасцов, поташа, калийных удобрений.

¹²²⁾ Стекольный завод в Грабоницах был построен Шенборном в 1883 году и вследствие малой рентабельности производства был вскоре сдан в аренду капиталисту-предпринимателю. Завод вырабатывал главным образом бутылки для минеральной воды. Высокая себестоимость сырья, которое доставлялось из села Пасека за 40 километров, а отчасти даже из Галиции, снижала конкурентную способность предприятия. Во второй половине XIX столетия завод в Грабоницах снова перешел к Шенборну. В 1875 году в селе Загаты (на земле Шенборна) немецким предпринимателем был построен новый стекольный завод, но через год вследствие малой доходности он прекратил работу (см. указ соч. Lehoszky T., *Beregvármege monográfiája...*, II, стр. 444).

¹²³⁾ ГАЗОФ, ф. 87, д. 1499, лл. 2—36; Msé, 1874, стр. 250—255, Deb, 1895, стр. 167, 168.

¹²⁴⁾ ГАЗО, ф. 24, д. 64, лл. 60, 61.

¹²⁵⁾ ГАЗОФ, ф. 87, д. 1499, лл. 4—27.

¹²⁶⁾ Там же, д. 1551, лл. 45—56.

¹²⁷⁾ Указ соч. Lehoszky T., *Beregvármege monográfiája...*, II, стр. 419.

ло одно из наиболее крупных предприятий Венгрии, оснащенное современным бельгийским оборудованием. В 1894 году на заводе действовала одна печь, а позднее были построены еще две печи для плавки стекла. Вблизи завода находились залежи кварцевого песка и других минералов, обеспечивающих производство стекла высокого качества. Как двигательную силу завод использовал водяное колесо мощностью до 100 л. с., приводившее в действие кварцевую дробилку и циркулярную пилу¹²⁸). Требушанский завод находился вблизи железнодорожной линии, соединяющей Марамарош с Галицией, Буковиной и Румынией, что открывало широкие возможности для вывоза продукции в отдаленные районы Австро-Венгрии и за границу. Однако, как указывалось в отчете Дебреценской торгово-промышленной палаты, отсутствие у владельца предприятия средств, необходимых для расширения и усовершенствования производства, препятствовало этому и не давало возможности заводу занять подобающее ему место в стекольной промышленности Венгрии¹²⁹). На всех перечисленных выше предприятиях в конце XIX столетия было занято 400—450 рабочих¹³⁰).

* * *

Лесные богатства Закарпатья были огромными. В конце XIX столетия леса занимали свыше половины всей территории закарпатских комитатов¹³¹). В 1900 году площадь лесных массивов составляла 863 тысячи гектаров¹³²), из которых буковые и другие лиственные породы занимали 63,7% лесной площади, хвойные — 25,4 и дубовые леса — 10,9%. Леса находились преимущественно во владении государства и крупных магнатов¹³³).

Хищническая эксплуатация лесов в Закарпатье государственной лесной дирекцией, частными местными и иностранными предпринимателями, акционерными компаниями и бан-

¹²⁸) Deb, 1895, стр. 95

¹²⁹) Там же

¹³⁰) ГАЗОФ, ф. 87, д. 1499, лл. 11—30, Deb, 1895, стр. 167, 168; Msé, 1874, стр. 250—255. В начале XX столетия на стекольных заводах в Требушанах. Сваляве, Грабонице было занято около 200 рабочих, на заводе Шрейтера и Гильмана (село Ференц-Вельд Марамарошской жупы) — 142, из них 12 женщин. Этот завод производил бутылки и ламповое стекло. Часть продукции завода вывозилась в Австрию (см. Deb, 1904, стр. 116).

¹³¹) Msé, XIII, 1906, стр. 89—90

¹³²) А. М. Kir. Kormány 1900 évi működéséről és az ország közállapotairól szóló jelentés és statisztikai évkönyv, Vdp, 1901, стр. 462, 463.

¹³³) Msé, III, 1895, стр. 138—141; указ. соч. Lehoczky T., Beregvármegye topográfiaja ..., II, стр. 408. В 80-х годах XIX столетия графу Шенборну принадлежало около 200 тысяч хольдов лесов.

ками¹³⁴) привела к значительному сокращению площади лесных массивов, которые почти не восстанавливались. В 1870 году общая площадь лесов в Закарпатье составляла 9801213, в 1894 году — 855189, в 1912 году — 842012 гектаров, т. е. за 40 лет площадь лесов сократилась на 140 тысяч гектаров, или на 15%¹³⁵). По поводу того, как осуществлялась эксплуатация карпатских лесов, один из французских авторов XIX столетия писал: «Удобства перевозки, предоставляемые ныне железными дорогами и каналами рек, дали возможность спекулянтам Западной Европы скупать в области Карпатов громадные леса, дубовые, буковые и сосновые, и вырубать их дочиста; эти лесопромышленники оставляют после себя только голую скалу или жалкий кустарник»¹³⁶).

Об объеме лесозаготовок в Закарпатье можно судить по таким данным: в 1901 году государственной лесной дирекцией было вырублено 1460 гектаров леса и заготовлено свыше 530 тысяч кубических метров древесины, из которых деловая древесина составляла 40%. Доход лесной дирекции за этот год превышал 1 млн. крон¹³⁷). Значительно возросла также заготовка леса в частных латифундиальных хозяйствах, владельцы которых и подрядчики-лесопромышленники стремились использовать увеличение спроса на лес для получения высоких прибылей в связи с развитием крупной машинной индустрии в Венгрии, железнодорожного и жилищного строительства.

Большая часть заготовленной в Закарпатье деловой древесины сплавлялась по рекам в венгерские области, где она поступала на деревообрабатывающие заводы, и отправлялась за границу; меньшая часть леса поступала на местные лесопильные и лесохимические заводы. В лесной промышленности ежегодно было занято приблизительно 20—30 тысяч сезонных рабочих, вербовавшихся из разоренных слоев закарпатского крестьянства.

Несмотря на огромные площади лесов в Закарпатье, деревообрабатывающая промышленность здесь во второй по-

¹³⁴) В 70—80-х годах XIX столетия огромные компосесоратные лесные массивы в Марамароше (в районе сел Колячава и Синевир) были куплены «Венгерско-немецким лесопромышленным обществом» и вырублены (ГАЗО, ф. 772, оп. 1, 1902—1903 гг., д. 302, лл. 18—34). В 1900 году венгерский «Union-bank» приобрел для эксплуатации леса в районе села Шоланк за 156 тысяч крон (ГАЗО, ф. 10, оп. 1, 1900 г., д. 783, л. 5 об.).

¹³⁵) Msé, 1872, стр. 44—45, Msé, 1874, стр. 158—159, Deb, 1867, стр. 76—95, 96—97, 102; Msé, III, 1895, стр. 138—141; Msé, XX, 1912, стр. 154—155.

¹³⁶) Элизе Реклю, Земля и люди, СПб, т. 3, 1878, стр. 303.

¹³⁷) Msé, IX, 1902, стр. 116.

ловине XIX столетия не получила широкого развития. Первый паровой лесопильный завод был открыт в Ужгороде в 1869 году¹³⁸). В 1873 году насчитывалось только 8 небольших лесопильных и деревообрабатывающих предприятий¹³⁹); 7 из них находились в Марамарошском комитате и 1, принадлежавшее Шенборну, находилось в селе Збунн Бережского комитата¹⁴⁰). К концу XIX столетия число лесозаводов увеличилось втрое, а количество рабочих на них достигало 1000 и более человек.

В большинстве своем это были мелкие предприятия, насчитывавшие по 20—50 рабочих. Среди лесопильных заводов выделялись по технической оснащенности и объему выпускаемой продукции 10 заводов, на которых было занято от 50 до 250 рабочих (заводы братьев Гредель, М. Газа, Мюллера в Марамарош-Сигете, Кеста, Маутнера в Мукачеве, лесопильные заводы Вайнбергера и других предпринимателей в селах Горинчево, Довгом, Батизе (Марамарошского комитата), в Воловом и Жденьово (Бережского комитата). На лесопильном заводе Маутнера, в 1894 году насчитывавшем 60 рабочих и имевшем одну паровую машину в 45 л. с., было распилено 3 тысячи кубических метров дуба; за год было выпущено продукции на 100 тысяч форинтов. На заводе братьев Гредель работало 160 рабочих и действовало 3 паровых локобиля мощностью в 155 л. с. В течение 1894 года завод выпустил продукции на 300 тысяч форинтов, а количество переработанной древесины достигало 25 тысяч кубических метров¹⁴¹). Таким же объемом производства характеризовалась и деятельность лесопильного завода в Жденьово (147 рабочих), в Воловом (78 рабочих), в Батизе (252 рабочих), в Довгом (194 рабочих)¹⁴²).

Перечисленные нами лесозаводы могли, как указывалось в отчете Дебреценской торгово-промышленной палаты, экспортировать лесной материал за границу, но вследствие высокой себестоимости продукции, трудности транспортировки леса на отдаленные рынки и конкуренции венгерских и австрийских лесопромышленников они вынуждены были реализовывать свою продукцию преимущественно на местном рынке¹⁴³).

¹³⁸) Газета «Свет», № 30, 3(15) августа 1869 года.

¹³⁹) Msé, 1874, стр. 250—255.

¹⁴⁰) ГАЗОФ, ф. 87, д. 1551, лл. 4—18

¹⁴¹) Deb, 1895, стр. 98—99, 165, 166

¹⁴²) Указ. соч. П Гапак, «Дукля», № 3, 1957, стр. 44.

¹⁴³) В начале XX века венская фирма «Голугаленс-Акциен-Гезельшафт» заключила договор о покупке у графа Шенборна в районе села Поляны 11400 гектаров буковых лесов, в 1908 году построила в Сваляве лесопильный завод на 5 пилорамах и провела узкоколейную железную дорогу до села Извор (см. указ. соч. Technická práce, стр. 329). Этот завод был

Огромные массивы буковых лесов в Закарпатье (свыше половины всей лесной площади), являвшихся ценным сырьем для деревообрабатывающей и химической промышленности, издавна привлекали к себе внимание иностранного капитала. Однако противодействие венского правительства, стремившегося создать наиболее благоприятные условия для развития этой отрасли промышленности в Австрии, а также отсутствие железнодорожных и других удобных путей сообщения, обеспечивающих перевозку продукции на отдаленные рынки и за границу, препятствовали инвестициям иностранных капиталов в эту отрасль промышленности в Закарпатье. Поэтому австрийские и иностранные капиталисты предпочитали создавать деревообрабатывающие и лесохимические предприятия в других областях империи, в частности, в Славонии и Трансильвании, а не в Закарпатье, хотя здесь и были значительные запасы дешевого сырья и кадры дешевой рабочей силы.

Когда в Венгрии в 80—90-х годах стали возникать крупные монополии и банки и усилилось влияние иностранного капитала, стремившегося к расширению сферы своей деятельности, чему способствовала протекционистская политика венгерского правительства, а в Закарпатье были построены железные дороги, положение изменилось. Иностранный капитал начал постепенно проникать и в промышленность Закарпатья и прежде всего в деревообрабатывающую и связанную с ней лесохимическую промышленность. К числу предприятий этого рода, основанных иностранными монополиями в конце XIX—начале XX столетия, относились лесохимические заводы акционерного общества «Бантлин» в Перечине и Турья-Бистра, химический завод фирмы «Клотильда» в Великом Быкове, лесопильный и химический заводы в Сваляве, мебельный комбинат синдиката «Мундус» и некоторые другие.

Среди мебельных предприятий выделялась фабрика синдиката «Мундус» (Mundus Egyesült Magyar Hajlitottfabutorgyár Rt — «Общество венгерских фабрик гнутой деревянной мебели»), построенная в 1882 году. Основной капитал синдиката «Мундус» к 1913 году составлял 3 млн.¹⁴⁴⁾, а через три года возрос до 7,3 млн. крон¹⁴⁵⁾. Синдикат финансировался «Венгерским кредитным банком» и австрийским банком «Кредит-Анштальт», в котором наряду с австрийским капиталом участвовал и американский капитал. Отделения синдиката

расширен в 1910—1911 годах, и помимо распиловки леса (ежегодно перерабатывалось до 48 тысяч кубометров круглого леса) изготавливал паркет.

¹⁴⁴⁾ Указ соч Berend I, Ránki Gy., стр 152.

¹⁴⁵⁾ Газета «Ung», № 35, 2 сентября 1917 года.

находились во многих странах Европы, Африки и Америки¹⁴⁶). Мебельная фабрика синдиката в Ужгороде получала значительные прибыли, заключая сделки как с местными, венгерскими, австрийскими, так и заграничными торговыми фирмами. До начала XX столетия изделия закарпатской мебельной фабрики синдиката успешно конкурировали с продукцией мебельных предприятий других стран на заграничных рынках. Однако в начале XX века наплыв дешевой мебели высокомеханизированных американских и французских предприятий на заграничные рынки заставил закарпатскую фабрику сократить экспорт мебели. Как указывалось в отчете Кошицкой торгово-промышленной палаты за 1910 год, фабрика «Мундуса» в Ужгороде «работала с меньшим успехом, чем раньше», вследствие сокращения вывоза мебели за границу¹⁴⁷).

На предприятиях мебельной промышленности Закарпатья было занято в конце XIX — начале XX столетия свыше 600 рабочих (на фабрике «Мундус» — до 400, на Хустской фабрике — 180, в полукустарных мастерских в Мукачево и В. Бычково — по 5—10 человек¹⁴⁸).

В 1868 году швейцарскими капиталистами, акционерами «Венгерско-швейцарского акционерного общества по производству соды» (с участием австрийского, венгерского и французского капиталов) в Великом Бычково был основан первый не только в Закарпатья, но и в Венгрии химический завод¹⁴⁹) по сухой дистилляции дерева. Это общество заключило долгосрочный договор с лесной дирекцией на заготовку буковой древесины для нужд завода. В результате хищнической эксплуатации закарпатских лесов этой фирмой в течение трех десятилетий были уничтожены буковые массивы всего Раховского округа.

При содействии венгерского правительства, предоставившего ссуду созданному на базе этого завода акционерному обществу «Клотильда» — Первое венгерское акционерное общество химической промышленности («Klotild» — *Első Magyar Vegyipar Rt (Részvénytársaság)* и снизившего железнодо-

¹⁴⁶) После распада Австро-Венгрии часть акций этого синдиката перешла в руки американского магната финансового капитала У. А. Гарримана и чехословацкой буржуазии, которая, осуществляя политику вытеснения из экономики Чехословакии венгерского и австрийского капитала, создала свой мебельный синдикат «Мундус-Тонет». Эта фирма распознала капиталом в 15 млн чехословацких крон, она, как и синдикат «Мундус» в Ужгороде, финансировалась вновь созданным в Чехословакии «Англо-банком» (см указ соч М. Климпотюк, стр. 11).

¹⁴⁷) Kassai, 1911, стр. 82.

¹⁴⁸) Указ соч. В. И. Неточаев, Закарпаття напередодні першої світової війни, стр. 98.

¹⁴⁹) На строительство химического завода в Великом Бычково было израсходовано 800 тысяч форинтов.

рожные тарифы на перевозку сырья и готовой продукции, химический завод в Великом Бычкове из года в год расширял производство. В 1897 году на заводе работало 420 рабочих; завод выпустил 17 тысяч тонн соды и большое количество другой химической продукции (смола, метиловый спирт, уксусная кислота). В конце 70-х годов завод акционерного общества «Клотильда» был единственным крупным предприятием химической промышленности Венгрии. Акционерное общество «Клотильда» располагало в 1900 году основным капиталом в 2,4 млн.¹⁵⁰⁾, а накануне первой мировой войны — 5 млн. форинтов; оно входило в состав австро-венгерского химического картеля¹⁵¹⁾ и относилось к группе 17 наиболее крупных монополистических объединений Венгрии, увеличивших в течение 1903—1913 годов свои акционерные капиталы на 200%¹⁵²⁾. Хотя общество «Клотильда» и называлось «Первым венгерским акционерным обществом химической промышленности» и было связано с венгерскими банками¹⁵³⁾, но фактически через эти банки контролировалось иностранное капиталом¹⁵⁴⁾. На химическом заводе «Клотильда» в 1900 году было занято 574 рабочих¹⁵⁵⁾, а в начале XX столетия 1000 и более человек, включая в это число и лесорубов¹⁵⁶⁾. Чистая прибыль этой фирмы составляла 300 тысяч крон в год¹⁵⁷⁾.

В 1880 году немецкий барон В. Коц на базе принадлежавших ему лесов основал небольшое кустарное предприятие по химической переработке древесины в селе Турья-Бистра. Однако вследствие отсутствия капиталов, инженерно-технических кадров и квалифицированных рабочих это предприятие не приносило ожидаемых доходов. В конце XIX столетия барон Коц вступил в соглашение с баденским капиталистом Августом Бантлином¹⁵⁸⁾, которому и продал как Турьябист-

¹⁵⁰⁾ Указ соч Sándor V, стр 581.

¹⁵¹⁾ В состав химического картеля Австро-Венгрии входило созданное в 1882 году акционерное общество «Клотильда» и три австрийских акционерных общества (см. указ соч Sándor V, стр. 430).

¹⁵²⁾ См указ соч Berend I., Ránki Gy, стр 232

¹⁵³⁾ В 1900 году значительная часть акций общества «Клотильда» находилась в руках венгерских банков (Венгерский промышленный и торговый банк и Венгерский дисконтный и обменный банк, Magyar Leszámitoló és Pénzváltóbank). См. указ соч. Sándor V, стр. 581.

¹⁵⁴⁾ См указ. соч Berend I., Ránki Gy, стр. 123

¹⁵⁵⁾ Указ. соч. П. Гапак, «Дукля», № 3, 1957, стр. 44.

¹⁵⁶⁾ ГАЗО, ф. 24, д 65, лл. 58—59.

¹⁵⁷⁾ Указ. соч. В. I. Неточаев, Закарпаття напередодні першої світової війни. . . стр 96

¹⁵⁸⁾ Братья Бантлин являлись главными держателями акций «Holzwertung A G» («Акционерное общество по сбыту древесины»), находившееся в сфере деятельности Лейпцигского банка, а позднее и под контролем концерна «Нобель». В 1893 году А. Бантлин создал акционерное общество по химической переработке древесины с участием главным образом немецкого капитала (см указ соч. Sándor V, стр 581).

рянский завод, так и массивы буковых лесов (более 5 тысяч хольдов) в Перечинском и Великоберезнянском округах.

Акционерное общество «Бантлин» не только реконструировало завод в Турья-Бистра, но и построило новый завод в Перечине в 1893 году. Дешевое сырье, рабочая сила, наличие значительных капиталов, поддержка заграничных банков, влияние в правительственных сферах (правительство снизило железнодорожный тариф на перевозку продукции заводов «Бантлины») — все это обеспечило акционерному обществу «Бантлин» широкие возможности для увеличения производства химической продукции¹⁵⁹), снижения ее себестоимости и повышения таким образом конкурентной способности фирмы на заграничных рынках.

Заводы «Бантлины», помимо древесного угля, вырабатывали разнообразные химические продукты (ацетон, метиловый спирт, уксусная кислота, смола, смоляное масло и др.), производство которых потребовало установления нового технического оборудования. Особенно значительно увеличилось производство химических продуктов на этих заводах в течение первого десятилетия XX века, чему способствовали предвоенная рыночная конъюнктура и, как говорилось в истории завода «Бантлины», «благоприятные рабочие отношения»¹⁶⁰), под чем подразумевались благоприятные для капиталистов условия, сложившиеся в этот период в результате жестокого подавления революционного рабочего движения, обеспечивающие усиление эксплуатации рабочего класса.

Расширение производства на заводах «Бантлины» сопровождалось увеличением количества рабочих: в 1894 году на заводах насчитывалось 156, в 1903 году на Перечинском заводе было занято 272, на Турьябистрянском — 62 и на заготовке леса — 300 человек¹⁶¹); накануне первой мировой войны на Перечинском заводе — 420—450 постоянных и около 200 человек временных рабочих, на Турьябистрянском заводе — от 150 до 300 и на лесозаготовках в районе села Черногора — от 800 до 1200 рабочих¹⁶²).

Одновременно с расширением и усовершенствованием производства на этих заводах возрастал основной капитал и увеличивались доходы акционерного общества «Бантлин». на протяжении 1893—1904 годов основной капитал только Пере-

¹⁵⁹) Указ. соч. A Bánklin..., стр. 31, 34. Только один Перечинский завод ежегодно использовал до 90 тысяч погонных метров букового дерева.

¹⁶⁰) Указ. соч.. A Bánklin., стр. 30

¹⁶¹) См. указ соч. Й Перени, стр. 113; Sándor V., стр. 581; М. Климпотюк, стр. 9

¹⁶²) Указ соч. Technická práce, стр. 328.

чинского завода возрос с 1,2 до 2 млн.¹⁶³); чистый доход общества составлял в 1906 году 183, в 1908 году—217, в 1909 году — 285 и в 1912 году — 328 тысяч крон. Возрастали и прибыли акционеров: в 1906 году дивиденды составляли 7 (35 крон на акцию), в 1908 году — 9 (45 крон на акцию), а в 1909 году — 12% (60 крон на акцию)¹⁶⁴).

Производство на заводах «Бантлина», как указывалось в отчете Кошицкой торгово-промышленной палаты (1909 год)¹⁶⁵), развивалось успешно, древесины было достаточно и предприятие работало круглый год. «Рабочий вопрос улучшился», говорилось в отчете, так как по распоряжению министерства земледелия в окрестностях Перечина, где расположены заводы «Бантлина», была запрещена вербовка сельскохозяйственных рабочих для вывоза их в Альфельд, а также благодаря мерам, принятым правительством, сократилась эмиграция русинов. В 1909 году заводы «Бантлина» переработали 150 тысяч кубических метров древесины и выпустили свыше 1600 десятитонных вагонов продукции, включая и древесный уголь. Несмотря на недостаток железнодорожных вагонов и высокий еще железнодорожный тариф, предприятия «Бантлина» расширили свою деятельность и реализовали свою продукцию как на внутреннем, так и на внешнем рынках, хотя акционерному обществу «Бантлин» и приходилось выдерживать сильную конкуренцию со стороны американских предпринимателей*.

От 40 до 70% всей продукции закарпатских химических заводов экспортировалось за границу. До первой мировой войны химические заводы в Закарпатье финансировались преимущественно венскими банками, находившимися под контролем английского и американского капитала, а после войны финансирование этих предприятий находилось целиком в руках англо-американских и чехословацких банков¹⁶⁶).

В Закарпатье, как это было типичным и для Венгрии эпохи империализма, в конце XIX — начале XX столетия происходит сращивание промышленного и банкового капитала с помещичьим земельным капиталом. Выражением этого явилось заключение договора между акционерным обществом «ГИАГ» и крупнейшим магнатом Закарпатья графом Шенборном о продаже последним за 1,4 млн. крон земельного владения «Синяк», включавшего в себя около 2 тысяч гектаров буковых лесов. Этот лесной массив предназначался для использования на Турьябистрянском химическом заводе. Причем в соответствии

¹⁶³) Указ соч А Bántlin., стр. 14.

¹⁶⁴) Там же, стр. 78—79, 94—96 2/3 акций общества «Бантлин» принадлежало германским капиталистам.

¹⁶⁵) Kassai, 1912, стр. 129, 130

¹⁶⁶) Указ. соч. М Клим потюк, стр. 11

с договором граф Шенборн получил контрольный пакет акций этого предприятия¹⁶⁷). Также при участии графа Шенборна был построен в начале XX столетия и лесохимический завод в Сваляве¹⁶⁸).

**

Пищевая промышленность в Закарпатье была представлена главным образом мукомольными предприятиями. В 1885 году в Закарпатье насчитывалось 383 мельницы, которые по характеру двигательной силы распределялись следующим образом: паровых 32, водяных 344, конных 7¹⁶⁹). Паровые мельницы по отношению к их общему числу составляли 8,4% (крупных паровых мельниц было 4, т. е. 1%, мелких — 28, или 7,4%), водяные — 89,8, конные — 1,8%. В Закарпатье было сосредоточено 3,2% общего числа мельниц Венгрии (с Семиградьем)¹⁷⁰).

4 крупные паровые мельницы имели 4 стационарных локомотива мощностью каждый от 35 до 40 л. с., приводивших в движение 15 жерновых поставов (одна мельница имела 5, одна — 4 и две по 3 постава)¹⁷¹). По мощности паровых машин крупные мельницы Закарпатья занимали совершенно незначительное место (0,6% мощностей этого рода мельниц Венгрии¹⁷²), а по количеству жерновых поставов — 1,4%).

По производственной мощности крупные паровые мельницы распределялись так: 1 мельница (25%) с суточной производительностью 50 центнеров муки, 3 мельницы (75%) с производительностью от 50 до 100 центнеров; в то время как в Венгрии из 122 мельниц этого рода с суточной производительностью до 50 центнеров муки было 26 мельниц (21,3%), от 100 до 500 центнеров — 36 (29,5%), от 500 до 1000 центнеров — 7 (5,8%) и свыше 1000 центнеров — 12 (9,8%)¹⁷³). Таким образом паровые мельницы в Закарпатье, отнесенные венгерской статистикой к разряду «крупных», на самом деле представляли собой небольшие предприятия, уступающие по своей производственной мощности действительно крупным мельницам Венгрии в 10—20 раз.

¹⁶⁷) См. указ соч А Bántlin., стр 34

¹⁶⁸) Указ. соч Technická práce..., стр. 329—330

¹⁶⁹) Hivatalos statisztikai közlemények Magyarország małomipara (в дальнейшем сокращенно Hismal), Bdp, 1885, стр 18—20.

¹⁷⁰) В 1895 году в Венгрии насчитывалось 2200 паровых, 14 тысяч водяных и 2 тысячи конных и ветряных мельниц (АВПР, ф. Полит. архив, 1901 г., д 576, л 87 об.).

¹⁷¹) Hismal, 1885, стр 114—117.

¹⁷²) На крупных паровых мельницах в Закарпатье в 1885 году было 4 паровые машины мощностью в 130 л с, а в Венгрии (с Семиградьем) в это же время насчитывалось 122 паровых двигателя мощностью 19942 л. с (Hismal, 1885, стр. 66—67, 70—71).

¹⁷³) Hismal, 1885, стр. 134—135.

Фактическая переработка зерна на указанных мельницах Закарпатья достигала 57 тысяч центнеров¹⁷⁴⁾, что составляло по отношению к переработанному зерну крупными паровыми мельницами Венгрии только 0,5%¹⁷⁵⁾. Вследствие конкуренции венгерских мукомольных предприятий производственная мощность закарпатских паровых мельниц полностью использована не была. Оборудование их позволяло перерабатывать в 1884 году свыше 85 тысяч центнеров зерна, а фактически было переработано только 57 тысяч, т. е. производственные мощности мельниц были использованы на 66,5%¹⁷⁶⁾.

28 мелких паровых мельниц¹⁷⁷⁾ имели 28 паровых машин общей мощностью в 264 л. с., т. е. в среднем одна машина обладала мощностью в 9,4 л. с. На всех этих мельницах насчитывалось 60 жерновых поставов¹⁷⁸⁾. По мощности паровых машин мелкие мельницы Закарпатья составляли только 0,7% мощностей этого рода мельниц Венгрии, а по количеству поставов — 3%¹⁷⁹⁾. Суточная производительность большей части этих мельниц не превышала 30 центнеров муки. В конце XIX столетия ими было переработано 68 тысяч центнеров зерна¹⁸⁰⁾, что составляло по отношению к переработанному зерну на мелких паровых мельницах Венгрии 1,3%. Малые паровые мельницы в Закарпатье были загружены только на 17%¹⁸¹⁾.

Из общего числа водяных мельниц Закарпатья венгерская статистика выделяла 3 крупных с общей мощностью двигателей в 180 л. с.¹⁸²⁾; они имели 14 жерновых поставов. На мельницы Закарпатья приходилось 5,1% мощностей и 0,4% количества жерновых поставов всех мельниц этого рода в

174) Мельница Бережской жупы переработала 30 тысяч центнеров пшеницы, мельница Ужгородской жупы — 16100 центнеров зерна (15 тысяч центнеров пшеницы и 1100 центнеров ржи) и две мельницы Марамарошского комитата — 10982 центнера зерна (8030 центнеров пшеницы, 1452 центнера ржи и 1500 центнеров кукурузы) (Hismal, 1885, стр. 189—190).

175) Hismal, 1885, стр. 152—153

176) Там же, стр. 189—190

177) Из 28 малых паровых мельниц 10 находилось в Бережской жупе, 7 — в Ужгородской, 9 — в Угочской и 2 — в Марамарошской (Hismal, 1885, стр. 118—119)

178) Из 28 малых паровых мельниц 3 имели по одному жерновому поставу, 20 — по два, остальные — по три-четыре поставы (Hismal, 1885, стр. 118—119)

179) Hismal, 1885, стр. 76—77, 80—81.

180) Переработанное зерно по культурам распределялось следующим образом: пшеница — 25828, рожь — 18416, овес — 1172, кукуруза — 18727, другие зерновые — 320 центнеров (Hismal, 1885, стр. 155—156).

181) Hismal, 1885, стр. 155—156, 192—193

182) Крупные водяные мельницы имели 3 водяных колеса мощностью 38 л. с. и одну гидротурбину мощностью 140 л. с. (Hismal, 1885, стр. 192—193).

Венгрии. Только одна из крупных водяных мельниц Закарпатья обладала оборудованием, позволяющим переработать в сутки до 100 центнеров зерна; производительность остальных мельниц не превышала 20—30 центнеров зерна в сутки. На этих мельницах было переработано 45 тысяч центнеров зерна (пшеница—41 и рожь—4), что составляло только 5%, выработанной муки этого рода мельницами в Венгрии. Фактически производственная мощность крупных водяных мельниц была использована на 40%¹⁸³).

Малые водяные мельницы, которых в 1884 году насчитывалось 341, приводились в действие силой 519 водяных колес общей мощностью в 1180 л. с. На всех этих мельницах было 495 жерновых поставов¹⁸⁴). По отношению к мельницам этого рода в Венгрии закарпатские мельницы по мощности водяных колес составляли 2,5, а по количеству жерновов—2,6%. Суточная производительность абсолютного большинства этого типа мельниц не превышала 10 центнеров муки; оборудование мельниц было использовано только на 30%¹⁸⁵).

В 80—90-х годах в закарпатской мукомольной промышленности наибольшее значение имели еще водяные мельницы, на которых было переработано свыше 60% всего зерна, в то время как в Венгрии около 65% производства муки приходилось на паровые мельницы¹⁸⁶). Об удельном весе различных видов зерновых культур, переработанных на мельницах Закарпатья и Венгрии в 1884 году, можно судить по данным табл. 7¹⁸⁷).

Приведенные данные показывают, что среди всех переработанных на закарпатских мельницах зерновых культур пшеница составляла только 42,2%, в то время как в Венгрии производство пшеничной муки занимало главное место (60,5%)¹⁸⁸). Эти данные, отражающие отсталость и потребительский характер крестьянского сельскохозяйственного производства, свидетельствуют о том, что закарпатская мукомольная промышленность обслуживала главным образом нужды крестьянских хозяйств, пользовавшихся преимущест-

¹⁸³) Hismal, 1885, стр. 88—89, 92—93, 139—140, 158—159, 192—193

¹⁸⁴) 218 мельниц имели по 1 жерновому поставу, 97— по 2 поставу, 26—3 и более поставов (Hismal, 1885, стр. 98—99)

¹⁸⁵) Hismal, 1885, стр. 98—99, 100—101, 161—162, 195—196, 198—199.

¹⁸⁶) Там же, стр. 189—202

¹⁸⁷) Там же, стр. 176—179, 182—185

¹⁸⁸) Из 435 тысяч центнеров выработанной муки на закарпатских мельницах в 1873 году мука крупчатого помола составляла 54 тысячи центнеров (12,4%), простого помола—189 тысяч центнеров (43,5%) и кукурузная мука—192 тысячи центнеров (44,1%) (см. Msé, 1874, стр. 296—297).

Таблица 7

	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Кукуруза	Просо	Другие культуры
	в процентах						
Закарпатье	42,4	19,1	5,7	8,9	23,4	0,4	0,1
Венгрия	60,5	14,9	8,8	1,1	12,5	0,2	2,0

венно ржаной, кукурузной и овсяной мукой, а производство пшеничной муки крупчатого помола не получило значительного развития. В Венгрии, наоборот, производство пшеничной муки, составлявшей важнейший предмет экспорта, занимало $\frac{2}{3}$ всего производства мукомольной промышленности.

Удельный вес переработанного в Закарпатье зерна на всех мельницах составлял по сравнению с Венгрией в целом 1,5%¹⁸⁹⁾; производственная мощность закарпатских мельниц, составлявшая 1,1% мощности всех мельниц Венгрии, была использована только на 30,4%, в то время как венгерские мельницы были загружены на 40%¹⁹⁰⁾.

В конце XIX столетия в Закарпатье наблюдается значительное сокращение количества мельниц; если в 1873 году их было зарегистрировано 953¹⁹¹⁾, то в 1885 году в русинских комитетах насчитывалось только 383 мельницы, т. е. общее число их уменьшилось почти в два с половиной раза. Это сокращение шло главным образом за счет вытеснения паровыми мелкими мельницами, приводившихся в движение силой воды и животных. Так, в 1873 году общее число водяных мельниц достигало 803, а в 1885 году их осталось только 344 (уменьшение почти на 60%); количество мельниц, использующих силу животных, уменьшилось в 20 раз (со 135 в 1873 году до 7 в 1885 году). Одновременно число паровых мельниц возросло в два с половиной раза (с 13 в 1873 году до 32 в 1885 году). Количество жерновых поставов на мельницах Закарпатья в течение второй половины XIX столетия сократилось более чем в

¹⁸⁹⁾ В 1884 году на закарпатских мельницах было переработано 324 тысячи центнеров зерна, а в Венгрии (с Семиградьем) 22 млн. В 90-х годах в Венгрии ежегодно перерабатывалось на мельницах 27 млн. центнеров зерна (20 млн. центнеров на паровых мельницах, 6—7 млн. на водяных, 500 тысяч на ветряных и конных), что составляло более 60% всего производства хлеба в стране (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 87 об.).

¹⁹⁰⁾ Hismal, 1885, стр. 189—190, 192—193, 195—196, 198—199, 201—202.

¹⁹¹⁾ Msé, 1874, стр. 296—297.

4 раза (с 2786 в 1873 году до 592 в 1885 году), а количество переработанного зерна уменьшилось почти на 45%¹⁹²⁾.

Застой и снижение производства в мукомольной промышленности объяснялись главным образом конкуренцией венгерских и австрийских мукомолов и отсутствием удобных путей сообщения для транспортировки муки в другие области Австро-Венгрии, а после ввода в действие железных дорог — высокими тарифами, удорожавшими себестоимость муки и понижавшими конкурентную способность закарпатской мукомольной промышленности¹⁹³⁾.

В последние годы XIX столетия процесс вытеснения мелкого мукомольного производства еще более усилился, а производственные мощности закарпатских мельниц заметно возросли. В 1894 году в Закарпатье была построена новая, пятая по счету, крупная паровая мельница в селе Акля Угочской жупы, принадлежавшая Альберту Банясу. Одновременно повышалась и техническая оснащенность действующих предприятий: на Береговской мельнице, принадлежавшей акционерному обществу, была установлена новая паровая машина мощностью в 150 л. с. вместо старой машины мощностью в 35 л. с. (на мельнице работало 50 рабочих; было выпущено 40 тысяч метро-центнеров муки на 300 тысяч форинтов); на мельнице М. Газа (Марамарош-Сигет) паровая машина в 30 л. с. была заменена машиной в 50 л. с. (на этой мельнице в 1894 году было занято 95 человек рабочих, выпущено 16 тысяч метро-центнеров муки на 128 тысяч форинтов); годовичная производительность мельницы в Берегове возросла в конце XIX столетия по сравнению с 80-ми годами более чем на 30%, а производство двух марамарошских мельниц увеличилось с 11 тысяч метро-центнеров переработанного зерна до 26¹⁹⁴⁾.

В конце XIX столетия мукомольная промышленность Венгрии переживала серьезные затруднения в связи с конкуренцией других стран — поставщиков хлеба и муки и высокими

¹⁹²⁾ Количество переработанного зерна на закарпатских мельницах (в тысячах центнеров) на протяжении 70—80-х годов составляло: 1873 год — 582, 1880 год — 268, 1881 год — 270, 1882 год — 296, 1883 год — 318, 1884 год — 324 (Misé, 1874, стр. 296—297; Hismal, 1885, стр. 176—179, 182—185).

¹⁹³⁾ В 1873 году акционерное общество мукомолов Бережской жупы, возглавляемое Э. Нойвельтом, основало крупную паровую мельницу в Мукачево, которая в 70-х годах приносила значительные доходы акционерам (в 1874 году было выплачено 9,5% дивидендов), однако в последующие годы, вследствие конкуренции венгерских предпринимателей, объем производства этой мельницы значительно сокращается (см. указ. соч. L e h o s z k y T., Beregvármegeye monográfiája., II, стр. 428).

¹⁹⁴⁾ Deb, 1895, стр. 112—113.

ценами на пшеницу на внутреннем рынке. Как выразался один из представителей венгерского правительства, уже в самом начале 1897 года можно было заметить, что «звезда нашей мельничной промышленности подозрительно высоко блуждает в «зодиакальном знаке» перепроизводства». В связи с резким повышением цен на пшеницу мельничная промышленность оказалась в критическом положении, так как «не могла конкурировать на зарубежных рынках»¹⁹⁵).

В этих условиях, когда внутренний рынок Венгрии был переполнен мукой, себестоимость которой значительно возросла в связи с повышением цен на пшеницу, а потребление муки трудящимися резко снизилось, конкурентные возможности закарпатских мельниц были сведены к нулю, и мукомольное производство в Закарпатье даже в начале XX столетия не вышло из состояния застоя и отсталости. Его удельный вес в производстве муки в Венгрии не превышал 3%. Как говорилось в отчете Кошицкой торгово-промышленной палаты за 1910 год, крупные мельницы прекратили свою работу вследствие конкуренции канадской, русской и румынской муки¹⁹⁶).

На всех 383 мельницах Закарпатье в 1884 году было занято 380 наемных рабочих и мастеров¹⁹⁷) (99 квалифицированных мельников, 186 постоянных и 95 поденных рабочих)¹⁹⁸); к 1900 году их число возросло примерно до 450 человек.

Среди предприятий пищевкусовой промышленности надо выделить винокуренные заводы, которых насчитывалось в конце XIX столетия около 40¹⁹⁹). Для производства спирта использовались главным образом картофель и кукуруза. Объем производства этих заводов характеризуют такие данные: из 9 действующих в 1894 году спиртовых заводов Бережской и Угочской жуп 5 заводов (Штайнбергера, Шпиль-

¹⁹⁵) АВПР, ф. Политархив, 1901 г, д 576, л 135 об

¹⁹⁶) Kassai, 1912, стр. 109.

¹⁹⁷) Число наемных мастеров и рабочих в мукомольной промышленности, как свидетельствуют приведенные данные, было меньше общего числа мельниц. Это объяснялось тем, что абсолютное большинство мелких водяных мельниц обходилось без наемных рабочих. Так, в 1873 году, например, на 381 мельнице этого рода было занято в Марамарошском комитате 68 мастеров и рабочих; в Угочском комитате на 104 мельницах было занято только 2 наемных рабочих (см. Msé, 1874, стр. 296—297).

¹⁹⁸) Hismal, 1885, стр. 56—59, 112—113

¹⁹⁹) Msé, 1874, стр. 250—255, Deb, 1895, стр. 116—117; Deb, 1904, стр. 74. В Закарпатье многие винокуренные заводы, принадлежавшие помещикам, перешли в руки капиталистов-предпринимателей и ростовщиков (ГАЗО, ф 60, оп. II, 1888 г, д. 1224, лл. 1—3). В Венгрии в конце 90-х годов насчитывалось 534 винокуренных завода, доход государства от сбора акцизных пошлин на спирт в 1893—1894 годах составил 64,7 млн. крон (см. указ. соч. S á n d o r V., стр. 356).

мана, Фридмана и Гутмана) вырабатывали в год от 30 до 100 тысяч литров спирта 3 завода (Вайса и Вайнбергера) вырабатывали от 140 до 160 и один мукачевский завод Вайса выпускал 530 тысяч литров спирта; эти 9 заводов выработали в 1894 году в общей сложности более 1250 тысяч литров спирта²⁰⁰). В 1903 году 14 спиртовых заводов по трем жупам изготовили 850 тысяч литров спирта²⁰¹).

Кроме этого, в Закарпатье существовало несколько пивоваренных²⁰²), маслособойных и 9 укусуемых заводов²⁰³). На всех спирто-водочных, пивоваренных и других перечисленных предприятиях работало около 150 рабочих. Единственная в Закарпатье Мукачевская табачная фабрика, изготовлявшая преимущественно сигары, в течение 1899—1900 годов переработала 725 центнеров табака²⁰⁴). По сравнению с венгерскими табачными фабриками²⁰⁵) Мукачевская представляла собой небольшое предприятие (в 1899 году на фабрике насчитывалось 215 рабочих [из них 200 женщин], в 1900 году — 230, в 1905 году — 272); в Венгрии в 1899 году на табачных фабриках число рабочих превышало 19 тысяч человек (из них 17552 женщины и 338 детей); на одну табачную фабрику в Венгрии приходилось в среднем 900 рабочих²⁰⁶).

По нашим подсчетам²⁰⁷), в основных отраслях фабрично-заводской промышленности Закарпатья²⁰⁸) было занято в конце XIX — начале XX столетия более 7 тысяч рабочих (в обрабатывающей промышленности свыше 4,5 тысячи и в добывающей — 2,5 тысячи); женщины и дети составляли около 10% всех рабочих.

²⁰⁰) Deb, 1895, стр. 116—117.

²⁰¹) Там же, 1904, стр. 74.

²⁰²) Пивоваренный завод Шенборна производил ежегодно 12 тысяч гектолитров пива (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 330, лл. 11—20).

²⁰³) Msé, 1874, стр. 250—255; Deb, 1904, стр. 74

²⁰⁴) Msé, VIII, 1901, стр. 175; Msé, XIII, 1906, стр. 174.

²⁰⁵) В 1895 году в Венгрии насчитывалось 16 табачных фабрик, а в 1900 году их число возросло до 20 (см. Msé, XIII, 1906, стр. 174).

²⁰⁶) Msé, XIII, 1906, стр. 174.

²⁰⁷) Количество рабочих на закарпатских предприятиях определено на основе данных следующих статистических и архивных источников: Deb, 1879, стр. 76—77, 86—87, 116—117, Deb, 1895, стр. 98—99, 112—113, Deb, 1909, стр. 110—112; Msé, 1872, стр. 166—168, 170—171, Msé, 1874, стр. 78—79, 212—213, 216—217, 224, 296—297, Msé, III, 1896, стр. 158; Msé, VIII, 1900, стр. 128, 174—175, Msé, XIII, 1906, стр. 174, His, V, II, 1872, стр. 64—65, 94—97, Hismal, 1885, стр. 55—59, A Magyar városok statisztikai évkönyv, Vdp, 1912, стр. 312, ГАЗОФ, ф. 87, дд. 1499, 1523, ГАЗО, ф. 260, дд. 614, 615; см также указ соч. Тетні́ска́ гресе..., Horváth I., Й Перени, П. Гапак, В. Усенко, М. Климпотюк, Sándor V., Vegend I., Ránci Gy, В. I. Неточаев.

²⁰⁸) Без рабочих, занятых в мелкой кустарной промышленности, на лесозаготовках, на транспорте и в торговле

3. МЕЛКОЕ КУСТАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

В Закарпатье наряду с развивающейся фабрично-заводской промышленностью долго сохраняется и возрастает количественно мелкое капиталистическое промышленное производство²⁰⁹). Число мелких промышленных заведений заметно увеличивается в конце XIX — начале XX столетия (с 12 тысяч в 1900 г. до 15 в 1910 году) главным образом за счет сельских кустарных промыслов, открытых в связи с проведением «верховинской акции», а количество производителей (ремесленники и кустари-одиночки, семейные и наемные рабочие и ученики) возросло с 16 до 22 тысяч. Таким образом, число всех производителей, занятых в мелкой промышленности Закарпатья в конце XIX века, превосходило число фабрично-заводских рабочих в 2 раза и составляло 10% всего самодельного населения²¹⁰). Число наемных рабочих в мелкой промышленности и на предприятиях фабрично-заводского типа было одинаковым. Все это свидетельствовало о чрезвычайно низком уровне экономического, промышленного развития Закарпатья, о мелком характере промышленного производства, обусловившего собой и отсталость социально-экономических отношений.

Точно установить число закарпатских украинцев, занятых в мелком промышленном производстве, не представляется возможным, так как официальная венгерская статистика занижала общее число украинцев, включала в число «ремесленников» другие категории населения, не имеющие прямого

²⁰⁹) Венгерская промышленная статистика, вследствие ненаучных методов определения и группировки различных типов промышленных предприятий и различных категорий производителей, как мы указывали, не являлась достоверной. К «ремесленному производству» и «ремесленникам» она относила представителей самых разнообразных форм промышленности, промыслов и занятий: патриархальных ремесленников, работающих по заказу потребителей, представителей совсем иной формы промышленности — мелких товаропроизводителей, работающих своей семьей, владельцев капиталистических мастерских с наемными рабочими, предпринимателей-мануфактуристов с крупным капиталом, господствующих над целой системой деталей мастерских, а также владельцев корчем, отелей, похоронных бюро и т. д. Мало того, в число ремесленников включались и наниматели и нанимающиеся, эксплуататоры и эксплуатируемые, хозяева и наемные рабочие, «помощники» (семейные рабочие, подмастерья и ученики) и работающие на капиталистов домашние рабочие. Поэтому данные венгерской промышленной статистики, как недостоверные, требуют строго критического подхода.

²¹⁰) В Венгрии, по данным русского консульства в Будапеште (1895 год), из 480 тысяч наемных рабочих по всей стране 97 тысяч составляли фабричные рабочие и около 300 тысяч рабочие, занятые в мелкой промышленности, из них 170 тысяч наемных рабочих и подмастерьев, 92 тысячи учеников и 36 тысяч работающих членов семей ремесленников и кустарей (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 78).

отношения к этой отрасли производства, что еще более затрудняет разрешение этой задачи. Критически анализируя данные переписи 1910 года²¹¹⁾, сопоставляя их с другими источниками (именные списки промышленников-налогоплательщиков), можно приближенно установить, что число закарпатских украинцев, занятых в мелком промышленном производстве в конце XIX — начале XX века, составляло не более 20% (среди владельцев ремесленно-кустарных мастерских и предприятий мануфактурного типа преобладали представители еврейской, венгерской и немецкой мелкой буржуазии, а удельный вес украинской мелкой буржуазии был незначительным, вероятно, не превышал 10%). В массе своей закарпатские украинцы составляли кадры наемных рабочих мелкой промышленности²¹²⁾.

Буржуазные авторы, исходя из данных о количественном преобладании мелких заведений над предприятиями фабрично-заводского типа и быстрого возрастания числа ремесленников и кустарей, пытались обосновать тезис о превосходстве мелкой промышленности над крупной, «народных промыслов» над капитализмом в Закарпатье. Это утверждение представляет собой одну из попыток фальсифицировать историю экономического и социального развития Закарпатья. Анализ статистических и архивных данных показывает, что сумма производства фабрично-заводской промышленности Закарпатья превосходила во много раз объем производства мелкой промышленности, которая была тесно связана с торгово-промышленным капиталом. Мелкая промышленность Закарпатья по своей социально-экономической сущности являлась капиталистической промышленностью, а непосредственные производители ее в подавляющей массе — наемными рабочими мелких капиталистических мастерских, предприятий мануфактурного типа и фабрик.

Развитие фабричной промышленности и концентрации капитала неизбежно приводило к вытеснению мелкого производства. Своеобразие этого процесса в Закарпатье заключалось в снижении удельного веса мельчайших мастерских ремесленников и кустарей-одиночек при одновременном абсолютном и относительном росте как средних и крупных предприятий и промыслов, так и общего числа мелких промышленных заведений за счет притока новых масс ремесленников и кустарей и открытия новых мастерских и промыслов. Это явление объяснялось усилением процесса разложения закарпатского

²¹¹⁾ Mos, II, 1911, стр. 66, лл 470—548.

²¹²⁾ ГАЗО, ф. 262, 1880 г., д. 2229, лл. 1—6; ГАЗОФ, ф. 2, д. 320, лл. 11—64, д. 304, лл. 27—65, д. 538, лл. 1—64, см так же указ. соч. И. Перени, стр. 106, 107; П. Гапак, «Дукля», № 3, 1957, стр. 48.

крестьянства, ибо рост крестьянской буржуазии и сельского пролетариата увеличивал спрос на продукты мелких крестьянских промыслов, доставляя в то же время и свободные рабочие руки для этих промыслов и свободные денежные средства.

В. И. Ленин научно обосновал причины и значение роста мелкого производства в крестьянстве пореформенной России. Это ленинское положение полностью применимо и к Закарпатью. В. И. Ленин указывал, что рост мелкого производства в крестьянстве означает появление новых производств, выделение новых отраслей обработки сырья в самостоятельные сферы промышленности, прогресс в общественном разделении труда, начальный процесс развития капитализма, тогда как поглощение мелких заведений крупными означает уже дальнейший шаг капитализма, ведущий к победе высших форм его. Распространение мелких заведений в крестьянстве расширяет товарное хозяйство, подготавливает почву для капитализма (создавая мелких хозяйчиков и наемных рабочих), а поглощение мелких заведений мануфактурой и фабрикой есть утилизация крупным капиталом этой подготовленной почвы. В. И. Ленин писал: «Совмещение в одной стране в одно время двух этих, по-видимому, противоречивых, процессов на самом деле не заключает в себе никакого противоречия. вполне естественно, что капитализм в более развитой области страны или в более развитой области промышленности прогрессирует тем, что стягивает мелких кустарей на механическую фабрику, тогда как в захолустных местностях или в отсталых отраслях промышленности процесс развития капитализма только начинается, проявляясь в возникновении новых производств и промыслов»²¹³).

Количество мелких промышленных заведений в Закарпатье и лиц, занятых в них, можно определить только приблизительно*. По нашим подсчетам, число промышленников одиночек во второй половине XIX столетия возросло с 4,5 до 8,3 тысячи и достигало в 1910 году — 9,4 тысячи²¹⁴). Эти представители самых разрозненных производителей и разобщенных мелких мастерских составляли в 1900 году 68% всех заведений мелкой промышленности. На протяжении 1900—1910 годов их количество возросло более чем на 1000 человек, но удельный вес одиночек в общем числе промышленников снизился с 68 до 61,8%, зато увеличилось число и повысился удельный вес других типов мелких промышленных заведений, особенно крупных мастерских и предприятий мануфактурного типа (со 100 до 260 заведений), применявших в значительных

²¹³) В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 354

²¹⁴) Msé, 1875, стр. 200—203, Msé, III, 1896, стр. 157.

размерах наемный труд, о чем можно судить по данным следующей таблицы²¹⁵⁾.

Таблица 8

Мелкие промышленные заведения с общим числом семейных и наемных рабочих	1900 год			1910 год		
	% заведений	% работников	количество рабочих на одно заведение	% заведений	% работников	количество рабочих на одно заведение
0	68,0	51,8	—	61,8	43,0	—
1	18,3	13,9	1	20,8	14,5	1
2	7,9	12,0	2	9,2	12,8	2
3—5	5,0	15,3	4	6,4	17,9	4
6—10 ²¹⁶⁾	0,5	3,1	8	1,4	7,5	8
11—20	0,3	3,9	15	0,4	4,3	16

Как видно из приведенных данных, в течение 1900—1910 годов удельный вес мелких промышленных предприятий с семейными и наемными рабочими повысился в целом с 48,2 до 57,0%, т. е. на 8,8% (в том числе промышленных заведений с 1—2 «помощниками» — на 0,6—0,8%, с 3—5 рабочими — на 2,6, с 6—10 рабочими — на 4,4 и с 11—20 рабочими — на 0,4%). Наиболее значительно возросла доля заведений с числом рабочих от 6 до 20 человек (на 4,8%), что свидетельствовало об экономическом усилении наиболее крупных заведений, которые составляли в 1910 году только 1,8% всех заведений, но сосредоточивали более 1/5 части всех наемных рабочих. Роль наемного труда, как видно из этого, повышалась параллельно с расширением размеров заведения.

Техническая и экономическая физиономия этих заведений радикально отличалась от мастерских мельчайших промышленников, основанных на капиталистической простой кооперации. В крупных заведениях, особенно на предприятиях с числом рабочих от 16 до 20 человек, находила широкое применение кооперация на капиталистических началах: разделение труда в более или менее значительных размерах, большая

²¹⁵⁾ ГАЗО, ф 772, оп 1, 1902 г, д 330; оп. II, 1907 г., д 32, оп III, 1912 г. д 12, ф 245, 1889—1908 гг, д 287, ф. 61, д 1942, Dec. 1879, стр 74—75, 1895, стр. 56—57; 1904, стр 34; Msé, III, 1875, стр. 200—203, III, 1896, стр. 157, Mos, II, 1901, стр. 540—548; Statistika prihrucka R. Č, I, 1920, стр 100

²¹⁶⁾ В крупных заведениях с 6—20 рабочими кустари-семьяне отсутствовали, здесь, как правило, применялся только наемный труд.

экономия в помещениях и инструментах при более богатом и разнообразном количестве их, крупные размеры заготовки сырья и сбыта продуктов, что в значительной степени удешевляло сырые материалы, расходы на доставку их, облегчало сбыт продукции и снижало издержки производства.

Мелкая промышленность представляла собой первоначальные, низшие формы капиталистического производства, сохранение и живучесть которых определялись отсталостью экономического развития Закарпатья. Мелкая промышленность в Закарпатье была представлена ремеслом, сельскими и городскими домашними кустарными промыслами и предприятиями мануфактурного типа.

**

Первой формой промышленности как самостоятельной области общественного производства являлось ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя. При этом материал мог принадлежать потребителю-заказчику или ремесленнику, а оплата труда ремесленника происходила либо деньгами, либо натурой. Будучи необходимой составной частью городского быта, ремесло распространилось в значительной степени и в деревне, служа дополнением крестьянского хозяйства.

В этой форме промышленности нет еще товарного производства; здесь появляется лишь товарное обращение в том случае, если ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта, покупая себе сырые материалы и орудия производства. Продукт труда ремесленника не появляется на рынке, почти не выходя из области натурального хозяйства крестьянина²¹⁷).

В условиях Закарпатья второй половины XIX столетия подобный тип ремесленного производства встречался редко, главным образом в сельской местности в отдаленных горных районах. Работой на заказчика-потребителя и из материала, принадлежащего последнему (выделка кожи, изготовление обуви, одежды, кузнечных изделий), была занята незначительная часть ремесленников-одиночек. Абсолютное большинство закарпатских промышленников являлось мелкими товаропроизводителями-кустарями, связанными с домашней капиталистической промышленностью, которая возникла в результате разложения старых докапиталистических форм промышленности (городского цехового ремесла, сельских домашних промыслов, составлявших необходимую принадлежность натурального хозяйства и неразрывно связанных с земледелием), и отчасти была создана капитализмом самостоятельно.

²¹⁷) В И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 286, 287.

В конце XIX века в Закарпатье масса промышленников-одиночек, а также владельцев мастерских и промыслов с 1—2 семейными и наемными рабочими и учениками находилась в зависимости от скупщиков-торговцев, выполняя заказы скупщиков и изготовляя продукцию из предоставленных ими материалов²¹⁸). Мастерские с 6—10 и особенно с 11—20 наемными рабочими (главным образом сапожные, портняжные, мебельные, кожевенные, корзиночные, столярные) представляли собой мануфактурные предприятия, владельцы которых эксплуатировали не только наемных рабочих, но и массу промышленников-одиночек и мелких кустарей с небольшим числом «помощников».

Четко выраженной специализации ремесленного кустарного производства в Закарпатье не существовало. Мелкая промышленность вырабатывала разнообразную продукцию производственного и личного потребления и обслуживала бытовые нужды населения. Так, например, в городе Мукачево в 1864 году насчитывалось 209 ремесленников 38 профессий. На протяжении последующих 30 лет их число увеличилось, но осталось почти прежнее деление по профессиям и во многих случаях мы встречаем те же имена кустарей, передававших свое ремесло по наследству. По числу мастерских и предприятий в Мукачево на первом месте стояли сапожники (14%), на втором — кожевники, портные, столяры (12%), затем следовали гончары, ткачи, бондари, шорники, кузнецы, веревочники, колесники, мыловары, шапошники, меховщики, маляры, колбасники, пекари и т. д.²¹⁹).

В местечке Тячеве из 100 владельцев ремесленных и кустарных мастерских было 10 сапожников, 9 колесников, по 6 человек кузнецов и портных, по 4 человека столяров, шорников, плотников, гончаров и т. п.²²⁰). В Севлюше в 1890 году насчитывалось 130 промышленников, в 1891 году — 141, в 1892 году — 146, в 1896 году — 147 человек. По профессиям ремесленники и кустари распределялись следующим образом: 23 сапожника, 13 портных, 7 колесников, по 6 человек столяров и кузнецов, 5 плотников, по 1—2 человека других профес-

²¹⁸) Анализ статистических и архивных данных показывает, что в селах и местечках Закарпатья было сосредоточено 60% всех мелких промышленных заведений, причем около половины мелких промышленников (главным образом ремесленников и кустарей-одиночек, владельцев мастерских и промыслов, имевших 1—2 «помощников») было связано с земледелием. По нашим подсчетам, только 10% сельских и городских ремесленников работало на заказчика-потребителя, 5% кустарей товаропроизводителей, сохранявших известную самостоятельность, работало на «вольную продажу» и 80% мелких промышленников находилось в прямой зависимости от торгово-промышленного капитала.

²¹⁹) См. ГАЗОФ, ф. 2, д. 304, лл. 1—60; д. 320, лл. 30—52.

²²⁰) Там же, ф. 61, д. 1942, лл. 1—38.

сий. Такой же характер носило мелкое производство и в местечке Голми (Угочская жупа), где в конце XIX столетия числилось 50 ремесленных и кустарных мастерских²²¹).

Сопоставление городских и деревенских ремесел и кустарных промыслов Ужгородской жупы по характеру производства²²²) показывает, что никаких принципиальных различий в этом отношении между ними не существовало. Это было типичным и для других комитатов. В городах и сельских местностях по количественному составу преобладали 8 профессий ремесленников и кустарей: портные, сапожники, каменщики, столяры и плотники, слесари, печники и гончары, кожевники, шорники и жестянщики, но в деревне было больше сапожников, столяров, колесников, каменщиков и особенно кузнецов. Только в начале XX века в сельских местностях Закарпатья (Марамарошская жупа, Свалявский и другие округа Бережской жупы) получают распространение специализированные отрасли кустарных промыслов.

На протяжении 60—90-х годов XIX столетия деревенские домашние промыслы в Закарпатье все больше теряли свое значение и деградировали. Еще в 40—50-х годах закарпатские крестьяне сами производили из своего сырья большую часть тех продуктов промышленности, в которых они нуждались. Остальные их потребности удовлетворяли деревенские соседи, занимавшиеся ремеслом наряду с земледелием и получавшие плату большей частью в виде продуктов или взаимных услуг. Семья, а еще в больших размерах деревня, довлекла сама себе и производила почти все, что ей было нужно. Это было почти полное натуральное хозяйство.

Но положение изменилось во второй половине XIX века после отмены крепостного права. Развитие капитализма, товарно-денежных отношений, крупной фабричной промышленности подорвало основы натурального хозяйства и привело к потере крестьянами значительной части своей прежней производительной работы в деревне. Крупная промышленность своей конкуренцией не только подорвала кустарное производство крестьянина для собственных нужд, но и отняла у него рынок для сбыта кустарных изделий, предназначенных для продажи. В условиях Закарпатья, когда собственная или арендованная земля была недостаточна для пропитания большей части крестьянских семей, она могла все же служить хотя бы непрочным базисом какого-нибудь кустарного промысла, обеспечивая этому промыслу крайне низкие без этого условия размеры заработной платы. Поскольку же крестьянин лишался и этого непрочного базиса, а фабричные

²²¹) ГАЗО, ф. 245, 1889—1908 гг., д. 287, лл. 1—90.

²²²) Kassai, 1911, стр. VI—VII.

товары все более завоевывали рынок, то естественно, что деревенский кустарный промысел в Закарпатье уже в 90-х годах пришел в полный упадок. Э. Эган в своем докладе писал, что домашний промысел, который ограничивался выделкой шерстяных изделий, теперь уже не существует, так как крестьянин не может содержать овец. Крестьянин теперь покупает для себя готовую одежду. Проведенная в конце 1899 года комиссаром министерства торговли Андором проверка состояния кустарной промышленности в Севлюше, Копани, Заречье и других пунктах Закарпатья показала, что корзинный и «гунекатальный» промыслы, получившие в свое время широкое распространение, теперь совершенно исчезли.

Восстановлением кустарного промысла в закарпатской деревне занялась экспозитура горных районов министерства земледелия Венгрии в связи с проведением «верховинской акции». Вот почему в конце XIX — начале XX столетия наблюдается возрастание числа специализированных сельских промыслов в Закарпатье и числа лиц, занятых в деревенской кустарной промышленности.

За счет небольших ассигнований правительства и средств сельских обществ экспозитурой были созданы курсы по обучению крестьян ремеслам и ряд кустарных артелей по производству корзин, мебели и деревянных изделий, полотна, армяков (гуни), ковров, а также артели художественной вышивки, резьбы по дереву и т. п.

На курсах по плетению корзин (продолжительность обучения 6—8 недель) к 1908 году было обучено ремеслу 5270 человек (в 8 селах Бережской жупы 139, в 12 селах Марамарошской жупы 5131 человек; ассигнования правительства на обучение составили 9250 крон, из них израсходовано на содержание 32 инструкторов 4 тысячи крон)²²³. К 1912 году на этих курсах в 38 селах было обучено 8150 человек (расходы составили 18 тысяч крон)²²⁴. Курсы резьбы по дереву (в 68 селах) окончили 162, по изготовлению мётел — 196 человек²²⁵. Курсы ткачества и вышивки были организованы в Марамарошской жупе. На протяжении 5 лет (1902—1906 годы) на этих курсах (в 41 селе) обучалось 250 женщин и девушек²²⁶.

Обучение ремеслу, как можно судить по отчетам экспозиту-

²²³) ГАЗО, ф 772, оп I, 1902 г, д 330, лл 18—41, ф. 772, оп II, 1907 г, д 32, лл 7—8.

²²⁴) Там же, ф. 772, оп. II, 1907 г, д 32, лл 7—17

²²⁵) Там же, ф. 772, оп III, 1912 г, д 12, лл 85—88

²²⁶) Там же, ф 772, оп. II, 1907 г, д 32, лл 3—20 Кроме того, 6 учеников были командированы в школу деревообработки, 2 человека — в керамическую школу в Ужгороде и несколько священников и учителей обучались на курсах по сбору лекарственных растений в Колошваре (ГАЗО, ф 772, оп. III, 1912 г, д 12, лл. 90—91).

ры, не встречало особого сочувствия со стороны закарпатской бедноты, так как оно не избавляло их от нищеты и голода и не гарантировало постоянного заработка, достаточного для существования, а крестьянские общества, на которые экспозитура возложила часть расходов по обучению ремеслам, были настолько переобременены налогами, что не только не соглашались участвовать своими средствами в содержании ремесленных курсов, но иногда и противодействовали их организации.

Об этом свидетельствуют отчеты комиссии по содействию развитию промышленности Марамарошской жупы²²⁷). Курсы по обучению ткачеству и вышиванию в селах Драгомирфалва, Бочков, Довгое и других прекратили свою работу, а в селе Хуст-Кёс, где курсы посещали 17 девушек, крестьяне отказались оплачивать их обучение и, как говорилось в отчете комиссии, «даже разбили двери в хате, где проходили занятия»²²⁸). Поэтому комиссия прекратила обучение ткачеству и вышиванию крестьянских девушек и занялась обучением этому ремеслу детей шахтеров соляного рудника Солотвино, где курсы посещали 42 девушки. Многие из женщин и девушек, окончивших эти курсы, отказывались работать в артелях, вследствие чрезвычайно низких заработков. В 1906 году на курсах ткачества и вышивания обучалось 58 человек, из которых большинство после окончания курсов оставило работу; из 252 человек, обученных этим ремеслам за 5 лет, осталось в артелях только $\frac{2}{3}$ ²²⁹).

Наибольшее значение среди деревенских кустарных промыслов имело производство корзин. Артели (сосредоточенные главным образом в Марамарошской жупе), организованные на паевых началах, изготовляли различного рода плетеные изделия: корзины для перевозки фруктов, плетеную мебель, коврики и мелкие бытовые предметы и украшения. Размер паевого взноса члена артели составлял 30—40 крон²³⁰). Помимо использования паевого капитала, артели получали небольшие ссуды от правительства²³¹). Корзиночные артели

²²⁷) ГАЗО, ф 772, оп II, 1907 г., д. 32, лл. 3—20.

²²⁸) Там же, л. 5

²²⁹) Там же, лл 5, 11—27.

²³⁰) Паевой капитал 9 артелей Бережской и Угочской жуп, насчитывавших 433 члена, составлял в 1907 году 14,6 тысячи крон (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 330, лл. 18—41).

²³¹) Помощь со стороны правительства корзиночным артелям выражалась в следующем: каждой артели выдавалось единовременное пособие для обзаведения в размере 2,2 тысячи крон, под лозовые питомники отводилось по 30 хольдов земли, на каждый хольд земли предоставлялась безвозвратная ссуда в 340 крон. Артели получили 50 тысяч саженцев лозы. Пайщиком каждой артели состояла экспозитура горных районов, вносившая по 1 тысяче крон пая. Кроме того, экспозитура оказывала содействие артелям по обеспечению их сырьем (ссуда 12 тысяч крон) и по сбыту готовой продукции (посредничество и снижение железнодорож-

изготавливали ежегодно по несколько сот тысяч корзин и других плетеных изделий²³²), которые находили сбыт на местных и отдаленных рынках²³³). Только три артели Марамарошской жупы (в селах Кокейнеш, Ганьо и Нягово) за 6 лет (1901—1906 годы) изготовили около 100 тысяч плетеных изделий на сумму 40 тысяч крон (число членов артелей в этих селах возросло с 20 до 132 человек)²³⁴).

В ковроткацкой артели и артели художественной вышивки в Марамарош-Сигете в 1906 году было занято 112 человек (29 ткачих и 83 вышивальщицы). Объем производства этих артелей характеризуют следующие данные²³⁵).

Таблица 9

Г о д ы	Произведено ковровоткацких изделий		Изготовлено вышивок	
	штук	сумма (в тысячах крон)	штук	сумма (в тысячах крон)
1903	135	1,3	161	1,7
1904	238	2,1	701	5,4
1905	374	3,4	1202	8,8
1906	332	6,8	2105	18,0

Таким образом за 4 года (1903—1906 годы) производство в этих артелях Марамарошской жупы возросло в 8,2 раза, а в последующие годы еще более увеличилось (к 1908 году было произведено более 8,5 тысячи штук изделий на сумму 31 тысяча крон)²³⁶).

Мелкие артели по изготовлению шерстяных армяков были созданы в Бережской жупе (4 села), в Марамарошской и Угочской жупах (в артелях работало по 5—6 человек)²³⁷), а также несколько артелей по изготовлению мётел, полотна (село Арданово Бережской жупы), гончарных изделий, плетеной мебели, артели резьбы по дереву, заготовке лекарственных растений и т. п. В 1911 году в Закарпатье существо-

ного тарифа на 40%) (ГАЗО, ф., 772, оп. I, 1902 г., д. 330, лл. 18—41, оп. II, 1907 г., д. 32, лл. 8—17).

²³²) Газета «Наука», № 9, 1 марта 1906 года.

²³³) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 330, лл. 41—44.

²³⁴) Там же, ф. 772, оп. II, 1907 г., д. 32, л. 35.

²³⁵) Там же, лл. 20—27.

²³⁶) Газета «Наука», № 19, 21 мая 1908 года.

²³⁷) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 330, лл. 41—66. Эти артели получили от государства 6 тысяч крон ссуды

вало 85 артелей деревенского кустарного промысла, в которых было занято 4 тысячи человек²³⁸).

В одном из отчетов комиссии по развитию промышленности в Марамарошской жупе, изданном в виде брошюры, автором которой являлся секретарь этой комиссии Я. Гедер, немало места было отведено восхвалению деятельности комиссии, которая, мол, работая «без вознаграждения», руководствовалась одной целью, сформулированной в лозунге «Учить народ работать и дать народу работу!»²³⁹). Однако факты говорят о другом. Эти «бескорыстные» ревнители о «народном благополучии», эти «учителя народа» использовали свое положение только в целях наживы.

В будапештской газете «Az Est»²⁴⁰) в статье журналиста Феньеша Ласло раскрывались способы обогащения деятелей этой комиссии, возглавляемой священником М. Балогом и секретарем, бывшим окружным судьей, Я. Гедером. Они под различными предлогами растратили и присвоили значительную часть средств, ассигнованных правительством на развитие кустарной промышленности. За 9 лет своего существования (с 1901 года) комиссия получила от экспозитуры горных районов около 334 тысяч крон, из них 200 тысяч крон на организацию кустарных промыслов (плетение корзин — 40 тысяч, ткачество — 132 тысячи и художественная вышивка — 27 тысяч крон).

Большая часть этих средств была израсходована на содержание чиновников (председатель комиссии получал 1000 крон в год, секретарь — 1200, нотариус — 600, кассир — 500 крон и т. д.), командировки и другие административные расходы. Результаты производственной деятельности комиссии были ничтожны; себестоимость кустарных изделий, выпускаемых артелями, в 2—3 раза превышала уровень рыночных цен; произведенные изделия не находили сбыта. Так, например, на выработку одной партии ткацких изделий комиссией было израсходовано 52 тысячи крон, а торговцы предлагали за них только 15 тысяч крон.

Однако руководители комиссии, присосавшиеся к доходному месту, на все лады рекламировали в издаваемых ими

²³⁸) Там же, ф. 772, оп. II, 1907 г., д. 32, лл. 7—17, оп. I, 1902 г. д. 330, лл. 41—66, оп. III, 1912 г., д. 12, лл. 85—90. По официальным данным, число ремесленников и кустарей в закарпатской деревне возросло с 1900 человек в 1890 до 4000 в 1911 году (см. Msé, 1896, стр. 158, ГАЗО, ф. 772, оп. III, 1912 г., д. 12, л. 85). Число ремесленников и кустарей в деревенской промышленности Венгрии (1901 год) достигало 40590 человек (7886 кузнецов, 3130 каменщиков, 2500 бондарей, 1126 гончаров и т. д.) (АВПР, ф. Полятархив, 1901 г., д. 576, л. 81).

²³⁹) ГАЗО, ф. 772, оп. II, 1907 г., д. 32, л. 3.

²⁴⁰) «Az Est», № 23, 27 января 1912 года.

брошюрах «успехи» кустарной промышленности в Марамароше, доказывая, вопреки истине, «повышение благосостояния крестьян», получивших-де «надежный источник доходов». В действительности же, как указывал Л. Феньеш, «население ничего не получило» от этой «кустарной затеи» и «никакого улучшения в жизни крестьян не наступило»²⁴¹).

И, действительно, мероприятия венгерского правительства по возрождению мелкой кустарной промышленности несколько не облегчали положение деревенской бедноты и мелких производителей, а, наоборот, открывали путь для самой беззастенчивой эксплуатации закарпатской деревни торгово-промышленным капиталом и различного рода скупщиками и спекулянтами. Участие же правительства в субсидировании ремесленных артелей и сосредоточение в руках государства большей части их паевого капитала служило средством экономического и политического подчинения деревенской бедноты, средством мадьяризации закарпатоукраинских тру-дящихся.

Мероприятия экспозитуры по оказанию «помощи» мелкому крестьянину посредством возрождения кустарных промыслов на деле превращалось в насаждение худшего вида капиталистической эксплуатации трудящегося крестьянства. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «...То, что на более ранней исторической ступени служило основой относительного благосостояния рабочего,— связь земледелия с промышленностью, собственный дом, огород, земельный участок, обеспеченное жилье,— становится теперь, при господстве крупной промышленности, не только крайне тяжелыми оковами для рабочего, но и величайшим несчастьем для всего рабочего класса, основой беспримерного снижения заработной платы против ее нормального уровня, притом не только в отдельных отраслях промышленности и в отдельных районах, но и во всей стране. Не удивительно, что крупная и мелкая буржуазия, живущая и обогащающаяся за счет этих огромных вычетов из заработной платы, мечтает о сельской промышленности, о рабочих с собственными домиками и видит во введении новых кустарных промыслов единственное целебное средство от всех крестьянских невзгод»²⁴²).

Снабжение сырьем и сбыт продукции кустарной промышленности находился в руках торгово-промышленных компаний, отдельных торговцев и предпринимателей. Закарпатские вышивки и ковры реализовались через комиссионеров в Будапеште и Бечкереке (Банат), в числе которых были Ш. Чоподи, В. Грюнбаум, Венгерское торговое акционерное общество,

²⁴¹) ГАЗО, ф 772, оп III, 1912 г., д 1

²⁴²) К Маркс и Ф Энгельс, Соч., т. 16, ч. I, стр 281

Венгерское художественно-промышленное общество, Общество домашней промышленности им. Изабеллы, Союз венгерских промышленников «Тюльпановый сад»; полотно приобретала будапештская торговая фирма Вайн Кароль и К^о и др.²⁴³), скупавшие за бесценно кустарную продукцию и наживавшиеся на эксплуатации членов артелей. Кустари по производству армяков находились в зависимости от скупщиков шерсти, которые продавали шерсть по 104—120 крон за центнер, скупая ее зимой у крестьян по 76—96 крон²⁴⁴).

Так торговый капитал, отрезая мелкого производителя-промышленника от рынка готовых изделий и от рынка сырья, окончательно подчинял и закабалял его. Наиболее распространенной формой эксплуатации мелких товаропроизводителей торгово-промышленным капиталом в Закарпатье являлась раздача материалов на выработку на дому за определенную плату.

В связи с избытком дешевой рабочей силы для крупного торгового и промышленного капитала представлялось более выгодным организовать некоторые производства в децентрализованной форме, в форме сельской и городской домашней промышленности. К числу этих отраслей производства относились: конфекционная, сапожная, мебельная, кожевнная, шерстекатальная, ковроткацкая и др.

Работа на дому на скупщика, как особая форма производства, особая организация экономических отношений в производстве, выросшая непосредственно из мелкого товарного производства, выступала обычно как простой придаток капиталистической мануфактуры и фабрики и низводила квазисамостоятельных ремесленников и кустарей фактически на положение наемных рабочих. Многие сотни мастеров-надомников — портных, сапожников, столяров, бондарей, корзинщиков, шерстекатальщиков, кузнецов, кожевников, горшечников — работали на торговые фирмы и отдельных скупщиков, вроде Готесмана, Розенталя, Мотринца, Цельса и других, и представляли собой массу капиталистически употребляемых рабочих.

Особенно ярко подчинение домашней кустарной промышленности Закарпатья капиталистам-предпринимателям нашло свое выражение в производстве плетеной мебели. По существу закарпатские кустари этой отрасли производства были превращены в домашних рабочих фабрики. На акционерное

²⁴³ ГАЗО, ф 772, оп. I, 1902 г., д. 330, л 18; оп. II, 1907, д. 32, л 27; «Podkarpatská Rus», Bratislava, 1936, стр 154 Только в 1906 году эти комиссионеры вывезли из Марамарошской жупы более двух тысяч штук изделий на сумму 15 тысяч крон (ГАЗО, ф 772, оп. II, 1907 г., д. 32, лл. 25—27; оп. I, 1902, д. 330, л. 18).

²⁴⁴) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 330, лл. 41—66.

общество «Мундус» в Ужгородской жупе (1907 год) работало 5 артелей с 365 работниками, которые изготовили 137200 штук плетеных сидений для стульев²⁴⁵). На мебельной фабрике братьев Гросс в Марамарош-Сигете (фабрика была основана в 1896 году) работало 357 человек, из которых 216 (более 60%) являлись кустарями-одиночками из сел Кертвиеш и Фалуслатина, выполняющих работу по заказу и из сырья фабрики на дому²⁴⁶). Это были промышленники, которые, по словам министра торговли Венгрии Гегедюша, «становятся фабричными работниками»²⁴⁷). Таким образом, домашняя система капиталистической промышленности в Закарпатье во второй половине XIX столетия, кроме названия, ничего общего со старинной, патриархальной, домашней промышленностью не имела. Она превратилась в форму капиталистического товарного производства, во внешнее отделение торговых заведений, мануфактур и фабрик, в особую форму эксплуатации дешевого и «свободного» труда, не вовлеченного еще в централизованное капиталистическое производство.

**

По мере развития капитализма и фабричной промышленности среди ремесленников и кустарей Закарпатья усиливается имущественное и социальное расслоение, разорение и упадок мельчайших мастерских и усиление капиталистических предприятий мелкой промышленности, применяющих в широких размерах наемный труд. Причем процесс вытеснения мелкого производства крупными предприятиями мануфактурного типа и фабричным производством в силу экономической отсталости Закарпатья проходил замедленно и выражался не столько в полном разорении мелких ремесленников и кустарей и в превращении их в пролетариев, сколько в сокращении объема производства и доходов мелких производителей, в сведении до минимума их потребностей и в широком распространении системы капиталистической домашней работы на скупщиков, владельцев мануфактур и фабрик, при которой обедневший мелкий производитель только номинально сохранял свою самостоятельность и все больше становился по существу наемным рабочим.

Обеднение массы ремесленников и кустарей и превращение их в работников, изготовляющих изделия по заказу и из сырья заказчиков-предпринимателей, с одной стороны, и обогащение небольшой группы владельцев кустарных предприятий, эксплуатирующих труд наемных рабочих, учеников и

²⁴⁵) Там же, лл 40—60.

²⁴⁶) Там же, лл 18—36.

²⁴⁷) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576 л 74

обедневших ремесленников, с другой стороны,— вот наиболее характерные черты социально-экономических отношений в мелком промышленном производстве Закарпатья.

Во второй половине XIX столетия в связи с разорением мелких ремесленно-кустарных мастерских и сокращением объема их производства наблюдается снижение средних размеров налога на одного промышленника. Так, в Севлюше в 1889 году подоходный налог на одного владельца мелкого ремесленно-кустарного заведения составлял 17 форинтов, в 1891 году — 9, в 1892 году — 5,7, в 1895 году — 8,5 и в 1896 году — 6,4 форинта²⁴⁸), т. е. размер налога за эти годы снизился более чем в два раза. В местечке Тячеве годовой доход большинства мелких промышленников сократился на 20—30%²⁴⁹). В Бережской, Марамарошской и Угочской жупах сумма подоходного налога в 1894 году по сравнению с предшествующим годом снизилась на 2500 форинтов, а средний размер налога на один патент — с 17,7 до 15,1 форинта²⁵⁰). В течение 1893—1903 годов средний размер налога на одного владельца мелкого ремесленно-кустарного заведения по Бережской жупе снизился с 10 до 7,5, по Ужгородской жупе — с 14 до 12,5 и по Марамарошской жупе — с 15 до 13 форинтов²⁵¹). По Ужгородской жупе в 1910 году средний размер подоходного налога на одного промышленника по сравнению с 1890 годом сократился на $\frac{1}{4}$ и составлял 7,3 форинта (в деревне 4,2, в городе — 10,5 форинта)²⁵²).

О глубине имущественного и социального расслоения среди мелких промышленников можно судить по таким данным: в Севлюше (1899 год) 48,5% уплачивали подоходный налог в размере от 3 до 10 форинтов, 44,2% — от 10 до 50 форинтов и только 7,3% (5 человек) — свыше 50 форинтов. Таким образом абсолютное большинство владельцев ремесленно-кустарных заведений (более 90%) должно быть отнесено к числу мелких и средних, и только незначительная группа из них (владелец столярной мастерской мануфактурного типа Э. Цельс, уплачивавший 57 форинтов налога, винокур Шембергер, уплачивавший 69 форинтов налога, и другие, имевшие по 6 и более наемных рабочих) представляла собой капиталистическую верхушку промышленников. В последующие годы удельный вес низших слоев ремесленников и кустарей (уплачивавших налог в размере от 1 до 10 форинтов) достигает 60—70%, а средний размер налога в высшей группе возра-

²⁴⁸) ГАЗО, ф. 245, 1889—1908 гг., д. 287, лл. 1—90.

²⁴⁹) Там же, ф. 61, д. 1942, лл. 11—18.

²⁵⁰) Deb, 1895, стр. 56—57.

²⁵¹) Там же, 1894, стр. 11.

²⁵²) Kassai, 1911, стр. VI—VII.

стает на 20—30%. В местечке Голми в начале XX века от 60 до 80% ремесленников уплачивали налог в размере до 10 форинтов, и только 10% — свыше 50 форинтов (мясник Г. Вайс—54—58 форинтов, винокур Э. Маркович — 100—180 форинтов и др.)²⁵³).

В Мукачево подоходный налог в размере до 10 форинтов уплачивали 95% владельцев ремесленно-кустарных заведений. Владельцы крупных заведений (винокуры С. Кро, И. Лорбер, владелец пекарни Л. Саллер, владелец столярной мастерской И. Мотринец и др.), составлявшие незначительную часть промышленников, уплачивали высокие ставки налога (50—100 и более форинтов)²⁵⁴. В местечке Тячеве более 90% всех владельцев мелких заведений имели годовой доход до 300 форинтов и только 4% (владелец кузницы Д. Стефанович, колесник Келемен, владелец портняжной мастерской Розенфельд) принадлежали к высшей эксплуататорской верхушке промышленников²⁵⁵. В Ужгородской жупе в 1910 году самыми низкими ставками подоходного налога (менее 5 форинтов) была обложена половина всех кустарей комитата, а среди деревенских промышленников эта группа бедноты составляла 82%²⁵⁶).

Количество зарегистрированных в закарпатских промышленных корпорациях «помощников» и учеников возросло с 1894 по 1905 год с 1 до 2 тысяч человек (в том числе 1100 учеников)²⁵⁷, но они не превышали сколько-нибудь значительно число членов корпораций — хозяйчиков. Бóльший удельный вес учеников по сравнению с наемными рабочими свидетельствовал также о преобладании мелких ремесленно-кустарных предприятий с небольшим числом «помощников» — главным образом учеников. В Венгрии число «помощников» значительно превосходило число владельцев мастерских (в 1899 году на 77, в 1905 году на 88%). Если в Закарпатье количество зарегистрированных учеников было равно числу наемных рабочих, то в Венгрии последние преобладали (в 1899 году в Венгрии насчитывалось 117 тысяч наемных рабочих и подмастерьев и 62 тысячи учеников, соответственно в 1905 году 147 и 68 тысяч), что свидетельствовало об относительно бóльшем удельном весе крупных заведений, с бóльшим числом наемных рабочих и подмастерьев, чем в Закарпатье.

Все приведенные нами данные позволяют утверждать, что к концу XIX столетия абсолютное большинство ремесленни-

²⁵³) ГАЗО, ф. 245, 1889—1908 гг., д. 287, лл. 1—90.

²⁵⁴) ГАЗОФ, ф. 2, д. 304, лл. 11—64

²⁵⁵) Там же, ф. 61, д. 1942, лл. 8—19.

²⁵⁶) Kassai, 1911, стр. VI—VII.

²⁵⁷) Msé, XIII, 1906 стр. 144—145.

ков и кустарей в Закарпатье (не менее 70—80%) представляло собой группу мельчайших производителей с годовым доходом в 100—200 форинтов, уступающим даже среднему заработку фабрично-заводского рабочего. Это были ремесленники и кустари, которые, как говорилось в докладе министра торговли, «снисходят до самой ничтожной работы»²⁵⁸). Для них целью производства являлось не столько получение прибыли, сколько получение средств к существованию. Процесс измельчения ремесленно-кустарного производства и обеднения массы мелких производителей сопровождался выделением небольшой группы (4—5%) предпринимателей-капиталистов, эксплуатирующих труд наемных рабочих, учеников и разорившихся владельцев мельчайших мастерских. Эта верхушка относилась к той группе предпринимателей, которая, по выражению министра торговли Венгрии, работала «про запас, имея машины и помощников»²⁵⁹).

В конце XIX — начале XX столетия, как свидетельствуют архивные и статистические материалы, экономические обзоры и отчеты торгово-промышленных палат, мелкое кустарно-ремесленное производство в Закарпатье, вследствие развития фабрично-заводской промышленности, образования промышленных и торговых монополий, обострения капиталистической конкуренции, находилось в состоянии хронического кризиса.

В отчете Дебреценской торгово-промышленной палаты за 1894, а также за 1904 год указывалось, что местные рынки завалены дешевой продукцией фабричной промышленности, с которой ремесленники конкурировать не могут, и это ставит их перед необходимостью прекратить свою деятельность²⁶⁰). Комиссия по развитию промышленности Бережской жупы и экспозитура горных районов в своих докладах отмечали, в частности, крайне тяжелое положение мукачевских гончаров, в которое поставили их фабрики, выпускающие дешевую эмалированную посуду. Ремесленники-гончары, говорилось в докладе экспозитуры, могли бы изготавливать глиняную посуду для пивоваренного завода Шенборна, который вырабатывает ежегодно тысячи гектолитров продукции, но будапештская фирма Дрейгера поставляет заводу глиняные сосуды, изготовленные машинным способом, по цене 20 филлеров за штуку, а ремесленники по такой цене продавать посуду не могут. Себестоимость кустарных гончарных изделий очень высока, так как цены на глину возросли, а материал для поливы ремесленникам приходится доставлять издалека. Предоставленная правительством ссуда (2 тысячи крон), которая была распре-

²⁵⁸) АВПР, ф Политархив, 1901 г, д. 576, л. 74.

²⁵⁹) Там же.

²⁶⁰) Deb, 1895, стр. 74, 1904, стр. 26.

делена между 32 гончарами долями по 40—80 крон, не может спасти их от разорения²⁶¹).

В отчете поджупана Угочской жупы (1900 год) отмечались следующие причины, обусловившие упадок кустарно-ремесленного производства: отсутствие капиталов, высокие нормы ссудного процента, низкая квалификация ремесленников и конкуренция фабричных товаров на рынке²⁶²). На мелкое производство давила прежде всего конкуренция промышленных предприятий Венгрии и Австрии; конкуренция же иностранных товаров почти не затрагивала его интересы. Только одна группа закарпатских кустарей — скорняки — требовала прекращения ввоза иностранных мехов, конкурировать с которыми она была бессильна²⁶³).

О неустойчивости мелкого кустарного производства свидетельствуют и такие факты: в 1893 году по трем закарпатским жупам были выданы промышленные патенты 625 кустарям и предпринимателям, из которых 125 человек (20%) прекратили свою деятельность в том же году²⁶⁴), а сумма налогов, уплачиваемых по промышленным и торговым патентам, в 1894 году только по одной Марамарошской жупе сократилась по сравнению с предыдущим годом с 93 тысяч до 78 тысяч форинтов, т. е. на 16%²⁶⁵).

Такой же процесс упадка переживало мелкое промышленное производство Венгрии в целом. Министр торговли Венгрии Гегедюш, выступая в палате депутатов в январе 1901 года, по этому поводу говорил: «Мне ставили в упрек, что я отдаю мелкую промышленность на жертву фабричной. Я действительно сказал, что при моем теперешнем положении и при своей организации мелкая промышленность осуждена на гибель; таково действительное положение вещей... Те центры ремесленной деятельности, которые когда-то представляли собой Эльдorado ремесла, теперь разлагаются или вовсе не существуют»²⁶⁶).

Мероприятия венгерского правительства, направленные к поддержанию мелкой промышленности, выразившиеся, в частности, в создании промышленных корпораций и промышленно-ремесленных кооперативов, не могли предотвратить ее неизбежный упадок*.

²⁶¹) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 33, л. 4 об.; 1902 г., д. 330, лл. 1—17.

²⁶²) Там же, ф. 245 (Поджупан Угочской жупы), 1900 г., д. 783, л. 4.

²⁶³) Deb, 1895, стр. 75.

²⁶⁴) Там же, стр. 42—43.

²⁶⁵) Там же.

²⁶⁶) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 73—74.

Официальная венгерская статистика приводит следующие данные о промышленных корпорациях в Закарпатье²⁶⁷).

Таблица 10

Годы	Количество корпораций	Число членов (владельцев ремесленно-кустарных заведений)	Зарегистрировано		Денежные средства корпораций (в тысячах крон)
			наемных рабочих и подмастерьев	учеников	
1894	4	1300	500	475	3
1899	5	1600	700	900	5
1901	5	1700	1000	900	5
1905	5	1900	1100	1100	9

Хотя число членов корпораций за указанные 12 лет возросло в 1,5 раза, но ими была охвачена всего только $\frac{1}{3}$ владельцев мелких заведений²⁶⁸). Членами корпораций состояли преимущественно владельцы тех мелких мастерских и промыслов, которые работали на «вольную продажу» и сохраняли в большей или меньшей мере свою самостоятельность, а также те владельцы средних и крупных заведений, которые или испытывали особенно сильную конкуренцию крупного торгово-промышленного капитала и надеялись при помощи корпорации противодействовать этой конкуренции, или те владельцы крупных предприятий, которые стремились использовать свое влияние в корпорациях в целях большего подчинения и закабаления массы мелких производителей. Руководство корпорациями находилось в руках этой верхушки капиталистических предпринимателей мелкой промышленности.

Производители-одиночки, а также мелкие кустари, находившиеся в зависимости от торгово-промышленного капитала, как правило, не состояли членами корпораций, как вследствие противодействия этому капиталистов-скупщиков, заинтересованных в сохранении их полной беззащитности, так и вслед-

²⁶⁷) Deb, 1895, стр. 42—43, Kjsé, 1901, стр. 491—492, Mos, II, 1900, стр. 464, 465; Msé, IX, 1902, стр. 131—132, Msé, XIII, 1906, стр. 144—145. См. также Fincicky M., Polgármesteri jelentés Ungvár város közhathatárról, Ungvár, 1912, стр. 300—302 и сл.

²⁶⁸) В 1899 году в Венгрии насчитывалось 317 промышленных корпораций, а в 1905 году — 342, соответственно число членов в них возросло со 101 до 115 тысяч, количество зарегистрированных «помощников» — со 180 до 214 тысяч, а денежные средства — с 1100 до 1318 тысяч крон (Msé, II, 1900, стр. 464—465, Msé, XIII, 1906, стр. 144—145; Deb, 1904, стр. 102—103).

ствии относительно высоких взносов, которые они должны были уплачивать в кассу корпораций (вступительный взнос от 2 до 4 крон и членский взнос 2 кроны в год). Некоторые владельцы преуспевающих средних и крупных заведений избегали вступать в члены корпорации, стремясь сохранить большую независимость в своей производственно-предпринимательской деятельности.

Слабые промышленные корпорации Закарпатья с ничтожными размерами капиталов, слагавшихся из членских взносов, отчислений от прибыли и ассигнований правительства (ежегодные поступления денежных средств корпораций составляли 2—3 тысячи крон, в то время как задолженность членов корпораций достигала в 1891 году 10 тысяч крон), не могли оказать никакой реальной помощи массе мелких производителей.

Созданные в конце XIX — начале XX века промышленно-ремесленные кооперативы (главным образом кредитные), располагая также незначительными средствами, были бессильны задержать упадок мелкого ремесленно-кустарного производства. В трех закарпатских жупах в 1903 году существовало 4 промышленно-ремесленных кооператива (по одному в Хусте и Мукачево и два в Марамарош-Сигете), деятельность которых характеризует следующая таблица²⁶⁹).

Т а б л и ц а 11

Г о р о д а	Количество членов	Паевой капитал (в тысячах крон)	Сумма предоставленного кредита членам кооперативов (в тысячах крон)
Мукачево	256	8,2	3,0
Хуст	101	8,5	30,6
Марамарош-Сигет	482	14,4	57,3

²⁶⁹ В Венгрии (1901 год) существовало 46 промышленно-ремесленных кооперативов (5200 членов), которые получили государственную субсидию в размере 174 тысяч крон; денежные средства кооперативов достигали 3 млн крон (см АВПР, ф Политархив, 1901 г, л 576, л 75). До конца XIX столетия венгерское правительство оказывало материальную помощь главным образом тем ремесленно-кустарным заведениям, которые были основаны на ручном труде и профессиональном искусстве мастеров (законы XII и XLIX—1899 г, XIII—1890 г) (см A hatalyos Magyar törvények gyűjteménye, II, Vdp, 1914, стр 40—51), а с конца XIX века, помимо субсидий и ссуд, выдаваемых ремесленно-кредитным кооперативам, правительство снабжало также ремесленно-кустарные ассоциации в рассрочку до 3 лет сырьем, усовершенствованными орудиями труда, станками и машинами (АВПР, ф Политархив, 1901 г, л 576, л 75).

Кредитными кооперативами была охвачена только $\frac{1}{7}$ часть владельцев мелких промышленных заведений. Паевой капитал кооперативов в расчете на одного члена составлял только 37, а средний размер ссуды — 108 крон. Ограниченные собственные средства кооперативов не могли удовлетворить потребностей мелких ремесленников и кустарей в кредите, а увеличение удельного веса заемных средств, наблюдающееся в последние годы, приводило ко все большей зависимости промышленно-ремесленных кооперативов от банковского капитала и, таким образом, не задерживало, а ускоряло разорение массы мелких кустарей.

4. ПОЛОЖЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ

В Закарпатье как колониально-отсталой и угнетенной области положение промышленных рабочих было чрезвычайно тяжелым. Относительное перенаселение в деревне, сохранение связи многих рабочих с землей, распыленность и неорганизованность рабочих открывали широкий простор для жестокой капиталистической эксплуатации, переплетавшейся с полуфеодальными формами эксплуатации, усугублявшейся политическим бесправием и национальным угнетением рабочего класса.

Так называемое «рабочее законодательство» в Венгрии второй половины XIX столетия представляло собой образец реакционного буржуазного законодательства, направленного к закреплению бесправного и зависимого положения рабочих. «В сравнении с другими европейскими странами, говорилось в экономическом обзоре русского консульства в Будапеште за 1901 год, венгерское социальное законодательство держится золотой середины. Оно старается отдать должное законным требованиям рабочих в том, что касается их личной безопасности, их здоровья и улучшения их материального положения, но, с другой стороны, оно остерегается упускать из виду интересы хозяев, нарушение которых роковым образом отозвалось бы приостановкой прогрессивного развития промышленности, что не могло быть выгодно и для рабочих»²⁷⁰). В этой характеристике социального законодательства в Венгрии нет и доли правды. Никакой «золотой середины» законодательство не придерживалось, оно игнорировало самые элементарные «законные требования рабочих» и было подчинено исключительно интересам капиталистов-предпринимателей.

Анализ основных положений закона 1893 года о промыш-

²⁷⁰) АВПР, ф Политархив, 1901 г., д 576, л. 85 об.

ленных рабочих²⁷¹) полностью подтверждает этот вывод. Фабриканту, владельцу предприятия параграф 94 предоставлял достаточно оснований для того, чтобы уволить рабочего в любое время, однако, если рабочий без уважительных причин оставит работу, то, как гласил параграф 159, власти должны потребовать от рабочего выполнения договора, «возвратить его силой на предприятие и принудить к выполнению работы» и подвергнуть штрафу до 20 форинтов²⁷²). Внеэкономическое принуждение рабочего, лишение его права даже свободно распоряжаться своей рабочей силой (принудительное возвращение на работу, система рабочих книжек и «волчьих билетов») до конца опровергают измышления реакционных авторов о том, что социальное законодательство Венгрии старалось «отдать должное» законным требованиям рабочих.

Продолжительность рабочего дня взрослых рабочих не ограничивалась. Закон определял только, что дневной работой (дневной сменой) считается время с 5 часов утра и до 9 часов вечера, ночной — с 9 часов вечера и до 5 часов утра, а на фабриках с круглосуточной работой предприниматель должен чередовать смены рабочего (параграф 118). «Во всем остальном, говорилось в упоминаемом нами экономическом обзоре, закон предоставляет свободу хозяевам и рабочим»²⁷³). Нечего говорить, что этот закон предоставлял предпринимателям неограниченную свободу устанавливать максимальную продолжительность рабочего дня.

Закон открывал широкую возможность капиталистам, с некоторыми незначительными ограничениями, эксплуатировать труд детей (закон только запрещал принимать на работу детей до 10-летнего возраста). Дети в возрасте от 10 до 12 лет, говорилось в законе, могут быть принимаемы на работу «по дозволению властей» с условием, что они смогут посещать или государственную или фабричную школу, но о продолжительности рабочего дня детей этого возраста закон ничего не говорил. Для детей от 12 до 14 лет устанавливался 8-часовой рабочий день, для детей от 14 до 16 лет — 12-часовой (параграф 115 закона); на деле же эти ограничения продолжительности рабочего дня детей почти никогда не осуществлялись.

Закон запрещал использовать на работах в ночное время и на вредных и опасных работах детей в возрасте до 16 лет (параграфы 115 и 116 закона). Однако целый ряд «разъяснений» и «исключений», приложенных к закону, по существу

²⁷¹) ГАЗО, ф. 721 (Бургомистр г Берегово), оп. I, 1900 г, д 666, АВПР, ф Политархив, 1901 г., д 576.

²⁷²) ГАЗО, ф. 721, оп. I, 1900 г, д 666, лл. 14—15.

²⁷³) АВПР, ф Политархив, 1901 г, д 576, л. 86.

отменяли указанные параграфы. Дети в возрасте от 14 до 16 лет могли быть использованы на ночной работе там, где такая работа «неизбежна», с «особого дозволения властей», а продолжительность работы этого возраста детей на вредных работах не должна была превышать 5 часов²⁷⁴). По поводу запрещения использования детей на вредных и опасных работах в экономическом обзоре консульства говорилось: «Тем не менее под известными условиями их допускают туда, но только на те работы, которые не могут повредить их здоровью, ни задержать их физическое развитие»²⁷⁵). Итак, закон одними статьями запрещает использовать детей на вредных и опасных работах, а другими разрешает использовать, если эти вредные и опасные работы не являются вредными и опасными для здоровья и жизни детей... Цинизм и бесчеловечность этой казуистики венгерского социального законодательства безграничны.

В соответствии с законом в воскресные дни и 20 августа (день св. Стефана) работа на промышленных предприятиях должна была приостанавливаться. Но это однако «не безусловно обязательно, так как законодатель, желая защитить труд, говорилось в обзоре русского консульства, принял также во внимание интересы капитала и своеобразный характер некоторых производств»²⁷⁶). Поэтому правительственным органам предоставлялось право делать исключения из этого закона, возлагая в то же время на предпринимателя «обязанность предоставлять каждому рабочему одно свободное воскресенье в месяц или полдня каждые две недели»²⁷⁷). И этот параграф закона, как видно, учитывал только интересы предпринимателя, а не рабочего, гарантируя последнему в лучшем случае только один день отдыха в месяц.

Закон обязывал предпринимателей обеспечить охрану здоровья и жизни рабочих на предприятиях (параграф 114 закона), выдавать заработную плату еженедельно и только наличными деньгами, запрещая продавать продукты и алкогольные напитки в кредит и делать вычеты за взятые товары в фабричной лавке из заработной платы рабочего (параграфы 118 и 120 закона). Опять-таки закон и в этом отношении оставлял лазейку для предпринимателей, устанавливая, что за предоставление рабочему квартиры, отопления, земли под огород, продуктов питания, лечебной помощи, инструментов и т. п. предприниматель может делать вычеты из его заработной платы. Параграф 118 закона не разрешал выдавать

274) Там же.

275) Там же.

276) Там же, л 86 об

277) Там же

рабочему в кредит товары и алкогольные напитки, а в параграфе 119 указывалось, что «если предприниматель отпускает в кредит товары, то претензий к рабочему-должнику через суд предъявлять не может». На деле же на многих предприятиях хозяева принуждали рабочих покупать товары и продукты в фабричных лавках по повышенным ценам, нередко в кредит, а различного рода вычеты из заработной платы рабочих, поглощавшие значительную часть их заработка, были явлением повсеместным.

Обязательного страхования рабочих в Венгрии во второй половине XIX столетия не существовало. Закон о добровольном страховании рабочих по болезни возлагал всю тяжесть страховых платежей на самих рабочих ($\frac{2}{3}$ страховых платежей высчитывались из заработной платы рабочих и $\frac{1}{3}$ вносилась фабрикантами). Обычно рабочие уплачивали в страховую кассу 3% своего заработка²⁷⁸). В соответствии с законом женщинам-роженицам предоставлялся 4-недельный отпуск без содержания, но с сохранением места работы на предприятии (параграф 116 закона).

Фабричные инспектора как агенты правительства, которых закон обязывал побывать на каждом предприятии своего участка не менее одного раза в год, не могли обеспечить выполнения предпринимателями даже тех минимальных требований об охране труда и страховании рабочих по болезни, которые предусматривались законом, так как эти чиновники, находившиеся обычно на содержании фабрикантов, всегда отстаивали только интересы хозяев. Можно сказать словами В. И. Ленина, что фабричные инспектора как в России, так и в Австро-Венгрии «вполне подчинены министерству финансов, которое превращает их в прислужников фабрикантов, заставляет их доносить полиции о стачках и волнениях, заставляет их преследовать рабочих за уход с фабрики, даже тогда, когда их не преследует фабрикант, одним словом, превращает фабричных инспекторов в каких-то полицейских служителей, в каких-то фабричных урядников. Фабрикант имеет тысячи способов влиять на фабричных инспекторов и заставлять их делать по-своему»²⁷⁹).

«Деловые пререкания» между рабочими и хозяевами на мелких предприятиях разрешали «третьейские суды», под председательством представителя власти (параграф 163 закона). Их решения были безапелляционными. Голос председателя третейского суда при равном количестве членов суда от рабочих и предпринимателей являлся решающим²⁸⁰). Не-

²⁷⁸) Там же.

²⁷⁹) В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 272.

²⁸⁰) АВПР, ф Политархив, 1901 г, д. 576, л 87, ГАЗО, ф 721, оп 1, 1900 г, д. 666, л 15

чего говорить, что высшие чиновники или должностные лица (начальники округов, бургомистры, старшие фабричные инспектора и т. п.), выступавшие в качестве председателей третейских судов, решали все дела, как правило, по желанию хозяев-предпринимателей.

Особенно ярко антирабочая сущность «рабочего законодательства» в Венгрии была выражена в параграфах 162 и 163 этого закона. Параграф 162 запрещал организацию и проведение забастовок рабочими с целью повышения заработной платы и улучшения условий труда. Если рабочие будут силой или угрозами принуждать других прекратить работу и присоединиться к забастовщикам, то виновные в этом, как указывал параграф 164, подвергаются штрафу до 300 форинтов и до 30 суток тюремного заключения.

Венгерское правительство, прикрываясь разглагольствованиями о необходимости укрепления национальной промышленности и повышения ее конкурентной способности, в развитии которой, мол, в одинаковой степени заинтересованы как хозяева, так и рабочие, а на самом деле, руководствуясь исключительно интересами промышленных монополий, задерживало введение обязательного страхования рабочих. Министр торговли Венгрии Гегедюш в одном из своих выступлений в парламенте (1901 год) по этому поводу говорил: «Устроить страховую операцию по иностранному шаблону не трудно, но этим можно убить промышленность»...²⁸¹). И только под давлением революционного движения рабочего класса, развернувшегося с особой силой под прямым воздействием первой русской революции, венгерское правительство вынуждено было разработать законопроект об обязательном страховании рабочих на случай болезни и увечья (автором проекта являлся министр торговли Ф. Кошут), принятый в 1907 году венгерским парламентом.

Еще в 1904 году в отчете Дебреценской торгово-промышленной палаты, в сферу деятельности которой входили и закарпатские жупы, указывалось на необходимость введения закона об обязательном страховании рабочих с той целью, чтобы предотвратить нарастание недовольства и забастовочного движения в стране²⁸²). Характеризуя политическую обстановку, в которой был принят закон 1907 г., русский консул в своем донесении писал: «...Венгерское законодательство почти не касалось до сих пор упорядочения отношений между работодателями и рабочими...». Поэтому правительство решило «хотя бы частично удовлетворить назревшие нужды рабочего класса», так как «неудовлетворительностью постановления

²⁸¹) АВПР, ф Политархив, 1901 г., д 576, л. 152.

²⁸²) Deb, 1904, стр. 23.

означенного вопроса не преминули воспользоваться социал-демократы, широко развив свою пропаганду среди мажоритарных трудящихся классов»²⁸³).

Сущность этого закона сводилась к следующему: 1) все существующие страховые и больничные кассы соединяются в одну общегосударственную кассу; в состав правлений государственных страховых касс входят в равном числе представители рабочих и предпринимателей; 2) «премия по страхованию от болезни» уплачивается наполовину предпринимателем и наполовину рабочим, причем, в случае отказа последнего добровольно вносить свою долю, работодатель имеет право, как указывалось в законе, высчитывать из заработка рабочего сумму в размере причитающегося с него взноса в страховую кассу; 3) взносы на страхование от увечья уплачивают только предприниматели²⁸⁴).

И этот закон, хотя он и вводил обязательное страхование рабочих, возлагал значительную часть расходов на рабочий класс. О том, какие цели преследовало венгерское правительство, издавая этот закон, русский консул в Будапеште писал следующее: «Приступая к законодательной работе по рабочему вопросу... венгерское правительство надеется положить известный предел эксплуатации трудящихся классов со стороны капиталистов и тем привлечь на свою сторону рабочий пролетариат, оградив его, по возможности, от влияния антигосударственных теорий международного социализма»²⁸⁵). Правительство Венгрии никогда и не помышляло положить «хотя бы известный предел» эксплуатации рабочего класса, оно, напуганное распространением идей социализма, подъемом революционной борьбы пролетариата, было вынуждено заняться рабочим вопросом. Никакое социальное законодательство в рамках существующего глубоко реакционного политического режима не могло остановить освободительное движение пролетариата Венгрии, развернувшееся в начале XX столетия под влиянием революции 1905 года в России.

Тяжелые, нестерпимые условия труда на капиталистических предприятиях Венгрии в значительной мере были обусловлены наличием сильных пережитков феодализма, политическим бесправием рабочих, недостаточной организованностью и сплоченностью рабочего класса, который не имел своей подлинно марксистской революционной партии. Капиталисты в погоне за максимальной прибылью не проявляли никакой заботы о создании хотя бы самых необходимых условий для нормального труда и жизни рабочих промышленных пред-

²⁸³) АВПР, ф. Политархив, 1907 г, д 581, л 36.

²⁸⁴) Там же, л. 37.

²⁸⁵) Там же, л. 37 об

приятый. Это чрезвычайно отрицательно сказывалось на здоровье рабочих и способствовало распространению профессиональных заболеваний. Игнорирование капиталистами техники безопасности вызывало большое число несчастных случаев на предприятиях, сопровождавшихся не только травмированием, увечьями, но и смертью рабочих. Отсутствие же государственного пенсионного обеспечения рабочих, утративших трудоспособность²⁸⁶⁾, обрекало их на голодную смерть.

Наступление капиталистов Венгрии на нищенский и без того жизненный уровень рабочих, усилившееся в конце XIX—начале XX столетия, привело к катастрофическому обнищанию рабочего класса, к невиданному усилению его эксплуатации. Русский консул в Будапеште, характеризуя экономическое и политическое положение Венгрии в конце 1900 года, писал: «...Венгрия переживает в настоящее время тяжкие экономические бедствия, и государственные люди страны оказываются неспособными бороться с ними. Политическая борьба мешает точно и беспристрастно изучить причины все развивающейся в низших слоях народа нищеты и безработицы»²⁸⁷⁾. Правительство Венгрии, указывал консул, в настоящее время обрушилось на рабочий класс, «среди которого число самоубийств, за неимением средств к существованию, все увеличивается»²⁸⁸⁾.

Никаких ограничений продолжительности рабочего дня на венгерских предприятиях, как мы указывали, не существовало. 13—15-часовой рабочий день был установлен на большей части предприятий Закарпатья, а в отдельных отраслях производства (горнорудная, металлургическая, кирпично-черепичная) достигал 16 и более часов²⁸⁹⁾. Вот итоговые данные

Т а б л и ц а 12

Время года	Количество предприятий	Продолжительность рабочего дня							
		16	15	14	13	12	11	10	9
		ч а с о в							
Лето	164	3	4	13	18	126	—	—	—
Зима	164	3	2	8	13	13'	1	4	2

²⁸⁶⁾ Обычно к 40 годам рабочие в результате бесчеловечной эксплуатации оказывались настолько ослабленными и истощенными, что хозяева отказывались принимать их на работу.

²⁸⁷⁾ АВПР, ф Политархив, 1900 г, д 575, л. 50.

²⁸⁸⁾ Там же, л 56.

²⁸⁹⁾ ГАЗО, ф. 7, д. 106, лл. 16—31.

о продолжительности рабочего дня на предприятиях мукомольной промышленности Венгрии в конце XIX столетия²⁹⁰). (см табл. 12).

Как видно из приведенных данных, на $\frac{1}{3}$ предприятий мукомольной промышленности рабочий день превышал 12 часов, достигая нередко 14—16 часов (свыше 12% всех предприятий). На таких предприятиях Закарпатья, как кирпичные заводы, табачная фабрика, шахты, пивоваренные и винокуренные заводы, рабочий день доводился до 16—18 часов. Законы 1884 и 1893 годов, ограничивающие рабочий день детей и подростков, на деле не выполнялись. В Закарпатье, как и в Венгрии в целом, были нередки случаи, когда рабочий, особенно на мелких предприятиях, работал вместе со своими детьми²⁹¹), причем продолжительность рабочего дня детей была не меньше рабочего дня взрослого. Заработной платы в этих случаях дети не получали, а обычно к выработке отца администрация предприятия начисляла небольшую надбавку за труд детей, «помогающих родителям»²⁹²).

Хотя существенных изменений в самом процессе труда на закарпатских предприятиях в течение второй половины XIX столетия не произошло, но в конце столетия наблюдается повышение затраты рабочей силы в единицу времени, т. е. увеличивается напряжение рабочей силы, интенсификация труда посредством усиления контроля за рабочими, широкого применения сдельной оплаты и увеличения числа машин на одного рабочего. Поэтому даже на предприятиях с 10-часовым рабочим днем такая конденсация труда была равнозначна удлинению рабочего дня. Чрезвычайно продолжительный рабочий день при сдельной оплате труда и низких ее ставках оказывали самое губительное действие на рабочих, вызывая разрушение рабочей силы, прогрессирующее истощение организма рабочего. К. Маркс, говоря о влиянии чрезмерного труда на организм рабочего, указывал, что за известными пределами снашивание рабочей силы «растет в геометрической прогрессии и в то же время разрушаются все нормальные условия воспроизводства и функционирования рабочей силы. С этого момента цена рабочей силы и степень ее эксплуатации перестают быть соизмеримыми величинами»²⁹³).

Охрана труда рабочих и организация техники безопасности на закарпатских предприятиях отсутствовали. Исключительно тяжелыми и опасными для жизни и здоровья рабочего

²⁹⁰) Указ. соч. Sándor V., стр. 621.

²⁹¹) На квасцовом заводе Шенборна, например, рабочие Чечур, Фицер, Матий и другие работали вместе со своими детьми (ГАЗО, ф. 87, д. 1499).

²⁹²) «Századok», № 1, Bdp, 1952, стр. 228

²⁹³) К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 529.

были условия труда на угольных, соляных шахтах и рудниках²⁹⁴), где происходили частые обвалы породы и затопления штреков водой. «Наши шахты подобны громадным тюрьмам, в которые заключены не осужденные судом преступники, а честные, прилежные, наиболее полезные обществу граждане», — говорил один из рабочих на конференции венгерских горняков в 1903 году²⁹⁵). Маломощные помпы не могли обеспечить откачивание воды из шахт, и рабочим приходилось выполнять работу нередко по пояс в воде в условиях постоянной высокой влажности воздуха. Грелок и сушилок на шахтах не существовало, и рабочие вынуждены были после смены бежать в свои землянки в мокрой одежде даже зимой. В связи с отсутствием вентиляционных устройств и пылеулавливателей на шахтах и металлургических предприятиях рабочим приходилось дышать воздухом, загрязненным рудной и соляной пылью, газами, выделяемыми при плавке и разливке металла, а отсутствие предохранительных прикрытий действующих механизмов и огораживания машин постоянно угрожало безопасности рабочих²⁹⁶).

Тяжелый и продолжительный труд при отсутствии техники безопасности и охраны труда самым пагубным образом отражался на здоровье рабочих. Никаких профилактических медицинских мер на промышленных предприятиях, вредных для здоровья, не осуществлялось. Работа производилась в грязных, темных, непроветриваемых помещениях. Предприниматели игнорировали элементарнейшие правила санитарии и гигиены труда. Рабочие жили в хижинах и бараках, в условиях скученности и отсутствия санитарного обслуживания, в общих помещениях для женщин и мужчин, а некоторые рабочие жили прямо в мастерских²⁹⁷). Все это вызывало массовые заболевания среди рабочих. Так, например, вследствие перенаселения бараков и антисанитарного состояния жилищ среди рабочих на строительстве железной дороги Ужок—Ужгород вспыхнула эпидемия сыпного тифа, которым заболело

²⁹⁴) См. A Magyarországi szocialisztikus munkásmozgalmak az éven, Bdp, 1903, стр. 220—223.

²⁹⁵) Указ соч. Т. М. Исламов, стр. 31.

²⁹⁶) См. A bányászak helyzete A Magyarországi Szakszervezeti Tanács megbízásából Bdp, 1904, стр. 3—6 и сл.

²⁹⁷) О жилищных условиях венгерских рабочих и ставках квартирной платы см. A Magyar Király iparfelügyelői tevékenysége az 1899—1900 éven, Bdp, 1901, «Szocializmus», 1906—1907, № 8 Реакционный лидер американских профсоюзов С. Гомперс, посетивший квартиры рабочих Будапешта, писал «Такой грязи, такого скопления нечистот, такого беспорядочного нагромождения человеческих существ я нигде не видел. И эти конуры стоят жильцам дороже, чем процветающему ремесленнику в любом американском городе квартира со всеми удобствами цивилизации» (S. Gompers, Labour in Europe and America, New York—London, 1910, стр. 95, Цит. по указ. соч. Т. М. Исламов, стр. 33).

сразу 70 человек²⁹⁸). В целом по Венгрии из 1000 рабочих 300 человек были больны туберкулезом²⁹⁹). На табачных фабриках Венгрии, в том числе и на Мукачевской фабрике, количество больных туберкулезом, хроническим бронхитом, воспалением слизистой оболочки глаз и т. п. достигало $\frac{9}{10}$ всех рабочих³⁰⁰). Обследование 4 тысяч столяров Венгрии в 1906 году показало, что более половины их страдает тяжелыми заболеваниями³⁰¹). Не удивительно, что в таких условиях труда, при чрезвычайной длительности рабочего дня средняя продолжительность жизни рабочих многих профессий в Венгрии не превышала 37 лет³⁰²).

Массовые несчастные случаи на предприятиях были обычным явлением. В актах о несчастных случаях вина за них возлагалась администрацией предприятий не на предпринимателя, а на рабочих, которые-де пострадали от «собственной неосторожности», или акты ссылались на объективные причины: «непредвиденная случайность», «несчастливая неожиданность», «невьясненные обстоятельства» и т. п. Причину распространения промышленного травматизма, конечно, надо искать не в «неосторожности» рабочих, а в капиталистических, хищнических формах эксплуатации труда рабочих, преследующей только одну цель — получение максимальной прибыли. В частности, путем замены повременной оплаты сдельной предприниматели добивались повышения интенсивности труда и увеличения нормы сверхстоимости, до предела изнуряя рабочих. Важным фактором, содействующим развитию травматизма на предприятиях, являлся также чрезмерно длительный рабочий день. Обычно уже после 6—8-часового дня да еще в антисанитарных условиях рабочий настолько физически и морально утомлялся, что часто терял способность к самоконтролю. Естественно поэтому, что большая часть несчастных случаев происходила во второй половине и в конце рабочего дня.

По официальным, чрезвычайно заниженным данным, в 1871 году на соляных рудниках Марамарош-Сигетского района из 1000 рабочих получили травмы и увечья 151 человек, из них 4 человека получили тяжелые увечья и один несчастный случай привел к смерти рабочего; в следующем году было за-

²⁹⁸) ГАЗО, ф 772, оп. I, 1905 г, д 713, л 5

²⁹⁹) A Magyar nép története, Bdp., 1951, стр 333

³⁰⁰) «Századok», № 1, 1952, стр 226 В 1894 году по 18 табачным фабрикам Венгрии было зарегистрировано больных рабочих мужчин в возрасте от 30 до 40 лет 39,4 и женщин — 68,7% (см указ соч Sándor V, стр 668)

³⁰¹) См. «Szocializmus», 1906—1907, № 7, стр 182

³⁰²) См A Magyarországi szocialisztikus munkásmozgalmak, Bdp., 1903, стр. 229.

регистрировано также более 150 несчастных случаев: 114 рабочих получили легкие травмы, 36 — тяжелые увечья, а один рабочий был убит³⁰³). В конце XIX — начале XX столетия под давлением рабочих были приняты некоторые меры по улучшению охраны труда, но это не привело к сокращению числа несчастных случаев. В 1899 году на рудниках Ронашак и Солотвино было отмечено 68 несчастных случаев; 23 рабочих получили тяжелые увечья³⁰⁴). В 1900 году только на одном Солотвинском руднике было зарегистрировано 36 несчастных случаев (24 легких травмы и 12 тяжелых увечий)³⁰⁵).

В ежегодном статистическом сборнике за 1904 год приводились следующие данные о количестве несчастных случаев на промышленных предприятиях Закарпатья в начале XX века³⁰⁶).

Т а б л и ц а 13

Г о д ы	Количество несчастных случаев	Примечания
1901	119	26 рабочих получили легкие травмы, 90 человек — тяжелые, и 3 несчастных случая закончились смертью рабочих.
1902	136	
1903	188	
1904	340	

³⁰³) Msé, 1874, стр. 212—213. Насколько официальная статистика не отражала действительного положения рабочих на закарпатских предприятиях, скрывая массовые несчастные случаи, свидетельствует тот факт, что только на одном соляном руднике Шугатаг в 1891 году (при наличии 400 рабочих) врачебным надзором было зарегистрировано 654 случая травмированных и заболеваний рабочих в результате отсутствия охраны труда (ГАЗО, ф. 260 д. 614, л. 18). Рост числа несчастных случаев в конце XIX столетия был характерным для венгерской промышленности в целом. Только на предприятиях металлургической и горной промышленности Венгрии за 9 лет (с 1891 по 1899 год) было зарегистрировано 5923 несчастных случая, из которых 859 случаев (14,5%) со смертельным исходом. В 1892 году было отмечено 459 несчастных случаев, в 1894 году — 705, в 1895 году — 701, в 1896 году — 885, в 1899 году — 723, из них несчастных случаев, закончившихся смертью рабочих, было в 1891 году — 70, в 1894 году — 110, в 1896 году — 153, в 1899 году — 106 (см. Mos, II, 1900, стр. 453).

³⁰⁴) Mos, II, 1900, стр. 453.

³⁰⁵) Msé, VIII, 1901, стр. 130. В соляной промышленности Венгрии на протяжении 1891—1895 годов ежегодно происходило 182 несчастных случая, а в 1898 году было зарегистрировано 177, из них 21 с тяжелым исходом (Mos, II, 1900, стр. 453).

³⁰⁶) Msé, XIII, 1904, стр. 144—145.

Таким образом, даже официальные статистические органы вынуждены были признать возрастные количества несчастных случаев на промышленных предприятиях в начале XX столетия, что явилось прямым следствием интенсификации труда и усиления капиталистической эксплуатации рабочих. Медицинской помощью не всегда пользовались даже рабочие, получившие травмы на предприятиях. Так, на Солотвинском руднике, как явствует из отношения начальника рудника к главному врачу, рабочий Юрий Такач в течение 6 недель после завала в шахте, нанесшего ему тяжелые ранения, не мог вызвать врача, прикрепленного к руднику³⁰⁷).

Больничные кассы на промышленных предприятиях Закарпатья стали создаваться за счет отчислений из заработной платы рабочих и частной благотворительности в конце XIX столетия³⁰⁸). О количестве больничных касс, их бюджете и размерах выдаваемой ими денежной помощи членам касс свидетельствуют следующие данные³⁰⁹) (см. табл. 14).

Число больничных касс, как видно из приведенной таблицы, за указанные 8 лет увеличилось вдвое, а число членов — на 44%. Одновременно с этим приходная часть бюджета больничных касс возросла в 2,5 раза, а расходная часть и сумма выданной денежной помощи членам касс — более чем в 3 раза. На каждого члена кассы в среднем приходилось в 1895 году 3,2 форинта выданной помощи, в 1900 году — 4,3 и в 1901 году — 5³¹⁰).

Если из общего числа больничных касс выделить только фабрично-заводские, то можно приблизительно установить, что в конце XIX столетия членами больничных касс состояло около 2,5 тысяч рабочих, т. е. 30% их общего числа. Денежные фонды рабочих больничных касс были мизерными; они

³⁰⁷) ГАЗО, ф. 374, д. 198, л. 2

³⁰⁸) На государственных предприятиях соляной промышленности больничные кассы существовали уже в 70-х годах XIX столетия. В 1873 году денежный фонд больничной кассы на трех рудниках Марамош-Сигетского соляного района составлял около 66 тысяч форинтов (Msé, III, 1875, стр. 197, 198).

³⁰⁹) Msé, III, 1896, стр. 170—173, A M Kir Kormány 1900 évi működéséről és az ország közállapotairól szóló jelentés és statisztikai évkönyv, Bdp., 1901, стр. 504—505; Mos, II, 1900, стр. 478—479, Kjsé, 1901, стр. 504, 505; Msé, IX, 1902, стр. 148 В 1905 году в Закарпатье насчитывалось 13 больничных касс (из них 9 фабрично-заводских), в которых состояло 7992 члена. Приход касс достигал 146 590, расход — 140058, сумма денежной помощи, выданной членам касс, составляла 106 609 форинтов (Msé, XIII, 1906, стр. 162, 163). В Венгрии в 1899 году было 434 больничных кассы и 591117 членов. Приход касс составлял 5.573 707, расход — 4 645.075, сумма выданной денежной помощи — 3.709 094 форинта (Mos, II, 1900, стр. 478—479).

³¹⁰) Усилившееся в начале XX века наступление буржуазии на права и организации рабочего класса привело к роспуску отдельных профсоюзных организаций и сокращению числа больничных касс (см. A Magyar

Таблица 14

Годы	Количество больничных касс ³¹¹⁾ .	Количество членов	Бюджет касс		Сумма денежной помощи, выданной членам касс
			приход	расход	
			форинты		
1894	8 (из них 4 фабрично-заводские кассы)	4753	19200	13752	—
1895	14 (из них 9 фабрично-заводских касс)	5854	32954	27077	18877
1899	14 (из них 9 фабрично-заводских касс)	5968	46368	36704	29493
1900	13 (из них 8 фабрично-заводских касс)	6659	43623	39928	30075
1901	13 (из них 8 фабрично-заводских касс)	6853	48824	44832	34266

не могли даже в минимальной мере удовлетворить потребности рабочих, временно потерявших трудоспособность. Так, по сведениям дирекции Солотвинского рудника, в течение 10 лет, с 1876 по 1886 год, на лечение рабочих, получивших травмы на предприятиях и временно утративших трудоспособность по болезни, было израсходовано 24165 форинтов, т. е. в год 2416 форинтов³¹²⁾. Больничная касса этого рудника выдавала

pép története, Vdr., 1941, стр 382) В связи с введением закона об обязательном страховании (1907 год) была ликвидирована больничная касса Перечинского лесохимического завода (см. указ. соч. A Bántlin стр 30), средства которой перешли в государственную кассу обеспечения на случай болезни в Ужгороде. Даже в истории заводов акционерного общества «Бантлин» указывалось, что рабочие «не были рады этому изменению», так как размер взносов в кассу увеличился, а сумма денежной помощи, выдаваемой рабочим, уменьшилась (указ. соч. A Bántlin .., стр 31). В 1912 году в Закарпатье насчитывалось 7 страховых касс и 18842 члена, приход касс составлял 172.282, расход — 160.246, сумма денежной помощи, выданной членам касс, — 126378 форинтов. В Венгрии в этом же году было 186 страховых касс и 1036549 членов. Приход касс составлял 11.828 600, расход — 11.942.95, сумма выданной помощи — 10 116.682 форинта (Misé, XX, 1912, Vdr., 1914, стр 181, 182).

³¹¹⁾ В общее число больничных касс включены как фабрично-заводские, так и кассы ремесленно-кустарных корпораций.

³¹²⁾ ГАЗО, ф. 260, д. 693, л. 6.

рабочим, получившим легкие травмы на предприятии, денежную помощь в размере 10—20 крейцеров в день, при тяжелых травмах — 20—40, что составляло $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ часть средней подневной заработной платы рабочего³¹³).

**
*

Размер заработной платы рабочих, как мы указывали, законом не регулировался, а целиком зависел от произвола предпринимателя. Разрозненные статистические и архивные данные о заработной плате на промышленных предприятиях Закарпатья не позволяют всесторонне исследовать этот вопрос. Однако они дают возможность сделать тот основной вывод, что, за исключением незначительной части высококвалифицированных (главным образом иностранных) рабочих, основная масса их получала за свой труд мизерную заработную плату, которая далеко не всегда покрывала даже потребности рабочего в самых необходимых продуктах питания.

На соляных шахтах постоянные рабочие, заключавшие договоры на длительные сроки найма, получали в день от 0,8 до 1 форинта. Мастера и квалифицированные рабочие (машинисты, кузнецы, плотники, полировщики и т. п.) в количестве нескольких человек на каждой шахте были выделены администрацией рудников в особую группу и поставлены в лучшие материально-бытовые условия, чем остальные рабочие. В 1872 году, например, окружным начальником соляных рудников для этой категории рабочих были установлены следующие подневные ставки заработной платы: каменщики и бондари — 2, колесники — 2,6, кузнецы — 3, подручные их — от 1,3 до 1,5 форинтов³¹⁴). Средняя подневная заработная плата рядового рабочего на соляных рудниках при 12-часовом рабочем дне не превышала 60 крейцеров, достигая в отдельных случаях 80 крейцеров. Заработная плата рабочего в 10—12 форинтов в месяц (50—60 крейцеров в день) считалась на соляных рудниках «вполне достаточной».

Средняя дневная заработная плата рабочего в горнорудной промышленности в 1869 году составляла 47 крейцеров (мужчины — 55, женщины — 30, подростки — 24 крейцера). Из 23 предприятий, действовавших в этом году, только на одном (шахта «Антал» Ужгородская жупа) дневная заработная плата рабочего мужчины достигала 1 форинта; на 7 предприятиях (шахты «Регина», «Гурабой», «Тотош» и др.) дневная

³¹³) На Солотвинском руднике, например, рабочий Ф. Эдельгаузер получал по больничному листу 36 крейцеров в день денежной помощи (ГАЗО, ф. 374, д. 205, л. 1).

³¹⁴) ГАЗО, ф. 374, д. 361, л. 14.

заработная плата составляла 60—80, а на всех остальных 15 шахтах — 40—50 крейцеров³¹⁵). Данные за 1894 год свидетельствуют о некотором повышении уровня заработной платы на горнорудных предприятиях по сравнению с 60-ми годами (в среднем на 10%). Возросло количество шахт, где средняя заработная плата в день составляла 60—70 крейцеров (шахты «Ирма», «София», «Липот», «Эмерик»). На одной только шахте («Кароль-Мария») дневная заработная плата рабочего мужчины достигала 1,2 форинта, а женщины — 90 крейцеров³¹⁶).

На железоделательных заводах в 60—80-х годах размер средней дневной заработной платы рабочего мужчины составлял 50—60, женщины — 30—40 и подростка — 20—30 крейцеров³¹⁷). В 90-х годах только в отдельные годы, как, например, в 1894 году, уровень заработной платы был несколько выше (на Фридешевском заводе рабочие мужчины в день получали до 90, а подростки — 25 крейцеров; на Лисичовском заводе квалифицированные рабочие мужчины получали 90—100, а женщины — 50 крейцеров). На лесопильных и мукомольных предприятиях заработная плата стояла примерно на таком же уровне: в 1894 году на лесопильных заводах Шрейтера, Газа и других и на мельницах Берегово дневная заработная плата рабочего мужчины составляла 60—65 крейцеров (только в виде исключения отдельные рабочие получали 90—100 крейцеров), а на лесозаготовках — 50—70 крейцеров³¹⁸). Однако в последующие годы средний размер заработной платы на этих предприятиях снизился на 10—15%. Из всех имеющихся в нашем распоряжении данных можно сделать тот вывод, что средняя дневная заработная плата рабочих мужчин на закарпатских промышленных предприятиях в конце XIX столетия не превышала 60—70, женщин — 40 и подростков — 20 крейцеров.

Официальная венгерская статистика приводит следующие данные о движении заработной платы рабочих мужчин в горной и металлургической промышленности в конце XIX

³¹⁵) His, V, II, 1872, стр. 64—65, 94—95, 96—97

³¹⁶) Deb, 1895, стр. 86—87.

³¹⁷) На металлургическом заводе в Фегерпатаке средняя дневная заработная плата мужчины составляла 32, а подростка — 17 крейцеров, на заводе в селе Довгом заработная плата мужчины — 50, женщины — 40 крейцеров, на заводе в Турья-Ремета мужчины получали от 30 до 60, а подростки — 25 крейцеров (His, V, II, 1872, стр. 94—97, указ соч. Nográth I, стр. 75, 76; ГАЗОФ, ф. 87, д. 1523) Годичный фонд заработной платы мукачевского завода Шенборна в 1866 году составлял 808 форинтов, дневная заработная плата одного рабочего не превышала 50 крейцеров (ГАЗОФ, ф. 87, д. 1523).

³¹⁸) ГАЗО, ф. 772, оп. I, д. 350, лл. 2—16, Deb, 1895, стр. 98—99, 112—113

столетия³¹⁹). Причем характерно, что статистика не дает среднего размера заработной платы, а, стремясь затушевать тенденцию к снижению уровня заработной платы рабочих, оперирует «наивысшими» и «наименьшими» ее размерами.

Т а б л и ц а 15

Г о д ы	Дневная заработная плата (в крейцерах)	
	наивысшая	наименьшая
1891	180	40
1892	180	35
1893	200	30
1894	200	30
1895	195	30
1891—1895 (средняя за год)	191	33
1896	181	30
1897	400	24
1898	350	25

Хотя приведенные данные и не дают возможности даже приблизительно установить средний размер заработной платы рабочего, но они характеризуют тенденцию к снижению номинальной заработной платы. Если ее размер в 1891 году принять за 100, то на протяжении 1892—1896 годов «наивысшие» ставки заработной платы остались почти без изменений, зато «наименьшие» размеры заработной платы сократились с 40 до 30 крейцеров, т. е. на 25%. Если же учесть, что абсолютное большинство рабочих (до 80—90% в отдельных отраслях промышленности) получали «наименьшие» размеры заработной платы³²⁰), то несомненным остается тот факт, что в конце XIX столетия проявляется тенденция к снижению средних размеров заработной платы у значительной части рабочих³²¹).

Кроме того, надо подчеркнуть, что если заработная плата венгерского рабочего была значительно ниже заработной платы германского рабочего той же квалификации³²²), то рабочие на закарпатских предприятиях получали еще меньше, чем рабочие в других областях Венгрии. Так, например,

³¹⁹) Mos, II, 1900, стр. 453.

³²⁰) Указ соч. Sándor V., стр. 642

³²¹) См. указ соч. Uzemi és munkás sta'isztika., Bdp, 1911, стр. 115.

³²²) См. La Hongrie contemporaine et le suffrage universelle, Paris, 1909, стр. 47.

в 1899 году «наивысший» размер дневной заработной платы рабочего мужчины на шахтах и металлургических заводах Будапештского, Банска-Бистрицкого, Оравицкого, Загребского горных округов составлял 160—180 крейцеров, то в горном округе Нодьбаня, куда входили закарпатские предприятия,— только 125 крейцеров³²³), т. е. был ниже на 20—30%, соответственно «наименьший» размер заработной платы горного округа Нодьбаня по сравнению с перечисленными выше другими округами составлял только 75%.

На предприятиях мукомольной промышленности в Закарпатье рабочий получал в день 60—70 крейцеров, а в венгерских областях (90-е годы XIX столетия) средний заработок квалифицированного рабочего мужчины составлял 100—200, поденщиков — 70—100 крейцеров³²⁴). Ежедневная заработная плата в каменноугольной промышленности Венгрии на подземных работах в 1898 году колебалась в пределах 110—150³²⁵), а на закарпатских шахтах — 80—100 крейцеров. В 1910 году, по данным венгерской статистики, средний еженедельный заработок рабочего в словацких областях составлял 15,9, в румынских — 16,3, а в Будапеште — 24,5³²⁶), снижаясь в закарпатских жупах до 14 крон.

Как правило, рабочие получали заработную плату неполностью и несвоевременно. Установленный законом порядок выдачи заработной платы еженедельно во многих случаях не выполнялся администрацией предприятий, а иногда (на лесных заготовках, на кирпичных заводах и каменных карьерах) заработная плата выдавалась один раз в 2—3 месяца или даже только по большим религиозным праздникам. Широко распространенным методом снижения заработной платы являлись штрафы, которые налагались произвольно на рабочих администрацией предприятий за «грубость», «непослушание», «строптивость», «невнимание к работе», курение, порчу инструмента, опоздание на работу, за неявку на работу даже в воскресные дни и т. п.³²⁷). Штрафы нередко поглощали значительную часть заработной платы рабочего, доводя ее до нищенского уровня.

В тех случаях, когда рабочий получал питание в заводской столовой или приобретал продукты в долг в счет заработной платы в фабричной или частной лавке, его заработная плата снижалась на $\frac{1}{3}$ или даже наполовину. Так, на Верхнереметском металлургическом заводе средняя дневная

³²³) Мос. II, 1900, стр. 453.

³²⁴) АВГР, ф Политархив, 1901 г., д. 576, л. 88;

³²⁵) Там же, лл. 115—116.

³²⁶) См. указ., соч. Üzem i és munkás statisztika., Bdp., 1911, стр. 133—134.

³²⁷) Там же, 1907, стр. 66—93.

заработная плата рабочего, получавшего питание от предпринимателя, составляла 28 крейцеров (рабочие мужчины), снижаясь до 12 у женщин и до 8 у подростков³²⁸). Нередко вся заработная плата рабочего высчитывалась на покрытие штрафов и долгов в лавке предпринимателя.

В этом отношении характерны данные по квасцовому заводу Шенборна. В сентябре 1860 года, например, из 25 рабочих 22 получили по 4 форинта заработной платы (15 крейцеров в день) и только двое рабочих (Чечур Г. и Физер И.) получили по 5, а один рабочий (Матий И.) — 9 форинтов. Более высокая заработная плата была получена этими рабочими потому, что они работали вместе со своими сыновьями-подростками. В декабре 1860 года средняя месячная заработная плата рабочего на этом заводе составила только 3 форинта (12—15 крейцеров в день), некоторые же рабочие получили по 1—2 (5—8 крейцеров в день)³²⁹). Около половины заработной платы рабочих было удержано администрацией в виде штрафов или в счет погашения задолженности.

Из ведомости заработной платы этого завода видно, что за время с 15 декабря 1859 года по 1 апреля 1860 года, т. е. за три с половиной месяца, 19 рабочим было начислено 299 форинтов заработной платы (по 4,5 форинта на каждого рабочего в месяц). Из начисленной суммы было высчитано 233 форинта 66 крейцеров (штрафы и долг за продукты), таким образом, рабочим причиталось к уплате только 66 форинтов 34 крейцера, или 22% начисленной суммы. Из 19 рабочих 7 были полностью лишены заработной платы, остальные 12 человек получили ничтожную сумму — от 1 до 6 форинтов за три с половиной месяца работы (рабочему Лигирде И. было начислено 14 форинтов 4 крейцера заработной платы, а вычеты составили 8,2 форинта; у рабочего Чечура М. из 19,38 форинта начисленной заработной платы было удержано 15,58 форинта; рабочий Чечур Г. из 19,85 форинта начисленной заработной платы получил только 1,25 форинта). По денежной ведомости за декабрь 1859 года вычеты из заработной платы рабочих составили 94,5%. Заработная плата четырех рабочих целиком пошла на погашение вычетов, остальные рабочие получили на руки менее 1 форинта, а рабочий И. Сивулько — только 3 крейцера³³⁰). В таком же положении находились и рабочие на мебельной фабрике «Мундус», где в конце XIX столетия значительная часть заработной платы высчитывалась в виде штрафов или шла на покрытие задолженности

³²⁸) Указ. соч. Horváth I, стр. 75, 76; His, V, II, 1872, стр. 75, 76.

³²⁹) ГАЗОФ, ф. 87, д. 1499, лл. 2—17.

³³⁰) Там же.

за взятые в кредит в фабричной лавке продукты питания³³¹).

Особенно тяжелым и бесправным было положение рабочих на мелких предприятиях — кирпично-черепичных заводах, каменных карьерах, а также на строительстве дорог, лесоразработках и лесосплаве, где наем рабочих по договору с предпринимателем производили подрядчики, вербуя главным образом рабочих из числа закарпатоукраинской крестьянской бедноты. Лесные рабочие представляли из себя одну из крупных составных частей сельского пролетариата, имеющего ничтожные клочки земли и вынужденного продавать свою рабочую силу на самых невыгодных условиях. В. И. Ленин, характеризуя положение лесных рабочих России в конце XIX столетия, писал: «Лесные работы принадлежат к наиболее дурно оплачиваемым; гигиенические условия их отвратительны, и здоровье рабочих подвергается сильнейшему разрушению; положение рабочих, заброшенных в лесную глушь, наиболее беззащитное, и в этой отрасли промышленности царят во всей своей силе кабала, truck-system и тому подобные спутники «патриархальных» крестьянских промыслов³³²). Данные о положении закарпатских лесных рабочих полностью подтверждают эту ленинскую характеристику.

С первого же дня завербованные закарпатские лесорубы и сплавщики леса, проводившие с опасностью для жизни свои плоты — «даробы» по бурным и мелководным рекам, после получения «форшуса» — аванса в счет будущей заработной платы, попадали в кабалу, становились объектом эксплуатации и угнетения со стороны различного рода «манипуляторов» (предпринимателей), торговцев-спекулянтов и «коронов» (подрядчиков).

Рабочий день лесоруба длился «от ранку до смерку», т. е. по 16—18 часов. Тяжелый физический труд, плохое питание, скверные бытовые условия быстро истощали организм рабочего. Обычно партия лесорубов жила в «колибе» (хижине) с деревянными нарами, посреди которой располагалось «ватрище» (очаг); дым из очага выходил прямо в дверь. На этом ватрище рабочие готовили себе «токан» — постоянное и единственное свое блюдо — кукурузную похлебку. Расчет с рабочими производился в конце сезона, после завершения всех работ, а до этого рабочим выдавались «цедолли» (квитанции), по которым они получали продукты питания в лавке подрядчика в счет заработной платы. «Подрядчик по вырубке леса,— писал Р. Кайндль,— обыкновенно является поставщиком для своих рабочих провианта и платья; рабочий обязан покупать только у него, причем все предметы первой необхо-

³³¹) ГАЗО, ф. 4, д. 106, лл. 1—41; д. 763, лл. 15—34

³³²) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 462.

димости продаются по цене в полтора и даже в два раза выше действительной их стоимости».

Подрядно-сдельная работа на «вагаше» (сегельбе, лесосеке) продолжалась несколько месяцев, после чего начиналась «відбірка» — прием подрядчиком заготовленного леса. У рабочих «шухарів» (работавших на заготовке дров) производился подсчет шухов — результата многомесячного тяжелого труда «пилы» — двух рабочих. «Шух» — это 4 кубических метра дров (штабель длиной 4 метра и в высоту 1,05—1,10 метра), но кероны при вербовке рабочих выговаривали себе обычную высоту шуха до 1,30—1,35 метра. Подрядчики при проведении «відбірки» беззастенчиво обсчитывали рабочих, широко применяя «абцуги» (вычеты) из кубатуры заготовленного леса. Шух меньше 4 метров в длину на 2—3 см — абцуг, недомер на 2—3 см высоты шуха — абцуг, большие просветы внутри штабеля — абцуг... Таких «абцугов» набиралось с «пилы» до 10 «шухов». Таким образом, если двое рабочих за один сезон заготавливали, допустим, 60—70 кубометров дров, то из них не менее $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ части присваивалось манипулятором и кероном.

При проведении «відбірки» у «бутинярів», заготавливавших строительный лес, обсчеты рабочих принимали еще более широкие размеры. Неграмотных рабочих бесовестно обмеривали при подсчете кубатуры. Такие «пустяки», как уменьшение на один сантиметр диаметра ствола дерева в верхнем отрезе, составляли тысячи украденных кубометров древесины у рабочих. Мало того, из заработной платы рабочих высчитывалось 5% на усушку древесины («нагія») и 3% уходило на взносы в больничную кассу. Нередко $\frac{1}{4}$ или даже $\frac{1}{3}$ заработной платы лесоруба пожирали «абцуги», «нагія», обмеры, вычеты за потерю и порчу инструмента и т. п.

Лесорубы казенного имени в Марамароше в жалобе, поданной уполномоченному экспозитуры, писали, что они получают в день по 88 филлеров и не могут содержать свои семьи. Рабочие просили повысить заработную плату и создать потребительский кооператив, так как они находятся в большой задолженности у частных торговцев³³³). Не удивительно, что после полного расчета с предпринимателем и торговцем лесоруб возвращался к голодной семье с мизерным заработком: «не мав ніч, не здбав ніч»...

В таком же положении находились и многие тысячи строительных рабочих. В Ужгороде, как сообщала местная печать, рабочие строители, нанятые подрядчиком Й. Митро, получали такую ничтожную заработную плату, что часто голода-

³³³) ГАЗО, ф 772, оп. I, 1902 г., д. 350, лл 2—16.

ли³³⁴). 1800 закарпатских крестьян, завербованных на строительство дороги Свалява—Керецки и Гукливое—Марамарош, владели нищенское существование; они были раздеты, босые, голодные. Р. Кайндль, наблюдавший условия труда этих рабочих, писал: «В области гуцулов я видел детей, бегающих без всякой одежды, но русских рабочих на шоссейных дорогах, в одних полотняных штанах с совершенно обнаженной верхней частью тела, можно встретить только в Угорщине!». Не лучшими были и условия 4 тысяч рабочих на строительстве железной дороги Великое Березное—Ужок, которым вербовщики обещали и благоустроенное жилье, и хорошую пищу, и высокие заработки. Однако эта работа, как выражался Г. Халас, «не дала им никаких доходов»³³⁵). Вычеты из заработной платы составляли до $\frac{1}{2}$ и даже до $\frac{2}{3}$ заработка. После окончательного расчета рабочие получили на руки так мало денег, что их не хватало даже на оплату проезда домой³³⁶).

На некоторых предприятиях, особенно на государственных соляных рудниках, широко применялась система подкупа мастеров и высококвалифицированных рабочих путем денежного премирования, предоставления лучших материально-бытовых условий и повышения заработной платы, из которых создавалась привилегированная верхушка, являвшаяся социальной опорой буржуазии в рабочем классе³³⁷). Премиальный фонд на соляных предприятиях, выделяемый ежегодно, достигал 6 и более тысяч форинтов и распределялся управляющим Марамарош-Сигетским соляным районом «по заслугам». В 1892 году, например, премиальный фонд по Солотвинскому руднику был распределен следующим образом: директор рудника получил 500, мастер-машинист Ш. Гемзицкий — 238, машинисты и помощники машинистов (И. Лангер, Ф. Олекси, Д. Полак, Г. Кереши) — от 130 до 240, полировщик Ф. Гербек — 180, другой полировщик Ч. Сигети — 55 форинтов и т. д.³³⁸). На 1893 год распоряжением министра финансов было выделено 6100 форинтов для премирования служащих и рабочих соляных рудников³³⁹). Премиальный фонд был распределен среди узкого круга тех же лиц; размер премии, выдаваемой мастерам и квалифицированным рабочим, достигал 240 форинтов³⁴⁰).

³³⁴) «Ungvári Közlöny», 31 декабря 1910 года.

³³⁵) Указ. соч. Й. Перени, стр. 131.

³³⁶) ГАЗО, ф. 7 (Поджупан Ужанской жупы), д. 763, лл. 18—26

³³⁷) По данным венгерских авторов Беренда и Ранки, «рабочая аристократия» составляла 5—6% всего рабочего класса Венгрии (указ. соч. Berend I., Ránki Gy., стр. 310).

³³⁸) ГАЗО, ф. 260, д. 655, лл. 15, 17, 22.

³³⁹) Там же, л. 6

³⁴⁰) Там же, лл. 33, 37.

На закарпатских промышленных предприятиях вследствие малочисленности, неорганизованности, политической отсталости рабочих последние находились не только в экономической, но и в значительной мере и личной зависимости от предпринимателей. Все стороны жизни рабочего подвергались строгому контролю со стороны властей и администрации предприятий. Помимо полицейских агентов, следивших за «политической благонадежностью» рабочих, священников, насаждавших среди пасомых дух «христианского смирения», администрация предприятий нередко контролировала и регулировала даже семейные отношения рабочих.

В частности, архивные материалы, относящиеся к деятельности соляных рудников, изобилуют делами, содержащими заявления рабочих о разрешении вступить в брак. Управление соляных рудников, исходя из того, что семейные рабочие «обременительны» для предприятия (имелось в виду увеличение расходов на строительство жилищ, недостаточная заработная плата, не обеспечивающая содержание семьи рабочего), запретило рабочим обзаводиться семьями без разрешения администрации. Каждое заявление по этому поводу рассматривалось администрацией рудника, а окончательное разрешение вопроса о вступлении рабочего в брак принадлежало главному директору соляного управления. Директор Солотвинского рудника, например, в своем отношении к главному директору управления (1879 год), поддерживая просьбу рабочего Петра Зеканя о разрешении вступить в брак, указывал, что он является одним из «способных и квалифицированных рабочих» соляной мельницы с заработком, обеспечивающим содержание семьи³⁴¹). Рабочие, вступившие в брак без разрешения дирекции или не оформившие брак в церкви, лишались работы и подвергались другим наказаниям. Так, римско-католический священник Солотвинского рудника в своем письме к администрации просил лишить рабочего И. Такача заработной платы за сожителство с «невенчанной женщиной»³⁴²). Внеэкономическое принуждение рабочих, в частности, возвращение к месту работы лесорубов, оставших работу до исчисления срока договора, при помощи полиции было явлением обычным³⁴³).

**
*

Наемные рабочие, подмастерья и ученики мелких кустарных заведений, представлявшие собой рассеянный вне фаб-

³⁴¹) Там же, ф 374, д 351, лл. 1, 14.

³⁴²) Там же, д. 7, л 1

³⁴³) Там же, ф. 5, д 1388, лл 18—19, 31

рики в городах и деревнях ремесленный пролетариат, находились в еще более тяжелых условиях, чем фабричные рабочие. «Рабочий закон» 1884 года не предоставлял им даже тех «прав», о которых говорилось в разделе о фабричных рабочих. В законе указывалось, что подмастерье (наемный рабочий) может «свободно» передвигаться с одного места на другое в поисках работы, но вместе с тем закон обязывал его не только иметь рабочую книжку с отметкой о причине оставления прежней работы, но и «отпускной билет» (параграфы 90, 91, 99 закона), без которого он не мог перейти на работу к новому хозяину³⁴⁴).

Для подмастерьев, принимаемых на работу, устанавливался недельный испытательный срок (параграф 88 закона); продолжительность рабочего дня ремесленных рабочих устанавливалась хозяином по своему произволу, закон оговаривал только, что последний должен обеспечить для них возможность посещать богослужения в праздничные дни (параграф 89 закона). Хозяин кустарного заведения мог уволить «помощника» по своему желанию с предупреждением или без предупреждения (за «злоупотребление доверием хозяина», «грубость», причиненный «убыток», прогул в течение одного дня и т. д.), но даже после предупреждения за 15 дней «помощник» обязан был отработать полученный аванс и закончить в предусмотренном объеме сдельную работу (параграфы 92, 93, 94 закона). Закон ничего не говорил об условиях и оплате труда рабочих, не предусматривал ни охраны труда, ни ответственности хозяина за несчастные случаи, предоставляя право договаривающимся сторонам разрешать эти вопросы «по обоюдному соглашению». Зато закон без всяких оговорок устанавливал, что рабочий-подмастерье, нарушивший это «обоюдное соглашение», силой принуждается к его выполнению.

Обязательного страхования рабочих во второй половине XIX столетия в Венгрии, как мы указывали, не существовало. При промышленных корпорациях только в конце XIX столетия были созданы добровольные страховые кассы (8 касс), которые охватывали 4365 кустарей-одиночек и «помощников», т. е. менее половины их общего числа. Устав ремесленной страховой кассы в Мукаче³⁴⁵) ограничивал размер членского взноса 2% годового дохода кустаря; рабочие-подмастерья уплачивали $\frac{2}{3}$ взносов из своих средств, а $\frac{1}{3}$ вносил владелец заведения; хозяин также уплачивал страховые взносы и за ученика из расчета 2% среднего заработка последнего. Бес-

³⁴⁴) ГАЗО, ф 771, оп. 1, 1900 г., д 666, лл 1—15, ф 7, оп III 1884—1904 гг., д. 2555, лл. 1—24.

³⁴⁵) Там же, ф. 10, 1900 г., д 2946, лл 37—40.

платным лечением и денежной помощью члены страховой кассы могли пользоваться в течение 12 недель, а тяжелобольные — до 20 недель; женщины-роженицы получали помощь в течение 4 недель. Размер денежной помощи по болезни в ремесленных страховых кассах не превышал $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ дневной заработной платы: 15—20 крейцеров в день рабочим и подмастерьям и 8—10 крейцеров — ученикам и женщинам.

Неорганизованные, отсталые, находящиеся в личной зависимости от хозяев, прикрываемой «патриархальными» отношениями, рабочие и ученики кустарно-ремесленных заведений, которых закон рассматривал как «членов семьи» хозяина предприятия, подвергались особенно жестокой эксплуатации. Даже министр торговли Венгрии Гегедюш должен был признать, что положение ученика-ремесленника «невыносимо», так как он «работает у своего хозяина как слуга»³⁴⁶).

Слабое развитие капиталистических производственных отношений в мелкой промышленности обусловило распространение грубых крепостнических форм эксплуатации наемных рабочих. В мелких промыслах капитал, не будучи еще в состоянии прямо подчинить себе рабочего простой покупкой его рабочей силы по ее стоимости, опутывает трудящегося, как говорил В. И. Ленин, «целой сетью ростовщических прижимок, привязывает его к себе кулаческими приемами, и в результате грабит у него не только сверхстоимость, а и громадные части заработной платы, да притом еще забивает его, отнимая возможность переменить «хозяина», издевается над ним, обязывая считать благодеянием то, что он «дает» (sic!) ему работу»³⁴⁷). Заработная плата наемных рабочих в ремесленно-кустарных заведениях была еще ниже нищенского заработка фабрично-заводских рабочих, условия труда еще более тяжелыми, положение еще более бесправным, ибо в мелких промыслах и мануфактуре всегда сохраняются остатки патриархальных отношений и разнообразных форм личной зависимости, которые в общей обстановке капиталистического хозяйства «чрезвычайно ухудшают положение трудящихся, унижают и развращают их»³⁴⁸). Созданные же при промышленных корпорациях «третейские суды»³⁴⁹), о которых как о «демократических» учреждениях так много говорила официальная печать, являлись органами, служившими одним из средств подавления движения рабочих мелкой промышленности за улучшение своего положения, учреждениями, задерживавшими развитие их классового сознания.

³⁴⁶) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 73—74.

³⁴⁷) В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 200

³⁴⁸) Там же, т. 3, стр. 480.

³⁴⁹) ГАЗО, ф. 721, оп. I, 1900 г., д. 666, лл. 1—15; ф. 7, оп. III, 1884—1904 гг., д. 2555, лл. 1—24.

Состав третейского суда, как говорилось в донесении русского консула в Будапеште, избирался «профессиональным синдикатом»; этому суду были подведомственны «деловые пререкания между хозяевами и рабочими». Суд состоял наполовину из хозяев и наполовину из представителей рабочих. Это учреждение, по словам консула, «действовало превосходно»³⁵⁰⁾, добавим, с точки зрения хозяев-эксплуататоров.

Приводимые ниже данные о деятельности третейских судов, существовавших при закарпатских промышленных корпорациях³⁵¹⁾, свидетельствуют о том, что «деловые пререкания» между рабочими и хозяевами принимали с каждым годом все более острый характер.

Т а б л и ц а 16

Г о д ы	Поступило дел в суды	И з н и х		
		достигнуто примирение без судебного разбирательства	разрешено судом	количество поданных апелляций на постановления судов
1894	143	143	—	—
1899	283	91	192	14
1900	333	123	210	13
1901	316	107	209	38

Прежде всего надо отметить увеличение числа трудовых конфликтов между рабочими и хозяевами (на протяжении 8 лет количество заявлений в третейские суды возросло со 143 до 316, т. е. более чем в 2 раза; каждый четвертый «помощник» ежегодно обращался в суд); дела, по которым было достигнуто «примирение», по отношению к общему числу заявлений составляли в 1894 году 100%, а в последующие годы только 30%; большинство конфликтов разрешалось через судебные заседания. Наконец, симптоматичным является и увеличение числа апелляций на решения судов (почти в три раза), что свидетельствовало о возрастании недовольства рабочих решениями судов, защищавших прежде всего интересы хозяев³⁵²⁾.

Заработная плата рабочих деревенских кустарных промыслов была ниже заработной платы городских рабочих в мелкой промышленности на 20—30% (в городах средний не-

³⁵⁰⁾ АВПР. ф. Политархив. 1901 г., д. 576, л. 87.

³⁵¹⁾ Deb. 1895, стр. 42—43, Mos, II, 1900, стр. 464—465. Kjsé, 1901, стр. 491—492, Msé, IX, 1902, стр. 131—132, Msé, XIII, 1906, стр. 144—145.

³⁵²⁾ Такое же явление мы наблюдаем и в Венгрии в целом в 1899 году в третейские суды поступило 7718 заявлений, а в 1905 году — 9493, соответственно было подано апелляций 514 и 820 (см. Mos, II, 1900, стр. 464—465, Msé, XIII, 1906, стр. 144—145).

дельный заработок «помощника» составлял 3 форинта (50 крейцеров в день), а ученика и работницы-женщины — 1,5 форинта (25 крейцеров в день)³⁵³). Так, заработок 4 тысяч рабочих 85 кустарных промыслов в течение зимы 1911 года составил 350 тысяч крон³⁵⁴), т. е. на одного из них приходилось 88 крон (35 крейцеров в день). 692 рабочих кустарных промыслов Марамарошской жупы в 1906 году получили 40 тысяч крон заработной платы³⁵⁵); заработок одного рабочего составлял 57 крон в год, или 8 крейцеров в день. 433 рабочих-корзинщика Бережской и Угочской жуп в 1907 году выработали продукции на 8905 крон, т. е. в среднем на одного человека приходилось 20 крон³⁵⁶).

Среднегодовой заработок ткачихи в кустарных мастерских Марамарош-Сигета в 1906 году составлял 127 крон (20 крейцеров в день), а вышивальщицы — 106 крон (15 крейцеров в день). Причем многие из них получали в год ничтожную сумму от 7 до 50 крон и только некоторые из мастериц, имеющих высокую квалификацию, получали в год 350 крон (50 крейцеров в день)³⁵⁷). Такие нищенские заработки ковровщиц и вышивальщиц обеспечивали высокие прибыли комиссионерам, скупавшим их продукцию, которая отличалась высоким художественным мастерством исполнения, получившим признание на международных выставках³⁵⁸).

Условия труда и жизни производителей в мелкой промышленности Закарпатья можно охарактеризовать словами В. И. Ленина, который применительно к условиям России по этому поводу писал; что работа на скупщика, являющаяся отсталой формой капитализма, ведет «к особому ухудшению положения трудящихся, эксплуатируемых целым рядом посредников (sweating-system), раздробленных, вынужденных довольствоваться самой низкой заработной платой, работать при условиях крайне антигигиенической обстановки и чрезмерно длинного рабочего дня,—а главное, при условиях, крайне затрудняющих возможность общественного контроля за производством»³⁵⁹).

³⁵³) ГАЗО, ф. 10, 1900 г., д. 2946, лл. 37—40

³⁵⁴) Там же, ф. 772, оп. III, 1912, д. 12, л. 85

³⁵⁵) Там же, оп. II, 1907 г., д. 32, л. 36

³⁵⁶) Там же, оп. I, 1902 г., д. 2330, лл. 18—41

³⁵⁷) Там же, оп. II, 1907 г., д. 32, л. 30

³⁵⁸) Коврово-вышивные изделия, изготавливаемые марамарошскими кустарями, были отмечены медалями на международных выставках 1904 года (Сент-Луи, США), 1905 года (Люттих, Бельгия), 1906 года (Милан), 1908 года (Лондон). На Миланской и Лондонской выставках закарпатские артели получили золотые медали (ГАЗО, ф. 772, оп. II, 1907 г., д. 32, л. 19 об., газета «Podkarpatske Hlasy», № 92, 20 апреля 1928 года).

³⁵⁹) В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 402—403.

Если номинальная заработная плата в конце XIX столетия имела тенденцию к понижению, то цены на продукты питания в этот же период наоборот повышались. На протяжении 1881—1900 годов розничные цены в Будапеште на продовольственные товары повысились в таких размерах: говядина — на 12,5, свинина — на 34, хлеб — на 28% (хотя рыночные цены на пшеничную муку в течение 1882—1895 годов снизились в целом на 25%)³⁶⁰). На закарпатских рынках на протяжении 1870—1900 годов цены на говядину возросли с 50 до 92 филлеров за килограмм (на 84%), на свиной жир со 130 до 155 филлеров (на 20%), пшеничную муку с 24 до 30 филлеров (на 25%)³⁶¹). Вздорожание продуктов питания и предметов первой необходимости было вызвано установлением монопольных цен венгерскими картелями и высоких пошлин на ввозимые продукты сельского хозяйства из других стран³⁶²). Система запретительных пошлин в Венгрии, как говорилось в донесении русского консула в Будапеште, служила лишь «для удорожания продовольствия рабочего класса»³⁶³).

О понижении уровня реальной заработной платы рабочих Венгрии во второй половине XIX столетия свидетельствуют следующие данные, показывающие соотношение рыночных цен на важнейшие продукты питания и размера заработной платы рабочего³⁶⁴) (см. табл. 17).

Таким образом, расходы рабочей семьи на питание в течение недели возросли в 1900 году по сравнению с 1878 годом с 5,70 до 6,24 форинта, т. е. почти на 10%, недельная квартирная плата за это же время возросла с 2 до 3 форинтов, т. е. на 50%. В целом расходы на питание и квартирную плату в 1900 году по сравнению с 1878 годом увеличились с 7,70 до 9,24 форинта, или на 20%. Если же учесть, что в 1901 году свыше 40% рабочих мужчин и более 80% работниц получали менее 7 форинтов заработной платы в неделю³⁶⁵), то станет ясным, что значительная часть рабочих не могла покрыть даже минимальных жизненных потребностей за счет своего заработка³⁶⁶).

³⁶⁰) Указ соч. Sándor V., стр. 660.

³⁶¹) His, V, II, 1872, стр. 90—99; Msé, VIII, 1901, стр. 180.

³⁶²) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 153 об.

³⁶³) Там же, л. 143 об.

³⁶⁴) Указ. соч. Sándor V., стр. 661.

³⁶⁵) Там же, стр. 660.

³⁶⁶) В результате революционных выступлений пролетариата Венгрии в 1905—1907 годах повысился уровень номинальной заработной платы рабочих: в 1906 году на 10,3, в 1910 на 21,3% (в среднем с 15,5 до 18,8 кроны в неделю) («Századok», № 1, 1952, стр. 235). Однако в Закарпатье вследствие неорганизованности рабочего класса не произошло по-

Таблица 17

Название и количество продуктов питания, необходимых для рабо- чей семьи на неделю	1900 год		1878 год
	цены на про- дукты за 1 кг	всего	всего
	ф о р и н т о в		
14 кг серого хлеба	0,138	1,93	1,75
2 * белой муки	0,129	0,26	0,45
3 * фасоли	0,116	0,35	0,31
6 * картофеля	0,040	0,24	0,13
3,5 * говядины	0,688	2,41	1,85
1,5 * свиного жира	0,615	0,92	1,08
5 штук яиц	0,026 (за 1 шт)	0,13	0,13
Всего		6,24	5,70
Квартирная плата (в не- делю)		3,00	2,00
Итого		9,24	7,70

Закарпатский рабочий получал в неделю в среднем 3—4 форинта (600—800 филлеров) заработной платы, а на питание семьи в неделю по существующим в 1900 году рыночным ценам³⁶⁷⁾ рабочий расходовал, по нашим подсчетам, 650 филлеров: 14 кг хлеба (по 12 филлеров кг) — 168 филлеров; 2 кг белой муки (по 30 филлеров кг) — 60 филлеров; 3 кг фасоли (по 15 филлеров кг) — 45 филлеров; 2 кг говядины (по 92 филлера кг) — 184 филлера; 1 кг жиров (по 155 филлеров) — 155 филлеров; 2 литра молока (по 20 филлеров литр) — 40 филлеров. Квартирная плата в неделю обходилась не менее 100 филлеров. Таким образом, в лучшем случае заработок закарпатского рабочего обеспечивал только потребности семьи в самых необходимых продуктах питания. Наем квартиры, освещение, отопление, приобретение одежды, обуви и т. д. неизбежно вели к урезыванию расходов на

вышения заработной платы даже в этих размерах. Реальная заработная плата в начале XX века в Венгрии не повысилась, а, наоборот, понизилась, так как цены на продукты питания, квартиры, топливо, освещение и т. п. резко возросли. Только продукты питания в 1912 году вздорожали на 39—40% («Századok», № 1, 1952, стр. 235). Цена 1 кг серого пшеничного хлеба возросла с 23 филлеров в 1901 году до 30 филлеров в 1910 году, соответственно телячье мясо — со 123 до 230 филлеров, сало — со 115 до 192 филлеров, свинина — со 114 до 190 филлеров («Népszava», 12 октября 1910 года)

³⁶⁷⁾ См. Msé, VIII, 1901, стр. 180.

питание, т. е. к хроническому полуголодному существованию. Ежегодный дефицит бюджета закарпатского рабочего, получавшего среднюю заработную плату (70 крэйцеров в день), по нашим подсчетам, превышал 100 фори́нтов.

В конце XIX столетия жизненный уровень трудящихся Венгрии все более снижался. В связи с резким вздорожанием продовольственных продуктов в конце XIX — начале XX столетия в Венгрии сократилось ежегодное потребление мяса на душу населения с 63,6 кг в 1896 году до 44,4 кг в 1906 году³⁶⁸). Такое же явление наблюдалось и в отношении потребления пшеничной муки. Один из представителей венгерского правительства, говоря о тяжелом положении мукомольной промышленности в конце XIX столетия, указывал, что «необычайные и несоразмерно высокие цены на муку средних, в особенности низших сортов., привели к радикальному сокращению потребления муки и, в частности, к замене ее дешевыми суррогатами вроде маиса, ячменной муки, картофеля и стручковых плодов»³⁶⁹). Еще ниже был уровень жизни закарпатских рабочих; они потребляли только половину продуктов по сравнению с потреблением рабочих основных европейских стран³⁷⁰). Эпоха империализма таким образом была отмечена усилением темпов абсолютного и относительного обнищания пролетариата.

В Закарпатье во второй половине XIX столетия, вследствие интенсивного процесса разорения крестьянства и мелких ремесленников, сохранялась постоянная резервная армия безработных, достигавшая в отдельные годы 30 и более тысяч человек, что давало возможность капиталистам-предпринимателям удерживать заработную плату на чрезвычайно низком уровне и получать сверхприбыль. Уделом многих закарпатских рабочих, батраков с наделом, разорившихся ремесленников была хроническая безработица или незначительная занятость по несколько месяцев в течение года. Такое же явление было характерным и для Венгрии в целом, где к концу 1900 года $\frac{1}{7}$ часть всех промышленных рабочих не имела работы. Количество безработных в годы спада промышленной активности и кризисов достигала 100 тысяч человек³⁷¹).

Экспозитура горных районов, осуществляя посредничество в обеспечении венгерских промышленных предприятий дешевой рабочей силой, производила вербовку рабочих на самые тяжелые работы в шахтах и рудниках. Много закарпатских

³⁶⁸) См. S. Nicolaus, Die Lage der ungarischen Landarbeiter, 1911, стр. 98

³⁶⁹) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 135—136

³⁷⁰) СКД, вып. VI, 1899, стр. 522

³⁷¹) Zs P P a c h, Magyar gazdaságtörténet, Bdp, 1957, стр. 6.

рабочих было отправлено на угольные шахты Трансильвании и на рудники крупнейшего в Венгрии монополистического объединения «Римамурань» (A Rimamurány — Salgó — Tarjáni Vasmű — Részvény — Társaság Bányagázsgatósága) в Спишском и других комитатах. Как сообщал уполномоченный экспозитуры Э. Фишер, в Бережской жупе можно нанять 300 шахтеров, а в Угочском — от 600 до 900 человек, так как население «испытывает большую нужду»³⁷²). В условиях найма шахтеров, предложенных администрацией рудников «Римамурань», указывалось, что на подземные работы принимаются физически здоровые рабочие не старше 40 лет. Переезд к месту работы они оплачивали за свой счет. Члены семей рабочих — женщины и дети, говорилось в этих условиях, могут быть использованы на работах по сортировке руды. Продолжительность рабочего дня устанавливалась с 6 часов вечера до 6 часов утра (ночная смена) и с 6 часов утра и до 6 часов вечера (дневная смена). За 12-часовой рабочий день, как указывалось в письме администрации рудника, рабочий в течение первых двух месяцев сможет заработать от 1,6 до 2,6 кроны, а после приобретения необходимых навыков и квалификации — от 3 до 5 крон. Семейные рабочие обеспечивались жильем (комнатой), за которое рабочие уплачивали 2 кроны в месяц. Кроме того, рабочий обязан был вносить в страховую кассу (страхование по болезни и пенсионное обеспечение) 4% заработной платы, а при страховании только на случай болезни — 2%.

За 12-часовой и изнурительный труд на подземной работе шахтер мог заработать в неделю в среднем 12—14 крон (1200—1400 филлеров). Если учесть уровень цен на продукты питания в лавке рудника (прейскурант цен был приложен к заявке на вербовку рабочих)³⁷³), то семейный рабочий расходовал в неделю на питание не менее 1200 филлеров³⁷⁴); квартирная плата и отчисления в страховую кассу составляли 100 филлеров. Таким образом, заработок шахтера даже при самых благоприятных условиях обеспечивал расходы на питание и квартирную плату, а все остальные потребности рабочий мог удовлетворять только за счет снижения и без того минимальных жизненно необходимых затрат.

³⁷²) ГАЗО, ф 772, оп. I, 1906 г., д. 915, лл. 1—80.

³⁷³) Там же.

³⁷⁴) Расход в 1200 филлеров установлен, исходя из следующего расчета: 14 кг хлеба (20 филлеров кг) — 280 филлеров, 2 кг пшеничной муки (27 филлеров кг) — 54 филлера; овощи — 53 филлера, 3,5 кг говядины (140 филлеров кг) — 490 филлеров, 1,5 кг свиного жира (180 филлеров кг) — 270 филлеров; 0,5 кг сахара (74 филлера кг) — 37 филлеров, 1 литр молока — 16 филлеров.

Одновременно с вывозом рабочих из Закарпатья происходит и обратный процесс — ввоз рабочих из Галиции, Венгрии, Австрии и других стран в Закарпатье. В русинских областях, указывал упоминаемый нами И. Иллици, господствует безработица, но в то же время сюда привозят саксонцев из Спишской жупы для работ, которые могло бы выполнять и местное население³⁷⁵). Министр внутренних дел в конце 1898 года обратился к главному жупану Ужгородского комитета с предложением высказать свое мнение о предоставлении разрешения дирекции государственных лесов завезти в Закарпатье несколько тысяч рабочих лесорубов из Галиции, так как, по сообщению дирекции, «многие местные крестьяне эмигрируют, а оставшиеся в результате плохого питания настолько отошдали, что не могут работать»³⁷⁶). Главный жупан в своем ответе указывал, что привлечение большого числа рабочих со стороны при условии наличия неиспользованного резерва рабочих в комитате может привести «к нарушению спокойствия местного населения»³⁷⁷). Помимо обеспечения благоприятной высококвалифицированными кадрами рабочих специалистов, владельцы закарпатских фабрик, заводов и шахт преследовали ввозом иностранных рабочих и другие цели, а именно: усиление конкуренции между рабочими, национальной розни и создание высокооплачиваемой аристократической верхушки, которая состояла преимущественно из иностранных рабочих³⁷⁸).

³⁷⁵) Указ соч. П. Перени, стр. 25

³⁷⁶) ГАЗО. ф. 5, д. 1388, лл. 18—19

³⁷⁷) ГАЗО. ф. 4, д. 329, лл. 22, 23

³⁷⁸) По данным официальной статистики, на протяжении 1880—1910 годов в Закарпатье было завезено из Венгрии, Австрии, Германии и Италии свыше 11 тысяч рабочих (см. Správa o činnosti na Podkarpatské Rusi za 1935—1936, Praha, 1936, стр. 84)

ГЛАВА II

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РЫНКА

1. ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ

Экономическая и социальная сущность рынка, условия его формирования и развития исчерпывающе определены Марксом и Лениным. В своей работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» В. И. Ленин указывал, что понятие рынка «совершенно неотделимо от понятия общественного разделения труда,— этого, как Маркс говорит, «общего основания всякого товарного [а, следовательно,— добавим от себя — и капиталистического] производства». «Рынок» является там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство»¹⁾).

Товарное производство — это такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными обособленными производителями, причем каждый специализируется на выработке одного какого-либо продукта, так что для удовлетворения общественных потребностей необходима купля — продажа продуктов на рынке, становящихся в силу этого товаром. Капитализм представляет собой такую стадию товарного производства, когда товаром становятся уже не только продукты человеческого труда, но и сама рабочая сила человека. Таким образом, в истории развития капитализма важны два момента: 1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое.

Превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное совершается вследствие развития общественного разделения труда, которое состоит в том, что от земледелия отделяются один за другим различные виды

¹⁾ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 83–84

обработки сырья и различные операции по этой обработке и образуются самостоятельные отрасли промышленности, обменивающие свои продукты — товары на продукты земледелия, которое само становится производством товаров. Превращение товарного хозяйства в капиталистическое совершается в силу того, что отдельные производители, производя каждый особняком товары на рынок, становятся в отношении конкуренции: каждый стремится дороже продать, дешевле купить, и необходимым результатом этого является усиление сильного и падение слабого, обогащение меньшинства и обнищание масс, ведущее к превращению самостоятельных производителей в наемных рабочих и многих мелких заведений в немногие крупные. Внутренний рынок для капитализма создается параллельным развитием капитализма в земледелии и промышленности, образованием класса сельских и промышленных предпринимателей, с одной стороны, — сельских и промышленных рабочих, с другой стороны²⁾.

В Венгрии во второй половине XIX столетия экономические и социальные процессы, непосредственно определяющие развитие капиталистического рынка или тесно связанные с ним, характеризовались, во-первых, углублением общественного разделения труда (отделение промышленности от сельского хозяйства и разделение труда внутри промышленности и земледелия), классового расслоения крестьянства, значительным ростом наемных рабочих и повышением удельного веса неземледельческого городского населения; во-вторых, увеличением накопления капиталов торгово-промышленной буржуазией, размеров банковских оборотов и в конечном итоге — ростом товарного обращения. Для Венгрии было характерным также сочетание двух сторон процесса образования внутреннего рынка — развитие капитализма «вглубь», т. е. рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в центральных областях и развитие капитализма «вширь», т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории национальных окраин.

В Закарпатье вследствие колониального его положения и сильных остатков полуфеодалных отношений такие процессы, как общественное разделение труда, накопление капиталов и развитие банковского кредита, протекали более медленно, что определило собой ограниченное, по сравнению с Венгрией, развитие товарного обращения и капиталистического рынка в целом.

В частности, несмотря на значительное увеличение числа наемных рабочих³⁾ и сравнительно быстрый количественный

²⁾ См. там же, т. 3, стр. 517, 518.

³⁾ Данные о применении наемного труда в сельском хозяйстве и промышленности Закарпатья приведены нами в работе «Социально-экономи-

рост неземледельческого городского населения, удельный вес его во второй половине XIX столетия продолжал оставаться небольшим, так как наемные рабочие в Закарпатье представляли собой массу сельскохозяйственного пролетариата, связанного в большей или меньшей степени с сельским хозяйством. О росте городского населения в Закарпатье можно судить по данным приводимой ниже таблицы⁴).

Таблица 1

Названия городов	Г о д ы					
	1850	1857	1869	1880	1890	1900
	количество населения (в тысячах)					
Марамарош-Сигет	6,3	6,4	8,8	10,9	14,8	16,9
Мукачево	5,9	7,4	8,6	9,6	10,5	13,6
Ужгород	6,7	9,0	11,0	11,4	11,8	13,5
Берегово	3,3	3,8	6,3	6,9	8,1	9,6
Итого	22,2	26,6	34,7	38,8	45,2	53,6

Население четырех городов Закарпатья на протяжении 50 лет, с 1850 по 1900 год, возросло с 22,2 до 53,6 тысячи, т. е. в 2,4 раза, однако и в начале XX столетия городское население составляло только 7% общего числа населения в закарпатских жупах. Закарпатские города не превратились в многолюдные промышленные центры. Это были мелкие населенные пункты городского типа — административные и местные торговые центры с ограниченным бюджетом⁵) и с преобладанием среди населения не фабрично-заводских рабочих (которые были сосредоточены преимущественно в местечках и селах, где находились основные предприятия химической, деревообрабатывающей и пищевой промышленности), а мелких промышленников, наемных рабочих ремесленно-кустарных заведений, торговцев, служащих и мещан, связанных еще с сельским хозяйством. Незначительный удельный вес незем-

ческие отношения и общественное движение в Закарпатье во второй половине XIX столетия» (т I, стр 162—189, т II, стр. 51).

⁴) Deb, 1879, стр 85—89; Msé, III, 1896, стр 22—23; Msé, VIII, 1901, стр 13—14, Msé, IX, 1902, стр 13—14, Kjsé, 1901, стр 353—354, Msé,

XIII, 1905, стр. 11—12; Statistická příručka R. C., т. II, ч. II, Praha, 1925, стр. 62

⁵) Бюджет четырех закарпатских городов во второй половине XIX века не превышал 200—300 тысяч форинтов (ГАЗО, ф. 2, д. 395, лл. 4—26, ф. 5, 1893 г., д. 389, лл. 2—16) и сводился обычно со значительным дефицитом. Так, приходная часть бюджета Ужгорода в 1893 году составляла 57 тысяч, расходная — 81 тысячу форинтов (ГАЗО, ф. 5, 1893 г., д. 389, лл. 2—16).

ледельческого населения в Закарпатье являлся результатом относительно слабого развития капиталистического хозяйства.

Большое значение для развития промышленности и внутреннего рынка в Закарпатье имело строительство железных дорог, которое началось в 60—70 годах XIX столетия. В 1872 году была проведена первая железная дорога от Чопа до Ужгорода, в 1878 году — до Мукачева, в 1894 году — до Рахова и открыт участок железной дороги Ужгород — Великое Березное и в начале XX столетия открыто сообщение по линии Ужгород — Ужок. Таким образом, закарпатские области связывали линии железных дорог с другими областями Австро-Венгрии в направлениях: Львов—Мукачево—Чоп—Будапешт, Чоп—Ужгород—Ужок—Львов и Чоп—Рахов—Станислав.

В конце XIX столетия протяженность железных дорог в Закарпатье, имевших главным образом стратегическое значение, составляла 500 км, или только 3,3% всех железнодорожных линий Венгрии*. В конце XIX столетия в Венгрии насчитывалось 2267 паровозов, 4877 пассажирских и 49617 товарных вагонов⁶⁾; на закарпатских железнодорожных линиях было сосредоточено 2—3% всего подвижного состава Венгрии. Число пассажиров и количество грузов, перевезенных по железным дорогам Венгрии, стремительно возрастало⁷⁾.

Таблица 2

Годы	Количество перевезенных пассажиров (в тысячах)	Количество перевезенных грузов (в тысячах тонн)
1848	548	130
1888	13417	19922
1895	53182	28879

Таким образом, за 47 лет (с 1848 по 1895 год) число пассажиров возросло в 97 раз, а количество перевезенных грузов — в 222 раза; перевозки по закарпатским железным дорогам не превышали в конце XIX столетия 300 тысяч пассажиров и 200 тысяч тонн грузов ежегодно, что составляло 1—2% общего пассажирского и грузового погода Венгрии⁸⁾.

⁶⁾ АВПР, ф Политархив, 1901 г., д 576, л. 161 об

⁷⁾ Kise, 1901, стр. 573, АВПР, ф Политархив, 1901 г., д 576, лл. 162—163

⁸⁾ О соотношении протяженности железных дорог Закарпатья и Венгрии в сравнении с площадью территории и количеством населения говорят следующие данные: на 100 кв. км. площади в Венгрии приходилось

Одновременно со строительством железных дорог расширяется сеть шоссейных и улучшенных грунтовых дорог, а также развивается почтово-телеграфная связь⁹⁾. Длина государственных шоссейных дорог в Закарпатье в конце XIX столетия достигала 726 км (9,4% протяженности шоссейных дорог Венгрии), комитатских дорог — 1100 и проселочных — 1287 км (2,7% всех комитатских и проселочных дорог Венгрии)¹⁰⁾. Из общей протяженности дорог в Закарпатье (3 тыс. км) улучшенные дороги составляли только 50—60%. Пути сообщения в отдаленных горных районах оставались в прежнем, естественном состоянии, а ежегодные разливы горных рек надолго нарушали сообщение между отдельными жупами. Так, в отчете поджупана Ужгородской жупы за 1891 год указывалось, что дороги на территории комитата находятся в плохом состоянии, так как половодье разрушило их, смыло насыпи и мосты. На протяжении года была отремонтирована только главная дорога Чоп—Ужгород; проезд же по другим дорогам сопряжен с большими трудностями¹¹⁾.

Развернувшееся в конце XIX — начале XX столетия дорожное строительство в Закарпатье было подчинено исключительно военным целям. Этим, а не экономическими интересами Закарпатья и его населения объяснялась та «забота» местных властей о дорожном деле, которая выражалась прежде всего в увеличении тяжести трудовой повинности и дорожных налогов. На строительство государственных шос-

5,5 км железных дорог, а в закарпатских жупах менее 3 км (Ужгородская и Марамаршская жупы — 2, Бережская — 4 и Уточская — 5 км), на 100 тысяч населения соответственно 92 и 65 км (Ужгородская жупа — 52, Марамаршская и Бережская — 69 и Уточская — 72 км). Другими словами, по этим показателям удельный вес железнодорожного транспорта в закарпатских жупах был в два раза ниже, чем в Венгрии в целом (Msé, III, 1896, стр. 232—233; Msé, II, 1900, стр. 535, Msé, VIII, 1901, стр. 219; Msé, IX, 1902, стр. 207; Kjsé, 1901, стр. 559).

⁹⁾ На закарпатские комитаты приходилось менее 3% всех почтовых отделений и телеграфных станций Венгрии. Телефонной связи в Закарпатье не было, в то время как в Венгрии длина телефонных линий превышала 20 км (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 164—164; Msé, III, 1896, стр. 290—291; Kjsé, 1901, стр. 613—614, Msé, IX, 1902, стр. 207). За 25 лет, с 1869 по 1894 год, число почтовых отделений в Венгрии увеличилось в 3,5, а число телеграфных станций — в 6 раз. Об ограниченности почтово-телеграфных средств связи в закарпатских комитатах по сравнению с Венгрией в целом свидетельствуют такие данные: на 100 тысяч населения в Закарпатье приходилось 15 почтовых станций, а в Венгрии — 25, телеграфных станций соответственно — 11 и 16; количество писем, полученных в год в Закарпатье, — 8 и в Венгрии — 17, телеграмм соответственно 0,1 и 0,3. (Msé, III, 1896, стр. 290—291; Msé, IX, 1902, стр. 262, Deb, 1895, стр. 154—155; АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 165)

¹⁰⁾ Msé, III, 1896, стр. 223; Mos, II, 1900, стр. 528—529; АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 155.

¹¹⁾ ГАЗО, ф. 7, 1891 г., д. 2700, лл. 8—26

сейных дорог в Закарпатье, имевших, как и железные дороги, стратегическое значение, было израсходовано в 1899 году 69 тысяч, в 1900 году — 82 тысячи и в 1901 году — 95 тысяч форинтов; дорожный налог соответственно составлял 244, 250 и 276 тысяч форинтов. В отдельные годы население Закарпатье уплачивало 5 и более процентов всей суммы комитатского дорожного налога Венгрии¹²).

Независимо от тех мотивов, которыми руководствовалось, и от тех целей, которые преследовало венгерское правительство, осуществляя строительство железных и государственных шоссейных дорог, связывавших Закарпатье с венгерскими областями и Галицией, оно имело большое положительное хозяйственное значение, способствуя развитию экономических связей и товарно-рыночных отношений. В. И. Ленин по этому поводу говорил: «*Всякий знает, что каждая верста железной дороги втягивает крестьянское хозяйство в торговый и капиталистический оборот*»¹³). Железные дороги изменили прежние гужевые пути торговых связей Закарпатье с другими областями империи. Старые перевалочные и транзитные пункты торговли, как, например, Земплин, Шариш, Ужгород, Мукачево, Севлюш, потеряли свое значение. Железные дороги явились новым и весьма важным фактором в развитии капитализма и в образовании капиталистического рынка, содействуя развитию товарного обращения и коренному изменению организации, техники и экономики рынка.

Несмотря на воздействие указанных нами выше факторов, задержавших социально-экономическое развитие Закарпатье, во второй половине XIX столетия здесь происходит дальнейшее развитие рынка для капитализма на основе превращения в товар, с одной стороны, продукта торгового предпринимательского земледелия; с другой стороны, — на основе отделения непосредственных производителей от средств производства и превращения в товар рабочей силы, продаваемой несостоятельным крестьянством. Образование и развитие крестьянской буржуазии создавало рынок отчасти за счет личного потребления, но главным образом за счет средств производства (которые она «собираала» и от «оскудевших» помещиков и от разорившихся крестьян) и увеличения на этой основе производства сельскохозяйственной товарной продукции, поступающей на рынок. В низших группах крестьянства, существовавших за счет продажи своей рабочей силы, образование и развитие внутреннего рынка происходило за счет предметов потребления. Причем для внутреннего рынка важно вовсе не благо-

¹²) Mos, II, 1900, стр. 528—529.

¹³) В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 94.

состояние производителя, а наличность у него денежных средств; упадок благосостояния патриархального крестьянина, ведшего ранее преимущественно натуральное хозяйство, вполне совместимо с увеличением в его руках количества денежных средств, ибо, чем дальше разоряется такой крестьянин, тем более вынужден он прибегать к продаже своей рабочей силы, тем большую часть своих (хотя бы и более скудных) средств существования он должен приобретать на рынке¹⁴).

**
*

Основной формой торгово-рыночных связей в Закарпатье во второй половине XIX столетия продолжали оставаться сельские и городские ярмарки и базары. В 1883 году закарпатские товаропроизводители и торговцы осуществляли куплю—продажу на 72 ярмарках, находившихся как в закарпатских жупах, так и в соседних областях Венгрии, Словакии, Галиции и Румынии, а в 1892 году число их возросло уже до 146. Важнейшими пунктами местной рыночной торговли являлись Мукачево (продолжительность ярмарок 18 дней в году), Ужгород, Марамарош-Сигет (16 дней), Берегово (12 дней), Хуст (10 дней), Севлюш (7 дней), Середне (6 дней), Великое Березное, Довгое, Добра, Белки, Капушаны, Свалява, Верецки, Воловое и другие местечки и села¹⁵).

Причем местечковые и деревенские базары носили специфически крестьянский характер; для массы крестьян был типичным анахронизм продажи на базаре по мелочам¹⁶). В отдаленных горных районах Закарпатья господствовали примитивные формы торговли, соответствующие неразвитой стадии товарного производства и обусловившие монопольное положение местных торговцев и ростовщиков в сфере торгового оборота и кредита. «Чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия,— указывал В. И. Ленин,— тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение»¹⁷).

Главное место в торговом обороте Закарпатья занимали продукты земледелия и животноводства — хлеб и живой скот. На рынке основными поставщиками выступали крупные помещики, крупные арендаторы и кулаки, сосредоточившие в своих руках, как мы это показали выше, значительную часть

¹⁴) Там же, т. 3, стр. 20

¹⁵) «Месяцослов» на 1884 год, Унгвар, 1883, стр. 78—80

¹⁶) См «Ленинский сборник», XXXII, стр. 113

¹⁷) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 333

товарной продукции. Удельный вес поликультурных крестьянских хозяйств, особенно мелких, производивших преимущественно «серые» хлеба, в производстве товарной продукции был незначительным. Для них было характерно сочетание товарного хозяйства с натуральным. Часть производимых продуктов крестьяне потребляли в своем хозяйстве, другую, нередко большую, часть, продавали на рынке, чтобы таким путем получить необходимые деньги для уплаты налогов, аренды, погашения ростовщических и ипотечных долгов, приобретения промышленных средств производства и предметов потребления, без которых в условиях упадка домашней промышленности они обходиться не могли. Общественно-экономическая обстановка, в которой находилось закарпатское крестьянство во второй половине XIX столетия, характеризовалась развитием товарного хозяйства, обусловившего подчинение крестьянина рынку, от которого он, по словам В. И. Ленина, «зависит и в личном потреблении и в своем хозяйстве, не говоря даже о податях»¹⁸⁾. Для большинства закарпатских крестьян выделение части производимой ими продукции как товарной для продажи на рынке означало дальнейшее понижение их жизненного уровня и потребления.

Условия продажи крестьянами продукции земледелия и скотоводства были менее выгодными, чем условия продажи крупными производителями; конкурентная борьба на рынке всегда завершалась победой последних, сбывавших хлеб и скот большими партиями как на местных, так и на отдаленных рынках (Дебрецен, Кошицы, Левоча, Прешов)¹⁹⁾ в наиболее благоприятные сроки, обеспечивающие продажу продукции по более высоким ценам. Мелкий же крестьянин обычно сбывал свою продукцию по низким ценам на ближних рынках и базарах или в самой деревне через скупщиков, которые монополизировали крестьянский сбыт²⁰⁾.

На хлебном рынке главными посредниками выступали крупные хлеботорговцы. Помимо закупки больших партий хлеба у помещиков, крупных арендаторов и зажиточных крестьян, они наживались за счет ограбления крестьянства, скупая за бесценок у нуждающихся крестьян хлеб на корню, предоставляя ссуды, которые крестьяне обязывались погашать хлебом по ценам в 2—3 раза ниже рыночных. Нисссыкаемым источником наживы для них являлись голодные годы, когда цены на хлеб резко возрастали, а спекуляция хлебом

¹⁸⁾ Там же, стр. 140.

¹⁹⁾ В Дебрецене ежегодно проводилось 5 ярмарок, в Левоча 4, продолжительностью по 14 дней каждая; Прешов являлся крупным пунктом торговли скотом и шерстью (см. «Месяцослов» на 1884 год, Унгвар, 1883, стр. 78—80).

²⁰⁾ Указ соч. Е. Еган, стр. 56

принимала исключительно широкие размеры*. Кроме того, крупные торговцы имели возможность выдерживать хлеб на своих складах до того времени, когда цены значительно возросли (обычно в течение декабря—мая месяцев цены на хлеб повышались по сравнению с осенними месяцами на 20 и более процентов).

Во второй половине XIX столетия в Закарпатье ежегодно проводилось 30 ярмарок в Мукачево, Ужгороде, Марамарош-Сигете и Хусте, являвшихся важнейшими рынками продажи скота. Объем торговли скотом в связи с разорением масс крестьянства, конкуренцией венгерских скотопромышленников и сокращением экспорта скота из Венгрии в 90-х годах по сравнению с 70-ми годами заметно уменьшился. Снизилось как количество доставленного на рынки скота, так и количество проданного скота; предложение значительно превышало спрос. Официальная венгерская статистика приводит следующие данные, характеризующие торговый оборот на закарпатских рынках по продаже скота за 1895 год²¹⁾.

Таблица 3

Доставлено для продажи скота (в тысячах голов)					Продано скота (в тысячах голов)				
крупный рогатый скот	лоша- ди	овцы	сви- ньи	всего	крупный рогатый скот	лоша- ди	овцы	сви- ньи	всего
171,3	26,7	3,6	41,8	243,4	79,4	9,0	1,5	26,7	116,6

Более 70% доставленных для продажи домашних животных составлял крупный рогатый скот (доля других домашних животных была незначительной: свиньи — 17, лошади — 11 и овцы — 1%). Из общего количества животных было продано только 47,9%²²⁾ (крупного рогатого скота — 46, лошадей — 34, овец — 41, свиней — 63%)²³⁾.

²¹⁾ Msé, III, 1896, стр. 131—132

²²⁾ По сравнению с 1874 годом в 1895 году было продано скота на закарпатских рынках больше только на 5% (в 1874 году продано 111, а в 1895 году — 116 тысяч голов) (см. Msé, 1874, стр. 149—150, Msé, 1896, стр. 131—132).

²³⁾ Такое же положение на рынках сельскохозяйственных животных было характерным и для Венгрии в целом. В 1895 году на 1156 ярмарках Венгрии (число ярмарок в Закарпатье составляло 0,8% их общего числа в Венгрии) из общего количества скота, доставленного для продажи, было продано только 46%. В Венгрии в отличие от Закарпатья на ярмарках преобладали крупный рогатый скот и овцы, составлявшие вместе 66% всего доставленного скота; доля закарпатских комитатов в торговом обороте скотом по Венгрии в целом не превышала 5—6% (см. Msé, III, 1896, стр. 131—132).

В конце XIX — начале XX столетия положение на закарпатских рынках по продаже скота еще более ухудшилось: сократились как предложение, так и спрос на домашних животных. Так, на рынок Марамарош-Сигета в 1899 году было доставлено для продажи 44 тысячи голов скота, в 1900 году — 43 тысячи и в 1901 году — 39 тысяч голов, из которых было продано соответственно 41, 30 и 28%; на рынках Хуста и Берегова за эти же годы предложение скота сократилось на 10, а спрос — на 30%; в Мукачево в 1900 году было продано скота 70, а в 1901 году — 58% (в частности, из 25 доставленных на рынок овец было продано только 2); на ужгородском рынке предложение скота в течение 1899—1900 годов сократилось на 30% и т. д.²⁴). Цены на скот в конце XIX столетия по сравнению с 70—80-ми годами снизились на 10—20% и составляли в 1900 году: пара рабочих волов лучшего качества — 350—408 форинтов, дойная корова — 109—140, рабочая лошадь лучшего качества — 300—500, верховая лошадь — 270—430, овца — 4—8 и свинья — 20—50 форинтов²⁵).

Даже в условиях застоя в торговле скотом крупные закарпатские скотопромышленники получали значительные прибыли, скупая по дешевым ценам скот у разорившихся и голодающих крестьян и эмигрантов, откармливая тысячи голов крупного рогатого скота за счет крестьян исполу, а также доставляя скот (главным образом телят) по железным дорогам в промышленные центры Австро-Венгрии, где цены на скот были выше²⁶). Ежегодно крупные скупщики скота только в Марамарошской жупе получали до 1 млн. форинтов дохода²⁷). Торговля мясом вследствие отсутствия холодильников и специальных железнодорожных вагонов, обеспечивающих длительное хранение и перевозку мясных продуктов на большие расстояния, не получила широкого развития. Деятельность закарпатских мясоторговцев ограничивалась только узким местным рынком; доходы их поэтому были относительно небольшими. В отчете Кошицкой торгово-промышленной палаты за 1910 год подчеркивалось, что ужгородские мясники вследствие высоких цен на свиное мясо по сравнению с ценами на импортное мясо, доставляемое из Сербии, должны довольствоваться незначительными прибылями, в то время как австрийские мясоторговцы, получая по дешевой цене импортных свиней, имели с каждой головы 20—30 крон чистой прибыли²⁸).

²⁴) Mos, I, 1900, стр. 433, Msé, VIII, 1901, стр. 105, Kjsé, 1901, стр. 444, 445, Msé, IX, 1902, стр. 99, Kassai, 1911, стр. 15

²⁵) Msé, VIII, 1901, стр. 105

²⁶) См. Héder I, Ielentés Marmarost vármegye iparfejlesztő bizottságának 1907 — év működéséről, Maramarossziget, 1908, стр. 11.

²⁷) Указ соч. Szilágyi I, стр. 387.

²⁸) См. Kassai, 1911, стр. 119.

Купля — продажа других продуктов сельского хозяйства была ограниченной: производство сливочного масла, сыра, брынзы, овощей было рассчитано только на удовлетворение спроса малочисленного городского населения и рабочих²⁹⁾. Кожи из-за отсутствия предприятий по их обработке продавались преимущественно в сыром виде кустарям; продажа шерсти вследствие упадка крестьянского овцеводства и уменьшения поголовья овец у помещиков к концу XIX столетия резко сократилась. Ежегодно на закарпатские рынки доставлялось сравнительно небольшое количество меда и воска (500—600 центнеров)³⁰⁾ на сумму 20—30 тысяч форинтов³¹⁾. Продукты пчеловодства потреблялись на месте и не находили сбыта на венгерских рынках вследствие падения цен на мед и воск и конкуренции венгерских торговцев. В 1897 году, как говорилось в отчете министерства земледелия Венгрии, пчеловодство понесло большой убыток из-за повышения Германией таможенных пошлин на мед. Цена на мед упала с 50 до 40—32 форинтов за центнер³²⁾.

Свежие фрукты и столовый виноград³³⁾, а также сухие фрукты и ягоды, повидло и варенье скупались посредниками-спекулянтами, которые вывозили их не только на отдаленные рынки (Галиция), но и за границу (Германия)³⁴⁾. Значительная часть урожая слив шла на производство сливовицы. Только в одном Мукачевском округе в 1899 году было выработано около 17 тысяч гектолитров сливового сока; о доходах винокуров можно судить по тому, что на них было наложено пошлин и акцизных сборов свыше 100 тысяч крон³⁵⁾. В 1902 году производством сливовицы занимались 18 предпринимателей и торговцев и созданный в Мукачево кооператив по сбыту фруктов³⁶⁾, в котором наряду с пайщиками крестьянами-садоводами сел Ивановцы, Лалово и др. участвовали торговцы и спекулянты (Маргулин, Фридман, Бертол-

²⁹⁾ См. газета «Bereg», № 7, 18 февраля 1879 года.

³⁰⁾ Mos, II, 1900, стр. 139.

³¹⁾ В Венгрии на протяжении десятилетия, с 1887 по 1897 год, продукция пчеловодства в денежном выражении возросла с 292 до 1249 тысяч форинтов; в 1897 году было получено 34 тысячи метро-центнеров меда и 2,8 тысячи метро-центнеров воска (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 195 об.)

³²⁾ АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 195 об.

³³⁾ Ежегодно на закарпатские рынки поступало 2—3 тысячи центнеров столового винограда (Mos, II, 1900, стр. 139)

³⁴⁾ ГАЗО, ф. 261, 1899, г., д. 468, л. 6 об., ф. 722, оп. I, 1903 г., д. 460, лл. 41—60, газета «Ung», № 43, 29 октября 1866 года.

³⁵⁾ ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902—1903 гг., д. 386

³⁶⁾ В 1900 году в этом кооперативе состояло 395 членов, размер пая был установлен в сумме 10 крон (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902—1903 гг., д. 386, лл. 12—38).

лан и др.), имевшие по несколько паев³⁷). Скупая по дешевым ценам сливы у крестьян (3 кроны за гектолитр), предприниматели—мелкие винокуры—вырабатывали свыше 20 тысяч гектолитров сливовицы, сбывая ее как на месте, так и в Галиции и в других областях Австро-Венгрии. На местные рынки поступало ежегодно 10—12 тысяч гектолитров виноградного вина. Сбыт его в другие области Австро-Венгрии вследствие невысокого качества по сравнению с венгерскими винами и конкуренции венгерских и австрийских вино-торговцев, усилившейся в конце XIX столетия, был за-труднен³⁸).

На лесных рынках Закарпатья, несмотря на застой в других отраслях торговли, обстановка была более благоприятной для торговцев, так как строительство железных дорог, фабрик, жилых домов, развернувшееся в 80—90-х годах, требовало значительного количества лесных материалов. Крупные лесопромышленники Закарпатья, располагая большими складами круглого леса и пиленого материала в каждом комитатском центре, сбывали лес не только на местном рынке, но и в Галиции и во внутренних областях Венгрии и Австрии.

**
**

В конце XIX столетия в торговле Закарпатья было занято приблизительно 6,5 тысячи человек (4,5 тысячи торговцев-хозяев и около 2 тысяч рабочих и служащих), что составляло 2% всего самостоятельного населения, в кредитных учреждениях — 100—150 служащих (менее 0,1%) и в транспортных учреждениях (исключая железнодорожный транспорт) — 1,5 тысячи (менее 1%), из них $\frac{1}{4}$ составляли хозяева-предприниматели и $\frac{3}{4}$ — рабочие и служащие³⁹). Среди торговцев и владельцев транспортных средств преобладали еврейские, мадьярские и немецкие купцы и предприниматели⁴⁰), среди

³⁷) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902—1903 гг., д. 386, лл. 12—38

³⁸) Mos, II, 1900, стр. 439; ГАЗО, ф. 261, 1899 г., д. 468, л. 6 об.

³⁹) Все приведенные нами данные являются приближенными, так как сведения, содержащиеся в венгерских статистических сборниках, неточны и противоречивы. По данным официальной венгерской статистики, в 1890 году в Венгрии было занято в торговле 2,57% самостоятельного населения, в кредитных учреждениях — 0,11 и на транспорте — 0,95 (см. Mos, II, 1900, стр. 343).

⁴⁰) По данным, приводимым И. Перени (см. указ. соч. И. Перени, стр. 106), самостоятельные купцы по национальному признаку распределялись следующим образом: евреи — 48, немцы — 29, мадьяры — 21, украинцы — 0,7%. В Ужгородской жупе из 376 человек, получивших торгово-промышленные патенты в 1884 году, 236 (более 60%) являлись представителями еврейской буржуазии (ГАЗО, ф. 245, 1884 г., д. 175, лл. 11—15); из 33 торговцев в Нодь-Сеулюше (1891 год) 31 человек относились к числу еврейской мелкой буржуазии и 2 человека — к мадьярской (ГАЗО, ф. 245, 1889—1908 гг., д. 287, лл. 6—65).

рабочих — украинцы и мадьяры; служащие финансовых учреждений в большинстве своем являлись мадьярами. Удельный вес закарпатоукраинской буржуазии в числе владельцев транспортных средств и торговцев не превышал 2%; по отношению же к общему количеству населения удельный вес закарпатских украинцев, занятых в торговле и транспортных учреждениях, составлял менее 1%⁴¹⁾.

В основных городах Закарпатья насчитывалось по 400—500 торговцев, большинство которых относилось к мелким торговцам-лавочникам, рыночным скупщикам и разносным торговцам, обходившимся без приказчиков, служащих и наемных рабочих. Оптовых торговцев, имевших свои склады, торговых агентов, приказчиков, наемных рабочих и счетных служащих в каждом городе было не более 10—15 человек. Уже тот факт, что среди всех лиц, занятых в торговле, преобладали купцы-хозяева (их число превышало в два раза количество служащих и рабочих) свидетельствует о мелком характере торговли.

Об этом же говорят и данные о среднем размере подоходного налога. В 1893 году, например, сумма подоходного налога на торговцев и кустарей Марамарошской, Бережской и Угочской жуп (2808 торговцев и 5405 кустарей) составляла 146 тысяч форинтов⁴²⁾; на одного налогоплательщика приходилось менее 18 форинтов, а в 1903 году средний размер подоходного налога на одного торговца по всем закарпатским комитатам составлял 12 форинтов (в Бережской жупе — даже 7,5 форинта), в то время как по 9 комитатам, входившим в состав Дебреценской торгово-промышленной палаты (Сатмар, Сабольч, Гайду, Бихар и др.), — 16,7 форинта⁴³⁾.

В Севлюше на протяжении 1890—1892 годов количество торговцев не превышало 32—36 человек, а размер подоходного налога на одного налогоплательщика снизился с 24 до 19 форинтов. В местечке Голми в 1890 году 20 торговцев уплачивали налог в сумме 1503 форинта (75 форинтов на одного торговца), а в 1904 году 30 торговцев уплачивали 1007 форинтов, т. е. в среднем 34 форинта на одного налогоплательщика⁴⁴⁾. Анализ списков торговцев-налогоплательщиков и данных о размерах подоходного налога за отдельные

⁴¹⁾ Для определения количественного и национального состава лиц, занятых в торговле, финансовых и транспортных учреждениях и организациях, нами использованы следующие источники: Msé, 1874, стр. 223—224; Deb, 1879, стр. 78—79; Deb, 1895, стр. 56—57, Msé, III, 1896, стр. 157—158; Mos, II, 1900, стр. 373; Deb, 1904, стр. 11; Kassai, 1911, стр. X; Statistická príručka R. Č, т. I, 1920, стр. 18—21, т. II, ч. II, 1925, стр. 155

⁴²⁾ Deb, 1895, стр. 56—57.

⁴³⁾ Там же; 1904, стр. 11

⁴⁴⁾ ГАЗО, ф. 2, д. 320, лл. 11—16

годы⁴⁵) дает основание разделить торговцев по размерам подоходного налога на несколько категорий: I категория, уплачивающая налог в размере от 1 до 10 форинтов, составляла 30% всех торговцев; II категория (налог от 10 до 50 форинтов) — 50%; III категория (налог от 50 до 100 форинтов) — 10%; IV категория (налог от 100 до 500 форинтов) — 8% и V категория (налог свыше 500 форинтов) — 2%. Такое разделение торговцев было типичным для городов Ужгорода, Мукачева, Берегова, а в местечках подавляющая часть торговцев относилась только к первым трем категориям. В Севлюше, например, в 1891 году 79% торговцев уплачивали налог в размере до 50 форинтов, 18% — до 100 форинтов и 3% — от 100 до 150 форинтов. В местечке Голми 72% уплачивали налог в размере до 50 форинтов, 22% — до 100 форинтов и 6% — от 100 до 240 форинтов (торговец скотом Лайхтман уплачивал 115 форинтов, торговец лесом Каган — 120, торговец зерном Гайгер в 1906 году уплачивал 206, а в 1908 году — 236 форинтов)⁴⁶). По всем закарпатским жупам на долю торговцев первых двух категорий приходилось не более 10% товарооборота, а на долю крупных торговцев — 70%.

В 1910 году в Ужгородской жупе было зарегистрировано 1300 торговцев, которые по отраслям и видам торговли распределялись следующим образом⁴⁷): продовольственные продукты и алкогольные напитки — 722 (55%), ткани — 130 (10%), смешанные товары — 108 (8%), сельскохозяйственные продукты и скот — 103 (8%), мелкая рыночная и разносная торговля — 76 (6%), лес и лесные материалы — 56 (4%), изделия из дерева, кожи и резины — 31 (2%), железные изделия — 31 (2%), глиняные изделия и стекло — 11 (0,8%), химические и медицинские товары, книги и т. д. Таким образом большая часть торговцев обслуживала потребности населения в продуктах питания и в предметах первой необходимости, число торговцев промышленными изделиями было незначительным. Промышленный рынок в Закарпатье развивался медленно. Потребность в промышленной продукции (железо, уголь, нефть, цемент) была ограниченной; большим спросом на массовом рынке пользовались такие товары, как кровельное железо, гвозди, сельскохозяйственные орудия, мелкие металлические изделия и металлические предметы домашнего обихода. Одновременно с этим возрастает сбыт продукции легкой промышленности, особенно хлопчатобумажной, в связи с общим ростом населения и вытеснением фабрикой крестьянских

⁴⁵) Там же, ф. 245, 1889—1908 гг., д. 287, лл. 11—63; Deb, 1895, стр. 56—57; Deb, 1904, стр. 11; Kassai, 1911, стр. X.

⁴⁶) ГАЗО, ф. 245, 1889—1908, д. 287, лл. 11—63.

⁴⁷) Kassai, 1911, стр. X.

промыслов по изготовлению домотканного полотна. Базой сбыта хлопчатобумажных тканей являлся главным образом крестьянский массовый рынок, однако и этот рынок в связи с разорением широких масс крестьянства и низкой покупательской способностью их не был стабильным.

Среди торговцев продовольственными продуктами и алкогольными напитками подавляющая часть относилась к корчмарям. Производство и продажа алкоголя являлась самой доходной статьей предпринимательской и торговой деятельности. Только в одной Ужгородской жупе в конце XIX столетия было свыше 450 ресторанов, закусовых и корчем, а во всех закарпатских комитатах число питейных заведений превышало 2 тысячи; в среднем на 300 человек населения приходилась одна корчма; уплаченный корчмарями налог в конце XIX столетия достигал 600 тысяч форинтов⁴⁸). Такие «короли корчем», как Ковнеры, Готесманы, Вайсы, объединявшиеся в картель, выступали как арендаторы акциза и владельцы тысячи питейных заведений. Доход каждого из этих торговцев-спекулянтов, наживавшихся на народном бедствии, достигал 45—100 тысяч форинтов в год⁴⁹), а государство получало акцизных сборов с произведенных алкогольных напитков только по Ужгородской жупе в 1900 году 400 тысяч, а по всем жупам — до 1,5 млн. форинтов⁵⁰). Другой доходной статьей государства являлась табачная монополия. Ежегодная сумма, вырученная от продажи табака в «трафиках» (государственная табачная лавка), достигала 0,8—1,0 млн. форинтов; арендаторы «трафиков» получали в свою пользу от 2 до 3,5% с вырученной от продажи табака суммы⁵¹).

В Закарпатье на основе развития торговли и предпринимательства наблюдается рост купеческого капитала за счет торговых доходов, получаемых в результате присвоения прибавочного продукта непосредственных производителей — крестьян, рабочих, ремесленников в сфере обмена, концентрация капиталов в руках немногих наиболее крупных купцов, обладавших относительно большими средствами (до 1 млн. форинтов на одного торговца) и получавших ежегодно доход до 50 тысяч форинтов. К числу их относились мукачевские,

⁴⁸) ГАЗО, ф. 7, д. 2700, лл. 4—76; ф. 5, д. 1945, лл. 20—30, ГАЗОФ, ф. 2, д. 320, лл. 11—16.

⁴⁹) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 337, лл. 1—40.

⁵⁰) Там же, ф. 245, 1883 г., лл. 6—28, ф. 7, 1891 г., д. 2700, лл. 4—76, ф. 5, оп. I, 1903—1904, д. 1945, лл. 20—30.

⁵¹) Там же, ф. 7, 1891 г., д. 2700, лл. 4—76, ф. 5, оп. I, 1903—1904, д. 1945, лл. 20—30. Контрабандная продажа табака, под которой подразумевались не только завоз извне необложенного акцизом табака, но и продажа частными лицами даже выращенного ими табака, каралась огромными штрафами (ГАЗО, ф. 245, 1881 г., д. 63, лл. 5—10).

береговские, ужгородские, хустские, марамарош-сигетские капиталисты — крупные торговцы и арендаторы акциза и земли — Готесман, братья Ковнер, владелец спиртового завода, корчем, магазинов Вайс, торговцы и спекулянты — И. Каган, Кро, Новак, Фиш, Рознер и др.⁵²). Они держали в своих руках основные отрасли торговли сельскохозяйственными продуктами и лесом, вступая в картельные соглашения, они обеспечивали себе монопольное положение на рынке⁵³). Посредством установления низких цен на закупаемые у мелких товаропроизводителей сельскохозяйственные продукты и кустарно-ремесленные изделия и монопольно высоких цен на продаваемые промышленные товары и взвинченных розничных цен на продукты питания и другие товары первой необходимости эта торгово-купеческая верхушка получала значительные доходы.

Дебреценская торгово-промышленная палата, представлявшая собой орган торгово-промышленной буржуазии 9 венгерских и закарпатских комитатов, выдвигала следующие требования, направленные на обеспечение высоких доходов торговцев и «преуспевание» торговли: 1) снижение железнодорожных тарифов, увеличение числа вагонов, предоставляемых железными дорогами под хлеб, лес и скот; 2) пересмотр устаревшего закона о пошлинах в целях установления более «справедливого» их размера; 3) ограничение деятельности пришлых торговцев из Австрии и Моравии; 4) запрещение продажи алкогольных напитков в лавках потребительской кооперации нечленам кооперативов; 5) снижение размеров подоходного налога; 6) содействие со стороны правительства в организации картелей торговцев; 7) таможенное обособление от Австрии, так как отсутствие торгово-таможенной границы между Транслейтанией и Цислейтанией усиливает конкуренцию австрийского торгового капитала и «давит» местных торговцев⁵⁴). В этих требованиях отражено стремление слабой еще закарпатской торговой буржуазии полностью овладеть своим рынком, устранить конкуренцию австрийского торгового капитала и потребительской кооперации, распространить протекционистскую политику правительства на закарпатские комитаты, создать монополистические объединения, обеспечивающие получение сверхприбылей.

2. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ВЕНГРИИ И ЗАКАРПАТСКИЙ РЫНОК

Вторая половина XIX столетия отмечена возрастанием внешнеторгового оборота Венгрии по сравнению с предшест-

⁵²) ГАЗОФ, ф 2, д 538. лл 16—46, ГАЗО, ф 772, оп I, 1898, д. 35, лл 5—15

⁵³) Deb, 1904, стр 20

⁵⁴) Там же, стр 12, 15—16, 20, 24.

вующим периодом, явившегося результатом углубления общественного разделения труда, развития капиталистического товарного хозяйства, внутреннего рынка, товарного обращения и присущего капиталистическому способу производства стремлению к расширению.

Венгерское правительство, начиная с 80-х годов XIX столетия, проводит в области внешней торговли все с большей настойчивостью протекционистскую политику, направленную к ограждению венгерского рынка от наплыва иностранных товаров, к созданию более благоприятных условий для развития экспортной торговли. Помимо предоставления денежных ссуд и субсидий торгово-промышленным акционерным компаниям, снижения размеров налогов и торговых пошлин, правительство предоставляло им льготные транспортные тарифы и осуществляло ряд мер, способствующих завоеванию заграничных рынков для сбыта венгерской продукции. «Венгерская торговля, говорилось в экономическом обзоре русского консульства в Будапеште, встречает могущественную опору в тарифной политике, при помощи которой венгерское правительство старается уменьшить стоимость перевозки, понижая железнодорожные тарифы и облегчая пользование водными путями»⁵⁵).

Правительство создало специальную организацию по изучению заграничных рынков, «подходящих для туземной промышленности» — «Венгерский торговый музей», сеть торговых агентов во многих странах, которые «вводят в обращение венгерские изделия, собирают заказы и охраняют во всех отношениях интересы венгерских экспортеров». На содержание «Торгового музея» и «приведение в действие других рычагов венгерского вывоза» ежегодно расходовалось 300 тысяч форинтов⁵⁶).

Однако, несмотря на все меры, предпринимаемые венгерским правительством, внешняя торговля Венгрии во второй половине XIX столетия испытывала постоянные и серьезные затруднения в связи с конкуренцией других стран, особенно стран—экспортеров хлеба. Внешняя торговля Венгрии как аграрной страны находилась постоянно в угнетенном состоянии и по существу определялась двумя важнейшими факторами: степенью конкурентной борьбы на мировом хлебном рынке и состоянием урожая. Влияние этих двух факторов можно проиллюстрировать такими примерами, заимствованными из экономического обзора русского консульства в Будапеште: 1891 год — цены на сельскохозяйственную продукцию в Венгрии были выше многих предшествующих лет, «чему в значи-

⁵⁵) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 141 об.

⁵⁶) Там же, л. 81 об.

тельной степени способствовали неурожаю в России и плохие урожаи в Европе»⁵⁷); 1892 год — вывоз хлеба из Венгрии не мог развиваться вследствие следующих причин: хорошего урожая во многих странах, «неслыханно низких цен и отмены запрещения вывоза хлеба из России», ограничения вывоза сырья и полуфабрикатов в Германию в связи с господствующим там промышленным кризисом и распространением эпидемии холеры в Венгрии и за границей⁵⁸); 1893 год — несмотря на оживление в международной торговле, сельское хозяйство Венгрии «не могло извлечь ожидаемой пользы от этого более благоприятного хода дел», а Америка наводнила своим хлебом венгерские заграничные рынки. Поэтому экспорт Венгрии «был ограничен и развивался лишь крайне медленно вследствие давления низких цен»⁵⁹); 1894—1897 годы — экспорт хлеба из Венгрии сократился вследствие иностранной конкуренции и низких цен⁶⁰); 1898 год — урожай лучше прошлого года, но состояние сельского хозяйства «нельзя назвать удовлетворительным». Цены на заграничных рынках довольно высоки, но положение «гарантированных рынков» для сельского хозяйства было непрочным в связи с наплывом американских продуктов⁶¹).

В промышленном же отношении Венгрия по сравнению с главными капиталистическими странами была очень отсталой. Промышленность Венгрии, как выражался русский консул в Будапеште, «не имеет сил приобрести новые рынки и устоять в конкуренции с другими промышленными государствами»⁶²). Вот почему внешняя торговля Венгрии во второй половине XIX столетия характеризовалась неустойчивостью, колебаниями внешнеторгового оборота, отставанием темпов роста экспорта от импорта⁶³) и общей тенденцией к снижению внешнеторговой активности, что находило свое выражение в пассивном торговом балансе на протяжении ряда лет.

Приводимая ниже таблица характеризует внешнеторговый оборот Венгрии во второй половине XIX столетия⁶⁴) (см. табл. 4).

⁵⁷) Там же, л. 48.

⁵⁸) Там же, л. 48 об.

⁵⁹) Там же, л. 49

⁶⁰) Там же, лл. 50—51, 128—129.

⁶¹) Там же, л. 51

⁶²) Там же, л. 125.

⁶³) В конце XIX века увеличение импорта в Венгрию шло главным образом за счет промышленных изделий (текстильной, металлургической и машиностроительной промышленности) и отчасти сельскохозяйственной продукции. В экспорте Венгрии преобладали продукты сельского хозяйства (хлеб, мука, скот, табак, лен, пенька, джут, кожи, вина, продукты животноводства, овощи и фрукты); вывозился также лес, сахар, керосин, химические продукты, уголь, руда, железо, железные изделия и машины.

⁶⁴) АВГП, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 69, 142.

Как показывают приведенные данные, внешнеторговый оборот Венгрии в 1897 году возрос по сравнению с 1870 годом почти на 60%, но увеличение ввоза происходило быстрее, чем вывоза (ввоз увеличился на 61,2, а вывоз — на 57,8%). В целом за указанные годы импорт превышал экспорт в общем внешнеторговом обороте Венгрии на 205 млн. форинтов, или на 4,4%. Только в отдельные годы (1882, 1890, 1893 и 1894) внешнеторговый баланс был активным (вывоз превышал ввоз на 3%), а в остальные годы — пассивным (ввоз превышал вывоз на 13%).

Таблица 4

Годы	Ввоз (в млн. форинтов)	Вывоз (в млн. форинтов)
1870	344,1	342,8
1872	488,1	313,0
1882	437,5	446,4
1885	448,8	396,1
1890	485,4	530,1
1893	513,1	524,5
1894	546,2	562,5
1895	543,9	504,8
1896	548,9	544,7
1897	554,9	540,9

Как указывалось в экономическом обзоре русского консульства в Будапеште, внешнеторговый оборот Венгрии в количественном выражении с 1882 по 1895 год повысился с 42 до 76 млн. метро-центнеров, т. е. на 34 млн. метро-центнеров, а в ценностном выражении — с 883 до 1048 млн. форинтов, т. е. на 165 млн. форинтов. Эти цифры, говорится в обзоре, «обнаруживают, с одной стороны, огромное выражение количества, а с другой, — сильное обесценение товаров: увеличение составляет 80% по отношению к количеству и 20% к общей стоимости оборотов⁶⁵⁾.

В последующие годы торговый баланс Венгрии был также пассивным. Так, в 1897 году было ввезено в Венгрию 36,9 млн. метро-центнеров продукции и 270,9 тысяч голов скота, а вывезено — 48,7 млн. метро-центнеров продукции и 4632 тысячи голов скота. По сравнению с 1896 годом ввоз увеличился на 1,1 млн. метро-центнеров и сократился на 113,9 тысячи голов

⁶⁵⁾ Там же, лл. 142—143.

скота, а вывоз уменьшился на 3,9 млн. метро-центнеров и увеличился на 271,6 тысячи голов скота. Сопоставление этих данных показывает, говорилось в обзоре, что «импорт постоянно возрастает и не встречает задержки на своем пути к повышению, вывоз же значительно сокращается»*.

Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в конце XIX столетия, в период перерастания капитализма в империалистическую стадию, когда противоречия, присущие капиталистической системе, капиталистическому способу производства, обострились и привели к мировому экономическому кризису в начале XX столетия. Углубление кризисных явлений во внешней торговле Венгрии в конце XIX столетия ярко выражают итоги 1897 года, когда экономические «оползни», нарастая из года в год, вызвали в начале XX столетия катастрофический обвал со всеми его разрушительными последствиями, тяжело отразившимися как на развитии производительных сил, так и на положении трудящихся масс.

Характерными чертами внешнеторгового баланса Венгрии за 1897 год по сравнению с предшествующими годами являлись сокращение экспорта и увеличение импорта как в количественном, так и в стоимостном выражении**. Особенно значительным было сокращение основной статьи венгерского экспорта — зерна и муки. Вследствие низкого урожая в Венгрии в 1896 году⁶⁶⁾ резко уменьшился валовой сбор хлебов, о чем можно судить по таким данным⁶⁷⁾.

Таблица 5

Культуры / Год	Валовой сбор (в млн. метро-центнеров)					
	1892	1893	1894	1895	1896	1897
Пшеница	40,6	45,97	42,0	42,5	40,6	24,4
Рожь	13,3	11,5	12,6	11,3	14,2	8,9
Ячмень	11,6	12,3	13,7	13,4	13,6	9,0
Овес	9,7	9,5	11,6	11,8	12,5	8,5

Таким образом, в 1897 году по сравнению с предшествующими годами валовой сбор основных зерновых культур сократился с 80,9 до 50,8 млн. метро-центнеров, т. е. на 37,1% (пшеница — на 40, рожь — на 37, ячмень — на 34, овес — на 32%). В этих условиях цены на хлеб, особенно на пшеницу, поднялись, как говорилось в экономическом обзоре русского

⁶⁶⁾ В 1896 году недороды охватили многие страны Европы, Америки (Аргентина) и Азии (Индия).

⁶⁷⁾ АВГР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 133.

консульства, «до такого уровня, какого не было уже более десяти лет»*. Причем, «будапештскому хлебному рынку принадлежала руководящая роль в повышении цен»⁶⁸). Конкуренция на мировом хлебном рынке обострилась до предела; экспорт венгерского хлеба резко снизился. Данные табл. 6 характеризуют движение экспорта зерновых культур и муки⁶⁹).

Т а б л и ц а 6

	Вывоз зерновых культур и муки (в млн. метро-центнеров)						
	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897
	г о д ы						
Пшеница	6,49	4,85	4,84	5,18	6,08	6,66	3,34
Пшеничная мука	4,81	4,97	5,46	5,95	6,44	7,18	5,75
Рожь	2,09	1,98	1,99	2,02	2,09	2,63	1,47
Ячмень	2,58	2,66	4,45	3,59	2,32	4,74	3,90

Как показывают данные таблицы, объем вывоза основных зерновых культур и муки из Венгрии в 1897 году по сравнению с 1896 годом снизился с 21,21 до 14,46 млн. метро-центнеров⁷⁰), т. е. на 31,8% (пшеница — в два раза, пшеничная мука — на 20, рожь — на 44, ячмень — на 17,7%), а по сравнению с предшествующим пятилетием — на 16%. В 1897 году Венгрия вывезла в Австрию 3,3 млн. метро-центнеров пшеницы (98,8% всего вывоза пшеницы), в Швейцарию — 103 тысячи, в Германию — 53 тысячи и в другие страны — 184 тысячи метро-центнеров⁷¹). «Хлебная торговля Венгрии, за исключением оборотов с овсом, страшно сократилась, товарные сделки с внешними рынками, лежащими за пределами монархии, выразились по двум главным хлебным товарам в нуле»⁷²), — такими словами оценивало русское консульство в Будапеште итоги внешней хлебной торговли Венгрии за 1897 год. Одновременно с этим сократился вывоз скота из Венгрии⁷³)

⁶⁸) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 130—131.

⁶⁹) Там же, л. 133.

⁷⁰) Вместе с тем в Венгрию было ввезено в 1897 году 2,18 млн. метро-центнеров зерновых продуктов и муки, что составляло 15% этой статьи вывоза. Импорт пшеницы по отношению к экспорту занимал 36,8% (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 133)

⁷¹) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 132—133.

⁷²) Там же, л. 132 об.

⁷³) Сокращение вывоза скота объяснялось конкуренцией других стран (России и балканских государств), высокими пошлинами, которыми ограждали себя многие страны, и полным запрещением ввоза скота в Германию и овец во Францию (см. «Budapesti Napló», № 7, 8 января

(на 14%), керосина⁷⁴), что «послужило к пользе Австрии и к сильной невыгоде венгерской нефтерафинирующей промышленности», — указывалось в экономическом обзоре русского консульства. В 1897 году наблюдается некоторое увеличение экспорта сахара (на 139 тысяч метро-центнеров), вина⁷⁵), а также железа, железных изделий и машин⁷⁶), но их удельный вес в общей массе вывоза был незначительным*.

Анализируя состояние внешней торговли Венгрии за 1897 год, министр торговли сформулировал свои выводы следующим образом: «Теперь совершенно ясно, что торговый баланс Венгрии закончится с большим пассивом для нее, что этот пассив вытекает преимущественно из наших отношений к Австрии»⁷⁷).

**
*

Экономическая и политическая гегемония Австрии в единой монархии Габсбургов, общая таможенная граница между Цислейтанией и Транслейтанией нанесли огромный ущерб венгерской экономике** и вызвали острые политические разногласия между определенными группами венгерской промышленной и торговой буржуазии и господствующими классами Австрии. Мнение Будапештской торгово-промышленной палаты по поводу возобновления таможенно-торгового соглашения между Венгрией и Австрией, представленное правительству в 1897 году⁷⁸), раскрывает сущность этих противоречий и интересов, отстаиваемых различными группами буржуазии и помещиков Венгрии. «Переговоры о возобновлении таможенно-торгового соглашения между Венгрией и Австрией, говорилось в этом документе, принимают все более характер национальной борьбы, особенно со стороны последней, что чрезвычайно затрудняет успешность дела». Венгерские аграрии желали бы сохранить соглашение с Австрией,

1902 года). Особенно резко снизился вывоз свиней из Венгрии, что объяснялось как указанными выше причинами, так и эпизоотией, истребившей свиней целыми массами (в 1894 году из Венгрии было вывезено свиней на 70 млн. гульденов, а в 1898 году экспорт свиней снизился до 10 млн (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 153).

⁷⁴) Вывоз керосина из Венгрии сократился на 120 тысяч метро-центнеров, или почти на 40%, а ввоз увеличился на 50 тысяч, или на 33%.

⁷⁵) Вместе с тем увеличился импорт итальянских вин, в 1896 году было ввезено из Италии 525,4 тысячи, а в 1897 году — 829,9 тысячи метро-центнеров (увеличение на 70%). Даже в 1900 году экспорт вина составлял 726 тысяч, а импорт — 891 тысячу метро-центнеров (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 215—216).

⁷⁶) Вывоз железа, железных изделий и машин в 1897 году по сравнению с предшествующим годом возрос на 22%, но ввоз машин все же превышал их вывоз почти в два раза.

⁷⁷) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 130.

⁷⁸) Там же, лл 144—145.

но лишь при условии «более прочного, чем было поныне, обеспечения за их произведениями австрийского рынка путем соответственных покровительственных пошлин»*. Значительная часть фабрикантов и ремесленников «ожидает сильного подъема национальной промышленности именно от обособления венгерской таможенной территории»⁷⁹⁾. «Торговый мир», придерживающийся преимущественно принципов свободного обмена, противится всяким мерам, могущим стеснить торговлю Транслейтании с Цислейтанией. Однако все высказывающиеся за возобновление соглашения с Австрией, говорилось в этом «мнении» палаты, «единодушно ставят непременно условием полное устранение тех затруднений, которые до сего времени создавались Австриею венгерскому сельскому хозяйству, промышленности и торговле».

Заправила Будапештской торгово-промышленной палаты, не выдвигая требования безусловного торгово-таможенного обособления Венгрии, стремились добиться если не полностью равных прав в торгово-промышленной деятельности с австрийской буржуазией и помещиками, то хотя бы выторговать существенные уступки с их стороны. Именно с этой целью в заключительной части своего «мнения» палата делала акцент на тех «нежелательных» для Австрии последствиях, к которым может привести таможенная война двух контрагентов Габсбургской монархии. «Венгрия несравненно легче Австрии, говорилось в этом документе, перенесет таможенно-торговое обособление и вызванный им кризис, так как составные элементы сельскохозяйственной страны менее разнообразны и сложны, чем страны с преобладающим фабричным производством. Австрия всегда будет нуждаться в сельскохозяйственных произведениях Венгрии — хотя бы в силу географического своего положения. Венгрия же с поднятием своей фабричной промышленности перестанет нуждаться в произведениях Австрии. Таможенная война со стороны Австрии не страшит Венгрию. А Австрия же, решившись на такую войну, рискует возвышением заработной платы фабричным рабочим и усилением и без того уже опасного социалистического движения»⁸⁰⁾.

Страх перед революционным движением пролетариата, боязнь, что обособление от Австрии приведет к ослаблению

⁷⁹⁾ Наоборот, противники таможенного обособления Венгрии от Австрии доказывали невозможность развития венгерской промышленности на базе собственных естественных ресурсов и капиталов. Так, представитель аграриев граф Б. Серени, выступая в венгерском парламенте (январь 1901 года), заявлял: «Не следует предаваться иллюзиям и надеяться, что с момента возникновения независимой таможенной области в Венгрии разовьется собственная промышленность» (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 154).

⁸⁰⁾ АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 145.

позиций господствующих классов Венгрии обусловили собой стремление их к сохранению пресловутого австро-венгерского Ausgleich'a даже в ущерб национальным интересам своей страны⁸¹⁾.

В венгерской внешней торговле Австрия занимала первое место, за ней следовали Германия, Сербия, Италия, Англия, Румыния, Франция, Швейцария и другие страны*. Зависимость Венгрии от Австрии выражалась в быстром увеличении австрийского экспорта по сравнению с ввозом из Венгрии в Австрию и в преобладании в австрийском ввозе промышленных товаров и в венгерском вывозе сельскохозяйственных продуктов и сырья. Частые проявления упадка, застоя и кризисов во внешней торговле Венгрии были обусловлены в значительной мере наличием спроса и уровнем цен на австрийском рынке, так как венгерская торговля, не имея «гарантированных» заграничных рынков, основывалась, главным образом, на торговых связях с Австрией, которая использовала это положение для упрочения своей экономической и политической гегемонии в двуцентральной монархии.

К концу пятилетнего срока действия австро-венгерского торгового договора (1896 год) удельный вес Австрии во внешнеторговом обороте Венгрии (в ценностном выражении) достигал 78,8%; ввоз же из Австрии в Венгрию составлял 81% всего венгерского импорта, а вывоз из Венгрии в Австрию — 76,6% всего венгерского экспорта⁸²⁾. Уже эти данные подтверждают «привязанность» венгерской внешней торговли к австрийским рынкам, свидетельствуют об экономической зависимости Венгрии от Австрии, в результате чего (в сочетании с другими конъюнктурными факторами) внешне-торговый баланс Венгрии в конце XIX столетия оставался, как правило, пассивным⁸³⁾. Если за пятилетие, с 1886 по 1891 год, Венгрия свела свой внешне-торговый баланс с активом в 10,7 млн. гульденов, то в течение действия торгового

⁸¹⁾ Эта мысль проходила красной нитью через все выступления сторонников соглашения с Австрией. В 1897 году Ю. Андраши издал книгу под названием «Ausgleich mit Oesterreich vom Jahre 1867», в которой доказывал, что «действительный патриотизм» требует от венгров «обуздать себя», так как, нарушив связь с Австрией, Венгрия «окажется слабой среди других держав и поставит на карту не только возможность успешного своего развития, но и само свое существование» (АВПР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, л. 491).

⁸²⁾ АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 146.

⁸³⁾ Об аграрном характере экономики Венгрии и ее зависимости от Австрии свидетельствует тот факт, что более 3/4 венгерского экспорта, состоящего главным образом из продуктов сельского хозяйства (мука, зерно, скот) направлялось в Австрию (см. указ. соч. Крюков Н. А., т. II, ч. II, стр. 262).

договора с Австрией в следующем пятилетии внешнеторговый пассив Венгрии составил 26 млн. гульденов, хотя Венгрия, по мнению русского консульства в Будапеште, была в состоянии поставлять хлеб, скот, муку, крепкие напитки, солод, мягкое дерево, бончарный лес, «способные выдержать любую конкуренцию»⁸⁴).

Доля закарпатских комитатов во внешней торговле Венгрии была совершенно незначительной и составляла не более 5—6 млн. форинтов, т. е. 1—1,5% всего внешнеторгового оборота Венгрии. Большая часть товарного хлеба, продуктов животноводства, муки, фруктов, винограда и вина реализовалась на местных закарпатских рынках; вывоз этой продукции затруднялся отдаленностью австрийских и заграничных рынков, низким качеством и нестандартностью продукции (зерна, муки, вина, шерсти), высокими железнодорожными тарифами и сравнительно высокой себестоимостью продукции, обусловленной отсталостью сельского хозяйства Закарпатья.

Поэтому удельный вес закарпатских комитатов в венгерском вывозе сельскохозяйственных продуктов был небольшим. Только владельцы латифундий и крупные арендаторы, сосредоточившие в своих руках значительную часть товарной хлебной продукции высоких кондиций, доставляли хлеб на будапештский рынок, откуда он отправлялся за границу. Значительная часть хлеба перерабатывалась на местных мельницах и на винокуренных заводах.

Эти же причины обусловили собой и ограниченность сбыта на отдаленных рынках скота: перевоз скота по железной дороге повышал его цену, а прогон скота на центральные рынки Венгрии и Австрии в связи с их отдаленностью приводил к падежу и снижению веса скота. Закарпатские вина, главным образом простые, не могли конкурировать с венгерскими винами высших марок, издавна зарекомендовавших себя на заграничных рынках. О весьма ограниченном объеме вывоза сельскохозяйственной продукции из Закарпатья за границу свидетельствует и тот факт, что здесь не было ни одной торговой экспортной компании или отделения такой компании.

Относительно более высоким был удельный вес продукции обрабатывающей промышленности Закарпатья во внешне-торговом обороте Венгрии. В конце XIX — начале XX столетия около 20 закарпатских предприятий в большей или меньшей мере были связаны с внешнеторговыми операциями. Прежде всего сюда относились химические заводы, принадлежавшие капиталистическим монополиям. Великобычковский завод акционерного общества «Клотильда» вывозил часть своей продукции во Францию, Англию и США. Несмотря на

⁸⁴) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 143 об, 146 об.

сильную конкуренцию американских монополий, химические заводы акционерного общества «Бантлин» имели обеспеченный сбыт на рынках Германии, Италии, Швейцарии, Англии и России ацетона, кетона и древесного спирта; значительным был также вывоз за границу (особенно в Германию) продукции Свалявского химического завода акционерного общества «Сольва».

Из других закарпатских предприятий с заграничными рынками периодически были связаны мебельная фабрика «Мундус», 7 лесопильных и лесообрабатывающих заводов, поставивших пиленый лес, паркет, бочарный материал (заводы братьев Гредель, Газа, Маутнера и др.); мукачевский завод по производству спирта Вайса, стекольный завод Кагана, мельницы акционерного общества в Берегове и мельницы Шрейтера и Вольфа в Буштино. Небольшую часть своей продукции вывозили за границу некоторые железоделательные заводы, квасцовый завод Шенборна и завод по производству газированных минеральных вод Маттона и Вилле в Сваляве. Деревообрабатывающая фабрика в селе Н-Грабоница⁸⁵) (Бережской жупы), принадлежавшая компании Фрайер и Трост, вырабатывала деревянные пробки для винных бочек и осиновую дощечку для спичечных фабрик, находившие сбыт не только в Галиции и Нижней Австрии, но и в Баварии, Швеции и Норвегии. Художественные вышивки и ковры кустарного производства скупала экспортная фирма «Венгерское торговое акционерное общество»⁸⁶).

Внешняя торговля Венгрии и Закарпатья была тесно связана с внутренней торговлей. Часть закарпатских экспортных товаров (сельскохозяйственная продукция, лес, кустарные изделия) группировалась на местных и близлежащих венгерских рынках, где она скупалась крупными экспортерами и вывозилась за границу. Импортные товары (главным образом сельскохозяйственные орудия, машины, металлические изделия и особенно ткани и обувь) приобретались крупными частными торговыми фирмами и кооперативными объединениями, которые снабжали этими товарами как посредники розничную торговую сеть.

3. КРЕДИТНО-БАНКОВСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Развитие капитализма в Венгрии и перерастание его в империалистическую стадию сопровождалось быстрым ростом

⁸⁵) См. Deb, 1895, стр. 165—169, Deb, 1904, стр. 118

⁸⁶) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 330, л. 18; оп. II, 1907 г., д. 32, л. 27.

кредитно-банковских учреждений и увеличением размеров их капиталов⁸⁷⁾.

Кредитные учреждения в Закарпатье стали возникать в конце 60 — начале 70-х годов XIX столетия, но значительное их увеличение наблюдается в конце XIX — начале XX столетий. Представление о динамике кредитных учреждений в Закарпатье дает следующая таблица⁸⁸⁾.

Таблица 7

Годы	Общее число кредитных учреждений	Из них		
		банки	сберегательные кассы	кредитные общества
1870	4	1	3	—
1890	24	8	10	6
1893	41	14	14	13
1894	43	15	17	11
1900	88	15	16	57

Как видно из приведенных данных, число кредитно-банковских учреждений в Закарпатье за эти 30 лет возросло более чем в 20 раз, но их удельный вес в общевенгерской финансовой системе оставался незначительным: банки составляли 3, сберегательные кассы 1,7 и кредитные общества 3,4%.

Банки, сберегательные кассы и ссудо-сберегательные товарищества в Закарпатье представляли собой мелкие учреждения с ограниченным основным капиталом и масштабами финансовых операций. Чешский автор Б. Сладек так охарактеризовал способы основания и направление деятельности финансовых учреждений в Закарпатье: «Сходилось несколько отдельных лиц, которые взаимно подписывали друг другу векселя, провозглашали открытие банковского учреждения и

⁸⁷⁾ В 1867 году в Венгрии насчитывалось 120 банков и сберегательных касс, в 1889 году — 592, в 1896 году — 920 и в 1901 году — 1213. Капитал их составлял в 1867 году 130 млн, а в 1896 году — 1395 млн. фонитов. Одновременно с ростом числа банков и сберегательных касс расширяется сеть кредитных обществ, которых в 1889 году насчитывалось 206, а в 1901 году — 2118 (Msé, VI, 1891, стр. 10—13, 21—49, 72—87; АВПР, ф Политархив, 1901 г., д. 576, л 146).

⁸⁸⁾ Таблица составлена на основе следующих статистических источников: His, V. V, 1872, стр. 108—111, 224—231, Mse, III, 1875, стр. 388—389; Msé, VI, 1891, стр. 10—13, 21—49, 72—87, Deb, 1895, стр. 138—139, Msé, III, 1896, стр. 302—307; Msé, VIII, 1901, стр. 277; Kjsé, 1901, стр. 617; Msé, IX, 1902, стр 265, Deb, 1904, стр 152—153; Statistická príručka R Č, т I, 1920, стр 79

начинали свою деятельность, которая состояла преимущественно в выдаче ссуд под высокие проценты»⁸⁹⁾.

Основной капитал всех кредитных учреждений Закарпатья в 1894 году составлял, в округленных цифрах, 3,5 млн. форинтов⁹⁰⁾, из них на долю банков приходилось 1,8 млн. (51%)⁹¹⁾, сберегательных касс — 1,5 млн. (43%) и кредитных обществ — 0,2 млн. (6%)⁹²⁾.

Только два закарпатских банка из 15 располагали основным капиталом в сумме от 200 до 225 тысяч форинтов (Марамарош-Сигетский торгово-кредитный банк и Береговский кредитный банк); основной капитал трех банков не превышал 100—160 тысяч форинтов (Марамарош-Сигетский народный банк, Береговский торгово-промышленный банк и Мукачевский народный банк), а в остальных банках основной капитал составлял 30—80 тысяч форинтов (Верхне-Вишовский торговый банк — 80 тысяч, Голмиский народный банк — 60 тысяч, Хустский народный банк — 30 тысяч форинтов и т. д.).

Закарпатские банки, главным образом депозитные, находились в огромной зависимости от крупных австро-венгерских банков, которые подчиняли себе их деятельность методами финансового контроля. Как показывают статистические и другие источники, главную роль в финансировании закарпатской промышленности и сельского хозяйства играли венские и будапештские коммерческие и промышленные банки. Держателями акций закарпатских банков являлись преимущественно местные капиталисты — предприниматели, крупные торговцы, помещики, ростовщики, кулаки и священники. К 1894 году 13 основными банками было выпущено свыше 15 тысяч акций (6 банков — от 600 до 800, 5 банков — от 1000 до 1500 и 2 банка — от 2 до 3 тысяч акций); номинальная цена акции колебалась в пределах 50—220 форинтов

⁸⁹⁾ «Восемь лекций о Подкарпатской Руси», Прага, 1925, стр 75

⁹⁰⁾ В 1889 году основной капитал кредитно-банковских учреждений Венгрии (158 банков, 434 сберегательные кассы и 206 ссудо-сберегательных товариществ) составлял 102 093 тысячи форинтов, а основной капитал закарпатских кредитных учреждений (10 банков, 7 сберегательных касс и 7 кредитных обществ) — только 1442 тысячи форинтов, т. е. 1,4% (Msé VI, 1891, стр 10—13, 21—49, 72—87). Капитал всех кредитных учреждений Венгрии в 1900 году достигал 2576825 тысяч форинтов (доля капиталов закарпатских кредитных учреждений составляла 0,2%), из которых 38% принадлежало 9 крупнейшим банкам (Пештский торговый банк, Венгерский кредитный банк, Венгерский ипотечный банк и др.) (см указ. соч. Sándor V, стр 393).

⁹¹⁾ В 1870 году основной капитал венгерских банков (40 банков) составлял 26679 тыс. форинтов, а в 1889 году — 44575 тысяч форинтов; основной капитал закарпатских банков в 1889 году составлял только 881 тысячу форинтов, или 1,9% основного капитала венгерских банков (Msé, VI, 1891, стр 10—13).

⁹²⁾ Msé, III, 1896, стр 302—307.

[5 банков (Долгопольский народный банк, Ясинский кредитный банк, Тячевский торговый банк, Береговский торгово-промышленный банк, Хустский народный банк взаимного кредита) — 60—75, 6 банков (Голмиский, Верхне-Вишовский и др.) — 100—165 и только два банка (Марамарош-Сигетский торговый и кредитный банк и Береговский кредитный банк) — 220 форинтов⁹³).

Характерной чертой развития банковской системы в Закарпатье во второй половине XIX века являлась концентрация и централизация банковского капитала, выражающаяся в увеличении основного капитала и в расширении сферы деятельности тех банков, которые находились под непосредственным контролем монополистических финансовых объединений. Вместе с тем усиливается процесс поглощения мелких банков более крупными, особенно в годы финансово-промышленных кризисов (1873—1875, 1880, 1890, 1900).

Так, в 1894 году в закарпатских жупах, входивших в состав Дебреценской торгово-промышленной палаты (Бережская, Марамарошская и Угочская) насчитывалось 13 банков, а в 1903 году только 11. В результате конкуренции крупных австро-венгерских и иностранных финансовых монополий слились с другими банками или прекратили свою деятельность Марамарош-Сигетский кредитный и торговый банк, Ясинский кредитный, Тячевский торговый, Марамарош-Сигетский народный банк и другие, но зато возникло несколько новых банков (Мукачевский торговый, Севлюшский кредитный, Тисса-Уйлоцкий сельскохозяйственный и Косинский народный). Основной капитал тех закарпатских банков, которые по существу являлись филиалами будапештских крупных банков, во второй половине XIX столетия значительно увеличился. Так, основной капитал Береговского кредитного банка в 1874 году составлял 210 тысяч, а в 1903 году — 300 тысяч форинтов, а резервный капитал увеличился с 8,5 тысяч в 1874 году до 143,7 тысячи форинтов в 1894 году. Основной и резервный капитал Голмиского народного банка за пять лет (1889—1894) возрос в два раза, Долгопольского народного банка — в три раза; основной капитал Марамарош-Сигетского народного банка увеличился с 60 до 130 тысяч, а резервный — с 7 до 25 тысяч форинтов и т. д.⁹⁴).

Особенно значительным было увеличение основного капитала сберегательных касс⁹⁵), которые, вовлекая в свои опе-

⁹³) Deb, 1894, стр. 138—139.

⁹⁴) Msé, III, 1875, стр. 388—389, Msé, VI, 1891, стр. 10—13, Deb, 1895, стр. 138—139, Deb, 1904, стр. 152—153.

⁹⁵) Большинство закарпатских сберегательных касс представляло собой частные акционерные общества, возглавляемые крупными торговцами и помещиками (председателем правления Марамарош-Сигетской сберегательной кассы являлся барон Э. Роснер, во главе Марамарошской жуп-

рации накопления широких слоев мелкой и средней буржуазии, постепенно присваивали себе функции банков и конкурировали с ними. Границы между банками и сберегательными кассами все более стирались⁹⁶). Основной капитал сберегательных касс на протяжении 25 лет, с 1869 по 1894 год, возрос с 76 до 1511 тысяч форинтов⁹⁷), т. е. в 20 раз⁹⁸). В конце XIX столетия две сберегательные кассы (Марамарош-Сигетская и Ужанская) располагали акционерным капиталом в сумме от 200 до 300 тысяч форинтов, который превышал основной капитал наиболее крупных закарпатских банков 5 сберегательных касс (Береговская жупная, Береговско-Мукачевская, Угочская, Марамарош-Сигетская центральная и Тисса-Уйлокская) имели акционерный капитал от 103 до 140 тысяч форинтов; 4 сберегательные кассы (Вашарошнеменьская, Тячевская, Хустская, Верхне-Вишовская) — от 50 до 100 тысяч форинтов и 4 мелких сберегательных кассы (Раховская, Великобычковская, Драгомирфалваская и Боршавская) — от 18 до 35 тысяч форинтов⁹⁹).

Основной капитал некоторых сберегательных касс во второй половине XIX столетия возрос в два и более раза: голько за пять лет, с 1889 по 1894 год, акционерный капитал Хустской сберегательной кассы увеличился с 30 до 75 тысяч форинтов; основной капитал Береговской жупной центральной кассы в 1889 году составлял 60, в 1894 году — 80, а в 1903 году — 160 тысяч форинтов; основной капитал Береговско-Мукачевской сберегательной кассы возрос с 80 тысяч форинтов в 1894 году до 100 тысяч в 1903 году; Вашарошнеменьской — с 40 до 80, Боршавской — с 20 до 40, Верхне-Вишовской — с 72 до 140, Угочской — с 60 до 120 тысяч форинтов¹⁰⁰).

— — —
ной кассы стоял помещик М Соплонцаи и т д) К 1895 году сберегательными кассами трех жуп было выпущено около 13 тысяч акций (от 250 до 1300 акций на одну сберегательную кассу) на общую сумму 1,8 млн форинтов, средняя нарицательная стоимость акции 130 форинтов (Марамарош-Сигетская касса - 480, 7 сберегательных касс — от 100 до 200, 5 касс — от 30 до 100 и 1 касса [Раховская] — 30 форинтов) (Deb, 1895, стр 138—139, Mse, III, 1896, стр 302—307) Сберегательные кассы Закарпатья находились также под контролем венгерских банков. В частности, одна из наиболее крупных сберегательных касс в Марамарош-Сигете находилась в сфере влияния Будапештского торгового банка (см указ соч Sándor V, стр. 396)

⁹⁶) В И. Ленин, Соч., т 22, стр 205

⁹⁷) Mse, 1872, стр 224—231, Mse, VI, 1891, стр. 21—49, Mse, III, 1896, стр 302—307.

⁹⁸) В 1889 году основной капитал 434 сберегательных касс Венгрии составлял 28841 тысячу, а 7 закарпатских касс — 473 тысячи форинтов, или 1,6% (Mse, VI, 1891, стр 21—49)

⁹⁹) Deb, 1895, стр. 138—139.

¹⁰⁰) См Mse, VI, 1891, стр 21—49, Deb, 1895, стр 138—139; Deb, 1904, стр 152—153.

Удельный вес ссудо-сберегательных товариществ в финансовых операциях, как мы указывали, был совершенно незначительным. Паевой капитал их в 90-х годах составлял только 200 тысяч форинтов (около 17 тысяч форинтов на одно кредитное общество)¹⁰¹).

Главное место в финансовых операциях кредитных учреждений Закарпатья занимали учет векселей и выдача ссуд под залог земли и строений; ссуды под залог товаров и ценных бумаг имели меньшее значение. В конце XIX столетия общая сумма предоставленных заемщикам ссуд составляла около 12 млн. форинтов¹⁰²), из которых большая часть (51%) была выдана сберегательными кассами, 46% банками и 3% кредитными обществами¹⁰³). Ссуды под векселя занимали 80 и ссуды под залог земли и строений 12% общей суммы кредитов (в банках доля вексельных операций составляла более 90, залоговых — 4%; в сберегательных кассах соответственно 70 и 23%, и в кредитных обществах — 77 и 0,3%).

В конце XIX столетия ссуды под векселя, выданные закарпатскими банками, составляли 5 млн., а в начале XX столетия достигали 7,8 млн. форинтов; сумма ипотечных ссуд за это же время возросла с 0,2 до 0,5 млн. форинтов¹⁰⁴). Об удельном весе этого рода операций в деятельности отдельных банков

¹⁰¹) В 1889 году паевой капитал 206 кредитных обществ Венгрии составлял 28 677 тысяч, а 7 кредитных обществ Закарпатья — 88 тысяч форинтов, или 0,3% (Mse, VI, 1891, стр. 72—87) Только в конце XIX—начале XX столетия происходит значительное увеличение количества кредитных обществ и их капиталов. В 1905 году число кредитных обществ (по трем жупам — Бережской, Марамарошской и Ужгородской) достигало 117, количество членов — 22 387 человек, а паевой капитал превышал 700 тысяч форинтов. В 1914 году в Закарпатье насчитывалось 165 кредитных обществ, 45 682 члена, а весь капитал кредитных обществ составлял 5 823 тысячи форинтов (ГАЗО, ф 262, 1906 г., д. 3145, лл. 1—46; Statistická příručka R. C., т I, 1920, стр. 79).

¹⁰²) В эту сумму не включено около 1,5 млн. форинтов ссуд, выданных отделением Австро-венгерского государственного банка в Марамарош-Сигете, открытого в самом конце XIX столетия. В 1899 году этот банк имел 73 отделения в Венгрии и выдал ссуд под векселя на 532 130 тысяч форинтов, а закарпатское отделение этого банка выдало 1 492 тысячи форинтов, или менее 0,3% общей суммы (Mos, II, 1900, стр. 609).

¹⁰³) Mse, III, 1896, стр. 302—307.

¹⁰⁴) Главную роль в ипотечном кредите играли не закарпатские, а крупные австро-венгерские и венгерские банки. В 1899 году ими было выдано ипотечных ссуд землевладельцам Закарпатья 9 713 тысяч форинтов (под залог земли — 8305 тысяч и под залог строений — 908 тысяч форинтов), а в 1900 году — 11 244 тысячи форинтов. Закарпатские банки в течение года в конце XIX столетия выдавали ипотечных ссуд на 500 тысяч форинтов. Из общей суммы ипотечных ссуд в 545 млн. форинтов, выданных всеми кредитно-банковскими учреждениями Венгрии в 1889 году, на долю землевладельцев закарпатских жуп приходилось менее 2% (Mos, II, 1900, стр. 603; Kjsé, 1901, стр. 627, 636).

можно судить по таким данным: Береговский кредитный банк в 1903 году выдал вексельных ссуд 1,5 млн., а ипотечных — 24 тысячи форинтов; Мукачевский народный банк соответственно 967 и 388 тысяч форинтов, Ужгородский банк мелкого кредита (Fillérbank) — 688 и 65 тысяч форинтов и т. д.¹⁰⁵⁾.

В кредитных операциях сберегательных касс также наблюдается значительное увеличение удельного веса кредита под векселя, залог земли и имущества. В 60-х годах всеми сберегательными кассами Закарпатья было выдано под векселя менее 500 тысяч ссуд, а в 90-х годах — более 4 млн. форинтов; ипотечные ссуды в 1869 году составляли 41 (7% суммы всех ссуд), а в 1894 году — 1274 тысячи форинтов (свыше 20% суммы всех ссуд)¹⁰⁶⁾. На примере деятельности отдельных сберегательных касс можно проследить возрастание масштаба вексельных и ипотечных операций. Так, Береговско-Мукачевская сберегательная касса в 1869 году выдала ссуд под векселя 427, а в 1903 году — 975 тысяч форинтов, соответственно Береговская жупная центральная касса — 317 и 918, Угочская сберкасса — 304 и 758 тысяч форинтов; сумма ипотечного кредита, выданного Береговско-Мукачевской сберегательной кассой, в 1903 году по сравнению с 1889 годом возросла более чем в 4 раза (с 285 до 1283 тысячи форинтов), в операциях Угочской сберегательной кассы — почти в 2,5 раза (с 48 до 113 тысяч форинтов) и т. д.¹⁰⁷⁾.

Кредитные общества в 1893 году предоставили ссуд мелким заемщикам на 286 тысяч форинтов (в среднем 22 тысячи форинтов на одно общество), из которых под векселя было выдано 285 тысяч, а под залог земли и имущества только 1 тысяча форинтов¹⁰⁸⁾.

Банки как посредники в платежах между представителями торгово-промышленного капитала и как кредитные посредники превращали бездействующий капитал в действующий, т. е. приносящий прибыль, собирали различного рода доходы и накопления, предоставляя их функционирующим капиталистам. Наиболее крупные коммерческие банки Закарпатья (Марамарош-Сигетский торговый и кредитный, Марамарош-Сигетский коммерческий, Береговский коммерческий, Береговский торгово-промышленный, Мукачевский народный, Ужгородский торгово-промышленный банк и др.) предоставляли кредит прежде всего владельцам промышленных предприятий. Они финансировали и контролировали мельницы, металлообрабатывающие и винокуренные заводы; крупные же про-

¹⁰⁵⁾ Mse, III, 1896, стр. 302—307, Deb, 1904, стр. 152—153, Kassai, 1911, стр. 144—145

¹⁰⁶⁾ Msé, 1872, стр. 224—231, Msé, III, 1896, стр. 302—307

¹⁰⁷⁾ Msé, VI, 1891, стр. 21—49; Deb, 1904 стр. 152—153

¹⁰⁸⁾ Msé, III, 1896, стр. 302—323.

мышленные акционерные общества, как, например, химические заводы, мебельные и деревообрабатывающие предприятия, входили в сферу деятельности австро-венгерских финансовых монополий.

Важнейшим источником оборотных средств кредитных учреждений Закарпатья являлись вклады, динамику и удельный вес которых в конце XIX — начале XX столетия характеризует табл. 8¹⁰⁹).

Таблица 8

Годы	Сумма новых вкладов в течение года (в тысячах форинтов)			
	банки	сберегательные кассы	кредитные общества	всего
1893	4008	4041	148	8197
1894	3008	4040	83	7131
1899	2702	4313	92	7107
1900	2800	4200	137	7137
1901	2753	4776	205	7734

В конце XIX — начале XX столетия, как показывает табл. 8, общая сумма вкладов в кредитных учреждениях Закарпатья колебалась в пределах 7—8 млн. форинтов; некоторое снижение размера вкладов в конце 90-х годов объяснялось сокращением суммы мелких вкладов в связи с разорением крестьянства, уменьшением свободных средств в руках городских мелкобуржуазных слоев, вследствие застоя в торговле и промышленной деятельности, а также отливом ростовщического капитала и средств помещиков и кулаков, которые предпочитали вкладывать свои капиталы в крупные венгерские банки или приобретать акции преуспевающих промышленных предприятий, банков и торговых компаний. В 1900 году банки располагали 39,2% всех вкладов, сберегательные кассы — 58,9 и кредитные общества — 1,9%¹¹⁰).

¹⁰⁹) Msc, III, 1896; стр. 312—314, Mos, II, 1900, стр. 598—599; Kjsé, 1901, стр. 622, 623; Msc, IX, 1902, стр. 270—271.

¹¹⁰) В 1893 году новые вклады, поступившие во все кредитно-банковские учреждения Венгрии, составляли 468 424 тысячи, а в 1899 году 567 925 тысяч форинтов, из которых на долю банков в 1893 году приходилось 135 816 тысяч (29%), а в 1899 году — 181 072 тысячи (31,9%), на долю сберегательных касс соответственно 314 446 тысячи (67,1%) и 364 427 тысяч (64,1%) и кредитных обществ — 18 162 тысячи (3,9%) и 22 426 тысяч форинтов (4,0%). Новые вклады, поступившие в закарпатские кредитные учреждения в 1899 году, составляли по отношению к вкладам всех кредитных учреждений Венгрии только 1,1% (вклады в банках — 1,5, в сберегательных кассах — 1,2, в кредитных обществах — 0,4%) (Msc, VI, 1891, стр. 98—113, 114—123, Mos, II, 1900, стр. 598—599).

Известную роль в аккумуляции капиталов в Закарпатье играли и учреждения небанковского типа, в частности, страховые общества, наиболее крупным из которых являлось общество «Анкер», располагавшие уже в конце 80-х годов капиталом в 36 млн. форинтов и выплатившие в 1888 году страховых премий более чем 60 млн. форинтов¹¹¹). В страховых операциях главное место занимало страхование от огня⁴. В 1900 году в закарпатских жупах было застраховано имущества (жилые дома, фабрики, хлеб в скирдах и т. д.) на сумму 55162, а в 1901 году — на 61945 форинтов; сумма выплаченных страховых премий составляла соответственно 382 и 228 тысяч форинтов¹¹²).

Во многих кредитных учреждениях Закарпатья вклады значительно превышали их основной капитал. В Береговском кредитном банке, например, в 1889 году основной капитал достигал 210, а вклады — 680 тысяч форинтов; в 1903 году соответственно 300 и 1069 тысяч форинтов; вклады Береговского торгово-промышленного банка (основной капитал 100 тысяч форинтов) в 1889 году составляли 172, а в 1903 году — 308 тысяч форинтов; в Мукачевском народном банке вклады в 1903 году в 6 раз превышали основной капитал; в Ужгородском народном банке (основной капитал 100 тысяч форинтов) вклады в 1910 году достигали 1122 тысячи форинтов; в Ужгородском банке мелкого кредита (основной капитал 125 тысяч форинтов) — 401 тысяча форинтов и т. д.¹¹³).

В сберегательные кассы в 1870 году поступило новых вкладов на сумму 345, в 1894 году — 4039¹¹⁴), а в 1900 году — 4200 тысяч форинтов¹¹⁵); за эти 20 лет сумма вкладов возросла более чем в 12 раз¹¹⁶). О соотношении основного капитала и вкладов в сберегательных кассах Закарпатья можно судить по данным табл. 9¹¹⁷).

В большинстве сберегательных касс вклады превышали основной капитал в 2—3 раза, а в некоторых из них во много раз (Береговская жупная — в 4—5, Марамарош-Сигетская —

¹¹¹) ГАЗО, ф. 245. 1889—1890, д. 288, лл 11—16

¹¹²) Kjsé, 1901, стр. 646, Msé, IX, 1902, стр. 293

¹¹³) Deb, 1904, стр. 152—153, Kassai, 1911, стр. 144—145

¹¹⁴) Из 4039 тысяч форинтов новых вкладов, поступивших в 1894 году, 1135 тысяч были вложены в две сберегательные кассы при почтовых конторах в Берегово и Марамарош-Сигете (Deb, 1895, стр. 151).

¹¹⁵) His. V, V, 1872, стр. 108—111, Msé, III, 1896, стр. 308—315; Kjsé, 1901, стр. 622—623.

¹¹⁶) Вклады в Берегово-Мукачевскую сберегательную кассу в 1899 году составляли 638 тысяч, а в 1903 году — 1941 тысячу форинтов, соответственно в Береговскую жупную центральную кассу 269 и 308 тысяч, в Ужочанскую сберегательную кассу 230 и 579 тысяч форинтов (Msé, VI, 1891, стр. 21—49; Deb, 1904, стр. 152—153).

¹¹⁷) Msé, VI, 1891, стр. 10—13, Deb, 1904, стр. 152—153, Kassai, 1911, стр. 144—145.

Таблица 9

Сберегательные кассы	1889 год		1903 год		1910 год	
	основной капитал	вклады	основной капитал	вклады	основной капитал	вклады
в тысячах флоринтов						
Береговско-Мукачевская	80	638	100	1940	—	—
Береговская жупная	60	269	160	914	—	—
Вашарошнемьенская	—	—	80	300	—	—
Великоберезнянская	—	—	—	—	50	99
Верхне-Вишовская	—	—	140	192	—	—
Капушанская	—	—	—	—	100	399
Марамарош-Сигетская	120	2178	300	1895	—	—
Середнянская	—	—	—	—	100	186
Тисса-Уйлокская	—	—	100	344	—	—
Угочская жупная	60	230	120	579	—	—
Ужгородская жупная	63	519	—	—	214	3024
Хустская	30	269	—	—	—	—
Чопская	—	—	—	—	50	143

в 6, Береговско-Мукачевская (1903 год) — в 19 раз) и только в отдельных мелких кассах сумма вкладов была меньше основного капитала (Боршавская и Тячевская сберегательные кассы). В кредитных товариществах наблюдалось обратное явление — превышение паевого капитала над вкладами (в 1893 году паевой капитал составлял 220, а новые вклады — 184 тысячи флоринтов)¹¹⁸⁾.

Число вкладчиков кредитных учреждений с 1889 по 1894 год возросло с 11 (в округленных цифрах) до 16 тысяч, из них вкладчики банков составляли 41¹¹⁹⁾, сберегательных касс — 56 и кредитных обществ — 3%¹²⁰⁾. В табл. 10 дана группировка вкладчиков по размерам вкладов и удельному весу их в общей сумме вкладов (1894 год)¹²¹⁾.

¹¹⁸⁾ Mse, VI, 1891, стр. 10—13, Mse, III, 1896, стр. 302—323. Паевой капитал кредитных обществ Закарпатья в 1889 году составлял только 0,3% паевого капитала ссудо-сберегательных товариществ Венгрии (Mse, VI, 1891, стр. 72—87).

¹¹⁹⁾ Число вкладчиков в закарпатских банках составляло 0,9% вкладчиков Венгрии (Mse, VI, 1891, стр. 98—113).

¹²⁰⁾ Mse, VI, 1891, стр. 98—123, Mse, III, 1896, стр. 316—323.

¹²¹⁾ Mse, VI, 1891, стр. 98—163, Mse, III, 1896, стр. 316—323.

Показатели	Размер вкладов (в форинтах)					
	до 10	10—50	50—100	100—500	500—1000	свыше 1000
Количество вкладчиков	2223	3190	2480	4451	1455	2108
% вкладчиков	14	20	15,6	28	9	13,4
% к общей сумме вкладов	0,3	1	3	11	10	74,7

В кредитные учреждения в форме вкладов привлекались прежде всего накопления помещичье-буржуазной верхушки и средних буржуазных слоев города и деревни, священников, чиновников и т. д. Удельный вес самых мелких вкладчиков (с вкладом до 10 форинтов) был совершенно незначительным (14% всех вкладчиков), что свидетельствовало об отсутствии сбережений у массы трудящихся. Русский консул в Будапеште, характеризуя накопление капиталов и сбережений в Венгрии (1898 год), указывал, что в этой области «нельзя отметить никакого успеха». Небольшие размеры сбережений трудящихся объясняются «уменьшением рабочей деятельности и необыкновенным вздорожанием жизни»¹²²⁾. Такое же явление наблюдалось и в Закарпатье. 3/4 всех вкладов принадлежало небольшой по количеству, богатой эксплуататорской группе вкладчиков (вклады свыше 1000 форинтов), к которой примыкала и группа с вкладами от 500 до 1000 форинтов; они сосредоточили в своих руках около 85% всей суммы вкладов, хотя они составляли менее 23% всех вкладчиков, а на долю мелких вкладчиков (вклады до 50 форинтов), составлявших 34% всех вкладчиков, приходилась ничтожная часть вкладов — 1,3%.

Еще более высоким был удельный вес крупных вкладов в банках. В 1889 году вкладчиков этой категории было 607, а через 5 лет — 828; удельный вес принадлежавших им вкладов повысился с 78 до 85%*. Банки выплачивали в конце XIX столетия по краткосрочным вкладам в среднем 4% (Ужгородский народный банк — 3—4, Марамарош-Сигетский торговый кредитный банк — 5—5,5, Довгопольский народный банк — 6, Ясинский кредитный банк — 6,5%), а по долгосрочным вкладам — 5% (Ужгородский торгово-промышленный банк — 4,5, Марамарош-Сигетский народный банк — 6, Ясинский кредитный банк — 6,5%)¹²³⁾.

¹²²⁾ АВПР, ф Политархив, 1901 г, д 576, л 61

¹²³⁾ Msé, VI, 1891, стр 10—13

В сберегательных кассах к концу XIX столетия более 80% всех вкладов принадлежало крупным вкладчикам, 18% средним и только 2% мелким (удельный вес вкладов до 10 форинтов составлял только 0,1% общей суммы вкладов)¹²⁴). В ссудо-сберегательных товариществах также преобладали мелкие вкладчики; крупных вкладчиков было только 7%, но им принадлежала почти половина всей суммы вкладов

Таким образом, в Закарпатье наблюдается возрастание суммы вкладов и увеличение числа вкладчиков, что выражало собой не повышение народного благосостояния, а вытеснение старого, самостоятельного крестьянина новой сельской буржуазией, которая превращала «натуральные» сбережения в капитал. Вместе с тем быстро возрастало число крестьян, выталкиваемых в пролетариат, живущих продажей своей рабочей силы и отдающих (хотя бы временно) частички своих крохотных доходов на сбережение в кассы. «Многочисленность мелких вкладчиков,— отмечал В. И. Ленин,— доказывает именно многочисленность бедноты в капиталистическом обществе, ибо доля этих мелких вкладчиков в общей сумме вкладов ничтожна»¹²⁵).

Средства мелких вкладчиков использовались заправилами банков и сберегательных касс для спекуляций и обогащения. Так, например, правление Марамарош-Сигетской сберегательной кассы, возглавляемое бароном Э. Роснером, занимавшим одновременно и должность главного жупана Марамарошского комитата, выдало большие суммы для спекулятивных операций местным торговцам и получило значительные прибыли. Для того, чтобы избежать выдачи дивидендов мелким акционерам и присвоить себе сбережения мелких вкладчиков, правление объявило о банкротстве кассы, а крестьяне-вкладчики, как указывалось в донесении Э. Эгана, «потеряли свои деньги»¹²⁶).

Кредитные учреждения, как говорилось в отчете Дебреценской торгово-промышленной палаты за 1895 год, реализовали нормальную прибыль. Чистая прибыль всех кредитных учреждений Закарпатья в 1893 году достигала 438 тысяч форинтов, что составляло 14,1% по отношению к основному капиталу [банки получили прибыли 201 тысячу (13,3% к основному капиталу), сберегательные кассы — 221 тысячу (14,7%

¹²⁴) Сберегательные кассы по краткосрочным вкладам выплачивали от 4 до 6% и по долгосрочным — от 4,5 до 6,25%, соответственно кредитные общества выплачивали от 5,5 до 6,5% и от 5,7 до 6,5% (Mse, VI, 1891, стр. 21—49, 72—87)

¹²⁵) В. И. Ленин, Соч. т. 6, стр. 74

¹²⁶) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 21, л. 98

к основному капиталу) и кредитные общества — 16 тысяч форинтов (7,3% к паевому капиталу)]¹²⁷⁾.

В последующие годы наблюдается дальнейшее увеличение прибыли банков и повышение размеров дивидендов. Прибыли 13 закарпатских банков на протяжении 1893 - 1903 годов возросли по отношению к основному капиталу более чем в два раза (с 13,3 до 30%), дивиденды, выплаченные держателям акций, достигали 6—10 и более процентов. Так, Береговский кредитный банк получил в 1874 году 23 тысячи форинтов чистой прибыли, в 1889 году — 33 тысячи, в 1894 году 46 тысяч и выплачивал до 6% дивидендов. Береговский торгово-промышленный банк в 1894 году получил прибыли 10 тысяч форинтов и выдавал дивидендов на 100-форинтовую акцию 3 форинта, а в 1903 году прибыль банка достигала 14 тысяч форинтов, а дивиденды повысились до 8%. Мукачевский народный банк в 1894 году получил прибыли 5 тысяч форинтов и выдал 6% дивидендов, а в 1903 году прибыль банка возросла до 32 тысяч форинтов, а дивиденды до 12,5%. Прибыль Голмиского народного банка в 1889 году составляла только 842, а через 5 лет достигала 12250 форинтов; банк выдал на 100-форинтовую акцию 9 форинтов дивидендов; Тисса-Уйлокский банк имел в 1903 году 60 тысяч форинтов основного капитала, получил 111 тысяч форинтов чистой прибыли и выплатил 10% дивидендов; прибыли Ужгородского торгово-промышленного банка с 1867 по 1903 год увеличились в 15 раз¹²⁸⁾.*

Сберегательные кассы получили в 1869 году чистой прибыли 23¹²⁹⁾, в 1889 году — 138 и 1894 году — 187 тысяч форин-

¹²⁷⁾ Msé, III, 1896, стр. 302—307. В 1889 году кредитно-банковские учреждения в Венгрии получили чистой прибыли 15696 тысяч, а закарпатские — 268 тысяч форинтов, или 1,7%. В целом по Венгрии прибыль кредитных учреждений по отношению к основному капиталу составляла 15,4% (банки 13,2, сберегательные кассы 27,2, кредитные общества 6,9%), а в Закарпатье — 18,6% (банки 15,4, сберегательные кассы 27 и кредитные общества 4,4%), что объяснялось более высоким ссудным процентом в Закарпатье (Msé, VI, 1891, стр. 11—13, 21—49, 72—87). Доля прибылей закарпатских банков в общей сумме прибылей всех банков Венгрии в 1889 году составляла 2,3, соответственно сберегательных касс — 1,6 и кредитных обществ — 0,2% (Msé, VI, 1891, стр. 11—87).

¹²⁸⁾ Msé, VI, 1891, стр. 10—13, Deb, 1895, стр. 138—139, Deb, 1904, стр. 152—153, Fincicky Mihály, Polgármesteri jelentés Ungvár város közéletéről, Ungvár, 1912, стр. 317—318.

¹²⁹⁾ В 1870 году чистая прибыль закарпатских сберегательных касс составляла по отношению к основному капиталу 20, а по Венгрии в целом — 34% (в 1870 году в Венгрии насчитывалось 132 сберегательных кассы с основным капиталом в 7052 тысячи форинтов, чистая прибыль сберегательных касс достигала 2251 тысячи форинтов) (His, V, V, 1872, стр. 59, 61, 70—77).

тов¹³⁰), что составляло 14—15% их основного капитала. Прибыль некоторых сберегательных касс была выше этого среднего процента: Хустская сберегательная касса (1889 год) — 38,3, Угочская — 40,2, Ужанская жупная (в 1889 году) — 25,2, (в 1910 году) — 34,6, Береговско-Мукачевская (в 1870 году) — 15, (в 1889 году) — 24 и в 1903 году — 47,7%¹³¹). Из 16 сберегательных касс в конце XIX столетия только половина их выплатила 5—6% дивидендов, а другая половина — до 10 и более процентов (Угочская сберегательная касса — 11, Ужанская жупная — 17,5, Береговско-Мукачевская (1903 год) — 27%¹³²). Чистая прибыль кредитных обществ составляла 7—8% паевого капитала¹³³).

Помимо банков, сберегательных касс и кредитных обществ, ссудные операции производили также и ломбарды, выполнявшие функции потребительского кредита. Деятельность ломбардов в Закарпатье характеризует табл. 11¹³⁴).

Таблица 11

Годы	Количество ломбардов	Число ломбардных операций	Сумма выданных ссуд (в форинтах)
1894	9	21676	76679
1899	14	12466	98489
1900	13	10006	90203

Из общего числа ломбардов в 1900 году 6 принадлежали сберегательным кассам и банкам и 8 частным лицам. Число ломбардных операций, как видно из приведенных данных, в конце XIX столетия сокращается наполовину, но сумма выданных залоговых ссуд увеличилась на 20—30%, что объяснялось ограничением приема в залог малоценных предметов и предоставлением ссуд главным образом под залог золотых вещей, драгоценностей, мехов и т. п. Таким образом, ломбардными ссудами обеспечивались преимущественно средние и зажиточные слои городского населения. Масштабы лом-

¹³⁰) Msé, 1872, стр. 224—231, Msé, VI 1891, стр. 10—13, Msé, III, 1896, стр. 302—307

¹³¹) Msé, VI, 1891, стр. 21—49, Deb, 1904, стр. 148—153, Kassai, 1911, стр. 144—145

¹³²) Deb, 1904, стр. 148—149, Kassai, 1911, стр. 144—145

¹³³) Msé, III, 1896, стр. 302—323, Msé, IX, 1902, стр. 205, ГАЗО,

ф 262, 1906 г., д. 3145, лл. 1—46, Statistická príručka R. C., т. I, 1920, стр. 79.

¹³⁴) Msé, III, 1896, стр. 335—336; Mos, II, 1900, стр. 611, Kjsé, 1901, стр. 637, Msé, IX, 1902, стр. 284

бардных операций были незначительными: сумма выданных в год ссуд на один ломбард составляла 7—8 тысяч форинтов, число залоговых сделок — от 700 до 900, а сумма выданной ссуды в расчете на одну сделку — 80—90 форинтов¹³⁵).

Главную роль в ломбардных операциях играл Австро-венгерский государственный банк, выдавший в 1899 году 84 тысячи форинтов ссуды (более 85% всех ссуд)¹³⁶. Ужгородский торгово-промышленный банк (Ungvári kereskedelmi és iragbank) выдавал ссуды главным образом под залог дорогостоящих золотых и ценных вещей (50—80 ссуд в год на сумму 15—25 тысяч форинтов), размер ссуды по одному залоговому листу достигал 1,5—2 тысяч форинтов. Чистая прибыль банка составляла в среднем 8%¹³⁷. Ломбардные операции другого банка (Ужгородский народный банк) были незначительными; в 80-х годах банк выдавал ежегодно ссуды в сумме 4—4,5 тысячи форинтов по 60—65 залоговым листам¹³⁸. Среди сберегательных касс, занимавшихся ломбардными операциями, выделялась Ужанская жупная касса, которая предоставляла ссуды преимущественно под залог драгоценностей. В 1881 году она выдала 10,5 тысяч форинтов ссуды, в 1882 году — 11,7, за полгода 1884 года — 22 и получала чистой прибыли 9%¹³⁹. Частные ломбарды занимались выдачей мелких ссуд под залог домашних вещей, одежды, тканей, мехов, обуви и т. п. Так, ломбард Якова Мошковича в Ужгороде в 1883 году совершил 400 сделок и выдал 3 тысячи форинтов ссуд, в 1884 году соответственно 500 и 3,6 тысячи, в 1885 году — 600 и 4 тысячи, в 1886 году — 502 и 3,7 тысячи форинтов. Если в сберегательных кассах и банках сумма каждой ссуды превышала 10 форинтов, то в частных ломбардах ссуды до 2 форинтов получали 3% заемщиков, от 2 до 10 форинтов — 64 и свыше 10 форинтов — 33%. Ломбардные операции приносили Мошковичу в 80-х годах от 10 до 14% дохода¹⁴⁰).

Кредитом в закарпатских банках и сберегательных кассах пользовались главным образом помещики, торговцы и капиталисты-предприниматели. Для масс крестьянства получение

¹³⁵) В Венгрии в 1894 году насчитывалось 232 ломбарда, а в 1899 году — 357 (при сберегательных кассах и банках — 207, частных — 133, других — 17), сумма выданных ссуд в год на один ломбард (1899 год) составляла более 27 форинтов (в 4 раза более чем в Закарпатье), число залоговых сделок на один ломбард — 3500 (в 5 раз больше чем в Закарпатье) (Mos, II, 1900, стр. 611).

¹³⁶) Mos, II, 1900, стр. 609

¹³⁷) ГАЗО, ф. 7, оп. III, 1884 г., д. 2566, лт 11—19, д. 2567, лл 11—64, д. 2568, лл. 40—54.

¹³⁸) Там же, ф. 7, оп. III, 1884 г., д. 2567, лл 17—34

¹³⁹) Там же, д. 2567, лл 11—67, д. 2568, лл. 36—42.

¹⁴⁰) Там же, д. 2567, лл 11—62. д. 2568, лл 30—76, д. 2611, лл 4—26.

мелкого кредита в этих учреждениях было недоступно как вследствие ограниченности средств закарпатских кредитных учреждений, предпочитавших иметь дело с крупными заемщиками, располагавшими нужными материальными гарантиями, так и вследствие высокого ссудного процента. Венгерские банки, как говорилось в одной из корреспонденций, опубликованной в «Славянских известиях», выдавали словацким крестьянам, а это же можно сказать и о закарпатских крестьянах, по вкладам 2%, а ввели за ссуды 20%¹⁴¹⁾. До 1870 года, как указывалось в экономическом обзоре русского консульства в Будапеште, ссудный процент в Венгрии «был очень высок: «законный» процент того времени теперь считается ростовщическим. В настоящее время (конец XIX столетия.— И. К.) процент, получаемый венгерскими капиталистами, заметно приближается к уровню его на Западе. Он еще высок для мелкой промышленности и сельского населения, но благодаря уже выработанным законопроектам об обществах взаимного кредита эти классы населения не замедлят воспользоваться в свою очередь благодеяниями, которые может доставить дешевизна капиталов»¹⁴²⁾. Снижением размера ссудного процента и всеми выгодами, которые приносила «дешевизна» капиталов в Венгрии и в Закарпатье в том числе, воспользовались только крупные заемщики, мелкие же крестьяне по-прежнему зависели от «благодеяния» ростовщического капитала¹⁴³⁾.

**
*

Коренные изменения, происшедшие в экономике и социальных отношениях в Закарпатье во второй половине XIX столетия, как показывает анализ всех приведенных нами данных, определялись развитием капитализма, выразившегося прежде всего в росте общественного разделения труда и товарного хозяйства.

В области сельского хозяйства и аграрных отношений развитие капитализма ознаменовалось разложением натурального хозяйства и постепенной заменой его товарным производством, развитием торгового земледелия. Однако незавершенность буржуазной революции в Венгрии, сохранение в руках крупных землевладельцев основы их социальной силы — громадных латифундий — тормозили этот процесс ка-

¹⁴¹⁾ «Славянские известия», № 47 (40), 1913, стр. 655

¹⁴²⁾ АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 226.

¹⁴³⁾ Вопросы, характеризующие формы ростовщического капитала и распространение его в Закарпатье, освещены нами в I томе настоящей работы (см. И. Г. Коломиец, Социально-экономические отношения и общественное движение в Закарпатье во второй половине XIX столетия, Томск, 1961, стр. 278—301).

питалистической эволюции сельского хозяйства, обусловив длительное сохранение, особенно в Закарпатье как колониально-отсталой области, чрезвычайно живучих феодальных пережитков.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Закарпатья по «прусскому» пути определило собой длительный и особенно мучительный процесс разложения крестьянства на два полярно противоположных класса — небольшую социальную группу сельской буржуазии и массу деревенского пролетариата. Растущее обезземеление крестьянства, экспроприация сельского населения, бегущего за океан или превращающегося в массу батраков с наделом и в наемных рабочих без земли, разорение и пауперизация масс крестьянства — таковы типичные черты социальных отношений в закарпатской деревне.

Господствующие классы Австро-Венгрии удерживали Закарпатье на положении аграрной области и рынка сбыта готовой фабрично-заводской продукции. Промышленное развитие Закарпатья характеризовалось, с одной стороны, преобладанием мелких предприятий и деревенских промыслов, основанных главным образом на переработке сельскохозяйственного сырья, и низким техническим уровнем промышленного производства, с другой стороны, — развитием с конца XIX столетия средних и сравнительно крупных предприятий химической и деревообрабатывающей промышленности, находившихся в руках иностранного монополистического капитала, подчинившего себе основные отрасли промышленного производства.

Постоянный избыток дешевой наемной рабочей силы, пополнявшейся за счет разоряющихся масс крестьянства и мелких производителей кустарных промыслов, малочисленность, распыленность, неорганизованность и политическая отсталость рабочего класса в Закарпатье определили собой особенно тяжелые условия труда, высокую степень эксплуатации и чрезвычайно низкий жизненный уровень промышленных рабочих.

Колониальное положение и сильные полуфеодалные пережитки в экономике и социальных отношениях задерживали развитие капитализма в Закарпатье и обусловили собой замедленные темпы процесса складывания внутреннего капиталистического рынка, составные элементы которого (общественное разделение труда, товарное хозяйство и товарное обращение, накопление капиталов и др.) во второй половине XIX столетия еще не нашли своего полного завершения.

Сравнительно слабое развитие капитализма наложило печать отсталости на экономическое и социальное развитие и общественное движение в Закарпатье.

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ УГНЕТЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ЗАКАРПАТЬЯ

ГЛАВА I

АССИМИЛЯТОРСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ АВСТРО-ВЕНГРИИ В ЗАКАРПАТЬЕ

1. ПРОВАЛ ПЛАНОВ НАСИЛЬСТВЕННОЙ МАДЬЯРИЗАЦИИ ЗАКАРПАТОУКРАИНСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ

Массы закарпатоукраинских трудящихся испытывали на себе тяжелейший двойной гнет — социальный и национальный — со стороны господствующих классов Австрии и Венгрии. Политической основой национального угнетения являлась австро-венгерская система дуализма, социальной основой — режим эксплуатации трудящихся. Вдохновителем и проводником политики национальной нетерпимости являлась прежде всего стоявшая у власти земельная аристократия — самый решительный и непримиримый враг свободы народов, придававшая национальному угнетению особо жестокие и грубые формы.

Национальное угнетение и дискриминация закарпатских украинцев проявлялись во всех сферах экономической, политической, общественной, культурной и духовной жизни: увеличенные ставки налогового обложения, высокий ссудный банковый процент, лишение избирательных прав русинов, не владеющих венгерским языком, закрытие доступа в средние и высшие учебные заведения и к занятию государственных должностей, цензурный гнет в области литературы, запрещение издания литературы и газет на родном языке, насильственная мадьяризация и т. д. и т. п. Н. С. Хрущев в своем выступлении на VII сессии Верховного Совета УССР, характе-

ризуя колонизаторскую политику господствующих классов Венгрии в Закарпатье, указывал, что венгерские реакционные правители совершенно не считались с украинской нацией, душили украинское слово, закрывали украинские школы, преследовали украинскую культуру. Все делалось для того, чтобы держать украинцев Закарпатье в темноте и порабощении¹⁾.

До половины XVIII столетия в законодательстве, судопроизводстве и административном управлении Венгрии употреблялся латинский язык. При Иосифе II в условиях усиления австрийского абсолютизма, стремившегося к германизации народов, входивших в состав Австрийской империи, в 1787 году был издан закон, предписывавший всем государственным чиновникам изучить в течение трех лет немецкий язык, имея в виду ввести его как официальный язык во всех землях габсбургской короны. Сопrotивление осуществлению этого мероприятия со стороны шляхетских комитатских сеймов Венгрии, в поддержке которых нуждались Габсбурги, заставило Леопольда II отменить в 1790 году закон своего предшественника. С конца XVIII столетия в Венгрии усиливается движение за национальную независимость. Это находит, в частности, свое выражение в постановлении венгерского сейма 1792 года о введении обязательного преподавания мадьярского языка в средних и высших учебных заведениях Венгрии. Поворот в национально-политической жизни Венгрии, рост либерально-дворянского движения начинается после наполеоновских войн с первой четверти XIX столетия. Эти явления были обусловлены углублением кризиса феодально-крепостнической системы и развитием капиталистических отношений. На венгерском сейме 1825 года граф С. Сечени, обосновывая программу национально-политического возрождения Венгрии, выдвинул идею распространения мадьярского языка как важнейшую составную часть этой программы.

В 1830 году венгерский сейм издал закон, предписывающий наместничеству и верховным судам отвечать низшим инстанциям на мадьярском языке, если они обращаются на этом языке. Другим административным и судебным инстанциям дозволялось при этом же условии употреблять мадьярский язык в сношениях с местными низовыми органами. В соответствии с этим законом каждый государственный чиновник должен был овладеть мадьярским языком. Эти положения были подтверждены законом 1832 года, который предписывал также, чтобы в тех церковных общинах, где проповеди проводятся на венгерском языке, матрикулы велись на

¹⁾ См. «Возз'єднання українського народу в єдиній Українській Радянській державі», Збірник документів і матеріалів, К., стр 175.

этом же языке. Но самым важным в этом отношении был закон венгерского сейма 1839—1840 годов, который вводил в законодательство, судопроизводство и администрацию королевства один, мадьярский язык. Священники всех вероисповеданий могли назначаться только из числа лиц, знающих мадьярский язык. Закон предусматривал введение мадьярского языка в школьном обучении. Сейм 1843—1844 годов установил основным языком преподавания во всех средних и высших учебных заведениях мадьярский язык. Это положение было распространено законом 1848 года и на народные школы. Так постепенно латинский и немецкий языки в Венгрии стали заменяться мадьярским языком, а венгерское дворянство, даже его либеральные круги, стали проводить политику ассимиляции немадьярских народов.

Мадьярские газеты этого периода «Pesti Hirnap», «Ielenkor», «Athaeneum», «Társalkodó» и другие, выражая взгляды правящих кругов Венгрии и направление их недалёковидной национальной политики, выступают глашатаями насильственной ассимиляции немадьярских народов во имя торжества «венгерской национальной идеи». Они на все лады повторяли циничный лозунг немецких реакционеров — душителей славянских народов: «Man muss die Slaven an die Wand drücken»²⁾. Газета «Társalkodó» в 1840 году писала: «...Бесспорно очень желательно, чтобы славянский язык исчез как можно скорее из пределов Угрии; дело только в том, какими позволительными и непозволительными средствами омадьярить славян и лишить их своей национальности». Если же кто-нибудь из нас, продолжала газета, говорит в пользу славян или если мы не решились на смелый образ действий только потому, что мадьяризация и религиозное притеснение противоречат принципам нравственности, то это только придает смелости славянам. «Где слова, деньги, угрозы не помогают, — заключала «Társalkodó», — там нужно употребить физические средства, чтобы славяне скорее исчезли из числа живых народов»³⁾.

Многочисленные ассимиляторские проекты, опубликованные реакционной венгерской печатью, представляли собой грубо циничную апологию разнузданного шовинизма. Так, газета «Pesti Hirnap»⁴⁾ выдвинула «десятилетний план» мадьяризации словаков и других славянских народов. В течение первого года, как писала газета, проводится при помощи учителей народных школ и священников обучение славянских детей молитвам на мадьярском языке. Мадьяризация

²⁾ «Славян должно прижать к стене».

³⁾ Пич О, Очерк политической и литературной истории словаков за последние сто лет, «Славянский сборник», т. II, СПб, 1877, стр. 177—178.

⁴⁾ «Pesti Hirnap», № 93, 1841 год.

взрослого населения осуществляется через церковь (в течение первого года одна треть проповедей с амвона и богослужений проводится на мадьярском языке). Этим завершался первый этап мадьяризации. В течение последующих трех лет дети обучаются читать, говорить и петь по-мадьярски, а взрослые все более приобщаются к «государственному языку» через проповеди и богослужения, половина которых уже проводится по-мадьярски. Еще через три года дети и взрослые настолько привыкнут к мадьярскому языку, говорилось в этом проекте, что к концу десятилетия совершенно забудут свой язык.

Еще более гнусный план мадьяризации славян, пронизанный духом шовинистической нетерпимости, проповедовала газетка «Hirpök»⁵⁾, смысл которого сводился к следующему: попросить у его величества «христианнейшего короля», чтобы он приказал послать 60 тысяч мадьярских солдат на постой в немадьярские комитаты. В течение трех лет этим путем будет омадьярено 60 тысяч домов, что составит до 300 тысяч душ населения. По истечении этого срока «мадьяризационная армия» переводится в другие комитаты с таким расчетом, чтобы в течение 12 лет были мадьяризованы 1,2 млн. не мадьяр. Автор этого бредового проекта, как видно, немало потрудился над своим планом, снабдив его даже денежными расчетами, чтобы не затруднять министерство финансов составлением сметы на осуществление мероприятий, которые должны были «без крутых мер» и при небольших затратах превратить Венгрию из полиглотного в одноязычное государство. Каждому солдату за его «труд» автор проекта предлагал уплачивать по 5 гульденов. Мадьяризация 1,2 млн. «инородцев» обошлась бы, таким образом, государству в 3,6 млн. гульденов, а мадьяризация одной души — только 3 гульдена. Так, «дешево» и «культурно», без всяких «осложнений» национальная проблема в Венгрии и Австрии нашла бы, наконец, свое «идеальное разрешение»!

Обнародованная в марте 1849 года новая конституция, провозгласившая «равноправие» всех народов Австрии и признание за ними «нерушимого права на попечение и сохранение своей народности и языка», не устраняла национальной дискриминации славянских и других поработанных Габсбургами народов. Франц-Иосиф, этот «наследственный собственник людей», во время своего путешествия по Венгрии в 1857 году лицемерно заявил, как передавала закарпатская «Церковная газета»: «Неусыльное мое старание всегда будет направлено к тому, чтобы разные племена народов содержали характер своей национальности и при возделывании своего языка поль-

⁵⁾ «Hirpök», № 80, 1841 год.

зовались надлежащим уважением»⁶⁾). Это заявление было рассчитано на обман и «умиротворение» венгерского и других угнетенных народов. На практике же мнимое «уважение» к языку национальных меньшинств выразилось, в частности в Закарпатье, в замене мадьяризации германизацией русинов. Законом 1865 года было установлено, как передавала закарпатская газета «Свет», что внутри сельской общины в обращении к начальству население может употреблять свой «материнский язык», но в «представлениях, направленных к начальству иных общин», должны «соблюдаться правила этикета, т. е. наслаждаться языком во вопросной области употребляемым»⁷⁾, другими словами, официальным языком административного управления вновь был восстановлен мадьярский язык.

Франц-Иосиф в своей речи на заключительном заседании венгерского парламента, принявшего дуалистическую систему, между прочим, заявил: «Надеемся, что наши подданные немадьярской национальности найдут удовлетворение в том, что конституция обеспечивает им свободу и развитие их родного языка»⁸⁾). Однако после установления дуализма национальные противоречия в Австро-Венгрии не были ослаблены, а, наоборот, еще более обострились, так как политика подавления угнетенных национальностей являлась основой существования двуединой Габсбургской монархии. Национальный вопрос в Австро-Венгрии составлял одну из основных проблем политической жизни страны. Попытка разрешить национальный вопрос путем создания многонационального государства на основе эксплуатации одних народов другими была обречена на неудачу, и в истории остался лишь «провалившийся опыт старой Австро-Венгрии»⁹⁾).

Изданный в 1868 году закон «О национальностях», вошедший в новый венгерский кодекс под титулом «закон XLIV», только формально предоставлял весьма ограниченные права угнетенным народам. В преамбуле к этому закону указывалось, что все граждане Венгрии составляют с политической точки зрения «единую венгерскую нацию». Государственным языком Венгрии провозглашался мадьярский язык, применение которого являлось обязательным в законодательстве, судебных и административных органах. Язык других национальностей допускался только в сношениях отдельных лиц с комитатскими, окружными и сельскими учреждениями, а также в

⁶⁾ «Церковная газета», № 35, 17 сентября 1857 года, стр. 279

⁷⁾ Газета «Свет», 8 (20) июля 1867 года.

⁸⁾ ГАЗОФ, ф. 2, д. 437, лл. 1—2

⁹⁾ И. В. Сталин, О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года

церковных делах и богослужении¹⁰). Последующими законами даже эти «права» национальных меньшинств в Венгрии были ликвидированы¹¹). Русский консул в Будапеште, характеризую применение закона 1868 года, указывал: «Не прошло и нескольких лет как разочарование уже сменило упование всех немадьярских национальностей, последние убедились, что венгерское правительство не желало уважать данного им закона и, урезывая многие его статьи, отказывалось проводить в жизнь громко возведенные либеральные начала»¹²). Реакционные представители венгерского правительства заявляли, что проведение в жизнь закона 1868 года о национальностях «не совместимо с мадьярской гегемонией, которая должна первенствовать в королевстве»¹³). В 1878—1879 годах издаются законы об обязательном изучении мадьярского языка в народных школах, об уголовном преследовании учителей за проведение «враждебной» линии в школах, о строгом наказании вплоть до многолетнего тюремного заключения за «классовое, религиозное и национальное подстрекательство»¹⁴).

Выступления прогрессивных мадьярских писателей и общественных деятелей и просто дальновидных представителей господствующих классов против национальной дискриминации словаков, румын, украинцев, сербов и разнузданной шовинистической агитации клеймились «патриотической» печатью как «антинациональные» и «изменнические». «Для Венгрии не только немислимо, но даже нежелательно водворять у себя единообразную культуру,— заявлял писатель и общественный деятель Йожеф Этвеш,— напротив того, мадьяры должны содействовать развитию самостоятельной культуры у каждого народа, входящего в состав королевства»¹⁵). Депутат венгерского парламента от партии независимости Л. Мочари в своей брошюре, посвященной взаимоотношению Венгрии с Австрией и национальной политике венгерского правительства, указывал, что Венгрия может рассчитывать на успех борьбы с Австрией только в том случае, если она будет искать опоры во всем населении королевства. «...Всеобщая мадьяризация, продолжал Мочари, есть утопия, за которой гнаться, значит подвергать опасности важнейшие интересы государства». Попытка посредством мадьяризации осуществ-

¹⁰) См. Scotus Viator, *Racial Problems in Hungary*, London, 1908, стр. 430—433

¹¹) См. «Oesterreichische Rundschau», XIII, 1907, стр. 317.

¹²) АВПР, ф. Политархив, 1908—1909 гг., д. 582, ч. 1, л. 141

¹³) Там же, л. 143 об.

¹⁴) См. Kemény Gy., *A Magyar nemzetiségi kérdés története 1790—1918*, Bdp., 1947, стр. 130—132

¹⁵) АВПР, ф. Политархив, 1907 г., д. 581, л. 84.

вить идею «единого национального государства» — это «бессмысленная фантазия», — заявлял он¹⁶). За свои выступления против национальной нетерпимости Л. Мочари был дезавуирован парламентским большинством.

Даже некоторые представители католических кругов выступали против политики насильственной мадьяризации невенгерских народов, руководствуясь не соображениями «гуманности», а исключительно интересами упрочения дуалистической системы, основы которой, как они понимали, все более подтачивались по мере усиления национального гнета. Мадьярско-католический священник Цирбус, принадлежавший к ордену пиаристов, в своей книге «Magyarország a XX évszáz éleléjén» («Венгрия в начале XX века») указывал, что мадьяризация других народов является «непатриотическим делом», так как она вызывает брожение, недовольство и оппозиционные настроения в стране. «Мадьяры могут удовлетвориться мадьяризацией городов и образованием сильной мадьярской христианской интеллигенции и довольствоваться историческим сознанием своей принадлежностью к одному государственному организму (Zusammenghörigkeit)»¹⁷).

Но эти выступления оставались гласом вопиющего в пустыне. Господствующие классы Венгрии продолжали с тупой последовательностью проводить политику угнетения и ассимиляции невенгерских народов. Один из венгерских журналов этой эпохи, ополчаясь против национальных требований народов, находившихся под эгидой «святостефанской короны», писал: «Поощрение стремлений национальностей равносильно хаосу революции. Дай только национальностям то, что они теперь желают: для сербов восстановить Воеводину, для румын — маленькое Дако-Романское княжество, для северных славян — самостоятельное провинциальное устройство, и их желания на этом не останутся, их стремления перейдут за пределы настоящего государства; с исполнением этих требований мадьярское государство было бы разрушено»¹⁸). Носители национального гнета — венгерская земельная аристократия и капиталисты, ослепленные зоологической ненавистью к немадьярским народам, в страхе перед революционным движением своего и других народов, стремясь любыми средствами сохранить свое классовое господство, не хотели видеть всей губительности этой политики для национальных интересов Венгрии, политики, которую ловко использовали в своих угнетательских целях Габсбурги. История, как видно,

¹⁶) Там же, 1905 г., д. 580, лл. 146.

¹⁷) Цит. по «Известиям СПб славянского благотворительного общества», № 3, декабрь 1902 года, стр. 58—59.

¹⁸) Цит. по соч. А. Г. Де-Воллан, Мадьяры и национальная борьба в Венгрии, М., 1877, стр. 10.

ничему не научила и дворянско-либеральные круги Венгрии, которые не извлекли никаких уроков из трагедии венгерской революции.

С 70-х годов XIX столетия угнетение немадьярских народов, их «амальгамирование» с мадьярами стало как бы «патриотическим долгом» австро-венгерских шовинистов. Каждый акт венгерского правительства был пронизан именно этой идеей, прикрываемой в то же время громкими и лицемерными фразами о «свободе» народов, «толерантности» венгерской политики и «цивилизаторской миссии» монархии Габсбургов. С именем графа Тисы, главы либеральной партии, стоявшего во главе венгерского правительства с 1875 по 1890 год, связаны свирепые меры, направленные к порабощению немадьярских народов. Граф Тиса, определяя направление внутренней политики Венгрии, заявлял, что главное — это «поглощение инородцев». От этого, мол, зависят судьбы Венгрии, которая «или станет могучим национальным государством, или же она вовсе потеряет свою государственность». Выступая в парламенте с погромной речью, направленной против немадьярских народов, Тиса выдвинул проект драконовских мер, которые должны были, по его мнению, раздавить сопротивление угнетенных народов осуществлению идеи «единой и великой Венгрии». Он говорил, что правительство проектирует провести ряд мер «к обузданию антипатриотической агитации и установлению более действенного контроля со стороны государства над постановкою школьного и церковного дела у различных национальностей Венгрии, а именно: школьная реформа в смысле расширения прав мадьярского языка, усиление степени наказания, налагаемого на политических агитаторов венгерским уголовным кодексом, более точная формулировка государственных преступлений, организация полигической полиции и соответственные изменения в составе местной администрации»¹⁹⁾.

Один из преемников Тисы Банффи не только в своих выступлениях в парламенте, но и в печати, открыто проповедовал насильственную мадьяризацию невенгерских народов во имя превращения Венгрии «из многоплеменного в одноплеменное государство». В статье, опубликованной в 1902 году в газете «*Magyar Közelét*», Банффи писал: «Государственное единство требует не только единого народа, но и единой культуры; оно не может допустить ни внутри себя, ни извне ничего, что способствовало бы развитию иной культуры, кроме мадьярской...»²⁰⁾. Банффи отвергал закон 1868 года о народностях, считая его «опасным для государственного единства»,

¹⁹⁾ АВПР, ф. Политархив, 1904 г., д. 579, л. 104 об.

²⁰⁾ Там же, 1902 г., д. 577, лл. 175—176.

так как этот закон якобы предоставлял «слишком широкую свободу» местным языкам. Он предлагал для обеспечения ассимиляции невенгерских народов уничтожить национальные школы, ликвидировать церковную автономию, мадьяривать все фамилии и названия местностей, запретить употребление других языков. Банффи преследовал далеко идущие политические цели: превратив насильственным путем невенгерские народы в мадьяр и таким образом добившись численного превосходства над другими народами монархии, постепенно преобразовать «Австро-Венгрию» в «монархию Мадьяр-Австрийскую»²¹⁾.

Премьер-министр Венгрии Векерле, выражая беспокойство правящих кругов перед лицом усиливающегося национально-освободительного движения в стране, в своей речи, произнесенной в парламенте (конец 1893 года), угрожал применить все имеющиеся в его распоряжении средства, в том числе и чрезвычайные, для подавления «национальных притязаний» угнетенных народов с тем, чтобы сохранить, как он выражался, «мадьярский характер венгерской нации, государства и строя общественной жизни Венгрии»²²⁾. В этот же период один из депутатов венгерского парламента, принадлежащий к правительственной партии, выразил недовольство медленными темпами мадьяризации украинцев Ужгородской и Бережской жуп и требовал в проведении ассимиляции украинцев и других народов использовать «опыт» германских колонизаторов из «Пангерманского союза» и «Гакаты» в Познани²³⁾ +.

Премьер-министр Сцелль, выступая в 1899 году в условиях обострения классовых и национальных противоречий в Венгрии и пытаясь ослабить ту ненависть, которую вызывала среди немадьярских народов политика грубого национального угнетения, заявил о намерении его правительства «завоевать симпатии немадьярского населения справедливостью», но тут же добавил, что к «антимадьярским агитаторам» он будет применять «строгие меры согласно закону...»²⁴⁾. Новый премьер-министр Венгрии граф Куэн Хедервари в своем программном выступлении в начале XX столетия, солидаризируясь в осуществлении политики удушения немадьярских народов со своими предшественниками, выразил ее сущность такими словами: «Венгерское государство достигнет своих целей наиболее верным путем, усилив и сплотив мадьярский элемент,

²¹⁾ Там же, т. 176 об.

²²⁾ См. Kemény G. Gy. Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában, II k. 1892—1900, Bdp., 1952, стр. 176.

²³⁾ Там же, стр. 411.

²⁴⁾ АВПР, ф. Канцелярия, 1899 г., т. 108, л. 164.

искони придававший государству его отличительный характер. Признавая в Венгрии только венгерское подданство, мы поддерживаем все законные права мадьярского языка.. Никто не должен думать в стране, что интересы немадьярских народностей могут быть отделены от интересов мадьяризма», ослабление которого повлекло бы за собою «упадок всех прочих элементов в стране»²⁵⁾.

Даже либеральствующий автор широко известных статистических трудов Фейнеш по отношению к «недержавным» народам Венгрии стоял на позиции «*jus Atillae*». «Мадьяры уже потому не могли бы дать места никакому другому языку в Венгрии наряду со своим господствующим, что они приобрели эту территорию своей кровью», — заявлял он²⁶⁾. В таких же выражениях обосновывали пресловутую идею «государственного единства» Венгрии и другие реакционные представители правящих классов Венгрии, как, например, мадьярские публицисты Густав Бекшич²⁷⁾ и Костельский²⁸⁾. Последний в своем пасквиле, озаглавленном «Национальная политика в Верхней Венгрии», направленном против словацкого и закарпатоукраинского населения, заявлял: «Либо мы будем уничтожены, либо национальности должны быть поглощены нами: *tertium non datur*»²⁹⁾.

Господствующие классы Венгрии, как указывалось в докладе венгерской социал-демократии на Штутгартском конгрессе II Интернационала, считали рабочих и крестьян людьми «второго сорта», а если они принадлежали к национальным меньшинствам, то людьми даже «третьего сорта»³⁰⁾. Мадьярские реакционеры и шовинисты рассматривали славянские народы Австро-Венгрии как нежизнеспособные народы, неспособные к самостоятельному развитию. Один из венгерских черносотенцев Владислав Салаи о б л ы ж н о заявлял: «Я не думаю, чтобы Венгрия могла ждать от этих славянских племен развития на пути культуры и нравственности»³¹⁾. Третируя славянские народы, в частности, закарпатских украинцев, как представителей «низшей породы людей», как аморфную этнографическую массу, не имеющую ни своего

²⁵⁾ Там же, ф. Политархив, 1903, д. 578, л. 134

²⁶⁾ Fényes E. Statistik Kön Ungarn, Th I, Pest 1843, стр. 70

²⁷⁾ См. Beksics G. Közjogunk és nemzeti iörekvésünk, Bdp., 1903, стр. 68 и др.; «Славянские известия», № 3, 1909 г., стр. 430.

²⁸⁾ См. Kostelszky, Nemzeti politika a Felvidéken, Bdp., 1893, стр. 24.

²⁹⁾ Третьего не дано

³⁰⁾ См. Magyarországi szocial-demokrata Párt. Bericht der Sozialdemokratischen Partei Ungarns zu dem am 18—24 August 1907 in Stuttgart Stattfindenden Internationalen Sozialisten Kongresse, Bdp., 1907, стр. 26

³¹⁾ Указ. соч. Матисов, стр. 228

прошлого, ни, тем более, своего будущего, правящие классы Венгрии допускали существование «угроруссов» только как илотов, созданных для служения помещикам и буржуазии «государственной нации».

Какие же позиции по национальному вопросу в этих условиях погромного похода венгерской реакции против немадьярских народов занимала венгерская социал-демократия? В программу социал-демократической партии, принятую X съездом в 1903 году, был внесен пункт, в котором выражалось требование полного равноправия для всех национальностей, населяющих Венгрию. Но это было только декларативное заявление, к осуществлению которого на деле оппортунистическое руководство партии никогда не стремилось. Венгерская социал-демократия игнорировала национальный вопрос, она отрицала марксистско-ленинский лозунг, провозгласивший право наций на самоопределение, противопоставляла классовую борьбу пролетариата национальному освободительному движению, придерживаясь принципа пресловутой «национально-культурной автономии», что приводило не к сплочению рабочих, трудящихся всех национальностей в борьбе против общего врага — Габсбургской монархии, помещиков и капиталистов, а к разъединению их сил, к ослаблению демократического движения в стране.

Говоря о варварской системе национального угнетения немадьярских народов Венгрии, необходимо с особой силой подчеркнуть, что народные массы Венгрии не только ни в какой мере не разделяли, но и решительно противодействовали этой политике господствующих классов и, несмотря на разнузданную шовинистическую агитацию, не только не питали вражды к трудящимся поработенным национальностям, но видели в них таких же обездоленных тружеников, как и они сами, своих друзей, товарищей по совместной борьбе против общих врагов — эксплуататорских классов. А. Будилович по этому поводу писал, что народные массы Венгрии «вовсе не разделяют славянофобства своих правителей», а, наоборот, «доныне находятся в исконно дружественных отношениях к соседним селениям словацким, угрорусским, сербохорватским, румынским и т. д., охотно сообщаются с ними на одном из славянских языков и нередко выражают по разным поводам даже активное сопротивление своим мнимым благодетелям из среды немешей³²⁾ или бюрократии³³⁾».

Славянские прогрессивные национальные деятели прекрасно понимали, что народные массы и господствующие

³²⁾ Nemes (мадьяр) — дворянин.

³³⁾ Будилович А. С., К вопросу о племенных отношениях в Угорской Руси, СПб, 1904, стр. 17.

классы Венгрии — это не одно и то же, что политика порабощения славянских народов, проводимая правящими кругами, не только не имеет ничего общего с интересами венгерского народа, но враждебна его интересам. Вскрывая позорную роль душителей свободы народов — Габсбургов и их венгерских приспешников, авторы «Протеста» вместе с тем указывали, что они, отстаивая интересы русинов, не выступают врагами мадьярского народа, мадьярской нации. «Мы,— говорилось в «Протесте»,— высоко ценим ее энергию в борьбе за свои права, ее героизм в тяжелые для нее минуты, мы уважаем ее заслуженных мужей. ее талантливых писателей, поэтов и политиков, ибо знаем, что они никогда не были врагами слабых, угнетателями угнетенных... Мы понимаем те искренние, сердечные слова, которыми знаменитый венгерский писатель Этвеш призывал своих земляков к справедливому и гуманному отношению к угорским русинам. Мы желаем мадьярской нации самого наилучшего развития, но вместе с тем думаем, что путь насилия, неправды, экономической и духовной деградации приводит только к гибели, а не к прогрессу, ведет к деградации и упадку не только более слабого, но и более сильного»³⁴⁾.

С другой стороны, массы трудящихся закарпатских украинцев, борясь против социального и национального угнетения, относясь с ненавистью к своим поработителям — немецким и венгерским помещикам и представителям власти, видели в лице трудящихся венгров своих друзей, с которыми их связывала многовековая общность классовых интересов, совместная борьба против общих врагов — угнетателей. Анонимный закарпатский корреспондент «Славянского обозрения», говоря о взаимоотношениях трудящихся русинов и венгров, указывал, что у русинов «ненависти к ним как к мадьярам нет, по-видимому, совсем. Зато есть ненависть к панам, главным образом к чиповникам... вообще к нынешнему порядку вещей»³⁵⁾. Наконец, нельзя не видеть классового характера национального гнета, которому подвергались закарпатские украинцы, выражавшегося в том, что национальная дискриминация, осуществляемая правящими классами господствующей нации, затрагивала прежде всего интересы трудящихся Закарпатья, так как местное мелкое дворянство, буржуазия, духовенство, значительная часть интеллигенции, мадьяризованные в массе своей, слились с соответствующими классами, сословиями и прослойками господствующей нации и пользовались всеми правами и привилегиями, предоставленными им.

³⁴⁾ «Протест», стр. 8.

³⁵⁾ «Славянское обозрение», т. II, СПб, 1892 г., стр. 165.

Главными вдохновителями и проводниками национального угнетения закарпатских украинцев являлись помещики как венгерские, так и немецкие. Русский консул в Будапеште, указывая на развернувшуюся «деятельность мадьяризации» в закарпатских жупах, подчеркивал, что «сильную поддержку в деле мадьяризации министры нашли на стороне богача, местного землевладельца графа Шенборна», который «объявил себя ревностным мадьярским патриотом и подтвердил это своими поступками»³⁶). Прочной опорой венгерско-католической реакции в осуществлении политики ассимиляции закарпатских украинцев являлось униатское духовенство и прежде всего его высший слой — епископы и каноники. Они выступали в гнусной роли пособников венгерских душителей письменности и языка своего народа, помогая всеми средствами его ассимиляции и утверждению «мадьярской государственной гегемонии».

Это особенно ярко проявилось в той кампании, которую начало по распоряжению правительства униатское духовенство, добиваясь замены славянской азбуки в Закарпатье латинским алфавитом. В предписании министра просвещения по этому поводу говорилось, что правительство считает старославянские и русские буквы «подражанием московским» и поэтому обращается к духовенству и учителям с призывом содействовать латинизации украинской письменности в Закарпатье по примеру некоторых славянских народов. Призыв министра встретил отклик среди продажной и наиболее реакционной части духовенства, готовой любой ценой заслужить благоволение австро-венгерских ассимиляторов. Пальма первенства в этом отношении принадлежит униатскому священнику Андрею Поповичу, издавшему еще в 50-х годах XIX столетия молитвенник «*Virnoj anhol*» — первую книгу на закарпатском диалекте, напечатанную латинскими буквами. Венгерская националистическая печать этого периода широко рекламировала «патриотизм» отдельных представителей униатского духовенства, выступавших за устранение кириллицы. Так, в газете «*Zemplin*» некий Павел Андрейкович превозносил «заслуги» двух священников, подговивших к изданию школьные учебники и молитвенники латинским алфавитом. В журнале «*Magyar Sajtó*» за 1858 год, как писала «Церковная газета», «восхваляется приходский священник села Шольмоша за то, что без разбора национальностей мадьярские буквы употребляет для обучения детей грамоте». Редактор «Церковной газеты» И Раковский по поводу этого сообщения решил сде-

³⁶) АВПР, ф Канцелярия, 1899 г., д 108, л 171

лать только следующее робкое примечание от редакции: «Мы радуемся подвигам наших священников, старающихся спешествовать народному просвещению, но не понимаем, как можно русской грамоте обучать детей через посредство мадьярских букв... По нашему мнению, лучше при учении мадьярской грамоты пользоваться мадьярскими, а при русской — русскими буквами»³⁷⁾).

В 80-х годах XIX столетия за введение мадьярского алфавита вместо кириллицы открыто выступили униатские священники Фома Фесторий (архидиакон земплинский), Павел Андрейкович, Иосиф Войчицкий, Николай Чома и другие. В связи со статьей по этому вопросу, опубликованной Войчицким в мадьярской газете «Kelet», закарпатский поэт Ю. Ставровский писал: «Несмотря на то, что не раз была сделана попытка накинуть нам абецадло, мы и днесь употребляем и в церкви и в обыденной жизни кириллицу... мы не изменим заветам предков». На утверждение Войчицкого, что замена русско-славянского алфавита «латинской» явится «прогрессом» и даст возможность «двинуть просвещение», Ю. Ставровский отвечал: «В самом деле, нужно быти слишком наивным, чтобы в регрессе видети прогресс. Как вы, например, писали бы латинскими буквами... слово защищающий? не так ли: *zaszcsiscsajuscij*, вместо десяти букв употребили бы семнадцать. Это без сомнения не прогресс. Иль как выражали бы вы звуки: ы, я, ю, е, ъ, ь? Вы употребили бы по две буквы, а некоторые звуки все-таки не могли бы отдати совершенно. Это, не правда ли, тоже не прогресс? Если бы абецадло годилось для нашего языка, св. Кирилл и Мефодий, бесспорно, не искали бы новых письмен для славянского языка...» Народ принять «абецадло», заявлял Ю. Ставровский, не может, ибо «кирилловские буквы нам свои, родные, которые переменить на чужие значило бы изменить себе, ибо русско-славянские буквы изображают все звуки нашего языка, которые абецадло точно выразити не может», и если бы мы оставили кириллицу, то «оставили бы одну отличительную черту нашего народного характера и сделали бы один исполинский шаг навперед к своему истреблению»³⁸⁾).

В памфлете «Войчицкий чудодей» Ю. Ставровский едко высмеивает этого прислужника мадьяризаторов и проповедника «абецадла»:

Талант, мудрец, светило,
Кой вместо букв Кирилла

³⁷⁾ «Церковная газета», № 7, 22 марта 1858 года, стр. 56

³⁸⁾ Цит. по соч. Н. Бескид, Ю. Ставропольский - Попрядов. «Карпатский свет», № 2—3, 1929 г., стр. 464, 465

Вводит проворно в нашу среду
Мадьярску абецедл.

Знаток он правописных правил,
Систему новую составил
Он пишет русский текст с мадьярскими буквами,
Мешает все насквозь, горошины с крупами.

Умен наш чудодей! Дает он нам отраву,
Желая у людей сыскать и мзду и славу
Пусть будет! Да пройдет по всем углам Карпата
Его-то славы весть, но славы — Герострата!

Вдобавок приведем два слова
Ученого языкознателя:
«Языка нашего небесна красота
Не будет никогда поправа от ск а»³⁹⁾

Редактор и издатель журнала «Листок» Е. Фенцик, активно выступавший против мадьяризации закарпатских украинцев, в связи с 10-летием «Листка» в 1895 году писал: «В такую пору, когда шовинизм всей силой кинулся на нас, чтобы стерти с лица земли и память нашу, мы с самоотвержением защищали свой язык, — и тогда, когда, увы, из среди нас самих повстали такие люди, которые, поддавшись дуновению современного ветра, зачали вытеснять нашу дорогую азбуку из употребления и заменяти ее неспособным для нашего языка абецадлом, мы защищали и продолжаем защищати наши, древностию освященные, кириллические письмена». В массах народа, заключал Е. Фенцик, укрепилось убеждение, что те, «которые силятся навязати нам таковое, руководятся целию нашего вынародовления, и частью оппортунными, эгоистическими соображениями»⁴⁰⁾.

Выступления Ю. Ставровского и Е. Фенцика показывают, что лучшие представители закарпатской интеллигенции хорошо понимали, какие цели преследовали проповедники латинизации письменности русинов, к каким пагубным последствиям привело бы осуществление этого плана. Они правомерно рассматривали попытку замены кириллицы «абецадлом» как составную часть далеко идущего плана ассимиляции и окатоличения закарпатских украинцев, полного разрыва культурно-исторических связей русинов с украинским и русским народами. Замена русско-славянского алфавита «латинкой» вела бы, как выражались современники, к «потере национального лица», ликвидации «индивидуального характера карпаторусской литературы» и к установлению духовной связи Закарпатья исключительно с западным католическим миром*.

³⁹⁾ Цит по журналу «Листок», № 1, 1 января 1895 года

⁴⁰⁾ «Листок», № 8, 15 сентября 1895 г., стр. 205

В униатской литературе этого периода нередко можно было встретить утверждение, подкрепляемое примерами, якобы свидетельствующими о том, что греко-католическое духовенство, даже высшие его слои, активно противодействовало попыткам латинизации закарпатоукраинской письменности и боролось за право на существование родного языка. Но это утверждение не имеет под собой никаких оснований. Выступления епископов Поповича и Гаганца, мукачевской консистории и духовных учебных комиссий в защиту «угроруського» языка ничего общего с подлинной борьбой за сохранение национальной письменности закарпатских украинцев не имели, тем более, что униатское духовенство, ратовавшее за «изобретение» Кирилла и Мефодия, руководствовалось не интересами народа, а боязнью того, что насильственная латинизация русско-славянского алфавита в Закарпатье приведет к «шизматическим бунтам»⁴¹⁾. Попытки ввести в Закарпатье латинский алфавит во второй половине XIX столетия предпринимались неоднократно, но встретив решительное сопротивление народных масс и передовой интеллигенции, реакция вынуждена была отступить.

*
*
*

С 70-х годов XIX столетия в Закарпатье стали распространять свою деятельность мадьяризаторские «культурные общества», актив которых составляли преимущественно греко-католические священники. «Большинство униатских священников в Закарпатье,— писал Я. Галан,— стало вернейшими пособниками венгерских денационализаторов, и это они создали отвратительнейший тип предателя мадьярона»⁴²⁾. Особенно широкую деятельность развернуло общество, носившее название «Мадьярский школьный кружок», имевшее свои филиалы во многих городах и населенных пунктах Венгрии. Задача этого общества заключалась в содействии властям в ликвидации национальных школ и в открытии мадьярских школ в славянских областях. О назначении другого общества «по распространению мадьярского языка» говорит само название. Оно вело свою деятельность в том направлении, чтобы ликвидировать национальные языки и письменность немадьярских народов, в частности, в Закарпатье заменить кириллицу латинским алфавитом, посеять в массах русинов недоверие и неприязнь к русскому слову и мадьяризовать их. Это общество осуществляло контроль на местах за выполне-

41) См. Н. П.-в, *Современные вопросы церковно-народной жизни карпаторуссов*, «Православное обозрение», М., июль 1874 г., стр. 95.

42) Я. Галан, *Твори*, т. II, К., 1953, стр. 315; перевод с украинского автора.

нием распоряжения правительства, обязывавшего русинов-чиновников и учителей под страхом отстранения от должности, в течение четырех лет в совершенстве изучить мадьярский язык. Униатские священники, боявшиеся пуше огня прослыть «нелояльными» и «неблагонадежными», наперебой стремились проявить свой «патриотизм», вступив в члены общества. Характерен в этом отношении такой факт, приводимый в одном из закарпатских журналов второй половины XIX столетия. Некий греко-католический священник, даже плохо владеющий мадьярским языком, получил письмо от своего коллеги, написанное кириллицей. Боясь, что это письмо может скомпрометировать его в глазах епархиального начальства и властей, священник поспешил отправить «крамольное послание» начальнику округа с заявлением, что он не желает иметь дела с «москалем» и вступает в общество по распространению мадьярского языка⁴³).

Специально созданное общество «Femka» («Felvidéki magyar közművelődési egyesület» — «Верховинское мадьярское общество»), патроном которого был наместник Венгрии эрцгерцог Иосиф, ставило своей задачей «просвещение верхних венгров», т. е. мадьяризацию словаков и русинов, населявших горные области северо-восточной Венгрии. В конце XIX столетия это общество насчитывало 7437 членов и располагало капиталом в 262 тысячи крон; под опекой общества находилось 60 детских приютов и 107 «народных» читален⁴⁴). Помимо этого, общество «Femka» осуществляло мадьяризацию славянских детей — сирот и детей бедных родителей путем передачи их на воспитание в мадьярские семьи. Венгерские помещики и кулаки «заказывали», как выражался словацкий корреспондент «Славянского обозрения», обществу «Femka» славянских детей для того, чтобы «получить дешевых рабов, завести себе слуг, которым не нужно платить и которые им будут принадлежать во имя филантропии»⁴⁵). Другие «культурные общества», как, например, руководимый И. Голлоши «Народный союз», «Всевенгерское школьное общество»⁴⁶), прикрываясь лозунгом «братства народов», посвящали свою деятельность организации библиотек из мадьярских книг в русинских и словацких селах и вели работу по распространению «мадьярского языка и патриотизма». И здесь инициаторами создания мадьярских библиотек выступали в Закарпатье обычно приходские священники. Ано-

⁴³) Некоторые «культурные общества» занимались специально созданием детских садов и приютов с целью мадьяризации славянских детей

⁴⁴) См. «Славянские известия», № 5, июнь-сентябрь 1907 г., стр. 466.

⁴⁵) «Славянское обозрение», т. 3, сентябрь-ноябрь 1892 года, стр. 123

⁴⁶) ГАЗО, ф. 772, оп. 1, 1902 г., д. 576, лл. 1-81, ф. 7, 1886-1887 гг., д. 2623, лл. 1-3

нимный закарпатский автор по этому поводу писал, что униатские священники, преследуя русскую книгу, содействуют распространению мадьярской литературы и настолько отличились в этом, что венгерские газеты называют их «апостолами мадьярской письменности».

Униатские священники-мадьяроны, выступавшие за введение мадьярского языка в богослужение, образовали специальное общество («Общество староверных мадьяр»), которое, по словам современника, «беспощадно боролось за достижение своей цели»⁴⁷⁾. Общество послало делегацию в Рим, которая милостиво была принята кардиналом конгрегации de propaganda fide, который не дал прямого согласия на мадьяризацию богослужения в униатских церквях, но сочувственно отнесся к этому «начинанию». Римская курия, лицемерно провозглашавшая «свободу» языка богослужения, на самом деле выступала вдохновителем ассимиляции поработанных Габсбургами народов, в частности, закарпатских украинцев. «Это исторический факт,— говорилось в одной из статей журнала «Славянский век»,— что в национальном отношении Рим всегда стоял на стороне господствующих народов, всегда принимал деятельное участие в угнетении славян в Австро-Венгрии, и если он теперь выступает в роли покорного и слепого орудия в руках немецких и мадьярских гегемонистов, стремящихся к окончательному поработанию славян, то это является лишь логическим следствием вышеприведенного факта»⁴⁸⁾.

«Общество староверных мадьяр» являлось средоточием наиболее реакционных и злобных мадьяронов-отщепенцев, душителей закарпатоукраинского языка и письменности. Члены этого общества опубликовали воззвание, в котором отказывались от своего национального имени и утверждали, что они всегда были и остаются «óhitu magyarak» (староверными мадьярами). Они призывали украинцев Закарпатья отбросить «славянские бредни» и принять свое «настоящее имя» — «мадьяры греко-католического обряда», отказаться от проведения богослужения «на чужом языке». Они рассчитывали, как выражался корреспондент «Славянского обозрения», устранить церковно-славянский язык, который был и остается для закарпатских русинов «связующим звеном его с прошлым и с остальными частями русского племени»⁴⁹⁾.

Состоявшийся в 1884 году конгресс «культурных обществ» Венгрии отметил, в частности, успешное распространение «государственной идеи» в Закарпатье и принял решение о более

⁴⁷⁾ См «Славянский век», № 29, 1901 г., стр. 132

⁴⁸⁾ Там же, № 17, 1901 г., стр. 132.

⁴⁹⁾ «Славянское обозрение», т II, май-август 1892 г., стр. 163.

широком вовлечении в работу обществ юношества и женщин, особенно из высших слоев общества, создавая «дамские кружки», которые должны были устраивать балы и общественные увеселения в пользу «культурных обществ» и помогать им в сборе пожертвований. Конгресс выделил специальные средства для «поощрения патриотов-учителей». Из этого фонда учитель имел право получить 1 гульден за каждого немадьярского ребенка, которого он научит говорить по-мадьярски⁵⁰⁾.

Очередной съезд «культурных обществ» с участием 250 представителей, происходивший в 1888 году под председательством графа Тисы, констатировал значительное увеличение числа кружков, членов в них, рост денежных фондов обществ и отметил «многогранно-полезную государственную деятельность» обществ. К этому времени в Венгрии существовало 40 типов различных кружков, располагавших капиталом почти в 1 млн. гульденов. Кроме субсидий от государства и щедрых пожертвований венгерских аристократов, бюджет обществ пополнялся за счет дополнительного налога, введенного почти во всех венгерских комитатах. Съезд отметил как заслуживающую подражания успешную деятельность семиградского кружка по мадьяризации румынского населения и рекомендовал использовать опыт по организации сбора средств в Трансильвании, где стараниями «патриотов» были установлены на рынках, в корчмах и ресторанах специальные кружки для сбора пожертвований в пользу мадьяризаторских обществ. Съезд принял решение создать театры, открыть сеть мадьярских библиотек, организовать шефство «культурных кружков» над школами в немадьярских областях с целью распространения «мадьярской культуры». Особое внимание общества должны были уделить изданию «патриотической» литературы. В этом отношении на съезде был поставлен в пример «Венгерско-словацкий кружок», издававший два благонамеренных журнала «Slovenské Noviny» и «Vlast á Svet»*.

К числу «культурных обществ» относились и «кружки мадьяризации фамилий», которые добились от правительства в 1881 году снижения гербового сбора за перемену фамилий с 5 гульденов до 50 крейцеров с тем, чтобы «даже беднейшие мадьяризацией своих фамилий могли показать свой ... патриотизм». Только за один 1886 год эти кружки «заохотили» к перемене фамилий 817 лиц⁵¹⁾; за первую половину 1900 года, по официальным данным, переменили фамилию 2500 человек⁵²⁾. Перелицовка фамилий на мадьярский лад получила распространение среди духовенства, мелкой буржуазии и осо-

⁵⁰⁾ «Славянские известия», № 3--4, 1889 г., стр. 77

⁵¹⁾ Там же, стр. 76.

⁵²⁾ ГАЗО, ф. 10, 1900 г., д. 2973, лл. 1--20.

бенно чиновников⁵³), на которых оказывали давление органы власти⁵⁴). Мадыаризация фамилий, как говорили авторы «Протеста», преследовала ту цель, чтобы «уничтожить всякие следы Руси в Венгрии»⁵⁵).

Писатели «народовецкого» направления резко бичевали этих «перевертней», отказавшихся от своего имени. А. Духнович в «Басне против стыдящихся рода своего» писал: «Бодрая собака природным себе ласкательством вознесенная была на высшую ступень, получив при царском Львином дворе достоинство первого придверника. Приходящих с челобитьем к царю, лестно покивая хвостом, впускала и с поклоном отпускала. Но когда собаки також де появились во двор царский, грозно брехала, лаючи на приходящих.

Заметил то высший придверник медведь и спросился от сослуживца своего, почему он обьяявает так грозно свой род, а ласкается к чужим. Я то делаю, сказал бодрый цербер. из самого равнодушия, чтобы на мне никто никакую интересию не приметил. Так про то мне не видится, сказал медведь дальше, того ради делаешь то, бо стыдишься власного рода, утаить желаешь свой род. И с посмешкой заключил: «Таися, брат мой, сколько хочешь, но про то всегда известно будет, что ты сучий сын»⁵⁶).

Однако надо подчеркнуть, что изменение фамилий среди закарпатоукраинских трудящихся не получило сколько-

⁵³) В 1881 году, например, директор главного лесного управления Венгрии направил специальный циркуляр подведомственным ему учреждениям, в котором, отмечая «патриотизм» и преданность «государственной идее» работников лесничеств, указывал вместе с тем на «прискорбное явление», заключающееся в том, что в лесных учреждениях имеется еще много иностранных фамилий. Циркуляр предписывал чиновникам лесничеств принять участие «в общем движении за мадыаризацию фамилий» (указ. соч. Scotus Váator, стр. 504)

⁵⁴) В 1881 году заместитель министра внутренних дел Венгрии Иосиф Латкочи разослал администрации комитатов, населенных национальными меньшинствами, брошюру председателя «Центрального общества по мадыаризации фамилий» А. Текеши под названием «Как мы мадыаризуем наши фамилии» с предложением распространить эту брошюру среди населения, проинструктировать руководителей всех учреждений с тем, чтобы распространить это «полезное движение» (указ. соч. Scotus Váator, стр. 504).

⁵⁵) В результате изменения фамилий русин Курочка принимает аристократическую мадыарскую фамилию «Szekely», Волошук превращается в «Dallos'a», Колесарь в «Kerekes'a», Худоба в «Hodobay'a» и т. д. и т. п. Славянские имена Михаил, Иван, Гавриил, Павел, Юрий и др. заменялись мадыарскими Mihaly, Iános, Gábor, Pal, György «По-русски не смей теперь называться, писали в 1896 году авторы «Протеста», если не хочешь нарваться на тысячи неприятностей». Вот почему даже те лица, которые еще сохраняли свои украинские фамилии — Иванчо, Голосный, Зозуля, Завадяк, Пасулька, Медведь и др. — стали писать на мадыарский лад. Ivancsó, Holosnay, Zozulja, Zavedyák, Paszulyka, Medvagy.

⁵⁶) Цит. по соч. Н. Бескид, А. В. Духнович и его поэзии, Ужгород, 1930, стр. 47—48.

нибудь заметного распространения. Так, за первое полугодие 1900 года по Венгрии, как мы указывали, было зарегистрировано 2500 случаев изменения фамилий, из которых около половины составляли представители еврейской буржуазии, немецкие кулаки и другие. В числе этих лиц, отказавшихся от своего национального имени, русинов насчитывалось только единицы (кулак Вовчелюк переименовал свою фамилию на Варга и учитель Иван Шпак — на Модорас)⁵⁷⁾.

Перелицовке подвергались также и старые русско-славянские наименования населенных пунктов: Новое Село стало называться «Bereg — Ujfalu», Дубровка — «Cserhalom», Сельце — «Kisfalud», Гребля — «Felső kárászlo», Яблоново — Nagy — Almás», Локоть — «Abranka», Черный Поток — «Fekete patak», Скотарское — «Kis — Szólyva» и т. д.*. Военные власти широко использовали в целях ассимиляции угнетенных народов и службу в армии⁵⁸⁾.

Вся система воспитания, образования, прохождения государственной службы, домашние и семейные условия, другими словами, все сферы жизни и деятельности выходцев из мелкобуржуазной социальной среды были пронизаны антинародным духом и подчинены одной задаче — служению интересам правящих кругов великодержавной нации. Детские приюты и сады, мадьяризованная школа и латинизированная церковь, преследование и третирование национальной культуры, гонения «антипатриотических» элементов — все это разлагающе действовало на русинскую интеллигенцию, вытравляло с малых лет в ее сознании чувство своей национальной принадлежности, вело к забвению своего языка и превращению в конце концов в мадьяронов, ярых прислужников чужеземных господствующих классов и проводников политики денационализации русинов. «Школа, которую проходят эти ближайшие наставники народа (священники и учителя. — *И К.*), не подготавливает их к великому делу служения народу, — писал анонимный закарпатский автор, — она служит прежде всего целям мадьяризации и в этом направлении воспитывает всю угорскую молодежь; тяжелая же школа жизни убивает все лучшие ее стремления»⁵⁹⁾.

⁵⁷⁾ ГАЗО, ф 10, 1900 г., д 2973, лл. 1—20.

⁵⁸⁾ Официальным языком в австро-венгерской армии являлся немецкий, а в чисто венгерских соединениях допускался и мадьярский язык. Другие национальности Австро-Венгрии, хотя из них и формировались национальные по составу воинские части [из 102 полков пехоты австро-венгерской армии (1888 год) 52 полка были чисто национальными по своему составу, в том числе 32 полка славянских], но обучение и команда в этих подразделениях осуществлялись на немецком языке. Употребление родного языка солдатами, не принадлежавшими к господствующим нациям, запрещалось.

⁵⁹⁾ Путник, Современное состояние Угорской Руси, «Русский вестник», т 265. М., февраль 1900 года, стр. 630.

Национальная дискриминация русинов, ущемление материальных интересов и репрессии по отношению к противникам установления «мадьярской гегемонии», применяемые в конце XIX столетия все с большей разнузданностью⁶⁰), являлись важным моментом в мадьяризации интеллигенции Закарпатья. Только отказ от своей народности, «патриотическое мышление» и «патриотическая деятельность» обеспечивали возможность получения образования, занятие государственных должностей и продвижение по службе⁶¹). Каждый поступающий в университет,— писал представитель русского консульства в Будапеште,— должен заявить, к какой принадлежит он национальности*. Если он запишется немадьяром, то его лишают стипендии, пособий.. Если же между учеными найдутся такие, которые сочтут унизительным для себя перемену фамилии, то их попросят подать в отставку или не дадут им ходу»⁶²). «Эпурация» — очищение аппарата чиновников от «неблагонадежных» элементов, проводившееся систематически⁶³), обеспечивало успехи в осуществлении пресловутого принципа мадьярских реакционно-шовинистических кругов, сформулированного в словах: «Наше верховенство — высший закон»...

По отношению же к тем элементам из числа закарпатской интеллигенции, которые сохранили связи со своим народом, употребляли родной язык и продолжали считать себя русинами, мадьярские шовинисты и мадьяроны применяли методы запугивания, доносов, добиваясь этим перехода их в «патриотический» лагерь. Современники свидетельствуют, что противящихся мадьяризации преследовали сплетнями, бранью, скандалами в учреждениях и на улицах.

Когда же и подобные методы воздействия не достигали цели, тогда пускались в ход доносы, в которых закарпатских украинцев, отстаивающих право на национально-культурное развитие, обвиняли в «москвофильстве» и других «государст-

⁶⁰) В 1904 году министерство юстиции Венгрии секретным циркуляром предписало судебным органам и прокуратуре рассматривать дела о печати и «национальных агитаторов» с «особой быстротой» («Славянский век», № 84, 1904 г., стр. 359)

⁶¹) Это в равной мере относилось и к другим поработанным народам — хорватам, сербам, словакам, румынам (см указ соч Кетёпу С. Су, стр. 340—360 и сл.)

⁶²) Указ соч Г. А. Де Воллап, Мадыары и национальная борьба в Венгрии, стр. 11, 12.

⁶³) По этому поводу венгерский историк Й. Перени писал: «Почти каждый год встречаются случаи увольнения с должностей. В большинстве случаев это происходит только на основании подозрений» Учитель села Медведевцы Георгий Пирчак, например, был отстранен от должности по подозрению в получении по почте «русских листовок» (см указ соч Й. Перени, стр. 94).

венных преступлениях»⁶⁴). По этим доносам производились следствия, инсценировались судебные процессы, которые хотя в большинстве своем заканчивались безрезультатно, но вынуждали нередко «упорствующих москалей», терроризованных и измученных травлей, доносами, обысками, арестами, отказываться от своего имени. В этих условиях ядовитой националистической атмосферы часть закарпатской интеллигенции к концу XIX столетия превратилась в прослойку, которая оказалась, как говорилось в «Протесте», «насквозь мадьяризованной», стыдящейся родного языка и чуждающей своего народа. Мадьяризация сделала этих представителей интеллигенции не только «перевертнями», но и панскими прислужниками, погасив в их душе «всякое идеальное стремление»⁶⁵).

К началу XX столетия денационализация духовенства, буржуазии, городской чиновной верхушки, интеллигенции приняла настолько широкие размеры, что современники могли с полным основанием сказать, как писал Л. Василевский, что «ни у одного из венгерских народов интеллигенция так не мадьяризована, как у русин. Собственно говоря, русинской интеллигенции в Венгрии в настоящее время нет. Вы не встретите ни врача, ни адвоката, ни чиновника, ни учителя, которые считали бы себя русинами. Люди несомненно русинского происхождения, очень часто не успевшие еще изменить свою фамилию на мадьярский лад, раз они принадлежат к интеллигентному классу, считают себя мадьярами и тщательно скрывают свое русинское происхождение, точно так же как и знание народного русинского языка, который они используют только в совершенно исключительных случаях, в разговоре с самыми темными крестьянами»⁶⁶).

Часть закарпатской интеллигенции, включая даже тех ее представителей, которые решительно примкнули в период «расцвета демократической весны» к культурно-национальному движению, по мере усиления реакции, боясь утратить свое место в обществе и подвергнуться репрессиям, спасовала перед наступлением ассимиляторов и стала раскаиваться в своих «заблуждениях» и «славянофильских увлечениях». В этом отношении характерно поведение преподавателя классической филологии Ужгородской гимназии П. Яновича.

⁶⁴) См. А. Петров, Мадьярская гегемония в Угрии (Венгрии), Угорская Русь, Петроград, 1915, стр. 7.

⁶⁵) Созданные еще в 60-х годах XIX столетия в некоторых закарпатских городах клубы интеллигенции — «Русские беседы» были превращены в гнезда мадьяризации (см. «Свет», 22 августа 1867 г., «Свет», № 40, 13 (25) октября 1868 года).

⁶⁶) Л. Василевский (Плохочкий), Венгерские «руснаки» и их судьба, «Русское богатство», № 3, СПб, 1914, стр. 367.

В 1864 году П. Янович в ряде своих писем к редактору подготавливаемого к изданию в Праге журнала «Словенин» Ф. Езбере заявлял о своей преданности «славянскому делу» и прислал для журнала небольшой очерк культурной жизни Закарпатской Руси. В этом очерке Янович, между прочим, писал: Приятно славянину сказать: «Я сын 82-миллионного ветвистого кедра, на котором питается больше веток одним соком». Автор очерка ратовал за «взаимосообщение» между славянскими народами в целях сопротивления «погибелью им грозящих стихий». Указывая на «небезпеченство денационализации» русинов Венгрии, П. Янович писал: «Больше десятков тысящей русских жителей вместе с интеллигенцией потеряли язык народный» в результате «вредного влияния законов», изданных венгерским сеймом. Магьяризация стала проникать в церковь и школу, но автор очерка, настроенный весьма оптимистически, заявлял, что он не сомневается в силах пробудившейся интеллигенции, которая сумеет отстоять свой родной язык и, пользуясь «благодатью равноправия», разбудит народ от летаргического сна. Вследствие «силы законов распространяющегося магьяризма», говорил П. Янович, до сих пор в Закарпатье было мало интеллигенции, но в настоящее время 60 юношей обучаются в юридических академиях и в Пештском университете, и в этом молодом, «русским духом одушевленном поколении полагаем мы надежду на интеллигенцию, которая в состоянии будет и на русском языке по должности работать»⁶⁷⁾. Заканчивая свой очерк, П. Янович с воодушевлением писал: «Спешите, спешите переписка моя в Золотую Прагу и просите милостивого государя и издателя... чтобы пожаловал возставить тебя на крыльях вселенского своего «Словенина», чтоб ты, на них носима, могла сказать и тем, что на 80 миль от Пекина граничат, и на Амуре, и на югу и западу живущих одноплеменникам, и на востоко-юге и на юго-западе обитающим, что есть русские на востоко-юге Карпат, и тот народ здесь первобытный, — скажи это всем, что считают себя быть сынами старой славы»⁶⁸⁾. Но не прошло и двух месяцев, как перепуганный своим слишком восторженным проявлением славянофильских чувств, П. Янович стал умолять редактора «Словенина» возвратить его очерк. «Прошу вас, не дайте почитати мою статью,— писал П. Янович,— ей содержание, особенно при заключении, могло бы мне повредить и до несчастья привести; у нас нельзя так выражаться о славе русской; не можно знать, каким способом бы кто это правительству оголосить» (sic!)⁶⁹⁾.

⁶⁷⁾ Цит. по соч В. А. Францев, К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси, Ужгород, 1924, стр. 11.

⁶⁸⁾ Там же, стр. 13

⁶⁹⁾ Там же, стр. 14

Несмотря на несомненно глубокий процесс разложения национальной закарпатской интеллигенции под влиянием насильственной ассимиляции, который мы наблюдаем в конце XIX столетия, все же нельзя безоговорочно распространять это положение на всю без исключения интеллигенцию. Это противоречило бы фактам, а, значит, и истине. Униатское духовенство, составлявшее значительную и наиболее влиятельную часть интеллигенции того времени, больше всего подверглось ассимиляции и в массе своей перешло в ряды господствующих классов великодержавной нации. Это же надо сказать и о верхушке государственных чиновников. Известная часть духовенства и светской интеллигенции, хотя и омадьяренная внешне, не порвала всех связей со своим народом, но она была неспособна, вследствие своей классово-сословной природы, зажатая тисками реакции и связью с государственным аппаратом, к противодействию ассимиляции, к культурно-национальной деятельности в условиях разгула мадьярского шовинизма. Русский исследователь истории Закарпатской Руси А. Петров, характеризуя состояние культурно-национальной жизни в Закарпатье в начале XX века, писал: «Мадьярский язык стал не только официальным органом во всех отраслях церковного и гражданского управления, но вместе с тем и языком общества, гостинной, дружеской переписки, семьи. Даже дети во многих русских семьях учатся лепетать раньше всего по-мадьярски. Почти все читают только мадьярские книги и газеты. Старшее поколение, помнящее время русского возрождения в Угрии, сознает еще свою народность и любит ее, но оно не имеет решимости высказываться, а тем менее — действовать»⁷⁰).

Из этой социальной среды только единицы пытались идти против «патриотического» течения и отстаивать, как А. Добрянский, А. Духнович, И. Раковский, Ю. Ставровский-Попрадов и их единомышленники, право на национальное существование и развитие закарпатских русинов. Но это были одиночки, не связанные органически с массами народа. Они не могли подняться на ступень доступной им по условиям времени демократической идеологии. Единственным борцом против социального и национального порабощения выступают трудящиеся массы Закарпаття, которые, несмотря на преследования и гонения «русскости», упорно сопротивлялись наступлению ассимиляторов, отстаивая свое человеческое и национальное достоинство, свою русско-славянскую письменность и культуру, родной язык как свое самое драгоценное национальное сокровище. Родной язык являлся не только знаменем народного движения закарпатских украинцев против нацио-

⁷⁰) Указ соч А Петров, Мадьярская гегемония., стр 20.

нального порабощения, но объективно борьба за свободное развитие народного языка являлась борьбой за создание необходимых условий буржуазного развития, ибо единство языка и беспрепятственное его развитие, как указывал В. И. Ленин, «есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином и хозяйчиком, продавцом и покупателем»⁷¹⁾).

* * *

Венгерское правительство принимало все меры к тому, чтобы отгородить закарпатских украинцев от общения с их братьями в Галиции и России, разорвать всякие культурно-политические связи между ними. В меморандуме графа Куна Клебесберга, посвященного вопросам национальной политики Венгрии (начало XX столетия), о необходимости прекращения связей закарпатских и прикарпатских украинцев говорилось следующее: «Тогда как сегодня можно сказать, что русины Венгрии и Галиции чужды друг другу», то постоянные сношения и «подрывная работа бездушных подстрекателей мало-помалу возбудили бы в них чувство родства и единства, опасность чего очевидна как для Венгрии, так и для Австрии». Эти сношения «опасны» и потому, говорилось в меморандуме, что в Галиции распространяется влияние из «колыбели панславистских идей», т. е. из России⁷²⁾. Охваченные страхом перед призраком «панславизма», правящие круги Венгрии стремились изолировать закарпатских украинцев от славянского мира. На пограничную охрану была возложена обязанность не допускать проникновения в Закарпатье украинской и русской литературы и газет. Украинское и русское слово, книга, песня подлежали строжайшему запрету; украинские библиотеки и читальни, культурно-просветительные учреждения и даже какие-нибудь общества трезвости, проводившие работу на родном языке, объявлялись «опасными гнездами панславизма»⁷³⁾. В Австро-Венгрии, как указывал

71) В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 368.

72) Указ соч. И. Перени, стр. 147-148.

73) Такому же преследованию подвергался словацкий язык и культура. Когда, например, в 1877 году словацкое женское общество «Živena» решило устроить выставку словацкого народного искусства, то реакционные венгерские газеты выступили против этой «этнографической затеи», мотивируя необходимость запрещения выставки тем, что «словацкие надписи на вышивках, это — тот же панславизм» (см. А. И. Я. Словаки в водовороте мадьяризации народностей Венгрии, «Славянские известия», № 1, январь-март 1906 года, стр. 75).

журнал «Славянский век», «в каждой русской букве видят что-то вроде взрывчатого вещества, могущего поколебать основы государства»⁷⁴). Венгерское правительство запретило распространение в Закарпатье таких газет и журналов, как «Діло», «Буковина», «Галичанин», «Славянские известия», «Славянский век» и другие, которые, как говорилось в распоряжении экспозитуры горных районов, «подрывают мадыарскую гегемонию и стремятся к созданию украинского государства в составе Галиции, Буковины и Закарпатской Руси»⁷⁵).

Подписчики русских и украинских газет объявлялись «панславистами» и жестоко преследовались. В частности, за писателями И. Сильваем и Е. Фенциком, как доносил начальник Великоберезнянского округа, установлен полицейский надзор как за опасными для государства лицами, выписывающими московские и галицкие газеты⁷⁶). За каждым лицом, прибывшим из Галиции и России в Венгрию, устанавливалась полицейская слежка. Архивы закарпатских жупных управлений буквально заполнены правительственными циркулярами, требующими неусыпного контроля за деятельностью «русских шпионов» и «панславистских агитаторов». В 1877 году под надзор полиции были взяты Мирослав Добрянский (сын А. Добрянского) и все лица, с которыми он общался, учащийся Ужгородской духовной семинарии Михаил Бачинский, подозреваемый в связях с «панславистскими» кругами, книготорговец Розер, якобы занимавшийся распространением литературы на русском языке, профессор Петербургского университета А. Будилович, приехавший к родственникам в Венгрию, подозреваемый в принадлежности к «панславистскому» обществу, и многие другие⁷⁷). Распоряжением министерства внутренних дел (от 19 апреля 1882 года, № 619) предлагалось властям строго наблюдать за деятельностью группы русских ученых, прибывших в Венгрию с целью изучения архивных материалов, относящихся к истории славянских народов⁷⁸).

Особенно усердствовала венгерская жандармерия в розыске лиц, подозреваемых в организации национально-освободительного движения славянских народов Австро-Венгрии. В секретном циркуляре министерства внутренних дел (от 10 марта 1882 года, № 391) предписывалось установить местопребывание и подвергнуть аресту русских офицеров Гусева, Давыдова, Веденского, Андреянова, Опочинина и Русова, которые намереваются проникнуть в Боснию и Герцеговину

⁷⁴) «Славянский век», № 35—36, 1901 год, стр. 308

⁷⁵) ГАЗО, ф. 772, оп. 1, 1903 г., д. 446, лл. 1—15

⁷⁶) Там же, ф. 4, д. 65, л. 7 об.

⁷⁷) Там же, д. 1, лл. 1, 11, 16.

⁷⁸) Там же, д. 61, л. 42.

для участия в «национальном заговоре» против монархии⁷⁹⁾, а несколькими днями позднее (циркуляр № 733) было предложено местным властям арестовать «агитаторов» Московского славянского общества, распространяющих якобы среди закарпатских русинов какую-то мифическую «золотую грамоту»⁸⁰⁾. В 1889 году министр внутренних дел уведомлял жупанов комитатов о предстоящем приезде в Венгрию редактора петербургского журнала «Славянские известия», который, по агентурным данным, будет встречаться с «руководителями панславизма» и подстрекать славянское население северной и южной Венгрии к воссоединению с Россией. Министр требовал принять все необходимые меры к пресечению этой «подрывной» деятельности «петербургского агента»⁸¹⁾. В следующем году (циркуляр № 815 от 12 августа 1890 года) министр сообщал главным жупанам комитатов, что среди «угроруссов» проводят противоправительственную агитацию «русские агенты» из «Киевского комитета по распространению панславизма», возглавляемого Антоновичем, Блаженовым, Киринским и Наумовичем. Эта агитация, указывал министр, имеет большой успех среди закарпатской интеллигенции — священников и учителей. Другим циркуляром министр внутренних дел предлагал установить наблюдение за русскими офицерами, прибывшими якобы с целью подготовки диверсий на венгерских железных дорогах, а также за отправкой из Венгрии в Россию «шпионских» голубей и т. д.⁸²⁾.

В каждом чиновнике русского правительства, в каждом русском ученом, корреспонденте газеты или общественном деятеле, прибывшем в Венгрию, венгерское правительство, напуганное освободительным движением славянских народов, видело «панславистского агитатора», стремящегося к расчленению земель короны св. Стефана. Полицейский сыск против «русифильской» агитации был возведен в государственную систему⁸³⁾; под неусыпным наблюдением жандармерии находились не только лица, имеющие отношение к политике (член синода Саблер, депутат австрийского парламента Смаль-Стоцкий, галицкий общественный деятель А Терлецкий и др.), но и лица, далекие от общественно-политической деятельности, как, например, профессора Кошкарев, Сырков, Францев, занимавшиеся изучением архивов, старинных рукописей и языковых диалектов, русские чиновники — специалисты, прибывавшие в Венгрию с целью ознакомления с горно-

⁷⁹⁾ ГАЗО. ф. 4, 1882 г., д. 65, л. 1.

⁸⁰⁾ Там же, л. 3.

⁸¹⁾ Там же, 1889 г., д. 138, л. 1.

⁸²⁾ Там же, 1890 г., д. 154, лл. 31, 63, 80, д. 277, л. 110, д. 180, лл. 87, 89; д. 203, л. 56.

⁸³⁾ См. «Свет», № 8, 19 (31) августа 1867 года.

рудной промышленностью, лесным хозяйством и конским племенным делом⁸⁴⁾.

Русское царское правительство никогда не интересовалось судьбой закарпатских украинцев. Оно не только не помышляло о том, чтобы протянуть им руку помощи и освободить из-под власти чужеземных угнетателей, но даже в годы самых жестоких преследований и гонений, которым подвергались закарпатские украинцы, их национальный язык и культура, не подняло своего голоса в защиту национальных прав русинов. Эта политика «невмешательства» русского царского правительства по отношению к угнетенным славянским народам Венгрии объяснялась прежде всего стремлением его сохранить «дружественные» отношения с Австро-Венгрией, основанные на общности классовых интересов правящих кругов этих двух реакционных монархий. Развязывание национально-освободительного движения демократических масс сербов, хорватов, словаков, закарпатских украинцев в Венгрии, движения, самым тесным образом переплетавшегося с борьбой народных масс против классового угнетения, противоречило самому существу царизма как антинародной, реакционной силы. Русский генеральный консул в Будапеште, обосновывая свое отрицательное отношение к политике содействия объединению венгерских и австрийских славян и отделению последних от короны св. Стефана, выразился в таких словах: «Революционизировать их (венгерских славян.— *И. К.*), если вообще подобная мера допустима с точки зрения достоинства России, могло бы быть оправдано лишь в том случае, если бы оно сулило ей реальные выгоды и соответствовало ее конечным целям»⁸⁵⁾. Таким образом, боязнь «революционизирования» венгерских славян, не соответствующего «достоинству», «реальным выгодам» и «конечным целям» царского правительства — вот что являлось главной причиной, обусловившей собой его безразличие к положению угнетенных славянских народов Венгрии.

Если царское правительство выступало за «укрепление независимости и самобытности славянских племенных государств» на Балканах с целью усиления своего влияния в этом районе и ослабления позиций своих противников — Турции, Австро-Венгрии, Германии и Англии, и прикрывало стремление к установлению своей гегемонии на Балканах «племенным» и «религиозным» единством славянских народов, то освобождение славянских народов, находящихся под властью господствующих классов Венгрии, в рассматриваемый нами период не входило в расчеты царского правительства. Помимо

⁸⁴⁾ ГАЗО, ф 4, д 234, л 7; д 330, л 8; д 336, лл 1, 20, д 299, лл 42, 48, д 203, л 50, д 282, л 2.

⁸⁵⁾ АВПР, ф Политархив, 1912—1913 гг., д 585, л 14 об

указанных нами выше причин, царское правительство опасалось также, что угнетенные народы Венгрии, получив независимость, еще прочнее объединятся с Габсбургами на религиозной почве. Русский консул в Будапеште по этому поводу писал: «В Венгрии и Хорватии православных славян немного более миллиона, а католиков и униатов более четырех миллионов. Как только католики-славяне отделятся от Венгрии и получат то, к чему теперь лишь стремятся втайне, уповая на Россию, как только они почувствуют себя — у себя дома, так немедленно же прекратится действие столь выгодных нам центробежных сил монархии, создастся новое движение — центростремительное, и в центре его будет — Габсбург — католик... Этот центр, окруженный всеми соблазнами западной показательной культуры, будет тем маяком, свет которого распространит свое притягательное влияние далеко за пределы нынешних габсбургских владений и, не говоря уже о православных славянах венгерских, дойдет, быть может, и до балканских славян, видевших до ныне в России... высший источник блага и света»⁸⁶⁾.

В отношении «угрорусского» вопроса царское правительство придерживалось этих же установок, имея в виду «реальные выгоды». Если некоторые частные лица и общества в России ведут пропаганду среди «рутен», доносил русский консул в Будапеште, то эта пропаганда для России «никакой непосредственной пользы принести не может, но зато может губительно отразиться на судьбе рутен, к которым доселе венгерское правительство, по крайней мере в смысле экономическом, относилось весьма благосклонно, и, кроме того, совершенно испортит наши отношения к Венгрии»⁸⁷⁾. Русский консул в Будапеште даже высказывал ту мысль, что мадьяризация русинов приведет только к улучшению отношений с Австро-Венгрией. Он писал: Если русины омадьярятся, то «будут окончательно потеряны для нас, но, с другой стороны, от нас отпадет тяжелый и мучительный долг заботы о них и устранился одно из важных препятствий для политического сближения с Австро-Венгрией»⁸⁸⁾. Более того, представители русского самодержавия не были ознакомлены с действительным положением закарпатских украинцев в Венгрии. Даже в 1912 году русский консул в Будапеште писал в своем донесении: «Из славян, населяющих Венгрию, всего ближе нам угроруссы, родные братья наши по крови и языку, и в известной части и по вере. Между тем их внутренние условия жизни и отношение к ним венгерского правительства для нас совершенно неизвест-

⁸⁶⁾ Там же, л 15

⁸⁷⁾ Там же, л 101.

⁸⁸⁾ Там же, ф Канцелярия, 1913 г., д 15, л. 7 об.

ны»⁸⁹⁾. Консул просил министра иностранных дел разрешить ему поездку по русинским областям в сопровождении двух депутатов венгерского парламента «при сохранении полного инкогнито»⁹⁰⁾.

Если представители русского царизма и проявляли интерес к политике господствующих кругов Венгрии по отношению к трудящимся Закарпатья, то только с точки зрения своих классово корыстных и реакционных целей. Это нашло свое выражение, в частности, в донесении русского дипломатического представителя в Вене князя Кудашева, который писал. «Наблюдение за политикою Венгрии по отношению к рутенам особенно интересно для нас, не столько в виду естественной симпатии нашей к родственным нам угроруссам, сколько в виду аналогичных у нас вопросов, все более обостряющихся с развитием узко националистических веяний, носящих иногда сепаратистический характер, в наших многочисленных инородческих окраинах»⁹¹⁾. В особо секретных донесениях, не предназначенных для «внешнего» пользования, сатрапы царизма, как показывает этот документ, не стеснялись выражать свои взгляды в самой обнаженно-циничной форме. Представитель русского царизма, как видно, употреблял по отношению к закарпатским украинцам терминологию, применяемую венгерскими ассимиляторами; в его донесении нет ни слова об отношении к этой изуверской политике. И это не случайно. В этом проявлялось классово-идейное единомыслие, общность взглядов русских и венгерских черносотенцев и ассимиляторов на «инородческое» население. Более того, князя Кудашева «угрорусский» вопрос интересовал только с точки зрения возможности использования «опыта» венгерских реакционеров и душителей свободы народов в борьбе против освободительного движения населения «многочисленных инородческих окраин», угнетаемого русским царизмом. Правда, накануне первой мировой войны царское правительство, преследуя свои империалистические цели, стало проявлять «внимание» к украинскому населению Галиции, Буковины и Закарпатья. В частности, оно предоставило значительные средства реакционно-монархическим славянским обществам, возглавляемым графом В. Бобринским, на которые возлагалась задача содействовать осуществлению захватнических планов царизма. Только прогрессивные силы России и Украины в лице Чернышевского, Герцена, Франко, выражавшие интересы революционно-демократических масс, отстаивали право на свободу и независимость угнетенных народов Австро-Венгрии, в том числе и закарпатских украин-

⁸⁹⁾ Там же, ф. Особый политотдел, 1912—1917 гг., д. 152, л. 2

⁹⁰⁾ Там же

⁹¹⁾ Там же, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 15, л. 41

цев, разоблачая перед всем миром антинародную политику ее правителей, политику классового, национального и духовного порабощения масс трудящихся.

**
*

Хвастливые заявления венгерских ассимиляторов о «блестящих успехах» политики денационализации в Закарпатье на самом деле не были настолько значительными, как их пытались представить государственные органы и официальная печать⁹²⁾. Массы закарпато-украинского народа не поддавались ассимиляции. Никакие репрессии, строжайшие законы, иезуитские приемы не могли привести к уничтожению вековых приобретений национальной культуры, вытравить из сознания народных масс чувство своей принадлежности к семье русско-славянского народа, чувство братства с русским народом. Вот почему австро-венгерское правительство, не добившись осуществления своих ассимиляторских планов на деле, вынуждено было прикрывать свое бессилие перед сопротивлением народных масс игу национального гнета «успехами ассимиляции» на бумаге, уничтожая русско-славянскую народность за Карпатами в фальсифицированных статистических сведениях. Русский исследователь В. Францев по этому поводу писал: «Мадьярская официальная статистика давно уже пользуется заслуженною печальною известностью «мутного источника», когда дело касается данных ее относительно «немадьярских народностей», давно уже стало общеизвестным фактом, что «статистика эта основана не на математике, а на политике, построена не на фактах, а на фантазиях самого тенденциозного характера»⁹³⁾. К числу таких фантазий относится утверждение венгерской официальной государственной и церковной статистики об ассимиляции 200 тысяч русинов к концу XIX столетия⁹⁴⁾. Эта цифра преувеличена, по меньшей мере, в 5—6 раз и выведена на основе механического причисления всех украинцев, владевших хоть в какой-то мере венгерским языком, к числу «мадьяр греко католического исповедания».

⁹²⁾ В 90-х годах XIX столетия, по официальным данным, по сравнению с 80-ми годами, удельный вес населения, вовсе не владеющего мадьярским языком, снизился только на 2—3%. Венгерская реакция, обескураженная такими данными, забила тревогу. Шовинистическая печать требовала «удвоить силу поглотения немадьяр» (см. «Славянские известия», № 6, 1900 год, стр. 39).

⁹³⁾ Последние слова принадлежат словацкому писателю С. Гурбану-Ваянскому. Цит. по соч. В. Францев, Обзор важнейших исследований Угорской Руси, «Русский филологический вестник», Варшава, № 1—2, стр. 172.

⁹⁴⁾ См. «Русский филологический вестник», № 1—2, Варшава, 1901 год, стр. 177.

Приводимая ниже таблица дает некоторую возможность судить о темпах ассимиляции украинского населения Венгрии в зависимости от этнического окружения, в котором оно находилось⁹⁵⁾.

Таблица 1

Жупы	Количество украинского населения по официальным данным (в тысячах человек)			Число русинов-униатов по данным „шематизма“ на 1880 год	Число украинского населения Венгрии, причисленного к другим народностям в 1880 г. IV
	годы				
	1840	1857	1880		
Марамарош	84	97	109,6	109900	300
Берег	65	95	76	76080	80
Угоча	19				
Унг	59	51	43	65000	22000
Земплин	90	72	31	84000	53000
Шариш	67	43	32	51000	19000
Спиш	25	21	17	23000	6000
Абауй-Торна	17	13	0,5	18000	17500
Сабольч	3	5	2	40000	38000
Сатмар	4	13	1	24000	23000
Боршод	3	10	0,5	10000	9500
Бихар	1	0,5	0,5	9000	8500
Бачка	—	2	8	9000	1000
Срем		—	2,5	2800	300
Всего	436	423	323,6	521780	198180

При всей тенденциозности приведенных данных в этой таблице, все же они показывают, что наибольшее число украинцев, причисленных в 1880 году к другим народностям, падает на те комитаты, в которых украинское население было вкраплено в массу венгерского и словацкого населения (Земплинская, Сабольчская, Сатмарская и другие жупы). Здесь процесс ассимиляции проходил, вероятно, интенсивнее. По сви-

⁹⁵⁾ Таблица составлена на основе следующих статистических источников: Msè, III к, 1896, VIII к. 1901; XIII к., 1906; Я. Головацкий, Карпатская Русь, т. 1, СПб, 1875; т. 2, 1877; А. Петров, Статьи об Угорской Руси, Записки историко-филологического факультета СПб университета, приложение к LXXXI части, 1906

детельству современников, в жупах Абуи-Торпа, Сабольчской, Земплинской, Боршодской, Сатмарской и Бихарской в 90-х годах XIX столетия встречались районы с населением от 5 до 12 тысяч русинов, которые в отношении вероисповедания называли себя «ogoszok», но не знали уже своего родного языка. Наоборот, в закарпатских комитатах с компактным украинским населением ассимиляторская политика, как это должна была признать и официальная статистика, не имела успеха. Только в одной жупе Унг перепись 1880 года давала на 22 тысячи украинского населения меньше, чем числилось униатов-русинов; в остальных трех комитатах (Марамарош, Берег и Угоча) «успехи» мадьяризации измерялись сотнями человек.

Об этом же свидетельствуют и сравнительные данные за 1880—1900 годы о населении (по Венгрии в целом), владеющем венгерским языком⁹⁶) (см. табл. 2).

Как видно из приведенных данных, немадьярские народы Венгрии составляли в 1880 году 53,4, в 1890 году 51,5% всего населения, а в 1900 году официальная статистика свела их удельный вес до 48,6%⁹⁷), подчеркивая этим, что якобы за указанные 20 лет было мадьяризовано около 5% немадьярского населения, или приблизительно 400 тысяч человек. На самом же деле эта цифра крайне преувеличена. Мадьярская статистика достигала показных «успехов» в мадьяризации при помощи примитивного арифметического подлога, искусственно снижая прирост немадьярского населения и увеличивая прирост мадьярского населения за счет включения в число венгров всех владеющих мадьярским языком. Так, по официальным данным прирост населения за указанные 20 лет по Венгрии в целом составил 12,1, причем мадьярское население увеличилось якобы на 32, а население, относящееся к немадьярским народам,— только на 10%. Однако в известной мере эти данные отражают и действительное положение, свидетельствуя о том, что политика мадьяризации не привела к тем результатам, которых добивались господствующие классы Венгрии, так как даже по официальным сведениям количество населения, владеющего мадьярским языком среди национальных меньшинств, увеличивалось крайне медленно (на 2,7% за

⁹⁶) Mos, II, Vdp., 1900, стр. 343, Msé, IX, Vdp., 1902, стр. 22—25.

⁹⁷) В течение 1890—1910 годов, по официальным данным, мадьярское население увеличилось с 48,5 до 54,5%, а удельный вес немадьярских народов снизился с 51,5 до 45,5% (см. Bela Katona, Die Volkswirtschaft Ungarns, Berlin, 1914, стр. 287). В частности, по этим данным удельный вес закарпатских украинцев оставался стабильным (в пределах 2,5% всего населения Венгрии), что не соответствовало действительности, так как, несмотря на значительную эмиграцию из Закарпатья, прирост закарпатоукраинского населения за эти 20 лет должен был составить не менее 20 %.

Таблица 2

1900 год			1890 год			1880 год			Группа населения по признаку		
Владеющих малярьским языком	Процент ко всему населению	Общесколичество населения в тысячах человек	Владеющим малярьским языком		Процент ко всему населению	Общесколичество населения (в тысячах человек)	Владеющим малярьским языком			Процент ко всему населению	
			%	число (в тысячах)			%	число (в тысячах)			
100	51,4	8588,8	100	7357,9	48,5	7357,9	100	6404,1	46,6	6404,1	маляры
—	11,8	1980,4	25,2	500,7	13,1	1000,1	20,2	377,1	13,6	1870,8	немцы
—	11,9	1991,4	12,0	227,5	12,5	1896,7	9,5	176,7	13,5	1855,5	словаки
—	16,7	2784,7	7,0	179,8	17,1	2589,1	5,7	137,3	17,4	2403,0	руины
—	2,5	423,2	7,3	27,8	2,5	379,8	5,5	19,5	2,6	353,2	украинцы
—	3,7	6231,9	12,6	87,1	4,6	689,5	10,3	65,7	4,7	640,0	хорваты и сербы
—	2,0	329,8	21,4	55,6	1,7	259,9	18,4	41,6	1,6	223,1	другие
59,5	100	16721,5	55,7	8436,4	100	15163	52,5	7222	100	13749,6	Всего
16,8	1365,7	8132,7	13,8	1078,5	51,5	5805,1	11,1	817,9	53,4	7345,6	Из них немцы, маляры

10 лет)⁹⁸⁾. Удельный вес закарпатских украинцев, владеющих мадьярским языком, за эти годы возрос только с 5,5 до 7,3%.

Униатские и мадьярские националистические авторы, говоря о «потерях русских» в Закарпатье в результате мадьяризации русинов, тщились прикрыть глубоко враждебную народо политику насильственной ассимиляции, проводившуюся правящими кругами Венгрии вкупе с греко-католической церковью, лицемерными разглагольствованиями о «естественной» и «добровольной» ассимиляции русинов, которая, мол, благотворно сказалась на их культурно-историческом развитии. «Рутены охотно учились в школах по-мадьярски, ибо ощущали, что, овладев этим языком, они станут более культурными»; «Народ сам отбрасывал книги на русском языке», — лживо заявляли униатские мадьяроны — пособники чужеземных ассимиляторов. Фашистский прислужник Ю. Ортутай, оправдывая политику удушения национальной культуры и языка закарпатских украинцев, между прочим, ссылаясь на то, что «ассимиляция была честной и медленной», что «путем ассимиляции возможно было попасть в управляющую среду всякому...» Приведенные нами данные до конца опровергают эти измышления ортутаев и показывают, кому и какой ценой ассимиляция открывала путь в «управляющую среду». Широкое хождение имела также версия, утверждавшая, что якобы униатское духовенство вынуждено было «обугриться» вследствие «бедности» и материальной зависимости от правительства. Ссылки на бедность духовенства служили только прикрытием ренегатства греко-католического духовенства, так как по свидетельству современника, тоже представителя униатской церкви, «здешнее духовенство, особенно в дольних краях, поставлено не дурно в материальном отношении. Многие же из священников живут даже богато, особенно в сравнении с обстановкою своих прихожан»⁹⁹⁾.

Другие авторы, как, например, А. Петров, безосновательно отождествляли «легкость ассимиляции» враждебного народу униатского духовенства и оторванной от народа части интеллигенции с самим народом. А Петров писал: «Угроруссы... менее упорно удерживают свою народность, более искренно и бесповоротно переходят в ряды инородцев»¹⁰⁰⁾. Для обоснования своего утверждения А. Петров и другие авторы

⁹⁸⁾ Наибольшее распространение венгерский язык получил среди немецкого и еврейского населения.

⁹⁹⁾ «Славянское обозрение», т. 2, 1892 год, стр 171

¹⁰⁰⁾ А. Петров, Пределы угрорусской речи в 1773 году по официальным данным, Записки историко-филологического факультета СПб университета, 1911, стр 109

ссылались на следующее место из высказывания А. Духновича, относящееся к 1861 году: «Настало время: все народы борются о свою народность, один русин на Угорщине и думать не желает о своей; ему русская народность невозможна, ему русское слово безобразно; сущий между мадьярами он уже мондокает, иская тем склонность у чужих... Русин (угорский) чем-нибудь будет токмо русином нет!»¹⁰¹). Приведенные слова А. Духновича относятся, несомненно, не к массам народа, а только к тем кругам закарпатского духовенства и интеллигенции, которые продавали интересы своего народа за привилегированное положение в обществе, отказывались от своей национальной принадлежности, к тем мадьярам, которых так бичевал и высмеивал А. Духнович. Статистические данные, факты и высказывания многих других современников опровергают взгляды А. Петрова. В частности, Л. Василевский по этому поводу говорил: «Вопреки довольно распространенному мнению о быстрой денационализации венгерских русин, они в действительности упорнее сохраняют свою этнографическую особенность, нежели другие немадьярские национальности Венгрии. Конечно,— поскольку дело касается крестьянства, так как с русинской интеллигенцией дело обстоит иначе...»¹⁰²).

Вся история Закарпатья свидетельствует о том, что именно народные массы во многовековой борьбе сорвали все попытки немецко-мадьярских ассимиляторов и их униатских пособников превратить закарпатских украинцев в иванов, не помнящих своего родства. Одна из львовских газет писала в 1899 году, что при сложившемся положении в Закарпатье украинцы через 50 лет не выдержат натиска мадьяризации и «перестанут существовать как русское племя»¹⁰³). Но жизнь опровергла эти предположения. История Закарпатья подтверждает не только научное положение о большой устойчивости и колоссальной сопротивляемости языка насильственной ассимиляции, но прежде всего показывает силу и величие народных масс, могучую силу духа и жизни народа как главного, решающего фактора истории. Полумиллионное закарпатоукраинское население, оторванное от своего народа на протяжении веков, несмотря на варварскую систему социального и национального угнетения, не склонило головы перед угнетателями и сохранило свой национальный язык, свою культуру, свою неугасимую веру в освобождение при помощи братских украинского и русского народов.

¹⁰¹) Цит по соч И Свенцицкий, Материалы по истории возникновения Карпатской Руси, т 1, Львов, 1906, стр 119

¹⁰²) Указ соч Л Василевский (Плохоцкий), стр 367

¹⁰³) «Славянские известия», № 10, 1889 год, стр. 263

2. ОТСТАЛОСТЬ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПОДЧИНЕНИЕ ЕГО ЦЕЛЯМ АССИМИЛЯЦИИ ЗАКАРПАТСКИХ УКРАИНЦЕВ

Колониальное положение Закарпатской Украины обусловило чрезвычайную отсталость народного образования. Социальной и национальной придавленности, нищете масс трудящихся соответствовала и нищета духовная. Некоторые возможности для развития народной школы открыла буржуазная революция 1848—1849 годов, но она не привела к сколько-нибудь значительным изменениям в народном образовании в Закарпатье.

Габсбургское правительство вынуждено было в конце 40-х годов XIX столетия под напором революционного и национально-освободительного движения предоставить право открывать национальные школы угнетенным народам империи. Распоряжением австрийского правительства, изданным в виде разъяснения к мартовской конституции 1849 года, устанавливалось, что в областях со смешанным населением и национальными меньшинствами предоставляется возможность проводить школьное обучение на родном языке. Осуществляя традиционную политику противопоставления одной нации империи другой, Габсбурги отменили законы, изданные до этого венгерским парламентом, вводившие мадьярский язык в качестве официального языка школьного обучения и управления¹⁰⁴). С этого времени в Закарпатье заметно расширяется по сравнению с дореволюционными годами школьная сеть за счет средств населения и проводятся некоторые меры по улучшению народного образования, которые Н. Г. Чернышевский назвал показательными¹⁰⁵). Но и это показательное улучшение школьного дела в Закарпатье, как и в других славянских областях, продолжалось недолго¹⁰⁶). Правящая клика Австрии и мадьяр-

¹⁰⁴) В 1791 году в соответствии с законом, принятым венгерским сеймом (закон XVI—1791), вводилось изучение мадьярского языка как обязательного предмета во всех средних и высших учебных заведениях королевства, через год (закон VII—1792) мадьярский язык стал обязательным предметом. Этот же закон предписывал требовать знания мадьярского языка чиновниками, принимаемыми на государственную службу. В 1805 году (закон V—1805) мадьярский язык, наряду с латинским, объявлялся официальным языком администрации. Законами последующих лет (III—1836 и VI—1840) латинский язык как официальный язык был заменен венгерским. Наконец, законом II—1844 года мадьярский язык вводился в качестве основного языка преподавания во всех школах Венгрии.

¹⁰⁵) См. Чернышевский Н. Г., Прочность австрийского порядка. Сб. «Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Избранные педагогические высказывания», М., 1949, стр. 72.

¹⁰⁶) Указом короля от 19 апреля 1860 года мадьярский язык восстанавливался в качестве официального языка Венгрии; указом от 5 октября 1861 года (№ 13583) в областях со смешанным населением вводился обязательный мадьярский язык как главный язык обучения, наряду с которым допускалось и преподавание языков национальных меньшинств.

ские колонизаторы, напуганные ростом национально-освободительного движения, в частности, распространением идеи воссоединения закарпатских украинцев с русским народом. чему в значительной мере способствовала народная школа с обучением на родном языке, стали создавать препятствия для развития народного образования в Закарпатье.

С конца 60-х годов XIX века, когда господствующие классы Австрии и Венгрии объединились под короной двуединой монархии, наступил период особенно ожесточенного преследования культуры и языка поработанных Габсбургами славянских народов, сопровождавшийся разгромом национальных школ и культурно-просветительных организаций. История украинской школы в Закарпатье—одна из мрачных страниц в мартирологе закарпатоукраинского народа, обвинительный акт против вандализма господствующих классов Венгрии. Опубликованный в конце 1868 года так называемый «деаклов закон» «О национальностях», как мы указывали, закреплял угнетенное положение невенгерских народов. Закон определял, что Венгрию населяет единая нераздельная «*pátió Hungária*», в состав которой включались все другие нации страны¹⁰⁷). Провозгласив «равноправие наций», правящая клика Венгрии предоставляла угнетенным народам единственное «право» быть поглощенными господствующей державной нацией¹⁰⁸).

Школьным законом, изданным в 1868 году, министерству просвещения предоставлялось право создавать во всех областях Венгрии мадьярские школы. Параграф 5 закона XVIII 1879 года вводил венгерский язык как обязательный предмет в немадьярских школах¹⁰⁹). Этот же закон устанавливал как меру наказания тюремное заключение за «классовое, религиозное и национальное подстрекательство», имея в виду, в частности, подавление всяких выступлений против насильственной мадьяризации невенгерских народов¹¹⁰). В 1883 году упреждение украинского и русского языков в школах и низших административных учреждениях было чрезвычайно ограничено. Через 10 лет венгерский парламент принял новый закон, устанавливавший еще более строгое наказание за «деяния, тенденции и настроения, враждебные государству». В официальном разъяснении смысл этого закона излагался следующим образом: «Здесь должно разуместь всякую деятельность, направленную против конституции, национального»

¹⁰⁷) См «A Magyar nép története», Bdp., 1951, стр. 322

¹⁰⁸) Simon Péter, A századforduló földmunkás és szegényparaszt mozgalmái 1891—1907, Bdp., 1953, стр. 12

¹⁰⁹) АВГП, ф Политархив, 1907 г., д. 576, л. 71

¹¹⁰) См указ соч Kemény G Gy., A Magyar nemzetiségi kérdés... стр. 130.

характера, единства, независимости или территориальной нераздельности государства, а также против законно предписанного употребления государственного языка, независимо от того — совершено ли деяние в учебном заведении или вне оно, в пределах государства или за границей, на словах или письме, посредством гравюр, картин, книг или иных учебных пособий»¹¹¹).

Погромные законы, разработанные графом А. Аппони (Iex Apponi) и принятые венгерским парламентом в 1907 году, превратили не только государственные, но и начальные школы всех других типов, не говоря уже о средних школах, в орудие мадьяризации «инородческого» населения. Закон «О правовом положении негосударственных общинных и вероисповедных школ и об оплате учителей этих школ» ликвидировал школьную автономию и открывал широкий простор для ассимиляции подрастающего поколения немадьярских народов. В конце XIX столетия в Венгрии из 16510 начальных народных школ 12769 были вероисповедными школами и 1456 школ находились в ведении сельских общин. Положение этих школ определялось законом XIV 1868 года. Параграф 11 этого закона признавал за всеми существующими в Венгрии исповеданиями право «учреждать на собственные средства... всякого рода учебные заведения, в которых они, по своему усмотрению, назначают учебный персонал, определяют размер следуемого ему содержания, выбирают учебники и заведуют ходом и порядком обучения в них»¹¹²). Вероисповедным школам разрешалось проводить обучение на «материнском» языке. Однако уже в 1879 году в этот закон было внесено изменение (параграф 5 XVIII закона 1879 года): мадьярский язык вводился как обязательный предмет во всех школах Венгрии. Закон XXVI 1893 года устанавливал твердые размеры заработной платы учителей в этих школах (600 крон в год с ежегодной надбавкой по 100 крон за каждое пятилетие). Принятие закона 1893 года отнюдь не было продиктовано заботой об улучшении материального положения учителей вероисповедных и общинных школ, а исключительно стремлением подчинить эти школы контролю правительственных органов. Дело в том, что многие общины, обремененные различного рода налогами и поборами, не могли обеспечить содержание учителей в соответствии с требованиями нового закона и вынуждены были обращаться за казенной субсидией. Правительство обычно охотно шло на предоставление субсидий вероисповедным и сельским школам в немадьярских областях. Если предоставленная государством субсидия превы-

¹¹¹) Там же, стр. 132.

¹¹²) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 70 об.

шала 100 крон, то по существующему положению правительство приобретало «некоторые права в дисциплинарном отношении над занимающимися в субсидируемой им школе учителем»¹¹³⁾.

Закон 1868 года о праве обучения на родном языке в вероисповедных и сельских школах официально отменен не был. Но на деле каждый министр народного просвещения, как говорилось в донесении русского консула в Будапеште, «не стеснялся делать противозаконные распоряжения и направлять ход народного образования по своему усмотрению посредством ряда секретных предписаний»¹¹⁴⁾. Так постепенно к концу XIX столетия родной язык в этих школах все более заменялся мадьярским.

Новый закон графа Анлони предоставлял право правительству устанавливать контроль над деятельностью вероисповедных и общинных школ, независимо от того, получают ли они или не получают государственную субсидию. Параграф 18 этого закона запрещал во всех народных школах заменять «государственный язык преподавания» другим языком. Параграф 19 объявлял вероисповедные и сельские школы вести преподавание мадьярского языка в таком объеме, чтобы ребенок за время пребывания в школе овладел мадьярским языком и «мог свободно пользоваться им в повседневной жизни».

16 параграфов этого закона (параграфы 24—39) были посвящены исключительно тем мерам административного и судебного преследования учителей государственных и негосударственных школ, которые могло предпринять правительство за «антигосударственное» направление их деятельности. Учитель и содержащая школу община подвергались «административному и судебному следствию» за следующие «проступки»: 1) если учитель пренебрегает обязанностью преподавать мадьярский язык согласно распоряжениям министерства; 2) если учитель или община употребляют запрещенные или неодобренные министерством школьные учебники; 3) если учитель по своему образу мыслей является «противником государственной идеи», т. е. выступает против конституции, единства и независимости Венгрии или критически относится «к законному употреблению государственного языка»; 4) если учитель проповедует социалистические идеи¹¹⁵⁾.

В случае виновности учителя в одном из этих «проступков», говорилось в законе, министр просвещения может закрыть не только «крамольную» школу и создать вместо нее

¹¹³⁾ АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 71 об.

¹¹⁴⁾ Там же.

¹¹⁵⁾ Там же, лл. 73—74, «A Magyarországi szocialisztikus munkásmozgalmak az 1908 évben», стр. 97.

государственную школу, но закрыть все другие школы данной общины «раз и навсегда».

Закон Аппони определял также, что учитель, не знающий мадьярского языка, «обязан подать в отставку», а вместо уволенного учителя община должна избрать нового в течение 30 дней. После истечения этого срока министру просвещения предоставлялось право назначить нового учителя, которого община сменить не может (параграф 30 закона). Наконец, все лица, назначаемые на должности учителей, обязаны были давать присягу, в которой к обычной формуле добавлялось: «Я буду воспитывать детей в любви к мадьярской родине» (параграф 33 закона)¹¹⁶).

Все перечисленные нами параграфы закона Аппони относились к вероисповедным и сельским школам, не получавшим государственной субсидии. Еще более тяжелые ограничения были установлены для школ, получающих государственную дотацию¹¹⁷). В школах, пользующихся правительственной субсидией, в сумме превышающей 200 крон в год, учитель избирался общиной, но утверждался министром просвещения. Причем, если министр отклонял кандидатуру учителя дважды или если должность учителя оставалась не замещенной в течение месяца, то министр в этом случае назначал учителя без ведома и согласия общины. Школы, в которых учитель получал только половину установленного правительством содержания, лишались полностью автономии; право назначать учителей в эти школы предоставлялось только министру просвещения*.

Граф Аппони, определяя ту цель, которую преследовал закон «О правовом положении негосударственных общинных и вероисповедных школ», заявлял: цель закона двойная — «улучшить материальное положение не находящихся на государственной службе учителей и установить гарантию в том,

¹¹⁶) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 74—75

¹¹⁷) Из 1987 греко-католических школ в Венгрии до издания закона Аппони пользовались государственной субсидией 53,1% (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 76 об.)

*) С целью полного подчинения негосударственных школ контролю правительства законом 1907 года заработная плата учителей повышалась вдвое по сравнению со ставками, установленными в 1893 году. Русский консул в Будапеште, характеризуя значение этого закона, указывал, что он равносителен «почти полному уничтожению автономных вероисповедных и общинных школ», так как «не много найдется в Венгрии общин, которые будут в состоянии полностью удовлетворить сравнительно высокому окладу назначаемого им (законом.—И. К.) содержания народных учителей. Если закон 1893 года, определяющий минимальное содержание в 600 крон, оказался не по средствам для значительного числа приходов и сельских общин, чего можно ожидать от закона, увеличивающего означенный размер вдвое» (АВПР, ф. Политархив, 1907 г., д. 581, лл. 56, 76).

что мадьярско-национальная и государственная точка зрения будет впредь осуществляться повсеместно в начальном народном образовании»¹¹⁸). На самом же деле цель закона Аппони была «одинарная», так как все его статьи (в том числе и относящиеся к размерам заработной платы учителей) были направлены к одному: насильственному осуществлению полной ассимиляции невенгерских народов, важнейшим средством которой должна была являться мадьяризованная школа, пропитанная духом «национальной идеи» — реакционной концепции человеконенавистничества и порабощения немадьярских народов.

Закон Аппони о школьном попечительстве в государственных школах являлся составной частью ассимиляторской программы венгерской реакции. До издания этого закона членами школьного попечительства, назначавшимися министром просвещения, являлись директор школы, один учитель и сельский врач. По новому закону в состав попечительства входили члены «ex officio» и члены «по выбору». Первые — назначались главным жупаном комитата; в их состав входили: директор школы, староста, представитель местного духовенства и учитель «закона божия». Таким образом, новый закон не только не освобождал государственные школы из-под влияния церкви, а, наоборот, усиливал это влияние. «Выборные» члены могли входить в состав училищных советов только там, где община или церковь участвовали в содержании школы. Одна половина «выборных» членов попечительства школы выделялась сельским сходом или церковным попечительством, а другая — назначалась главным жупаном комитата.

С той целью, чтобы не допустить влияния на школу «инородческого» элемента, в закон была введена специальная статья, которая гласила: «Не может быть членом попечительства тот, кто держится противогосударственного направления или же старается своим влиянием противодействовать воспитанию и образованию молодежи в духе патриотизма, религии и нравственности. Членом попечительства может быть лишь венгерский гражданин, умеющий читать и писать по-мадьярски. В тех общинах, где не имеется достаточного числа лиц, знакомых с мадьярским языком, министр пользуется правом воспрепятствовать учреждению попечительства. В таком случае должности попечителей исполняет совет учителей и инспектор народных училищ»¹¹⁹).

Этот закон по существу отменял старый закон LXIV 1868 года, в силу которого государство обязано было «в содержимых им учебных заведениях заботиться о том, чтобы

¹¹⁸) АВПР, ф. Полигархив, 1901 г., д. 576, л. 81 об.

¹¹⁹) Там же, л. 57 об.

граждане любой народности, живущие сплошными массами, могли получать, вблизи от своего местожительства, первоначальное образование на материнском языке». Однако в государственных школах, основанных в местностях с компактным немадьярским населением, обучение и даже преподавание «закона божия» проводилось исключительно на мадьярском языке. Закон о школьном попечительстве лишил немадьярские народы даже контроля над преподаванием в государственных школах, которые содержались отчасти и за счет их средств. Оба эти закона графа Аппони, пронизанные духом произвола и национальной исключительности, означали новый этап в наступлении венгерской реакции на национальные права немадьярских народов, сопровождавшийся варварским разрушением национальной школы и превращением ее в орудие мадьяризации.

Разгром национальных школ и мадьяризацию всех звеньев школьного обучения правящие круги Венгрии рассматривали как важнейшее средство для достижения своих политических целей — ассимиляции невенгерских народов и создания «единонационального государства». Этим духом национальной нетерпимости пронизаны все законы венгерского парламента, относящиеся к народному образованию, все распоряжения правительства и выступления реакционной печати. Русский консул в Будапеште в одном из своих донесений (1907 год) указывал, что мадьярские политические деятели в течение последних 40 лет не перестают повторять, что национальные школы «обратились в убежище для враждебных... национальных стремлений и представляют серьезную опасность для дела образования того единого этнографического целого, в состав которого имеют со временем войти все немадьярские народности королевства...»¹²⁰). И это действительно было так. Депутаты парламента Г. Угрон, Я. Хок и другие требовали от правительства принятия сурового закона против национальных школ невенгерских народов, которые, мол, распространяют ненависть к мадьярской нации и языку¹²¹), а один из представителей партии независимости в своем выступлении настаивал на введении государственного образования и ликвидации школьной автономии невенгерских национальностей¹²²).

Шовинистическая концепция господствующих классов Венгрии в школьном деле была сформулирована в докладе министра просвещения Власича в парламенте 14 февраля 1901 года. Он заявил: «На мне лежит долг способствовать

¹²⁰) Там же, 1907 г., д. 581, л. 80 об.

¹²¹) См. указ соч. Кеттёну Г. Гу, Iratok a nemzetiségi, стр. 441.

¹²²) Там же

развитию культурных интересов моего отечества и служить прогрессу культуры, в ее специфическом значении и с ее экспансивной силой»¹²³). В этой фразе, завуалированной громкими словами о «прогрессе культуры», раскрывалась именно «специфическая» черта венгерского шовинизма, его особо агрессивный, экспансионистский характер. «Компетентные сферы и печать ставили мне в упрек, продолжал Власич, что я слишком покровительствую венгерским областям, обращаю на них слишком большое внимание и вследствие этого пренебрегаю областями с инородным населением. Я должен заявить палате, что не пренебрегаю странами с инородным населением; но я никогда не скрывал, что задался целью возвысить культурный уровень венгерского племени — это составляет основной принцип моей деятельности. Мы постоянно говорим, что эта нация должна быть венгерскою и что мадьярский элемент должен играть руководящую роль; исходя из этого принципа, мы должны спросить себя, каким образом мадьярский элемент окажется на высоте своей государственной, национальной и социальной задачи, если мы будем пренебрегать его культурным развитием»¹²⁴). Но мадьярские «культуртрегеры», вроде Власича, ратовали за свою, помещичье-буржуазную «культуру», отвечающую интересам «единонационального» венгерского государства, покоящегося на угнетении других народов, на разрушении их национальной культуры. «Я задался, целью, — заключил свое выступление Власич под овации реакционного большинства парламента, — создать однородное венгерское общество, которое должно послужить прочным основанием могущественного национального венгерского государства»¹²⁵).

Один из самых ярких проповедников венгерского шовинизма министр народного просвещения граф Алпони, автор и проводник планов полного уничтожения национальных школ в Венгрии, обосновывая необходимость принятия серии драконовских школьных законов, говорил: «Мы не можем допустить, чтобы огромные национальные блоки герметически закупорили себя от изучения государственного языка, как как демократический принцип обязывает нас предоставить каждому гражданину возможность занять со временем высокое положение как в культурном отношении, так и в политике» (подчеркнуто нами. — *И. К.*)¹²⁶). Блудословие этого реакционера, рядившегося в тогу поборника «демократии», никого не могло обмануть. Угнетенные народы Венгрии знали подлин-

¹²³) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., л. 576, л. 8

¹²⁴) Там же, л. 15.

¹²⁵) Там же, л. 24 об.

¹²⁶) Там же, л. 81 об.

Таблица 3

Учебный год

		1893— —1894	1894— —1895	1898 —1899	1899— —1900
Учебные заведения, отнесенные офиц. статистикой к высшей школе	юридические академии	количество школ	1	1	1
		количество учащихся	67	90	118
	духовные академии	количество школ	1	1	1
		количество учащихся	60	63	52
Учительские семинарии	количество школ	2	2	2	
	количество учащихся	160	159	199	
Средние общеобразовательные школы	реальные училища	количество школ	4	4	5
		количество учеников	1194	1242	1525
	гимназии	количество школ	1	1	1
		количество учеников	105	118	71
Начальные школы	количество школ	878	877	842	
	количество учеников	74355	75969	83123	
Профессиональные школы	количество школ	13	14	16	
	количество учеников	1238	1476	1461	
Специальные школы	количество школ	4	4	5	
	количество учеников	404	412	393	
Детские сады	количество садов	69	81	79	
	количество детей	5002	6185	6232	
Всего	количество школ и детских садов	973	984	952	
	количество учащихся, учеников и воспитанников детских садов	82585	85714	93174	

ную цену этих заявлений. Отдав дань «демократии» и «прогрессу», граф Аппони закончил свою речь в парламенте словами: «Я надеюсь, что с помощью нового закона мне удастся «в короткое время уничтожить непатриотические школы и водворить повсюду государственный язык, как символ независимости государства»¹²⁷⁾.

Структура школьной сети в Венгрии во второй половине XIX столетия во многом сохраняла черты той системы, которая была установлена еще «ratio educationis» Марии Терезии. Помимо высших школ (университеты, юридические академии, духовные академии и т. д.), существовали средние учебные заведения — лицеи (гимназии), реальные училища и учительские семинарии, сеть народных школ и профессионального образования. Дошкольная сеть состояла из детских садов (приютов). Следующая таблица, основанная на официальных данных, характеризует систему школьного обучения и дошкольного воспитания в Закарпатье в конце XIX столетия¹²⁸⁾ (см. табл. 3).

За указанные восемь лет число учебных и воспитательных учреждений в Закарпатье не только не возросло, а даже несколько уменьшилось за счет сокращения количества начальных школ, а число учащихся возросло на 16,5%, главным образом за счет учеников начальных школ и воспитанников детских учреждений. На долю закарпатских комитатов приходилось только 4,6% всех учебных и воспитательных учреждений и 3,5% учащихся Венгрии, т. е. в два раза меньше удельного веса, занимаемого населением Закарпаття в общем составе населения собственно Венгрии. Высшей школы в Закарпатье до воссоединения с Советской Украиной не существовало¹²⁹⁾, в то время как в Венгрии в конце XIX столетия насчитывалось 13 светских высших учебных заведений и 8582 студента. Из числа закарпатских украинцев в вузах Венгрии обучались считанные единицы — выходцы из семей чиновников и духовенства; даже в 1911 году в венгерских университетах числилось только 2 студента русина¹³⁰⁾. Двери

¹²⁷⁾ Там же, л. 82.

¹²⁸⁾ Mse, III, 1896, стр. 360—367; Mos, II, 1900, стр. 630—632. Mse, VIII, 1901, стр. 314—317.

¹²⁹⁾ Официальная венгерская статистика относилась к числу высших учебных заведений в Закарпатье духовную семинарию и так называемую юридическую академию в Марамарош-Сигете, содержавшуюся на средства кальвинской церкви. Эти школы не являлись высшими учебными заведениями в прямом смысле этого слова.

¹³⁰⁾ АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., л. 15, л. 66.

средних школ¹³¹⁾ были открыты только для детей помещиков, городской и деревенской буржуазии, чиновников и священников. Среднее образование, не говоря уже о высшем, для закарпатской молодежи из числа трудящихся было недостижимой мечтой. Ее стремления к свету и знанию разбивались о классово-сословные и имущественные барьеры, преграждавшие доступ «простонародью» к науке¹³²⁾. Народные таланты гибли, заглушенные вечной нуждой. Русский автор Де-Воллан, говоря о гуцулах закарпатской верховины, писал: «Они отличаются развитой памятью, большой способностью к умственному исчислению и чрезвычайно живою фантазиею... Преимущественно отличаются они в области механики; так, между прочим, в верховине живет... крестьянин, по имени Дмитрий Дранчак, который без всякой научной подготовки, в качестве простого самоучки, приобрел известность искусного мастера сооружать мосты...» Но, продолжал Де-Воллан, «к сожалению, школьное обучение, при помощи которого обыкновенно пробуждается дремлющий талант, не выходит для крестьянского юношества из пределов самого необходимого; большая часть верховинцев не умеет даже читать и писать. Двери гимназии и прогимназии обыкновенно бывают открыты только для священнических детей, которые, по большей части, готовят себя к тому же отцовскому званию¹³³⁾. Закарпатские гимназии являлись центрами мадьяризации и воспитания подрастающего поколения буржуазной интеллигенции в духе «патриотизма», преданности престолу и церкви.

Первая гимназия в Закарпатье была основана еще в XVII столетии и долгое время находилась в руках иезуитов.

¹³¹⁾ В конце XIX столетия в Закарпатье существовало 5 гимназий и 1 реальное училище, в которых обучалось 1600 учеников. В это же время в Венгрии насчитывалось 163 гимназии с 46878 учениками и 32 реальных училища с 9564 учениками. Доля гимназий и реальных училищ Закарпатье в системе средних учебных заведений Венгрии не превышала 3% (Mos, II, 1900 г., стр. 630—631). В конце XIX столетия все гимназии в Закарпатье являлись 8-классными. В гимназии принимались дети 10 лет, окончившие 4 класса начальной школы (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 100).

¹³²⁾ Филантропические общества, создаваемые униатской церковью в целях «вспомоществования» учащимся, не могли оказать никакой реальной помощи трудящейся молодежи, стремившейся к образованию. Основанное, например, на Прешовщине в 1862 году «Общество Иоанна Крестителя», ставившее перед собой задачу «вспомогати скудных, но вместе честных русских учеников гимназиальных» (указ соч. Путник, стр. 636), предоставляло общежитие и стол очень небольшому числу учеников.

¹³³⁾ Де-Воллан Г. А., Угро-русские народные песни, «Записки Русского географического общества» по отделению этнографии, т. XIII, вып. I, СПб., 1885, стр. 8—9

Вплоть до 40-х годов XIX столетия в средних учебных заведениях, как выражался русский ученый И. И. Срезневский, «лучи просвещения пропускались в головы любознательных русинов сквозь язык латинский»¹³⁴). С конца XVIII века в гимназиях вводится изучение мадьярского языка как предмета обязательного. В 1849 году в средних учебных заведениях Закарпатья было разрешено преподавание на родном языке в первых трех классах, а в остальных классах русский язык изучался как обязательный предмет. Однако уже через два года австрийские власти, осуществляя политику германизации, стали вводить в средних учебных заведениях немецкий язык. Только в старших классах допускалось изучение «материнского» языка учениками русинами и преподавание «закона божия» на родном языке. В начале 60-х годов XIX века в областях Венгрии со смешанным населением основным языком обучения в средних учебных заведениях становится мадьярский язык, а языки национальных меньшинств изучались как второстепенные предметы. «Средних заведений чисто русских у нас нет, писал в 1864 году учитель Ужгородской гимназии П. Янович, и только при трех гимназиях имеет способ учащаяся молодежь обучаться русскому языку...»¹³⁵).

После установления австро-венгерского дуализма украинский язык все более вытеснялся из средних учебных заведений языком мадьярским. Уже в 1869 году королевским указом было отменено преподавание истории и географии на родном языке. Украинский язык как обязательный предмет для учеников греко-католиков изучался еще до 1879 года, когда по требованию корпорации учителей — «патриотов» изучение его стало не обязательным (уроки родного языка должны были посещать только те ученики, родители или опекуны которых пожелали этого). В 1881 году украинский язык был исключен из числа экзаменационных предметов на аттестат зрелости. Изучению родного языка в гимназиях отводился только один урок в неделю, проводимый в виде сводного занятия для учеников русинов всех классов¹³⁶). В последующие годы изучение украинского языка было изъято из программы средней школы, и гимназии в Закарпатье превратились в рассадники мадьяризации.

Вот почему из закарпатских гимназий выходила молодежь, не знавшая вовсе своего родного языка или получившая самые элементарные представления о «руськом» языке, пред-

¹³⁴) Срезневский И. И. Русь Угорская, «Вестник Русского географического общества», кн. I, СПб. 1852, стр. 24

¹³⁵) Цит. по соч. Францев В. А., К вопросу о языке Подкарпатской Руси, Ужгород, 1924, стр. 11.

¹³⁶) См. Сова П., Прошлое Ужгорода. Исторический очерк, Ужгород, 1937, стр. 263.

ставлявшем собой невообразимую мешанину русского и украинского языков, элементов местных диалектов, церковнославянской архаики и варваризмов. Распространение такого «язычия» поддерживали и венгерские власти, рассматривавшие его как одно из средств борьбы с «русскостью», как орудие постепенной мадьяризации русинов. Учителя «русского» языка в гимназиях, за редким исключением, не имели представления о подлинных литературных языках русского и украинского народов; естественно, что они не могли обеспечить его изучение и своими учениками, тем более, что возможности для преподавания родного языка год из году ограничивались, а система обучения и «учебники», которыми при этом пользовались и учителя и ученики, совершенно не отвечали своему назначению. Так, в I классе гимназии ученики обучались по азбуке Генци-Часина, учились читать и писать на родном языке и переводить прочитанное на мадьярский язык. Во II классе основным учебником «русского» языка являлась библия Поповича, по которой ученики изучали склонения, имена существительные и спряжения. В III классе к библии Поповича в качестве «учебного пособия» присоединялся молитвенник Гомичкова; ученики IV класса приобретали навыки в чтении по «литургику» Е. Фенцика; в V—VI классах эти пособия дополняла книга для чтения Давида Черни. В двух последних классах особое внимание уделялось упражнениям в церковнославянском языке по книгам религиозного содержания¹³⁷⁾.

Украинский язык в гимназиях Закарпатья всячески третировался как язык «варварский», «мужицкий»; учителя родного языка преследовались как люди «непатриотического духа»; учеников, проявлявших интерес к украинскому языку и книге, к русской истории и культуре, учителя-мадьяроны с оттенком презрения называли «панславями» и «мусками» («москалями»). Нередко учеников, признавших себя русинами, исключали из гимназий. Авторы «Протеста» приводили такой типичный пример, характеризующий атмосферу национальной нетерпимости по отношению к русинам в закарпатских гимназиях: один из учеников IV класса, сын священника, на вопрос учителя, к какой нации он себя причисляет, ответил, что он русский. «Профессор,— говорилось в «Протесте»,— увидел в этом почти что государственную измену, сразу же представил это дело учительской конференции, которая постановила изгнать мальчика из гимназии». И только после длительного ходатайства отца, который «за сына сказал, что он мадьярской народности, оставлено его в школе»¹³⁸⁾.

¹³⁷⁾ См «Листок», № 14, 15(27) июля 1888 года.

¹³⁸⁾ «Протест», стр 6.

На протяжении второй половины XIX столетия число учеников-русинов в средних учебных заведениях Закарпатья год из году сокращалось, что объяснялось не только установлением негласной процентной нормы для «угроруссов» и исключением из гимназий учеников-русинов под видом «неуспеваемости», но главным образом тем, что родители учеников отказывались от своей национальной принадлежности, и дети их вносились поэтому в списки мадьяр. Так, в 1866 году в закарпатских гимназиях числилось 286 учеников, считавших себя русинами, а в 1871 году их насчитывалось только 130. В ведомостях о составе учащихся Ужгородской гимназии в 60-х годах значилось только 10% «угроруссов», а в действительности учеников-русинов было не менее 50%¹³⁹). В Прешовской гимназии (1867—1868 учебный год) учеников греко-католиков, главным образом из числа русинов, числилось 71, а в списках учеников-русинов — 49. В 1868—1869 учебном году в Ужгородской гимназии насчитывалось 163 ученика-русина, а в 1872—1873 учебном году их число уменьшилось до 64. Это выражалось собой, как писала газета «Карпат», «девальвацию русской молодежи»¹⁴⁰). В 1887—1888 учебном году из 419 всех учеников Ужгородской гимназии греко-католиков было 149 человек, а владеющих родным языком из них только 84 человека¹⁴¹). В 1864 году в Ужгородской гимназии насчитывалось 7 человек учителей-русинов, а в 1888 году — только 3¹⁴²). В начале XX столетия во всех средних учебных заведениях Венгрии, как сообщал журнал «Славянский век», «признали свою принадлежность к русскому народу» только 100 учеников, а в Будапештском университете — 11 студентов¹⁴³).

Даже изучение «закона божия» и проведение религиозных проповедей среди учащихся гимназий на родном языке вызывало негодование со стороны «истинных патриотов». В 1889 году в Ужгородской гимназии на этой почве произошло «беспочуйство», повлекшее за собой отстранение от должности униатского «катехита» — священника, преподававшего «закон божий». Как сообщали современники, учитель этой гимназии Людвиг Бодроги, член мадьяризаторского общества, узнав, что школьный катехит в одном из классов проводит религиозную проповедь на родном языке, грубо прервал «законоучителя» и потребовал, чтобы учащиеся перешли в соседнюю

¹³⁹) См «Церковная газета», № 15, 2 июля 1858 года, стр 117, газета «Свет», № 4, 26 января (2 февраля) 1869 года; указ. соч Путник, стр 642

¹⁴⁰) Газета «Карпат», № 8, 6 сентября 1873 года

¹⁴¹) «Листок», № 14, 15 (27) июля 1888 года.

¹⁴²) Указ соч. Францев В. А., К вопросу о языке ..., стр 11, «Листок», № 14, 15 (27) июля 1888 года.

¹⁴³) «Славянский век», № 79, 1904 год.

комнату и прослушали проповедь на мадьярском языке. Обиженный священник подал жалобу на Бодроги униатскому епископу, который поспешил представить «происшествие» в гимназии на усмотрение министра культа и просвещения. Через некоторое время последовал ответ министра, гласивший, что повод ко всем «беспокойствам» в гимназии подал священник, которого следует поэтому отстранить от обязанностей катехита, и в дальнейшем, во избежание «недоразумений» изучение «закона божия» и «экспортации» (проповеди.— И. К.) проводить на мадьярском языке.

Униатская консистория приняла это распоряжение министра без всякого возражения. Только закарпатская газета «Kelet»¹⁴⁴), поместившая статью «Orosz prédikációk Ungváron» («Русские проповеди в Ужгороде»), выступила с осуждением, правда, в робких выражениях, поступка Бодроги, а журнал «Листок» выразил свою «оппозиционность» к решению министра тем, что посоветовал обиженному катехиту обратиться с жалобой к самому императору, который-де «сумеет защитить против произвола свой верный угрорусский народ»¹⁴⁵). Однако эти «протесты» под сурдинку, высказанные фрондирующим униатским духовенством, никаких последствий не имели.

Через год после «беспокойства» в Ужгородской гимназии министерство культа и просвещения установило, что в I—IV классах средних учебных заведений «закон божий» должен преподаваться исключительно на мадьярском языке; в старших же классах, как говорилось в распоряжении министерства, «желающие быть священниками могут учиться, если желают, и по-русски». Те представители закарпатской интеллигенции, которые пытались выступить против притеснений родного языка в сфере религиозной, были ошельмованы реакционной печатью и названы «конспираторами» и даже... «изменниками». Апелляция «Листка» к императору¹⁴⁶) и выступления мадьярской печати (ужгородских и будапештских газет «Kelet», «Ung», «Nemzet», «Magyar Allam» и др.) против этого распоряжения министерства не дали никаких результатов. Этим завершается полное изгнание родного языка из средних учебных заведений Закарпатья. «В течение 1890 года, писал «Листок», нашему угрорусскому народу был нанесен чувствительный удар. У нас, как известно, нет ни одного среднего учебного заведения, в котором бы наши дети могли получить образование на родном языке; даже в наших,

¹⁴⁴) Газета «Kelet», № 34, 1889 год

¹⁴⁵) См. «Славянские известия», № 22, стр. 546 и № 17, стр. 421, 1889 год.

¹⁴⁶) См «Листок», № 114, 1890 год

нами же учрежденных и содержимых школах не обращается никакого почти внимания на родную речь, и только в одной Ужгородской гимназии мы имели право преподавать закон божий на русском языке. Это право отняли у нас в этом году. Но эта вопиющая несправедливость, совершенная над нами, пробудила в некоторых наших деятелях дремавшие до сих пор патриотические чувства»¹⁴⁷).

И действительно, в среду передовых, наиболее честных представителей закарпатской интеллигенции даже в этих условиях жестоких преследований прогрессивной мысли и науки, в обстановке национальных гонений проникали идеи свободомыслия и распространялась нелегально литература на русском языке. Министр просвещения Венгрии в 90-х годах XIX столетия в своем циркуляре указывал местным властям на необходимость усиления борьбы с проникновением литературы, изданной в России, которая распространяется среди учителей школ¹⁴⁸). Журнал «Листок» отмечал, что между учителями гимназий в Закарпатье «псевдолиберализм, материализм и дарвинизм сделали много завоеваний. Молодежь, набравшаяся подобных превратных идей, трудно присваивает церковный дух»¹⁴⁹)⁴.

* * *

Начальное образование в Венгрии в конце XIX столетия подразделялось на две ступени: низшее (элементарные школы) и высшее начальное образование (высшие начальные школы). Элементарные школы должны были состоять из 6 классов¹⁵⁰). По существовавшему положению ребенок вступает в школу 6 лет и обучается до 12 лет; ежедневное посещение школы в течение этого времени формально являлось обязательным. После шестилетнего обучения в элементарной школе дети старше 12 лет должны были посещать так называемые повторительные школы (курсы), занятия в которых обычно проводились в вечернее время 1—2 раза в неделю.

¹⁴⁷) Цит по «Славянским известиям». № 1, 6 января 1891 г.; стр. 10

¹⁴⁸) ГАЗО, ф. 4, 1890 г., д. 183, л. 1

¹⁴⁹) «Листок», 15 (27) ноября 1888 года.

¹⁵⁰) Не менее 1/3 народных школ в Закарпатье являлись 2—3-классными. Причем нередко количество детей в одном классе превышало 100 человек. Венгерское правительство преднамеренно задерживало развитие народных школ в Закарпатье, ограничивая образование украинских детей первыми двумя классами. Так, в 1889 году школьный совет села Страйна (Ужгородская жупа) обратился к министру народного просвещения с просьбой открыть третий класс начальной школы, мотивируя это тем, что в селе более 230 детей, которые не могут заниматься в двухклассной школе. Министр в своем ответе указал, что в связи с отсутствием ассигнований расширение школы осуществить невозможно (ГАЗО, ф. 4, 1889 г., д. 153, лл. 18, 23).

Второй ступенью начального образования являлись высшие начальные школы с 3 и 6 классами. В эти школы принимались дети с 10-летнего возраста по окончании 4 классов элементарной школы¹⁵¹).

По ступеням начального образования школы Закарпатья распределялись следующим образом¹⁵²).

Таблица 4

Учебный год	Всего начальных школ	Из них		
		элементарных начальных школ	повторительных школ	высших начальных школ
1870—1871	674	671	—	3
1893—1894	878	870	2	6
1894—1895	877	869	2	6
1898—1899	842	833	2	7
1899—1900	850	841	2	7
1900—1901	859	850	2	7

Общее число начальных школ в Закарпатье на протяжении 30 лет (с 1870 по 1900 год) возросло на 185 школ, или на 24,5%, причем в 90-х годах число школ не возрастало, а, наоборот, сокращалось (в 1893—1894 учебном году насчитывалось 878 школ, а в 1900—1901 учебном году — 859). Сокращение числа школ отчасти объяснялось созданием новых, более крупных школ и ликвидацией мелких, но главным образом это сокращение шло за счет закрытия национальных украинских школ. Если в 70—80-х годах ежегодно количество школ увеличивалось на 6—7, то в 90-х годах — на 1—2. По Венгрии в целом общее количество начальных школ с 1871 по 1901 год возросло с 11827 до 18568¹⁵³), или на 57%. Другими словами, темпы роста числа школ в Венгрии превосходили рост школ в закарпатских жупах в два раза, что являлось выражением дискриминационной политики господствующих классов Венгрии по отношению к народному образованию в Закарпатье. Удельный вес закарпатских начальных школ в общем числе этого типа школ Венгрии в конце XIX столетия составлял 4,5%. Элементарные начальные школы составляли 99, повторительные — 0,2 и высшие — 0,8% всех начальных школ Закарпатья. Совершенно незначитель-

¹⁵¹) АВГР, ф. Политархив, 1901 г, д. 576, л. 100

¹⁵²) Msé, 1872, стр. 460—461; Msé, III, 1896, стр. 390—397, Mos, II 1900, стр. 646—648; Msé, VIII, 1900, стр. 330—333; Msé, IX, 1902, стр. 318—321.

¹⁵³) Msé, 1872, стр. 460—461, Msé, IX, 1902, стр. 318—321.

ное число двух последних категорий школ (2 повторительные и 7 высших) свидетельствовало о том, что начальное образование в Закарпатье для массы учащихся ограничивалось элементарной школой, обычно 2—3 классами.

Абсолютное большинство начальных школ в Закарпатье являлось «вероисповедными», т. е. находившимися в ведении церкви и религиозных корпораций. В конце XIX столетия из 859 начальных школ 647 (75,2%) относились к вероисповедным школам (453 школы греко-католические, 80 римско-католические и 112 других вероисповеданий). Государственных школ насчитывалось 183 (21,4%), школ сельских общин — 26 (3%) и частных школ — 3 (0,4%). В Венгрии вероисповедные школы составляли 72,5, государственные — 9,1, сельские — 16,6 и другие — 1,8% всех начальных школ¹⁵⁴). Приведенные данные показывают, прежде всего, огромное влияние церкви на народное образование как в Венгрии в целом, так и особенно в Закарпатье. Преобладание конфессиональных школ являлось ярким свидетельством чрезвычайной отсталости, застойности народного образования, отданного на откуп церкви, определившим собой религиозно-богословское, средневековое, рутинное направление всей системы обучения детей.

В 80—90-х годах наблюдается увеличение числа государственных школ: в Закарпатье на протяжении 1893—1901 годов число государственных школ возросло со 168 до 183 (на 9%), а число вероисповедных школ сократилось с 678 до 647 (на 4,6%). Однако переход школ в ведение министерства народного просвещения не означал отделение этих школ от церкви и ни в какой мере не ослаблял влияния церкви на народное образование. Создание государственных школ преследовало другие, политические цели.

Государственные школы создавались прежде всего в областях со смешанным и немадьярским населением¹⁵⁵). Не случайно поэтому удельный вес государственных школ в Закарпатье в конце XIX столетия был в два раза выше, чем в Венгрии в целом (в Венгрии государственные школы составляли 9,1, а в Закарпатье — 21,4% всех начальных школ)¹⁵⁶). Некоторое сокращение числа конфессиональных школ и увеличение числа государственных школ, как мы указывали, нисколь-

¹⁵⁴) Msé, IX, 1902, стр. 318—321.

¹⁵⁵) ГАЗО, ф 4, 1898 г., д. 325, лл 13—21; ф 262 (Наджупан Бережской жупы), 1901 г., д. 3046, лл. 6—28, АВІР, ф. Политархив, 1907 г., д. 581, л 80.

¹⁵⁶) Венгерское правительство, преследуя ассимиляторские цели, выделяло значительные средства на строительство и содержание государственных школ. Только в 1901 году на организацию и строительство государственных школ в закарпатских областях было ассигновано 200 тысяч крон (см указ. соч. П Перени, стр. 149).

ко не подрывало влияния церкви на народное образование, а преследовало ту цель, чтобы, взяв на государственное обеспечение те или иные школы, ослабить влияние церковных общин на определение языка преподавания в них, и таким образом облегчить полную мадьяризацию народной школы. «Крестьяне охотно соглашались на создание государственных школ, указывал один из закарпатских авторов, так как этим с них снималась тяжесть содержания конфессиональных школ. Таким образом полная мадьяризация школ продвигалась очень быстро»¹⁵⁷).

В конце XIX столетия государственные начальные школы в Закарпатье охватывали 24744 детей (17,2% всех школьников и 19,2% учеников немадьярских народностей); по национальному составу учащиеся распределялись следующим образом. мадьяры — 58,9, украинцы — 22,9, словаки — 7,6, немцы — 6,3, румыны — 4,3%¹⁵⁸). Государственные школы были поставлены в более привилегированное положение, чем остальные школы, как в отношении денежных ассигнований, учебных помещений, так и в обеспечении кадрами учителей. Таким образом, венгерское правительство путем создания государственных школ, в которых обучение проводилось исключительно на мадьярском языке, намеревалось осуществить свои планы полной ассимиляции невенгерских народов. Школьный инспектор Бережского комитета Ф. Халас в своем донесении о состоянии народного образования (1885 год) сообщал, что в жупе создано 56 государственных начальных школ, которые являются «гарантией того, что обучение идет в мадьярском патриотическом и религиозном духе»¹⁵⁹), а министр народного просвещения Венгрии Власич в своем докладе в палате депутатов (14 февраля 1901 года) заявил, что государственную школу следует признать «истинным, в высшей степени характерным представителем мадьярской государственной идеи...»¹⁶⁰). В местностях, где мадьярское население было в меньшинстве, государственные школы, как выражался русский консул в Будапеште, являлись «рассадником мадьярского государственного духа», обеспечивая его «ассимилирующее проникновение в глубь немадьярского населения»¹⁶¹).

¹⁵⁷) Журнал «Учитель», роч. X, № 3—4, Ужгород, 1929, стр. 98

¹⁵⁸) Msé, IX, 1902, стр. 324. В 1895 году в Венгрии государственными школами было охвачено 104 тысячи, а в 1899 году 193 тысячи детей, из которых только половину составляли мадьярские дети (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 16).

¹⁵⁹) ГАЗО, ф. 245, 1885 г., д. 188, лл. 1—2

¹⁶⁰) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 16.

¹⁶¹) Там же, л. 81.

Приводимая ниже таблица дает наглядное представление о результатах погромного похода австро-венгерских ассимиляторов против национальной школы в Закарпатье¹⁶²).

Таблица 5

Учебный год	Количество украинских школ в Закарпатье с преподаванием на родном языке	Учебный год	Количество украинских школ в Закарпатье с преподаванием на родном языке
1868—1869	479	1888—1889	227
1873—1874	571	1889—1890	211
1876—1877	491	1891—1892	186
1878—1879	471	1893—1894	80
1879—1880	393	1894—1895	77
1880—1881	349	1899—1900	49
1882—1883	282	1900—1901	29
1883—1884	259	1906—1907	—

Таким образом, на протяжении 40 лет после установления австро-венгерского дуализма, системы порабощения невенгерских народов, насильственными мерами была ликвидирована в Закарпатье 571 украинская школа с родным языком преподавания. Такому же разгрому подверглись и украинские школы в жупах Земплин (128 школ), Шариш (100), Спиш (18), Бачбодрог, Сабольч и Сатмар*.

Одновременно с ликвидацией национальной украинской школы в Закарпатье возрастало число государственных школ с мадьярским языком преподавания и так называемых «утраквистических» (двуязычных) или смешанных школ с мадьярским языком обучения, в которых разрешалось изучать «закон божий» на родном языке или преподавать родной язык как необязательный предмет.

Следующая ниже таблица характеризует динамику школ в Закарпатье по языку обучения во второй половине XIX столетия¹⁶³).

¹⁶²) Таблица составлена на основе следующих статистических источников. Msé, 1872, стр. 460—461, Msé, III, 1896, стр. 390—397; Mos, II, 1900, стр. 646—648; Msé, VIII, 1901, стр. 331—333; Msé, IX, 1902, стр. 318—321; журнал «Учитель», роч. X, № 3—4, Ужгород, 1929, стр. 102, «Славянские известия», № 3—4, 1889, стр. 17

¹⁶³) Msé, 1872, стр. 460—461; Msé, III, 1896, стр. 390—397, Mos, II, 1900, стр. 646—648; Msé, VIII, 1901, стр. 331—333; Msé, IX, 1902, стр. 318—321; журнал «Учитель», № 7—8, 1929 г., стр. 235—237

Таблица 6

Учебный год	Количество школ по языку обучения		
	магьярские	магьярско-украинские	украинские
1873—1874	188	109	571
1876—1877	229	168	491
1877—1878	244	175	480
1878—1879	257	215	471
1879—1880	259	204	393
1880—1881	259	234	349
1886—1887	422	227	239
1893—1894	523	180	80
1899—1900	527	186	49
1900—1901	534	190	29

Как показывает приведенная таблица, число полностью мадьяризованных школ увеличилось со 188 в 1873—1874 учебном году до 534 в 1900—1901 учебном году, т. е. почти в три раза, и составляло по отношению ко всем школам в 70-х годах XIX столетия 26,7, а в конце столетия — более 62%¹⁶⁴). Количество смешанных школ возросло за это время на 75% и составляло в конце XIX столетия 22% всех школ. Удельный вес мадьярских и смешанных школ в начале XX столетия достигал 88%, в то время как число украинских школ сократилось в 19 раз, а удельный вес их по отношению ко всем школам снизился с 81% до 3%*.

Целям мадьяризации служила также и сеть дошкольного воспитания детей, представленная детскими садами и приютами. В Закарпатье, как и в других немадьярских областях, детские сады стали возникать в 80-х годах XIX столетия. Они содержались за счет мадьяризаторских обществ¹⁶⁵). В 1891 году венгерский парламент принял специальный закон об организации детских приютов и садов, разработанный министром просвещения графом Альбином Чаки. Создание детских дошкольных учреждений мотивировалось необходимостью содействовать оздоровлению экономики путем освобождения

¹⁶⁴) В 1898—1899 учебном году в Ужгородской жупе обучение на мадьярском языке проводилось в 135 из 232 начальных школ. Мадьярско-украинских школ насчитывалось 66, а школ с украинским языком преподавания только 3, или 1,3% всех школ [ГАЗО, ф. 5 (Административная комиссия Ужгородской жупы), оп. 1, 1903—1904 гг., д. 1945, лл. 30—40].

¹⁶⁵) ГАЗО, ф. 245, 1885 г., д. 188, лл. 1—2.

крестьян от заботы о детях, уход за которыми отрывал родителей от своего хозяйства, а также интересами просвещения и здравоохранения¹⁶⁶). На самом же деле создание детских приютов и садов в немадьярских областях преследовало прежде всего ассимиляторские цели. В соответствии с законом 1891 года в детские дошкольные учреждения, содержащиеся за счет средств сельских общин и дотации государства, зачислялись дети от 3 до 6 лет. Причем местным властям предоставлялось право самим решать вопрос о том, дети каких родителей должны быть отданы на воспитание в приюты и сады. В приюты принимались главным образом дети-сироты или дети, родители которых не могли обеспечить «постоянное попечение» о них; в детские сады, подразделявшиеся на две группы — постоянные и летние (типа детских яслей), зачислялись преимущественно дети из семей материально не обеспеченных. «Забота» о детях деревенской бедноты объяснялась не филантропическими побуждениями, а простым расчетом: бедных родителей, обремененных большими семьями, легче было принудить отдать своих детей на воспитание в эти учреждения.

Развитие дошкольных детских учреждений в Закарпатье характеризуют следующие официальные данные¹⁶⁷).

Таблица 7

Годы	Общее количество детей от 3 до 5 лет (в тысячах)	Количество детских дошкольных учреждений	Количество детей, охваченных детскими дошкольными учреждениями
1893	45,0	69	5002
1894	50,0	81	6185
1900	55,5	88	6700
1901	53,0	98	7318

Таким образом, на протяжении 1893—1901 годов число дошкольных детских учреждений в Закарпатье возросло на 40, а количество охваченных ими детей на 46% и составляло по отношению к общему числу детей от 3 до 5 лет 13,8%. В Венгрии в 1901 году существовало 2663 детских учреждения, в которых находилось на воспитании свыше 232 тысяч детей, что составляло 21,3% общего количества детей от 3 до 5 лет. В 1894 году более половины всех детских учреждений в Закарпатье находились на государственном обеспечении или

¹⁶⁶) Там же, ф 4, 1892 г, д. 213, л. 2

¹⁶⁷) Msé, VIII, 1896, стр 410—415; Kjsé, 1901, стр 658 - 659; Msé. IX. 1902, стр 306 -307

пользовались правительственной дотацией (из 81 детского учреждения 35 было создано министерством просвещения, 8 — сельскими общинами, 6 — религиозными корпорациями и 32 — «культурными» обществами и частными лицами). В 1900 году из 88 детских учреждений приютов было 9, постоянных детских садов — 57 и летних садов и яслей, создаваемых на время полевых работ, — 22. В среднем расходы на содержание одного ребенка в год составляли 6 форинтов.

Руководство детскими дошкольными учреждениями, которые существовали обычно при начальных школах¹⁶⁸), находилось в руках духовенства и специально подготовленных учительниц, воспитывавших детей по прусской методе Фребеля на мадьярском языке¹⁶⁹). Закарпатские и словацкие крестьяне, по свидетельству современников, крайне недоброжелательно относились к этим новым питомникам мадьяризации и сопротивлялись зачислению своих детей в эти учреждения¹⁷⁰). Русский автор А. В. Белгородский, говоря о применении закона 1891 года о детских учреждениях в словацких областях, писал: «...Словацкие мальчики и девочки насильственно отрываются от своих родителей и отсылаются в мадьярские семьи и детские приюты, где они воспитываются в антинародном, угодном правительству духе»¹⁷¹). Как сообщал в своем отчете за 1885 год школьный инспектор Бережской жупы Ф. Халас, в этом комитате существовало 15 детских садов, в которых 617 украинских детей «изучили мадьярский язык»¹⁷²). При начальной школе в Росвигово был создан новый детский сад, на содержание которого «Венгерское просветительное общество» жупы отпускало ежегодно 5160 форинтов. Для привлечения детей в сад, как сообщал инспектор, проводилась «разъяснительная работа», была устроена елка и розданы подарки и игрушки. Однако, как признавался инспектор, «родители неохотно отдают своих детей в сад»¹⁷³).

**
*

Венгерские господствующие классы, осуществляя политику насильственной ассимиляции закарпатских украинцев, стремясь любыми средствами отгородить их от влияния культуры и литературы русского народа, прилагали все усилия к тому, чтобы насадить в Закарпатье «угрорусский язык».

¹⁶⁸) ГАЗО, ф 262, 1901 г., д 3046, лл 1—4.

¹⁶⁹) Там же, ф. 5, д. 1388, л 32 об

¹⁷⁰) Там же, ф 245, 1885 г., д 188, л 1. «Славянское обозрение» т 2 май-август 1892 года, стр 163

¹⁷¹) Белгородский А. В. Порабощенное славянство в Австро-Венгрии и Германии, Угорская Русь, Петроград, 1915, стр. 70

¹⁷²) ГАЗО, ф 245, 1885 г., д 188, л 1

¹⁷³) Там же, л 2.

С этой целью, в частности, они преследовали издание и распространение грамматических сочинений, в основу которых был положен грамматический строй славянского, русского языка, пытаясь противопоставить им ненаучные, искусственные грамматики «угроруського языка», которые должны были отделить диалекты закарпатских русинов от языка и культуры остального украинского и русского народов, и облегчить таким образом превращение закарпатских русинов в безымянную этническую группу «рутенов».

Венгерские ассимиляторы и их прислужники пытались объяснить извращение грамматического строя и словарного фонда украинского языка в Закарпатье необходимостью дать «природное направление» его развитию со своим «одменным» грамматическим строем. Такое «природное» развитие, конечно, не могло вести к обогащению славянского языка, к совершенствованию его грамматического строя, а, наоборот, вело к его порче, к потере своих специфических славянских черт, к параличу языка закарпатских украинцев. В этом именно плане и надо рассматривать попытки мадьярских ассимиляторов создать грамматику «угроруського языка», которая служила бы средством «вынародовления» русинов.

«Задачу выработки литературного языка для школы и печати в карпаторусской среде», — как говорилось в «Истории подкарпаторуськой литературы», — взял на себя во второй половине XIX столетия богослов ордена василиан Арсеней Коцак, составивший первую в Закарпатье грамматику, носившую название «Грамматика русская сиречь правила извещательная и наставительная о словосложении слова языка словенскаго или русскаго»¹⁷⁴). Образцом для новой грамматики служили латинские сочинения и грамматика М. Смотрицкого. Отчасти А. Коцак использовал также и грамматические формы живого народного языка.

Грамматическое сочинение А. Коцака делилось на четыре части: орфография, прозодия, этимология и синтаксис. Терминология, употребляемая А. Коцаком, была заимствована из сочинений его славянских предшественников [имя, «заимья» или «вместо имение», глагол, «участие», предлог, наречие, «вовержение» (междометие), «совокупление» (союз)]. А. Коцак вводил в свою грамматику восемь падежей и четыре рода. При склонении имен существительных женского рода с окончанием на «я» он давал в генетиве «ѣ» («землѣ», «неволѣ»). «Дееслова, говорилось в грамматике, спрягаются в четырех

¹⁷⁴) Грамматике А. Коцака посвящено исследование И. Панькевича «Славяно-руська граматика Арсенія Коцака другою половиною XVIII века», опубликованное в Науков. збірн. «Просвета», Ужгород, 1927, стр. 232 и сл.

часах»: настоящий, «мимошедший» совершенный, «мимошедший» несовершенный и «грядущий».

В стихотворном предисловии к своей грамматике А. Коцак в таких словах определил стоящие перед ним задачи:

Все убо языки, в Европе сущия
Увидех зело любомудрствующия
Едины.. мезерны Руснаки
Мняхуса мне быти, аки спростаки.
Еже мне зело сотворися несносно,
Тем всегда помышлях, ци бы невозможно
Грамматику некую и языка Рускаго..
Грамматику, глаголю, ци бы не можно сложити
И сию яве миру всему предложити,
Дабы и нас, мезерных Руснаков,
Не судили все, аки спростаков.

Название грамматики А. Коцака, приведенное место из предисловия к ней и содержание самого сочинения свидетельствуют не только о стремлении автора содействовать распространению грамотности среди закарпатских украинцев, чтобы «мезерных руснаков не судили все, аки спростаков», но, что особенно важно, утвердить общность славянских языков, единство языка русского народа и диалекта «руснаков» как братских народов.

Грамматика А. Коцака издана не была и осталась в рукописи. Есть все основания предполагать, что она не была одобрена руководством греко-католической церкви как грамматическое сочинение, не соответствующее ее политическим целям. Верховодам униатской церкви нужна была такая «грамматика» для русинов Закарпатья, из которой были бы изъяты основы русско-славянского грамматического строя.

В 1830 году было издано первое в Закарпатье грамматическое произведение на латинском языке «Grammatica Slavo-Ruthena», автором которого являлся униатский священник М. Лучкай¹⁷⁵). В основу этого сочинения были положены латинские и славянские грамматики XVIII — первой четверти XIX столетия, и, прежде всего, «Institutiones» Иосифа Добровского. Следуя за ним в изложении и распределении языкового материала, Лучкай вносит в грамматику свое, «новое»,

¹⁷⁵) О грамматике Лучкая М. см: «Церковная газета», № 7, 22 марта 1858 года, Срезневский И. И., Русь Угорская, «Вестник Русского географического общества», кн I, СПб, 1852, стр. 26, отзывы Срезневского И. И. на грамматику и другие сочинения Лучкая М. «ЖМНП», ч 37, отд IV, 1847, стр. 49 и «Русский филологический вестник», № 1—2, Варшава, 1901, стр. 185, Геровский Г., Русский язык в церковно-славяно-русской грамматике Михаила Попа-Лучкая, Ужгород, 1930; журнал «Учитель», роч. X, № 1—2, 1929, стр. 4—7; Погорелов В. А., М. Лучкай и его Grammatica Slavo Ruthena, Ужгород, 1930

закрывающееся в том, что он соединяет славянскую грамматику с параллельным изложением местного диалекта, который он называет «*dialectus Ruthenica aut Карпато-русская*».

Некоторые буржуазные авторы (Е. Сабов, И. Панькевич, Г. Геровский), рассматривая произведение М. Лучкая с объективистских позиций, с точки зрения узкоспециальной, ставили именно это «новое» в заслугу автору грамматики, подчеркивая его «ревность» к народному делу и «привязанность к родному языку». Е. Сабов в своей «Христоматии» по этому поводу писал: «Лучкай имел возвышенные понятия о своем народе, отсюда его ревность об образовании народном. Побытие за границей расширило его кругозор, развило его талант. Он первый издал в печати латинский учебник к изучению материнского языка...». Г. Геровский, указывая, что заслуга М. Лучкая заключается в том, что он ввел в круг грамматического изучения «местное наречие Южно-Карпатской Руси», также подчеркивал его чрезвычайную привязанность к «родному говору и родному краю», его «глубокий руссизм». Научное значение грамматики М. Лучкая Г. Геровский определял как «значительный шаг вперед в истории русской грамматической науки», как «первый опыт в области научного изучения народных русских говоров»¹⁷⁶).

Анализ основных положений грамматики М. Лучкая показывает, что выводы указанных авторов далеко не во всем соответствуют истине, что подчеркивание научных заслуг Лучкая и особенно его «народолюбия» чрезвычайно преувеличены и тенденциозны. Буржуазные авторы игнорировали вместе с тем политическую сторону вопроса. Однако, по нашему мнению, к этому произведению Лучкая надо подходить не только и не столько со специальной, сколько с политической точки зрения, выяснить политическую направленность этого сочинения, ибо в условиях Закарпатья XIX столетия вопросы грамматики и языка русинов были органически связаны с общественно-политической и национальной жизнью. Политическая же направленность грамматического сочинения М. Лучкая определялась тем, что он как представитель высшего, привилегированного слоя униатского духовенства выступал глашатаем католицизма и проводником «святостефанской идеи».

В чем сущность языково-грамматической концепции М. Лучкая?

Во-первых, он утверждал, что южнокарпатское наречие занимает «почетное место», так как, отличаясь от всех других славянских наречий, ближе всего подходит к старославянскому языку и наиболее похоже на «язык библейский». Так М. Лучкай, установив мнимое тождество старославянского

¹⁷⁶) Указ соч Геровский Г, стр 55.

языка с наречием, определяемым им как «рутенский диалект», сделал вывод: рутенский или южнокарпатский диалект настолько близко подходит к церковнославянскому языку, что в отдельной от него грамматике не нуждается, поэтому до сих пор такая грамматика и не была написана.

Во-вторых, он утверждал, что для всех славянских народов главное значение имеет сегодня старославянский язык, как язык церкви, образования и литературы. Поэтому М. Лучкай относился отрицательно как к отдельным славянским наречиям, существование которых якобы являлось выражением вредного языкового партикуляризма, так и к «преобразованию отдельных славянских наречий в литературные языки». Исходя из этой посылки, М. Лучкай и ставил перед собой задачу — исследовать близость закарпатских диалектов (в основу которых были положены только говоры одного села Великие Лучки, из которого происходил сам автор) не с русским литературным языком, а с «библейским» церковнославянским.

В-третьих, образование отдельных славянских литературных языков, в том числе и русского литературного языка, М. Лучкай рассматривал как «пренебрежение своей старославянской матерью», как явление противоречащее естественному развитию языка и идее «языка-колосса», т. е. старославянского, который только и должен являться «подлинным», «законным» литературным языком для всех славян. Отсюда М. Лучкай делал вывод: отдельная грамматика «карпато-русского» наречия излишня не потому, что существует уже общепризнанная грамматика русского языка, а потому, что общеобязательной признается церковнославянская грамматика¹⁷⁷). Причем М. Лучкай неоднократно подчеркивал, что именно «Carpatho-Russia» представляла собой единственный славянский уголок, оторванный ходом истории от русского и украинского народов, население которого сохранило и без грамматики, но и без искажений самое близкое сходство со старославянским языком.

Из основных положений грамматики М. Лучкая вытекало стремление автора сблизить «*dialectus Ruthenica*» с мертвым старославянским языком, законсервировать архаику его грамматического строя и словарного фонда, т. е. задержать развитие языка закарпатских украинцев, отдалить его от языков братских народов — украинского и русского. В этом заключалась политическая направленность грамматики М. Лучкая.

Распределение материала грамматики и схема ее не являлись оригинальными, а были целиком заимствованы М. Луч-

¹⁷⁷) Там же, стр. 8.

каем у И. Добровского. Наряду с грамматическим строем древнеславянского языка М. Лучкай дает, основываясь на нем, и правила для «карпаторусского» языка, допуская во многих случаях отступления от сложившихся грамматических форм, заменяя их искусственными построениями, представляющими собой произвольные сочетания различных грамматических категорий. Так, в отделе «о склонении» он вводит архаические падежные окончания, не типичные для закарпатского наречия¹⁷⁸⁾, отрицает существование в закарпатском диалекте глагольной формы для выражения давнопрошедшего¹⁷⁹⁾, создает ряд искусственных грамматических образований в разделе «наречия» и т. д.

В приложении к синтаксису М. Лучкай дает «Specimina styli Ruthenici» («Образцы рутенского стиля»), большинство из которых, особенно мелкие рассказы, ничего общего с народным творчеством не имели и были заимствованы из печатных, отчасти иностранных, источников и переведены Лучкаем. Они приспособлены автором к «народному языку» и изложены так, «как если бы рассказывал их необразованный крестьянин (*prout litterarum experts rusticola parvaret*)». Здесь он вводит книжные чужеземные слова и заменяет народные формы архаизмами: вместо «чому» дает «поневач» (словацкое

«ropenác», чешское — «ropenadvz») вместо «дыня» — «тыква» (словацкое и чешское «tykev»), или применяет такие выражения: «в цѣлѣм лѣсѣ», «видит же не еден не рушатся».

«колько сто жолуди треба, жебыся еден вепер назл» и т. п. Эти образцы «рутенского стиля» свидетельствуют об эклектизме грамматики М. Лучкая.

178) Например, в дательном падеже мн. ч. он пишет «волом», «богом», «орлом», «пастырем», «ключем», «мужем»; в творительном падеже мн. ч. — «волми», «пастырма»; в предложном падеже мн. ч. — «волѣх», «бозѣх», и «орлѣх» и т. д. При склонении имен прилагательных (старый, стара, старое) в дательном падеже ед. ч. женск. рода Лучкай дает «старой, старѣй», во множествен. ч. именительн. падежа — «стари» для мужск. рода, «стары» или старѣх для женск. рода, «старѣх» для среди рода. На самом же деле, в родном говоре Лучкая слышится одинаково для всех родов «стари», «золоти», «молоди» с окончанием «и» без всякого смягчения согласного.

179) По этому поводу М. Лучкай писал: «Давнопрошедшего в славянском не существует, в русском (*in Rutenica*) оно восполняется прибавлением к прошедшему времени «бывало», например, «быв ем бывало», «быв есь бывало», «быв бивало». В значении страдательного залога автор приводит для настоящего времени «бит ем», «бит есть», «бит е» и т. д. «Однако, как утверждал Геровский Г., в действительности «бит ем» как настоящее время страдательного залога в живой народной речи не встречается. По-видимому Попом-Лучкаем руководило желание дать нечто соответствующее церковно-славянскому «бием есмь», однако, действительного соответствия не получилось.» (указ. соч. Геровский Г., стр. 35).

В качестве примера прозаического произведения, приспособленного Лучкаем к «народной речи», можно привести рассказ «Трубарь», данный им в приложении к грамматике: «Трубарь в час войны трубев и от («о» дается с титлом.— *И. К.*) неприятеля пойман, так го молив: забудьте мя добре люде, я бо не винный, я ни одного из вас забывив, и не маю больше при мне, лем сесю трубку. Целе за то заслужив есть смерть, сам бо не годен есь битися, а годен есь других на битку побудити»¹⁸⁰).

Русский ученый И. И. Срезневский по поводу грамматики М. Лучкая писал: «Сочинитель, незнакомый с современным направлением языкознания, смешал наречия церковное и народное и изменял одно другим. Лучшее в его грамматике — прибавления, особенно народные пословицы, хотя и там язык народный пострадал от правописания»¹⁸¹).

«Grammatica Slavo-Vuthena» не могла оказать никакого положительного влияния на развитие языка и литературы в Закарпатье, так как являлась отсталым даже для своего времени грамматическим сочинением, автор которого пытался, игнорируя успехи в разработке славянской и русской грамматики, подменить грамматический строй живого народного языка «библейской» архаикой и искусственными диалектологическими и грамматическими построениями, служившими указанной нами выше политической цели.

Изданные в 1831 году в двух томах «Церковные беседы на все недели рока на поучение народное» М. Лучкая, как и его грамматика, не только по своей идейной направленности, но и с точки зрения научно-лингвистической, ничего, кроме вреда делу культурного развития народных масс, принести не могли. О языке своих «Церковных бесед» сам автор говорил: «Глядал есмь материи избранны и полезны, и усиловал есмь ся предложити разуметьельно. Язык со всем простый прото не употреблях, ибо на высокия понятия веры и моралы (sic!) недостаточный есть; несть бо возможно простому человеку понятия и слова имети токмо наукою и чтанием приобретаемая, природныя же понятия философи недопускают. Стил же библический не легко поразумевается. Средним путем безопаснейше ити мне виделося. Что по руски изрядно выражается, а что из библического легко разумеется употребляти смыгал есмь ся. Сам бо народ русский со всем простый язык в церкви не любит, но тешится средним»¹⁸²).

«Средний» язык, изобретенный М. Лучкаем, как это видно даже из приведенной выдержки, представлял собой искусст-

¹⁸⁰) Цит. по журналу «Учитель», роч. X, № 1—2, 1929, стр. 5.

¹⁸¹) Цит. по «Русскому филологическому вестнику», № 1—2, Варшава, 1901 г., стр. 185

¹⁸²) Указ соч Срезневский И. И. Угорская Русь, стр. 25.

венный библейско-береговский жаргон, выдаваемый за «доступный» народу язык. Утверждение Е. Сабова о том, что проповеди Лучкая «при всех недостатках чистоты слога имели большое влияние, и сделались любимым чтением простого народа», который, мол, привержен «к сему пестрому слогу»,— преувеличено и не соответствует истине.

Этот «пестрый слог» и «средний язык» М. Лучкая ничего общего с народным языком не имели и могли только задерживать, а не стимулировать развитие языка, литературы и образованности в Закарпатье. Академик И. И. Срезневский в отзыве на «Церковные беседы» М. Лучкая, подчеркивая негативное значение его лингвистических упражнений, указывал: «Искусственность этого языка... не могла и не может не вводить малоопытных проповедников в чашу затруднений. Неприличие выражений так возможно и легко, что над подбором оборотов, форм и выражений годных проповедник. . . проводить должен времени гораздо больше, чем над приведением в порядок мыслей и знаний»¹⁸³).

В 1883 году в Вене вышла в свет «Руськоугорська или мадярска граматака для скорого и легкаго языка сего обучения», составленная униатским священником-богословом И. Фогарашием¹⁸⁴). Эта грамматика должна была служить одним из средств мадьяризации закарпатских украинцев, но, вопреки ожиданиям ассимиляторов, сочинение И. Фогарашия не только оказалось несоответствующим своему служебному назначению, но, наоборот, скорее могло содействовать изучению «русского» языка мадьяризованными представителями духовенства и интеллигенции. Автор грамматики, конечно, действовал непреднамеренно. Увлечшись мыслью доказать «родство» мадьярского и «угрорусского» языков, И. Фогараший перестарался и, вопреки политическим целям, которые перед ним были поставлены, сделал выводы, «принижающие» значение мадьярского языка, и поплатился за эту оплошность отлучением от... «богоспасаемой» епархии мукачевской.

И. Фогараший, применяя сравнительно-исторический метод в лингвистическом исследовании, подтвердил тот общеизвестный факт, что многие слова мадьярского языка имеют русско-славянский корень или целиком перенесены, как заим-

¹⁸³) Там же, стр. 26

¹⁸⁴) См. журнал «Учитель», роч. X, № 1—2, 1929 г., стр. 7—11; «История подкарпаторуськой литературы», Унгвар, 1942, стр. 21—22

¹⁸⁵) Еще в XVI веке венгерский ученый и лексикограф Вранчич обратил внимание на это. Мадьярский филолог Данковский в своем произведении «Критико-этимологический лексикон мадьярского языка» (1836 год) насчитывал между 4668 коренными словами мадьярского языка не менее 1898 славянских. Эти выводы в значительной степени были подтверждены и Миклошичем в его исследовании «Die slawischen Ele-

ствованные, из славянского языка¹⁸⁵). В разделе «О родех» автор грамматики, указав на отсутствие в мадьярском языке родов, сделал вывод, что это свойство венгерского языка показывает его «простоту». Исследование особенностей венгерских глагольных форм приводит автора грамматики к такому заключению, вызвавшему особое недовольство правления епархии: «...Имена и слова или глаголы угорские, нетак через падежи и склонения, як через перед й прилоги применяются, й что он (мадьярский язык.— И. К.), кроме сего больше ни первообразного, ни особенного что нибудь, неимит; следовно он й что иншо, як иностранных, а найпаче руських й славянских имен и слов преображенна смесь, й сяк сих отрясл или острост есть»¹⁸⁶).

Приведенные положения, выдвинутые И. Фогарашием, пришлись не по вкусу руководителям епархии, как «оскорбительные» для «патриотов», а в «моральных поучениях», приложенных к грамматике и сформулированных в словах: «Кто других любить розятряти, уменьшати, или кару-обеду наносити, й сам от них иног сподеватися не може»,— они увидели намек на «подбурювання» русинов против «угорской супремации».

Вот почему мукачевская консистория на специальном заседании, проходившем под председательством викария И. Чурговича, с участием М. Лучкая и других каноников и богословов, отвергла грамматику И. Фогарашия¹⁸⁷), мотивируя свое решение тем, что «Русько-угорська граматика» содержит в себе «выразы, яке в рожденных мадярах необюдимомали произвести негодования, и абы якось се чувство не причислялося всему подкарпатскому руському народу и абы якось не стали держать сей твор як знак чувства наших русинов против благородного мадьярского народа, и абы положеня русинов, яке и недавно в час великое холеры (р. 1831) так прикре было, межи другими народностями в Мадьярщине, еще не згоршилося, зато вырешено сю недовольность публично и выявити печатню...»

В официальном отзыве на грамматику И. Фогарашия, направленном консисторией в мадьярские газеты «Jelenkor» и «Házi és külföldi tudósítások», указывалось, что мысли автора

mente im Magyarischen» (Вена, 1871 год) Миклошич насчитывал 956 мадьярских коренных слов славянского происхождения (жупан — iszán, князь — kenez, двор, придворный — udvar, udvarnok, столик — asztalnok, talnok, слуга — szolga, стража — strázsa и др) (см. Будилович А. С., Современный мадьяризм в перспективах угро-славянской истории, «Известия СПб славянского благотворительного общества», № 1, октябрь 1902 г., стр. 5).

¹⁸⁶) Цит. по журналу «Учитель», роч. X, № 1—2, 1929 г., стр. 10

¹⁸⁷) «Подкарпатска Русь», роч V, ч X, Ужгород, 1928. статья «Иоанн Фогараший».

не совпадают с мнением консистории, а содержание книги «metsző» (резкое) и «беспощадное против патриотов».

В том же, 1833 году, как видно по заданию мукачевской консистории, священник копашневского прихода Ф. Злочкий подготовил к изданию новую грамматику под названием «A Kárpátalji orosz nyelv ok nyomozó grammatikája» («Грамматическое исследование карпаторусского языка»). В опубликованном объявлении о подписке на новую грамматику указывалось, что автор составил эту книгу с целью «познакомления свойств нашего мадярско-русского народного языка»¹⁸⁸). Однако, по неизвестным причинам, эта грамматика, предназначенная служить целям ассимиляции закарпатских украинцев, издана не была.

В 1853 году вышла в свет «Сокращенная грамматика письменного русского языка» А. Духновича. В рукописи она была написана на «славяно-русском» языке и основывалась главным образом на грамматических сочинениях А. Мразовича и И. Левицкого¹⁸⁹). Свою рукопись А. Духнович направил для издания в Буду И. Раковскому, который совместно с русским священником Войтковским переделал рукопись и издал ее в виде грамматики литературного русского языка. «Старик (А. Духович.—И. К.),— писал закарпатский автор Матисов,— много бранил проказника, а в душе был рад этому»¹⁹⁰). В основу новой грамматики А. Духновича была положена грамматика Павловского, изданная в Петербурге в 1819 году.

«Напечатание грамматики на чисто русском языке было великим событием на Угорской Руси»,— справедливо указывал Матисов. Сочинение А. Духновича положило начало более широкому ознакомлению закарпатской интеллигенции, учащейся молодежи, народных масс с грамматикой русского языка и с литературой великого братского народа. Издание русской грамматики в Закарпатье было расценено венгерской реакцией как проявление «антипатриотизма». «Писать «ть» вместо «ти» и «как» вместо «як» имело на Угорской Руси... политический характер»,— подчеркивал Матисов.

Грамматика А. Духновича применялась в школах Закарпатья до 1866 года, когда она и была по распоряжению властей изъята из числа школьных учебников как не соответствующая «духу и направлению народной жизни». Сочинение А. Духновича должна была заменить изданная в Ужгороде «Грамматика письменного русского языка» К. Сабова. Автор ее, в угоду «патриотическим кругам», пошел на некоторые отступления от грамматических форм литературного русского

¹⁸⁸) Журнал «Учитель», роч X, № 7—8, 1929 г., стр. 239.

¹⁸⁹) Левицкий И., Грамматика языка русского в Галиции, Перемышль, 1849

¹⁹⁰) Указ соч Матисов, «Беседа», кн 6, М., 1871, стр 244.

языка. «Я излагаю в книге сей,— писал К. Сабов,— правила языка письменного, как такового, который на основе языка церковнославянского образован из стечения всех наречий языка русского, местами же, где наречие подкарпатское уклоняется от правил общих,—делаю мои примечания, и сравниваю язык письменный с диалектом подкарпатским»¹⁹¹).

Грамматика К. Сабова имела четыре раздела: правописание, словопроизведение, словосочинение и слогаударение. Автор грамматики употреблял 35 букв, «придерживался неопределенного наклонения на «ти», а так же, объясняя склонения, устанавливал следующее правило: «В языке церковном и в наших многих диалектах, кроме последней буквы, переменяется еще и препоследняя в некоторых словах в падеже единственном предложном, у женских и в дательном, например, рука — руцѣ; человек — человекѣ; нога — ногѣ; слуга — слугѣ» и др.

Однако эти и другие отступления от норм русского литературного языка не спасли произведение К. Сабова от нападок со стороны мадьяризаторов, так как в основе его грамматики лежал русский язык. Министерство просвещения Венгрии,— писал Матисов,— «не одобрило в 1866 году как пособие, ни грамматику Духновича, ни грамматику Кирилла Сабова, хотя автор последней и придерживался неопределенного на «ти»¹⁹²).

Через два года после этого К. Сабов издал в Ужгороде «Краткий сборник избранных сочинений в прозе и стихах для упражнения в русском языке». Здесь Сабов отступает от правил своей грамматики и придерживается «русского слога». Задачи своего «Сборника» он определял такими словами. «Чтобы угрорусским братьям нашим, желающим познакомиться с литературным чисто русским словом, но не имеющим способа и средств к тому—хотя по части способствовать; чтоб тем, которые слышав и читав об этом слоге вообразили себе можно методичный суд об нем, подать способ соравниг его с туземным говором; да чтобы читавшим и изучавшим новейшие грамматики, изданные у нас, и делающим попытки писати по тем грамматикам послужить различными образцами слога для упражнения...»¹⁹³).

Это издание имело большое положительное значение, так как в «Сборник» были включены произведения Ломоносова, Жуковского, Лермонтова и других писателей, что способствовало ознакомлению широких кругов закарпатской интеллигенции с произведениями классиков русской литературы.

В 1867 году И. Раковский издал «Русскую грамматику»

¹⁹¹) Журнал «Учитель», роч. X, № 3—4, 1929 г., стр. 106.

¹⁹²) Указ. соч Матисов, «Беседа», кн 6, 1871, стр. 244.

¹⁹³) Цит по журналу «Учитель», роч. X, № 3—4, 1929 г., стр. 109—110

на мадьярском языке («Orosz nyelvtan»). Задача, которую ставил перед собой автор грамматики, им самим определялась так: «Постоянные успехи во всех отраслях знания, равно более расширяющиеся международные сообщения, послужили между прочим поводом к тому, что обращено важное внимание и на языкознание. Руководствуясь тою и другою целию, ученые и нашего отечества позаботились составить и издать значительное число учебных пособий для изучения разных языков. Сколько однакож мне известно, в учебной литературе мадьярской не достает еще пособия для ознакомления с русским языком, несмотря на то, что литература этого языка не лишена интереса и для наших соотечественников, как это между прочим видно из того, что многие отдельные сочинения известнейших русских писателей, трудами некоторых мадьярских писателей переведены на мадьярский язык,—несмотря на то, что на русском языке говорит народ, занимающий огромную часть земного шара, несмотря, наконец, на то, что этот язык находится в близком родстве с языками славянских племен, составляющих немалозначительное народонаселение и нашего отечества. Восполнить этот пробел в многоразвитой мадьярской литературе было целью моего труда»¹⁹⁴).

Судьба грамматики И. Раковского чрезвычайно показательна. Мадьярские шовинисты и закарпатские мадьяроны расценили издание этого произведения как стремление «обрусить помадьярщину руську интеллигенцию» и добились запрещения грамматики Раковского. Так мадьярские ассимиляторы закрывали пути к ознакомлению венгерской общественности с литературой и культурой русского народа, с передовыми идеями революционно-демократических писателей России, в произведениях которых австро-венгерское правительство, как и русский царизм, видели пропаганду «разрушительных» начал, подрывающих основы режима социального и национального угнетения и реакции.

*
*
*

В конце XVIII — начале XIX столетия основными учебными пособиями по родному языку в Закарпатье являлись богослужебные книги на церковнославянском языке или устаревшие «читанки», нередко рукописные, составленные по своему разумению священниками или преподавателями духовной семинарии.

На протяжении многих лет в первой половине XIX века учебником «родного языка» в приходских школах Закарпатья

¹⁹⁴) Там же

был катехизис мукачевского богослова Иоанна Кутки. Язык этого сочинения, составленного в форме вопросов и ответов, представлял собой смесь древнеславянского языка и местных диалектов. О том, в каком направлении воздействовала на сознание детей эта «основа грамоты христианской», можно судить хотя бы по таким выдержкам из катехизиса:

«66. В. Из чего нас бог отец сотворил?

О. Тело из земли, душу из ничего.

73. В. Из koliko частей сотворил бог человека?

О. Из двух частей: из тела и души.

74. В. Котра часть в человеце есть дорогшая?

О. Душа есть дорогшая, нежели вшиток свет.

75. В. Про что?

О. Про то: бо есть безсмертна, на образ божий сотворена.

76. В. Откуда знаешь, что душа наша есть безсмертна?»

О. Знаю не лем из письма и предания святого, но из здравого разума человеческого, не есть бо на свете разумного человека, который бы душу нашу за безсмертну не держал»¹⁹⁵).

Имевший широкое хождение другой катехизис, автором которого являлся хустский священник В. Довгович, отличался от творения Кутки только тем, что был изложен «вкратце стихословием», чтобы облегчить детям заучивание «истин веры христианской».

Аще хочешь спасен быти,
Держся правду не забыти
Яко бог есть истинно,
Того веруй детино..,

поучает Довгович, вбивая в сознание детей мысль о необходимости жить по «законам божеским», в соответствии с учением церкви, которая, как известно, учила только тому, что было выгодно господствующим классам...

И тебе бог дал есть силу,
Совесьть, разум, волю милу,
Хоч як жиєшь дочасно
Жити богу согласно...¹⁹⁶).

Убожество мысли и примитивизм «стихословий» В. Довговича, рассчитанного на отупление народа, несколько не смущали униатских историков, превозносивших автора катехизиса как «первого пиита Угорской Руси».

К числу пособий по изучению «материнского языка» относилась и «читанка» корытнянского священника Николая

¹⁹⁵) «Славянские известия», № 30, 1889 г., стр. 735.

¹⁹⁶) Там же, стр. 735, 736.

Теодоровича. Архаический язык «читанки» Теодоровича — типичен для многих сочинений этого рода. Достаточно привести небольшой отрывок только из одного рассказа «читанки», чтобы убедиться в этом. Так, в рассказе под заголовком «Через марнотратие речей легко до худобства упасти» автор повествует о нерадивом пастухе, безрассудно израсходовавшем запасы сена на содержание овец летом, оставив стадо без корма на зиму. Эту мысль Теодорович выразил такими словами: Пастух «взошел» на стог и «сено изметавше до ясел овчих, еще тамо на потребу содержащееся. Як овцы из пасовиска дому приходжаху, зряще изобильность пашы, что лучше выбираху и употребляху, а иное сено еже к нужде отложено быти могло, ногами потопташа»¹⁹⁷).

В течение 40—80-х годов XIX столетия в Закарпатье был издан ряд школьных учебников на литературном русском языке или на языке, приближающемся к русскому, но содержащим обороты речи и выражения, характерные для местных, закарпатских диалектов. Среди этой учебной литературы наибольшее значение имели «Букварь» для сельских школ А. Духновича, его же «Народная педагогия в пользу училищ и учителей сельских»; «Арифметика» и «Краткая всеобщая география» И. Раковского; «Всемирная история» В. Кимака и «Простонародное естествоучение» Григашия. Перечисленные пособия сыграли большую роль в культурно-национальном развитии Закарпатья. Они не только выполняли свое прямое назначение в качестве школьных учебников, но и содействовали распространению языка и литературы русского народа и развитию на этой основе закарпатской литературы.

Издания на русском и украинском языках строго преследовались венгерскими властями, которые стремились заменить эти издания «народно-патриотической» литературой, представлявшей собой, как выражались современники, «рутенские учебники на приберегсаском омадьяреном жаргоне».

В 1870 году во всех закарпатских начальных школах были введены приказом министра народного просвещения учебники, являвшиеся дословным переводом мадьярских учебников на «рутенский» язык. Эти учебники применялись в школах до 1881 года; с этого времени монопольное положение в школах заняли учебники, написанные «фонетическим правописанием» под редакцией Ласло Чопея¹⁹⁸). Эти «читанки» бесконечно обедняли язык закарпатских украинцев в его исторически сложившемся словарном составе. Реакционная мадьярская печать называла Чопея Ласло «пионером народного языка». Ему ставили в заслугу то, что он первым стал писать вместо

¹⁹⁷) Н Лелекач, Перша руська рукописна читанка, «Литературна неделя», № 14, Унгвар, 1943 г., стр. 163.

¹⁹⁸) См. Кадлец К., Подкарпатска Русь, Ужгород, 1922, стр. 20.

«мудрено-зложеного языка, сближенного с русским», на «понятном народу русьском языке».

В 1881 году Л. Чопей издал в Будапеште свой учебник, носивший название «Читанка дяля народных школ. Руська азбука и перва читанка дяля первое класы народных школ. Ведля мадыарское азбуки», а через два года была издана «Читанка дяля народных школ» Яноша Гашпара, предназначенная для учеников второго класса. Е. Сабов, характеризуя язык изданных Л. Чопеем по заданию министерства просвещения «угрорусских» учебников, указывал: «Сии учебники писал он... совсем фонетически, говором, который употребляет омадыаренная бережская околица вокруг Берегсаса»¹⁹⁹).

Приведем некоторые примеры, характеризующие этот «народный язык», изобретенный Чопеем. На 72 странице его «Азбуки» для украинских школ в рассказе «Вареш» (мадыарское «város» — город) давалось такое описание города: «У вареше хыже (дома — *И. К.*) близко стоять една пила (извращенное украинское «біля» — возле. — *И. К.*) · другое. Мало не каждая хыжа на кондикнации збудована. Суть хыже на две, на три готоры и на больше кондикнаций. Дворы у вареше дуже гузке (извращенное украинское «узьке» — узкое), а дакде и не е двора»²⁰⁰).

Еще более грубо эта тенденция отдалить язык учебников от украинского и русского языков и извратить местный язык проявлялась в «Читанке». Помещенные здесь рассказы и стихотворения, представлявшие собой произвольное и бессмысленное сочетание и смешение мадыарских и украинских слов и выражений, вносили путаницу в обучение и не давали ученику ни знания родного языка, ни мадыарской речи. В «Читанке» для второго класса приводились одинаковые по содержанию тексты на четырех местных закарпатских говорах и на церковнославянском языке, пересыпанных мадыарскими выражениями.

Какой «родной» язык насаждало министерство народного просвещения в закарпатских школах, можно судить по тексту стихотворения «Песня малого газды» (мадыарское «gazda» — крестьянин), включенного в «Читанку» Чопея:

Газда буду на телеце²⁰¹).
Кидь кажу
На чепеги буду спати
Я журу;
У посева е дьондьово²⁰²)

Колося,
Перепелка путь пурутькать
Дивлю ся...
Перепелка спевай мою
Спеванку,

¹⁹⁹) Цит по журналу «Учитель», роч X, № 5—6, 1929, стр. 165

²⁰⁰) «Славянские известия», № 22, 1899 г., стр. 548

²⁰¹) Мадыарское «télék» — участок земли.

²⁰²) Мадыарское «gyöngy» — жемчуг.

Оседлайте мою швытку
Парепу!²⁰³⁾
Ой, на поли косить косаш²⁰⁴⁾
И острить.

Сонце смотреть, воны смот-
рять,
Ся тешить²⁰⁵⁾.

Изошряясь в насаждении «угроруського» языка, Л. Чопей достиг предела желаемого в одном из рассказов, помещенном в школьном учебнике, из которого мы приводим выдержку: «Ишов кинь орсагом по вагашу, а за ним кондаш из фейсов, а свене по гатаре сийелом...» («Шел конь шоссеинной дорогой по колее, а за ним свинар с секирой, а свињи рассеялись по полю...»²⁰⁶⁾). Из девяти существительных в этой фразе только три относились к родному языку, а шесть представляли собой мадьярские слова. Приведенная выдержка недалеко ушла от словоблудия, употребляемого одним из персонажей памфлета закарпатского писателя И. Сильвая «Люди в железных шляпах» Нисюды. Этот «патриот» употреблял только «угроруський язык», выражал свои мысли и изъяснялся, например, посредством такой абракадабры: «Иду до Мукачева за кериквагашом (по дорожной колее. — *И. К.*), а ердег (с целью — *И. К.*) изментетовав (протоптал. — *И. К.*) морокваш (лачуга — *И. К.*) ги сомфель (сосульки. — *И. К.*) ... зафекетив (побежал. — *И. К.*) псина пехотов (пешком. — *И. К.*) ги пан окрем души; на тото нальогався (напился. — *И. К.*) гендеки (там. — *И. К.*) фрешной (свежей. — *И. К.*) воды тай упав есь у гертику (получил чахотку. — *И. К.*)...²⁰⁷⁾.

В 1883 году Л. Чопей издал «Русько-мадьярский словарь», удостоенный премии Фекешгази, присвоенной автору Венгерской академией наук. Говоря о задачах словаря, Л. Чопей откровенно признавался, что «сесь» словарь лем продовження прежних трудов (речь идет об упоминаемых нами школьных учебниках, изданных Л. Чопеем. — *И. К.*), и мае задачив полегшити нашим руснакам научити ся по мадьярски²⁰⁸⁾. Поэтому Чопей внес в свой словарь большое количество чисто мадьярских слов²⁰⁹⁾, выдавая их за «русские» слова.

Л. Чопей, подготавливая словарь, руководствовался, как он сам об этом говорил, тремя принципами. «1) Змагав ем ся колько лем мож, много угрських слов зобрати; 2) брати слова

²⁰³⁾ Мадьярское «ragira» — конь

²⁰⁴⁾ Мадьярское «kaszás» — косарь

²⁰⁵⁾ «Славянские известия», № 22. 1889 г., стр. 548

²⁰⁶⁾ Указ соч Стрипский К, Язык литературной традиции, стр. 8.

²⁰⁷⁾ Газета «Свет», № 11, 16 (28) марта 1869 года

²⁰⁸⁾ Журнал «Учитель», роч X, № 5—6, 1929, стр. 164

²⁰⁹⁾ См Филевич И., Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки, «Варшавские университетские известия», V, 1894 г., стр. 30

из церковного языка, котры щоденное уживаня мають и 3) зобрати и доколько російских слов». Но после обсуждения проекта словаря на заседании конкурсной комиссии Л. Чопей отказался от третьего принципа, т. е. изъял из словаря все русские слова и скомпановал его в соответствии с уставками академии наук, которая требовала «Заготовити русько-мадярський словарь, у котром бы мадярске слова и выражена найме у Мадярсков краине поужитыми руськими словами толковали ся, той обы в ньом были и тоты слова, што з мадярского перейшли у руський язык»²¹⁰).

«Научной базой» для определения словарного фонда «русского» языка для Л. Чопея служили между прочим следующие источники и произведения:

1) «Катехизис или наука православная христианская» (издание мукачевской епархии); 2) книги, изданные венгерским министерством народного просвещения для русинских школ; 3) «Grammatica Slavico-Ruthena» М. Лучкая; 4) «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache» Е. Огановского (львовское издание 1880 года); 5) «Немецко-русский словарь» Е. Партыцкого (Львов, 1867 год); 6) статья Л. Чопея «Мадярские слова у руськом языке»*; 7) религиозная литература на церковнославянском языке. Вот на какой лингвистической и грамматической базе Л. Чопей состряпал свое сочинение, выдававшееся за «научное» творение, в котором грубо извращался основной словарный фонд языка закарпатских украинцев и выхолащивались его специфические особенности как славянского языка.

Для того, чтобы придать видимость «научного» обоснования этому «руському языку» и его «генетическим корням», Л. Чопей отождествлял свой язык с «малоруським», но язычие Л. Чопея, этот хаотический жаргон, ничего общего с украинским народным и литературным языком не имел. Русский автор Де-Воллан, указывая на бесплодность попыток чопеев создать для Закарпатской Руси искусственный «новый язык», с иронией писал: «Жалко, что почтенный профессор Пештского университета, которому было поручено совершить этот *tour de force* (ловкий трюк. — И. К.), не придумал уже сразу одного литературного языка для всех национальностей Венгрии. Он этим разрешил бы раз навсегда жгучий национальный вопрос. Такое скорое разрешение весьма трудной задачи доставило бы изобретателю титул гофрата, на который австрийцы так падки»²¹¹).

Потуги автора словаря доказать, ссылаясь на «авторитеты» в области филологии и истории, отсутствие исторически

²¹⁰) Журнал «Учитель», роч. X, № 5—6, 1929 г., стр. 152

²¹¹) Де-Воллан Г. А., Угорская Русь, 1878, М., стр. 40.

сложившегося родства между украинским и русским народами и их языками, не выходящие за рамки обычных псевдонаучных утверждений, представлявших собой смесь невежества и исторических передержек, заимствованных из пресловутой «теории» Духинского, не заслуживают того, чтобы на них останавливаться.

Но для нас важен тот вывод, к которому приходит Л. Чопей, исчерпав весь запас своих историко-филологических домыслов для доказательства различий между терминами «русский», «россиянин» и «руський», «русин». «Истинная правда, заявлял этот прислужник мадьярских шовинистов, ож наш руський человек себе русином, руснаком, русняком называе, но позаяк мадяре вже привыкли руських рутинями называть (следует ссылка на средневековых авторов «Анонима» — секретаря короля Белы и Адама Богорича.— И. К.), прето нет нужды завести новую терминологию»²¹²). Эти выводы, так сказать, достойно венчают лживую, антинародную концепцию ренегатов-мадяронов, пытавшихся вычеркнуть закарпатских украинцев из числа славянских народов, превратив их в аморфную, безымянную этническую массу, в этнографическое понятие, окрещенное термином «рутены».

Не трудно понять, какой огромный вред делу культурного и национального развития закарпатских украинцев нанесла, охарактеризованная нами «школьная» и «языковая» политика венгерского правительства, вся эта печатная макулатура в виде «угроруських» учебников, «читанок» и словарей, которые, между прочим, усиленно рекомендовались униатской епархией к употреблению в школах как «отвечающие духу народа». Мукачевские епископы, как писал один из современников, «сами не противодействуют этой порче русского языка ни словом, ни делом. Понятно почему: иначе пропала бы субвенция»²¹³). Мало того, добавим мы, униатские епископы не только не противодействовали «порче» родного языка в Закарпатье, но и всячески содействовали этим путем мадьяризации закарпатских украинцев. Греко-католический епископ Ю. Фирцак в своем послании духовенству (1900 год) требовал принять все меры к тому, чтобы «дети рутенского языка» за 6 лет пребывания в начальной школе изучили мадьярский язык. Этому, как указывал епископ, будет содействовать изданная консисторией грамматика «рутенского» языка²¹⁴).

Эта антинародная идея введения в Закарпатье «рутенского» языка была сформулирована, так сказать, исчерпывающе в 30-х годах XX века одним из фашиствующих униатских каноников Ильницким, который писал: Мы в языковом отноше-

²¹²) Журнал «Учитель», роч. X, № 5—6, 1929 г., стр. 157.

²¹³) «Славянские известия», № 22, 1889 г., стр. 548

²¹⁴) ГАЗО, ф. 262, 1900 г., д. 2945, л. 47 об.

нии и по духу «далеко стоим и от великорусского и от материнского украинского народа... наш язык не принадлежит к великорусскому языку»... и «нынешний малорусский-украинский литературный язык на свой литературный язык принять не можем и не маем, перший раз из-за політичних причин, другий раз, а се головное, из-за того, что наш язык представляет собою архаичную форму того малорусского языка и зато проуказуе такие диалектные особенности, котрые могут стать основою для самостийного малоруського диалекта и литературного языка — нашего властного подкарпаторуського языка»²¹⁵). Политическая цель этих псевдонаучных рассуждений ясна: она состояла в том, чтобы отгородить железным занавесом закарпатских украинцев от украинского и русского народов, от Советской страны и превратить трудящиеся массы Закарпатья в покорных и бессловесных рабов венгерского и германского фашизма.

* *
*

Основные кадры учителей народных школ в Закарпатье составляли так называемые «певцо-учителя» или «дьяко-учителя». Главными учебными заведениями, подготовлявшими учителей народных школ, являлись две учительские мужские семинарии (учительско-дьячковские семинарии или препарандии), в которых состояло 250 учащихся (конец XIX столетия)²¹⁶).

Ужгородская учительская семинария, основанная в 1794 году, с первых дней своего существования находилась в подчинении и под руководством униатского епископа. Все «профессора» ее, за редким исключением, являлись духовными лицами, вся система обучения носила богословско-схоластический характер. В 50-х годах XIX столетия в семинарии числилось 60 учащихся, вербовавшихся главным образом из числа поповских сынов-недорослей, с образованием 2—4 класса элементарной школы. Курс обучения в семинарии вначале был пятимесячный, с 1834 года — 10-месячный, с 1844 года — двухгодичный, с 1872 года — трехгодичный и с 1897 года — четырехгодичный.

В 50—70-годах XIX столетия изучение основных предметов в семинарии проводилось на родном языке. Революция 1848—1849 годов и подъем национально-освободительной борьбы угнетенных Габсбургами народов оказали значитель-

²¹⁵) Газета «Нова неделя», 10 сентября 1939 года.

²¹⁶) В 1902 году была открыта в Ужгороде женская греко-католическая учительская семинария, в которой насчитывалось 40 учащихся, главным образом из числа воспитанниц епархиального приюта для детей — сирот священников. Преподавание в этой семинарии проводилось на венгерском языке (см «Славянский век», № 61, 1903 г, стр. 407).

ное влияние и на закарпатскую интеллигенцию. «Новые веяния» проникли и в среду семинаристов, среди них, как выражался один из современников, «стал водворяться русский дух». Все «лучшие воспитанники были на стороне русской народности и с большим усердием предавались изучению русского языка по немецко-русским пособиям Шмита и Павловского»²¹⁷). О том, насколько велико было среди этой части закарпатской молодежи стремление к ознакомлению с литературой братского русского народа, свидетельствует закарпатский автор Матисов. Он писал: «С каким нетерпением ждут русской книги на Угорской Руси! Бедный семинарист скопит несколько гульденов... чтобы выписать русскую книгу. Он и делает это через ближайшего книгопродавца, который сносится с пештским, а тот с лейпцигским и т. д. Проходит месяц, другой, а книги нет... Какое мучительное ожидание!.. Наконец получена книжка, и хотя семинарист заплатил за нее вчетверо больше, у него неописанная радость, и он прячет в своем пюпитре сокровище, чтобы начальство не пронюхало «московской» книги»²¹⁸). Администрация семинарии строго преследовала учащихся, замеченных в увлечении «панславизмом» и противодействовала ознакомлению семинаристов с историей, литературой и культурой русского народа. Так, учащимся семинарии не было разрешено организовать общество «с целью образования себя в русской письменности», зато епископская консистория широко содействовала учреждению различного рода мадьяризаторских обществ.

С конца 70-х годов XIX столетия начался процесс усиленной ассимиляции учительских семинарий. Уже в 80-х годах обучение в Ужгородской, а позднее и в Прешовской семинариях²¹⁹) проводилось главным образом на мадьярском языке²²⁰). Только некоторые «законоучители», как выражался закарпатский корреспондент «Славянских известий», «проранивают кое-где два-три русских слова». Не удивительно, что из препарандии выходили учителя украинских школ, вовсе не знавшие родного языка. Анонимный закарпатский автор по этому поводу писал: «На столбцах мадьярских газет нередко появляются мадьярские стихотворения русских воспитанников семинарий, но большинство из них не в силах написать по-русски и десяти строк самого незамысловатого содержания»²²¹).

²¹⁷) Н. Н., О современном положении русских в Угрии, «Славянские сборники», т. 1, СПб, 1875, стр. 49

²¹⁸) Матисов, Движение народной жизни в Угорской Руси, «Беседа», кн. 7, М., 1871 г., стр. 247

²¹⁹) Прешовская учительская семинария была основана в 1895 году и насчитывала вначале 40 учащихся.

²²⁰) См. указ соч. Кетёпу G. Gy., Iratok., стр. 411.

²²¹) Указ соч. Путник, стр. 633

Простой перечень предметов, изучаемых в препарандии в 50—60-х годах, дает наглядное представление об общеобразовательном и культурном уровне подготовки будущих учителей. Главными предметами на I курсе были: катехизис, библейская история ветхого завета и «мефодика», т. е. изучение чтения и письма кириллицей. На II курсе изучались «литургический катехизис», библейская история нового завета, педагогика, латинская, немецкая, мадьярская, «русская» и старославянская грамматики, а также арифметика и церковные обряды. Большое место в подготовке семинаристов занимало церковное пение вообще и «фигуральное пение» по нотам²²²). Коренных изменений в системе подготовки кадров учителей не произошло и в последующие годы. Мадьярский язык и церковнобогословские предметы в семинарии считались главными, а все остальные, особенно естественные науки, рассматривались как второстепенные. Орыв обучения от реальной жизни и потребностей современной школы являлся типичным для учительских семинарий Закарпатья на всем протяжении их существования. Не удивительно, что во многих случаях из этих препарандий выходили невежественные, безграмотные учителя, не имеющие представления об элементарных научных дисциплинах. «Образование наших учителей недостаточно, писала газета «Свет», и в сравнении с исполинскими успехами нашего столетия едва доходит до посредственности». Семинарии выпускали немало таких учителей, «круг познаний которых едва переходит за черту, где оканчиваются сведения их учеников»²²³). «...Из грамматики, из арифметики, из физики имеют эти люди такие недостаточные знания,— указывал корреспондент «Славянских известий», имея в виду закарпатских учителей,— что нечего и говорить с ними об этих предметах. Они не знают, например, что такое имя существительное, что такое предложение и пр.»²²⁴). Однако многие певцо-учителя не имели и такой подготовки. В 80-х годах XIX столетия в закарпатских жупах «квалифицированные» учителя, т. е. имеющие специальное образование, составляли только 70% их общего числа. Даже в конце XIX столетия от 10 до 15% учителей относились к числу «недипломированных»²²⁵).

Именно эти невежественные дяко-учителя стяжали дурную славу среди крестьян. О них в одном из воспоминаний говорилось в таких словах: «Дяками стали головно таке верники, котре любили напиватися... Кроме того, еще таке стали

²²²) См. «Церковная газета», № 15, 2 июля 1858 г., стр. 117

²²³) «Свет», № 24, 22 июня (4 июля) 1868 года

²²⁴) «Славянские известия», № 22, 1889 г., стр. 547

²²⁵) Msé, VIII, 1901, стр. 330—333; Msé, IX, 1902, стр. 318—321, «Славянские известия», № 22, 1889 г., стр. 547

дьяками, котрым не любилася работа, котре больше любили рыбы ловити або по лесу ходити». В больших селах дьяки учили детей «кое-чему», и то только тех, «котре сами хотели до школы»²²⁶). Понятно, что могли дать детям такие «учителя», для которых и само «учительство было миморядным занятием». Главный персонаж, выведенный в статье «Учитель-неборак», опубликованной в журнале «Листок», певцо-учитель Константин Белгородка, не желающий отягощать свою голову учеными премудростями, говорил: «Нас заставляют учить какой-то грамматике, а я лишь только слышал о грамматике... но что такое грамматика, хоть бы завесили, не знаю»²²⁷). Но он не в ладах не только с грамматикой; он не имеет представления и о естественных науках. Но Белгородка, несмотря на это, держится на своем посту учителя. Он нужен церкви, так как обладает проникновенным голосом, а это для духовных патронов школы главное. О вокальных данных Белгородки автор статьи с умилением писал: «Бывало когда пропоет «С нами бог, разумеите языци и покоряйтесь, яко с нами бог», то женщины от душевного восторга обольются слезами...»²²⁸).

Система обучения и воспитания детей в закарпатских школах отличалась рутинностью и отсталостью. Очень долго главным методом «заохочування» детей к знаниям являлась «палица». В воспоминаниях о периоде, когда главной фигурой в деле распространения грамотности в закарпатской деревне являлся дьяко-учитель, о способах обучения детей говорилось так: «Яка то школа была, то можем себе представи. Ходили туда якесь дети, але учив их не дяк, але донька его, як уже умела. О методе научання пан дяк и его донька они поняття не мали... Головный способ научання была битка, як дети не знали, были бите, бо се уважалось добрым методом для тяжких голов»²²⁹). Закарпатский писатель Е. Фенчик, говоря о состоянии народного образования в этот период, охарактеризовал его словами: «Народ пропадает без науки», и иллюстрируя обучение детей в школе, изобразил такую картину: «Учитель внидет в школу, помолится со школьниками, заставит их читати, писати, но и это по какой-то древней системе; намарают какие-то номера на табле; далее из скуки, чтоб прошло время, учитель, увидя на стене изображение метрических мер, вопрошает, указав на какое-то изображение: «Что сесе?»,— ученик отвечает: «Кило или мэтэр, или литэр».— далее вопрошает, указав на изображение физических снарядов: «Что сесе?»,— ученик отвечает. «Телеграф», или там «железница» (железная дорога.— *И. К.*) и прочее, и так кон-

²²⁶) И. Мураный, Давне дьяки, Ужгород, 1934, стр 7, 14.

²²⁷) «Листок», № 20, 15 октября 1895 года, стр 233

²²⁸) Там же, стр. 235.

²²⁹) Указ соч. И Мураный, стр 10.

чится лекция. Нет ни порядка, ни системы. И эти образцовые лекции повторяются ежедневно».

В сельских школах Закарпатья, как заявляли современники, во второй половине XIX столетия учили тому и так же, как сто лет назад. Учителя «нового покроя», окончившие препарандию, учили детей всему понемногу, без всякой системы* и, в конце концов, «выходил хаос, и дети не знают и того, что узнают под руководством дьячка»²³⁰). Издававшаяся на протяжении нескольких лет в 60—70-х годах XIX столетия министерством народного просвещения газета для учителей народных школ «Néptanítók Lapja» («Газета сельского учителя») не приносила никакой пользы учителям²³¹) не только вследствие распространения ненаучных педагогических принципов, но и вследствие недоступности языка, на котором эта газета издавалась²³²). Органы народного образования Венгрии, деятельность которых в немадьярских областях была подчинена прежде всего ассимиляторским целям, стремились любыми средствами мадьяривать кадры учителей. В соответствии с законом XVIII 1879 года подлежали увольнению учителя немадьярских школ, которые в установленные министерством народного просвещения сроки не овладели мадьярским языком «во слове и письме». Закон XXVII 1897 года устанавливал, что правом на получение государственной дотации могут пользоваться учителя немадьярских конфессиональных школ при условии, если они проводят занятия в школе на мадьярском языке по учебным планам и учебникам, одобренным министерством.

Помимо административного давления на учителей с целью понудить их овладеть мадьярским языком, с 1880 года (приказ министра просвещения № 34148) вводится система денежного премирования тех из них, которые успешно осуществляли изучение мадьярского языка в школах. С этой целью был создан специальный фонд в размере 5 тысяч форинтов. Постепенно средства этого фонда увеличивались за счет ассигнований правительства и отчислений «культурных» обществ. «За успехи учеников в мадьярском языке, писал один из современников, учителя получали 20—30 гульденов награды ежегодно. Чтобы получить такую награду, учителя не учили ничему, кроме мадьярского языка»²³³).

²³⁰) «Славянские известия», № 22, 1889 г., стр. 547.

²³¹) См газета «Свет», № 26, 23 декабря 1867 года.

²³²) Экземпляры газеты, предназначенные для закарпатских комитетов, содержали два параллельных текста — мадьярский и «угрорусский». Перевод текста на «угрорусский» язык был поручен чиновнику министерства Левен, который, по свидетельству Матисова, не знал даже основных правил русской грамматики и «сочетал слова и предложения самым произвольным и бессмысленным образом»

²³³) Явдык Л, История Угорской Руси. Варшава, 1904, стр. 73.

В 1900 году 3 учителя Бережской жупы (И. Кадар из села Вары, Э. Киш из села Бодолу и Я. Товт из села Буча), как говорилось в отчете административной комиссии, «удостоились» государственной премии²³¹⁾. В 1902 году мадьярский банк в Будапеште ассигновал с этой целью 200 крон, которые были разделены равными долями между 10 учителями русинских церковных школ²³⁵⁾. В 1912 году школьный инспектор Ян Репчик завещал обществу «Fetka» 200 тысяч крон с условием, что проценты с этой суммы будут выдаваться ежегодно в виде премий учителям за успешное изучение мадьярского языка в словацких и украинских школах. Учителям, проявлявшим «старания» в изучении мадьярского языка и ежедневно проводящим по одному часу дополнительных занятий в день, выдавалось ежегодно 200 крон, а через каждые три года начислялась надбавка в 20 крон. По истечению 9 лет учителю-«патриоту» выдавалось единовременное вознаграждение в сумме 200 крон. В 1912 году «награду» Репчика получили 16 учителей²³⁶⁾.

В докладах окружных школьных инспекторов второй половины XIX столетия совершенно отсутствовали сведения об успеваемости учащихся, о выполнении учебных планов, обеспечении школ учебниками и учебными пособиями; ни в одном из отчетов не давалось и анализа методики преподавания. Их доклады были заполнены исключительно данными об изучении учителями и учащимися мадьярского языка. Такой односторонний подход к делу школьного обучения был обусловлен той ведущей идеей, которая лежала в основе всей школьной политики венгерского правительства, направленной к ассимиляции невенгерских народов. Один из ревнителей «святостефанской идеи» Бела Грюнвальд сущность школьной политики правящих классов Венгрии выразил в такой brutальной форме: Начальная школа в Венгрии для немадьярских народов представляет собой нечто вроде машины, в которую вводят детей «инородцев» с одного конца, перемалывают их, и получают мадьярских юношей — с другого...

Поэтому задача «визитаторов», посещавших школы с целью проверки их состояния, заключалась не в организации школьного обучения, а прежде всего в том, как выражался один из закарпатских авторов, чтобы следить, «не дышит ли школа народническими (народными.—И. К.) чувствами и достаточно ли мадьяризуют в них русских детей»²³⁷⁾. В циркуляре министра народного просвещения (от 31 декабря 1896 го-

²³⁴⁾ ГАЗО, ф. 262, 1901 г., д. 3046, лл 6—28

²³⁵⁾ «Славянский век», № 60, 1903 г., стр. 377.

²³⁶⁾ «Славянские известия», № 47 (40), 1913 г., стр. 655

²³⁷⁾ Там же, № 22, 1889 г., стр. 546.

да, № 71311) предлагалось окружным школьным инспекторам усилить контроль за школами, посетить каждую школу не менее одного раза в году, причем министр требовал особенно тщательно проверять состояние «учебно-воспитательной» работы, выяснив, старается ли учитель в немадьярской школе обучить детей мадьярскому языку с тем, чтобы знания, полученные ребенком, «остались на всю жизнь»; проводит ли учитель обучение по программе и учебникам, утвержденным министерством, и, наконец, видно ли патриотическое и религиозное влияние учителя на воспитание детей²³⁸).

Однако, несмотря на принудительные меры и систему поощрений, изучение мадьярского языка учителями народных школ в комитатах, населенных украинцами, подвигалось очень медленно. В циркулярах министра народного просвещения и в донесениях школьных инспекторов в 70—80-х годах XIX столетия отмечались обычно недостаточные знания ими мадьярского языка. В отчете школьного инспектора Шаришского комитета за 1886—1887 учебный год указывалось, например, что из 309 учителей народных школ в совершенстве овладели устно и письменно мадьярским языком 205 человек (66,3%), а число учителей, преподающих на венгерском языке, за год увеличилось на 7 человек. Но в украинских школах из 88 учителей только 36 человек (40,9%) изучили мадьярский язык. «Следовательно, писал инспектор, в этом отношении оказался такой огромный застой, что положить этому конец необходимо, во что бы то ни стало»²³⁹). Заключение свой отчет инспектор народных школ Шаришского комитета такими словами: «Много трудов нужно еще посвятить делам народного просвещения и особенно мадьяризации»²⁴⁰).

Другой школьный инспектор указывал, что многие учителя «нерадиво и формально» относятся к изучению мадьярского языка, и даже «не умеют написать имена славных мадьярских мужей, а если и напишут их, то это выглядит как насмешка». И только в 90-х годах XIX столетия число учителей, знающих мадьярский язык, резко повысилось. Как сообщал поджупан жупы Угоча в 1899 году, все учителя народных школ комитета овладели мадьярским языком²⁴¹); в Ужгородской жупе из 290 учителей только 12 человек не знали мадьярского языка²⁴²). В 1895 году, по официальным данным, из 1016 учителей народных школ Закарпатья не владели мадьярским языком 67, а в 1900 году — из 1092 человек только 17²⁴³).

²³⁸) ГАЗО, ф 4, д 325, лл. 2—3.

²³⁹) «Славянские известия», № 17, 1889 г., стр. 422.

²⁴⁰) Там же.

²⁴¹) ГАЗО, ф. 245 (Поджупан жупы Угоча), 1900 г., д. 783, л. 7.

²⁴²) Там же, ф 5, оп. I, 1903—1904 гг., д. 1945, лл. 30—40.

²⁴³) Msé, III, 1896, стр. 390—397; Mos, II, 1900, стр. 645—648; Msé, VIII, 1901, стр. 330—333. По официальным данным, учителей греко-като-

В докладе министра народного просвещения Венгрии (1895 год) принудительная мадьяризация учителей в невенгерских областях выдавалась за «отеческую заботу» правительства, которое, мол, шло навстречу учителям и не могло допустить, чтобы «кое-кто из граждан был сокращен»²⁴⁴), т. е. лишен работы за незнание государственного языка. На самом же деле сотни учителей немадьярских школ по этой причине были уволены с работы. Система «поощрений» за изучение мадьярского языка действовала разлагающе на наиболее неустойчивую часть учителей. Анонимный автор статьи «Настоящее положение угроруссов», опубликованной в «Славянских известиях» за 1891 год, писал, что, проезжая по закарпатским селам, он встречал школьников, приветствовавших его по-мадьярски: «*Jó napot! Dieséretessék az uz Jezus Krisztus!*»²⁴⁵). На вопрос автора статьи, что эти слова означают, один из мальчиков ответил: «Я не знаю; пан профессор так велели кланяться». Подобного рода «патриотической» деятельностью некоторые учителя, как выражался упоминаемый нами автор, «делали себе рекламу», стремясь показать свою «благонадежность» и заслужить денежную премию. Отдельные учителя народных школ с этой же целью стали переходить к проведению уроков на мадьярском языке, совершенно не считаясь с тем, что дети этого языка вовсе не понимали. Такому учителю-«патриоту» приходилось «употреблять жесты, мимику, указывать предметы, словно в институте глухонемых»²⁴⁶).

Однако венгерское правительство, как признавал министр народного просвещения в конце XIX столетия, не добилось осуществления планов мадьяризации «инородческих» школ. Закон об обязательном преподавании мадьярского языка в немадьярских школах, вследствие сопротивления угнетенных народов, реализован не был. Многие учителя, знающие мадьярский язык, заявлял министр, не хотят его преподавать²⁴⁷). В 1900 году, как доносил поджупан Угочской жупы, из 34 немадьярских школ только в 21 мадьярский язык изучался «успешно», а в 13 школах — обучение на мадьярском языке «не отвечало предписаниям»²⁴⁸).

Число учителей в народных школах Закарпатья на протя-

ликов в Венгрии в 1910 году насчитывалось 830, из них признавали себя русинами только 97 (Марамарошская жупа — из 197 учителей — 13; жупа Берг — из 160 — 13; жупа Унг — из 131 — 10; жупа Угоча — из 17 — 6) (см. Mos, IV, 1910, стр. 742—743, 750—751).

²⁴⁴) Журнал «Учитель», роч. X, № 3—4, 1929, стр. 99.

²⁴⁵) «Добрый день! Слава Иисусу Христу».

²⁴⁶) «Славянские известия», № 44, 1891 г., стр. 742.

²⁴⁷) Указ соч. Ketté ny G. Gy. Iratok..., стр. 709.

²⁴⁸) ГАЗО, ф. 245, д. 783, л. 7.

жении 30 лет (с 1871 по 1900 год) возросло с 699 до 1096 человек, или на 56,8%, а по Венгрии в целом с 15514 человек в 1871 году до 31663 человек в 1901 году, или на 104,1%, т. е. темпы роста кадров учителей в Венгрии превышали увеличение их числа в Закарпатье почти в два раза. Женщины были допущены в закарпатские школы в качестве учителей только в самом конце XIX столетия; в 1900—1901 учебном году они составляли 20,7% общего числа учителей. На 100 школ в закарпатских комитатах в 1869 году приходилось 110 учителей, а в 1900 году — 113, соответственно на одного учителя приходилось учеников 49 и 81. В абсолютном большинстве школ (86%) был только один учитель, причем нередко он проводил занятия в 4—6-классной школе или даже обслуживал две школы в разных соседних селах²⁴⁹).

Приведенные данные показывают, что имеющиеся кадры учителей не могли обеспечить нормальное проведение занятий в школах, тем более, что значительная часть их выполняла одновременно и обязанности дьячков в церквях. В закарпатских архивах сохранилось немало жалоб крестьян на нерадивое отношение учителей к своим обязанностям. Так, крестьяне села Горльо Ужгородской жупы обратились с жалобой к епископу на певцо-учителя П. Панулина, который совсем забросил школу и проводил занятия только 1—2 раза в неделю. Расследование жалобы крестьян было поручено местному благочинному, сообщавшему епископу, что певцо-учитель этого села один обучает 120 учеников; он часто отрывается для выполнения богослужений в церкви и поэтому не может регулярно проводить занятия в школе²⁵⁰). В другой жалобе крестьян села Лозанск (Марамарошская жупа) указывалось, что в зимнее время занятия в школе почти совершенно прекращаются, так как прикрепленный к школе учитель живет в другом селе и не имеет возможности ежедневно приходить на занятия²⁵¹).

Материально-бытовые условия жизни учителя, его отношение к ученикам и к делу распространения грамотности среди населения, круг его духовных интересов и запросов неплохо обрисовал певцо-учитель Онуфрий Богатович. Он писал: «Эх, разве нам не добре живется, нам, сельским учителям? Ежедневно утром поспеваем (попоем.— *И. К.*) себе в церкви, и когда тем окрепили своего духа, идем к тем 60-ти оборван-

²⁴⁹) Msé, 1872, стр. 460—461, Msé, III, 1896, стр. 390—403, Kjsé, 1901, стр. 678—679, Msé, VIII, 1901, стр. 314—333.

²⁵⁰) ГАЗО, ф. 151 (Правление греко-католической епархии), оп. 17, 1895 г., д. 611, лл. 1—10.

²⁵¹) Там же, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 295, лл. 11—14, ф. 675, оп. 8, 1883, д. 237, лл. 15—26.

цам, которых насилу отлучили от поросенок и телят, чтобы их вывести в люди. О, то радость самая большая!.. В школе человек не утомится; нет, то приют комфорта и убежище изысканных удобств».

И вот учитель «из приюта комфорта» возвращается домой, и тут ожидает его «гладом помащенная вечеря: преславны крмпли (картофель.— *И. К.*) в плаще, т. е. в мундире, да чистая, лучезарная... студеная карпатская водичка». После ужина учителю надо заняться огородом, картофелем, капустой, ибо «на те артикулы есть нужда в зиме». Заканчивал свою статью Онуфрий Богатович такими словами, показывающими полное безразличие учителя к своему делу: «Святой человек был, кто выдумал рекреацию, а еще святейший: кто вакацию»²⁵²).

Заработная плата учителей почти на всем протяжении второй половины XIX столетия была чрезвычайно низкой, не обеспечивающей нормальные условия их жизни и работы. Нередко в заработную плату учителя включались участок пахотной земли, огород, натуральная оплата в виде зерна, дров, сена и т. д. Многие учителя вынуждены были в этих условиях заводить свое хозяйство, заниматься обработкой земли и огородов, продажей на рынке полученных в счет оплаты продуктов или искать дополнительных заработков на стороне, что, естественно, отрывало их от прямых обязанностей и не создавало стимула для улучшения учебно-педагогической работы в школе. В одной из корреспонденций, опубликованной в газете «Свет» за 1868 год, по этому поводу говорилось следующее: «Я знал на деле певцев и учителей, которые плетением корзинов (кошиков), уготовлением столцев, работами из дерева, репаратурою часов или сапожную работою более себе приобрели, нежели их певческий доход»²⁵³).

Объявления о конкурсах на замещение должностей учителей в сельских школах Закарпатья дают возможность судить об их материальном обеспечении. Так, певцо-учитель села Корытняны в 60-х годах XIX столетия обеспечивался квартирой из двух комнат и получал, помимо 100 гульденов заработной платы в год, 1/2 кобла пахотной земли, участок сенокоса (6—8 возов сена) и 25 кубических метров дров²⁵⁴); в селе Кричава учителю, помимо 157 гульденов жалованья, предоставлялась квартира, огород; учитель получал также сани дров с каждого ученика²⁵⁵); в селе Пилянка годовичная заработная плата певцо-учителя составляла 50 гульденов деньгами, 1/4 телека огорода, 3 кобла пашни, «коблина» — 20 коб-

²⁵²) «Месяцослов» на 1873 год, Унгвар, 1872, стр. 31—32

²⁵³) «Свет», № 23, 15 (27) июня 1868 года.

²⁵⁴) Там же, № 35, 7 (19) сентября 1868 года.

²⁵⁵) Там же, № 38, 29 сентября (11 октября) 1868 года.

лов кукурузы и «штоловые доходы». (приношения за выполненные религиозных треб) — 20 гульденов²⁵⁶).

Певцо-учитель села Бодрог-Керестур получал за обучение детей только 40 гульденов деньгами в год (примерно $\frac{1}{6}$ часть своей годичной заработной платы), а остальные его доходы были связаны с выполнением должности дьячка (11 коблов пахотной земли, 8 коблов сенокоса, пастбище на 4 головы скота, коблина — 40 гульденов, штола — 30 гульденов)²⁵⁷). Заработная плата учителя в селе Лекарте включала в себя: 120 гульденов жалования в год, 1 кобёл сада, 8 кубических метров дров и зерно (по 1 «корцу» от каждого ученика)²⁵⁸). В селе Ардово певцо-учитель за работу в школе получал 40 гульденов заработной платы в год, а как дьяку ему предоставлялось 8 хольдов пахотной земли, 16 коблов зерна и штола — 20 гульденов. В селе Тисса-Уйгель певцо-учитель за обучение детей получал только 12 гульденов в год и обеспечивался как дьяк 7,5 хольдами пашни, 6 коблами зерна и 10 гульденами «епитрахильных» доходов²⁵⁹). Такая же система оплаты учителей существовала и на протяжении 70-х годов XIX столетия²⁶⁰).

В 80-х годах натуральная оплата учителей все больше теряет свое значение, но заработная плата учителя в денежном выражении оставалась почти на прежнем уровне. Так, учитель села Тисса-Уйлок Я. Кейсеги получал в 1887 году 400 форинтов заработной платы в год, из них 100 форинтов квартирных²⁶¹). В 1893 году постановлением правительства заработная плата учителей была повышена до 600 форинтов в год, а в 1907 году по закону Аппони был установлен порядок, в соответствие с которым к основной заработной плате учителя через каждые пять лет начислялась надбавка с таким расчетом, чтобы учитель с 30-летним стажем получал тройной оклад по сравнению с тем, который был установлен ему при поступлении на службу²⁶²). Однако эта «забота» правительства об учителях народных школ, как мы указывали, объяснялась не стремлением улучшить их материальное положение, а преследовала ассимиляторские цели. Венгерское правительство, как указывалось в корреспонденции «Славянских известий», путем установления сравнительно высокой заработной платы учителей принуждает церковные и сельские общины просить правительственных дотаций. Как только такая субсидия да-

²⁵⁶) Там же, № 39, 6 (18) октября 1868 года.

²⁵⁷) Там же, № 8, 23 февраля (17 марта) 1869 года.

²⁵⁸) Там же, № 17, 4 (16) мая 1869 года.

²⁵⁹) Там же, № 29, 27 июля (8 августа) 1869 года.

²⁶⁰) «Карпат», № 6, 7, 10 за 1873 год.

²⁶¹) ГАЗО, ф. 245, 1887 г., д. 252, л. 11.

²⁶²) АВГР, ф. Политархив, 1907 г., д. 581, лл. 56—57.

на, «то преподавание в школе подчиняется контролю и планам правительства в целях мадьяризации»²⁶³).

**
*

В течение 30 лет (с 1871 по 1901 год) количество детей, обучавшихся в народных школах Закарпатья, возросло с 37136 до 86961 человека, т. е. в 2,3 раза. Однако процент детей, посещающих школы, увеличился за этот период незначительно. Приводимая ниже таблица характеризует охват детей школами в закарпатских комитатах во второй половине XIX столетия²⁶⁴).

Таблица .

Учебный год	Дети школьного возраста от 6 до 15 лет		
	общее количество	из них	
		охвачено школами (количество)	%
1870—1871	82960	37136	44,7
1893—1894	129991	76558	58,8
1894—1895	130018	78416	60,3
1898—1899	138985	85416	61,4
1899—1900	141704	87930	62,0
1900—1901	143920	89292	62,1

Данные официальной венгерской статистики о количестве детей школьного возраста и охвате их школами не являются точными и объективными. Во многих случаях количество детей школьного возраста преднамеренно снижалось, а процент детей, посещающих школы, наоборот, завышался, особенно в областях, населенных немадьярскими народами. Таким путем венгерская статистика прикрывала невероятную культурную отсталость «инородного» населения, создавая видимость «благополучия» в деле народного образования. В отдельные годы по закарпатским жупам число детей от 6 до 15 лет снижалось против фактического их числа на 10—15%. Так, например, в Ужгородской жупе, по данным статистических органов, в 1893 году числилось 25980 человек детей школьно-

²⁶³) «Славянские известия», № 6, 1909 г., стр. 805.

²⁶⁴) Msé, 1872, стр. 460—461; Msé, III, 1896, стр. 400—403, Mos, II, 1900, стр. 641—642; Mvé, VIII, 1901, стр. 318—319; Kjsé, 1901, стр. 665—666. Приводимые по этому вопросу статистические сведения в журнале «Учитель» (роч. X, № 3—4, 1929 г., стр. 102), которые фигурируют в некоторых статьях советских исследователей, расходятся с официальными данными венгерской статистике.

го возраста, а в отчете главного жупана комитата их число определялось цифрой 28558 человек²⁶⁵). Но даже если основываться на официальных данных, то и тогда охват детей школами в закарпатских жупах в конце XIX столетия составлял только 62%, а в некоторых комитатах процент детей, посещающих школы, в течение второй половины XIX столетия не только был ниже среднего, но не увеличивался, а даже сокращался. Так, в Марамарошском комитате в 1870 году посещало школы 50% детей, а в 1900 году только 42,3; в Ужгородской жупе в 1885 году было охвачено школами 72% детей²⁶⁶), в 1898 году — 81,4, а в 1900 году — 77,3%²⁶⁷).

Процент детей, посещавших школы в закарпатских жупах, был значительно ниже средних данных по Венгрии в целом. Если в 1870—1871 учебном году охват детей школами в Венгрии составлял 57,1, то в закарпатских комитатах — 44,7%²⁶⁸), соответственно в 1898—1899 учебном году 80,7 и 61,4%²⁶⁹) и в 1900—1901 учебном году 82 и 62,1%²⁷⁰). Увеличение охвата детей школами в закарпатских жупах за 30 лет (с 1870 по 1900 год) составляло 17,4, а по Венгрии в целом — 24,9%²⁷¹). Кроме того, как показывает приводимая ниже таблица²⁷²),

Таблица 9

Охват детей школами в закарпатских комитатах по национальному признаку

Учебный год	Дети школьного возраста			Охват детей школами				
	общее количество	из них		общее количество	мадьярского родного языка		немадьярского родного языка	
		с мадьярским родным языком	с немадьярским родным языком		количество	%	количество	%
1893—1894	19991	48270	81741	76558	36425	75,5	40133	19,9
1899—1900	141701	50309	91195	87930	38075	75,4	19855	54,6
1900—1901	143920	41446	102476	89292	36248	87,4	53044	51,7

процент венгерских детей, посещавших школы в закарпатских жупах, был выше, чем процент детей других националь-

²⁶⁵ ГАЗО, ф 5, д. 389, л. 12 об.

²⁶⁶ Там же, ф. 7, оп III, 1886 г. д. 2597, лл. 20—22

²⁶⁷ Msé, 1872, стр. 460—461; Mos, II, 1900, стр. 641—642; Msé, IX, 1902, стр. 313—314.

²⁶⁸ Msé, 1872, стр. 460—461.

²⁶⁹ Mos, II, 1900, стр. 641—642.

²⁷⁰ Там же, IX, 1902, стр. 313—314

²⁷¹ Там же, 1872, стр. 460—461; Msé, IX, 1902, стр. 313—314

²⁷² Там же, III, 1896, стр. 400—403; Kjsé, 1901, стр. 667; Msé, IX, 1902, стр. 315.

ностей, что являлось результатом политики дискриминации невенгерских народов.

Приведенная таблица показывает, что охват школами детей невенгерских народов в конце XIX столетия в Закарпатье составлял только 51,7, а венгерских детей — 87,4%. Причем удельный вес украинских детей, посещавших школы, не достигал даже 50%. В Марамарошской жупе, например, в 1900—1901 учебном году было охвачено школами 84,7% мадьярских детей и менее 35% украинских детей²⁷³). Кроме того, из числа всех «зашколованных» детей не менее 30% посещали школы нерегулярно²⁷⁴).

В закарпатской периодической печати этого периода можно было встретить немало статей и корреспонденций, в которых «нерадивое» отношение крестьян к школе объявлялось главной причиной нужного посещения школы детьми и культурной отсталости русинов. «...Народ наш,— писал один священник, корреспондент «Церковной газеты» из Бережского комитета,— почти вовсе не дорожит еще образованностью, он смотрит на нее, как на ненавистную и враждебную какую-то стихию, которая лишает его средств добывания хлеба, боясь будто все станут панамы и не будет кому обрабатывать нивы, ланы, сенокосы и поля. Народ наш, радуясь детям своим именно потому, что в них отец и мать будут иметь помощников для облегчения хозяйственных трудов своих, гнушится школ, отвлекающих детей от подаяния им помощи в хозяйстве»²⁷⁵).

Газета «Свет», указывая на «тусклый» свет науки в закарпатских селах, сетовала на «равнодушие» крестьян к школе, которых «нерадение и небрежение пленяют»²⁷⁶), а певцо-учитель Бора из села В. Копаш в своей корреспонденции об отношении крестьян к школе говорил о них «школу как самую излишнюю выдумку властей почитали, которая препятствует им в их полезных работах»²⁷⁷).

Униатская печать преднамеренно замалчивала подлинные причины культурной отсталости Закарпатья и темноты народных масс — чудовищное социальное и национальное угне-

²⁷³) По данным министерства просвещения, на протяжении 1891—1895 годов охват школами украинских детей в Венгрии (включая украинское население закарпатских, словацких, венгерских, румынских и др. жуп) составлял 66,2, в 1900 году — 63,33, а в 1903—1904 учебном году — только 60,2%, в то время как охват венгерских детей школами достигал 80,5, а немецких — 89,6% (см. «Славянский век», № 79, 1904 год, «Славянские известия», № 8, ноябрь-декабрь 1906 года).

²⁷⁴) В 1886—1887 учебном году в Шарншском комитате из 28015 детей, обучающихся в школах, 12973 ученика (46,3%) пропустили 141548 дней занятий (см. «Славянские известия», № 17, 1889 год, стр. 422).

²⁷⁵) «Церковная газета», № 7, 1858 г., стр. 55.

²⁷⁶) «Свет», № 19, 4 (16) ноября 1867 года

²⁷⁷) «Свет», № 17, 21 октября (2 ноября) 1867 года.

тение трудящихся господствующими классами Венгрии. Она игнорировала тот факт, что закарпатский крестьянин, придавленный вечной нуждой, влачивший существование паупера, с душой, отравленной религиозным дурманом, был поставлен в такие условия, когда забота о насущном куске хлеба поглощала все его внимание, энергию и силы, отупляла его ум, порождала безразличие к той «образованности», которую несли тунейдцы в рясах и венгерские ассимиляторы. Кроме того, содержание школы и оплата учителя ложились дополнительной тяжестью на плечи разоренного крестьянина, который голодал на своем клочке земли. Журнал «Листок», характеризуя крестьянское земледелие, писал: «Это собственно не земледелие, а настоящая мука. Да и нет из сего земледелия никакого прока и ладу. Очень хорошо было бы, если б обработанная земля нашим землякам доносила столько, чтоб с семействами своими не голодали»²⁷⁸). Только в этой обстановке классового и национального угнетения, нищеты и голода и могло возникнуть недоверие крестьянина к грамотности, как к «панской затее». Когда крестьянина спрашивали, почему он не посылает своего сына в школу, то обычно следовал ответ: «Пана — попа из него не буде, а в господарстве (в хозяйстве.— *И. К.*) и без грамоты працевать (работать.— *И. К.*) можна», или: «Що му за хосен (пользу.— *И. К.*) из книжок, так буде бедовати, як и я». В ответ на увещевания учителя, призывавшего посылать детей в школу, один из крестьян, как писал журнал «Листок», ответил: «Тадь хотели-бысь-ме; айбо знаете, пан учитель, нам не все мож думати о школе: человек убогий, там две-три козы, поросятко, коровица того бы попасти. А кто попасет, коли дитя вышлю в школу?»²⁷⁹).

Нищета масс крестьянства, отсутствие средств у родителей для приобретения детям одежды и обуви и внесения платы за обучение, отдаленность школ, рутина в системе обучения и мадьяризация школ. т. е. вся совокупность социально-экономических и политических условий определяла собой эту выдуманную «нерадивость» крестьян к школе. А. Духнович еще в 50-х годах XIX столетия, опровергая эту версию, писал: «Несмотря на то, что народ наш принужден бороться с крайней бедностью и многими недостатками, однако, по возможности сил своих он старается учреждать училища и воспитывать детей своих в них»²⁸⁰).

Но бедствия крестьян Закарпатья становились из десятилетия в десятилетие все более тяжелыми. На верховине весной, летом и осенью, как сообщала газета «Карпат», дети

²⁷⁸) «Листок», № 9, 1 (13) мая 1888 года.

²⁷⁹) Там же, № 19, 1 октября 1895 года.

²⁸⁰) «Церковная газета», № 28, 30 июля 1857 года, стр. 223.

плохо посещают школу, ибо они заняты на полевых работах, а зимой не могут ходить в школу потому, что «одежды нет, обуви нет, к тому школа далеко»²⁸¹). В таком же положении находились дети и в других областях²⁸²). В отчете начальника Великоберезнянского округа (Бережская жупа) за 1886 год указывалось, что многие дети из-за отсутствия теплой одежды зимой школу не посещают²⁸³). Обучение детей в школах было платным. Только в 1895 году за обучение детей в народных школах родители уплатили 86 тысяч крон²⁸⁴), на каждого ученика приходилось более 1 кроны. Причем задолженность за правоучение взималась, как и другие поборы, в принудительном порядке. Так, у каменщика села Береги Я. Векерди на погашение 4 форинтов задолженности за обучение ребенка в церковноприходской школе была продана с торгов последняя домашняя мебель²⁸⁵).

Вся постановка школьного обучения*, господство «палицы», невежество дьяко-учителей, третирование русинских детей — вели не к сближению, а к отчуждению родителей и детей от школы. «Во многих местах, писала «Церковная газета», дурное поведение наших сельских учителей, их необразованность и грубость суть причинами того, что дети чуждаются посещения школы»²⁸⁶), а один из корреспондентов газеты «Свет» указывал, что на верховине есть и такие школы, где «крестьянские дети могут научиться, насколько нужно неходить в школу»²⁸⁷). После двухлетнего посещения школы, говорилось в другой корреспонденции, дети могут похвалиться тем, что «знают поговорити без сознания отче наш». Учитель не за незнание уроков, но «за непринесение довольно дров укорял» детей. Поэтому крестьяне не хотят посылать детей в школу и содержать учителя. «Хладнокровие» крестьян к школе объясняется тем, что они видят больше пользы в том, чтобы их дети «ходили за скотом, как если будут даремно сидеть в школе»²⁸⁸).

Наконец, надо подчеркнуть, что политика насильственной мадьяризации школы вызвала огромное недовольство широких масс украинского населения в Закарпатье. Крестьяне нередко отказывались посылать своих детей в мадьяризованные школы. Журнал «Листок» в таких выражениях передавал высказывания крестьян по этому поводу: «Можемы мы посылати детей в школу, коли там ничь не учат, — лишь мондоко-

²⁸¹) «Карпат», № 23, 13 июня 1874 гсда.

²⁸²) Указ. соч N N, стр. 53, 54.

²⁸³) ГАЗО, ф 7, оп III, 1886 г, д 2597, лл. 10—11.

²⁸⁴) Msé, III, 1896, стр. 404—405

²⁸⁵) ГАЗО, ф 252, 1900 г, д. 2945, л 70

²⁸⁶) «Церковная газета», № 7, 22 марта 1858 года, стр. 55.

²⁸⁷) «Свет», № 5, 3 (15) февраля 1868 года.

²⁸⁸) Там же, № 50, 22 декабря 1868 г. (13 января) 1869 г.

вати (говорить по-мадьярски.— *И. К.*)»²⁸⁹). «Мадыаризация народной школы ведет к тому, писал журнал «Славянский век», что русские крестьяне перестают посылать детей в мадыарские школы, не приносящие им никакой пользы»²⁹⁰).

В этих условиях ни штрафы, налагаемые властями на родителей за непосещение школ детьми²⁹¹), ни бесплодные обращения «народовецкой» интеллигенции к народу с призывом «до науки»* не достигали цели. Ничего не давали и попытки сочетать посещение школы с полевыми работами. Священник села Великая Копаня (Марамарошская жупа) А. Попович заставлял детей приходиться в школу в 5 часов утра, чтобы они могли после занятий «помогать родителям своим при полевых работах и не задерживались ими от учения». Газета «Свет» рекомендовала и другим сельским школам последовать этому «благоразумному примеру»²⁹²). Нечего доказывать, насколько неблагоразумным и бессмысленным был этот эксперимент священника Поповича, который мог только отбить у детей всякое желание посещать школу.

**

Главная цель народной школы, как она была сформулирована представителями венгерского правительства и церкви, заключалась «в обучении страху божию» и в «привитии святоистефанского духа». Вот те два принципа, на которых зиждилась вся система воспитания молодого поколения, рассчитанная на то, чтобы вырастить из украинского ребенка законопослушного, богобоязненного, безродного и безмолвного подданного габсбургского престола. Автор «читанки» священник Н. Теодорович, говоря о назначении народной школы, писал: школа не может ставить своей целью сделать детей «мудрыми» и «высокоумными». Ребенку многое знать не нужно. Дети в школе должны познать прежде всего «бога-сотворителя» и понять свой «долг к царю и к отечеству» и приобрести сумму знаний, необходимую в повседневной жизни²⁹³). Епископ Ю. Фирцак в своем послании духовенству (1900 год) эту же мысль выразил такими словами: «Рутенский народ надо воспитывать в религиозно-моральном духе» с тем, чтобы он был «верен королю, конституции и отечеству»²⁹⁴).

В многочисленных свидетельствах современников состояние народного образования характеризовалось как «убогое» и

²⁸⁹) «Листок», № 19, 1 октября 1895 года.

²⁹⁰) «Славянский век», № 79, 1904 г., стр. 216.

²⁹¹) Только по одной Ужгородской жупе в 1895 году сумма штрафов достигала 600 форинтов (ГАЗО, ф. 5, д. 560, л. 77).

²⁹²) «Свет», № 16, 19 (26) октября 1867 года.

²⁹³) Указ соч Н. Лелекач, Перша руська рукописна читанка, «Литературная неделя», № 14, Унгвар, 1943 г., стр. 163.

²⁹⁴) ГАЗО, ф. 252, 1900 г., д. 245, л. 47.

«бессмысленное», не дающее даже элементарных навыков чтения и письма. Дети обучались в школах главным образом по-мадьярски молитвам, писала в 1868 году газета «Свет». Из 100 детей едва ли 10 человек за 4—5 лет обучения запомнят «четыре простые вида численния, прочие обыкли ежедневно вкупе с молитвою и сложенными руками говорити таблицу умножения, но едва знают из ней чего-то»²⁹⁵). В корреспонденции из Закарпатья, опубликованной в «Славянском сборнике» за 1875 год, указывалось: «Обыкновенно чтением, изучением истин веры и затверживанием молитв ограничивалось все школьное образование нашего народа. По выходе из школы учившиеся скоро позабывали и читать, так что и ныне не много таких поселян, кои бы знали читать, а еще меньше умеющих писать»²⁹⁶). Во многих школах, указывал другой закарпатский автор, занятия кое-как проводятся зимой, а с наступлением весны «пан профессор», как называют учителя, берется за соху, а «школяри» пасут гусей, погоняют волов за плугом, или нянчат дома детей. «С наступлением нового школьного года ученье начинается снова, и таким образом «школяр» в течение нескольких лет не успевает даже механического чтения»²⁹⁷).

Главное внимание в закарпатских народных школах было обращено на изучение детьми мадьярского языка. Уже в 1879 году приказом министра народного просвещения на изучение мадьярского языка в I классе начальной школы отводилось 9—17 часов в неделю, а во II—V классах — 19—25 часов²⁹⁸), т. е. в лучшем случае на изучение других предметов в старших классах отводилось по 1—2 часа в день. Закон XVII 1897 года предусматривал такую организацию изучения мадьярского языка, которая обеспечивала бы овладение им в полной мере на протяжении 4-х лет обучения. В параграфе 19 этого закона указывалось, что немадьярский ребенок, окончивший четырехклассную школу, должен уметь «вразумительно выразить свои мысли по-мадьярски устно и письменно». Министр народного просвещения Венгрии Власич в своем докладе парламенту (1900 год) заявлял, что он «постарался оживить учебную программу патриотическим духом»²⁹⁹), что практически означало полное подчинение школьного обучения целям мадьяризации.

Преемник Власича Альберт Берзевичи разработал в 1904 году новый план мадьяризации школьного обучения.

²⁹⁵) «Свет», № 27, 13 (25) июля 1868 года.

²⁹⁶) Указ. соч. N. N., стр. 54

²⁹⁷) Указ. соч. Матисов, стр. 252

²⁹⁸) См «Славянские известия», № 3—4, 1889 г, стр 70; журнал «Учитель», роч. X, № 3—4, 1929 г, стр 99

²⁹⁹) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д 576, л. 10

В соответствии с этим планом, каждый ребенок, окончивший народную школу, должен был свободно читать и писать по-мадярски. Ученики, не сдавшие успешно экзамен по мадярскому языку, оставлялись в школе еще на один год; расходы по обучению второгодников возлагались исключительно на сельские и церковные общины. Родители, отказавшиеся посылать детей в мадярские школы, подвергались штрафу до 100 крон. Во всех негосударственных школах даже при наличии только 20% детей с мадярским родным языком, обучение должно было проводиться на мадярском языке. Учителя, не поставившие изучение мадярского языка на «должную высоту», а также употреблявшие не одобренные министерством учебники и проповедывавшие «враждебный государству дух» (имелось в виду прежде всего противодействие мадяризации школы.—И. К.), подвергались административному и судебному преследованию³⁰⁰).

В закарпатской школе дети не получали почти никаких положительных знаний. Даже изучение мадярского языка ограничивалось поверхностным и механическим заучиванием обыденных отдельных слов и выражений³⁰¹). Светских и духовных инспекторов — «визитаторов» — меньше всего интересовали методика преподавания и знания учащихся. Они обращали свое внимание только на успехи в искоренении «москвитского духа» и в насаждении мадяризации. «Если приедет какой-нибудь мирской инспектор в школу,— писал корреспондент «Славянских известий»,— то он берет лишь к сведению то, какой успех сделали мальчики в мадярском языке. Учителя очень хорошо знают об этом, почему научают мальчиков приветствовать по-мадярски, проговорить какой-нибудь мадярский патриотический стишок, пропеть какую-нибудь мадярскую песенку,— и в этом состоит вся наука³⁰²). Вот почему обучение в народных школах, как выражался закарпатский автор А. Дешко, было «весьма ограничено» и сводилось к чтению венгерской и русской азбуки и к тому, чтобы научить детей «немножко писать только по-венгерски»³⁰³). Школьные власти применяли систему «поощрения» учеников за изучение мадярского языка. В 1885 году,— как доносил школьный инспектор Бережской жупы,— ученикам, показавшим хорошие знания по мадярскому языку на экзаменах, были выданы «подарки», в числе которых 100 католических молитвенников, 50 греко-католических молитвенников на

³⁰⁰) См. «Славянский век», № 84, 1904 г., стр. 358, 359.

³⁰¹) См. «Листок», № 20, 15 октября 1895 года.

³⁰²) «Славянские известия», № 22, 1889 г., стр. 547.

³⁰³) Дешко А. П. О Карпатской Руси, «Киевская старина», т. 19, ноябрь 1887 года, стр. 542.

мадьярском языке и 150 книг для «воспитания мадьярского патриотизма»³⁰⁴).

Однако, несмотря на все меры принуждения, результаты мадьяризации закарпатской школы были незначительными. В докладе административной комиссии Бережской жупы по этому поводу говорилось, что государственные школы не в состоянии осуществить свои «культурные цели», так как после окончания школы ребенок в окружающей его национальной среде вскоре забывает и то немного, что он приобрел в школе³⁰⁵). Венгерский историк Й. Перени справедливо указывал, что «школьная политика» венгерского правительства в Закарпатье была безуспешной. «Только незначительная часть русинских крестьянских детей,— писал он,— научилась венгерскому языку. В лучшем случае государственные школы содействовали лишь полнейшей мадьяризации детей русинской интеллигенции, которые уже дома учились венгерскому языку»³⁰⁶).

Русская и украинская книга, русское и украинское слово преследовались в закарпатской школе. Журнал «Листок», описывая методы борьбы мадьярских реакционеров с «панславизмом» среди украинских детей, приводил такой факт: мадьярский инспектор, посетивший школу в селе Кайданово, заметил у одного из учеников катехизис на русском языке. Разгневанный инспектор вырвал катехизис из рук ребенка и бросил его на пол со словами: «В огонь московскую книгу»³⁰⁷). Имели место случаи, когда украинские и словацкие дети, обучавшиеся в мадьярских школах, за употребление родного языка подвергались унижительным наказаниям³⁰⁸). Какую тревогу властей вызывала книга на русском языке, свидетельствует и тот факт, что министерство народного просвещения неоднократно предписывало подвергать изъятию как «опасную литературу» даже подцензурные венские издания на русском языке, а учителей, способствовавших их распространению, предписывалось привлекать к судебной ответственности³⁰⁹).

Вся система обучения детей в закарпатских школах, гнетущая школьная обстановка подавляли в ребенке любознательность, живую мысль, жизнерадостность, обрекая его на мучи-

³⁰⁴) ГАЗО, ф 245, 1885 г., д. 188, лл 1—2.

³⁰⁵) Указ. соч. Й. Перени, стр. 149.

³⁰⁶) Там же, стр. 150.

³⁰⁷) «Славянские известия», № 10, 1891 г., стр. 173.

³⁰⁸) В некоторых мадьярских школах словацкие и украинские дети за употребление родного языка подвергались физическим наказаниям. П. Гапак приводит такой факт издевательств над ребенком: ученику, замеченному в употреблении родного языка, вешали на шею звонок, который он должен был носить до тех пор, пока не обнаружился другой «преступник» (см. указ. соч. П. Гапак. «Дукля», № 3, стр. 60).

³⁰⁹) ГАЗО, ф. 4, 1890 г., д. 183, л. 1.

тельное механическое заучивание библейских истин и «патриотических» стихов на непонятном языке. О душевном состоянии закарпатского школьника можно сказать словами Л. Н. Толстого, выраженными им в статье «О народном образовании»: «Стоит взглянуть на одного и того же ребенка дома, на улице или в школе и вы увидите то жизнерадостное, любознательное существо с улыбкой в глазах и на устах, во всем ищущее поучения, как радости, ясно и часто сильно выражающее свои мысли своим языком,— то измученное, сжавшееся существо, с выражением усталости, страха и муки, повторяющее одними губами чужие слова на чужом языке — существо, душа которого, как улитка, спряталась в свой домик».

Школы Закарпатья находились, как мы указывали, под сильным влиянием церкви. $\frac{3}{4}$ всех народных школ являлись вероисповедными. Униатские священники всех рангов в соответствии со своим духовным званием занимали ответственные должности в системе народного образования. Председателями школьных советов церковноприходских школ являлись священники; представители духовенства входили и в состав попечительств государственных школ. В качестве окружных школьных инспекторов выступали обычно благочинные церковных дистриктов. Обязанности комитатских школьных инспекторов выполняли архидиаконы, подчиненные епархиальному школьному инспектору — канонику. Мукачевский греко-католический епископ Ю. Фирцак, реакционер и мадьярон, являлся председателем комиссии венгерского парламента по народному образованию³¹⁰).

«Школы вообще суть достояние церкви», — писала газета «Свет», — подготовляющие детей «к достойному принятию божественных таинств и к богоугодной жизни»³¹¹). Русский автор Н. Попов приводил такие данные, характеризующие засыле церкви и духовенства в Закарпатье. В 70-х годах XIX столетия в мукачевской епархии насчитывалось 44 соборных храма, 372 главных и 1628 приписных приходов, 498 церквей и 5 монастырей. Украинское население епархии составляло 400 тысяч человек, а школами было охвачено только 25 тысяч украинских детей, т. е. 16% всего населения и 30% детей школьного возраста. В Прешовской епархии числилось 18 соборов, 187 главных и 1012 приписных приходов и 244 церкви; из 170 тысяч украинского населения школами было охвачено только 11%. Количество церквей в этих епархиях значительно превосходило число греко-католических

³¹⁰) См. «Листок», № 23, 1 (13) декабря 1888 года.

³¹¹) «Свет» от 22 июля (3 августа) 1867 года.

школ. «Довольно большое число церквей,— писал Н. Попов,— указывает на преобладание духовенства в народе»³¹²).

Все распоряжения униатских епископов, касающиеся школьного обучения, неизменно были направлены к тому, чтобы утвердить в школах безраздельное господство церковной идеологии, подавить всякие проблески живой мысли и национального самосознания. В одном из посланий епископа Ю. Фирцака (1900 год) указывалось, что забвение некоторыми священниками своего «пастырского долга» по отношению к школе может иметь «самое пагубное последствие для воспитания детей в духе христианского учения и национального мадьярского патриотизма». Епископ предписывал священникам установить повседневный контроль за деятельностью школ и учителей, поставив перед собой как главную задачу изучение основ христианской религии. Каждый священник обязан лично проводить не менее двух занятий в неделю по «закону божию»³¹³).

Униатское духовенство являлось главной опорой венгерского правительства в осуществлении планов ассимиляции закарпатских украинцев и проводником этой антинародной политики. Так, например, когда в 1870 году в венгерском парламенте был поставлен на обсуждение законопроект о замене родного языка в немадьярских школах мадьярским, то оба представителя греко-католических епархий епископы Пастеллий и Товт высказались за принятие этого законопроекта, заявляя, что обязательное обучение детей в народных школах на мадьярском языке является не только полезным, но и необходимым с точки зрения государственных интересов.

Раболепствующее перед властями униатское духовенство приняло без всяких возражений распоряжение министра народного просвещения, изданное в 1889 году, о запрещении изучать «закон божий» и проводить церковные проповеди на украинском языке в средних школах. «Угрорусские епископы,— указывал закарпатский корреспондент «Славянских известий»,— опасаются вооружить против себя мадьярское правительство, и это весьма понятно. Они, по милости мадьярского культового министра поставлены во епископы... от него надеются получить пособие для себя, от него ждут отличий и всяких благ, исходящих из Будапешта,— как же они могут противиться воле министра?»³¹⁴). Если «закон Аппони» (1907 год) вызвал протесты со стороны православных румын-

³¹²) Попов Н., Русский писатель Александр Васильевич Духнович, «Беседы в обществе любителей российской словесности», вып. 3, М., 1871 год, стр. 57.

³¹³) ГАЗО, ф 252, 1900 г., д 2945, л 46.

³¹⁴) «Славянские известия», № 44, 1891 г., стр 742—743.

ских епископов, которые в своем меморандуме осуждали политику правительства, направленную к ликвидации автономных прав церкви, то руководители униатских епархий не только не подняли своего голоса в защиту украинской национальной школы, а, наоборот, открыто встали на сторону правительства как самые усердные ревнители «государственной идеи»³¹⁵).

Один из министров венгерского правительства Ш. Гегедюш в беседе с корреспондентом газеты «Новое время» (1897 год), лицемерно превознося «национальную терпимость» венгерского правительства, совершенно недвусмысленно показал, какую позицию занимали и униатские епископы в осуществлении политики мадьяризации закарпатских школ. Гегедюш заявил: «В национальном вопросе наше правительство придерживается взгляда, что все национальности имеют в Венгрии право свободно развивать свой язык, литературу, пока это не идет в разрез с идеей венгерской государственности. Конечно, нам нет никакого дела до того, на каком языке они составляют протоколы своих духовных совещаний, но мы требуем, чтобы с представителями власти они объяснялись по-мадьярски. Мы не препятствуем им издавать газеты и журналы на русском языке, мы не можем воспрепятствовать преподаванию нескольких предметов по-русски, но если епископы сами предлагают нам ввести мадьярский преподавательский язык на том основании, что не все понимают по-русски, то мы исполняем такое предложение»³¹⁶). И действительно, в лице верховодов униатской церкви венгерская реакция имела своих надежных агентов, верой и правдой служивших чужеземным поработителям—душителям свободы и независимости украинского населения Закарпатья.

Колониальное положение, экономический, социальный, политический, национальный и духовный гнет определили собой тяжелую культурную отсталость Закарпатья. Об этом прежде всего свидетельствуют данные, характеризующие грамотность среди населения закарпатских комитатов³¹⁷ (см. табл. 10).

Приведенная таблица показывает, что даже в начале XX столетия в Закарпатье было грамотных менее 35%, а в Марамарошском комитате — менее 22%. За указанные 40 лет ежегодно удельный вес умеющих читать и писать, повышался только на 0,6%. С целью показного увеличения числа грамотных венгерская статистика ввела специальную графу:

³¹⁵) См. указ. соч. С. Троицкий, стр. 58

³¹⁶) «Славянский век», № 4, 1900 г., стр. 9

³¹⁷) Msé, IX, 1902, стр. 301; Msé, III, 1896, стр. 357, Deb, 1879, стр. 72,

«умеющие только читать». Это были люди в лучшем случае полуграмотные, знающие азбуку. Если даже учесть и эту категорию лиц и причислить их к грамотным, то и в этом случае их удельный вес будет составлять по закарпатским комитатам (1910 год) 36,4%. Особенно значительным было число неграмотных среди женщин: по данным 1890 года, в жупе Берег неграмотные женщины составляли 64,1% их общего

Таблица 10

Жупы	% грамотных (умеющих читать и писать) к общему количеству населения старше 6 лет			
	Г О Л Ы			
	1870	1890	1900	1910
Берег	18,8	37,5	46,2	46,7
Марамарош	10,1	17,6	21,2	21,8
Унг	16,0	32,3	41,0	43,9
Угоча	14,8	28,4	37,5	39,1

числа, в жупе Унг — 64,4, в жупе Угоча — 72,6 и в Марамарошском комитате — 85,9%³¹⁸). Закарпатье являлось самой отсталой в культурном отношении областью Венгрии. Если по Венгрии в целом в 1890 году умеющие читать и писать составляли 50,8, то в закарпатских жупах — только 24%, соответственно в 1900 году — 59 и 32%³¹⁹); в этом же году в Венгрии насчитывалось 37,9% неграмотных мужчин и неграмотных женщин — 46,9%³²⁰).

Еще более ужасающей была культурная отсталость украинского населения Закарпатья. Вот некоторые данные, подтверждающие это положение. В 1885 году, по сведениям бережского школьного инспектора Халаса, в Мукачевском округе было грамотных русинов 17, в Свалявском — 11 и в Иршавском — 10%³²¹). В 1886 году из 1426 новобранцев Великоберезнянского округа, населенного преимущественно закарпатскими украинцами, грамотных было только 3,3%; в Марамарошском комитате в начале XX столетия грамотные составляли 11,19%, а по переписи 1921 года среди военнослужащих чехословацкой армии неграмотных солдат-русинов было 75,75, словаков — 11,3, мадьяр — 4,99, немцев — 0,96, чехов — 0,72%³²²). По явно завышенным официальным данным, в

³¹⁸) Msé, III, 1896, стр. 357.

³¹⁹) Там же, IX, 1902, стр. 301

³²⁰) Там же, III, 1896, стр. 357

³²¹) ГАЗО, ф. 245, 1885 г., д. 188, лл. 1—2.

³²²) Там же, ф. 7, оп. III, 1886 г., д. 2697, лл. 10—11, В. Штейн, Очерки сельскохозяйственного промысла Чехословакии, Прага, 1922, стр. 6; указ соч. К. Кадлец, стр. 25.

1910 году по закарпатским жупам удельный вес грамотных среди украинского населения составлял: Берег — 35, Унг — 27, Угоча — 27 и Марамарош — 14%³²³). Таким образом и в начале XX столетия «убогая и дремлющая Угорская Русь», как называл Закарпатье один из современников, продолжала оставаться под гнетом австро-венгерских колонизаторов в состоянии средневековой отсталости и темноты.

Среднее и высшее образование было привилегией имущих классов, из числа которых и вербовалась буржуазная интеллигенция. В 1890 году, по официальным данным, в закарпатских областях насчитывалось только 4200 лиц умственного труда (470 чиновников и служащих административных органов, 450 чиновников судебных органов, 600 медицинских работников, 1400 учителей, 900 служителей церкви, 80 человек других профессий, в том числе 4 работника литературы и 1 научный работник), что составляло 0,6% всего населения и 3,6% всех лиц умственного труда Венгрии³²⁴). Более 1/5 части всех лиц умственного труда в Закарпатье приходилось на служителей церкви (в Венгрии они составляли только 16%); женщин среди интеллигенции было не более 15% (главным образом медицинские работники и учителя). По нашим подсчетам, среди светской интеллигенции закарпатских украинцев насчитывалось не более 600 человек (450 учителей и 150 чиновников и служащих), что составляло 20% всей светской интеллигенции и 0,1% всего украинского населения. Но и эта интеллигенция в массе своей была мадьяризована. И. Раковский по этому поводу писал: «У нас есть образованные люди, но так как они образовались на чужих языках и воспитывались в атмосфере чуждой понятиям и нравам нашего народа, то, разумеется, они составляют весьма слабую и ненадежную опору нашей русской интеллигенции»³²⁵).

Все приведенные нами данные свидетельствуют о том, что массы трудящихся Закарпатья, находившиеся под игом господствующих классов Австро-Венгрии, были буквально ограблены в смысле образования, света и знания. Режим классового и национального гнета мял, давил, душил духовные силы народа, его таланты, закрывая трудящимся Закарпатья пути к знанию, науке и культуре.

3. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ЛИКВИДАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО «ОБЩЕСТВА ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО»

Одновременно с разрушением национальной школы подвергаются преследованию со стороны венгерских ассимилято-

³²³) Mos, I, 1910, стр. 34; IV, стр. 288—289.

³²⁴) Msé, III, 1896, стр. 355—356.

³²⁵) «Свет», № 10, 9 (21) марта 1869 года.

ров и украинские культурно-просветительные организации. Одним из первых и наиболее массовых литературно-просветительных учреждений в Закарпатье было «Общество Василия Великого». Мысль о создании такого общества, которое объединяло бы силы «народовецкой» интеллигенции, подал А. Духнович. В 1865 году правительством был утвержден устав «Общества Василия Великого», ставившего перед собой очень скромные задачи. «Целью и задачей будет общества сего, говорилось в уставе, сочинение, именно издание и распространение книг школьных., вообще же составление в языках русском и мадьярском всякого такого рода назидательных и полезных книг». Лучшие представители закарпатской интеллигенции, составлявшие руководящее ядро этого общества, стремились противопоставить его деятельность наступлению венгерских ассимиляторов путем распространения грамотности и просвещения на понятном народу языке, в основу которого, как считали руководители общества, должен быть положен литературный русский язык. Издательская и просветительная деятельность «Общества Василия Великого» должна была содействовать ликвидации культурной отсталости Закарпатья, приобщению народных масс к русской культуре и подъему национального самосознания русинов.

Австро-венгерские власти и их униатские приспешники стремились использовать создаваемую организацию в своих антинародных целях: превратить закарпатскую интеллигенцию, группировавшуюся вокруг общества, в проводников ассимиляции своего народа, а само общество — в послушное орудие денационализации русинов. Этих целей они предполагали достигнуть, направляя общество по пути такой литературно-просветительной «деятельности», которая обеспечила бы постепенную замену народного языка закарпатских украинцев искусственным «рутенским языком», представлявшим собой хаотическую смесь местных диалектов, церковнославянской архаики, мадьярского языка и других чуженациональных заимствований. Ликвидировав таким образом исторически сложившуюся основу и специфические особенности народного языка закарпатских русинов, оторвав их от языка, письменности и культуры украинского и братского русского народов, мадьярско-католическая реакция предполагала добиться полной ассимиляции русинов и превращения трудящихся Закарпатья в безродных, покорных и бессловесных подданных австро-венгерской короны.

Учредительное собрание членов «Общества Василия Великого», состоявшееся в октябре 1866 года, привлекло огромное внимание интеллигенции; в члены общества вступило сразу же 500 человек. Подъем среди присутствующих, как сообщали очевидцы, был необычайный: «Радость сияла каждому в

очах, обнимались, лобзались во восторге...» После избрания правления общества³²⁶) участники учредительного собрания разошлись, как выражалась газета «Свет», «питая каждый в сердце своем наибольшую надежду, что уже и подкарпатский русский народ разовьется и процветет подобно прочим народам Венгрии, и не будет больше предметом поругания соседей»³²⁷). Многим представителям закарпатской интеллигенции казалось, что с учреждением этого общества начнется новая полоса в национально-культурной жизни русинов. И. Раковский, выражая эти настроения, писал А. Духновичу: «Издавна наша Угорская Русь томилась желанием иметь литературное общество для развития умственной деятельности и распространения народного просвещения», и это желание, как считал И. Раковский, наконец, осуществилось. Но с первых же шагов своего существования общество столкнулось с препятствиями, создаваемыми реакционно-шовинистическими кругами, с кознями верховодов униатской церкви, стремившимися подчинить деятельность общества своему контролю и направить ее по «патриотическому» руслу.

История первых лет существования общества, как писала газета «Свет», была «кальварией», «терновым путем», вследствие непрерывных выпадов со стороны реакционных элементов, обливавших общество и его руководителей грязью клеветы, обвинявших их в «сепаратизме» и «антинациональной» деятельности. Правительственная печать всячески старалась дискредитировать общество, предоставляя свои страницы для злобных нападок мадяронов на русский язык и русскую культуру, распространение которых «Обществом Василия Великого» расценивалось как «антигосударственное» деяние. Один из таких «патриотов», униатский приходский священник села Малая Добра Емельян Меллеш, издавший брошюрку-пасквиль, направленную против русско-славянской культуры и отрицавшую братское родство закарпатских русинов с русским народом, быстро пошел в гору по служебной лестнице. Вскоре после своего выступления в печати захудалый провинциальный поп был назначен архидиаконом в Сатмар, а в 1902 году мы встречаем его имя уже среди знатного духовенства венгерской столицы. Вдохновителем и главарем этих черносотенных элементов являлся епископ Панкович. Сколотив вокруг себя группу единомышленников, Панкович вместе с мадярскими шовинистами начал открытый поход против общества, стараясь «задушить новорожденного ребенка уже в колыске (в колыбели.— И. К.)», как выражался один из членов правления общества. Епископ Панкович, «проникну-

³²⁶) Первым председателем общества был избран А. Добрянский, вторым — И. Раковский, секретарем — И. Мондок

³²⁷) «Свет», № 13, 23 сентября (5 октября) 1867 года

тый идеями консолидации Венгрии, писали авторы «Истории подкарпатурской литературы», энергично взялся за ликвидацию политического направления той группы подкарпатурской общественности, которая... не хотела приспособляться к новым требованиям политической эры»³²⁸). Иначе говоря, Панкович с благословения правящей клики Венгрии и католической церкви взялся за ликвидацию общества, которое не хотело «приспособляться» к политике венгерских ассимиляторов.

Панкович, как мелкая личность, не брезгающая никакими средствами для достижения цели, одновременно с клеветнической кампанией в печати, подобно осмеянному в нашей литературе домовладельцу-мещанину, донимающему самыми мерзкими средствами неугодного квартиронанимателя, начал с того, что выдворил «Общество Василия Великого» из помещения богословской семинарии, ставшей цитаделью униатов-недьяризаторов. Когда же правление общества решило через некоторое время основать «Русский народный дом», в котором предполагалось открыть библиотеку, читальню, разместить типографию, открыть зал для «русских театральных представлений», две аудитории для преподавания русской грамматики, словесности и «реальных наук», а также отвести несколько комнат под интернат учеников гимназии, то епископ Панкович воспротивился этому «панславистскому» начинанию. Вопреки противодействию епископа, на протяжении трех месяцев для этой цели было собрано за счет добровольных пожертвований 5492 гульдена. За 3700 гульденов из этой суммы обществом был куплен дом, случайно оказавшийся по соседству с епископским садом. Панкович, ссылаясь на то, что дом общества находится на епископской земле, отобрал его, ликвидировав таким образом попытку общества создать «Русский народный дом».

Продолжая свою антинародную политику, Панкович начал всячески тормозить издательскую деятельность общества, которое, несмотря на это, за короткий срок выпустило девять школьных учебников на русском языке, несколько «Месяцословов» и основало свой периодический орган газету «Свет»³²⁹). В одном из первых номеров газета «Свет», опреде-

³²⁸) Указ. соч «История подкарпатурской литературы», стр. 43

³²⁹) Первый номер еженедельника «Свет» вышел 13 июля 1867 года. Языком газеты «Свет», как и других изданий в Закарпатье, не являлся чистый литературный русский язык. Помимо грамматических и синтаксических ошибок и погрешностей, в газете употреблялись устаревшие обороты и выражения, иногда извращавшие подлинный смысл написанного. Так, например, газета «Свет», описывая воздвигнутый в Вене бронзовый монумент князю Шванценбергу, употребила такое выражение: «Интеллигентная тварь с полными фаворитами.» («Свет», № 20, 11 (23) ноября 1867 года) При чем редакция руководствовалась при описании этого па-

ляя свои задачи как печатного органа «Общества Василия Великого», указывала, что он призван «просвещати всех братьев наших еще в тьме невежества и хладнокровия находящихся»³³⁰). Выражая свое отношение к «языковому вопросу» в Закарпатье, газета «Свет» писала, что она не может принять за основу закарпатской литературы церковнославянский язык или так называемый «народнорусский язык», который пытались «соорудить» мадьяризаторы из смеси подкарпатских диалектов и мадьярского языка. «...Есть братский русский народ, который на высокую ступень развил язык русский, и нам его лишь изучити надо...», указывала редакция газеты «Свет»³³¹).

Успехи издательской деятельности общества вызвали против него еще более ожесточенные нападки «патриотов». Реакционная мадьярская газетка «Марамарош» выступила с провокационным сообщением о «русских связях» общества, о получении им «стипендий от русского правительства для воспитания юношей в Петербурге» и т. п. После выхода в свет «Месяцослова» на 1866 год со статьей «Русский народ», в которой, между прочим, говорилось: «Радостно и утешительно будет познакомиться с нашим сродным великим русским народом» и показать, что «не везде бедует так русский народ, осмеянный за свой язык и веру; не везде слово «русин» лишь только значит «простак»,— на общество со всех сторон посыпались обвинения в «русской пропаганде», в «подрыве единства церкви» и «целостности государства». Многие члены «Общества Василия Великого», особенно из числа духовенства, боясь навлечь на себя гнев епископа и прослыть нелояльными к мадьярской «государственной идее», стали отходить от деятельности общества, ограничиваясь в лучшем случае уплатой членских взносов.

На втором годичном собрании «Общества Василия Великого» в 1867 году присутствовало только 55 человек. Лица их, как выражался один из членов правления общества, «не сияли радостью и воодушевлением как на первом общем собрании, но радость переменялась в уныние и смутку, ибо все с прискорбием должны были заметить, что не токмо те отсутствовали, которые на первое собрание и из отдаленных сторон прибыли, но и многие унгарские члены, особенно духовные савошники отчасти отпраздновали на тот день из города, а которые позостали дома, не удостоили нас своего присутствия»³³²).

мятника самыми благими намерениями, стремясь подчеркнуть величие монумента Шварценберга и только незнание русского языка придало этому выражению оскорбительный смысл

³³⁰) «Свет», от 1 (13) июля 1867 года.

³³¹) Там же

³³²) Там же, № 13, 23 сентября (5 октября) 1867 года.

Председатель общества И. Раковский в своем выступлении на этом собрании, говоря о злопыхательских и провокационных нападках на общество, указывал: «Известно, что общество наше... вызвало многие нелепые толки, распространенные о нем по газетам недоброжелателями его. Они усматривают в нем нарушение церковного единения, расторжение целостности государства, измену отечеству и бог знает какие ужасы мерещились им в испуганных умах их...» После этого И. Раковский изложил национально-культурную программу правления общества, полным голосом заявив перед распоясавшимися ассимиляторами, что «Общество Василия Великого», несмотря на клевету врагов, не могло «отречься от употребления своего собственного русского языка, выработанного общей русской литературой». Наша Закарпатская Русь, продолжал Раковский, «никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие к литературному соединению с прочею Русью. У нас... никогда и вопроса не было по части какого-нибудь отдельного литературного языка». Мы знаем, сказал в заключение И. Раковский, что «это направление общества многим не нравится, именно враждебно относятся к нему неблагоприятствующие нашему народному просвещению, желая преобразовать нас на свой лад, и слить с иноплеменными народами. А потому пугают мир воображаемым... каким-то панславизмом»³³³).

Особое раздражение у Панковича и его хозяев вызывал еженедельник общества «Свет», первым редактором которого был учитель классических языков Ужгородской гимназии Ю. Игнатков. Газетка «писалась сначала, по словам Матисова, на языке, показывающем, что большинство пишущих едва успело затвердить русскую грамматику и прочесть несколько русских сочинений». В еженедельнике принимали участие видные представители закарпатской интеллигенции А. Добрянский, И. Раковский, И. Дулишкович, А. Кралицкий, там помещали свои произведения А. Павлович, А. Митрак, И. Сильвай, Е. Фенцик. «Свет» живо откликался на все события общественно-политической и культурной жизни Закарпатья и отстаивал национальные и культурные права русинов. «Свет» последовательно выступал за введение родного языка в школах, настойчиво осуждал практику проведения церковных проповедей на мадьярском языке, которые стал вводить

³³³) Протокол второго собрания общества опубликован в газете «Свет» (№ 22, 23 за 1867 год и в № 43 за 1868 год) На втором собрании общества председателями были избраны А. Добрянский и И. Раковский, членами правления каноники и священники Ладомирский, Ляхович, Мондок, Демьянович, Мовчан и др. (см. «Свет», № 13, 23 сентября (5 октября) 1867 года, Уриил Метеор, Положение угорских русских под управлением Стефана Панковича, епископа мукачевского, «Славянский сборник», т. 1, СПб, 1875, стр. 64—65).

епископ Панкович. В еженедельнике общества были помещены статьи «Наше положение и надежда», «О чиновственном языке в епархии нашей», о деятельности так называемых «Русских бесед» и другие, в которых ставились вопросы развития национально-культурной деятельности и выдвигалась как важнейшая задача — борьба против наступления ассимиляторов. Анонимный автор статьи «О наших народных школах», опубликованной газетой «Свет», писал: «Мы славяне, а ограниченнее, мы часть одного русского народа, свое называем русским, наших матерей русскими»³³⁴). В статье «Из общественной жизни в России» газета разоблачала несостоятельность утверждения немецкой националистической историографии о неспособности русского народа к самостоятельному историческому развитию³³⁵). Огромное значение для укрепления братских связей закарпатских украинцев с русским народом и развития закарпатской литературы имели помещаемые в еженедельнике произведения русских классиков — Жуковского, Пушкина, Тургенева и других, пользовавшихся большой любовью читателей³³⁶). Идеи, распространяемые газетой общества, выраженные в девизе «Ex Oriente lux»³³⁷), вызвали злобный вой всех сил реакции, ополчившихся против «шизматического» правления «Общества Василия Великого»³³⁸). После того, как еженедельник «Свет» опубликовал задним числом сообщение о кровавой расправе с избирателями в Ужгороде во время выборов в венгерский сейм в 1865 году, редактор газеты Ю. Игнатков был отстранен от своих обязанностей и переведен в другую область. Новым редактором газеты «Свет» в октябре 1867 года был избран священник, преподаватель русского языка Ужгородской гимназии К. Сабов.

Клевреты Панковича считали, что их подрывная деятельность уже подготовила почву для достижения их главной цели, а именно: для изгнания из закарпатской литературы русского языка и замены его «своим» языком. Епископ Панкович

³³⁴) «Свет», 15 (27) июля 1867 года

³³⁵) Там же, № 20, 11 (23) ноября 1867 года

³³⁶) Там же, № 10, 23 марта (4 апреля) 1869 года

³³⁷) «С Востока свет» (латинск.) И. Грабарь в стихотворении «Темная ночь» эту мысль выражал такими словами: Над Закарпатской Русью занимается заря рассвета, «на небе звезда русину явилась восточная» («Свет», 29 июля (10 августа) 1867 года) Ф. Злоцкий, выражал свое чувство братства с русским народом, в стихотворении «Я русский» писал.

Русский я телом, душею,
Верный друг русинов,
Русским я и хочу быть,
Русский во век веков

(«Свет», № 15, 7 (19) октября 1867 года)

³³⁸) «Свет», № 1, 6 (18) января 1868 года

в это время выступил с заявлением, в котором указывал, что настало время создать в Угорской Руси «свой литературный угрорусский язык», предназначенный сыграть служебную роль орудия ассимиляции русинов. Один из приспешников Панковича, скрывший свое имя под псевдонимом «Верховинец», выражая идеи своего патрона, направил в 1868 году в газету «Свет» письмо, в котором говорилось: «Публика наша желает, чтобы писали «по-нашему», без цифрованных (зашифрованных.— И. К.) слов, московских слогов и новых выражений». Мадьяроны обвиняли печатный орган общества в «стремлении к славянству, к панславизму». Газета, писал «Верховинец», вместо того, чтобы «только о наших домашних делах уведомлять публику, переступает границы отечества, границы домашнего нашего круга, дает «разные известия о том, что меж сербами, чехами, москалями деется на поприще литературы, а то все дает повод веровати, что «Свет» имеет стремление не к нашему, но к иностранному, к чужому». Особую ненависть прислужников венгерских ассимиляторов вызывала «наклонность» газеты «к русофилам, к северу»: «Свет» описывает «обычай в России, тамошнюю товарищескую жизнь, дает место статьям (артикулам) на Россию относящимся, а то хотел только в литературном взгляде, но и то само уже подозрительно и нам не сходно»³³⁹).

Но как только это письмо «Верховинца» было опубликовано газетой «Свет», то, по словам современника, «из всех концов Угорской Руси пошли писать возражения, так что редакция в течение нескольких месяцев печатала их, и принуждена была отказать в дальнейшем печатании возражений»³⁴⁰). Этот факт свидетельствовал об огромном значении русского литературного языка в культурной жизни Закарпатья, который рассматривался и воспринимался интеллигенцией и массами как родной язык братского народа, а стремление газеты «к северу» и было направлено к тому, чтобы ознакомить закарпатскую общественность с жизнью и литературой русского народа. Но вместе с тем надо указать, что антинародная деятельность Панковича и его сторонников в языковом вопросе облегчалась отсутствием единства взглядов среди закарпатской интеллигенции на роль народного языка в культурном развитии закарпатских украинцев. А. Добрянский, И. Раковский и другие руководители и активные деятели «Общества Василия Великого», являвшиеся горячими поборниками идеи

³³⁹) Там же.

³⁴⁰) Там же, № 3, 4, 7 за 1868 год; указ. соч. Матисова, стр. 231. В защиту газеты «Свет» выступали многие члены общества (Раковский, Сильвай, Злоцкий и др.), указывавшие, что задача газеты «заступати интересы угорского русского народа, русской народности на поприще народного образования» («Свет», № 3, 4, 6—7 за 1868 год).

«литературного единения с прочей Русью» и заявлявшие, что «угорские русские признают своим достоянием общерусскую литературу», несомненно, выражали прогрессивные взгляды. Они выступали против «обработки» своего местного наречия с целью превращения его в «особый» язык, так как видели в этом не только препятствие к приобщению народных масс украинцев Закарпатья к великой культуре и литературе русского народа, но и стремление реакционно-шовинистических элементов введением «рутенского» или «угроруського» языка убить «русскость» за Карпатами. Однако они недооценивали значение народного языка закарпатских русинов в развитии культуры своего народа, а также сложившегося уже исторически украинского литературного языка. Недооценка эта объяснялась между прочим тем, что закарпатская интеллигенция этого периода была мало или вовсе не ознакомлена с национальной культурой и литературой Приднепровской Украины, а так же тем, что она бесосновательно отождествляла «галицкий украинизм» — реакционные, австрофильские украинские буржуазно-националистические группки с их «литературой» на искусственном полонизованном и германизованном жаргоне, — с национальным движением украинского народа, создавшего свою национальную культуру, развивавшуюся под могучим воздействием культуры братского русского народа, свой национальный язык, язык великого кобзаря Т. Г. Шевченко. Именно этот язык и составлял естественную основу литературы украинцев Закарпатья как составной части украинского народа.

Некоторые деятели «Общества Василия Великого» впадали в другую крайность. Выдвигая справедливое по существу требование больше писать «для народа», продвигать книгу на родном, понятном языке в гущу народных масс, противопоставляли народный язык литературному языку и объективно умаляли значение русского языка. Эти взгляды отчасти выражал закарпатский писатель А. Кралицкий. Он писал: «Все народы в Угорщине имеют свои литературные предприятия для народа, мы же не имеем ничего для сего простого народа и хотим славится литературою, сему народу по крайней мере неприступною! Творим из литературы монополь, содержащий для нескольких людей, а народ оставляем там, где прежде был — при невежестве. Будет ли из того пользы для нас, ежели напишем фолианты, которые наибольша часть разумети не будет, а выпечатаем много аркушев (листов. — И. К.) и книг, которые только один-другой поупит?»

Выступления Панковича и его приверженцев против «Общества Василия Великого» не прекращались. Под давлением епископа редактор еженедельника «Свет» К. Сабов отказался от своих обязанностей. Его место занял учитель Ужгородской

гимназии В. Кимак. В работе третьего годовичного собрания общества (сентябрь 1868 года) приняло участие 60 человек³⁴¹). Значительная часть членов общества перешла на сторону епископа, многие занимали выжидательную позицию.

В своей речи на этом собрании И. Раковский говорил: «Даже многие, несмотря на то, что их русская мать кормила... предательски бегут во неприятельский стан и изменническими стрелами своими уязвляют родившую их русскую мать. Они, эти изменники и отступники, всенародно проповедуют, что наш народ не может устоять против могущественного напора иноплеменников, что ему надо поддаться преобладающей силе их и слиться с ним»³⁴²). И. Раковский, бескомпромиссно отстаивавший национальные права русинов, призывал членов общества бороться за «народность и просвещение», ибо иначе, указывал он, мы «навлечем на себя нареkanie, чтоб не сказать еще и проклятие потомства»³⁴³).

Под влиянием епископских клеветов правление общества преподнесло Панковичу хвалебный адрес в связи с награждением его крестом св. Стефана. В адресе, составленном в раболепных выражениях, указывалось, что деятельность епископа открывает «новый век» в истории богоспасаемой епархии мукачевской. Вы, обращаясь к епископу, писали члены правления, отмечены знаком «высочайшего благоволения, какой не красовался еще до сих пор на груди ни единого от ваших предшественников». В адресе выражалась уверенность, что отныне под руководством епископа народ закарпатский вступит в «новую жизнь», которая-де будет отмечена в отношении «вещественного и духовного быта... процветанием и довольством»³⁴⁴). В ответном послании обществу епископ Панкович, как и подобало верному прислужнику Габсбургов, указывал, что, только уповая на царские милости, можно «надеяться на улучшение сумной доли Подкарпата и достижение великоважной... цели — духовного сиречь просвещения народа»³⁴⁵).

«Окончательный раздор», как выражался Матисов, между «русской партией» и епископом Панковичем произошел на четвертом собрании общества в 1869 году, в присутствии 83 членов³⁴⁶), среди которых уже было немало сторонников

³⁴¹) Протокол третьего собрания общества опубликован в газете «Свет» (№ 45 за 1868 год)

³⁴²) «Свет», № 37, 21 сентября (3 октября) 1868 года

³⁴³) Там же

³⁴⁴) Там же, № 21, 1 (13) июня 1869 года

³⁴⁵) Там же, № 22, 8 (20) июня 1869 года

³⁴⁶) В 1869 году в обществе состояло 597 членов: число подписчиков на газету «Свет» превышало 300 человек, денежный приход общества составлял 4570 форинтов (см «Свет», № 38, 28 сентября (10 октября) 1869 года, № 42, 26 октября (7 ноября) 1869 года)

епископа. Депутацию, направленную к Панковичу (в составе Раковского, Мондока, Ляховича и др.) как к «покровителю» общества для приглашения его на собрание, последний принял с грубыми упреками, сказав, что «общество задается планами, враждебными отечеству». И. Раковский, возвратясь во главе депутации от епископа, заявил собранию, что «преосвященный не доволен настоящим ходом дел общества и не может сочувствовать его стремлениям, а потому и решительно объявил, что в настоящем собрании общества не будет принимать участия, уверяя, что если общество примет иное направление, он (преосвященный) не оставит его без своего покровительства...»³⁴⁷). Общество, заявил Панкович, отошло от своих прямых литературно-просветительных задач, не заботится об издании книг на мадьярском и «угрорусском» языках, вводя вместо этого «неизвестную идиому» и занимаясь политиканством, а деятельность общества не проникнута духом католической церкви³⁴⁸).

В защиту «Общества Василия Великого» выступил А. Добрянский. Опровергая клеветнические измышления епископа о вмешательстве общества в политику, А. Добрянский утверждал, что общество является чисто литературным, а не политическим учреждением. «Приняв во внимание, писал он, что все заседания... всегда в присутствии царского комиссара происходят публично... мы не понимаем, каким образом можно сваливать на общество такое обвинение, когда к сему нигде никто ни малейшего повода не может найти ни в действиях, ни в совещаниях его?». На обвинение в том, что «общество не проникнуто духом католической церкви», А. Добрянский отвечал, что в изданиях своих общество «по духу восточной церкви поступает, но без того, чтобы то насчет католицизма делало». А. Добрянский не отрицал необходимости издания обществом литературы на мадьярском языке, но, вместе с тем, считал, что, поскольку «мадьярская литература довольно развита, а русских книг у нас вовсе нет», общество не могло в первые же годы существования заняться изданием мадьярских книг. Насчет церковнославянского языка, который, по мнению Панковича, «должен был заменить в изданиях общества настоящий литературный язык», А. Добрянский заявлял: «Церковнославянский язык, подобно латинскому, будучи неподвижен и мертв, не может развиваться в общелитературной среде, но мы должны пользоваться общелитературным русским языком, составную часть которого составляет церковнославянский язык»³⁴⁹).

³⁴⁷) «Свет», № 42, 26 октября (7 ноября) 1869 года

³⁴⁸) Там же.

³⁴⁹) Указ. соч. Уриил Метеор, стр. 66—68.

Таким образом, руководство «Общества Василия Великого», отвергнув провокационные обвинения Панковича и его директивы в языковом вопросе, высказалось за проведение и в дальнейшем принятого им направления в осуществлении национально-просветительной деятельности. Потерпев поражение, Панкович и его окружение решили недопустить избрания А. Добрянского председателем общества и взять руководство обществом в свои руки. «Не решаясь баллотировать кандидата из своей партии, писал Матисов, он (Панкович — И. К.) поступил по-иезуитски и указал на кандидата в лице Рубия, чиновника в министерстве внутренних дел, приверженца Добрянского и человека очень популярного на Угорской Руси. Панкович сообразил, что Рубий, как чиновник в министерстве, не может действовать так смело, как действует Добрянский. Епископ соблюдал при этом правило: «divide et impera», «правило, которое как красная нить тянется в истории австрийского государства»³⁵⁰). Но и этот маневр реакции не удался. Наконец, не без происков Панковича, на правление общества стали оказывать давление центральные правительственные органы с той целью, чтобы достигнуть «примирения» правления общества с епископом. Министр культа и просвещения после ознакомления с протоколом четвертого собрания общества направил в адрес правления письмо, в котором говорилось «С недовольством заметил я, что нарушилось надлежащее согласие между многими членами общества и греко-католическим епископом... вследствие уклонения от цели, предназначаемой уставом обществу. Впрочем надеюсь и ожидаю, что общество всем последующим образом действий будет стремиться не дать повода к подобным замечаниям»³⁵¹). Это указание министра нельзя рассматривать иначе, как попытку подчинить правление и деятельность общества епископу и его антинародным планам.

**
*

Поддержка со стороны правительства окрылила партию Панковича, которая еще более усилила свою подрывную деятельность против общества, а соглашательские элементы его стали открыто переходить в ряды «вичпуровцев»³⁵²) — сторонников епископа. Нашлись «лжепастыри, самозванцы и наемники», писал анонимный закарпатский корреспондент «Русского вестника», которые развернули клеветническую кампа-

³⁵⁰) Указ. соч. Матисов, стр. 243—244

³⁵¹) Указ соч. Уриил Метеор, стр. 68

³⁵²) Термин «вичпуровщина» — синоним продажности и угодничества — произошел от имени брахмана Вичпура — главного действующего лица «Крайцеровой комедии» И. Сильвая.

нию против общества и преподнесли Панковичу новый адрес в связи с пожалованием ему чина гофрата. «В истории угорской католической церкви весьма мало, в деписях же нашей епархии и нашего народа нет отнюдь следа того, чтобы иерарх некий так скоро вознесся был на самую высочайшую степень доверия и милости своего монарха,—говорилось в этом адресе. Ваше превосходительство подобно комете возникли внезапно на небосклоне нашего народа, рассыпая повсюду богатые лучи своего блеска»³⁵³). Заканчивался этот панегирик извинением за ту «отеческую печаль», которую причинило епископу общество, и уверением в том, что подписавшие адрес лица сделают все от них зависящее, чтобы деятельность общества в дальнейшем отвечала «благосклонным намекам и высоким требованиям» епископа. Этот документ, раскрывающий рабскопресмыкательское нутро униатского духовенства, свидетельствовал о том, что клеветы Панковича получили в «Обществе Василия Великого» преобладание и что общество перестало существовать как национальная культурно-просветительная организация.

Конфликт между оппозиционной частью правления общества и главой униатской церкви углублялся. На 18 августа 1870 года было назначено очередное, пятое собрание членов «Общества Василия Великого» для выборов руководящих органов общества. В день собрания решено было устроить «русский праздник», но епископ Панкович, подкупив хор и музыкантов, сорвал проведение праздника. Депутация общества, отправленная к епископу с приглашением его на собрание, нашла двери покоев архиерея наглухо закрытыми. Несмотря на то, что из епископской канцелярии «был передан совет, чтобы оба председателя (А. Добрянский и И. Раковский.—И. К.) отказались от баллотирования вновь в председатели» и что только при этом условии общество приобретет «ласку и содействие» епископа и его партии, собрание избрало тайным голосованием в состав правления неугодных епископу лиц³⁵⁴).

В конце 1870 года партия Панковича решила нанести решающий удар обществу. На заседании консистории 31 декабря 1870 года было принято решение о газете «Свет», которым печатный орган общества объявлялся «политически неблагонадежным». В пространном постановлении консистории по поводу газеты «Свет» говорилось: «Так как содержание, дух, цель и направление помянутой газеты суть совсем противны первоначальному ее назначению, ибо вместо того, чтобы

³⁵³) «Свет», № 44. 9 (21) ноября 1869 года

³⁵⁴) Кустодиев К. Л., Конгресс католиков Венгрии и угорские русские, «Православное обозрение», М., март 1871 года, стр. 561.

на языке угорских русинов полезные сведения распространять, церковь и верников ее ближе дотыкающиеся дела бесстрастно объясняла, начала и способы народного просвещения и воспитания обсуждала, и сюда относящиеся подневные происшествия обнародовывала, словом, чтобы действовать пристойно органу, имеющему целью народное образование,— приводит в возмущение спокойные умы своих читателей, и образом побуждательным действует к произведению раздоров». Еженедельнику «Свет» прежде всего приписывалось распространение «вредных начал», заключающихся в проповеди «католицизму противящегося мышления», заимствованного из «заграничной», т. е. русской прессы. На страницах газеты печатаются «из чужих мест взятые» сообщения, гласило постановление консистории, «которые против церкви римско-католической направлены суть и вовсе на ложном основании лежат, а редакциею однакож за верные принимаются и объявляются». Кроме того, газета «Свет» заслужила немилость епархиального начальства тем, что стала трибуной «сепаратистичных направлений», нашедших свое выражение в отстаивании ею автономии русинской церкви. Органу общества предъявлялось также обвинение в распространении известий из России, в замалчивании «спасоносных» распоряжений австро-венгерского правительства и в неуважении к епископу и его окружению. «Примечено, писали ужгородские каноники, что газета, когда из одной страны в часописах заграничных сообщенными, ни нашу церковь, ни народ наш не касающимися и приключениями часто занимается,— то она из другой стороны события приключуется в епархии нашей, далее спасоносные распоряжения и решения правительства нашего умалчивает, повагу главы епархии, членов капитуларных и правительства епархиального двусмысленными надевательными намеками, так такожде и неверным действий их представлением поколебати и меру достодолжного им уважения умаляти домогается...» Наконец консистория указывала как на наиболее тяжкий грех, допущенный правлением общества,— на издание еженедельника на литературном русском языке «Газета сия, говорилось в постановлении консистории, такое наречие у нас усиливается водворити, которое русский народ, живущий в нашем отечестве, не разумеет, и которое прото так имеет почитатися как наречие чужого края...»

Униатская консистория, обвинившая газету «Свет» во всех семи смертных грехах, предала ее анафеме. «Единоголосно изрекается, говорилось в постановлении епархиального синклита, что газета «Свет» — по направлению своему так из взора веро-нравственного, как из взора патриотичного есть опасная и осуждения достойна, вследствие чего епархиальное правительство и консистория не токмо отнимают от той же

газеты всю моральную подпорку свою, но при том воззываются еще и епархиальные душпастыри, чтобы и они из своей стороны как чиновственное, так и всякое приватное отношение с помянутою газетою перервали...»³⁵⁵). Епископ предписал духовенству ориентироваться отныне на местную мадьярскую «патриотическую» газету «Ung». После обнародования этого постановления консистории число подписчиков на газету «Свет» сократилось с 400 до 200. Среди членов общества начался разброд. Епископ Панкович, пользуясь своей властью, разогнал правление общества³⁵⁶).

И. Раковский, поднявший голос протеста против режима насилия, установленного епископом Панковичем в его епархии, выступая в галицкой газете «Слово», писал: «...Мукачевская епархия подвержена неограниченному произволу епископа, который под видом смиренного иерарха действует хуже мандарина, пригрозив некоторым священникам во время канонического обозрения епархии пустить их по миру». Разоблачая роль прислужников Панковича, Раковский указывал, что члены епархиальной консистории, «гоняясь за почестями, сделались слепым орудием властолюбивого епископа», содействуя ему в том, чтобы создать такую обстановку в епархии, где «*fides exultat, disciplina exspirat, nepotismus exultat*»³⁵⁷).

На собрании «Общества Василия Великого», происходившего в феврале 1871 года, из 400 членов общества присутствовало только 27 человек, главным образом приверженцев епископа. В соответствии с решением консистории собрание большинством голосов постановило прекратить издание газеты «Свет». Против этого решения голосовало только 6 членов общества. Собрание вынесло решение издавать еженедельник «Новый свет», редактором которого был избран священник В. Гебей, охарактеризованный современниками как «оппортунист» и человек, зависимый во всем от епископа. От нового органа общества, как выражался И. Сильвай, «повеяло мадьяронским духом». Антинародную программу Панковича «Новый свет» выразил такими словами: «Общество св. Василия основано для нашего прикарпатского народа, а не для нашей братии в Москве, Киеве и Петербурге. Народ не требует от общества... высокой политики: ему нужны только первоначальные книжки для обучения, написанные на простом и по-

³⁵⁵) Указ. соч. Уриил Метеор, стр. 79—81.

³⁵⁶) По настоянию Панковича казначей общества — священник отказался от своего поста; одного члена правления общества епископ перевел в Сигет, другого — в Печуй, бывшего редактора газеты «Свет» К. Сабова — в Сегедин. Член правления общества священник Мовчан, публично выступавший против епископа-мадьярона, преследуемый «патриотами», вынужден был эмигрировать в Россию.

³⁵⁷) «Вера в ссылке, дисциплина выдыхается, расточительство пляшет» (латинск.).

нятном ему языке». Прикрываясь интересами народа, клика Панковича, как не трудно понять, пыталась разорвать вековую историческую, этническую и культурную общность Закарпатской Руси с Украиной и Россией, отгородить массы русинов от «политики», т. е. подавить их стремление к социальному и национальному освобождению путем распространения религиозно-верноподданнической литературы на мадьяризованном «рутенском» языке. Вместо обещанного Панковичем «расцвета» культурно-просветительной деятельности в Закарпатье, с этого времени наступает глубокий застой. Вся издательская деятельность панковичевцев ограничилась выпуском газетки «Новый свет» и тощих годовых календарей — «месяцословов», преподносивших на церковнославянском мадьяризованном наречии под видом «чтения для народа» различного рода религиозные поучения.

Епископ и его партия, казалось, могли почивать на лаврах своих успехов в борьбе против «московитского духа». Но покой их был нарушен выходом в свет сатирической газеты «Сова»³⁵⁸), которая произвела ошеломляющее действие на партию Панковича. Об этом И. Сильвай писал: «В наступившем общем затишьи и среди атмосферы пропитанной курением фимиама, подносимого епископу, в июне того же года (1871 год. — *И. К.*) нечаянно (неожиданно. — *И. К.*), как из облаков, появилась иллюстрированная сатирическая газета «Сова». Первый номер газеты «был встречен с ужасом епископской партией». В «Сове» помещались карикатуры на епископа Панковича, его секретаря Даниловича и других близких к нему лиц, изображавшие то раздачу епископом отличий и наград своим прихлебателям, то роскошный пир в ресторане, за который епископ расплачивался приношениями верующих, то похороны Панковичем русского языка, славянской азбуки, восточного обряда и т. д. В газете, как писал И. Сильвай, «были представлены на вид слабости и злонамеренные домогательства епископа и его партизанов, направленные против народности, веры, обряда, автономии и прочее». «Сова» не преминула изобразить «стремление епископа к водворению латинизма и мадьяронской гегемонии»³⁵⁹). Редактор «Совы» В. Кимак выпустил только пять номеров газеты, из них первые три в Ужгороде, а остальные в Пеште, куда он должен был перенести издание газеты, так как епископ Панкович, подкупив типографа Йегера взяткой, превышавшей доходы от издания «Совы» в течение года, добился таким об-

³⁵⁸) Редактором и издателем газеты «Сова» являлся В. Кимак, которому в изданиях газеты оказывал содействие А. Добрянский. «Сова» выходила небывалым для закарпатских изданий того времени тиражом — 2 тысячи экземпляров, которые раскупались нарасхват

³⁵⁹) Указ соч. Уриил Метеор, стр. 82

разом отказа типографии продолжать печатание газеты³⁶⁰). Министерство культуры и просвещения по ходатайству Панковича перебросило В. Кимака на работу в мадьярскую область за Дунай, но и здесь он подвергался преследованиям со стороны мадьяронов и венгерских ассимиляторов, и вынужден был в 1873 году покинуть Австро-Венгрию и переселиться в Россию.

В сентябре 1871 года состоялось шестое собрание «Общества Василия Великого», задолго до которого партия Панковича начала подготовку к тому, чтобы убрать «панславистских» руководителей общества. С этой целью сторонники епископа потребовали провести выборы правления общества путем открытого голосования, рассчитывая на то, что присутствующие на собрании священники не решатся выступить открыто против кандидатур, предложенных епископом. В этих условиях ни один из старых руководителей общества не был избран в состав правления. Руководство обществом перешло в руки мадьяронов А. Негребецкого и Ю. Маркуша. Через две недели после обновления правления общества Панкович потребовал его ликвидации. Однако этому воспротивились не только многие рядовые члены общества, но и новые председатели, которые еще щеголяли своей «преданностью народному делу».

В течение двух последующих лет епископ Панкович с упорством маниака добивался своей цели. Пользуясь поддержкой нового министра культуры и просвещения Трефорта, предложившего комитатским властям организовать сеть научных, литературных обществ и музеев с целью мадьяризации невенгерских народов, Панкович потребовал превращения «Общества Василия Великого» в отделение мадьярского культурно-просветительного учреждения «Общества св. Стефана». Выполнение этого требования означало не только ликвидацию «Общества Василия Великого» как национально-культурного учреждения, но и превращение его в центр мадьяризации закарпатских украинцев. А. Л. Погодин, говоря о политике австро-венгерского правительства по отношению к национально-культурным требованиям русинов, справедливо указывал, что «вечно пугавший Австро-Венгрию призрак «панславизма» был особенно грозен, когда шло дело о населении русском, естественно тяготевшем в сторону России. Поэтому ей представлялись допустимыми и терпимыми только такие литературные и политические движения, которые создавали пропасть между Россией и русским населением Австро-Венг-

³⁶⁰) Указ. соч Стрипский К, Язык литературной традиции, стр. 7.

рии. но подлежащим искоренению все то, что, напротив, их сближало»³⁶¹).

И. Сильвай, характеризуя состояние «Общества Василия Великого» и его деятельность в 70-х годах XIX столетия, писал, что после захвата руководства обществом кликой Панковича «настало торжество полной безжизненности, и если это положение можно как-нибудь назвать, то всего справедливее можно его назвать: умственной нищетою. Неспособные предводители не заботились ни о чем, сбитая же с поприща народная партия неохотно участвует на обесславленном противниками поле, и свое народолюбие доказывает скорее фактически: обучением детей в народных школах. На происходивших про forma общих и комитетовых собраниях обыкновенно говорилось много, с воодушевлением, с вычурами и изысканными формами, о потребности образования народа, а на деле не предпринималось ничего. витии обыкновенно оставляли свое воодушевление у стола собрания»³⁶²). К числу именно таких собраний можно отнести собрание, происшедшее в октябре 1863 года. За словесной шумихой о «просвещении народа», о котором с жаром говорили многие ораторы, скрывалась одна цель, диктуемая епископом Панковичем, выполнявшим в свою очередь волю своих высокопоставленных хозяев: дискредитировать до конца идею «русскости», лежавшую в основе деятельности общества при его организации, изгнать «москвофильский дух» и, как выражался И. Сильвай, «решением самого общества прекратить его существование».

Вот почему на повестку дня этого собрания был поставлен вопрос о «преобразовании» «Общества Василия Великого». Сторонники епископской партии в своих выступлениях пытались очернить общество, доказать бессмысленность его существования и, лицемерно прикрываясь «интересами народа», высказались за ликвидацию общества, заявляя, что культурные нужды греко-католиков с успехом может удовлетворить «Общество св. Стефана»³⁶³). Один из приверженцев Панковича А. Шерегелей внес проект, в котором между прочим говорилось: «Так как общество не изъясняет никаких знаков жизни, то его капитал должен слиться с прочими епархиальными фондами», т. е. другими словами предложил в замаскированной форме прекратить деятельность общества, подчинив его всецело воле епископской консистории. Другой сторонник епископа благочинный А. Пуза, указывая на бездеятельность общества, сравнивал его с «порожним пузырем», с

³⁶¹) Погодин А. Л., Зарубежная Русь, Петроград, 1915, стр. 24.

³⁶²) Указ соч. Урил Метеор, стр. 85

³⁶³) «Общество св. Стефана» — мадьярское реакционное религиозно-просветительное и историческое учреждение

«гнилою водою озера». Основной причиной застоя в работе общества он считал отклонение от его «главной» цели. «Высшее общество, заявлял этот мадьярон, была культура, образование народа», но общество издавало только книги, которые служили удовлетворению амбиции отдельных лиц, в частности, «под фирмой общества издавалась сатирическая газета «Сова», выставившая почтенную личность владыки на посрамление и искоренявшая уважение к иерархии и ее началам»³⁶⁴). А. Пуза предложил переименовать, «скомпрометировавшее» себя «Общество Василия Великого» в «Общество св. Григория». Новое общество, заявлял он, должно навсегда отказаться от издания книг «московского стиля». Все эти выступления были рассчитаны на то, чтобы подготовить общественное мнение к ликвидации национального культурно-просветительного учреждения Закарпатья.

Некоторые члены общества, понимая насколько пагубной для культурного развития Закарпатья является политика партии Панковича, выступили против предложений клеветов епископа, называя предложение о переименовании общества «ребяческой затеей» и «ханжеством». Они спрашивали: «Чем св. Григорий лучше св. Василия?», на что «ликвидаторы» не могли дать вразумительного ответа. Наконец, противники превращения «Общества Василия Великого» в центр мадьяризации русинов указывали, что слияние его с «Обществом св. Стефана» ничего, кроме вреда делу просвещения русинов, не принесет, так как в лучшем случае это общество ограничится изданием нескольких книг «для народа», написанных «латинско-мадьярским правописанием».

Собрание 1873 года, оставив прежним наименование общества, поручило новым председателям правления — священникам Е. Поповичу и И. Даниловичу — заняться изданием учебников на «угрорусском» и мадьярском языках. С этого времени «Общество Василия Великого» потеряло всякое значение как национальное культурно-просветительное учреждение. Число членов общества и денежные фонды его резко сократились. Если в 1871 году в обществе состояло около 600 членов, то через восемь лет их осталось несколько десятков; в 1867 году доходы общества составляли 5400, в 1871 году — 7408, а в 1879 году снижаются до 42 гульденов. Еженедельник общества «Новый свет» вскоре был преобразован в газетку «Карпат», которая уже официально являлась органом «епархиального правительства» и общества и выходила под громким титулом «общественная, социальная, церковная, научная, литературная и экономическая газета», а на самом деле она пред-

³⁶¹) Цит по указ соч Н П-в, стр. 89—90.

ставляла собой узковедомственный листок епископской консистории, хотя и придерживавшийся вначале «русского» языка, но по своему содержанию, как указывали современники, служила «новой политической ориентации». Из года в года «Карпат» все больше терял свои внешние признаки русинской газеты, помещая вначале изредка заметки и статьи на мадьярском языке, а под конец своего существования (1886 год) превратился в мадьярскую газетку со славянским названием и отдельными статьями на местном диалекте.

**
*

На протяжении 70-х годов «Общество Василия Великого» продолжало прозябать, находясь, по выражению одного современника, «в состоянии обморока». «Нас более 500000 человек, писала газетка «Карпат»³⁶⁵), между тем общество св. Василия не имеет более 40 членов, а число подписчиков нашей единственной газеты не достигает и 100». В 80-х годах общество уже не проявляло никаких признаков жизни³⁶⁶). Новые руководители общества, как писал Е. Сабов, «обещавшие постараться об издании учебников и иных, полезных для народа книг, не сделали и не издали, кроме тощих месяцесловов, ничего»³⁶⁷). Читальни общества были закрыты, библиотеки ликвидированы³⁶⁸). Как можно судить по одному из протоколов заседания правления общества за 1884 год (председатель общества М. Маркуш, члены правления каноники Мондок, Гебей, Рожкович и др.), его издательская деятельность совершенно прекратилась, а средства общества были расхищены казначеем униатским священником М. Гомичковым, который присвоил 1170 форинтов общественных средств³⁶⁹). В 1886 году вместо мадьяризованного и не имевшего подписчиков еженедельника общества «Карпат» стала выходить газетка «Наука» на испорченном народном языке, представлявшем собой, как выражался анонимный закарпатский корреспондент «Славянских известий», «довольно странную смесь», так как редакция «Науки» не могла выйти из «словенско-немецко-мадьярско-русского лабиринта»³⁷⁰).

³⁶⁵) «Карпат», № 7 за 1879 год

³⁶⁶) ГАЗО, ф 4, 1881, д. 73, лл. 2—7.

³⁶⁷) Сабов Е, Хрестоматия церковнославянских и угрорусских литературных памятников, с прибавлением угрорусских народных сказок на подлинных наречиях, Унгвар, 1893, стр. 209.

³⁶⁸) «Листок», № 4, 15 (27) февраля 1888 года, стр. 54.

³⁶⁹) ГАЗО, ф 7, оп III, 1884 г, д. 2574, лл 4—17

³⁷⁰) Указ. соч Путник, стр. 641. С этого же, 1866 года Е. Фендик начал издавать журнал «Угрорусский листок» на языке, приближающемся к литературному русскому языку. В журнале «Листок» регулярно публиковались сообщения о политической и культурной жизни в России. В частности, «Листок» поместил в 1888 году следующую информацию, пе-

На одном из последних собраний «Общества Василия Великого», находившегося, по словам Е. Фенцика, «в летаргическом сне»³⁷¹), члены правления — мадяроны настаивали на изменении устава общества, «применительно к требованиям нового времени», с тем, чтобы оно твердо стало «на службу католичеству и воспитанию народа посредством этнографии, географии, истории, чтобы сохранить этот народ для мадыарства». Газетка «Ungvári Közlöny», возражая против реорганизации общества, требовала его полной ликвидации. В унисон ей вторила газетка «Ung». Настаивая на прекращении издания литературы на родном языке, она подкрепляла свое требование таким резонерством: «Хотя Василий Великий и любил свою религию, но он не издал ни одного учебника на рутенском языке...» Эта газетка также требовала закрыть «Общество Василия Великого». В то время, когда Венгрия празднует свое тысячелетие, писала она, «не следовало бы несколькими предводителям подкарпатского греко-католического народа заниматься таким противоположным делом»³⁷²). В ответ на эти выступления органов ассимиляторов редактор журнала «Листок» Е. Фенцик заверил, что «Общество Василия Великого» не будет заниматься политикой, как оно не занималось ею и раньше, и робко добавил: «Мы желаем только тихо развиваться, и если бог создал нас, разумеется, желаем жить своею собственною жизнью»³⁷³).

Однако надежды представителей «народной» партии на то, что им удастся сохранить «Общество Василия Великого» и хотя бы в самых ограниченных рамках проводить национально-культурную деятельность, не оправдались. Преемники Панковича епископы Фирцак и Валлей превратили общество в последние годы его существования (1897—1901 годы) «из орудия просвещения народа, как выражался Е. Фенцик, в орудие вынародовления». На собрании общества в 1901 году было принято решение об издании еженедельной мадыарской газеты «Göög katholikus Szemle» (Греко-католический обзор), которая стала трибуной мадыаронов. «Общество Василия Великого» было ликвидировано в апреле 1902 года³⁷⁴).

репечатанную из русских газет: «В Томске, в Сибири, 22 июля открыт торжественно университет. Видно «варварской» России идет о том, чтобы в пустынях Азии строили железные дороги и высшие учебные заведения» («Листок», № 17, 1 (13) сентября 1888 года, стр. 262).

³⁷¹) «Листок», № 13, 1 июля 1895 года, стр. 149

³⁷²) Там же, № 18, 15 сентября 1895 года

³⁷³) Там же

³⁷⁴) Вместо «Общества Василия Великого» было создано «Литературное и книжное акционерное общество «Унио» (в состав правления его входили главным образом представители униатского духовенства Якович, Чопей, Грабарь, Августин Волошин — впоследствии фашистский нацист, и др.) (см «Славянский век», № 43, 1902 г., стр. 531; Н. Лелекач, Подкарпатское письменство на початку XX века, Унгвар, 1944, стр. 3).

Его постигла участь многих других культурно-просветительных организаций немадьярских народов³⁷⁵). Утверждение униатских авторов о том, что «Общество Василия Великого» прекратило свое существование вследствие «русской ориентации» и употребления русского языка, якобы «чуждого» народу, совершенно не обосновано. «Общество Василия Великого» было разгромлено венгерскими ассимиляторами и их униатско-католическими пособниками, как национально-культурное учреждение закарпатских украинцев. Наступлению ассимиляторов на «русскость» не могли противостоять представители «будительского» течения, которые по своему классово-сословному положению, по своим идейно-политическим взглядам не могли возглавить борьбу народных масс за свои национальные права. Они были далеки от народа, от его коренных социальных и национальных интересов, и поэтому не имели опоры в массах народа, а без поддержки народа не могла быть действенной и их борьба против ассимиляторов.

Ярослав Галан такими словами охарактеризовал мировоззрение и деятельность закарпатских «будителей»: «При всей доброй воле этих людей они не имели ни силы, ни желания порвать со средой, в которой они воспитались и выросли... Они призывали народ только к тому, к чему в Галичине призывал его Наумович: «Молись, учись, трезвись». Их социальное положение, положение собирателей «коблин» и «роковин», определило их мировоззрение. В их произведении не найдете призыва к борьбе, ибо они знают, что народ-борец пошел бы войной против класса эксплуататоров, с которым они связаны тысячами нитей. Они любят по-своему этот народ... любовью либеральных аристократов, которые хотели бы наиболее дешевым способом примирить огонь с водой... Часто они гневными словами порицают будапештское правительство и противопоставляют ему венское, а преданность венгерскому королю стремятся заменить преданностью австрийскому императору, хотя функции венгерского короля и императора Австрии выполняет одно и то же лицо...»³⁷⁶).

Общество «Унио» сыграло исключительно реакционную роль в культурной и политической жизни Закарпатья

³⁷⁵) Подобно «Обществу Василия Великого», подвергалась гонениям и была закрыта в 70-х годах «Словацкая Матица», а денежные средства и недвижимое имущество ее были конфискованы австро-венгерскими властями. На протесты словацкой общественности, требовавшей восстановления «Матицы» и возвращения конфискованных средств и имущества, министр Тиса цинично ответил, что деньги некому вернуть, так как «в Венгрии нет словацкого народа» (см. А. И. Я., Словаки в водовороте мадьяризации народностей Венгрии, «Славянские известия», № 1, СПб, январь-март 1906 года, стр. 74). В 1902 году прекратила свое существование украинская культурно-просветительная организация «Общество Иоанна Крестителя» в Прешове, созданная А. Духоновичем

³⁷⁶) Галан Я. Гвори, т. II, К., 1953, стр. 397, перевод с украинского автора

ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАКАРПАТЬЯ НА СЛУЖБЕ ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ АВСТРО-ВЕНГРИИ И ВАТИКАНА

1. ПОПЫТКИ ОКАТОЛИЧЕНИЯ ЗАКАРПАТСКИХ УКРАИНЦЕВ И ВОПРОС О ЦЕРКОВНОЙ АВТОНОМИИ

В условиях обострения классовых, политических и национальных противоречий в Австро-Венгрии во второй половине XIX столетия наблюдается усиление католической реакции, проявлявшейся в Закарпатье в дальнейшем сращивании греко-католической церкви с государственными органами угнетения трудящихся, в ожесточенном преследовании ею революционного движения и всяких проблесков прогрессивной мысли, в насаждении средневекового обскурантизма и в еще большей зависимости униатской церкви от католической, стремившейся установить безраздельное господство папской курии в Закарпатье, ассимилировать и окатоличить закарпатских украинцев.

Наступление католической реакции вызвало противодействие народных масс. Возникшее в этот период движение за автономию русинской церкви являлось ответом на наступление «папешников». Правильно понять и оценить характер и значение этого движения можно только на основе марксистско-ленинского принципа историзма в подходе к общественным явлениям. Это движение нельзя рассматривать только как конфессиональное движение, в отрыве от тех конкретно-исторических условий, которыми оно было вызвано.

Коротко говоря, одна из особенностей социально-экономических и общественно-политических отношений в Закарпатье этого периода характеризовалась тем, что массы трудящихся закарпатских украинцев, состоящие главным образом из крестьян, исповедовавших «руську» веру, подвергались тяжелой

эксплуатации, политическому, национальному и религиозному угнетению со стороны господствующих классов—помещиков и буржуазии, принадлежавших к великодержавной нации и исповедовавших преимущественно католическую религию. Движение за автономию русинской церкви в этих условиях надо рассматривать как одну из форм протеста народных масс Закарпатья, как выражение недовольства засилием немецко-венгерских помещиков-католиков, диктатурой Ватикана и чужеземным угнетением.

Борьба против насильственного окатоличения, «панской» религии, тяжелых церковных поборов и патроната земельных магнатов над церковными общинами тесно переплетается с социальными устремлениями масс верующих крестьян, придавленных нуждой, помещичье-ростовщической кабалой и произволом властей, сливается с борьбой за освобождение от эксплуатации.

Выступления широких масс крестьян против латинизации церковных обрядов и мадьяризации богослужения, отстаивание грековосточного строя и организации русинской церкви, выступления против опеки католической церкви над народными школами являлись выражением борьбы масс против наступления мадьярско-католической реакции, стремившейся к уничтожению культуры, письменности, языка закарпатских украинцев, к их полной ассимиляции.

В этой обстановке массы верующих рассматривали, по словам современников, свою церковь как «последний оплот национальной жизни», так как только в богослужении употреблялся еще славянский язык и в церковных книгах сохранялась древнеславянская письменность, поддерживавшие в массах сознание национальной и культурной общности русинов с украинским и русским народами. Эту мысль А. Кралицкий выразил такими словами: «Наши благоразумные люди уже давно убедились, что не будь мы чада восточной церкви и не питайся мы млеком ея славянского — нашему народу понятного богослужения, столь тесно связанного с нашей народностью, мы давно уже потонули бы в латинско-мадьярском море...»¹⁾.

Подчинение униатской церкви римско-католической являлось одной из причин, питавшей недовольство масс верующих, видевших в этом «латинском всевластии» средство превращения русинов в «папешников». Всякий протест против диктатуры и произвола католических магнатов по отношению к закарпатской церкви расценивался правящими кругами как «шизматическая ересь» и жестоко преследовался властями.

¹⁾ Указ соч. NN, стр. 44

После революции 1848 года вопрос об освобождении закарпатской церкви от католического диктата поднимался представителями закарпатской национальной интеллигенции не один раз и в печати и в венгерском сейме, но неизменно встречал самое отрицательное отношение со стороны правящих венгерско-католических кругов, объявлявших подобные выступления «московитской пропагандой».

А. Добрянский на заседании венгерского парламента в 1868 году выдвинул программу церковной реформы в Закарпатье, которая включала в себя три основных требования: 1) предоставление автономии русинской церкви, 2) учреждение третьей, марамарошской, униатской епархии и возведение мукачевского епископа в сан митрополита; 3) создание высшего органа управления униатской церковью—собора, состоящего из представителей духовенства и мирян. Хотя этот проект А. Добрянского и был поддержан румынскими депутатами, но как «панславистский» не получил одобрения со стороны мадьярско-католического большинства парламента.

Усилившееся наступление венгерских ассимиляторов и католической реакции против национальной культуры и религии закарпатских украинцев после установления австро-венгерского дуализма подняло новую волну недовольства широких масс закарпатских украинцев. Не случайно в эти годы среди верующих и оппозиционных кругов духовенства получает распространение брошюра «Слепца Григория Ширяева», ополчавшегося против угрозы окатоличения восточных славян. Как заявляли современники, «Слепец» открыл глаза многим верующим на подлинную роль прислужников Ватикана в Закарпатье. Вот почему, как писал И. Сильвай, «Слепец» переходил из рук в руки и особенно у молодежи произвел фурор. Тогдашнее епархиальное местоблюстительство сочло нужным запретить окружным письмом чтение «Слепца»; даже особенно назначенные люди были высылаемы для изловления бедной брошюры²⁾.

Особенно острые формы недовольство верующих приняло в связи с разнузданно-циничной антинародной политикой, проводимой епископом-мадьяроном Панковичем. Его «патриотическая» деятельность породила у «народной партии», как писал И. Сильвай, «опасение за веру и народность, и первоначальная неприкосновенность лица могущественного епископа вполне потеряла свой нимб; все не обинуясь считали его правление несчастьем для Угорской Руси³⁾».

²⁾ Указ. соч. Уриил Метеор, стр. 58.

³⁾ Там же, стр. 69.

Именно в этих условиях разгула венгерско-католической реакции и зародилось массовое движение за церковную автономию в Закарпатье. Широкие слои верующих Марамарошской, Угочской, Земплинской, Шаришской, Спишской и других столиц требовали восстановления церковной автономии на основе «уникальных пунктов» 1642 года и ликвидации зависимости униатской епархии от римско-католической церкви, напоминающей худшую пору «ягерского засилья»⁴).

В это же самое время правящие классы Венгрии, осуществляя политику «консолидации» государства, т. е. политику укрепления своего господства путем подавления растущего революционного движения рабочего класса и масс крестьянства, национально-освободительной борьбы угнетенных немадьярских народов, стремятся усилить роль и значение венгерской католической церкви как своей идеологической опоры, устранив главенство над нею немецких архиепископов и полностью подчинив ей другие церкви, в частности, румынскую и русинскую униатские церкви⁵).

С этой целью в конце 1870 года в Пеште под председательством примаса Венгрии Иоанна Шимора был созван «конституционный католический конгресс» с участием представителей всех епархий — католических и греко-католических. В этом «едином конгрессе католиков, — как указывал русский автор К. Кустодиев, — латинская партия видела средство удовлетворить своему самовластию, а правительство находило орудие скрепить разрозненные части своего государства»⁶).

⁴) Среди греко-католического духовенства по вопросу о церковной автономии образовались три группы: сторонники независимости униатской церкви Закарпатья, возглавляемые так называемой «народной партией», группа священников-мадьяронов, стоявшая на позициях полного подчинения униатской церкви католической, и, наконец, группа «оппортунистов», возглавляемая А. Гомичковым, которая выступала против «поспешности» в осуществлении автономии униатской церкви. А. Гомичков, обосновывая точку зрения этой части духовенства, указывал, что добиваться автономии греко-католической церкви следует постепенно, так как «даже бог сам, быв всемогущ, не одного дня сотворил свет...» («Свет», № 8, 23 февраля (7 марта) 1869 года).

⁵) Помимо мукачевской униатской епархии, насчитывавшей в этот период свыше 400 тысяч верующих, в 1816 году от нее были отделены западные столицы и образована в 1818 году вторая, прешовская униатская епархия, в состав которой входили жупы Абауй, Шариш, Спиш, Торна и часть комитата Земплин. В 60-х годах XIX столетия в прешовской епархии насчитывалось 150 тысяч верующих, 59 приходов, 303 церкви и 207 священников. В 1856 году была учреждена самош-уйварская униатская епархия, к которой отошли от мукачевской епархии 94 прихода со 105 тысячами румынского населения (см Головацкий, Карпатская Русь, «Славянский сборник», т. 2, СПб, 1877, стр. 79, 80).

⁶) Указ соч К. Кустодиев, «Православное обозрение», май, 1871 г., стр. 705

Этот конгресс должен был выработать статут автономии и определить такие формы организации и самоуправления римско-католической и соединенных с нею униатских церквей Венгрии, которые обеспечивали бы политические цели правительства. Архиепископ в своих выступлениях на «предварительном» и «конституционном» конгрессах не считал необходимым скрывать, какие именно политические цели он преследует. Помимо обеспечения «исторической миссии» *patrio Hungaria*, новая организация католической церкви, по словам примаса, должна была отвечать новым задачам «пастырского попечения о душах» с тем, чтобы «лучше соблюсти католическое юношество, начиная от деревенской школы и оканчивая высшим воспитанием и образованием, которое приятно богу..., дабы таким образом в каждом новом католическом поколении приготовлялась отечеству новая, разумная и жизнеспособная, короне верная, закону послушная, незыблемая опора». Наконец, выражая идею утверждения «мадьярской супремации», т. е. порабощения немадьярских народов господствующими классами Венгрии, и прикрывая ее разглагольствованиями о «свободе» и «братстве», архиепископ заявлял: «Мы должны при организации автономии церкви руководствоваться мыслью, чтобы католицизм, бывший в продолжении восьми столетий столпом царства св. Стефана, и теперь послужил крепчайшими узами для связи различных национальностей нашего отечества», подняв «силу великого католического большинства нации», которое и должно стать «опорою отечества, трона и свободы»⁷⁾.

Если церковная автономия Венгрии, по мысли ее правящих кругов, должна была закрепить главенство католической церкви над униатскими церквями, обеспечить «латинизацию» их и окатоличение масс румынского и закарпато-украинского населения, то движение за автономию церкви в Закарпатье и румынских областях преследовало цель — ослабление этого главенства и восстановление организации и обрядов греко-восточной церкви.

Католическая партия понимала, что движение за церковную автономию в Закарпатье противоположно плану правительства и руководства католической церкви, что массы верующих русинов готовы к противодействию этим планам, так как «эта горсть народа, несмотря на всесторонние притеснения, сохранила свою народную индивидуальность в течение стольких столетий», что она и теперь «готова была на отпор», — писал И. Сильвай⁸⁾. Вот почему правительство и католическая партия поручили своим агентам — мукачев-

⁷⁾ Там же, «Православное обозрение», октябрь 1871 г, стр 549—550, декабрь, 1871 г, стр 808.

⁸⁾ Указ. соч Уриил Метсор, стр 57.

скому и прешовскому епископам возглавить это «автономистическое» движение с тем, чтобы придать ему «патриотическое» направление.

Выборы на конгресс происходили в обстановке острой борьбы между сторонниками автономии и верховодами униатской церкви⁹⁾. Верующие во многих приходах решительно выступали против католического засилья, заявляя: «Мы не латинники, мы исповедуем и будем исповедовать руську веру». Несмотря на противодействие епископа Панковича и его приспешников, на конгресс от мукачевской и прешовской епархий были избраны 7 депутатов, принадлежавших к так называемой «народной» партии, и только 6 представителей «правительственной» или «епископско-латинской» партии. Первую из них возглавили А. Добрянский и представитель прешовской епархии М. Мовчан, вторую — епископ Панкович.

«Народная» партия, выражавшая требования массы «верников», отстаивала независимость греко-католической церкви во внутренних делах и полное восстановление греко-восточных обрядов и обычаев, в частности, выборности епископов. В Закарпатье только видимость выборности мукачевских епископов сохранялась до 1809 года. С этого времени ни клир, ни тем более верующие никакого влияния на назначение архипастырей не оказывали. «В настоящее время, — указывал один из униатских авторов, — мы епископов получаем в силу королевской номинации, в особе таких лиц, которых для этого места считает удобным угорский министр вероисповеданий и народного просвещения, без контрассигнаций которого, по смыслу угорских законов 1848 года, самое назначение государя считается неважным. Известно по опыту, что при избрании лиц на этот столь важный и в политическом отношении пост, больше веса придается его политическим убеждениям, согласным с интересами мадьяризации, чем его церковным заслугам и пастырским качествам»¹⁰⁾.

Обосновывая свои требования, представители «народной» партии ссылались на то, что до 1649 года¹¹⁾ русины принад-

⁹⁾ Правом участия в выборах делегатов на католический конгресс, как указывалось в опубликованном положении о выборах, пользовался верующий, «почтительно состояния христианин-католик, который должности своей к церкви и школе удовлетворяет» («Свет», № 13, 30 марта (11 апреля) 1869 года). Разъясняя это положение, газета «Свет» писала: от мирян необходимо избирать на конгресс не только преданных католической церкви, но и «богатейших мужей», так как расходы на поездку в Пешт правительство не возмещает (см. «Свет», № 15, 13 (25) апреля 1869 года).

¹⁰⁾ Указ. соч. N. N., стр. 45.

¹¹⁾ В этом году состоялся съезд католического духовенства Венгрии, на котором мукачевский епископ Ростошинский заявил от имени духовенства и верующих о подчинении закарпатской православной церкви Риму

лежали к православной церкви и только с этого года они признали догматическое соединение с западной церковью. Заключенный при этом договор гарантировал русинской церкви сохранение своего обряда и особой восточноцерковной организации. Договор обеспечивал, как утверждали «автономисты», следующие права и привилегии униатской церкви и ее духовенства: 1) сохранение греческого обряда (*ut ritum ecclesiae servare liceat*); 2) избрание епископа духовенством и верующими с последующим утверждением римской курией (*ut episcopum a nobis electum et ab apostolica sede confirmatum habere*); 3) предоставление униатскому клиру одинаковых привилегий и выгод с латинским духовенством (*ut privilegiis ac immunitatibus ecclesiae latinae nobis frui liceat*)¹²⁾.

«Народные послы», положив в основу своих требований эти статьи «униального договора», настаивали на том, чтобы до созыва общекатолического съезда Венгрии по вопросу церковной автономии был созван «смешанный конгресс» всех «угорских русских» с участием представителей духовенства и мирян, который определил бы принципы автономии русинской церкви и поручил отстаивать их своим депутатам в Пеште.

В конце 1870 года сторонники «народной» партии направили в адрес конгресса просьбу, подписанную 200 представителями закарпатского духовенства и мирян, в которой, основываясь на исторических данных, приводилось доказательство того, что соединение русинской закарпатской церкви с католической простирается только лишь на догматы, но не распространяется на школы и церковное управление. Вопрос же о «расширении идеи церковного соединения» может решить только особый конгресс представителей униатской церкви, право созыва которого авторы просьбы обосновывали ссылками на историю.

В этой просьбе, составленной в весьма робких выражениях, указывалось, что в выполнении «униального договора» заинтересована не только закарпатская униатская, но и вся католическая церковь, так как невыполнение его может привести к «замешательствам». «У почтенного собрания мы не просим милости,— говорилось в этом документе,— не просим нового права; но в интересах догматического соединения, мы просим его., чтобы обезопасило церковь от тех замешательств, которые мы предвидим в случае, если не будет исполнен упомянутый договор. Просьба наша, так как в основе ее лежит договор, вовсе не может быть названа дерзкою и.

¹²⁾ На самом же деле никакого письменного «униального договора» заключено не было. Представитель папы только на словах подтвердил указанные условия унии.

что касается ее исполнения, это больше всего интересует всю католическую церковь»¹³⁾).

Партия Панковича, выполняя волю господствующих классов и Ватикана, выступала за «совместную автономию» римско-католической и униатской церквей Венгрии под властью остригомского католического примаса. Отвергая претензии «народной партии» на независимость униатской церкви как не соответствующие «духу времени и прогрессу», Панкович заявлял, что другой автономии, кроме «общекатолической», русины не желают и «противятся всякому русскому панславизму». Другими словами, Панкович и его хозяева стремились к тому, чтобы под видом «совместной автономии» окончательно объединить, слить униатскую церковь с римско-католической и таким образом окатоличить и ассимилировать украинцев Закарпатья.

Чтобы парализовать деятельность «народной» партии и создать перед конгрессом видимость того, что массы верующих также отвергают требования «автономистов-панславистов», Панкович поспешил созвать в январе 1871 года своих приверженцев и эту сходку назвал «народной конференцией». По свидетельству газеты «Ung», органа партии Панковича, на этой «конференции» присутствовало 200 представителей духовенства и мирян, на самом же деле епископу удалось привлечь на свою сторону менее 100 человек из числа высшего духовенства, чиновников-мадяронов и кулаков.

Эта «конференция», по словам газеты «Свет»¹⁴⁾, должна была заявить от имени «народа» протест против «антипатриотических» домогательств 7 депутатов конгресса. Клевреты Панковича пытались всячески очернить «схизматическую семерку», изображая предъявленные ею требования как «антигосударственные». Выступивший на этом сборище управляющий казенным имением Ю. Маркош резко осудил поведение «семерки» и высказался за принятие следующего решения: верующие мукачевской епархии, хотя и придерживаются твердо своих обрядов и обычаев, но «другой автономии отдельной от римо-католиков они себе не желают, и потому решительно и впредь будут противиться всякому расколу и панславистским стремлениям».

После проведения этого сборища Панкович, как выражался И. Сильвай, «победоносно» возвратился в Пешт, поручив редакции «Ung» организовать «протестационные» выступления в печати, осуждающие «народную» партию и восхваляющие «патриотическую» деятельность епископа.

¹³⁾ Попов Н, Церковное движение в Угорской Руси, «Православное обозрение», М., январь, 1871 г., стр. 19

¹⁴⁾ «Свет», № 1, 1871 г.

Материалы католического конгресса являются важным источником для изучения общественно-политической жизни в Закарпатье во второй половине XIX столетия. Они дают возможность понять особенности национального и религиозного движения в Закарпатье и сущность политики господствующих классов Австро-Венгрии по отношению к угнетенным нациям. Выступления депутатов конгресса, их речи, произнесенные в пылу полемики, раскрывают перед нами многие, обычно скрытые, стороны антинародной деятельности и политики католической церкви и ее униатских прислужников.

Острые прения возникли на конгрессе прежде всего по вопросу выборности епископов и прав униатской церкви на независимость во внутренних делах. Для составления проекта плана организации католической церковной автономии Венгрии конгрессом был создан «комитет 27». Представители «народной» партии униатских епархий отказались принять участие в работе комитета, мотивируя это тем, что они не правомочны решать вопросы автономии русинской церкви. Они продолжали настаивать на созыве особого конгресса мирян и духовенства русинских церквей, заявляя, что полномочия для решения вопроса об автономии униатских церквей им может дать только этот орган. В этом духе от имени трех депутатов закарпатской церкви и было составлено заявление, направленное для обсуждения в «комитет 27».

В центре дискуссии на общекатолическом конгрессе в Пеште стояли «предложения трех», отстаивавших автономию греко-католической церкви и выборность епископов, и заключение «комитета 27», отвергавшее эти предложения и требовавшее слияния церквей под гегемонией католической клики.

«Комитет 27», состоявший из представителей католической партии, в своем решении лицемерно заявлял, что он не может понять причину выраженной в «предложении трех» «тоскливости» по поводу «непочитания прав наших братьев греческого обряда», так как эти права, мол, охраняются «отечественными законами», и что католическая автономия оставляет «основания унии неприкосновенными». «Автономистическое собрание», говорилось далее в постановлении комитета, не вправе решать вопрос о созыве «особенного конгресса», а также не может «уволить от участия или действия в делах, постановленных в автономическом устройстве, одну часть нашей однообразной церкви».

Комитет рекомендовал конгрессу принять следующее решение по «предложению трех»: 1) указать, что независи-

мость католиков греческого обряда останется и после установления автономии католической церкви Венгрии «ненарушимой»; 2) выражая сожаление о том, что часть католиков греческого обряда не приняла участия в происходящих совещаниях, комитет надеется, что когда она одумается, то будет содействовать делу общекатолической автономии; 3) отвергнуть предложение о созыве «особенного конгресса»¹⁵⁾.

Развернувшиеся после этого прения по заключению «комитета 27» раскрывают перед нами глубоко антинародные цели «епископской» партии и католического большинства конгресса. Мирской депутат мукачевской епархии Е. Попович, отстаивая широкую автономию русинской церкви, требовал проведения богослужения на родном языке, усиления влияния мирян на дела церкви и выборности высшего духовенства с целью ограничения его власти¹⁶⁾.

Требования закарпатских «автономистов» были изложены ими в следующих пунктах: 1) признание «личности» греко-католической церкви, т. е. ее «автономной организации, одобренной национальным церковным конгрессом»; 2) сосредоточение управления делами церкви в руках выборного административного совета; 3) избрание и назначение высших должностных лиц, включая и епископов, епархиальным собранием; 4) замещение вакантных мест приходских священников общинами верующих, которые избирают священником одного из трех кандидатов, рекомендованных епархиальным советом; 5) предоставление мест представителями греко-католической церкви в общей «административной директории» католической церкви Венгрии; 6) руководство приходскими школами принадлежит епархиальному совету, школы содержатся исключительно за счет средств общей католической кассы; 7) «во вспоможении из общего церковного фонда» униатские и римско-католические священники, учителя и школы пользуются одинаковыми правами.

О позиции, которую занимала в этих вопросах «правительственная» партия, можно судить по выступлениям сторонников Панковича. Советник министерства внутренних дел А. Негебецкий, ополчаясь против «предложения трех», мотивировал свое отрицательное отношение к выборности епископов в таких выражениях: «Я боюсь, что если бы его величество предоставил право избирать епископа... это не бы-

¹⁵⁾ Указ соч Уриил Метеор, стр 75, 76

¹⁶⁾ Выступления на конгрессе приводятся по «Отчету о конгрессе для организации католической церкви Венгрии» («Православное обозрение», март. 1872 г., стр 450—476), по соч. Кустодиев в К. Л., Конгресс католиков Венгрии и угорские русские («Православное обозрение», март-декабрь 1871 г.).

ло бы полезно для нашей церкви в теперешнем ее положении», так как выборы епископа неизбежно вызвали бы борьбу партий и применение «не совсем чистых средств, которые употребляются в подобных случаях... Избранием не всегда избираются лучшие люди»,—заклучил Негребецкий, добавив, что он остается доволен существующим порядком назначения архипастырей.

Правящая клика Австро-Венгрии, руководители католической церкви и их униатские пособники небезосновательно считали, что восстановление грековосточной церковной организации неизбежно приведет к ослаблению позиций католицизма и затруднит осуществление ассимиляторских планов в Закарпатье. Выступление Негребецкого отражало именно стремление реакционно-католических кругов не допустить введения «конституционного» управления церковными делами, которое отстаивали закарпатские «автономисты».

Речь Негребецкого характерна и в том отношении, что она показывает, насколько глубоко уже зашло моральное разложение высшей униатской иерархии, которая восприняла все пороки католической церкви, симонию, грызню групп и партий в борьбе за епископскую кафедру и другие доходные местечки в католической церковной иерархии.

Один из наиболее энергичных противников «правительственной» партии депутат прешовской епархии М. Мовчан по поводу выступления Негребецкого сказал: «*difficile est satagat pop scibile»* (трудно не писать сатиру) и, защищая «предложение трех», подверг едкому осмеянию епископа Панковича, хотя и не решился назвать его по имени. М. Мовчан, обращаясь к депутатам конгресса, иронически спрашивал. «... А если бы апостольский король по неапостольскому совету выбрал бы еще менее апостольского епископа, который лишил бы свою церковь ее прав, который бы не разумел языка собственной паствы, которого голоса паства вовсе бы не слышала, который мало бы занимался церковными делами, но тем больше мирскою политикою, кстати сказать, не разумя ее, а служа только орудием для других,—спрашиваю, останется ли он доволен таким епископом?». Сославшись на слова калочского католического архиепископа, который доказывал на конгрессе, что многие архиереи католической церкви, назначенные королем, защищают, однако, права церкви, даже выступая против гражданской власти, Мовчан в пику епископу Панковичу заявил: «Относително нашей церкви, я, к сожалению, должен объявить, что не могу указать на такие достохвальные примеры, особенно с тех пор, как архипастыри нашей церкви не избираются, а назначаются по частной рекомендации».

Сторонник Панковича В. Гаджега с особым остервенением обрушился на М. Мовчана за его выступление против епископа и существующей системы назначения архиереев из числа прислужников венгерских магнатов. Речь Мовчана он назвал «грубой, беспощадной и полной самой черной неблагодарности», заполненной клеветой на епископов, которые будто бы «незаконно приняли свои кафедры... и будго они во двор овчий господа вошли не дверьми, а вторглись иным побочным способом». В. Гаджега отверг также предложение о созыве национального конгресса, так как, мол, этого не желают ни верующие, ни духовенство епархии, которые будут довольны и «автономией», установленной для католиков всей Венгрии.

Речь епископа Панковича была заполнена рабским пресмыкательством перед «апостолическим кесарем» и «непоколебимыми божественными основами великой католической церкви» и грубыми выпадами против своих противников. «В нашем славном отечестве от времени св. Стефана и поныне епископы всегда избирались апостольскими царями»,—заявлял Панкович, поэтому мукачевская епархия «не желает и не хочет избрания епископов; так же она относится и к собственному конгрессу, которого никогда не существовало».

Партия Панковича заблаговременно состряпала ряд заявлений духовных лиц и мирян, в которых осуждались «автономистические» требования и выражалось желание осуществить «еще более тесное единение» униатской церкви с римско-католической. Панкович огласил одно из таких заявлений, которое, по его словам, было подписано многими «отличными людьми и священниками», но не назвал при этом ни одного имени. В этом заявлении, сфабрикованном епископской канцелярией, указывалось, что «верники» Закарпатья считают себя «католиками греческого обряда» и желают вместе с римско-католиками принять участие в общем «автономистическом развитии». В зачитанном далее епископом протоколе собрания священников одного из дистриктов епархии, без указания его названия и имен подписавших протокол, осуждалось требование установления выборности епископов, ибо, говорилось там, «мы и теперь, когда не имеем права избирать епископа, знаем по опыту, лишь только умирает епископ, не взирая на печаль, сейчас же образуются партии, которые только плодят недоверие, клеветы и подозрения. Что же было бы еще при публичном избрании епископа?».

Итак, создав при помощи фальсифицированных документов видимость того, что требования автономии закарпатской церкви отвергаются верующими, Панкович, назвав себя «бывшим профессором права», пустился в многоречивое пу-

стословие по поводу того, что уния закарпатской церкви с римско-католической не являлась двусторонним договором и поэтому условия унии не могут служить основанием для претензий, изложенных в «требовании трех». Закончил свою речь Панкович выражением радости по поводу того, что он мог принять участие в работе общекатолического конгресса, ибо, как выражался Панкович, «из того факта, что угорские русские восточного обряда имеют участие в самоуправлении вместе с римско-католиками, следует не то, будто мы потеряли или лишились своего права, но следует то, чему я радуюсь от всего сердца, что в духе конституции нашего отечества, на основании равноправности, и греко-католики имеют те же самые права, в которых участвуют латинники».

Выступление Панковича на конгрессе, ставшее известным благодаря опубликованным отчетам «народных» депутатов и сообщениям газеты «Свет», вызвало недовольство среди прихожан, которые заявляли: «Наш епископ запродавал нашу руську веру папиштакам! Наш епископ сделался папиштаком!»¹⁷⁾. Волнения в мукачевской епархии были настолько сильными, отмечал К. Кустодиев, что Панкович вынужден был обратиться с окружным посланием к духовенству, предписывавшим разъяснить мирянам, что он «продолжает держаться народной веры». Вместе с тем епископ распорядился провести по округам собрания духовенства, на которых принимались без обсуждения заранее подготовленные протесты против требований сторонников «народной» партии.

Последним оратором по вопросам автономии греко-католической церкви выступал А. Добрянский, который под шиканье реакционно-католического большинства конгресса заявил, что ставит перед собой задачу «опровергнуть уверения мукачевского епископа, не согласные ни с историей, ни с истиной» А. Добрянский показал несостоятельность доводов Панковича, утверждавшего, что будто бы первое условие унии (независимость униатской церкви во внутренних делах.—И. К.) относится только к обряду, а не к внутренней организации церкви. Закончил свое выступление А. Добрянский заявлением, что противодействие Панковича и его сторонников автономии греко-католической церкви «вовсе не обещает служить к успокоению и без того множества у нас недовольных, а тем меньше к успокоению народа».

21 марта 1871 года большинством конгресса было принято предложение «комитета 27», в соответствии с которым униатские епископские кафедры приравнивались к другим католическим епископствам Венгрии, т. е. целиком подчинялись правилам и порядкам католической церкви. Епископы уни-

¹⁷⁾ Указ соч. Кустодиев К. Л., «Православное обозрение», октябрь 1871, стр. 566.

атских епархий, подобно католическим архиереям, должны были назначаться императором из трех кандидатов, рекомендованных так называемым центральным комитетом автономной католической церкви Венгрии. С этого времени в униатских епархиях, как писал Матисов, установилось «теократическое управление», ставшее «могучим органом мадьяризации и окатоличения русинов».

После принятия конгрессом предложения «комитета 27» группа А. Добрянского огласила протест, заявив об отказе признать решения конгресса законными, так как они нарушают условия унии и уничтожают «личность» греко-католической церкви. Но протесты и выступления сторонников «народной» партии в печати ни к чему не привели. Применяя подкуп и запугивание по отношению к оппозиционному духовенству, административное давление к «строптивым» верующим, обманывая их проповедью «благодетельного единения в вере с латинниками», униатско-католической реакции удалось заглушить «автономистическое» движение в Закарпатье.

**
*

С этого времени униатская церковь становится в полную зависимость от римско-католической церкви и превращается в русинский филиал римской «конгрегации пропаганды веры». Специальный печатный орган «*Ertesítő a kath. kongressusból*» («Известия католического конгресса»), сообщая о победе «патриотического духа» над «раскольническим панславизмом» на конгрессе, превозносила «заслуги» епископа Панковича в деле утверждения «венгерской супремации» в Закарпатье. «Под управлением епископа Панковича,— писали «Известия католического конгресса»,— мукачевская епархия подвинулась вперед в социальном и политическом отношении; епископство его призвано стать фактором упрочения гегемонии мадьярской расы. Ручательство в этом—католическое чувство епископа и его пламенный мадьярский патриотизм¹⁸⁾. Лучшую характеристику предателю своего народа дать было очень трудно.

После конгресса возрастает число закарпатских украинцев, перешедших в католицизм, главным образом за счет мадьяризованного чиновничества¹⁹⁾ и мелкой буржуазии, а также отчасти за счет насильственно обращенных в «истинную веру» крестьян. На протяжении 1869—1900 годов, по

¹⁸⁾ Указ соч Матисов, «Беседа», VII, 1871 г., стр. 258

¹⁹⁾ В 1888 году, например, по разрешению мукачевского греко-католического епископа перешел в католицизм чиновник Корнилий Береги со своей семьей (см. «Листок», № 19, 1 (13) октября 1888 г., стр. 303).

официальным данным, удельный вес униатов в четырех закарпатских жупах снизился с 70 до 61%²⁰⁾.

Основываясь на сведениях «Schematismus cleri graecogitatus catholicorum» за 1899 год²¹⁾ и сопоставляя их с другими источниками за предшествующие годы²²⁾, можно приближенно установить, что за 45 лет, с 1855 по 1900 год, по мукачевской епархии перешло в другую религию около 30 тысяч греко-католиков.

Некоторое представление о сокращении числа униатов в связи с окатоличением украинцев по отдельным приходам Земплинской и Ужгородской жуп можно составить на основе таких данных²³⁾.

Таблица 1

Название жупы	Название прихода	Удельный вес униатов по отношению ко всем верующим (в процентах)	
		30-е годы XIX столетия	1900 год
Земплинская	Керестур	59,6	40,6
	Пакостов	59,3	42,9
	Полянка Товарна	68,8	15,1
	Шамудовци	59,5	42,9
Ужгородская	Гнойне	60,8	50,7
	Завадка	54,9	25,4
	Стройняны	100,0	45,5
	Янковцы	51,4	33,3
	Ястребье	93,7	50,3

Приведенные данные, показывающие, что в XIX столетии в некоторых приходах число униатов сократилось более чем наполовину, раскрывают истинную роль греко-католической церкви и ее духовенства как агентуры господствующих классов Австро-Венгрии и Ватикана в осуществлении политики окатоличения и ассимиляции населения Закарпатья.

²⁰⁾ Deb, 1879, стр. 70—71; Msé, III, 1896, стр. 30—33, Mésé, IX, 1902, стр. 18—19

²¹⁾ Эти же данные приведены в «Русском филологическом вестнике», № 1—2, Варшава, 1901, стр. 176.

²²⁾ Deb, 1879, стр. 70—71; Msé, III, 1896, стр. 30—33, О В, Об уни венгерских русинов, «Русская беседа», книга XVI, апрель, 1859 г., А. Петров, Пределы угрорусской речи в 1773 году по официальным данным, Записки историко-филологического факультета СПб университета, ч. CV, 1911 год.

²³⁾ Указ соч. А. Петров, Пределы угрорусской речи..., стр. 79.

Надо подчеркнуть вместе с тем, что процесс окатоличения русинов, вследствие решительного противодействия их планам «папешников», протекал все же очень медленно. «Несмотря на унию,— писал Г. Де-Воллан,— крестьяне строго держатся православия (имеется в виду приверженность к греко-восточному обряду.— И. К.) и горе тому священнику, который захотел бы ввести в православный обряд какие-нибудь новшества: он немедленно теряет доверие своих прихожан; часто уборка из церкви какой-нибудь иконы возбуждает уже неудовольствие верующих и стоит больших неприятностей духовному отцу»²⁴).

Особенно наглядно антинародная сущность униатской церкви в Австро-Венгрии как прислужника Габсбургов проявилась в поддержке ею «программы» Ю. Романчука, проповедника архиреакционной идеи австрославизма. В 1890 году униатские епископы Галиции (львовский митрополит Семибратович, епископ перемышльский И. Ступницкий, епископ станицлавский Ю. Пелеш и др.) обратились с воззванием к «галицко-русскому народу», призывая его присоединиться к «программе» Романчука и выступить против «русофилов», угрожающих, мол, «национальным стремлениям галицко-русского народа», осуществление которых может быть достигнуто только преданностью правящей династии, австрийской конституции и папскому престолу.

«Мы, русины, народ самостоятельный, отдельный от польского и российского народов и поэтому мы должны стремиться к самостоятельному развитию нашей народности и нашего языка»,—говорилось в этом документе. Мы стоим «непоколебимо при нашем августейшем кесаре... Соединимся под нашим национальным знаменем в том убеждении, что спасение нашего народа возможно только при Австрии и в Австрии»²⁵). Главари униатской закарпатской епархии полностью солидаризировались с программой святоюрских романчуков, подтвердив тем самым открыто свою готовность служить антинародным планам Габсбургов.

2 АНТИНАРОДНАЯ РОЛЬ УНИАТСКОГО ДУХОВЕНСТВА

Во всех начинаниях и мероприятиях австрийского и венгерского правительств, направленных на укрепление диктатуры помещиков и капиталистов, удушение революционного движения трудящихся, подавление национально-освободительной борьбы поработанных народов, во всех мероприятиях по идеологическому одурманиванию народных масс самой на-

²⁴) Указ соч. Де-Воллан Г. А., Угро-русские народные песни, стр. 11

²⁵) Цит. по «Славянским известиям», № 49, 1890 г., стр. 860.

дежной силой, ударным отрядом реакции всегда выступало греко-католическое духовенство.

Окончательно слившееся с католической иерархией и классами эксплуататоров, униатское духовенство превратилось в «instrumentum regni»²⁶⁾ Габсбургской монархии, щедро награждавшей чинами и отличиями и оплачивавшей как составную часть государственного аппарата своих агентов в реверендах.

Епископы униатских епархий подбирались из числа самых реакционных, растленных и продажных представителей греко-католического духовенства, выдрессированного в незуитско-католическом духе, готового выполнять, не задумываясь и не рассуждая, волю своих господ. Униатские епископы наравне с католическими магнатами входили в состав «патагы господ» венгерского парламента. Они, как выражался А. Кралицкий, пользовались саном «вельмож страны» и носили титул «Illustrissimi», а если вместе с тем они являлись и имперскими тайными советниками, то приобретали звание «Excellentissimi».

Греко-католические архипастыри, помимо жалованья, получаемого от казны, пользовались доходами «теплицкого аббатства», представлявшего собой крупное имение, подаренное им еще Марией Терезией. Поместье приносило ежегодно до 20 тысяч гульденов дохода. Однако и этого униатским епископам было мало. В 1818 году, после выделения прешовской епархии, ее епископ Г. Таркович получил от правительства имение «Лехница», приносившее 11700 гульденов чистого дохода в год, но и эти доходы не удовлетворяли аппетиты униатских епископов. Таркович обивает пороги императорской канцелярии и министерства, домогаясь получения двух других имений «Мишля» и «Борислав». Правящие круги пошли навстречу требованиям епископа и передали епархии имение «Вороново» и земельные владения в Крайне (северная часть Шарицкого и Земплинского комитатов)²⁷⁾.

Правда, доходы униатских епископов по сравнению с доходами крупнейших магнатов католической церкви Австро-Венгрии были незначительными²⁸⁾, но правительство установило для униатских архипастырей государственную дотацию, которая уравнивала их доходы с обеспечением католических «бискупов». «... Чтобы угрорусские епископы могли сравняться с «бискупами», — писал закарпатский корреспондент «Славянских известий», — мадьярское правительство изобрело для них... субвенцию, которая по прошению их выплачивается им

²⁶⁾ «Инструмент власти» (латинск.).

²⁷⁾ См. Духнович А., История пряшевской епархии, СПб, 1877 г., стр. 44—46

²⁸⁾ «Славянские известия», № 21, 1889 г., стр. 523.

ежегодно, но только в том случае, если они вели себя хорошо...», т. е. если они не за страх, а за совесть проводили политику, направленную к увековечению социального и национального угнетения трудящихся Закарпатья помещиками и капиталистами Австро-Венгрии. Размеры этой субвенции достигали обычно 10—12 тысяч гульденов, но если «проситель оказывался достойным награды, тогда ему дается и еще больше тысяч. Конечно, угрорусские епископы,— заключал корреспондент,— в надежде на возможно большую субвенцию ведут себя хорошо...»²⁹⁾).

Доходы епископа Панковича достигали 40 тысяч гульденов в год. Но и этим униатский архипастырь удовлетворен не был. Он находил поводы для того, чтобы предъявлять все новые и новые требования на пособия из католического фонда, за счет которого оплачивались «патриотические деяния» греко-католического духовенства³⁰⁾).

Закарпатские епископы не сохраняли даже видимости «апостольской бедности и смирения» служителей христианской церкви. Они, подобно католическим прелатам, погрязли в пороках и стяжательстве, утопали в роскоши, прожигали жизнь в мирских утехах. Закарпатские епископы XIX столетия — это целая галерея корыстолюбивых и честолюбивых церковных магнатов, беспринципных карьеристов, лицемеров и ханжей, людей, лишенных всяких нравственных принципов, готовых на любое предательство самых жизненных интересов своего народа, чтобы заслужить благоволение властей предрежащих и сохранить доходную синекуру.

Это положение можно подтвердить многочисленными фактами, которыми изобилуют литературные и архивные источники. Вот некоторые из этих фактов. На протяжении восьми лет тянулось судебное дело между мукачевским и кошицким викариями Брадачем и Тарковичем из-за .. 425 гульденов жалованья, на которые оба архиерея, имея десятки тысяч ежегодного дохода, претендовали. Каноник Брадач истец в этом деле, помимо жалованья, субвенции, доходов с земельной собственности, поборов с верующих, владел еще собственным дворянским имением в селе Каменке Спишского комитата. Такой же скандальный судебный процесс возник и в связи с иском на 1030 гульденов, предъявленным каноником этой же епархии И. Ольшавским к Брадачу³¹⁾).

А. Духнович, характеризуя моральный облик управляющего кошицким викариатом И. Ольшавского, писал: «Он был человек натуры горячий, в гневе прибегал даже к побоям,

²⁹⁾ Там же.

³⁰⁾ Указ соч Н. П.-в. *Современные вопросы.*, «Православное обозрение», июль 1874 г., стр. 95—96.

³¹⁾ Указ соч Духнович А., стр. 29, 30.

часто сильно избивая своих слуг, даже в церкви, во время отправления им богослужения, не мог воздержаться себя, — так своего служителя Ивана Петрика бил то крестом, то кадилом, то книгою евангелию; был страстный игрок в карты, в игре проводил целые бессонные ночи то у себя, то у друзей³²⁾.

Неплохой иллюстрацией нравов высшего униатского духовенства могут служить и такие примеры. Умиравшего епископа В. Поповича, как передавали современники, посетил священник М. Мондок, который на вопрос архиерея: «Что говорят про меня?», ответил: «Тешатся, что отходите, ваше преосвященство...»³³⁾. После смерти этого епископа в 1865 году во главе епархии стали два каноника Гаджега и Чопей, между которыми началась ожесточенная грызня за архиерейскую кафедру. «Пошли доносы друг на друга, сначала в Остригом, а после и в Рим», — писал священник Матисов. Претенденты на пост главы мукачевской епархии обвиняли друг друга во всех семи смертных грехах, и в отсутствии «патриотизма», и в склонности к «схизме», и в «московских» тенденциях» «Но напрасно было пятнать свою честь, — писал тот же автор, — правительство подметило себе кандидата»³⁴⁾, и этим кандидатом оказался Панкович.

Во всем своем грязном естестве предстает перед нами униатский архипастырь в лице епископа Панковича, являвшегося типичным представителем «модерного» высшего грекокатолического духовенства. Панкович — это гнилостный продукт глубокого морального разложения униатского духовенства. Его имя употреблялось многими современниками как синоним ренегата и лютого врага своего народа.

Интересна «служебная» биография этого бешеного зубра мракобесия и реакции. Панкович — сын униатского священника, после окончания Ужгородской духовной семинарии становится воспитателем детей венгерского магната графа Чако, с которыми он совершает путешествия «по разным столицам Европы, даже, кажется, по некоторым местам Азии и Африки», — писал И. Сильвай. После нескольких лет пребывания в составе графской челяди Панкович был рукоположен в священники, рассчитывая, по словам того же автора, «по рукоположении в епископском дворе добиться какого-нибудь чиновного места, например, протоколиста или секретаря, но ему это не удалось»³⁵⁾.

Обладая в этот период единственным качеством — умением прислуживать власть имущим, Панкович делает необычную и

32) Там же, стр. 31.

33) Газета «Карпаторусский голос», 14 октября 1933 года

34) Указ соч. Матисов, «Беседа», кн. 7, 1871 г., стр. 226

35) Указ соч. Урил Метеор, стр. 56

головокружительную карьеру. Вскоре из графской передней Панкович по рекомендации своего знатного патрона переходит в министерство культа и просвещения на должность советника, а через какой-нибудь год (в 1867 году) он становится владыкой целой епархии, торжественно въезжает с «жезлом правления» в свою ужгородскую резиденцию, «пропитанный насквозь мадьяронством и некоторыми пустыми манерами мадьярской аристократии»,— писал один из закарпатских авторов.

Для более или менее дальновидных современников Панковича было совершенно очевидно, что он неспроста получил назначение на пост духовного главы русинской епархии, когда господствующие классы Венгрии, как указывает И. Сильвай, «напрягали все свои стремления к омадьярению многоязычного Вавилона, подвластных им народностей». Для этой должности в Закарпатье «нужно было прискаты способного для их интересов деятеля. Таким образом, можно предполагать,— писал И. Сильвай,— что Стефан Панкович не без условий и предварительных с его стороны обязательств избран владыкой епархии мукачевской, что в его антирусском направлении и обнаружилось как нельзя лучше»³⁶).

Для того, чтобы привлечь на свою сторону духовенство, сплотить его под своим руководством в антинародную силу, способную осуществить те условия, на которых он получил епископскую митру, а именно «омадьярение» всей епархии, Панкович обещаниями материальных выгод, подкупом и подачками стал создавать свою креатуру. В ход были пущены все средства: показное народолюбие и угрозы, хлестаковские посулы и репрессии, демагогия и взятки для того, чтобы, как выражался один из местных авторов этого периода, подвести народные массы Закарпатья «под нож заклания». Современники были ошеломлены обстановкой «суеты, шума, блеска, иллюзии и в особенности театральности», которая окружала нового архипастыря, но за этой «иллюзией» и «театральностью» скрывался грубый расчет, ими обволакивались преступные цели, которые были призваны осуществить Панкович и его клика.

Вскоре Панкович «приступил к выполнению своих злонамеренных планов по началу: *divide et impera*... К достижению сего он воспользовался своими пышными обедами, раздаванием отличий и лучших приходов; покровительствовал всячески мадьяронам, водворил самый бесстыдный непотизм... Отмеченные непотитеты, и те, которые только надеялись на его щедрые награды, стали первыми поборниками его миссии и по мере сил сеяли плевелы, где было возможно»³⁷).

³⁶) Там же, стр. 57.

³⁷) Там же, стр. 62.

Новый епископ хорошо знал нравы греко-католического духовенства, карьеризм, стремление к наживе, и умело играл на этих низменных чувствах и устремлениях своих подчиненных. Об этом униатский автор К. Стрипский писал следующее: «... Ради возбуждения честолюбия он стал раздавать разные отличия: одному дарил фиолетовый шарф, другому красный пояс, третьему капральский шнурок на шапку; титулы крылошан (каноников.—И. К.) и консисториальных советников сыпались на все стороны. Кто держал его сторону, тому давал лучший приход. Покровительствуемые епископом священники влекли за собой и родственников своих. Он вскоре имел за собой сильную партию. Тогда приступил он к подавлению национального духа»³⁸).

Панкович—этот «герой-патриот», как его называла мадьярско-католическая печать, восемь лет стоял во главе мукачевской епархии и все эти годы проводил последовательно самую разнузданную борьбу за искоренение «русского духа» и «москальства», т. е. за полную ассимиляцию закарпатских украинцев.

Он разгромил единственную литературно-просветительную организацию в Закарпатье «Общество Василия Великого», закрыл десятки школ с родным языком преподавания, ликвидировал газеты «антипатриотического» направления, освящал авторитетом церкви кровавые насилия над украинцами-избирателями, стремившимися провести в парламент своих депутатов.

Он подвергал преследованиям и гонениям передовых представителей интеллигенции, выступавших против политики ассимиляции закарпатских украинцев, ликвидировал остатки церковной автономии, подчинив целиком униатскую церковь католическим прелатам, содействовал всеми способами уничтожению национальной культуры, письменности, языка, разрыву культурных братских связей Закарпатья с Украиной и Россией, стремясь обеспечить таким образом торжество «святостефанской идеи».

Ожесточенное преследование всего славянского, русского стало *idée fixe* епископа-мадьярона. Панкович запретил в разговоре с ним употреблять родной язык. Приобщая верующих к «передовой католической культуре», Панкович требовал проведения церковных проповедей на мадьярском языке даже в тех приходах, где население совершенно не знало мадьярского языка, а греческие обряды стал заменять латинскими³⁹). Так, «злой дух Вичпур», как называли современ-

³⁸) Указ соч. Стрипский К., стр. 6.

³⁹) «Славянские известия», № 12, 1890 год, стр. 234

ники Панковича, вел дело к «незаметно неощутимому» окатоличению и ассимиляции закарпатских украинцев⁴⁰⁾.

Клевета, доносы, террор, весь арсенал самых гнусных средств был использован епископом и его партией в борьбе против мифической «русской ирреденты», под которую подводилось всякое выступление в защиту национальных интересов русинов. «Завелось,—писал И. Сильвай,—какое-то крикунство, партизаны мадяронства старались во имя своего настоятеля терроризовать слабых, кричали во все горло при представлявшемся удобном случае: измена, москальство, схизма, даже обвиняли народолюбцев в том, будто те желали создать на Карпатах Русское воеводство... Соглядатайство никогда не существовало в такой мере, как теперь; владыка всякий донос выслушивал с особенною благосклонностью»⁴¹⁾.

Собрав доносы от своей агентуры о деятельности «московитских схизматиков» и «русских изменников», епископ Панкович как резидент тайной полиции строчил донесение в министерство внутренних дел или сам отправлялся в столицу с докладом, после чего обычно следовала полоса репрессий против «непатриотических» элементов. «Часто можно встретить епископа мукачевской епархии с sac-voyage в руках, в светском платье по новейшему фасону, на железной дороге, по которой он спешит в Пешт поделиться планами с графом Андраши насчет принятия мер против «московской партии» в его епархии...»,—писал Матисов⁴²⁾.

Большую часть своего времени епископ Панкович, как свидетельствуют современники, проводил в Пеште и Вене, выклянчивая денежные подачки, чины и награды. Он добился,—по словам И. Сильвая,—ценою очернения своего народа, обвиняя его в склонности к схизме, москальщине и проч. (вернее будет сказать ценою предательства интересов своего

⁴⁰⁾ В 20—30-х годах нашего века в условиях глубокого кризиса католической церкви, упадка влияния католической церкви и престижа папской власти, особенно среди верующих, насильно обращенных в унию, папская курия вынуждена была пойти на уступки в отношении сохранения восточно-христианского обряда в соединенных с Римом церквах. Ватикан в этих условиях начинает ратовать за «необходимость нести правду христового учения народу в наиболее доступных ему формах, придавая все большее значение содержанию, а не обряду» Вот почему Пий XI высказался за оставление в силе восточного обряда в униатских епархиях Закарпатья и Западной Украины как наиболее «близкого духу украинского народа» (см. Онацький Є., Навкруги Ватикану, Прага, 1943, стр. 73).

⁴¹⁾ Указ. соч. Уриил Метеор, стр. 63.

⁴²⁾ Указ. соч. Матисов, стр. 239. Один из современников, имея в виду епископа Панковича, писал: В русинских епархиях были такие епископы, которые, «забыв принятые ими на себя обязанности пастырей церкви, превращались в полицейских.» (указ соч. Кустодиев К., стр. 422).

народа.—И. К.) денежных субсидий епархии, увеличенных субвенций, повышения размеров оклада своим приближенным-каноникам и пожалования новых земельных владений, но львиная часть, льстившая его чиновности, досталась ему самому»⁴³).

Не случайно благодетельствованные епископом клеветы слагали панегирики в честь Панковича, называя его «Ноплю maximissimus» и «зарей, осенившей Карпаты»...*.

Продавшийся душой и телом австро-венгерским господствующим классам и католическим хозяевам, епископ Панкович был удостоен высоких чинов и знаков отличий. Ему за «патриотическую» деятельность в Закарпатье был присвоен чин «Geheimrath», а сутану униатского епископа украсили многочисленные ордена, среди которых выделялся, вызывая зависть даже у католических магнатов, орден «железной короны I класса». «До него и после него небывалое отличие», — восторженно отмечала раблепствующая униатская печать. Венгерские аристократы, снисходительно похлопывая по плечу своего униатского лакея после его докладов об успехах в утверждении «мадьярской супремации» в Закарпатье, с деланным восхищением говорили: «Ez am püspök!» («Вот так епископ!»), а в своем кругу называли его просто «комедиантом».

Для полноты характеристики епископа Панковича и его «эпохи» надо указать, что годы его правления не были настолько «безобидными», как это изображал русский автор А. Петров⁴⁴). Епископ Панкович и его партия принесли неисчислимые бедствия трудящимся Закарпатье и их национально-культурному развитию, содействуя укреплению классового господства венгерско-немецких помещиков и капиталистов, усилению политического, национального и духовного угнетения широких масс закарпатоукраинского народа. Долго оставалось в памяти народной упоминаемое с презрением имя ренегата Панковича, а кличка «панковичец» стала бранной кличкой, синонимом самого гнусного предательства.

Одиозная фигура епископа Панковича стала притчей во языцех даже в благонамеренной униатской печати, не говоря уже о том, что в «народовещкой» литературе образ этого

⁴³) Указ. соч. Уриил Метеор, стр. 65, 66. Панкович, как выражались современники, «подобно Тамерлану опустошал «fundus religionis» и этому учил своих подчиненных, перифразируя на свой лад известное место из «святого письма»: «Стучите и отверзится, просите из фонда и дастся вам...» Даже выдавшие виды и искушенные в искусстве коррупции и обогащения за счет казны венгерские государственные деятели отмечали «экспансивный» характер русинского архипастыря (см. газету «Карпаторусский голос», 14 октября 1933 года).

⁴⁴) См. Петров А., Мадыарская гегемония в Угрии, Петроград, 1915, стр. 19.

«рыцаря мадьярской супремации» подвергался едкому осмеянию. Так, закарпатский писатель И. Сильвай в своей «Крайцеровой комедии» обличал «непотизм», «пятолизунство», протекционизм, систему наушничества и доносов, которые пышным цветом расцвели в «богоспасаемой» вотчине Панковича⁴⁵). Продолжением «Крайцеровой комедии» являлись памфлеты И. Сильвая «Однодневное царство» и «Люди в железных шляпах», в которых, независимо от субъективных намерений автора, разоблачалась не только предательская роль Панковича, но и его окружения из числа привилегированного духовенства как своры паразитов на теле народном.

Преемник Панковича Пастелий отличался таким угодничеством перед властями, что даже униатские авторы не могли не отметить этого. «Угодливость его дошла до того,—писал один из современников,—что при определении на место от каноника до простого капеллана он требовал от кандидатов рекомендации со стороны мадьярских чиновников».

После погромной деятельности Панковича новому епископу было трудно найти поприще, на котором он мог бы вполне проявить свой «патриотизм». Но Пастелию не давали покоя лавры его предшественника. Нужно было отличиться, отыскать уголок, где еще таился «московский» дух, и изничтожить его. Как можно судить по синхронности последующих событий, такой «уголок» был найден Пастелием в тесном содружестве со своим коллегой, прешовским епископом Товтом. «Московская ирредента» была схвачена буквально за бороду. Поповская «русско-православная» борода—вот пристанище и символ «национального духа»! Даже в этом внешнем отличии униатских священников от католических епископы видели проявление «шизматического» влияния и «антипатриотизма».

Оба епископа одновременно издают стражайшее распоряжение, требуя от духовенства остричь бороды «для засвидетельствования католической унии, избежания недоразумений и единства дисциплины»,—как писал в своем распоряжении

⁴⁵) Во взаимоотношениях между униатским духовенством всегда господствовали зависть, подсиживание, расчет, соображения чистогана, а архипастыри почитались лицемерно только «страха ради», так как благополучие духовенства, стоящего на низшей ступени иерархической лестницы, зависело целиком от благорасположения епископа. Среди духовенства всегда существовали по меньшей мере две партии—одна партия, состоящая из клевретов епископа, другая—из обойденных епископом лиц. Грызня между ними принимала самые отвратительные формы. Так, например, обойденные епископом Пастелием священники стали издавать в Ужгороде нелегальный рукописный юмористический журнал «Филин», в котором, по словам современника, епископ «постоянно подвергается ругани, выставляется на общий смех и позор и оглашаются о нем такие щекотливые вещи, о которых не следовало бы и говорить порядочному человеку» («Славянские известия», № 21, 1889 г., стр. 524).

Пастелий, а епископ Товт добавлял, что ношение бороды в дальнейшем он будет рассматривать как «увлечение национализмом» со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Бородатая схизма» стала настолько важной проблемой в униатских епархиях, что ею занялась даже римская «конгрегация пропаганды веры», санкционировавшая распоряжения епископов. Жалоба «ревнителей восточной дисциплины», составленная А. Добрянским по всем правилам юриспруденции со ссылками на постановления флорентийского собора («пусть католики бреют, а греки растут бороды»), папские буллы и «конституцию римского права», Ватиканом просто-напросто была оставлена без ответа.

Мукачевский и прешовский епископы Антоний Папп и Стефан Новак в своей деятельности копировали Панковича, получая чины, награды и ежегодные субвенции в размере 50 тысяч крон⁴⁶). Епископ Юлианн Фирцак, вступая в должность русинского архипастыря, как говорили авторы «Протеста», изложил свое «национальное credo» в таких словах: «Надеюсь, что в течение непродолжительного времени те пятьсот тысяч греко-католиков, которые отныне переходят под мое руководство, станут искреннейшими мадьярами». В таком же духе высказывался и прешовский епископ И. Валлей. В 1893 году Фирцак призвал духовенство своей епархии употреблять в сношениях с паствой исключительно мадьярский язык, а через три года, чтобы «достойно отметить тысячелетний юбилей Венгрии», начал заменять славянский язык богослужения мадьярским. Такую же мадьяризаторскую политику проводил и И. Валлей⁴⁷). В 1900 году мукачевский и прешовский епископы во главе 300 паломников совершили поездку в Рим, представив папской курии ходатайство от имени «верующих католиков-рутен» о введении мадьярского языка в богослужении⁴⁸). В 1908 году все три униатских епископа (мукачевский, прешовский и крижевацкий) с целью «сближения унии с латинством» решили провести «календарную реформу»⁴⁹). «Боясь народного возмущения,— писал рус-

⁴⁶) Указ. соч. Троицкий С., стр. 57.

⁴⁷) Один из священников прешовской епархии, обратившийся к епископу Ю Валлею с письмом на русском языке, получил от него ответ на мадьярском языке, в котором говорилось: «Так как ваше преподобие написали свое письмо на рутенском языке, то мы строго предписываем вам впредь писать начальству на официальном языке, т. е. по-латыни или по-мадьярски» («Славянский век», № 61, 1903, стр. 408).

⁴⁸) Указ. соч. Троицкий С., стр. 56, 57. По инициативе греко-католических епископов в начале XX столетия из уматских церквей были изъяты богослужебные книги, изданные в России, как «вредные» (см. «Славянский век», № 4, июль 1906 г., стр. 286).

⁴⁹) Мукачевский епископ Фирцак начал осуществлять замену юлианского календаря григорианским еще с 1899 года (ГАЗО, ф. 262, 1899 г., д. 2946, л. 22). На проведение календарной реформы венгерское прави-

ский автор С. Троицкий, — Фирцак отправил письмо к министру внутренних дел графу Андраши с просьбой принять меры против тех русских людей, которые будут противиться этой реформе, и прекратить развитие «схизматического» движения среди угроруссов». Однако вследствие «возмущения народа» эту реформу, как подчеркивал С. Троицкий, епископам осуществить не удалось⁵⁰).

В униатских епархиях по католическому образцу были созданы так называемые капитулы (епископские советы), в состав которых входили каноники, являвшиеся ближайшими помощниками епископов⁵¹). В мукачевской епархии во второй половине XIX столетия насчитывалось 7, а в прешовской 6 каноников, назначаемых императором по представлению министра вероисповеданий, выбиравшего одного из трех кандидатов, рекомендованных епископом. При назначении на должность каноника обращалось внимание прежде всего на «политическое лицо» кандидата, т. е. на преданность его монархии Габсбургов и «святостефанской идее». Представитель духовенства, даже только заподозренный в сочувствии «москвофильству», не мог претендовать на получение звания каноника.

Анонимный закарпатский корреспондент приводил в «Славянских известиях» такой факт, характеризующий те принципы, которыми руководствовались правящие круги Австро-Венгрии при назначении членов коллегии каноников в русинских епархиях. Родственник епископа Пастелия священник села Ракошино Иоанн Шивульский, «наскучив деревенской жизнью, к тому же овдовев, очень рад бы был поселиться в городе и сделаться каноником». Благодаря протекции епископа вскоре последовала «кандидация» Шивульского. Образованный приходский священник, прежде всего «обрil свою православную бороду; борода—это препятствие и притом самое большое в достижении какого-либо повышения, распродал свои хозяйственные вещи, совсем приготовился переехать в город и стал нетерпеливо ожидать назначения». Но вскоре в местной газете один из претендентов на эту должность тиснул заметку, в которой Шивульский изображался «москалем-панславистом». В результате Шивульский остался в Ракошине и «в конце концов, у него теперь нет

тельство, преследуя ассимиляторские цели, ассигновало значительные средства (см. «Славянский век», № 4, июль, 1906 г., стр. 286).

⁵⁰) См. указ. соч. Троицкий С., стр. 58.

⁵¹) Для каноников — членов капитула в соответствии с требованиями католической церкви был введен celibat (см. указ. соч. Троицкий С., стр. 58).

ни канонии, ни бороды; канониками же назначены более надежные мадьяризаторы»,—заклучал корреспондент «Славянских известий»⁵²⁾.

Каноники составляли духовную аристократию епархии, им присваивался обычно титул «Reverendissimi», но обуреваемые чинomanией, каноники называли себя более звучным «Magnifici». Члены капитула получали содержание от казны до 3 тысяч гульденов в год и субвенцию «по заслугам». В среде каноников процветали карьеризм, подсиживание, грызня за преобладание в коллегии, достигавшие особой остроты после смерти того или иного епископа. «...В промежуточное время, когда владычная кафедра бывает вакантна, писал А. Кралицкий, они заводят большие интриги и добиваются митры, отчего часто происходят большие скандалы»⁵³⁾. Ступенькой ниже каноников в греко-католической церковной иерархии стояли архидиаконы, за ними следовали 45 человек окружных благочинных. Каноники, архидиаконы и назначаемые епископом некоторые благочинные и приходские священники составляли совещательный орган при епископе—консисторию. Наконец, основная масса служителей униатской церкви была представлена приходским духовенством, которое, в свою очередь, делилось на три разряда: «парохи» (постоянные священники приходов), «администраторы» (временно занимающие должности приходских священников) и «капелланы», «кооператоры» или «сотрудники» (помощники священников, младшие служители церкви)⁵⁴⁾.

Несомненно, между высшей церковной аристократией и сельским приходским духовенством существовали значительные различия. Мадьярский епископ Хорват, указывая на это обстоятельство, подчеркивал, что «произвол и деспотическое поведение предстоятелей и неравномерное распределение материального обеспечения»⁵⁵⁾ вызывали недовольство низшего духовенства, требовавшего реформы церковного управления. Но хотя по своему положению на иерархической лестнице и размерам доходов приходские священники стояли значительно ниже униатской аристократии и высших слоев духовенства, однако нет никаких оснований, как это делали некоторые исследователи истории Закарпатья, причислять низшее духовенство этого периода к «церковным плебейам». Если положение, выдвинутое Ф. Энгельсом, о существовании двух «классов» в среде католического духовенства правильно для средневековой эпохи, к которой Ф. Энгельс и относил их, то для

⁵²⁾ «Славянские известия», № 21, 1889 г, стр. 524

⁵³⁾ Указ. соч. N. N., стр. 46

⁵⁴⁾ В начале XX столетия в мукачевской епархии насчитывалось около 500 человек представителей белого и черного духовенства.

⁵⁵⁾ Указ. соч. Кустодиев К, стр. 420—421.

XIX столетия выделение «плебейского» духовенства было бы неправильным, тем более, что униатские приходские священники, приравненные по своему общественному положению к шляхте и составлявшие привилегированную корпорацию эксплуататоров и затемнителей народных масс, не могли разделять настроения и выражать интересы плебейских низов общества.

Должности священников, как правило, занимали выходцы из среды духовенства, кулачества и городской мелкой буржуазии, порвавшие узы, связывавшие их со своим народом, и полностью ассимилированные. В XIX веке только окончившие 8-классный курс обучения в гимназии могли рассчитывать на получение богословского образования и посвящения в духовный сан, а гимназия и духовная семинария были доступны только представителям привилегированных и зажиточных слоев. Обучение в закарпатских гимназиях, находившихся под руководством иезуитов, как мы указывали, проводилось на мадьярском и латинском языках, за исключением «пастырской науки», которая преподавалась на местном, тоже мадьяризованном, наречии. Так средняя школа закладывала основы воспитания будущей закарпатской интеллигенции в святостефанско-католическом духе. Вот почему абитуриент из этой мадьяризованной среды, как писал один из современников, «уже стыдится своей народности и при каждом случае усиливается перед другими затанить, что он русский».

После окончания гимназии лица, избравшие духовную карьеру, принимали участие в так называемых «причетнических конкурсах», которые проводились епархией ежегодно в июле. Из числа абитуриентов, подавших заявления на конкурс, консистория и епископ отбирали наиболее «достойных» в число «клириков» или «причетников».

Сан священника давал не только привилегированное положение в обществе и открывал путь в высшие духовные сферы, но должность приходского священника была и доходным местом, далеко более выгодным, чем должность чиновника или учителя, в число которых могла попасть только весьма ограниченная часть абитуриентов-украинцев. Поэтому на каждое свободное место клирика обычно претендовало несколько кандидатов, старавшихся перещеголять друг друга в «патриотизме», использовать все средства, протекцию и подкуп для того, чтобы вступить в духовную семинарию.

В дни «причетнических конкурсов» улицы городов, где находились резиденции униатских епископов, представляли собой оригинальное зрелище. «В это время по улицам Унгвара и Пряшева, писал корреспондент «Славянских известий», так и шляются священники со своими сыновьями. Ходят от

одного каноника к другому, кланяются, просят, умоляют, чтобы его высокопреподобие изволил покровительствовать им и чтобы пособил принять сына в число клириков»⁵⁶). Зачисленные в клирики принимались для прохождения богословского курса в духовной семинарии⁵⁷) с четырехлетним сроком обучения. Учащиеся семинарии получали содержание за счет казны. Все обучение в семинарии проводилось на мадьярском и латинском языках⁵⁸) по системе иезуитских академий под руководством каноников, докторов, бакалавров, лиценциатов, профессоров богословия и «духовников» («*pater spiritualis*» и «*studioium praefectus*»)⁵⁹). С 70-х годов XIX столетия в программу обучения в семинариях постепенно вводятся естественные и другие «светские науки» с тем, чтобы подготовить будущих священников к борьбе против «испорченных цивилизацией нравов» и к защите «истинно христианских нравов»⁶⁰).

Помимо ужгородской и прешовской духовных семинарий, некоторые русины-униаты проходили богословскую подготовку в римской коллегии св. Афанасия⁶¹), в венской генеральной греко-католической семинарии «*Barbaryum*», а также в Пештской и Эстергомской католических семинариях⁶²), организованных наподобие римской «*Collegium germanico-hungaricum*». Вся система обучения и воспитания в этих академиях была подчинена задаче подготовки законченных русинских прислужников Австро-Венгерской монархии и Ватикана. Превратить Закарпатье в «антирусскую Русь», а окатоличенных и ассимилированных русинов в «богобойных» подданных Габсбургов и «святостефанской короны»—такова та цель, которая ставилась перед униатскими выкормышами католических питомников иезуитизма и мракобесия.

Семинария «*Barbaryum*», основанная еще в XVIII веке и представлявшая собой отделение богословского факультета Венского университета, была не только учреждением, подготавливавшим униатско-католические кадры духовенства для Западной Украины и Закарпатья, но с 70-х годов XIX столетия и одним из центров распространения реакционного автославизма украинского буржуазно-националистического

⁵⁶) «Славянские известия», № 24, 1889 г., стр. 597.

⁵⁷) Духовная семинария в Мукачево была открыта в 1747 году, в Ужгороде — в 1778 году.

⁵⁸) Газета «Свет» справедливо указывала, что духовные семинарии в Закарпатье представляли собой «мадьярско-латинские заведения» (см. «Свет», № 9, 26 сентября (7 октября) 1867 года).

⁵⁹) «Духовный отец» и «учебный надзиратель» (латинск.)

⁶⁰) См. «Свет», № 4, 27 января 1868 года.

⁶¹) «Листок», № 13, 1 (13) июля 1868 года, стр. 206.

⁶²) См. «Свет», № 14, 6 (18) апреля 1869 года, «Карпат», № 8, 25 августа 1873 года.

толка. Единение католицизма и украинского самостийнического национализма—это естественный симбиоз самых реакционных и глубоко враждебных украинскому и братскому русскому народу сил. Украинско-националистическая организация семинарии, направляемая ее директором, будущим перемышльским епископом Шашкевичем, выступала инициатором насаждения «католическо-самостийнического духа» в этой школе.

Пештская центральная католическая семинария являлась отделением богословского факультета столичного венгерского университета. Она считалась «образцовым» учебным заведением по насаждению сред масс угнетенных народов Венгрии иезуитско-папистского и «национально-венгерского» духа. Наиболее отличившиеся униатские воспитанники этой семинарии получали докторские степени и занимали высшие церковные должности. В отзыве, данном одному из закарпатских униатских докторов богословия, говорилось «Бог был особенно милостив, когда создавал этого воспитанника»... Именно такие, осененные божией милостью униатские богословы, продавшие душой и телом угнетателям своего народа, могли рассчитывать на блестящую карьеру, так как они, по словам современника, «физиологически впечатлевали» в течение четырехлетнего пребывания в семинарии дух иезуитизма.

О той гнетущей, разлагающей душу и подавляющей всякое моральное чувство человека атмосфере, которая царила в этой семинарии, бывший ее воспитанник Матисов писал: «Встречая там на всяком шагу только ложь, иезуитизм, а с другой стороны, слыша высокопарные проповеди духовника семинарии,—я пришел в страшное внутреннее расстройство. Я боялся и адских мук, проповедываемых рьяным ксендзом, и опять-таки мне бросилась в глаза ложь, слышались мне толки товарищей, таковых же будущих ксендзов, что *pater spiritualis* потому так желчен, что не дают ему место каноника... Я не вытерпел в такой среде, и душой и телом сделался болен. Я оставил семинарию»⁶³).

После окончания провинциальных семинарий клирики подвергались «куртуальным» экзаменам по богословским предметам. Выдержавшие испытания получали чин «чтецтва», и зачислялись кандидатами в священники и получали право вступать в брак, почему кандидатов в священники местная Печать называла «кандидатами брака»⁶⁴). Часть из них, имею-

⁶³) Указ соч Матисов, «Беседа», кн 7, 1871 г, стр 256

⁶⁴) Клирик мог жениться только на дочери священника своей епархии, так как в противном случае он должен был уплачивать «кауцию» — специальный взнос в сумме 1000 гульденов, который поступал в фонд сирот и вдов священников. «Эта мера имеет целью, писал один из современников, чтобы чужие, не участвовавшие своими взносами в составлении фон-

щая протекцию, распределялась консисторией на вакантные места в качестве *capellani cooperatores* (викарный священник), остальные должны были ожидать вакансий и, как писал священник Ханат, «поклонами... искать покровительства и рабскою покорностию... подкупывати корыстолюбивую цель свою»⁶⁵). Как свидетельствуют современники, в мукачевской епархии многие кандидаты в священники должны были ждать назначения на должность по нескольку лет, так как духовенства в закарпатских жупах, по словам журнала «Листок», «накопилось великое множество»⁶⁶).

Выпускники семинарии, занявшие должности викарных священников, помимо части приношений прихожан, которую им выделяли приходские священники, получали ежегодно от казны 199 гульденов и 99 крейцеров жалованья. Через два-три года викарный священник получал по назначению епископа отдельный приход. С этого момента униатский священник всем своим существом, всеми своими помыслами и вожделениями втягивался в ожесточенную борьбу за «жирный приход», где он мог бы чувствовать себя так же хорошо, как червяк, забравшийся в спелое яблоко. Эта борьба принимала самые грубые и низменные формы. В ход пускались все приемы: подсиживание и клевета, подкуп и обман, использование протекции и угодничество. За один богатый приход (на языке священников—«приход с манной небесной») нередко боролись десятки претендентов, которые пока довольствовались «бесприходными приходами».

Газета «Свет» по этому поводу писала: «Если упразднится только посредственная парохия, то уже 50—60 священников подадут просьбы свои и целою вереницею идут в Унгвар для получения новоупраздненного прихода»⁶⁷). Свистопляска вокруг «жирных приходов» и закулисные сделки, сопровождавшие ее, заканчивались обычно назначением «ультрапатриотов» из числа креатуры епископа и каноников, сумевших раболепием перед ними заслужить особое благоволение У священника, не зарекомендовавшего себя «патриотом», будь он, по словам закарпатского автора, «как Златоуст красноречив, образован и мудр, как св. Григорий, будь он подвижник и аскет,— на будущность, на карьеру не может быть ни малейшей надежды»⁶⁸).

Коррупция, протекция и сервиллизм среди униатского духовенства приняли к концу XIX столетия такие размеры и от-

да для сирот и вдов, не участвовали и в благодеяниях этого фонда и, конечно, чтобы дочери священников выходили замуж за священников» («Славянские известия», № 24, 1889 год, стр. 598).

⁶⁵ «Свет», № 27, 11 января 1868 года

⁶⁶ «Листок», № 12, 15 (27) июня 1888 года, стр. 186.

⁶⁷ «Свет», № 12, 23 марта (4 апреля) 1869 года

⁶⁸ «Славянские известия», № 44, 1891 год, стр. 743.

вратительные формы, что даже благонамеренный журнал «Листок» выступил с осуждением этого «знамения времени». С подкупами и протекцией, писал «Листок», мы встречаемся так часто, что «эти явления никак нельзя назвать спорадическими; у нас даже заметны не только поодинокие, коррупцию обнаруживающие явления, но провозглашаются даже начала, которые дышат коррупциею... подкупы, взяточничества сделались повседневными делами». У нас стало «непоколебимым началом,— заключал «Листок»,— что без протекции не добьешься ни до чего»⁶⁹⁾.

Морально и интеллектуально убогое униатское духовенство выступало как корпорация кровососов, наживавшихся на эксплуатации царства небесного, использующих свое положение для ограбления верующих и личного обогащения. Не случайный вопрос о «скудном» материальном обеспечении священников не шло с страниц униатской печати. «Деньги», «штола», «доходы», «субсидии» — вот термины, которыми были заполнены «корреспонденции с мест». В одной из заметок, относящихся к периоду правления епископа Панковича, говорилось о необходимости подумать и о «низшей братии». Питаем сильную надежду, что епископ Стефан, говорилось в этой заметке, «не пропустит постараться об улучшении быта нашего сельского духовенства. Ему доселе удалось исходатайствовать значительные пособия для себя... и для повышения жалованья капитулярных лиц...»⁷⁰⁾. В другой статье, опубликованной в газете «Карпат», был развернут «проверенный опытом» план увеличения церковных доходов, проникнутый духом торгашества и спекуляции. Вот некоторые статьи «дохода», заимствованные из этого плана: 1) приобретение церковными общинами пахотных земель и сенокосных угодий, которые «возделываются верниками безвозмездно»; 2) выделение верующими части своих посевов или части урожая в пользу церкви; 3) сбор пожертвований; 4) покупка досок на лесных заводах и продажа их с надбавкой в 50%; 5) покупка земель, цены на которые со временем должны повыситься; 6) обложение в пользу церкви питейных заведений; 7) закупка в Дебрецене свечей, масла, цветов для невест и покрывал для умерших и продажа их «за сугубую цену». При помощи такой спекулятивной операции, как говорилось в статье, «цена из купленных товаров утроительно умножается в скарбе»⁷¹⁾.

Униатскому священнику как своему платному агенту правительство гарантировало твердый доход в размере от 400 до

⁶⁹⁾ «Листок», № 2, 15 января 1895 года, стр. 13.

⁷⁰⁾ «Свет», № 31, 10 (22) августа 1869 года

⁷¹⁾ «Карпат», № 7, 27 августа 1873 года. Все униатские издания были заполнены обращениями к верующим, призывавшими их увеличить «добровольные пожертвования» в пользу церкви. Эти обращения подкрепля-

800 гульденов в год⁷²). Фактически же средний доход священника в 5—10 раз превосходил эту сумму и слагался прежде всего из поборов за требы и полуфеодалных повинностей верующих и правительственной дотации («конгруа») ⁷³. Установленная в униатских епархиях «требная такса» отличалась не только своими огромными размерами, но и щепетильным вымогательством, духом которого она была пронизана. Буквально каждый шаг верующего, каждый религиозный акт от рождения и до смерти должен был оплачиваться. В соответствии с «требным прейскурантом» священники взимали по 50 крейцеров за «очистительную молитву родившей», за «благословение родившей», за выдачу метрической выписи, за «оглашение» перед бракосочетанием, за «воцерквение» новобрачной и т. д. и т. п. Обряд венчания обходился вступающим в брак не менее 5 гульденов.

Смерть в доме верующего являлась наиболее доходной статьей для священника. За «отпевание» умершего священник получал до 5 гульденов, за прочтение одного евангелия над телом умершего—3 гульдена, за надгробное слово—5 гульденов, за положение тела в гроб и прочтение «лазарева евангелия» у могилы—по 1 гульдену, за прочтение евангелия во время похоронного шествия—40 крейцеров⁷⁴). За такие обряды, как «заказанная литургия», «парастас», «благословение воды», освящение нового дома, верующий уплачивал от 1 до 1,5 гульдена. Если учесть, что каждый священник имел «парохиальный» дом, большой участок земли (размером до 50 и более гектаров), обрабатываемый верующими, а также приношения верующих, то доходы «превелебных панов парохов» во много раз превышали гарантированный им минимум. Один из современников, говоря о размерах приношений верующих, писал:

лись или ссылками на «святое письмо» («рука дающего да не оскудеет»), или такими убогими виршами:

Кто любит даровати
На церковь, на божое,
Тому бог навертас
Всякое доброе

(«Месяцослов» на 1911 год, Унгвар, 1912, стр. 52)

⁷²) АВПР, ф. Канцелярия, 1898 г., д. 110, л. 12

⁷³) Помимо государственной дотации, униатское духовенство получало от духовных и светских властей под различными предложениями денежные награды, а особо отличившимся в деле одурманивания верующих присваивались почетные титулы и регалии (см. «Листок», № 18, 15 (27) сентября 1888 года, стр. 228).

⁷⁴) Как сообщали современники, похороны бедных умерших, семьи и родственники которых не могли уплатить установленные поборы, совершались священниками с подчеркнутой поспешностью, небрежностью и презрением к покойникам. Обычно похороны таких умерших проводились за счет церковных общин, причем униатские священники и в этом случае не делали скидок на бедность, требуя уплатить им по действующим «требным расценкам» сполна (ГАЗО, ф. 5, 1891 год, д. 255, л. 11 об.).

«В задушные субботы народ с приношениями идет в церковь; есть приходы, в которых в эти дни церковь переполнена калачами, пшеницей, яйцами, и всякого рода плодами»⁷⁵⁾.

По положению, введенному епископом Поповичем в 1859 году, каждый верующий обязан был ежегодно вносить в пользу священника две мерки (65 литров) зерна («коблина») и отработать один день в году с упряжкой или два дня без упряжки на парохияльном участке и доставить священнику, кроме этого, воз дров («роковина») ⁷⁶⁾. «Сельский священник,— писал Л. Василевский,— не только берет с мужика непосильную плату за всякие требы, но и облагает его тяжкими поборами. Крестьянин обязан давать ему сено, дрова, хлеб, капусту, яйца и т. д. Все это составляет так называемую «коблину», которую нередко арендует у священника предприимчивый торговец...»⁷⁷⁾. Хотя «голодовки не редкость в этих горных странах (имеются в виду горные районы Закарпатья.— И. К.)»,— писал другой русский автор,— но священники не снижают размеров церковных налогов и повинностей, и «своими поборами содействуют разорению населения»⁷⁸⁾ Если принять во внимание размеры этих «законных поборов, а также повсеместное произвольное увеличение «штолы», коблины и роковины, то станет совершенно очевидной несостоятельность рассуждений униатских авторов о «скудном» материальном обеспечении «плебейского духовенства». Значительные доходы сельских священников объясняют нам и то, почему с таким остервенением боролись и грызлись между собой многочисленные претенденты на жирную приходскую кормушку.

Униатская печать превозносила «заслуги» греко-католического духовенства, выступавшего, мол, всегда в качестве «защитника» и «советчика» верующих русинов, подчеркивая при этом «прочность» уз, связывающих духовенство с народом, и «демократизм» униатских священников, вышедших-де «из самого народа».

Факты опровергают эти лживые утверждения о «народолюбии» униатского духовенства. Многие авторы, занимавшиеся исследованием общественных отношений в Закарпатье, указывали, что лишь небольшая часть закарпатского духовенства

⁷⁵⁾ «Славянские известия», № 43, 1889 год, стр. 1002

⁷⁶⁾ В 1869 году газета «Свет» обратилась к правительству с предложением отменить коблину и роковину с условием, что каждый священник будет получать жалованье от государства в размере от 1000 до 1500 гульденов и сохранит доходы от земельного участка и поборы за выполнение треб («Свет», №31, 3 (15) августа 1869 года). Позднее священники получали государственную дотацию при сохранении полуфеодалных повинностей в виде коблины и роковины

⁷⁷⁾ Указ соч. Василевский Л., (Плохоцкий), «Русское богатство», № 3, СПб, 1914 год, стр. 384

⁷⁸⁾ Указ соч. Де В о л л а н Г А., «Норусские народные песни», стр. 19.

сохраняла еще связи с народом да и то исключительно на вероисповедной почве. Вне этого не было ничего, что связывало бы духовенство с народом. Вся его деятельность, его мировоззрение, его интересы противостояли интересам и чаяниям народных масс. Л. Василевский в этой связи указывал: «Сословная замкнутость, сервизм по отношению к властям, отсутствие демократизма и презрение к крестьянству, все это превратило русинское духовенство в Венгрии в элемент, совершенно равнодушный к дальнейшей судьбе Закарпатской Руси»⁷⁹).

Многочисленные свидетельства современников и архивные материалы дают основания говорить не только о том, что духовенство рассматривало народные массы как объект эксплуатации и наживы, но и что верующие, в свою очередь, видели в лице униатских священников всех рангов не «духовных пастырей», а угнетателей и «душпаскудников», как их метко окрестили верующие «Народ видел,—писал К. Кустодиев,—что называющие себя епископами и первыми пастырями находятся постоянно в обществе магнатов и считают для себя низким спуститься до народа, он видел, что церковные интересы они отождествляют с своими личными интересами, которые часто были противны интересам народа,—и между клиром и народом образовалась непроходимая пропасть: народ ожесточился и свое недоверие и ненависть к клиру он нередко переносил на церковь и даже религию...»⁸⁰).

Для верующего крестьянина униатский священник являлся «паном», таким же притеснителем и живоглотом, как и другие господа, чиновники, кулаки и ростовщики. Крестьянин был убежден, писал анонимный закарпатский автор, что «его «панотец» при первой удобной случайности готов вступить в союз с паном против него»⁸¹). Духовенство противостояло как враждебная сила массам трудящихся. Между священниками и верниками, признавала газета «Карпат», «умножается распря, разсеивается (распространяется.—И. К.) недоверие, и на последнее прекращается любовь...»⁸²). Не случайно народные разговорки увековечили отношение масс верующих, свою «любовь» к духовным пастырям именно как к чуждой социальной силе: «Болить спина у русина от коблини та роковини», «Святі отці б'ються за карбованці», «пiп дере з живого й з мертвого», а классовая противоположность между «Иваном» и «паном» и союз попа с паном выражались словами: «Пiп iз паном, а Иван з Иваном братаються». На лицемерно-ханжеское обращение священников в церкви к пастве «Солодке во Хри-

⁷⁹) Указ соч. Василевский Л (Плохоцкий), стр. 375—376.

⁸⁰) Указ соч. Кустодиев К., «Православное обозрение», март 1871 года, стр. 420.

⁸¹) «Славянские известия», № 43, 1889 год, стр 1001.

⁸²) «Карпат», № 6, 16 августа 1873 года.

сте братья...» народная поговорка отвечала: «Попу пан, а пес собаце брат»...

Неприязнь масс верующих к своему духовенству, недовольство полуфеодальными формами церковных повинностей и поборами⁸³), засильем латинских нововведений, выразивших собой стремление руководителей униатской церкви окатоличить верующих, выражали собой невозможность прежней безграничной спекуляции на темноту и овечью покорность крестьянина и находили свое проявление в самых различных формах: в отказе целых церковных общин содержать священников, в требованиях заменить попов, отягощающих крестьян поборами, другими, в нанесении побоев особо ненавистным «духовным пастырям», в бойкоте церковных служб, в отказе от выполнения предписаний церкви о соблюдении постов⁸⁴), в поджоге стогов сена и скирд хлеба, принадежащих парохии, и, наконец, в отказе от униатства и возвращении в старую веру⁸⁵).

Проявления недовольства крестьян духовенством и униатской церковью, выступления их против угнетения священников карались так же жестоко, как и выступления против помещиков и властей. Попытки верующих возвратиться в «веру отцов» подавлялись как «схизматические бунты» силой полиции, а участники этого движения подвергались тюремному заключению или томились в специально устроенных подвалах епископских резиденций казематах, которые А. Духнович называл «помещением апостатов» («pro Apostatis, seu a fide catholica deficientibus»), т. е. тюрьмами для отступников от католицизма.

В борьбе против «апостатов» все средства были хороши. Здесь служители церкви действовали в полном согласии с принципами католицизма и иезуитизма. Так, когда группа возвратившихся из Америки русинов, разорвавшая во время пребывания в эмиграции «брак по неволе», т. е. соединение закарпатской церкви с Римом, решила построить свой, православный храм, то против «схизматиков» были пущены в ход испытанные средства—денунциация и провокация. По доносам уни-

⁸³) В одной из корреспонденций, опубликованных в журнале «Листок», указывалось, что «из-за епитрахильных доходов повстают непрерывные несогласия между духовенством и прихожанами» («Листок», № 4, 15 февраля 1895 года, стр. 36).

⁸⁴) Журнал «Листок», говоря о проникновении в ряды верующих «духа строптивости», указывал, в частности, на распространение «всеядения» и нарушения установленных церковью постов «. Для нас не существует уже ни среды, ни пятницы, ни даже самой св. четвердесятницы ..., о петровом и рождественском посте нечего даже и говорить»,— писал, сокрушаясь, «Листок» («Листок», № 20, 15 (27) октября 1888 года, стр. 306).

⁸⁵) Архивы мукачевской епархии содержат многочисленные жалобы прихожан на священников (ф 151, оп 17, 1896 г., дд. 1345, 1348, 1349, 1472, 1897 г., дд. 1594, 1595, 1602, 1607; 1895 г., дд. 82, 447, 611, 612, 613, 703, 705 и др.).

атских священников, обвинявших своих противников в «подрыве интересов отечества», у «московских агентов» были произведены обыски, обнаружены русские газеты, что и послужило основанием для ареста целой группы «отступников» и предания их суду по обвинению в «государственной измене»⁸⁶).

Униатское духовенство являлось тем инструментом, при помощи которого венгерские колонизаторы стремились удушить национальную культуру закарпатских украинцев, превратить их в «католических мадьяр». Греко-католические священники всегда выступали в первых рядах «патриотов», проводников порабощения и ассимиляции своего народа. Не трудно понять, что «патриотизм» греко-католического закарпатского духовенства не являлся, как выражались авторы «Протеста», тем «светлым, гуманным, человеколюбивым патриотизмом, составляющим красу и славу цивилизованного человека XIX века», а был «патриотизмом» низменного расчета, который «велит прежде всего искать корысти и выгод для себя», держать «хлопа» подальше от просвещения и науки, чтобы легче было его мадьяризовать и эксплуатировать. «Как пастыри 500000 русского люда,—говорили авторы «Протеста»,—живя трудом этого люда, они не только не знают языка этого народа, но более того, желали бы стереть этот народ с лица земли. Это может быть единственный в нынешнем цивилизованном мире пример безграничного отупления всякого морального чувства!».

Зарекомендовать себя «хорошим патриотом» и получить доходный приход—вот идеал и смысл жизни униатского патера. С той целью, чтобы доказать свою «благонадежность» властям, униатские священники наперебой старались выступать перед верующими только на мадьярском языке. К родному же языку они относились, по словам современника, «с полным презрением как к «мужицкому» говору, который образованному человеку употреблять неприлично». Нередки были случаи, когда «в воздаяние за свои патриотические подвиги мадьярствующий священник требует для себя позорной награды из мадьяризационного фонда в виде каких-нибудь жалких 10—15 гульденов»⁸⁷).

Центром мадьяризации в церковном приходе являлся дом униатского священника, а его семья, как и он сам, задавала тон в приобщении населения к «культуре господ»⁸⁸). Е. Фенцик в своем произведении «Нищие духом», представляющем собой хронику трех поколений священнической семьи Гробовчаков, ярко описывает быт, интересы и устремления мадьяризованного закарпатского духовенства. Он показывает, как семейст-

⁸⁶) См. «Славянский век», № 29, 1901 год, стр. 132.

⁸⁷) Указ соч. Путник, стр. 632

⁸⁸) Там же, стр. 631.

во Гробовчаков, принявшее мадьярскую фамилию «Дьертян-фи», все более теряет свой национальный облик, как Гробовчаки, стремясь изо всех сил пролезть в ряды «уважаемых патриотов», предадут поруганию свой язык и с презрением отзываются о своем народе. Гробовчаки не случайное и не единичное явление. Это — собирательный тип, в котором сосредоточены черты, свидетельствующие о том, насколько низко пало морально униатское духовенство в своем лакейском пресмыкательстве перед правящей венгерско-католической кликой, отказавшись от своего рода и племени и попирающее ногами национальную культуру и имя своего народа.

Об этих гробовчаках рассказывал в своих «Записках» и А. Духнович, раскрывая их омерзительную, холопскую душу. В 1859 году, как повествует А. Духнович, после освящения церкви в Мукачево, присутствовавшие на торжестве 400 священников всех рангов собрались на обед. Разговор за столами «был один мадьярский, никто не слышал тут русского слова, и сам архиерей всегда по-мадьярски теркотал, священники же русские все по-мадьярски мондокали». И вдруг случилось невероятное: каноник Гаджега произнес тост на русском языке. Эта «дерзость» вызвала переполох среди присутствовавших: «Все стали морокотать, кричать, своевоить, резвить, стульями бросать и шуметь: «nem halljuk, magyarul» («не слушаем; по-мадьярски»). Однако оратор продолжал речь, «на кою русские священники плювали, крича «nem halljuk, magyarul, nem ertjuk» («по-мадьярски, не слушаем, не понимаем»). Некоторые священники отступили от стола, чтобы даже не слышать русского слова, обвиняя оратора в том, как он «осмелился по-русски говорить... он должен был, говорили, у мадьярском краю по-мадьярски говорить, а не по-московски. Стыд сделал каноник, по-русски говоря, как бы то к простому народу»⁸⁹).

Этот факт, сообщаемый А. Духновичем, относился к 50-м годам, но после установления австро-венгерского дуализма язва мадьяризации проникла в среду униатского духовенства еще глубже, и его выступления против своего народа и родного языка стали еще более разнузданными[†].

**
*

«Новая генерация» униатских священников конца XIX столетия, воспитанная в духовных семинариях и богословских лицеях в иезуитско-папистском духе, вооруженная «модерными» науками и приемами идеологического одурманивания народных масс, становится самой активной силой в осуществлении антинародных планов Габсбургов и Ватика-

⁸⁹) Цит. по журналу «Карпатский свет», № 7—8, 1930 г., стр. 1077—1078.

на в Закарпатье. Именно по инициативе этого духовенства создаются различного рода религиозно-католические организации и общества, имеющие целью отвлечь внимание трудящихся от социальных вопросов и классовой борьбы, усилить влияние католической церкви на верующих и показать «искреннюю заботу» униатской церкви о «нуждах народа». К числу таких «полезных для народа» организаций относились: общества «святого престола», «живого розанца», «марийские конгрегации» и общества трезвости ⁹⁰).

«Общество святого престола» с центром в Будапеште ставило перед собой задачу — организовать сбор средств и пожертвований для украшения и придания «благолепия» католическим и униатским храмам. В эту организацию вовлекались преимущественно молодежь и женщины, подвергавшиеся идеологической обработке в «патриотическом» духе иезуитами-богословами, которые использовали это общество для постепенного окатоличения верующих русинов.

«Общество живого розанца», являвшееся филиалом ордена доминиканцев и подчиненное его генералу, ставило своей целью «распространение благочестия под покровом пресвятой девы Марии». Члены этого общества посвящали себя «возложению венков из роз к ногам богородицы» в знак ее «добродетелей». Но эти венки сплетались не из живых роз, а из «цветов надземских» — молитв, это, как выражался журнал «Листок», «совокупление в воню благоухания духовного возсылаемых молитв» ⁹¹), и называлось «розанцем», розовым венком. Члены «розанца» носили по католическому образцу четки и подсчитывали, сколько раз они прочитали молитвы богородице, сколько венков из «цветов-молитв» они возложили к ее ногам.

Мукачевская консистория узаконила общество «розанца» в 1886 году и поручила специальной комиссии в составе каноника Рошковича, священников Чопея, Микиты, Матяцкова разработать устав этого общества, приспособив его к греко-католическому обряду. Организаторами общества «розанца» выступали закарпатские кулаки И. Колесарь, М. Скубенич и другие, «святая» деятельность которых широко рекламировалась униатской печатью. Перечинский мироед Скубенич завербовал в общество 140 человек, собрал деньги на приобретение иконы богородицы и на «трубную музыку». «Сим способом, — говорилось в одном из «Месяцословов», — М. Ску-

⁹⁰) «Епархиальным управителем» этих организаций являлся редактор униатского журнала «Felvidéki Sion» каноник А. Микита, издавший специальные молитвенники-руководства, составленные в иезуитском духе, для «научения» членов указанных обществ.

⁹¹) «Листок», № 19, 1 (16) октября 1888 года.

бенич желав своих братьев пробудити из сна и подняти души к красным и добрым забавам»⁹²⁾.

Как же выглядели эти «забавы»? По уставу общества каждый его член обязан был ежедневно приносить богородице не менее 12 «цветов», т. е. прочесть не менее 12 раз молитвы «Отче наш» и «Богородице дево». Каждые 15 членов общества составляли так называемую «розу», подчиненную своему «начальнику»; на обязанности его лежал контроль за выполнением членами требований устава. В воскресные и праздничные дни члены «розы» собирались вместе и совершали коллективное моление, сопровождавшееся обликушескими стенаниями. Для привлечения верующих в общество «розанца» доминиканские монахи широко использовали все приемы надувательства вплоть до спекуляции «чудесами». В селе, находящемся вблизи Марие-Повчанского монастыря, они с этой целью положили в гроб девушку, завербованную в «розу», и распространили слухи о том, что она умирает, а потом опять воскресает и видит рай и «матерь божью», которая особенно охотно беседует с членами общества «святого розанца». Эту «умершую» девушку, как писал журнал «Листок», «возбудили однажды кнутом (ostor) из ее смертного сна, а посему она уже не умирает, а работает...»⁹³⁾. Так под «покровом богоматери» доминиканские шарлатаны разжигали религиозный фанатизм, используя различные способы обмана для еще большего духовного порабощения трудящихся Закарпатья. Журнал «Листок», боявшийся во весь голос осудить это католическое «нововведение» — общество «розанца», осмелился только робко заметить: «Поелику «ружанец» имеет колорит... латинского обряда, то многие находятя в том убеждении, что посредством «ружанца» намереваются всунути в нашу жизнь латинские обряды и обычаи...»⁹⁴⁾. Несомненно общество «розанца» являлось одной из форм полного подчинения верующих-униатов католической церкви.

Так называемые общества «Девы Марии» или «марийские конгрегации» охватывали преимущественно учащихя девушек. Вступление в общество сопровождалось торжественной церемонией принятия в храме конгрегационного обета, начинающегося словами: «Избирая, тебя, дево, сегодня своей заступницей...». Здесь же епископ утверждал новых членов и благословлял их на «святую деятельность» по распространению веры. Конгрегационный обет возобновлялся в такой же обстановке ежегодно с тем, чтобы подогреть в сердцах членов общества «чувство своей великой

⁹²⁾ См «Месяцослов» на 1913 год, Унгвар, 1912, стр. 83.

⁹³⁾ «Листок», № 24, 15 (27) декабря 1888 года, стр. 376.

⁹⁴⁾ Там же, № 21, 1 (13) ноября 1888 года

миссии». Члены этой конгрегации являлись опорой униатского и католического духовенства в проведении всякого рода «католических акций», духовно-религиозных процессий и церемоний, «культурно-воспитательной работы», сбора пожертвований на «святое дело» и т. п. Марийская конгрегация Ужгородской женской учительской семинарии являлась самой крупной и активной организацией. Она воспитала в своих рядах не одно поколение фанатически настроенных учительниц, ревностных католичек, выступавших, как указывала униатская печать, «правой рукой наших катехитов»⁹⁵⁾. Религиозное одурманивание девушек-конгрегационисток дополнялось специальной работой по подготовке их к своему «женскому предназначению». «Конгрегационистка — католичка всем своим сердцем и душой», опора «домашнего уюта и семейного счастья», — так определяла роль и круг обязанностей женщины-католички униатская печать. Растлить духовно девушек, попавших в сети марийской конгрегации, превратить их в существа забитые, богобоязненные, приниженные, рабски зависимые от церкви, родителей и мужа — такую задачу ставила перед собой эта католическая организация.

Борьба с алкоголизмом, проводимая униатской церковью, ничего общего с действительной борьбой против этого социального зла не имела. Прикрываясь борьбой против зеленого змия, униатско-католическая церковь отравляла сознание народа «религиозной сивухой», ядом «религиозного алкоголя». Не даром Фейербах называл водку «материальной субстанцией религии». Для униатской церкви общества трезвости служили только средством усиления религиозного влияния на верующих, а меры, предпринимаемые священниками с целью ограничения в употреблении алкоголя, не достигали цели. Обычно члены общества трезвости собирались каждую пятницу в церкви, где священник зачитывал перед ними «параклис» в честь богородицы. После длительных молений члены общества давали обет на время, чаще всего на протяжении поста, воздерживаться от употребления паленки. Главными средствами борьбы против алкоголизма считались молитвы, сочетающиеся с голодовками⁹⁶⁾. Когда же

⁹⁵⁾ Катехит — священник, преподающий «закон божий» в школе

⁹⁶⁾ Священник села Чертизное М Бескид в специальной статье, опубликованной в газете «Карпат», делился своим опытом воздействия на сознание верующих при помощи системы сочетания молитв с голодовкой. Это средство так подействовало на души верующих, хвалился священник, что «некоторые на всю жизнь усердно восприняли душеполезный совет сей», даже больше того, «несколько пьяниц отказались от пьянства» (см. «Карпат», № 11, 27 сентября 1873 года). Другие священники, считая, что причиной распространения алкоголизма является несоблюдение верующими постов, предлагали установить самые строгие наказания за нарушение этих предписаний церкви, а также запретить в постные дни «при-

один из священников взял клятвенное обещание от членов общества в том, что они не будут употреблять водки в течение трех лет, то против этого ополчились арендаторы корчем. Они обратились с жалобой на священника к министру финансов и отказались уплачивать арендную плату за питьевые заведения и акцизный налог на спиртные напитки. После консультации министра финансов с министром вероисповеданий духовному начальству мукачевской епархии было предписано запретить священникам принуждать пасомых под присягой к воздержанию от употребления водки ⁹⁷⁾.

Для одурманивания верующих греко-католическая церковь широко использовала многочисленные религиозные праздники, устраивая в эти дни пышные церемонии, организуя религиозные шествия в монастыри и паломничество к «святым местам». Всякое отступление от религиозных праздников расценивалось как нарушение «христианского долга», которое влечет за собой, мол, распространение «суемудрия» и «богопротивных настроений». Так, один из униатских священников А. Саксуи (село Стужица) обратился с жалобой к главному жупану ужгородского комитата на дирекцию государственных лесов, которая, практикуя выдачу заработной платы рабочим-лесорубам в воскресные и праздничные дни, отвлекает этим их от «духовных упражнений». Такое нарушение предписаний о религиозных праздниках, писал священник, может привести к распространению среди рабочих идей социализма ⁹⁸⁾.

Униатские священники стремились подчинить каждый шаг верующего, каждый час его жизни своему влиянию, чтобы направить все его помыслы только к «духовным делам». Этой цели, в частности, служили «поучения о проведении праздничных дней». В одном из них рекомендовалось проводить время в праздничный день по такому расписанию: 1) утром, проснувшись, умойся и вознеси «ублажительную» молитву; 2) отправляясь с семьей к утрени; возвратясь из церкви, занимайся в кругу семьи чтением «святого письма» или «душеполезной книги»; 3) потом иди к обедне и «бери с собой по силе крейцарики» ..; 4) после обедни «вопроси детей, о чем в церкви было читано?» Сотвори молитву и садись обедать; 5) после обеда «часок не грешно отдохнуть»; потом пройди по селу, помоги больным и сиротам, а возвратясь домой опять читай с детьми «жития святых»; 6) после ужина ложись спать с молитвой ⁹⁹⁾. И так день изо дня. Ве-

ношение паленки в церковь вкпе с хлебом, зеленью и цветами» («Свет», №№ 30, 31, 1868 года)

⁹⁷⁾ Указ. соч Путник, стр 648

⁹⁸⁾ ГАЗО, ф 4, 1898 г., д 329, лл 20—21

⁹⁹⁾ «Листок», № 13, 1 июля 1895 года, стр 148

рующему униатская церковь отводила только две функции сформулированные в словах: «ога et laboga» («молитва и работа»).

Одновременно с торговлей индульгенциями, так сказать, в индивидуальном порядке католическая и униатская церкви применяли более утонченную и замаскированную форму массовой индульгенции — так называемые «отпусты», т. е. отпущение грехов в определенные дни, которыми мог воспользоваться каждый верующий¹⁰⁰). В такие дни, особенно в монастырях и церквях, где находились какие-нибудь религиозные реликвии, как, например, «слезоточивая икона» божьей матери в Марие-Повчанском монастыре или старинная «чудотворная» икона в Мукачевском монастыре, собирались тысячи и десятки тысяч одурманенных верующих, надевавшихся получить «полное отпущение грехов».

Жалкое зрелище представляли собой эти религиозные процессии верующих, приходивших толпами из самых отдаленных сел Закарпатья за «отпустом». С хоругвями и иконами, с пением духовных гимнов, босые, в домотканном грубом одеянии, измученные голодом и нищетой, шли они, ведомые «пастырями духовными», с наивной верой вымолить у богоматери лучшую жизнь и избавиться от прегрешений «вольных и не вольных». В этих массовых религиозных шествиях, в придавленности их участников наглядно проявлялась примитивная религия отсталого и забитого крестьянства. «Социальная придавленность трудящихся масс, — писал В. И. Ленин, — кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячи раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии»¹⁰¹).

Дни «отпустов» для епископата и духовенства были самыми доходными днями. Вот как выглядел один из «успенских отпустов» в Мукачевском монастыре. «Пречиста дева Мария, — писали униатские газеты, — выпросила для своего набожного подкарпаторусского народа хорошую погоду на праздник усновения». В шествии участвовало несколько десятков тысяч человек. 50 священников проводили исповедания до поздней ночи. Торжественное богослужение отправлял сам епископ на открытом возвышенном месте. За три дня

¹⁰⁰) Папа Лев XIII специальной буллой предоставил «полный отпуст» тем верующим, которые посетят храм «преображения господня» в Ужгороде в день «покрова пресвятой девы», 13 октября («Листок», № 17, I (13) сентября 1888 года, стр. 271)

¹⁰¹) В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 374—375

причастилось более 13 тысяч верующих. Церемония отпуста заканчивалась «отпущением грехов» и напутственными проповедями. Скопления верующих в эти дни использовалось униатской церковью как для пополнения епархиальной казны ¹⁰²⁾, так и особенно для обработки сознания верующих в нужном для церкви направлении *.

**

Наиболее организованной и мощной силой униатско-католической реакции в Закарпатье являлся монашеский орден Василия Великого (василиане, базилиане). Созданный еще в средние века Ватиканом и польскими королями для утверждения католицизма на Западной Украине, орден василиан был реорганизован в 80-х годах XIX столетия папой Львом XIII и представлял собой униатский вариант ордена иезуитов, почему его членов и называли «иезуито-базилиане».

В мукачевской и прешевской униатских епархиях во второй половине XIX столетия было 8 монастырей этого ордена (Мукачевский, Краснобродский, Мария-Повчанский, Имстичевский, Березнянский, Боронявский, Бискадский и Буковецкий), насчитывавших свыше ста монахов. В 1911 году в мукачевской епархии был открыт новый, пятый по счету, монастырь ордена василиан в Ужгороде, ставший очагом иезуитизма в Закарпатье. Здесь были сосредоточены основные и наиболее подготовленные кадры католических пропагандистов. При монастыре существовала специальная «школа питомцев» (более 30 человек), подготовлявшихся к «подвижничеству», и интернат (бурса) для учеников гимназии на 100 человек. Задача интерната заключалась в том, как писал униатский журнал, чтобы воспитывать молодежь в «набожном духе» и подготовить интеллигенцию «не хладнокровную, но любящую Христа, любящую церковь, обряд и народ» ¹⁰³⁾. На самом же деле Ужгородский монастырь василиан — эта «святыня духовной жизни», как его называла церковная печать, — являлся центром враждебных народу черных сил, подготовлявших «птенцов гнезда Христова» с хищными повадками беркутов и эластичностью кобр, готовых служить любой ценой папскому престолу.

Монастыри василиан управлялись игуменами, подчиненными протоигумену. На ежегодных «иноческих соборах» подводились итоги деятельности ордена, определялись его задачи и производились выборы должностных лиц. Членами со-

¹⁰²⁾ ГАЗО, ф. 64 (Монастырь ордена василиан в Мукачеве), оп III, 1898—1899 гг., д 714, лл 20—30, оп III, 1909 г., дд. 836—839.

¹⁰³⁾ «Месяцослов» на 1913 год, Унгвар, 1912, стр. 71.

бора являлись: протоигумен, игумены монастырей, четыре «definitores» (члены «решительного совета») и по одному представителю от «монашеской братии»¹⁰⁴). Вся жизнь и деятельность ордена и монастырей направлялась папской курией. Орден представлял собой, по словам галицкого автора, «иезуитский cadaver¹⁰⁵», слепое орудие для осуществления своих *pia desideria*)¹⁰⁶), и действительно, монахи ордена, «слепо, как этого требуют основные положения иезуитской школы, повинуюсь указаниям черных патеров... добросовестно работали *ad meliorem parae gloriam*»¹⁰⁷).

Члены ордена василиан, усвоившие в совершенстве иезуитские приемы и тактику одурманивания верующих, представляли собой скопище непревзойденных обманщиков, лицемеров и фарисеев, готовых на всякое преступление во имя торжества «святого дела», ибо «цель освящает средства». Не случайно в библиотеках василиан Закарпатья были сосредоточены многочисленные «статуты» и «положения», служившие руководством в их деятельности и определявшие нормы их «нравственности», а также и литература противников иезуитизма. Среди последней мы встречаем труд одного из французских авторов «Внутренний мир иезуитов», в котором о «жизненном кодексе» их говорилось следующее: «Отречься от всякого вида правды, никогда не давать искренно обещаний, отрицать факты и историю, не затрудняться в выборе средств, следовать за дуновением ветра, оставлять и опять принимать свои принципы и впоследствии доказывать, что никогда не изменял им, объяснять, исказить вещи, так чтобы белое было черным, а черное белым, скрывать ненасытное честолюбие под внешностью глубокого смирения, быть во всех делах лживым, хитрым маккиавелистом — вот иезуитизм».

И. Базилович, бывший на протяжении 38 лет (конец XVIII — первая четверть XIX столетия) протоигуменом Мукачевского монастыря ордена василиан, упрочил основы этой монашеской организации и неизменно выставлял на показ «высоконравственные» стороны монашеской жизни, которой выкорымиши иезуитов никогда не отличались. В частности, в своей рукописи «Слово ко братии... глагольное о достоинстве иноков» И. Базилович превозносил на все лады «бескорыстие», «преданность науке» и «монашескую нищету» василиан, для которых, мол, «чистое служение богу» являлось смыслом их жизни. «Нищету монашескую, — писал про-

¹⁰⁴) Указ. соч. N. N., стр. 50

¹⁰⁵) Труп, падалъ (латинск.). Так называли себя члены ордена, подчеркивая свое безусловное подчинение воле «души» ордена — его генералу, ибо иезуит «должен повиноваться как неодушевленный предмет»

¹⁰⁶) Преступное желание (латинск.).

¹⁰⁷) На благо папской славы (латинск.).

тоигумен,— Василий святой зовет питательницею истинной философии, и своею сожигательницею глаголет быти сию нищету; он зовет ю монашеским сокровищем». Но разглагольствования василиан о том, что они «презирают блага земли» и «следуют обнаженными за обнаженным Христом», опровергаются фактами. Не «истинная философия», не «нищета монашеская» как «сожигательница» василиан, а другие, диаметрально противоположные этому, нравственно-моральные принципы составляли «монашеское сокровище».

И. Раковский в своей статье «О нашем чине св. Василия Великого», опубликованной в газете «Свет» за 1869 год, указывал, что в настоящее время «ореол, окружающий орден, померк», уважение к нему «восколебалось» и он «потерял у нас почти все свое значение»¹⁰⁸). Главную причину упадка ордена И. Раковский видел в том, что под влиянием «латинизма и мадьяризма» монахи-василиане отступили от устава ордена, предписывавшего сочетать «аскетические упражнения с умственными занятиями и физическими трудами». Монахи ведут недостойную жизнь. Они потеряли доверие даже у «самого простого народа». За исключением немногих, писал И. Раковский, нам не случалось встречать среди монахов, посылаемых в помощь приходским священникам, «хороших иноков, отличающихся благонравием и безукоризненным поведением. Имея в виду... развратность иноков, настоятели их, как нам известно, не легко решаются определять чернцов к приходским священникам для их вспомоществования..., зная, что монахи, жившие вон (вне. — И. К.) монастыря, вносят в обитель по возвращении значительную порчу нравов и неуклюжесть относительно правил монашествующих...»¹⁰⁹).

О «монашеском чине» василиан в Галичине анонимный автор писал следующее. «Жили они (василиане. — И. К.) роскошно, совсем не по-монашески. Пили, ели, кутили на славу... Источником их чисто эпикурейского жития были монастырские суммы и щедрые пожертвования, которые обильно притекали к ним от набожных галичан-униатов, предназначавших свои приношения, конечно, не на цели чревоугодия и удовлетворения плотских страстей. По отношению к прекрасному полу базилиане всегда являлись такими тонкими знатоками красоты и всех прелестей его, что собрание любовных похождений донжуанов базилианского ордена могло бы послужить к составлению нового бокачиевского декамерона»¹¹⁰).

¹⁰⁸) «Свет», № 15, 13 (25) апреля 1869 года.

¹⁰⁹) Там же.

¹¹⁰) А. С. Базилиане в Галичине, «Славянские известия», № 2, ноябрь 1904 года, стр. 152

Закарпатские базилиане конца XIX столетия, как видно, недалеко ушли в своем «подвижническом житии» от галицких собратий. Отклики монахов-василиан на статью И. Раковского полностью это подтверждают. Так, один из монахов этого ордена писал: сейчас распространился взгляд, что монастыри — это «прибежище праздної, ленивой да довольно выгодной и роскошной жизни, вследствие чего они делаются гнездом всех пороков и разврата». Не опровергая этого взгляда на монастыри, автор признавал, что многие монахи, «обогащенные щедрыми наданиями, пренебрегати стали своим званием, позабыли на высокое назначение своего сана и предавались роскошной, даже и развратной жизни или замешивались в дела совсем несогласные с их званием». Этот иннок-василиан признавал далее, что монахи мало заняты делом и им остается только «проводить время праздно или чем-либо легким, бесполезным рассеиваться»¹¹¹⁾.

Другой монах в ответ на обвинения в том, что василиане не занимаются «просвещением» народа писал: орден не виноват в том, что в него не вступают «даровитые люди», священники же «определяют в сан иноческий того только из своих сыновей, который уже ни к чему не годится»¹¹²⁾. Причину «оскудения» ордена он видит, во-первых, в отсутствии средств¹¹³⁾, утверждая, что монахи якобы живут за счет подаяния, и, во-вторых, в отсутствии кадров монахов, способных выполнить предписания устава, так как «дух нынешней цивилизации, преклонившейся к материализму», ли-

¹¹¹⁾ «Свет», № 19, 18 (30) мая 1869 года.

¹¹²⁾ Там же. В орден василиан вступали обычно сыновья священников, дьяко-учителей, церковных старост, любители легкой жизни, бездельники, недоучки, неудачники, люди, оправившиеся от гяжелой болезни и давнишнего обета «послушания», или, наконец, одурманенные религиозным ятом, экзальтированные и фанатически настроенные представители искалеченной душевно молодежи. В заявлениях о вступлении в орден послушники, как правило, мотивировали свое намерение «принять чин» только религиозными соображениями. Так, в заявлении гимназиста V класса К. Поповича (сын дьяко-учителя из села Рахово) говорилось «С детства жило в моем сердце стремление служить во славу бога и спасения своей души. Я видел славный пример такого служения в жизни монахов василиан. Моя надежда может быть осуществлена только в рядах ордена» (ГАЗО, ф. 64, оп. III, 1897 г., д. 710, лл. 1—2). Однако факты показывают, что послушники обычно руководствовались более земными и прозаическими соображениями, чем «спасение души».

¹¹³⁾ Во всех выступлениях монахов в печати неизменно фигурировало одно требование: увеличение денежного «вспомоществования» монастырям. Некоторые из них предлагали обложить с этой целью верующих дополнительным налогом (по 30 крейцеров с хозяйства в год), что составило бы крупную сумму в 50 тысяч форинтов (см. «Свет», № 19, 18 (30) мая 1869 года). Закарпатским церковникам не давали покоя огромные доходы других монастырей. В частности, с завистью они писали о колоссальных богатствах Киево-Печерской лавры, доход которой в 60-х годах XIX столетия достигал 206 тысяч рублей серебром в год (см. «Свет», № 14, 30 сентября 1867 года).

шает молодежь «духовного направления»¹¹⁴). И этот автор письма признавал, что в ордене василиан «высшая жизнь духовная погасла» и «истинный дух монашества померк», вследствие чего появились и примеры «нравственного разврата». Этот же монах выступал также против предложения И. Раковского создать типографию ордена и начать издание «назидательной» литературы, называя издательскую деятельность «опасным предприятием»¹¹⁵).

Все сказанное нами о монашеском ордене василиан относилось к концу 60-х годов XIX столетия, когда его не коснулись еще «преобразования», обусловленные обострением классовых противоречий капитализма в западноевропейских странах и распространением идей научного социализма. В 80-х годах XIX столетия, одновременно с «оздоровлением» и «реорганизацией» всех звеньев католической церкви в соответствии с требованиями времени, Ватикан проводит «реформу» монашеских орденов, в том числе и ордена василиан, придав всей его деятельности агрессивный характер. С этого времени орден превращается в «модерную» духовную организацию, сыгравшую исключительно реакционную роль в Закарпатье.

Не было ни одного мероприятия, осуществляемого Габсбургами и Ватиканом, направленного к усилению социального, политического, национального и духовного угнетения народных масс Закарпатья, чтобы монашество этого ордена не выступало как самая активная сила, как самое тонкое идеологическое орудие в руках чужеземных поработителей. Располагая огромными материальными средствами, кадрами вышколенных в иезуитских академиях пропагандистов, собственными типографиями и многочисленными дочерними корпорациями, орден василиан широко раскинул свои щупальцы спрута, выполняя роль передового отряда «христово воинства» Ватикана на Западной Украине и в Закарпатье.

Василиане выступали с проповедями и публичными чтениями на религиозно-богословские темы, создавали духовно-религиозные общества, латинизировали церковные обряды, распространяли католическую литературу, проникали в семью и школу, в культурные и спортивные организации, в филантропические общества, профсоюзы и армию,— распространяя везде и всюду яд реакционного католического мировоззрения,* выполняя роль шпионов и доносчиков, стоящих на страже «отечества и престола».

Особое внимание василиане придавали своей деятельности среди юношества и солдат-русинов, которых в конце XIX столетия в австро-венгерской армии насчитывалось свы-

¹¹⁴) «Свет», № 18, 11 (23) мая 1869 года.

¹¹⁵) Там же

ше 75 тысяч человек, стремясь воспитать их в духе верно-подданнического служения цесарю и приверженности к церкви. О направлении деятельности василиан среди молодежи можно судить по изданному ими «Исповедному руководителю» под названием «Покаяние». Этот сборник, каждая буква которого источала смрад мракобесия, 10 древних «божьих заповедей» дополнялись в соответствии с «духом времени» такими табу: читать «противоверные» книги и газеты, внесенные в папский «index librorum prohibitorum»¹¹⁶), опаздывать на церковную службу, «шкодить здоровью своему танками (танцами.— И. К.) обжертвом, пьянством или иными безмерностями».

Далее, «Исповедник» устанавливал точную градацию грехов «несмертных» и «смертных», угрожая карой за сокрытие их от церкви. Беда ждет того, говорилось в этой брошюрке, кто на исповеди расскажет о малых, «простительных» грехах, но о «мерзких грехах» умолчит или «скажет только мимоходом». «Исповедник» поучал, что к «смертным грехам», помимо убийства, богохульства и т. д., относится не только чтение запрещенных папою книг, но и «прислушивание к противоверным словам и безбожным беседам», и требовал на исповеди ничего не утаивать от своего «духовного отца», раскрывая перед ним во всех мельчайших подробностях свою «греховную жизнь»¹¹⁷).

«Исповедник» предлагал верующему целый набор молитв, которые по папскому предписанию дают «полный отпуст». В заключение этого иезуитского руководства для юношества приводилось «воздыхание» — покаянная молитва такого содержания: «Господи и боже мой! ныне вже готов есмь прияти от рук твоих хоть якую смерть...», а в примечании к молитве указывалось: «Кто сие воздыхание хоть коли смиренно помолится и исповедается, причащается, во час смерти своей получит полный отпуст. Пий X, года 1904, марта 9-го».

Так иезуитско-полицейские ищейки в рясах через «святое таинство исповеди» залезали своими щупальцами в юношеские души, опустошали и калечили их, пытаясь превратить молодежь в покорное «стадо Христово», которое признало бы «свою ничтожность и недостойность» и сосредоточило бы все помыслы свои на «покаянных и смиренных молитвах», открывающих двери рая претерпевшему на земле.

В начале XX столетия униатская епархия вводит в систему своей работы так называемые «духовные реколлекции», своего рода семинары священников, проводимые богослова-

¹¹⁶) Список запрещенных книг (латинск.)

¹¹⁷) «Покаяние», Исповедный руководитель для молодежи, Унгвар, 1905, стр 8

ми-василианами; на этих «реколлекциях» заслушивались доклады не только на духовно-богословские, но и на политические темы, обсуждались формы и методы борьбы с «безбожными и социалистическими течениями». Одновременно с этим епархия стала уделять больше внимания, как писала униатская печать, «социальному воспитанию питомцев духовной семинарии, чтобы они, будучи священниками, могли бы успешно работать над поднятием благосостояния бедного народа». В частности, в курс обучения семинаристов были включены лекции по кооперации. Внимание церкви к «социальному воспитанию» ничего общего с заботой о благосостоянии народа не имело. Цель «перестройки» системы подготовки молодых священников заключалась в том, чтобы вооружить их искусством обмана верующих социальной демагогией, облегчить подчинение себе массовых крестьянских, в частности кооперативных, организаций.

В этот же период разворачивается «культурно-массовая» работа различных католических обществ, читален, библиотек. Так, общество «Соединение греко-католиков» в Ужгороде открывает ряд «народных читален», в которых организует проведение бесед на религиозные и социальные темы, «реколлекций» для интеллигенции, рабочих, домашних хозяек, «чайных вечеров» с раздачей бесплатных сдобных булочек, завернутых в бумагу с отпечатанными текстами «душеспасительных» проповедей. В селах стали создаваться приходские библиотеки и читальни, задача которых, как писала униатская печать, заключалась в том, чтобы противодействовать распространению всякого враждебного для христианской веры мировоззрения, старающегося «отвратить людей от бога и церкви».

В идеологическом арсенале василиан, являвшихся проводниками политики австро-венгерских ассимиляторов и работников закарпатских и прикарпатских украинцев, немалое место занимала проповедь, рассчитанная на то, чтобы посеять среди русинов недоверие к русскому народу, к Москве; причем в своей ненависти к России они, как указывал автор статьи «Базилиане в Галичине», «не знают меры и чувства приличия». Вслед за «руководящими» статьями своего органа «Миссионар», представлявшего собой бульварно-черносотенный листок, василиане распространяли пошлые пасквили по поводу этнической принадлежности русского народа, его культуры, пытаясь подорвать братство украинского и русского народов*. С возникновением украинского буржуазного национализма орден василиан стал гнездом самых оголтелых проповедников антинародных идей «самостийництва».

Униатская церковь широко использовала для затемнения

сознания верующих, для распространения мистики и суеверий библейские басни, «чудотворные» реликвии, стихийные бедствия и патологические изменения человеческого организма. В частности, целые газетные полосы и многие страницы униатских журналов отводились описанию «божественных чудес», связанных с заболеваниями людей истерией, и происходящими на этой почве телесными нарушениями — стигмами, которые церковники выдавали за «раны Христа», так как у больных иногда кровоточили открывающиеся раны, напоминающие, как утверждали церковники, раны, нанесенные «спасителю» при распятии его на кресте.

Периодичность появления «ран Христа» на теле больного, сопровождавшаяся нервными припадками, проявлениями большой истерии, потерей сознания, конвульсиями, бредом, дала основание церковным обманщикам представить это болезненное состояние как «божественный экстаз», во время которого больной якобы переживает «страсти и муки спасителя» и приобретает способность ясновидения. Такие больные в большинстве своем объявлялись католической церковью «святыми» и служили объектом эксплуатации невежества масс верующих, доходной статьёй для предприимчивых устроителей чудес, наживавшихся за счет обманутого паломников.

Первым «стигматиком», объявленным «святым», был Франциск Ассизский. Всего известно более ста подобных случаев заболеваний истерией, эксплуатируемых католической церковью. Начиная с 1923 года, благодаря стараниям католических мракобесов, получила широкую известность среди верующих «пророчица» немецкая девушка Терезия Найман из Коннесрайта. Немало бумаги исписали униатские корреспонденты и очевидцы, повествуя об этом «наибольшем чуде нашего времени». От их писаний несет затхлым духом невежества дикарей и средневековой мистики, бесноватым духом кликушества и шарлатанства, прикрываемого псевдонаучными аргументами.

Терезия Найман, как сообщали газеты, родилась в 1898 году и 20 лет от роду во время пожара повредила себе позвоночник и тяжело заболела, лишившись речи, зрения, слуха, способности двигаться. Это состояние больной продолжалось с 1919 по 1923 год, но вдруг к ней явилась ее тезка «святая» Терезия, которая обещала из милосердия облегчить страдания больной. После этого наступило «чудесное исцеление» Терезии Найман¹¹⁸).

Возможно, что эти слухи не вышли бы за пределы округа Коннесрайт, если бы «святая» Терезия не наделила свою

¹¹⁸) Газета «Неделя», № 32, 16 августа 1936 года.

подопечную «ранами Христа», которые стали открываться у нее регулярно каждую пятницу. Естественно, что папская пропаганда постаралась распространить слухи о «чудесном» явлении в Коннесрайте по всему католическому миру. Специальным письмом прислал свое благословение Терезии Найман сам папа. В ее комнате был сооружен небольшой алтарь. Здесь периодически отправляли церковную службу высокопоставленные представители католической церкви, вроде немецкого кардинала Фаулгабера. С этого времени захолустная немецкая деревня Коннесрайт, насчитывающая две тысячи жителей, стала бойкой католической ярмаркой, посещаемой многочисленными пилигримами со всех концов подвластного папе мира.

Созданная католической церковью специальная комиссия с участием «ученых», врачей и священников в течение двух недель изучала проявления «божественного чуда» и дала заключение о его безусловно «сверхестественном происхождении». Между прочим комиссия отметила тот «божественным влиянием определяемый факт», что Терезия Найман на протяжении 9 лет не употребляла ни воды, ни пищи и это нисколько не отражалось на ее организме, а во время экстаза, как установила «ученая» комиссия, Терезия «пророчествовала на древнееврейском языке...». После опубликования заключения комиссии за Терезией Найман упрочилась слава «ясновидящей пророчицы, обладающей даром божественного откровения».

В течение 1935 года Коннесрайт посетили десятки тысяч католических паломников из Германии, Франции, Англии, Америки, Филиппин и т. д. Не преминули отдать дань мракобесию и униатские руководители закарпатской греко-католической церкви. Мукачевский епископ А. Стойка в сопровождении десяти священников своей епархии совершил поездку в Коннесрайт, о которой захлебываясь писала униатская печать. В статьях, посвященных этому событию, подробно и художественно описывались личные переживания участников этого паломничества, которые с трепетом душевным и волнением необычайным разглядывали «исусовы раны» и ловили, как «божественное откровение», каждое слово «пророчицы». Терезия Найман, как писала газетка «Неделя», лежала после нервного припадка пластом, глаза ее были закрыты, и под ними «следы кровавых слез, падающих во время экстаза... платок на голове на месте тернового венка кровавый..., в ране на сердце вата. Стигмы на руках и ногах имели форму правильных четырехугольников, подобно гвоздю Иисуса, находящегося в Риме».

Католический патер, приставленный к Терезии Найман, описывал и показывал паломникам раны больной, залезая

в них пальцами, вынимая тампоны из кровоточащего отверстия в груди, уверяя, что такое же отверстие во время экстаза видно и в самом сердце. Осмотр «пророчицы» заканчивался демонстрацией перед паломниками окровавленного платка, «ваты из сердца» и сорочки Терезии Найман, залитой пятнами запекшейся крови..

Перед отъездом из Коннесрайта епископ Стойка попросил Терезию Найман молиться за него, за мукачевскую спарцию и «за возвращение схизматиков в лоно католической церкви», на что «пророчица» ответила: «Ich danke schön»... «Чудо» в Коннесрайте натолкнуло греко-католических торговцев чудесами на мысль использовать в своих целях большую греко-католичку Анастасию Волошину из галицкого села Мельник. И здесь «ученая» комиссия пришла к заключению, что Волошина «в экстазе имитирует муки Христа» и, находясь в состоянии невменяемости, «телепатично все слышит». Причины этих «чудесных явлений», как заявляла комиссия, «коренятся в ее душе»... ¹¹⁹⁾.

Так, дипломированные лакеи реакции помогали церкви оглуплять народ «чудесными явлениями», подкрепляя авторитетом науки грубейшее суеверие и невежество, культивируемое веками поповским обманом. «Вполне понятно, — писал Ф. Энгельс, — что если первобытные религии, как поклонение фетишам у негров или общая первобытная религия у арийцев, возникают без какого-либо участия обмана, то в дальнейшем развитии очень скоро поповский обман становится неизбежным. Религии же, в которых играет роль искусство, наряду со всею их искренней восторженностью, уже при своем основании не могут обойтись без обмана...» ¹²⁰⁾. Так самыми различными средствами церковники держали трудящиеся массы Закарпатья в духовном порабощении, распространяя дикие религиозные предрассудки, источником которых являлись нищета и темнота народных масс, придавленных социальным гнетом

3. КЛЕРИКАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ—ОРУДИЕ РЕАКЦИИ И МРАКОБЕСИЯ

До второй половины XIX столетия в Закарпатье периодической печати не существовало. Первый печатный орган «Церковная газета»¹²¹⁾ стал выходить в марте 1856 года. На

¹¹⁹⁾ Там же, № 1, 5 января 1936 года

¹²⁰⁾ К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV (1 изд.), стр. 602

¹²¹⁾ Редактором «Церковной газеты», издаваемой мадьярским «Обществом св. Стефана» («Szent István Társulat») в Буде, был униатский священник И. Раковский. Первый номер «Церковной газеты» вышел в свет 13 марта 1856 года. В течение первого года издания (1856 год) вышло 40 номеров газеты, за второй год (1857 год) — 50 номеров и в третьем, 1858 году, — 16 номеров 22 июля 1858 года «Церковная газета»

протяжении 1858—1866 годов газеты на русском или местном языке не издавались¹²²⁾. Одновременно с организацией литературно-просветительного «Общества Василия Великого» была основана еженедельная газета «Свет» (1866—1871 годы), переименованная затем в «Новый свет» (1871—1872 годы)¹²³⁾. На смену «Новому свету» пришла мадьяризованная газетка «Карпат», выходившая на протяжении 1873—1886 годов. В 1885 году закарпатский писатель Е. Фенчик приступил к изданию журнала «Угрорусский листок», который выходил два раза в месяц на протяжении 18 лет (1885—1903 годы)⁴⁾. К периодической печати надо отнести также «Месяцословы» и «Календари», регулярно издававшиеся на всем протяжении второй половины XIX столетия¹²⁴⁾.

Периодическая печать Закарпатья этого периода с полным основанием может быть названа клерикальной печатью, так как обычно периодические издания являлись официальными и полуофициальными органами греко-католических епархий, субсидировались епископатом или возглавлялись представителями духовенства. Это определило собой глубоко

была переименована в «Церковный вестник», который после выпуска 10 номеров 22 октября того же года по распоряжению австро-венгерских властей был закрыт

¹²²⁾ Основанная в 1861 году в Ужгороде мадьярская газета «Kárpáti Hírök» (редактор Мейсарош) прекратила существование в том же году.

¹²³⁾ Газета «Свет», выступавшая против политики ассимиляции закарпатских украинцев, была ликвидирована по требованию епископа Панковича в 1871 году. В 1867 году учитель препаандии А. Репасв приступил к изданию ежемесячного «педагогического и народопросвещающего» журнала «Учитель». Через 8 месяцев после основания этот журнал был запрещен как не соответствующий духу «мадьярской супремации». С 1868 по 1873 год министерство культуры и просвещения издавало «Газету для народных учителей» на угрорусском языке, служившую целям мадьяризации закарпатоукраинской школы. Единственная «сатирическо-иллюстративная» газета «Сова», преследуемая партией епископа Панковича, прекратила свое существование после издания пяти номеров в 1871 году. В 1868 году, как сообщала венгерская газета «Budapesti Közlöny», бывший редактор газеты «Свет» Ю. Игнатков приступил к изданию новой газеты «Отечество», цель которой была определена следующим образом: «Между русскими сынами отечества нашего развивать чувства любви к отечеству и всяким беззаконным и противящимся конституции отечества агитациям противодействовати» (см. «Свет», № 29, 27 июля (8 августа) 1868 года). По неизвестным причинам издание этой газеты осуществлено не было.

¹²⁴⁾ Первый «Месяцослов» был издан «Пряшевским литературным заведением», основанным А. Духновичем, в Перемышле в 1850 году. В начале «Месяцословы» выходили неперіодично (с 1851 по 1867 год было издано 3 «Месяцослова»), но с учреждением «Общества Василия Великого» «Месяцословы» и «Календари» (под названиями «Крестный календарь», «Церковный календарь», «Календарь подкарпатский» и др.) издавались ежегодно. За 35 лет (с 1866 по 1901 год) было издано свыше 50 «Месяцословов» и «Календарей», из них 1/4 часть на мадьярском языке.

антидемократический характер всех издаваемых газет и журналов, прямое подчинение их целям и задачам католической церкви. Униатская печать в Закарпатье с момента своего возникновения всегда являлась орудием реакции и мракобесия, проводником антинародных идей, пособником чужеземных угнетателей народных масс.

Весьма ограниченная положительная роль, которую сыграли некоторые органы печати в национально-культурном развитии Закарпатской Украины, не снимает того положения, что греко-католическая печать в целом, выступавшая глашатаем религиозного мировоззрения, принесла огромный вред, насаждая в народных массах дух рабской покорности эксплуататорским классам, затемняя сознание рабочих и крестьян религиозным дурманом.

И. Раковский, определяя основное направление и цель «Церковной газеты», писал: «...Главнейшим попечением нашим было утверждать братию нашу в св. унии с римскою церковию, межю тым однако мавши всегда перед очами, что мы смы чада восточной церкви, не преминули смы защищати ея священный обряд и законныя права там, где того требовали польза ея и наш сыновний долг к ней. При сем было обращено наше внимание и на то, чтобы... споспешествовати религиозным потребностям народа нашего и его духовному образованию»¹²⁵).

В соответствии с этим «Церковная газета» была заполнена недельными и праздничными поучениями, охватывавшими все стороны жизни паствы, и образцами наставлений верующих, направленных к тому, чтобы священники могли «удобнее преподавати верным своим спасительные истины и непреложные правила жизни». Эти «спасительные истины», которым греко-католическая печать отводила главное место, представляли собой образцы низкопробной пропаганды мракобесия, направленной к удушению всяких проблесков свободной мысли, которая шельмовалась, глушилась и поносилась как «дьявольская» и «богопротивная».

В одной из проповедей, помещенной в «Церковной газете», говорилось, что смысл и назначение жизни человека определяется стремлением к «вечному спасению» через изучение «источников мудрости христианской» — священного писания и святого предания. Древние народы, указывала газета, были лишены света «божественного откровения», поэтому они и «погрязли в слепоте невежества». К этим «слепцам» газета, являвшаяся подголоском врагов науки и прогресса, относила, разумеется, и тех, которые, «отвергая сверхестественное откровение божие, считают достаточным руководствоваться одним разумом своим»¹²⁶). Чтобы противодействовать распространению

¹²⁵) «Церковный вестник», № 1, 1858 г., стр. 1.

¹²⁶) «Церковная газета», № 1, 22 января 1858 г., стр. 2.

нию «богопротивных идей», доказывала «Церковная газета», необходимо заставить верующих читать денно и ношно священное писание, не вникая в его смысл. Забить головы верующих бессмысленными, непонятными богословскими догмами, закрыть доступ в массу верующих всякой другой литературы, особенно научной, прогрессивной, революционной,—такова цель этого поучения.

«Церковная газета» призывала следовать советам идеолога католической церкви Августина: изучать святое писание «на память даже в таком случае, когда бы мы не успели хорошо понимать смысл оно́го (*Si non intellectu, tamen lectione*); следовать указаниям св. Иеронима: «Не выпускать библии из рук даже тогда, когда сон смыкает вежды чтущего (*Tenentem te Sacros Codices somnus obrepat, et cadentem faciem pagina sacra suscipiat*)»¹²⁷). Поменьше думайте, не будьте любознательны, не поддавайтесь «змию-искусителю», который подстрекает ум человеческий «к любопытливому исследованию таинств божиих», к «дерзкому вольномыслию и надменному суетности человеческого», закройте очи и слепо следуйте за своими духовными пастырями, «прилепляйтесь» к католической церкви,—в этом спасение рода человеческого от гибели,—таков смысл этих поучений «Церковной газеты».

Другие «житейские проповеди», как, например, «поучения по совершению таинства брака», отдают духом домостроя, утверждая авторитетом «святого письма» приниженное и зависимое положение женщины в семье и обществе. Счастье супружеского союза, писала «Церковная газета», зависит от того, как брачующиеся будут вести себя по отношению к богу и заповедям его. «Бойтесь бога»—вот первая и важнейшая заповедь молодоженов. Вторая непреложная заповедь: «Да убоятся жена мужа своего»... «Мужу, как представителю силы, поучала газета, усвоится словом божим главенство над женою» Только «ложная образованность нашла эту заповедь слишком тяжелой для жен и силится расторгнуть предел, положенный самим богом. Но бедствия семейств и обществ, в которых внедряется это губительное, противоестественное притязание, ясно свидетельствуют о незаконности оно́го»¹²⁸). Так, объявив эмансипацию женщин «противоестественным притязанием», униатская церковь утверждала вечное закабаление их обязанностями, не выходящими за пределы «семейного круга». Как в обществе слабые должны подчиняться сильным и не тяготиться своим положением, памятуя, сколь «многотрудны» обязанности старших, так и «благоразумная жена-христианка найдет в своем положении не иго..., а истинное благо свое...,

¹²⁷) Там же, стр. 3

¹²⁸) Там же, № 5, стр. 35

когда сообразит, какие тяжелые обязанности лежат на лицах, которые должны управлять другими»¹²⁹), — заключали ретрограды из униатского листка*.

Отдел «католической хроники» в «Церковной газете» служил делу полного подчинения верующих-униатов папской курии. Здесь широко рекламировалась «святая жизнь» римских пап, отрешение их от «мирских благ» и «демократизм» этих «пресмников Петра». Здесь подробно описывались пышность религиозных церемоний, «чудесные явления» и другие события в «святом городе»^{*1}.

Начиная с первой половины XIX столетия со страниц униатской печати в Закарпатье, действовавшей под диктовку кардинала-префекта «конгрегации пропаганды веры», не сходил вопрос о «соглашении» между западной и восточной церквями. На официальном языке римской курии это «соглашение» называлось невинным «*unio fidei*»¹³⁰). На деле же это «единение в вере» являлось выражением экспансионистских планов западноевропейских католических государств и Ватикана, стремившихся к расчленению России, к окатоличению народов Восточной Европы, к превращению России в данницу Ватикана. Греко-католическая церковь Галиции и Закарпатье должна была, по мнению римской курии, выполнить «историческую миссию», сформулированную папой Урбаном VIII в словах: «Мои рутены, через вас, верю, обратится Восток»

Греко-католическая печать утверждала, что разрыв восточной церкви с Римом превратил Россию в «безжизненный труп исполина, в страну, где «раскол опустошает грады» и «лжеверье пожирает злак». Пропагандисты католического поглощения России считали, что «гальванизировать русского исполина» можно только путем постепенного окатоличения народов России через униатскую церковь, склонив к подчинению папскому престолу прежде всего высшее православное духовенство, которое от соединения с Римом ничего не потеряет, но «чрезвычайно много выиграет»¹³¹). Наймиты Ватикана пытались, таким образом, и здесь, используя излюбленный прием папской дипломатии, сыграть на корыстных чувствах высшей православной иерархии^{***}. Пытаясь склонить самодержавие к унии с Римом, представители Ватикана указывали, что именно в католицизме оно обретет мощное средство для борьбы с революцией. В России, писали они, распространяется «феербахово безбожие, которое ведет к социализму и радикализму», и отвлечь грозу революции может только «одно католическое начало, как диаметрально противоположное революционизму».

¹²⁹) Там же, стр. 36

¹³⁰) «Единение в вере» (латинск.)

¹³¹) «Церковный вестник», № 16, 1858 г., стр. 104.

Греко-католическая печать Закарпатья призывала «к взаимному удовольствию» Рима и царского самодержавия «покончить вековую распрю и слиться во вселенской церкви» под главенством папы¹³²⁾.

Важнейшей задачей «Церковной газеты», как говорилось в ее редакционной статье, являлось также «питати в народе верноподданнические чувствования к августейшему монарху... и царственному дому, равно як и внушать ему долг повиновения предержавшим законным властям...». Откровеннее выразить назначение греко-католической печати как орудия государственной власти вряд ли было возможно.

Развивая этот тезис, И. Раковский такими словами определил роль служителей униатской церкви в осуществлении этой задачи: «Нам известно, что сие чувство тем благоговейнейшие плоды приносит, чем глубочайше оно вкоренено в сердцах людей. Посему никогда не може быти излишним побуждати народ к сохранению ненарушимой верности к царскому престолу и поставленному начальству, особенно в наше время, когда во опыту знаем, что покушения для ниспровержения законной власти и водворения пагубоносного безначалия частократно появляются среди народов, нам более или менее соприкосновенных. Зная, что от совестного исполнения обязанностей, возлагаемых на нас гражданской властью, и от соблюдения закона, предписуемого церковию христовую, зависит благосостояние государства, мы должны смы благовременно и безвременно обучати народ як христианским, так и гражданским обязанностям, поощряя его соответственными побуждениями к выполнению их¹³³⁾».

В соответствии с этими задачами, которые характеризуют униатскую печать как надежное средство идеологического подчинения трудящихся власти эксплуататоров, «Церковная газета» методически день ото дня через церковные проповеди и поучения, через верноподданнические статьи, корреспонденции и комментарии к царским указам настойчиво вбивала в головы верующих идею «божественного» происхождения императорской власти, смиренного подчинения господствующим клас-

¹³²⁾ Перефразируя стихотворение Ф. И. Тютчева «К Ганке», «Церковный вестник» вопрошал:

Вековать ли вам в расколе?
Не пора ль очнуться вам?
Цепи духовные николи
Разорвать, подобно нам?
Долго ль вам блуждать средь ючи,
Падать волею в овраг?
Скоро ль узрят ваши очи
Католический маяк?

(«Церковный вестник», № 8, стр. 62—63)

¹³³⁾ «Церковный вестник», № 1, 1858 г., стр. 1—2.

сам, понося «богопротивный революционизм», стремящийся мол, к «подрыву основ и благосостояния государства», которое якобы стоит на страже «народных интересов».

В частности, «Церковная газета» восхваляла «равноправие наций», дарованное Габсбургами, и превозносила как образец «высочайшей милости» императорский рескрипт, изданный 9 сентября 1857 года. Газета выделяла то место рескрипта, в котором «пресветлый кесарь»—этот тюремщик славянских народов—лицемерно заявлял о своем стремлении «сохранить национальные особенности отдельных народов» и «уважать» их язык¹³⁴). «Церковная газета» помещала отклики своих корреспондентов-попов на этот указ, чтобы подчеркнуть «патриотизм» униатского духовенства и «благодетельное» влияние национальной политики Габсбургов на развитие «австрийских славян». Униатский автор корреспонденции из Марамароша, скрывший свое имя под псевдонимом «А + В», выражая прогабсбургские и австрославистские взгляды греко-католического духовенства, доказывал, что Габсбурги якобы всегда «заступались» за русинов. «Августейший император наш, писал этот прислужник правящей династии, добре знал твердость и несокрушимость национального элемента и в отеческом попечении своем о блазе подданных своих, всемилостивейше изволил одарить их национальной равноправностью»¹³⁵). Задача, которая встает перед закарпатской интеллигенцией в связи с «дарованными милостями», поучала газета, заключается в том, чтобы воспользоваться ими «сообразно высочайшей воле..., во благо империи и народа нашего», т. е. для укрепления власти чужеземных угнетателей над трудящимися массами Закарпатья.

Приторно-слащавым духом униженного пресмыкательства перед Габсбургами проникнуто приветствие газеты новорожденному наследнику престола. «Порфирородный младенец узрел свет», восклицала газета, на нем «почиют надежды миллионов жителей монархии сей», которая-де будет вечно сиять «блеском достославного царствования». Газета призывала русинов: «Воскурим в храмах наших благовонный фимизм», помолимся «о любезном отечестве нашем», чтобы оно расцветало «под благодетельным покровом крыл царствующего габсбургского дома»¹³⁶). Так униатская печать выполняла свою роль прислужника габсбургского деспотизма.

**

Газета «Свет» представляла собой благонамеренно клерикальный орган. Редакция его заявляла о том, что она принад-

¹³⁴) «Церковная газета», № 35, 1857 г.

¹³⁵) «Церковный вестник», № 3, 1858 г., стр. 20.

¹³⁶) Там же, № 5, стр. 33.

лежит к «умеренной» и «рассудительной» партии. Свои задачи газета определяла следующим образом: содействовать распространению народного просвещения, разъяснять вопросы, «волнующие умы нашего века», разгонять «тьму лжемудрований» и нести в массы «свет христов» и «истинное учение христианско-народного жития»¹³⁷⁾

Газета «Свет» из номера в номер распространяла стереотипные церковные поучения, грубо осуждая всякие проявления прогрессивной мысли. В частности, приводя сообщение о том, что «Колокол» Герцена «по недостатку подпоры и сочувствия прекратил свое существование», редакция газеты добавляла: «Давно уже пора была...»¹³⁸⁾. Так закарпатские церковники через свой печатный орган включились в хор хулителей революционно-демократического движения, прославляя вместе с тем душителя свободы народов Франца-Иосифа¹³⁹⁾.

Журнал «Листок» также являлся проводником консервативно-реакционного мировоззрения. Все его религиозно-духовные проповеди, посвященные дню «обрезания господня», «мясопустной неделе» и т. п., были проникнуты христианской моральной догматикой, реакционной идеей греховности земной жизни, которая-де является только переходящим этапом на пути к вечному блаженству в потустороннем мире.

В одном из номеров «Листка» (конец 1887 года) Е. Фенчик в проповеди на новый год писал: «Много высоких мыслей должно приводити нам на ум празднование нового года. Прежде всего видим, что опять один год покатился в неизмеримую бездну минувшего, что мы опять одним годом ступили ближе ко своей кончине, ко своему гробу». Мы любим мир потому, что надеемся одновременно служить богу и миру. Но евангелие, «этот духовный меч, рассекает сие сплетение обманов. Оно ясно указывает нам, что красота и прелесть мира— это не действительная красота, а—суета; оно свидетельствует, что примеры мира очень опасны и приводят к несчастью и гибели; оно наконец торжественно объявляет, что не можно работать богу и маммоне, что если любим мир, то в том же заключается вражда к богу». Вот почему, говорилось в проповеди, если человек хочет спастись, то он должен отрешиться от мира и посвятить себя служению богу. За этими аллюрами языка скрывалась определенная классовая цель. Эта истребленная идея, окутанная в мистическую ветошь и служившая делу укрепления социального закабаления трудящихся, в различных вариантах повторялась на страницах «Листка» изо дня в день

¹³⁷⁾ «Свет», № 1, 5 (17) января 1869 г.

¹³⁸⁾ Там же

¹³⁹⁾ Там же, № 31, 10 (22) августа 1868 г.

В номере журнала от 1 декабря 1891 года в «слове», посвященном «рождеству христову», Е. Фенцик изображал человека существом приниженным, жалким, ничтожным, уделом которого должны быть страдания, и только человек, омытый страданиями, может достигнуть блаженства на небе. Все радости, все удовольствия земные, любовь и дружба—все это «vanitas vanitatum et omnia vanitas»¹⁴⁰), «все мимо идет, все минует», писал «Листок», проповедуя отказ от земных радостей и подавление страстей во имя «вечного соединения с богом». После «грехопадения» прародителей человека бог «по справедливости своей оставил недостойную тварь свою, скрылся в своих небесных селениях от прогневавшего его создания своего... Человек, оставленный богом, сделался самым сожаления достойным, самым злополучным созданием». Вот почему, заключал «Листок», важнейшей задачей человека должно стать замаливание грехов прародителей перед «человеколюбивым» богом. Социальный смысл этого поучения совершенно ясен: закрепить приниженное положение трудящихся, направить все их стремления и помыслы к спасению души, отвлечь их от социальной борьбы за свое освобождение на этой «грешной» земле.

Немало места в «Листке» отводилось писаниям, направленным против науки и призванным утвердить религиозно-схоластическое мировоззрение. В одном из номеров «Листка» была воспроизведена статья клерикально-реакционного автора Глаголева под заголовком «Происхождение жизни». Этот квазиученый начинал свой поход против науки утверждением, что «основой развития науки является религия», ибо все науки «безнравственны» и только религия дает опору подлинной нравственности. В чем же видит сущность нравственности этот проповедник мракобесия? Оказывается, что нравственность сводится в конце концов к заповеди для трудящихся: «Повинуйся старшим и надейся на блаженство в загробном мире». Религия, поучал «Листок», показывает, что человек должен чувствовать благоговение перед богом, почтение к старшим, любовь к равным, жалость к слабейшим. «Религия говорит человеку, что любовь есть нравственный принцип жизни, осуществление которого имеет своим результатом блаженство; для людей малоразвитых религия указывает побуждение к нравственной деятельности в учении о загробном мздовоздаянии». Многие люди науки однако, заявлял «Листок», бегут под сень «безрелигиозной философии», не понимая, мол, того, что философия без религии не только отнимает побуждения для научных исследований, но «лишает науку и благоприятных условий для своего развития». Проповедники мракобесия и

¹⁴⁰) «Суста сует и всяческая суета» (латинск.).

агностицизма хотели бы снова превратить философию в служанку богословия, заключить человеческую мысль в средневековую темницу, убить науку, так как человек, по их мнению, не сможет познать истину, и тщетны попытки человеческого разума проникнуть за завесу бытия, закрытую божественным провидением¹⁴¹⁾.

Наиболее яростным нападкам со стороны «Листка» подвергались учение Дарвина и материалистическая философия. Учение Дарвина, как известно, нанесло смертельный удар метафизическому взгляду на природу. Дарвин показал, как писал Ф. Энгельс, «что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно также и человек, суть продукты процесса развития, длившегося миллионы лет»¹⁴²⁾. К. Маркс в письме к Лассалю от 16 января 1861 года указывал. «Очень ценно сочинение Дарвина и годится мне как естественнонаучная опора исторической классовой борьбы.». Чем шире распространялось материалистическое учение Дарвина, революционизировавшее сознание масс, тем ожесточеннее были атаки против него со стороны реакции.

Униатская печать Закарпатья активно включилась в поход против творца эволюционного учения, повторяя доводы одного из «ученых» столпов католической церкви Вильберфорса, заявлявшего, что учение Дарвина ложно, так как оно противоречит священному писанию и божественному откровению. Изречение этого мракобеса, сформулированное в словах: «Неужели можно поверить тому, что все более полезные виды репы в огороде стремятся сделаться людьми?»,— стало для закарпатских проповедников спекулятивной теологии одним из «научных» оснований для опровержения учения Дарвина.

Униатско-католические глашатаи обскурантизма в многочисленных выступлениях по поводу «несостоятельности» теории Дарвина не выходили за пределы аргументации, состоящей из смеси невежества и беллетристико-библейских пошлостей. О «достоинствах» такого рода «опровергателей» эволюционного учения можно сказать словами Ф. Энгельса: «Прежде всего Дарвину вменяется в упрек, что он перенес мальтусову теорию народонаселения из политической экономии в область естествознания, что он коснеет в представлениях животноводов, что своим учением о борьбе за существование он предается полупоэзии и что весь дарвинизм... есть изрядная доза направленного против человечества зверства»¹⁴³⁾.

Для «посрамления» материалистической философии, учения о космосе и происхождении человека униатская печать

¹⁴¹⁾ «Листок», № 22, 15 ноября 1899 г., стр. 254.

¹⁴²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, 1948, стр. 122.

¹⁴³⁾ Там же, Соч., т. XIV, стр. 67.

использовала все аргументы своего идейного арсенала — Библию и свидетельства «святых отцов» церкви, изречения дипломированных прислужников реакции и свидетельства «здорового разума», все виды литературного творчества — прозу и поэзию. Что могли противопоставить силе науки церковники? Ничего, кроме древней басни о сотворении мира богом. Е. Фенцик в одном из своих убогих стихотворений в таких словах выразил эту убогую мысль:

Не было ничего в вселенне,
Что было, было все ничто,
На праздно́й и ничтожной бездне
Одно носилось божество.
Но грянул голос всемогущий
Пал быт ничтожества несущий,
Явился мир — ожило все!¹⁴¹⁾

К таким же приемам опровержения науки прибегали униатские авторы, отрицая силу человеческого разума и научное положение о том, что мышление является продуктом вещественного органа, пытаясь утвердить идеалистический взгляд на мышление как порождение независимого от материи сверхъестественного начала.

Церковники не могли отрицать успехов человеческой мысли и науки, но, стремясь во что бы то ни стало уничтожить «вещество», пытались выдать успехи науки за «божественный дар», лишив мышление его материальной основы. Эту идею униатско-клерикальные витии воплощали в таком вирше.

Хоть вещество дивная творит
Пар груз везет, а телеграмм
В минуту целый мир проходит,
За полюсы, за океан,
Хоть чудно вещество, но что же,
Ни мыслить, ни хотеть не может,
Ему духовный дар не дан..

Космогонические теории Канта и Лапласа объявлялись «измышлениями человеческого ума»; отвергались как «богопротивные» все достижения человеческой мысли: теории саморазвития, вечности и бесконечности вселенной, происхождения человека. Как расправлялись враги науки с теорией саморазвития? Они просто отрицали ее. «Относительно самозарождения, повторял вслед за «учеными мужами» церкви «Листок», считается доказанным, что оно нигде на земном шаре в настоящее время не происходит. Последователи отрицательных мировоззрений утверждают, что самозарождение происходило в первобытные геологические периоды; тогда будто бы существовали особые условия, благоприятство-

¹⁴¹⁾ Цит по журналу «Карпатский свет», № 1--2, Ужгород, 1931, стр. 1111.

вавшие самозарождению. Но такие утверждения, очевидно, совершенно гадательны, и научного в них ничего нет»¹⁴⁵⁾.

Отрицая реальность материального мира, стремясь приуменьшить значение человеческого разума, униатские авторы, опираясь на трактаты средневековых схоластов, пытались утвердить антинаучную идею о «господстве духа» как единственной творческой субстанции. «Листок» по этому поводу писал:

Век девятнадцатый вещает,
Что духа нет,—все вещество,—
В себе ж—о стыд—не узнаваея
Небесной искры божества.
Ум и свободу боготворит,
Не видя, что оне походят
От духа, не от вещества .

Таким же путем голого отрицания «Листок» «опровергал» и учение о происхождении человека: теория о происхождении человека от обезьяны «оказалась ошибочной». Основной вывод, который делали униатские авторы начала XX века, пытаясь утвердить религиозное мирозерцание, был заимствован у средневековых схоластов: «Все учения, кроме христианского, гибельны для человека...»*.

**

Вся печатная продукция униатской церкви второй половины XIX столетия была подчинена задаче борьбы против «модерных блудов», т. е. против всех прогрессивных течений и направлений общественной мысли, угрожавших существующему политическому порядку и господству католической церкви. Униатская печать, как эхо, повторяла идейные установки папской курии

Униатские прислужники Ватикана разворачивают широкую пропаганду в печати и в амвонных проповедях папских энциклик, направленных острием своим против демократии, прогресса, науки и социализма и долженствовавших утвердить безраздельное господство религиозного мировоззрения, вбить в сознание народных масс идею «христианского социального мира», незаблестности капиталистического строя и отвратить, таким образом, трудящихся от борьбы за свое освобождение

В конце 1864 года в связи с десятилетием догмата «о непорочном зачатии богородицы» папа Пий IX обнародовал энциклику «*Quanta cura*», в которой объявлял все открытия и успехи науки «заблуждениями», а либеральные и прогрессивные взгляды и идеи—«ошибочными и превратными», по-

¹⁴⁵⁾ «Листок», № 21, 1 ноября 1903 г., стр. 233—234.

скольку они не соответствуют учению церкви, и в частности, догмату «о непорочном зачатии богородицы».

К энциклике, объявленной для всеобщего сведения, был приложен не подлежащий оглашению «Силлабус» или «Перечень главнейших заблуждений нашего времени», состоявший из десяти параграфов, содержащих 80 «заблуждений». В первых трех параграфах «Силлабуса» подвергались осуждению пантеизм, рационализм, «индеферентизм», «натурализм» и другие течения общественной мысли. В частности, «натурализм» отвергался папой как учение, утверждавшее, что государство должно управляться, не считаясь с религией, что свобода печати не должна ограничиваться церковью, что, наконец, «воля народа образует особый верховный закон, независимый от всякого божественного и человеческого права». Яростнее всего, понятно, папа обрушивался на социализм и коммунизм, осужденные четвертым параграфом «Силлабуса».

Другие же параграфы были посвящены многочисленным «заблуждениям», отрицавшим главенство церкви над светской властью и обществом. «Заблуждения», относящиеся к «естественной и христианской нравственности и христианскому браку», были внесены в седьмой и восьмой параграфы этого «Перечня». Последний параграф «Силлабуса» осуждал «современный либерализм», допускающий свободу «схизматических и инославных исповеданий». Папа объявлял «ложью» учение о веротерпимости, утверждавшее, что «люди могут найти пути к вечному спасению и получить его посредством культа любой религии».

Энциклика «*Quanta siga*» и «Силлабус» стали знаменем католической реакции в Закарпатье, под которым она выступала против науки и прогресса, осуждая как «смертный грех» все, что расходилось со средневековой идеологией церкви и притязаниями папства на руководящую роль в обществе. По поводу значения папских энциклик в пропагандистской деятельности греко-католической церкви Закарпатья в одном из униатских листов говорилось: «Это суть слова нашего архипастыря, который дает нам в них директивы, как мы должны бороться против современных блудов».

Униатские приспешники Ватикана, выступая яркими врагами науки, предавали ее анафеме, повторяя на все лады в изуверском исступлении проклятия папы, сформулированные им в энциклике 1870 года в таких словах: «Да будут прокляты те, кто отрицает единого бога, истинного творца и владыку всех вещей, видимых и невидимых. Кто не стыдится утверждать, что нет ничего, кроме материи... Кто не признает, что вся вселенная и все предметы.. сделаны богом из ничего. Кто говорит, что собственным усилием и благодаря постоянному про-

грессу человек может и должен в конце концов овладеть всей истиной и всеми благами ..»*.

Облекая эту анафему в поэтическое тряпье, закарпатские стихокропатели, опоясав себя «духовным мечом», т. е. евангельскими текстами, кликушествовали:

Смирись, кичливый человек!
Не думай, что ум твой всеильный,
Что силы выше ума нет .

Внимай энциклике «наместника Христа», который провозгласил:

Есть вышнее существо, есть бог!
Который бросил в путь светила,
И мир лишь он создати мог ¹⁴⁶⁾.

На церковном соборе в Ватикане в 1870 году был принят догмат о непогрешимости папы, утверждавший, что «папа сверхчеловеческий в своей непогрешимости человек»¹⁴⁷⁾. Принятая собором конституция «De Ecclesia» признавала за папой неограниченную верховную власть над всей церковью и определяла, что все сказанное папой «ex cathedra», не подлежит критике, пользуется непогрешимостью и является совершенно обязательным для каждого католика, так как папа имеет «ключ к разумению божественной воли и божественного слова»¹⁴⁸⁾.

Этот догмат, утверждавший непререкаемую диктатуру пап и абсолютную власть католической церкви над всей общественной жизнью и душой каждого верующего, особенно рьяно превозносился униатскими проповедниками и был использован ими для полного подчинения закарпатских «верников» господству католической церкви, о которой еще Сисмонди говорил: «Нужно видеть ее деятельность, жить под ее опекой, чтобы знать, в какой степени она извращает разум и уничтожает мораль; нужно видеть, как она возбуждает и направляет самые ненавистные страсти, чтобы понять остервенение Вольтера и его девиз—Ecraser l'infâme!».

**
*

Чем больше обострялись классовые антагонизмы в буржуазном обществе, чем шире распространялись революционные идеи марксизма среди рабочего класса и эксплуатируемого крестьянства, и классовая борьба стала принимать фор-

¹⁴⁶⁾ «Карпат», № 13, 1877 г.

¹⁴⁷⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 30.

¹⁴⁸⁾ Вслед за папой и рядовые священники начали присваивать себе функции «наместников Христа» в своих приходах. Один из закарпатских униатских священников Штефан, выступая перед верующими, заявил:

му открытых восстаний пролетариата против капиталистического строя, тем настойчивее и шире католическая церковь разворачивала проповедь пресловутых «социальных принципов христианства» с целью растления сознания трудящихся и увековечения господства буржуазии.

К. Маркс по этому поводу писал: «Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов—господствующего и поработанного,—и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, чтобы первый ему благодетельствовал.

Социальные принципы христианства переносят на небо обещанное консисторскими советниками вознаграждение за все перенесенные на земле мерзости и тем самым оправдывают продолжение этих мерзостей на земле. Социальные принципы христианства провозглашают все гнусности угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей премудрости ниспосылает искупленным им людям.

Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, подчинение, смирение, словом—все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с отребьем человечества, для пролетариата смелость, самосознание, чувство гордости и независимости—важнее хлеба.

На социальных принципах христианства лежит печать пронырливости и ханжества, пролетариат же—революционер»¹⁴⁹).

Закарпатская газетка «Свет» (1867 год) в передовой статье «Наше товарищеское (социальное) положение и стремление», написанной священником А. Гомичковым, стремясь преградить путь к распространению идей социализма, доказывала, что первым «цивилизатором товарищеских соотношений» являлся Христос—«проповедник свободы и равноправия». Однако эти идеи «товарищества или социализма», изложенные Христом, как заявлял Гомичков, были извращены философами XVIII и романтиками XIX веков¹⁵⁰). Это выступление являлось первой попыткой церковников Закарпатья обосновать в печати лживые социальные принципы христианства, до конца противоположные и враждебные марксистской науке.

«Душ-пастырь имеет вместо Иисуса Христа во всех небесных и земных, во всех телесных и душевных вещах управителем, учителем, руководителем быги духовному стаду, своим верникам» («Листок», № 14, 15 (27) июля 1888 года, стр. 223)

¹⁴⁹) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 173—174.

¹⁵⁰) «Свет», № 14, 30 сентября (12 октября) 1867 г.

Главное место в учении католической церкви об обществе занимает учение о «вечности» и «божественной природе» частной собственности. Энциклика папы Льва XIII «*Regum poaagit*», изданная в 1891 году и широко распространяемая в Закарпатье, провозглашала, что частная собственность— это «природное» и неотъемлемое свойство жизни человека, отличающего его от животного. «При всех попытках уменьшить нужду низших слоев народа, заявлял папа, необходимо исходить из основного положения. частная собственность не должна быть затронута».

Униатская печать Закарпатья, превознося энциклику «*Regum poaagit*» как «кладезь мудрости», доказывала, что равенство имущественных отношений на земле противно господней воле, так как бог не дал равенства «человеческой природы, способностей и совести». Но и богатые, заявляли закарпатские проповедники социальных принципов христианства, не являются абсолютными, неограниченными господами своей собственности, ибо каждый человек есть только «управляющий» ею, отвечающий перед богом за «христианское использование» этой собственности.

Утверждая имущественное неравенство и классовое господство богатых над бедными как непреложный закон, униатская церковь выдвинула пресловутый лозунг «в бога богатейте» и распространяла призывы к христианскому милосердию, братству и филантропии, выражавшиеся обычно в таких назидательных виршах:

Блажен, кто милостив бывае,
Кто неимущему дае,
Голодных кормить, наповае
Одежду вбогим роздае,
Кто йде проведати в неволе
Яремных узников в тюрюме,
Кто вдовам, сиротам в недоле
И беспомощным в чужине
У помочь стане, братом буде .
Блажен, кто ширыми словами
Чужу оплакуе беду,
И брату добрыми делами
Розважить тугу и нужду¹⁵¹⁾.

В конце XIX столетия в связи с усиливающимся разорением широких масс закарпатского крестьянства, неслыханным ростом пауперизации и закабаления деревенской бедноты помещиками, буржуазией, кулаками и ростовщиками излюбленной темой духовно-религиозных проповедей «Листка» и других униатских органов печати становится вопрос о богатстве и способах его приобретения.

¹⁵¹⁾ Цит по журналу «Карпатский свет», № 1—2, 1931, стр 1111

Е. Фенцик, посвящая этому вопросу «слово», указывал, что на земле развелось много людей, которые обманывают и кривят душой с целью наибольшего приобретения земных благ, но не думающих о том, чтобы обратить накопленные сокровища на богоугодные цели. Такое отношение к богатству и путям его накопления «Листок» объявлял «заблуждением», ибо душа человека не может насытиться земной пищей, ей нужны другие богатства: правда, истина и добродетель. Поэтому человек должен обогащаться так, чтобы «не нанести вред душе своей»

Как же должен обогащаться и употреблять приобретенное истинный христианин? Он должен, поучал «Листок», «собирать сокровища справедливым путем» и употреблять их «в пользу души своей» и «упражнять ими добродетель». «Листок» призывал богатых помогать убогим и нищим, «стирать слезы вдовиц и сирот», простирать «спасающую руку» находящемуся в нужде, жертвовать «на божью славу»—на храмы и на содержание «божьих слуг»—попов. Заканчивал это поучение Е. Фенцик словами: «Христиане! Не говорю, что будьте равнодушны к благам земли, трудитесь и для них, но трудитесь честным путем: никого не оскорбляйте и не обманывайте», а если удастся «честным путем нажити состояние.. усиливайтесь имения ваши употреблять на пользу ближним своим: в бога богатеите!»¹⁵²).

Подобного рода проповеди преследовали прежде всего ту цель, чтобы рассуждениями о «честном обогащении» за счет чужого труда и о христианской любви к ближнему примирить разоренные и угнетенные массы трудящихся с господством богатей и подчеркнуть вместе с тем заботу греко-католической церкви о благе «страждущих братьев во Христе».

Униатская печать широко распространяла басню о том, что причина бедствий масс крестьянства заключается в отсутствии богатых и образованных людей среди закарпатских украинцев, которые, мол, и могли только отстаивать его интересы. Один из прислужников господствующих классов писал по этому поводу: «Подкарпаторусский народ наш дуже бедный, прото и остался от других народов. Сама важнѣша причина тому, бо не есть у него рода образованного и богатого, который бы умел заступати за интересы его там, где дело иде о его благосостоянии. Образованну публику нашу составляют, с изъятием малым, лишь убогие священники, а богатых фамилий у нас даст бог»¹⁵³). Здесь мы имеем ярко выраженное стремление униатской печати скрыть от народных масс подлинные причины их бедствий, затушевать классовые антагонизмы в закарпатской деревне, представив русинов

¹⁵²) «Листок», № 22, 15 ноября 1899 г., стр. 264

¹⁵³) «Месяцослов» на 1894 год, Унгвар, 1893, стр. 17.

как единую социальную массу, как единый народ, состоящий только из «убогих». Это была истрепанная побасенка «социального братства» русинов, выраженная одним из униатских проповедников в словах. «Все-сьте братя по Адаму а сестры по Еве...». Приведенные нами выше данные, раскрывающие социальную структуру закарпатской деревни, опровергают эти выдумки церковников.

Человеческое общество в «Regum povagim» изображалось в виде живого организма, в котором отдельные его части выполняют определенные функции, и один член общественного организма не может существовать без другого. «Капитал не может существовать без труда, а труд без капитала», говорилось в энциклике. Униатская церковь, препарируя изречение апостола Иоанна—«один сеет, а другой жнет»,—освящала социальное неравенство, утверждая, что именно в этом неравенстве заложена прочность человеческого общества. «При неравенстве имущественном образуется в обществе взаимная зависимость,— писал один из епархиальных листков.—Человек малодостаточный служит более достаточному; один из другого не может обойтись; и в этой зависимости скрывается твердейшая связь общества». Право частной собственности священо и неприкосновенно, твердила униатская печать, ибо это право освящено «божескими законами». Поэтому всякое «насильственное прикосновение к собственности» будет нарушением этих законов и отнимет у людей «главнейшее побуждение деятельности».

Утверждая вечность классового деления в обществе и эксплуатации человека человеком, католическая церковь решительно осуждала классовую борьбу угнетенных против угнетателей, призывая рабочих к классовому сотрудничеству с буржуазией и непротивлению злу насилем. Угнетенным классам незачем искать лучшей доли на земле, ибо, поучали папские энциклики, «лишь после расставания с этой жизнью начинается наша настоящая жизнь». К. Маркс указывал, что, по учению церкви, рабочие «должны скрестить руки на груди и не тратить своего времени на экономическое и политическое движение.. Как благочестивые христиане, они должны верить словам попов, отказываться от всех земных благ и думать только о достижении рая»¹⁵⁴).

Греко-католическая печать широко использовала в своих целях реакционную идею непротивления злу. «Смирись, гордый человек!»,—повторяли униатские проповедники,—не отвечай ударом на удар, ибо всякое насилие «противно воле бога» и побеждается терпением, смирением и кротостью. Закар-

¹⁵⁴) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 91.

патские униатские авторы, переводя на «народный» язык указания папских энциклик, твердили:

Блажен, кто гордошей не мае
И завше духом нищ бывае--
Тому на небе царство ввек .

Не осуждайте богатых и притесняющих вас, не завидуйте им, не желайте зла вашим врагам, стремитесь к согласию и братству, ибо в этом залог вашего спасения, поучала униатская печать:

Блажен, кто сее у народе
Зерно найкрасше на земле:
Зерно любви, братерства, згоды
В громаде, хате и семье.
Усе, що щедрою рукою
Плекають згоду меж людьми—
Те в царстве бога назовуться
Его кохаными людьми..
Блажен, кто заздности не знае
И сердце чистое в груди
Без плямы носить и плекае
Завет святыи: не осуди!
Кто не завидуе никому
И помсты в сердце не таить,
Кто ворогу не зычить злого—
На небе бога той узрити!¹⁵⁵⁾

Так униатская печать учила терпению и смирению тех, кто всю жизнь работал и нуждался¹⁵⁶⁾. А тех, кто жил чужим трудом, она учила благотворительности в земной жизни, «предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие»¹⁵⁷⁾.

¹⁵⁵⁾ Цит. по «Календарю» на 1922 год, Ужгород, 1921 г, стр 34

¹⁵⁶⁾ Униатские авторы, исходя из этой установки папы, заклинали трудящихся Закарпатья терпеливо и безропотно сносить бедствия и угнетение, уповая на небесное воздаяние Пусть над вами издеваются и тиранят, пусть...

Та вы на тое не вважайте
И в тяжке, лютни часы
Радейте, веселы вповайте,
Що мзда вас жде на небеси!..

Газетка «Неделя», издававшаяся министерством земледелия на «угоруськом» языке, эту же идею выражала в такой грубо циничной форме. В этой газете (март 1900 года) был помещен рисунок, изображавший того же осла, одиноко стоящего в снегу перед закрытым хлевом. Это изображение сопровождалось надписью: «Терпезливый спасен буде». В пояснении к «образу» говорилось: «...Он терпезливо чекае, не реве, не кричить, не дудре», так как знает, что рано или поздно двери хлева перед ним откроются. «Тихо ждае он, бо добре знае, что солома, находящаяся в хлеве, достанеся тем, котры знают быти терпезливыми» (АВПР, ф Политархив, 1900 г., д. 575, л. 11).

¹⁵⁷⁾ В И Ленин, Соц, т 10, стр 65—66

Папа Пий IX еще в 1846 году осудил социализм и коммунизм как учения, «противоречащие естественному праву человека». После этого во многих папских энцикликах (1849, 1854, 1863, 1880, 1890 годов) коммунистическое движение передавалось неоднократно проклятию. Эти оглушительные выступления римских пап против коммунизма отражали тот звериный страх, который испытывали господствующие классы капиталистического мира перед угрозой массового революционного движения пролетариата, особенно с тех пор, когда в среде рабочего класса стали распространяться, превращаясь в могучую материальную силу, революционные идеи Маркса и Энгельса.

Усиление реакции в Западной Европе после падения героической Парижской Коммуны отмечено особенно злобными нападениями католической и униатской печати на революционное движение трудящихся. Наиболее ярко эта звериная ненависть к социальной революции пролетариата была выражена в стихотворении Е. Фенцика «Видение». К берегам Дуная сходятся народы всей вселенной... — писал он. — На левой стороне реки разместились «грешники» («Коммуна» «либералов темечная тьма», «толпа франкмасонов»), кричавшие: «Прочь с богом», «Свободе настала пора!», а на правой стороне сосредоточились «праведники» — верующие, прижавшиеся к «святому кресту с отвагой и святым огнем во взоре...». И вот началось сражение двух лагерей с громом пушек, треском ружей, стонами и тому подобными атрибутами боя. Перевес склонялся на сторону «грешников», но на выручку «праведникам» пришел бог, который «изничил» своей местью противников церкви...¹⁵⁸⁾.

Униатские епископы, вкупе со своими католическими сюзеренами, подписали послание духовенства Венгрии к папе Льву XIII по поводу распространения пропаганды «неверия» и социализма. В этом послании католическое и греко-католическое духовенство просило папу «употребити свое влияние на правительство страны, чтобы оно так или иначе пресекло злорадную пропаганду...»¹⁵⁹⁾. Мало того, воинствующие пред-

¹⁵⁸⁾ «Карпат», № 16, 1876 год. Со злобной ненавистью ополчались закарпатские церковники против революционного движения «нигилистов» в России, подразумевая под «нигилистами» революционеров-народников. Не уступая ни в чем черносотенно-монархическим злопыхателям, они пытались выставить революционное движение против самодержавия как «антипатриотическое» движение. Они стремились очернить борцов против царизма, изображая их слепым орудием в руках чужеземных, враждебных Руси сил. Они грубо клеветали на русский народ, всегда руководствовавшийся-де «гласом божьим» и чувством преданности монарху, на которого «святоотечественно» подняли руку народовольцы (см. журнал «Карпатский свет», № 5—7, 1931 г.).

¹⁵⁹⁾ «Листок», № 6, 15 марта 1895 г., стр. 59.

ставители мракобесия призывали папу организовать новый крестовый поход католической реакции против «безбожных» течений. В день 800-й годовщины первого крестового похода в Клермоне выступил с проповедью доминиканский монах Монсарб, который призывал присутствующих кардиналов и епископов возглавить этот крестовый поход». Вы,—обращаясь к прелатам церкви, говорил Монсарб,—«должны подать пример противодействия, вы—воины религии, должны ваши митры заменить шлемами, а вместо посохов взять в руки меч! Вы должны найти в себе прежнюю безумную отвагу против врагов христовых! Поднимите знамя креста! Вперед! Ведите нас!»...¹⁶⁰). Торжества в Клермоне и выступление Монсарба широко популяризовались униатской печатью, присоединившей и свой голос к воинственному вою новоявленных крестоносцев.

**
*

Униатские газеты «Карпат» и «Наука» отличались не только своим злобным, неистовым мракобесием и развязностью в насаждении «истинного благочестия» и духовно-религиозных «жизненных правил», грубо понося науку, прогрессивные и революционные течения, но выступали открыто как самые рабелепные прислужники Габсбургов и носители чело-веконенавистнической «святостефанской идеи».

Газетка «Карпат»¹⁶¹) в первом же номере откровенно изложила свою «программу», заявив, что в «политических делах» она будет «прилепиться к началам «Ung'a»¹⁶²) и к Деаковой партии», т. е. газета сразу же встала на позиции правительственной политики как орган самых реакционных кругов Венгрии, проводников политики ассимиляции невенгерских народов. В объявлении о подписке на 1874 год редакция газеты указывала, что ее главный лозунг «Бог, отечество и царь»¹⁶³).

Выполняя свою служебную роль орудия мадьяризации и рассадника невежества, «Карпат» постепенно превратилась в мадьярский листок сугубо клерикального характера¹⁶⁴), заполняя свои страницы распоряжениями епископской канцелярии, «душеспасительными проповедями», лживыми поучениями, вроде «Христос терпел и нам велел» и описаниями

¹⁶⁰) Там же, № 13, 1895 год, стр. 158.

¹⁶¹) Газета «Карпат» выходила под титулом «общественная (социальная), церковная, научная, литературная и экономическая газета».

¹⁶²) Газета на мадьярском языке «Ung» являлась полуофициозным органом, она относилась, как выражался главный жупан Ужгородского комитета, к числу «серьезных газет, правильного государственного направления» (ГАЗО, ф. 4, 1883 г., д. 80, л. 2).

¹⁶³) «Карпат», № 23, 13 июня 1874 г.

¹⁶⁴) ГАЗО, ф. 4, 1883 г., д. 80, л. 2.

«святой жизни» римского папы и «апостолического кесаря»¹⁶⁵).

Газета «Карпат» ратовала за приобщение русинов к «каголической цивилизации», принижала значение русской культуры, отвергая всякую общность закарпатских украинцев с русским народом, проповедуя «историческую общность» русинов с ... «австро-венгерской отчизной». Рекламируя свой «патриотизм», газетка «Карпат» писала¹⁶⁶): «Большекратно объявили мы уже, что мы не признаем какую-то политическую область в Угорщине с названием Русь. Доложение слова «Угорская» не в состоянии отдалити какое-то подозрение за панславизмом, находящееся в названии «Русь», напоминающем на Россию... А мы не принадлежим к сей Руси, но считаемся народом, принадлежащим к короне св. Стефана и в найтеснейшем звязке к Угорщине,— из сего точки зрения и не имеем той амбиции, чтобы считаться к тем дописывателям, которые хотят представить «Угорскую Русь», которая на деле не существует и существовать не может».

Таких же установок придерживалась и газетка «Наука», которая получала регулярно «субвенцию» от правительства. Она всегда выступала глашатаем «мадьярской государственной идеи» и «социального примирения» трудящихся с режимом эксплуатации и насилия. «Наука» доказывала, например, что «национальная абсорбция» русинов является естественным процессом. Она заявляла: «Мы, подкарпатские русины, со своим милым языком не делаем и не хотим делать московщину...». В одной из статей, носящей название «Наставление наемному человеку», «Наука» писала: В наше «недовольное время» наемные рабочие стали «неприятелями» хозяев. «Наставление» униатского подголоска сводилось к тому, чтобы превратить наемных рабочих в бессловесное быдло, послушное хозяевам, которых, мол, поставил над ними неисповедимый промысел божий. Не будь строптивым, поучала «Наука», «не скаржись на хозяина ни перед богом, ни перед людьми», терпи и уповай на «царство небесное»¹⁶⁷).

Униатская печать прилагала все усилия к тому, чтобы сохранить заботность масс трудящихся, подавить всякий протест

¹⁶⁵) В одной из статей, например, во всех подробностях и с умилением повествовала газетка о церемонии «умовения ног» в императорском дворце в Вене, проводившейся ежегодно в «страстной четверг». Стремясь представить Франца-Иосифа как «христианнейшего» среди всех монархов и как «заботливейшего отца народа», не гнушающегося «своей царственной дланью» омыwać ноги 12 бездомным старикам, униатский листок культивировал среди масс верующих монархические иллюзии и верноподданнические настроения (см «Карпат», № 19, 16 мая 1874 г.)

¹⁶⁶) Там же

¹⁶⁷) «Наука» от 14 декабря 1905 года.

с их стороны, предоставляя им единственное право мирно и любезно умирать в тисках нищеты, голода и эксплуатации.

Наиболее грубо и цинично оплевывал свою национальную культуру мадьяризованный и до конца растленный униатский листок «Göög katholikus Szemle» («Греко-католическое обозрение»), страницы которого были заполнены злобными выпадами против всего славянского, русского, против достоинства украинцев Закарпатья. Так, в ответ на статью реакционного венгерского журналиста Е. Дарко, опубликованной в газете «Budapesti Hirlap»¹⁶⁸), в которой он указывал, что национальная, православная религия русинов оказывает сопротивление распространению «мадьярской национальной мысли», «Göög katholikus Szemle» откликнулась статьей униатского каноника Теодора Матяцкова «Вера и народность». В этой статье закарпатский каноник выражал возмущение тем, что «Budapesti Hirlap» осмелилась усомниться в «патриотизме» униатского духовенства. «Мы, греко-католические мадьяры рутенского разговорного языка, положены под одно платье вместе с православными сербами и румынами», выходит, что мы «не римо-католики, а, наоборот, мы равны с великороссами в вере...», — восклицал с негодованием Матяцков. Обращаясь к своим хозяевам, этот прислужник господствующих классов Венгрии умолял коленапреклоненно: «Да награждает этот народ (украинцев Закарпатья. — И. К.) мадьярская нация тем, что выключит его из рядов национальностей, и да считает его равным с собою в верности к отечеству, и да не называет его русином, но мадьяром рутенского материнского языка...»¹⁶⁹). В этих словах раскрывается подлинное лицо униатских «народолюбцев», предававших коренные интересы своего народа.

Многочисленные «Месяцословы» и «Календари»¹⁷⁰) являлись чрезвычайно убогими сборниками, состоящими из «чтений» духовных и гражданских, наполненных статейками религиозно-назидательного характера, хозяйственными советами, поговорками, антисемитскими анекдотами и т. п. Из 64 страниц текста «Месяцослова» на 1873 год, например, половину занимал христианский календарь и описание «святых гор» Палестины. Гражданское чтение состояло из мелких, примитивных поучительных рассказиков, вроде «Невинный мошенник», «Прощение оскорбления», «Цыганский выкрут»,

¹⁶⁸) См «Budapesti Hirlap» от 25 августа 1917 года.

¹⁶⁹) «Göög katholikus Szemle» от 2 сентября 1917 года

¹⁷⁰) Помимо «Календарей», издаваемых на мадьярском языке или частично латинским алфавитом, с конца XIX столетия появляются «Календари» на местном языке, но полностью напечатанные «латинкою». Примером латинизации письменности закарпатских украинцев может служить «Календарь» на 1895 год, изданный И. Фесторнем — «Kalendarij národni vszych szvjatých vo upotreblenje uhro.ruskáho národa»

«Что потребно делати, чтобы долгий век прожити», десятки пословиц, поговорок и изречений, оправдывавших бедность, страдания людей, социальное неравенство.

В «Месяцослове» на 1884 год три четверти сборника отводилось православному и католическому календарям, церковному уставу, перечню имен членов австрийского царствующего дома и другим подобного рода сведениям. Содержание отдела «чтение» сводилось к преподнесению с ученым видом религиозно-исторических басен.

Так, в статейке «Святая земля есть общая духовная родина всякого верующего христианина, без различия племен и особенностей вероучения» настойчиво проводилась та мысль, что «обетованная земля», библейские события и имена должны быть для верующего дороже, чем история своего народа. «Каждый христианский мальчик, указывал «Месяцослов», при самом начале своего обучения, прежде имен и событий, принадлежащих истории собственного народа, слышит и читает о событиях... обетованной земли, и на всю жизнь запечатлевает величественные и священные лики» Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Моисея и Аарона, Давида и Соломона, чьи имена «не только для нас священны, но и родные, близкие нам наравне с самыми дорогими именами родной земли».

Здесь в замаскированной форме, под космополитическим соусом, преподносилась антинародная идея, сущность которой заключалась в том, чтобы принизить в глазах верующих-русинов свою родную историю, подчинить их как безродную массу безраздельному господству чужеземных угнетателей.

«Научные» статьи «Месяцословов»: «Из древнейшей истории нашей религиозной жизни», «О чине св. Василия вообще»¹⁷¹⁾, «Повинности к нашей мадьярской отчизне»¹⁷²⁾, «Монастырь василиан в М. Березном»¹⁷³⁾, «О святом причастии» и др.¹⁷⁴⁾ — отличались невероятным скудоумием и преследовали цель затемнения сознания трудящихся.

171) «Месяцословы» на 1865, 1895, 1896 годы.

172) Там же, на 1891 год

173) Там же

174) Для того, чтобы привлечь верующих к посещению церкви, приковать их узами «обязательных для спасения души обрядов» и усилить таким образом свое влияние на массы, католическая церковь провозгласила в начале XX века необходимость более частого причащения верующих Папа Пий X в своей энциклике по этому поводу писал «Недостаточно только один раз в году приступать к господней трапезе, недостаточно раз в году кормить свою душу и тело кровью Христа, но надо делать это часто, как только возможно» («Месяцослов» на 1920 год, стр. 1). Комментируя эту папскую энциклику, униятская печать указывала, что «кое-где слова папы прозвучали без успеха» и, призывая верующих русинов принимать причастие ежедневно, подчеркивала, что много-

Не только периодические издания и литература религиозного содержания, но даже официальные отчеты различного рода производственно-экономических организаций, руководителями которых обычно являлись также униатские священники, были заполнены поучениями, призванными заглушить в среде трудящихся всякий протест против эксплуатации и угнетения. В этом отношении характерен отчет комиссии по развитию промышленности Марамарошской жупы за 1906 год, составленный председателем этой комиссии архидиаконом М. Балогом и секретарем Я. Гердером. В введении к этому отчету, представлявшему собой образец низкопробной униатской «социальной» пропаганды, авторы, обращаясь к наемным рабочим и членам кустарных артелей, писали: «Человек! Работай и не будь гордым!». Печальная действительность учит человека, чтобы он «работал и молился, и бог поможет ему». Только тот, кто точно исполняет свои обязанности по отношению к богу и отечеству может надеяться «получить хлеб насущный», только тот может надеяться «на воскресение из мертвых». Эти тунеядцы в рясах лицемерно провозглашали труд основой благосостояния общества и трудящегося — единственным создателем материальных ценностей с той целью, чтобы заставить эксплуатируемых трудиться ради обогащения эксплуататоров. Труд «облагораживает человека и обеспечивает благополучие и спокойствие в земной жизни», труд объединяет людей «христианской любовью и братством», — писали авторы отчета¹⁷⁵). Социальный смысл этой благочестивой демагогии предельно ясен: утвердить в сознании трудящихся ту мысль, что труд — это удел угнетенных, которым воздастся сторицей в потустороннем мире за их страдания в земной жизни.

Тяжелое социальное и национальное угнетение трудящихся Закарпатья, страшная нищета, ставшая уделом целых поколений, безраздельное господство церковников в области духовной жизни определили собой невероятную культурную отсталость и темноту народных масс и распространенность среди них средневековых обычаев, представлений и чудовищных суеверий*. Можно сказать словами М. Павлыка, что церковщина висела над закарпатоукраинским народом, как «грозный фатум»**.

Все приведенные нами данные, показывающие истинную роль униатской церкви как холопа Габсбургов, как душеителя национальной культуры закарпатских украинцев и затемнителя сознания народных масс, опровергают до конца заяв-

кратное причастие не потребует от верующего «большей святости и чистоты души», чем причастие перед праздником пасхи

¹⁷⁵) ГАЗО, ф. 772, оп. II, 1907 г., д. 32, лл. 1—2.

ления клерикальных авторов (А. Гомичков, И. Кондратович, Ю. Гаджега и др.) об огромных «заслугах» греко-католической церкви в распространении культуры. Они изображали униатских священников, этих эксплуататоров народа и затемнителей его сознания, «народовождями» и «культурными пионерами»¹⁷⁶⁾.

Несмотря на засилье духовенства и церковной идеологии, в среду закарпатского крестьянства проникало, правда, очень медленно недоверие к религии, критическое отношение к «святому письму» и к учению церкви. Газета «Свет», говоря об этих явлениях, с тревогой писала. «Индифферентизм, залегший все просвещенные сословия нынешнего века, омрачил уже ум и верховинского бедняка,—пеклом ему грозити, или небом его потешати по большей части все одно. Уже и верховинский селянин так начинает размышляти, как иногдашний гражданин ужгородский, сказавший побожной госпоже, напоминающей его, чтоб не лаял бога и святых, бо то Христос и апостолы даже и в святом письме запретили: «Эй, пане, те книги давно уже подерлись, котрое апостолы написали!»¹⁷⁷⁾.

Духовная приниженность народных масс Закарпатья являлась прямым следствием господствовавшей системы капиталистической эксплуатации, ибо «...гнет религии над человечеством, как указывал В. И. Ленин, есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества»¹⁷⁸⁾.

¹⁷⁶⁾ «Свет», № 17, 21 октября (2 ноября) 1867 года

¹⁷⁷⁾ Там же, № 10, 21 марта 1868 года

¹⁷⁸⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 68.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАКАРПАТЬЕ

Г. ГИВАН

**БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ЗАКАРПАТЬЯ ПРОТИВ
СОЦИАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО УГНЕТАНИЯ**

**1. ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ПРОТИВ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ И ПОМЕЩИЧЬЕГО ГНЕТА**

Рабочее движение в Венгрии во второй половине XIX столетия развивалось в чрезвычайно сложных и трудных условиях господства реакции, использовавшей все средства экономического, политического и духовного угнетения для подавления классового самосознания рабочих и их борьбы за освобождение от капиталистической эксплуатации и угнетения. Социал-демократическая партия Венгрии, оформившаяся в 1890 году, не являлась революционной марксистской партией, она представляла собой реформистскую партию, проповедовавшую идею «мирного» перехода от капитализма к социализму, идею классового сотрудничества с буржуазией. Дальше требований улучшения экономического положения рабочих и завоевания всеобщего избирательного права она не шла. Венгерская социал-демократия признавала только легальную парламентскую деятельность; она отрицала революционную борьбу, вооруженное восстание, идею диктатуры пролетариата, союза рабочего класса и крестьянства, пытаясь ограничить движение пролетариата рамками выступлений за законодательные реформы и подчинить его интересам буржуазии.

Оппортунистическое руководство социал-демократической партии могло оказывать влияние на рабочее движение только

посредством обмана, признанием на словах революционных целей и революционной тактики. Оно могло завоевать доверие масс на некоторое время клятвенными уверениями в том, что вся «мирная» работа является только подготовкой к пролетарской революции. На самом же деле «руководство» рабочим движением со стороны венгерской социал-демократии ничего общего с подлинно революционным руководством и революционными целями не имело; реформистские лидеры социал-демократической партии стремились только подчинить его своим оппортунистическим целям. Все то, что было сделано пролетариатом Венгрии в этот период, было достигнуто по революционному почину самих рабочих вопреки планам и намерениям руководства этой реформистской партии.

Несмотря на подрывную деятельность оппортунистических лидеров венгерской социал-демократии, революционное движение рабочего класса Венгрии в конце XIX столетия приобретает все более широкий размах и находит свое выражение в массовых забастовках, первомайских демонстрациях, сопровождавшихся столкновением с полицией и войсками, в выдвижении массой рабочих экономических и политических требований. Только в 1899 году в демонстрациях протеста против политического бесправия участвовало 20 тысяч рабочих; во многих городах и селах прошли первомайские демонстрации, за участие в которых было осуждено свыше 500 рабочих. Забастовки строителей, печатников, шахтеров потребовали от правительства мобилизации значительной вооруженной силы для их подавления. Только в Фельдваре и Варда было арестовано 145 стачечников, осужденных к тюремному заключению на 9923 дня¹⁾. Одновременно с этим возрастает число рабочих, объединившихся в профессиональные организации. Центральный орган социал-демократической партии газета «Népszava» (от 10 мая 1912 года) приводила следующие данные о росте членов профсоюзов, которые автоматически входили и в состав социал-демократической партии: 1901 год—9999, 1902 год—15270, 1903 год—41138, 1907 год—130120, 1911 год—95180 человек. Все это выражало стремление рабочих к организации для борьбы за свои экономические и политические права.

Рабочее движение в Закарпатье, являвшееся составной частью общевенгерского пролетарского движения, во второй половине XIX столетия было очень слабым, политически не-

¹⁾ ГАЗО, ф. 4, д. 377, лл. 5—67. В конце 1899 года, как сообщал русский консул в Будапеште, в Венгрии увеличилась безработица вследствие беспощадного ввоза промышленных изделий из Австрии. На этой почве в Будапеште состоялась демонстрация безработных, в которой приняло участие 10 тысяч человек (АВПР, ф. Канцелярия, 1899 г., д. 108, л. 182).

зрелым и неорганизованным. Ему еще в большей мере, чем венгерскому рабочему классу, были свойственны те же «болезни роста», которые преодолеvalo рабочее движение на пути к оформлению независимого от влияния буржуазии и мелкобуржуазных реформистских элементов подлинно пролетарского революционного движения, основанного на теории марксизма-ленинизма. Рабочее движение в Закарпатье зарождается в конце XIX—начале XX столетия, когда капитализм вступил в свою империалистическую стадию и центр мирового революционного движения переместился из Западной Европы в Россию. Именно в этот период в Закарпатье получают распространение идеи социализма, создаются рабочие социал-демократические и профессиональные организации.

Первые социал-демократические рабочие организации в Закарпатье возникли в 90-х годах XIX столетия. Ежегодно в этот период начальник государственной полиции в Будапеште Б. Рудной предлагал главным жупанам комитатов представить сведения о деятельности социал-демократических организаций и социалистическом движении среди рабочих. В прилагаемой к этим распоряжениям форме предлагалось дать ответы на такие вопросы: характер социалистических организаций, формы движения (бунты, забастовки, митинги, демонстрации, собрания), меры, принятые властями для подавления рабочего движения; кто из рабочих является активным деятелем социал-демократической организации и т. п.²⁾. Донесения главных жупанов закарпатских комитатов по этому вопросу показывают, что в конце XIX столетия в Закарпатье существовало две социал-демократических организации — в Ужгородской и Марамарошской жупах; в Бережской и Угочской жупах социал-демократические группы возникли в начале XX столетия. В частности, в донесениях начальников округов, полицейских капитанов, бургомистров Бережской жупы за 1900 год указывалось, что в Иршавском, Береговском, Мезокосоньском, Мукачевском и Латоричанском округах социал-демократическое движение не проявляется, а начальник Свалявского округа добавлял, что рабочие промышленных предприятий его округа даже «не знают о существовании в Венгрии социалистического рабочего движения»³⁾. Аналогичные ответы на запросы начальника полиции в Будапеште были даны начальниками округов Бережской жупы и в последующие годы⁴⁾.

Правда, в 1901 году была предпринята попытка создать социал-демократическую организацию в Мукачеве, но вслед-

²⁾ ГАЗО, ф 4, 1899 г, д 365, л. 1, ф 10, 1900 г, д 2796, л. 1.

³⁾ Там же, ф 10, 1900 г, д. 2796, л. 4

⁴⁾ Там же, лл 8—15.

ствие противодействия полиции эта попытка не осуществилась. Как сообщал мукачевский полицейский капитан, к главному жупану Бережского комитата обратились три мукачевских ремесленника Янош Югас, Йозеф Гачи и Лайош Кошой с просьбой разрешить им провести митинг ремесленников и рабочих с повесткой дня: «Экономическое положение народа и его политические права». Вызванные в полицейское управление указанные ремесленники заявили, что они намерены создать социал-демократическую группу в Мукачево и пригласить из Будапешта агитатора, который на этом митинге разъяснял бы задачи социал-демократической партии. «Я,— доносил начальник мукачевской полиции,— не разрешил проведение митинга», так как «безответственные агитаторы» могли бы своими выступлениями на митинге нарушить «мир и согласие», существующие «между мастерами и их помощниками»⁵).

Как явствует из донесения начальника полиции и прокурора города Ужгорода (20 ноября 1894 года, № 761)⁶), там уже существовали социал-демократические группы на предприятиях (типография, мебельная фабрика и др.), которые проводили агитацию среди рабочих, распространяли социалистическую литературу, выступали за улучшение условий труда рабочих, организовывали выступления против коррупции городских властей и за введение всеобщего избирательного права.

Многие рабочие, говорилось в этом донесении, собираются в корчме «Fekete sas» («Черный орел»), где между ними ведут «антигосударственную агитацию» «опасный социалист» серб Браунер и русин М. Козар; они проводят также сбор средств среди рабочих на какие-то секретные цели, но подробно узнать о деятельности этой организации не представляется возможным, так как полиция не имеет секретных агентов. Определенно известно, говорилось далее в этом донесении, что социалистической организацией в Ужгороде руководит учитель гимназии Альберт Широкаи, который, «забыв о том, что он является учителем государственной гимназии, собирает по разным корчмам всякую чернь и настроивает ее против государства и правительственных органов»⁷).

Однако Ужгородская социал-демократическая организация, как можно судить по архивным данным, являлась идей-

⁵) Там же, лл 8--9 (Об отсутствии социал-демократических организаций в Бережской и Уточской жупах в конце XIX столетия свидетельствует и тот факт, что среди приветствий, посланных в адрес президиума съезда социал-демократической партии Венгрии, происходившего в апреле 1900 года, были только две телеграммы из закарпатских жуп — от имени ужанской и марамарошской социал-демократических организаций (ГАЗО, ф 4, 1900 г, д 377, лл 5—7).

⁶) ГАЗО, ф 4, 1894 г, д 236, лл 4—6

⁷) Там же, л 7

но слабой организацией, не выдвигавшей коренных задач пролетарского революционного движения, а ее руководители являлись нередко людьми случайными и нестойкими в своих убеждениях. Так, в августе 1894 года исполнительный комитет социал-демократической организации в Ужгороде обратился с воззванием к гражданам города с призывом собраться в загородном ресторане «Паннония» для обсуждения вопроса о злоупотреблениях чиновников магистрата. В этом обращении, составленном в типично реформистском духе, не содержалось даже намека на революционный призыв. «Управление городом за последние годы,— говорилось в этом обращении,— приняло такие формы, которые переходят границы терпимого. Мы не можем дальше переносить тяжести, которые возложены на наши плечи в результате этого. Позор, что городской управой руководят чиновники, против которых выдвигаются тяжелые обвинения. Молчать мы не можем. Нашей обязанностью является или отстаивать честь и уважение к чиновникам магистрата, или, если они виновны в злоупотреблениях, принудить их уйти из городской управы (подчеркнуто нами. — *И. К.*)⁸⁾.

Однако, несмотря на примиренческий тон обращения исполнительного комитета, масса рабочих и городских низов по-своему, по-пролетарски реагировала на бесправие рабочих и произвол городских чиновников, связывая борьбу против городских властей с борьбой против всего помещичье-буржуазного государственного аппарата. На этом собрании, как доносил начальник полиции, присутствовали почти все промышленные рабочие. Организаторами собрания являлись М. Козар и А. Широкаи. Последний «своей речью, направленной против городской управы, против ее чиновников и постановлений магистрата, вызвал у слушателей такие бунтовщические настроения, что я, только опасаясь нежелательных выступлений со стороны возбужденных рабочих, не лишил его слова»⁹⁾.

Через несколько месяцев после этого собрания руководитель социал-демократической организации А. Широкаи, не ожидавший, вероятно, сам, что обсуждение вопроса о злоупотреблениях магистратских чиновников вызовет «бунтовщические настроения» среди рабочих, которые заявляли, что «советники города, главный жупан и поджупан—мошенники, а капитан Форкош — негодяй и вор»¹⁰⁾, отказался от участия в социал-демократическом движении. На просьбу главного жупана Ужгородского комитета (30 ноября 1894 года, № 384)

⁸⁾ ГАЗО, ф 4, 1894 г, д 236, л 3

⁹⁾ Там же, л 6

¹⁰⁾ Там же, л.л. 7—8

перевести А Широкаи в другое место в связи с «широким распространением» социалистического движения в Ужгороде, премьер-министр ответил, что Широкаи был вызван в Будапешт и «не только пообещал королевскому инспектору гимназий не принимать участия в социалистических организациях, но и дал в этом подписку»¹¹⁾.

За рабочими закарпатских предприятий был установлен строгий жандармский контроль, рабочие сходки преследовались полицией, а активные участники рабочего движения подвергались арестам. Так, в 1896 году было разогнано полицией собрание рабочих в городском саду в Ужгороде, на котором обсуждался вопрос об организации борьбы за сокращение рабочего дня и о праздновании 1 мая¹²⁾. В 1898 году полицией были высланы из города «опасные социалистические агитаторы» Эрбен Янош, Иосиф Дембинский, Янош Синянка, а десятки рабочих ужгородских предприятий взяты под негласный надзор полиции (Г. Добош, К. Дисняй, Я. Матуш, П. Руцкий, И. Гуф, И. Буковский, И. Сабо, Т. Лужанский и др.)¹³⁾.

В 1899 году, как доносил начальник Ужгородского округа, на квартире рабочего-столяра Петра Темпинского был произведен обыск и обнаружены газеты «Népszava» («Голос народа») и листовки «Пролетарии — угнетенный рабочий люд». П. Темпинский был арестован, а за связь с ним уволен с мебельной фабрики «Мундус» рабочий Т. Лужанский и некоторые другие рабочие¹⁴⁾. За рабочими Перечинского и Турьябистрянского химических заводов, как доносил в том же году начальник Великоберезнянского округа, «строго следят» жандармские посты в Перечине и Порошкове, а «во время развлечений и танцев, устраиваемых рабочими, присутствуют жандармы, которым дан приказ немедленно подвергать аресту тех лиц, которые пытались бы проводить социалистическую агитацию»¹⁵⁾. К аналогичному донесению начальник Ужгородского округа добавлял, что для отвлечения рабочих от социалистической пропаганды, он разрешил организовать культурный кружок рабочей молодежи ужгородских предприятий под руководством «достойных патриотов» доктора Новака и директора завода «Керамик» Паппа¹⁶⁾. Эту же цель преследовало и созданное в 1904 году с разрешения властей в Ужгороде «Рабочее общество самообразования», возглавляемое неким Вайсбергером. В состав это-

11) ГАЗО, ф 4, 1894, д 236, л 5

12) Там же, д. 329, л. 6

13) Там же

14) Там же, 1899, д 365, л. 7.

15) Там же, л 5

16) Там же, л 7.

го общества входило свыше 100 членов. Общество ставило перед собой задачу, как говорилось в его уставе, путем самообразования «развивать дух солидарности» среди рабочих. Причем членами общества могли состоять не только рабочие и ремесленники, но и «друзья рабочего класса» — представители буржуазии, священники, чиновники¹⁷⁾.

**
*

В конце XIX — начале XX столетия на закарпатских предприятиях возникают профессиональные союзы рабочих (печатников, мебельщиков, строителей), способствовавшие сплочению их сил и переходу от разрозненных единичных выступлений против тяжелых условий труда к более организованному и массовым стачкам. Первая наиболее значительная забастовка в Закарпатье произошла на мебельной фабрике «Мундус» в Ужгороде в 1899 году, продолжавшаяся три недели. Рабочие требовали повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Правда, рабочие добились только частичного удовлетворения своих требований, но эта забастовка показала упорство рабочих, возрастание их организованности и классовой сознательности. Характерным также являлось сочувствие рабочим-забастовщикам со стороны крестьян окружающих сел, вызвавшееся в снабжении забастовщиков продуктами питания¹⁸⁾.

Венгерское правительство не только категорически запрещало проведение первомайских собраний и демонстраций рабочих, но и мобилизовало войска для подавления выступлений рабочих в день международной пролетарской солидарности. Ежегодно, начиная с 1890 года, министерство внутренних дел Венгрии рассылало в адрес главных жупанов комитатов приказы о запрещении первомайских собраний и подготовке войск к карательным действиям против демонстрантов. Приближение этого дня характеризовалось лихорадочной деятельностью мобилизованного аппарата насилия для пресечения «бунтов». В циркуляре министра внутренних дел от 16 апреля 1890 года № 233 указывалось, что в связи с решением международного рабочего конгресса в Париже о праздновании 1 мая запрещаются не только первомайские демонстрации, но и всякие собрания рабочих в течение года, а через неделю министерство уведомляло местные власти (циркуляр № 302) о том, что военным министром отдан приказ о сосредоточении войск в определенных местах для недопущения ка-

¹⁷⁾ ГАЗО, ф. 6 (Бургомистр города Ужгорода), оп III, 1903—1904 гг., д. 429, лл. 11—57.

¹⁸⁾ Газета «Закарпатська правда», № 89, 1 мая 1947 года.

ких бы то ни было выступлений рабочих¹⁹⁾. Такие же распоряжения отдавались правительственными органами и в последующие годы²⁰⁾.

Несмотря на жестокую расправу с рабочими, первомайские демонстрации в Венгрии с каждым годом приобретали все более массовый и боевой характер. Только в 1899 году первомайские демонстрации происходили в 25 городах и 200 селах Венгрии, за участие в которых было осуждено властями более 120 рабочих²¹⁾. В этом же году было проведено первое в Закарпатье первомайское собрание рабочих ужгородских предприятий в селе Невецком, на котором участвовало 30 рабочих²²⁾.

В начале XX столетия забастовочное движение в Закарпатье еще более усилилось, причем наряду с экономическими требованиями рабочие стали выдвигать и политические требования. В апреле 1903 года объявили забастовку 140 рабочих каменщиков в Ужгороде, которые провели демонстрацию, требуя сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и устранения произвола администрации и притеснений рабочих предпринимателями. Забастовка продолжалась четыре дня, но не поддержанные активно другими рабочими, каменщики не смогли добиться выполнения своих требований²³⁾. В конце того же года свыше 400 рабочих фабрики «Мундус» начали забастовку в знак протеста против тяжелых условий труда. Рабочие, собравшиеся на митинг, предъявили администрации требование не увольнять с фабрики рабочих за участие в забастовке, а уволенных восстановить на работе. Забастовка рабочих-мебельщиков была подавлена силой полиции, а активные участники ее арестованы и преданы суду²⁴⁾. В 1904 году забастовка охватила несколько тысяч рабочих, занятых на строительстве железной дороги Великое Березное—Ужок, находившихся в неимоверно тяжелых условиях и подвергавшихся притеснениям со стороны подрядчиков²⁵⁾. Размах этой стачки привел в смятение местные власти и предпринимателей. Газета «Ungvári Közlöny» подчеркивала, что забастовщики представляют собой серьезную угрозу для предпринимателей не только своим количеством, но и тем, что в их руках находится динамит²⁶⁾. Против ста-

¹⁹⁾ ГАЗО, ф. 4, д. 154, лл. 38, 41

²⁰⁾ Там же, ф. 4, д. 180, л. 60, д. 203, л. 34, д. 234, л. 36, д. 256, л. 87, л. 277, л. 64, д. 278, л. 67

²¹⁾ Там же, ф. 4, д. 377, лл. 5—67

²²⁾ «Закарпатська правда», № 89, 1 мая 1947 года.

²³⁾ ГАЗО, ф. 4, 1903 г., д. 107, лл. 11—26; «Ungvári Közlöny», 23 апреля и 5 ноября 1903 года.

²⁴⁾ ГАЗО, ф. 4, 1903 г., д. 983, лл. 2—31, д. 106, лл. 17—19

²⁵⁾ Там же, ф. 45, 1904 г., д. 3524, лл. 6—17.

²⁶⁾ «Ungvári Közlöny», № 17, 28 апреля 1904 года

чечников-строителей в Великое Березное и другие пункты были брошены три батальона пехоты и эскадрон кавалерии, которые подавили забастовку²⁷⁾.

Под влиянием первой русской революции усиливается обогащенное ее опытом революционное движение рабочего класса в Венгрии и Закарпатье, проходившее под лозунгами борьбы против капиталистической эксплуатации, политического угнетения и бесправия рабочих. В 1907 году ужгородская социал-демократическая организация обратилась с призывом к рабочим и другим слоям населения прекратить работу на предприятиях, закрыть магазины и лавки и выступить 10 октября, в день открытия венгерского парламента, с требованием введения всеобщего избирательного права²⁸⁾. Созванный 6 октября митинг, посвященный этому вопросу, как доносил начальник полиции, был разогнан властями, конфисковавшими большое количество прокламаций. Опасаясь серьезных выступлений рабочих 10 октября, начальник полиции просил главного жупана потребовать воинскую силу, так как «одна полиция с рабочими волнениями не справится»²⁹⁾. Однако всеобщая забастовка под флагом борьбы за всеобщее избирательное право вследствие оппортунистической политики венгерской социал-демократии, призывавшей рабочих к применению только «законных» средств борьбы и протеста, потерпела поражение³⁰⁾. В последующие годы забастовочное движение в Закарпатье приобретает все более массовый характер (забастовки рабочих предприятий в Берегово, ужгородских печатников, мукачевских бондарей, рабочих химического завода «Клотильда» и др.)³¹⁾, но и в этот период рабочее движение в Закарпатье оставалось стихийным, изолированным как от общевенгерского рабочего, так и от местного крестьянского движения и не имело четкой марксистской революционной программы. Это объяснялось прежде всего отсутствием руководства со стороны подлинно марксистской революционной партии пролетариата, роль которой не могла выполнять зараженная оппортунизмом и реформизмом венгерская социал-демократия, которая вместо соединения рабочего движения с социализмом вела дело к подчинению рабочего движения буржуазии и буржуазной идеологии.

Многочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что венгерское правительство было чрезвычайно обеспо-

27) Там же.

28) ГАЗО, ф. 7, 1907 г., д. 1121, л. 1

29) Там же, л. 2 об.

30) Там же, лл. 3—4.

31) См. «Карпатська правда», № 17, 1 мая 1930 года, «Ungvári Közlöny», № 23, 4 июня 1910 года, указ. соч. Климентюк М., стр. 14. Неточаев В. И., Закарпаття напередодні ..., стр. 121.

коено усилением революционного движения пролетариата и распространением социалистической пропаганды, под которой нередко подразумевалось всякое движение, противоречащее духу реакционной политики правящих классов Венгрии. Правительство Венгрии знало, что руководство социал-демократической партии не только не преследует цели осуществления пролетарской революции, но что оно всеми средствами пытается направить движение пролетариата по «мирному» пути, выхолостить его революционное содержание. Однако, несмотря на это, идеи социализма, хотя они и преподносились социал-соглашателями в препарированном виде, проникали в массу рабочих, которые воспринимали их революционную сущность, проверяли на опыте стачечной борьбы и в своих революционных действиях шли дальше «рекомендаций» лидеров социал-демократии.

В архивах сохранилось много распоряжений венгерского правительства о преследовании агитаторов, агентов «международного социализма», конфискации социалистической литературы и листовок, о наблюдении и контроле за деятелями даже таких организаций и обществ, которые не имели никакого отношения к политике. Так, в 1898 году министерство внутренних дел уведомило главных жупанов комитатов о готовящихся покушениях на жизнь государственных деятелей ряда европейских стран, которые намерена осуществить группа итальянских анархистов-террористов³²⁾. В 1900 году министерство предлагало местным властям установить строгий контроль за иностранцами, прибывающими в Венгрию, в связи с полученными сообщениями от итальянского правительства, о том, что в Европу из Америки выехало 20 анархистов-заговорщиков, угрожающих «спокойствию и порядку»³³⁾. В 1904 году в связи с подготовкой к открытию Амстердамского конгресса II Интернационала венгерское правительство, по просьбе голландского правительства, потребовало от местных властей усилить контроль за выезжающими за границу и сообщить фамилии и приметы лиц, которые обратятся за паспортами для выезда в Голландию³⁴⁾.

Правительственные органы установили строгий контроль за деятельностью культурных, религиозных и кооперативных обществ, обставив самыми сложными формальностями выдачу разрешений на проведение собраний даже с самыми «благонамеренными» целями. Специальным распоряжением министерства внутренних дел (№ 1094 от 21 июля 1895 года) устанавливалось наблюдение за деятельностью всех обществ.

³²⁾ ГАЗО, ф. 4, д. 330, лл. 1—4

³³⁾ Там же, д. 392, л. 3

³⁴⁾ Там же, д. 529, л. 5

Особое внимание предлагалось обратить на следующее: придерживается ли общество утвержденного устава и не выходит ли в практике своей деятельности за его пределы, какие источники доходов обществ и, главное, не ставят ли общества своей целью изменить существующий государственный и общественный строй³⁵). «Народные» собрания могли быть разрешены только при условии, если заявление об этом подпишут 6—10 «вполне политически благонадежных лиц», несущих полную ответственность перед властями. На каждом собрании было установлено обязательное присутствие представителя полиции. О созыве каждого разрешенного собрания, его характере с указанием ответственных лиц главные жупаны комитатов должны были немедленно уведомлять телеграфом министра внутренних дел³⁶). Специальным распоряжением министерства внутренних дел (№ 1334 от 11 сентября 1895 года) была запрещена постановка в театрах пьесы Г. Гауптмана «Ткачи» как проповедующая «антигосударственные» идеи³⁷). Опасаясь распространения социалистической пропаганды в армии правительственным циркуляром (№ 179 от 9 февраля 1895 года) предписывалось главным жупанам комитатов ежегодно представлять списки лиц призывного возраста, участвовавших в деятельности политических организаций с тем, чтобы установить за ними полицейский надзор³⁸).

Многочисленные распоряжения министерства внутренних дел, сохранившиеся в архивах, относятся к пресечению «подрывной деятельности социалистических агитаторов» и к конфискации социалистической литературы. К числу такой «опасной» литературы относились не только социал-демократические газеты «Népszava», «Népjólét», «Földművelő», листовки, изданные редакцией «Világszabodság» («Свобода мира»), прокламации и листовки под названиями «Egy kérdés a Magyar nemzethez» («Один вопрос к мадьярской нации», «Magyarország jogtalan népéhez» («К бесправному народу Венгрии») и другие, получившие распространение и в Закарпатье, но и даже газета «Cipész» («Обувщик») и «Népolvasótár» («Сборник народного чтения»)³⁹). В это же время реакционная печать всемерно поддерживалась правительством, отпускавшим для этой цели значительные средства. В Закарпатье такие антидемократические газеты, как «Unz»,

³⁵) Там же, д. 256, л. 122. В частности, премьер-министр предлагал жупанам комитатов (циркуляр № 808 от 20 августа 1895 г) представить сведения о деятельности кредитных обществ, о руководящем составе обществ и влияния, которое оказывают на них различные политические партии (ГАЗО. ф. 4, д. 276, лл 7—13).

³⁶) ГАЗО, ф. 4, д. 11, л. 1 об.

³⁷) Там же, д. 256, л. 138.

³⁸) Там же, л. 52.

³⁹) Там же, лл. 32, 46, 68; д. 329, лл 11; д. 509, л. 14

«Kelet» и другие, являвшиеся проводниками правительственной политики и мадьяризации, ежегодно получали государственную субсидию по 800 форинтов каждая⁴⁰).

Освободительное движение трудящихся в Закарпатье жестоко подавлялось правительством, год из года увеличивавшим количество жандармерии в закарпатских жупах и усиливавшим репрессии против участников революционного движения. Если в 1885 году в закарпатских комитатах насчитывалось 50 жандармских постов с 283 жандармами (один жандарм приходился на 2500 человек населения), то в 1888 году число жандармов увеличилось до 300, а в 1892 году — до 365, в 1895 году — до 400, в 1898 году — до 550, а в 1900 году — до 600 человек (один жандарм приходился на 1300 человек населения)⁴¹). В 1896 году по распоряжению министерства внутренних дел была создана сеть полицейских детективов для слежки за участниками социалистического движения, а области, населенные русинами, находились под особым наблюдением начальника сыскной полиции А. Дулишковича. В 1900 году жандармерия закарпатских комитатов привлекла к ответственности 3972 человека по обвинению в преступлениях против «порядка»⁴²). В 1905 году, даже по официальным данным, за участие в революционном движении подверглись репрессиям 560 рабочих и крестьян Закарпатья⁴³), а в 1911 году только в одном Великоберезнянском округе Ужгородской жупы было арестовано за участие в политической борьбе 718 человек⁴⁴).

* * *

Вторая половина XIX столетия была отмечена обострением классовых противоречий в закарпатской деревне и выступлениями крестьян против гнета помещиков, кулаков и ростовщиков. Крестьянское движение принимало самые разнообразные формы: отказ от выполнения работ в пользу помещиков в первые годы после реформы, противодействие проведению коммунсациии, захват помещичьих лесов и земель, поджог помещичьих посевов, сопротивление жандармам и т. д., но в борьбе крестьян большое место занимали пассивные формы (подача жалоб

⁴⁰) ГАЗО. ф 4, д 184, лл 5, 9, 13, д 237, лл. 1—15, д 263, лл 1—10; д 306, лл 1—7, д 369, лл. 1—7, д 394, лл 1—8

⁴¹) Там же, ф. 5, 1885 г, д 177, лл 1—2; ф 7, оп III, 1888 г, д 2650, лл. 1—5; 1890—1893 гг, д 2678, лл 1—36, ф 4, д 277, л 70, д 305, лл 1—2; д. 256, л 82, ф 772, оп. I, 1902 г, д 256, лл. 11—16.

⁴²) Kjsé, 1901, стр 732—733

⁴³) Mécé, XIII, 1905, стр. 444—476.

⁴⁴) «Блокнот агитатора» Закарпатського обкому КП(б)У, № 1, 1947 г.

местным властям и судебным органам, обращение с петициями к императору, отказ наниматься на работу к помещикам, выселение в другие области и страны и т. п.). В целом же крестьянское движение в Закарпатье, вследствие распыленности, забитости и неорганизованности масс крестьянства, носило стихийный и локальный характер и не вылилось в массовое революционное движение. Остатки классового крепостнического гнета и сильное влияние духовенства задерживали развитие классовой борьбы в закарпатской деревне, классовое самосознание крестьянской массы, «забываемой и оупляемой господством реакции»⁴⁵). Крестьянство Закарпатье в силу слабости венгерского рабочего движения и оппортунистической политики венгерской социал-демократии не могло подняться на организованную революционную борьбу за свержение существующего строя эксплуатации и угнетения.

На протяжении первых двух десятилетий после освобождения крестьян от крепостной зависимости основным содержанием крестьянского движения являлась борьба за ликвидацию сильных остатков непосредственной феодальной зависимости и подчинения. В архивах жупных управлений этой эпохи сохранились многочисленные документы, свидетельствующие о том, что урбаральные крестьяне и куриалисты упорно отказывались выполнять работы по обработке помещичьих земель и по обслуживанию вотчинных предприятий, рассматривая эти повинности как продолжение ненавистой барщины.

В 1849 году бывшие крепостные крестьяне ряда сел Ужгородского казенного имения прекратили выполнение повинностей по поставке дров для государственного железодельного завода в селе Турья-Ремета, требуя оплаты их труда. В результате этого завод, использовав запасы древесного угля, должен был прекратить выплавку железа. В ответ на жалобу администрации имения местные власти направили в село Турья-Ремета отряд солдат и полиции под руководством солгабирова Яноша Вайда, который, как говорилось в донесении главного жупана комитата, «с большой энергией и строгостью принялся за дело и в кратчайший срок заставил этот ленивый народ приняться за рубку леса»⁴⁶). В имении графа Потоцкого в шарышском селе Малый Липник, находившемся в руках арендатора Шаламона, куриальные батраки-русины отказались от выполнения повинностей «по договору» и «под влиянием некоторых бессердечных подстрекателей» подняли «мятеж», подавленный вооруженной силой⁴⁷). В отчете начальника Собранецкого округа Ужгородской жупы Ф. Стараи

⁴⁵) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 11.

⁴⁶) Указ. соч. Й Перени, стр. 26.

⁴⁷) Там же, стр. 81.

(1850 год) указывалось, что «куриалисты в настоящее время настолько не уважают право собственности помещика на аллювиальные земли, что, несмотря на все угрозы, в некоторых местах отказываются от работы»⁴⁸).

Крестьяне ряда сел Шаришского комитета (Матишово, Липник, Хайтувка и др.), у которых перед реформой были отобраны надельные земли, а они сами переведены в разряд куриалистов, отказались выполнять отработочные повинности. Местные власти путем репрессий заставили крестьян выполнять барщину, а организаторы «беспорядков» были по решению суда подвергнуты телесным наказаниям. В 1850 году крестьяне этих сел обратились с жалобой на незаконные решения суда к императору, но жалоба их была признана необоснованной⁴⁹). Нередки были случаи, когда крестьяне не хотели наниматься на работу в господских имениях даже за деньги, выражая этим свой протест против всевластия помещиков. Так, в 1851 году крестьяне сел Дубриничи, Перечин и др. (Ужгородская жупа), которые до революции, как говорилось в донесении администрации ужгородской казенной доминии, были «кроткими, мирными и послушными людьми», теперь отказываются идти на работу, в результате чего помещичьи земли остаются необработанными⁵⁰). О таких же фактах сообщал и начальник Собранецкого округа⁵¹).

Обострение борьбы между крестьянами и помещиками выражали массовые порубки помещичьих лесов и попытки захвата господских земель и пастбищ. Главный окружной начальник в Кошицах граф Янош Сирмаи в своем распоряжении жупанам (1849 год), характеризуя обстановку в деревне и настроение крестьян закарпатских комитатов, писал, что среди простого народа находятся такие лица, которые неправильно истолковывают законы об освобождении крестьян от крепостной зависимости и «осмеливаются нападать на законные права их бывших господ-помещиков»⁵²). Крестьяне захватывали помещичьи леса, поля и общие пастбища. В это же время главный окружной начальник в Ужгороде Виллец доносил, что крестьяне начали самовольную рубку казенных и помещичьих лесов. В селе Косонь, как сообщал главный жупан Ужгородского комитета в мае 1850 года, в деревне наблюдаются «противозаконные» действия крестьян и поджоги⁵³). Помещи-

⁴⁸) Указ соч. В. І. Ілько, До питання розшарування, стр. 89

⁴⁹) Указ соч. Й. Перени, стр. 31, 32

⁵⁰) Там же, стр. 30

⁵¹) Указ соч. В. І. Ілько, стр. 89

⁵²) Указ соч. Й. Перени, стр. 28

⁵³) Поджоги усадеб, домов, хозяйственных построек, посеров, принадлежащих помещикам, кулакам, ростовщикам и священникам, несомненно, являлись одной из форм борьбы крестьян против своих угнетателей. Однако нет никаких оснований, как это делают некоторые авторы, свя-

ки Лонья в своей жалобе на имя королевского наместника указывали, что крестьяне сел Бовтрадь, Дзвинковое, Батьово вырубают господский лес, считая его своим. Если власти не примут срочных мер, заявляли помещики, то наше владение будет окончательно уничтожено⁵⁴). В донесении Бережского окружного начальника Йозефа Сарко от 3 января 1850 года подчеркивалось, что порубка крестьянами помещичьих лесов приняла такие масштабы, что приостановить ее силами местных властей невозможно⁵⁵). Захват и вырубка помещичьих лесов крестьянами в эти годы в Венгрии была повсеместным явлением. Не случайно королевский наместник вынужден был издать специальное распоряжение (от 23 января 1865 года, № 3135) о строгом наказании крестьян, «нарушающих право собственности помещиков на леса» и лиц, «подстрекающих» население к этому⁵⁶).

Острый и массовый характер принимали выступления крестьян против комасации, проводившейся в интересах помещиков и в целях экспроприации крестьян. В 1862 году крестьяне села Пацканьово Бережской жупы изгнали из села землемера, прибывшего для проведения комасации. Арестованные жандармами «подстрекатели» были освобождены вооружившимися кольями односельчанами. Для ликвидации «беспорядков», угрожавших, как доносил главный жупан Бережской жупы, распространиться и на другие села, в Пацканьово жупными властями были посланы солдаты и жандармы, арестовавшие более 20 крестьян, которые были преданы суду⁵⁷).

21 июня 1865 года, как доносил жандармский капитан города Берегово, вспыхнул «бунт» среди крестьян-русинов села Лалово. В это село прибыла комиссия в составе двух землемеров и представителей лесного и финансового ведомств для размежевания земель. Когда по селу разнеслась эта весть, собралась большая толпа крестьян. Раздавались крики: «У нас хотят отнять половину земли», «убивайте негодяев землемеров». Крестьяне арестовали членов этой комиссии и захватили землемерные инструменты. Крестьяне были настолько воз-

зывать увеличение числа пожаров в закарпатской деревне с обострением классовых противоречий или рассматривать все случаи поджогов как выражение классовой борьбы. Случаи поджогов имущества в Закарпатье были нередки (см Msé, III, 1896, стр. 350—353, Kjsé, 1901, стр. 651, 652, Msé, IX, 1902, стр. 294, газета «Новый свет», № 32, 1872 год): в 1894 году было зарегистрировано 119 поджогов, в 1902 году — 102, в 1901 году — 89.

⁵⁴) ГАЗО, ф 11, д 43, лл. 2—3.

⁵⁵) Там же

⁵⁶) Там же, ф. 2, 1865 г., д 211, л 1

⁵⁷) См I Sándor Pál, Adatok a parasztság kisajátításáról és mozgalomról az abszolútizmus korszakában (1849-1867), Bdp, 1951, стр. 341; его же Parasztságunk a habsburg önkényuralom korszakában, Bdp, 1951, стр. 153

буждены, что «варварски избили землемеров» и хотели повесить их. В село Лалово был послан взвод пехоты, который освободил арестованную комиссию. Суд, как сообщал начальник жандармерии, строго наказал «нарушителей общественного порядка»⁵⁸).

На этой же почве в 1867 году, как писала газета «Свет», «большое возмущение случилось между народом нашим на верховинских сторонах Ужанской столицы; народ повстал против священников и гражданских чиновников, доношал о них на высшие места, выводил инквизиции и прочее»⁵⁹). Это «возмущение» началось еще во время выборов депутатов в венгерский парламент и «за долгое время продолжалось, поддерживаемое особенно тою молвою, будто бы народ пособием священников и чиновников столичных... великую потерпел в деле комасации кривду, неправильным поступованием урядов». Дело дошло «до крайнего огорчения, народ взбунтовался, своевольно уничтожил определенные границы и межи по полям и всадил себя в прежнее предкомасационное состояние». Одновременно с этим крестьяне ряда сел, возглавляемые крестьянином села Пасека Костиком, направили депутацию в Вену, намереваясь добиться отмены комасации. «Высокое правительство повелело представить себе все судебные и инженерские акты комасации, и вот, пересмотрив все, по истечении полутора года решило относительно высокого министерство, что дело вознайдено в порядке, поступование судебное законное и безошибочное, громады жадной не имели причины жаловаться и волновати». Власти, как видно из сообщения газеты, признали жалобу крестьян необоснованной и предложили им восстановить за свой счет все межи и землемерные знаки на их прежнем месте.

Такие же «возмущения» крестьян, подавленные силой полиции, произошли в селах Великая Бегань, Павловци, Королево, Драчино, Великое Березное и др.⁶⁰). В селе Керецкое Бережской жупы выступление против кабального размежевания «гатара» в 1872 году превратилось в столкновение крестьян с войсками. Крестьяне этого села на протяжении 10 лет (с 1862 по 1872 год) отказывались от проведения размежевания и ни один раз изгоняли землемеров и комасационную комиссию. В августе 1872 года комитатские власти направили в село военную команду в составе 104 человек, при помощи которой были

⁵⁸) ГАЗОФ, ф 2 (Бургомистр города Мукачево), 1865 г., д. 244, л. 1; ГАЗО, ф 262 (Наджунан Бережской жупы), оп I, 1865 г., д. 410, л. 1-11

⁵⁹) «Свет», № 20, 11 (23) ноября 1867 года.

⁶⁰) ГАЗО, ф 674, оп. VI, д. 1093; «Наука», № 11, 1912 год; «Новый свет», № 11, 1871 год, № 31, 1872 год; указ. соч. I. Sándor Pál, *Parasztságunk a habsburg önkényuralom korszakában*, стр. 152, указ. соч. В. И. Илько, стр. 81

арестованы крестьяне Иван Грига и другие. В ответ на сопротивление крестьян войскам, последние открыли огонь, в результате чего один крестьянин был убит и 6 тяжело ранены. Но и после этого крестьяне отказывались подчиниться властям. Измученные террором и насилием, продолжавшимся 8 дней, крестьяне села Керещкое вынуждены были принять комасационный акт и уплатить наложенную на село контрибуцию в сумме 4 тысяч форинтов⁶¹). Многочисленные жалобы крестьян на притеснения и произвол со стороны помещиков и властей во все административные, судебные и правительственные органы вплоть до короля не достигали цели. Массы крестьянства, как выражался один из современников, все больше убеждались в том, что «ровность перед правом, конституцией дарованна, мертва токмо на папирию буква...»⁶²).

Массовое обращение крестьян с жалобами и петициями к властям, разрозненность крестьянских выступлений в Закарпатье вовсе не означали, что массы крестьян-русинов, отличаясь, как это утверждали буржуазные и униатские авторы, «богобойностью» и «смирением» вообще были не способными на активную революционную борьбу. Один из русских реакционных авторов В. И. Пономарев в этой связи писал: «Если мы посмотрим на самого угрорусса, то увидим, что главною чертою его характера является смирение: он почти без ропота переносит свою судьбу»⁶³). Униатские авторы доказывали, вопреки истине, что закарпатскому крестьянину, проникнутому религиозными чувствами, чужды социалистические идеи и что если они и распространяются кое-где, то только благодаря «импортированным агитаторам», а начальник Великоберезнянского округа в одном из своих донесений за 1899 год указывал, что «земледельческое население округа с ограниченными духовными запросами на организацию социалистического движения не способно»⁶⁴). Факты же говорят о другом; они опровергают эти измышления буржуазно-униатских авторов. Вопреки культивируемой веками церковью и властями рабской идеологии безропотного повиновения трудящихся «богоданному» порядку на земле, массы крестьянства Закарпатья, вовлекаемые всем ходом капиталистического развития в революционную борьбу, воспринимали идеи социализма, идеи классовой борьбы, хотя историческая обусловленность и наложила печать отсталости, ограниченности и стилистичности на крестьянское движение в целом.

61) «Новый свет», № 31, 1872 год.

62) Указ соч П. Перени, стр. 30

63) Указ. соч В. И. Пономарев, стр. 52.

64) ГАЗО, ф 4, 1899 г., д 365, лл. 17—19.

2. «АГРАРНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ» ДВИЖЕНИЕ В ВЕНГРИИ И ЗАКАРПАТСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Венгерская социал-демократия в крестьянском вопросе стояла на антимарксистских позициях. Она разделяла взгляды других рабочих партий II Интернационала на крестьянство как на «реакционную» силу, отвергая революционный союз рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса; отсюда вытекало и ее отрицательное отношение к разделу помещичьих, церковных и казенных земель между крестьянами. В аграрной программе партии, принятой на III съезде (1894 год) выдвигалось только требование улучшения материального положения сельскохозяйственных рабочих и обеспечения свободы союзов, а также снижения налогов с крестьян и введения прогрессивного налогообложения крупных земельных владений.

Руководство социал-демократической партии Венгрии, отстаивавшее только «законные», парламентские формы борьбы, противодействовало организации массовых стачек сельскохозяйственных рабочих, которые, как они считали, только мешают «спокойной» деятельности партии, так как провоцируют террор со стороны правительства не только против крестьян, но и против рабочих и партийных организаций. Лидеры социал-демократической партии не только отмежевывались от крестьянского движения, но и предлагали свои услуги правительству для прекращения революционных выступлений в деревне. На съезде партии в 1898 году один из ее руководителей Пфейфер заявил, что партия не имеет ничего общего с «беспорядками» в комитате Сабольч, и просил правительство выслать туда для «умиротворения» крестьян социал-демократов, а представитель этой партии на Международном конгрессе профсоюзов в Париже (1900 год) по поводу аграрного движения говорил, что гигантская масса сельскохозяйственных рабочих и крестьян своими выступлениями только «парализует движение промышленных рабочих, так как отвлекает те силы, которые нужны последнему»⁶⁵).

В результате разногласий по крестьянскому вопросу в социал-демократической партии в 1894 году образовалась оппозиция, возглавляемая Стефаном Варконьи, который вышел из социал-демократической партии и образовал в 1897 году «не-

⁶⁵) Указ соч А Хевеши, стр. 61. Характерно, что взгляды на крестьянское движение как антипод движения пролетариата, проповедуемые лидерами венгерской социал-демократии, совпадали со взглядами реакционных правительственных кругов Венгрии, которые, по словам русского консула в Будапеште, считали, что «единение аграрного и промышленного социализма лишь временное и внешнее, так как интересы их, в сущности, взаимно противоположны» (АВПР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, л. 436).

зависимую социалистическую партию». Варконьи на первый план выдвигал задачу организации сельскохозяйственных рабочих, мелких и средних крестьян и требовал раздела земли. Все это, а также организаторская и агитационная деятельность партии Варконьи, печатным органом которой являлась газета «Földművelő» («Земледелец»), создало ей на первых порах значительную популярность среди аграрного пролетариата. Однако отрыв этой партии от революционного рабочего движения привел ее и к отходу от пролетарской идеологии, к распространению в рядах партии мелкобуржуазных идей анархо-христианского толка. Это нашло свое выражение в программных установках партии, разработанных сторонником «идеального» анархизма Евгением Шмидтом. Главное внимание программа партии уделяла защите и укреплению мелкой крестьянской земельной собственности, предотвращению упадка мелкого сельскохозяйственного производства путем раздела крупных поместий, установления земельного максимума в 100 хольдов, введения прогрессивного налога и «ограничения обогащения»⁶⁶). Признавая стачки как важнейшую форму борьбы аграрного пролетариата, вместе с тем партия Варконьи отказывалась от поддержки выступлений крестьян и сельскохозяйственных рабочих в отдельных округах и областях с целью накопления сил для общенародной стачки в масштабе всей страны. Своей конечной целью «независимая социалистическая партия» провозгласила ликвидацию государства и создание общества «свободы» и «имущественного равенства», не путем пролетарской революции, а путем... отказа от уплаты налогов и службы в армии, путем осуществления идеи Христа, разбудив в человеке «божественное сознание любви и общности»...⁶⁷) Мелкобуржуазная по своей сущности партия Варконьи также не могла возглавить революционное крестьянское движение, и в условиях тяжелых репрессий, обрушившихся на массы аграрного пролетариата, все больше теряет свое влияние и к концу XIX столетия сходит с политической сцены.

«Аграрно-социалистическое» движение бедноты, батраков и поденщиков, развернувшееся в 90-х годах XIX столетия под влиянием революционного движения рабочего класса и социалистической агитации, являлось важным событием в истории борьбы трудящихся Венгрии за свое освобождение от помещичье-капиталистического гнета. Аграрный пролетариат Венгрии выдвигал как экономические, так и политические требования: повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, право на создание рабочих организаций, введение всеобщего избирательного права, представительство рабочих в парламен-

⁶⁶) A Magyar Munkásmozgalom Történetének Válogatott Dokumentumai, 2 к., 1890—1900, Bdp., 1954, стр. 481—482

⁶⁷) Указ соч. А. Хевеши, стр. 92.

те; в ходе борьбы крестьянская беднота выдвигала также требование раздела помещичьих земель⁶⁸⁾

Первое наиболее крупное выступление под флагом «аграрного социализма» произошло в 1890 году, когда вспыхнуло восстание деревенской бедноты в Орошхазе (комитат Бекеш). «Волнение произошло по той причине, доносил русский консул в Будапеште, что местные сельские рабочие, увлеченные пропагандой рабочих, пришедших из Будапешта, потребовали учреждения рабочего союза и выкинули при этом — первый раз в Венгрии — красный флаг. В дело вмешались войска, и волнение прекратилось довольно скоро»⁶⁹⁾. В 1891 году возникло более массовое движение в Чаба того же комитата. Сельскохозяйственные рабочие в количестве трех тысяч человек объявили забастовку. Для подавления стачки рабочих были посланы два батальона пехоты. «Когда командовавший офицер обратился к стачечникам с требованием разойтись, угрожая, в случае отказа, ружейным огнем, то стачечники, как сообщал русский консул, полные упрямого фанатизма, ограничились тем, что с криком «стреляйте», расстегнув верхнюю одежду, обнажили грудь.. Было много убитых и раненых»⁷⁰⁾. Кровавую расправу учинили войска и над рабочими-стаечниками Тамаша в 1892 году. В столкновении с войсками был убит один рабочий и несколько десятков ранено

В конце 1894 и в начале 1895 годов начались волнения рабочих в Ходмезёвашархейе (комитат Чонград) и Сегедине. В Ходмезёвашархейе, где еще в 1891 году была создана социал-демократическая организация и профессиональный союз рабочих, возглавляемые Яношем Санто Ковачем, волнения рабочих переросли в восстание. Рабочие, как сообщал русский консул в Будапеште, потребовали прежде всего сожжения земельных крепостных книг (Grundbücher) и освобождения арестованных товарищей. Стаечники двинулись к ратуше и разрушили ее. «Вновь были призваны войска и вновь были ранены. Главнейшие виновники были присуждены к тюремному заключению на срок выше 10 лет»⁷¹⁾. После кровавых событий в Ходмезёвашархейе вся венгерская равнина была объявлена на военном положении и наводнена войсками и жандар-

⁶⁸⁾ АВПР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, лл. 435, 436, 443; A Magyar Munkásmozgalom Történetének Válogatott Dokumentumai, 2 к., 1890—1900, Bdp., 1954, стр. 74, Бела Санто, Борьба беднейшего крестьянства и батраков в Венгрии в 90-х годах XIX столетия, «Историк-марксист», № 6, 1941 год; Simon Péter, A század forduló földmunkás és szegényparaszt mozgalmai 1891—1908, Bdp., 1953, Mód Aladár, 400 év küzdelem az önálló Magyarorszáért, Bdp., 1954

⁶⁹⁾ АВПР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, л. 436

⁷⁰⁾ Там же, л. 436 об.

⁷¹⁾ Там же, лл. 436 об. — 437; указ соч. A Magyar Munkásmozgalom., 2 к., стр. 256—260, указ соч. Mód A, стр. 378, 379

мами, но это не приостановило революционной борьбы угнетенного крестьянства. В следующем году забастовочное движение рабочих охватило несколько комитатов (Бекеш, Пешт, Шомодь, Торонтал). Против забастовщиков были брошены войска. В Бекеше солдаты открыли огонь по стачечникам, в результате чего было ранено около 30 человек⁷²⁾.

В 1897 году развернулась массовая стачка сельскохозяйственных рабочих в период жатвы в комитатах Чонград, Бач-Бодрог, Пешт-Пилиш и Фейер. Подготовка стачки скрывалась так тщательно, что «полиция была не в состоянии предупредить что-либо»⁷³⁾. Рабочие требовали повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения условий труда и раздела помещичьих земель⁷⁴⁾ «Стачка была так обширна, что оказалось необходимым собрать в государственных поместьях и других пунктах всех свободных рабочих и послать их на место забастовщиков под охраной жандармских команд.» Министерство земледелия для срыва забастовки, помимо войск, перебросило в районы, охваченные стачкой, большое количество штрейкбрехеров (заключенных в тюрьмах, лесорубов государственных лесов, 2130 косарей из казенного имения Мезегедьеш, 3567 человек, нанятых в других местах, и, кроме того, имело «резерв» штрейкбрехеров в количестве 4 тысяч человек, завербованных в различных комитатах). В Альфёльде рабочие не только объявили забастовку, но, как сообщал русский консул, «посредством угроз и насилий мешали работать посторонним рабочим, вызванным на их место. Правительство вынуждено было принять самые строгие меры»⁷⁵⁾. В аграрное движение постепенно вовлекались и массы невенгерского крестьянства—Хорватии, Словении, Трансильвании, Словакии, Закарпатья; все чаще деревенская беднота выдвигала требование раздела помещичьих земель⁷⁶⁾.

О том, насколько помещики Венгрии были напуганы революционным движением сельскохозяйственных рабочих и деревенской бедноты, насколько реальной была угроза массового крестьянского восстания в 90-х годах, свидетельствуют многочисленные факты. Вот один из них. В начале 1898

72) АВПР, ф Канцелярия, 1897 г, д 115, т II, л 437

73) Там же, ф Политархив, 1901 г, д 576, л 203 об

74) Русский консул в Будапеште, характеризуя требования сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты, выражал отношение к этим требованиям правительства и помещиков в таких словах «Они находят свой заработок недостаточным и требуют увеличения его, хотя бы это было невозможно, они хотят земли и требуют ее, хотя бы ее не было» (АВПР, ф Канцелярия, 1897 г, д 115, т II, л 440)

75) АВПР, ф Политархив, 1901 г, д 576, л 204

76) Там же, ф Канцелярия, 1897 г д. 115, т II, лл 435--436, Az 1905-1907-es orosz forradalom nemzetközi jelentősége és Magyarországi hatása. Bp., 1955, стр. 186

года премьер-министра Венгрии Банффи посетила депутация землевладельцев комитата Сабольч в количестве 15 человек. Помещики заявили: «Настроение крестьян в их местности таково, что можно постоянно ожидать кровавой расправы. Землевладельцы боятся выходить из своих усадеб. Желание крестьян сводится к разделу собственности»⁷⁷⁾). Депутация помещиков просила «немедленной военной помощи и обуздания социалистической печати». Характерно, что на письменном прошении, поданном помещиками премьер-министру, не было ни одной подписи, так как, сообщал русский консул, «просители опасаются разглашения своих имен и мести». Премьер-министр обещал депутации помещиков «употребить все старания к водворению порядка, прибавив, что если правительству не удастся пресечь социалистические смуты, то он предложит парламенту изменение закона о печати, чтобы иметь возможность прекратить газетную социалистическую пропаганду, в которой усматривает главную причину зла»⁷⁸⁾).

В отчете министерства земледелия по поводу массовой забастовки рабочих Альфельда и других областей говорилось следующее: «В 1897 году деятельность министерства земледелия была посвящена главным образом подавлению аграрных движений, так как стачки земледельческих рабочих принимали тревожные размеры. Главными причинами этих движений были тяжелые экономические условия и их последствия. Благодаря здравому смыслу сельского населения и рациональным мерам министерства оказалось возможным предотвратить социальную опасность»⁷⁹⁾). Действительно, подъем крестьянского и рабочего движения в Венгрии серьезно угрожал господству помещиков и капиталистов, именно «здравый разум» и подсказывал угнетенным массам необходимость революционной борьбы, которая только и могла принести им освобождение от социального и политического угнетения. «Рациональные меры» правительства, за которыми скрывалось жестокое подавление революционного движения силой оружия, драконовское законодательство против рабочих-стачечников, использование штрейкбрехеров не могли бы остановить нарастающее революционное движение, если бы этому не способствовала соглашательская позиция лидеров социал-демократической партии, не подготовленной ни в идейном, ни в теоретическом, ни в организационном отношении для роли истинного вождя рабочего класса, способного возглавить революционную борьбу масс и довести ее до победного конца. Газета «Népszava» вынуждена была позднее признать, что революционное движение аграрного пролетариата

⁷⁷⁾ АВПР, ф Канцелярия, 1898 г., д. 110, л. 9.

⁷⁸⁾ Там же.

⁷⁹⁾ Там же, ф Политархив, 1901 г., д. 576, л. 186.

в конце 90-х годов могло перерасти в восстание против существующего строя, но партийное руководство призвало «бунтующих рабочих к спокойствию... и многие сельскохозяйственные рабочие тогда отвернулись от нас»⁸⁰). Вот почему в аграрно-социалистическом движении в конце XIX столетия наблюдается спад, продолжавшийся до начала XX столетия, когда в новых условиях эпохи империализма и мощного революционного движения русского пролетариата начался новый подъем революционного движения в Венгрии. Героическая борьба сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты в 90-х годах XIX столетия, ее неудачи и поражения являются ярким подтверждением проверенного жизнью марксистско-ленинского положения о том, что движение крестьянства без руководства пролетариата и его авангарда — марксистской революционной партии — победить не может.

**
*

Под влиянием революционного движения рабочего класса, батраков и масс деревенской бедноты Венгрии, несмотря на игнорирование крестьянства оппортунистическим руководством социал-демократической партии Венгрии, все же идеи «аграрного социализма» получают известное распространение и в закарпатской деревне. Правда, во многих закарпатских округах и жупах в конце XIX столетия это движение не приняло массового характера, и власти доносили о «спокойствии» во вверенных им округах (Ужгородская жупа)⁸¹), но все же, начиная с конца 90-х годов, в донесениях местных властей все чаще и чаще появляются сообщения о «пагубном» влиянии идей социализма на массы крестьянства.

Уже в отчете главного жупана Бережского комитата за 1897 год указывалось, что под влиянием агитаторов из Сабольчской жупы и газеты «Земледелец» «в наших притиссенских селах началось аграрное социалистическое движение, которое быстро распространилось в Береговском, Мезокосоньском и в южной части Мукачевского округов»⁸²). В селах Матюш и Кишгут проведены аресты активных участников движения, но с агитаторами, указывал главный жупан, бороться трудно, так как крестьяне скрывают их и «дают присягу в верности социалистическому движению»⁸³). В качестве мер борьбы с «аграрно-социалистическим» движением главный жупан предлагал создать новые жандармские посты в се-

⁸⁰) «Népszava», 9 августа 1905 года

⁸¹) ГАЗО, ф. 245 (Поджупан Ужанской жупы), 1900 г., д. 783, л. 4 сб

⁸²) Там же, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 31, л. 2.

⁸³) Там же.

лах Великая Ловня, Чорадо, Вари, Гат, Великие Лучки, а также организовать «союз работодателей», который, объединяя хозяев (помещиков и кулаков.— И. К.) для совместных действий против крестьянского движения, оказал бы властям серьезную помощь. В сентябре 1897 года во многих жупах восточной Венгрии (Сабольч, Сатмар, Земплин, Шариш), а также в закарпатских жупах Унг и Берег крестьяне пытались начать раздел помещичьих и казенных земель, но это движение также было подавлено войсками⁸⁴).

В 1898 году начальник Ужгородского округа доносил, что социалистическое движение среди крестьян еще не проявляется. Однако им уже приняты «предупредительные» меры (даны соответствующие указания жандармерии, а также предложено всем нотариам, их помощникам, помещикам, священникам и учителям следить за проявлениями этого движения, выявлять агитаторов и немедленно доносить начальнику округа). «Если удастся не допустить проникновения социалистических агитаторов и литературы, то нам социализм не страшен», — бахвалился начальник округа⁸⁵). Однако несколькими строками ниже он писал: «Чтобы иметь полную гарантию, что социалистическое движение не распространится на территорию округа», необходимо создать новые жандармские посты в селах Киш-Гейевцы и Без и провести телеграфную или телефонную линию, соединяющую Ужгород с Средним. В донесении начальника Мукачевского округа за тот же год указывалось, что в селе Форноше началось социалистическое движение «мирного направления». Объединившиеся крестьяне стремятся получить законным путем лес, отобранный у них магистратом города Мукачева, и создать профессиональный союз сельскохозяйственных рабочих, который ставит узкие цели защиты их материальных интересов, но «не преследует цели конфискации чужого имущества или нарушения безопасности граждан»⁸⁶). Несмотря на «мирное направление» движения, организаторы его крестьяне Ш. Кукри, И. Дарче и др., как доносил начальник округа, были арестованы и предупреждены о том, что они будут строго наказаны за «антигосударственную» деятельность, после чего крестьяне дали обещание прекратить выступление и отговорить от участия в социалистическом движении и других. «Я приму все меры к тому, заключал свое донесение начальник округа, чтобы подобные движения были подавлены в самом зародыше»⁸⁷).

⁸⁴) Указ соч А Magyar Munkásmozgalom, 2 к., стр 256—274

⁸⁵) ГАЗО, ф 4, 1898 г., д 329, л 3

⁸⁶) Там же, ф 262 (Главный жупан Бережской жупы), 1898 г., д 2903, л 1 об

⁸⁷) Там же

Как можно судить по архивным данным, к 1898 году движение «аграрного социализма» приняло в некоторых округах довольно широкие размеры. Так, начальник Капушанского округа (Ужгородская жупа) доносил, что «весь округ заражен социалистическим направлением». Движение из села Загонь распространилось в селах Ашвань, Чоп, Шаломон. Крестьяне читают газету «Земледелец», которая «подстрекает народ против помещиков, попов и ростовщиков». Мало того, крестьяне этих сел обсуждают такие вопросы, как снижение размеров налогов, повышение заработной платы рабочих и «раздел помещичьих земель между крестьянами», ибо, по словам крестьян, они, «кроме государственных налогов, платят священнику, содержат учителя и т. д., а сами не имеют земли, чтобы можно было существовать». Как заявил крестьянин села Сенна Янош Андорко, «народ ждет золотой грамоты, тогда все будет по-другому»⁸⁸). Несмотря на строгое предупреждение, продолжал начальник округа, социалистическое движение «угрожающе распространяется», а выявить и арестовать агитаторов и организаторов невозможно, так как крестьяне ничего не хотят сказать властям, ибо «видят в каждом чиновнике своего врага»⁸⁹). Социалистическую пропаганду в селах этого округа вели ремесленник местечка Копош И. Сиранко, крестьянин С. Сабо (село Балигаза); в селе Шаломон крестьянин М. Демеш дважды собирал нелегальные собрания крестьян. Так же, как обычно поступали представители местных властей перед лицом развертывающегося революционного движения трудящихся, поступил и начальник Капушанского округа; он, ссылаясь на то, что «в ближайшее время можно ожидать массовых выступлений крестьян», просил усилить существующие жандармские посты и открыть новые в селах Палин и Доброрусская⁹⁰).

Все приведенные нами данные свидетельствуют о том, что крестьянское движение в конце XIX столетия, несмотря на свою ограниченность, обусловленную исторически, приобрело все больший размах. Священник села Стужица А. Саксун в своем письме главному жупану Ужгородского комитета писал в 1898 году: «Хотя народ наш религиозный и несознательный, но в сердце его живет самый упорный дух социализма»⁹¹). В этом признании есть доля истины. Действительно, в тяжелых условиях колониального и духовного порабощения трудящихся Закарпатья, подавлявшего их классовое самосознание, массы крестьянства стихийно тянулись к со-

⁸⁸) ГАЗО, ф. 4, 1898 г. д. 329, л. 10

⁸⁹) Там же, л. 11.

⁹⁰) Там же, л. 12

⁹¹) Там же, л. 21.

циализму, так как идеи социализма отвечали насущным чаяниям эксплуатируемых и угнетенных тружеников деревни.

**
*

Массовые выступления сельскохозяйственных рабочих в Венгрии, сопровождавшиеся нередко кровопролитиями и расстрелами забастовщиков, вызвали огромное беспокойство правящих кругов. В этих условиях правительство разработало целую систему мероприятий борьбы с распространением социалистической пропаганды среди деревенского пролетариата и срыва забастовок. Законом 1894 года (статья XII) в Венгрии была организована специальная полевая жандармерия для предупреждения и ликвидации движения сельскохозяйственных рабочих, которой руководил министерский чиновник Э. Кристинкевич. В 1897 году посты полевой жандармерии были созданы и в закарпатских жупах⁹²⁾. В это же время были введены трудовые книжки для рабочих. Большое место в планах правительства занимала борьба против социалистической агитации в деревне. Так, в циркуляре министра земледелия (от 9 августа 1897 года, № 5377) говорилось, что хотя правительству и удалось сломить забастовку сельскохозяйственных рабочих летом 1897 года, но социалистические агитаторы готовят новые выступления рабочих. Министр предписывал жупанам комитатов принять все меры к пресечению деятельности агитаторов⁹³⁾. В 1898 году были введены цензурные ограничения для рабочей печати и издан закон, запрещающий под страхом тюремного заключения проведение забастовок.

Придерживаясь политики «кнута и пряника», венгерское правительство, наряду с карательными мерами, стало осуществлять и ряд мероприятий, направленных к растлению классового сознания сельскохозяйственных рабочих и полному подчинению их влиянию господствующих классов и церкви. Это была тонкая, хорошо продуманная классовая политика «громоотвода» реакционных правителей Венгрии, преследующая цель удушения рабочего движения, но прикрываемая лживыми фразами об «отеческой заботе», «христианской справедливости» по отношению к «труженикам земли». Ряд циркуляров министерства земледелия⁹⁴⁾ дает возможность составить представление о методах и способах, которыми господствующие классы Венгрии надеялись навсегда покончить с революционным движением деревенской бедноты и

⁹²⁾ ГАЗО, ф 262, 1898 г., д 304, л 2

⁹³⁾ Там же

⁹⁴⁾ №№ 5031, 5376, 9260 за 1897 год, №№ 10075, 10815 за 1898 год; № 6878 за 1899 год и др.

батраков и сделать их «довольными» рабами помещиков. В этом плане министерство земледелия предлагало местным властям осуществить следующие мероприятия: 1) организовать в деревнях кассы взаимопомощи сельскохозяйственных рабочих, руководящий состав которых должен состоять из самих рабочих⁹⁵), создать «бюро по приисканию работы батракам и поденщикам». В 1900 году в Венгрии такие кассы взаимопомощи существовали в 53 комитатах и выдали 262 тысячи крон пособий; бюро по найму рабочих были созданы в 59 комитатах⁹⁶). Нечего доказывать, что это была вынужденная, классовая филантропия, рассчитанная на то, чтобы показной заботой об интересах рабочих парализовать их волю к борьбе за ликвидацию режима эксплуатации и несправия; 2) вовлечь рабочих в сельские кредитные товарищества, чтобы этим, как говорилось в циркуляре министерства, «устранить различия между рабочими, с одной стороны, интеллигенцией и господами, — с другой стороны»⁹⁷); 3) в случае временной потери трудоспособности рабочим в результате несчастного случая, происшедшего во время работы, местные власти должны оказать пострадавшему и его семье материальную помощь из сельского фонда вспомоществования бедным. Такого рода «забота» о рабочих окажет, как говорилось в циркуляре, большое влияние на рабочих всего округа и вызовет «симпатии и доверие рабочих к правительству»⁹⁸); 4) для ослабления социалистической агитации необходимо принять меры к тому, чтобы рабочие видели в лице местных властей своих «защитников». Министр предлагал поэтому немедленно разрешать все жалобы рабочих, интересоваться жилищными условиями, питанием, отдыхом и обязательно на глазах их добиваться устранения недостатков. «Это будет, говорилось в циркуляре, содействовать укреплению доверия рабочих к правительству. Представители государственных органов, продолжал министр, должны быть готовы к тому, чтобы дать рабочему необходимый совет, везде и всюду наставлять его и вообще стремиться к сглаживанию классовых различий»⁹⁹); 5) создать в каждом селе библиотеку с бесплатной раздачей книг, чтобы занять рабочих чтением «полезной литературы». Строго следить за тем, чтобы в эти библиотеки не проникала «уличная литература»¹⁰⁰). В 1900 году в Венгрии существовало уже 852 библиотеки «для рабо-

⁹⁵) ГАЗО, ф 4, д. 365, л. 31.

⁹⁶) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 221.

⁹⁷) ГАЗО, ф 4, д. 365, л. 30 об.

⁹⁸) Там же, д. 304, л. 16.

⁹⁹) Там же, лл. 18—19.

¹⁰⁰) Там же, д. 365, л. 31.

чих»¹⁰¹⁾. В частности, с целью растления классового сознания батраков-русинов в 1897 году министерство земледелия начало издавать специальную газету «Народный листок» (Néplap) на «рутенском» языке¹⁰²⁾. Министр предложил жупанам закарпатских комитатов представить ему списки «надежных» сельскохозяйственных рабочих по 50 человек из каждого комитата, которым будет бесплатно рассылаться эта газетка с целью более широкого распространения среди рабочих «идей правительства»¹⁰³⁾; 6) в целях противодействия социалистической агитации привлечь к работе среди батраков священников, учителей, врачей и служащих. Регулярно представлять министру списки лиц, «отличившихся» на этом поприще, для награждения их денежными премиями и специальными грамотами¹⁰⁴⁾; 7) установить выдачу денежных премий и ввести награждение медалями рабочих за «беспророчную и длительную службу». В 1900 году 425 рабочих получили денежные награды, а 139 рабочим были выданы медали за 40-летнюю службу на одном месте¹⁰⁵⁾.

Кроме того, министр предлагал местным властям возобновить празднование «дня урожая» с бесплатным угощением рабочих, танцами и другими развлечениями, а также использовать опыт «заграничных работодателей», которые путем поощрений удерживают рабочих от социалистической пропаганды и направляют их внимание на «спокойную работу», воспитывая рабочих в духе «примирения, любви и уважения к хозяевам». Одним из таких способов «поощрения» рабочих являлся подкуп отдельных, наименее устойчивых рабочих, которые становились прихвостнями хозяев и соглядатаями, доносившими о поведении и настроениях рабочих с тем, чтобы противодействовать их сплочению и совместным организованным выступлениям. Один из униягских священников, обобщая свой опыт в этом отношении, писал: «Не нужно при работниках сторожем стоять, но довольно ежедневно, и то в неожиданную пору, посмотреть раз, верному слуге надзор поверить иль одного либо и двух прилежнейших работников пачкою иль парами крейцеров подхлебить»; надо действовать, писал этот поп-мирод, «больше разумом, как руками...»¹⁰⁶⁾.

Осуществление всех этих мероприятий, указывал в своем циркуляре министр земледелия, потребует от властей много энергии и налагает на них, интеллигенцию и работодателей, новые обязанности и заботы, но, заключал министр, «спокой-

¹⁰¹⁾ АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 221

¹⁰²⁾ ГАЗО, ф. 4, д. 324, л. 1

¹⁰³⁾ Там же, д. 324, л. 56

¹⁰⁴⁾ Там же, л. 9

¹⁰⁵⁾ АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 221

¹⁰⁶⁾ «Свет», № 16, 27 апреля (9 мая) 1869 года

ствии государства требует приложить все усилия для отвращения рабочих от социализма»¹⁰⁷). Один из представителей венгерского правительства, оценивая политическую обстановку в стране в конце 1898 года и отмечая спад «аграрно-социалистического» движения, приписывал это исключительно таким «государственным мерам», оказавшим, мол, «прекрасное действие», как введение «рабочего устава», формирование рабочих резервов и выдача наград «добросовестным рабочим»¹⁰⁸). Но он умолчал о самой главной «государственной мере» — о кровавом подавлении народного движения войсками, что и дало возможность правительству на некоторое время ослабить революционное движение в деревне. Русский реакционный автор Крюков, восхищенный системой мероприятий венгерского правительства, направленных к устранению «раздоров», угрожавших «благополучию всей страны», писал: «Благодаря всему этому рабочий вопрос в Венгрии потерял остроту, которую он принял одно время; рабочие чувствуют, как благодетельно на них отзываются заботы и хлопоты правительства и стали менее восприимчивы к химерам и фантазиям, пропагандируемым социалистами»¹⁰⁹). Однако жизнь показала, что надежды реакции на то, что ей удастся системой своих «благодетельных» мероприятий разложить ряды рабочих, а системой террора подавить революционное движение пролетариата, не оправдались. Революционное движение венгерского пролетариата в начале XX столетия, под влиянием первой русской революции, развернулось с особой силой, преодолевая все препятствия, созданные как правительством капиталистов и помещиков, так и их замаскированными прислужниками—оппортунистическими лидерами венгерской социал-демократии.

**
*:

Несмотря на сравнительную многочисленность и тяжелые условия труда и жизни сельскохозяйственных рабочих в Закарпатье, массовых и организованных выступлений батраков и поденщиков во второй половине XIX столетия не происходило. Это объяснялось рядом причин (неорганизованность рабочих, сильное влияние духовенства, распространение системы «привязывания» рабочих к поместьям путем предоставления им клочков земли, полицейский террор и т. п.), но прежде всего отсутствием руководства со стороны рабочего класса Венгрии, который только и был способен сплотить, организовать и повести на борьбу эту огромную массу дере-

¹⁰⁷) ГАЗО, ф. 4, д. 365, л. 32.

¹⁰⁸) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 54.

¹⁰⁹) Указ соч. Н. А. Крюков, т. II, ч. II, стр. 349.

венского пролетариата, придавленного гнетом остатков средневековья, террором и насилием. Сельский пролетариат без руководства рабочего класса и его революционной марксистской партии не мог выйти из положения «забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу»¹¹⁰⁾.

В Закарпатье выступления сельскохозяйственных рабочих во второй половине XIX столетия сводились главным образом к локальным забастовкам небольших групп рабочих на почве недовольства низкой заработной платой, плохим питанием, обсчетами и штрафами. Чаще всего рабочие выражали свой протест против эксплуатации и произвола хозяев в пассивной форме — путем подачи жалоб в местные и центральные органы власти.

Вот некоторые примеры, характеризующие движение сельскохозяйственных рабочих в Закарпатье. Русинские и словацкие батраки ряда сел (Гиральтовце, Ференцвагаш, Лучка, Кукова, Павловце, Лужанка и др.) Шаршского комитета в 1862 году подали жалобу императору с просьбой освободить их от кабальной работы на помещиков, от которых они получили в виде натуральной оплаты их труда хибарки и небольшие клочки земли. Прибывшая на место жупная комиссия стала на сторону помещиков. Это вызвало возмущение батраков, которые произносили по адресу чиновников «непристойные и запальчивые» слова. Комиссия предпочла «во избежание беды» возвратиться в Прешов. Позднее, как говорилось в донесении жупного управления, это движение батраков было ликвидировано без применения вооруженной силы¹¹¹⁾. В 1898 году группа сельскохозяйственных рабочих села Лекарт, возглавляемая Я. Сирмаем, обратилась с жалобой к главному жупану Ужгородского комитета и к министру земледелия на то, что приказчик помещика Шаги при содействии жандармов изгнал их из имения и не выдал заработанного ими зерна¹¹²⁾.

В конце XIX—начале XX столетия под влиянием «аграрно-социалистического» движения в Венгрии стали возникать профессиональные союзы сельскохозяйственных рабочих в Закарпатье¹¹³⁾ и были организованы первые забастовки. В феврале 1899 года забастовали сельскохозяйственные рабочие в

¹¹⁰⁾ В И Ленин, Соч., т. 1, стр. 273

¹¹¹⁾ Указ. соч. Й Перени, стр. 35—36.

¹¹²⁾ ГАЗО, ф. 4, д. 342, л. 7.

¹¹³⁾ Об усилении организованности сельскохозяйственных рабочих в Закарпатье свидетельствует и тот факт, что в 1908 году на общевенгерском конгрессе сельскохозяйственных рабочих в Будапеште участвовал представитель Бережского комитета Ференц Шимон (см. *A Magyarországi szocialisztikus munkásmozgalomnak az 1908 évben*, стр. 566) (приводится по указ. соч. П. Гапак, стр. 68)

селах Загонь и Шаломон, требовавшие повышения заработной платы. Как доносил начальник Капушанского округа, выступления рабочих, подстрекаемых социалистическими агитаторами из Будапешта, были «в корне пресечены» силами жандармерии¹¹⁴). Эта забастовка, как видно, не носила массового и боевого характера, так как через два месяца (28 апреля 1899 года) на запрос министерства внутренних дел, необходимо ли в Ужгородской жупе принять «чрезвычайные меры» на время уборки урожая для подавления движения сельскохозяйственных рабочих, главный жупан комитата отвечал отрицательно. На запросы министра земледелия, относящиеся к 1895—1900 годам, обеспечены ли помещицы хозяйства рабочими руками на время уборки урожая и можно ли ожидать забастовок сельскохозяйственных рабочих, жупаны комитатов отвечали, что в закарпатских жупах ощущается не недостаток, а излишек рабочей силы, состоящей из батраков-русинов, в ряды которых «язва социалистической пропаганды» еще не проникла¹¹⁵).

Как сообщал начальник Береговского округа в конце 1900 года, под влиянием агитаторов, прибывших из Сабольчской жупы, в ряде сел округа были проведены массовые митинги и собрания сельскохозяйственных рабочих, на которых выдвигались требования повышения заработной платы и улучшения условий труда. Рабочие приняли устав профессионального союза. Вместе с тем в донесении указывалось, что во время собраний и митингов, проходивших в присутствии окружного начальника, «порядок не был нарушен»¹¹⁶), а в отчете административной комиссии Бережской жупы за 1900 год подчеркивалось, что среди сельскохозяйственных рабочих не наблюдается «склонности к забастовкам»¹¹⁷).

**
*

Если сельскохозяйственные рабочие вообще представляли собой наиболее отсталую, распыленную и неорганизованную часть пролетариата, то в Закарпатье все эти черты, присущие сельскохозяйственным рабочим и обусловленные исторически, проявлялись особенно резко; они, можно сказать, были возведены в квадрат. Закарпатские батраки и поденщики — это масса голодных, измученных, темных, забитых и эксплуатируемых тружеников, готовых продать свою рабочую силу на любых условиях, чтобы только не умереть с голоду. Их подавляемое вековым угнетением сознание было отравлено.

¹¹⁴) ГАЗО, ф 4, д 365, л 9 об

¹¹⁵) Там же, д 396, л 6, ф 5, д 560, л 29 об

¹¹⁶) Там же, ф. 10, 1900 г., д 2976, л. 3

¹¹⁷) Там же, ф 4, д 365, л 12; ф 262, 1901 г., д. 3046, л. 17.

ядом христианской идеологии, им с малых лет, из поколения в поколение, прививали дух покорности властям предержавшим. Их классовое сознание было затемнено проповедью христианского смирения. Они были отгорожены от всего живого и прогрессивного. Они в массе своей еще не осознали себя как общественную силу, как часть пролетариата—самого передового класса, призванного к великим историческим свершениям. Вот почему господствующим классам Венгрии удалось использовать эту темноту и забитость русинских пауперов в своих классово корыстных целях. Они превратили самую отсталую их часть в штрейкбрехеров. Это стало возможным не только вследствие указанных нами причин, порожденных длительным колониальным угнетением закарпатоукраинских трудящихся, но и вследствие оппортунистической политики лидеров венгерской социал-демократии, препятствовавших развитию классового самосознания пролетариата, установлению союза рабочего класса и крестьянства и разворачиванию революционной борьбы за их освобождение от гнета капитала.

Отсутствие в Венгрии революционной марксистской партии, революционного союза рабочего класса и крестьянства, прочного единства в борьбе за свое освобождение венгерских трудящихся и угнетенных народов, низкое классовое сознание закарпатского крестьянства, не имевшего в этот период своего революционного вождя, — вот главные причины, обусловившие собой возможность превращения небольшой части закарпатских сельскохозяйственных рабочих в штрейкбрехеров. «Для ослабления разорительного влияния стачек во время таких срочных работ, как жатва или весенний сев,— указывал русский автор Крюков,— правительство имеет в своих казенных имениях резерв рабочих, которые могут быть направлены в то или другое место для выполнения срочной работы»¹¹⁸⁾. Некоторую часть этого «резерва» и составляли обманутые закарпатоукраинские крестьяне.

Венгерское правительство принимало все меры к тому, чтобы, используя нужду и голод, темноту и забитость закарпатских сельскохозяйственных рабочих, разложить их духовно, подавить проблески их классового сознания и превратить в слепое орудие своей политики, направленной к удушению революционного движения сельскохозяйственного пролетариата Венгрии. Для достижения этой цели были пущены в ход все средства: подкуп и демагогия, показная «забота» о «бедствующих угроруссах», спаивание их алкогольными напитками, разжигание национальной и религиозной вражды между рабочими, насильственное включение закарпатской

¹¹⁸⁾ Указ соч Н. А. Крюков, стр. 349.

бедноты в списки «резерва», использование влияния духовенства и церкви для одурманивания и деморализации сельскохозяйственных рабочих.

Начиная с 70-х годов XIX столетия в закарпатских округах стали создаваться правительством «рабочие резервы». Как указывалось в циркуляре министра земледелия (от 15 июня 1877 года, № 6320), в Свалявском округе (Бережский комитат) за счет государства с целью срыва забастовок сельскохозяйственных рабочих во время жатвы в венгерских комитатах создан резерв рабочих, из которого могут получать рабочих через жупные управления только те помещики, которые докажут, что забастовки в их имениях произошли не по вине землевладельцев и вмешательство властей не имело успеха¹¹⁹).

В других циркулярах министра земледелия (от 27 мая и 15 июня 1898 года) указывалось, что в целях противодействия забастовочному движению сельскохозяйственных рабочих в венгерских жупах им создан резерв в государственных имениях Мезё-Гедьеш (жупа Чонад), Кишбер (жупа Дьер) и Бабална, а также в Свалявском округе в количестве 1 тысячи человек¹²⁰). До начала жатвы, говорилось в циркуляре, эти рабочие могут быть использованы на строительстве дороги Голубинное—Керецки (Свалявский округ), но в случае забастовки в мадьярских жупах строительные работы должны быть немедленно прекращены и резервные рабочие переброшены в комитаты, охваченные стачками¹²¹).

Рабочие резерва Свалявского округа были сконцентрированы в селе Россоше. Их разместили в специально нанятых для этой цели сараях и обеспечивали через торговый склад продуктами питания и алкоголем (ежедневная норма выдачи водки на одного человека составляла 125 грамм); кроме того, каждый «резервист» получал до начала работы аванс в размере 5 форинтов¹²²). На содержание этого резерва еще до страдной поры министерство земледелия израсходовало 17 тысяч форинтов¹²³) и за 23 дня выдало 2600 литров водки¹²⁴).

Министр земледелия Дараньи секретным циркуляром (1899 год) предписывал главным жупанам комитатов обратить внимание на «организацию посредничества в найме рабочих для вывоза в центральные венгерские области», т. е. на вербовку штрейкбрехеров, подчеркивая, что это мероприя-

¹¹⁹) ГАЗО, ф. 4, д. 3, л. 7 об; ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 37, л. 15.

¹²⁰) Там же, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 37, л. 14.

¹²¹) Там же, ф. 4, д. 324, лл. 29, 35.

¹²²) Там же, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 37, лл. 4—7.

¹²³) Там же, л. 12.

¹²⁴) Там же, лл. 12, 18.

тие имеет «государственное значение как с точки зрения экономической, политической, так и полицейской»¹²⁵). Для вербовки рабочих министр предлагал создать целую сеть агентов: назначить главного уполномоченного в каждой закарпатской жупе и уполномоченных в городах, местечках и селах. Сельские и городские уполномоченные подчинялись окружным начальникам и получали «вознаграждение» от 50 до 300 крон в год, а за «хорошую» работу — денежные премии, установленные министерством. Уполномоченными по вербовке штрейкбрехеров в закарпатских жупах являлись торговцы, спекулянты и всякого рода проходимцы (в Бережской жупе — Штенцель, в Ужгородской — Бруйман, в Угочской — Готесман, в Марамарошской — Бодзей). В каждом округе было назначено от 10 до 20 сельских уполномоченных, в роли которых выступали главным образом нотари, старосты, священники¹²⁶).

В 1899 году министерство земледелия установило порядок использования штрейкбрехеров на работах в помещичьих хозяйствах и условия их найма. Рабочие «резерва», говорилось в циркуляре министерства, доставляются к месту работы за счет помещиков, давших заявку на рабочих. Каждый помещик мог получить до 20 рабочих. Ответственность за организацию перевозок штрейкбрехеров по железной дороге возлагалась на главного жупана Бережского комитета, который должен был обеспечить сопровождение их полицией и жандармерией, так как во многих местах, как сообщала газета «Наука», приходилось защищать штрейкбрехеров от забастовщиков¹²⁷). Если помещик откажется принять выделенных ему рабочих, говорилось в инструкции министерства, то он должен покрыть стоимость перевозки рабочих и уплатить им 3—5-недельную заработную плату¹²⁸).

Нормы питания штрейкбрехеров устанавливались в таких размерах: на каждого двух человек в день по 1 кг пшеничной, ржаной и ячменной муки, 0,24 кг стручковых или 2,4 кг картофеля, 0,06 кг соли, 3,5 кроны деньгами вместо жиров, 1,12 кг мяса еженедельно. Кроме того, каждый косарь получал ежедневно 0,3, а вязальщик 0,2 литра водки. «Вознаграждение» рабочим «резерва» выплачивалось со дня выезда из села и по день возвращения по месту жительства из расчета средней оплаты, установленной для них министерством: косари — от 80 до 120 крейцеров, вязальщики — от 50 до 80 крейцеров в день¹²⁹). В воскресные дни они получали

¹²⁵) ГАЗО, ф 245, 1900 г., л 791, лл 9—10.

¹²⁶) Там же, лл. 19—21, 24—33.

¹²⁷) «Наука», 26 июля 1906 года.

¹²⁸) ГАЗО, ф 772, сп 1, 1898 г., д. 37, л. 15 об.

¹²⁹) Там же, ф. 4, д. 365, лл. 21, 22, 23, 23 об.

бесплатное питание. Министерство предписывало окружным начальникам строго следить за тем, чтобы к «резервистам» наниматели относились «по-человечески и справедливо»¹³⁰).

Несомненно, что сравнительно высокие ставки «вознаграждения», хорошее питание и выдача водки действовали разлагающе на завербованных крестьян и давали возможность правительству, применяя меры насилия, срывать забастовки сельскохозяйственных рабочих в венгерских областях. Но «зарботки» рабочих «резерва» не были такими «блестящими», как это заявляли представители министерства земледелия. Не говоря о том, что работа на этих выгодных условиях продолжалась 2—3 недели, обычно заработной платы рабочие-русины на руки не получали; их «вознаграждение» администрация казенных имений, к которым они были приписаны, отправляла священникам по месту жительства завербованных крестьян. Из этих сумм удерживались арендная плата за землю, государственные, сельские и церковные налоги и долги ростовщикам. В результате нередко, как указывал представитель казенного имения в Мезё-Гедьеш Вайнцердорфер, «многие рабочие не получали на руки ни одного филлера»¹³¹).

18 мая 1904 года министерство земледелия разослало главным жупанам комитатов секретный циркуляр, в котором указывалось: в этом году ожидается забастовка сельскохозяйственных рабочих таких масштабов, что имеющийся 5-тысячный «резерв» рабочих будет недостаточным. Поэтому министр предлагал начать в тайне срочную вербовку здоровых рабочих со своими косами в количестве 4 тысяч человек. Из 5 тысяч уже «законтрактрованных» рабочих 3 тысячи будут направлены в Мезё-Гедьеш и по 1 тысяче в Кишбер и Бабално. Косарям из числа 5 тысяч устанавливалось «вознаграждение» от 1,6 до 2,4 кроны с питанием, а в исключительных случаях разрешалось выплачивать 3 кроны в день. В нерабочие дни штрейкбрехеры получали половину этих ставок¹³²). Дополнительный «резерв» в количестве 4 тысяч предписывалось содержать на месте вербовки до особого распоряжения. Каждому завербованному выдавался аванс с условием, что если он не будет использован на работе, то аванс не возвращается.

Экспозитура горных районов развернула в закарпатских жупах широкую деятельность по вербовке рабочих¹³³). Как сообщал уполномоченный экспозитуры по Ужгородской жу-

¹³⁰) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 37, л. 17.

¹³¹) Там же, оп. I, 1900 г., д. 141, л. 41.

¹³²) Там же, оп. I, 1904 г., д. 625, лл. 10—30.

¹³³) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1904 г., лл. 20—21

пе Н. Рохлицы, им завербовано на ужанской верховине 620 косарей, из которых 289 человек были направлены в Бабално и 321 в Мезё-Гедьеш (за две недели в Мезё-Гедьеше они получили «вознаграждения» 9 тысяч крон)¹³⁴), в селе Фекете-Ардо было завербовано 150, в селе Малая Копаня — 25 человек и т. д. В июне 1904 года под охраной жандармерии были отправлены в венгерские области 3 эшелона рабочих¹³⁵). Ежегодно вплоть до первой мировой войны министерство земледелия, применяя подкуп, обман и насилие, создавало «резерв» рабочих в закарпатских жупах. В 1905 году в составе «резерва» состояло 5133 человека (из Бережской и Угочской жуп — 1176, из Марамарошской жупы — 3987 человек), направленных на работу в Мезё-Гедьеш и в комитаты Шариш, Чонад и Арад¹³⁶). Летом 1906 года специальным поездом в комитат Бекеш было отправлено 400 рабочих, причем, как сообщала газета «Népszava» (от 3 июля 1906 года), на каждой станции власти должны были для охраны эшелона выставлять сильную стражу. В 1909 году в «резерве» числилось 6143 человека, использованных в течение 3—5 недель на работах в помещичьих имениях комитатов Чонград, Бекеш, Чонад и др.¹³⁷). В 1911 году было завербовано 4528 человек, получивших «вознаграждение» за время жатвы в сумме 159809 крон¹³⁸).

Надежным помощником и соучастником правительственных органов в растлении сознания закарпатских сельскохозяйственных рабочих являлось униатское духовенство, настолько сросшееся с государственным аппаратом, что на деле трудно было провести грань между деятельностью священника, как представителя церкви, и деятельностью его, как функционера экспозитуры горных районов. Униатские священники выступали вербовщиками своих прихожан в состав «резерва», они получали и распределяли среди штрейкбрехеров ассигнованные правительством средства, сопровождали штрейкбрехеров в поездах и осуществляли полицейские функции слежки за рабочими на месте их работы. Экспозитура горных районов обращалась к униатским священникам по всем вопросам, связанным с организацией штрейкбрехерства, даже чаще, чем к окружным и сельским властям; она отдавала им распоряжения как своим чиновникам, которыми они на деле и являлись.

¹³⁴) Там же, л. 2.

¹³⁵) Там же, лл. 24—36.

¹³⁶) Там же, оп. I, 1906 г., д. 720, л. 57, газета «Munkács», 14 мая 1905 года

¹³⁷) ГАЗО, ф. 245, 1909 г., д. 791, л. 179; Akciók, стр. 136.

¹³⁸) ГАЗО, ф. 772, оп. III, 1912 г., д. 12, л. 92.

Вот некоторые примеры, раскрывающие омерзительную роль униатского духовенства как прямого пособника органов государственной власти в деле одурманивания и разложения классового сознания трудящихся. В 1900 году правительственный комиссар Э. Эган направил письменные распоряжения священникам закарпатских жуп, в которых предлагал им провести вербовку крестьян в состав «резерва» для отправки в Мезё-Гедьеш. Только по Бережской жупе такие распоряжения были отданы 15 священникам (П. Рудкой из села Латорка, Е. Горзо из села Верхняя Бистра, Я. Худани из села Пузняковице и др.)¹³⁹⁾. В другом распоряжении экспозитура потребовала от священников В. Добро (село Нодь-Модьорош), Я. Галатковича (село Загатье), Ш. Изай (село Чинадиево) и др. подготовить повозки для доставки со станции железной дороги в свои села возвратившихся после жатвы штрейкбрехеров с «заработанным» ими зерном¹⁴⁰⁾. Крестьяне сел Колодное и Полянка уполномочили своего священника И. Петрушевича вести переговоры с экспозитурой об условиях найма на работу в помещичьих имениях Алфёльда¹⁴¹⁾.

Униатские священники не только производили вербовку штрейкбрехеров¹⁴²⁾, но и выступали как их «духовные пастыри» в пути следования и на месте работы. Специальным распоряжением министра земледелия Дараньи (от 24 мая 1900 года) к каждой группе рабочих из закарпатского «резерва» в количестве 300—400 человек прикреплялся на все время работы для удовлетворения их «духовных потребностей» один священник, получавший за свои «труды» ежедневно 5 форинтов на полном казенном содержании¹⁴³⁾. Мукачевский греко-католический епископ Ю. Фирцак в специальном послании выразил благодарность руководителю экспозитуры Кази за «предоставление работы бедствующим угрорусским верникам» и в целях содействия «христианскому» делу по созданию «резерва» освободил завербованных батраков и поденщиков на время работы от воскресного отдыха и празднования многих религиозных праздников¹⁴⁴⁾.

Несмотря на тяжелую нужду, хронический голод, заставлявшие закарпатского крестьянина паниковать в казенные

¹³⁹⁾ ГАЗО, ф. 772, оп. 1, 1900 г., д. 141, л. 40.

¹⁴⁰⁾ Там же, лл. 15—35.

¹⁴¹⁾ Там же, л. 37. С целью противопоставления рабочих одной национальности другой, по предписанию министерства земледелия в 1899 году, 380 словаков в казенных имениях были заменены русинами (ГАЗО, ф. 772, оп. 1, д. 79, лл. 11—17).

¹⁴²⁾ ГАЗО, ф. 772, оп. 1, д. 79, лл. 4—60.

¹⁴³⁾ Там же, л. 36.

¹⁴⁴⁾ Там же, оп. 1, 1904 г., д. 625, лл. 30—36, 1899 г., д. 62, лл. 11—33.

имения Венгрии¹⁴⁵⁾, все же многие представители закарпатской бедноты, осознав в какой-то мере реакционную роль штрейкбрехерства, антинародную сущность этого «рабочего резерва», решительно отказывались вербоваться даже на таких выгодных условиях. Так, представитель казенного имения в Мезё-Гедьеш Л. Селмони, руководивший вербовкой рабочих в Бережской жупе, доносил в конце 1900 года, что в селах Нижне-Верецки, Загатье и других крестьяне отказывались заключать договоры о найме на работу, несмотря на угрозы и избиение крестьян представителем экспозитуры Й. Брокеша. Последний, как сообщал представитель казенного имения, заявил, что в случае несогласия крестьян добровольно подписать договор, «их отведут на работу жандармы», а некоторых упорствующих крестьян Брокеша «ударил по лицу»¹⁴⁶⁾. В селе Нодь-Модьорош крестьяне также отказались заключить договор с вербовщиком экспозитуры и только после длительных уговоров священнику В. Добро удалось, как выражался Селмони, своим «красноречием» завербовать 20 человек¹⁴⁷⁾.

Священник Е. Горзо, находившийся с группой закарпатских рабочих в имении Мезё-Гедьеш, доносил экспозитуре, что среди рабочих-русинов появились агитаторы, под влиянием которых они собираются бросить работу, несмотря на высокую заработную плату, и возвратиться домой. Особенно широко дух «строптивости» распространился среди чинадиевских крестьян. «Я,— сообщал священник,— по мере своих сил уговариваю их и объясняю им, что своим недостойным поведением они налагают пятно на весь угрорусский народ и на честь русинского рабочего»¹⁴⁸⁾. В этих словах выражена гнусная мораль униатских церковников, выступавших в качестве откровенных прислужников господствующих классов, «духовных жандармов». Надо рассматривать также, по нашему мнению, и многочисленные случаи манкирования работой насильно завербованных в «резерв» закарпатских крестьян¹⁴⁹⁾ как протест против использования их в качестве штрейкбрехеров.

3. БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ПРОТИВ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЕСПРАВИЯ, НАЦИОНАЛЬНОГО УГНЕТЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНЫХ ПРИТЕСНЕНИИ

Рабочий класс и трудящееся крестьянство Австрии и Венгрии, как и массы угнетенных народов, после подавления ре-

¹⁴⁵⁾ ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1900 г., д. 141, л. 37

¹⁴⁶⁾ Там же, л. 40.

¹⁴⁷⁾ Там же.

¹⁴⁸⁾ Там же, лл. 10—30.

¹⁴⁹⁾ Там же, лл. 43—44.

волюции 1848—1849 годов продолжали оставаться политически бесправными. Мартовская конституция 1849 года, отменившая основной закон Венгрии* и провозгласившая «равенство» всех национальностей на землях короны «св. Стефана» в общественной и частной жизни, не изменила угнетенного положения немадьярских народов, ибо это было «равенство» в пределах существующего неравенства, которое в сущности не означало ничего, кроме того, что «неравенство называется равенством»¹⁵⁰). Мнимоконституционный политический режим монархии Габсбургов, отличавшийся чрезвычайной реакционностью, являлся государственной формой диктатуры дворянства и крупной буржуазии, диктатуры, призванной увековечить господство этих классов над массами трудящихся. Один из прогрессивных венгерских публицистов, характеризуя социально-политическую обстановку в Австро-Венгрии после установления дуализма, писал, что это была эпоха политического ничтожества, подкупности, служебного карьеризма, торгашества политикой, произвола крупных дельцов, «беззастенчиво торгующих совестью и законами.»

Ф. Энгельс, говоря о положении рабочего класса в лоскутной монархии Габсбургов, указывал, что здесь рабочему классу приходится бороться с величайшими трудностями. Политическая свобода, поскольку дело касается печати, собраний и союзов, сведена к самому низкому уровню. Свод законов, отличающийся неслыханной растяжимостью, позволяет правительству добиваться осуждения даже в случаях самого робкого проявления требований и интересов рабочего класса «И, тем не менее,— заключал Ф. Энгельс,— движение здесь, как и везде, неудержимо развивается»¹⁵¹). К такому же низкому уровню были сведены и «политические свободы», которыми пользовалось крестьянство.

Избирательная система в Австрии и Венгрии отличалась своим резко выраженным антидемократическим характером. Социально-политическая сущность ее определялась тем, что эта система полностью устраняла какое бы то ни было участие трудящихся в политической жизни и закрепляла монополию господствующих, эксплуататорских классов в представительных учреждениях¹⁵²). В Венгрии до 1848 года пра-

¹⁵⁰) К Маркс и Ф Энгельс, Соч, т. V, стр. 20.

¹⁵¹) Там же, т. XV, стр. 400

¹⁵²) Под прямым воздействием первой русской революции в Австро-Венгрии усиливается революционное движение рабочего класса и крестьянства, проходившее под лозунгами борьбы за всеобщее избирательное право. События 9 января 1905 года и всеобщая Октябрьская стачка в России сыграли решающую роль в победе всеобщего избирательного права в Австрии. Но и это «всеобщее» избирательное право, введенное в начале 1907 года, на деле не являлось всеобщим и демократическим. По принятому закону оставалась цензовая система выборов, лишавшая огромные

во участия в сейме принадлежало исключительно классу дворянства. Сейм являлся политическим органом, выражавшим волю 200 тысяч дворян, и, прежде всего, интересы крупнейших светских и духовных феодальных магнатов. Принятая в 1848 году, под давлением революционных народных масс, новая конституция Венгрии несколько расширила круг лиц, получивших избирательное право, главным образом за счет городской и деревенской буржуазии. Правом участия в выборах в венгерский парламент пользовались: 1) владельцы недвижимой собственности, заключающейся в городских округах в строениях и земле, оцененных не менее чем в 300 форинтов, и в сельских местностях — лица, владевшие землей в размере не менее четверти «sessio» (8—10 кадастровых хольдов); 2) промышленники, купцы, владельцы мастерских, магазинов, складов и т. д., имеющие наемную рабочую силу; 3) все лица, получающие от личной собственности доход в размере не менее 160 форинтов в год; 4) духовенство, лица умственного труда — безотносительно к размерам доходов.

Очерченный здесь круг избирателей оставался без изменения на всем протяжении существования Австро-Венгрии. По избирательному закону 1874 года правом участия в выборах пользовались представители имущих классов, имевшие доход не менее 105 форинтов и уплачивающие прямой налог в размере 10 форинтов в год. Для лиц наемного труда этот ценз увеличивался в три раза. Причем имущественный ценз для избирателей произвольно повышался властями в «неблагонадежных» областях, населенных главным образом национальными меньшинствами. Закон предоставлял избирательное право гражданам, достигшим 24-летнего возраста и владеющим мадьярским языком. В соответствии с дополнением, внесенным в избирательный закон в 1899 году (статья V), лица, имеющие недоимки по налогам, исключались из списков избирателей. Премьер-министр Венгрии Векерле в письме к императору (ноябрь 1917 года) указывал, что в Венгрии с 1848 года не было реформы избирательного права, а закон 1874 года даже «значительно сузил» закон 1848 года¹⁵³).

массы рабочих и крестьян политических прав, а женщины и военные были вовсе устранены от участия в выборах. «Избирательная арифметика» неизменно обеспечивала выборы в парламенты Австрии и Венгрии представителей правящих классов из числа господствующих наций.

¹⁵³ См указ соч Э Андич, стр 259 В 1906 году под давлением революционного движения рабочего класса венгерское правительство объявило о введении «всеобщего избирательного права», но фактически никаких изменений в избирательной системе Венгрии не произошло ни в 1906, ни в 1913 годах, когда была проведена «реформа» избирательной системы, сохранившая свою антидемократическую сущность. В 1914 году в Венгрии для избирателей был установлен ценз оседлости и грамотности (ГАЗО, ф 4, д. 701, лл 1—5)

Официальная венгерская статистика приводила следующие данные о лицах, пользовавшихся избирательным правом во второй половине XIX столетия¹⁵⁴⁾.

Годы	Количество депутатов	Кличество избирателей (в тысячах)	Количество избирателей на одного депутата	% избирателей ко всему населению	Титул избирательного права		
					дворянское и служебное право	имущественный ценз	свободные профессии
					количество избирателей (в тысячах)		
1879	413	824,6	1997	6,00	101,5	666,4	56,7
1889	413	831,8	2014	5,56	66,5	705,0	60,3
1899	413	871,1	2109	5,25	41,1	762	68,0

Приведенная таблица показывает, что общее число избирателей за эти 20 лет возросло на 46,5 тысячи человек, или на 5,6%, а удельный вес избирателей по отношению к общему числу населения снизился с 6 до 5,25%. Даже такой известный реакционер, как граф Аппони, лидер национальной партии Венгрии, выступая в парламенте в марте 1898 года, должен был признать, что «пресловутое народное представительство», основанное на имущественном цензе, держится только на системе подкупа избирателей. Почему же, спрашивал Аппони, если благосостояние народа, как постоянно заявляет правительство, возрастает, не увеличивается число избирателей? «Одно из двух верно,— заключал он,— или благосостояние населения не возрастает, или избирательство происходит неправильно»¹⁵⁵⁾. В Венгрии этой эпохи никаких «или-или» не существовало; здесь действовали одновременно оба эти фактора: и обнищание народных масс и грубое нарушение даже этой куцой, чрезвычайно ограниченной избирательной системы. Избирательным правом в Венгрии пользовалась только ничтожная часть населения, принадлежащая преимущественно к классу дворян-помещиков, торгово-промышленной и сельской буржуазии. В 1899 году удельный вес избирателей по дворянскому и служебному праву составлял 4,6, по имущественному цензу—87,6% (из которых 70% относились к числу землевладельцев—помещиков, крупных арендаторов и домовладельцев) и представители духовенства, чиновников, интеллигенции составляли 7,8% всех изби-

¹⁵⁴⁾ Mos, II, 1900, стр. 701.

¹⁵⁵⁾ АВПР, ф Канцелярия, 1898 г, д 110, л. 24.

рателей. Массы трудящихся — рабочие и крестьяне были лишены избирательных прав. Венгерский историк Э. Андич, характеризуя избирательную систему в Венгрии этого периода, писала: «Действовавшее в Венгрии избирательное право, охватывавшее около 6% населения, почти не имело подобного в Европе... даже турецкое избирательное право было более широким и демократическим»¹⁵⁶).

В Закарпатье в 1899 году число лиц, пользующихся избирательным правом, составляло только 39,8 тысячи, т. е. несколько более 5% (в Бережской жупе—4,77, а в Угочской—3,56%) и 20% по отношению к мужскому населению старше 24 лет¹⁵⁷). В начале XX столетия число избирателей увеличилось до 49,3 тысячи, или до 6,5% всего населения, и до 30% мужского населения старше 24 лет¹⁵⁸). Таким образом 93,5% всего населения и 70% лиц по возрасту и полу, которые могли бы, обладая имущественным цензом, участвовать в соответствии с конституцией в выборах, были лишены этого права. Избиратели в Закарпатье также в массе своей принадлежали к имущим классам. Это были главным образом помещики, представители городской и деревенской буржуазии, священники, чиновники и незначительная часть верхушки среднего крестьянства и ремесленников. Не говоря уже о том, что подавляющая часть закарпатского крестьянства (безземельные и малоземельные крестьяне составляли 80% всех крестьян) не обладала установленным имущественным цензом, но большинство даже тех крестьян, которые по размерам принадлежащего им участка земли получали избирательное право, не могли этим правом воспользоваться, так как закон запрещал включать в списки избирателей лиц, имеющих задолженность по налогам, а эта задолженность, как мы указывали выше, в несколько раз превосходила сумму нового государственного налога, ложившегося на крестьян.

Дискриминационная политика венгерского правительства по отношению к немадьярским народам выражалась, в частности, в уменьшении числа округов, а значит, и числа депутатов, избираемых ими в парламент. Если в среднем по Венгрии в 1899 году один депутат избирался от 2100 избирателей, то в Закарпатье — от 2500 избирателей (вместо 20 депутатов избиратели Закарпатья могли послать в парламент только 16); в 1900 году один депутат избирался в Закарпатье от 3100 избирателей¹⁵⁹).

¹⁵⁶) Указ соч Э Андич, стр. 259.

¹⁵⁷) Mos, II, 1900, стр. 702.

¹⁵⁸) Kjsé, 1901, стр. 730

¹⁵⁹) Там же

Распределение избирательных округов в Венгрии преследовало эту же цель — увеличение числа избирателей, приходившихся на один округ, в немадьярских областях¹⁶⁰). Не случайно более половины избирательных округов в Венгрии насчитывало от 2 до 7 тысяч избирателей, в то время как в некоторых мелких венгерских городах, выделенных в отдельные избирательные округа, насчитывалось только 100—400 избирателей. Эта система «гнилых местечек» давала возможность правительству обеспечивать избрание в депутаты своих кандидатов из числа венгерских помещиков и буржуазии¹⁶¹). Так, 7 небольших венгерских городов с числом изби-

¹⁶⁰) По этому поводу один из словацких авторов писал: «..Количество определенных для каждой столицы народных представителей не соответствует количеству их населения» Так, в славянских жупах Оравской (на 40 тысяч населения), Нитрянской (на 38 тысяч населения), Липтовской (на 35 тысяч населения) и Зволенской (на 30 тысяч населения) приходился один представитель, между тем как в мадьярских комитатах Гевешском и Чонградском — один представитель на 17 тысяч населения, в жупе Комаром — на 18 тысяч душ. Мадьярские города с общим населением в 793 тысячи душ посылали 59 депутатов в парламент, тогда как славянские столицы Оравская, Липтовская, Турчанская, Тренчанская, Зволенская и более $\frac{7}{8}$ Нитрянской столицы с 826 тысячами населения посылали только 23 представителя

Мадьярские власти «так очертили избирательные округа и так назначили местечки для выборов, что в чисто славянских столицах национально развитая и пробужденная часть народа разделена или посылается для подачи избирательных записок в место, враждебное или равнодушное к народному делу В смешанных же столицах.. выборным местом всегда назначается мадьярский город или местечко, чтобы славянам затруднить появление в нем» (М Д. Словаки и словенское околье в Угорщине, ЖМНП, август 1868 года, СПб, ч СХХХІХ (стр 603, 604)

Количество избирательных округов с румынским населением в Венгрии сократилось в течение второй половины XIX-начале XX столетий с 42 до 27 (см указ соч. Kémény Gy, A Magyar nemzetiség, стр 164).

¹⁶¹) Венгерский парламент представлял собой орган господства земельной аристократии и крупной буржуазии. В верхней палате парламента (палата магнатов — förendiház) заседали представители высшей родовой дворянской аристократии, в их числе наследники венгерских герцогов (графы и бароны), наследники магнатов, уплачивающие не менее 6 тысяч крон поземельного налога, 43 епископа, 10 представителей высшего протестантского духовенства, пожизненные члены палаты из числа магнатов, назначенные королем и избранные самой палатой, 19 человек являлись членами палаты магнатов ex officio (по должности), 3 представителя дворянской аристократии от Хорватии и Словении и губернатор Фiume В 1911 году верхняя палата состояла из 375 человек, среди них было 15 наследников герцогов, 231 наследник магнатов, 68 человек, назначенных королем пожизненных членов, 68 человек ex officio В состав нижней палаты входило 453 депутата (из них 40 от Хорватии и Словении), избираемых на 5 лет (см. указ соч. Н. А Крюков, стр 260) В 1905 году в составе депутатов нижней палаты насчитывалось только 9 представителей немадьярской национальности. 6 румын, 2 серба, 1 словак, депутаты, избранные от закарпатских комитатов, относили себя к числу мадьяр В 1906 году среди депутатов было 14 румын, 4 серба, 6 словаков, но не было ни одного украинца (см. «Славянские известия», № 4, июль 1906 года, стр 393).

рателей от 100 до 400 человек (в общей сложности 1600 избирателей) избирали в парламент 6 депутатов, т. е. столько же, сколько 36 тысяч избирателей в 6 округах преимущественно со словацким, румынским и украинским населением¹⁶²). Русский консул в Будапеште по поводу распределения избирательных округов в Венгрии писал: «Нынешняя выборная система устарела, действуя в ущерб развитию национальностей, она вызывает почти всегда ожесточенные и кровавые столкновения в королевстве, главным образом в виду несправедливого состава выборных округов, рассчитанных на систематическое вытеснение национальностей в пользу мадьярских элементов»¹⁶³). Если к сказанному нами добавить, что русинов-избирателей, не владеющих или плохо владеющих мадьярским языком, власти не допускали к избирательным урнам, и что само голосование проходило открыто, путем вписывания в бюллетень имен кандидатов в присутствии наблюдателей-чиновников¹⁶⁴), то станет понятным, какие огромные препятствия создавались венгерскими властями для участия русинов в выборах. Даже в тех округах, где закарпатоукраинское население значительно преобладало над всеми другими национальностями, удельный вес русинов среди избирателей составлял менее 50%. Один из закарпатских авторов, говоря о распределении избирательных пунктов и системе голосования при выборах в венгерский парламент в русинских областях, писал: «Местом выбора назначается обыкновенно такое расстояние, которое самое неудобное для избирателей. Но, наконец, избиратель-поселянин добрался до места выбора, пройдя 40—60 верст. Там его продержали день, другой... пока терпение истощается. Не успев таким способом, начинают стращать селян, которые не хотят подать голос в пользу правительственного кандидата, и даже стреляют по ним»¹⁶⁵).

Униатские борзописцы — приспешники господствующих классов — обильно воскуривали фимиам династии Габсбургов за «дарование конституционных свобод». Франц-Иосиф в 1860 году, писал один из репильных униатских листков, «да-

¹⁶²) Мос, П, 1900, стр. 701 Несмотря на то, что немалая часть населения Венгрии составляли большинство населения [в начале XX столетия венгры — 45,4% (из общего числа всего населения 19,2 млн человек), а другие национальности — 54,6% (румыны — 14,5, немцы — 11,1, словаки — 10,7, хорваты — 8,7, сербы 5,5, закарпатские украинцы — 2,2% из 4294 тысячи человек по официальным данным) и другие — 2,1%] (АВПР, ф. Политархив, 1908—1909 гг., д. 582, ч. I, л. 144), однако в парламенте представительство этих народов, за исключением хорватов, было ничтожным

¹⁶³) АВПР, ф. Политархив, 1908—1909 гг., д. 582, ч. I, лл. 141—142.

¹⁶⁴) Указ соч. «Подкарпатская Русь за годы 1919—1936», стр. 68.

¹⁶⁵) Указ соч. Матисов, стр. 226—227.

ровал Австрии конституцию, и с этого времени все по желанию народов своих, парламентарно исполняет свои царские обязанности»¹⁶⁶). Они, грубо извращая истину, проповедовали, что в Венгрии «каждому гражданину дано право участвовать в законодательстве», что в Венгрии «каждый мужик — законодатель!»... Лживость этих разглагольствований не требует доказательств. «Свободные» выборы в венгерский парламент, объективное описание которых дают нам многие современники, лишение гражданских прав подавляющего большинства трудящихся, имущественные, национальные и другие ограничения для избирателей, система террора и насилия по отношению к трудящимся и оппозиционным элементам — все это говорит само за себя. Конституция Венгрии была глубоко антинародной и реакционной. «Конституционные гарантии» являлись фикцией и служили только прикрытием всевластия магнатов земли и капитала, придерживавшихся во внутренней политике принципа «die Macht geht für dem Recht»¹⁶⁷), заимствованного из арсенала немецкого юнкерства.

Избирательные законы Венгрии, поправки и разъяснения к ним были сформулированы так, что предоставляли широкую возможность властям лишать неугодных избирателей права участия в выборах. Газета «Pester Lloyd» от 24 июля 1894 года по этому поводу писала: «Законодательство, регулирующее пользование самым важным из гражданских прав, точно специально создано для крючкотворов, и конструкция законов такова, что даже адвокатский писарь со средними способностями может привести доводы против или в пользу участия любого человека в выборах». Статьи конституции Венгрии о немадьярских национальностях, писал русский консул в Будапеште, «игнорируются заведомо последним сельским нотариусом или адвокатом»¹⁶⁸).

Анонимный корреспондент журнала «Славянский век» с полным основанием мог сказать, что в полиглотной Австро-Венгрии народы, не принадлежащие к господствующим нациям, существуют «только как плательщики налогов, как поставщики пушечного мяса, как граждане второго и даже третьего порядка, но отнюдь не как равные между равными, не как национальные индивидуальности, имеющие «свою историю, свою культуру, народную душу и неотъемлемое право на самостоятельное развитие». В Венгрии существует конституция, признающая свободу народов, ее населяющих. «Но, продолжал этот же автор, одно дело писанный закон, который спокойно дремлет в пыльных фолиантах и с которого от времени до времени стряхивают пыль только для того, чтобы

¹⁶⁶) «Месяцослов» на 1911 год, Унтвер, 1910, стр. 34

¹⁶⁷) «Кулак идет перед правом» (немецкое)

¹⁶⁸) АВПР, ф Политархив, 1908—1909 гг., л 582, ч I, л 143 об

пускать ее в глаза непосвященному миру, и другое дело мадьярский жандарм и штык, которые существуют именно для обхода этого закона, когда речь заходит о распространении его действия также на немадьярские народности»¹⁶⁹). Закарпатского писателя Е. Фенцика, не отличавшегося радикальными взглядами, логика фактов заставила признать, что девизом правящих кругов Венгрии была не «правда», а «сила дика», права человеческие, «природой данные» закарпатским русинам, «рвут, грабят, берут враги...»¹⁷⁰).

**
~

Выборы в венгерский парламент в Закарпатье происходили в обстановке обостренной классовой и национальной борьбы. Избиратели-крестьяне нередко решительно выступали против избрания в парламент панов-помещиков, считая, что выдвижение «своих» кандидатов из числа чиновников, священников и сельской администрации, обычно деревенских кулаков, даст возможность разрешить в соответствии с желаниями крестьян основной, аграрный вопрос. В представлении беспощадно эксплуатируемого, униженного закарпатского крестьянина всякий пан — большой и малый — был врагом, притеснителем, грабителем «Угрорусс убежден, говорилось в одной корреспонденции из Закарпатья, что все паны для того и существуют, чтобы обдирать бедного мужика»¹⁷¹).

Выборы в венгерский парламент во второй половине XIX столетия сопровождались открытым применением террора со стороны властей по отношению к избирателям, фальсификацией результатов голосования, давлением властей на избирателей и подкупом их «корташами» — агентами кандидатов правительственной партии*. Агитация за славянских кандидатов преследовалась властями. «Если в славянской местности появится человек, писал русский автор Де-Воллан, который посоветует своим соплеменникам выбрать одного из своих, то его сейчас же вышлют административным путем из пределов этой местности. Против избирателей иногда высылают войско. В «строптивых» округах назначается усиленный военный постой»¹⁷²).

Уже накануне выборов в парламент Венгрия превращалась в военный лагерь, а в дни выборов происходили подавления «беспорядков», аресты и кровопролития. Вот какими словами современники характеризовали обстановку в Венг-

¹⁶⁹) «Славянский век», № 5, 1900 год, стр. 17, 18

¹⁷⁰) Цит. по журналу «Карпатский свет», № 5—7, 1931 год, стр. 1215.

¹⁷¹) «Славянские известия», № 43, 1889 год, стр. 1001

¹⁷²) Г. А. Де-Воллан, Мадьяры и национальная борьба в Венгрии, М., 1877, стр. 13.

ри в период выборов: «Города и села заполнены множеством войск и жандармов, на улицах избитые и окровавленные люди...»¹⁷³). Всякий раз накануне выборов министр внутренних дел, уведомляя главных жупанов комитатов о готовности армейских соединений оказать помощь властям в обеспечении «нормального» хода выборов, требовал принятия самых строгих мер к «нарушителям порядка». Жупаны, в свою очередь, просили министра выслать подразделения солдат в избирательные округа. Вот несколько примеров, характеризующих подготовку властей к проведению выборов в закарпатских комитатах. В 1881 году главный жупан Ужгородского комитата обратился с просьбой к министру внутренних дел выслать воинскую команду в 100 человек для поддержания «порядка» в Ужгородском избирательном округе¹⁷⁴). В 1887 году министр внутренних дел поставил в известность главных жупанов комитатов о том, что военным министром отдан приказ привести в боевую готовность на время выборов 5 дивизий (IV, V, VI, VII и XII дивизии) и предлагал, во-первых, сообщить, в какие округа необходимо послать войска, и, во-вторых, подвергать аресту всех лиц, которые будут препятствовать «свободной» агитации за выставленных кандидатов или будут нарушать «порядок» во время выборов. Главный жупан Ужгородского комитата просил выслать роту солдат в Капушанский избирательный округ¹⁷⁵). Такого же рода меры принимались венгерскими властями и в последующие годы для подавления протеста народных масс, боровшихся за обеспечение элементарных гражданских прав¹⁷⁶).

О том, какую остроту принимала избирательная борьба в Закарпатье, выражавшая собой углубление непримиримых противоречий между массами трудящихся и эксплуататорскими классами, тесно переплетавшаяся с борьбой за национальные и гражданские права закарпатских украинцев, свидетельствуют данные о ходе выборов в венгерский парламент в 1865 году. Правительственная партия для достижения победы на выборах пустила в ход все средства — демагогию и подкуп, бандитские методы запугивания избирателей и военную силу. В комитатах, населенных закарпатскими украинцами (Берег, Унг, Марамарош, Угоча, Земплин, Шариш), кандидаты в парламент — русины были выставлены в 12 избирательных округах, причем везде, где они могли надеяться получить большинство голосов, венгерские власти, как писал один из современников, «действовали насильственными методами».

¹⁷³) «Rákosi — per», Bdp, 1952, стр. 375.

¹⁷⁴) ГАЗО, ф. 4, 1881 г., д. 54, л. 8

¹⁷⁵) Там же, 1887 г., д. 99, лл. 12—19.

¹⁷⁶) Там же, 1892 г., д. 212, лл. 1—2, д. 203, л. 6

В Маковицком избирательном округе, где в депутаты парламента баллотировался А. Добрянский, венгерские националисты, стремясь недопустить избрания «опасного москаля», прибегли к подкупу и запугиванию избирателей, а чтобы внести разлад в среду славянских избирателей разжигали религиозную вражду между ними. Правительственная партия, выдвинувшая своим кандидатом ставленника помещиков Казвинского, пыталась любыми средствами очернить А. Добрянского, обвиняя его в «подозрительных» связях с заграницей и даже в... «измене родине». Крупный местный помещик Эрдеди, являвшийся патроном многих церковных приходов Маковицы, потребовал от униатских священников обеспечить поддержку избирателями-русинами Казвинского, угрожая лишить несоговорчивых «парохов» своего «благоволения». Агитаторы правительственной партии демагогически обещали крестьянам добиться через парламент снижения налогов и отмену монополии на табак и соль¹⁷⁷). Казвинский, разъезжая по селам, открыто раздавал деньги и спаивал крестьян-избирателей, чтобы привлечь их на свою сторону. Стремясь отколоть избирателей-словаков от русинов, поддерживавших общего кандидата, правительственная партия пыталась, играя на религиозных чувствах словаков-католиков, натравить их на «схизматиков»-русинов

И вот наступил день выборов в Маковицком округе «местом для предварительного записывания избирателей и для самих выборов назначено было не средоточие выборного округа, а одно из пограничных мест его». Избиратели-русины «должны были идти в холодное время за 20—30 верст; уже это значительно уменьшило их число»¹⁷⁸). Когда же они, несмотря на все препятствия, явились к месту выборов, то правительственная партия спровоцировала столкновение между избирателями мадьярами и русинами, и «дело сейчас же дошло до драки, явившиеся 16 жандармов не могли восстановить порядок», — писал Н. Полов. Однако ни провокации, ни насилия со стороны властей и правительственной партии не смогли помешать избранию в парламент кандидата русинов и словаков А. И. Добрянского

Корреспондент галицкой газеты «Слово», наблюдавший ход выборов в Собраниецком округе Ужгородской жупы, сообщал, что правительственная партия старалась подкупам, угрозой и клеветой отвлечь избирателей-русинов от поддержки «своего» кандидата Негребецкого, распространяя слухи о том, что он «исповедует московского бога» и обещал поддер-

¹⁷⁷) Указ соч Матисов, стр. 227.

¹⁷⁸) «Вестник Западной России», кн VI, т II, Вильна, 1866 год, стр 361

живавшим его священникам добиться увеличения церковных податей. Когда же такая «предвыборная агитация» не достигла цели, то сторонники кандидата правительственной партии Ибра́ния добились изъятия из списков 400 избирателей-русинов под предлогом «несоответствия» их фамилий и прозвищ метрическим записям. Этот факт подтверждает характеристику венгерской избирательной системы, данную авторами «Протеста»: «Выборы в Венгрии проводятся так, как, вероятно, нигде в крае, хотя бы только полуцивилизованном. Бюллетени избирателей фальшивят, тех, которые имеют право голосовать, тысячами из списков вычеркивают, когда нет уверенности, что они будут голосовать за правительственного кандидата, а тех, которые готовы голосовать за любого правительственного кандидата, вносят в списки, хотя бы они и не имели права принимать участия в голосовании. Правда, вычеркнутым самовольно чиновниками из бюллетеней... предоставляется право рекламации, но что же: необходимые для рекламации документы выдают соответствующие канцелярии, а когда русин обращается в канцелярию и просит эти бумаги, то его выбрасывают за двери».

Упомянутый нами корреспондент газеты «Слово», описывая обстановку накануне дня выборов в Собраниецком округе, указывал, что «ночью местечко, где должны были происходить выборы, представляло вид местности, подвергшейся осаде от неприятеля...» Правительственная партия окружила его огромным табором вооруженных конных людей. Часть избирателей-русинов, предвидя неизбежность столкновения с вооруженными бандами своих противников, ночью разошлась по домам, другая, как писал Попов, «поспешила возвратиться в свои жилища» в день выборов, когда «на дворе нотариатского дома началась рукопашная». Причем уже в ходе выборов один из членов избирательной комиссии раздавал деньги тем, кто изъявлял готовность подать свой голос за Ибра́ния. Так правительственная партия обеспечила «избрание» своего кандидата

В Севлюшском избирательном округе (Угоцкая жупа) в депутаты парламента были видвинуты два кандидата — барон Перени, крупный помещик Угочи, от правительственной партии и бывший жупан Марамароша Петр Долинай — от избирателей-русинов. В этом округе запугивание избирателей и террор по отношению к ним приняли особо разнузданные формы. За несколько дней до выборов вооруженные паймиты барона Перени врывались в русинские села, избивали крестьян, угрожали священникам, поддерживавшим «своего» кандидата, а стены униатской церкви в селе Тисса-Уйгацкое исписали бранными стихами. Русины-избиратели этого округа послали своих уполномоченных к главному жупану комитета

та и обратились с жалобой на притеснения со стороны представителей правительственной партии в комитатский суд, но последний вместо того, чтобы привлечь к ответственности руководителей и вдохновителей бесчинств, подверг аресту на две недели крестьян-ходоков. Накануне выборов в помощь партии барона Перени из соседних округов прибыл целый отряд его сторонников, насчитывавший 400 человек, вооруженных «фокошами» (род топора), саблями и револьверами. Отряд занял комитатский дом, где должны были происходить выборы, окружил его плотным кольцом, а во дворе комитатского управления сторонники Перени собрали кучи камней, готовясь к расправе со своими противниками.

В день выборов толпа избирателей-русинов в числе 1500 человек пришла в Севлюш. Банда головорезов Перени встретила их градом камней. На улицах начались столкновения, в результате которых сотни крестьян-избирателей были избиты вооруженными сторонниками правительственной партии, а один из избирателей, отец пяти детей, был убит¹⁷⁹⁾. После этой кровавой расправы с избирателями-русинами депутатом венгерского парламента «единогласно» был избран барон Перени.

В Бережском избирательном округе также были выставлены два кандидата (помещик Шипош — от правительственной партии и И Пастелий — от закарпатоукраинских избирателей). Здесь, как и в других округах, запугивание и обман, террор и насилие над избирателями являлись главными методами «предвыборной агитации». Перед внесением в списки избирателей, например, чиновники комитата распространяли среди неграмотных русинов слухи о том, что всякий, внесенный в эти списки, зачисляется в народное ополчение и должен будет отбывать барщину и уплачивать повышенную церковную подать. Агенты правительственной партии, стремясь привлечь избирателей на сторону своего кандидата, как передавали очевидцы, рассыпались по всем селам, где были корчмы, и стали спаивать крестьян. Шипош, выступая перед избирателями, демагогически обещал добиться через парламент отмены всяких податей и освобождения от воинской повинности. Но крестьяне знали цену этим посулам и продолжали упорно поддерживать своего кандидата. После этого сторонники Шипоша, вдохновляемые комитатскими властями, стали открыто на путь террора. Они напали на села, избиратели которых поддерживали Пастелия. В один из таких набегов на село Имстичево они принялись было разби-

¹⁷⁹⁾ «Вестник Западной России», кн VI, т. II, Вильна, 1866 г., стр. 363—364.

рать по частям униатскую церковь, «произнося хулы на восточный обряд», но были прогнаны народом.

В день выборов 2 тысячи избирателей-русинов этого округа направились из села Реметы в Берегово, но по пути на них напал вооруженный конный отряд правительственной партии. Смятая черносотенцами толпа крестьян бросилась бежать обратно в село Реметы, преследуемая конниками Шипоша. «Множество людей было ранено при этом преследовании: у кого был выбит глаз, у кого переломана рука, у кого сорвана железными вилами кожа с головы. Число окровавленных людей было значительно,— писал Н. Попов. Во время этого нападения на избирателей-русинов было убито несколько крестьян, священник Ярошин и мелкопоместный дворянин Горзо¹⁸⁰⁾».

Основываясь на этих фактах, было бы неправильно сделать вывод, что венгерское правительство применяло террор и оружие только против избирателей из числа мадьярских народов, в частности русинов. Насилие и войска применялись и против избирателей-мадьяр, против всех политических противников без различия их национальной принадлежности во всех случаях, когда правительство не могло добиться избрания в парламент своего кандидата «законным» путем. Об этом свидетельствуют хотя бы события, связанные с выборами в Ужгороде, в том же 1865 году. Здесь избиратели-русины были лишены права выдвинуть своего кандидата. На выборах баллотировались два венгерских чиновника К. Кандо и Г. Мочари, первый являлся представителем правительственной партии, второй был выставлен оппозицией. Правительство Баха добивалось во что бы то ни стало избрания в парламент Кандо, являвшегося важным министерским чиновником. Но шансов у него на избрание в парламент было мало, так как большинство мадьярских и русинских избирателей Ужгорода поддерживало кандидатуру оппозиции. Тогда комитатские власти прибегли к насилию. Во время баллотировки, писал Матисов, «выталкивали и не хотели допустить к подаче голосов противников правительственной партии. По этому поводу произошли небольшие беспорядки, и правительственная партия, разыгравшая эту сцену, выгребовала роту солдат, которая и стреляла по народу, убив нескольких и ранив десяток». Так Кандо был избран депутатом парламента, а «агитаторы в деле его выбора попали в чиновники»¹⁸¹⁾.

Политическая обстановка в период парламентских выборов в 1865 году в закарпатских жупах была настолько накалена, что местные власти, серьезно обеспокоенные нарастающим недовольством народных масс режимом угнетения и насилия, вынуждены были обратиться с призывом к населению

¹⁸⁰⁾ Там же, стр. 367

¹⁸¹⁾ Указ соч. Матисов, стр. 230--231.

соблюдать «спокойствие», угрожая самыми строгими мерами наказания за нарушение «порядка». В одном из распоряжений главного жупана Бережского комитета, опубликованном сразу же после кровавых событий 1865 года в селе Реметах, говорилось следующее: «К великому сожалению я констатирую, что в нашей жупе во время выборов имели место инциденты с печальными результатами, когда нашлись лица, которые кровью осквернили священную гражданскую обязанность — выборы. Я принял все меры к тому, чтобы этих лиц справедливость покарала самым строгим образом. Чтобы в будущем подобные события не повторялись, я, несмотря на партийную принадлежность, буду преследовать зачинщиков беспорядков во время выборов»¹⁸²). Нечего говорить, что угрозы главного жупана по адресу «зачинщиков беспорядков» относились к избирателям-крестьянам, а не к сторонникам правительственной партии, которых местные власти всемерно поддерживали, обеспечивая «победу» их на выборах.

Оправдывая применение военной силы для подавления противников правительственной партии, местные власти изображали оппозиционное движение как «бунтовческое», а противодействие масс избирателей террору и насилию как «восстание». Главный жупан Ужгородского комитета в связи с событиями в Ужгороде доносил, что оппозиционные элементы (мелкие чиновники, преподаватели гимназии, низшее духовенство, ремесленные мастера, мещанство), «подстрекая окружных и городских низших избирателей, обремененных долгами, и обанкротившихся мастеров, и сброд... против правительства и аристократии с лозунгами «долой господ», «да здравствует демократия», пытались превратить священное право народа в настоящее восстание»¹⁸³).

Около 10 человек убитых и свыше 100 человек раненых — таков итог осуществления на деле «священного права народа» в Закарпатье в 1865 году. Ни одного слова не сообщила об этом правительственная печать. Кровавая расправа над избирателями-русынами получила только благодаря выступлениям славянской и прогрессивной венгерской печати. Это заставило венгерский парламент признать недействительными выборы барона Перени по Севлюшскому и Шипоша по Береговскому избирательным округам, где были допущены особо вопиющие факты нарушения избирательного закона и грубые насилия, сопровождавшиеся человеческими жертвами, но дальше этого формального акта правительство не пошло; ни один из виновников кровавой расправы над избирателями не был привлечен к ответственности.

¹⁸²) ГАЗОФ, ф. 2, д. 207, л. 4

¹⁸³) Указ соч. И. Перени, стр. 91

В условиях обострения классовых и национальных противоречий проходили выборы в венгерский парламент и в 1869 году. «Лихорадочное волнение охватило всю Угriu, писал Матисов, выборы решали судьбу министерства Андраши». Правительство принимало все меры к тому, чтобы сломить противодействие оппозиционных элементов и не допустить избрания их в парламент. Рядом ограничений было уменьшено число депутатов от немадьярских областей. В результате репрессий и грубого административного давления на избирателей в парламент в 1869 году был избран только один депутат, выдвинутый избирателями-русинами.

Таковыми же средствами насилия, обмана и подкупа правительственная партия одерживала «победы» на выборах в парламент и в последующие годы. Избирателей-русинов, поддерживавших кандидата оппозиционной партии, как указывали авторы «Протеста», власти, руководящие выборами, всячески удерживали от голосования, а если они были военнообязанные, то перед выборами их призывали в армию. Явившихся на избирательные пункты «неблагонадежных» избирателей изолировали, не разрешали им общаться со своими кандидатами и по целым дням держали «в голоде и холоде под открытым небом». Если, преодолев все препятствия, русин-избиратель все же отдавал голос за «своего» кандидата, то он подвергался преследованиям. Избирателей, отказавшихся голосовать за удобного венгерскому правительству кандидата, «арестовывают как преступников и душегубов». За лиц, отсутствующих в момент выборов в избирательном округе, голосовали так называемые «заместители», подкупленные властями. «Даже умершие имеют таких своих заместителей», — указывали авторы «Протеста».

В 1880 году, несмотря на террор и репрессии со стороны властей, в некоторых округах Закарпатья избиратели «вместо прежних господ депутатов избрали совершенно простых людей». В избирательных округах Ужгородской жупы, например, были забаллотированы кандидаты правительственной партии помещик Ж. Бернат, избравшийся до этого много раз в парламент, и окружной судья Б. Чука¹⁸¹⁾. В Марамарошской жупе в ходе выборов в парламент в 1884 году применялись подкуп и насилие. В частности, роль «воодушевленных миссионеров венгерских государственных интересов», как выражался жупан Марамароша, во время выборов сыграли чиновники лесного и горного ведомств. Администрация казенных имений, которым принадлежали огромные земельные и лесные владения в Марамароше, используя нужду местного населения (которое арендовало пастбища и леса,

¹⁸¹⁾ Там же, стр. 90

нанималось на лесоразработки), заставляла крестьян-избирателей голосовать за правительственных кандидатов. «Вырубка леса в казенных лесах была для закарпатских украинцев жизненным вопросом. Работа же зависела от лесничих, которые, разумеется, использовали свое положение также и при выборах. Если закарпатоукраинцы на открытых голосованиях не голосовали за правительство, то они не получали больше работы», — указывал венгерский автор Й. Перени¹⁸⁵).

«Народное волеизлияние» в одном из избирательных округов Закарпатья в период выборов в парламент в 1889 году описано в таких словах корреспондентом «Славянских известий» «Граф НН, принадлежащий к правительственной партии, выслал в отдаленные селения свои повозки», которые были нагружены «точно снопами» зависимыми от графа или подкупленными и обманутыми избирателями-крестьянами. «Этот груз привезли в город, спрятали где-то, там вновь поили, и когда пришло время подавать голоса, тогда приказывали им: «Иди, отдай голос свой за того-то». Обманутый и запуганный избиратель «не смел противиться, шел и голосовал за того, за кого ему было приказано»¹⁸⁶). Анализ архивных материалов¹⁸⁷) и свидетельств современников, характеризующих систему и ход выборов в венгерский парламент этой эпохи, дает основание сказать словами Маркса, что здесь «безнравственность была возведена в систему, незаконное получило своих законодателей, а кулачное право свои кодексы»¹⁸⁸).

Представители невенгерских народов в парламенте, если они не переходили на позиции безоговорочной поддержки политики правительства, постоянно находились под угрозой лишения депутатского мандата; их травили, преследовали, дискредитировали. Отношение реакционного парламентского большинства к А. Добрянскому является не плохой иллюстрацией осуществления на деле «конституционных свобод» в Венгрии этого периода. Первое появление А. Добрянского в зале заседаний парламента было встречено свистом и грубыми ругательствами. Избрание А. Добрянского в депутаты парламента в 1860 году было опротестовано правительственной партией как «незаконное». По этому поводу Матисов писал. «Поднялась на сейме страшная буря против него, и его выбор, будто не происходивший законным образом, был уничтожен при содействии епископа Гаганца (униатский епископ Прешевской епархии. — И. К.), который влиял на некоторых

¹⁸⁵) Там же, стр. 100

¹⁸⁶) «Славянские известия», № 29, 1889 г., стр. 715.

¹⁸⁷) ГАЗО, ф 6 (Бургомнстр Ужгорода), оп. 3, 1885, д 2062 1893. д 2345 1897, д 2373, 1900, д 2420

¹⁸⁸) К Маркс и Ф Энгельс, Соч., т. XI, ч. II, стр 327

священников Маковицкого округа, чтобы подали ложные голоса». Такая же «встреча» была организована А. Добрянскому в парламенте и в 1869 году. Пытаясь терроризировать и запугать русинского депутата, в его адрес направлялись угрожающие письма и инсценировались покушения.

*
*
*

Избиратели-русины из числа крестьян— незрелые, темные, забитые, не руководимые марксистской революционной партией, не могли естественно выступать как организованная революционная сила и, в частности, использовать «конституционные свободы» в своих классовых интересах. Поэтому они нередко служили объектом махинаций различного рода политиканов, занятых «уловлением голосов» в своих политических целях. Отсталые закарпатские крестьяне наивно верили в то, что избранные ими в парламент «свои» депутаты из числа русинов, хотя они всегда принадлежали к имущим, привилегированным слоям общества и были далеки от нужд народа, смогут добиться улучшения их экономического и правового положения. Они не понимали, что даже лучшие, наиболее честные из «народолюбивых» депутатов не в состоянии осуществить их коренные социальные и национальные требования, что единственный путь к их освобождению — это путь революционной борьбы под руководством рабочего класса.

Венгерская газета «Pesti Hirlap» такими словами характеризовала условия жизни и культурный уровень закарпатского крестьянства в начале XX столетия: «Русины представляют в Венгрии в духовном отношении самую отсталую народность, в хозяйственном — беднейшую, в религиозном — самую фанатическую и в административном — самую бесправную.. Число безграмотных среди них чрезмерно высоко»¹⁸⁹⁾. Именно нищета, политическая незрелость масс крестьянства Закарпатья, тяжелая культурная отсталость, господство религиозной идеологии, монополия униатских священников в области политической, культурно-национальной и духовной жизни обусловили консерватизм закарпатского крестьянства, его наивно детское доверие к униатскому духовенству, умело маскировавшемуся под «радетелей народных». Греко-католическая церковь, униатское духовенство, особенно его высшие круги, играли в политической жизни Закарпатья исключительно реакционную роль. В период избирательных кампаний в парламент руководящая верхушка униатской епархии, слепо выполняя волю своих сановных светских и духовных хозяев, выступала совершенно открыто как

¹⁸⁹⁾ «Pesti Hirlap», 4 декабря 1913 года

часть государственного аппарата насилия, призванная осуществлять «предначертания» правительства и подавлять всякое недовольство трудящихся существующим режимом. Примеров, характеризующих это сращивание униатской церкви с государственной машиной Венгрии, можно привести бесчисленное множество. Так, в соответствии с приказом министра культа и просвещения, в котором излагались задачи духовенства в период предстоящих выборов в венгерский парламент 1848 года, мукачевская консистория специальным циркуляром предписала униатским священникам установить контроль за подготовкой к выборам, составлением списков избирателей и выдвижением «достойных» кандидатов в депутаты парламента. В циркуляре особенно подчеркивалось, чтобы священники использовали все средства воздействия для предупреждения «волнений» и «беспокойств» в ходе выборов¹⁹⁰).

Об антинародной роли верховодов униатской церкви в период выборов в венгерский парламент в 1869 году, об их прислужничестве властям и правительственной партии закарпатской автор Матисов говорил такими словами: «Епископ Панкович уже заранее объезжал свою епархию, увещевал священников держаться правительства и угрожая тем, на которых не полагался. Результат выборов в русских местностях зависит по большей части от священников: бедный, забитый народ идет туда, куда его ведут. Вследствие агитации епископа, который показал, насколько можно злоупотреблять духовной властью, из мукачевской епархии попал в сейм только один член русской народной партии Эммануил Грабарь... Пряшевская епархия тоже, вследствие противодействия епископа Гаганца, которому правительство перед выборами пожаловало чин тайного советника, не послала ни одного народного депутата»¹⁹¹).

О том, насколько глубоко еще коренилась в массах русин-крестьян вера в своих «духовных пастырей», в «предоброто кесаря» и «пештянский сейм», свидетельствует и история с выдвижением в депутаты Пастелия. Несмотря на угрозы и запугивания со стороны властей, выдвигавших в парламент ненавистного массам народа пана Шипоша, избиратели-русины стойко поддерживали «своего посла» Пастелия, о котором даже сложили коломыйки, отражающие царистские настроения и политическую незрелость закарпатских крестьян. Русины-избиратели, выступая в защиту «родного» кандидата в парламент, распевали:

Тепла осень, мило в Бережане,
Най живет наш посол Иванко Пастелий

¹⁹⁰) «Protokollum parochiae Ungvár ab anno 1839—1857», т. I, стр. 114—115

¹⁹¹) Указ соч. Матисов, стр. 240

Просить Русь--свободу в Угорской Краине,
Буде за нас мовца наш любий Пастеллий.
Стелем ему цвѣтья на его дорогу,
Най го бог проводить к Пештянскому сойму

В другой коломыйке свои надежды на «свободу» в «Угорской Краине» русины Бережского комитата выражали в таких словах:

Горе при престоле
Орудуй Пастеллий,
Виробляй нам ласку
Радісну як паску ¹⁹²⁾.

Кровавые события, которыми завершилось «волеизлияние» народа во время выборов в парламент в Береговском округе в 1865 году, показывают не только подлинную сущность «конституционного» режима в Венгрии, но вместе с тем и реагирование крестьян на этот беспримерный произвол властей. показывают еще сохранившуюся среди крестьян наивную веру в «справедливого кесаря», который-де найдет управу на «злых панов». Прибежавшие в село Реметы крестьяне, подвергнувшись нападению вооруженной банды Шипоша, обратили своих священников и, как передают очевидцы, просили их идти с жалобой к императору. «Царь заступится за нас, бо мы царски хочем быти, а не пански, — заявляли крестьяне. Униатские священники, воспользовавшись проявлением «патриотизма» крестьян, восклицали: «Да здравствует царь Австрии, под которого скипетром познал наш народ свое человеческое право!», «Да здравствует барон Бах!»... Каким цинизмом надо было обладать, насколько нужно было пасть морально, чтобы сразу же после кровавой расправы под Реметами, перед трупами убитых, прославлять «человеческие права», дарованные Габсбургами и охраняемые Бахом.

Депутаты венгерского парламента, избранные от русинских комитатов (граф Бутлер, барон Перени, главный жупан Петровай, епископ Фирцак, аптекарь Бузат, чиновники Негребецкий, Долинай и другие), ни в какой мере не выражали интересов народных масс; они всегда выступали как прямые прислужники реакции, как беспринципные карьеристы, стремившиеся только к тому, чтобы ради личных выгод пройти в двери парламента на плечах избирателей-русинов. Кандидаты от «русской партии» после избрания в парламента теряли свою мнимую «оппозиционность», отказывались от своего народа и переходили в ряды правительственной партии. Закарпатский писатель А. Кралицкий, характеризую нравственный облик этих лженародных представителей, писал: «У этих людей русская народность и принадлежность к ней тогда толь-

¹⁹²⁾ «Вестник Западной России», кн VI, т II, 1866 год, стр 365, 366.

ко обнаруживается, когда они выступают кандидатами на какую-нибудь должность и нуждаются в голосах своей русской покинутой братии»¹⁹³). А. Духнович в своих «Записках» приводил такой факт когда в венгерском парламенте обсуждался вопрос о предоставлении гражданских прав евреям, то выступивший по этому вопросу депутат Рудольф Буянович, избранный в парламент лаборскими русинами, заявил: «...Русины суть глупии, ленивые, нерабочи, словом, недостойне имя народа; я эмансипую евреев, а русины спокойно могут быть рабами...»¹⁹⁴). Вот какие лютые враги народа избирались в парламент в русинских областях.

Бесправные и обездоленные массы крестьянства Закарпатья не имели своего истинного защитника и революционного вождя. Даже лучшие представители «народовецкой» интеллигенции, которые нелицемерно выражали сочувствие своему народу, были неспособны по своей социальной природе и своим идейным взглядам отстаивать до конца право народа на человеческое существование. Часть закарпатской интеллигенции, особенно из числа духовенства, напуганная террором и репрессиями, пекущаяся не столько о «народном деле», сколько о личном благополучии, поспешила отмежеваться от своих «национальных увлечений» и стала ревностным проводником «государственной идеи». Другая, меньшая часть, ограничилась осуждением глухим голосом «крайностей», допущенных местными властями по отношению к русинам-избирателям и спряталась в кусты, отказавшись от участия в политической борьбе.

Так, после кровавых событий 1865 года в Береговском округе в Мукачеве собралась небольшая группа «народовцев», устроившая свой «съезд» на квартире мукачевского викарного каноника И. Дешко. На этом собрании присутствовало 36 священников, учителей, мелких помещиков, чиновников и зажиточных крестьян. «Народолубие» и «оппозиционность» этой группы нашли свое выражение в принятом ею постановлении, в котором говорилось: «Не принимать отныне никакого участия в конституционной жизни Венгрии, составить просьбу на имя императора от имени русского населения Берегского комитата», в которую включить пожелания об автономии местного управления церковью, школами, судебными делами и сельской администрацией¹⁹⁵). Решения «мукачевского съезда», как можно судить по имеющимся в нашем распоряжении данным, остались только на бумаге. Но даже если бы это постановление и было выполнено, то оно ничего бы не дало народным массам.

¹⁹³) Указ. соч. Н. Н., стр. 50.

¹⁹⁴) Указ. соч. Ю. Русак, стр. 5.

¹⁹⁵) «Вестник Западной России», кн. VI, т. II, 1866 год, стр. 367, 368.

Выборы в комитатские, окружные, городские и сельские органы управления, как и выборы в венгерский парламент, были лишены всякого подобия демократических выборов. Здесь также неуклонно проводилась политика устранения от участия в местном управлении представителей трудящихся и немадьярских народов. В закарпатских комитатах в конце XIX столетия не было ни одного «наджупана», «поджупана» и начальника округа из числа закарпатских украинцев; даже должности нотариёв в весьма редких случаях занимали русины, и то только зарекомендовавшие себя «добрыми патриотами».

Главные жупаны комитатов назначались королем по представлению министра внутренних дел. Другие комитатские чиновники избирались комитатским собранием (tegyei bizottság gyűlés) сроком на 6 лет. Членами этого собрания или комитета являлись представители округов, избираемые населением по рекомендации солгабирова. Помимо выборных членов комитета, в число которых могли попасть только лица, угодные властям и местным землевладельцам, в комитет входили так называемые «вирилисты» — земельная аристократия, капиталисты, торговцы, кулаки, священники¹⁹⁶), участвующие в работе комитета на основе «имущественного права», а не выборности. Вирилисты составляли обычно половину членов комитета.

В 1871 году в Бережской жупе насчитывалось 160 вирилистов, из которых 3 человека уплачивали поземельный и подоходный налог свыше 1000 форинтов [земельный магнат Закарпатья граф Эрвин Шенборн уплачивал налог в сумме 36476 форинтов, крупный арендатор, предприниматель и торговец Адольф Готесман (3574 форинта), помещик граф Альберт Лоньаи (806 форинтов)]; 14 человек уплачивали налог в размере от 500 до 1000 форинтов [торговец из Берегово Ф. Ланг (815 форинтов), граф М. Лоньаи (806 форинтов), торговец и предприниматель из Мукачева С. Кро (505 форинтов) и др.]; 36 человек вносили налог в размере от 200 до 500 форинтов (помещики братья Дерченьи, Морван, Нежа-

¹⁹⁶) Значительная часть униатских и католических священников входила в состав вирилистов, что свидетельствовало о крупных доходах, которые они получали от эксплуатации верующих. Стоило только сумме уплачиваемого налога перевалить за 90 форинтов, как священник спешит утвердить свое право на участие в комитатском собрании в качестве вирилиста. Так, католический патер села Кекенешт Угоцкой жупы в своем заявлении главному жупану комитета указывал, что он обеспокоен поддержкой включения его в списки вирилистов, хотя он и имеет на это все основания, так как уплачивает налог в размере 126 форинтов (ГАЗО, ф. 245, 1880 г., д. 17, л. 35)

ловский, Немеш и др.); 76 человек уплачивали от 100 до 200 форинтов налога и 31 человек — от 90 до 100 форинтов¹⁹⁷). По национальному признаку вирилисты распределялись следующим образом: 116 человек (более $\frac{3}{4}$ общего числа) венгры и немцы, 32 человека (20%) — евреи и 9 человек (5%) принадлежали к числу закарпатоукраинских мелких помещиков, буржуазии и священников (мелкие помещики—А. Нежаловский из Берегово, уплачивавший 259 форинтов налога; Ф. Бокшай из села Чарода, уплачивавший 123 форинта налога; униатские священники [И. Каминский, В. Бокшай, В. Талапкович], кулаки и чиновники — Ю. Карабелеш (село Гече, налог 115 форинтов), И. Мотринец (Мукачево, налог 91 форинт), Ф. Орос (село Дедова, налог 90 форинтов), Т. Легоцкий (Мукачево, налог 94 форинта). В 1874 году при прежнем общем количестве вирилистов увеличилось число наиболее крупных из них, уплачивавших налог в сумме, превышавшей 500 форинтов (граф Шенборн уплачивал налог в размере 41584 форинта, помещик С. Хорват — 1633 форинта, Л. Гоо— 853 форинта, владелец аптеки из Берегово К. Бузат — 600 форинтов и т. д.)¹⁹⁸), и возрастает среди вирилистов удельный вес еврейской буржуазии (из 160 вирилистов мадьяры составляли 66% (104 человека), евреи — 30% (49 человек), закарпатские украинцы — 4% (7 человек).

В Угочской жупе в 1882 году подавляющая часть вирилистов принадлежала к числу венгерских помещиков (Жигмонд и Янош Перени, Я. Уйгели, Г. Лотор, В. Гагара и др.); из 66 вирилистов было 13 человек представителей еврейской буржуазии (20%) и один русин—священник В. Иванчо из села Королево¹⁹⁹). В Ужгородской жупе в 1886 году в состав комитатского собрания входило 138 вирилистов, из них 12 крупных помещиков (Б. Сабо, М. Силадьи, К. Новак, Г. Баро, Ш. Погань, П. Тимар), 16 арендаторов и кулаков (Э. Каган, Э. Вейс, И. Каган, А. Юнгер, Н. Штаймец, Б. Балло, Л. Ришко, Я. Вернико, Я. Оренчак, И. Ильницкий), 35 торговцев и промышленников (Б. Вольф, Я. Штаймец, Ж. Фейнер, Г. Фукс, Г. Розенталь), остальные — священники, адвокаты, директора сберегательных касс и банков, аптекари, чиновники. В состав вирилистов входили представители шести национальностей. 50 евреев, 4 украинца (кулаки и священники Ришко, Вернико, Ильницкий, Оренчак), остальные венгры, немцы, румыны, словаки. Среди избранных членов комитатского собрания большинство составляли священники, нотари,

¹⁹⁷) ГАЗОФ, ф 2, 1871 г., д 538, лл 11—36.

¹⁹⁸) Там же, 1874 г., д 707, лл 20—41

¹⁹⁹) ГАЗО, ф 245, 1882 г., д 101, лл 1—31

чиновники (132 человека) и кулаки, главным образом старосты (7 человек)²⁰⁰).

Органами городского самоуправления являлись городские думы и городские советы, возглавляемые городскими головами (старостами). Городские советы избирались думой на 6 лет в составе старосты (бургомистра), главного нотариуса, советников; в состав его входили обычно также и прокурор, городской врач и начальник полиции. Городской совет являлся исполнительным органом городского самоуправления и административно-полицейской властью в городе. Половину членов городской думы составляли вирилисты, «почетные граждане» города, другая половина членов думы избиралась имущими слоями городского населения. Трудящиеся массы городов, женщины, а также неграмотные были лишены избирательных прав²⁰¹).

Во главе сельских общин стояли «бировы» (старосты), избиравшиеся из числа крестьян «безупречного поведения», главным образом из представителей деревенской буржуазии. В выборах бирова могли участвовать только крестьяне, владеющие земельными участками, а батраки и желлеры, составлявшие значительную часть крестьянства, были лишены этого права. Но и права крестьян-избирателей были чрезвычайно ограничены, так как биров избирался из числа трех кандидатов, рекомендованных солгабировом. Решающее слово в избрании старосты принадлежало не крестьянам, а местным помещикам, в зависимости от которых находилось и сельское управление. Приходские священники, входившие в состав управления сельских общин, использовали свое влияние на крестьян-«верников» для того, чтобы подчинить дела общины панам-помещикам.

Выборы старост происходили также в обстановке обостренной классовой борьбы. На одной стороне выступали массы трудящихся крестьян, на другой — представители властей, помещики, кулаки, священники, стремившиеся, вопреки воле избирателей, навязать сельскому обществу своих кандидатов — послушных агентов, слепо осуществляющих политику социального и национального угнетения крестьянства. В закарпатских архивах сохранилось немало жалоб крестьян на насилия со стороны властей во время выборов старост, в числе которых были не только местные кулаки-эксплуататоры, но и самые матерые и лютые грабители крестьянства — корчмари и ростовщики.

Вот некоторые примеры, характеризующие методы и приемы, применяемые властями и господствующими классами для

²⁰⁰) ГАЗО, ф. 7, оп. 3, 1886 г., д. 2575, лл. 1—26.

²⁰¹) См. П. С. О. в. а., Прошлое Ужгорода, стр. 270.

того, чтобы обеспечить избрание старостами своих ставленников. В 1896 году в селе Кострино (Свялявский округ Бережской жупы), несмотря на протесты крестьян, старостой села был «избран» по рекомендации солгабирова местный корчмарь-мирод Мейша Грюнберг²⁰²). 69 крестьян села Бекень (Угочская жупа) подали в 1890 году жалобу главному жупану на нарушения солгабирова закона о выборах старосты²⁰³). В жалобе крестьян указывалось, что местные власти не включили в списки избирателей 14 человек, «неудобных им газд», сами списки избирателей не были вывешены, а о месте и сроке выборов было объявлено не за три дня, как это предусматривал закон, а только накануне выборов. Кандидатом в старосты властями был выдвинут бывший староста кулак Данканич, прислужник помещика Ж. Козани. Для обеспечения избрания Данканича во дворе Козани, где происходили и выборы, была поставлена бочка водки, из которой избиратели, отдавшие свои голоса за кандидата помещиков, могли черпать алкоголь ковшами. Таким способом Данканич снова был переизбран старостой. Жалоба крестьян села Бекень поступила в административную комиссию Угочской жупы в декабре 1890 года, которая рассмотрела ее через полгода и отклонила как «не соответствующую действительности».

В конце 1899 года с аналогичной жалобой за 40 подписями обратились с жалобой к главному жупану Бережского комитата крестьяне села Пацканьово²⁰⁴). О выборах старосты в этом селе было объявлено только вечером накануне выборов, в которых участвовала $\frac{1}{3}$ избирателей. Прибывшие в село чиновники и жандармы заставляли крестьян голосовать за бывшего старосту Ю. Билея, на квартире которого и происходили сами выборы. На запрос главного жупана В. Гагары по поводу фактов, изложенных в жалобе крестьян села Пацканьово, начальник Мукачевского округа П. Комьяти отвечал, что выборы старосты, проходившие на квартире Билея вследствие того, что школа была занята, проведены законно. Начальник округа называл жалобу крестьян «интригой враждебных элементов» и добавлял, что переизбранной старостой Ю. Билей «вполне соответствует своей должности» и что «высшие власти были им всегда довольны». Кроме того, как указывалось в ответе начальника округа, Билей имеет «большое хозяйство и может отвечать за материальный ущерб, причиненный общиной государству» (имеется в виду задолженность по налогам. — *И. К.*) и ко всему этому, он «владеет не только материнским, но и мадярским языком».

²⁰²) ГАЗО, ф 4, д. 281, л. 14.

²⁰³) Там же, ф. 245, оп III, 1891, л. 301, лл 11-52.

²⁰⁴) Там же, ф 10 (Наджупан Бережской жупы), оп I, 1900 г., л. 2951, лл. 5-6.

Жалоба крестьян села Пацканьово была отклонена главным жупаном комитата как необоснованная.

Наиболее ярко острота классовых и национальных противоречий в закарпатской деревне проявилась в период выборов старосты в селе Белках Бережской жупы 15 января 1906 года. Недовольство крестьян старостами — ставленниками помещиков назревало в этом селе давно. Еще в конце XIX столетия на должность старосты был назначен местный торговец и корчмарь, которого сменил мадьярский кулак Ш. Орбан, «избиравшийся» принудительно крестьянами на протяжении трех сроков. «Народ бунтовался и гойкал, рассказывал позднее крестьянин Антоний Фирцак, но паны стояли за мадьяром и всеми панскими фиглями старались, чтобы он был старостой»²⁰⁵).

Наступил день новых выборов старосты. 15 января 1906 года в Белки прибыл начальник Иршавского округа Йов Жигмонд для проведения выборов. «Выборы» старосты проходили так: начальник округа, переговорив с нотарем Комароми, который сообщил о желании местных помещиков и зажиточных крестьян оставить в должности старосты Ш. Орбана, «списал в канцелярии протокол, как заявлял тот же крестьянин А. Фирцак, вышел из канцелярии на ганг и заявил народу, что видит, что большинство за Шандором Орбаном и тому он уже его подтвердил», а кто недоволен выборами, добавил начальник округа, тот пусть подаст апелляцию в порядке, предусмотренном законом²⁰⁶).

Этот произвол вызвал возбуждение в толпе крестьян, которые, подняв на руки своего кандидата крестьянина-русина Ю. Горзова, стали кричать: «Да живет Юрко Горзов! Долю Орбана!». Начальник округа, попирая волю избирателей, попытался было уехать, считая свою миссию законченной, но крестьяне преградили ему путь. В Белки был вызван из соседнего села Ильницы помощник начальника округа Бузинкай с двумя жандармами в помощь 9 жандармам, которые сопровождали Ж. Йова. Толпа крестьян в 800 человек заполнила весь двор сельского управления и прилегающую к нему улицу. В ответ на крики крестьян: «Хотим Юрко Горзова!», «Под мост главнотружнотого!»²⁰⁷), «Съимайме го, и запхайме его под мост!», — жандармы начали выгонять крестьян со двора, избивая их прикладами. Возбуждение крестьян нарастало; в жандармов полетели камни и полена дров. Provocationным выстрелом, произведенным, вероятно, помощником нотаря И. Клейном, один из жандармов был ранен. Тогда по

²⁰⁵) «13 на смерть, 13 — в тюрьму», Кровавые выборы в Белках 15 января 1906 г., Ужгород, 1936, стр. 5.

²⁰⁶) Там же, стр. 6

²⁰⁷) «Главнотружнотый» — начальник округа.

команде окружного коменданта жандармерии Л. Шароши жандармы открыли огонь по толпе крестьян. В результате этой расправы над избирателями села Белки 13 крестьян (С. Семак, С. Биров, В. Попович, Ю. Матико, Мария Мигаль и др.) были убиты и более 30 ранено.

13 крестьян села Белки (Д. Зейкан, Г. Билинец, М. Цугорка и др.) были заключены в тюрьму и вскоре преданы суду по обвинению в «бунте» против властей. Несмотря на многочисленные показания свидетелей, организаторы и вдохновители расстрела крестьян в Белках солгабиров Ж. Иов, его помощник Бузинкай, комендант жандармерии Л. Шароши, нотариус И. Комароми и его помощник И. Клейн не только не были привлечены к судебной ответственности, но выступали на суде в качестве главных свидетелей обвинения. В отношении незаконных действий при выборах старосты начальника округа Ж. Иова и нотариуса И. Комароми суд ограничился только констатацией того, что выборы старосты были «неправильными», за что нотариус был оштрафован на 1000, а начальник округа — на 400 крон. В речи прокурора Н. Машики ни слова не было сказано о преступлении, совершенном представителями власти и приведшем к убийству 13 крестьян. Прокурор обвинял всех 13 подсудимых по статьям 163, 168—169 уголовного кодекса в «бунте», хотя показания более 70 крестьян-свидетелей неопровержимо доказывали, что виновниками кровавой расправы являлся Ж. Иов и его приспешники.

Прокурор отбросил все показания «простолюдинов» как «недостовверные» и основывал свое обвинительное заключение только на показаниях представителей властей, участников расстрела крестьян в Белках. Свидетели, указывал прокурор, «разделились на группу интеллигентов и на группу неграмотных». Первые показывали против обвиняемых, вторые — в пользу обвиняемых. «Суд должен верить интеллигентной группе», заявил прокурор Машика²⁰⁸). В этом заявлении прокурора с предельным цинизмом была выражена звериная, классовая сущность законодательства Венгрии и тех принципов, которыми руководствовались судебные органы в своей карательной деятельности. На суде выступали не две группы — «интеллигенты» и «неграмотные», а представители двух общественных классов — угнетенного и эксплуатируемого крестьянства, с одной стороны, и класса эксплуататоров и угнетателей — помещиков и буржуазии в лице их агентов, — с другой стороны.

Подсудимые крестьяне, беззащитные, темные и неорганизованные, были отданы на произвол судебным чиновникам — прислужникам господствующих классов. Они стояли один на

²⁰⁸) Указ соч «13 на смерть», стр. 18.

один против жестокой правительственной судебной машины. Ни одного голоса, за исключением показаний односельчан, не было произнесено в их защиту. «Духовные пастыри» крестьян и «защитники» из адвокатуры предоставили их самим себе. Приходский священник села Белки И. Романец, как рассказывал крестьянин М. Цугорка, «ходил просить для них (арестованных крестьян.—И. К.) милость в Будапешт и писал просьбу царю, но до конца не додержал за народом, и пошел на сторону панов». Будапештский адвокат А. Латор, говорил тот же крестьянин, «взялся был нас заступати, но на конец отказался»²⁰⁹). «Защиту» крестьян села Белки взял на себя береговский адвокат Ш. Рейсман, произнесший стереотипную речь, в которой только в самых общих словах было сказано о «праве» крестьян выдвигать кандидатуру старосты по своему желанию. В заключительной части своей речи защитник, обращаясь к суду с просьбой оправдать невиновных подсудимых, заявил: «...Не нужно ради одного авторитета штыков уничтожать подсудимых. Довольно уже было того, что от пуля жандармов погибло тринадцать человек. Память этих тринадцати мертвых пусть даст покойствие селу...» и, как говорилось в записи этого судебного разбирательства, адвокат потребовал за защиту «признать ему триста серебряных»...²¹⁰). Однако суд определил сумму гонорара Рейсману только в 120, а будапештскому адвокату Латору — 500 «сребренников» за отказ защищать крестьян от произвола и насилия властей.

Классовая «справедливость», осуществляемая судебными органами Венгрии, преследующими только одну цель — жестокое подавление малейшего протеста трудящихся против существующего строя, проявилась на этом судебном процессе в полной мере. Виновность подсудимых крестьян в организации «бунта», несмотря на все старания властей, на суде доказана не была. Все же 9 украинских крестьян (М. Цугорка, М. Цибиленко, В. Игнатко и др.) были осуждены за то, что «хотели насильно заставить главнoслужного Иова, чтобы сейчас же произвел новые выборы»²¹¹), к тюремному заключению сроком от 14 дней до одного месяца. Виновники кровавого преступления в Белках не только не понесли никакого наказания, но, зарекомендовав себя «энергичными служаками» и «патриотами», получили все шансы для продвижения вверх по служебной лестнице в государственном аппарате угнетения и насилия.

²⁰⁹) Там же, стр. 8.

²¹⁰) Там же, стр. 18—19.

²¹¹) Там же, стр. 19.

В конце XIX — начале XX столетия выступления народных масс Закарпатья против чужеземного угнетения приняли своеобразный характер движения, облеченного в религиозную оболочку. Наиболее распространенной формой его являлся отказ от унии и возвращение в «веру отцов»²¹²). Этим закарпатские крестьяне выражали и свой протест против засилья венгерско-немецких помещиков—католиков, и против господства католической церкви, отождествляемой ими с «ланской» церковью, и против униатского духовенства — пособника чужеземных угнетателей и эксплуататоров. Вместе с тем, отсталые, темные и порабощенные массы крестьянства Закарпатья, рассматривавшие общественные явления через призму религиозных представлений, видели в этом возвращении в лоно «своей», «настоящей христианской церкви», приближение к осуществлению иллюзорного, мистического христианского идеала всеобщей любви и братства, отражавшего в религиозной форме их извечное, неосознанное стремление к свободе и социальному равенству на земле. Наконец, разрывом с униатской, точнее, с католической церковью и Ватиканом, возвращением в «руську веру» закарпатские крестьяне выражали свое братское единство с русским народом, свое стремление к воссоединению с ним.

Я. Галан такими словами охарактеризовал сущность и значение движения за возвращение в веру отцов в Закарпатье. «Таким образом народ не только демонстрировал против навязанной ему врагами религии, но и против самого режима врагов, режима, составной частью аппарата которого была униатская церковь. И не только это. Возвращение в православие было одновременно демонстрацией религиозного и национального единства с братьями над Днестром и проявлением неодолимого стремления украинского народа Закарпатья к государственному объединению с родной семьей трех русских народов. Это было народное движение. Идея борьбы зародилась в народных низах и первыми храбрейшими в этой борьбе были представители деревенской бедноты»²¹³).

В 70—90-х годах XIX столетия, как сообщали местные власти, среди закарпатоукраинской интеллигенции и просто-

²¹²) Характеристика этого движения дана в указ статье В. І Нето-чаєва, Закарпаття напередодні ., стр. 122—136 «Причины движения среди самих угроруссов, писал русский консул в Будапеште, лежат, с одной стороны, в естественном желании возвратиться к вере дедов, с другой, — в невыносимом материальном и духовном гнете униатских патеров» (АВПР, ф Политархив, 1914 г., д. 586, л. 3 об.).

²¹³) Указ соч Я. Галан, т II, стр. 399; перевод с украинского автора

го народа все шире распространяются «русофильские» настроения и слухи о скором воссоединении Галиции, Буковины и Закарпатья с русским государством. Поскольку эти слухи соответствовали извечным чаяниям народных масс Закарпатья, они облекались народной фантазией в легенды о «золотой грамоте», о «русских полках», которые откроют перед ними путь к освобождению от угнетения чужеземными помещиками, ростовщиками и духовенством. Они пытались по-своему осуществить мечту об освобождении от социального и национального гнета, начав с перехода от унии к «вере отцов» и предполагая завершить его при помощи русского народа избавлением от помещичьей кабалы и разделом помещичьих земель.

Главный жупан Шаришского комитата, характеризуя в 70-х годах национальное движение среди закарпатских украинцев, указывал, что массу русинских крестьян, «стоящую на низшей ступени образования, при случае легко можно довести до фанатизма противогосударственными подстреканиями, проводимыми под прикрытием религиозности»²¹⁴). В 1882 году, как доносил начальник Великоберезнянского округа, при содействии «панславистов» И. Сильвая и Е. Фенцика, прибывший из Галиции «русский агитатор» К. Дверницкий собрал крестьян села Турья-Ремета возле церкви и заявил, что «осенью этого года придут русские полки и вызволят русинов из кабалы»²¹⁵). В селах Иза, Великие Лучки, Ракош-Паток дьяк А. Иванчо призывал крестьян покончить с унией, чтобы навсегда порвать с прошлым и начать новую жизнь вместе с русскими братьями, так как после смерти Франца-Иосифа Закарпатье, Галиция и Буковина будут присоединены к России²¹⁶). Эта идея распространилась и среди крестьян-русинов и в венгерских жупах, связывавших в неразрывное целое воссоединение с русским народом и свержением господства венгерских помещиков. Когда в 1897 году венгерские, словацкие и украинские крестьяне ряда комитатов (Сабольч, Сатмар, Земплин, Шариш, Унг и др.) под влиянием «аграрно-социалистического» движения готовились к разделу помещичьих земель, то среди крестьян-русинов распространились слухи о том, что «придет русский, который любит народ и преследует господ, и даст оружие Варконьи»²¹⁷). Проникновение изданий славянских организаций, книг и брошюр противников католической и униатской церкви (Михаила Сарича,

²¹⁴) Указ соч П Перени, стр 92

²¹⁵) ГАЗО, ф 4, 1882 г., д. 65, л 5.

²¹⁶) Там же, ф 772, оп I, 1904 г., д 578, лл 12 -35, 1904 1908 гг. д 579, лл. 1—10 .

²¹⁷) См. Simon P. A század forduló földmunkás — és szegényparasztmozgalmai 1891—1907, Bdp., 1953, стр. 144.

Г. Товта — «Где искать правду?») из России, Галиции и США способствовало распространению в Закарпатье среди крестьянства монархических иллюзий, связанных с русским царизмом, и оболочиванию классового и национального движения в религиозную оболочку.

Если даже сохранение внешних форм восточного церковного обряда в Закарпатье вызывало преследование верующих высшим униатским духовенством и властями, то возвращение греко-католиков в православие расценивалось ими как «бунт» и подавлялось всеми средствами насилия, имевшимися в распоряжении правящих классов Австро-Венгрии. Венгерское правительство, писал русский консул в Будапеште, всегда враждебно относилось к переходу униатов в православие, так как разрыв с унией «вызывается не столько религиозными, сколько политическими мотивами»²¹⁸).

В 1893 году униатский епископ и местные власти мерами насилия подавили движение крестьян некоторых сел Марамарошской жупы, выступавших против униатского духовенства. В 1901 году была привлечена к судебной ответственности группа крестьян—«схизматиков» из села Бехерова Шаршской жупы²¹⁹). В 1903 году католическая реакция учинила жестокую расправу над крестьянами села Иза, которые, подозревая, что их приходский священник И Раковский, пользовавшийся большим уважением прихожан, был отравлен «папешниками», — заявили о разрыве с унией. Местные власти и униатский епископ, видя в этом выступлении крестьян села Иза «дурной пример непослушания» и «бунта», применили по отношению к «схизматикам» старую австрийскую систему борьбы с антикатолическим движением — «систему драгун». Несколько батальонов габсбургских солдат были расквартированы в селе Иза, бесчинствами которых население было терроризировано. Солдаты открыто грабили крестьян, отбирали у них хлеб и домашние вещи. «Русинских бунтовщиков» третировали и оскорбляли, «упорствующих в православии» донимали штрафами. Пьяные и разнузданные ватаги солдат врываются в крестьянские избы, чинили погромы, насиловали женщин.

Около 100 крестьян села Иза во главе с Акимом Вакаровым, Василием Лазарем, Василием Кемень и Василием Плеска²²⁰), как главными «зачинщиками бунта», были арестованы и преданы суду по 172 статье уголовного кодекса «за подстрекательство против установленных властей». Первые

²¹⁸) АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д 15, л. 6 об.

²¹⁹) См указ. соч И. Перени, стр. 125.

²²⁰) У Василия Плески при обыске было найдено прошение на имя русского царя, в котором выражалось желание «угорских русских» присоединиться к России (см. «Славянский век», № 79, 1904 год, стр 216).

трое «подстрекателей» были приговорены судом к 14 месяцам тюрьмы каждый и к 100 кронам штрафа, другие — к 8—12 месяцам тюремного заключения. Так, униатско-католическая реакция вкупе с венгерскими властями расправилась с «шизматической ирредентой» в селе Иза²²¹).

Аналогичное движение крестьян, развернувшееся в селе Великие Лучки в 1904 году, показательное в том отношении, что оно раскрывает подлинную подоплеку этого по форме религиозного движения, являвшегося на самом деле, по своему социальному содержанию, аграрным движением крестьян против помещичьей эксплуатации и национального угнетения. Массы закарпатоукраинских крестьян села Великие Лучки испытывали тяжелую нужду и постоянно находились на грани голода. На 5 крестьянских дворов этого села приходился только 1 хольд пашни, в то время как вокруг села простирались бескрайние владения немецкого графа Шенборна, который на протяжении многих лет жестоко эксплуатировал и грабил крестьян-арендаторов. Попытки крестьян приобрести необходимую им землю у графа Шенборна не увенчались успехом, так как последний не только назначил непомерно высокую цену за землю (700 крон за кадастровый хольд), но соглашался продать пахотную землю близ села вместе с обширными лесными угодьями урочища «Нáт» площадью в 10 тысяч хольдов. Крестьяне, не имеющие средств для покупки такого количества земли по ростовщическим ценам, вынуждены были остаться на своих парцеллах в качестве потомственных арендаторов и наемных рабочих графа Шенборна. Именно в этих условиях, на почве безземелья и угнетения, среди закарпатоукраинских крестьян села Великие Лучки усилилось движение за возвращение в православие, выражавшее собой протест против чужеземного порабощения и помещичьей эксплуатации. Как указывалось в сообщении экспозитуры горных районов, движение за «обращение в другую религию» стало популярным среди крестьян «по социальным причинам». Крестьяне, убежденные многолетним опытом, что у венгерских и немецких помещиков они не получают земли даже за деньги, решили отказаться от «панской» веры в надежде, что русские братья освободят их от угнетения. В виду того, говорилось в донесении экспозитуры, что движение в Великих Лучках носит социальный характер, так как религия здесь играет только роль средства для «достижения социальных целей», то это движение могло бы полностью потерять почву, если бы «удалось как можно быстрее решить самую существенную социальную проблему: дать

²²¹) «Славянский век», № 79, 1904 год, стр. 216

народу землю, чтобы он мог существовать»²²²). Но эта проблема при существующем помещичье-капиталистическом строе, как понимали крестьяне, не могла быть разрешена. Им оставалось только одно — бороться доступными средствами за свое освобождение из-под чужеземного гнета. Таким средством в сложившихся исторических условиях и являлся разрыв крестьян с унией.

Руководители греко-католической церкви, лишённые даже той доли классовой «дальновидности», которую проявляли некоторые государственные деятели Венгрии, в ответ на отказ верующих от унии требовали только одного — расправы с «панславизмом». Тупоумный мракобес в епископской митре Ю. Фирцак после событий в Изе и Великих Лучках, обращаясь к премьер-министру Венгрии, писал: схизматическое движение крестьян в мукачевской епархии как «панславистское» движение, угрожающее существованию государства, надо задушить в самом зародыше, ибо «если мы теперь... упустим уничтожение зачатка беды, то она вкоренится и станет гнильником на теле нации, постоянно разжигаемым и распространяемым панславистской пропагандой», которая «фальшивыми обещаниями сможет инфицировать и подстрекать к измене живущий в северо-восточных Карпатах русинский народ»²²³).

Движением среди закарпатских крестьян были обеспокоены не только местные светские и духовные власти, но и правительство Венгрии. Премьер-министр граф Тиса в своем письме министру культа и народного просвещения по поводу событий в селе Великие Лучки и в других селах указывал, что пропаганда «обращения в православие» и распространение «панславизма» серьезно угрожают «венгерским национальным интересам». Но вместе с тем он подчеркивал, что «униатское духовенство не отвечает высоким требованиям в исполнении своих задач и выдвигает лишь свои собственные интересы»²²⁴). Основываясь на донесениях местных властей, Тиса обращал внимание министра на высокие церковные поборы в Закарпатье, которые вызывают недовольство верующих. Так, крестьяне села Великие Лучки, имеющие меньше 1 хольда земли, отдают ежегодно священнику в виде коблины 1 веко (до 20 кг зерна), а если у крестьянина несколько взрослых сыновей, то каждый из них должен в таких же размерах вносить установленную долю зерна в пользу священника. Недаром, указывалось в этом письме, среди русинов распространена поговорка, что даже богатую крестьянскую

²²²) Указ соч И Перени, стр 126.

²²³) Там же, стр 128.

²²⁴) Там же, стр 129.

семью «одни похороны вгоняют в долги, вторые — лишают скота, а третьи — отбирают землю». Премьер-министр предлагал рассмотреть вопрос о выплате униатским священникам государственной дотации (congna), что будет отвечать государственным и национальным интересам Венгрии.

В другом личном письме графу Ф. Шенборну Тиса писал: «Вероятно, ты изволил обратить внимание на то обстоятельство, что в некоторых частях Марамарошской и Бережской жуп началось среди униатских русинов под предлогом религиозных вопросов противогосударственное движение, которое следует удушить или локализовать в зачатке, если мы хотим предотвратить опасность общего во всей северной Венгрии движения, направленного против государства, церкви и господ»²²⁵). Он обращался к графу Шенборну с просьбой «помочь в беде» и продать землю крестьянам села Великие Лучки, чтобы удовлетворить их «жажду к земле» и парализовать деятельность «подстрекателей», которые утверждают, что «венгры и за деньги не дают им земли, а русские дадут». В заключении своего письма Тиса призывал Шенборна выполнить его просьбу, проявить «благодетельность» к крестьянам и этим заслужить благодарность «всей нации» и ее вождей. Приведенные письма графа Тисы достаточно красноречиво говорят о том, что значение религиозного по своей внешней форме движения крестьян в Закарпатье выходило далеко за пределы локального события, а рассматривалось правительственными кругами как прецедент, могущий повести к нежелательным последствиям для господствующих классов Венгрии в целом. Вместе с тем, эти письма показывают, что правительство вынуждено было для ослабления и локализации крестьянского движения в Закарпатье принять некоторые меры к «упорядочению» поборов крестьян в пользу униатского духовенства и к продаже земли сельским обществам. Однако главным методом «умиротворения» освободительного движения трудящихся угнетенных наций, применяемым венгерским правительством, продолжало оставаться насилие.

Но ни репрессии, ни обещания снизить «штолу», а возвратившимся в унию крестьянам предоставить земельные участки²²⁶) не приостановили движение крестьян за «руську веру». Через несколько лет после событий в селе Изе, как сообщала венгерская газета «Az Est», порвали с унией 14 тысяч марамарошских крестьян в знак протеста против непомерных поборов униатского духовенства, «беспощадно взыскиваемых с населения, несмотря на его бедность»²²⁷). И в этих условиях корыстолюбивое униатское духовенство продолжало цеплять-

²²⁵) Там же.

²²⁶) АВПР, ф. Канцелярия, 1913, д. 15, л. 11.

²²⁷) Там же, ф. Политархив, 1912—1913 гг., д. 585, л. 100.

ся за установленные еще в XVII столетии церковные поборы в виде коблины и роковины, бомбардируя правительственные органы петициями и резолюциями, заполненными требованиями беспощадно искоренять схизму, вызванную, мол, «политической пропагандой России». Совещание униатского духовенства мукачевской епархии, состоявшееся в 1912 году, призывало правительство обрушить меры репрессий против «панславистских» агитаторов и распространителей печати, призывающей к схизме²²⁸).

С каждым годом перед первой мировой войной национальное угнетение закарпатских украинцев и преследование «москальских шизматиков» принимают все более дикие формы, нашедшие свое наиболее гнусное выражение в судебной комедии, известной в литературе под именем «Марамарош-Сигетский процесс». В конце 1913 года в Марамарош-Сигете начался инсценированный австро-венгерской политической полицией суд над 93 крестьянами Марамароша, обвиненными в государственной измене. Какую цель преследовали организаторы этого пресловутого процесса? Она состояла в том, чтобы, представив 93 закарпатских крестьян «русскими агентами» и жестоко покарав их, терроризовать, запугать закарпатоукраинских трудящихся, как и другие угнетенные народы Австро-Венгрии, заглушить в них чувство национального самосознания, и таким образом добиться полной мадьяризации закарпатских украинцев, установив прочное господство римско-католической церкви. Вот почему австро-венгерские власти движение крестьян за возвращение в старую веру стремились представить как политическое движение против основ австро-венгерского государства. Русский консул в Будапеште по этому поводу писал, что Вена «прилагает все усилия к тому, чтобы, с одной стороны, показать населению новый поучительный пример разгрома «панславистской агитации», а, с другой стороны, «не вызвать слишком много шума в Европе»²²⁹).

Реакционно-католические круги Австро-Венгрии в связи с Марамарош-Сигетским процессом развернули дикую кампанию клеветы против «панславистских агитаторов» и закарпатских русинов, требуя «вырвать с корнем москальскую ирреденту». Причем, как выражался русский консул в Будапеште, «боевая роль» в этой кампании «предоставляется венгерской печати, что вполне соответствует этике руководящих кругов двуликой монархии»²³⁰). Председатель суда в Марамарош-Сигете Петрович, выражая мнение господствующих классов Австро-Венгрии, заявил представителям печати, что

²²⁸) АВПР, ф. Политархив, 1912—1913 гг., д. 585, л. 99

²²⁹) Там же, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 15, л. 20 об

²³⁰) Там же, л. 21.

этот процесс «раздавит дерзкую панславистскую агитацию»²³¹).

Первоначально венгерскими властями было привлечено к ответственности 189 марамарошских крестьян, содержащихся в подследственной тюрьме свыше года. В июле 1913 года следствие по этому делу было закончено и судебная седрия в Дебрецене назначила судебный процесс на 25 ноября. Но премьер-министр, как сообщали современники, остался недоволен материалами следствия, представленными королевским прокурором. По распоряжению премьер-министра в Будапеште было созвано специальное совещание с той целью, чтобы «преподать суду определенные инструкции». Это совещание светских и духовных реакционеров и душителей свободы угнетенных народов, с участием министра культа Янковича, представителя министерства внутренних дел барона Перени, мукачевского епископа Антония Паппа, марамарошского викария Михаила Балоба и других, приняло решение отсрочить начало процесса, «уточнив» обвинительное заключение и его формулировки.

Именно в это время венгерская газета «Pesti Náplo» в статье, посвященной следствию над закарпатскими крестьянами, спрашивала: «Можно ли обвинять рутен в агитации против государства, которое отказывает им в самых необходимых условиях человеческого существования?», — и отвечала на этот вопрос отрицательно, добавляя: «Сомнителен исход процесса, но несомненны постыдные его последствия»²³²). Однако такого рода предостережения и протесты прогрессивной венгерской печати не повлияли на организаторов и вдохновителей судебного процесса в Марамарош-Сигете. Они, ослепленные ненавистью к освободительной борьбе поработанных народов, стремились любыми средствами создать устрашающий «монстр-процесс», как его называли современники.

По указанию правительства следственные органы применяли по отношению к подсудимым крестьянам пытки для того, чтобы вырвать у них признания в антигосударственной деятельности. Подсудимых избивали воловьими жилами до полусмерти в застенках тюрьмы, им выворачивали суставы; терзали голодом и жаждой, мучили ужасами смертной казни. Но как ни изощрялись изобретатели «панславистской ирреденты», все же им пришлось еще до суда освободить из заключения за отсутствием каких бы то ни было улик большую часть марамарошских крестьян, находившихся под следствием. Государственным обвинителем по этому делу был на-

²³¹) АВПР, ф Канцелярия, 1913 г., д. 15, л. 22

²³²) Там же, л. 18 об

значен мадьярон, сын униатского священника Андрея Ильяшенко, выступавший под именем Андора Иллеша. Он прилагал все старания, чтобы превратить эту беспрецедентную расправу над крестьянами в «политическое дело государственного значения», но это ему положительно не удавалось.

«Обвинительное заключение» было настолько необоснованным, а подкупленные и подставные лжесвидетели настолько не подготовлены к своим ролям, что даже неискушенный человек без труда мог разглядеть белые нитки, которыми оказались сшиты и «обвинения» и грубопровокационная подкладка этого «процесса 93-х». Прокурор обвинял подсудимых по 172 и 173 статьям уголовного кодекса в «подстрекательстве» против государства, его законов и порядка, против греко-католической церкви и униатского духовенства. «Преступления» марамарошских крестьян якобы состояли в том, что они находились в «преступной связи» с «Галицко-русским обществом» в Петербурге и с высшими кругами православной церкви в России и Буковине. Подсудимые, говорилось в обвинительном заключении, вошли в соглашение с указанными выше лицами с той целью, чтобы оторвать от Австро-Венгрии и присоединить к русскому государству ее «исторические» земли, населенные русинами-униатами. Обвиняемые, заявлял прокурор, руководствовались в своей деятельности соображениями материальной выгоды и отчасти любовью к «православной русской вере, которая служит русской национальной идее».

Главным обвиняемым на этом процессе являлся Алексей Кабалюк из села Ясини, в прошлом лесоруб, посвященный незадолго до ареста православным епископом в священники. Ему, а также крестьянам Георгию Воробчуку, Якову Борканиюку, Ивану Баланец, Дмитрию Петровцию и Елене Глушманюк было предъявлено обвинение в «противогосударственной агитации», которая выражалась в том, что они, выступая перед крестьянами, говорили: «Униатская вера нехорошая, потому что во главе ее стоит папа. Священники испортили униатскую веру. Они больше живут для своего кармана и для своего тела. Они не умеют и не хотят молиться, только спешат обедать, развлекаться, танцевать, не заботясь о народе и душе...»²³³).

Крестьянин села Иза Василий Вакаров обвинялся в том, что в православной церкви в присутствии 30—40 прихожан заявлял: «Униатская вера искажена. Нас хотят сделать папаштами. Униатские попы нехорошие. Настоящие священники — это православные русские священники». Кирилл Прокп, как явствовало из обвинительного заключения, повторяя,

²³³) Газета «Карпаторусский голос», Ужгород, 10 марта 1934 года.

что униатская вера искажена, добавлял: «Попы сдирают с народа кожу, а им все мало» Крестьянин Полканинец привлекался к ответственности за распространение в Изе и Хусте молитвенников, икон, завезенных из России. Кроме того, ему предъявлялось обвинение в «антигосударственной» агитации, выразившейся в его заявлении: «Попы служат неправильно... они уже не тому учат, чему Христос учил... Хуст был русским городом и, может быть, снова будет принадлежать им»²³⁴). Крестьяне Зейкан, Рошинец, Нездбайло, Трусинец, Балог, Стебняк и другие привлекались к ответственности только за чтение политического еженедельника «Русская правда», издававшегося в Черновицах и проходившего австрийскую цензуру, изданной в США брошюры православного священника Г. Товта «Где искать правду?» и православных богослужебных книг на русском языке. Такого же рода обвинения были предъявлены и другим подсудимым по этому делу о «государственной измене».

Судебный процесс в Марамарош-Сигете от начала и до конца сопровождался грубейшими нарушениями элементарных законов судопроизводства и прав подсудимых. Это был не суд, а расправа. Официальный переводчик Дарвац умышленно искажал показания подсудимых, назначенные властями «защитники» крестьян преднамеренно запутывали дело; в числе свидетелей фигурировали главным образом агенты полиции. Одним из таких свидетелей обвинения являлся некто Андрей Манайло. Он был, по словам мадьярской газеты «Világ», платным агентом-provokatorом пограничной полиции. Этот полицейский обосновался в селе Липча, вблизи Хуста и «там ходил между народом, начиная разговоры о царе и России, постоянно намекая на мадьяризацию и на католическое духовенство для того, чтобы соблазнить народ к непродуктивным выступлениям или провозглашениям». Все остальные свидетели, указывала та же газета, являлись поголовно зависимыми от полиции и местных властей. Это относилось и к свидетелям из числа униатских священников. Выступавшие на этом процессе греко-католические попы Кимак, Азарх и др. в доказательство виновности подсудимых в «государственной измене» приводили такие доводы, как поклонение схизматиков «трехрамённому кресту», который, мол, является символом «русского панславизма».

Главным козырем в руках обвинения являлся свидетель Кирилл Дулишкович — агент тайной полиции и provokator. О его провокационной деятельности еще до Марамарош-Сигетского процесса сообщала чешская газета «Народни Лист». Редактор этой газеты в таких словах описывал первую встре-

²³⁴) Указ соч. Й Перени, стр. 152

чу с Дулишковичем в редакции газеты: Дулишкович представился как адвокатский кандидат из Будапешта, который, как угрорусс, хотел бы завязать отношения с пражскими славянскими кругами, чтобы при их помощи создать газету «для пробуждения своего народа». Причем в разговоре Дулишкович проявлял особый интерес к тому, «поддерживают ли чешские банки политическую работу в Венгрии и не согласились ли бы также поддержать русскую газету». Из разговора стало ясно, что Дулишкович—провокаатор, но чтобы убедиться в этом, редактор газеты вызвал полицию для задержания «русского шпиона». Перед полицией, писала газета «Народни Лист», Дулишкович должен был «легитимизироваться и оказалось, что он действительно шпицль мадьярского правительства»²³⁵). Оказалась неудачной также и поездка Дулишковича с провокационной целью в Петербург. И вот на показаниях этого прожженного провокаатора и было построено главным образом обвинительное заключение против марамарошских крестьян В ходе процесса Дулишкович был полностью изобличен подсудимыми, защитой и свидетелями как подкупленный лжесвидетель и провокаатор.

Подсудимые марамарошские крестьяне, несмотря на истязания и длительное заключение в условиях строгого тюремного режима, не отказались от своих убеждений. Алексей Кабалюк, Василий Вакаров, Георгий Воробчук и другие, отвергнув обвинения в антигосударственной деятельности и в получении денег для «русской пропаганды», заявили, что они стоят и будут до конца стоять как русские люди за «свою» веру. Судебная расправа над украинскими крестьянами вызвала волну протеста широкой общественности как в Австро-Венгрии, так и в других странах.

Венгерская оппозиционная газета «Budapest» по поводу Марамарош-Сигетского процесса писала: «Венгерское правительство идет от срама к сраму, от террора к террору... Выдвинутый им схизматический процесс, бессмысленный и несправедливый, является истинным кровавым наветом...» Это ужасное событие произошло потому, продолжала газета, что «правительство либеральной Венгрии вырвало из рук рутенов их молитвенники и объявило их веру и молитвы изменой отчизне! Подобное бессмысленное злодеяние достойно лишь испанской инквизиции...» Правительство заявляет, что «схизма открывает дорогу русской пропаганде, которую распространяют из России. Что это неправда — знает всякий здравомыслящий человек», а легенду о «катящемся рубле»²³⁶) газе-

²³⁵) «Карпаторусский голос», 10 марта 1934 года

²³⁶) Версия о «катящемся рубле», т е о финансировании «схизматического движения из России, широко распространялась венгерской националистической печатью. Изученные нами архивные материалы не дают

та называла «просто смешной». Заканчивалась эта статья такими словами: «Мы заявляем, что даже в официальных кругах признано, что русское правительство и дипломатия не принимали никакого участия в движении... Вся схизматическая басня есть лишь покров, за которым скрывается политическая махинация, желающая оправдать правительство в его неудачной политике по отношению к национальностям»²³⁷). С особым сочувствием к марамарошским крестьянам относились чешская печать и деятели чешского национального движения. На общеславянском митинге в Вене, организованном в защиту марамарошских крестьян, один из представителей чешского национального движения подчеркивал, что «русский народ за Карпатами, несмотря на чудовишные преследования, остался верным историческим традициям, связывающим его культурно и национально со всем великим русским народом». Митинг призвал всю культурную Европу положить конец насилию, ибо марамарошский процесс является срамом и позором для австро-венгерского «правосудия»²³⁸).

Эти протесты славянской общественности и прогрессивной венгерской печати²³⁹) охладил погромный пыл правящей клики Австро-Венгрии. 3 марта 1914 года был объявлен приговор по делу 93-х марамарошских крестьян. Главный обвиняемый Алексей Кабальук был осужден на 4½ года тюрьмы, а 32 других обвиняемых в общей сложности к 32½ годам тюремного заключения. Так расправились господствующие классы Австро-Венгрии с участниками крестьянского национального движения в Закарпатье. Марамарош-Сигетский судебный процесс не только не заглушил в сознании широких народных масс Закарпатья стремление к воссоединению с братским русским народом, а, наоборот, усилил это движение. Русский консул в Будапеште в одном из своих донесений указывал, что национальное движение угнетенных народов Венгрии настолько обострилось, что может повести «к весьма опасным для нее результатам». Закарпатские же русины, которые «бедствуют материально, терпят гонения за веру», еще сильнее к ней стремятся, «и тем притягательнее для них становится Россия»²⁴⁰).

оснований для таких выводов. Известно только, что г-р В. Бобринский, как доносил русский консул в Будапеште, вручил защитнику обвиняемых марамарошских крестьян Клейну 6 тысяч крон в виде залога для освобождения А. Кабальюка из заключения до вынесения окончательного приговора (АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 167, л. 2 об.)

²³⁷) АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 15, л. 18

²³⁸) «Карпаторусский голос», 10 марта 1934 года.

²³⁹) АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 15, л. 30

²⁴⁰) Там же, л. 7.

ГЛАВА II

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ КЛЕРИКАЛЬНО-БУРЖУАЗНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

1. УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ХАРАКТЕР НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАКАРПАТЬЕ

Развитие национально-освободительного движения поработанных габсбургским абсолютизмом народов в XIX веке определялось прежде всего внутренними причинами, теми изменениями, которые произошли в общественно-экономических отношениях в эпоху перехода от феодализма к капитализму, теми социальными противоречиями, которые эта эпоха породила. Подъем крестьянского антифеодального движения в первой половине XIX столетия сыграл главную роль в пробуждении национального движения славянских народов, находившихся под гнетом австрийской монархии.

Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма, как известно, являлся в то же время и процессом складывания наций. Национальные движения возникли и оформились вместе с утверждением капиталистических отношений. «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальным движением, — указывал В. И. Ленин. — Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»¹⁾.

Совершенно естественно, что форма и содержание национального движения, его классовая сущность определяются

¹⁾ В. И. Ленин, соч., т. 20, стр. 368.

конкретно-историческими условиями, состоянием того общества, в котором оно возникает уровнем экономического развития, соотношением классовых сил, формой государственного строя, уровнем развития культурной и общественной жизни, степенью притеснения подчиненных наций и пр., т. е. всей совокупностью социально-экономических и политических отношений.

Тяжелое колониальное положение Закарпатья, чрезвычайно слабое развитие промышленности, торговли, городов обусловили своеобразие и отсталость национального движения. Здесь во второй половине XIX столетия не образовался еще значительный слой украинской торгово-промышленной буржуазии, а мелкая местечковая буржуазия была малочисленной, неорганизованной и слабой. Причину этого явления надо искать в особенностях социально-экономического развития, а не в каких-то особенностях психического склада русинов, как утверждали некоторые буржуазные авторы. Г. А. Де-Воллан указывал, например, что закарпатский украинец «не любит братья за рискованное предприятие и это одна из причин, почему среди верховинцев мало капиталистов»²⁾. Класса промышленного пролетариата в Закарпатье еще не существовало: во второй половине XIX столетия происходил еще процесс его формирования.

В этой отсталой аграрной области население состояло главным образом из крестьян, подавляющую массу которых составляло бедное, безземельное и малоземельное крестьянство. Крупные помещики-дворяне, сосредоточившие в своих руках огромную долю земель, лесов и пастбищ, принадлежали к господствующей нации. В этих условиях, когда репрессии со стороны полуфеодальной, полубуржуазной бюрократии господствующей нации затрагивали интересы «земли», национальное движение в Закарпатье должно было принять аграрный характер, острием своим направленным против засилья венгерско-немецких помещиков.

Таким образом, классовая сущность национального движения в Закарпатье заключалась в том, что национальное движение здесь тесно переплеталось с борьбой крестьянства за землю. Но эта борьба в XIX веке не приняла широкого размаха и формы открытых массовых выступлений против чужеземных землевладельцев-эксплуататоров вследствие неорганизованности, отсталости, забитости масс крестьянства, опутанных феодальными формами эксплуатации, не имевших политического вождя в лице революционного рабочего класса. Закарпатоукраинская сельская буржуазия — главное дейст-

²⁾ Указ. соч. Г. А. Де-Воллан, Угрорусские народные песни, стр. 8.

вующее лицо национального движения—была также мало-численной и слабой, а представители клерикально-буржуазной интеллигенции, претендовавшие на роль идеологов национального движения, в силу своей социальной природы не были способны возглавить освободительное движение народных масс.

Закарпатская сельская и городская буржуазия, выдавая свое собственное дело за «общенародное», стремилась к захвату в свои руки «родного рынка» и «родных земель», к установлению монопольного права на эксплуатацию «своих» масс крестьянства, которые, наоборот, стремились к устранению засилья чужеземных и «своих» помещиков, торговцев и ростовщиков, к свободной жизни на «власній землі».

Вопреки этому, буржуазные и униатские авторы, характеризуя национальное движение в Закарпатье во второй половине XIX столетия, утверждали, что закарпатоукраинский народ выступал как целое под единым для всех классов и социальных лозунгом за свои национальные права, возглавляемый своими «общенациональными вождями — будителями». Исторические факты показывают несостоятельность подобного рода взглядов. Факты свидетельствуют о том, что социальным содержанием национального движения в Закарпатье являлась борьба крестьянства за землю, против чужеземных и «единокровных» эксплуататоров, что ни о каком «едином потоке» в национальном движении не могло быть и речи, ибо классовые противоречия между угнетенными массами крестьянства и городских низов, с одной стороны, и помещиками, кулаками, городской буржуазией мадьярской и закарпатоукраинской национальности, с другой,—определяли основную сущность освободительного движения народных масс Закарпатья этой эпохи.

Ограничительные меры и репрессии, применяемые государственным аппаратом господствующей нации по отношению к русинам, выражавшиеся в насильственной языковой ассимиляции, разрушении украинской школы, преследовании культурно-просветительных организаций, в препятствиях к получению русинами среднего и высшего образования, в закрытии доступа к занятию должностей закарпатской интеллигенцией в государственном аппарате и, наконец, религиозные стеснения создали почву, на которой возникло движение за гражданское равноправие закарпатских украинцев и устранение стеснений в области национально-культурной жизни и религиозных отправлениях.

Вот те конкретно-исторические условия внутреннего развития Закарпатья, обусловившие собой особенности национального движения, содержание которого, коротко говоря, определялось аграрным характером движения, сочетавшего

ся с требованиями гражданского равноправия, свободного национально-культурного развития и автономии в церковно-религиозных делах.

Революции 1848—1849 годов в Австрии и Венгрии и национально-освободительное движение славянских народов, особенно чехов, словаков и галицких украинцев против габсбургского деспотизма, оказали значительное влияние на развитие национального движения в Закарпатье и на формирование взглядов закарпатской национальной интеллигенции. «События 1848 и 1849 годов еще сильнее подняли народное чувство и сознание между карпаторуссами», — указывал один из русских авторов³). Наступил 1848 год, писала закарпатская газета «Свет», и «заваял по всей Европе дух народности и свободы; распали оковы средневекового феодализма; настали по штатам новые граждане, а между теми новыми гражданами явился и подкарпатский русский народ, проснувшийся после долгого сна...»⁴).

Пламенные призывы к свободе Ш. Петефи находили живой отклик в Закарпатье. Широкой популярностью среди русинской молодежи пользовалась патриотическая поэзия Яна Коллара. Проникавшие в Закарпатье произведения классиков русской и украинской литературы, труды чешских и словацких ученых, посвященные истории России, русской литературе, а также переводы на чешский и словацкий языки произведений русских классиков способствовали укреплению культурных связей Закарпатья с Россией и братства закарпатских украинцев с русским народом.

Деятели чешского национального возрождения, как и представители национально-политического движения Западной Украины, не только выражали сочувствие угнетенным общим врагом закарпатским украинцам, но и выступали в защиту их национальных прав, оказывая поддержку закарпатской интеллигенции в ее национально-политической и культурной деятельности. Славянский съезд в Праге также оказал влияние на укрепление славянофильских взглядов закарпатской интеллигенции и, вместе с тем, на распространение в ее среде реакционных идей австрославизма и планов переустройства Австрии на федеративных началах и превращения ее, как выражался О. Пич, в «союз народов», в котором «славяне имели бы перевес»⁵). Программа съезда и положения, выдвинутые словацко-русинскими представителями, сводившиеся главным образом к требованиям национально-

³) Н. Попов, Русский писатель в Венгрии А. В. Духнович, «Беседы в обществе любителей российской словесности», вып. III, М., 1871 год, стр. 54.

⁴) «Свет», 1 (13) июля 1867 года

⁵) Указ соч. Пич О., стр. 151.

культурного характера (признание словаков и русинов «особыми народами» и предоставление им гражданского равноправия, созыв особых «национальных конгрессов» для защиты их национальных прав, открытие народных школ и высших учебных заведений с родным языком преподавания и т. п.), стали исходными пунктами национально-политической и национально-культурной программы закарпатских «будителей».

Многие закарпатские и русские авторы второй половины XIX — начала XX столетия (А. Духнович, И. Раковский, И. Сильвай, Е. Фенцик, М. Лихутин, Л. Василевский, Ф. Аристов и др.) выдвигали на одно из первых мест, или даже на первое место, среди причин, обусловивших подъем национального движения в Закарпатье, пребывание русских войск в Венгрии в 1849 году. Ф. Ф. Аристов в своей книге «Карпато-русские писатели» указывал, например, что день, когда на высотах Карпат появились русские войска, «стал поворотным пунктом в угро-русской истории»⁶⁾.

Русских солдат, как свидетельствуют современники, закарпатские украинцы встречали с доверием и воодушевлением, не задумываясь над политическими целями их похода. Русский автор И. Ореус, издавший в 1880 году «Описание венгерской войны 1849 года», писал: «На самом рубеже Венгрии сотни карпатских славян вышли навстречу нашему войску» и «встречали наши войска дружелюбно». Другой очевидец, М. Д. Лихутин, сообщал: «Русняки встретили нас с доверчивостью. Толпы их — мужчины, женщины и дети — собиравшись к бивуакам войск, приносили все, чем могли угостить, — кур, яиц, молока, масла — и некоторые не хотели брать предлагаемую им плату»⁷⁾.

Военный комиссар австрийского правительства, прикомандированный к III корпусу русской армии (вероятно, А. Добрянский), в своих воспоминаниях также указывал, что русинское население Шаришской, Абауйской и Боршодской жуп целыми массами устремлялось к главной дороге, по которой двигалась русская армия, «охотно снабжая ее подводами и продовольствием, и вообще угощая по мере средств своих братьев... И русские войска были радостно удивлены, встретив в неприятельской стране столь дружественное и родственное население. Многие солдаты были даже искренне убеждены, что они все еще находятся в России...».

Анонимный корреспондент «Славянских известий» о первой встрече закарпатских украинцев с русскими солдатами писал: «Нам говорили, что это племя полумонгольское,—

⁶⁾ Ф. Ф. Аристов, Карпато-русские писатели, т. 1, М., 1916, стр. 32.

⁷⁾ Указ соч. М. Д. Лихутин, стр. 57.

мы прислушиваемся к его речи, и — удивительно! мы понимаем все, чуть не слово в слово...». Не меньшее удивление вызвал общий церковнославянский язык богослужения и одинаковые обычаи. «Мы прислушиваемся и присматриваемся к их богослужению и следим за их исповеданием: каково оно? Но тут нашему изумлению и пределов нет!... все их богослужение — слово в слово то же, что и наше, и книги те же самые старорусские, кирилловские!»⁸⁾. Этот же автор выразил в таких словах значение для закарпатских украинцев общения с русскими солдатами: «Наконец-то завеса спала с наших глаз! Мы сразу увидели ту бездну лжи и обмана, в которой враги держали нас столько времени. Мы знаем — кто мы; знаем «чья правда, чья кривда»... Мы знаем, что москали не какая-нибудь монгольская дичь, а тот же русский народ, что и мы; что мы точно такие же москали, как и они, а они точно такие же русины, как и мы... Вот как стали мы рассуждать»⁹⁾.

Основываясь на приведенных и других подобного рода фактах, указанные закарпатские и русские авторы делали вывод о решающем влиянии пребывания русских войск в Венгрии на «национальное возрождение» закарпатских украинцев. Эта точка зрения, ставшая традиционной в старой закарпатской исторической литературе, не может быть безоговорочно принята нами, так как она основывалась на односторонней интерпретации свидетельств современников и приводимых ими фактов, которые абсолютизировались и рассматривались в отрыве от всей совокупности социально-экономических отношений в Закарпатье и политических целей и последствий контрреволюционной интервенции царизма в Венгрию.

Подъем национального движения закарпатских украинцев, как мы указывали, был прежде всего результатом внутренних, социально-экономических и политических причин. Но при всем этом нельзя отбрасывать и факторы внешнего порядка, оказавшие также известное влияние на развитие национального движения русинов, принадлежавших к той группе «австрийский славян», которая, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, состояла из обломков различных племен, отколовшихся в ходе истории от великого тела своей нации, и «центр тяжести которых лежит поэтому вне Австрии»¹⁰⁾.

Учитывая это исторически обусловленное обстоятельство, надо признать, что само по себе пребывание русских войск в областях, населенных русинами, не могло пройти бесслед-

⁸⁾ Прикарпатский русин, Мнение карпаторусса о последствиях русско венгерской войны 1849 года, «Славянские известия», № 6, 1890 год, стр 106

⁹⁾ Там же, стр. 106—107.

¹⁰⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 390

но. Закарпатские крестьяне и представители интеллигенции завязывали личные знакомства с русскими солдатами и офицерами, среди которых были и революционно настроенные элементы, обменивались мнениями по поводу происходящих событий, обсуждали вопросы, связанные с «землей» и «волей». Это живое общение с русскими солдатами, распространение завезенной из России литературы—творений русских классиков — способствовали укреплению братских и культурных связей Закарпатской Украины с Россией, повышению национального самосознания закарпатских русинов, укреплению их сил в борьбе против чуженационального угнетения и разворачиванию национально-политической и культурной деятельности закарпатской русофильской интеллигенцией.

Однако, признавая известное, относительное значение непосредственного контакта между закарпатскими украинцами, с одной стороны, русскими и украинскими крестьянами в солдатских шинелях — с другой, в развитии национального движения русинов, было бы глубоко ошибочно преувеличивать значение пребывания русских войск в Закарпатье и вводить его в степень определяющего момента в «национальном возрождении русинов». Известно, что так называемая венгерская кампания русского царизма сыграла глубоко реакционную роль в истории не только венгерской революции, но и в международном революционном движении этой эпохи. Своим вторжением в Венгрию русская царская армия спасла от крушения австрийскую монархию и на многие годы задержала развитие революционно-демократического и национально-освободительного движения поработенных Габсбургами народов, в том числе и закарпатских украинцев.

Украинские буржуазно-националистические авторы «осуждали» интервенцию царизма в Венгрию не за ее контрреволюционный характер, а за то, что пребывание русских войск в закарпатских комитатах якобы определило собой «поголовное увлечение русинской интеллигенции москвофильством». Полная несостоятельность и тенденциозность этого взгляда очевидна. Идея братства украинского и русского народов своими корнями уходит в глубь веков, и «москвофильство» русинов определялось, конечно, не тем, что они «встретились лицом к лицу с могущественной русской государственностью и были пленены ею» в 1849 году, а исторически сложившейся общностью и кровным родством этих двух братских народов, «столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории» (Ленин).

К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря об естественном тяготении оторванных от своих национальностей «обломков австрийских славян» к своим естественным центрам, указывали, что «явление это становится все более очевидным, чем больше среди

них распространяется цивилизация и в силу этого потребность в национально-исторической деятельности... Австрийские славяне представляют собой *membra disjecta* [разъединенные члены], которые стремятся к воссоединению или друг с другом, или с основными телами своих национальностей». Это относилось и к русинам Галиции и Закарпатья, которые, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, тяготели «к другим объединившимся с Россией малороссийским областям»¹¹⁾.

Тяжелое многовековое угнетение, которому подвергалось Закарпатье, его колониальное положение обусловили замедленность развития и отсталость в области экономической, общественно-политической и культурной, неразвитость капиталистических отношений и слабость местной русинской буржуазии. Все это определило слабость и ограниченность национального движения в Закарпатье, возглавляемого так называемыми «будителями» — представителями местной интеллигенции, состоявшей преимущественно из лиц духовного сословия⁴⁾, и привело к тому, что закарпатское «будительство» было чрезвычайно отягощено грузом классово-сословных интересов и консервативным, религиозно-идеалистическим мировоззрением.

2. МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «БУДИТЕЛЕЙ»

А. И. Добрянский и его проекты разрешения национального вопроса в Австро-Венгрии

В национально-политическом движении клерикально-буржуазной интеллигенции в Закарпатье во второй половине XIX столетия видное место принадлежит Адольфу Ивановичу Добрянскому (1817—1901)**). Буржуазные закарпатские авторы по-разному оценивали значение деятельности А. Добрянского, в зависимости от того, чьи классово-политические интересы они выражали. Авторы-мадьяропы, выражавшие интересы господствующих кругов Венгрии, относились к А. Добрянскому резко отрицательно за его выступления против «святогефанской идеи». Украинские буржуазно-националистические авторы клеймили А. Добрянского как «предателя» и «панруссиста» за его проповедь культурного единения закарпатских и прикарпатских русинов с русским народом. Наоборот, писатели славянофильского направления незаслуженно превозносили значение деятельности А. Добрянского как «вождя русского народа в Венгрии», как «идеолога Угорской Руси». Д. Вергун, редактор и издатель венского журнала «Славянский век», после смерти А. Добрянского писал: «Глу-

¹¹⁾ Там же, стр. 390—391.

бокне черты, которые он врезал в скрижали славянской истории. ныне еще не совсем ясны. Значение их оценит только потомство», но заранее считал, что «статую этого редкого великана духа потомки лавром увенчают...».

Анализ имеющихся в нашем распоряжении исторических документов, речей, публицистических выступлений А. Добрянского и других материалов дает основание определить подлинную сущность его общественно-политических взглядов, значение его деятельности и опровергнуть бытовавшие до последнего времени неправильные представления об этом «вожде-будителе», сложившиеся под влиянием буржуазной и буржуазно-националистической историографии.

Характеризуя деятельность А. Добрянского, надо прежде всего подчеркнуть, что она была направлена исключительно к осуществлению умеренных реформ национально-политического характера, к устранению стеснений в области национальной культуры и языка русинов. Социальные проблемы почти совершенно не фигурируют в требованиях, выдвигаемых им. Единственным известным нам документом, в котором только отчасти отражены социальные интересы крестьян, является «Петиция сельских громад», составленная в 1850 году под влиянием группы А. Добрянского¹²⁾. В этой петиции выдвигалось пожелание сохранить за крестьянами те земли, которыми они пользовались до отмены крепостного права. Кроме того, известны несколько речей А. Добрянского, произнесенных им в венгерском парламенте по вопросам фискальной политики. Этим, а также сетованием на «убогство» русинов, которое встречается в отдельных статьях А. Добрянского, по сути исчерпываются выступления на протяжении 50 лет его общественно-политической деятельности по вопросам социально-экономического положения Закарпатья.

А. Добрянский не мог не знать о тяжелейших бедствиях, переживаемых массами крестьянства Закарпатья во второй половине XIX столетия, но, зная о страданиях народных масс, он не находил ничего другого, как указать на «неисповедимость путей господних» и оправдать эти бедствия... «греховностью людей». «Мы должны сознаться в смирении сердец, писал он в 1885 году в одной из своих статей, что такие страдания допущены провидением на наш народ за его ужасный грех несогласия, происходящего в настоящее время от волнения умов...». Заканчивал эту статью А. Добрянский следующим изречением из «святого письма»: «Претерпевший до кон-

¹²⁾ Эту петицию, хранящуюся в архиве Ужгородского областного историко-краеведческого музея, подписали 14 священников и более 100 сельских должностных лиц и крестьян 17 громад (сельских обществ)

ца спасен будет...»¹³⁾). В этих немногих словах выражены общественно-политические идеалы А. Добрянского, которые, коротко говоря, укладываются в формулу «социальная гармония», и христианско-фаталистические основы мировоззрения одного из столпов закарпатского «будительства», оторванного от коренных социальных интересов народных масс.

Главное место в общественно-политической деятельности А. Добрянского занимал национальный вопрос; этому посвящено абсолютное большинство его выступлений в парламенте и печати. В своих взглядах на разрешение национального вопроса в Австро-Венгрии Добрянский не являлся оригинальным. На протяжении 50 лет своей деятельности он выдвинул более десяти проектов по национальному вопросу, развивая в них в различных вариантах и комбинациях идеи национально-культурной автономии в «чистом» виде или в сочетании с ограниченной областной автономией, идеи объединения «австрийских русских» в автономную область в составе федеративного государства Габсбургов. Исходным пунктом всех этих проектов неизменно было сохранение целостности империи Габсбургов и укрепление абсолютистско-монархических основ ее государственного строя. Обходя и затушевывая социальные проблемы и классовые противоречия, игнорируя аграрный вопрос и выдвигая на первый план борьбу за умеренные национальные реформы и культурные права русинов, А. Добрянский и его последователи отвлекали массы крестьянства от классовой, революционной борьбы против Габсбургской монархии и помещичье-капиталистического гнета.

Уже в 1848 году А. Добрянский направил Славянскому съезду в Праге свой проект создания «Руського воеводства» в составе Венгрии, в котором сочетались требования ограниченной областной административно-политической и культурно-национальной автономии русинских комитатов. В следующем году он выступил одним из инициаторов образования из Галиции, Буковины и Закарпатской Руси «Галицко-Владимирского королевства» под эгидой Габсбургов. Это была попытка воплотить в жизнь программу национальной автономии русинских областей в «этнографических границах» в целях осуществления, главным образом, задач культурно-национального характера. Несмотря на все старания Добрянского и его прикарпатских и закарпатских единомышленников, этот план осуществлен не был, так как венский двор, лицемерно заявлявший о своей готовности предоставить «свободе» «воссоединенным русинам», на самом деле никогда серьезно об этом и не помышлял, стремясь использовать нацио-

¹³⁾ А И Добрянский. О современном религиозно-политическом положении Австро-Угорской Руси, М., 1885, стр. 44, 45.

нальное движение украинцев для ослабления и подавления национально-освободительного движения других народов империи

Чиновник австрийского министерства внутренних дел на поданную А. Добрянским от имени «Головной Рады руськой»¹⁴⁾ петицию по этому поводу заявил, в частности, что правительство «не может допустить, чтобы Угорская Русь освобождалась собственными силами» от власти Венгрии, так как это привело бы непременно к «непорядкам», и что, наконец, «желаемому воссоединению Австрийской Руси противостоят важные интересы государства»¹⁵⁾.

Габсбурги, напуганные революционным и национально-освободительным движением 1848—1849 годов, все же вынуждены были заявить о своей готовности предоставить некоторые права угнетенным и неравноправным народам империи. В частности, правящая клика Австрии, верная своей политике «разделяй и властвуй», решила продемонстрировать «добрую волю» по отношению к закарпатским украинцам с тем, чтобы вбить клин между массами «угрорусских» и венгерских «подданных» и, таким образом, облегчить удушение революционного и национально-освободительного движения в стране.

С этой целью австрийское правительство поручило министру внутренних дел составить из благонамеренных лиц русинскую депутацию и направить ее в Вену для верноподданнического представления о нуждах «угорских русских». Решение по этому вопросу было принято в сентябре 1849 года. На совещании «о судьбах нации», происходившем в этот период в Вене, как писал прешовский епископ Гаганец, «нам дано было тайное указание не медлить с посылкой депутации для того, чтобы не было решено о нас без нас»¹⁶⁾. Об этом же говорил и Матисов: «Венское министерство дало намек Добрянскому, чтобы угорские русские, для заявления своих требований, отправили в Вену депутацию»¹⁷⁾.

19 октября 1849 года «угрорусская» депутация в составе трех светских и трех духовных лиц (А. Добрянский, врач М. Висаник и В. Алексович и униатские священники — брат А. Добрянского Виктор, М. Шолтыс и А. Яницкий) при-

¹⁴⁾ «Головна Рада руська» — реакционная прогабсбургская организация, возглавляемая перемышльским греко-католическим епископом бароном Г. Яхимовичем, была создана в мае 1848 года во Львове по инициативе буржуазно-дворянской украинской интеллигенции и верхушкой униатской церкви в целях овладения массовым национальным движением на Западной Украине для подчинения его интересам австрийской реакции.

¹⁵⁾ Указ. соч Ф. Ф. Аристов Карпато-русские писатели, стр. 148.

¹⁶⁾ Указ. соч Biedermann I., Die ungarischen Ruthenen, II, Th I, стр. 120.

¹⁷⁾ Указ. соч Матисов, стр. 235.

была в Вену, вручила свои пожелания, изложенные в «Записке», комиссару Венгрии Герингеру и была представлена министрам и императору. Депутацию «приняли везде весьма благосклонно, с обнадеживанием, что под крыльями двуглавого австрийского орла русская народность в Австрии будет свободно развиваться»¹⁸⁾.

«Записка» депутации начиналась просьбой ввести в жизнь «Угорской Руси» мартовскую конституцию 1849 года и выделить «этнографическую рутенскую область» в особую административную единицу¹⁹⁾. Далее в петиции выдвигались пожелания об учреждении гимназии с преподаванием на родном языке, открытии юридического лицея в Ужгороде и издании «рутенской» правительственной газеты. Авторы «Записки» просили также, чтобы русинские чиновники, священники и учителя были уравнены в правах и материальном обеспечении с лицами того же положения других народностей и о замещении некоторых должностей в центральном правительственном аппарате и армии русинами. Депутация ходатайствовала, чтобы при назначении чиновников в закарпатские столицы обращалось внимание на «туземных русских» и не допускались чиновники, не знающие «рутенского» языка. Наконец, в петиции выражалось пожелание, чтобы в «русские» полки были назначены офицеры и капелланы из числа русинов²⁰⁾.

Австрийское правительство обещало изучить просьбы, изложенные в «Записке», и провести ряд «серьезных реформ» в Закарпатье. Вскоре после этого, в конце 1849 года, по распоряжению правительства из четырех закарпатских комитатов был образован один Ужанский (Ужгородский) округ, а Добрянский назначен вторым окружным референтом и правителем канцелярии в Ужгороде.

Некоторые авторы, освещая это событие, указывали, что образование Ужанского округа явилось прямым результатом успехов депутации, возглавляемой А. Добрянским. Так, Ф. Аристов по этому поводу писал: «...Образование Ужгородского округа и назначение А. И. Добрянского и других угоруссов на административные должности в Угорской Руси в значительной степени объяснялось впечатлением, произведенным этим посольством на венские правительственные круги»²¹⁾. Это утверждение не соответствует исторической правде, так как куцые и временные реформы, проведенные габсбургским правительством в Закарпатье, являлись не следствием «впечатления», произведенного депутацией А. Добрян-

¹⁸⁾ Там же.

¹⁹⁾ Указ соч. Л. Василевский, стр. 372

²⁰⁾ «Протест», стр. 3.

²¹⁾ Указ соч. Ф. Ф. Аристов, стр. 149.

ского, а были тактическим маневром венского двора, рассчитанным на противопоставление одной угнетенной нации другой.

В «русинском округе» было открыто несколько двухклассных народных и «повторительных» воскресных школ с родным языком обучения. В гимназии некоторые предметы стали преподавать также на «русском» языке. Должности чиновников в округе А. Добрянский заместил представителями русинской интеллигенции, главным образом, семинаристами. На улицах городов появились надписи и вывески на русском языке. Этим по сути исчерпывались «благодеяния» правящих кругов Австрии, направленные, как выражалась официальная печать, к обеспечению «свободного развития» русинов. Оценивая масштабы и значение этих реформ, один из современников писал: «.Обещания остались, по большей части, красными словцами; сделали нескольких русских чиновниками, дали членам депутации по ордену — вот и все».

А. Добрянский и его единомышленники, упоенные первыми «национальными завоеваниями», считали, что с этого времени открывается новый этап в истории Закарпатской Руси, что под эгидой Габсбургов она пойдет по пути политического, национального и культурного прогресса. Униатский епископ Гаганец, стремясь показать свою преданность Габсбургам и подчеркнуть свое «народолюбие», в специально изданном окружном послании в связи с образованием «русинского округа» указывал, что в жизни русинов наступил «великий неповторимый момент». Он призывал духовенство к активному участию в «национальном деле», в развитии просвещения и литературы, взяв под свой контроль выдвижение русинов на государственные должности. Заканчивал епископ свое послание такими словами: «Дай, всевышний, чтобы мы, которые в течение столетий только прозябали, теперь с наступлением лучших времен праздновали свое национальное возрождение под могучей защитой крыльев австрийского орла»²²).

Иллюзорность этих надежд не могла не быть очевидной для всякого трезвого политика, для всякого честного защитника интересов народных масс. Но А. Добрянский не хотел понимать этого. «Он видел,—говорил Матисов, — что австрийское правительство берет под свою защиту угорских русских, следовательно, счел нужным заявить себя его усерднейшим слугою. Австрийское правительство и наградило его, увеличив ему жалование и украсив орденом железной короны третьей степени да бриллиантовым перстнем»²³).

²²) Указ. соч. Biedermann I., стр. 120

²³) Указ. соч. Матисов, стр. 236.

Упомянутая нами «Петиция сельских громад», составленная сторонниками А. Добрянского в марте 1850 года, то есть в период существования «русинского округа», наглядно показывает сущность тех «прав и льгот», которые были «дарованы» Габсбургами закарпатским русинам, а также отношение последователей А. Добрянского к этим ничтожным уступкам правящих кругов Австрии, продиктованных конъюнктурными соображениями.

В петиции прежде всего подчеркивалось в верноподданических выражениях «благодетельное» значение «мартовской конституции» для русинов Ужанского округа: «Неисповедиму ласку вселаскавешшаго царя упознали есме из конституции дня 4 марта 1849 года уданной, котра задержит в себе равноправность всех царства Австрийского народов, котру мы со глубоким подданности смирением приймили, и радостно видиме же во конституции положенни законы о народности во округе Ужанском, наколико возможно, во живот приводятся». Это «приведение во живот» положений конституции авторы петиции приписывали надзупану Игнатию Виллице и «при боку его неусыпаемо труждающемуся» А. Добрянскому, которые добились-де «народности нашей живот и процветание не от буквы конституции, но от единственных высоких урядников (чиновников. — *И. К.*) нашей народности». Но одновременно с этим в Кошицком и Левочском округах, населенных русинами, как указывалось в петиции, «народность наша не есть ожила, бо там народ наш... не нашим русским, но мадярским и славянским (словацким. — *И. К.*) языком управляется, и сие зато бо ани единого чиновника несть тамо из народа нашего, и так сим способом народ наш тамо живущий от народности нашей во число славян (словаков. — *И. К.*) и мадяров оттягуеся и мы уменшаемся».

Исходя из этого, авторы петиции ходатайствовали о присоединении украинского населения Земплинской, Шаришской и Спишской столиц к Ужанскому округу²⁴). Вместе с тем они просили²⁵), «абы волохи и прочии иноязычники из нашего округа во соседни округи отлучены были...».

В двух других пунктах этого документа²⁶) говорилось о необходимости замещения «сонародниками» должностей чиновников, ибо от них «лише можеме ожидати же нас и набоженство (вероисповедание. — *И. К.*) наше поднимати будуть, една вера, еден язык, една народность суть союзы неисповедими».

²⁴) Пункт 2 петиции.

²⁵) Пункт 6 петиции

²⁶) Пункты 1 и 4 петиции

Пятый пункт петиции, относящийся к высшей школе, сводился к ходатайству об¹ установлении государственных стипендий для студентов-русинов и был сформулирован в таких словах: «Народ наш убогий и вышшаго просвещения лишен, токмо так может из своих членов на чиновники способных воспитати, аще юношество во вышших училищах суще, помощь от державы (stipendium Regium ordinarium) добуде,— что смиренно просиме».

Наконец, в последнем, седьмом, пункте петиции излагалась просьба взять «под охрану державы» греко-католические праздники, установив, чтобы в эти дни «торги не бывали, суды не держали, икрем нужды работы явнии, или публичнии переставали».

Пожелания, изложенные в приведенном документе (объединение всех областей и районов, населенных русинами, в один округ под управлением своих чиновников, устранение стеснений в отношении языка, школьного обучения и религиозных отправлений), говорят о том, что А Добрянский и его группа пытались путем смиренных просьб добиться осуществления национально-культурной автономии русинских комитатов.

Пункт шестой петиции, говорящий об «отлучении иноязычников» из закарпатских областей, ярко свидетельствует о национализме авторов петиции, который не случайно выплывает наружу и выдвигается уже как программный пункт именно в условиях, когда в закарпатских областях стали осуществляться принципы национально-культурной автономии, которая неизбежно вела к размежеванию населения по национальным куриям.

Тезис об «отлучении иноязычников» и лозунг, сформулированный авторами петиции в словах «одна вера, один язык, одна народность», означали стремление зародившейся, но еще чрезвычайно слабой экономически и политически закарпатской буржуазии, интересы которой и выражали «будители», оттеснить буржуазию и помещиков господствующих наций и получить преимущественное право на эксплуатацию «единоверных сонародников». Классовый смысл этого лозунга заключался в том, что закарпатская национальная буржуазия, прикрываясь «общенародными» интересами русинов, стремилась затушевать классовые противоречия, отвлечь эксплуатируемое крестьянство от социальных вопросов, подчинить трудящиеся массы русинов своему господству.

Этот лозунг был широко использован позднее украинскими буржуазными националистами в Закарпатье для обоснования враждебной народным массам теории «единого потока» и «социальной гармонии» в национальном движении как якобы «самобытных особенностей» исторического развития

Закарпатья, а также для обоснования лживой теории «бесклассовости» и «безбуржуазности» закарпатоукраинского народа, выраженной одним из закарпатских авторов в словах «На Угорской Руси нет ни высшего аристократического, ни среднего класса, ни купечества.. Вся Угорская Русь состоит из простого земледельческого народа и из священников и дьячков»²⁷⁾.

Незначительные уступки, сделанные Габсбургами славянским народам Австрии, в том числе и закарпатским украинцам, продиктованные революционными событиями 1848—1849 годов, были отняты у них, как только ситуация изменилась в пользу реакции после подавления венгерской революции.

Некоторые местные авторы XIX века, говоря о причинах «отнятия прав, дарованных цисарем» русинам Закарпатья в 1849 году, заявляли, что австрийское правительство просто «пожалело тех крошек, которые достались на долю бедного Лазаря...». Дело, конечно, заключалось не в этом. Австрийское правительство лицемерно заявляло о своей готовности удовлетворить национальные требования угнетенных народов империи для того, чтобы парализовать их волю к борьбе, натравить один народ на другого и укрепить таким образом расшатанные основы многонациональной монархии Габсбургов. «Чтобы существовать, австрийская монархия должна поочередно возбуждать друг против друга подвластные ей национальности», — указывал Ф. Энгельс²⁸⁾.

Вся история с посылкой депутации А. Добрянского в Вену, с подачей ею «Записки», аудиенцией у императора, награждением членов депутации и образованием Ужанского округа являлась одним из звеньев пресловутой «австрийской» национальной политики, преследовавшей в данном случае одну цель — углубить отчуждение между закарпатскими украинцами и народными массами Венгрии. Когда же необходимость в «благоволении» «австрийским русинам» отпала (а заигрывание с закарпаторусинскими лидерами продолжалось только несколько месяцев), Ужанский округ был ликвидирован, надписи и вывески на русском языке сняты, а Добрянский, сыгравший свою роль на данном этапе, был освобожден от обязанностей руководителя русинского округа.

Несостоятельно также мнение тех закарпатских буржуазных авторов, которые считали, что непродолжительное существование «русинского самоуправления» являлось следствием «русофильской» политики А. Добрянского, который, мол, за свои увлечения «панславизмом» поплатился должностью»

²⁷⁾ См «Славянские известия», № 18, 1889 г, стр 454

²⁸⁾ К Маркс и Ф Энгельс, Соч, т XII, ч. II, стр. 168.

референта. Это объяснение далеко не соответствует истине. А. Добрянский после ликвидации Ужанского округа не потерял доверия правительства и был переведен на должность члена венгерского наместнического совета. Не в его «панславистской» деятельности надо искать причину ликвидации «русинского округа», тем более, что, по словам Матисова, «...австрийское правительство смотрело на угорских русских как на народец, не находящийся в тесной связи с общим русским миром, да и угорские русские (имеется в виду группа А. Добрянского. — И. К.) сочли нужным называть себя Ruthenen, а не Russen»²⁹). Существование Ужанского округа не соответствовало общеполитическому курсу правящих кругов Австрии в данных условиях, поэтому он и был ликвидирован. Габсбурги не нуждались больше в «русинских вывесках», которые были бы только помехой в осуществлении ими политики жестокого подавления национально-освободительного движения и германизации ненемецких народов империи.

После подавления октябрьского восстания в Вене и венгерской революции наступает эпоха усиления реакции и ликвидации демократических свобод. «Очаг революции и мятежей» — Венгрия была подчинена австрийскому военному командованию, наводнена немецкими чиновниками, подвергавшими население притеснениям и грабегам. Австрийское правительство жестоко расправлялось с малейшим проявлением «оппозиционного духа» в Венгрии, мобилизовав не только военную силу, полицию, бюрократический аппарат для борьбы против «сепаратистских замыслов» венгров, но поставило на службу режиму насилия и такое испытанное идеологическое орудие, как католическая церковь.

Закарпатский автор Матисов о периоде господства немецко-габсбургской реакции в Венгрии в 50—60-х годах писал: «Из целой Угрии сделалась громадная канцелярия, переполненная бюрократами. Города кишели чиновниками... Сложная администрация требовала много средств, поэтому подати стали больше... жутко было каждому, у кого душа немного свободнее шевелилась. В это время были изданы достопамятные распоряжения Носить бороду считалось демонстрацией, произнести имя Людвига Кошута было все равно, что попасть под арест. В городах по всем улицам сновали полицейские, требовавшие от встречного и поперечного паспорта. Журналистика находилась под страшным гнетом; всякая свободная мысль застывала уже на пути»³⁰).

В этой обстановке А. Добрянский, верный своим принципам «мирного сожительства» народов империи под властью

²⁹) Указ соч. Матисов, стр. 236

³⁰) Там же, стр. 240

Габсбургов, не теряя надежды на то, что ему удастся добиться некоторых национально-культурных прав для закарпатских русинов. С этой целью он проводит на протяжении 1851—1852 годов петиционную кампанию в закарпатских комитетах. Однако в условиях, когда Габсбурги открыто встали на путь ликвидации даже тех незначительных уступок, которые они вынуждены были предоставить зависимым народам, проведение петиционной кампании не отвечало интересам правительства. Вот почему даже верноподданнические петиции с чрезвычайно умеренными пожеланиями культурно-национального характера рассматривались австрийскими властями как «крамольные» действия.

Так, весной 1852 года венгерскому наместническому совету в Будапеште стало известно о том, что на Ужанской верховине готовится петиция к правительству и собираются под ней подписи крестьян. Хотя петиция, содержащая национально-культурные требования, и составлена от имени народа, говорилось в предписании совета, но народ ничего о ней не знает и используется только как средство для достижения некоторыми лицами своих корыстных целей. Наместнический совет предлагал ужгородскому жупану проверить правильность имеющихся в его распоряжении данных. Последний обратился к заместителю начальника Березнянского округа И. Токарю и к католическому патера А. Паппу с требованием собрать сведения о подготавливаемой петиции.

В своем ответе И. Токарь подтвердил, что на Ужанской верховине действительно собираются подписи под петицией и, ссылаясь на донесения двух униатских священников, излагал ее содержание (требование введения русского языка в комитатском управлении, назначение чиновников из числа русинов, учреждение в Ужгороде государственной «русской» академии), добавляя при этом, что в петиции прямо указывается. «Русская нация (имеются в виду закарпатские русины. — *И. К.*) до сих пор преследовалась и такой осталась в настоящее время»³¹). Петиция, как утверждал заместитель окружного начальника, ничего общего с требованиями и интересами народа не имеет, а является только махинацией известной части русинского духовенства, которое использует темноту населения и распространяет между ним беспокойство в личных целях, и что большинство священников не согласно с этим «сепаратистским движением». Последнее замечание, конечно, соответствовало действительности, так как большая часть униатского духовенства не только стояла в стороне от

³¹) См. М. Лелекач, Нові причинки до політичної діяльності Адольфа Добрянського, Наук. збірн «Просвіти», роч XIII—XIV, Ужгород, 1933 г., стр. 162 и сл.

этих элементарных культурно-национальных требований, но и противодействовала их осуществлению, проповедуя безропотное подчинение народных масс существующему режиму социального и национального угнетения.

Однако, несмотря на все меры, предпринимаемые правительственными органами и униатско-католической церковью, социальное недовольство среди масс крестьянства Закарпатья крепло, возрастало их национальное самосознание, усиливался голос протеста против преследований национальной культуры и родного языка. Чиновники русины и отдельные духовные лица, писал И. Токарь, поддерживают связь с народом и ведут среди него работу на русском языке, а русинская молодежь, обучающаяся в Ужгородской гимназии, «с большим желанием изучает народный язык и в нем совершенствуется».

Какой страх у господствующих классов командующей нации вызывало даже это весьма ограниченное движение за национальные права русинов, свидетельствуют следующие слова из донесения заместителя начальника Березнянского округа: «Это движение принимает грозные формы и рано или поздно дело дойдет до взрыва, если правительство этим стремлениям не положит конец. Кажется, что движение затихает, так как главный деятель³²⁾ уже не живет в этой местности и после него осталась только деморализация. Пламень его деятельности еще не угас и нет надежды, чтобы совсем погас». Габсбургский прислужник считал, что причиной этого движения является «фанатизм русского духовенства, которое спокойный и добрый народ хочет привлечь к своим идеям и планам, хочет, чтобы народ подвергся преследованиям со стороны правительства, перед которым оно буде его защищать и, таким образом, приобретет заслуги перед народом».

Ограниченному комитатскому чиновнику было невдомек, что к подъему национального движения угнетенных Габсбургами народов, в частности украинцев, «фанатизм» духовенства никакого отношения не имел, так как униатское духовенство никогда не выражало интересов и стремлений народных масс. Некоторые греко-католические священники, несомненно, могли использовать это движение в своих личных и провокационных целях, но у нас нет никаких оснований приписывать закарпатским «будителям» провокационные намерения, несмотря на их принадлежность к униатскому клиру, ограниченность и реакционность их идей и планов.

Единственное средство, которое рекомендовал применить начальник Березнянского округа для ликвидации этого «грозного» движения, заключалось в усилении репрессий и удале-

³²⁾ Подразумевается А. И. Добрянский.

нии с территории Ужанской верховины всех лиц, «которые творят среди народа всякие пакости». После получения этого донесения И. Токаря по распоряжению наместнического совета у священника села Турья Пасека Ю. Гомичкова и у других священников и сельских должностных лиц, подписавших петицию, жандармерией были произведены обыски, которые не дали никаких оснований для обвинения их в «противоправительственной» и «панславистской» деятельности.

Поражение Австрии в войне с Пьемонтом и Францией в 1859 году вызвало новый подъем национально-освободительного движения в стране, а политика жестоких репрессий, проводимая кабинетом Шмерлинга и Белькреди, только подливала масла в огонь.

Отдельные уступки со стороны Габсбургов тем или другим национальностям Австрии в этот период преследовали все ту же цель: разжигание между неавстрийскими народами национальной розни и ослабление их во взаимной борьбе. В частности, именно эту цель преследовало признание мадьярского языка официальным языком Венгрии. Ф. Энгельс по этому поводу писал в 1860 году: «Даже неограниченное и безусловное применение венгерского языка в качестве единственного официального языка в Венгрии не имело другой цели, как возбудить венгерских славян, румын и немцев против мадьярской расы»³³).

В этих условиях усиления политической реакции и разжигания австрийскими властями межнациональной розни и происходили выборы в венгерский парламент в 1860 году. А. Добрянский, совершая предвыборную поездку по закарпатским комитатам, организует своих сторонников и разворачивает агитацию среди населения за избрание «русинов-сородичей» в парламент. Несмотря на травлю русинских кандидатов в депутаты, подкупы, запугивания и репрессии по отношению к избирателям, в состав парламента были избраны три русинских депутата (А. Добрянский — от Шаришского округа, хотя законность его избрания признавалась недействительной; Ю. Маркуш — от Березнянского округа и А. Шерегель — от Бычковского округа).

Добрянский и его единомышленники признавали только «законный» путь борьбы за национальные права русинов, возлагая все надежды в осуществлении своих планов на решение парламента и благоволение императора. Они не связывали эту борьбу с развитием народного освободительного движения и демократизацией общественно-политического строя Австрии и Венгрии, предполагая осуществить национальное равноправие русинов путем мелких реформ сверху.

³³) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. II, стр. 167.

Национальная программа закарпатских депутатов, разработанная А. Добрянским, с которой он намеревался выступить в парламенте, созданном в 1861 году, включала в себя следующие требования, выражавшие принципы ограниченной областной автономии:

1. Выделение закарпатских комитатов в особую автономную область — «Воеводство Рутения», со своим «конгрессом» и администрацией, состоящей из чиновников русинов.

2. Предоставление русинам определенного количества мест в высших государственных учреждениях Венгрии, исходя из той процентной доли, которую они занимают по отношению ко всему населению страны.

3. Учреждение самостоятельного «русского» архиепископства и установление выборности высших духовных лиц в соответствии с правилами восточно-христианской церкви.

4. Обеспечение развития национальной культуры, преподавание в школах на родном языке и признание равноправия русинского языка³¹).

Но эта программа не могла быть изложена А. Добрянским с парламентской трибуны, так как появление его в парламенте было встречено враждебно венгерскими депутатами, а вскоре и парламент, ставший в оппозицию к Габсбургам, был распущен. Свою непронесенную речь в парламенте А. Добрянский опубликовал в Вене на немецком языке. Помимо указанных нами выше требований, он настаивал также на разделении Венгрии на пять автономных областей: немецко-мадьярскую, сербскую, румынскую, русскую и словацкую. Каждая автономная область должна была иметь свое представительное учреждение и депутатов как в общевенгерском парламенте, так и в общеимперском рейхсрате. Отстаивая право каждой области установить свой язык в качестве основного языка администрации и школы (при некотором ограждении интересов национальных меньшинств или «островов»), А. Добрянский считал, что венгерский язык может быть признан единственным языком общего сейма и центральных государственных учреждений Венгрии.

Изложив в соответствии с указанными нами четырема пунктами основы автономии «Воеводства Рутения», А. Добрянский, ссылаясь на исторические документы, обнаруженные им в Лелесском монастыре на Земплинщине, доказывал историческое право русинов на автономию, которой якобы они пользовались еще во времена королей династии Арпадов*. Наконец, А. Добрянский требовал предоставления каждому народу и каждой церкви Венгрии права ежегодного со-

³¹) См. указ. соч. М. Лелекач, стр. 163—164 и Ф. Ф. Аристов, А. И. Добрянский, «Карпатский свет», № 1—2, Ужгород, 1931 г., стр. 1141.

зыка своих съездов для обсуждения национальных, школьных и церковных дел, «независимо от границ округа»³⁵). В этом находили свое выражение принципы экстерриториальной культурно-национальной автономии, сочетающиеся с требованием ограниченной областной автономии.

После роспуска венгерского парламента в 1861 году в Венгрии было установлено «временное положение», характеризующееся бесконтрольным хозяйничанием габсбургских ставленников и военщины и попранием элементарных конституционных свобод венгерского народа. Чтобы подавить оппозиционное движение в стране и сделать венгерский парламент более сговорчивым, австрийское правительство пустило в ход испытанное средство — натравливание на венгров других народов, и А. Добрянский был использован Габсбургами как орудие этой политики.

Лидер закарпатских «рутенев» получил чин гофрата и был поставлен во главе угорской придворной канцелярии в Вене. Как свидетельствуют современники, А. Добрянский в этот период пользовался «особым доверием» императора и покровительством эрцгерцога Альбрехта—наместника Венгрии. Несколько представителей словацкой и русинской прогабсбургской интеллигенции, в частности брат А. Добрянского, Корнилий, Негребецкий и Долинай были назначены жупанами и вицежупанами комитатов Венгрии. Австрийское правительство заявило в это время о своей готовности «улучшить» положение малых народов Венгерского королевства. «Вообще этот период был похож на начало пятидесятых годов, благоприятствуя движению славян», — писал Матисов. На самом же деле, «благоприятствование» Габсбургов немадьярским народам Венгрии было рассчитано на то, чтобы еще ту же затянуть петлю на шее венгерского и славянских народов.

Будучи вторично избранным в венгерский парламент в 1865 году от Шаришского комитата, А. Добрянский продолжал добиваться осуществления своей национальной программы. Выступая с парламентской трибуны в 1866 году против политики централизации государственного управления и поглощения немадьярских национальностей Венгрии, А. Добрянский, признавая нерушимой существующую конституцию, настаивал на предоставлении большей независимости комитатам, образованным на основе «народного принципа» с тем, чтобы они в дальнейшем приобрели значение швейцарских кантонов. Верховным законодательным органом Венгрии должен быть союзный сейм с обеспечением в нем пропорционального представительства независимых кантонов.

35) См указ. соч Ф Ф Аристов, Карпато-русские писатели, стр 223.

Но голос А. Добрянского остался одиноким. Если до этого правящие венские круги с подчеркнутым вниманием относились к А. Добрянскому и хотя бы на словах поддерживали его проекты «национального переустройства» Венгрии, чтобы угрозой расчленения земель «короны св. Стефана» сломить венгерскую оппозицию, то в 1866 году, когда на очередь встал вопрос о создании «двухцентрового» австро-венгерского государства, выступления «русинского сепаратиста» уже не соответствовали планам венского кабинета. А. Добрянский, изолированный и бойкотируемый в парламенте, все больше терял поддержку и своих габсбургских покровителей.

Начавшаяся в 1866 году австро-прусская война создала новые затруднения для Австрии и усилила центробежные силы в монархии Габсбургов. Поражение австрийских войск при Садовой, происшедшее в условиях обострения классовой борьбы и усиления национальных движений, вынудило австрийское правительство пойти на соглашение с господствующими классами Венгрии, которые были готовы разделить судьбу Габсбургов при условии получения равноправия с австрийскими господствующими классами в управлении государством и эксплуатации народных масс. Это была сделка, сговор помещиков и капиталистов Австрии и Венгрии для совместного угнетения других национальностей и порабощения трудящихся.

В 1867 году между Австрией и Венгрией, точнее между правящими классами их, было заключено соглашение, по которому Венгрия становилась формально равноправным государством со всеми атрибутами управления под короной Габсбургов. Так образовалось конституционно-бюрократическое, дуалистическое государство Австро-Венгрия, в котором нашла свое воплощение «австрийская система» управления, основанная на натравливании одних наций на другие с тем, чтобы две «нации-хозяева»³⁶⁾ могли удерживать в руках власть, порабощать и угнетать другие нации и, прежде всего, трудящиеся массы этих наций.

Закарпатские украинцы, как и другие порабощенные славянские народы, явились разменной монетой в руках господствующих классов Австрии, которой они заплатили помещикам и капиталистам Венгрии за поддержку последними пресловутого «аусгляйха». Закарпатские земли были отданы под власть мадьярских магнатов и буржуазии, установивших

³⁶⁾ Две господствующие нации Австро-Венгрии по численности уступали другим угнетенным национальностям империи. По данным переписи 1900 года, австрийцы в Цислейтании составляли только 35,78%, а в Транслейтании — венгры 45% населения. Из 52 миллионов населения Австро-Венгрии около 30 миллионов приходилось на славянские народы.

здесь режим жесточайшего социального и национального угнетения.

В конце 1867 года А. Добрянский снова поставил на обсуждение парламента вопрос о реорганизации Венгрии в федеративное государство пяти самоуправляющихся автономных кантонов во главе со своими сеймами, подчиненными общегосударственному рейхстагу. Но и на сей раз проект А. Добрянского был отвергнут парламентом без обсуждения как не соответствующий идее «мадьярской супремации», которая уже гарантировалась и Габсбургами.

Отстаивая в своем меморандуме право русинов Закарпатья на автономию, А. Добрянский заявлял, что если венгерский парламент не пойдет навстречу этим законным требованиям, то русины «принуждены будут искать себе новое отечество». Но и к этой угрозе правящие круги Венгрии отнеслись как к очередному проявлению задора «русинского панслава», зная, что за этой угрозой нет никакой реальной силы.

В условиях дуализма А. Добрянский, ставший ненужным Габсбургам и получивший отставку, все больше отступал от своих прежних требований федеративного принципа устройства Венгрии и областной автономии, ограничиваясь выдвижением проектов умеренной национально-культурной автономии.

Одно из последних выступлений А. Добрянского в венгерском парламенте, 25 ноября 1868 года, по «Законопроекту о народностях» интересно во многих отношениях, но прежде всего оно дает возможность составить ясное представление о чрезвычайной ограниченности национально-политического течения в Закарпатье, возглавляемого А. Добрянским. В своей речи А. Добрянский заявлял, что он не может принять проект «большинства», который стремится возвести один народ на степенъ вершителя судеб государства. Считая, что принятие этого законопроекта означало бы изменение основных законов государства без согласия «заинтересованных народных корпораций», и сравнивая такое многонациональное государство, как Венгрия, с акционерным обществом, А. Добрянский говорил: когда цель такого общества изменяется и это изменение принято большинством, то при этом меньшинство имеет право «выйти из общества и потребовать назад вложенные деньги с соответствующими процентами». Здесь А. Добрянский повторил в завуалированной форме не оказавшую никакого воздействия на шовинистическое большинство парламента угрозу о «новом отечестве».

В конце концов А. Добрянский согласился принять проект «большинства» при условии включения в него следующих трех пунктов: 1) все народы Венгрии составляют один нераздель-

ный *populus* государства; 2) эти народы, как корпорации, призваны единственно к развитию своего языка и народности, то есть к деятельности на национально-культурном поприще; 3) этим народам, как корпорациям, «не подобает пользоваться никакими другими правами, особенно политическими»³⁷). «Если все же законопроект большинства будет принят без этих трех пунктов, то мы, — говорил А. Добрянский, — как послушные граждане, не можем, правда, сопротивляться такому проявлению власти, но едва ли такое решение национального вопроса будет кого-либо одушевлять, или в минуту опасности побуждать к жертвам; а потому прошу уважаемую палату, чтобы она изволила... принять во внимание, что государство — не цель, а средство к благополучию всех народов, то есть населения»³⁸).

Как видно из сказанного А. Добрянским, он в своем стремлении достигнуть компромисса с господствующими классами Венгрии готов был отказаться от принципа областной территориальной автономии, от борьбы за гражданские права русинов, удовлетворившись очень умеренными реформами культурно-национального характера, то есть правом закарпатских украинцев иметь свои культурные учреждения при оставлении политической власти в руках правящего класса господствующей нации.

В 1871 году А. Добрянский опубликовал свой «Проект политической программы для Руси австрийской»³⁹), в котором осуждал дуализм не как реакционную систему угнетения народов, не принадлежащих к великодержавным нациям, а как «неудачную политическую комбинацию», ведущую к ослаблению Габсбургской империи. Выдвигая вновь идею объединения Западной Украины, Буковины и Закарпатья в одну автономную область, входящую в состав «федерации австро-угорских народов», именуемой Австрия, А. Добрянский заявлял, что эта федерация станет со временем, вследствие преобладания славянского населения, «вполне славянским государством».

Верил ли сам А. Добрянский в возможность осуществления своего проекта «ославянивания» Австро-Венгрии в будущем — сказать трудно, но несомненно одно, что обоснование такой трансформации в исторической перспективе было только на руку душителям славянских народов — Габсбургам. Распространение этой австрославистской идеи могло только ослабить силы угнетенных славянских народов в борьбе за свое освобождение, привить им взгляды, в соответствии с ко-

³⁷) Указ. соч. Ф. Ф. Аристов, А. И. Добрянский, «Карпатский свет», № 5—7, 1931 г., стр. 1226.

^{38—39}) Там же, стр. 1228.

горыми сохранение целостности Габсбургской империи являлось якобы необходимостью, продиктованной интересами неизбежной национально-политической модификации, в которой кровно заинтересованы, мол, сами славянские народы.

* * *

Выступления А. Добрянского в 70—90-х годах XIX столетия, в условиях подъема революционного рабочего движения в европейских странах, становятся все более реакционными. Он теряет остатки своей «оппозиционности», и разрешение национального вопроса в Австро-Венгрии трактуется им не столько с точки зрения интересов угнетенных наций, сколько с точки зрения сохранения единства и упрочения империи Габсбургов. А. Будилович, характеризуя национально-политические взгляды А. Добрянского в этот период, указывал, что он превосходно, до мельчайших подробностей изучил внутреннюю национальную политику австрийского и венгерского правительств, которую «строго осуждал», но стоял «за бытие и целость Австрии»⁴⁰).

Излагая сущность своих взглядов на славянский вопрос в Австро-Венгрии в статье «О современном религиозно-политическом положении Австро-Угорской Руси», относящейся к 1885 году, А. Добрянский писал: «...Недуг, препятствующий органическому объединению, следовательно, и желаемому процветанию государственных финансов и вообще благосостоянию нашей монархии, кроется во взаимной борьбе разных народов, призванных содействовать общему благу империи... Против этого недуга самым верным средством, так сказать, единственным даже представляется замещение автономии областной умеренной автономией народов, на которой только и возможно основать прочное, непоколебимое могущество и благосостояние Австро-Угорской монархии»⁴¹). Если этого почему-либо достигнуть не удастся, добавлял он, то уж лучше вернуться к государственному централизму.

В том же году в другой своей статье «Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Oesterreich» («Программа для проведения национальной автономии в Австрии») А. Добрянский развивал дальше свои взгляды по национальному вопросу. Народы Австро-Венгрии при нынешней системе автономных областей, писал он, не могут выйти из состояния войны друг с другом. Автономия областей ведет к застою в законодательстве, «притупляет патриотизм»,

⁴⁰) К. Я. Грот, Памяти А. И. Добрянского, «Известия СПб. славянского благотворительн. общества», № 3, декабрь 1902 г, стр. 22

⁴¹) Указ. соч. А. Добрянский, О современном религиозно-политическом положении..., стр. 19.

порождает волнения, даже «кровавые восстания» среди угнетенных народов. Все это ослабляет мощь империи, ведет к падению престижа государственной власти, к ослаблению патриотизма, а, вследствие этого, — к «материализму и, наконец, к анархии». А. Добрянский видел единственное средство к устранению межнациональных противоречий в Австро-Венгрии в ликвидации автономии «коронных областей» и в создании восьми национально-автономных областей в этнографических границах, имеющих свои сеймы. Реорганизованная по принципу национальной автономии народов, Австро-Венгрия станет, как заявлял А. Добрянский, «сильною внутри и могущественной вовне»⁴²⁾.

В. И. Ленин, разоблачая подлинную подоплеку «защиты» украинцев епископом Никоном, писал: «Нельзя защищать никого от национального гнета, не проводя последовательно самой широкой местной и областной автономии и принципа решения всех государственных вопросов волею большинства населения (т. е. принципа последовательного демократизма)»⁴³⁾. У А. Добрянского в его программе разрешения национального вопроса даже не было намека на проведение принципа последовательного демократизма, поэтому его планы создания национально автономных областей не могли не только устранить, но даже сколько-нибудь серьезно ослабить национальный гнет в Австро-Венгрии.

Свою статью «Куда мы дошли? Рассуждения старого австрийского патриота о нынешнем положении Австрии», написанную в 1898 году, А. Добрянский как последовательный противник демократизма и конституционных форм правления начинал с критики английской конституции. Переходя к вопросу о том, какое влияние оказало введение конституции в Австро-Венгрии, А. Добрянский писал: «Немудрено, если в нашей Австро-Угорской монархии чувствуются горькие плоды введенной 30 лет тому назад английской конституции, тем более, что составные ее части соединены не как в других государствах племенным сродством или общею всем историей, а исключительно царствующею габсбургско-лотарингскою династиею, представитель которой, император, лишен конституциею непосредственного влияния на ее судьбы»⁴⁴⁾. Итак, А. Добрянский видел «горькие плоды» австрийской конституции не в ее антидемократическом характере, а в том, что она ограничивала права Габсбургов, которые, по его мнению, только и могли обеспечить «равноправие» народов империи.

Снова противопоставляя историческим правам отдельных областей принцип автономии народностей Австро-Венгрии в

⁴²⁾ Указ соч Ф. Ф. Аристов, Карпато-русские писатели, стр. 190

⁴³⁾ В. И. Ленин, Соч, т. 19, стр. 342.

⁴⁴⁾ Указ соч Ф. Ф. Аристов, Карпато-русские писатели, стр. 204.

этнографических границах и не веря в возможность его осуществления, А. Добрянский, наконец, ставит вопрос прямо: что нужно сделать для спасения империи Габсбургов от неминуемого распада? Для этого необходимо, заявлял А. Добрянский, «произвести государственный переворот с целью отмены конституции и восстановления абсолютизма» (подчеркнуто нами. — И. К.).

В заключительной части статьи А. Добрянский, вкладывая в свои слова неприкрытую ненависть к демократическому движению, спрашивал: «Неужели нам, испытавшим уже досыта, до отвала пагубные последствия сей конституции, не радоваться ее устранению и не способствовать ему? Неужели нам ждать бесцельно до поры, когда гнет парламентарного правления принудит более терпеливую часть деморализованного населения к выселению за океан, а менее терпеливую — к бунтам, как это случалось уже среди мазурских и мадьярских масс? Неужели ждать до поры, когда в конце концов наша монархия распадется на составные части?»⁴⁵⁾

Казалось, что дальше в обосновании средневековых абсолютистско-монархических идей идти было некуда, но А. Добрянский к концу своей жизни выступил еще раз с последним и наиболее реакционным своим проектом по национальному вопросу. Незадолго до своей смерти, в 83-летнем возрасте, А. Добрянский опубликовал под псевдонимом «Аидин» в венском журнале «Славянский век» свою статью под заголовком «Где выход?». Эта статья как бы подводила итог его полувековой деятельности «в защиту национальных прав угнетенных земляков» и являлась своего рода национально-политическим завещанием одного из главных деятелей закарпатского «будительства». Свое «credo» А. Добрянский начинал такими словами: «Я не принадлежу к слепым поклонникам парламентаризма, который повсеместно приводит к неурядице, к обструкции, к панаме и вообще к деморализации, и который пережил себя во всех государствах тем более, что налагает на плательщиков налогов непосильные тяготы. В пределах Австрийской империи он уже и совсем не на месте...»⁴⁶⁾.

Для «оздоровления австрийских отношений» и «удовлетворения национальных требований большинства народов империи», заявлял А. Добрянский, достаточны средства, предоставляемые самой австрийской конституцией, в частности ее XIX статьей, которая, как известно, лицемерно провозглашала «нерушимое право» каждого народа на сохранение и развитие своей национальности и языка. Именно эта статья, означающая не что-нибудь иное как издевку над угнетенными

⁴⁵⁾ Там же, стр. 203—204.

⁴⁶⁾ Аидин, Где выход?, «Славянский век», № 14, 1901 г., стр. 2

народами Габсбургской империи, и должна была лечь в основу того «нового порядка», который только и мог удовлетворить все народности и «держаться в стороне от рейхсрата опасные национальные распри».

Если XIX статью конституции понимать правильно, продолжал А. Добрянский, то она признает все народы империи не только равноправными юридическими лицами, но и предоставляет им автономные права. Вот почему осуществление и без того принципиально гарантированной основным государственным законом национальной автономии является «единственным непогрешимым средством» к оздоровлению австрийского государства. Инициатива в осуществлении этого плана национальной автономии, по мнению А. Добрянского, должна была принадлежать императору, который на основании конституции распускает рейхсрат и октроирует для всех народов империи автономные органы и назначает выборы в эти органы. Это мероприятие, как по мановению волшебной палочки, не только немедленно и бесповоротно положит конец «грустным национальным распрям», но и «вскрепит положение Австрии как великой державы». Замена автономии так называемых «исторических стран» национальной автономией, устранив национальные противоречия, оживила бы «австрийский патриотизм» в такой степени, что «всякая жажда присоединения к другим соседним государствам исчезла бы раз навсегда подобно тому, как исчезло бы стремление к расчленению Австрии на маленькие, лишь по внешности самостоятельные государства»⁴⁷⁾. В этих условиях Австрия могла бы, «согласно ее историческому призванию, посвятить себя заботам о благоденствии своих народов и беспрепятственно развивать свое могущество, тем более, что она была бы свободна от забот перед общими революциями, имеющими обыкновенно место лишь в национально-однородных государствах»⁴⁸⁾.

Нечего доказывать, что этот план замены автономии «исторических земель» «национальной автономией» при сохранении реакционного абсолютистско-монархического строя в Австро-Венгрии не мог устранить национальный гнет, которому подвергались поработанные Габсбургами народы.

Оценивая исторически выступления А. Добрянского по национальному вопросу, надо, по нашему мнению, четко отграничить два момента:

1. В конкретно-исторических условиях существования Закарпатья во второй половине XIX столетия как внутренней колонии Австро-Венгрии выступления А. Добрянского в пар-

⁴⁷⁾ Там же, стр. 7.

⁴⁸⁾ Там же, стр. 3—4

ламенте и печати с требованием объединения Галиции, Буковины и Закарпатья в автономную область или выделение Закарпатья в автономное «Руськое воеводство» имело известное положительное значение.

Осуществление автономии украинских областей, при всей ограниченности этих планов, могло в какой-то мере оградить русинов от особо грубых проявлений национального гнета, а также обеспечить хотя бы самые элементарные гражданские права и возможности для национально-культурного развития Закарпатья. Кроме того, объединение Западной Украины, Буковины и Закарпатья в автономную область содействовало бы объединению сил разобщенных и поработанных масс населения украинских областей против чужеземного гнета, упрочению политических и культурных связей между «австрийскими русинами» и украинским и русским народами.

Выступления А. Добрянского в венгерском парламенте и печати, являвшиеся по сути единственным голосом, поднятым в защиту погранных гражданских и национальных прав закарпатских украинцев, при всей умеренности выдвигаемых им требований, до некоторой степени ослабляли напор реакционно-шовинистических элементов, поддерживая в то же время в массах закарпатских украинцев дух сопротивления наступлению немецко-мадьярских ассимиляторов и душителей славянской культуры.

2. Положительное значение выступлений А. Добрянского обесценивалось антидемократическим, реакционным, австро-славистским характером его национальных проектов и реформистским подходом к разрешению национального вопроса. Полная несостоятельность планов культурно-национальной автономии, занимавшей в эклектической национальной программе А. Добрянского большое место, была исчерпывающе показана классиками марксизма-ленинизма, рассматривавшими ее как программу, которая не разрешала, а запутывала национальный вопрос. Проповедь культурно-национальной автономии А. Добрянским, исходившим из принципа сохранения целостности и «вскрепления» Австро-Венгерской монархии, противоречила освободительной борьбе угнетенных народов против габсбургского деспотизма.

**
*

Характеризуя деятельность А. Добрянского, надо указать на отстаивание им идеи культурного сближения прикарпатских и закарпатских украинцев с Россией. Он являлся одним из руководителей «Общества Василия Великого» и выступал против политики ассимиляции немадьярских народов Венгрии и попыток введения в Закарпатье «рутенского» языка.

Национальное возрождение порабощенных славянских народов, по мнению А. Добрянского, как и других закарпатских «будителей», могло произойти только при условии объединения их вокруг Руси. Русский литературный язык, как язык могучего народа, создавшего свою государственность, великую культуру и литературу, должен стать «всеславянским» языком. Тем более, русский язык должен стать основой литературы русинов, представляющих собой составную часть единого русского народа. А. Добрянский в своем проекте политической программы для Закарпатской Руси (1871 год) писал, что русины — «это русский народ, живущий в Австрии» и являющийся «только частью одного и того же народа русского — мало- бело- и великорусского...»⁴⁹). На основе этого взгляда возникло неправильное, отрицательное отношение «будителей» к украинскому национальному языку, который они рассматривали как «малорусское наречие», как жаргон. Они употребляли терминологию царских чиновников, о которых В. И. Ленин говорил: «Под именем «русского языка» чиновники постоянно смешивают великорусский, белорусский и украинский («малороссийский», по казенному наименованию)»⁵⁰).

Вопреки научно обоснованным выводам Максимовича, Срезневского, Шафарика и других ученых-лингвистов этой эпохи, подтверждавших полноценность украинского языка среди языков других славянских народов и его право на самостоятельное развитие, доказывавших, что, несмотря на исторически возникшие особенности украинского языка, он генетически связан с языками великорусского и белорусского народов, происходящих от одного древнерусского корня, А. Добрянский и его сторонники считали литературный украинский язык, опирающийся на живой народный язык, «искусственным» языком, созданным якобы недоброжелателями Руси в целях разъединения единого русского народа⁵¹).

Руководствуясь таким взглядом, сторонники «руссконародной» партии, как писал Т. Флоринский, «отстаивают употребление в литературе зарубежной Руси русского языка и сами пишут и издают книги и газеты на этом языке. При этом, однако, ввиду местных условий, не отрицается возможность

⁴⁹) Указ соч. Ф. Ф. Аристов, Карпато-русские писатели, стр. 164.

⁵⁰) В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 481.

⁵¹) А. Добрянский, по словам А. Будиловича, был непримиримым врагом «язычного раскола в среде ветвей русского народа». Возникновение и распространение «у малоруссов и червоноруссов особенного образованного языка, как бы плеонастического дублета для языка Пушкина и Гоголя, он считал предательскою изменою как вековым преданиям русского народа и кровным интересам этого народа, так и всего греко-славянского мира» (см. указ соч. Ф. Ф. Аристов, Карпато-русские писатели, стр. 215).

употребления для просвещения народной массы и местного галицко-русского наречия»⁵²), а для Закарпатской Руси, добавим, и «угрорусского» наречия. Отношение последователей А. Добрянского к народному языку было барски-презрительным. Они называли украинский язык, язык своего народа, «испорченным русским языком» и «мужицким жаргоном», пригодным только в разговоре со слугами. Один из представителей реакционно-клерикальной закарпатской интеллигенции Ю Гомичков в отношении народного закарпатоукраинского языка высказывался в таком духе: «Вы хотите от нас, чтобы мы писали языком слуг, но литература пишется везде для господинов...». В этих словах отражена антидемократическая сущность того «русофильского» течения, которое возглавлял А. Добрянский.

И. Франко, отвечая на подобного рода выступления против украинского языка, писал:

Диалект или язык? Ну, снова
Начались раздоры и резоны!
Нет вопроса более пустого
Там, где речи просят миллионы!
Наш язык — среди других гонимый,
Может, польский или чешский краше.—
Но он служит Матери родимой,
Значит, в нем и упование наше.
Диалект, а мы его надышим
Мощью духа нашего, любовью,
И в историю культуры впишем
Наше слово — животворной новью!⁵³)

И. Франко понимал, что будить революционные силы украинского народа можно было только обращаясь к нему на понятном родном языке.

«Уступка», сделанная сторонниками «твердорусского» направления «местному наречию», привела к тому, что язык «будителей», предназначенный для «просвещения народа», отрывался от его корней в народе и оказался далеким как от русского, так и украинского литературного языка, представляя собой искусственную мешанину, выдаваемую, однако, за «русский язык»⁵⁴).

Н. Г. Чернышевский в своей статье «Народная бестолковость», подвергая критике идеи реакционного славянофильст-

⁵²) Т. Д. Флоринский, Зарубежная Русь и ее горькая доля, Киев, 1900, стр. 17.

⁵³) И. Франко, Избранные сочинения, т. I, М., 1948, стр. 416—417.

⁵⁴) Русский профессор А. Погодин по этому поводу говорил. «Твердоруссы» только «платонически вздыхали по русскому языку; они его не знали и не изучали. Тот русский язык, который они вводили в свои книги, нисколько не менее непонятен русскому читателю, нежели украинский язык галицкой письменности».

ва, выражаемые В. Ламанским и газетой «День», на позициях которых стояли и «твердору́ссы», решительно осуждал отрицание ими существования украинского литературного языка и советовал австрийским русинам, чтобы они писали «своим малорусским языком, а не ломанным нашим литературным языком»⁵⁵). Н. Г. Чернышевский рассматривал издание литературы на украинском языке как средство объединения революционных усилий украинского и русского народов.

В культурной, национальной и духовной жизни закарпатских украинцев, на протяжении многих веков находившихся под чужеземным игом, исключительно большое историческое значение имело влияние письменности, языка, литературы, культуры русского народа. Можно сказать, что это был один из важнейших факторов, спасший полумиллионный закарпатоукраинский народ от угрозы его полной ассимиляции. Под знаком воздействия русской культуры развивалась письменность, литература и культура русинов Закарпатья. Она способствовала росту и укреплению национального самосознания русинов, братских связей с русским народом, распространению передовых идей русской классической литературы, развивая и поддерживая в массах жившую на протяжении столетий идею воссоединения Закарпатской Руси с матерью-Русью. Этому объективно содействовали своей деятельностью и закарпатские «будители».

«В каждой национальной культуре,—писал В. И. Ленин, — есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»⁵⁶). Поэтому распространение русского языка, произведений классиков русской литературы в Закарпатья «будителями» открывало возможности для ознакомления русинской интеллигенции и народных масс, вопреки желаниям и намерениям самих «будителей», с прогрессивными, демократическими идеями, ибо неизбежно с распространением влияния великорусской культуры наряду с «идеями великорусской поповской и буржуазной культуры» действовали тут и «идеи великорусской демократии и социал-демократии» (Ленин), проникавшие в Галицию и Закарпатья, несмотря на все рогатки и препятствия, создаваемые австро-венгерскими властями и их униатскими пособниками. Русское живое и печатное слово всегда пользовалось в Закарпатья особой любовью, как родное слово, но запретительные меры австрий-

⁵⁵) Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. 8, СПб., 1906, стр. 337.

⁵⁶) В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8

ского и венгерского правительств препятствовали расширению культурных связей Закарпатья с Россией.

После революции 1848—1849 годов русская книга все больше проникает в среду закарпатской интеллигенции. Многие из тех ее представителей, которые предполагали, как писал закарпатский писатель И. Сильвай, что «для них великорусский язык будет непонятен, ибо они принадлежат к отличному от русских племени «рутенов», убедились, что за малым изъятием это совсем родной язык»⁵⁷⁾. Эту мысль о родном для русинов языке, языке могучем и богатом, призванном сыграть выдающуюся роль в развитии человечества по пути прогресса, анонимный поэт выразил в таких словах:

Родимый мой язык, и стройный и певучий,
Пророчу будущность блестящую тебе,
На поприще наук, гражданства и созвучий
Свершить не мало предстоит твоей судьбе
Ты дан великому славянскому народу,
Как он, ты величав, патриархально прост,
Как он, наглядно усиляясь из года в годы,
Раздвинешь далеко ты свой могучий рост ⁵⁸⁾

С 60—70-х годов XIX века в Закарпатье возникают культурно-просветительные учреждения, читальни, библиотеки, благодаря которым распространялись русские книги и русское слово. Известное значение имели и культурные связи закарпатской интеллигенции с Галицией и украинскими общественно-политическими кругами. Украинский национально-либеральный деятель М. П. Драгоманов, например, несколько раз приезжал в Закарпатье из Черновиц и, по словам Л. Василевского, знакомил местную интеллигенцию с «настоящей русской литературой» — произведениями Пушкина, Гоголя, Лермонтова, особенно с «Записками охотника» И. Тургенева, чтобы показать, как «пан относится к мужику», со стихотворениями Некрасова «из-за его демократизма» и т. д. «Вместе с тем он предлагал им и украинские издания — Шевченка, Марка Вовчка, Нечуя-Левицкого, Федьковича, издания львовской «Просвіти» и социалистические брошюры, издаваемые в Вене и Женеве»⁵⁹⁾.

С этого времени, несмотря на подрывную и разлагающую деятельность ассимиляторов, интерес к русской книге, к русскому слову среди закарпатской интеллигенции и народных масс все более возрастал. Все, что «попадалось под руки русское, — писал И. Сильвай, — читалось с жадностью; стало быть, начало проявляться народное сознание»⁶⁰⁾. Имен-

⁵⁷⁾ Указ. соч. Уриил Метеор, стр. 58.

⁵⁸⁾ «Славянский век», № 13, 1901 г., стр. 28.

⁵⁹⁾ Указ соч. Л. Василевский, стр. 376.

⁶⁰⁾ Указ соч. Уриил Метеор, стр. 58.

но в этом и следует видеть то положительное, что внесли «будители», и в частности А. Добрянский, своей деятельностью в национально-культурное движение Закарпаття, способствуя укреплению культурных связей Закарпатской Украины с Россией.

Но было бы неправильным переоценивать значение деятельности «будителей» в этом отношении и не видеть того, что А. Добрянский и его сторонники выступали глашатаями русской клерикально-монархической «культуры» и противниками культуры русского народа, выразившей революционно-демократические идеи.

«Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам,— писал В. И. Ленин. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»⁶¹). Именно носителем «господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культуры великороссов» (Ленин) и являлась группа А. Добрянского.

Некоторые авторы ставили в заслугу А. Добрянскому и другим закарпатским «будителям» их борьбу с «украинским сепаратизмом» и «самостийництвом». Действительно, А. Добрянский выступал против «украинофильства». В своих «Патриотических письмах», опубликованных в галицкой газете «Слово» в 1873 году, он указывал на тот вред, какой приносит «русскому делу» «украинomanия», под знаком которой «искажается правописание, делается безобразным малорусское наречие» и «подделывается история».

Но выступления против «самостийницкого» украинского национализма и критика его велись А. Добрянским и другими «будителями» с позиции «единой неделимой», причем, под «украиноманией» они понимали всякое украинское национальное движение, независимо от того, какой классово-политический характер оно носило. Реакционнейшие прогабсбургские группки украинского буржуазного национализма они осуждали мягко, с оговорками, зато взгляды украинских революционно-демократических деятелей подвергались с их стороны ожесточенным нападкам. Так, «твердоруссы» отказывались чествовать память Т. Г. Шевченка как «безбожника», «украинмана» и «мужицкого поэта», выступавшего против власти помещиков и основ «освященного веками национального правопорядка». Они отождествляли национально-демократическое движение украинского народа, питавшееся революционно-демократическими идеями Т. Г. Шевченка,

⁶¹) В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 16.

движения, к которому принадлежал И. Франко, с националистическими течениями и группками предателей украинского народа. Но это были принципиально противоположные по своему классовому содержанию и идейно-политическому направлению общественные явления. Продажная кучка габсбургских наймитов — «новоэристов» — типа Ю. Романчука и другие украинские буржуазно-националистические организации австро-германской ориентации были глубоко враждебны украинскому народу, его социальным и национальным чаяниям.

В то время, как прогрессивные украинские деятели видели будущее Украины в единении с демократической Россией, в союзе трудящихся масс, украинские буржуазные националисты — агенты австро-германского милитаризма — выдвинули реакционную идею превращения Галиции в «украинский Пьемонт». Галиция, по их мнению, должна была стать центром объединения всех западно- и восточноукраинских земель в составе Австро-Венгрии под властью Габсбургов. Это были глубоко антинародные планы проповедников украинского «самостийнического» национализма, рассчитанные на разрыв братского союза украинского и русского народов, на порабощение украинского народа австро-германским империализмом и духовное подчинение народных масс Украины папской римской курии.

А. Добрянский и его сторонники в Закарпатье и Галиции не были и не могли быть последовательны в своих выступлениях против этих враждебных украинскому и русскому народам группок украинского национализма, ибо между ними не только существовали противоположности во взглядах, имевшие относительное значение, но и общность классово политических интересов, выразившихся в их враждебном отношении к революционному движению народных масс, в безоговорочной поддержке ими габсбургского режима⁶²).

«Русофильство» и «москвофильство» А. Добрянского и его последователей не было тем прогрессивным течением, которое укрепляло бы узы братства украинского и русского народов на основе их совместной борьбы за социальное освобождение, за переустройство государственного строя России на демократических основах. Их «русофильство» было реакционным в противоположность демократическому, прогрессивному русофильству передовых представителей украинского народа, которые любили демократическую, революционную

⁶²) «Москвофильство» А. Добрянского и закарпатских «будителей» носило реакционный характер. Они знали только одну царскую, дворянско-чиновную Россию и не видели, вернее сказать, не хотели видеть другой России, России неофициальной, России угнетенного и борющегося за свое освобождение крестьянства, России революционно-демократической.

Россию, и, борясь против социального и национального угнетения своего народа за его национальную культуру, были русофилами в самом лучшем, благородном смысле этого слова. К таким русофилам принадлежали Т. Шевченко и И. Франко.

Об идейно-политическом облике А. Добрянского, его мировоззрении красноречиво свидетельствует и круг его знакомств и связей в России. Во время своей поездки в Россию в 1875 году А. Добрянский посетил Варшаву, Вильно, Петербург, Москву и Киев. Он был представлен цесаревичу Александру, который, по словам самого Добрянского, принял его «небывалой снисходительностью» и заверил, что «высоко идет держать всегда прапор славянский». Кроме того, Добрянский познакомился с кн. Дундуковым-Корниловым, С. Аксаковым, гофмаршалом Г. Алексеевым, М. Катковым и завязал близкую дружбу с К. Победоносцевым. Нередко говорят: «Каждый имеет таких друзей, каких он достоин»...

Эти связи выражают идейное родство и естественное тяготение А. Добрянского и его соратников ко всякого рода «осподинам» в России, принадлежащим к черносотенно-монархическим, реакционно-славянофильским и клерикально-синодальным кругам. Основа идейно-политического симбиоза закарпатских «будителей» и реакционных сил России заключалась в тождественности их классовых интересов, мировоззрения и политических взглядов.

В деятельности и публицистических выступлениях А. Добрянского церковно-религиозный вопрос занимал наряду с национальным вопросом главное место. «Вероисповедным основам,—по словам А. Будиловича,—он придавал величайшее значение даже в вопросах чисто государственных»⁶³). А. Добрянский проводил настойчивую борьбу против католического засилья в Закарпатье и Галиции, отстаивая автономию русской униатской церкви и сохранение ее греко-восточной организации и обрядов. Эта борьба имела известное положительное значение, ибо в конкретно-исторических условиях Закарпатья и Галиции католическо-иезуитское порабощение означало усиление социального, национального и духовного угнетения масс трудящихся. Объективно, борясь за сохранение независимости «русской» церкви, А. Добрянский содействовал ослаблению усилий немецко-венгерской католической реакции, направленной к окатоличению и ассимиляции русинов.

Экономическая и культурная отсталость Закарпатья, неразвитость общественно-политических отношений, сильные ос-

⁶³) Указ соч. Ф. Ф. Аристов, Карпато-русские писатели, стр. 186.

татки полуфеодалных форм эксплуатации крестьянства, задерживавших развитие классовой борьбы и классового самосознания трудящихся, обусловили живучесть религиозных верований и огромное влияние духовенства на массы крестьянства. А. Добрянский, один из немногих представителей светской интеллигенции, являлся сам носителем религиозной идеологии и не мог противиться, а, наоборот, содействовал тому, чтобы именно униатское духовенство возглавляло общественно-политическое и национальное движение и придало ему верноподданническо-христианский характер.

На то, насколько пагубным для общественно-политического развития Галиции и Закарпатья было засилье клерикальных элементов, указывал еще Н. Г. Чернышевский в своей статье «Национальная бестактность» (1861 год). Вскрывая помещичье-клерикальную классовую природу «москвофильства», Н. Г. Чернышевский писал, что львовская газета «Слово» «приглашает высокопреосвященного Григория, митрополита галицкого, стать главою племени в политических делах. Об этом мы скажем только, что о мирских делах надобно заботиться мирским людям. Русинские поселяне не могут ожидать или требовать, чтобы православное духовенство распахивало их поля; русинские православные торговцы не ожидают и не требуют, чтобы оно управляло их коммерческими оборотами. Точно так же вообще все русинские миряне сами должны заботиться о своих общих мирских интересах, не желая и не требуя, чтобы православное русинское духовенство исполняло за них это дело, которым по самому своему званию оно не должно заниматься, к успешному занятию которым оно не приготовлено и заниматься которым оно не может без вреда для русинского народа»⁶⁴).

Наконец, говоря об А. Добрянском как общественном деятеле клерикального направления, надо подчеркнуть, что он блокировался с наиболее реакционными элементами церковников в России. В своей статье «Суждение православного галичанина о реформе русского церковного управления» (1899 год) А. Добрянский выступал ярким сторонником укрепления синода, ибо с ослаблением его значения в России распространится «безконфессийность» и будет подорвано «вселенское» значение восточной церкви. Проповедуя «вселенское» значение и «историческую миссию» православной церкви, А. Добрянский связывал с нею идею «восточно-христианской империи», которая, мол, воплощалась в средние века в Византии, а после падения ее — в «Царстве Русском».

⁶⁴) Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. 8, 1906, стр. 283.

Этому вопросу А. Добрянский (под псевдонимом «Средец») посвятил свою статью «Римско-немецкая империя Гогенцоллернов и греко-славяне»⁶⁵), относящуюся к 1892 году, которая характеризует общеполитические взгляды автора. В средневековый период, — писал А. Добрянский, — от Восточной Римской империи в большей или меньшей зависимости находились все славянские государства, которые могут быть рассматриваемы как члены одной обширной «восточно-христианской федерации» во главе с византийским императором. Когда же роль последнего перешла к царям московским, а потом и к императорам всероссийским, то «по взглядам славянских и инородческих населений православного Востока этот царь стал их естественным покровителем, т. е. как бы главою всей той обширной нравственной федерации восточно-христианских государств и народов, поскольку они сознали свою отдельность от политических систем мусульманских и латино-немецких»⁶⁶).

Процесс формирования такой федерации уже достаточно обозначился в постепенном складывании огромного русского государства, но далеко не завершен, ибо многие восточно-христианские народы принадлежат еще к государствам «чужих культурных систем». Ускорение и завершение этого процесса, заявлял А. Добрянский, составляет главную задачу России и прочих государств и народов христианского Востока. Для достижения этой цели должно быть принесено в жертву все. «Местные интересы отдельных ветвей греко-славянского племени, их местные патриотизмы и сепаратизмы» могут приниматься в расчет и быть терпимы лишь постольку, поскольку они не мешают интересам и цели федерации, ибо «она одна может обеспечить существование всех этих ветвей, следовательно, их главный интерес — интерес жизни».

Этой «восточно-христианской федерации» прогивостоит федерация империалистического типа — «римско-немецкая империя Гогенцоллернов», угроза со стороны которой, как считал А. Добрянский, пойдет только на пользу славянам, так как «только напор германизма на западные окраины нашего культурного мира может парализовать исконные сепаратизмы греко-славян и как бы ударами немецкого молота сплотить их в более тесную и прочную культурно-историческую систему». «Восточно-христианская федерация», заявлял А. Добрянский, должна быть построена по «гегемоническому

⁶⁵) Эта статья А. Добрянского была опубликована в «Славянском обозрении» и в венском журнале «Славянский век» за 1892 год.

⁶⁶) Цит. по указ соч Ф Ф А р и с т о в, Карпато русские писатели, стр 212.

принципу», то есть опираться па «национальные и культурные силы России» во главе с царем.

План создания «восточно-христианской империи», вынашиваемый наиболее экспансионистскими и шовинистическими кругами царской России, являлся архиреакционным планом порабощения славянских и неславянских народов «восточно-христианской культуры» русским царизмом. Эта антинародная идея по своим масштабам далеко превосходила и покрывала собой не менее реакционные планы «собрания русской земли» и слияния всех славянских народов в один огромный «царь-колокол», проповедуемые монархическо-славянофильскими авторами конца XIX столетия.

Естественно может возникнуть вопрос, как же согласовать пропаганду А. Добрянским идеи «восточно-христианской федерации», противостоящей «все немецкой империи», со служением его Габсбургам и планами, направленными к «вскреплению» австрийской империи? А. Будилович пытался объяснить это противоречие тем, что А. Добрянский был «не фантазирующим доктринером», смешивающим отдаленное и близкое, идеалы и действительность, а «практическим политиком», имевшим «верный глазомер» и отличавшимся умением избирать «доступные пути» в движении к «идеальным целям». По нашему мнению, А. Добрянский принадлежал именно к числу реакционных доктринеров, содействовавших укреплению империи Габсбургов, имея в виду превращение ее в будущем в «славянское» государство и в одно из звеньев этой пресловутой «восточно-христианской федерации».

Многие закарпатские, галицкие и русские буржуазные авторы, освещая деятельность «будителей», особенно подчеркивали стойкость их убеждений, бескомпромиссность и настойчивость в осуществлении своих целей, за что они и подвергались травле и преследованиям со стороны правительственных органов и шовинистических элементов Австрии и Венгрии. Преследования и травля «будителей» подтверждаются историческими документами и фактами, но выводы, которые отсюда делают эти авторы, утверждая, что будто бы они страдали как борцы за «свободу народа», не соответствуют исторической истине. То же самое надо сказать и о попытках изобразить «будителей» «народными мучениками».

Деятели национально-политического и культурного движения в Закарпатье действительно подвергались гонениям за свои славянофильские убеждения. «Хотя отношение этих людей к австрийскому правительству было вполне лояльным и деятельность их происходила в строго законных рамках, тем не менее они не избежали преследований», — писал А. Копытянский⁶⁷⁾. В архивах жупных управлений сохранились доку-

⁶⁷⁾ «Исторический вестник», № 4, Петроград, 1917 г., стр. 264.

менты, свидетельствующие о неустанной слежке за «панславистами» со стороны австро-венгерской полиции. Не только за А. Добрянским, но и за членами его семьи и родственниками был установлен строгий полицейский надзор⁶⁸). Известно, что выборы А. Добрянского в парламент неоднократно отменялись властями, а грубые выпады со стороны шовинистических депутатов парламента, травля реакционной печатью «русинского панслава» и «опасного славянофила» были обычным явлением. Униатская «патриотическая» печать клеймила его как «изменника-схизматика», зараженного «чуждой православия и москальства».

Против А. Добрянского его противниками были организованы хулиганские нападения из-за угла, которые буржуазные авторы громко именовали «покушениями», и, наконец, в 1882 году он был арестован австрийскими властями со своей дочерью Ольгой Грабарь и другими единомышленниками по «старорусской» партии в Галиции и предан суду. А. Добрянский и другие подсудимые, обвинявшиеся безосновательно в «государственной измене» и «заговоре» в целях присоединения Галиции к России, были оправданы судом присяжных. С этого времени и до конца своих дней А. Добрянский находился под надзором полиции в Иннсбруке. Таковы факты. Однако они не дают оснований для заключений, о которых мы говорили выше.

Преследования «будителей» и, в частности, А. Добрянского объяснялось не тем, что они якобы боролись за «народную свободу», не их «радикализмом», а исключительной реакционностью государственного строя Австро-Венгрии, тем полицейским режимом, который там существовал, подавлявшим с особой жестокостью революционное движение рабочего класса и крестьянства, обрушивавшим репрессии даже на умеренные оппозиционные элементы, особенно «москвофильские», ибо в условиях подъема национально-освободительного движения порабощенных народов призраком «панславизма», как кошмар, преследовал правителей Австро-Венгрии, установивших и поддерживавших систему дикого угнетения славянских народов. Доказательством этого может служить тот факт, что в 1856 году в мукачевском замке, превращенном в тюрьму для политических заключенных, насчитывалось 625 узников, а через два года число заключенных в этой цитадели достигало 930 человек, среди которых было немало участников славянского национально-освободительного движения.

Близкий друг А. Добрянского А. Будилович, говоря о гонениях на «русскость» в Австро-Венгрии, справедливо ука-

⁶⁸) ГАЗО. ф 4, д 1, лл 11, 16.

зывает «Классической страной национальных антагонизмов и тяжелого гнета народностями господствующими подавленными или порабощенными является Австро-Угория. На небольшом пространстве. . . и на протяжении одного-двух десятилетий, мы можем найти в ней обильные примеры для всех возможных видов национального угнетения, целую скалу то правительственных, то общественных оскорблений, наносимых и лицам, и корпорациям, и целым народностям, — во имя равенства, свободы, братства. Появись теперь в Угрии Дант, он мог бы не 9, 99 круга ада наполнить сценами горя и страданий, унижения и издевательства, творимых под знаменем конституции, дуализма, тройственной лиги»⁶⁹⁾).

Только в этих условиях и могли подвергаться преследованиям благонамеренные и законопослушные «будители», имена которых буржуазные авторы, вопреки исторической правде, окружили ореолом «народных вождей-страстотерпцев».

А. В. Духнович и «национальное возрождение» русинов

Сподвижником А. Добрянского, оказавшим значительное влияние на развитие национально-культурного движения в Закарпатье, являлся писатель Александр Васильевич Духнович (1803—1865)⁷⁰⁾. В исследованиях, написанных до воссоединения Закарпатской Украины с СССР, роль А. Духновича как писателя и деятеля национально-культурного движения извращалась буржуазными и буржуазно-националистическими авторами. В литературе этого периода личность А. Духновича обычно изображалась в идеализированном виде, заслуги его перед народом преувеличивались, а подлинно научный, объективный анализ его деятельности и роли в общественно-политической и культурной жизни подменялся дифирамбами, приторным славословием, бессодержательными, но громкими эпитетами и неправдивыми аналогиями.

Редактор закарпатской газеты «Свет» Ю. Игнатков через три года после смерти писателя давал такого рода надуманную и бессодержательную характеристику его творчества. А. Духнович, — писал он, — «замечателен по силе фантазии и полноте восторженного чувства; он как певец смело упоится полетами воображения, рисует картины и образы нередко

⁶⁹⁾ «Славянское обозрение», т. 3, СПб, сентябрь—декабрь 1892 г., стр. 465

⁷⁰⁾ А. В. Духнович родился в селе Тополя Земплинского комитета в семье священника. С 1827 года, после окончания гимназии и богословской семинарии, он занимал должность архивариуса и делопроизводителя епископской канцелярии, а потом был назначен приходским священником. С 1843 года и до своей смерти А. Духнович состоял членом коллегии каноников прешовской униатской епархии

исполнинские, также своенравно владеет языком»⁷¹). Н. Бескид в своей статье «А. В. Духнович и его поэзия» называл Духновича «вождем карпаторусского народа», подчеркивая, что он, подобно «второму Моисею», «указал народу путь «к возрождению» и «вырвал его из гибели»⁷²). П. Федор, А. Попов и другие авторы, характеризуя период деятельности А. Духновича в истории Закарпатья как «золотое время», называли его «знаменитым борцом за карпаторусскую свободу», «героем своего времени» и «пророком своего народа» или выражали благодарность «фортуны истории», пославшей в тяжелый период наступления чужеземной реакции на «русскость» «самоотверженного будителя» А. Духновича, призыв которого «Русины, оставьте глубокий сон» — как «яркая молния прорезал национальную мглу...». Русский исследователь Ф. Ф. Аристов, оценивая роль А. Духновича как просветителя, писал: «Значение деятельности А. Духновича для развития Угорской Руси настолько велико, что составляет целую эпоху в ее развитии», а закарпатский автор В. Крайняница, потеряв всякое чувство меры, сравнивал А. Духновича с Л. Толстым и Н. Некрасовым.

В закарпатской литературе, посвященной 120-летию со дня рождения А. Духновича, особенно ярко проявилось стремление местных буржуазных авторов представить его в виде «общенационального вождя», «апостола своего народа», «пророка народной правды» и т. п. Это славословие по адресу А. Духновича выражало стремление буржуазных авторов утвердить антинаучную концепцию «единого потока» в национальном движении и «бесклассовости» исторического развития Закарпатья, а также, вопреки исторической истине, представить униатское духовенство как «проверенного временем» и единственного «вождя народа». Затуманивать классовые противоречия, отвлечь народные массы от классовой борьбы, подчинить их безраздельному господству униатского духовенства — таков политический смысл этого восхваления А. Духновича как «общенационального вождя».

Некоторые буржуазные авторы выдвигали на первый план под видом «наиболее ценного», а на деле наиболее реакционные, христианско-этические взгляды А. Духновича, которые объявлялись «нравственным идеалом» народных масс Закарпатья. Именно под этим углом зрения они и определяли его место в культурно-национальной жизни русинов как «учителя народа».

Украинские буржуазно-националистические авторы грубо третировали А. Духновича за его «русофильство-москаль-

⁷¹) «Свет», № 17, 21 октября (2 ноября) 1867 года.

⁷²) Н. Бескид, А. В. Духнович и его поэзия, Ужгород, 1930, стр. 17.

ство», поносили его в самых непристойных выражениях, называя в издевку «прославленным в своем углу писателем», «кружковой знаменитостью, равной Байрону и Мицкевичу», и тенденциозно подчеркивали якобы «антиобщественный» характер его деятельности. Белогвардейское эмигрантское отребье и наймиты Гитлера и Хорти пытались использовать популярное в массах закарпатских украинцев имя «батка» Духновича в своих антинародных целях.

Наконец, некоторые авторы определяли роль А. Духновича, исходя из оценки его литературного наследия, рассматриваемого исключительно только с точки зрения художественно-эстетической, внешней, формальной. Действительно, по этим признакам А. Духнович не выделялся как писатель — мастер слова, стоящий на уровне литературно-поэтического искусства своего времени. Его поэзия и проза чрезвычайно бедны. На всем его творчестве, приемах, технике, стиле лежит печать примитивизма, свойственная прошлым столетиям, отражающая собой отсталость культурного развития Закарпатья, оторванность русинской интеллигенции XIX столетия от современного им русского языка и литературы. Но самый факт несовершенного знания А. Духновичем литературного русского языка, применение им отживших или устарелых оборотов речи и выражений не дает оснований для такой оценки творчества А. Духновича, которую давал, например, И. Созанский, заявлявший, что его поэзия «не имеет ни малейшей литературной ценности», что это «макулатура, а не литература»⁷³⁾.

А. Духнович, как писатель, организатор культурно-просветительных обществ, автор и издатель школьных учебников, сыграл, несомненно, заметную роль в культурно-национальной жизни Закарпатья. Значение, роль и место А. Духновича можно правильно определить только на основе марксистско-ленинского учения об историческом подходе к общественным явлениям и общественным деятелям, выделив объективно положительные стороны его деятельности в конкретных исторических условиях, которые в известной мере связывают его с массами народа, не затушевывая вместе с тем реакционно-идеалистической сущности его взглядов как деятеля, органически сросшегося с теми мелкобуржуазно-клерикальными слоями закарпатского общества, из которых он вышел, идеологию и интересы которых он выражал.

А. Духнович принадлежал к числу лучших представителей закарпатской интеллигенции, искренне сочувствовавший угнетенным, забитым и темным массам своего народа, отдававший много сил распространению грамотности в подъярем-

⁷³⁾ «Записки Наук т-ва ім Шевченка», Львів, т. 124, 1908 р., стр. 139.

ной «Угорской Руси», укреплению в массах чувства родства с братским русским народом, пробуждению национального самосознания русинов и приобщению их к русской культуре. Все современники, независимо от того, как они относились лично к творчеству и взглядам А. Духновича, подчеркивали его незаурядную образованность, скромный образ жизни, отзывчивость, простоту в отношениях к «низшей братии» и особенно его неутомимую деятельность на «поле народном».

«Отцом русской школы и русской литературы» в Закарпатье, — писал К. Кустодиев, — был А. Духнович, человек «глубокого классического образования» и «глубоко преданный своему народу и любивший меньшую братию до самоотвержения... Все свои силы, все свое время, все свои средства А. Духнович посвятил единственной цели—пробуждению народного сознания и развитию народной литературы... Он отзывался на все: родится ли сын или дочь у какого-нибудь известного ему народолюбца, он посылал написанную им на этот случай оду, выдает ли кто свою дочь в замужество, или кто женится, и здесь он являлся с своей поэзией. Он не верил в свои поэтические дарования, мало ценил свою поэзию, но он хотел, чтобы русская речь слышалась при всяком заметном событии семейной жизни, чтобы русское сознание таким образом утверждалось на самом прочном основании»⁷⁴). И. Франко, указывая на «запутанность» А. Духновича в языковом и политических вопросах, вместе с тем подчеркивал, что это был человек «доброй воли и не малых способностей»⁷⁵).

**
*

Заслуга А. Духновича заключалась прежде всего в разнообразной культурно-просветительной деятельности, выразившейся в издании им школьных учебников на родном языке и «полезных для народа» книг⁷⁶). Закарпатский писатель А. Кралицкий, характеризуя эту сторону деятельности А. Духновича, писал: «Духнович не был гений, поэт высоких дарований, или литератор европейской славы; он был только скромный «будильник», так называемый *totumfac*. Нужен был календарь—Духнович составил и издал календарь. Оказалась потребность в школьных учебниках — Духнович на-

⁷⁴) К. Л. Кустодиев, Конгресс католиков Венгрии и угорские русские, «Православное обозрение», М, октябрь 1871 г., стр. 553.

⁷⁵) См. И. Франко, Стара Русь. «Літературно-наукові вісник», ІХ, Львів, 1906 р., стр. 384.

⁷⁶) А. Духнович являлся автором и издателем следующих учебников для народных школ «Букварь, книжица для начинающих» (1847 г.), «Краткий землєпись для молодых русинов» (1851 г.), «Сокращенная грамматика русского языка» (1853 г.), «Народная педагогия в пользу училищ и учителей сельских» (1857 г.)

писал и издал на собственные издержки: букварь, грамматку, землепись, народную педагогию и проч.»⁷⁷). Эта литература в условиях своего времени сыграла положительную роль. Она содействовала распространению грамотности, поднимала национальное самосознание народных масс, противодействовала антинародной деятельности мадьяронов-«патриотов» и осуществлению ассимиляторских планов Габсбургов.

«Букварь» А. Духновича, написанный «речью мерною», пользовался большой популярностью и выдержал несколько изданий. Эта книга, писал В. Крайняница, благодаря «чистоте и ясности языка, легкости стиля, пестроте (в смысле разнообразия. — И. К.) и богатству содержания... быстро распространилась не только под Карпатами, но и за Карпатами. По ней училось грамоте не одно поколение, с благодарностью вспоминая о ее составителе». «Грамматика» и «Землепись» А. Духновича, являвшиеся первыми школьными пособиями этого рода, долго служили делу обучения закарпатской молодежи. «Из них долгие годы черпала молодежь познания на понятном и родном языке», — отмечал тот же автор.

«Народная педагогия» А. Духновича (издана во Львове в 1857 году), для написания которой он взял за образец положения, выдвигаемые немецкими авторами, переработав и приспособив их к особенностям русинских школ, состояла из двух частей. В первой части, в соответствии с тогдашними представлениями, излагались общие теоретические принципы педагогики и выяснялась роль учителей и родителей в воспитании детей. Вторая часть книги, оставшаяся в рукописи, была посвящена «специальной педагогии» и излагала правила применения педагогической науки к конкретным случаям, связанным с обучением и воспитанием детей. В своей «Педагогии» А. Духнович выступал за школу, доступную массам, воспитывающую детей в «народном духе». Придавая решающее значение роли учителя в формировании характера, взглядом и моральных принципов юношества, А. Духнович рассматривал деятельность учителя как трудную, но почетную и многополезную, как выполнение им своего гражданского долга перед народом.

На значение подобного рода учебников для Закарпатья того времени указывал И. Раковский⁷⁸). «Кто не знает, — говорилось в рецензии на «Педагогию» А. Духновича, — сколь трудно написать хороший учебник, долженствующий служить руководством учителю и ученикам? Конечно, это задача одна из самых труднейших... Нам, начинающим только теперь размышлять о народном образовании, не остается иное как взять

⁷⁷) Указ соч. N. N., стр 51—52

⁷⁸) «Церковная газета», № 46, 1857 год

в образец учебники, находящиеся у других просвещенных народов. Мы едва (ли) в состоянии самостоятельно издать хорошие учебники. А потому достохвальным считаем труды тех, которые стараются при пособии учебников, изданных у иных народов, споспешествовать потребностям нашего народного образования». Указав далее, что следовало бы при этом использовать не только достижения западноевропейской, но и русской науки, И. Раковский о рецензируемой книге А. Духновича писал: «Не взирая на некоторые недостатки, без которых у нас ничего не может быть издано, потому что мы не успели еще присвоить себе чистоту и правильность русского языка, это сочинение в настоящих обстоятельствах наших содействует цели своей».

Некоторые закарпатские авторы (Н. Бескид и др.) видели большую заслугу А. Духновича в том, что он якобы являлся первым просветителем Закарпатской Руси, который ослабил авторитет мертвого церковнославянского языка и, очищая народный язык от устаревших и несвойственных ему лингвистических форм, подготавливал почву для постепенного возвышения и приближения народного языка к литературному. Эти утверждения нельзя признать обоснованными. Действительно, вплоть до второй половины XIX века в Закарпатье под видом «материнского» языка в печатных изданиях употреблялся «смешанный» язык, сочетающий в себе церковнославянскую архаику, народные диалекты и заимствования из других славянских языков, но от него язык А. Духновича почти не отличался.

«...Я стараюсь о мове карпато—или бескидорусской, народами в Галичине и Угорщине употребляемой», — говорил А. Духнович. Но язык его произведений нельзя признать типичным для украинцев Галиции и Закарпатья, ибо он включал в себя как важнейшие составные элементы церковнославянский язык, закарпатские диалекты и заимствования из словацкого языка. «Церковная газета» по поводу языка, употребляемого А. Духновичем, писала в 1857 году: «Наш заслуженный писатель, желая постепенно приучить народ к книжному русскому языку, старается в сочинениях своих пользоваться отчасти церковнославянским, отчасти же народнорусским слогом», а автор «Христоматии» Е. Сабов указывал: «...Писавши для интеллигенции он (А. Духнович. — И. К.) порешил в конце уже своего действия, и старался употреблять чисто литературный язык»⁷⁹).

Действительно, А. Духнович стремился сблизить книжный язык с местными диалектами, чтобы продвигать в массы литературу на более доступном им языке, но «приучить народ к

⁷⁹) Журнал «Учитель», рочн X, № 3—4, 1929 г., стр. 104.

книжному русскому языку» своими произведениями он не мог по той простой причине, что сам до конца своей жизни в полной мере не овладел литературным русским языком. Если и появлялись в печати произведения А. Духновича, написанные литературным русским языком, то только в литературной обработке И. Раковского или русских авторов.

А. Духнович, как и А. Добрянский, считал, что в основу литературного языка прикарпатских и закарпатских русинов должен быть положен русский литературный язык. Отсюда вытекало его отрицательное отношение к украинскому национальному языку, которому он противопоставлял «язычие», употребляемое под видом «русского языка» газетой «Зоря Галицкая» и другими изданиями «твердоруссов». Употребление украинского народного языка в литературе он рассматривал как выражение «упадка культуры». Беллетристика на украинском языке, как заявлял А. Духнович, «омужичилась, вернулась к своей колыбели, и вместо изящества представляет собою грубость и вульгарность мыслей». Он не хотел считаться с тем, что развитие украинского национального языка и национальной литературы было следствием развития украинской нации, за которой А. Духнович не признавал права на самостоятельное существование. В венском «Вестнике» за 1863 год А. Духнович писал. «...Я считаю своим долгом сказать, что в ...украинских новеллах не нахожу признаков хорошего вкуса, ваша теперешняя беллетристика подходит лишь для кабака Грицю да Ивану, чтобы он смеялся, хохотал, но не стал бы культурным». Я не могу понять, — продолжал А. Духнович, — «каким это образом чистая русская речь могла так вдруг превратиться в украинскую. Ведь Галичина находится не на Украине, а в Галичине, если мне память не изменяет, там не этот диалект на устах..., так для чего же Галичине тянуться до Украины? Задача должна быть таковой: разбудить Украину, чтобы та приняла совершенное правописание, выучила бы русскую грамматику... не понимаю я, какая сила тянет Галичину к Украине...»⁸⁰).

Действительно, он не понимал, что та сила, которая влекла Галицию к Украине, была обусловлена исторически естественным и непреодолимым стремлением народных масс Западной Украины, угнетенных чужеземным господством, к воссоединению со всем украинским народом, соединившим навечно свою судьбу с братским русским народом. Вследствие вековой оторванности Закарпатья от Украины и России, чрезвычайной ограниченности мировоззрения закарпатской клерикальной интеллигенции А. Духнович и другие предста-

⁸⁰) См. Bacsiński T. Orosz ruszin kapcsolatok a XIX század közepeán, Ungv., 1942, стр. 67, 68

вители национально-культурного движения не могли осмыслить и понять сущность тех объективных исторических процессов, которые привели к образованию украинской нации, украинского языка и литературы, рассматривая национальные особенности украинской культуры как искусственно созданные врагами прогресса с целью раскола «единого русского народа». Поэтому закарпатские «будители», в том числе и А. Духнович, смыкались в своих взглядах на украинский язык с реакционно-великодержавными кругами царской России.

Помимо издания учебников, А. Духнович способствовал основанию народных школ. «...Неутомимым рвением А. Духнович, — писал А. Кралицкий, — пробуждал своих соплеменников из летаргического сна к деятельности на поприще словесности и элементарного образования посредством сельских школ»⁸¹). Его стараниями было создано в 1862 году «Общество Иоанна Крестителя» в Прешове, которое, помимо содействия развитию национальной литературы, оказывало материальную поддержку ученикам гимназии.

Отсутствие типографии в Закарпатье, которая могла бы служить национально-просветительным целям, заставило А. Духновича обратиться в 1851 году с ходатайством в ужгородскую консисторию об открытии при Мукачевском монастыре русинской книгопечатни. Однако духовные и светские власти, стремившиеся подавить всякие проявления национальной жизни угнетенных народов, отклонили это ходатайство. Поэтому А. Духновичу и другим писателям Закарпатье приходилось, преодолевая многочисленные препятствия, использовать для печатания издаваемой ими литературы типографии Вены, Будапешта, Львова и Перемышля.

А. Духнович, объединив вокруг себя группу славянофильской интеллигенции, основал в 1850 году первое литературное закарпатское общество — «Пряшевское литературное заведение», издавшее на протяжении 1851—1853 годов три небольших литературных альманаха «Поздравление русинов», в которых были напечатаны произведения А. Духновича, А. Павловича, Н. Надя и других закарпатских авторов. Кроме того, общество издало несколько брошюр религиозно-назидательного характера «для народа».

Прешовский епископ Гаганец, «покровитель» этого «литературного заведения», под давлением реакционно-шовинистических кругов, напуганных распространением через печатные издания общества «русского духа», поспешил принять меры к его ликвидации. Епископ запретил духовенству и учителям своей епархии поддерживать это общество материаль-

⁸¹) Указ соч N N, стр 51.

но и содействовать изданию «неблагоденственной» и «непатриотической» литературы, которая отклоняет русинскую интеллигенцию от «служения престолу». «Литературное заведение» прекратило свое существование в 1853 году. Созданное по инициативе А. Духновича другое культурно-просветительное учреждение — «Общество Василия Великого», развернувшее свою деятельность уже после его смерти, также было разгромлено венгерско-католической реакцией.

А. Духнович положил начало изданию в Закарпатье «Месяцословов» на русском и народном языках. Под его руководством были составлены и изданы «Месяцословы» на 1850, 1851, 1854 и 1857 годы. Эти издания, ограниченность содержания которых и их верноподданническая направленность нами показана выше, являлись во второй половине XIX столетия, в годы яростного наступления чужеземных ассимиляторов, единственными печатными изданиями в Закарпатье на «угрорусском языке».

А. Духнович, понимая значение фольклора в пробуждении и развитии национального самосознания русинов, занимался собиранием и обработкой устного народного творчества. В письме к Я. Головацкому (1857 год), в связи с подготовкой последним сборника «Галицко-русские песни», А. Духнович писал: «Сборник народных песен» меня радует, и прошу вас спешить с этим делом; оно пробудит в нашем народе национальное чувство». Передавая собранные в Закарпатье песни Я. Головацкому, А. Духнович указывал, что на его призывы издать эти песни в Венгрии никто не откликнулся. «У нас все замерло, — писал А. Духнович, — везде царствует лишь эгоизм и мадьяризация»⁸²).

**
*

Литературное наследие А. Духновича обширно и многообразно. Он выступал как поэт, прозаик, драматург, историк и публицист. Но не все творчество А. Духновича имеет одинаковое значение. Наряду с произведениями, сыгравшими в свое время известную положительную роль в национально-культурном развитии Закарпатья, многие его произведения, особенно религиозно-этического содержания, служили, можно сказать, не просвещению, а затемнению сознания народных масс.

Положительное в творчестве и деятельности А. Духновича — это выступления за объединение прикарпатских и закар-

⁸²) Там же, стр. 50.

патских русинов, проповедь «славянской взаимности» и идеи братства закарпатских русинов с русским народом.

Соединение Закарпатской Украины с Западной Украиной, несомненно, отвечало интересам народных масс, но пути и средства к этому, отстаиваемые А. Добрянским и А. Духновичем, в действительности не могли привести к объединению сил двух групп украинского населения. Закарпатские «будители», исходя из своих идейно-политических взглядов, в осуществлении этого плана делали ставку не на революционно-демократическое движение против Габсбургов, которое только и могло привести к цели, а на «отеческую заботу» и «справедливость» правящей династии.

А. Духнович в своей статье «Состояние русинов в Угорщине», опубликованной в «Зоре Галицкой» за 1849 год, утверждая историческое право закарпатских и галицких русинов на «жаданный союзок», возлагал надежды на то, что австрийское правительство откликнется на просьбу об объединении Угорской и Галицкой Руси и «обещанную всем народам австрийским равноправность и на племя угорское, розширити изволит». Уроки истории показали вскоре необоснованность этих надежд, но они ничему не научили закарпатских «будителей», продолжавших сеять прогабсбургские иллюзии, препятствующие освобождению угнетенных народов Австрийской империи. В осуществлении своих национально-политических планов они возлагали надежды на руководящие круги господствующей нации, то есть на те силы, которые как раз и являлись главным врагом независимости угнетенных народов.

А. Духнович в своих произведениях последовательно проводил идею «славянской взаимности» и братства русинов с русским народом. В стихотворении «Сирота в заточении» (1851 год) с душевной болью он говорит о тяжелой доле узника-русина, оторванного от своей матери-Руси. Чужинец-захватчик насильственно разъединил русинов с остальным русским народом, но закарпатский русин не может забыть «матери лоно». Он всеми своими помыслами с Русью, обращаясь к которой, А. Духнович восклицал:

Одну тебе весь желаю,
Тебе в мысли и душе,
Тебе в зеркале чистых вод
Вижу и на воздухе⁸³⁾.

В этих словах А. Духновича выражены самые сокровенные чувства народных масс Закарпатской Украины, всегда видев-

⁸³⁾ Цит по соч. Н. А. Бескид, Жизнь и творчество А. В. Духновича, «Карпатский свет», № 3 - 4, 1930 г и по соч. И. Каминский, Национальное самосознание нашего народа, Ужгород, 1925, стр. 8.

ших в братской России ту силу, которая способна освободить их от векового чужеземного угнетения. Вся история Закарпатской Украины подтверждает то положение, что русское централизованное государство сыграло огромную роль в судьбах братских народов — русского, белорусского и украинского. С самого начала своего существования «оно явилось притягательным центром и опорой для братских народов, боровшихся против иноземных поработителей»⁸⁴).

Наиболее ярко идея братства закарпатских украинцев с русским народом, безграничное чувство любви к своему многострадальному народу выражены А. Духновичем в его стихотворении «Я русин был, есмь и буду», ставшим «народным гимном», «патриотическим катехизисом карпатороссов», как выражались современники.

В условиях кровавого немецко-габсбургского режима угнетения и насилия, душившего с беспощадностью всякое проявление национального самосознания славянских народов, третировавшего русинов как безродную «этнографическую массу», преследовавшего русское слово, национальную культуру русинов, расценивавшего выступление в защиту человеческих прав закарпатских украинцев как «государственную измену», — надо было беззаветно любить свой народ и обладать гражданским мужеством, чтобы подобно А. Духновичу громко заявить:

Я русин был, есмь и буду;
Я родился русином;
Честный род мой не забуду,
Останусь его сыном.

Нет выше долга, чем служение своему народу. Эту мысль А. Духнович выразил словами:

..Возлюблю тя, твоим буду
Сыном, другом аж по гроб

Вековой чужеземный гнет, как это понимал А. Духнович, наложил тяжелую печать застоя и отсталости на всю жизнь Закарпатской Руси, задерживая культурное развитие народных масс и формирование закарпатской национальной интеллигенции. Воодушевленный начавшимся после революции 1848 года национальным подъемом в Закарпатье, А. Духнович считал важнейшей задачей в этих условиях привлечение всех интеллектуальных сил к «оживлению народной жизни» и воспитанию новой, «народолюбивой» интеллигенции из числа молодежи, способной противостоять наступлению ассимиляторов.

⁸⁴) Тезисы о воссоединении Украины с Россией (1654—1954 гг.), «Правда» от 12 января 1954 года.

На пробуждение национального самосознания подрастающего поколения закарпатских русинов, на привлечение его к работе на «ниве народной» А. Духнович оказал большое влияние тем, как писала газета «Свет»⁸⁵⁾, что «в сынах и дочерях народа дух народный доблественно возбуждал...». Он с восторгом говорил о первых успехах своей деятельности и восхищался тем, что молодежь приняла близко к сердцу его призыв «Русины, оставьте глубокий сон» и «стала душевно ревновать за русский дух и за русское слово», что его стихотворение «Я русин был, есмь и буду» молодежь «голосовала в обществах». В Прешовской гимназии, писал Духнович, «я преподавал русский язык, и любезно посещали школу мою не токмо русины, но и словаки и мадьяры... кто известит мое удовольствие, я трепетал в радости...»⁸⁶⁾.

В своей «Последней песне»⁸⁷⁾, которую называли «национальным завещанием» А. Духновича, он учил молодежь не страшиться трудностей на пути к национальному возрождению, надеяться на свои собственные силы, питаемые «русским духом»...

Нет победы без усилий —
Без порывов молодых!
Не берите вражих крылий —
Подымайтесь на своих.⁸⁸⁾

Ограниченность и консерватизм политических взглядов А. Духновича выражались в том, что он, разделяя иллюзии других своих единомышленников, верил в возможность широкого национально-культурного развития в условиях провозглашенных Габсбургами «равноправия» и «свободы» народов. Призывая интеллигенцию к «служению народу», он рассматривал это служение с точки зрения соответствия его «общенародным правительственным требованиям» и главную задачу закарпатской интеллигенции на государственной службе видел в том, чтобы «чиновствовать с совершенным правительством удовольствием»⁸⁹⁾.

Нравственно-этические взгляды А. Духновича носили реакционный религиозно-фаталистический характер и укладывались целиком в прокрустово ложе духовно-богословского

⁸⁵⁾ «Свет», № 13 за 1867 год.

⁸⁶⁾ Цит по соч Ф Ф Аристов, А В Духнович, «Карпатский свет», № 2-3, 1929 г., стр 455

⁸⁷⁾ Стихотворение А Духновича «Последняя песня» приводится в литературной обработке О Лепко

⁸⁸⁾ Цит по статье «А В Духнович», «Славянский мир», т. II, СПб., вып 17, 1878 г., стр 94—95

⁸⁹⁾ См В А Францев, К вопросу о литературном языке Подкарпатской Русн, стр. 7—8

идеалистического мировоззрения⁹⁰). Характерной особенностью А. Духновича, как мыслителя и писателя, являлся морализм. Сущность его нравственно-этической концепции может быть выражена в формуле: «спокойствие совести» и «добродетель», трактуемые им в духе христианской морали.

Земная жизнь, по мнению А. Духновича, — это «прах», обманчивый мираж, только вводящий человека в грех. В стихотворении «Образ жизни» он говорил:

...Любезный свет
Сердцу, душе, чувствам плень⁹¹),
Есть дочасна⁹²) радость, тень,
Ничтожество, прах и тлень.

Сущность жизни А. Духнович видел в неукоснительном выполнении христианских заповедей. Цель жизни — «общая польза», достигаемая путем служения «ближнему» и осуществлением принципов «добродетели». Человек в земной жизни, поучал А. Духнович, должен уповать только на бога и его милости, безропотно и терпеливо сносить невзгоды жизни, подчиняться predetermined свыше судьбе и не пытаться изменить ее, так как это не дело рук человеческих. Он говорил: «Рыбка, попавшая на удочку, больше торгается, толь больше болезни терпит. Человек, коему несчастна доля приключилась, понимать должен тую рыбку, и место печальной беспокойности, да терпит неприятную судьбу, ибо чем больше торгается, эта судьба становится несносной».

«Добродетель» — лейтмотив многих произведений А. Духновича. Так, в своей пьесе «Добродетель превyšает богатство» он противопоставляет «злу», господствующему в закарпатской деревне, «справедливость» и «добродетель». А. Духнович ратует за распространение в народе просвещения и христианских принципов морали, видя в этом единственное средство для устранения нищеты, пьянства, засилья корчмарей, опутавших крестьян-русинов сетями мучительной кабалы.

Выражая классовые интересы очень слабой экономически и политически закарпатоукраинской городской и деревенской буржуазии, стремившейся к ослаблению и устранению господства чужеземной буржуазии на закарпатском рынке, А. Духнович выступал за развитие предпринимательской деятельности среди русинов в области торговли и промыслов, прикрывая эти узкокорыстные интересы закарпатоукраинской буржуазии рассуждениями об «общей пользе» и «честных» пу-

⁹⁰) К религиозно-этическим произведениям А. Духновича относятся: «Песнь страсти Иисуса», «Рассуждения о бозе сотворителе», «Мысль о бозе», «О смирении юнцов» и др.

⁹¹) «Плень» — искаженное «плен».

⁹²) «Дочасна» — временная, преходящая.

тях обогащения. Богатство, приобретенное нечестным путем, вопреки принципам «просвещения и моральности», как не соответствующее «общей пользе», не приносит человеку «спокойствия совести», а значит и счастья. Наоборот, честность, правдивость, христианская добродетель даже при бедности делают человека счастливым. Эти христианские морально-этические принципы А. Духновича уводили трудящихся от прямого пути классовой борьбы за свое социальное освобождение, затемняли сознание трудящихся рассуждениями о «счастливой бедности» и возможности победы «добра», «справедливости» и «добродетели» над «злом» в условиях существующего режима.

В другой своей пьесе — комедии «Головный тарабанщик», написанной в 1852 году и оставшейся в рукописи, А. Духнович выводит глупого и честолюбивого дворянина из русинов Празноголовского, который готов ради чинов и почестей продать свою родину, язык и веру. А. Духнович осуждает Празноголовских и ему подобных — Надутовских, Дураковских и Ословичей — не только как ренегатов, но и как притеснителей своих соплеменников, как людей, отказавшихся от принципов «добродетели», выражающейся в «служении ближнему». Однако А. Духнович не только не призывает к борьбе с засильем и произволом богатых и знатных, но решительно осуждает сопротивление злу насилием, как действие противоречащее духу христианской морали.

Один из современников А. Духновича, священник Матисов называл его морально-этические принципы «наивными», но соответствующими «младенчеству народа». В этой тенденциозной оценке нет и доли правды. «Наивные» взгляды А. Духновича являлись выражением его классовых интересов и симпатий. Они тормозили духовное пробуждение народных масс, раскрепощение их сознания от оков средневековой идеологии. Его морально-этические взгляды не только ни в какой мере не соответствовали интересам народа, а были прямо противоположны им. Стремление законсервировать массы закарпатскоукраинских трудящихся в состоянии духовного «младенчества» и задерживать тем самым развитие их классового самосознания — таков социально-политический смысл этой «наивной» философии А. Духновича.

Выступая принципиальным противником революционного движения народных масс и поддерживая «богоданную» власть Габсбургов, А. Духнович осуждал революционно-демократическое и национальное движение в Венгрии в период революции 1848—1849 годов, рассматривая его как «несчастный мятеж» против «законного государя», изображая «кошутовских револютантов» «насильниками» и «обидчиками» русинских крестьян. О себе он говорил как о преданном слуге

Габсбургов, «только потерпевшем и верностию к государству отличившемся»⁹³).

В 1858 году А. Духнович опубликовал стихотворение по случаю путешествия «апостольского величества» по Венгрии, в котором в таких выражениях характеризовал «отца народов» — Франц-Иосифа:

..И кто же в бедстве защитит,
Кто помощи руку даст?
Государь то царь один щит,
Ему небом данна власть...
Царь бо славный, кесарь главный
Австрийской державы, сам
Франц-Иосиф, тот небом данный,
Дал жизнь и свет русинам⁹⁴).

«Церковная газета», поместившая это стихотворение, в примечании от редакции подчеркивала «ценность» этого комплиментарно-сервильного вирша и разъясняла, что «предметом» его «есть восприятие нашего народного возрождения». На самом же деле это было «восприятие» антинародного режима Габсбургов, от «благоволения» которых «будители» только и ожидали улучшения доли порабощенных русинов, боясь и всемерно противодействуя разворачиванию массового народного движения

Национально-культурная деятельность других представителей закарпатской клерикальной интеллигенции

Среди закарпатской славянофильской интеллигенции второй половины XIX столетия видное место занимал единомышленник А. Добрянского и А. Духновича И Раковский⁹⁵). Он известен прежде всего как издатель и редактор первой в Венгрии газеты на литературном русском языке, носившей название «Церковная газета».

И. Раковскому, пользовавшемуся поддержкой А. Добрянского и проживавшего в Венгрии русского придворного священника В. Войтковского, с большими трудностями удалось

⁹³) Указ соч. Н Попов, Русский писатель... стр. 58.

⁹⁴) «Церковная газета», № 3, 12 февраля 1853 года, стр. 20

⁹⁵) Иван Иванович Раковский (1815—1855) родился в селе Славном Ужанской столицы в семье уездного чиновника. Обучался в гимназии и богословской семинарии в Ужгороде. В 1839 году он принял сан священника и получил церковный приход. С 1844 года И. Раковский занимал должность вице-ректора духовной семинарии в Ужгороде, а в 1850 году, по рекомендации А. Добрянского, он был переведен в Будапешт и получил место переводчика на русский язык «Собрания государственных законов» и «Земского правительственного вестника для королевства Угорщины», издававшегося наместническим советом Венгрии на протяжении 1850—1859 годов. С этого времени И. Раковский участвует в общественно-политической и культурной жизни Закарпатья.

добиться разрешения на издание своей газеты. На запрос австро-венгерских властей, почему он предпочел издавать газету на русском языке, а не на каком-нибудь местном наречии, И. Раковский отвечал, что он принял в деле просвещения своего народа именно русский литературный язык потому, что он является общим достоянием всех ветвей русского народа и имеет мировое значение.

С первого же номера неудобная «Церковная газета» стала бельмом на глазу ревнителей «святостефанской идеи», хотя газета И. Раковского, как мы показали выше, ничем принципиально не отличалась от самой благонамереннейшей греко-католической газеты, но вызывала недовольство реакционно-шовинистических кругов тем, что издавалась на русском языке и выражала славянофильские взгляды.

В мае 1858 года последовало запрещение «Церковной газеты». В «запретительном декрете» употребление русского языка объявлялось «bedenklich» — «сомнительным» и опасным для империи. На протесты И. Раковского полиция ответила, что она согласится дать разрешение на издание газеты, если редактор сделает «некоторую перемену по части языка». И. Раковский, как он сам выражался, «желая споспешествовать духовному благу народа», согласился переименовать «Церковную газету» в «Церковный вестник», заменить гражданский шрифт церковнославянским и употреблять некоторые формы языка, подходящие к народному диалекту, но сохранив «наиболее существенные правила литературного великорусского языка».

После этого последовало разрешение от полиции на издание «Церковного вестника» с предупреждением «избегать всякой агитации и демонстрации»; под этим подразумевалось употребление русского языка и выступления в защиту национальных прав русинов. «Я не мог усвоить себе формы языка, требуемые правительством, да притом не хотел оскорблять подписчиков языком совсем исковерканным, — писал И. Раковский, — то я продолжал употреблять язык в сущности литературный русский язык...»⁹⁶).

Эти уступки И. Раковского не спасли его «Вестник» от репрессий со стороны полиции. Газета, написанная даже «словено-сербско-российским слогом», рассматривалась властями как орган, враждебный интересам монархии. На десятом номере — 22 октября 1858 года — «Церковный вестник» был закрыт полицией, так как даже на «областном говоре» он был, по словам И. Раковского, «колючим тернием и ужасом, угрожающим безопасности государства». Редактор «Церковного вестника», прослышавший «опасным москвофилом», был

⁹⁶) Указ соч Ф Ф Аристов, Карпато русские писатели, стр 132.

отстранен от должности переводчика при наместническом совете и преследуемый австро-венгерскими шовинистами должен был оставить Будапешт и возвратиться в Закарпатье.

И Раковский в «Церковной газете», в «Церковном вестнике» и в ряде публицистических статей, помещенных в закарпатских газетах «Свет», «Новый свет», «Карпат», в «Месяцословах», в галицких и русских изданиях, отстаивал идею культурного объединения всех ветвей восточных славян на основе принятия единого русского литературного языка.

Выражая эту идею, И. Раковский говорил: «Наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие к литературному единению с прочею Русью. У нас, так сказать, никогда и вопроса не было по части образования какого-нибудь отдельного литературного языка. Все наши писатели с самого начала вступления на поприще распространения народного просвещения руководились одною мыслию, имеющею целью литературное объединение. Сия мысль столь овладела нашими писателями, что они, можно сказать, были постоянными подвижниками великой идеи о всеславянском литературном соединении, получившей торжественное освящение в славянском мире»⁹⁷).

Но проповедуя идею культурного сближения с Россией, выступая за распространение русского языка и «упрочение его в народе», И. Раковский стоял на ошибочных позициях по отношению к родному языку русинов. Он рассматривал народный язык как средство сношения с «простыми людьми», считал украинский язык «малороссийским наречием» русского языка, заявляя, что только «враги прогресса могут писать, чтобы угорские русские разрабатывали свое наречие»

Деятельность И. Раковского как председателя «Общества Василия Великого», его борьба против мадяронства, издание им школьных учебников имели положительное значение, хотя по своему мировоззрению и политическим взглядам он принадлежал к числу клерикально-монархической интеллигенции.

Творчество и деятельность других представителей закарпатской интеллигенции и писателей второй половины XIX столетия — А. Павловича, А. Кралицкого, А. Митрака, Е. Фенцяка, Ю. Ставровского и др. — проходила под знаком тех же идей, которые нашли свое законченное выражение во взглядах и деятельности А. Добрянского, А. Духновича и И. Раковского.

⁹⁷) Цит по соч. В. А. Францев, К вопросу о литературном языке..., стр. 3.

Писатель А. Павлович⁹⁸⁾, которого местные «любители словесности» называли, преувеличивая художественное значение его поэзии, «маковицким соловьем», являлся автором многочисленных стихотворений, рассказов, поэм, од, песен, гимнов, написанных на народном маковицком наречии или на языке, приближающемся к русскому литературному языку. До последнего времени многие художественные произведения А. Павловича не были известны, и только с выходом в свет его избранных произведений⁹⁹⁾ открылись большие возможности для критического анализа творчества писателя и его политических взглядов.

В произведениях А. Павловича известное место занимали и социальные мотивы. Приветствуя революцию 1848 года как начало освобождения народов Австрийской монархии от национального угнетения и крепостничества, А. Павлович писал:

Ой, повеселься
Свободный русине,
Уж твоих врагов
Злобна сила гине,
Новый вик дает
Каждому народу,
Спивай и витай
Святую свободу .

Кошутова война свободчу нам дала,
Тогда урбарская панщина пропала¹⁰⁰⁾.

Его сочувствие страданиям крепостного крестьянства нашло свое яркое выражение в поэме «Став бідного селянина...», написанной в 1847 году. В этом произведении автор описывает тяжелую нужду, бесправие и приниженность «паншаров» (крепостных крестьян. — *И. К.*), отданных на произвол панов, властей, гайдуков и корчмарей. Социальной тематике посвящен и ряд других произведений А. Павловича более позднего периода («Песнь Карпатогорца», «Убогий русин», «Состояние Маковицы 1888 г.», «Весенняя жура», «Смутных, грозных часов мы ся дочекали» и др.), рисующие разорение и пауперизацию закарпатского крестьянства.

⁹⁸⁾ Александр Павлович (1819—1900) родился в селе Чарне Шарышского комитата в семье священника. После окончания гимназии и духовной семинарии А. Павлович был приходским священником.

⁹⁹⁾ А. Павлович, Избранные произведения, Пряшев, 1955.

¹⁰⁰⁾ Цит. по соч. Т. М. Чумак, Социальные мотивы в творчестве А. Павловича, Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 33, 1958, стр. 152.

Хотя А. Павлович и приходил к выводу, что «ужасные обстоятельства» являются главной причиной бедствия крестьян, но он не поднялся до уровня борца с социальной несправедливостью, возлагая все свои надежды в улучшении доли русинов «на ласку» земного и небесного царей.

Идея братства славянских народов, кровного родства русинов с русским народом — одна из главных тем его произведений. А. Павлович искренне сочувствовал угнетенным народам Австро-Венгрии. Он хотел видеть счастливым и свободным весь «угорский край», все его «племена и родины», но прежде всего помыслы поэта направлены к тому, чтобы сохранить «русский род» под Карпатами.

Классовая ограниченность взглядов А. Павловича, как и других «будителей», проявлялась в том, что его поэтические произведения, посвященные жизненно важной теме — освобождению своего народа от чужеземного гнета, носили отвлеченно-риторический характер, призывали интеллигенцию и народ не к борьбе за свержение режима насилия и рабства, а к упованию на «милости божи». Этим духом, в частности, пронизано стихотворение А. Павловича «Слава богу, показавшему нам свет», в котором он выражал надежду на то, что бог не оставит в несчастье русинов и «не допустит наш народ убити». Социальная проповедь А. Павловича ограничивалась призывами к просвещению и трезвой жизни, к моральному усовершенствованию и «богобоянности».

**

Современники, оценивая заслуги другого закарпатского писателя этой эпохи, А. Кралицкого¹⁰¹⁾ называли его «ревностным тружеником на поле народного просвещения». Его перу принадлежит ряд публицистических статей и корреспонденций, опубликованных в закарпатской, галицкой и русской периодической печати. Освещая современное ему состояние культурной и религиозной жизни Закарпатья, А. Кралицкий выступал против ассимиляции закарпатских украинцев, бичуя разложившуюся продажную верхушку униатской церкви, способствовавшую мадьяризации и окатоличению русинов

Он был известен так же как церковный историк, давший описание истории закарпатских монастырей. Некоторый интерес для науки представляют описанные им исторические летописи и архивные документы (летопись Мукачевского мона-

¹⁰¹⁾ Анатолий Кралицкий (1835—1894) родился в селе Чабине Земплинского комитата. Получив образование в Ужгородской духовной семинарии, А. Кралицкий вступил в монастырь и выполнял обязанности учителя истории и канонического права.

стыря и дарственные грамоты в Заречеве, содержание которых автор приводит в своих статьях «Памятники старинной русской письменности в Угорщине» и «Древние исторические памятники из архива монастыря Мстичевского»).

Среди его исторических произведений выделяется повесть «Князь Лаборец», повествующая о событиях IX века, связанных с борьбой закарпатских русинов против угров—завоевателей, в одном из сражений с которыми и погиб этот полумифический князь. Несмотря на бедность литературно-художественных образов, оторванность повествования от специфики исторической эпохи, в которой происходят события, эта повесть, отвергая измышления немецко-венгерских шовинистов об отсутствии своей истории у закарпатских русинов, сыграла положительную роль в укреплении национального самосознания народных масс и их сопротивления политике ассимиляции. О популярности повести «Князь Лаборец» свидетельствует тот факт, что она была еще при жизни автора переиздана трижды.

А. Кралицкий одним из первых поднял в печати острый для своего времени вопрос о распространении алкоголизма и засилье корчмарей-ростовщиков в закарпатской деревне, привлекая общественное мнение к борьбе с этим социальным злом.

В 1880 году А. Кралицкий намеревался начать издание в Мукачеве газеты «Словесность», которая ставила перед собой задачу «образовати русский народ у Венгрии и обговорити общественные дела», но вследствие противодействия мадяронов, «не пожелавших иметь у себя, на Угорской Руси, периодический орган с таким ярко народным характером, какой хотел сообщить Кралицкий своей «Словесности», — это дело было убито в зародыше», — писал Е. Перфецкий¹⁰²⁾.

По своим идейно-политическим взглядам А. Кралицкий, как и его предшественники, принадлежал к числу деятелей клерикально-монархического направления. В одной из своих статей, ополчаясь против «вольнодумства» и «нигилизма», он писал: «...Славити господа, у нашем русском народе такой язвы нет, наш народ богобойный, набожный, послушный...»¹⁰³⁾. Именно эти качества — набожность, богобойность и послушание — закарпатские «будители» и культивировали в массах народа.

¹⁰²⁾ Е. Ю. Перфецкий, Обзор угорской историографии, «Известия русского языка и словесности», СПб., т. 19, кн. 1, 1914 г., стр. 313.

¹⁰³⁾ «Свет», № 8 за 1867 год

Из многообразного литературного творчества закарпатского писателя И. Сильвая¹⁰⁴) наибольшее значение имели его повести-сатиры, бичующие трусливую и эгонстическую часть закарпатской интеллигенции, отказавшуюся от принадлежности к своему народу и перешедшую в ряды «патриотов»-мадяронов («Крайцера комедия», «Пупаки», «Люди в железных шляпах» и др.), и его публицистические статьи, освещающие отдельные стороны общественно-политической и национально-культурной жизни Закарпатья во второй половине XIX столетия.

«Крайцера комедия» показывала, как в затхлой атмосфере, окружавшей высшую иерархию униатской церкви в Закарпатье, произрастали ренегатство и сервиллизм, угодничество и корыстолюбие, насаждаемые «архипастырем»-мадяроном Стефаном Панковичем. В повести «Люди в железных шляпах», являвшейся продолжением «Крайцеровой комедии», подвергались осмеянию попы-ретрограды, приверженцы староцерковного языка, который, по словам И. Сильвая, «после создания башни вавилонской явился на науковом небосклоне». «Железношляпный мир» — это скопище людей с низменными интересами, погрязших в невежестве и темноте. Это люди без принципов, конъюнктуристы, которые подобно «ветровому кобеняку» (флюгеру. — И. К.) склоняются в ту сторону, куда дует ветер. Представители этого «железношляпного» ордена — обскуранты и фарисеи — девизом своим провозгласили темноту... «Нам не надо дня. Будем ему противодействовать всею силою, всем воздыханием. Мы совершенно блаженны здесь, в этой небесной темноте». Они, приверженцы темноты, требуют предать сожжению «Свет» — единственную газету, отстаивавшую национальные интересы русинов.

Сатирические повести И. Сильвая, при их ограниченности и несовершенстве, с точки зрения социальной заостренности и формы, в конкретно-исторических условиях XIX столетия сыграли свою роль, мобилизуя все живые и здоровые общественные силы Закарпатья против наступления ассимиляторов.

Как писатель-священник, носитель христианско-религиозной идеологии, И. Сильвай значительную часть своих произведений посвятил чисто конфессиональным вопросам. Его выступления в «защиту народа», его сочувствие страданиям народных масс, как и у других «будителей», носили не только абстрактный характер, но и были пронизаны религиозно-фа-

¹⁰⁴) Сильвай (псевдоним — Урилл Метеор) Иван Антонович (1838 — 1904) являлся приходским священником.

талистическими настроениями. «Терпите, оплакивайте слезами свою долю, уповайте на милость Божию» — таков смысл его «социальных поучений».

**
*

Писатель Е. Фенцик¹⁰⁵⁾ являлся редактором и издателем духовно-литературного журнала «Угрорусский листок» и автором многочисленных лирических стихотворений, исторических поэм и баллад, рассказов из народной жизни и статей публицистического характера.

Продолжая славянофильские традиции своих предшественников А. Добрянского, А. Духновича и И. Раковского, Е. Фенцик боролся против ассимиляции русинов и выступал проповедником идеи «славянской взаимности», культурного и литературного единения с Россией и развития закарпатской литературы на основе русского языка. Выражая свои взгляды на «языковый вопрос» в Закарпатье, Е. Фенцик подчеркивал, что главная задача местной интеллигенции заключается в том, чтобы «наш угрорусский язык приблизить к литературному русскому языку».

В своей статье «О славянских языках и литературах» он указывал на «необыкновенное богатство» и «безмерную гибкость» русского языка, видел его преимущество над другими славянскими языками в «богатстве и многообразности коренных слогов», а также в «полной свободе конструкций, которую он допускает без того, чтобы не сделаться непонятным или двусмысленным». Формы «сопряжения» русского языка обуславливают ясность, точность и «определительность» выражений. Подчеркивая «способность русского языка к поэзии» и богатый «склад форм» народного творчества, Е. Фенцик приводит в качестве примера «Слово о полку Игореве», изобилующее «красотой, силой и приятностью», ибо по всей поэме «разольята мягкость». Что касается звучности языка, — заключал Е. Фенцик, — то, «что вообще стоит (в смысле относится. — И. К.) для всех славянских языков», в особенности «стоит и для русского».

После издания австрийским правительством закона «О равноправии народностей» (1865 год) Е. Фенцик, слепо веривший в «цесарские милости», считал, что этот закон откроет новую страницу в «свободной жизни» русинов. Эти настроения он выразил в стихотворении «Приветствование» такими словами:

Здравствуй Унг, Земли гористый,
Здравствуй прелестный Шариш,

¹⁰⁵⁾ Фенцик (псевдоним — Владимир) Евгений Андреевич (1844—1903) был приходским священником.

Здравствуй древнерусский Шпиш,
Здравствуй Берег дубровистый...
Внемлите русскому слову:
Русь воскресла, стала жить,
Ночь — хотела сгубить
Нас, — исчезла, слава богу. ¹⁰⁶⁾.

Действительность показала всю несостоятельность надежд на «воскресение Руси под Карпатами» при помощи Габсбургов, но этого не могли понять Е. Фенцик и другие «будители», продолжая уповать на «справедливость» императора и волю божью. Когда же проходили годы в бесплодных ожиданиях, а «русскость» подвергалась все более тяжелым гонениям, «будители», неспособные по своей классовой природе к открытой борьбе против насилия и угнетения, больше того, отвергавшие борьбу народных масс как средство их раскрепощения, впадали в уныние и пессимизм, не видя выхода из создавшегося положения.

Между стенами запертый,
Влеку жизнь пустую я,
Чуть не задохнусь, мне тесно,
Мне тяжела жизнь сия ¹⁰⁷⁾,—

писал охваченный отчаянием Е. Фенцик. Его угнетала мысль о бесперспективности национального бытия русинов; он временами терял всякую веру в возможность спасти их от неминуемой гибели под давлением ассимиляторов...

Пройдет час, русских не станет
На угро-русской земле,
Жизнь народа здесь увянет...
Вот что грустно, больно мне ¹⁰⁸⁾.

В своем стихотворении «На 1-е января 1880 года» Е. Фенцик с неподдельным чувством горечи говорит об угнетенном положении своего народа, о преследованиях, которым подвергается народное слово. На смену старому приходит новый год, и вся вселенная обращает к нему свои взоры с надеждой...

И Русь ограблена, колени склоня,
К нему простирала иссохшие руки;
И ждала она вся надеждой полна,—
Отрады не было для страждущей груди,
Лишь слова родного просила она,
От матери милой всосанного слова...

¹⁰⁶⁾ «Свет» от 8 (20) июля 1867 года.

¹⁰⁷⁾ Там же, № 11, 9 (21) сентября 1867 года.

¹⁰⁸⁾ Там же, № 15, 7 (19) октября 1867 года.

Но чужеземцы, завладевшие Закарпатской Русью, остаются неумолимыми и с беспощадностью подавляют «русскость»...

Пусть тужит, — сказали, — пощады здесь нет,
Свою речь заведем и в церковь, и школу,
Речь русска не может явиться на свет,
И места нигде нет народному слову..¹⁰⁹⁾.

Поэт — типичный носитель религиозно-идеалистического мировоззрения, обращается с мольбой к небу, к богу снизойти до страданий бедных русинов, предоставить им «человеческое право» и вернуть им «отчее наследие» — родной язык...

Русь обругана днесь снова
К небу взор возносит свой,
И родного просит слова,
Сердцем всей, и всюю душой
Просит прав человеческих,
Что природа ей дала,
И что силы нет вселенной,
Чтоб правильно взять могла...
Просит отчее наследство,
Что в душе хранит своей;
С жизнью в ней, что слилось тесно,
Без чего нет жизни в ней...¹¹⁰⁾.

В условиях конца XIX века, когда значительная часть закарпатской интеллигенции, деморализованная политикой национальной дискриминации русинов и прельщенная «чинами и почестями», стала переходить в лагерь мадяронов, Е. Фенцик настойчиво обличал этих ренегатов, с презрением отзывавшихся о своем народе, его языке и культуре. «Листок» Е. Фенцика в этот период был единственным печатным органом, противостоящим, правда нерешительно, натиску мадяризации. В связи с 10-летием «Листка» Е. Фенцик писал: «...В ту пору, когда вокруг нас ото всех сторон раздаются такие голоса, что в Угорщине русских нет, мы засвидетельствовали, что в Угорщине живет полумиллионный русский народ, который с прадедною верностью прилепляется к своему угорскому отечеству, любит его..., но не менее любит и свою русскую речь, свой прадедний русский обряд и далек от того, чтобы дал совершить над собой постыдную и противоестественную операцию вынародовления»¹¹¹⁾.

Униатская печать непомерно превозносила заслуги Е. Фенцика как представителя греко-католического клира перед народом, называя его «народным борцом», человеком «отважно смелым», проявлявшим «силу духа», а издание «Листка»

¹⁰⁹⁾ Цит. по журналу «Карпатский свет», № 5—7, 1931 г., стр. 1197.

¹¹⁰⁾ Там же, стр. 1215.

¹¹¹⁾ «Листок», № 18, 15 сентября 1895 года, стр. 205.

расценивалось ею, как «геройский подвиг за права своего народа». Е. Фенцик, — заявлял Е. Сабов, — «спас своим трудом... нашу литературную культуру от окончательной денационализации»¹¹²).

Такого рода оценки личности и заслуг Е. Фенцика противоречат исторической правде. Он, как и другие «будители», никогда не являлся подлинным борцом за права народа. Его деятельность, направленная против политики денационализации русинов, хотя и имела положительное значение, но «спасительной» роли она не сыграла и не могла сыграть. Борьба народных масс против политики мадьяризации и колоссальная сопротивляемость языка насильственной ассимиляции — вот что спасло от уничтожения язык и национальную культуру закарпатских украинцев.

Буржуазно-униатские авторы, характеризуя «народную деятельность» Е. Фенцика, приходили в умиление от того, что он как «политик-реалист» настолько «благоразумно защищал права своей родины», что не имел даже конфликта с прокурором, так как был «весьма осторожен в направлении национальной идеологии масс» и «далек от насильственных мер». «Не кровью, но благоразумным воспитанием (подчеркнуто нами. — И. К.) хотел он поднять крестьянина на ступень культурного человека», — писал Е. Сабов.

В этой характеристике отражена социально-политическая сущность национального движения закарпатской интеллигенции, возглавляемого «реальными политиками» — униатскими священниками и носившего характер благонамеренно-культурнического течения¹¹³).

В творчестве и практической деятельности Е. Фенцика нашли отражение не только взгляды его предшественников — «будителей» 60—70-х годов, но прежде всего «модерные идеи» «правопорядка» и «истинного христианства». После выступления парижских коммунарлов взгляды и проповеди Е. Фенцика становятся все более реакционными. Будучи выразителем идеологии клерикально-монархических кругов, напуганных ростом революционного пролетарского движения и распространением идей научного коммунизма, Е. Фенцик в своих вы-

¹¹²) Е. Сабов, Речь по случаю открытия памятника Владимира — Евгения Андреевича Фенцика, 16 мая 1926 года в стольном граде Ужгороде, Ужгород, 1926, стр 7.

¹¹³) Однако это не спасло деятелей национально-культурного движения от полицейской слежки И Фенцик, и Сильвай, и другие писатели-славянофилы находились под негласным надзором австро-венгерской полиции. Окружной начальник Великоберезнянского округа в своем донесении (1882 год), называя священников Е. Фенцика и И. Сильвая «панславистами», указывал, в частности, на то, что они выписывают московские и галицкие газеты (ГАЗО, ф. 4, д. 65, л. 7 об; д 90, л. 1).

ступлениях в печати злобно ополчался против всяких прогрессивных, революционных течений общественной мысли, угрожавших существованию «божественного» порядка на земле и господству религиозного мировоззрения.

К концу своей жизни Е. Фендик, видя бесплодность своих «социально-национальных проповедей», все более проникается реакционными идеями, мистикой и пессимизмом. Одно из последних стихотворений Е. Фендика «Умиравший поэт» выражало его идейный крах. Здесь он как бы подводит черту под своей многолетней, но бесплодной жизнью. Его *surge-tim vale* (последнее прости) звучит как похоронная песня:

Прощай моя живая лира,
Прощай отрада бытия.
Я уйду туда из мира,
Где правит вечный судия...

Я мнил забытые преданья
Восстановить в сердцах людей,
Смягчить жестокие страданья
Волшебной музыкой речей

И я увидел, что напрасно
И волновался, и страдал,
Рвался вперед душою страстной .
Конец всему. мой час настал..

Можно сказать, что стихотворение Е. Фендика «Умиравший поэт» являлось выражением той безнадежности, которой были отмечены последние дни умирающего «будительства», а «Листок» Е. Фендика, прекративший свое существование с его смертью, являлся в сущности, по выражению Л. Василевского, «лебединой песнью» «будительского» течения.

В творчестве Ю. Ставровского¹¹⁴⁾ не только ярко проявляются идеи «славянской взаимности», любовь к своему краю и многострадальному народу, но и находит известное выражение протест против габсбургской тирании.

Ю. Ставровский с гордостью восклицал: «Я русский!», подчеркивая этим братское единство закарпатских русинов с матерью-Русью и другими «сынами Славы». Было время, —

¹¹⁴⁾ Ставровский (псевдоним Попрадов) Юрий Иванович (1850—1899) родился в селе Сулине Спишского комитата. После окончания духовной семинарии в Будапеште он принял духовный сан. Будучи священником в селе Чертежном, Ю. Ставровский близко сходитя с А. Добрянским и другими деятелями национально-культурного движения в Закарпатье.

говорил о себе Ю. Ставровский, — когда я «русскую народность почитал чужой»...

Я стыдился, если Славы
Сыном назвали меня,
Я умолял чужи нравы,
Презрел русское племя¹¹⁵).

Но когда под влиянием национально-освободительного движения славянских народов против австро-немецкого гнета его озарил «свет самопознания», с той поры

Сыном Славы называться
Великое счастье мне,
При русских нравах остаться
Стремлю при каждом шаге!...

Русских знамени следую,
Борюсь против злых врагов,
За народность мне святую
Готов пролить свою кровь¹¹⁶).

Ю. Ставровский решительно выступал против немецких шовинистов («Ответ врагу славянства»), отрицавших право славянских народов на независимое существование, а также беспощадно клеймил позором как презренных отступников тех представителей славянской интеллигенции, которые ради корыстных целей отказывались от своего народа и воспринимали чужеземные обычаи, язык и культуру:

У них уж нет любви, нет сил,
Родной народ им уж не мил!
Учить свой люд родному слову
Для них — проступок и позор...
Они лишились веры, чести,
Путем предательства и лести
Ищут отличий и наград;
У них все эгоизм, разврат!¹¹⁷).

В произведениях Ю. Ставровского впервые в закарпатской литературе второй половины XIX столетия прозвучало осуждение угнетательской политике Габсбургов. Правда, он не поднялся до уровня последовательного борца за социальное и национальное освобождение угнетенных народов, но его стихотворение «Страдание славянства» знаменует собой тот факт, что лучшие представители закарпатской интеллигенции, даже из числа низшего духовенства, под влиянием идей национального освобождения и уроков жизни, подходи-

¹¹⁵) «Свет», № 17, 4 (16) мая 1869 года.

¹¹⁶) Там же.

¹¹⁷) Цит. по соч. Н. А. Бескид, Карпаторусская древность, Ужгород, 1928, стр. 155.

ли к пониманию того, что без устранения габсбургской тирании освобождение славянских народов из-под чужеземного гнета невозможно.

В этом стихотворении Ю. Ставровский писал:

И ты мой брат, дорогой чех,
Дорогой моравец,
Ты терпишь, тебя гонит
Лютый самодержавец
И вас немецкий элемент
Люто, грозно гонит
И, под предлогом свободы,
Люто вас истребит!

Ох, чех, моравец, брат ты мой,
Понеже ты славян,
Морит, мертвит тебя
Чужий, лютый тиран!
А что словак, угорский росс,
Славен что и Кроат,
Что далматинец. Ох, ведь все
В монгольском яре спят!

Самодержавие в России, возглавляемое «онемеченными» Романовыми, противостоит как враждебная и чуждая сила не только угнетенным народам, но и русскому народу. Габсбурги и Романовы — это династии поработителей, тиранов, которые «морят» и «мертвят» братские славянские народы...

Ох, сколь терпел поляк убогий
И сколь великоросс дорогой,
Под всемогущим скипетром царя!
Как бьют обоих тираны России,
А русс и поляк в Сибири
Терпят от тирана кесаря
Ох, поляк, росс, понеже ты славян,
Морит, мертвит и бьет тебя
Чужий лютый тиран¹¹⁸⁾.

Хотя Ю. Ставровский не видел и не понимал классового характера национального гнета, роли классовой борьбы в освободительном движении трудящихся, хотя он, отвергая насильственный путь свержения тирании, и оставался на верно-подданнических позициях, но, можно сказать, что сама жизнь, зверская политика душителей свободы народов, жестокое угнетение закарпатских русинов постепенно подрывали в сознании наиболее демократически настроенной закарпатской интеллигенции веру в «отеческую» власть «апостолического кесаря».

Ю. Ставровский не вышел за черту того порочного круга идей, которым было ограничено мировоззрение «будителей».

¹¹⁸⁾ Цит. по соч. Н. А. Бескид, Ю. Ставровский-Попрадов, стр. 471,

Он искренне стремился к устранению чужеземного гнета, он хотел видеть свой народ свободным, но в то же время и застывшим в состоянии патриархальщины, с сознанием, пронизанным «богобойностью и послушанием». В отсталости Закарпатской Руси, в отгороженности ее от передовых идей Запада Ю. Ставровский видел залог «благобыта» русинов, которых

. Карпат гранит
От западных химер,
От лжеучений адских
Незыблемо хранит..¹¹⁹⁾.

Призывы Ю. Ставровского к служению народу не находили отклика в широких кругах интеллигенции, в среду которой все глубже проникала язва мадьяронства и общественно-индифферентизма, свидетельствовавшие о том, как говорил Ю. Ставровский, что «в Карпатах к народной борьбе охота пропала». Когда надежды на приход «национальной весны» не оправдались, Ю. Ставровский проникается безнадежностью и упадочничеством. Эти настроения нашли свое выражение в его послании «К угрорусским» и в стихотворении «Lasciate ogni speranza»¹²⁰⁾. Потеряв веру в освобождение своей «угрорусской родины», он спрашивал:

Что будет с нею? Решено ли
Ей умереть, иль жить далее?
Восстанет ли еще от сна,
Иль смерти уж обречена?¹²¹⁾.

Эти слова прозвучали, по выражению одного из современников, как «панихида над гробом угрорусских чад». Не дав ответа на поставленные вопросы, сошел в могилу один из последних представителей закарпатского «будительства».

* * *

Писатель А. Митрак¹²²⁾, подобно другим лучшим представителям закарпатской интеллигенции, в своих произведениях взывает о сочувствии и любви к своему обездоленному наро-

¹¹⁹⁾ «Листок», № 2, 15 января 1895 г., стр. 17.

¹²⁰⁾ «Lasciate ogni speranza» — стих из «Божественной комедии» Данте: «Оставьте надежду, вы, сюда входящие».

¹²¹⁾ Указ. соч. Н. А. Бескид, Карпаторусская древность, стр. 155

¹²²⁾ Александр Митрак (псевдоним Материн) родился в 1837 году в семье священника села Плоское Бережского комитата. На протяжении 30 лет А. Митрак был приходским священником.

ду: В своем стихотворении «Любите свой народ» А. Митрак писал:

Любите наш народ русский,
Хоть он бедный и убогий,
Хоть на челе его печать
Рабства выжг суд жестокий .
Хоть он в тьме душевной,
Один меж народами
Остался непросвещенный .
Любовню лишь можете
Сняти с него клеймо рабства;
Всесильною любовню
Найти спасения средства. ¹²³⁾.

Как видно, призывы А. Митрака «Любите свой народ» носили такой же отвлеченный характер, как и подобного рода призывы других представителей «будительского» течения. Хотя он и говорил с искренним сочувствием о тяжелом, рабском положении масс народа, но не мог указать угнетенным массам правильный путь к освобождению от рабства. Дальше проповеди абстрактно-христианской идеи «всесильной любви», выдаваемой за панацею, А. Митрак не шел.

В своих произведениях А. Митрак противопоставляет обездоленного «Ивана» сытому «пану»:

Добро тому богатому,
Кто родился паном,
Добро тому счастливому,
Кто не был Иваном...

«Ивану» нет счастья не только на земле. Священник А. Митрак выражает сомнение в том, будет ли «Иван» счастлив после смерти:

Кажуть люде не одному:
«Смерть делит разумно»,
Но я видею, что бедному
И у гробе тесно!...¹²⁴⁾.

В стихотворении «Мы убоги», подчеркивая, что народные массы испытывают тяжелую нужду, зажатые в тисках кабалы мироедами-корчмарями, А. Митрак писал:

Мы убоги, мало нас,
Велика в нас старость,
Наши дети босо ходят
Про нашу недбалость¹²⁵⁾.

А. Митрак, как видно, здесь осуждает неравенство с позиций христианского проповедника, видя основную причину

¹²³⁾ Цит. по газете «Русский народный голос», Ужгород, № 216, 17 октября 1937 года.

¹²⁴⁾ Там же, № 217, 18 октября 1937 года.

¹²⁵⁾ «Свет», № 12 за 1869 год.

«убожества» русинов не в существующей системе угнетения и эксплуатации, а в «недбалости» русинов, то есть в их «беззаботности» и «бездеятельности».

Правда, в одном из своих стихотворений А. Митрак говорит о том, что свободу надо не вымалывать, не просить как нищий просит милостыню, а добывать свободу силой...

Коль светлом ум свой
Не буде взаряти.
Бо свободу силой
Треба добывати.
И телом и духом
Треба добывати.
А кто е смиренно
По жебрацьки просить,
Тому она никогда
Добре не послужить¹²⁶).

Однако классово-сословная ограниченность не позволила А. Митраку пойти дальше — и от неясно выраженного признания необходимости добывать свободу силой перейти к призыву применить эту силу на деле. Любовь к своей родине, к народу у А. Митрака, как и у других «будителей», не сочеталась нерасторжимо в его сознании с ненавистью к деспотизму и всякому насилию, с идеей революционно-освободительной борьбы.

Авторы «Истории подкарпатурськой литературы», характеризуя стихотворения А. Митрака «Добре тому богатому» и «Мы убоги», утверждали, что в них выражена идея классовой борьбы, что эти стихотворения — «бичуюча лирика близька Петефия и Некрасова»¹²⁷). Эти выводы совершенно не обоснованы. Объективный анализ литературного наследия А. Митрака показывает, что ему, как и другим «будителям», идея классовой борьбы была чужда, что он отвергал эту идею как не соответствующую принципам христианства. Поэтому отождествление творчества А. Митрака — типичного христианского проповедника — с проникнутой боевым революционно-демократическим духом поэзией Петефи и Некрасова — антиисторично.

Из прозаических произведений А. Митрака надо выделить его статьи «Народность и отечество» и «Путевые впечатления по Верховине». В первой из них А. Митрак выступает против ложного толкования значения этих понятий людьми, повравшими со своим народом. «Многие нехотящие себя признать русскими, — писал А. Митрак, — тем желают оправдати свое отступление от народа, что им любовь к отечеству,

¹²⁶) Там же.

¹²⁷) См. «История подкарпатурськой литературы», Унгвар, 1942, стр. 47.

как добрых и верных сынов края, повелевает быть иными, а не русскими»¹²⁸).

Говоря о современной ему буржуазно-помещичьей Венгрии, А. Митрак указывал, что здесь только тот из русинов считается «сыном отечества», кто отрекается от своих предков, кто «остаётся врагом своего народа» и «производит себя от Арпадов». Он выражал твердую уверенность в том, что никакие притеснения и насилия со стороны чужеземцев не смогут «иссушить древо» русской народности, права которой должны отстаивать все честные патриоты. Заканчивал свою статью А. Митрак словами, в которых выражена его любовь к своему народу и презрение к ренегатам, поддерживавшим режим чужеземного угнетения. «Бесчестен и низок тот, — писал А. Митрак, — кто для снискания благоволения сильных отрекается своей народности и готов руку помощи подати врагам на пагубу своего народа под предлогом, что он добрый и верный сын отечества. Пусть он будет прежде всего добрым и верным, любящим сыном своего народа, а тогда он будет вместе и добрым сыном отечества... Без народа нет отечества, а только пустая земля, которая недостойна человеческой любви и привязанности»¹²⁹).

В «Путевых впечатлениях на Верховине» А. Митрак рисует тяжелую картину бедствий, переживаемых закарпатским крестьянством, закабаленным ростовщиками и помещиками. Он сравнивал положение Закарпатской Руси с положением ограбленной и угнетенной Ирландии — колонии Англии. «Один мадьярский писатель, — указывал А. Митрак, — описывая Марамарошскую Верховину, назвал ее Ирландиею Угорщины. Если под Ирландиею разумеют бедный, забытый край, скудные силы которого извлекаются для чужих выгод, но о котором никто не заботится, то Верховина одна из самых беднейших Ирландий на свете»¹³⁰).

Верховина — это «смутный и пустынный край», здесь нечему радоваться, кроме «свежего воздуха». Верховинцы хронически голодают и только разве на «велик день» бывают сыты. Когда-то, говорят, — писал А. Митрак, — любил верховинец «оглашать горы свои песнями, а теперь беда и крайняя нужда взяли у него всю охоту к песням, и только иногда с горя, в пьяном состоянии, запоет он себе про свою горькую долю»¹³¹). Драгомиты Карпатских гор А. Митрак сравнивал с окаменелыми слезами народа, «только веков страдавшего и наплакавшегося немало!»¹³²).

¹²⁸) «Свет» от 1 (13) июля 1867 года.

¹²⁹) Там же.

¹³⁰) Там же, № 16, 14 (26) октября 1867 года.

¹³¹) Там же, № 14, 30 сентября (12 октября) 1867 года.

¹³²) Там же, № 13, 23 сентября (5 октября) 1867 года.

Обращаясь к Карпатам со словами, проникнутыми болью за страдания своего народа, А. Митрак спрашивал:

Горы наши, горы,
Наши бедны горы!
На вас я печально
Устремляю взоры.
Что за дивна сила
Вас тут наметала?
Крыете ли в недрах
Для нас лучшу долю?
Иль готовите нам
Вечную неволю?¹³³⁾

На этот вопрос А. Митрак не мог дать ответа. Он не представлял себе отчетливо, где же выход из этой вечной неволи. Безвыходность порождала чувство отчаяния и пессимизма...

Хмарно, темно,
Ворон криче,
Мое сердце
За народ плаче:
За народ темный,
Бедный, бездолный.
Чи ты, сонце,
На нас не светишь?!
Або тебе так дуже мало,
Что наше племя тя й не знало!—

писал А. Митрак в стихотворении «Думка»¹³⁴⁾.

Как культурный деятель и педагог, А. Митрак выступал за устранение архаических приемов обучения детей и дикой системы наказания учеников, смысл которой современники выражали словами: «Метода учения у всех была одинакова: бить по плечам прутиком, даже палицей, а по перстичкам линейкой». Борясь против языковой ассимиляции русинов, А. Митрак издал учебник, облегчающий переход от мадьярского языка школьного обучения к родному языку.

С этой же целью противодействия ассимиляции русинов А. Митрак по поручению «Общества Василия Великого» начал составление русско-мадьярского и мадьярско-русского словарей. Однако клика Панковича отказалась издать подготовленный к печати русско-мадьярский словарь по «политическим причинам». Попы-мадьяроны, — как выражался И. Сильвай, — «подняли в угождение владыке (епископу.— И. К.) ропот против окончания неопределенного времени глаголов. Они твердили, что окончание на ить, ать пахнет московщиною, и тем препятствовали изданию словаря»¹³⁵⁾.

¹³³⁾ Цит. по журналу «Карпатский свет», № 5—7, 1931 г., стр. 1198.

¹³⁴⁾ «Свет», № 12, 23 марта (4 апреля) 1869 года

¹³⁵⁾ Указ. соч. Уриил Метеор, стр. 61.

Венгерская академия наук также отказалась издать этот словарь по «научным» соображениям¹³⁶).

В биографии А. Митрака есть один весьма симптоматичный момент. В 1900 году, после 30-летнего пребывания в составе униатского клира в качестве приходского священника, он по своему желанию досрочно подал в отставку и отошел от общественной жизни. О мотивах, побудивших А. Митрака принять такое решение, он сам говорил следующее: «Верники (верующие, прихожане. — *И. К.*) своим поведением объявили, что они мне не веруют, к мне доверия не имеют и опасаются, что я их обману, надую; и что они видят во мне просто обманщика... Среди такого народа, какую пользу может принести служение священника? Напрасный труд; целая жизнь потеряна!... «Усь попа!», — так травили на меня пса дети»¹³⁷).

Некоторые закарпатские авторы, как, например, Е. Сабов, объясняли разрыв А. Митрака со своей паствой тем, что его замкнутая жизнь раздражала крестьян-верующих, которые не понимали «духовного значения его трудов». С этим утверждением нельзя согласиться, ибо оно противоречит объяснениям, которые давал сам А. Митрак, характеризуя свои отношения с верующими.

По нашему мнению, дело заключалось не в том, что крестьяне не понимали «духовного значения» трудов А. Митрака, а, наоборот, в том, что они поняли, или, точнее, начинали понимать свои классовые интересы и все больше теряли веру в верноподданнические проповеди попов-«народолюбцев». Отказ А. Митрака от должности священника и его отход от общественной жизни и культурной деятельности надо рассматривать как явление, имеющее общественное значение, выходящее за рамки личного душевного конфликта, ибо разочарование в деятельности на «благо народа» было присуще и другим «будителям» конца XIX столетия; оно выражало собой кризис и упадок «будительского» движения.

3. ЗАКАРПАТСКОЕ «БУДИТЕЛЬСТВО» КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Историческое место и роль закарпатского «будительства» в нашей литературе до сих пор не определены. Отдельные высказывания советских авторов по этому вопросу носят общий характер или ограничиваются описанием деятельности некоторых представителей этого течения.

¹³⁶) А. Митрак издал мадьярско-русский словарь за свой счет в 1881 году, а его русско-мадьярский словарь вышел в свет только через 40 лет.

¹³⁷) Цит. по журналу «Карпатский свет», № 5—7, 1931 г., стр. 1202

Не претендуя на исчерпывающее разрешение проблемы закарпатского «будительства», представляющего собой не однолинейное, а весьма сложное, многолинейное и противоречивое общественное явление, автор настоящей работы, основываясь на изучении разнообразных источников, приходит к следующим выводам, характеризующим общественно-политическую сущность «будительского» движения.

Анализ известных нам исторических документов, литературных произведений, публицистики и практической деятельности «будителей» показывает, прежде всего, что закарпатское «будительство» как национально-политическое и культурное течение не имело ни своей определенной программы, ни оформленной организации, что свидетельствует об ограниченности и отсталости этого движения. Представителей закарпатской интеллигенции, принадлежавшей к кругу деятелей этого направления, объединяла общность мировоззрения, идейно-политических взглядов и установок на разрешение национального вопроса и содержание национально-культурной деятельности. Эта общность не исключала некоторых частных различий во взглядах, переплетения противоречивых тенденций в творчестве и деятельности отдельных «будителей». Все это осложняет как общую характеристику течения в целом, так и определение идейного облика отдельных его представителей.

Устанавливая в своих выводах типические черты закарпатского «будительства», мы исходили из анализа мировоззрения, идейно-политических установок ведущего ядра «будителей», взгляды и деятельность которых как идеологов закарпатоукраинской городской и деревенской мелкой буржуазии определяли сущность и направление этого национально-политического и культурного движения.

Закарпатские «будители» представляли собой небольшую группу мелкобуржуазной, клерикальной интеллигенции, далекой от народа и не выражавшей его коренных социальных интересов. «Будители» игнорировали основной для масс трудящихся Закарпатья аграрный вопрос, боялись развертывания народного движения, принципиально отвергали революционное действие народных масс. Они относились с сочувствием к страданиям угнетенного закарпатоукраинского народа, но не признавали за ним права на насильственное свержение существующего социально-политического строя. Сферу своей общественно-политической, литературной и практической деятельности они ограничивали преимущественно национально-культурными вопросами.

Многовековой чужеземный гнет, отсталость экономического, социально-политического и культурного развития Закарпатья, вся совокупность социально-экономических условий и

своеобразный состав закарпатской интеллигенции, определяемый этими же условиями, не могли не наложить печать отсталости на все содержание и идейную направленность общественно-политического и культурного движения в Закарпатье. Выступая монополистом в области интеллектуального образования, формирования общественных идей во всех сферах общественной и культурной практики, закарпатская клерикальная интеллигенция, связанная узами социальных интересов с привилегированными классами общества, проникнутая идеологией униатской церкви, находившейся под опекой Ватикана, могла быть и в действительности была носителем религиозно-идеалистического мировоззрения и выразителем консервативных, реакционных, монархических идей. Таким образом исторически обусловленная ограниченность мировоззрения «будителей», чрезвычайная умеренность их позитивной программы объяснялась не только их классовой ограниченностью, но и той социально-политической обстановкой, в которой проходила их деятельность.

Закарпатские «будители» выступали против венгерской революции в поддержку Габсбургов, против независимости Польши, революционного движения в России и прогрессивных течений общественной мысли. Они придерживались реакционно-монархических взглядов. Поэтому нет никаких оснований относить их даже к представителям либеральной буржуазии, как это делали некоторые авторы, или ставить знак равенства между закарпатским «будительством» и западноевропейским и русским просветительством как общественным течением, лучшие представители которого выражали прогрессивно-демократические идеи своего времени.

Закарпатское «будительство» не являлось даже радикальным просветительством, характеризующимся ненавистью к деспотизму, горячей защитой народных масс и искренним стремлением содействовать их борьбе за свое освобождение, пропагандой просвещения и материалистической философии, подрывающих засилье религиозного мировоззрения, клерикализма, невежества и суеверий. Если и можно говорить о «просветительстве» закарпатских «будителей», то только в номинативном, весьма ограниченном смысле, подразумевая под этим узкую культурно-просветительную и школьно-педагогическую деятельность, ибо они ставили вопрос о просвещении не в социально-политической, а в культурно-бытовой плоскости, и именно в этом направлении вели свою работу.

Отвергая организацию национально-освободительной борьбы на основе развертывания широкого демократического движения, поскольку последнее носило социальный, аграрный характер, закарпатские «будители» стремились к соглашению с Габсбургами, надеясь таким путем добиться нацио-

нального и гражданского равноправия русинов. Поэтому их программа в национальном вопросе не выходила в основном за рамки удовлетворения некоторых требований национально-культурного характера в пределах «дарованного» Габсбургами «равноправия народов» и ограниченной областной автономии под скипетром правящей династии.

Таким образом, в решении общедемократических задач закарпатские «будители» не выражали коренных интересов угнетенных масс; их требования были направлены прежде всего к расширению и защите классово-сословных прав закарпатоукраинской мелкой буржуазии и духовенства. Поэтому закарпатские «будители» не являлись подлинными национальными деятелями, так как их идеология и национально-политическая программа не способствовали развертыванию освободительной борьбы народных масс на основе развития революционно-демократического движения.

Являясь носителями реакционной идеи австрославизма, закарпатские «будители» сочетали славянофильские, «московильские» взгляды с проповедью преданности австро-венгерской короне и сохранения целостности империи Габсбургов, имея в виду постепенное превращение ее в «славянское государство».

Можно сказать словами И. Франко, что ни один из закарпатских «будителей» не шел

С правдой — за свободу,
В битву против зла,

никто из них не ставил перед собой цель

Сеять среди народа
Вольности слова.

Они ограничивались узким культурничеством и требованием умеренных реформ, которые не затрагивали бы основ существующего общественно-политического строя. Больше того, они воспитывали массы в духе смирения, покорности судьбе и преданности Габсбургам. Причем в «служении престолу» многие из них подавали, так сказать, личный пример, ополчаясь против революционного движения народных масс и восхваляя устно и письменно правящую династию, выдавая установленный ею режим порабощения народов за «неклассовую», «отеческую» и «богоданную» власть.

Пытаясь идти против истории, отрицая существование украинского народа, украинской нации и смыкаясь в трактовке этого вопроса с великодержавно-националистическими кругами царской России, закарпатские «будители» игнорировали украинский национальный язык и украинскую национальную культуру, чем и задерживали естественное национальное раз-

витие закарпатских украинцев как составной части украинского народа. Они хотели утвердить в качестве литературного языка в Закарпатье книжноцерковную «славянщину», выдавая ее за «русский язык», третируя национально-самобытные основы и историческое развитие народного украинского языка, на базе которого в Галиции и Закарпатье только и мог сформироваться национальный литературный язык.

Противопоставляя русский язык украинскому национальному народному языку, «будители» обострили так называемый «языковый вопрос» в Закарпатье, борьба вокруг которого, проходившая среди местной интеллигенции почти на протяжении ста лет и раздуваемая немецко-венгерскими шовинистами и украинскими буржуазными националистами, лила воду на мельницу чужеземных ассимиляторов и всех враждебных закарпатоукраинскому народу сил

Русский литературный язык сыграл, несомненно, огромную прогрессивную роль в культурно-национальной жизни Закарпатской Украины, но в руках «будителей» в соответствии с идейно-политической направленностью их деятельности он служил вместе с тем и средством распространения мировоззрения и политических взглядов, выражаемых реакционно-монархическими и клерикальными кругами царской России.

Миросозерцание и этические взгляды «будителей» буржуазные авторы называли «философской системой будительства», в которой якобы отражался «дух народа». На самом же деле «философия будителей», в основе которой лежало богословско-схоластическое, религиозно-идеалистическое мировоззрение, являлась глубоко антинародной. Закарпатские «будители» рассматривали народ как аморфную массу, находящуюся в «младенческом возрасте», а свою задачу по отношению к нему видели в том, чтобы религиозно-верноподданническими проповедями и назидательными поучениями в духе христианской морали насаждать в массах «богобоязнь», «христианскую добродетель» и «смирение». «Философия будителей» могла получить распространение во второй половине XIX века только в колониально-отсталой области, застывшей в своем развитии на ступени средневековья. Только в этих условиях, когда в Закарпатье не было еще прогрессивных общественных сил, способных организовать массовое освободительное движение, внести начало революционной сознательности в стихийную борьбу народа против габсбургского и помещичье-буржуазного гнета, и могли возглавить общественно-политическое и культурное движение реакционно-клерикальные элементы, идейное влияние которых наложило тяжелую печать застоя, атавизма и крайнего обскурантизма на все стороны духовной жизни.

В религиозном вопросе, выступая за церковную автономию и сохранение греко-восточных обрядов, закарпатские «будители», за исключением А. Добрянского, не только не выступали против униатства, а, наоборот, доказывали «благодетельное» значение подчинения закарпатской церкви Ватикану и ратовали за «соединение» западной и восточной церкви под властью Рима, то есть за окатоличение народов России.

Такова, по нашему мнению, идейно-политическая сущность закарпатского «будительства», представлявшего собой оторванное от коренных интересов народа национально-культурное движение клерикальной и мелкобуржуазной интеллигенции, являвшейся носителем религиозно-идеалистического мировоззрения и реакционных политических взглядов.

Оценивая исторически движение закарпатских «будителей», нельзя, как нам кажется, отвергать всякое положительное значение их деятельности.

«В каждом буржуазном национализме угнетенной нации, — говорил В. И. Ленин, — есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем...»¹³⁸). Оставаясь на почве исторических фактов, рассматривая роль «будителей» в конкретно-исторических условиях Закарпатской Украины и в перспективе дальнейшего ее развития, нужно выделить, по нашему мнению, именно эти элементы общедемократического содержания национального движения, развернувшегося под влиянием «будителей», объективно полезные моменты их деятельности.

Их можно свести к следующему. В условиях разгула немецко-венгерского шовинизма и католической реакции, угрожавших самому существованию русинов и их национальной культуры, «будители» отстаивали, правда нерешительно и непоследовательно, с антидемократических позиций, национальные права населения Закарпатской Украины. Выступления их за объединение Закарпатской Украины с Западной Украиной, за предоставление областной автономии и гражданского равноправия русинам, их борьба против враждебной народным массам политики языковой ассимиляции и удушения национальной славянской культуры закарпатских украинцев, осуществляемой правящими классами господствующих наций Австро-Венгрии, поскольку эти выступления содействовали пробуждению народных масс и активизации их борьбы против национального гнета, несомненно, являлись положительными факторами. Нельзя так же игнорировать и значение в этом плане их борьбы против особо грубых проявлений католического засилья.

¹³⁸) В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 384.

Культурно-просветительная и общественно-литературная практика «будителей» способствовала распространению грамотности среди русинов, приобщению народных масс Закарпатской Украины к великой культуре русского народа и развитию национального самосознания русинов. Закарпатские «будители» своей деятельностью содействовали распространению и укреплению идеи воссоединения закарпатских украинцев с русским народом, идеи, имеющей жизненно важное значение для судеб оторванного на протяжении тысячелетия от своей матери-родины, угнетаемого чужеземными поработителями и находившегося под угрозой уничтожения закарпатоукраинского народа.

Говоря о позитивных моментах в деятельности «будителей», надо решительно подчеркнуть, что так называемое «русинское возрождение» не являлось результатом воздействия философии и программы «будителей» на народные массы, как это утверждали буржуазные авторы. «Национальное возрождение» русинов во второй половине XIX столетия, обусловленное особенностями социально-экономического и политического развития эпохи поднимающегося капитализма, вышло из толщи трудящихся масс Закарпатской Украины, сохранивших, несмотря на многовековое чужеземное иго, непреодолимое стремление к свободе, свое национальное достояние — язык и культуру, пламенное чувство братского единства со всем украинским народом и великим народом русским. И положительным в деятельности «будителей» являлось только то, что объективно совпадало с этими стремлениями и чаяниями народных масс.

**
*

Вторая половина XIX столетия, особенно его последняя четверть, была периодом дальнейшего наступления реакционно-шовинистических и клерикально-католических сил против «русскости» с целью полной ассимиляции и окатоличения населения Закарпатья, растления сознания масс проповедью самого оголтелого мракобесия и безропотного подчинения трудящихся властям и эксплуататорским классам.

В это время «лучшие сыны Подкарпатья, чтобы поднять народ культурно и осведомити его национально, — писали авторы «Истории подкарпаторуськой литературы», — почали писати для народа понятным языком и вместо великорусского языка на языке народном писане книжки давати в руки простого народа. Се движение называется движением народовецьким»¹³⁹⁾.

¹³⁹⁾ Указ соч «История подкарпаторуськой литературы», стр 52

На самом же деле, это был настолько же далекий от народного язык, насколько было далеким от народа и это «народовецкое движение». Печать искусственности и безнародности лежала на этом «угрорусском» языке, представлявшем собой жаргон небольшой поповско-мадяронской группы интеллигенции. Этот «язык» был преднамеренно засорен варваризмами и церковнославянской архаикой с тем, чтобы под видом сохранения самобытности русинского языка вырыть пропасть между языком и культурой братских народов — украинского и русского — и проложить путь к денационализации русинов. Не пользовавшийся никаким авторитетом среди народных масс этот «угрорусский» язык был обречен на деградацию и исчезновение.

Изданная в этот период литература «для народа» отличалась не только уродливым язычием, но и тем, что печаталась не гражданским, а церковнославянским шрифтом. «Правительство требует этого, — писал закарпатский учитель П. Феерчак, — чтобы угрорусскому народу язык его книг не казался общим с московским»¹⁴⁰).

Правительственные органы и мадярские «культурные кружки» устанавливают денежные премии за создание произведений на этом «народном языке», обеспечивают быстрое продвижение по служебной лестнице тех авторов из числа русинской интеллигенции, которые зарекомендовали себя «сознательными патриотами», присваивая им почетные звания членов «научных обществ» и даже предоставляя им кафедры в высших учебных заведениях.

Главное требование, которое предъявлялось к закарпатской «народной литературе», заключалось в том, чтобы язык ее был освобожден от «чуждых влияний», под которыми подразумевалось влияние русского и украинского литературных языков. Премия профессора И. Фестория в размере 50 золотых дукатов выдавалась за произведения, язык которых «не уклонялся от языка угорских русинов, был освобожден от чуждых влияний и, применяя церковные выражения, приспособлялся бы к бережскому и марамарошскому диалектам»¹⁴¹).

Мадьярон Антал Годинка, автор «патриотического» произведения «A munkácsi görögkatholikus püspökseg története» («История мукачевского греко-католического епископства»), был назначен профессором Будапештского университета. Другой «неутомимый работник на ниве науки», священник Юрий Жаткович, за свое сочинение «Влияние ягерских епископов и борьба против него в мукачевской епархии» был

¹⁴⁰) П. И. Феерчак, Очерк литературного движения угорских русинов, Одесса, 1888, цит. по «Славянским известиям», № 1—2, 1899 г., стр. 24

¹⁴¹) Газета «Kelet», № 7 и 23 за 1889 год.

удостоен избрания в члены шовинистического «Мадьярского исторического общества».

Изданная в 1893 году «Христоматия»¹⁴²⁾ униатского священника Е. Сабова ставила перед собой задачу—дать учащимся книгу, «из которой можно было бы познакомиться с языком, который употребляла и употребляет наша ...церковь в своих богослужениях». С этой целью Е. Сабов четвертую часть своей книги отводил разделу «Памятники церковнославянского языка старого и нового», доказывая, что самые любимые книги народа — это церковно-религиозные книги.

Некоторые авторы (А. Петров, В. Францев и др.) рассматривали «Христоматию» Е. Сабова, как выражение борьбы за «русскость», упуская из виду то обстоятельство, что этот сборник «угрорусских литературных памятников» противодействовал внедрению в закарпатскую литературу украинского и русского языков, подменяя их церковнославянским языком, к которому якобы были «извечно привержены угроруссы».

Этот вывод подтверждается хотя бы такими рассуждениями Е. Сабова: «Язык церковнославянский держал, да и теперь держит каждый угрорусский простой человек святым, возвышенным, у предков письменным еще... Оттуда то консервативность угрорусского народа, который и поныне лучше прилепляется к церковным письменам, нежели к гражданке, откуда и его отчуждение от всего, что имеет в печати вид повседневный, над содержанием которого ему и размышляти и догадываться не потребно; отсюда отвращение его к книгам, не писанным по правописанию церковнославянского языка»¹⁴³⁾.

В течение второй половины XIX века закарпатскими авторами было издано свыше 300 названий книг, брошюр, статей¹⁴⁴⁾. Более половины их составляла духовно-религиозная литература¹⁴⁵⁾; причем из 160 названий этого рода третья часть была написана на мадьярском языке¹⁴⁶⁾. Приведенные

¹⁴²⁾ Е. С а б о в, Христоматия церковно-славянских и угрорусских литературных памятников с прибавлением угрорусских народных сказок на подлинных наречиях, Унгвар, 1893.

¹⁴³⁾ Там же, стр. 186

¹⁴⁴⁾ В это число включена только основная литература (отдельные выпуски книг, учебников, брошюр) и наиболее крупные статьи, опубликованные в периодической и непериодической печати, исключая литературно-художественные произведения.

¹⁴⁵⁾ Сюда отнесены различного рода церковные проповеди, катехизисы, библии, литургики, молитвенники, пастырские и догматические богословия, «жития святых», книги по церковной истории, каноническому праву и т. д.

¹⁴⁶⁾ Религиозная литература на мадьярском языке была представлена изданиями «Felvidéki Sion» и книгами закарпатских униатских священников Меллеша, Микиты, Рошковича и других.

данные свидетельствуют о засилье клерикальных элементов в закарпатской литературе, о ее богословско-религиозном характере и об усилении мадьяризации литературы, особенно в конце XIX века.

«Народная литература» этого периода в Закарпатье не случайно была представлена главным образом катехизисами и церковными проповедями, книгами религиозно-назидательного содержания на «угрорусском» и мадьярском языках. Проповеди, катехизисы, календари должны были вселить в массы дух смирения, «христианской любви» и отвлечь таким образом их от социальных проблем и классовой борьбы; литература для «юнцов» — способствовать обработке сознания молодого поколения в религиозно-«патриотическом» духе, а мадьярские словари и книги на мадьярском языке — скорейшей ассимиляции закарпатских украинцев.

Именно эти цели преследовали изданные будинской типографией проповеди униатского священника С. Мустьяновича, вышедшие в 5 томах и содержавшие многочисленные «надгробные», «церковноторжественные», «воскресные» и другие амвонные проповеди. Вслед за этим вышли в свет «Маленькая библия для детей и простонародья» А. Поповича, учебник богословия для воспитанников духовной семинарии А. Чопея, сборник духовных песен «Память из отпуста добрым детям» Н. Надя и другие. В 1883 году был издан «Русько-мадьярский» словарь Венгерской академии наук, составленный Чопеем Ласло, продавшим, как выражался К. Стрипский, «свою душу за хорошие деньги» и открыто заявлявшим, что задача его словаря сводится к тому, чтобы «русин мадьяризовался»¹⁴⁷).

Конец XIX столетия был отмечен, как мы указывали, глубоким разложением в рядах буржуазно-клерикальной интеллигенции. Одна часть ее в условиях обострения классовых противоречий и нарастания недовольства масс крестьянства режимом эксплуатации и насилия, напуганная распространением идей социализма, скатывается в болото оголтелой реакции. Другая ее часть, напуганная репрессиями по отношению к «панславистским» элементам, разочаровавшись в своих «славянских идеалах», перешла в ряды «безнадежных мадьяронов-патриотов», стремясь замолить свои «славянские грешки» в прошлом ревностным прислужничеством чужеземным ассимиляторам. Наконец, те из представителей интеллигенции, которые не порвали открыто со своими «славянофильскими симпатиями», отошли от «народной» деятельности, замкнулись в себе, беспристрастно рассматривая общественные явления издали, через призму житейского благо-

¹⁴⁷) Указ соч. К. Стрипский, Язык литературной традиции..., стр 8.

получия. Мадьяризованные и деморализованные «наследники угрорусских шестидесятников», по словам одного из современников, больше всего боялись даже тени какого-либо подозрения в нелояльности к «правительственному курсу», поэтому они, охваченные «политической робостью», не принимали участия даже в таких мероприятиях правительства, которые имели в виду «поднять тяжелое экономическое положение угрорусского населения», и в лучшем случае ограничивались жалким брюзжанием на «неустроенность людской жизни».

Закарпатской буржуазно-клерикальной интеллигенции этого периода были присущи не только «политическая робость» и общественный квиетизм, возведенный в идеал житейской мудрости, но для умонастроения ее был характерен полный отход от плодотворных славянофильских традиций «будителей». Часть закарпатской интеллигенции, вопиющая и глаголющая в недавнем прошлом о «славянской взаимности», стала поносить эту идею как выражающую «панрусизм», который-де более опасен для славян, чем пангерманизм. «...Так называемое «славянское единение», «взаимность» и прочие высокопарные слова не имеют и не могут иметь реального основания», а слово «славянин» не стоит, мол, и «понюшки табаку»¹⁴⁸). Под этим циничным заявлением габсбургского прислужника подписалось бы немало представителей закарпатской интеллигенции из числа униатского духовенства и чиновничества, щеголявших еще недавно своим «славянофильством» и «народолюбием».

Те, которые ратовали за «родной русский язык» и его распространение в качестве общеславянского языка, стали говорить об этом, как об устаревшей точке зрения, а культурное единение славян объявляли «противоречащим здравому смыслу» из-за «непримиримых противоречий» между славянами. Язык закарпатских украинцев объявлялся «рутенским» наречием, больше связанным с мадьярским, чем с восточнославянскими языками. Если уж и говорить об «общеславянском языке», — заявляли эти ренегаты, — но таким языком будет не русский язык, а немецкий, так как, мол, «австрийские славяне» обязаны своим возрождением не славянофильству, а «немецкому романтизму XIX века».

Некоторым представителям закарпатской интеллигенции, примыкавшим в свое время к «народовецкому» течению, удалось, зарекомендовав себя верными прислужниками Габсбургов, достигнуть высших чиновных должностей и сановных сфер. Это были, как выражались современники, «выхолощенные в национальном отношении» чиновники. Примером этого может служить сын униатского священника Антон Рубий.

¹⁴⁸) См «Славянский век», № 1, 1900 год, стр. 18.

В 70-х годах Рубий содействовал организации «Общества Василия Великого», изданию литературы «для народа», участвовал как русинский представитель в работе «автономистического» конгресса, выступал с речами в защиту национальных прав «угнетенных земляков» и вообще прослыл «добрым патриотом».

Но «патриотизм» этого благонамереннейшего чиновника все более испарялся по мере того, как он продвигался вверх по служебной лестнице. Заслужив благоволение властей в качестве члена прешовского суда, А. Рубий был переведен в наместнический совет в Будапеште, оттуда в министерство внутренних дел и, наконец, он достиг предела желаемого — должности председателя «сената царско-угорской курии». О нем говорили как о «характерном» человеке, подразумеваемая под этим его преданность короне и враждебность прогрессу. Если бы таких людей было больше, — писал один из панегиристов Рубия, — тогда не было бы «ожесточенной борьбы между низшими и высшими сословиями, между вероисповеданиями и народами, не было бы социализма и анархизма...».

Не плохо иллюстрирует моральное разложение и «полное этническое одичание угрорусской интеллигенции и, прежде всего, униатского духовенства», — как выражались авторы «Протеста», — такой симптоматичный факт. До установления дуализма, в период подъема национального движения в Закарпатье, когда Габсбурги, преследуя свои цели, даже поощряли в известных пределах выступления местной интеллигенции за «национальное равноправие» русинов и «автономию» закарпатских комитатов, состоялся так называемый «Мукачевский съезд» закарпатской интеллигенции. Присутствовавшие здесь представители духовенства открыто проявляли свою оппозиционность к «мадьярской супремации» и ратовали за «народные интересы». В частности, на этом съезде было принято решение об издании книг «для народа» и учреждении «русской» газеты.

Наиболее рьяным защитником «русскости» на этом съезде выступал каноник Пастелий. Он внес предложение, чтобы «никто из русских не подписывался на мадьярские газеты, а чтобы все покупали русские газеты, журналы и книги, хотя бы они были издаваемы и «в Камчатке»¹⁴⁹⁾. Но прошло несколько лет и этот фрондирующий каноник — «блюститель национального духа», «народолюбец» в реверенде сошел с «народовецкой» стези и превратился в глашатая «мадьярской супремации», а после назначения его мукачевским епископом — в злобного гонителя «русскости», в душителя нацио-

¹⁴⁹⁾ См. «Вестник Западной России», кн. 6, 1866 год, стр. 367, 368.

нальной культуры своего народа и активнейшего проводника политики ассимиляции русинов.

И. Франко, характеризуя этот период упадка национально-культурной и литературной жизни в Закарпатье под влиянием мадьяризации, разложения в рядах интеллигенции, выдвинувшей девиз «ориентация на Запад», писал, что пока закарпатские украинцы обращали свои взоры к России, у них проявлялась хоть какая-нибудь народная жизнь, были хоть какие-нибудь писатели, начиналось и движение народное, пробуждалось и «народовство» среди молодежи. Теперь же, когда связи с Россией прерваны, когда взоры закарпатской интеллигенции обратились к Пешту, — там ничего не осталось¹⁵⁰). Можно продолжить эту мысль И. Франко словами из «Протеста», в составлении которого он принимал участие: за небольшим исключением русинская интеллигенция «насквозь мадьяризована, стыдится русского языка, отказывается от родного рода. Мадьяризация сделала их не только перевертнями и врагами своего народа, но вместе с тем привела их к моральной деградации, сделала их сибаритами..., господскими прислужниками, погасила в их душах всякое идеальное стремление, всякое этическое чувство»¹⁵¹).

Деморализация и разложение среди униатской интеллигенции, распространившиеся в конце XIX века, затронули и лучших ее представителей, группировавшихся вокруг журнала «Листок». Упадочничество, безнадежность и пессимизм в произведениях А. Митрака и Ю. Ставровского, злобная реакционность, так ярко проявившаяся в писаниях Е. Фенцика, особенно в поздний период его жизни, — явления не случайные. Их нельзя рассматривать как душевный разлад отдельных личностей. Это явление, несомненно, имело глубокий общественный смысл. Оно выражало кризис, идейный крах закарпатского «будительства» как общественного течения, возглавляемого оторванными от народа клерикальными элементами, неспособными по своей социальной природе служить делу общественного прогресса. Христианско-монархическая идеология «будителей» и узкие рамки их национально-культурной деятельности не соответствовали объективному ходу социально-экономического и политического развития, содержанию, уровню и формам классовой борьбы конца XIX века.

В первый период после революции 1848 года, когда новые общественно-экономические отношения и их противоречия находились в зародышевом состоянии, идеология и деятельность «будителей» могли оказывать известное влияние на

¹⁵⁰) См. І Франко, Формальний і реальний націоналізм, Літературно-критичні статті, К., 1950, стр. 36

¹⁵¹) «Протест», стр. 5.

массы. «Неразвитость классовых противоречий в народе вообще, в крестьянстве особенно, — говорил В. И. Ленин, — есть неизбежное явление в эпоху демократической революции, создающей впервые основы для действительно широкого развития капитализма»¹⁵²).

Но дальнейшее развитие капитализма в Закарпатье, обострение классовых антагонизмов в городе и деревне, рост классового самосознания и усиление недовольства масс трудящихся, подвергавшихся жестокой эксплуатации помещиками, городской и сельской буржуазией, всеми паразитическими классами и сословиями общества, именуемыми в народе «панями», требовали принципиально нового решения социальных проблем, нового идеологического обоснования стремлений масс крестьянства и зарождающегося рабочего класса Закарпатской Украины к революционному освобождению от социального и национального гнета.

Закарпатские «будители», претендовавшие на роль «внеклассовых духовных вождей народа», не только были неспособны указать народным массам революционный путь борьбы за освобождение от угнетения и эксплуатации, но и являлись яркими противниками революционного движения. Поэтому клерикальные элементы, возглавлявшие «будительское» движение, все больше теряли доверие народных масс, рассматривавших их как обманщиков, стремящихся, применяя выражение И. Франко, «туманом солнце затмить», «забить баки» народу «поповской сутаной».

Вместе с тем, надо подчеркнуть, что кризис закарпатского «будительства» как национально-культурного течения вовсе не означал, что вместе с его умиранием была поколеблена идея братства и воссоединения закарпатских украинцев с русским народом. Наоборот, получив дальнейшее развитие в условиях роста капиталистических отношений и подъема национально-освободительного движения, эта идея с начала XX века отливается в новые формы и приобретает характер массового народного движения за освобождение Закарпатской Украины от империалистического гнета Габсбургов и за воссоединение со всем украинским и русским народами. Закарпатский учитель А. Дешко, вынужденный, преследуемый немецко-венгерскими шовинистами, эмигрировать в Россию, выразил великое чувство братства и любви закарпатских украинцев к русскому народу в таких словах: «Под двойною властико венгерскою и австрийскою она (Закарпатская Русь, — *И. К.*) заключена в своих Карпатах, как бы отрешенная от мира; но у нее есть еще другие приятнейшие узы кровного родства с великим народом, которому принадлежит она

¹⁵²) В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 282.

не только по имени и языку, но и по своей любви к нему, составляющие одну из лучших стихий ее внутренней духовной жизни»¹⁷⁴).

Кризис «будительства» по-разному проявлялся среди отдельных групп деятелей, возглавлявших это движение, не общим для них было то, что все они, разочаровавшись в своей деятельности «на благо народа», порывали всякие связи с ним, сетуя на «хладнокровие» народа, не понимая того, что их христианско-верноподданнические проповеди в новых условиях общественно-экономических отношений естественно теряли кредит среди крестьян. Историческая обстановка, в которой находилась Закарпатская Украина во второй половине XIX столетия, ее положение колониально-отсталой области задерживали развертывание организованного революционно-демократического движения. Не случайно Закарпатская Украина в XIX веке не выдвинула ни одного прогрессивного революционно-демократического деятеля или писателя, какими являлись на Западной Украине И. Франко, М. Павлык и другие

Таким образом, закарпатское «будительство» к концу XIX—началу XX века исчерпало себя как общественное течение. Его крах был логическим следствием начавшегося процесса постепенного высвобождения масс трудящихся Закарпатья из-под влияния церкви, властей, помещиков, национальной буржуазии и веками культивировавшейся церковно-монархической идеологии. Этот процесс в свою очередь был порожден усилением помещичье-капиталистического гнета, углублением социальной дифференциации в деревне, обострением классовых противоречий, разорением масс крестьянства, повышением социального самосознания трудящихся, то есть всем ходом социально-экономического развития, «просвещающим» и революционизирующим угнетенные массы города и деревни.

Развитие капитализма и свойственных ему противоречий, несмотря на значительные остатки крепостничества, темноту, распространенность суеверий и отсталых представлений в закарпатской деревне, приводило к тому, что одновременно с изменением социально-экономических отношений изменялась и психология крестьян. Можно сказать словами В. И. Ленина, что к концу XIX века «мужицкие предрассудки» все более преодолевались «мужицким рассудком», и на смену «оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попом, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину выросло новое поколение крестьян, побывавших в отхожих про-

¹⁷⁴) Указ соч. А. П. Дешко, стр. 548.

мыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы»¹⁵⁴).

Влияние капиталистических отношений, воздействие революционного движения рабочего класса Венгрии, Австрии и других стран, где приходилось побывать в поисках работы закарпатской крестьянской бедноте и батрачеству, помогали закарпатскому крестьянину подняться, выпрямиться, освободиться от привычек и психологии крепостного раба. Массы крестьянства Закарпатья выходили из экономической неподвижности, просыпались от глубокого сна и приходили к пониманию того, что им пора сбросить «постыдного смиренья крест». Они все больше убеждались на личном опыте в том, что освобождение от цепей рабства может быть достигнуто не верноподданническим смирением и покорностью властям и эксплуататорам, как это учили «будители», а только путем организованной революционной борьбы.

¹⁵⁴) В. И. Ленин, Соч, т. 17, стр. 66.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина XIX столетия в истории Закарпатья отмечена глубокими изменениями в области экономических и социальных отношений, происшедших в результате буржуазных революций в Австрии и Венгрии и освобождения крестьян от крепостной зависимости. Революции 1848—1849 годов, несмотря на свою незавершенность и сохранение многочисленных остатков крепостничества, все же устранили главные препятствия на пути развития капиталистического способа производства.

Поражение буржуазных революций 1848—1849 годов в Австрии и Венгрии, сохранение крупного помещичьего землевладения, аграрная реформа, осуществленная сверху, определили собой развитие капитализма в сельском хозяйстве Венгрии и Закарпатья по «прусскому» пути. Сельское хозяйство Закарпатья представляло собой яркий пример помещичьего типа буржуазной эволюции.

«Крестьянская» реформа 1848 года не дала закарпатскому крестьянству ни земли, ни подлинной воли. По закону 18 марта 1848 года освобождались от крепостной зависимости с землей только так называемые урбаральные крестьяне, в пользовании которых в закарпатских комитатах находилась ничтожная часть земли (8% общей земельной площади и от 11 до 27% пашни). Подавляющая часть закарпатского крестьянства (до 68%) не относилась к числу урбаральных крестьян и представляла собой безземельных желлеров и поджеллеров, пользовавшихся клочками земли на основе арендного договора с помещиками. Эта категория зависимого крестьянства и после реформы должна была выполнять за аренду земли старые, феодальные по существу повинности.

Первые десятилетия после реформы 1848 года являлись периодом массовой экспроприации крестьянских земель помещиками. Так называемое «урбаральное урегулирование» поземельных отношений, комасация и сегрегация, проводив-

шиеся исключительно в интересах дворян-землевладельцев, привели к «освобождению» крестьян от земли и к захвату крестьянских наделов помещиками. В результате этого свыше 60% всех крестьян Закарпатья оказалось без земли и до 50% урбариальных крестьян, получивших землю, представляли собой малоземельную массу крестьянства.

Вместе с тем помещичья реформа 1848 года и урбариальное законодательство последующих лет укрепили помещичье землевладение и создали условия для перестройки помещичьих хозяйств на капиталистической основе. Но «прусский» тип буржуазной аграрной эволюции сельского хозяйства Закарпатья определил длительное перерастание крепостнических помещичьих хозяйств в юнкерские хозяйства и живучесть сильных остатков феодальных отношений, которые выражались в господстве частных и государственных латифундиальных владений, в сохранении фидейкомиссов, общинной, компосесоратной и церковной собственности и в распространении крепостнических форм эксплуатации крестьянства (отработка, издольщина, феодальные повинности в пользу церкви).

Господство крупного помещичьего землевладения и недостаточное развитие капитализма наложили тяжелую печать отсталости на все стороны общественно-экономических отношений в Закарпатье, обусловив, в частности, своеобразие социальной структуры аграрного строя, соответствующей «прусскому» пути развития капитализма в сельском хозяйстве.

В конце XIX столетия пролетарские хозяйства в Закарпатье составляли 51% всех хозяйств, мелкокрестьянские — 21,73, средние — 16,51, крупные крестьянские хозяйства — 9,93 и помещичье-капиталистические хозяйства — 0,83%. Таким образом, абсолютное большинство крестьянских хозяйств (около 73% всех хозяйств) должно быть отнесено к числу батрацко-бедняцких, представлявших собой огромную массу экспроприированных крестьян, лишенных средств производства и превратившихся в батраков с наделом. Пролетарские хозяйства занимали только 6,37% всей земельной площади, мелкокрестьянские — 10,45, крупные крестьянские — 23 и помещичье-капиталистические хозяйства — 44,9% всей земельной площади (более 71% всей площади земли, принадлежавшей этим хозяйствам, занимали латифундии). В руках 128 владельцев латифундиальных хозяйств находилось больше земли, чем у 100 тысяч крестьянских хозяйств.

Группировка хозяйств по землепользованию показывает пролетарский характер большинства хозяйств Закарпатья, обделенных землей, и сосредоточение значительной части земель в руках помещичьих и кулацких хозяйств, которым принадлежало свыше 67% всей земли, более 1/2 пашни, 65% лу-

гов и пастбищ и 90% лесов. Вот тот основной фон, на котором развертывалась борьба за землю в Закарпатье.

Анализ данных, характеризующих структуру поголовья сельскохозяйственных животных по категориям хозяйств, показывает, что на одно хозяйство с общей земельной площадью до 5 хольдов приходилось 1,4 головы крупного рогатого скота и 0,2 головы лошадей; в хозяйствах с общей земельной площадью от 5 до 10 хольдов соответственно 2,6 и 0,4 головы. Таким образом, около 73% всех хозяйств Закарпатья имели ничтожное количество крупного рогатого скота и лошадей, не обеспечивающих самостоятельного ведения хозяйства. Бескоровных хозяйств в батрацко-бедняцкой группе было 30%, не имеющих рабочих волов — 50 и безлошадных — свыше 70%. В руках же высших групп хозяйств (с общей земельной площадью более 20 хольдов) находилось крупного рогатого скота 30%, лошадей 40, поголовья овец и коз 60 и 40% стада свиней.

Группировка хозяйств по размерам дохода показывает концентрацию денежных средств в руках помещиков, арендаторов-капиталистов и кулаков, на долю которых приходилось свыше 75% общей суммы дохода от сельского хозяйства. Если «доход» одного батрацкого хозяйства в среднем составлял, по официальным данным, ничтожную сумму — 1 форинт, то доходы крупнейших латифундий измерялись сотнями тысяч форинтов. Совершенно очевидно, что при незначительных размерах доходов низших групп крестьянства «чистая прибыль» не только мелкого, но и среднего крестьянства являлась чистой фикцией.

В этих условиях не менее 50% всех крестьянских хозяйств Закарпатья, получающих мизерный доход от своих хозяйств или ведущих производство в убыток и отнесенных нами к группе пролетарских, существовали исключительно за счет сторонних заработков. Хозяйства с общей площадью земли от 5 до 10 хольдов систематически «отпускали» рабочих. Таким образом, до 80% «владельцев» крестьянских хозяйств Закарпатья не могли прокормиться своим хозяйством, и главным источником жизни у них являлась продажа своей рабочей силы, которой пользовались все хозяйства с общей площадью земли свыше 50 хольдов.

Сопоставление статистических данных, характеризующих динамику крестьянских хозяйств, сгруппированных по социальному признаку, показывает: углубление процесса пролетаризации широких масс крестьянства Закарпатья, выразившегося в сокращении числа пролетарских хозяйств в связи с их полным разорением, увеличение числа мелкокрестьянских, парцеллярных хозяйств, которые вместе с батрацкими дворами составляли к началу XX века около 73% всех хозяйств.

Одновременно с этим происходит неуклонное разорение и вымывание среднего крестьянства и снижение его удельного веса и увеличение числа зажиточных хозяйств. Появление массы бесхозяйных дворов и увеличение числа их определялось борьбой экономических интересов в крестьянстве, основной причиной возникновения которой являлось развитие товарно-рыночных отношений. На основе этих экономических противоречий в закарпатской деревне происходил интенсивный процесс разложения крестьянства на два полярно противоположных типа — сельскую буржуазию и пролетариат.

Развитие капиталистического товарного хозяйства определяло собой сущность аграрных отношений в Закарпатье во второй половине XIX столетия. Наиболее важной тенденцией капиталистической эволюции сельского хозяйства являлось развитие его торговых отраслей и концентрация сельскохозяйственного производства в помещичье-капиталистических хозяйствах. Более половины лучших пахотных земель принадлежало хозяйствам с общей площадью земли свыше 20 холмов. Средний размер пашни на одно хозяйство в зажиточной группе составлял 9, в средних и крупных помещичье-капиталистических хозяйствах — 58 и в латифундиальных — 235 гектаров, что свидетельствовало о предпринимательском характере земледелия в этих хозяйствах. Размер пахотной земли в пролетарских и мелкокрестьянских хозяйствах (0,6 гектара на хозяйство в пролетарской группе и 2 гектара в мелкокрестьянской группе) являлся ярким показателем того, что собственное земледелие в этих группах хозяйств играло второстепенную роль и было рассчитано только на покрытие части потребностей семьи в хлебе.

Процентная доля и размер посевов на одно хозяйство в низших группах были еще ниже, чем в распределении пахотной земли; наоборот, удельный вес зажиточных и крупных хозяйств в посевной площади заметно возрастает: в пролетарской группе на одно хозяйство приходилось в среднем 0,3—0,4 гектара (ей принадлежало только 7,4% всей посевной площади); размер посева на одно мелкокрестьянское хозяйство достигал 1—1,3 гектара, на одно среднее хозяйство — 2,5—3,0 гектара, в то время как высшие группы сосредоточивали в своих руках 52% посева (в среднем приходилось посева на одно хозяйство в зажиточной группе 5—6, в крупных хозяйствах — 45—50 и в латифундиальных хозяйствах — 200—220 гектаров). Мизерный размер посева в пролетарских хозяйствах наглядно показывает, что хозяйства этой категории крестьян, представлявших собой огромную массу сельского полупролетариата, не могли покрыть даже минимальных потребностей батрацкой семьи в хлебе за счет своего земледелия. Они играли ничтожную роль в производстве то-

варной сельскохозяйственной продукции и носили потребительский характер, в отличие от высших групп хозяйств, развивавших торговое земледелие.

Структура посевных площадей в Закарпатье во второй половине XIX столетия характеризовалась возрастанием посевов зерновых культур, в составе которых преобладали хлебные зерновые, из которых высшим группам хозяйств принадлежало 60% площади. В руках этих хозяйств находилось свыше 70% посевов пшеницы, 60% ячменя, 40% кукурузы, 35% овса и более половины зернобобовых. Капиталистическая концентрация сельскохозяйственного производства находила свое выражение не только в сосредоточении в руках зажиточных и помещичье-капиталистических хозяйств наиболее ценной рыночной культуры — пшеницы, но и производства технических культур (особенно табака), а также продукции виноградарства и садоводства. Анализ данных о распределении валовой и товарной продукции по социальным группам хозяйств также свидетельствует о концентрации сельскохозяйственного производства и капитала в помещичье-капиталистических хозяйствах.

По технической оснащенности сельского хозяйства закарпатские области стояли на последнем месте в Венгрии. 85% пролетарских хозяйств, 58% мелкокрестьянских и 45% средних хозяйств не имели плугов. Основная масса усовершенствованных плугов была сосредоточена в руках владельцев зажиточных и помещичье-капиталистических хозяйств, обладавших необходимым количеством орудий обработки земли. Обеспеченность крестьянских хозяйств железным инвентарем была крайне низкой.

Машинообеспеченность отдельных групп хозяйств характеризовалась следующим: в хозяйствах с общей земельной площадью до 5 хольдов машины не применялись вовсе. На 1000 хозяйств с общей земельной площадью от 5 до 20 хольдов из всех видов машин приходилось 0,4 уборочных машин, 0,4 конных граблей и 0,1 сеялки. Подавляющая часть всех видов машин и все сложные и дорогие машины принадлежали хозяйствам с общей земельной площадью свыше 50 хольдов (80% машин с механическими двигателями, 73% уборочных машин, 85% косилок, 95% сеялок). Употребление машин в сельском хозяйстве Закарпатья носило капиталистический характер, способствуя повышению технико-экономических преимуществ крупного капиталистического производства, росту концентрации и технической эффективности средств производства в этих хозяйствах.

Подавляющая часть рабочего скота и лошадей также находилась в руках помещичье-капиталистических хозяйств, а

батрацко-бедняцкие хозяйства, в массе своей лишенные тягловой силы, вынуждены были прибегать к найму скота у зажиточных хозяев за отработки, употреблять для обработки земли коров и нетелей.

В конце XIX столетия в Закарпатье наблюдается рост интенсификации и повышение агротехнического уровня зажиточных и крупных капиталистических, фермерских хозяйств, но масса крестьянских хозяйств продолжала оставаться по технико-экономическим показателям на уровне предшествующего столетия (преобладание трехпольной системы, отсутствие применения удобрений, машин, железного инвентаря, чистосортных семян), что обусловило собой чрезвычайно низкую урожайность крестьянских полей, особенно горных районов, по сравнению с интенсивными капиталистическими хозяйствами долинных районов.

Характерной чертой капиталистической эволюции сельского хозяйства в Закарпатье являлось также широкое применение кулацкими и крупными хозяйствами наемного труда, распространение аренды земли, ипотечного кредита, разрушение сословности землевладения и развитие земельной собственности на буржуазной основе.

Капиталистическая эволюция сельского хозяйства Закарпатья по «прусскому» пути сопровождалась разорением широких масс крестьянства, усугубляемым налоговым и ростовщическим гнетом. Крестьянские массы Закарпатья были обречены на пауперизацию и вымирание: голод и эпидемии болезней со всеми их трагическими последствиями были обычным явлением.

Обезземеленные, разоренные, угнетенные и голодные закарпатские крестьяне вынуждены были оставлять свою родину и массами эмигрировать за океан. К началу XX столетия из Закарпатья эмигрировала $\frac{1}{5}$ часть всего населения. Массовое бегство закарпатских украинцев за океан, резкое уменьшение дешевой рабочей силы, сокращение поступления налогов, рост недовольства крестьян вынудили венгерское правительство в конце XIX столетия приступить к осуществлению так называемой «верховинской акции» — ряда экономических мероприятий, преследовавших прежде всего политические цели — укрепление колониального режима, установленного господствующими классами Венгрии в Закарпатье. «Верховинская спасительная акция» нисколько не изменила положение широких масс трудящегося крестьянства, ибо она не могла и не устранила те социально-экономические и политические факторы, которые в условиях капиталистического развития буржуазно-помещичьей Венгрии с неизбежностью вели к разорению и экспроприации крестьянства.

Во второй половине XIX столетия Закарпатская Украина представляла собой отсталую аграрную область с весьма низким уровнем развития промышленности, структуру которой определяли преимущественно мелкие, полукустарные предприятия обрабатывающей и добывающей промышленности, использующие рудные и нерудные полезные ископаемые, лес и сельскохозяйственное сырье

Важнейшими причинами промышленной отсталости Закарпатья являлись: 1) колониальная зависимость Закарпатской Украины, экономическая политика господствующих классов Австро-Венгрии, направленная к сохранению Закарпатья в качестве аграрно-сырьевого придатка империи Габсбургов; 2) чрезвычайно медленное развитие необходимых элементов капиталистического производства: товарного хозяйства, накопления капиталов, формирования класса буржуазии и класса промышленного пролетариата; 3) отдаленность рынков сбыта, узость местного рынка и конкуренция австро-венгерских и заграничных промышленных и торговых компаний; 4) ограничение промышленного предпринимательства привилегиями и преимуществами, предоставляемыми крупным землевладельцам-промышленникам.

Все это задерживало инвестицию капиталов в закарпатскую промышленность, снижало долю доходов на вложенный капитал и ограничивало возможности получения банковского кредита закарпатскими предпринимателями. Эти же причины, а также избыток дешевой рабочей силы определили собой и техническую отсталость, мелкий полукустарный характер большинства промышленных предприятий, продукция которых удовлетворяла главным образом потребности местного рынка.

В 1900 году официальная венгерская статистика насчитывала в Закарпатье 12300 «промышленных предприятий», из которых только 48 (0,4%) имели более 20 рабочих. Однако и среди этих предприятий преобладали мелкие; только два предприятия насчитывали 400—500 рабочих.

Возникшие в конце XIX столетия промышленные акционерные компании в Закарпатье (в 1900 году существовало 9 акционерных компаний с капиталом в 4 млн. крон, которым принадлежало 10 предприятий, в их числе два крупных химических завода и мебельная фабрика) находились в руках преимущественно иностранного капитала.

Среди отраслей добывающей промышленности наибольшее значение имела соляная промышленность, сосредоточенная в Марамарош-Сигетском районе. Вследствие технической отсталости рудников и конкуренции других соляных пред-

приятый производство соли в Закарпатье во второй половине XIX столетия снизилось на $\frac{1}{3}$. Другая отрасль добывающей промышленности — рудная была представлена мелкими предприятиями кустарного типа.

В обрабатывающей промышленности главную роль играли металлургические, деревообрабатывающие и мукомольные предприятия. Во второй половине XIX столетия в Закарпатье существовало 13 мелких железоплавильных и металлообрабатывающих заводов с отсталой техникой производства, характерной для середины XVIII—начала XIX столетия, когда они и были основаны. В конце XIX столетия уровень производства этих предприятий заметно снижается в связи с нерентабельностью производства, обусловленного примитивной техникой, низкой производительностью труда, невысоким качеством руды, ограниченностью рынка сбыта и конкуренцией дешевой продукции более развитой австрийской и венгерской промышленности и особенно конкуренцией импортных металлических изделий. Деревообрабатывающие и лесохимические предприятия, принадлежавшие иностранным промышленным монополиям (лесохимические заводы акционерного общества «Бантлин» в Перечине и Турья-Бистра, химический завод фирмы «Клотильда» в Великом Бычкове, лесопильный и химический заводы в Сваляве, мебельный комбинат синдиката «Мундус»), относились к числу наиболее крупных и преуспевающих предприятий, производивших продукцию не только на внутренний, но и на внешние рынки. Мукомольная промышленность Закарпатья вследствие конкуренции и высоких цен на пшеницу на внутреннем рынке находилась в состоянии хронического кризиса и застоя.

В основных отраслях добывающей и фабрично-заводской промышленности Закарпатья в конце XIX—начале XX века насчитывалось только 7 тысяч рабочих, составлявших менее 5% самодеятельного населения. В мелкой промышленности кустарного и мануфактурного типа в конце XIX века было занято свыше 16 тысяч человек (ремесленники, кустари-одиночки, наемные и семейные рабочие, ученики), что свидетельствовало об отсталости и мелком характере промышленного производства, обусловившего собой и отсталость социально-экономических отношений.

Положение рабочего класса в Закарпатье как колониально-отсталой и угнетенной области было чрезвычайно тяжелым. Относительное перенаселение в деревне, сохранение связи многих рабочих с землей, распыленность и неорганизованность рабочих открывали широкий простор для жестокой капиталистической эксплуатации, переплетавшейся с полуфеодальными формами эксплуатации, усугублявшейся поли-

тическим бесправием и национальным угнетением рабочего класса.

Обязательного страхования рабочих не существовало. Продолжительность рабочего дня не ограничивалась. Охрана труда и организация техники безопасности на закарпатских предприятиях отсутствовали. Массовые несчастные случаи на предприятиях были обычным явлением. Размер заработной платы законом не регулировался, а целиком зависел от произвола предпринимателя. Основная масса рабочих за свой труд получала мизерную заработную плату, которая далеко не всегда покрывала даже потребности рабочего в самых необходимых продуктах питания.

В Венгрии во второй половине XIX столетия экономические и социальные процессы, непосредственно определяющие или тесно связанные с развитием капиталистического рынка характеризовались: углублением общественного разделения труда, классового расслоения крестьянства, значительным ростом кадров наемных рабочих и повышением удельного веса неземледельческого городского населения, увеличением накопления капиталов торгово-промышленной буржуазией, размеров банковских оборотов и ростом товарного обращения. В Закарпатье, вследствие колониального его положения и сильных остатков полуфеодалных отношений, такие процессы, как общественное разделение труда, накопление капиталов и развитие банковского кредита, протекали более медленно, что определило собой ограниченное, по сравнению с Венгрией, развитие товарного обращения и капиталистического рынка в целом.

Основной формой торгово-рыночных связей в Закарпатье продолжали оставаться сельские и городские ярмарки и базары. В горных районах господствовали примитивные формы торговли, соответствующие неразвитой стадии товарного производства и обусловившие монопольное положение местных мелких торговцев и ростовщиков в сфере торгового оборота и кредита.

Главное место в торговом обороте Закарпатья занимали продукты земледелия и животноводства — хлеб и живой скот. Основными поставщиками продукции на рынке выступали крупные помещики, капиталисты-арендаторы и кулаки. Удельный вес поликультурных мелких крестьянских хозяйств в производстве товарной продукции был ничтожным; для них было характерным сочетание товарного хозяйства с натуральным.

Доля закарпатских комитатов во внешней торговле Венгрии была совершенно незначительной и составляла не более 5—6 млн. форинтов, т. е. 1—1,5% всего внешнеторгового оборота Венгрии. Большая часть товарного хлеба, продуктов жи-

вотноводства, муки, фруктов, винограда и вина реализовалась на местных закарпатских рынках; вывоз этой продукции затруднялся отдаленностью австрийских и зарубежных рынков, низким качеством и нестандартностью продукции (зерна, муки, шерсти, вина), высокими железнодорожными тарифами и сравнительно высокой себестоимостью продукции, обусловленной отсталостью сельского хозяйства Закарпатья.

Развитие капитализма в Венгрии и перерастание его в империалистическую стадию сопровождалось быстрым ростом кредитно-банковских учреждений и увеличением размеров их капиталов. В Закарпатье на протяжении 1870—1900 годов число кредитно-банковских учреждений возросло более чем в 20 раз, но их удельный вес в общевенгерской финансовой системе составлял 2—3%. Банки, сберегательные кассы и ссудо-сберегательные товарищества в Закарпатье представляли собой мелкие учреждения с ограниченным основным капиталом и небольшими масштабами финансовых операций. Держателями акций банков и сберегательных касс и пайщиками кредитных обществ, вкладчиками сберегательных касс и получателями кредитов являлись помещики, капиталисты, кулаки; для массы крестьянства организованный кредит был недоступен, они находились в зависимости от ростовщического капитала.

Массы закарпатоукраинских трудящихся испытывали на себе тяжелейший двойной гнет — социальный и национальный — со стороны господствующих классов Австрии и Венгрии. Политической основой национального угнетения являлась австро-венгерская система дуализма. Социальной основой национального гнета являлась экономическая зависимость массы трудящихся от эксплуататорских классов, а силой, одухотворяющей ее, являлась прежде всего стоявшая у власти земельная аристократия, придавшая национальному угнетению особо жестокие и грубые формы. Национальное угнетение и дискриминация закарпатских украинцев проявлялись во всех сферах экономической, политической, общественной, культурной и духовной жизни.

Планы господствующих классов Австро-Венгрии, направленные к ассимиляции закарпатских украинцев, потерпели провал. Вся история Закарпатья свидетельствует о том, что именно народные массы во многовековой борьбе сорвали все попытки немецко-мадьярских ассимиляторов и их униатских пособников превратить закарпатских украинцев в Иванов, не помнящих своего родства. История Закарпатья не только подтверждает научное положение о большой устойчивости и колоссальной сопротивляемости языка насильственной асси-

миляции, но и показывает силу и величие народных масс, великую силу духа и жизни народа как главного, решающего фактора истории.

Народное образование в Закарпатье было подчинено целям мадьяризации закарпатских украинцев. Вторая половина XIX столетия была отмечена разрушением украинской национальной школы, мадьяризацией преподавания, преследованиями родного языка закарпатских украинцев и разгромом национальных культурно-просветительных организаций.

Униатская церковь, сыгравшая в истории Закарпатья глубоко реакционную роль, являлась орудием социального, национального и духовного угнетения трудящихся Закарпатья правящими классами Австро-Венгрии.

Рабочее движение в Закарпатье, являвшееся составной частью общевенгерского пролетарского движения, во второй половине XIX столетия было очень слабым, политически незрелым и неорганизованным, что объяснялось отсталостью общественно-экономического развития и отсутствием революционной марксистской партии.

Первые социал-демократические рабочие организации в Закарпатье (в Ужгородской и Марамарошской жупах) оформились в 90-х годах XIX столетия, а в Бережской и Угочской жупах — в начале XX века. Одновременно возникают и профессиональные союзы рабочих, способствовавшие сплочению их сил и переходу от единичных выступлений рабочих против тяжелых условий труда к более организованным и массовым стачкам. Первая наиболее значительная забастовка рабочих произошла на мебельной фабрике «Мундус» в Ужгороде в 1899 году, продолжавшаяся три недели. В этом же году было проведено первое в Закарпатье первомайское собрание рабочих ужгородских предприятий с участием 30 рабочих. Только в начале XX столетия, особенно под влиянием первой русской революции, забастовочное движение в Закарпатье принимает более широкие размеры, и рабочие наряду с экономическими требованиями начинают выдвигать и политические требования.

Крестьянское движение во второй половине XIX столетия принимало самые разнообразные формы: отказ от выполнения работ в пользу помещиков в первые годы после реформы, противодействие проведению комасации, захват помещичьих лесов и земель, поджог помещичьих посевов, сопротивление жандармам и т. д., но в борьбе крестьян большое место занимали пассивные формы — подача жалоб местным властям и судебным органам, обращение с петициями к императору, отказ наниматься на работу к помещикам, выселение в другие области и страны и т. п. В целом же крестьянское движение в Закарпатье, вследствие распыленности, забитости и не-

организованности масс крестьянства, носило стихийный и локальный характер и не вылилось в массовое революционное движение. Остатки классового крепостнического гнета и сильное влияние духовенства задерживали развитие классовой борьбы в закарпатской деревне, классовое самосознание крестьянской массы. Крестьянство Закарпатья, вследствие слабости венгерского рабочего движения и оппортунистической политики венгерской социал-демократии, не могло подняться на организованную революционную борьбу за свержение существующего строя эксплуатации и угнетения.

Несмотря на сравнительную многочисленность и тяжелые условия труда и жизни сельскохозяйственных рабочих в Закарпатье, массовых и организованных выступлений батраков и поденщиков во второй половине XIX столетия, вследствие указанных выше причин, не происходило. Отсутствие в Венгрии революционной марксистской партии, неоформленность революционного союза рабочего класса и крестьянства, прочного единства в борьбе за свое освобождение венгерских трудящихся и угнетенных народов, низкое классовое сознание закарпатского крестьянства дало возможность венгерскому правительству использовать небольшую часть закарпатских сельскохозяйственных рабочих в своих антинародных целях — для срыва забастовочного движения сельскохозяйственных рабочих в венгерских областях.

Политическое бесправие, национальное угнетение и религиозные притеснения вызывали массовые выступления трудящихся Закарпатья против колонизаторской политики правящих кругов Австро-Венгрии. Это нашло свое выражение в обострении классовых и национальных противоречий в период выборов в венгерский парламент, сопровождавшихся насилиями, кровопролитиями и террором по отношению к избирателям-русинам. В конце XIX — начале XX столетия протест народных масс Закарпатья против чужеземного угнетения принял своеобразный характер движения, облеченного в религиозную оболочку, что свидетельствовало об отсталости и неразвитости общественно-экономических отношений и политического сознания масс крестьянства.

Эти же причины обусловили собой и чрезвычайную ограниченность национального движения в целом. Классовая сущность национального движения в Закарпатье заключалась в том, что национальное движение здесь тесно переплеталось с борьбой крестьянства за землю. Однако эта борьба во второй половине XIX столетия, как мы показали выше, не приняла формы открытых массовых выступлений против чужеземных землевладельцев-эксплуататоров. Закарпатоукраинская сельская буржуазия — главное действующее лицо национального движения — была малочисленной и слабой, а

представители клерикально-буржуазной интеллигенции, «будители», претендовавшие на роль «идеологов» и «вождей» национального движения, в силу своей социальной природы и своего реакционного мировоззрения не были способны возглавить освободительное движение народных масс.

С начала XX века под прямым влиянием первой русской революции и особенно под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции в Закарпатье усиливаются революционные выступления рабочих и крестьян против социального и национального гнета. Движение за воссоединение закарпатских украинцев с украинским и русским народами с каждым десятилетием принимало все более массовый и организованный характер.

Воссоединение Закарпатья с Украинской Советской Социалистической Республикой в 1945 году стало поворотным моментом в судьбах закарпатских украинцев. Трудящиеся Закарпатья как свободные и равноправные члены великой семьи братских народов Советского Союза строят коммунизм, который «выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле **Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье** всех народов»¹).

¹) Программа Коммунистической партии Советского Союза (Принята XXII съездом КПСС), М, 1961, стр. 6.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ЗАКАРПАТЬЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

1. БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ЗАКАРПАТЬЯ

Историография Закарпатья в нашей литературе еще не разработана¹⁾. Все же историографические экскурсы буржуазных ученых²⁾ обычно ограничивались простым перечислением опубликованной литературы и очень поверхностным описанием содержания отдельных произведений.

Правда, некоторые буржуазные историки пытались, исходя из псевдонаучных исторических принципов, определить задачи и указать пути развития закарпатской историографии, выдвигая на первый план задачу создания «синтетической» истории Закарпатья на основе «строгой объективности» и «национальной традиции». В этом отношении характерны

¹⁾ Специального исследования историографического характера по истории Закарпатья пока не создано. В «Очерках истории исторической науки в СССР» только упоминаются имена трех закарпатских авторов второй половины XIX века И. Дулишкевича (правильно. И. Дулишковича — И. К.), Г. Жатковича и Т. Легоцкого (см. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II, М., 1960, стр. 711).

²⁾ См. Zsai'kovics Kálmán, Magyarország i oroszok történeti'á s'ának története, «Századok», Vdp., 1890; Е. Фенцик, Мысли о составлении истории Угорской Руси, «Слово», № 56, Львов, 1886; И. П. Филевич, Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки, Варшава, 1894; Ф. Свистун, Прикарпатская Русь под властью Австрии, ч. 1—2, Львов, 1895—1896; В. А. Францев, Обзор важнейших изучений Угорской Руси, «Русский филологический вестник», Варшава, 1901; А. Л. Петров, Задачи карпаторусской историографии, Прага, 1930; И. Кондратович, Нове пути подкарпатское историографии, Унгвар, 1941.

высказывания русского историка-эмигранта А. Петрова и закарпатского автора И. Контратовича.

А. Петров в своей статье «Задачи карпаторусской историографии», опубликованной в Праге в 1930 году, заявлял, что политическая история «карпатороссов» — это иллюзия, миф, так как у русинов не было ни своих магнатов, ни дворянства, ни прелатов, ни городской буржуазии. «Карпаторусский народ, — указывал А. Петров, — это народ крестьян и пастырей», который и является истинным героем истории. Но, заявлял А. Петров, «карпаторусский» народ в условиях феодальной Венгрии (это же положение он переносил и на последующую эпоху) не мог творить историю; он мог только испытывать на себе деяния, совершаемые господствующими классами.

Таким образом, А. Петров, выдвигая тезис о народе как истинном герое истории, вкладывал в это понятие антинаучный смысл. Он признавал народ только как объект истории, а не как творца, решающую силу исторического развития. Только деяния господствующих классов творят политическую историю. Он, затушевывая классовое расслоение среди закарпатских украинцев, вопреки истине утверждал, что поскольку в Закарпатье дворянства и буржуазии не существовало, постольку, мол, нет никаких оснований говорить о «политической истории карпатороссов».

В заключение своей статьи А. Петров, определяя главную задачу закарпатской историографии, указывал на необходимость изучения «социально-экономической истории». Однако сущность этого понятия он чрезвычайно ограничивал и извращал. Под «социальной историей» он подразумевал не историю общественных классов и классовой борьбы, а главным образом, церковно-религиозную историю; «экономические отношения» он сводил только к распределению земельной собственности.

Положения, выдвинутые А. Петровым, были использованы историками-мадьяронами для обоснования своих глубоко антинародных идей. И. Контратович в статье «Новые пути подкарпатской историографии», опубликованной в 1941 году, перечеркивал все историческое прошлое закарпатоукраинского народа, связывающее его, как часть с целым, с историей восточнославянских народов, объявляя идею общности и братства закарпатских украинцев с украинским и русским народами «фальшивой» и «безосновательной»³⁾.

«Ревизию» подкарпатской историографии на «научной» основе, заявлял И. Контратович, начал А. Годинка своей «Историей мукачевского греко-католического епископства», в ко-

³⁾ Указ. соч. И. Контратович, Новые пути..., стр. 4.

торой «на отповедний уровень знизив як значеня князя Федора Корятовича, так и нашу автохтонность»⁴). «Заслугу» А. Петрова перед исторической наукой И. Контратович видел в том, что он «стягнув из нас славу, светлу историчну одежу и ледви лишилася на нас тоненька сорочочка»⁵). Наконец, вслед за А. Петровым, он высказывался за написание «правдивой, объективной, без тенденций» истории «социально-экономической жизни русского селянина» в XVI—XVIII веках.

Все историографические упражнения И. Контратовича преследовали ту цель, чтобы представить закарпатских украинцев народом без имени, народом без прошлого, разорвать историческую общность и братство закарпатских украинцев с украинским и русским народами и облегчить таким образом «абсорбцию» русинов чужеземными захватчиками. Стремление И. Контратовича увести закарпатскую историографию в сторону от изучения современности и направить ее по пути исследований «социально-экономических» отношений (по схеме А. Петрова) эпохи крепостничества было продиктовано тенденциозными политическими соображениями: отвлечь внимание трудящихся от борьбы против фашистского гнета и представить господствующие классы Венгрии на примерах позднефеодальной эпохи «носителями свободы и независимости» венгерской нации и в том числе «угроруссов», взвалив всю ответственность за угнетение масс крепостного крестьянства на «корыстолюбивых» Габсбургов.

Закарпатская историография до воссоединения Закарпатской Украины с УССР развивалась под непосредственным влиянием венгерской буржуазной исторической науки, которая отрицала возможность познания объективных закономерностей исторического процесса, затушевывала или отрицала вовсе борьбу классов как движущую силу исторического развития и роль народных масс как гворца истории, насаждая антинаучные идеалистические взгляды.

Прикрывая свое прислужничество правящим классам лживыми ссылками на «объективность» исторических исследований, якобы далеких от «политики» и борьбы партий, буржуазные авторы грубо извращали исторические процессы и явления, пропагандируя реакционные идеи «гармонии классов» и «единого потока» в историческом развитии венгерской нации. История Венгрии изображалась ими как результат деятельности коронованных особ и так называемых «исторических классов», прежде всего дворянства, являвшегося якобы выразителем «национальной идеи» и носителем исторического процесса.

⁴) Там же

⁵) Там же, стр. 5.

Для венгерской буржуазной историографии было характерным игнорирование роли материального производства и социально-экономических отношений в историческом развитии и выдвигание на первый план значения идей духовного начала, религиозных догматов. Пропаганда реакционной клерикальной идеологии, шовинистической «святостефанской» идеи порабощения немадьярских народов проходила красной нитью через все исследования официальной венгерской историографии.

Литература по истории Закарпатья, изданная в XVIII—первой половине XIX столетия, чрезвычайно бедна. Исторические труды немецких, венгерских и закарпатских авторов этого периода отличались не только порочной идеалистической методологией, лежащей в основе интерпретации исторических фактов и явлений, но и очень ограниченным кругом вопросов, охватываемых этими изучениями, включавшими в себя главным образом естественно-географические описания, демографические данные, историю церкви и религиозных движений.

Вторая половина XIX и первые десятилетия XX века отмечены появлением большого числа компилятивных трудов, мелких исследований по частным вопросам, и статей, посвященных главным образом истории церкви, политическим событиям и проблемам общественной и культурной жизни. Представители возникших в этот период различного рода реакционных общественно-политических течений («русофилы», «мадьяроны», украинские буржуазно-националистические группки и т. д.) фальсифицировали историю Закарпатья в соответствии со своими идейно-политическими взглядами или в соответствии с социальным заказом тех чужеземных хозяев, которым они служили.

Автором первого исследования по истории Закарпатья «*Brevis notitia Foundationis Theodori Koriathovits...*»⁶⁾ («Краткий очерк учреждений Федора Кориятовича...»), изданного в двух томах в конце XVIII—начале XIX века, являлся протигумен греко-католических монастырей Венгрии Иоанникий Базилович (1742—1820)*. Обширный труд И. Базиловича сам по себе имеет небольшое положительное значение и представляет прежде всего историографический интерес. Дело не

⁶⁾ Полное название труда И. Базиловича. «*Brevis notitia Foundationis Theodori Koriathovits, olim ducis de Munkacs, pro religiosis Ruthenis ordinis sancti Basili Magni, in monte Csernek ad Munkacs, Anno MCCCLX Factae. Exhibens seriem Episcoporum Graeco Catholicorum Munkasiensium, cum praecipuis eorumdem aliorumque Illustrim Virorum Gestis e variis Diplomatis, Decretis que Regiis, ac aliis Documentis autentis potissimum concinnantem*» (первый том «*Brevis notitia*» в трех частях издан в Кошицах в 1799 году, второй (тоже в трех частях) — в 1804 году).

столько в том, что исследование И. Базиловича посвящено главным образом истории закарпатской епархии и Мукачевского монастыря, а в том, что на всем изложении материала, на подборе и трактовке исторических документов лежит печать ярко выраженной тенденциозности, обусловленной как мировоззрением автора — консервативного представителя греко-католической церкви, так и той утилитарной целью, которую он перед собой ставил.

Главным мотивом, побудившим И. Базиловича взяться за написание своего труда, являлось стремление опровергнуть обвинения, выдвинутые варадинским епископом Баттьяни против униатского духовенства, в подделке грамоты князя Корятовича, пожалованной якобы Мукачевскому монастырю в 1360 году. Вопреки исторической истине, И. Базилович утверждал, что Мукачевский монастырь был основан Федором Корятовичем, предоставившим ему своей жалованной грамотой право владеть землями и крепостными крестьянами сел Бовище, Лавки и Росвигово. Причем для подтверждения своих доводов И. Базилович опирался на некоторые грамоты, преднамеренно не замечая того, что в тексте их были сделаны подчистки и исправления его предшественниками, пытавшимися таким путем утвердить версию о подлинности грамоты Корятовича. Как сторонник папского престола И. Базилович превозносил положительное значение церковной унии для закарпатских украинцев, замалчивая борьбу народных масс против католического засилья. В целом труд И. Базиловича носит узко конфессиональный характер; вопросы социально-экономических отношений и положение монастырских крепостных крестьян автором не затрагиваются вовсе.

Положительной стороной труда И. Базиловича является прежде всего то, что он, вслед за русскими историками этой эпохи, одним из первых в закарпатской литературе изложил историю возникновения и развития восточнославянских племен, Киевской Руси и показал общность происхождения и ранней истории закарпатских русинов как составной части древнерусского народа. И. Орлай в своей статье «О юго-западной России» (1826 год) с похвалой отзывался об исследовании И. Базиловича, указавшего, что «русины являются сынами славного рода русского».

В закарпатской буржуазной литературе заслуги И. Базиловича перед наукой и закарпатоукраинским народом чрезвычайно преувеличивались. Его называли автором «первой истории русинов», антинаучно отождествляя два качественно различных социальных понятия — историю закарпатской церкви и историю закарпатского народа. Аналогия, выраженная авторами «Истории подкарпаторуськой» литерату-

ры» в словах: чем был «для русских Карамзин, для сербов — Александер Раич, для чехов — Палацкий, для болгар — Венелин.., — тем был для русинов Иоанникий Базилович», — не соответствует исторической правде. Можно говорить, допустим, об общности консервативно-монархических, исторических взглядов Н. Карамзина и И. Базиловича, но положительное значение «Истории Государства Российского» как цельного изложения истории России с древнейших времен и до начала XVII столетия несравнимо с локально-конфессиональным исследованием И. Базиловича (это же можно сказать и по поводу сравнения сочинения И. Базиловича с трудами Раича и Венелина). Сопоставление же произведения И. Базиловича — представителя консервативно-клерикальных кругов эпохи крепостничества с трудами Ф. Палацкого — представителя либеральной буржуазии начальной эпохи развития капитализма вообще антиисторично.

Автор труда «Brevis notitia...» опубликовал свыше ста исторических документов (декреты и рескрипты венгерских королей, австрийских императоров и трансильванских князей, папские буллы и епископские послания), относящихся к истории мукачевской епархии. Однако использование этих документов в научных целях возможно только при строго критическом подходе к ним и в сопоставлении с другими источниками.

На протяжении 1803—1810 годов в Будине были изданы 5 томов исследований по истории отдельных венгерских комитатов (в том числе история Земплинского и Угочского комитатов, населенных русинами) Антония Сирмая⁷⁾. В своих произведениях Сирмай утверждал автохтонность населения закарпатских областей и прослеживал генетические корни «уирусссов» вплоть до глубокой древности. Он подчеркивал также значение численного увеличения славянского населения в Закарпатье за счет переселения урбженцев русских земель в XI—XIV веках, т. е. во времена первых Арпадов и князя Ф. Кориятовича. В изложении истории комитатов А. Сирмай придерживался следующей схемы: история церкви и религиозных движений, перечень и краткое описание отдельных городов и населенных пунктов, перечисление всех церковных приходов с указанием фамилий священников и количества церковной земли, наконец, приводились данные о генеалогии крупных дворянских родов и ряд документов, относящихся к дворянскому сословию. Круг вопросов, рассматриваемых

⁷⁾ Szirmai A., Notitia topographica, politica incltyi comitatus Zempliensis, 1803, Notitia historica comitatus Zempliensis, 1804; Notitia politica, historica, topographica incltyi comitatus Ugochien-sis, 1805; Szathmár vármegye fekvése, történetei és polgári esmerete, I—II k., 1809—1810.

А. Сирмаем, таким образом, очень узок. Во многих случаях автор не дает ссылок на источники и не аргументирует, а просто декларирует свою точку зрения. Собранный А Сирмаем значительный документальный материал и многочисленные факты могут служить в известной мере источником для характеристики крупного дворянского землевладения в феодальную эпоху.

В 40-х годах XIX столетия был завершен сохранившийся в рукописи шеститомный труд ужгородского приходского священника М. Лучкая (1789—1843) «*Historia Carpatho-Ruthenorum...*»⁸⁾, который содержит обширный фактический материал по истории закарпатской церкви XV—XVIII веков, освещаемой в соответствии с установками Ватикана*.

Анализ перечисленных и других исследований по истории Закарпатья, опубликованных в XVIII—первой половине XIX века, дает основание сделать следующие обобщающие выводы: исторические изучения этой эпохи носили ярко выраженный клерикально-феодальный характер. Авторы исторических трудов — преимущественно служители церкви — являлись проводниками официального религиозно-монархического мировоззрения и придерживались идеалистических трактовок в объяснении исторических явлений. Придавая решающее значение в историческом развитии роли коронованных особ, титулованной знати и католической церкви как синтеза и санкции существующего феодально-крепостного строя они посвящали свои исследования главным образом истории церкви, освещению с верноподданнических позиций политики венгерских королей и австрийских императоров, описанию генеалогии земельных магнатов. Они игнорировали народные массы, рассматривали их только как «подданных» короля и дворянства, отрицая за ними какую бы то ни было роль в историческом развитии общества. Поэтому в их писаниях даже не упоминается о положении масс непосредственных производителей — крестьян, обходятся и замалчиваются классовые противоречия феодального общества, борьба крестьянства за свое освобождение от крепостнического гнета. Вопросы социально-экономического характера также выпадали из поля зрения этих историков. Если они и касаются этих вопросов в какой-то мере, то трактуют их в весьма ограниченном смысле, приводя, например, описательные данные о торговле городов, ремесленных цехах, размерах крупного светского и церковного землевладения. Это был период накопления отрывочного, сырого фактического материала, положенного в основу тен-

⁸⁾ Полное название рукописи М. Лучкая «*Historia Carpatho-Ruthenorum in Hungariae sacra et civilis ex probatissimis autoribus et Documentis originalibus Archivi Dioecesis Episcopatus Munkacsiensis desumpta*»

денциозного описания отдельных сторон исторического процесса в духе реакционно-идеалистических концепций, выражающих реакционные устремления эксплуататорских классов.

**
*

Изучение истории Закарпатья во второй половине XIX столетия характеризовалось следующими наиболее важными моментами. 1. Отсутствием оригинальных исторических трудов, появлением ряда компиляций и мелких статей, не имеющих научного значения. Исследования этой эпохи, как указывал один из русских авторов, имели «характер скорее только синтетический, а не аналитический»⁹⁾. 2. В области методологии исследования, особенно после установления системы австро-венгерского дуализма, наблюдается все большее усиление реакционных тенденций, грубо фальсификаторских искажений исторических явлений и процессов, обусловленных обострением классовых противоречий эпохи капитализма и подъемом национально-освободительного движения в Австро-Венгрии. Исторические труды закарпатских и венгерских авторов этого периода были подчинены оправданию существующего режима капиталистической эксплуатации и угнетения немадьярских народов. 3. Эта эпоха отмечена также появлением исследований по истории Закарпатья, принадлежавших русским историкам, стоявшим на реакционно-монархических и панславистских позициях.

В 60-х годах XIX столетия вышла в свет двухтомная монография по истории Закарпатья немецкого автора, доктора права и статистики, Игнаца-Германа Бидермана «Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte», изданная в Иннсбруке (I том вышел в свет в 1862 году, второй — в 1867 году). I том труда И. Бидермана, посвященный статистике, географии и этнографии Закарпатья, представляет собой обобщение опубликованных общих данных по этим вопросам (естественно-географические условия, население, административное деление, распределение русинов по этнографическим признакам и т. д.). Во втором томе монографии Бидермана, оставшейся незавершенной, рассматривается история Закарпатья с древнейших времен и до 50-х годов XIX столетия.

В печати того времени труд Бидермана получил высокую оценку. Е. Перфецкий указывал, что произведение Бидермана является «первым научным по изучению Угорской Руси

⁹⁾ Е. Перфецкий, Обзор угрорусской историографии, «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 19, кн. I, СПб, 1914, стр. 310

трудом», который «надолго останется служить очень ценным и необходимым руководством по изучению Закарпатской Руси»¹⁰⁾.

Действительно, по сравнению с поверхностно-компилятивными работами других авторов этого периода, произведение Бидермана отличалось рядом положительных сторон. Во-первых, автор широко использовал при написании II тома монографии, государственные и частные архивы Венгрии, печатные и рукописные труды своих предшественников, а также die mündlichen Mitteilungen (устные предания). Во-вторых, Бидерман затрагивает, наряду с другими вопросами, и социально-экономические отношения, в частности, характеризует положение крестьянства как в феодальную эпоху, так и в первые годы после отмены крепостного права. Однако классовая ограниченность автора, его идейно-политические взгляды как сторонника конституционно-монархического правления, сочетающиеся с умеренно-либеральными воззрениями, обусловили собой как тенденциозность в освещении коренных вопросов истории Закарпатья, так и ограниченность в постановке и разрешении проблем общественно-экономического развития¹¹⁾.

Бидерман, не отрицая прямо автохтонности славянорусского населения в Закарпатье, все же утверждал, не подкрепляя свое мнение ссылками на исторические источники, что основная масса славянского населения за Карпатами появилась только во времена Арпадов. Северная же часть Марамароша, по его мнению, была заселена беглецами из Галиции в конце XVIII—начале XIX столетия. Для обоснования этого явно ошибочного взгляда Бидерман ссытался на народные предания, которые принимал на веру без сопоставления со свидетельствами исторических источников.

Придерживаясь реакционной норманской теории происхождения древнерусского государства, Бидерман утверждал, что слово «Русь» имело только «политико-государственное», а не «этнографически-национальное» значение, ибо оно возникло после того, как «германские русы» покорили славянские племена. Поэтому, мол, в древней Руси не было и тени сознания «национального единства». Отрицая исторически сложившуюся общность восточнославянских племен и древнерусской народности, Бидерман стремился доказать отсутствие общности между прикарпатскими и закарпатскими русинами, с одной стороны, и остальным украинским народом —

¹⁰⁾ Там же, стр. 307.

¹¹⁾ Позднее в таком же духе освещал некоторые вопросы истории Закарпатья и проф. Черновицкого университета Раймонд-Фридрих Кайндль, автор трудов «Geschichte der Bukowina» (1888--1897) и «Die Ruthenen in der Bukowina» (1889—1890).

с другой, оторвать украинцев Галиции и Закарпатья от русского народа и таким образом упрочить господство над ними правящих классов Австро-Венгрии.

Подчеркивая на всем протяжении своего исследования «бескорыстие» и «отеческую заботу» правящей династии по отношению к русинам, Бидерман, вопреки исторической истине, утверждал, что «венгерские русины вплоть до эпохи позднего средневековья являлись вполне свободными людьми»¹²⁾, а существовавшее «русинское воеводство» якобы пользовалось широкой автономией¹³⁾.

В таком же духе восхваления «мудрости, дальновидности и справедливости» правителей Австрии освещаются Бидерманом и «урбариальное урегулирование» Марии Терезии, и реформы Иосифа II, и октроирование мартовской конституции 1849 года. Под этим же углом зрения он рассматривал и события, связанные с посылкой русинской делегации под руководством А. Добрянского в Вену и наступившее вслед за этим пресловутое «русинское возрождение»¹⁴⁾.

Характеризуя положение крестьян до реформы 1848 года, Бидерман указывал на тяжесть барщины и феодальных поборов, на произвол дворянских комитатских учреждений, подчеркивая, что крепостной строй приводил к деградации крестьянских хозяйств, но вместе с тем он преуменьшал степень эксплуатации крестьян помещиками, выдвинув антинаучный тезис о том, что бедные крестьянские хозяйства были менее отягощены феодальными повинностями и поборами, чем хозяйства зажиточной верхушки деревни.

Бидерман замалчивал борьбу крестьян против помещиков, обходил революционные события 1848—1849 годов, но вместе с тем он указывал на тяжесть выкупных платежей, взваленных на плечи крестьян, и раздробление крестьянских наделов после отмены крепостной зависимости.

Историческое произведение А. Духновича, написанное им в 60-х годах XIX столетия и оставшееся в рукописи, носило название «Истинная история Карпато-Россов или Угорских русинов». История А. Духновича не являлась оригинальным трудом и, вследствие идеалистической концепции, лежащей в ее основе, не имеет научного значения. При написании «Истинной истории», которая предназначалась в качестве школьного учебника, А. Духнович следовал за своими предшественниками И. Орлаем, И. Базиловичем, М. Лучкаем, А. Сирмаем и другими авторами, и только некоторые выводы, относящиеся к истории современного А. Духновичу периода, сделаны им самостоятельно.

¹²⁾ Указ соч. I Н. Bieder mann, т. II, стр. 88.

¹³⁾ Там же, стр. 89.

¹⁴⁾ Там же, стр. 120.

Эпиграфом к своему сочинению он избрал поговорку «Veritas odium patit»¹⁵⁾, а на одном из листов своей рукописи, которая была подарена русскому придворному священнику А. Раевскому, он сделал следующую надпись: «Я не много написав, вручаю тебе больше правды искать... Ты читай больше и гряди по сему дельцу, множество правд ти ся покажет». На самом же деле в «Истинной истории» А. Духновича было не много правды и истины, к тому же плотно окутанных пеленой псевдонаучных воззрений.

В первом разделе рукописи, носившей название «О исходе Карпато-Россов», А. Духнович, ссылаясь на известные исторические факты, приводимые И. Орлаем и другими русскими авторами-антинорманистами, утверждал автохтонность славянского племени за Карпатами. Население Закарпатской Руси, как указывал А. Духнович во втором разделе рукописи «О имени русинов», называло себя русинами, что свидетельствовало о генетическом единстве закарпатских славян и других восточнославянских племен. В мадьярском названии абригенов Закарпатья («орос») также сохранилось прямое указание на принадлежность их к единой семье племен древней Руси. А. Духнович решительно отвергал как ненаучное и тенденциозное наименование русинов «рутенами», введенное в историческую литературу представителями немецкой националистической историографии.

Этим по сути исчерпываются положительные стороны «Истинной истории» А. Духновича. Несомненно, что распространение идеи автохтонности славянского населения в Закарпатье, родства закарпатских русинов с другими восточнославянскими племенами имело положительное значение, содействуя развитию и упрочению чувства братства закарпатских украинцев с украинским и русским народами.

В последующих разделах автор «Истинной истории» повторяет научно необоснованное утверждение о «блаженнейшем состоянии» русинов в средневековую эпоху под управлением своего князя Федора Кориятовича, об «автономии» русинских областей и «привольной жизни» закарпатских пастухов. Только с XV столетия, по мнению А. Духновича, наступает в истории Закарпатской Руси период тяжелого чужеземного угнетения. Развивая эту мысль в письме к редактору журнала «Словенин» (1862 год), А. Духнович указывал: «Минули уже, кажется, четыре столетия, убегли по разным стремлениям народов, разною судьбою и произведениями — один токмо первобытный и некогда самостоятельный, по горам Карпатским до Венгрии... живший и до днесь еще промыслом божим существующий народ русский, тиском соседних пле-

¹⁵⁾ «Правда очи колет» (латинск.).

мен уничтожен, да и самого человечья права лишен, так и оставлен на произвол жестокой судьбы»¹⁶⁾).

А. Духнович как носитель христианско-фаталистических взглядов под этим же углом зрения рассматривал исторический процесс. Причину тяжелых бедствий своих соплеменников он видел не в социально-экономических условиях их существования, не в режиме порабощения трудящихся эксплуататорскими классами, а страдания народные, по его мнению, являлись следствием «греховной жизни» людей, судьба которых предопределена божественным провидением.

Народным массам Закарпатской Руси приходится расплачиваться ныне за столетия летаргии; им, не проявлявшим на протяжении веков активности в национальной жизни и поэтому легко поддавшимся обману злонамеренных чужинцев, остается только одно, как утверждал А. Духнович, оплакивать свою судьбу, отдавшись на волю божественной силы. Настоящее свое «падение, разрушение, унылость, безжизненность и нищету», — писал А. Духнович, — русины оплакивают «теплыми слезами», а будущее их «есть в руках судьбами управляющего господа». Шестисоттысячный народ Закарпатской Руси, пребывающий во сне, мало-помалу «склонился обманом и злости своих покровителей, да исполнилось на нем слово пророка: «тии спаша быша, и падоша»¹⁷⁾). Таков вывод А. Духновича, затушевывающий изречениями из «святого письма» и религиозно-библейскими сентенциями подлинные причины угнетения и разорения народных масс и парализующий их волю к борьбе за свое социальное освобождение.

Значительная часть VI раздела «Истинной истории», озаглавленная «Состояние русинов под царями угорскими», заполнена восхвалением «новой эры», наступившей якобы после подавления реакционными силами венгерской революции и провозглашения Габсбургами «свободы народов», которую А. Духнович воспринял как поворотный момент в истории русинов под «отеческой заботой кесаря». В этом выразилась классовая направленность автора, замазывавшего глубоко реакционную и антинародную сущность габсбургского режима и сеявшего среди масс народа монархические иллюзии.

В 70-х годах вышло в свет произведение закарпатского священника И. Дулишковича «Исторические черты угро-русских» в трех частях (тетрадах), изданное в Ужгороде и представлявшее собой компиляцию рукописи М. Лучкая «Historia Carpatho—Ruthenorum». Первую тетрадь своей работы И. Дулишкович посвящал выяснению происхождения и древ-

¹⁶⁾ Цит по указ соч В А Францев. К вопросу о литературном языке, стр 7

¹⁷⁾ Там же

нейшей истории восточных славян, прямыми потомками которых он считал закарпатских русинов. Почти всю вторую и частично третью тетради автор отводил изложению истории закарпатского епископата и прослеживал ее до XVIII столетия, повторяя положения и выводы своих предшественников, сводившиеся к тому, что якобы главной силой исторического развития Закарпатья и основой «общественной и народной жизни» русинов являлась греко-католическая церковь, национально-религиозное движение и религиозное мировоззрение¹⁸⁾.

В конце XIX столетия в периодической печати Венгрии, Галиции и России была опубликована целая серия мелких статей закарпатского писателя — монаха ордена василиан А. Кралицкого по истории монастырей (Краснобродского, Мукачевского, Мария-Повчанского и др.), не представляющих собой оригинальных исследований.

Одновременно с этим было опубликовано более 20 статей на церковно-религиозные темы священника Юрия Калмана Жатковича, которого буржуазные закарпатские авторы бесосновательно относили к числу «перворазрядных» историков, а статьи его называли трудами, имеющими «постоянную научную ценность». Все писания Жатковича представляли собой образец низкопробной клерикально-исторической литературы, заполненной безудержным восхвалением роли греко-католической церкви, которая изображалась «защитницей» национальных интересов русинов, «учительницей народа», а служители церкви — «духовными вождями-народолюбцами». Лейтмотивом всех церковно-богословских статей Жатковича являлось стремление привить народным массам не только рабскую идею безоговорочного подчинения церкви, духовенству и господствующим классам Венгрии, но и превратить закарпатских украинцев в безымянную массу ассимилированных «греко-католических мадьяр»¹⁹⁾.

Вторая половина XIX столетия отмечена появлением также ряда статей, очерков и монографий по истории отдельных

¹⁸⁾ Такие же антинародные и антинаучные идеи пронизывали и комплиментивно-поверхностное сочинение по истории мукачевского епископата преподавателя Ужгородской богословской семинарии П. Мондока «*Brevis historica notitia diocesis Munkacsiensis*» (издано в Ужгороде в 1878 году)

¹⁹⁾ Не случайно одна из статей Ю. Жатковича «Борьба против засилья иерархических епископов и за церковный греческий обряд мукачевской епархии» («*Az egri befolyás és az ez ellen vivott harc a munkácsi görög szerfartású egyházmegye történelmében, Történeti tanulmány, «Századok», XVIII. Bp., 1884*) была удостоена премии на конкурсе Венгерского исторического общества.

закарпатских комитатов²⁰), авторами которых выступали обычно венгерские чиновники.

Характерными чертами, присущими всем исследованиям этого рода, являлись: 1) бессистемное нагромождение фактов и статистических данных, нередко не соответствующих действительности, чисто описательный характер изложения материала, отсутствие выводов и обобщений; 2) игнорирование социально-экономических отношений и вопросов классовой борьбы; полное отсутствие данных, характеризующих положение трудящихся города и деревни, имущественное и социальное расслоение крестьянства, разорение ремесленников; 3) восхваление деятельности венгерской администрации и высшего духовенства, которая якобы была направлена к «улучшению экономического быта» русинов и к распространению «просвещения».

Т. Легоцкий в своей «Монографии Бережской жупы», которую можно отнести к числу лучших и наиболее полных описаний отдельных комитатов, приводит много фактов и цифровых данных, характеризующих землевладение и землепользование, агротехнический уровень сельского хозяйства, состояние промышленных предприятий, ремесленного производства, торговли и т. д. Однако автор даже не пытается анализировать эти данные, он описывает явления, но не раскрывает их социального содержания. Так, говоря о хозяйственной структуре латифундиальных хозяйств Бережской жупы, Т. Легоцкий указывает только, что главным источником доходов их являлась сдача земли в аренду, а не собственное хозяйство²¹), но совершенно обходит вопрос о крестьянской аренде и положении мелких съемщиков земли. Характеризуя состояние промышленного и ремесленного производства, Т. Легоцкий ограничивается только сведениями о количестве изготовленной продукции и числе ремесленников, но ни одним словом не упоминает о положении рабочих и не раскрывает причины упадка ремесленного производства. Ряд приводимых Т. Легоцким статистических и цифровых данных (о применении машин и усовершенствованных орудий в сельском хозяйстве, структуре посевных площадей, урожайности

²⁰) См Doby Antal, Ugocsa vármegye alispánjal, «Történelmi Tár», Bdp., 1878, Komáromy András, Ugocsa vármegye keletkezése, Bdp., 1896, Ugocsa vármegye történetéből, Ugocsa, Nagyszöllös, 1886, Horváth Iános, Ungmegeye monografiája, Ungvár, 1872; Mihály Iános, Máramarosmegeye története, M-Sziget, 1901; Szilágyi István, Máramaros általános története, «Századok», Bdp., 1889, Balogh I., Munkács — var története, Munkács, 1890; Lehoczky T., Beregvármegye monográfiája, Ungvár, I—III, 1881—1884 и др.

²¹) Указ соч Lehoczky T., Beregvármegye monográfiája, т. II, стр. 341—342

отдельных культур и т. д.)²²⁾, не соответствуют данным официальной статистики и во многих случаях расходятся со сведениями, приводимыми в отчетах местной администрации, что объясняется некритическим подходом автора к статистическим источникам и тенденциозностью в подборе и группировке статистических материалов.

**
*

Литература по истории Закарпатья, изданная в этот период в России, была представлена главным образом трудами авторов, принадлежавших к консервативно-славянофильским кругам, которые освещали преимущественно вопросы национально-религиозного характера, проповедуя реакционные монархические идеи, ратуя за «собрание русских земель» под эгидой династии Романовых. К числу таких авторов относились Н. Попов, опубликовавший ряд очерков по «церковно-народной жизни»²³⁾ и К. Кустодиев²⁴⁾. Этим вопросам были посвящены также опубликованные в России произведения А. Духновича²⁵⁾, А. Добрянского²⁶⁾, Е. Фенцика²⁷⁾, А. Дешко, Матисова и других²⁸⁾. Вторую группу произведений составляли очерки и статьи, освещающие современные авторам события национально-политической и культурной жизни Закарпатья.

В трудах чиновника русского консульства в Будапеште Г. А. Де-Воллана²⁹⁾, анонимных закарпатских авторов³⁰⁾,

²²⁾ Там же, стр 321—330.

²³⁾ См. Н. Попов: Церковное движение в Угорской Руси, «Православное обозрение», М., январь 1871 года; Современные вопросы в церковно-народной жизни карпаторуссов, «Православное обозрение», июль 1874 года.

²⁴⁾ См. К. Кустодиев. Конгресс католиков Венгрии и угорские русские, «Православное обозрение», март декабрь 1871 года, Церковь угорских русских и сербов в их взаимоотношении, «Православное обозрение», май-июнь 1873 года.

²⁵⁾ См. А. Духнович, История пряшевской епархии, СПб., 1877.

²⁶⁾ См. А. И. Добрянский, О современном религиозно-политическом положении Австро-Угорской Руси, М., 1885.

²⁷⁾ См. Ф., Исторический очерк угорского народа и угорской церкви, «Славянские известия», №№ 50, 52, СПб., 1899 год.

²⁸⁾ См. А. П. Дешко, О Карпатской Руси, «Киевская старина», т. 19, ноябрь 1877 года, Матисов, Движение народной жизни в Угорской Руси, «Беседа», кн VI—VII, 1871 год, О В., Об унии венгерских русинов, «Русская беседа», кн XVI, М., апрель 1859 года.

²⁹⁾ См. Г. А. Де-Воллан: Мадыяры и национальная борьба в Венгрии, М., 1877, Угорская русь, М., 1878.

³⁰⁾ См. Арсений, Русские в Венгрии, ЖМНП, т 6, «СХХХVIII», СПб., 1886; Путник, Современное состояние Угорской Руси, «Русский вестник», т 265, М., февраль 1900 года.

проф. А. Будиловича³¹⁾, Т. Д. Флоринского³²⁾ и других содержащий большой фактический материал, характеризующий национальное угнетение закарпатских украинцев, осуществление политики насильственной мадьяризации и преследование национального языка русинов. Авторы этих трудов, в большинстве своем сторонники православия, приводят немало данных, вскрывающих антинародную роль униатской церкви и ее служителей как пособников чужеземных господствующих классов, как грабителей крестьянства.

Анонимный автор, выступавший под псевдонимом Путник, в своей статье «О современном состоянии Угорской Руси» бичует представителей закарпатской интеллигенции — священников и учителей, отказавшихся от своего национального имени и перешедших в ряды «рьяных мадьяронов»³³⁾, а также разоблачает планы венгерских ассимиляторов, стремившихся превратить школы в орудие мадьяризации невенгерских народов³⁴⁾. В статьях закарпатского писателя И. Сильвая³⁵⁾ и другого закарпатского анонимного автора³⁶⁾, написанных в остро полемической форме, раскрывается гнусная роль епископа Панковича и других верховодов униатской церкви как прислужников венгерской реакции в осуществлении планов мадьяризации и окатоличения русинов.

В условиях жестокого подавления демократической и оппозиционной печати и строгой цензуры злодеяния австро-венгерской реакции по отношению к угнетенным народам не получали огласки и обычно были скрыты от широкой общественности. Благодаря выступлениям заграничной, в частности русской, печати даже реакционного направления, руководствовавшейся, конечно, не интересами народных масс Закарпатья, а соображениями узкополитического характера, — многие факты, показывающие действительное положение национальных меньшинств в Австро-Венгрии, стали достоянием общественного мнения. Русский автор реакционно-монархического направления Н. Попов, например, основываясь на свидетельствах современников и сообщениях корреспондентов галицких газет, несмотря на тенденциозность в подходе к событиям в Австро-Венгрии, показывает систему подкупа и на-

31) См А Будилович, Червонорусская эмиграция, «Славянское обозрение», т 3, СПб, сентябрь-декабрь 1892 года

32) См. Т Д Флоринский, Зарубежная Русь и ее горькая доля, Киев, 1900

33) Указ соч Путник, стр. 630.

34) Там же, стр 630.

35) См. Уринл Метеор, Положенне угорских русских под управлением Стефана Панковича, епископа Мукачевского, «Славянский сборник», т 2 (СПб, 1877 год;

36) См N N, О современном положении русских в Угрии, «Славянский сборник», т 1, СПб, 1875 год.

силія, кровавой расправы с избирателями русинами в период выборов в венгерский парламент 1865 года³⁷⁾.

Акцентируя внимание на вопросах религиозной и национально-политической борьбы, авторы исследований по истории Закарпатья, опубликованных в России, почти совершенно не затрагивали социально-экономические проблемы, ограничиваясь в лучшем случае, как это делали Г. А. Де-Воллан, Матисов, А. Будилович, констатацией тяжелого положения народных масс, даже не пытаясь поставить вопрос о подлинных причинах бедствий закарпатского крестьянства. Указанные авторы, открыто проповедовавшие антисемитизм, пытались объяснить разорение закарпатского крестьянства исключительно засильем еврейских торговцев, шинкарей и ростовщиков³⁸⁾, изображая венгерских, немецких и украинских эксплуататоров носителями «прогресса», деятельность которых, направленную, мол, на «улучшение положения низших классов», парализует «еврейский спекулятивный капитал».

Революционные события 1848—1849 годов, выступления венгерского пролетариата во второй половине XIX столетия, «аграрно-социалистическое» движение в Венгрии и Закарпатья не нашли никакого отражения как в закарпатской, так и в русской литературе этого периода, что объяснялось стремлением буржуазных авторов затушевать классовые противоречия в Венгрии и замолчать революционное освободительное движение народных масс³⁹⁾.

Наконец, третью группу произведений составляли исследования русских, закарпатских и галицких авторов в области

³⁷⁾ См Н Попов, Избегание русских в конституционной Венгрии и постановления Мункаченского съезда, «Вестник Западной России», кн 6, т 2, Вильно, 1866

³⁸⁾ См. указ соч А Будилович, Червонорусская эмиграция, стр 26

³⁹⁾ Помимо воспоминаний военных авторов -- участников контрреволюционного похода русских царских войск в Венгрию (см Сонцов Д. Из воспоминаний о венгерской кампании [Заметки участника и очевидца], М., 1871, М Д. Лихутин, Записки о походе в Венгрию в 1849 году, М., 1875, И Ореус, Описание венгерской войны 1849 года, СПб., 1880, П Алабин, Четыре войны, ч I, Самара, 1883 г.) и ряда статей реакционно славянофильских авторов (см А Будилович, О значении русского похода 1849 года для австро-угорских народов, «Русская беседа» № 1, СПб., 1896, Прикарпатский русин, Мнение карпаторусса о последствиях русско-венгерской войны 1849 года, «Славянские известия», № 6 СПб., 1890 год, К. Кустодиев, К истории разочарований австрийских славян, Посольство угорских русских в Вене в 1849 году, «Русский вестник», т 98, СПб., апрель 1872 года), замалчивавших реакционную, интервенционистскую сущность вторжений армий Николая I в Венгрию и чрезвычайно преувеличивавших влияние пребывания русских войск в Венгрии на развитие национального движения русинов, других исторических исследований, посвященных революции 1848--1849 годов, опубликовано не было.

литературы, фольклора, этнографии, способствовавшие ознакомлению широкой общественности с условиями жизни, литературным движением, народным творчеством и бытом закарпатских русинов⁴⁰).

Период с 1900 по 1944 год в историографии Закарпатья характеризовался усилением реакционных течений, обусловленных обострением классовых противоречий эпохи империализма и пролетарских революций, и выразившихся в самой грубой фальсификации истории Закарпатья буржуазными авторами различных политических направлений: венгерскими и закарпатскими проповедниками «святостефанской идеи» и апологетами австро-венгерского империализма, русскими глашатаями империалистической экспансии царизма, украинскими буржуазно-националистическими, чехословацкими буржуазными, венгерскими и закарпатскими профашистскими авторами.

Одним из наиболее рьяных проповедников в исторической литературе Закарпатья реакционной венгерской «государственной идеи» порабощения господствующими классами Венгрии немадьярских народов являлся профессор Братиславского и Будапештского университетов Антал Годинка, подвизавшийся в первые десятилетия XX века.

Его перу принадлежит свыше 20 «трудов» по истории Закарпатья, представлявших собой злостную фальсификацию исторических событий в целях оправдания и увековечивания господства венгерских помещиков и капиталистов над закарпатоукраинскими трудящимися. Не случайно реакционная венгерская и закарпатская печать превозносила до небес «за-

⁴⁰ См П. И. Феерчак, Очерк литературного движения угорских русских, Одесса, 1888, Я. Головацкий, Карпатская Русь, «Славянский сборник», т. 1, (1875 года), т. 2 (1877 года) и его же: Народные песни Галицкой и Угорской Руси, I—IV, М., 1878; Г. А. Де-Воллан, Угрорусские народные песни, Записки Русского географического общества, т. 13, вып. 1, СПб., 1885 год, Сумцов Н., Народно-песенный комментарий к галицко-русской эмиграции, «Славянское обозрение», т. 3, СПб., сентябрь-декабрь 1892 года; И. И. Срезневский, Угорская Русь, «Вестник Русского географического общества», т. 4, СПб., 1852 год; Я. Головацкий, Карпатская Русь, Географическо-статистические и историко-этнографические очерки Галичины, северо-восточной Угрии и Буковины, «Славянский сборник», СПб., т. 1, 1875 год, т. 2, 1877 год, А. И. Соболевский, Как давно русские живут в Карпатах и за Карпатами, «Живая старина», IV, СПб., 1894 год; И. П. Филевич, Очерк карпатской территории и населения, ЖМНП, IV—V, 1895 год; В. М. Гнатюк, Угроруська мизерія, «Жит і слово», № 1, Львів, 1897 р, Угроруські новини, «Житє і слово», № 2, 1897 р. Этнографічні матеріали з Угорської Русі, Львів, 1899

«слуги» А. Годинки перед «наукой», называя его «наиболее значительным ученым общедержавного порядка»⁴¹⁾.

В своей монографии «История мукачевского греко-католического епископства»⁴²⁾, удостоенной премии Венгерской академии наук, А. Годинка, извращая историческую правду, отрицал автохтонность славяно-русского населения в Закарпатье. Он распространял антинаучный тезис о колонизации Закарпатья «угроруссами» только после монголо-татарского нашествия на Киевскую Русь, когда территория Закарпатья была уже завоевана венгерскими королями династии Арпадов. В другой своей статье «О прошлом южно-карпатских русинов» А. Годинка призывал «братьев своих» возносить благодарность венгерским королям за то, что они «ласково предоставили им приют и позволили поселиться в Венгрии». Политическая цель этих наукообразных измышлений А. Годинки заключалась в том, чтобы «научно» аргументировать «историческое право» господствующих классов Венгрии на подчинение и порабощение Закарпатья.

Все произведения А. Годинки были пронизаны одной глубоко враждебной своему народу идеей, смысл которой сводился к бездоказательному утверждению об отсутствии всякой общности между закарпатскими русинами и русским народом. Пресловутую «верховинскую акцию» он пытался выдать за «отеческую заботу» венгерского правительства о «рутенах», а национальное угнетение, преследование языка и культуры закарпатских украинцев оправдывал «приобщением» их к «высокой западной цивилизации»⁴³⁾.

Накануне первой мировой войны была опубликована книга Ореста Сабова «О мадьярских русских (рутенах)»⁴⁴⁾, представляющая собой злобный пасквиль на украинский и русский народы. Это сочинение было написано на основе использования неопубликованной рукописи Ю. Жатковича «Монография мадьярских русинов»⁴⁵⁾, произведений Т. Легоцкого («Beregvármegye megrögzött lakói»), А. Бонкало («История мукачевской епархии») и собственных домислов О. Сабова. Выполняя социальный заказ своих хозяев — империалистической клики Австро-Венгрии, подготавливавшей развязывание мировой войны и стремившейся к отторжению Украины от России, О. Сабов тщился доказать существование усиливающихся «различий» и «противоречий» между украинским и

⁴¹⁾ См. указ соч «История подкарпатурськой литературы», стр. 55.

⁴²⁾ Hodinka Antal A Munkácsi görögkatholikus püspökség története, Bdp, 1910.

⁴³⁾ См. А. Hodinka, Gens fidelissima, Ungvár, 1915, A kárpátaljai ruthének lakónéye, gazdaságuk és múltjuk, Bdp., 1923

⁴⁴⁾ См. Szabó Orest, A magyar oroszokró (ruthének). Bdp, 1913

⁴⁵⁾ «A magyarországi oroszok magánrajza».

русским народами. «Малорусский народ, — писал О. Сабов, — является наиболее древним славянским племенем, с наиболее чистой славянской кровью, и имя свое ведет от племени «Русь», а поэтому малоросс называет великоросса, который издревле смешан с кровью татарской и чудской, «москалем», и всячески старается отгородиться от него»⁴⁶). Прикрывая свое прислужничество австро-германскому империализму сочувствием «угнетенному украинству», О. Сабов ратовал за создание «самостоятельного малороссийского государства» типа «гетманшафт» под эгидой Германии и Австро-Венгрии.

В разделе своего пасквиля «Общая характеристика рутенов» О. Сабов возводил клевету на закарпатоукраинский народ, приписывая ему и «приверженность к старине», и пьянство, и «неспособность» к культурному развитию, восхваляя вместе с тем его «богобойность». Религия при помощи мистики греческой церкви, блестящих церемоний, «захватывающих душу и сердце мелодией духовных песен, постоянно приковывает к себе этот склонный к поэзии народ», — писал О. Сабов. Он поносил закарпатских «будителей» за употребление «непонятного» для народа русского языка и осуждал «схизматическое движение», выражавшее, как известно, протест масс против окатоличения и ассимиляции закарпатских украинцев. Так закарпатские апологеты австро-германского империализма пытались подорвать братство восточно-славянских народов, заглушить в массах закарпатских украинцев стремление к воссоединению с украинским и русским народами.

Чиновник венгерского министерства Ядор Стрипский, который, как отмечала местная печать, «визначился яко першорядный редактор, филолог, историк культуры, этнограф и поет», и профессор Будапештского университета по кафедре славянской филологии Александр Бонкало в своих произведениях⁴⁷), выступая сторонниками «живого народного языка», всячески третировали русский язык, стремясь отдалить его от украинского и таким образом разорвать духовную и культурную общность закарпатских украинцев с русским народом.

То «новое», что было внесено этими прислужниками венгерских господствующих классов в лингвистическую науку заключалось в признании ими «близости» украинского языка и закарпатоукраинских диалектов. Такая «переориентировка» промадьярских лингвистов была продиктована политически-

⁴⁶) Указ, соч Szabó Orest, стр. 18.

⁴⁷) См. Стрипский Ядор, Старша руська письменность на Угорщине, Унгар, 1907; А. Рахівський, (псевдоним А. Бонкало), Віймки из угорсько-руського письменства XVII—XVIII вв., Будапешт, 1919; Bonkáló Sándor, A magyar ruthének, Bdp., 1920.

ми соображениями, вытекавшими из империалистических планов Германии и Австро-Венгрии по отношению к Украине и России. Перед стрипскими и бонкалами австро-германскими империалистами была поставлена задача «научно» обосновать «отсутствие» языковой общности между русскими и украинцами, которую они и выполняли, не брезгуя никакими средствами. Признание же ими родства закарпатоукраинских диалектов с украинским языком должно было облегчить превращение Закарпатья и Галиции в «украинский Пьемонт». Этой же цели, в частности, служил издаваемый венгерским правительством в период первой мировой войны журнал «Ugaria», редактором которого являлся тот же Ядор Стрипский.

Накануне и в период первой мировой войны заметно усилилось внимание представителей русской реакционной историографии к вопросам истории Закарпатья⁴⁸). Главной целью большинства их трудов, пронизанных духом великодержавного шовинизма, являлось обоснование захватнических устремлений и планов русского царизма. Выполняя социальный заказ российских эксплуататорских классов, эти авторы не только оправдывали империалистическую политику русского царизма, ссылаясь на «историческую правомерность» его притязаний, но и пытались доказать, что извечное тяготение закарпатских украинцев к России и русскому народу якобы являлось выражением их симпатий к русскому царизму. «Главное содержание начавшейся войны, — писал преподаватель Бакинской гимназии В. П. Пономарев в своей книге «Австро-Венгрия и ее славянские народы», — составляет борьба за жизнь и на смерть, за расовое преобладание сла-

⁴⁸) См. Ф. Ф. Аристов, Карпато русские писатели, т. I, М., 1915. Н. Н. Бахтин, Угорская Русь, Петроград, 1915; А. В. Белгородский, Порабощенное славянство в Австро-Венгрии и Германии, Угорская Русь, Петроград, 1915. К. П. Бельговский, Русский народ в Карпатах, Киев, 1915. М., Богданович, Угорская Русь, М., 1914. Л. Василевский, (Плохоцкий), Венгерские «руснаки» и их судьба, «Русское богатство», №3, СПб., 1914. А. Ф. Васильев, Зарубежная Русь, Петроград, 1915. Г. А. Воскресенский, Православные славяне в Австро-Венгрии, СПб., 1914. К. Я. Грот, Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях, Петроград, 1915. И. И. Гумецкий, Значение русского Прикарпатья для России, СПб., 1914. П. Е. Казанский, Присоединение Галичины, Буковины и Угорской Руси, Одесса, 1914. А. Л. Погодин, Зарубежная Русь, Петроград, 1915. Л. В. Покос, Славянские народы Австро-Венгрии, Киев, 1915. В. П. Пономарев, Австро-Венгрия и ее славянские народы, Баку, 1915. Я. Спановский, Русский народ в Карпатах, Киев, 1915. С. Томашевский, Угорская Русь, Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. 3, Петроград, 1916. С. Троицкий, Православие, уния и католичество у славян и румын в Австро-Венгрии, СПб., 1914, и его же Как живут и страдают православные и униаты в Австро-Венгрии, СПб., 1914. Т. Д. Флоринский, Зарубежная Русь и ее горькая доля, Киев, 1900; и его же Славянское племя, Киев, 1907.

вянства или германизма в Европе»⁴⁹). Еще с большей определенностью служебную роль подобного рода «трудов» по истории Закарпатья выразил Ф. Ф. Аристов, который говорил: «В 1914 году наступила великая война, которая, бог даст, откроет новый период в жизни Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, как составной части России, осуществив вещи слова воззвания верховного главнокомандующего: «Да не будет больше подъяремной Руси! Достояние Владимира Святого, Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России»⁵⁰). Проповедь реакционной идеи «единой и неделимой» России под скипетром Романовых, «собираение русских земель» путем империалистических захватов и составляло основное содержание всех сочинений указанных авторов, которые рассматривали историю Закарпатья главным образом в аспекте национально-религиозных отношений.

В 1916 году в Москве вышел в свет первый том монографии Ф. Ф. Аристова «Карпато-русские писатели», которая получила высокую оценку в буржуазной литературе как в России, так и в Закарпатье⁵¹). П. С. Федор, определял значение исследования Ф. Ф. Аристова такими хвалебными словами: Он «внес свой крупный вклад в науку, сказал свое авторитетное слово, создал целую научную школу, положил начало новой эпохе в области историко-литературного карпатоведения»⁵²).

Почему реакционная критика давала такую хвалебную оценку монографии Ф. Ф. Аристова? Это объяснялось исключительно тем, что рассматриваемое сочинение Аристова (как и другие его труды, изданные позднее в эмиграции) было пронизано от начала до конца реакционными идеями великодержавного шовинизма и империалистических устремлений русского царизма. Он видел только и подчеркивал как наиболее «ценное» в мировоззрении и деятельности «будителей» как раз наиболее консервативное и реакционное — их религиозно-монархическую идеологию и тяготение к официальной России.

Деятельность галицких и закарпатских писателей — «твердоруссов» превозносилась Ф. Аристовым потому, как

⁴⁹) Указ соч В П Пономарев, стр. 5.

⁵⁰) См. указ соч Ф Ф Аристов, стр. 32

⁵¹) См. рецензии на указ соч. Ф. Ф. Аристова: проф Харьковского университета А. Л. Погодин. *Выброшенные за борт*, журн. «Русская свобода», № 22—23, Петроград—Москва, 1917 год, стр. 3—5, галицкий журналист А В Копыстьянский, «Исторический вестник», № 4, Петроград, 1917 года, стр. 264—266; закарпатский автор П С Федор. «Профессор Федор Федорович Аристов», журн. «Карпатский свет», № 5—7, Ужгород, 1931 год, стр. 1117—1131.

⁵²) Указ соч П С Федор, стр. 1119.

выражался реакционный историк А. Л. Погодин, что они «преклонялись перед величием и мощью Матушки-России, отождествляя ее могущество с силою ея правительства, и на него... переносили свое поклонение...»

Глубоко реакционная сущность методологии исследования и служебных политических целей, которые преследовал Ф. Аристов своим сочинением «Карпато-русские писатели», лишают его монографию, несмотря на значительный фактический материал, всякой научной ценности.

**
*

После насильственного включения Закарпатской Украины в состав буржуазной Чехословакии появился ряд исследований чехословацких авторов, посвященных как древнему и средневековому периодам ее истории, так и истории нового и новейшего времени. Если в исследованиях раннего периода в истории Закарпатья на основе анализа археологических данных и исторических источников восстанавливалась картина отдельных этапов прошлого закарпатских украинцев с позиций буржуазного объективизма, то труды по новой и новейшей истории носили ярко выраженный тенденциозный характер и были подчинены политическим целям правящих кругов чехословацкой буржуазии.

К первой группе исследований надо отнести статьи известного чешского ученого в области славянской археологии Любора Нидерле⁵³), профессора Вацлава Халоупецкого⁵⁴) и ряд трудов Ф. Габриеля⁵⁵). Последние посвящены характеристике социально-экономических отношений главным образом в Ужгородской жупе в эпоху крепостничества. Несмотря на описательный характер изложения и замалчивание крестьянского антифеодалного движения, исследования Ф. Габриеля,

⁵³) См Niderle Lūbor: Pocatky Karpatské Rusi, «Národopisny Vestnik Československy», XV, Praha, 1922; Pocatky slovanského osídlení na Podkarpatské Rusi, «Národopisny Vestnik Československy», XXIV, Praha, 1931.

⁵⁴) См Chaloupecky Václav, Dvě studie k dějinám Podkarpatská Sbornik Fil Fak. Univ. Komen., Bratislava, III, С 30, 1925

⁵⁵) См Gabriel Frantisek. Z minulosti mesta Uzhorodu «Podkarpatské Hlasy», № 136—139, Uzhorod, 1932; Господарське положення Подкарпатської Русі на початку XVIII столетя, «Подкарпатська Русь», XI, 1933; Матеріали к історії крепостничества на Подкарпатській Русі, «Народный сборник Сабова», Ужгород, 1934; Poddanské poméry na uzhorodském panství ke konci XVII století, Науков збірн «Просвета», Ужгород, 1933—1934.

основанные на использовании архивных материалов, раскрывают особенности хозяйственной структуры Ужгородской казенной домини, формы и методы феодальной эксплуатации крестьян.

Ко второй группе исследований относились статьи К. Кадлеца⁵⁶⁾, Я. Семерада⁵⁷⁾ и других авторов, извращавших историю Закарпатья. Они стремились прежде всего обосновать «права» чешской буржуазии на захват Закарпатья, затушевать огромное влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения пролетариата и крестьянства в Чехии, Венгрии, Словакии и Закарпатье и ослабить стремление закарпатских украинцев к воссоединению с Советской Украиной. С этой целью они, вопреки общеизвестным фактам, свидетельствующим о том, что Закарпатская Украина была насильственно включена в состав Чехословацкой буржуазной республики по требованию империалистов США, Англии и Франции, распространяли лживые утверждения о «добровольном» присоединении Закарпатья к Чехословакии. Один из чешских буржуазных авторов проф. В. Дворский в статье «Подкарпатская Русь как область»⁵⁸⁾ отрицал принадлежность закарпатских украинцев к украинскому народу и пытался доказать, что тесные связи Закарпатья со Словакией, существовавшие на протяжении веков, создали необходимые предпосылки для включения Закарпатья в состав буржуазной Чехословакии. Другой чехословацкий автор Ян Семерад, фальсифицируя историческую правду, утверждал, что «Карпатская Русь была присоединена к нашей республике по воле русских и во имя блага русских жителей...»⁵⁹⁾.

Предшествующая история Закарпатья изображалась чехословацкими авторами как история народа, не знавшего деления на общественные классы и классовых противоречий, как народа, не обладавшего способностью преодолеть застывшие средневековые формы хозяйства и общественных отношений. К. Кадлец писал: «Не обладая стремлением к городскому образу жизни, русские не создали городов, и деревня стала для них обычной формой поселения, не имели они также и дворянства. И этим социальным характером была пред-

⁵⁶⁾ См. К. Кадлец, Подкарпатская Русь до переворота с точки зрения национальной и вероисповедной, «Восемь лекций о Подкарпатской Руси», Прага, 1925, стр. 31—33.

⁵⁷⁾ См. Ян Семерад, Национальные отношения и языковый спор в Подкарпатской Руси, «Восемь лекций о Подкарпатской Руси», стр. 38—44.

⁵⁸⁾ См. В. Дворский, Подкарпатская Русь как область, «Восемь лекций о Подкарпатской Руси», стр. 5—11.

⁵⁹⁾ См. указ соч. Ян Семерад, стр. 38.

решена собственно и вся их историческая судьба... и ныне русский — либо мелкий земледелец, либо пастух»⁶⁰).

В исследованиях чехословацких буржуазных авторов период господства венгерских помещиков и капиталистов в Закарпатье характеризовался как период тяжелого экономического, политического, национального и духовного угнетения народных масс, что полностью согласуется с исторической правдой. Однако период господства чехословацкой буржуазии в Закарпатье изображался ими как этап экономического и политического «возрождения», национального и культурного прогресса Подкарпатской Руси, развивавшейся, мол, в условиях «демократических свобод». Эту лживую идею с особым рвением распространял К. Таньчак в своей брошюре «Между Венгрией, Польшей и Чехословакией»⁶¹). Закарпатские украинцы в Чехословакии, заявлял К. Таньчак, «имеют все условия для обеспечения своих интересов и развития национальных сил, так как имеют право на краевую автономию, культурное, хозяйственное и политическое самоуправление...»⁶²).

На деле же рабочие и крестьяне Закарпатье в условиях буржуазной Чехословакии подвергались утонченной капиталистической эксплуатации, страдали от безработицы, налогового гнета и дороговизны; революционные выступления рабочих и крестьян под руководством Коммунистической партии Чехословакии жестоко подавлялись вооруженной силой. Лицемерно провозглашенная Сен-Жерменским мирным договором и чехословацкой конституцией «краевая автономия» Закарпатской Украины, осуществлена не была, так как даже в ограниченной автономии Закарпатье чехословацкая буржуазия видела угрозу своему господству. Не случайно один из восхвалителей «демократической» политики правительства Масарика-Бенеша, Антонин Гайн, мотивировал «несвоевременность» предоставления автономии Закарпатской Украине тем, что население ее является «недостаточно сплоченным», в результате чего «бразды правления» в «автономной Подкарпатской Руси» могли взять в свои руки коммунисты⁶³).

На протяжении 20—30-х годов в Закарпатье было опубликовано большое количество монографий и статей ужгородского униатского каноника Василия Гаджеги, посвященных истории церкви и национально-религиозному и культурному дви-

⁶⁰) См указ соч К Кадлец, Подкарпатская Русь до переворота, стр. 31—32

⁶¹) См К Таньчак, Між Малярщиною, Польщею й Чехословакиною, Ужгород, 1936

⁶²) Там же, стр 58

⁶³) См. «Восемь лекций о Подкарпатской Руси», стр 108.

женику⁶¹⁾. В. Гаджега, как писала местная печать, являлся «наиболее старательным собирателем исторического материала греко-католической церкви и нашего народа вообще. И здесь всегда придерживался объективности и правды»⁶⁵⁾. На самом же деле «объективность» и «правда» в писаниях этого представителя верхушки униатской церкви существовали только в воображении его почитателей. Один из панегиристов В. Гаджеги, И. Панькевич, определяя идейно-политическую направленность его исторических исследований, писал: В. Гаджега исходил из положения, что «церковная и национальная жизнь на Подкарпатской Руси так тесно связаны друг с другом, что при недостаточно интенсивной политической жизни они составляли содержание истории и бытия» закарпатских украинцев⁶⁶⁾.

Тенденциозность и извращение истории закарпато-украинского народа определяла существо всех «трудов» В. Гаджеги, лейтмотивом которых являлось: 1) оправдание введения церковной унии и подчинения закарпатской церкви Ватикану, открывших собой якобы «эру духовного подъема» в Закарпатье; 2) отождествление «церковной и национальной жизни» с историей народа и игнорирование социально-экономических проблем; 3) проповедь религиозно-христианского мировоззрения и мракобесия, которые должны были поддерживать среди трудящихся послушность властям и не допустить распространения среди рабочих и крестьян прогрессивных, научных, социалистических идей*.

Опубликованные в этот же период многочисленные статьи и очерки по истории Закарпатья униатского священника Ирины Кондратовича (Контратовича)⁶⁷⁾ — известного мадьяро-на и ревностного проповедника «святостефанской идеи» — имели чисто служебное назначение — утвердить безраздель-

⁶¹⁾ См. Василий Гаджега «Додатки к історії русинів і руських церковей» в жупах Марамарошской, Ужанской, Угочской, Земплинской, опубликованные в «Науков збірн. т-ва «Просвіта» в Ужгороді» на протяжении 1922—1937 годов, Перва проба історії греко-католическое мукачевское епархіе, Навк збірн т-ва «Просвіта», III, 1924 год, Історія катедральное капитулы греко-кат епархіе мукачевское, «Подкарпатска Русь», IV, Ужгород, 1927, Папска булла о переложеню оседка греко-кат, мукачевское епархіе з Мукачева до Ужгороду. Наук. збірн т-ва «Просвіта», річ XI, 1935

⁶⁵⁾ «Науков збірник т-ва «Просвіта», річ XIII—XIV, 1938, стр. 8.

⁶⁶⁾ См. І. Панькевич, Др. Василь Гаджега і перші початки організації наукового руху на Підкарпатській Русі, Наук. збірн т-ва «Просвіта», річ. XIII—XIV, 1938, стр. 10

⁶⁷⁾ См. И. М. Контратович. Очерки из истории Мукачевской епархии, Ужгород, 1931, Культура угро-русинов и униатска церковь, «Нова неделя», Унгвар, 1939 год; Історія Подкарпатское Руси, Ужгород, 1930; Як поставил жебраками виденьський цисарський двор предков наших угорских русинов?, «Русский земледельческий календарь» на 1923 год, Ужгород, 1922, стр. 55—68

ное господство униатской церкви и религиозной идеологии в умах верующих и примирить трудящихся Закарпатья с режимом чужеземного социального и национального угнетения, который выдавался не только за «богоданную», но и «пекущуюся о благе народа» власть.

Он оправдывал систему национального угнетения и политику мадьяризации закарпатских украинцев господствующими классами Венгрии, ссылаясь на то, что ассимиляция русинов якобы способствовала их культурному развитию. В «Истории Подкарпатской Руси» И. Кондратовича, не имеющей никакого научного значения, эти антинародные идеи сочетались с сетованиями на «убогство» и отсталость русинов, являющихся якобы результатом их «лености» и засилья евреев—ростовщиков и корчмарей. Вместе с тем он всячески восхвалял «эгановскую акцию» как выражение «отеческой заботы» правящих кругов Венгрии о «бедствующих верховинах»⁶⁸). И. Кондратович преднамеренно замалчивал подлинные причины разорения и пауперизации масс закарпатского крестьянства, обходил вопросы социальных отношений и классовых противоречий, пытаясь представить историю закарпатских украинцев как историю народа, общественная жизнь которого не выходила за рамки интересов, не связанных с церковно-религиозными вопросами⁶⁹).

Большое место в историографии Закарпатья занимают исследования А. Л. Петрова, посвященные преимущественно древнему периоду истории Закарпатья, церковно-религиозным вопросам и церковной палеографии. На протяжении 40 лет, с 90-х годов XIX столетия до 30-х годов XX столетия, им были опубликованы десятки статей, сборников документов и трудов монографического характера⁷⁰), большая часть которых вошла в сборники «Материалы для истории Угорской (Закарпатской) Руси», изданной в 8 томах в России и Чехословакии на протяжении 1905—1923 годов.

Буржуазные авторы, чрезвычайно преувеличивавшие значение исторических исследований А. Петрова, называли его

⁶⁸) Буржуазные авторы-мадьяроны превозносили заслуги И. Кондратовича как «выдающегося» историка, а его «Историю Подкарпатской Руси» выдавали за «объективное» и «научное» исследование (см. «Великий сельско-господарский календарь Подкарпатского общества наук», Унгар. 1943, стр. 54).

⁶⁹) С таких же позиций освещали историю закарпатских украинцев и буржуазные авторы — Шкирпай, Невшкая и др.

⁷⁰) Наиболее важными трудами А. Петрова являются «Старопечатные церковные книги в Мукачево и Унгаре» (1891 год), «Памятники угорской письменности» (1893 год), «Старая вера» и «Уния в XVII—XVIII в.в.» (1908 год); «Памятники церковно-религиозной жизни угорусов XVI—XVII веков» (1914 год); «Древнейшая на Карпатской Руси шолтыская грамота 1329 года» (1929 год), «Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391—1498 гг.» (1930 год).

«патриархом современной карпаторусской науки» и даже... «Нестором карпаторусской историографии...»⁷¹⁾. По своим идейно-политическим взглядам А. Петров принадлежал к числу историков-славистов школы В. И. Ламанского. Консервативно-монархическое мировоззрение А. Петрова определило собой как методологические принципы исследования, так и трактовку им исторических событий. Признавая духовное начало главным двигателем общественного развития, а православную религию, верховным носителем которой являлась правящая династия в России, — основой духовного бытия русского народа (к которому он относил и закарпатских русинов), А. Петров освещал главным образом вопросы истории церкви и религиозных движений, почти совершенно не затрагивая проблемы общественно-экономического развития и классовой борьбы. При всем этом, некоторые его статьи, содержащие ценный архивно-документальный материал, и особенно его палеографические исследования утерянных памятников закарпатской письменности, могут быть использованы в научных целях при строго критическом подходе к ним.

**
*

В первые десятилетия XX века в условиях роста и усиления украинской национальной буржуазии и обострения классовых и национальных противоречий в Закарпатье получают распространение антинародные идеи украинского буржуазного национализма и реакционные концепции «исторической школы» М. Грушевского, дополняемые и развиваемые квази-учеными из лагеря украинской националистической контрреволюционной эмиграции. Эти дипломированные прислужники империализма, нашедшие пристанище в Берлине, Вене, Виннипеге, Праге, Будапеште, Ужгороде, на средства своих иностранных покровителей и хозяев создали ряд лженаучных организаций и учреждений, которые фабриковали и издавали массовыми тиражами свою «историческую продукцию»⁷²⁾. В течение многих лет через печать и радио, учебники и молитвенники, через детскую националистическую организацию «Гайдамак» и юношеское объединение «Пласт», через монашеский орден василиан и общество «Просвіта» украинские буржуазно-националистические фальсификаторы истории распространяли антинародные концепции.

⁷¹⁾ См журнал «Живая мысль», № 1, Прага, 1932 год, стр. 3 и № 2—3, 1933 год, стр. 5.

⁷²⁾ Исторические фальсификаты украинских буржуазных националистов выходили в изданиях «Вільного українського університету» в Праге, ужгородской «Просвіти», в изданиях украинско-немецких националистических организаций «Воля», «Нова Україна», «Пробоем» и т. п.

Все писания украинских буржуазных националистов преследовали прежде всего цель вбить клин между украинским и русским народами, противопоставить эти братские народы друг другу и распространить предательскую идею о полной противоположности и даже «враждебности» украинского и русского народов. Этому были подчинены все «исследования» украинских буржуазно-националистических авторов как в области философии, истории, политической экономии, этнографии, антропологии, так и в области истории культуры, права, языка и литературы.

Главной темой философических упражнений эпигонов Грушевского являлась проблема «национального мировоззрения» украинского народа. Развивая положения, выдвинутые Н. Костомаровым, В. Б. Антоновичем, М. Грушевским в этой области, а также используя выводы немецкой реакционно-идеалистической философии, они пытались сконструировать и обосновать «национальную украинскую философию», глубоко враждебную украинскому народу, приняв за образец «труд» Пауля Менцера «Немецкая философия как проявление немецкой души», изданный в Берлине после прихода к власти Гитлера. По этому фашистскому эталону и была сконструирована «украинская национальная философия», выражающая якобы «философское мышление» и «своеобразие национальной души» украинского народа. Украинцы, — заявляли наймиты чужеземных империалистов мирчуки, феденки, чижевские, окопавшиеся в «Вольном украинском университете» в Праге⁷³), — в противовес русским, в своей духовной жизни «придерживаются западной ориентации», взглядов Канта, Фихте, Гегеля и Ницше.

Закарпатские эпигоны «школы» Грушевского, приняв за основу эти философические бредни украинского националистического эмигрантского отребья, начали разрабатывать принципы своей «самостийной закарпатской философии», от которой отдает затхлым духом фидеизма и невежества. «Стремление к богу», «глубокая религиозность» и «непротивление злу» объявлялись врожденными свойствами характера закарпатских русинов. «Научное» доказательство экзистенции бога — «компас всех явлений», определение природы как «образа божия» и «зеркала божьей мысли», «божественное провидение» как фактор, определяющий исторические судьбы народов — вот главные откровения этих новоявленных изобретателей «закарпатской народной философии». Они утверждали, что «подкарпатская философия» выросла на

⁷³) См. І Мірчук, Світогляд українського народу; П Феденко, Вплив історії на український народний характер «Науковий збірник Вільного українського університету в Празі», т. 3, 1942

почве окцидентальной, т. е. западной философии, как прямое, без постороннего влияния, ее проявление, и носила на себе особые признаки, которые якобы характеризуют «подкарпатское племя». Главным из этих «племенных» признаков закарпатских украинцев они объявляли мистицизм⁷⁴).

С какой целью эпигоны Грушевского в Закарпатье — эти прислужники реакции и мракобесия — изобрели «самостийную подкарпатскую философскую школу» с ее окцидентальными корнями? Она нужна им была для того, чтобы, во-первых, протащить под видом «философского исследования» антинародную идейку, смысл которой сводился к следующему: по своему «национальному духу» закарпатские русины ничего общего с восточным русским миром не имеют, а целиком «принадлежат к Западной Европе»; и, во-вторых, приклеив ярлык «народной философии» к своим измышлениям, утвердить религиозное мировоззрение и божественное начало как главный двигатель истории с тем, чтобы затемнить сознание трудящихся и ослабить классовую революционную борьбу трудящихся за свое социальное освобождение.

Украинские буржуазные националисты выдвигали лживый тезис, гласивший, что в «украинской душе» якобы еще со времен матриархата были заложены основы того мирозерцания, которое, мол, нашло свое выражение в «индивидуализме украинского типа». Они противопоставляли «украинский индивидуализм» «русскому духу коллективизма» и стремились доказать, что будто бы украинские крестьяне являются приверженцами «частной собственности как основы западной культуры» и поэтому «невосприимчивы» к идеям социализма. Идею коллективизма они объявляли поэтому «противоестественной» и «чуждой духу русина».

Рассматривая украинца с точки зрения его «психической структуры», Мирчук, вслед за буржуазным философом начала XIX столетия Юркевичем, открывшим «философию сердца», утверждал, что в «украинской душе» преобладает эмоциональный элемент над рациональным, «безволие» и склонность поддаваться «движениям переменчивых чувств»... Эту смесь цинизма и чудовищной клеветы на украинский народ, выдаваемую за «научные основы украинского характера», могли выдумать только лютые враги украинского народа, только люди, потерявшие всякую связь с миром здравого рассудка. Вся история украинского народа, мужество в борь-

⁷⁴) См Ф Потушняк, Короткий нарис философіе Подкарпатя, «Литературна неделя», Унгвар, 1943, Философіе языка, «Нечітня», № 12-13, Унгвар, 1941, О свободе воли, «Русское слово», № 97-98, Унгвар, 1941, Индивидуум и коллектив, «Русское слово», № 102, 1941, А Волошин, Логика, Ужгород, 1935, Е. Бокошай, Християнско-католицька етика Ужгород, 1938.

бе за свободу и независимость, его героизм в созидательном труде в эпоху социализма опровергают до конца эти злобные измышления империалистических наймитов.

Ополчаясь против исторического материализма, дающего твердый фундамент научного познания истории общества, украинские буржуазные националисты Закарпатья оперировали давно опровергнутыми наукой доводами, основанными на пережевывании различного рода идеалистических теорий, заимствованных из арсенала западноевропейской реакционной философии. Причем надо отметить общность методологических и идейно-политических установок как представителей украинского, так и русского буржуазного национализма в Закарпатье, выступавших после прихода Гитлера к власти с открытой проповедью национал-социалистской, фашистской идеологии.

Развернутое обоснование идеалистического взгляда на историческое развитие было дано в брошюре В. С. Вилинского «Корни единства русской культуры», изданной в Ужгороде в 1928 году. Вилинский вынужден был признать большое значение влияния материалистического мировоззрения как на естествознание, так и на философию истории. Однако он, извращая сущность диалектического материализма, лживо приписывал ему «уподобление сложных явлений общественной жизни простейшим биологическим процессам», а монизм исторического материализма трактовал как выражение «догматизма» и «схоластики». Обобщая высказывания представителей таких реакционных религиозных и философских течений, как неокатолицизм, неокантианство, философская «школа» Brentano, и русских буржуазных авторов — врагов марксизма, стоявших на реакционных позициях (Струве, Бердяев, Новгородцев, Лосский и др.), Вилинский приходил к заключению, что «общий нравственный облик современной культуры, выражающийся в сознании национального «Я», является главным фактором, определяющим как направление деятельности отдельных личностей, так и пути жизни народов»⁷⁵). Не случайно это произведение Вилинского, представлявшее собой перепев псевдонаучных теорий, пришлось по вкусу заправилам «Общества им. А. Духновича», отметившим его первой премией.

Другой фашиствующий «философ», главарь так называемой «Русской национально-автономной партии» в Закарпатье С. Фенцик, привлекал для «опровержения» материализма данные естественных наук. Он писал: «Усовершенствованные аппараты открыли познанию человека мир бесконечно вели-

⁷⁵) В. С. Вилинский, Корни единства русской культуры, Ужгород, 1928, стр. 4

кого и бесконечно малого, практически невесомого, находящегося на грани материи и духа. Граница между материей и духом начала сглаживаться. Колебания космического эфира, невесомые атомы, ультра- и инфраспектральные лучи скорее укладываются в рамки духовности, нежели материальности»⁷⁶). Здесь, как видно, С. Фенцик пытался возродить давно опровергнутое В. И. Лениным антинаучное положение, выдвинутое философами-идеалистами, об «исчезновении материи». Переноса идеалистические трактовки с мира природы на общественные явления, этот «ниспровергатель» материализма повторял избитые доводы о примате духа над материей: «Главное, бессмертное начало — дух, материя — только оболочка... Все эпохи в жизни человечества, все его исторические дела и порывы имеют в своем основании идею»⁷⁷). Выступления закарпатских прислужников реакции и мракобесия против исторического материализма раскрывали только их идейное ничтожество и показывали их обреченность.

**
*

Шла ли речь о ранней истории восточных славян, о Киевской Руси, об освободительной борьбе украинского народа в XVII веке или о развитии капитализма на Украине, о революционно-демократическом движении и победе Великой Октябрьской социалистической революции, или, наконец, об украинской литературе и культуре — всюду жалкие последователи Грушевского стремились исказить историческую правду, «опровергнуть» закономерности общественно-экономического и политического развития, выдвигая антинаучные идеалистические «теории», представлявшие собой смесь самых реакционных идей, националистических и расовых бредней, грубых передежек и подтасовок фактов*.

Наймиты германского фашизма с профессорскими званиями В. Щербаковский, Р. Лашенко, Н. Андрусак и др. путем пролонгации и модернизации исторического процесса пытались разорвать единый и неразрывный этногенетический процесс русско-славянского народа. Они, грубо нарушая историчность событий, относили зарождение украинского народа к периоду разложения общинно-родового строя. Так, антов они называли украинским племенем, «украинскими славянами», язык антов — «украинским языком»⁷⁸). «Несомнен-

⁷⁶) «Календарь «РНАП» на 1938 год, Ужгород, 1937, стр. 92.

⁷⁷) Там же, стр. 94.

⁷⁸) См Р. Лашенко, Лекції по історії українського права, стр. 45; «Географія України», Прага, 1940, стр. 5; указ. соч. В. Пачовський, стр. 12, «Територія України, Прага, 1944, стр. 4—6, В. Щербаківський, Формация української нації, Прага, 1941, стр. 8—16, указ. соч. І. Жак, стр. 3—6

но, писал Андрусяк, что название анты древние писатели применяли к украинскому племени». Ему вторил Щербаковский: «Очевидно под антами надо понимать украинские земледельческие племена». Говоря о языке антов, этот квазиученый заявлял: «Если анты жили между Днестром и Доном и говорили на языке славян, то это показывает, что в VI—VII веках на Украине этот славянский язык уже тогда должен быть одновременно и украинским языком». Что же касается братских великорусского и белорусского народов, то украинские националистические фальсификаторы не только отодвигали их на задворки истории, но и относили их к отличной от украинцев этнической общности, к различным расовым типам*.

Для обоснования этого лживого тезиса они изобрели антинаучную теорию «трех ступеней славянизации», в соответствии с которой украинцы, балканские славяне, чехи, словаки, поляки издревле были объединены между собой «присутствием переднеазиатской или динарской расы». Это показывает, заявлял Щербаковский, что из праславян вышли только украинцы, южные и западные славяне. Непосредственный переход праславян в эти народы и составляет собой пресловутую «первую ступень славянизации». Вторая ступень — это образование белорусского народа, который произошел якобы не от праславян, а образовался под влиянием украинских и польских племен из племени дреговичей. Третья ступень — это славянизация «финно-уральской Московщины»⁷⁹⁾.

Так украинские буржуазно-националистические фальсификаторы истории пытались разорвать единство происхождения трех братских народов — великорусского, украинского и белорусского, вопреки данным подлинной науки, которая неопровержимо доказала, что славянские племена образовались в результате многовекового и сложного процесса скрещивания различных праславянских племен и других этнических групп и что эти племена были общими предками славян, разделившихся в результате определенных исторических условий на три ветви. Наукой доказано, что в тот древний период истории, когда сложилась восточно-славянская ветвь, су-

⁷⁹⁾ В Закарпатье как украинские буржуазные националисты, так и «русские националисты» распространяли антинародную теорию о «двух русских народах» («Russen» и «Ruthenen»), ссылаясь на псевдонаучные доводы немецких, польских и французских квазиученых (см. И. О. Паниас, К вопросу о русском национальном имени, Ужгород, 1931. А. Тагпowska, Ks. W. Kalinka, Kraków, 1887, Paul de Saint-Vincent, La poesie oukrainienne, «Revue Contemporaine», № 210, Paris, 1860). Закарпатских русинов они причисляли к «рутенам», т. е. к этнической группе, не имеющей ничего общего с русскими. Фашистский наймит А. Волошиничинично заявлял, что якобы тысячелетняя история отделила «малорусов» от великороссов и никому не удастся их соединить (см. его «Две политичне розмовы», Ужгород, 1923, стр. 26).

ществовал единый древнерусский народ, единая древнерусская земля, единая культура. Идея общности этих древнерусских земель ярко выражена в известных древних летописях и в «Слове о полку Игореве».

Вслед за Грушевским его последователи в Закарпатье повторяли на все лады антинаучный тезис: «Киевская Русь—украинское государство*. Название «Русь», заявляли они, было этнографическим названием «собственно украинского народа»; «Олег вещей расширил украинское государство вплоть до Каспийского моря»; «Украине принадлежали тогда огромные пространства, почти что вся Восточная Европа»; «Наш украинский князь Владимир принес на Русь-Украину христианство...⁸⁰⁾», этими и подобными откровениями были заполнены многочисленные «исследования» буржуазных националистов. Наукой доказано, что Киевская Русь не могла быть «украинским государством», что она являлась колыбелью государственности и культуры трех братских народов—русского, украинского и белорусского, которые стали складываться в самостоятельные народы только в XIV—XV веках**.

Стремясь опорочить извечно жившую и живущую в массах украинского народа идею братства с русским народом, Грушевский и его последователи особенно рьяно старались извратить важнейшее историческое событие в жизни украинского народа, определившее его дальнейшую судьбу — воссоединение Украины с Россией. Эпигоны Грушевского в Закарпатье пытались негодными средствами доказать, что борьба трудящихся Украины в XVII столетии носила чисто национальный характер. Они утверждали, что воссоединение Украины с Россией было «неестественным», так как, мол, «украинская нация слишком срослась с западноевропейской культурой». «Переяславский договор, писали они, являлся таким же случайным союзом, направленным против Польши, какими были и все предшествовавшие союзы с Крымом и Турцией⁸¹⁾... В борьбе с Польшей, заключали эти фальсификаторы истории, московский царь занял место султана и только...⁸²⁾».

⁸⁰⁾ См. указ соч В Пачовський, стр. 5, І жак, стр. 15—18, Р Лашенко, стр. 39, «Географія України», Прага, 1940, стр. 5; «Територія України», Прага, 1944, стр. 10.

⁸¹⁾ Д. Донцов не только стремился извратить значение воссоединения Украины с Россией, но и представить Турецкую империю «защитницей» свободы и независимости Украины. Он писал, «Османская держава играла в украинской истории огромную роль. Как протектор явился полумесяц на Украине в XVII веке и как защитник свободлюбивых стремлений ее народа» (см. указ. соч. Д. Донцов, стр. 22).

⁸²⁾ См. указ соч І жак, стр. 22, Н Григоріів, стр. 107, В Липинський, Україна на переломі, 1920, стр. 29—30; Р. Лашенко, Переяславський договір 1654 р між Україною і царем московським, Ювілейний збірник в честь проф С Дністрянського, Прага, 1923.

Общеизвестно, что освободительная война 1648—1654 годов на Украине была прежде всего войной социальной, крестьянской против феодального гнета. Выдающийся государственный деятель Украины Богдан Хмельницкий*, проводя политику подавления крупной украинской феодальной знати, ориентировавшейся на шляхетскую Польшу, возглавил борьбу народных масс за уничтожение гнета польских феодалов и обеспечил, благодаря освободительной войне, объединение украинского народа со своими братьями — русским и белорусским народами в едином государстве. Воссоединение Украины с Россией имело огромное историческое, прогрессивное значение. Этот союз не только спас трудящихся Украины от чужеземного порабощения и физического уничтожения. В ходе длительной совместной борьбы трудящихся России и Украины против царизма и помещичье-капиталистического строя закалялся их революционный союз. Под руководством ленинской партии рабочий класс и крестьянская беднота многонациональной России совершили Октябрьскую революцию, свергли власть капиталистов и помещиков, навсегда уничтожив в нашей стране социальное и национальное угнетение. Победа Великой Октябрьской социалистической революции обеспечила украинским трудящимся свободное развитие в условиях социалистического строя в семье братских народов Советского Союза**.

**
*

Украинские буржуазные националисты в Закарпатье широко распространяли лживую теорию о «безбуржуазности» и «бесклассовости» исторического процесса на Украине и, в частности, в Закарпатье, о «едином демократическом потоке» исторического и культурного развития украинской нации. Для обоснования этого тезиса они изобрели собственную «теорию» «социальной нивелировки», в соответствии с которой колониальное положение Закарпатья якобы исключало всякую возможность существования закарпатоукраинских помещиков и образование национальной буржуазии.

Они вбивали в сознание трудящихся масс мысль о том, что их эксплуатируют только «чужие» помещики, капиталисты, торговцы и ростовщики, что закарпатоукраинский народ — это единое целое, «народ-батрак», который не знает классовых различий, так как его составляют только два сословия — «хлопы и попы». Поэтому, заключали эти последователи Грушевского, ни о каких классовых противоречиях и классовой борьбе в закарпатоукраинском обществе не может быть и речи. Эта «теория» понадобилась закарпатским украинским националистам для того, чтобы идейно разоружить трудя-

щихся, затушевать классовые антагонизмы и затормозить развитие классовой борьбы в Закарпатье, утвердив таким образом господство «своей» буржуазии над массами рабочих и крестьян.

Идея «бесклассовости» и «безбуржуазности» закарпато-украинского общества наиболее ярко была выражена в программе «УНО» («Украинское национальное объединение»), являвшимся политическим центром украинско-немецких националистов в Закарпатье. Программа «УНО», которая должна была лечь в основу «государственной и национальной жизни» волошинской «Карпатской Украины», представляла собой помесь гитлеровской расовой теории и идеи фашистского «корпоративного государства», перелицованных на желто-блукитный лад, — с антинародными установками «школы» Грушевского.

Опираясь на эту «идейно-теоретическую» базу, дополненную «модерными» измышлениями «теоретиков» из лагеря украинской контрреволюционной эмиграции, вроде М. Шаповала, В. Дорошенка⁸³) и др., — закарпатские украинские буржуазные националисты — Волошин, Ревай, Бирчак, братья Брацайки, Долинай, Клемпуш, Росоха и др. наймиты Гитлера определили основы социально-политического строя «Самостийной Карпатской Украины».

«У нас, заявляли волошинцы, не будет взаимно враждующих классов рабочих и капиталистов», а будет существовать «единый украинский фронт труда...». В украинской нации, говорилось далее в программе «УНО», «все будут рабочими, одни за плугом, другие за станком, третьи в лаборатории, четвертые над книгой...» Поэтому, мол, украинское общество не будет знать классов, а члены его будут делиться лишь по категории обязанностей, «которые на них возложит нация». В частности, класс капиталистов-предпринимателей программы называла невинным термином — «организаторы продукции»..

Так, антинаучная теория «бесклассовости» и «безбуржуазности» украинской нации была использована гитлеровскими наймитами для обоснования предательских планов превращения Закарпатья в украинско-немецкое фашистское государство, в центр «самостийной и соборной Украины»*.

⁸³) М. Шаповал в своем насквозь лживом, контрреволюционном пасквиле «Велика революція і українська визвольна програма» (Прага, 1928 год) утверждал, что якобы социальная структура Украины свидетельствовала об отсутствии украинских помещиков и национальной буржуазии, а В. Дорошенко, вопреки фактам, доказывал, что, «кроме простого люда и духовенства, среди украинцев почти не было других сословий» (см. В. Дорошенко, Иван Франко, Львів, 1926, стр. 4) Такие же взгляды проповедовал и М. Антонович (см. М. Антонович, Історія України, т. IV, Прага, 1942, стр. 46).

Вся история Закарпатской Украины, заполненная борьбой трудящихся против чужеземных и «своих» эксплуататоров, сложившаяся исторически социальная структура закарпатского общества опрокидывают измышления украинских буржуазных националистов о «бесклассовости» и «безбуржуазности» исторического процесса в Закарпатье*.

Марксизм-ленинизм учит, что национальный вопрос является частью общих проблем, стоящих перед трудящимися в их борьбе за свое социальное и национальное освобождение, что национальный вопрос подчинен главному—задачам классовой борьбы. Пытаясь «опровергнуть» это научное положение марксизма-ленинизма, украинские буржуазно-националистические авторы не только затушевывали или вовсе отрицали классовые противоречия и классовую борьбу в украинском обществе, но и преднамеренно выдвигали на первый план национальный вопрос как самодовлеющий, а национальное движение как главную силу общественного развития украинского народа, как единый, цельный процесс, в котором не было места классовым антагонизмам.

В эпоху империализма, особенно после прихода к власти Гитлера, когда классовые противоречия в капиталистическом мире обострились до предела, в «трудах» украинских националистов Закарпаття, как и в писаниях прислужников буржуазии других политических направлений, пропаганда реакционной идеи подчинения социальных задач национальным приняла особенно широкие размеры. В программе «УНО» выдвигалось требование «слить социальный и национальный вопросы в единую химическую формулу» и «подчинить классовые интересы государственным идеалам». «Идея нации, — говорилось в программе «РНАП» («Русской национально-автономной партии»), — категорически отвергает борьбу классов... Только гармония взаимоотношений между частями (между общественными классами. — *И. К.*) создает здоровое и крепкое целое». Задача «РНАП», заявляли фашистские прислужники, заключается в том, чтобы «помочь карпаторусскому народу осознать себя единым и цельным народом» В таком же духе трактовали проблему соотношения «класса и нации» и «теоретики» украинской контрреволюционной эмиграции⁸¹⁾

Цель всех этих измышлений ясна, она была направлена к подавлению классового самосознания трудящихся, к созданию «гармонического национального общества», в котором

⁸¹⁾ См указ. соч. М. Антоновича, С. Рудницкого, С. Гофнца и В. Сокирки, В. Старосольський, Теорія нації, Відень, 1923; В. Гуревич, Сучасна наука народознавства і теорія національності, «Народознавство», т I—III, Прага, 1931, стр. 123—135; «Календарь «РНАП» на 1938 год», Ужгород, 1937, стр. 88—90.

рабочие и крестьяне были бы безраздельно подчинены господству эксплуататорских классов.

Некоторые украинские буржуазно-националистические авторы, как В. Пачовский и О. Мицюк, пытались создать труды обобщающего характера по истории Закарпатья. Первому из них принадлежит «История Подкарпатской Руси»⁸⁵⁾ — компилятивный и поверхностный очерк истории Закарпатья с древнейших времен и до XVI столетия, представляющий собой популяризацию антинаучных идей «школы» Грушевского. Его книга заполнена примитивными описаниями деятельности королей, князей, епископов, которым отводилась решающая роль в историческом развитии; народные массы были исключены из исторического процесса. «История Подкарпатской Руси» В. Пачовского стоит ниже всякой критики.

Двухтомное исследование профессора О. Мицюка «Очерки социально-экономической истории Подкарпатской Руси»⁸⁶⁾, являлось единственной попыткой украинского буржуазно-националистического автора дать связное изложение социально-экономических отношений в Закарпатье в эпоху феодализма. О. Мицюк, используя значительный статистический и документальный материал, рассматривает многие вопросы, характеризующие состояние помещичьего хозяйства, основанного на крепостном труде, формы крестьянских повинностей, развитие торгово-рыночных отношений, зарождение и развитие мануфактуры и т. д. с антинаучных, мелкобуржуазных, эсэровских позиций.

В своих «Очерках социально-экономической истории Подкарпатской Руси», как и в других сочинениях и статьях⁸⁷⁾ О. Мицюк пытался противопоставить учению марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях, марксистской аграрной теории, учению о классовой борьбе как движущей силе истории, всемирно-исторической роли рабочего класса и пролетарской революции — псевдонаучные, мелкобуржуазно-идеалистические концепции общественно-экономического развития.

В противовес монизму исторического материализма он проповедовал «дуализм» как определяющий момент социально-экономического процесса⁸⁸⁾ и, положив в основу своей

⁸⁵⁾ См. В. Пачовський, *История Подкарпатской Руси*, ч. I, Ужгород, 1921.

⁸⁶⁾ См. О. Мицюк, *Нариси з соціально-господарської історії Подкарпатської Русі*, т. I, Ужгород, 1936; т. II, Прага, 1938.

⁸⁷⁾ См. О. Мицюк, *Аграрна політика (1800—1825)*, т. I, Прага, 1926; *З еміграції угро-русинів перед світовою війною*, *Наук збірн «Просвіта», річн. XIII—XIV*, Ужгород, 1938; *Герой чужої історії, «Календар «Земля і воля» на 1936 рік*, Ужгород, 1935.

⁸⁸⁾ См. указ. соч. О. Мицюк, *Аграрна політика*, стр. 1.

«аграрной теории» кантианский «идеал» о «верховой ценности и равноценности», отстаивал эсэровский тезис «трудового землевладения»⁸⁹⁾.

Характеризуя социально-экономические отношения в эпоху феодализма, О. Мицюк идеализировал законодательство Марии Терезии и Иосифа II, рассматривая его как стремление государственной власти, стоящей якобы над классами, «защитить крестьян» от произвола помещиков, преуменьшая степень феодальной эксплуатации крестьян и принижая роль крестьянских движений в расшатывании крепостнической системы. В частности, он грубо извращал движение «опришков»⁹⁰⁾ и историю антигабсбургской освободительной войны венгерского народа 1703—1711 годов под руководством Ф. Ракоци, в которой, наряду с венгерскими крестьянами, активное участие принимали и массы крепостных русинов и словаков. Для русинов и словаков, — писал О. Мицюк, — политические, национальные и социальные цели Ф. Ракоци были не только чуждыми, но и враждебными их интересам⁹¹⁾.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости О. Мицюк рассматривал как результат действия стихийных законов социально-экономического развития, игнорируя роль антифеодального движения крестьянства. Он противопоставлял как «непримиримые противоречия» интересы рабочего класса и крестьянства, отрицал марксистское положение о концентрации сельскохозяйственного производства в эпоху капитализма и проповедовал антинаучную теорию «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства.

**

Годы немецко-мадьярской фашистской оккупации Закарпатья (1938—1944) отмечены распространением самых реакционных «исторических исследований» и «теорий», заимствованных из идейного арсенала национал-социализма. Особую активность в насаждении фашистской идеологии проявляла оголтелая банда хортиевско-гитлеровских чернорубашечников «РНАП», возглавляемых предателем С. Фенциком.

Прежде всего они ополчались против материалистического понимания истории, стремясь идеологически разоружить рабочий класс, лишить его революционной исторической перспективы. С этой целью они пропагандировали безудержный

⁸⁹⁾ Там же, стр. 7.

⁹⁰⁾ Крестьянское антифеодальное движение «опришков» в XVII—XVIII веках О. Мицюк рассматривал как выступления «разбойников», подразделяя их на две группы: «обычных» и «социальных» разбойников, и отрицал прогрессивную роль борьбы крестьянства против крепостного строя.

⁹¹⁾ См указ соч О. Мицюк, Герой чужої історії, стр. 124

субъективизм и волюнтаризм, или принижали субъективный момент, выдвигая на первый план «объективные», вне нашей планеты находящиеся силы, которые якобы определяют поступки людей на земле. В обоих случаях эти фашистские «критики» марксизма отрицали материалистическое понимание истории, в основе которой лежит соединение объективных закономерностей общественного развития с сознательной деятельностью народных масс, общественных классов, партий, т. е. субъективных факторов.

Помимо жалких попыток противопоставить реакционно-идеалистические учения историческому материализму, помимо проповеди расизма* и принципов «корпоративного» фашистского государства, «философы» и «историки» из «РНАПа» протаскивали под видом «новейших данных науки» старые волюнтаристские выдумки, религиозные «откровения» и «модерные социально-космогонические» теории. Они отрицали роль народных масс как решающей силы исторического развития и извращали понятие о роли личности в истории, проповедуя фашистский культ «сильной личности». Перепевая субъективно-идеалистические взгляды Августина Блаженного, Шопенгауэра, Ницше, Гартмана, Канта, Юма, они утверждали, что только «люди духа и воли» творят историю, и, «умирая — остаются бессмертными». «Сильные личности, человеческая воля — вот рычаг, способный поднять мир. Идея — вот точка опоры»⁹²), — заявляли вслед за своими фашистскими идейными наставниками закарпатские наймиты Гитлера**.

Венгерские и закарпатские буржуазные и профашистские авторы этого периода К. Нодь, Т. Бачинский, Г. Дараш, А. Бонкало и др.⁹³) самым бессовестным образом подтасовывали и извращали исторические факты с тем, чтобы доказать «историческое право» венгерских господствующих классов на захват закарпатских земель и оправдать их угнетательскую политику по отношению к трудящимся Закарпатье в прошлом.

Они лживо утверждали, попирая историческую достоверность, что якобы Закарпатье не является исконной славянской землей и что закарпатские украинцы как «пришельцы» заселили эту территорию только начиная с XIII столетия. Утверждение некоторых «романтиков» о том, что Закарпатье при князе Владимире входило в состав Киевской Руси, «не соответствует действительности» — голословно заявлял Г. Да-

⁹²) См. «Календарь «РНАП» на 1938 год», Ужгород, 1937, стр. 94

⁹³) См. Nagy Károly, A magyar nemzet története, Bdp., 1937; Darás Gábor, A rutén kérdés tegnap és ma, Bdp., 1938; Vacsinszky T. A Kárpátaljai múltja, Ungvár, 1943. Orosz — ruszin kapcsolatok a XIX. század közepén, Ungvár, 1942; А Бонкало, Руський літературний язык, журнал «Зоря», № 1—2, Унгвар, 1941 год

раш. Больше того, глашатаи «венгерской государственной идеи» отрицали всякую общность закарпатских украинцев с украинским и русским народами, подчеркивая, что в составе венгерского государства «угроруссы», благодаря принятию церковной унии, настолько срослись с западной цивилизацией и мадьярской культурой, что утратили свои национальные особенности и превратились в «мадьяр греко-католического обряда».

Эти авторы оправдывали колонизаторскую политику господствующих классов Венгрии в Закарпатье, отрицали насильственную ассимиляцию и национальное угнетение русинов, заявляя, что если и имели место факты притеснения немадьярских народов, то в этом повинны только угнетатели — Габсбурги, а не правящие круги Венгрии, которые, мол, всегда проявляли «толерантность» по отношению к национальной культуре, языку и религии «рутенгов».

Выдавая «верховинскую акцию» за мероприятие, единственной целью которого якобы являлась «бескорыстная забота» о «материальном и духовном возрождении рутенгов», и чрезвычайно преувеличивая ее последствия, — эти авторы — мадьяроны клеветнически приписывали разоренным помещичье-капиталистической эксплуатацией и обреченным на хронический голод массам закарпатского крестьянства «иждивенческую психологию»⁹¹). Фашиствующий пасквильянт Т. Бачинский в своей статье «Русско-руси́нские связи в середине XIX столетия»⁹²) обычно обвинял русинов в «ленности» и цинично заявлял, что им «просить милостыню было легче, чем работать»...

Эти глашатаи «сентиштванского единства» стремились поднять на щит ренегатов-мадьяронов типа Ядора Стрипского за создание «рутенского литературного языка», очищенного от «чуждых российских элементов», и вместе с тем принизить значение русской культуры и ее влияния на развитие литературы и национального самосознания закарпатских украинцев. «Наши русины, — писал А. Бонкало, — жили в Мадьярщине и не имели ни политических, ни культурных отношений с великороссами или украинцами», а язык «рутенгов» за последние 200 лет совершенно «отхилился» от языка украинского и русского народов. А. Бонкало ратовал за создание своего

⁹¹) В таком же духе освещали политику венгерского правительства и авторы истории химических заводов «Бантлин» (см. A Bántlini félévegyőgyárak r. t. Perteésény. , 50 éves története 1893—1943, Bdp, 1943), пытаясь доказать, что правящие круги Венгрии «содействовали» экономическому развитию Закарпатья, а австро-венгерский и иностранный капитал сыграл якобы большую прогрессивную роль в промышленном развитии и использовании естественных богатств Закарпатья.

⁹²) См. указ соч. T. Vacsinszky, стр. 73

«рутенского языка» и за возвращение к «русской» литературе XVI—XVII веков, «котру тогдашне попы развивали...»⁹⁶).

Все эти глубоко враждебные закарпатоукраинскому народу проповеди нужны были прислужникам фашизма для обоснования предательского вывода о том, что якобы среди народных масс Закарпатья не существовало стремления «отторгнуться от своей святостефанской отчизны» и воссоединиться с УССР. Жизнь, объективный ход истории, как известно, до конца опровергли измышления этих фашиствующих фальсификаторов истории.

Анализ произведений и взглядов буржуазных авторов на историю общества дает основание утверждать, что закарпатская историография носила ярко выраженный клерикально-идеалистический характер, восприняв от буржуазной, в частности венгерской, историографии наиболее реакционные ее положения и концепции. «Вся история общества — непрерывное доказательство бытия бога», — вот один из главных тезисов закарпатской буржуазной историографии. Это означало по существу отрицание истории как науки и выражало стремление оправдать существующий строй чужеземного угнетения и эксплуатации трудящихся.

Закарпатские буржуазные историки, подменяя научный анализ поверхностным подходом к историческим фактам, явлениям и событиям, отвергали закономерности общественного развития, проповедуя фатализм, скептицизм и волюнтаризм, отрицали классовую основу социальных процессов и решающую роль народных масс в истории. Субъективизм в оценке исторических явлений, фальсификация фактов, стремление обойтись без обобщений, пролонгация и модернизация исторических событий и явлений, попытки подменить науку религией — характерные черты буржуазной историографии Закарпатья. В. И. Ленин по поводу отрицания буржуазными историками и социологами закономерностей исторического развития и подмены ими анализа и обобщений исторических фактов простым описанием их, говорил, что подобного рода «науке» свойственны «отчаяние в возможности научно разбить настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес — деревьями...»⁹⁷).

Главная служебная цель буржуазной закарпатской историографии заключалась в том, чтобы оторвать закарпатских русинов от украинского и русского народов, противопоставить их друг другу, убить идею воссоединения закарпатских украинцев со всем украинским и русским народами и обресть за-

⁹⁶) См. журнал «Зоря», № 1 2, Унгвар, 1941, стр. 66-70

⁹⁷) В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 179

карпатских трудящихся на вечное порабощение и эксплуатацию чужеземными захватчиками.

В Закарпатье, вследствие указанных нами причин, не сложилось даже буржуазно-либеральное направление в историографии, не говоря уже о прогрессивно-демократическом направлении. Ни один из закарпатских авторов не признавал решающего значения способа производства в историческом развитии, ни один из них не определял народ как решающую силу исторического процесса. Прогрессивных исторических традиций в этих условиях буржуазная историография Закарпатья, монопольное положение в которой занимали реакционные служители униатской церкви, создать не могла. Господство чужеземных захватчиков и религиозной идеологии в Закарпатье сыграло глубоко реакционную, тормозящую роль в развитии научных знаний, способствуя распространению буржуазно-идеалистических, метафизических концепций, рассматривавших исторические события в политическом аспекте, определяемом интересами господствующих классов Австро-Венгрии.

Буржуазные и буржуазно-националистические историки Закарпатья превратили свои «исследования» в средство самых грубых извращений истории, что находилось в прямой связи с общими принципами буржуазной исторической науки, о которой Ф. Энгельс писал: «Буржуазия все превращает в товар, а следовательно, также и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»⁹⁸).

2. МАРКСИСТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ЗАКАРПАТЬЯ

Только после воссоединения Закарпатской Украины с СССР началась всесторонняя научная разработка истории Закарпатья советской исторической наукой, возникшей и успешно развивающейся на теоретической и методологической базе марксизма-ленинизма. К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что история общества не случайное и хаотическое нагромождение событий, не результат произвольных действий отдельных выдающихся личностей — государственных деятелей, королей и полководцев, а естественно-исторический процесс, обусловленный рядом объективных закономерностей. «Домарксовская «социология» и историография,— указывал В. И. Ленин, — в лучшем случае давала накопление сырых фак-

⁹⁸) Архив К Маркса и Ф Энгельса, т. X, М, 1948, стр 104.

тов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»⁹⁹⁾.

Опираясь на знание закономерностей общественного развития, объективных законов экономического развития и политической борьбы, марксистская историография дает глубоко научное объяснение исторических событий, исходя из того, что главной силой в условиях материальной жизни общества является способ производства материальных благ, определяющий в конечном счете характер общественно-политического строя, развитие общества от одной ступени к другой. Особо важное значение для развития исторической науки имеет марксистско-ленинское учение о базисе и надстройке. Марксизм дал научную основу для правильного решения вопроса о роли народных масс в истории, доказав, что действительными творцами истории, ее решающей движущей силой являются народные массы, производители материальных благ, они заняли поэтому центральное место в марксистско-ленинской историографии. В противоположность буржуазной историографии, затушевывающей роль классовой борьбы в поступательном развитии общества, марксистско-ленинская историческая наука рассматривает борьбу классов как главную движущую силу истории в классовом обществе. «Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе»¹⁰⁰⁾.

Ведущая роль в изучении истории Закарпатья на основе марксистско-ленинской методологии принадлежит коллективу историков Ужгородского университета, которые проводят в этом направлении большую и плодотворную работу. Их исследования опровергают до конца, разоблачают фальсификаторские измышления, которые культивировались на протяжении многих лет буржуазной историографией. Многие важные исторические явления, события и процессы в истории Закарпатья освещены по-новому светом марксистско-ленинской

⁹⁹⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 40.

¹⁰⁰⁾ Там же, стр. 193—194.

теории. Наши знания о прошлом Закарпатья, об основных этапах истории закарпатских украинцев, базирующиеся на марксистско-ленинском учении об обществе, стали глубже, разностороннее и многообразнее.

Истории феодально-крепостного периода посвящены оригинальные исследования И. Г. Шульги, Н. М. Лелекача, В. М. Мельника и др. В статье Н. М. Лелекача «Процесс закрепощения закарпатского крестьянства в XIV—XV столетиях»¹⁰¹⁾, на основе привлечения новых документальных материалов, исследован вопрос о формировании класса феодалов и росте феодального землевладения. Автор раскрывает особенности социально-экономических отношений в XIV—XV веках и показывает пути закрепощения крестьян в Закарпатье.

В работе В. М. Мельника «Усиление классовой борьбы в Закарпатье во второй половине XVII и в начале XVIII ст.»¹⁰²⁾ приводятся очень интересные новые архивные данные о формах борьбы крестьянства против феодального гнета. Автор подчеркивает влияние освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов на развитие антифеодального движения в Закарпатье, исследует движение «опришков», восстание крестьян в селе Капушанах Ужгородской жупы (1657 год), крестьянское движение 1672—1676 годов и события, связанные с освободительной войной в Венгрии 1703—1711 годов.

Исследование В. М. Мельника опровергает утверждения буржуазно-националистических авторов о «бесклассовости» закарпатского общества и убедительно доказывает, что не национальная, а классовая борьба лежала в основе исторического развития Закарпатья в крепостническую эпоху, что, наконец, крестьянские антифеодальные восстания сыграли большую прогрессивную роль, подрывая основы феодально-крепостного строя.

Истории совместной борьбы венгерского и украинского крестьянства в период освободительной войны 1703—1711 годов против Габсбургов посвящена работа Я. И. Штернберга¹⁰³⁾, представляющая собой глубокое научное исследование, основанное на анализе документальных и литературных источников.

¹⁰¹⁾ См. М. М. Лелекач, Процесс закріпачення закарпатського селянства в XIV—XV ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 29, Ужгород, 1957, стр. 3—38.

¹⁰²⁾ См. В. М. Мельник, Посилення класової боротьби на Закарпатті в другій половині XVII і на початку XVIII ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 29, Ужгород, 1957, стр. 39—61.

¹⁰³⁾ См. Я. І. Штернберг, З історії спільної боротьби угорських і українських селян під час визвольної війни 1703—1711 рр., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 38, Ужгород, 1959.

Основанные на архивных данных исследования И. Г. Шульги «Вовлечение феодальных хозяйств Закарпатья в товарно-денежные отношения во второй половине XVIII столетия» и «Положение крестьян Закарпатской Украины в 70—80-х годах XVIII ст.»¹⁰⁴⁾ раскрывают процесс разложения феодально-крепостного хозяйства и особенности социально-экономического развития Закарпатья в конце XVIII столетия. Вопреки утверждениям буржуазных авторов, идеализировавших законодательство Марии Терезии, И. Г. Шульга доказывает, что после «урбариального урегулирования» Марии Терезии 1767 года положение закарпатских крестьян по существу несколько не улучшилось. В условиях развития товарно-денежных отношений и приспособления феодальных хозяйств к условиям рынка эксплуатация крестьян еще более усилилась. Землевладельцы Закарпатья расширяют аллодиальные владения за счет захвата крестьянских наделов и разработки неосвоенных земель, увеличивают тяжесть барщины и других натуральных повинностей. Борьба крестьянства Венгрии, в том числе и Закарпатья, развернувшаяся в конце XVIII столетия, расшатывала основы феодально-крепостной системы и расчищала путь для развития новых, капиталистических отношений.

В статьях И. Н. Мельниковой исчерпывающе освещены вопросы, характеризующие революционные события 1848—1849 годов в Закарпатье, национально-освободительную борьбу закарпатских украинцев в этот период и влияние буржуазных революций в Австрии и Венгрии на дальнейшее экономическое, социально-политическое и культурное развитие Закарпатья¹⁰⁵⁾.

Истории аграрных отношений во второй половине XIX столетия посвящены ценные исследования научного работника Ужгородского университета В. И. Илько¹⁰⁶⁾. В статье об обез-

¹⁰⁴⁾ См. И. Г. Шульга, Втянення феодальних господарств Закарпаття в товарно грошові відносини в другій половині XVIII ст. (по архівах Мукачево Чинадівської латифундії Шенборна), Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 30, Ужгород, 1957; Становище селян Закарпатської України в 70—80-х рр. XVIII ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 36, Ужгород, 1958, стр. 3—18.

¹⁰⁵⁾ См. И. Н. Мельникова, Закарпатская Украина в революции 1848 года, «Вопросы истории», № 8, 1948 год, Национально-освободительная борьба украинцев в Закарпатской Руси в 1848 году, «Революции 1848—1849 гг.», т. I, М., 1952.

¹⁰⁶⁾ См. В. И. Илько, З історії обезземелення селян Закарпаття в другій половині XIX ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 29, Ужгород, 1957, До питання розшарування селянства на Закарпатті в другій половині XIX ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 30, Ужгород, 1957, З історії селянських рухів на Закарпатті в другій половині XIX ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 36, Ужгород, 1958.

земелении и разложении крестьянства Закарпатья автор, на основе анализа архивных и статистических материалов, исследует положение различных категорий зависимого крестьянства (урбаріальніе крестьяне, арендаторы, майоратные батраки), процесс обезземеления их помещиками путем отнятия надельной земли, пастбищ и «копаниц» и посредством проведения сегрегации, комасации и реманенции. Большое место В. И. Илько уделяет анализу последствий осуществления так называемого «урбаріального патента» от 2 марта 1853 года, имущественному и социальному расслоению в деревне. В краткой статье В. И. Илько, посвященной крестьянскому движению в Закарпатье во второй половине XIX столетия, приводятся некоторые данные, характеризующие отдельные выступления крестьян против гнета помещиков. В частности, автор показывает выступления крестьян против комасации, проводимой в интересах помещиков, и развитие «аграрно-социалистического» движения, развернувшегося в 90-х годах в Венгрии под влиянием революционной борьбы рабочего класса.

В статьях В. И. Неточаева «Колониальная политика венгерского буржуазного правительства в Закарпатье в конце XIX и в начале XX ст.» и «Закарпатье накануне первой мировой войны»¹⁰⁷⁾ убедительно показано, что Закарпатская Украина являлась внутренней колонией помещичье-буржуазной Венгрии. Колониальная политика правящих классов Венгрии в Закарпатье находила свое выражение как в экономических мероприятиях венгерского правительства («верховинская акция»), в задержке развития важнейших отраслей промышленности, в превышении налоговых поборов над вложением капитала, так и в политическом и национальном угнетении закарпатоукраинских трудящихся.

Отдельные факты, характеризующие состояние промышленности и положение рабочего класса, сельского хозяйства и аграрного пролетариата, борьбу рабочих и крестьян против гнета капиталистов и помещиков, заокеанскую эмиграцию закарпатских украинцев во второй половине XIX столетия, приводятся и в трудах других авторов, посвященных более позднему периоду¹⁰⁸⁾.

¹⁰⁷⁾ См В І Неточаєв, Колоніальна політика угорського буржуазного уряду на Закарпатті в середині XIX ст. і на початку XX ст. Наукові записки Ужгородського державного університету, т 36, Ужгород, 1958, стр. 30—54, Закарпаття напередодні першої світової війни (1908—1914), Наукові записки Ужгородського державного університету, т 29, Ужгород, 1957, стр. 91—136.

¹⁰⁸⁾ См Ф Шевченко, Боротьба за Радянську владу на Закарпатті, Київ, 1950, М Клим потюк, Підступи американських імперіалістів на Закарпатті, Ужгород, 1952, В В Усенко, Вплив Великої Жовтневої соціалістичної революції на розвиток революційного руху в

Ряд статей советских авторов освещает историю национально-культурного, литературного движения и народного образования¹⁰⁹) в Закарпатье во второй половине XIX столетия. Исследования советских ученых в этой области показывают, что идея воссоединения закарпатских украинцев со всем украинским и русским народами являлась той животворной силой, которая на протяжении веков жила в сердцах трудящихся Закарпатской Украины и воодушевляла их на борьбу за свое социальное и национальное освобождение. В статьях, посвященных писателям-«будителям», опровергаются традиционно-буржуазные взгляды на сущность их творчества и деятельности и, в соответствии с марксистско-ленинскими принципами историзма в подходе к общественным деятелям, определяется роль и место «будителей» в национально-культурном движении в Закарпатье.

В целом же период XIX столетия в нашей литературе исследован недостаточно; изучение этой эпохи носит фрагментарный характер. Обобщающего труда по истории XIX столетия еще не создано.

Некоторые статьи, особенно по истории народного образования, написанные на основе опубликованных материалов, в которых авторы пытаются охватить длительный период в развитии школы, страдают схематизмом и поверхностностью изложения.

В отдельных исследованиях, вследствие некритического подхода к трудам и выводам буржуазных авторов, допускались серьезные ошибки. Мы имеем в виду в частности книгу В. А. Анучина и А. И. Спиридонова «Закарпатская область», изданную в 1947 году.

Во второй главе книги, характеризуя развитие феодальных отношений, авторы неоднократно подчеркивают, что феодализм в Закарпатье принял своеобразную «иноземную»

Закарпатті в 1917—1919 рр., Київ, 1955; І І Компанієць, Становище і боротьба трудящих мас Галичини, Буковини та Закарпаття на початку ХХ ст., Київ, 1960; А. М. Шлепаков, Українська трудова еміграція в США і Канаді (кінець ХІХ — початок ХХ ст.), Київ, 1960

¹⁰⁹ См Н. В. Водовозов, Карпатская литература на русском языке, Научные записки Московского городского педагогического института им. Потемкина, т. 20, вып. 1, 1952; Закарпатская литература в борьбе за воссоединение Закарпатья с Россией, Научные записки Московского городского педагогического института им. Потемкина, т. XI, вып. 5, 1955; М. М. Лелекач, Культурні зв'язки Закарпаття з Україною і Росією в ХVІІ—ХVІІІ ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 9, Ужгород, 1954, И. К. Борисов, А. В. Духнович, Альманах «Дукля», № 1, Пряшів, 1955, П. В. Линтур, Идея братского единства украинского и русского народов в творчестве писателей Закарпатья, Сборник «В сім'ї єдиній», Ужгород, 1954, Влияние русской литературы на творчество закарпатских писателей XIX в., Наукові записки

форму. «Мадьяры и немцы, писали они, представляли господствующие слои феодального общества, украинцы составляли остальной эксплуатируемый народ». Это утверждение, неправильное по существу, затушевывает классовое расслоение среди закарпатских украинцев в феодальную эпоху; оно сродни тезису — «народ-батрак».

Нельзя согласиться также с оценкой, которую давали авторы этой книги роли Федора Кориятовича в Закарпатье. «Заслуги» Кориятовича — русско-литовского князя, вассала венгерского короля — ими явно преувеличивались, приукрашивались, а правление Кориятовича изображалось как какой-то благодатный период в истории закарпатоукраинских трудящихся. Авторы расценивают получение Кориятовичем во владение Мукачевской домини как «историческое событие», имевшее будто бы большое значение для Закарпатья, а его деятельность представляют как прогрессивную.

«Феодальная эксплуатация при нем, — указывали авторы, также была, по-видимому, значительно менее тяжелой, чем при мадьярских и немецких магнатах». Развивая эту мысль, они продолжали утверждать, что «Правление Федора Кориятовича, несомненно, было одной из светлых страниц в феодальной истории Закарпатья. Короткое время здесь существовало национальное феодальное княжество, хотя и формально зависимое от венгерского короля»¹¹⁰).

Утверждения авторов книги о «прогрессивной» роли Кориятовича, смягчении при нем феодальной эксплуатации и существовании «национального» княжества совершенно не мотивированы и не находят подтверждения во всех известных до сих пор исторических материалах об этом князе. Хотя владения Кориятовича и были значительными, но они не охватывали всех закарпатских земель, поэтому вряд ли можно говорить о существовании здесь «национального» княжества. Ядром владений Кориятовича являлась только Мукачевская латифундия, а остальные закарпатские земли принадлежали немецким, венгерским, итальянским, сербским и русско-сла-

Ужгородського державного університету. Ужгород, 1956. Незданний дневник А. Митрака. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 33, Ужгород, 1958; Т. М. Чумак, Соціальні мотиви в творчестві А. Павловича, Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 33, Ужгород, 1958; А. Д. Бондарь, Из истории школы в Закарпатской Украине до воссоединения ее с Советской Украиной, «Советская педагогика», № 3, 1954 год, М. П'явко, А. Гончаренко, Український педагог Олександр Духнович, Альманах «Дукля», № 1, Пряшів, 1957 рік, О. Ф. Хичай, З історії шкільництва на Закарпатті з XVIII ст. до возз'єднання його з Радянською Україною, Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 29, Ужгород, 1957.

¹¹⁰) Указ соч. В. А. Ануцич, А. П. Спиридонов, стр. 70

вянским феодальным магнатам Цудра, Другетт, Драга, Гут-Пазмань, Палочи, Зобуслав, Перени, Довгаи и др.

Как эксплуататор зависимого крестьянства Закарпатья Кориятович ничем не отличался от феодалов других национальностей Проф. А. Петров, основываясь на изучении грамот и других документов этой эпохи, указывал, что Кориятович как феодал «является в грамотах таким же, как и остальные магнаты Угрии. Он и его люди нападают и грабят соседей, те платят им тем же, отсюда возникают судебные процессы. Понятно, что при условиях тогдашнего времени, он ничего не сделал и не мог ничего сделать для широких народных масс. О нем в народе не могло остаться каких-либо воспоминаний».

Некритическое отношение В. Анучина и А. Спиридонова к буржуазной литературе привело к неправильной оценке роли униатской церкви в Закарпатье. Они писали, что православная церковь Закарпатья, «попав в зависимость от римского папы, стала служить интересам сохранения и укрепления мадьярского господства... стала способствовать постепенному уничтожению в населении сознания их единства с остальным украинским народом». Но на следующей же странице, в противовес сказанному, авторы писали: «...наряду с этим в униатской церкви появились и другие стороны, направленные против мадьярских хозяев. В некоторых отношениях она стала на место старой православной церкви, сохраняя славянскую культуру и особенно славянский язык. Народ далеко не совсем был не прав, называя ее «русской» или «руськой»¹¹¹⁾.

Не приходится доказывать, что роль униатской церкви подана авторами в кривом зеркале и охарактеризована неправильно. Греко-католическая церковь в Закарпатье как религиозно-духовная организация на всем протяжении своего существования являлась орудием в руках римской курии и господствующих классов Венгрии для социального, национального и духовного порабощения трудящихся Закарпатья. Никогда униатская церковь не была «хранительницей» славянской культуры и языка, никогда верующие не называли ее «русской» церковью. На всех этапах своей истории униатская церковь выступала проводником дикого мракобесия и мадьяризации русинов, душителем «русскости» и проповедником разрыва братских связей закарпатских украинцев с русским народом.

После всего сказанного заключительная часть раздела этой книги об униии¹¹²⁾ ничего, кроме недоумения, у читателя

¹¹¹⁾ Там же, стр. 73.

¹¹²⁾ Там же, стр. 74.

вызвать не может. Авторы книги писали: «...Среди крестьянства униатская греко-католическая церковь до самого последнего времени сохранила некоторый «ореол» и пользовалась значительным влиянием как «своя» «народная религия («русская вера»), могущая, если не защитить, то утешить, помочь перенести тяготы, накладываемые иностранными помещиками» (!?). Наконец, заявление авторов о том, что в течение нескольких столетий религиозный вопрос в Закарпатье был «основным вопросом политической борьбы», не выдерживает никакой критики.

Авторы книги неправильно освещали также и вопросы, характеризующие борьбу закарпатоукраинских трудящихся за воссоединение со всем украинским и русским народами. Они писали: «В горных районах был создан так называемый Гуцульский Совет с центром в Ясине. Это первый прообраз Советской власти (подчеркнуто нами. — И. К.) в Закарпатье... Гуцульский Совет в Ясине два раза высказывался за присоединение Закарпатья к Советской Украине»¹¹³).

На самом же деле «Гуцульская Рада» являлась не «первым прообразом Советской власти», а контрреволюционной организацией украинских буржуазных националистов и никогда за воссоединение Закарпатья с Советской Украиной не высказывалась. Она выступала под лозунгом «самостийной» и «соборной» Украины и опиралась на военную поддержку «українських січевих стрільців» — этих ландскнехтов австро-германского империализма, формирования которых были созданы в Галиции. «Гуцульской Радой» руководили такие предатели закарпатоукраинского народа, как Степан Клочуряк, братья Клемпуши, Дмитрий Немчук и братья Брашайки. Все они входили в состав украинско-немецкого «национального» правительства «независимой Карпато-Украины», возглавляемой агентом Гитлера—Августиним Волошиным.

В. Анучин и А. Спиридонов обошли такие важные вопросы, как влияние венгерской пролетарской революции на Закарпатье, революционная, антифашистская борьба трудящихся Закарпатья под руководством коммунистической партии против немецко-венгерских оккупантов, всенародное движение за воссоединение Закарпатской Украины с СССР, закрепленное такими историческими актами, как «Манифест съезда Народных комитетов Закарпатской Украины» и Договор, заключенный между правительствами СССР и Чехословакии о Закарпатской Украине.

Весь раздел книги «Современное население области» написан в слащаво-идиллическом, объективистском плане, в

¹¹³) Там же, стр. 32

духе этнографических описаний дореволюционной школы, сдобренных закарпатской «экзотикой». «Как только «полоница» покрывается травой, писали о прошлом гуцулов авторы книги. «верховинцы» вместе со своими стадами переселяются в горы, где и остаются до осени... На «полонинах» они заняты уходом за скотом, приготовлением сыра и заготовкой сена... Осенью они спускаются в свои деревни, продают часть скота и молочные продукты, покупают кукурузную муку»... и приступают «к свадьбам и всяческим празднествам...» За этой патриархальной идиллией авторы не разглядели тех страшных бедствий, которые на протяжении веков терпело население верховины, невероятной отсталости, темноты, хронического голода и вымирания гуцулов под властью чужеземных работодателей.

«Почти полное отсутствие земледелия, писали авторы книги на 96 странице, наложило свой отпечаток на пищу гуцулов. Вместо хлеба они употребляют «кулеша», то есть обваренную в кипятке кукурузную муку с солью и жиром»... а «в дни материального благополучия гуцулы едят много мяса, особенно баранины и свинины, в большом ходу украинский борщ и вареные овощи...» На самом же деле не отсутствие земледелия, а весь социально-политический строй угнетения и эксплуатации обусловил собой нищенское существование гуцулов и, в частности, замену хлеба «тенгеричей». Многие верховинцы за всю свою жизнь в прошлом не узнали вкуса пшеничного хлеба, а о днях «материального благополучия» целые поколения гуцулов могли только мечтать.

Утверждение авторов книги о том, что верховинцы «редко спускаются с своих гор в долины для того, чтобы батрачить на помещичьих и кулацких землях»¹¹⁴⁾ является неправильным. Стоит только изучить состав безработных, обездоленных людей, блуждавших в поисках заработка не только по долинам округам Закарпатья, но и по Венгерской равнине и Трансильвании, чтобы убедиться в том, что это были, прежде всего, верховинские гуцулы.

Такую же путаницу допускают авторы, излагая и историю Ужгорода. Они без всяких оснований превращают его в центр «вассального славянского феодального княжества», существовавшего якобы до конца XVII столетия. Причем во главе этого «славянского княжества» авторы ставят таких же «славянских» князей по фамилии «Другечи», которые будто бы «установили в своем владении довольно передовое для тех времен социальное законодательство»¹¹⁵⁾. Для подтверждения существовавшего «довольно передового социального за-

¹¹⁴⁾ Там же, стр. 97.

¹¹⁵⁾ Там же, стр. 164

конодательства» авторы ссылаются на организованные в тот период ремесленные цехи. В действительности же никакого «славянского княжества» под властью венгерских королей не существовало. Другетты, а не «Другечи» являлись итальянскими графами и крупнейшими феодалами Закарпатья — угнетателями и эксплуататорами крестьянства. Возникновение же средневековых ремесленных цехов в Закарпатье было связано не с «передовым социальным законодательством» Другеттов, а являлось результатом закономерного развития средневековой экономики и городов.

**
*

Изучением проблем истории Закарпатья занимаются также историки Венгрии и Чехословакии. В 1957 году в издании Венгерской академии наук вышла в свет книга профессора Будапештского университета Й. Перени «Из истории закарпатских украинцев (1849—1914)», посвященная истории Закарпатья второй половины XIX—начала XX столетия¹¹⁶⁾ и представляющая собой серьезное монографическое исследование, основанное в значительной мере на анализе новых исторических источников венгерских архивов.

После краткого введения, в котором дается характеристика основных этапов истории Закарпатья до 1849 года, Й. Перени в первой главе своего труда подробно останавливается на крестьянском движении после отмены крепостного права и тех изменениях, которые произошли в экономической и социальной структуре Закарпатья на протяжении 1849—1867 годов и определили собой развитие капитализма в сельском хозяйстве Закарпатья по «прусскому» пути (сохранение крупного помещичьего землевладения, обезземеление крестьян в результате проведения комасации и обременение крестьян выкупными платежами и налогами).

Вторую главу своей монографии Й. Перени посвящает выяснению особенностей национального движения в Закарпатье в период от революции 1848 года и до установления австро-венгерского дуализма, подчеркивая ограниченность выдвигаемых закарпатской клерикально-буржуазной интеллигенцией национальных требований, что находилось в прямой связи с отсталостью и неразвитостью общественно-экономических отношений.

В третьей главе своего труда автор делает попытки раскрыть некоторые особенности капиталистического развития

¹¹⁶⁾ См. Й. Перени, Из истории закарпатских украинцев (1849—1914), *Studia Historica Academiae scientiarum Hungaricae*, 14, Bdp, 1957.

Закарпатья на протяжении 1867—1900 годов, показывая за- силье крупного землевладения в сельском хозяйстве, углуб- ление процесса разорения масс крестьянства и его социально- го расслоения. Этот период перехода капитализма в Венгрии в империалистическую стадию был отмечен также усилением национального угнетения закарпатских украинцев.

Последняя глава монографии Й. Перени характеризует положение Закарпатья в начале XX века. Автор акцентирует внимание на таких наиболее важных экономических и общест- венно-политических процессах, как изменение социальной структуры населения (рост пролетарских хозяйств, «вымыва- ние» среднего крестьянства и усиление кулачества), особен- ности землевладения и землепользования, причины экономи- ческой отсталости Закарпатья, распространение ростовщиче- ского капитала и массовая заокеанская эмиграция закарпат- ских украинцев. Большое место Й. Перени отводит характе- ристике так называемой «верховинской акции» и правильно оценивает ее сущность и значение и, наконец, показывает, как осуществлялась господствующими классами Венгрии полити- ка национального угнетения трудящихся Закарпатья и свое- образие форм протеста народных масс против ассимилятор- ских планов венгерской реакции.

Некоторые положения, выдвинутые Й. Перени, являются не только спорными, но, с нашей точки зрения, неправиль- ными. Он ошибочно отрицает колониальное положение Закар- патья в составе Австро-Венгрии, ссылаясь на то, что понятие «колония» в ее, так сказать, классической, африканской фор- ме, к Закарпатской Украине не применимо. Необоснованной, на наш взгляд, является и попытка Й. Перени установить пе- риодизацию развития капитализма в Закарпатье¹¹⁷). Речь идет не только о том, что он отрывает Закарпатье от соответ- ствующих процессов, характеризующих развитие капитализ- ма в Венгрии в целом, но и о том, что выделение особого эта- па (по мнению Й. Перени, «второго» этапа) в развитии капи- тализма в Закарпатье с 1867 года по 1897 год (с момента установления австро-венгерского дуализма и до начала «вер- ховинской акции») искусственно и не соответствует объектив- ному содержанию экономической и общественно-политической эволюции Закарпатья.

Такие очень важные социально-экономические явления эпохи капитализма в истории Закарпатья, как рост торговых отраслей сельского хозяйства, концентрация сельскохозяйст- венного производства, развитие арендных отношений и внут- реннего рынка, усиление разорения и пауперизации крестьянства, капиталистической эксплуатации и обнищания рабо-

¹¹⁷) Там же, стр. 77.

чего класса, обострение классовых противоречий и подъем рабочего движения, — не только не нашли должного освещения в работе И. Перени, но даже не были им поставлены. Кроме того, по нашему мнению, И. Перени несколько недооценивает развитие национальной украинской буржуазии.

Эти пробелы во многом объясняются ограниченностью исторических источников и недостаточной разработкой истории Закарпатья в целом. Несмотря на отмеченные недостатки, монография И. Перени является первым и пока единственным исследованием в венгерской литературе, в котором с марксистских позиций освещаются основные этапы истории Закарпатья второй половины XIX—начала XX столетий. Монография И. Перени раскрывает полную научную несостоятельность и разоблачает фальсификаторскую сущность венгерской буржуазно-националистической историографии в трактовке истории Закарпатья — в этом ее большая заслуга.

В течение последних лет в Словакии было опубликовано несколько работ, посвященных как социально-экономической истории Закарпатья, так и особенно национально-политическому и культурному движению, связанному с деятельностью закарпатских «будителей». В 1957 году в прешовском литературно-художественном и общественно-политическом альманахе «Дукля» была помещена статья научного работника Института истории Словацкой академии наук Павла Гапака «Очерки истории украинцев в Венгрии»¹¹⁸), в которой кратко освещается ряд коренных вопросов социально-экономических, политических и национальных отношений в Закарпатье.

Автор, прежде всего, характеризует тяжелое положение массы крестьян после освобождения их от крепостной зависимости, антикрестьянскую направленность «урбарияльного урегулирования», показывает причины сохранения сильных пережитков средневековых отношений в деревне, оказывавших тормозящее влияние на развитие капитализма в сельском хозяйстве. Основываясь на данных венгерской статистики, автор анализирует социальную структуру закарпатской деревни, систему землевладения и землепользования, подчеркивая неимоверные лишения, на которые были обречены массы трудящегося крестьянства, подвергавшиеся тяжелой полуфеодальной эксплуатации.

П. Гапак правильно оценивает последствия пресловутой «верховинской акции», разоблачая колонизаторскую политику венгерского правительства в Закарпатье. Переход к империализму, как указывал автор, был ознаменован обострени-

¹¹⁸) См. Павло Гапак, Внески до історії українців в Угрщині у другій половині XIX і початком XX століть, Альманах «Дукля», № 2—3, Пряшів, 1957 рік.

ем всех противоречий капитализма, усилением разорения и пауперизации закарпатского крестьянства, тяжести налогов и ростовщического гнета. П. Гапак приводит также ряд данных, раскрывающих глубоко реакционную сущность национальной политики правящих кругов Венгрии в Закарпатье. Наконец, автор характеризует чрезвычайно низкий уровень промышленного развития Закарпатья как колониальной области, бедственное положение рабочих и нарастание революционного рабочего и крестьянского движения в Закарпатье под влиянием первой русской революции.

В статье П. Гапака правильно поставлены и разрешены основные проблемы истории Закарпатья этого периода. Однако автор, использовавший очень небольшой круг литературы (главным образом рукопись указанной выше монографии Й. Перени) и статистических источников, не имел возможности в небольшой журнальной статье глубоко раскрыть своеобразие и сущность сложных процессов социально-экономического и национально-политического развития Закарпатья, которые намечены им только в общих чертах.

Среди трудов, посвященных национально-политическому и культурному движению в Закарпатье второй половины XIX столетия, выделяется большое монографическое исследование М. Ричалки «А. В. Духнович педагог и деятель просвещения», изданное в 1959 году¹¹⁹).

Труд М. Ричалки отличается прежде всего постановкой большого круга проблем, охватывающих все стороны педагогической и просветительной деятельности А. В. Духновича. Автор начинает свое исследование с характеристики общественно-экономической, политической и культурной обстановки, в условиях которой подвизался Духнович. Далее излагаются общественно-политические воззрения Духновича, его взгляды на педагогику, дидактику, правила и методы обучения, моральное воспитание и сущность просвещения в широком смысле этого слова.

Оценка исследования М. Ричалки о Духновиче как педагоге — дело специалистов. Поэтому мы ограничимся только замечаниями по существу постановки автором некоторых вопросов исторического характера, которые, на наш взгляд, не всегда мотивированы и расходятся с действительностью.

Характеристика общественно-экономической, политической и культурной обстановки в Венгрии и Закарпатье во второй половине XIX столетия автором дана поверхностно. М. Ричалка обходит такие вопросы, как господство крупного помещичьего землевладения в Закарпатье и обезземеление

¹¹⁹) См М Ричалка, О В Духнович педагог : освітній діяч, Бра-тіслава, 1959

крестьянства, классовая структура закарпатского общества, социальная дифференциация крестьянства, особенности национального движения, а без освещения этих проблем не могли быть поняты и правильно определены как общественно-политические взгляды А. Духновича, так и его место в истории национально-культурного движения.

У автора этого исследования во многих случаях совершенно отчетливо проявляется тенденция, так сказать, сдвинуть А. Духновича с того исторического места, которое он занимает, подменить объективно-исторический подход к его деятельности стремлением «улучшить» взгляды Духновича.

М. Ричалке, конечно, известно, что А. Духнович принципиально отвергал революцию и отрицательно относился к революционному движению в Венгрии в период 1848—1849 годов, называя венгерскую революцию «несчастливым коштувским мятежом». Однако, несмотря на это, М. Ричалка определяет отношение Духновича к революции 1848—1849 годов как «либеральное»¹²⁰⁾ и причину этого видит не в реакционно-монархическом мировоззрении Духновича, а в том, что он «не сумел сориентироваться в политической обстановке» и поэтому-де не мог поддерживать революционные стремления венгров¹²¹⁾. Нельзя также согласиться и с такой формулировкой политических целей либерального венгерского дворянства в период революции 1848 года: венгерское дворянство пыталось превратить Венгрию в «мещанско-капиталистическое государство» (!?).

Хотя М. Ричалка и указывает на консерватизм и ограниченность мировоззрения А. Духновича, но говорит об этом глухо, между прочим, но зато во многих случаях чрезвычайно преувеличивает роль Духновича в жизни Закарпатья и его связи с народом. На стр. 12, например, М. Ричалка пишет: в литературно-публицистических трудах А. Духновича, «во всей его деятельности ярко отражается хозяйственное и культурное положение народа Закарпатья, надежды на освобождение из-под чужеземного угнетения и вера в воссоединение с народами великой России».

Эта же тенденция «улучшить» Духновича сквозит и в оценке деятельности «Общества Иоанна Крестителя», которое, по словам М. Ричалки, в свое время сыграло «прогрессивную роль в воспитании и образовании молодежи»¹²²⁾. Но автор не пытается даже проанализировать приводимые им же в приложении к своей книге «правила» для воспитанников этого общества, составленные А. Духновичем. Дети, говори-

¹²⁰⁾ Там же, стр. 308.

¹²¹⁾ Там же, стр. 55.

¹²²⁾ Там же, стр. 125.

лось в этих «правилах», должны быть «благочестивыми, богобоязненными, добросовестными и ревнительными, украшаться добродетелями — богопочитания, смиренномудрия, чистоты души и тела, человеколюбия и прочее... Воспитанники сего заведения должны быть всегда верно преданными его величеству царю угорскому как благодетелю сего заведения и возсылать усердные молитвы к богу за него и престол его»¹²³). Разве объективный научно-исторический анализ этих «правил» дает основание для тех выводов, которые делает М. Ричалка?

Однако по сравнению с другими исследованиями о закарпатских «будителях», опубликованными в Словакии на протяжении 1956—1957 годов, монография М. Ричалки является, несомненно, значительным шагом вперед и знаменует собой отход от порочной «традиционной» точки зрения на «будителей», которая на протяжении десятилетий культивировалась буржуазной историографией.

В 1957 году в Прешове была издана небольшая работа А. Шлепецкого «Закарпатские будители и наша современность», представляющая собой одну из первых попыток по-новому осмыслить роль «будителей» в истории Закарпатья, связав «будительские традиции» с современностью¹²⁴).

В этой работе А. Шлепецким высказано немало ценных мыслей, относящихся к главному направлению «будительского» течения, но он, по нашему мнению, преувеличивает роль отдельных представителей этого течения. А. Добрянского А. Шлепецкий называл «великим сыном славянства» (стр. 27), «великим проповедником идеи объединения всех славянских народов» (стр. 28), но не раскрыл классового характера его общественно-политических взглядов. А. Духнович, заявлял А. Шлепецкий, «был борцом за национальные и социальные стремления нашего населения...» (стр. 33). Но ведь известно,

¹²³) Там же, стр. 331.

¹²⁴) Проблема «будительских традиций» стала предметом дискуссии на страницах периодической печати Словакии. Некоторые авторы, как, например, М. Мольнар, отрицали полностью наличие положительных традиций в литературе закарпатских украинцев в прошлом, сбрасывая со счетов все объективно положительное в их творчестве. Галечка Тиберий в статье «Проставлення до традицій» («Дукля», № 3, 1957 год, стр. 68—74), выступая против нигилистического отношения к «традициям», справедливо указывал на то положительное, что содержала в себе «будительская» литература. Однако Т. Галечка, по нашему мнению, преувеличивает значение связей «будителей» с народными массами. Этот же вопрос под углом зрения «славянской взаимности» рассматривается и в статье Л. Гараксима (см. Haraksim Lúdovit, Hnutie Ukrajincov Zakarpatska a východného Slovenska a myšlienka slovanskej vzájomnosti. «Historický časopis», VIII, с. 2—3, Bratislava, 1960, стр. 360—374).

что А. Духнович, как и другие «будители», был очень далеким от подлинных «социальных стремлений» народа. В таких же стереотипно-хвалебных выражениях характеризует А. Шлепецкий и роль других закарпатских писателей: А. Митрак — «выступал как гуманист и патриот, как певец светлого будущего угнетенного украинского населения под Карпатами» (стр. 55); И. Сильвай — «внес драгоценный вклад в сокровищницу закарпатской литературы» (стр. 57); Е. Фенцик — внес «ценный вклад в сокровищницу нашей закарпатской литературы» (стр. 62) и т. д.

Книга С. В. Добоша «А. И. Добрянский», изданная в Братиславе в 1956 году, была подвергнута строгой, но справедливой критике в словацкой печати¹²⁵). А. Добрянский, вопреки историческим фактам, изображался С. В. Добошем как борец «за интересы народа». Говоря об идейно-политических взглядах А. Добрянского, С. В. Добош писал: «Его политическое развитие идет от конституционной монархии к революционной демократии. Дальше этого он не пошел»¹²⁶). Так А. Добрянский, этот глашатай реакционно-монархических идей, этот «вскрепитель» монархии Габсбургов, каким он оставался до последних дней своей жизни, выдавался за деятеля «революционно-демократического» направления.

Принципиальная партийная критика ошибочных взглядов С. В. Добоша в словацкой печати явление многозначительное. Она способствует ускорению процесса «переоценки ценностей» и избавлению от груза старых антинаучных представлений и концепций в оценке исторического места закарпатских «будителей», а от этого груза не избавились окончательно еще как некоторые словацкие, так и советские авторы¹²⁷).

Данный нами короткий историографический обзор истории Закарпатья естественно не исчерпывает полностью этого вопроса, а является только первой попыткой определить основные тенденции и направления в закарпатской историографии, анализ которых дает основание утверждать, что, во-первых, буржуазная историография была неспособна по своей природе воссоздать правдивую историю Закарпатья, и, во-вторых, что подлинно научное объяснение исторического процесса возможно только на основе марксистско-ленинской теории, являющейся методологической и теоретической основой исторической науки.

¹²⁵) См. рецензию на эту книгу П. Гапка «За правильне висвітлення діяльності А. І. Добрянського» («Дукля», № 1, Пряшів, 1959 год).

¹²⁶) Указ соч. С. В. Добоша, стр. 89.

¹²⁷) См. П. В. Лінтур, З історії братніх зв'язків, Рецензія на книгу д-ра С. В. Добоша «А. И. Добрянский — жизнь и творчество» «Літературна газета», № 37, Київ, 1956 год; П. В. Лінтур, Новый труд о Добрянском, «Дукля», № 2, Пряшів, 1957

ГЛАВА II

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ЗАКАРПАТЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

1 ТРУДЫ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА — ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Труды классиков марксизма-ленинизма служат гранитной теоретической и методологической основой для исследований во всех областях исторической науки. Созданием исторического материализма К. Маркс и Ф. Энгельс произвели революционный переворот во взглядах на развитие общества и утвердили единственно научное материалистическое понимание истории. К. Маркс в предисловии «К критике политической экономии» дал классическое определение сущности исторического материализма: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является

только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»¹⁾).

К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали идею о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций, в основе которого лежит смена системы производственных отношений, определяющих собой все остальные отношения. Каждой системе производственных отношений присущи свои особые законы зарождения, развития и перехода в высшую форму. Действия и борьба классов определяют собой развитие классового общества. Благодаря открытию материалистического понимания истории, — указывал В. И. Ленин, — «хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм»²⁾).

В разработке основных проблем настоящей монографии, посвященной периоду становления и развития капиталистических отношений в Закарпатье, мы неизменно руководствовались учением марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях, позволяющим, в частности, раскрыть причины и особенности разложения и упадка феодально-крепостнической системы, в недрах которой вызревают новые, капиталистические отношения. В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса³⁾ дается всесторонний научный анализ феодального способа производства, сущности феодальной эксплуатации, феодальной ренты, первоначального накопления капитала как исходного пункта капиталистического способа производства, исследуется процесс перехода от натурального хозяйства к товарному, от ремесленного производства к мануфакту-

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII (второе издание), стр. 6—7.

²⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 5

³⁾ См. Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: Немская идеология, Соч. (второе издание), т. 3; Манифест Коммунистической партии. Соч. (второе издание), т. 4; К. Маркс, К критике политической экономии, Соч. (второе издание), т. 13; Капитал, тт. 1, 3, М., 1955, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940, Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса (второе издание), т. 7; Маркс, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. (первое издание), т. 15, [О разложении феодализма и развитии буржуазии], Там же, т. 16, ч. I, М., 1937; Развитие социализма от утопии к науке, в кн. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 2, М., 1948.

ре и фабричному производству. К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли также своеобразие и историческое значение крестьянских антифеодальных движений. Эти общетеоретические положения марксизма легли в основу нашего исследования по истории Закарпатья периода кризиса и разложения феодально-крепостнической системы.

Гениальное произведение К. Маркса «Капитал», в котором научно обоснованы законы возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства, являлся для нас основополагающим при изучении истории Венгрии (и Закарпатья в том числе) во второй половине XIX столетия, когда после отмены крепостного права капиталистический способ производства стал господствующим.

Большое значение для понимания сущности аграрного строя в Закарпатье имело исследование отношений земельной ренты. Теория земельной ренты, созданная К. Марксом и творчески разработанная В. И. Лениным, занимает важное место в экономическом учении марксизма-ленинизма. Третий том «Капитала» посвящен рассмотрению тех превращенных форм, в которых прибавочная стоимость выступает на поверхности капиталистического общества. К. Маркс, раскрыв закон прибавочной стоимости как основной экономической закон капиталистического общества, показал также механизм превращения отдельных частей прибавочной стоимости в различные формы: в промышленную прибыль, торговую прибыль, ссудный процент и предпринимательский доход, дивиденд, земельную ренту.

Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, — указывал К. Маркс, — что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность⁴⁾). Феодальная земельная рента базируется на феодальной собственности на землю и включает в себя весь прибавочный продукт, создаваемый непосредственным производителем — крепостным крестьянином. Капиталистическая земельная рента базируется на капиталистической земельной собственности, на буржуазной организации земледелия и эксплуатации наемного рабочего. Капиталистическая земельная рента — это часть прибавочной стоимости, создаваемой наемными рабочими в сельском хозяйстве сверх средней прибыли на капитал, уплачиваемая землевладельцу капиталистом-арендатором за право пользования землей. Существование двух основных форм капиталистической земельной ренты — дифференциальной и абсолютной — обусловлено двоякого рода монополией, существующей в капиталистическом сельском хозяйстве. Монополия на

⁴⁾ См. К. Маркс Капитал, т III, 1955, стр. 646.

землю как на объект хозяйства обуславливает дифференциальную ренту; монополия частной собственности на землю порождает абсолютную ренту.

Марксистско-ленинская теория земельной ренты, примененная к конкретно-историческим условиям Закарпатья, дает возможность раскрыть многие стороны аграрных отношений: пагубное влияние господства крупной помещичьей собственности на развитие сельского хозяйства, переплетение остатков феодальной земельной ренты с капиталистической, обусловившие живучесть докапиталистических форм эксплуатации крестьянства, сущность арендных отношений, рост цен на землю, концентрация и централизация капитала в сельском хозяйстве, разорение масс крестьянства и вытеснение мелкого производства крупным, отставание сельского хозяйства от развития промышленности.

Вопросы общественного разделения труда, стадийности в развитии промышленного производства, образования, развития и роли промышленности, торговли, ростовщичества и банковского капитала, товарно-денежных отношений и внутреннего рынка в Закарпатье освещены нами исходя из коренных положений экономической теории марксизма⁵⁾.

Изучение ряда произведений К. Маркса и Ф. Энгельса дало возможность глубже уяснить сущность событий, происшедших в Австрии и Венгрии, и их влияние на развитие социально-экономических и национально-политических отношений в Закарпатье. К их числу относятся: статья Ф. Энгельса «Начало конца Австрии»⁶⁾, в которой дается блестящая характеристика внутреннего положения Габсбургской монархии в первой половине XIX столетия; работы К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященные революционным событиям 1848—1849 годов в Австрии и Венгрии⁷⁾, раскрывают классово-политическую сущность революции 1848 года, характеризуют значение октябрьского восстания в Вене и причины его поражения, развитие революционной борьбы в Венгрии, содержание и объективный характер национального движения отдельных народов этой эпохи, раскрывают реакционную сущность панславистских идей и контрреволюционный характер попыток русского царизма использовать в своих захватнических це-

⁵⁾ См К Маркс, Капитал, М, 1955, т I (главы 11, 12, 13, 24), т II (главы 4 и 8), т III (главы 1, 5, 16, 21, 48), Письмо К Маркса П. В Алленкову, в кн. К Маркс и Ф Энгельс, Избранные произведения, т II, М, 1948; Ф Энгельс, Анти-Дюринг, М, 1950.

⁶⁾ См К Маркс и Ф Энгельс, Соч (второе издание), т 4, стр 471—478.

⁷⁾ См К Маркс и Ф Энгельс, Соч (второе издание), Революция в Вене (т 5), Победа контрреволюции в Вене (т. 5), Борьба в Венгрии (т 6); Венгрия (т. 6).

лях национальное движение славянских народов Центральной и Южной Европы⁸⁾).

В других работах К. Маркса и Ф. Энгельса⁹⁾ рассматривается процесс разложения Австрийской империи, раздираемой внутренними противоречиями, в 60-х годах XIX столетия, усиление национально-освободительной борьбы народов империи, дается оценка политики австрийского правительства, вынужденного в целях укрепления Габсбургской монархии пойти на некоторые уступки венгерскому национальному движению. Ф. Энгельс в статье «Австрия. — Развитие революции», оценивая значение изданного Францем-Иосифом I 20 октября 1860 года диплома, предоставлявшего национальным областям империи некоторую автономию, писал: «Хотя диплом и был уступкой революционному движению, однако по своему замыслу он являлся одним из тех ловких маневров предательской политики, которые так характерны для австрийской дипломатии... Имелось в виду успокоить Венгрию, а затем превратить ее в орудие, которое должно было помочь абсолютистской Австрии выпутаться из трудного положения...»¹⁰⁾).

Ценнейшие методологические указания для изучения истории Закарпатья содержатся в произведениях В. И. Ленина. Классический труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» являлся основополагающим в исследовании наиболее важных процессов, характеризующих становление и развитие капиталистических отношений в Закарпатье во второй половине XIX столетия. Разоблачив теоретические ошибки либеральных народников, В. И. Ленин в первой, вводной главе этой работы показал, что основой товарного производства является общественное разделение труда, рост которого ведет к развитию внутреннего рынка для капитализма. Вторая—четвертая главы этого произведения посвящены характеристике капиталистической эволюции земледелия в пореформенной России. Он раскрывает сущность процесса разложения крестьянства как класса на различные социальные группы (сельскую буржуазию, среднее крестьянство, полупролетарские и пролетарские массы деревни), основой которого являлись противоречия товарного производства на базе частной собственности, через которые (противоречия) про-

⁸⁾ См. Ф. Энгельс, Демократический панславизм, Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса (второе издание), т. 6, Германия и панславизм, там же, т. II

⁹⁾ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. (второе издание), т. 15: Большой человек Австрии; Россия использует Австрию — Варшавский конгресс, Австрия — Развитие революции

¹⁰⁾ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. (второе издание), т. 15, стр. 242, 243

кладывает себе дорогу открытый К Марксом экономический закон стоимости как закон развития товарного производства, которое при определенных исторических условиях превращается в товарное капиталистическое производство. В. И. Ленин показал, какое тормозящее влияние на развитие капитализма в сельском хозяйстве оказывали сильные остатки докапиталистических отношений, как протекает процесс постепенного перехода барщинного хозяйства помещиков к капиталистическому хозяйству, характеризующемуся ростом применения наемного труда, машин и развитием торговых отраслей сельского хозяйства. В пятой—седьмой главах своего труда В. И. Ленин дает общую картину развития капитализма в России на трех его стадиях: простой кооперации, мануфактуры и крупной машинной индустрии. Научное обоснование В. И. Лениным коренных положений, характеризующих развитие капитализма в России, послужили методологической основой для выяснения ведущих тенденций развития капитализма как в Закарпатье, так и в Венгрии, исторические условия которой, как указывал В. И. Ленин, были сходны с условиями России.

Аграрная теория марксизма, развитая В. И. Лениным, была для нас руководящей при исследовании аграрных отношений в Закарпатье. В. И. Ленин в ряде своих работ, относящихся к этой проблеме¹¹⁾, блестяще обосновал основные законы развития капитализма в сельском хозяйстве, вскрыв полную теоретическую несостоятельность взглядов оппортунистов и ревизионистов, проповедовавших антинаучный «закон убывающего плодородия почвы» и теорию об «устойчивости», «жизнеспособности» мелкого крестьянского хозяйства, о «преимуществах» мелкого хозяйства над крупным. В. И. Ленин показал, что научное объяснение капиталистической эволюции сельского хозяйства должно базироваться на марксистских принципах исследования экономических законов, в том числе и сельскохозяйственной экономики, как явлений общественных, исторически и социально обусловленных.

Опираясь на основные положения марксистско-ленинской аграрной теории, мы пытались раскрыть сущность аграрных отношений в Закарпатье, выделив следующие наиболее важные моменты: 1. Капиталистическая эволюция крестьянских

¹¹⁾ См. В. И. Ленин Капитализм в сельском хозяйстве, Соч., т. 4; Аграрный вопрос и «критики» Маркса, Соч., т. 5; Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13; Аграрный вопрос в России к концу XIX века, Соч., т. 15; Капиталистический строй современного земледелия, Соч., т. 15; Сущность аграрного вопроса в России, Соч., т. 18; К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства, Соч., т. 19; Новые данные о законах развития капитализма, Соч., т. 22; Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу, Соч., т. 31 и др.

хозяйств, выражающаяся в усилении процесса разорения крестьянства и его классовой дифференциации; капиталистическая эволюция феодального землевладения, выражающаяся в превращении феодальной земельной собственности в капиталистическую; развитие капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому» пути; проявление общих законов развития товарного производства в сельском хозяйстве (концентрация производства и капитала); несоответствие капиталистического способа производства рациональному земледелию. 2. Неизбежность разорения и вытеснения при капитализме мелкого производства крупным, преимущества которого связаны с применением капитала и таких методов ведения хозяйства (применение машин, наемного труда, повышение производительности труда, использование данных сельскохозяйственной науки и т. д.), которые недоступны мелкому производству. 3. Противоречивость и сложность развития капитализма в сельском хозяйстве, наталкивающегося на различные препятствия, главными из которых являются земельная рента (ослабление при арендной системе импульса к усовершенствованиям, а при ипотечной системе — вкладывание значительных средств в покупку земли, а не в производство), наследственное право (фидеикомисс) и обострение противоположности между городом и деревней.

В отдельных произведениях В. И. Ленина содержатся высказывания, относящиеся непосредственно к Венгрии, имеющие большое значение для уяснения особенностей ее исторического развития. В статьях «Китайская война», «События на Балканах и в Персии», «О праве наций на самоопределение» и др. В. И. Ленин дает короткую характеристику революции 1848—1849 годов в Венгрии и подчеркивает контрреволюционную роль царизма — душителя венгерской революции. В 1849 году «русское крепостное войско,—указывал В. И. Ленин,— раздавило национально-освободительное и революционно-демократическое восстание в Венгрии»¹²⁾.

В трудах В. И. Ленина «Капиталистический строй современного земледелия»¹³⁾, «Железо в крестьянском хозяйстве»¹⁴⁾ и в «Речи об условиях приема в Коммунистический интернационал»¹⁵⁾ находим глубокую оценку особенностей социально-экономического развития и аграрного строя Венгрии в конце XIX столетия. В первой статье приводятся данные венгерской переписи 1895 года, которые, по словам В. И. Ленина, показывали превосходство капиталистического земледелия и повышение процента хозяйств с машинами по мере уве-

¹²⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 325

¹³⁾ Там же, т. 16.

¹⁴⁾ Там же, т. 19.

¹⁵⁾ Там же, т. 31.

личения размеров хозяйства. Рассмотрев распределение плугов в Венгрии по социальным группам хозяйств, В. И. Ленин приходит к заключению о сосредоточении подавляющей части усовершенствованных плугов в крупных капиталистических хозяйствах и более эффективном использовании ими машин по сравнению с мелкими и средними хозяйствами. «Нищенская обеспеченность орудиями и невыносимая дороговизна содержания их — таков удел мелкого производства при капитализме», — заключал В. И. Ленин¹⁶⁾.

В другой статье «Железо в крестьянском хозяйстве» В. И. Ленин, характеризуя аграрные отношения в Венгрии, писал, что Венгрия стоит всего ближе к России не только географически, но и по веселию помещиков-реакционеров, которые сохранили от средневековья гигантские количества земли¹⁷⁾. В. И. Ленин приводит данные венгерской сельскохозяйственной переписи 1895 года, которые наглядно показывали «значение крестьянской придавленности помещиками в вопросе о размерах потребления железа, то есть о прочности железного фундамента культуры в данной стране»¹⁸⁾. Вывод, к которому пришел В. И. Ленин, изучив сведения венгерской сельскохозяйственной статистики, заключался в том, что пролетарские и мелкокрестьянские хозяйства должны довольствоваться деревянным инвентарем.

В статье В. И. Ленина «Новая глава всемирной истории» подчеркивалось, что наличие могучих остатков средневековья в странах Восточной Европы, в том числе и в Венгрии, задерживали поступательное развитие общества¹⁹⁾, а в своей речи на II конгрессе Коминтерна указывал, что в Венгрии «существуют крупные латифундии» и «на больших участках ведется полуфеодалное хозяйство»²⁰⁾.

Все положения и выводы, сформулированные в указанных выше трудах В. И. Ленина, полностью относились и к Закарпаты и дали возможность глубже понять и раскрыть особенности его аграрного строя.

В произведениях В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение», «Критические заметки по национальному вопросу»²¹⁾, «Социалистическая революция и право наций на самоопределение»²²⁾ и др. дано всестороннее научное обоснование национального вопроса: условия возникновения и сущность наций и национальных движений, право наций на са-

¹⁶⁾ Там же, т. 16, стр. 408

¹⁷⁾ Там же, т. 19, стр. 277.

¹⁸⁾ Там же, стр. 276

¹⁹⁾ Там же, т. 18, стр. 340

²⁰⁾ Там же, т. 31, стр. 224.

²¹⁾ Там же, т. 20

²²⁾ Там же, т. 22

моопределение, равноправие языков, национальная культура и ее классовое содержание, единство классовой борьбы рабочих угнетающих и угнетенных наций.

В. И. Ленин раскрыл диалектическую сущность постановки национального вопроса и подверг уничтожающей критике буржуазно-националистические теории и программы культурно-национальной автономии.

Эти работы В. И. Ленина имели решающее значение для определения сущности национального движения в Закарпатье, оценки деятельности «будителей» из лагеря так называемых «русофилов»²³), сущности «святостефанской идеи», ассимиляторской политики господствующих классов Австро-Венгрии по отношению к угнетенным народам империи и глубоко реакционной роли украинского буржуазного национализма.

Труды В. И. Ленина по империализму являлись основополагающими в исследовании особенностей экономического и политического развития Венгрии и Закарпатья в конце XIX столетия, в период перехода домонополистического капитализма в Венгрии в его империалистическую стадию.

Огромное значение для всех отраслей исторической науки имеют выступления Н. С. Хрущева и партийные документы. Принципиальная партийная критика культа личности, решения XX съезда партии по идеологическим вопросам стали руководящими для историков в правильном понимании роли личности и народных масс в истории, нацелив историков на решительную борьбу против враждебной буржуазной идеологии в исторических исследованиях. Н. С. Хрущев в докладе «Десятилетие воссоединения украинского народа в едином Украинском Советском государстве» на VI Юбилейной сессии Верховного Совета Украинской ССР в 1949 году подчеркнул историческое значение борьбы трудящихся Западной Украины и Закарпатья за воссоединение с Советской Украиной и разоблачил контрреволюционную роль украинских буржуазных националистов—наемников империалистических государств. В «Тезисах о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)» содержится ряд принципиальных методологических установок, относящихся к характеристике основных этапов украинского народа и борьбы трудящихся украинских масс, находившихся под властью Австро-Венгрии, за свое социальное и национальное освобождение, за воссоединение со всем украинским и русским народами.

²³) В. И. Ленин в статье «Как соединяют прислужничество реакции с игрой в демократию?» (Соч., т. 21, стр. 239—240) определял роль «москвофилов» в Галиции, связанных с клерикальными кругами России, как реакционную. Это определение целиком относилось и к «русофильскому» течению в Закарпатье

Доклады Н. С. Хрущева на XXII съезде партии, принятая съездом Программа КПСС являются великими теоретическими и политическими документами современной эпохи, определяющими генеральную линию партии в строительстве коммунистического общества. Эти документы имеют неограниченное значение и для дальнейшего развития марксистско-ленинской исторической науки.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Документальной базой настоящей монографии являлись архивные источники. Нами использованы материалы Государственного архива Закарпатской области, Мукачевского филиала этого архива, Архива внешней политики России и отдельные документы из архивных фондов Ужгородского историко-краеведческого музея. (Перечень использованных архивных документов приводится в конце тома в приложении «Список источников и литературы»).

Фонды закарпатских архивов можно разделить на следующие основные группы: 1) жупные и городские управления; 2) судебные органы; 3) государственные имения и промышленные предприятия; 4) греко-католическая церковь; 5) частновладельческие латифундии; 6) экспозитура горных районов министерства земледелия Венгрии.

К первой группе относятся архивы жупных управлений главных жупанов и поджупанов комитатов, административных комиссий отдельных жуп, городских советов и бургомистров городов. Эти фонды включают в себя главным образом ежегодные отчеты и донесения жупанов и поджупанов, административных комиссий, полиции и жандармерии, врачебных органов, школьных инспекторов и городских властей. Кроме того, в них сосредоточены циркуляры, распоряжения и законодательные акты венгерских правительственных органов, переписка с министерствами, жалобы и заявления крестьян и представителей других слоев населения. Анализ богатого материала, содержащегося в этих фондах, позволяет осветить многие стороны социально-экономических, политических и национальных отношений в Закарпатье: налоговой гнет, произвол правительственных органов, социальная структура крестьянства и городского населения, политическое бесправие трудящихся, осуществление политики мадьяризации закарпатских украинцев, подавление революционного и национального движения и т. д.

Архивы судебных органов (урбарный суд, окружные суды) дают огромный фактический материал, характеризующий классовую природу венгерского «правосудия», разорение масс крестьянства, глубокий процесс обезземеления кре-

стьян и засилье ростовщического капитала в деревне. Фонды дирекции государственного имущества содержат важные данные, позволяющие судить об экономической структуре государственных имений, способах эксплуатации безземельных и малоземельных крестьян, о размерах производства и условиях труда рабочих соляных рудников и лесных рабочих.

Архивы греко-католической епархии и Мукачевского монастыря дают возможность раскрыть антинародную роль униатской церкви в Закарпатье, являвшейся орудием господствующих классов Венгрии и Ватикана в духовном порабощении масс, в укреплении режима социального и национального угнетения трудящихся. Архивы крупнейшей в Закарпатье частновладельческой латифундии графа Шенборна и фамильные архивы барона Перени являются важным источником для изучения особенностей аграрного строя в Закарпатье и социально-экономических отношений, наиболее типичными чертами которых являлись: засилье крупного полуфеодалного землевладения, обезземеление и разорение крестьян и длительное сохранение крепостнических пережитков в сельском хозяйстве.

Исключительно большое значение для исследования аграрных отношений в Закарпатье и раскрытия колониальной политики правящих кругов Венгрии имеют архивы экспозитуры горных районов министерства земледелия, в которых сосредоточен огромный документальный и статистический материал, характеризующий систему землевладения и землепользования, процесс разорения и пауперизации масс крестьянства и классово-политическую сущность так называемой «верховинской акции».

Материалы Архива внешней политики России, представляющие собой главным образом донесения русских дипломатических агентов, в частности в Будапеште, содержат ценные данные о состоянии промышленности, сельского хозяйства, о финансах, политической борьбе и национальных отношениях в Венгрии. Особый интерес для нас представляли донесения, посвященные аграрному вопросу, промышленности, торговле, борьбе рабочих и крестьян Венгрии против капиталистической эксплуатации и помещичьего гнета, положению закарпатских украинцев и отношению царского правительства к так называемому «угрорусскому вопросу».

Официальные архивные материалы и документы по теме нашего исследования были пронизаны духом тенденциозности и имели определенную классово-политическую направленность. Поэтому, естественно, использование их требовало строго критического подхода и сопоставления с другими источниками.

Помимо архивных источников, в работе использованы документы и материалы, содержащиеся в специальных сборниках или в приложениях к произведениям отдельных авторов. К их числу относятся собрания законов и распоряжений правительственных органов Венгрии²⁴⁾, позволяющие составить представление о внутренней политике венгерского правительства в области экономической, социальной и национальной. Круг документов и материалов, относящихся к социально-экономической истории Закарпатья, чрезвычайно ограничен, он исчерпывается главным образом собраниями урбаральных грамот XVII—XVIII веков²⁵⁾, официальными данными о проведении «верховинской акции»²⁶⁾ и сообщениями русского консульства в Венгрии о заокеанской эмиграции закарпатских украинцев²⁷⁾.

Документы и материалы, характеризующие рабочее и крестьянское движение в Венгрии²⁸⁾, хотя почти и не содержат данных о Закарпатье, но служат важным источником для понимания особенностей рабочего и крестьянского движения в Венгрии, политики и тактики социал-демократической партии и влияния революционной борьбы венгерского пролетариата на развитие революционного движения трудящихся немадьярских народов. Документы и материалы сборников «А Magyar Munkásmozgalom Történek Válogatott» («Избранные документы по истории рабочего движения в Венгрии») и «А Magyarország munkásmozgalom 1848—1917-ig» («Рабочее движение в Венгрии 1848—1917 годов») показывают развитие революционного рабочего движения на отдельных этапах его истории (1848—1849 годы и деятельность Танчица: период 1849—1867 годов, влияние Парижской Коммуны на революционное движение в Венгрии, образование Рабочей пар-

²⁴⁾ См Magyarországot illető országos törvény és kormánylap, I, Pest, 1853, Országos Levéltár, Penzugyminiszterium, Bdp, 1906, A hatályos magyar törvények gyűjteménye, Bdp, I к 1912, II к 1914, Komjáthy M., A közös minisztertanács szervezeti problémái minisztertanácsi jegyzőkönyvek tükrében, Bdp, 1958

²⁵⁾ См А Л. Петров, Материалы для истории Угорской Руси, т 5; О Марков, Материалы для социальной истории Подкарпатской Руси в XVIII веке, «Подкарпаторусский сборник», Ужгород, 1931.

²⁶⁾ См Кемény G G á b o r, Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában, II, 1892—1900, Bdp, 1956

²⁷⁾ См. «Сборник консульских донесений», СПб., вып. 3, 4, 6 за 1899 год, вып 3, 6 за 1900 год и выпуск 3 за 1901 год.

²⁸⁾ См. А Magyarország munkásmozgalom 1848—1917.—ig, Bdp, 1957—1958; А Magyar Munkásmozgalom Történetének Válogatott Dokumentuma, I к, Bdp, 1951; Dokumentumok a Magyar párttörténet tanulmányozásához (1848—1917), I к, Bdp, 1954, E m b e r G y ő z ő, Iratok az 1848-i Magyarország parasztmozgalmak történetéhez, Bdp, 1951, Magyarország szocial-demokrata Párt, Bericht der Sozial-demokratischen Partei Ungarns zu dem am 18—24 August 1907 in Stuttgart stattfindenden Internationalen Sozialisten Kongresse, Bdp, 1907

тии, ее программа и деятельность; создание социал-демократической партии, ее программные, политические и тактические установки).

В обширном двухтомном сборнике «К истории национального вопроса в Венгрии»²⁹⁾, объемом в 1900 страниц, сосредоточены наиболее важные и весьма ценные материалы и документы (1867—1900 годы), раскрывающие сущность угнетательской национальной политики правящих классов Австро-Венгрии. Помимо документов и материалов общего характера (законы венгерского парламента и распоряжения правительства, стенограммы выступлений депутатов в парламенте, петиции представителей национальных меньшинств и т. д.), для раскрытия содержания национального движения в Закарпатье и политики насильственной ассимиляции закарпатских украинцев имели большое значение материалы, непосредственно относящиеся к Закарпатыю: выступления в парламенте А. Добрянского, петиция интеллигенции Угочской жупы об «урегулировании» национального вопроса, обсуждение парламентской комиссией положения закарпатоукраинского населения горных районов и т. п.

В приложении к книге английского автора Сетон-Ватсона (псевдоним — Scotus Viator)³⁰⁾ содержатся интересные документы и материалы, характеризующие национальную политику правящих кругов Венгрии (доклад парламентского комитета по вопросу о национальностях в 1861 году)³¹⁾, закон 1868 года о национальностях³²⁾, данные о мадьяризации национальных школ³³⁾, преследованиях национального языка, культуры и подавлении национально-освободительного движения немадьярских народов³⁴⁾.

Вопросы национально-политического и культурного движения в Закарпатье разработаны нами на основе анализа первоисточников — произведений А. Добрянского, А. Духновича, А. Павловича, Е. Фенчика и других деятелей «будительского» направления, а также материалов и документов, содержащихся в отдельных исследованиях по этой теме. В книге М. Ричалки, посвященной деятельности А. Духновича³⁵⁾, приводится биография А. Духновича, выдержки из его «Записок», неопубликованные стихотворения и переписка

²⁹⁾ См Kemény G. Gábor, Irtok a nemzetiségi kérdés történetéhez. Bdp., I к. 1952. II к. 1956

³⁰⁾ См Scotus Viator, Racial Problems in Hungary, London, 1908

³¹⁾ Там же, стр. 421—424

³²⁾ Там же, стр. 429—433.

³³⁾ Там же, стр. 437—439

³⁴⁾ Там же, стр. 440—512.

³⁵⁾ См. М. Ричалка, В. В. Духнович — педагог і освітній діяч, Браціслава, 1959.

А. Духновича, «Правила для воспитанников общества св. Иоанна Крестителя», «Засады для провизоричной организации просвещения отдела в коронном краю Уграх» и другие материалы. В. Францев в брошюре «К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси»³⁶⁾ прилагает письма А. Духновича, И. Раковского, учителя Ужгородской гимназии П. Яновича к редактору журнала «Словенин». П. Линтуром опубликован неизданный дневник А. Митрака³⁷⁾. Известный «Протест галицких русинов»³⁸⁾ является важным документом, разоблачающим угнетательскую политику правящих классов Венгрии в Закарпатье. Все эти материалы и документы послужили источниками для разработки проблемы «будительства» в Закарпатье.

Исследования В. Гаджеги «Додатки к истории Русинов и руських церквей»³⁹⁾ и А. Петрова (восьмитомный сборник «Материалы для истории Угорской Руси») содержат главным образом документы и материалы, относящиеся к истории униатской церкви до XVIII столетия, но, вместе с тем, даже эти, тенденциозно подобранные материалы, и, прежде всего, урбаральные грамоты, опубликованные А. Петровым, могут служить историческими источниками при освещении некоторых вопросов социально-экономических отношений в XV—XVIII веках.

Ценными источниками для изучения аграрных отношений в Закарпатье XIX столетия являются «Петиция сельских громад», на которую мы ссылаемся в I томе монографии и особенно доклад Э. Эгана министру земледелия Венгрии, в котором обобщаются результаты изучения им экономического положения крестьянства верховинских районов Закарпатья⁴⁰⁾. Несмотря на классовую ограниченность выводов, которые сделал Э. Эган, и антисемитские тенденции в объяснении бедствий закарпатского крестьянства, все же анализ «мемориала» Э. Эгана позволяет раскрыть многие стороны колонизаторской политики господствующих классов Венгрии в Закарпатье, процесса обезземеления, разорения и пауперизации крестьянства.

Два сборника документов и материалов, посвященных воссоединению украинского народа в едином Украинском Со-

³⁶⁾ См. В. А. Францев, К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси, Ужгород, 1924.

³⁷⁾ См. П. В. Линтур, Неизданный дневник А. Митрака, Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 33, Ужгород, 1958

³⁸⁾ См. «і ми в Європі Протест галицьких русинів проти мадярського тисячоліття», «Житіє слово», т. 5, Львів, 1896

³⁹⁾ См. «Наука збірн «Просвіта» в Ужгороді», 1922—1938 годы.

⁴⁰⁾ См. Е. Эган, Економічне положенє руських селян в Угорщині, Львів, 1901

ветском государстве⁴¹⁾, хотя и выходят по своему содержанию за пределы изучаемой нами эпохи, но они имеют большое значение для осмысления сущности тех социально-экономических и политических процессов, которые происходили в истории Закарпатья в XIX столетии и нашли свое выражение в массовом движении за воссоединение Закарпатья с украинским и русским народами.

Статистические источники и справочные материалы заняли большое место в нашем исследовании по истории Закарпатья второй половины XIX столетия. Наиболее важными статистическими источниками, использованными нами, являлись: отчеты Дебреценской и Кошицкой торгово-промышленных палат, сборники общегосударственной сельскохозяйственной и промышленной статистики, материалы переписей и статистические исследования отдельных авторов в самых различных областях экономики, культуры и общественной жизни.

Несмотря на ограниченность и тенденциозность официальной венгерской статистики, характеристика которой нами дана в тексте работы, все же анализ статистических материалов дает возможность раскрыть особенности экономического развития Закарпатья в целом, состояние промышленности и сельского хозяйства, сущность аграрных отношений, положение промышленных и сельскохозяйственных рабочих, развитие и роль кредита и финансовых учреждений, состояние народного образования, здравоохранения и многие другие процессы и явления социально-экономической и национально-политической истории Закарпатья.

При использовании статистических материалов мы неизменно руководствовались ленинским положением о строгом критическом подходе к буржуазной статистике, о научных методах и способах группировки и анализа статистических данных, которые должны служить главной цели — выяснению закономерностей исторических явлений, раскрытию коренных изменений и тенденций в социально-экономическом развитии. Во многих случаях нам приходилось прибегать к так называемой «вторичной» группировке статистических материалов, к сопоставлению данных различных источников с тем, чтобы устранить элементы, затемняющие сущность вопроса «статистическими упражнениями», чтобы очистить статистический материал от тенденциозных извращений и раскрыть объективное содержание исторического процесса.

⁴¹⁾ См «Воз'єднання українського народу в єдиній Українській Радянській державі (1939—1949 рр)». Збірник матеріалів, Київ, 1949; «Шляхом Жовтня», Збірник документів, т. I, Ужгород, 1957

Периодическая печать являлась также важным источником для освещения многих вопросов истории Закарпатья. Нами были широко использованы главным образом закарпатские и венгерские газеты различных политических направлений как официозные, так и оппозиционные. Закарпатские газеты, характеристику которых мы дали выше, носили ярко выраженный реакционно-клерикальный характер. Анализ их содержания, отдельных статей и фактов подтверждал убожество мировоззрения, духовных интересов и общественных идеалов закарпатской интеллигенции, представленной преимущественно духовенством. Вместе с тем, газеты давали значительный материал для понимания сущности ассимиляторской политики венгерского правительства в Закарпатье, роли униатской церкви, духовенства и мадьяронов из числа светской интеллигенции, выступавших пособниками чужеземных угнетателей своего народа. Почти никаких сведений, относящихся к положению крестьянства, сельскохозяйственных и промышленных рабочих закарпатские газеты XIX столетия не давали, социально-экономические проблемы в газетах не поднимались.

В венгерских буржуазных газетах «Pesti Hírlap» («Пештская газета»), «Hírnök» («Вестник»), «Budapesti Hírlap» («Будапешская газета»), «Alkotmány» («Конституция») и др. не только проповедовалась идея создания и упрочения «единационального мадьярского государства», дающая возможность раскрыть угнетательскую национальную политику венгерского правительства, но иногда публиковались материалы, характеризующие бедственное положение трудящихся Закарпатья. Оппозиционная печать в конце XIX—начале XX века в связи с осуществлением «верховинской акции» выступила с рядом статей, в которых подвергалась критике внутренняя политика правительства и приводились многочисленные факты, характеризующие обезземеление и разорение крестьян Закарпатья, засилье ростовщиков и корчмарей в закарпатской деревне и национальное угнетение закарпатских украинцев.

Орган социал-демократической партии Венгрии «Népszava» («Народное слово») и газета партии Варконьи «Földművelő» («Зем.делец») систематически публиковали данные о положении рабочего класса и крестьянства Венгрии, использованные нами при анализе рабочего и крестьянского движения, условий труда и жизни промышленных и сельскохозяйственных рабочих в Закарпатье.

В советской печати Закарпатья («Закарпатская Украина», «Закарпатська правда», «Советское Закарпатье») по-

мещались статьи, характеризующие аграрные отношения, развитие промышленности, революционную борьбу рабочих и крестьян и национальное движение в XIX веке.

Большое количество использованных нами журналов, альманахов, календарей и других периодических изданий позволило конкретизировать и расширить круг исследуемых в работе вопросов, проследить, как преломлялись в сознании современников исторические процессы и события, дать более всестороннюю оценку общественно-политическому и национально-культурному движению в Закарпатье.

Наиболее распространенными периодическими изданиями в Закарпатье являлись «Месяцословы» и «Календари», представляющие собой один из видов так называемой «народной литературы», чрезвычайно реакционной по своей идейно-классовой направленности. Главное место в этих изданиях занимало «духовное чтение» (перечень религиозных праздников, «святых» православной и католической церквей, статьи и стихотворения на религиозные темы) и меньшее — «гражданское чтение», содержащее описание членов царствующей династии, «патриотические» статьи, практические советы, «богоугодные» поговорки и «юмор», пронизанный антисемитским духом. Эти издания давали достаточно материала прежде всего для разоблачения враждебной народу роли униатской церкви и реакционной сущности тех взглядов, которые проповедовались ею в целях социального, национального и духовного порабощения трудящихся.

Лейтмотивом всех писаний в этих изданиях являлось утверждение религиозного мировоззрения и безропотного подчинения трудящихся властям и церкви. Не случайно в закарпатских «Месяцословах» на все лады, в разных вариантах неизменно преподносились в прозе и в стихах такие принижающие достоинство человека наставления, культивирующие рабскую психологию смирения:

.. С душой коленипреклоненной,
С главою, лежащею в пыли,
Молись политвою смиренной,
И раны совести растленной
Е.л.е.е.м плача исцелит!

С этой же целью «Календари» и «Месяцословы» были заполнены описаниями жизни «праведников», архишастырей, описанием «святых мест», церквей, монастырей, «отпустов». «Народ тянется до своих любимых монастырей, писал один из закарпатских мракобесов, которые нормируют его не только религиозную, но и общественную жизнь. Там, в тех очагах разогревает себе душу наш народ, чтобы в холодном равнодушном мире не утратить идеализма. Здесь сходятся со всех

околиц люди, в молитвы облакают свои мысли, свою боль и приобретают силы к тернистой жизни»⁴²⁾.

Этим же религиозно-фаталистическим духом были проникнуты и тенденциозно подобранные или изобретенные служителями церкви «народные поговорки»: «Як божа воля, то вернеш із моря», «От сердца до бога навпростець дорога», «Шануй батька та бога—буде тобі усюди дорога»...⁴³⁾.

В виде исключения только в этих изданиях встречались отдельные небольшие статьи, характеризующие общественную жизнь и народное образование, прозаические и поэтические произведения «будителей» и фольклорные материалы, представляющие известный исторический интерес⁴⁴⁾.

⁴²⁾ «Календар «Просвіти» на 1931 рік», Ужгород, 1930, стр. 68

⁴³⁾ См «Календар «Просвіти» на 1923 рік», Ужгород, 1922 Помимо «Календарей и «Месяцословов» в Закарпатье издавалось большое число специальных церковно-религиозных журналов («Душпастьєрь», «Миссийный вестник», «Православный карпаторусский вестник», «Felvidéki Sion», «Благовестник» и др.), являвшихся проповедниками мракобесия. В одной из статей, опубликованной в «Миссийном вестнике», призывавшей верующих строжайше придерживаться в своей жизни предписаний церкви и не скрывать своих «греховных помыслов» на исповедях, говорилось: от бога не скроешься, так как он проникает «своими всевидящими глазами до глубины сердца и почек твоих»... (см. «Миссийный вестник», № 4—6, Ужгород, 1937, стр. 81). Такую же идейно-политическую направленность имели и журналы, предназначенные для растления сознания подрастающего поколения: «Наши стремления», «Наш родной край», «Руська молодежь» «Пчолка» и др.

⁴⁴⁾ В «Месяцослов» «Унио» на 1911 год приводилось в стихотворной форме описание тяжелых условий жизни рабочих-эмигрантов в США. Опровергая слухи о возможностях сказочного обогащения в Америке («таляры заматають»), автор, как видно, эмигрант, писал.

Бо за тоты талярики
Тяжко бы робити,
Семь сто сягов по под землею
Треба им ходити..

Чтобы заработать на кусок хлеба, рабочий должен напрягать все свои силы («из ручок кровця тече»). Рабочий-эмигрант не имеет гарантированного заработка, его в любую минуту администратор может выбросить на улицу в ряды безработных..

Та я встану до роботы
Вжє фабрика дує,
А я прийду на роботу
«Бас» ми гадемлює,
А чому ты унгаруку,
А так поздно ходиш,
С роботи тя учасую,
Больше ми не робиш.
То я хлопчик молоденький,
А я ничь не здбаю,
То я себе повандрую
До старого краю

(«Месяцослов» «Унио» на 1911 год, Унгвар, 1910, стр 66—67).

В журналах историко-литературного и общественно-политического характера публиковались исторические исследования, факты из которых, критически осмысленные, были использованы нами в настоящей работе. В «Научных сборниках общества «Просвіта», издававшихся на протяжении 1922—1938 годов, помимо исследований В. Гаджеги «Дополнения к истории русских церквей», были опубликованы статьи Ф. Габриеля о зависимом положении крестьян Ужгородской казенной доминии в конце XVII столетия⁴⁵⁾, Ю. А. Яворского — «Из наследия по А. Л. Петрове»⁴⁶⁾, Г. Кинаха — «Материалы к истории сношений Подкарпатской Руси с Галицией в XIX веке»⁴⁷⁾, Н. Лелекача — «Штоловые доходы греко-католических священников в бывшей Ужгородской жупе до 1730 года»⁴⁸⁾, А. Шаша — «Очерк социальной и экономической истории шенборновской латифундии Мукачевско-Чинадиевской в первой половине XVIII ст.»⁴⁹⁾, А. Мицюка — «К эмиграции угро-русинов перед мировой войной»⁵⁰⁾ и др., в которых приводились важные данные о социально-экономических отношениях и общественном движении в Закарпатье XVII—XIX веков. Однако буржуазно-националистическая трактовка фактических данных лишает эти исследования научного значения.

Такого же характера статьи и исследования помещались в журналах «Подкарпатска Русь»⁵¹⁾, «Карпатский свет»⁵²⁾ и других.

⁴⁵⁾ Gabriel František, Poddanské poméry na užhorodském panstvi ke konci XVII století, Науков. збірн «Просвіта», 1933—1934 гг.

⁴⁶⁾ Ю. А. Яворский, Из наследия по А. Л. Петрове, Науков. збірн. «Просвіта», X, 1933—1934 гг.

⁴⁷⁾ Кинах Глеб, Материалы до истории зносин Подкарпатской Руси з Галичиною в XIX в., Науков. збірн. «Просвіта», II, 1923 год.

⁴⁸⁾ Лелекач Микола, Штолові доходи греко-католицьк священників в був. Ужгородській жупі до р. 1730, Наук. збірн. «Просвіта», XII, 1936 год.

⁴⁹⁾ А. Шаш, Нарис соціальної й господарської історії шенборнської латифундії Мукачівсько-Чинадієвської в першій половині XVIII ст., Науков збірн «Просвіта», IX, 1932 год.

⁵⁰⁾ О. Мицюк, З еміграції угро-русинів перд світовою війною, Науков. збірн. «Просвіта», XIII—XIV, 1938 год.

⁵¹⁾ См Ф. Габриель: Господарське положення Подкарпатской Руси на початку XVIII столетя, «Подкарпатска Русь», XI, Ужгород, 1933; Додатки до историе пограничных односин подкарпато-руських у XVIII в., «Подкарпатска Русь», IV, 1932; Житя в борбольском (цирюльницком) ужгородськом цеху, «Подкарпатска Русь», XI, 1934; Гаджега В.: Две студне о правску Подкарпатья, «Подкарпатска Русь», II, 1925, III, 1926; Наше культурне и церковне справы на епископских нарадах р. 1773 у Ведни, «Подкарпатска Русь», III, 1926, О первых початках народного школьництва на Подкарп. Руси, «Подкарпатска Русь», IV, 1927, И. Контратович: Князь Федор Кориятович и мукачевский монастырь, «Подкарпатска Русь», I, 1923, Стремленя за руську печатню на Подкарп. Руси и памятники старопечатных церковных книг, «Подкарпатска Русь», I, № 4,

В периодической печати Галиции⁵³⁾ печатались статьи закарпатских и западноукраинских авторов, посвященные главным образом национально-политическому и культурному движению в Закарпатье. Обширный фактический материал по истории Закарпатья был опубликован в периодической литературе дореволюционной России⁵⁴⁾. Некоторые данные, характеризующие национально-культурное движение в Закарпатье, нами были заимствованы из журналов, издававшихся в Вене⁵⁵⁾, Будапеште⁵⁶⁾, Праге⁵⁷⁾ и Прешове⁵⁸⁾.

**
*

Большое значение для уяснения закономерностей исторического развития Закарпатья, сущности основных этапов его истории имели статьи, опубликованные в советской исторической периодике⁵⁹⁾ и в исторических и общественно-политических журналах зарубежных социалистических стран⁶⁰⁾.

Помимо статей теоретического и методологического характера, нами были широко использованы исследования по истории Венгрии и Словакии XIX столетия, позволяющие глубже раскрыть специфику исторического развития Закар-

1923, Ю Краль, История колонизации Подкарпатской Руси, «Подкарпатская Русь», I, 1923, М. Лелекач, Руська шляхта на Підкарпатській Русі, «Подкарпатская Русь», XI, 1934, И Панькевич, До истории основания епископства мукачевского по смерти Повчия р 1832, «Подкарпатская Русь», VI, 1929, А Шаш, Дещо из торговельно-господарської історіє панства Мукачевсько-Чинадеевського у XVIII ст., «Подкарпатская Русь», 1932, 1933 годы; О Мицюк, До терезіансько руського урбару для колишньої Угорської Русі, «Подкарпатская Русь», XI, 1934.

⁵²⁾ А Флоровский, Заметки И С Орлая о Карпатской Руси, «Карпатский свет», Ужгород, 1928, Ю Яворский, К истории села Гукливого, «Карпатский свет», 1929, И М Конюратович К истории стародавнього Ужгорода и Подкарпатской Русі до XIV века, «Карпатский свет», 1928; Воспоминания об А Л Петрове, «Карпатский свет», 1932, А Л Петров, Древнейшая на Карпатской Руси шолтыская грамота, «Карпатский свет», 1929

⁵³⁾ «Житє і слово», «Записки наукового т-ва ім Шевченка», «Временник Ставропигийского института», «Галичанин», «Галицко-русская магіца», «Літературно-науковий вiстник», «Шляхи» и др.

⁵⁴⁾ «Беседы в обществе любителей российской словесности», «Варшавские университетские известия», «Вестник Русского географического общества», «Журнал министерства народного просвещения», «Славянские известия», «Славянский сборник», «Православное обозрение» и др.

⁵⁵⁾ Журналы «Вестник», «Славянский век», «Отечественный сборник».

⁵⁶⁾ «Közgazdasági Szemle» (Общественно-экономическое обозрение), Uj Hang» («Новый голос»)

⁵⁷⁾ «Карпатская Русь», «Живая мысль»

⁵⁸⁾ Альманах «Возрождение»

⁵⁹⁾ «Историк-марксист», «Вопросы истории», «Исторические записки Академии наук СССР», «Український історичний журнал»

⁶⁰⁾ «Századok», «Studia Historica Academiae scientiarum Hungaricae»,

«Historický časopis», «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Альманах «Дукля», «Acta Historica» и др.

патья, рассматривая его, вместе с тем, в тесной связи с историей Венгрии и соответствующими этапами в истории Словакии, находившейся, как и Закарпатская Украина, на протяжении длительного времени под гнетом австро-венгерских помещиков и капиталистов.

Статья Бела Санто, опубликованная в журнале «Историк-марксист» и посвященная борьбе крестьянской бедноты и батраков в Венгрии в конце XIX столетия⁶¹⁾, содержит богатый фактический материал, характеризующий социальную структуру сельского хозяйства Венгрии, классовое расслоение крестьянства, положение батраков и формы их эксплуатации, борьбу крестьянской бедноты и сельскохозяйственных рабочих против помещичье-капиталистического гнета, оказавшую большое влияние на аграрное движение в Закарпатье.

Важной проблеме эпохи разложения феодально-крепостнической системы, зарождения и развития капиталистических отношений в Венгрии посвящена статья венгерского ученого П. Ж. Паха «Об особенностях первоначального накопления капитала в Венгрии»⁶²⁾, в которой впервые в венгерской исторической литературе поставлены и научно разрешены с марксистских позиций проблемы предьистории капитализма в Венгрии. Основные положения, выдвинутые проф. П. Ж. Пахом, как это мы показали выше, могут быть распространены и на процесс первоначального накопления капитала в Закарпатье.

Статья Э. Андич «Венгерское рабочее движение в период первой мировой войны и влияние Великой Октябрьской социалистической революции»⁶³⁾ имеет большое значение для нашего исследования истории Закарпатья. Помимо некоторых архивных данных, характеризующих нищету и голод закарпатского крестьянства, приводимых Э. Андич, она глубоко анализирует экономическую и политическую обстановку в Венгрии в период 1914—1917 годов и показывает нарастание революционной борьбы рабочего класса Венгрии и национального движения угнетенных народов, развернувшегося с особой силой под влиянием Великой Октябрьской революции, и оказавшей огромное влияние на подъем освободительной борьбы трудящихся Закарпатья⁶⁴⁾.

⁶¹⁾ См Бела Санто, Борьба беднейшего крестьянства и батраков Венгрии в 90-х годах XIX века, «Историк марксист», № 6, 1941 год

⁶²⁾ П Ж Пах, Об особенностях первоначального накопления капитала в Венгрии, «Вопросы истории», № 2, 1955 год, стр 69—75.

⁶³⁾ Э. Андич, Венгерское рабочее движение в период первой мировой войны и влияние Великой Октябрьской социалистической революции, «Acta Historica», т I, Вдп, 1952.

⁶⁴⁾ Монография П Перени «Из истории закарпатских украинцев», опубликованная в «Studia Historica» Венгерской академии наук, как мы показали в историографическом обзоре, является оригинальным исследо-

В ряде исследований венгерских авторов рассматриваются вопросы, связанные с национальным движением угнетенных народов в Венгрии в период революции 1848 года. В статье П. Ханака «Угнетенные народы Австрийской империи и венгерская революция 1848—1849 годов»⁶⁵⁾ подчеркивается, что ошибочная и пагубная политика Л. Кошута и либерального дворянства в национальном вопросе создала существенные препятствия для дальнейшего углубления революции и обусловила собой то положение, что национально-освободительное движение угнетенных народов не стало резервом и союзником венгерской революции. Но автор, характеризуя национальные отношения, крайне слабо освещает социально-экономические условия, в которых развивалось национальное движение отдельных народов Венгрии. Главной темой исследования З. Тота «Кошут и национальный вопрос в 1848—1849 годах»⁶⁶⁾ являлась национально-освободительная борьба славянских и румынского народов в период венгерской революции. Однако о национальном движении закарпатских украинцев в статье не упоминается. Автор недостаточно показывает роль народных масс в национально-освободительном движении немадьярских народов и не связывает вопрос об отходе крестьян национальных районов от венгерской революции с недооценкой венгерским либеральным дворянством задачи радикального разрешения аграрного вопроса.

Исторический журнал «Századok»⁶⁷⁾ из органа буржуазно-идеалистической, реакционной историографии, которым он являлся на протяжении почти 80 лет в прошлом, превратился в условиях народно-демократической Венгрии в орган марксистско-ленинской исторической науки. Для изучения истории Закарпатья XIX столетия и предшествующего периода имеют исключительно важное значение монографические исследования и статьи по истории Венгрии этой эпохи, опубликованные в журнале «Századok» на протяжении последних лет, так как они по-новому, в соответствии с принципами исторического материализма освещают основные этапы истории Венгрии, без уяснения сущности которых невозможно правильно и полно осветить и историю Закарпатья.

Истории феодальных отношений в Венгрии и эпохе кризиса крепостнической системы посвящены исследования П. Ж. Паха, Д. Мереи и других авторов. П. Ж. Пах в содержательной статье «Барщинное хозяйство и экспроприация

ванием, основанным на изучении новых, не опубликованных архивных материалов

⁶⁵⁾ См. «Studia Historica», Bdp, 1953

⁶⁶⁾ См. «Studia Historica», 1954

⁶⁷⁾ Журнал «Századok» издается с 1867 года.

крестьянства в XVII столетии в Венгрии»⁶⁸) исследует вопрос о развитии товарного производства, вовлечении помещичьих хозяйств в сферу рыночных отношений и зарождение элементов капиталистических отношений в сельском хозяйстве. На основе анализа большого фактического материала автор показывает усиление эксплуатации крестьян, рост барщинных и натуральных повинностей, увеличение размеров налогов, поборов.

В работе Д. Мереи «Сельскохозяйственное товарное производство и положение крестьянства в Венгрии в период кризиса феодализма»⁶⁹) приводятся статистические данные, характеризующие развитие товарного производства в дворянских поместьях первой половины XIX столетия и сосредоточение подавляющей части плодородных земель в руках помещиков (в 1848 году—69,5% плодородных земель Венгрии, включая и леса, находилось в руках помещиков, а в пользовании крестьян было только 28% земли)⁷⁰). В этот период усиливается применение наемного труда в помещичьих хозяйствах, однако крупные латифундии получали еще значительную часть доходов не от собственного хозяйства, а за счет эксплуатации крестьян. Так, в имении графа Эстергази в Тортогесте 50% доходов давало господское хозяйство, 42—44% — поборы с крепостных крестьян и 6—8% — доходы от вотчинных мельниц⁷¹). Автор приводит также очень важные статистические данные, характеризующие процесс обезземеления и социального расслоения крестьянства, возрастание числа безземельных желлеров и поджеллеров⁷²).

Много места отводит «Századok» истории революции и освободительной войны 1848—1849 годов. В опубликованных исследованиях, посвященных этой проблеме, подвергаются критике работы буржуазно-дворянских историков-фальсификаторов, затушевывавших роль народных масс в революции, принижавших значение революционно-демократического течения, возглавляемого Петефи и Танчичем, возвеличивавших представителей правого крыла либерального дворянства и пытавшихся изобразить революцию 1848—1849 годов как антигабсбургское, национальное движение дворянства. То но-

⁶⁸) См «Századok», № 3—4, 1951 год.

⁶⁹) См Mérei Gyula, Mezőgazdasági árutermelés és a parasztság helyzete Magyarországon a feudalizmus válságának elmélyülése idején, «Századok», № 4 —6, 1956, стр. 591—616.

⁷⁰) Там же, стр. 596.

⁷¹) Там же, стр. 599.

⁷²) По данным Д. Мереи, на протяжении 1828—1846 годов удельный вес йоббадей среди сельского населения Венгрии возрос на 9,6, а желлеров — на 32,6%. Эти и другие сведения о расслоении крестьянства послужили для нас материалом, позволяющим сравнить глубину этого процесса в Закарпатье и Венгрии в целом.

вое и наиболее важное, что внесено историками народно-демократической Венгрии в исследование истории революции 1848 года — это определение роли народных масс как движущей силы истории.

В статье Сабо И. «Кошут и освобождение крепостных»⁷³⁾ приводятся новые интересные данные, характеризующие классово-ограниченные взгляды Л. Кошута на разрешение аграрного вопроса и освобождение крестьян от крепостной зависимости. Э. Андич в работе «Габсбурги и вопрос о царской помощи против революции»⁷⁴⁾ на основе анализа исторических источников приходит к основному выводу, что интервенция Николая I в Венгрию с целью спасения Австрийской империи и династии Габсбургов являлась результатом не случайных исторических перипетий, а прямым следствием существовавшего уже в течение десятилетий реакционного союза между двумя абсолютистскими державами, преследующими общую цель — подавление революционно-освободительного движения в Европе.

Ряд статей в журнале посвящен положению крестьянства после освобождения от крепостной зависимости, вопросам развития капитализма в промышленности и сельском хозяйстве, проблемам национальных отношений в Венгрии⁷⁵⁾. В исследовании И. Барта «Крестьянская политика правительства в 1849 году» дается анализ содержания закона об освобождении крестьян от крепостной зависимости, рассматривается положение отдельных категорий крестьян, способы их обезземеления и раскрывается классовый характер так называемого «урбарияльного урегулирования». В статье И. Кирай «Некоторые вопросы разложения крестьянства в начале XX ст.» на основе большого фактического материала показано углубление социального расслоения в венгерской деревне и обострение классовых противоречий между кулачеством и беднейшим крестьянством. Автор уделяет много внимания характеристике экономического положения масс крестьянства и вопросу формирования сельскохозяйственного пролетариата. Наличие крепостнических пережитков в сельском хозяйстве Венгрии, как указывал автор, обусловило распрост-

⁷³⁾ См «Századok», № 4, 1952 год.

⁷⁴⁾ См. Andics Erzsébet, A Habsburgok és a forradalmak elleni cím segítés kérdése, «Századok», 94 évfolyam, 4 szám, Bdp., 1960

⁷⁵⁾ См И Барта, Крестьянская политика правительства в 1849 году, «Századok», № 1—2, 1956, И Кирай, Некоторые вопросы разложения крестьянства в начале XX ст., «Századok», № 2, 1952, Е. Хатванье, Женский и детский труд в Венгрии в 1890—1914 гг., «Századok», № 1., 1952, 3. Тот, Национальный вопрос в период дуализма (1867—1900), «Századok», № 3, 1956 год и др

ранение докапиталистических форм эксплуатации непосредственных производителей, тормозивших развитие классовой борьбы в деревне. В статье Хатваньне Е. приводятся статистические данные, показывающие широкое применение женского и детского труда в промышленности и сельском хозяйстве Венгрии, тяжелые формы эксплуатации этих категорий наемных рабочих. З. Тот в статье, посвященной национальным отношениям в Венгрии в период дуализма, помимо общей характеристики усиливающихся противоречий между буржуазией угнетенных наций и венгерской буржуазией, приводит ряд данных, характеризующих ассимиляторскую политику венгерского правительства в Закарпатье. Автор справедливо указывал, что между немадьярскими народами Венгрии в наиболее тяжелом положении находились русины, национальное развитие которых было «мучительным и запоздалым»⁷⁶).

Регулярно публикуемые в журнале «Századok» критические обзоры вышедших в свет исторических исследований, рецензии, дискуссионные материалы, итоги коллективных обсуждений трудов по истории Венгрии, отчеты о конференциях венгерских историков дают возможность глубже ознакомиться с состоянием исторической науки в Венгрии и разработкой наиболее важных проблем, имеющих прямое отношение к избранной нами теме.

В журнале «Historický časopis», издаваемом Словацкой академией наук, были опубликованы очень важные исследования, посвященные социально-экономическим и национальным отношениям в Словакии, способствующие более глубокому уяснению сущности аналогичных процессов и в Закарпатье. Статья Е. Арато «K hospodárskym dejinám Slovenska od r. 1849 do 1900»⁷⁷), написанная на основе анализа большого статистического и фактического материала, дает конкретное представление об особенностях развития сельского хозяйства, промышленности, кредита, рыночных отношений в Словакии во второй половине XIX столетия. В содержательной статье П. Гапака исследуются вопросы формирования пролетариата в Словакии, условия труда и формы эксплуатации рабочих в период 1848—1867 годов⁷⁸). Л. Гараксим в статье, посвященной национальному движению в Закарпатье и восточной Сло-

⁷⁶) См указ. соч Tóth Z, A nemzetiségi kérdés, «Századok», № 3, 1956, стр 372

⁷⁷) См Historický časopis, I, с. 2, 1953, стр 229—276.

⁷⁸) См Н а р а к Р, Postavenie proletariátu na Slovensku v rokoch 1848—1867, «Historický časopis», V, с 3, 1957, стр 315—334

вакии, характеризует взгляды и деятельность закарпатских «будителей» в связи с идеей «славянской взаимности»⁷⁹⁾.

Опубликованная в историческом журнале ГДР «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» статья П. Ж. Паха «О некоторых характерных чертах так называемого прусского пути развития сельского хозяйства Венгрии во второй половине XIX столетия»⁸⁰⁾ является серьезным исследованием особенностей капиталистической эволюции сельского хозяйства Венгрии. Многочисленные фактические данные и научно обоснованные выводы, сделанные П. Ж. Пахом, использованы нами для выяснения специфики аграрных отношений в Закарпатье.

Для разработки основных вопросов избранной нами темы была использована обширная литература, изданная в Закарпатье и Галиции до воссоединения Западной Украины и Закарпатской Украины с УССР, в дореволюционной России, в буржуазной Венгрии и буржуазной Чехословакии и в других капиталистических странах, а также литература, изданная в Советском Союзе и зарубежных странах социалистического лагеря.

Большое значение для уяснения сущности социально-экономических, политических и национальных отношений в Венгрии, Австро-Венгрии и Закарпатье имели использованные нами труды революционных демократов Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, И. Франко, Ш. Петефи и М. Танчича, в которых разоблачалась антинародная политика господствующих классов Австрии и Венгрии по отношению к трудящимся и угнетенным нациям империи, раскрывались подлинные причины бедствий масс венгерского и славянского крестьянства, давалась характеристика общественно-политического и национального движения закарпатских и прикарпатских украинцев.

Во всей буржуазной литературе по истории Закарпатья освещались главным образом вопросы, относящиеся к истории униатской церкви, религиозным отношениям, национально-политическому движению, народной школе, литературе и языковому вопросу. К сказанному нами в историографическом обзоре об идейно-классовой направленности буржуазной закарпатской литературы необходимо добавить, что, не-

⁷⁹⁾ H a r a k s i m L'udovit, Hnutie Ukrajincov Zakarpatska a východného Slovenska a myslienka slovenskej vzájmnosti, «Historicky časopis», VIII, с. 2—3, 1960, стр. 360—374.

⁸⁰⁾ См. Z S. P. P a c h, Über einige charakteristische Züge des sogenannten preussischen Weges der Entwicklung in der Landwirtschaft in der 2. Hälfte des 19. Jhs., «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», VII Jahrgang, Heft 6, Berlin, 1959.

смотря на ее реакционный характер, она все же дает значительный фактический материал, анализ которого с позиций марксизма-ленинизма позволяет дополнить архивные данные, составляющие документальную основу нашего исследования, и воссоздать картину исторического прошлого Закарпатья во всей ее жизненно конкретной многогранности. В этом отношении важна мемуарная литература⁸¹⁾, статьи о национально-религиозном преследовании закарпатских украинцев⁸²⁾, по истории народной школы⁸³⁾, исследования в области закарпатской литературы и языка⁸⁴⁾ и, наконец, этнографические исследования⁸⁵⁾. Вопросы социально-экономических отношений и классовой борьбы в Закарпатье во второй половине XIX столетия не нашли почти никакого отражения в буржуазной закарпатской литературе⁸⁶⁾.

⁸¹⁾ См. А. Духнович, Автобиография, Ужгород, 1928; И. В. Каминский, Воспоминания, «Карпаторусский голос», Ужгород, 4—5. 11—12 февраля 1933 года; Ю. Русак, Воспоминания, Ужгород, 1938; И. Сильвай (Уриил Метеор), Автобиография, Ужгород, 1938; И. Мураный, Давне дяки, Ужгород, 1934.

⁸²⁾ См. Ю. Бережский. О борьбе за нашу церковную автономию, Журнал «Русский вестник», Ужгород, 1929; М. Грабец, К истории Марамарош-Сигетского процесса, Ужгород, 1928; А. Папп, О шизматических агитациях, Унгар, 1912; Vargha Géza, Szizmatikus vitapontok, Ungvár, 1915; Beskid K, Maramaroský proces, Hust, 1926.

⁸³⁾ См. П. С. Федор, Краткий обзор истории карпато-русской народной школы, Журнал «Народная школа», № 7, Ужгород, 1936 год; В. Гаджега, О первых початках народного школьництва на Подкарпатской Руси, «Подкарпатска Русь», № 5, 1927; І. Контратович, Додатки до історії шкільництва Підкарпатської Русі, «Подкарпатска Русь», № 2, 1924; А. Якеш, А. Шимек, Школьництво на Подкарпатській Русі, журнал «Учитель», рочн. X, № 9—10, Ужгород, 1929 год.

⁸⁴⁾ См. Е. Белецкий, Язык грамматики Сабова з 1890 року, Унгар, 1944; Г. Геровский, История угрорусской литературы в изображении Володимира Бирчака, Унгар, 1943; Русский язык в церковно-славяно-русской грамматике Михаила Попа Лучкая, Ужгород, 1930; Е. Недзельский, Очерки карпаторусской литературы второй половины XIX века, Ужгород, 1929; «Исторія подкарпаторуської літератури», Унгар, 1942; В. А. Погорелов, Михаил Лучкая и его Grammatica Slavo-Ruthena, Ужгород, 1930. Е. Сабов, Христоматія церковнославянських и угрорусских літературних пам'яток з приложением угрорусских народных сказок на подлинных наречиях, Унгар, 1893. П. Федор, Очерки карпато-русской литературы, Ужгород, 1929; В. Бірчак, Літературні стремління Підкарпатської Русі, Ужгород, 1937; Панькевич І, Славяноруська граматика Арсенія Коцака другого половини XVIII века, Науков. збірн. «Просвіта», 1927, Beregi Gyula, Több világosságot! (Köpirat Kárpát-kájá Rus politikai és kulturális küzdeleméhez), Uzhorod, 1920

⁸⁵⁾ См. Ф. Потушняк, Вода, земля и воздух (в народном веровани), Унгар, 1944; Душа в народнім повір'ю села Осій, Науков. збірн. «Просвіта», річн. XIII—XIV, 1938; Potusnyák Ferenc, A rusz-on népviselet, Ungvár, 1944.

⁸⁶⁾ В сборнике «Подкарпатская Русь 1919—1936» (Ужгород, 1936) приводятся отрывочные данные о состоянии сельского хозяйства и положении крестьян под властью венгерских помещиков, некоторые сведения

Такой же ограниченный и односторонний характер носила и литература по истории Закарпатья и Венгрии, изданная в дореволюционной России. Кроме отрывочных сведений, характеризующих тяжелые условия жизни закарпатских украинцев, переобремененных государственными и церковными налогами и поборами, придавленных ростовщической кабалой, в русской литературе других данных мы не находим. В сочинении Н. А. Крюкова «Славянские земли. Сельское хозяйство в славянских землях», изданном в период первой мировой войны, подробно, с привлечением большого статистического материала рассматривается состояние сельского хозяйства и другие вопросы экономического и политического положения Венгрии в конце XIX—начале XX века, но о Закарпатье Н. А. Крюков упоминает только вскользь, указывая, что русины «представляются бедным и как бы загнанным народом». Некоторые статистические данные и отдельные факты, характеризующие аграрные отношения в Венгрии и положение крестьян и сельскохозяйственных рабочих, приводимые Н. А. Крюковым, представляют определенный интерес. В целом же исследование Крюкова не имеет научного значения вследствие реакционного мировоззрения и классовой ограниченности автора, изображавшего аграрный строй Венгрии и положение крестьян и сельскохозяйственного пролетариата в прилизанном, идеализированном виде.

В буржуазной литературе, изданной в других капиталистических странах и освещающих историю Венгрии, обычно истории Закарпатья не уделялось никакого внимания; в этой литературе рассматривались главным образом политические события, происходившие внутри господствующих классов. Даже в специальных работах, посвященных характеристике социально-экономических и национальных отношений в Венгрии, о положении закарпатских украинцев приводились отрывочные, крайне скудные сведения⁸⁷).

В широко известном и ценном исследовании И. Ачади «История венгерского крепостного крестьянства»⁸⁸), в много-

о положении городского населения даны в книге П. Совы «Прошлое Ужгорода» (Ужгород, 1937). За исключением небольшой статьи Н. Лелекача «Криваві вибори в Севлюші» в 1865 году (журнал «Земля і воля», № 4, Ужгород, 1938 год) никаких других упоминаний о политической и социальной борьбе в Закарпатье опубликовано не было

⁸⁷ См. Bernát István, Tanulmányok az agrárpolitika és a magyar agrármozgalom koréből, Bdp., 1927; Ecséri S. L., Az alföldi munkás kérdés és a mezőgazdasági válság, Bdp., 1898; Thüring Gusztáv, A Magyarországi kivándorlás és a külföldi magyarok, Bdp., 1904; Fellner F., Das Volksvermögen Österreichs und Ungarns, Wien, 1913; Mailath I., Die Kreditgenossenschaften in Ungarn, Bdp., 1903

⁸⁸ См. Ачади И., История венгерского крепостного крестьянства, М., 1956.

точной «Истории мадьяр» Гомана Б. и Секфью Д.⁸⁹⁾, в «Истории национальностей Венгрии» М. Асталоша⁹⁰⁾, в исследовании Г. Шутца о положении трудящихся Венгрии⁹¹⁾, в книгах Сетон-Ватсона, посвященных национальному вопросу в Венгрии⁹²⁾ и в других подобного рода исследованиях закарпатские украинцы не упоминаются вовсе или о них приводятся очень общие и известные, повторяющиеся в литературе данные. Так, например, в последней из указанных нами выше книг преподавателя истории Восточной Европы Лондонского университета Сетон-Ватсона (Scotus Viator), объемом свыше 500 страниц, закарпатским украинцам отводилось 4 страницы, заполненных сведениями о расселении и количестве русинов, о религиозном движении в селе Иза. В приложении к этой книге, содержащем большое количество официальных документов, выдержек из периодической печати и статистических данных, не приводится никаких сведений, характеризующих национальное угнетение закарпатских украинцев.

**

Нами была широко использована также советская историческая литература и литература, изданная в зарубежных социалистических странах. Помимо исследований советских авторов, посвященных непосредственно истории Закарпатья, характеристика которых дана в историографическом обзоре, нами изучены основные труды по истории Украины, Венгрии, Чехии и Словакии XIX столетия. К их числу относится ценное монографическое исследование И. Гуржия «Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве Украины первой половины XIX ст.»⁹³⁾, которое позволило нам глубже уяснить специфику процесса разложения феодально-крепостнической системы в конкретно-исторических условиях Закарпатья.

Исследования, относящиеся к истории революции 1848—1849 годов в Австрии, Венгрии, Чехии⁹⁴⁾, к истории Венгрии

⁸⁹⁾ См Homan B és Szekfü Gy, Magyar történet, V, Bdp, 1938.

⁹⁰⁾ См Asztalos Miklós, A nemzetiségek története Magyarországon, Bdp, 1934

⁹¹⁾ См Schütz G, La situation matérielle des classes laborieuses en Hongrie avant la guerre (1890—1913), Paris, 1930

⁹²⁾ См. Seton-Watson R. W., German, Slav and Magyar, London, 1916; Scotus Viator, Racial Problems in Hungary, London, 1906.

⁹³⁾ См І Гуржій, Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст., Київ, 1954.

⁹⁴⁾ См «Революции 1848—1849», т. 1—2, М., 1952; Б. Л. Ландор, Венгерская революция 1848—1849 г. и царская интервенция, «Исторические записки», т. 9, М., 1940; И. И. Удальцов, Очерки по истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 году, М., 1951 и др.

конца XIX—начала XX века⁹⁵), дают не только богатый фактический материал, но и раскрывают многие процессы социально-экономических, политических и национальных отношений в Венгрии, уяснение сущности которых необходимо для правильного понимания и освещения истории Закарпатья.

Произведения Ярослава Галана⁹⁶) — пламенного публициста — борца за социальное, национальное и духовное освобождение трудящихся Западной Украины и Закарпатья из-под гнета чужеземных захватчиков и религиозной идеологии, за воссоединение всего украинского народа в едином Украинском Советском государстве, в частности его блестящие, политически заостренные статьи и памфлеты способствовали разоблачению гнусной роли униатского духовенства, украинских буржуазно-националистических и других реакционных сил, течений и группировок в Закарпатье.

Большое значение для осмысления сущности исторических процессов в Закарпатье XIX столетия имели исследования современных венгерских и словацких авторов. В частности, в трудах Шандора Вильмоша и И. Беренда и Д. Ранки исследуется развитие фабрично-заводской промышленности и монополистического капитализма в Венгрии⁹⁷).

В первой части фундаментального труда Шандора Вильмоша «Развитие крупной промышленности Венгрии в 1867—1900 гг.» рассматривается начальный этап развития крупной промышленности в период домонополистического капитализма (1867—1880 годы). Автор, характеризуя условия промышленного развития Венгрии после установления дуализма, показывает тормозящую роль остатков феодализма в экономических и общественных отношениях страны, противоречия между «полуколониальным», по его мнению, положением Венгрии и развитием промышленности, а также исследует состояние отдельных отраслей промышленности, роль иностранного капитала, процесс концентрации производства и капитала и положение рабочего класса. Во второй части работы, посвященной вопросам развития крупной промышленно-

⁹⁵) См. М. Ф. Лебович, Венгрия накануне буржуазно-демократической революции 1918 года и провозглашение республики., Наукові записки Львівського державного університету ім. Івана Франка, т. 25, Львів, 1953. Т. М. Исламов, Политическая борьба в Венгрии в начале XX ст., М., 1959.

⁹⁶) См. Ярослав Галан, Твори, Київ, 1953.

⁹⁷) См. Sándor Vilmos, Nagvpari fejlődés Magyarországon 1867—1900, Bdp., 1954. Berend I., Ranki Gy., Magyarország gyarapara 1900—1914, Bdp., 1956; A Magyarországi monopolizmus szerepének kérdéséhez 1900—1914, Bdp., 1956. A monopolkapitalizmus gazdasági alaptörvénye érvényesülésének néhány kérdése Magyarországon az első világháború előtt 1900—1914. Tanulmányok a kapitalizmus történetéhez Magyarországon 1867—1918, Bdp., 1956.

сти в период перехода капитализма в империалистическую стадию (1880—1900 годы), В. Шандор, основываясь на учении марксизма-ленинизма, всесторонне анализирует на конкретно-историческом материале своеобразие проявления основных черт империалистической стадии развития капитализма в Венгрии. усиливающееся проникновение иностранного капитала, образование промышленных и финансовых монополий, рассматривает роль банков и финансовой олигархии в экономической и политической жизни страны, вскрывает причины и характер экономических кризисов. Автор уделяет большое внимание вопросам усиления капиталистической эксплуатации рабочего класса и его революционной борьбы за свои экономические и политические права.

Несмотря на то, что В. Шандор приводит только некоторые отрывочные данные о промышленном развитии Закарпатья (объем производства, количество рабочих на железодельательных заводах в Требушанах, Кобыляцкой Поляне, Фридешево, В.-Реметах; на химических заводах «Клотильда», «Бантлин», Великобычковском и других; роль банков в финансировании закарпатских предприятий), его труд, раскрывающий основные закономерности и особенности промышленного развития Венгрии в период домонополистического и монополистического капитализма, дает возможность глубже уяснить сущность этих процессов и в экономике Закарпатья, органически связанной в этот период со всей общественно-экономической и политической системой Венгрии в целом.

Такое же значение имеют для нас и исследования И. Беренда и Д. Ранки по истории промышленности Венгрии в эпоху империализма. Их статья «Некоторые вопросы осуществления основного экономического закона монополистического капитализма в Венгрии до первой мировой войны (1900—1914)» важна для нашего исследования, в частности, в том отношении, что она показывает особенно тяжелую эксплуатацию иностранным и венгерским финансовым капиталом трудящихся угнетенных наций Венгрии.

Статья Т. Фольди «Строительство железных дорог в Венгрии — источник прибылей для иностранного крупного капитала»⁹⁸⁾ представляет для нашего исследования по истории Закарпатья большой интерес. Автор статьи детально исследует причины развертывания железнодорожного строительства в Венгрии после установления австро-венгерского соглашения 1867 года. Он показывает решающую роль иностранного капитала в железнодорожном строительстве. Господствующее

⁹⁸⁾ См. Foldi Tamás, A Magyarországi vasútépítés a külföldi nagytőke profitforása 1867—1900. Tanulmányok a kapitalizmus történetéhez Magyarországon 1867—1918, Bdp., 1956, стр. 23—139.

положение в стране заняли железнодорожные общества, входившие в сферу деятельности банкирского дома Ротшильда, особенно же Австрийское государственное железнодорожное общество. В 80-х годах XIX столетия, в условиях перехода к империализму, приобретает особое значение строительство стратегических железных дорог, а в 90-х годах, наряду с этим, строительство железных дорог местного значения, в котором принимают участие не только венгерская буржуазия и крупные помещики, но и иностранные банки и прежде всего немецкие. Основной вывод автора статьи сводится к следующему: хотя в период 1867—1900 годов отсталость венгерского железнодорожного транспорта и была в значительной мере ликвидирована, но вместе с тем развитие железнодорожного строительства привело к значительному укреплению позиций иностранного капитала в экономике Венгрии.

Кроме этого, нами использованы многие другие исследования венгерских авторов, посвященные характеристике экономического развития Венгрии⁹⁹⁾, рабочего и крестьянского движения¹⁰⁰⁾ и национальным отношениям¹⁰¹⁾.

Изучение исследований чехословацких авторов позволило нам с большей полнотой осветить многие вопросы социально-экономического развития Закарпатья. Большое значение имело ознакомление с материалами обсуждения чешскими, словацкими и венгерскими историками проблемы развития капитализма в Австро-Венгрии¹⁰²⁾, с трудами словацких авторов,

⁹⁹⁾ См P a c h P Z, Magyar gazdaságtörténet. 1848—1900, Bdp, 1957, Tanulmányok a kapitalizmus történetéhez Magyarországon 1867—1918, Bdp., 1956

¹⁰⁰⁾ См. A Magyarországi munkásmozgalom 1848—1917-ig, Bdp, 1952; Sz á n t o B e l a, A Magyar munkásmozgalom 1914-ig, Bdp, 1948, N e m e s D e z i d e r, Robotníctvo v revolúcií r. 1848—1849. «Kapitoly s uhorských dejín», Bratislava, 1952, N e m e s D é z s ö, Az Általános munkáscsapat története, Bdp, 1952, H a n á k P e t e r, Az 1905 — ös orosz forradalom hatása Magyarországon «Magyar Történeti Kongresszus 1953 június 6—13», Bdp, 1954; K a l o s s a T., Adatok az agrárproletariatus arányához és összetételéhez az Osztrák-Magyar Monarchiában, Bdp, 1958, E r é n y T., A Magyar szakszervezeti mozgalom története 1898—1917 között, Bdp, 1956, M é r e j I., Príspevok k dejínam, hnutia poľnohospodárskych robotníkov v Uhorsku, «Kapitoly z uhorských dejín», Bratislava, 1952, Акузинус Хевеши, Венгерское крестьянство и его борьба, Госиздат, М.—Л., 1926 и др

¹⁰¹⁾ A r a t ó E n d r e, A nemzetiségi kérdés története Magyarországon, I k (1790—1840), II k. (1840—1848), Bdp., 1960

¹⁰²⁾ См Sbornik «Otázky vývoje kapitalismu v českých zemích a v Rakousku — Uhersku do roku 1918, Praha, 1957.

¹⁰³⁾ См D z v o n i k M., Ohlas Rijnove Socialisticke revoluce na Slovensku, Bratislava, 1957; L a z a r E., Príspevok k otázke slovensko ukrajinských uzťahov v 19 stor. Sbornik «Z dejín ceskoslovensko-ukrajinských vzťahov»,

посвященных вопросам развития промышленности, сельского хозяйства и общественных отношений в Словакии ¹⁰³).

Bratislava, 1957; Ledetgerová Ema, Pociatky priemyselného kapitalizmu v Uhorsku, Bratislava, 1954; Mészáros Iúlius, K problematike feudaľnych prežitkov na Slovensku v druhej polovici XIX storocia, Bratislava, 1955; Stavrovský Emilian, Spolocene ľudové tradície poľského, západo-ukrajinského a východoslovenského ľudu v 16. až v prvej polovici 18 storocia. Príspevky k medzislovenským vzťahom v ceskoslovenských dejinách. Slovenské Studie, III, vyd SAV, Bratislava, 1960; Tichý F, Ze slovensko-ukrajinských styku v padesátých a sedesátých letech minulého století. Sborník «Z dejín ceskoslovensko-ukrajinských vzťahov», Bratislava, 1957 и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть I. Глава I

Стр 4

*) В одном из донесений русского консульства в Будапеште следующим образом были охарактеризованы экономические и финансовые отношения между Венгрией и Австрией в конце XIX столетия: до 1867 года Венгрия была в течение столетий в финансовой зависимости от Австрии. «Венские правители смотрели на Венгрию, как на колонию, и постоянно тормозили ее экономическое развитие и эмансипацию, вызывая тем целый ряд столкновений. Этому был положен конец мирно и единственно силою справедливости. Король и народ пришли к окончательному соглашению, экономические и финансовые отношения между Австрией и Венгрией были установлены на началах свободы действия двух независимых контрагентов» (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 224). Эта характеристика не только извращает социально-политическую сущность соглашения между господствующими классами Австрии и Венгрии, но и противоречит действительному положению вещей, затушевывает продолжающуюся и после 1867 года зависимость Венгрии от Австрии.

Именно сильная экономическая, финансовая и политическая зависимость от Австрии и от иностранного капитала, огромные расходы на содержание армии, королевского двора, общегосударственных министерств и т. д., несмотря на гнет налогов, ложившихся всей своей тяжестью на массы трудящихся Венгрии, обусловили собой хронический дефицит государственного бюджета Венгрии. Об этом можно судить по следующим данным:

Таблица I

Годы	Приходная часть бюджета	Расходная часть бюджета
	в миллионах форинтов	
1868	154,1	147,5
1869	152,5	162,0
1870	171,2	199,2
1875	192,8	233,3
1885	318,1	358,3
1895	531,1	504,0
1896 (смета)	501,9	504,3
1901	528,5	528,5
1902	542,9	555,3

(АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 225; д. 578, л. 227).

Русское консульство в Будапеште отмечало, анализируя состояние венгерских финансов в конце 1896 года, что дефицит, «который принял

с 1870 года по 1880 год угрожающие размеры, устранен и, все заставляет думать, надолго. Этого результата добились путем разумной финансовой системы, которая опиралась на косвенные налоги и остерегалась слишком повышать прямые» (Там же, д. 576, л. 225) Но чиновники из русского консульства оказались плохими пророками. Государственный долг Венгрии уже в 1896 году достигал 2100 млн. форинтов, т. е. более чем в 4 раза превышал приходную часть бюджета. Дефицит государственного бюджета Венгрии был устранен за счет чрезвычайного переобременения налогоплательщиков только на каких-нибудь 4—5 лет, несмотря на проведение «разумной финансовой политики». Уже в 1902 году, как это видно из приводимой таблицы, дефицит превышал 12 млн. форинтов.

В конце 1899 года квота Венгрии в общих расходах Австро-Венгрии была установлена указом короля без согласия венгерского парламента в размере 34% вместо существовавшей до этого квоты — 31,4% (АВПР, ф. Канцелярия, 1899 г., д. 108, л. 184; д. 110, лл. 37, 56). Ассигнования на содержание королевского двора в 1904 году были увеличены с 9,3 до 11,3 млн. гульденов (АВПР, ф. Политархив, 1904 г., д. 579, л. 106).

Стр. 44

*) Накануне первой мировой войны заводы «Бантлин» с основным капиталом в 2 млн. крон влились в еще более крупное монополистическое объединение «ГИАГ» («Голуверккоглунчс Индустрии А. Г.»), находившееся почти целиком в руках иностранного капитала (см. указ. соч. *B e r e n d I, R á n k i Gy.*, стр. 123).

В 1910 году было создано акционерное общество «Сольва» («Унгарисхе Голуверккоглунчс-Акциен-Гезельшафт» или «*Magyar Falepárló Rt.*» — «Венгерское акционерное общество дистилляции дерева»), в которое было вложено 2/3 капиталов венской фирмы «Голугаленс Акциен-Гезельшафт», владевшей лесопильным заводом в Свальяве (создан в 1910 году). Основной капитал нового акционерного общества, в котором участвовали австрийские, немецкие, английские, французские, американские и венгерские капиталисты, составлял 3 млн. 600 тысяч крон (см. указ. соч. *T e h n i c k á g r a s e .*, стр. 329). Акционерное общество «Сольва» финансировали австрийские и венгерские банки: венский банк «Унио», венгерский аграрный банк и венгерский расчетный банк («*Leszámitoló Bank*») (см. указ. соч. *B e r e n d I, R á n k i Gy.*, стр. 155). Акционерным обществом «Сольва» на протяжении 1910—1911 годов был построен лесохимический завод в Свальяве, имевший вначале 10, а потом 12 больших реторт для сухой перегонки древесины. В строительство химического завода и расширение лесопильного завода было вложено 13 млн. 750 тысяч крон (см. указ. соч. *T e h n i c k á g r a s e .*, стр. 329). Свальявский лесохимический завод ежегодно перерабатывал до 100 тысяч складометров букового дерева. Продукция его вывозилась в Венгрию, Австрию и за границу. На лесохимическом заводе «Сольва» было занято в отдельные годы от 1000 до 1400 рабочих (включая лесорубов) (см. указ. соч. *T e h n i c k á g r a s e . . .*, стр. 329).

Стр. 54.

*) Недоброкачественность венгерской промышленной статистики не дает возможности точно определить изменение числа лиц, занятых в мелкой промышленности. Однако архивные данные и свидетельства современников позволяют утверждать, что, начиная с 1859 года, когда ремесло было объявлено «свободным» занятием и ограничены функции и права ремесленных цехов, и особенно после ликвидации цеховой системы (1884 год), число ремесленно-кустарных мастерских, хозяйчиков, наемных и семейных рабочих и учеников возрастает. Так, по данным Т. Легоцкого, в 1832 году в Бережской жупе насчитывалось свыше 1400 ремесленных мастеров и подмастерьев, а в 1857 году — 2359; в гор. Мукачеве количество владельцев мелких промышленных заведений и рабочих в них возросло с 200 до 450 (см. *L e h o c z k y T., Beregvármege monográfiája, II,*

стр. 438—439). Особенно значительный рост деревенской кустарной промышленности в Закарпатье начинается с конца XIX столетия в связи с проведением «верховинской акции» Количество кустарей-одиночек и наемных рабочих, занятых в мелкой промышленности в деревне, как свидетельствуют данные экспозитуры горных районов, с 1898 по 1911 год возросло в несколько раз (см. ГАЗО, ф. 772, 1912 г., д. 12, л. 85).

Стр 69

*) В 1884 году в Венгрии была ликвидирована старая система ремесленных цехов (закон XVII—1884) и созданы в целях «поддержания» мелкой промышленности и «защиты» интересов ремесленников и кустарей так называемые «промышленные корпорации», которым предоставлялось право обращаться в правительственные органы с представлениями о нуждах мелкой промышленности, оказывать материальную и юридическую помощь своим членам, «регулировать» использование рабочей силы и взаимоотношения между хозяевами и «помощниками» Как указывалось в распоряжении министра торговли и промышленности Венгрии, все ремесленники и кустари обязаны были состоять на учете в местной корпорации, без ведома и согласия которой мастера и хозяева мастерских не могли принимать учеников и подмастерьев, а договора об условиях работы «помощников» должны были заключаться перед правлением корпорации. Кроме того, трудовые конфликты между хозяевами мастерских и кустарных заведений, с одной стороны, и наемными рабочими, подмастерьями и учениками, с другой, разрешались третейскими судами этих корпораций (см. ГАЗО, ф. 7, оп. III, 1884—1904 гг., д. 255, лл. 1—24).

Глава II

Стр. 106.

*) В Венгрии первая железная дорога была открыта в 1820 году. Особенно интенсивное железнодорожное строительство развернулось в 80—90-х годах, о чем можно судить по таким данным (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 158—159).

Т а б л и ц а 2

Годы	Построено железнодорожных линий (километров)	Нарастающий итог (километры)	Средняя протяженность построенных в течение года железных дорог (километров)
1849—1855	374		53
1856—1861	1277	1651	213
1867—1875	4042	5693	505
1876—1880	677	6370	145
1881—1885	1891	8061	392
1886—1890	2274	10335	445
1891—1895	2699	13034	540

Если за 30 лет, с 1849 по 1880 год, было построено 6360 км железных дорог (в среднем в год 212 км), то за 15 лет (с 1881 по 1895 год) — 6664 км (в год в среднем 440 км). Большая часть железнодорожных линий Венгрии принадлежала государству или находилась под контролем

правительственных органов Из 13937 км железных дорог в 1895 году государству принадлежало 7510 км, в управлении правительственных органов находилось 3886 км, частично под контролем государсга — 1304 км и 1237 км дорог местного значения находилось в ведении частных компаний (АВПР, ф Политархив, 1901 г, д 576, л. 150) Основной капитал венгерских железных дорог в конце 1895 года достигал 1099 млн. форинтов (государству принадлежало болсе 70% основного капитала). доходы, полученные от эксплуатации железных дорог, составляли 113,2, а расходы — 68,6 млн форинтов, отношение расходов к доходам составляло 60,7% (АВПР, ф Политархив, 1901 год, д 576, лл 163--164).

Стр 111

*) В годы нормальных урожаев цены на хлеб на закарпатских рынках были обычно ниже, чем на центральных венгерских рынках. В 1894 году, например, цены на пшеницу на будапештской бирже удешевились на уровне 8,4, а на рожь — 6,7 форинта за центнер, на марамарош-сигетском рынке цена центнера пшеницы не превышала 7,3 и ржи — 5,3 форинта, а на ужгородском рынке составляла соответственно 7,1 и 5,9 форинта В годы неурожаяев цены на хлеб резко возрастали Так, в 1898 году закарпатские спекулянты Г. Гаусман, братья Блац и другие поставляли экспоритуре горных районов хлеб для оказания «помощи» голодающим по ценам на 30% превышающим обычные цены (ГАЗО, ф 772, оп. I, 1898 г., д. 35, лл 5—15). В засушливый 1900 год цена центнера пшеницы на марамарош-сигетском рынке достигала 10,6 и ржи 8,8 форинта за центнер, что превышало цены на будапештской бирже на 30—40% (Mse, VII, 1901, стр. 180; Mse, IX, 1902, стр 77)

Стр. 122.

*) АВПР, ф. Политархив, 1901 г, д. 576, л. 127 Следующая таблица характеризует с количественной стороны внешнеторговый оборот Венгрии в 90-х годах XIX столетия (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л 127).

Таблица 3

Годы	Ввоз		Вывоз	
	продукция (млн. метро- центнеров)	скот (млн. голов)	продукция (млн. метро- центнеров)	скот (млн. голов)
1890	19,0	0,25	39,9	2,2
1891	21,9	0,27	39,8	1,7
1892	23,4	0,28	39,2	2,1
1893	29,1	0,33	43,0	2,3
1894	33,6	0,35	42,6	3,2
1895	34,1	0,28	42,1	4,4
1896	35,8	0,38	52,6	4,3
1897	36,9	0,27	48,7	4,6

В течение указанных 8 лет ввоз составил 333,9 млн. метро-центнеров продукции и 2,41 млн. голов скота, а вывоз соответственно — 347,9 млн. метро-центнеров и 24,8 млн. голов, т. е. вывоз продукции превышал ввоз только на 4,1%, а ввезенный скот по отношению к вывезенному составлял 3%. Если данные 1890 года принять за 100, то возрастание импорта продукции за эти годы составит 94,2, а экспорта — 22,1%.

**Динамику внешнеторгового оборота Венгрии по основным статьям экспорта и импорта за 1896—1897 годы характеризуют следующие данные (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 128—129 (см. табл. 4 на стр. 619).

В 1896 году внешнеторговый оборот Венгрии по перечисленным статьям составил 32309,2 тысячи метро-центнеров [ввоз—4227,2 тысячи (13%) и вывоз—28082 тысячи метро-центнеров (87%)], а в 1897 году соответственно 26354,1 тысячи метро-центнеров [ввоз—4866,3 тысячи (18,5%) и вывоз—21487,8 тысячи метро-центнеров (81,5%)]. Таким образом, объем внешней торговли Венгрии по перечисленным статьям сократился в 1897 году по сравнению с предыдущим годом на 18,4% (вывоз сократился на 23,6, а ввоз увеличился на 15,1%).

Стр. 123.

*) Официальная венгерская статистика приводит следующие данные, характеризующие движение цен на пшеницу (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 134) (см. табл. 5 на стр. 619).

Цены на пшеницу в Венгрии в 1897 году по сравнению с предшествующим десятилетием возросли на 36,6, а по сравнению с 1896 годом—на 47,3%.

Таблица 4

Наименование продукции	1896—1897 годы		1896—1897 годы	
	ввоз		вывоз	
	в тысячах метро-центнеров			
Пшеница	1015,0	1231,0	6667	3608
Рожь	18,4	54,0	2639	1475
Ячмень	8,1	185,7	4745	3907
Овес	112,4	118,9	2009	1683
Манс	318,6	712,5	3111	3040
Рис	434,1	542,3	181,9	190,9
Мука	62,8	96,9	7189	5752
Сахар	387,6	384,8	870,1	1009
Железо и железные изделия	1588,0	1323,0	611	756
Машины	282,2	217,2	59,8	65,9

Таблица 5

Годы	Средняя цена (метро-центнер в форинтах)	Годы	Средняя цена (метро-центнер в форинтах)	Годы	Средняя цена (метро-центнер в форинтах)
1887	8,20	1891	10,07	1895	6,95
1888	7,44	1892	9,03	1896	7,47
1889	8,0	1893	7,98	1897	11,0
1890	8,26	1894	7,05		

*) В первой половине следующего, 1898 года, по данным, опубликованным в газете «Pester Lloyd», разрыв между вывозом и ввозом еще больше увеличился (вывоз из Венгрии составил в денежном выражении 372,5 млн., а ввоз — 437,7 млн. гульденов). «Такой крупный шаг назад, указывал в своем донесении русский консул в Будапеште, находит себе объяснение в том, что Венгрия нашлась вынужденной везти в этом году продуктов земледелия на сумму, значительно превосходящую их вывоз, и в то же время сократить вывоз скота» (АВПР, ф. Канцелярия, 1898 г., д. 110, л. 71 об.).

Одновременно с этим ввоз фабричных изделий в Венгрию за полугодие 1898 года по сравнению с 1897 годом возрос более чем на 5 млн. гульденов, а вывоз их увеличился только на 1,5 млн. гульденов (АВПР, ф. Канцелярия, 1898 г., д. 110, лл. 71—72).

Депутат венгерского парламента граф Бела Серени в своем выступлении в парламенте (1901 год) указывал, что «изучение результатов государственного хозяйства может внушить убеждение, что Венгрия находится в настоящее время в цветущем экономическом положении, но, к сожалению, факты не соответствуют такой иллюзии». Благоприятный торговый баланс 1900 года не является показателем оздоровления экономики Венгрии, так как увеличение вывоза, продолжал Б. Серени, «следует приписать таким временным причинам, как южно-африканская война и стачка в австрийских каменных копях» (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 153).

**) В частности, общая таможенная граница Австрии с Венгрией не давала возможности последней принимать меры для ограничения ввоза иностранных товаров и контрамеры для противодействия запретительным пошлинам, вводимым в других странах. Так, когда Германия в начале XX столетия по предложению графа Бюлова увеличила пошлины не только на зерновой хлеб, но на всю сельскохозяйственную продукцию, что привело к сокращению венгерского вывоза в Германию, венгерское правительство не могло принять эффективных ответных мер.

Депутат венгерского парламента Полони, выступая по поводу речи Бюлова о введении запретительных пошлин в Германию (1901 год) указывал: «Германские запретительные пошлины имеют такое громадное значение для Венгрии, что ей грозит экономическое разорение...» Экономическая и таможенная политика Германии наносит «сильнейший удар» Венгрии, угрожает благосостоянию страны и «самым существенным ее интересам». Новый германский тариф, подчеркивал Полони, «просто убьет венгерский экспорт» (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 147). Однако Венгрия при существовании общей таможенной границы не могла принять «предохранительные меры», не могла «ответить Германии аграрными пошлинами», так как последняя ввозила в австро-венгерскую таможенную область не продукты сельского хозяйства, а главным образом предметы фабрично-заводского производства. Если же в этих условиях, говорил Полони, Венгрия введет у себя высокие пошлины на промышленные изделия, то она достигнет лишь того, что в Венгрии вздорожает продукция австрийской промышленности. Следовательно, заключал он, «получится такой результат. Венгрия погряет свой экспорт сырья и в то же время будет защищать высокими таможенными ставками произведения австрийской промышленности, по отношению к которым потребителем является сама же Венгрия» (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 147 об.).

*) Острая конкурентная борьба, развернувшаяся на мировом сельскохозяйственном рынке в конце XIX столетия, вызвала огромное беспокойство среди аграриев Венгрии и Австрии, требовавших «парализовать» иностранную конкуренцию. Выражая интересы крупнопомещичьей знати,

Франц-Иосиф в своей тронной речи (январь 1897 года) заявил: «Мое правительство обязано поддерживать сельское хозяйство и охранять его от угрожающих опасностей» (АВПР, ф Канцелярия, 1897 г, д 115, т II, л 409).

В выступлениях депутатов австрийского рейхсрата в этой связи выдвигалось требование о создании «профессиональных товариществ сельских хозяев», т. е. корпораций аграриев, которые отстаивали бы интересы крупных помещиков на внешнем и внутреннем рынках. Граф Цедвиц в своей речи, посвященной борьбе с затруднениями в области сбыта сельскохозяйственных продуктов, указывал, что главными причинами падения цен на хлеб являлись обесценение серебра и конкуренция других стран — производителей хлеба, в частности, России и стран американского континента. Для противодействия заокеанской и русской конкуренции на хлебном рынке он предлагал образовать союз средневропейских государств.

Австрийские аграрии в этих условиях вступили в переговоры с венгерскими земельными магнатами с целью «оказания взаимной поддержки в области аграрных интересов», как выражался в своем донесении русский вице-консул в Вене Иславин. Программа австрийских аграриев сводилась к следующему: защита сельского хозяйства империи от иностранной конкуренции путем создания средневропейского таможенного союза, введения заградительных пошлин на иностранную сельскохозяйственную продукцию, запрещения ввоза в Австро-Венгрию скота из России и балканских государств, пересмотра заключенных Австро-Венгрией торговых договоров с целью предоставления отечественным экспортерам более широких возможностей для вывоза хлеба и скота (АВПР, ф Канцелярия, 1897 г., д 115, т II, лл. 410—411).

Стр. 126.

*) В 1896 году вывоз из Венгрии в Австрию в ценностном выражении достигал 417 млн. (76,6% всего венгерского экспорта), а вывоз в другие страны — 127,6 млн. гульденов (23,4% венгерского экспорта) (АВПР, ф Политархив, 1901 г., д. 576, л. 146). В венгерском импорте преобладали промышленные товары (около 80%), а удельный вес готовых изделий в вывозе составлял только 38% (См. Szántó Bela, A magyar munkásmozgalom 1914-ig, Vdp., 1948, стр. 115).

В 1911 году внешнеторговый оборот Венгрии с отдельными странами характеризовался такими данными (см. указ соч. Крюков Н. А., т. II, ч. II, стр. 262—263).

Таблица 6

Страны	Вывоз из Венгрии	Ввоз в Венгрию
	в процентах к сумме оборота	
Германия	6,96.	9,02
Босния и Герцеговина	2,64	1,24
Италия	2,46	1,12
Англия	2,10	2,04
Румыния	1,55	1,41
Франция	1,21	1,19
Россия	0,57	0,57
Другие страны	6,44	10,0

По удельному весу отдельные виды продуктов в венгерском экспорте распределялись следующим образом. мука — 13,9% общей суммы вывоза, зерно — 16,6, домашние животные — 12,4, сахар — 5,8, вино — 3,1%.

На втором месте по вывозу из Венгрии и ввозу в Венгрию после Австрии стояла Германия. Экспорт из Венгрии в Германию в 80-х годах XIX столетия составлял 12,2% всей суммы венгерского вывоза, а в начале XX века снизился до 7%, ввоз из Германии в Венгрию увеличился соответственно с 4,7 до 9% (см. указ соч. Крюков Н А, т II, ч II, стр 262—263. «Известия СПб славянского благотворительного общества», № 4—5, 1888, стр 250—251) Торговля Венгрии с Россией была незначительной. В конце XIX столетия сумма вывоза из России в Австро-Венгрию не превышала 45—55 млн рублей (см «Славянский век», № 1, Вена, 1900, стр 28-- 30)

Стр 135

*) Официальная статистика приводит следующие данные об убытках причиненных пожарами в Закарпатье, и о страховании от огня в 1894 году произошло 460 пожаров в 242 селах, убытки от пожаров составили 426 тысяч, а выплаченная страховая сумма — 184 тысячи форинтов (43% суммы убытков) В 1900 году произошло более 800 пожаров в 342 населенных пунктах, убытки от пожаров достигали 1.043 тысячи, а выплаченная страховая сумма покрывала только 33% убытков (Msè, III, 1896, стр. 350—353, Kjsé, 1901, стр. 651—652; Msé, IX, 1902, стр. 293—299).

Стр. 138

*) Данные, характеризующие размеры вкладов в банки и удельный вес отдельных категорий вкладчиков в Венгрии и Закарпатье за 1899 год. представлены в следующей таблице (Msè, VI, 1891, стр. 98—113).

Таблица 7

Показатели	Размер вкладов (в форинтах)							
	до 10	10—50	50—100	100—500	500—1000	1000—2000	2000—5000	более 5000
<i>Количество вкладчиков</i>								
Закарпатье	883	1010	770	1155	347	275	238	94
Венгрия	54525	89451	67327	160526	60055	43567	29035	14649
<i>% вкладчиков</i>								
Закарпатье	18,5	21,2	16,1	24,2	7,3	5,8	5,0	1,9
Венгрия	10,5	17,2	13,0	30,9	11,6	8,4	5,6	2,8
<i>% к общей сумме вкладов</i>								
Закарпатье	0,2	1,2	2,0	13,0	9,0	15,0	26,6	33,0
Венгрия	0,1	0,6	1,0	11,1	9,8	15,5	20,9	41,0

Сопоставление приведенных данных показывает, что удельный вес мелких вкладчиков в банках Закарпатья (вклады до 100 форинтов) был выше, чем в Венгрии в целом (в Закарпатье 55,8, в Венгрии 40,7%), что являлось выражением относительно более низкого уровня материального

обеспечения крестьянских и мелкобуржуазных слоев Закарпатья. Этим же была обусловлена и более высокая доля мелких вкладов в Закарпатье (в Венгрии 1,7, в Закарпатье — 3,4%). Вместе с тем удельный вес крупных вкладчиков (складами свыше 500 форинтов) в Венгрии составлял 28,4, а в Закарпатье — 20%, соответственно и доля их в общей сумме вкладов в Венгрии была выше, чем в Закарпатье (в Венгрии 87,2, в Закарпатье 83,6%); самым крупным вкладчиком (с вкладом свыше 10 тысяч форинтов), составлявшим менее 1% их, принадлежала в Венгрии 1/4 часть всех вкладов, а в Закарпатье — 1/7.

Стр 140.

*) В начале XX века удельный вес прибылей закарпатских банков по отношению к их основному капиталу и проценты, получаемые акционерами, еще более возросли. Вот данные по 5 банкам Ужгородской жупы за 1910 год (Kassai, 1911, стр. 144—145).

Т а б л и ц а 8

Б а н к и	Акционерный капитал (в тысячах форинтов)	Чистая прибыль (в тысячах форинтов)	Чистая прибыль в % к основному капиталу	Дивиденды (в процентах)
Великоберезнянский сельскохозяйственный	100	10	10	7
Ужгородский жупный сельскохозяйственный	100	24	24	6
Ужгородский торговый промышленный	77	20	26	8
Ужгородский банк мелкого кредита	125	38	30	8
Ужгородский народный	100	70	70	16

Часть II. Глава I

Стр 153

*) Требование заимствования германского «опыта» удушения славянских народов, высказанное венгерскими реакционерами, не случайно; оно свидетельствует об идейном родстве этих двух течений воинствующего шовинизма, политическим симбиозом которого и являлась система австро-венгерского дуализма. Своих венгерских партнеров австрийские реакционеры «вдохновляли» призывами покончить с «сентиментальностью» в национальном вопросе и перейти к применению силы, к беспощадному истреблению славянских народов. Один из таких апологетов воинствующего германизма Людвиг Бауэр в издаваемом им журнале «Дон Кихот» опубликовал открытое письмо к министру-президенту Австрии Керберу, в котором говорилось: «Настала крайняя пора отрубить голову славянской гидре.. Все можно уничтожить силой, и нет народа, который бы не подчинился ей. Каждая мировая держава стоит на трупах истребленных значительных наций, которые должны погибнуть как непригодные к жизни.. и которые живы теперь только благодаря сентиментальной ложной терпимости. Достаточно было уступчивости, мягкости: настала пора действовать энергично и железной рукой бороться за достижение цели, иначе Австрия погибнет» («Славянский век», № 37—38, 1902 г., стр. 388—389).

*) В период первой мировой войны под руководством министра народного просвещения Венгрии Янковича и при участии прешовского греко-католического епископа Стефана Новака был разработан план замены кириллицы латинским алфавитом. Газета «Budapesti Hirlap» в номере от 15 января 1916 года по этому поводу писала: «Стефан Новак приказал в школах своей епархии употреблять латинские буквы и ввел григорианский календарь. Кириллица и юлианский календарь связывали русинов с русской культурой. Латинские буквы несут русинам среднеевропейскую культуру и подготавливают путь к их мадьяризации». Ополчаясь против прогрессивной закарпатской интеллигенции, выступавшей в защиту национальных и культурных прав закарпатских украинцев, доказывавших, в частности, что замена славянского алфавита латинским идет в разрез с требованиями науки, — газета цинично заявляла: «Народу не нужна наука рутенской науки нет.»

По заданию министерства доктор Стефан Семан «научно» обосновал и разработал новую латинскую азбуку для «угрорусского языка». Помимо прямой, механической замены отдельных букв кириллицы латинскими, в азбуку вводились особые знаки для букв «и», «іъ», «ы» — «i», «j», «ö». Министерство народного образования в апреле 1916 года обязало мукачевскую униатскую епархию обеспечить церковно-приходские школы учебниками на латинском алфавите, предупреждая, что с 1 августа пользование «кириллическими» учебниками будет запрещено.

Газета «Budapesti Hirlap» в номере от 23 января 1916 года, требуя от правительства принятия энергичных мер для осуществления полной денационализации «рутенгов», в таких словах обосновывала ее «историческую неизбежность»: «Есть в нашем государстве 300.000 душ народности, которая целиком омадьярилась так, что забыла и говорить по-русски... На внешнюю силу она опираться не хочет, сама как народность оставаться не может, результатом этого может быть только мадьяризация...» И только сопротивление народных масс и поражение в войне Австро-Венгрии не дали возможности венгерским ассимиляторам осуществить свои преступные планы в Закарпатье.

Стр. 163.

*) В конце XIX столетия венгерское правительство издавало на шести языках газету «Неделя», которая служила, как выражался русский консул в Будапеште, «для руководства немадьярских народов в духе «государственной идеи» (АВПР, ф. Политархив, 1900 г., д. 575, л. 7). «Неделя» бесплатно распространялась, в частности, в Закарпатье и Словакии.

В начале XX столетия в Словакии подвизались несколько шовинистических мадьяризаторских организаций — «Северо-венгерское культурное объединение», «Венгерский союз», «Общество мадьяризации словаков» и др. В «Обществе мадьяризации словаков» в 1906 году насчитывалось 1500 членов; капитал общества превышал 200 тысяч крон, значительную часть которого составляли «пособия» правительства. Это общество содержало за свой счет 45 школ и более 100 читален (См. Steier L., A tót nemzetiségi mozgalom fejlődésének története. Liptószentmiklós, 1912, стр. 188 и др.; «Славянские известия», № 6, сентябрь 1906 года).

Помимо «Femk'и», «Общества староверных мадьяр», «Всевенгерского школьного общества» в Закарпатье существовали и другие «патриотические» организации. Через год после установления австро-венгерского дуализма, как сообщала газета «Свет», «образованное жительство Ужгорода и его окрестностей» объединилось в «Кружок Деака» («Свет», № 2, 1868 г.), который ставил своей целью «утверждать и распространять солидарность в заступлении политических засад и стремлений правительства», что в переводе на общепонятный язык означало: содействовать в осуществлении политики правительства, направленной к подавлению революционного движения и к ассимиляции немадьярских народов. Из 110 членов

этого кружка свыше половины принадлежало к числу католического и униатского духовенства

В конце XIX столетия возникли отделения «Венгерского просветительного общества», ставившего своей задачей «распространение венгерской культуры и противодействие угрозе западноевропейской цивилизации от восточного варварства». В 1885 году отделение этого общества в Бережской жупе, во главе которого стоял школьный инспектор Халас, насчитывало свыше 300 членов из числа местных помещиков, кулаков, чиновников и священников. «Дочерним» учреждением этого «просветительного общества» являлось «Женское общество» в Берегове. «Венгерское просветительное общество» Бережской жупы было тесно связано с такими же шовинистическими организациями в других комитатах, оказывавших ему помощь в распространении «патриотического движения» среди «угроруссов». В 1885 году, помимо членских взносов (1200 форинтов), «Венгерское просветительное общество» Бережской жупы получило «вспомоществование» по подписным листам, распространяемым среди поборников «святогофанской идеи» (в Будапеште, Сегедине, Дебрецене, в жупах Чонтрад, Бекш, Комаром и т. д.), около 2 тысяч форинтов (ГАЗО, ф 245, 1885 г., д 188, лл 1—2. ф. 262, 1890 г., д 2559, лл 16—21).

Стр. 165

* Некоторые украинские названия сел в Закарпатье сохранялись до 1896 года, но в связи с «миллениумом» (тысячелетие Венгрии) были переименованы. Так, например, село Русково получило название «Kágrát-croszi», Руська Поляна — «Havasmező», Русь Крива — «Sebepatak», Косова Поляна — «Kaszómező». Особое рвение в этом «патриотическом» начинании, как указывала униатская печать, проявило духовенство Бережской жупы. По его настоянию село Лохово было переименовано в «Bereg-Szőllős», Грибовицы — в «Gombás», Завидово — в «Dávid-falva», Гукливое — в «Zugo» и т. д.

Даже термины «рутен» и «угрорусс», которыми официальная печать называла закарпатских украинцев, были не по душе венгерским шовинистам. Они требовали изъять из употребления эти названия, напоминающие о «русском происхождении» закарпатских украинцев, и окрестить их греко-католическими мадярами. По этой же причине наименование мероприятий правительства по оказанию «помощи» населению закарпатских комитатов — «Рутенская акция» — распоряжением министра земледелия было заменено термином «Акция горного края» (ГАЗО, ф 772, оп 1, 1903 г., д 445, лл. 11—32).

Стр. 166.

* Даже из числа русинов по происхождению, но отказавшихся от своего народа и зарекомендовавших себя мадярскими «патриотами», только единицы занимали государственные должности в министерствах (советники министерств А Негребецкий, А Рубий, И Ширила, А Левай) («Свет», 8 июля 1867 г.), а в Будапештском университете в 70-х годах XIX столетия числилось только два студента русина.

В ответ на заявление румынского депутата венгерского парламента Вайда о том, что вследствие национальной дискриминации румыны, сербы, словаки и русины не допускаются к занятию судебных и административных должностей, министр внутренних дел Венгрии Андраши ответил: «В Венгрии существует самый свободный закон о народностях, не допускающий, однако, каких бы то ни было сепаратических стремлений, и пока румыны, словаки и прочие немаярские народности будут проводить в жизнь политику, противоречащую мадярской государственной идее, до тех пор венгерское правительство будет вести с ними неумолимую и строго последовательную борьбу» («Славянские известия», № 1, январь 1907 года, стр. 64). В этих словах откровенно выражена сущность «национальной программы» венгерских правящих кругов, на-

правленной к утверждению при помощи грубого насилия своего безраздельного господства над поработенными народами.

Стр 195

* К числу профессиональных и специальных школ в Закарпатье относились 2 сельскохозяйственные школы (с 29 учениками в 1900 году), представлявшие собой 6-месячные курсы подготовки мастеров по переработке молочной и виноградарской продукции, 12 торгово-промышленных школ, 1 акушерская школа (47 человек учащихся) и 4 специальные школы (2 школы слепых и глухонемых и 2 тюремные школы). Система профессионально-технического обучения в Венгрии включала в себя несколько типов школ. Первой ступенью промышленного обучения являлись школы для учеников промышленных предприятий. Эти школы находились в ведении министерства народного просвещения. Промышленные законы 1872 и 1884 годов обязывали владельцев промышленных предприятий посылать своих учеников в школы, которые содержались главным образом за счет средств, отчисляемых с патентного сбора и государственных дотаций. Занятия в этих школах проводились 3 раза в неделю (2 раза в неделю вечером по 2 часа и 1 раз днем в воскресенье по 3 часа) в течение 3 лет. Программа обучения повторяла школьную программу (чтение, письмо, арифметика и рисование). В 1896 году в Венгрии насчитывалось 366 школ этого типа с 2510 учителями и 72776 учениками (АВПР, ф Политархив, 1901 г, д. 576, лл. 100—101).

В Закарпатье в 1894 году насчитывалось 6 школ для учеников промышленных предприятий (Ужгород, Марамарош-Сигет, Мукачево, Фридешев, Загатье, Берегово). Расходы на содержание школ составляли 5 тысяч форинтов. На закарпатские области приходилось менее 2% школ учеников промышленных предприятий и 1,2% учащихся.

Второй ступенью промышленного обучения и первой ступенью специального обучения являлись так называемые профессиональные практические школы, находившиеся в ведении министерства торговли. Курс обучения в этих школах, подготовлявших подмастерьев, был рассчитан на 3 года (10 часов занятий в неделю по общеобразовательным предметам и 40 часов практических занятий). В Закарпатье существовало 2 школы этого типа, насчитывавшие 50 учеников (АВПР, ф Политархив, 1901 г, д. 576, лл. 100—113, Deb, 1895, стр. 62—67, Msé, III, 1896, стр. 167). В 3 школах торговых учеников в закарпатских жупах обучалось 149 учеников. Ассигнования венгерского правительства на профессиональное обучение возросло с 1 тысячи в 1868 году до 560 тысяч форинтов в 1897 году (АВПР, ф Политархив, 1901 г, д. 576, л. 98 об.), из которых на содержание закарпатских школ промышленных и торговых учеников приходилось менее 2%.

Стр 199

* Количество национальных школ других немадьярских народов Венгрии во второй половине XIX столетия также заметно сократилось, однако мадьяризация румынских, словацких, сербохорватских и немецких школ, вследствие большей численности указанных немадьярских народов и более высокой ступени их общественно-экономического развития по сравнению с Закарпатьем, проходила более замедленно. Об этом свидетельствуют следующие данные (журнал «Учитель», роч X, № 3—4, стр. 103) (см табл. 9 на стр. 628).

Если число закарпатоукраинских школ за этот период сократилось в 10 раз, то число словацких школ уменьшилось в 3,4 раза (в 1913—1914 годах оставалось только 354 словацких школы) (см М. Dzvonič, Ohlas Rijnové Socialistické revoluce na Slovensku, Bratislava, 1957, стр. 13), немецких в 3 раза, румынских на 27%, а число хорватосербских школ в самом кон-

Учебный год	Количество национальных школ			
	словацких	румынских	сербохорватских	немецких
1868—1869	1822	2569	252	1232
1877—1878	1874	2952	337	1017
1878—1879	1837	2848	326	953
1879—1880	1234	1185	161	565
1888—1889	1389	2430	328	642
1894—1895	759	2340	173	462
1898—1899	536	2182	1448	429
1899—1900	531	2157	1474	423

це XIX столетия даже увеличилось в связи с вынужденным предоставлением этим народам «школьной автономии».

Стр. 200

*) В комитатах Шариш, Спиш и Земплин, начиная с 70-х годов XIX столетия, также методически сокращается сеть украинских школ и увеличивается число смешанных школ, которые к концу XIX века в большей своей части заменяются чисто мадьярскими.

В Шаришском комитате за период с 1874 по 1900 год количество украинских школ сократилось с 92 до 57, т. е. почти на 40%. В Земплинском комитате в течение этого времени осуществлялось особенно беспощадное уничтожение украинских народных школ, число которых сократилось со 128 в 1874 году до 6 в 1900 году, т. е. более чем в 20 раз. В Спишской столице уже к концу XIX столетия все русинские школы были ликвидированы (в 1880 году числилось 18 школ, а в 1898 — только 1); еще раньше полностью были ликвидированы национальные украинские школы в областях Торонтал, Сатмар, Сабольч, Крашовсеренч и др., где украинское население составляло незначительное меньшинство, включенное в массу других национальностей. Одновременно с ликвидацией украинских школ в этих комитатах резко возрастает число мадьярско-украинских школ: в Шаришском комитате их число увеличилось в 18 раз (с 2 до 36), в Земплинском — в 3 раза (с 14 до 41), а в других областях смешанные и мадьярские школы преобладали уже в 80-х годах XIX века.

Стр. 218

* Мюговековое пребывание закарпатских украинцев в составе венгерского государства и повседневное общение украинского и венгерского населения обусловили взаимные заимствования отдельных слов и выражений, вошедших в словарный фонд обоих языков. В частности, в языке закарпатских украинцев, особенно в комитатах со смешанным украинско-венгерским населением, находим и мадьярские слова (бирюв (bigo) — староста, битанг (bitang) — бродяга, бокрейта (bokreta) — букет, варош (város) — город, гамишний (hamis) — ложный, гамба (gomb) — пуговица, лакатош (lakatos) — слесарь, пайташ (pajtás) — товарищ, пантличок (pántlika) — ленточка, саш, шаш (sás) — осока и т. д.) Однако количество этих слов незначительно и они не изменяют русско-славянской специфики основного словарного фонда языка закарпатских украинцев.

* Как курьезный пример «новшества» в методике преподавания в закарпатских школах можно привести следующий В 1925 году «Учительское товарищество Подкарпатской Руси» поручило учителям Добошу и Федору написать «Карпато-русский букварь». Авторы, как они сами выражались, «не щадя труда», составили букварь в течение трех недель. Этот «букварь» основывался на «фонимическом» принципе преподавания Букварю сопутствовало специальное «руководство», показывающее, как сочетать изучение детьми азбуки с «движениями драматизации».

Разумные доводы отдельных педагогов, которые указывали, что при этом методе обучения занятия в школе будут носить характер «театрального» представления и дети вместо изучения азбуки будут делать движения вроде «цирковых фигур», авторы букваря в расчет не приняли.

Среди примеров, приводимых в «руководстве» к букварю и показывающих, как обучать детей произношению отдельных букв и добиться лучшего усвоения азбуки, встречаем следующие

Девочка Анна качает ребенка и припевает «а а-а», учитель должен спросить учеников, как припевает Анна и в это время рукой показывать, «як люлюкает Анна Андрийка»

«Як воет волк?», — должен спросить учитель, изучая букву «у», при этом авторы букваря рекомендовали учителю: «Руку положим на рот, а великим и указательным пальцем изображаем «у». Или другой вариант для этого случая «Мышка, пойманная кошкой, пищит «у-у у-у...» Для большей наглядности учитель должен при этом «малый палец закружить вверх, показывая хвостик мышки» и т. п. Комментарии здесь излишни

* Народные школы Закарпатья владели нищенским существованием: ассигнования, отпускаемые на народное образование, были мизерными, помещения школ непригодными для обучения (они ютились нередко в старых избах или даже в помещениях корчем, дети нескольких классов занимались в одной комнате), отсутствовали учебники и учебные пособия. В конце XIX столетия бюджет государственных школ, находившихся в условиях лучшего материального обеспечения по сравнению с другими школами, составлял 590 тысяч крон, на одну государственную школу приходилось в среднем в год 3800 крон, а на одного ученика — 23 кроны. В 1894-1895 учебном году средний бюджет одной вероисповедной или общинной школы составлял 800 крон, на одного ученика приходилось только 9 крон, т. е. в 3-4 раза меньше, чем в государственных школах. На учебные пособия всеми школами этих типов было израсходовано 2608 крон, или 0,5% расходной части бюджета, в среднем на одну школу приходилось расходов на учебные пособия 3 кроны, или 1 рубль 20 копеек. «Споспешествование» правительства и униатской епархии делу народного образования сводилось к ничтожным денежным ассигнованиям, которые не обеспечивали даже самых необходимых условий для нормального проведения учебного процесса в школе. Здесь для просвещения, писал И. И. Срезневский, «не было и нет почти никаких вспомогательных средств, ни даже, может быть, желанья найти их. Все ограничивалось самым необходимым; даже и это необходимое сжималось сколько возможно более». Газета «Свет» в таких словах описывала обстановку в «образцовой» закарпатской школе в Ужгороде на Цегольне «находится так названное образцовое училище (minta tanoda) .. училищная комната не белена, одна аспидная (счетная) доска (szamoló tábla) и один лист писанной «азбуки» висело на стене пыльно», этим ограничивались все школьные и наглядные пособия (см. Kjsé, 1901, стр. 675—676; Msé, IX, 1902, стр. 324; указ. соч. И. И. Срезневский, стр. 24; «Свет», № 27, 13 (25) июля 1868 года)

* Примером таких «призывов», которые нередко появлялись в периодической печати, может служить «Отзыв к подкарпатским русинам» М Врбеля

Ой же братья, милы друзья
 Наперед,
 Няй ся зноит, няй же ся гнє
 Поперек!
 В тьме глубокой проживаем
 Через весь век,
 После других мы отстали
 За сто лет.
 Бо настало нове время,
 Иной свет,
 В котором для неуких
 Тепла нет.
 Без науки и без труда
 Клопота,
 Нет веселя, нет потехи
 Лишь псота.
 Эй, русине, пока будешь
 До соседов витати,
 Та и у них, на смех другим
 Си розума жебрати?
 То стыд для нас, стыд мой брате,
 Русине,
 Кто такого не стыдится,
 Няй огине!
 Ой же, братья, до науки,
 Бо уж час,
 Чей посветит солнечный луч
 И на нас!

(«Месяцослов» на 1894 год, Унгвар, 1893, стр. 106).

Глава II.

Стр 288

* Насколько униатское духовенство, раболепствующее перед епископом Панковичем, потеряло всякое чувство простой человеческой порядочности, свидетельствуют многочисленные славословия по его адресу, опубликованные в греко-католической печати. Один из приближенных епископа в таких словах охарактеризовал «цивилизаторскую» миссию этого проповедника мракобесия. «Начальники народа ведуг под предводительством благоразумного архипастыря преосвященного Стефана врученное попечению их стадо на поле злочно христианской и народной цивилизации...» («Свет», № 10, 9 (21) марта 1869 года). А другой виршепег из епископского окружения П. Азарий посвятил целую оду Панковичу в связи с награждением его орденом В этом панегирике имелись, между прочим, такие строфы, раскрывающие сервиллизм и элементную неграмотность этого униатского одописца

..Ликуйте русские.. светает —
 Владычий свет нас озаряет..
 Провинет русская земля.
 Чтоб долго жил его владыка,
 Чтоб ясный был его живот..

(цит. по газете «Свет», № 19, 18 (30) мая 1869 года)

* Ассимиляторы и душители национальной культуры закарпатских украинцев задним числом пытались оправдать позорную роль греко-католического духовенства и униатской церкви «Только благодаря униатской церкви имеем какую-нибудь, но русскую культуру», без униатской церкви в Закарпатье «не было бы ни культуры, ни национального сознания»; «возрождение нашей русской культуры и русской литературы было исключительно заслугой униатской церкви...». — без зазрения совести твердила униатская печать, пытаясь выдать ренегатство греко-католического духовенства за «служение народу». Но исторические факты опровергают эту ложь и разоблачают до конца антинародную роль приспешников Ватикана в Закарпатье. Даже священник Е. Сабов, которого никак нельзя заподозрить в «схизме», должен был признать, что практическое приспособление униатского духовенства к противонародной «рутенской идее» привело к тому, что греко-католические священники из русинов стали превращаться в «рутенгов», т. е. отказались от своей принадлежности к русско-славянскому народу и приняли безличное и позорное наименование «рутенгов».

О них, о продажных отступниках от своего народа, национальной культуры и родного языка, один из закарпатских писателей «будительского» круга с презрением говорил

..Вы сыновья русской семьи,
Вас родила русская мать;
И вы в силе мать родную,
Вас родившую, предать
Вы стыд русского народа,
Вы иль слепые глупцы,
Иль изменники безчестны.
Блюдолизы, подлцы («Свет», № 8, 1868 г.).

Стр 309.

* Недовольство широких масс верующих католическим засильем, грабительскими поборами униатского духовенства шло свое выражение, в частности, в возникновении различного рода религиозных сект и в появлении «самобытных апостолов», проповедывавших усиленную набожность и аскетизм. Группировавшиеся вокруг этих проповедников «святой жизни» верующие, фанатично следующие заповедям своих руководителей, подвергались преследованиям со стороны светских и духовных властей как «нарушители спокойствия» и носители «схизматической ереси». Эти течения, выражавшие собой стихийный протест темных и забытых масс верующих существующей системой социального и духовного угнетения, в условиях чрезвычайной отсталости социально-экономических отношений и классового сознания масс, облекались в религиозно-сектантскую оболочку.

Стр 313

* С начала XX столетия католическая церковь начинает уделять большое внимание проведению так называемой внецерковной работы («католическая акция»), включающей в себя создание католических организаций молодежи, проведение «пасторальных экскурсий», театральные постановки на религиозные темы, организацию спортивных развлечений под руководством монахов и т. п. с целью расширения католической культуры и распространения «социальных принципов христианства». Инициатором «католической акции» в Закарпатье выступал орден насильянов. Противоядействием «католической акции» рассматривалось как неповиновение папе. Одна из закарпатских газет, запугивая «заблудшихся», выступающих против «католической акции», писала: «Кто чано-

сит удар «католическому действию», тот наносит удар папе, а кто наносит удар папе — тот умирает. Это истина, подтвержденная историей»

«Католические акции» обычно сопровождалась распространением пропагандистской литературы. Один из главарей ордена василлан в Венгрии протоигумен И Хома издал специальный молитвенник «Хлеб души», в котором пытался выставить католическую церковь «заботливой матерью», стремящейся-де «облегчить земную долю рода человеческого». Христианская религия, писал этот иезуит, «говорит богатым, чтобы помогали бедным, справедливо награждали рабочих и не присваивали себе большого богатства на земле, ибо «свободнее верблюду сквозь игольное ушко пройти, чем богатому в царство божие войти...». А убогих призывает усердно работать, не вредить богатым в их хозяйстве и удовлетворенными быть с повседневным хлебом... Так, окутывая мистической мишурой «социальные принципы христианства», закарпатские иезуиты растлевали сознание трудящихся, убеждая их довольствоваться только куском хлеба насущного на земле

Стр 315

* Созданная в начале XX столетия в Риме «Collegio Rutheno» («Рутенская коллегия») св Иосафата была реорганизована и расширена в 30-х годах. Эта коллегия готовила кадры украинско-католических теологов, предназначавшихся не столько для миссионерской деятельности, сколько для шпионско-диверсионной работы на советской земле. За глухими стенами средневекового иезуитского монастыря, где помещалась «Collegio Rutheno», папские изуверы выращивали ядовитое зелье — «новую генерацию» украинских башибузуков, готовых на любые преступления против нашей страны. Кстати сказать, не случайно выкорыщам этой коллегии было присвоено необычное для католической корпорации одеяние — голубые рясы в виде казацких жупанов с желтыми поясами, символизирующие цвета «национального» знамени украинско-националистической самостийницкой контрреволюции. Вот почему папа Пий XI так много внимания уделял этому шпионско-диверсионному учреждению. Папа, как сообщала газета «Оссерваторе Романо», часто заверял «своих возлюбленных питомцев» коллегии, что он сделает все возможное, чтобы обеспечить их «святую деятельность». Пий XI лично проводил «Colloquium'ы», собеседования с этими украинско-националистическим отребьем, придавая особое значение развитию «патриотизма воспитанников рутенской коллегии». (см указ. соч. Опацький с., стр. 93)

Стр 319

* «Лисгок» в этот период являлся единственным печатным органом, отстаивавшим, правда очень нерешительно и непоследовательно, национально-культурные права закарпатских украинцев

Усиление наступления мадярских ассимиляторов сопровождалось появлением ряда газет на венгерском языке. «Magyar Kárpát» (1875—1876 годы), «Kelet» (1888—1891 годы), «Felvidéki Sion» (1889—1891 годы), «Kárpáti Lapok» (1895 год), «Görög katolikus Szemle» (1900—1918 годы) и др. Характеризуя роль этих органов печати, один из современников писал газета «Kelet» («Восток») «под личиной защиты интересов греко-католиков сеет семя мадяризма», газета «Felvidéki Sion» («Верховинский Снон») «дышит ультрамонтанизмом и, вероятно, находится в зависимости от латинского высшего духовенства».

С 1897 года стала выходить «духовна и поучительна новинка для угоруського народа» «Наука», существовавшая под разными названиями («Руська Краина», «Свобода», «Нова свобода») до 1939 года «Наука» являлась рупором унатских реакционных кругов, проводником глубоко враждебных народу и делу прогресса идей. Редакторами «Науки» являлись церковники Ю. Чучка, В. Желтвай и фашистский наймит А. Волошин.

Большая часть этих изданий получала государственные субсидии. Так, на издание газетки «Ung» правительством ежеквартально выделялось 200 форинтов (ГАЗО, ф 4, 1893 г., д 233, лл 1—13, 1896 г., д 284, лл 1—7) Газета «Kágráti Lapok», которая, как указывалось в официальном сообщении, «из церковного органа превратилась в политический и служит делу уничтожения либерального духа среди священников и народа», издавалась за счет государственных средств В 1896 году эту газету бесплатно получали 200 униатских священников (ГАЗО, ф 4, 1896 г., д 284, лл 9—12) Министр внутренних дел Венгрии своим циркуляром (№2023 от 25 мая 1893 года) предлагал главным жупанам комитатов принять меры для распространения среди населения ужгородской газеты «Hirmondó» («Глашатай»), которая имеет «противосоциалистический характер» (ГАЗО, ф 4, 1893 г., д. 233, л. 16).

Стр 322

* На таких же позициях по отношению к семье и браку стояли и другие униатские органы печати. Журнал «Листок» на протяжении длительного времени помещал статьи, направленные против закона о гражданском браке, называя его «пагубоносным». Когда верующие услышали о введении этого закона, писал «Листок», то многие, мол, выражали мнение, что «должно быть уже недалеко кончина мира» Однако духовенство было обеспокоено не столько тем, что новый закон противоречит «вере и обычаям», а тем, что введение гражданского брака снизит штоловые доходы священнослужителей. «Листок», возмущаясь тем, что в законе насчет «обручальной штолы» ничего не говорилось, писал: «Оставление в таком важном вопросе, в так критическое время духовенства без решительного распоряжения может причинить гибельные последствия, ибо некоторые приходские священники решили строго держаться прежней практики и требуют свою штолу...» Редактор «Листка» предлагал в заключение компенсировать «брачную штолу» увеличением «каким-то соответствующим образом» поборов с верующих за похороны и другие обряды (см «Листок», № 19, 1 октября 1895 года).

В 1895 году епископы Венгрии выступили с обращением к верующим по поводу закона о гражданском браке (обращение подписали епископ-кардинал Клавдий и 22 епископа, в том числе униатский архиепьер Ю. Фирцак). Церковники осудили этот закон под тем предлогом, что он, как говорилось в послании мукачевского епископа, противоречит догматам религии, может ослабить «веру и нравственность» и нарушить «чистоту семейной жизни» Излагая учение церкви о браке и семье, епископы между прочим писали. «Кто раз по законам святой матери церкви оженился или отдался, тот с своей женою, или жена с своим мужем не может никогда даже до смерти развестись, а сие правило веры христианской никак человеческий закон не может переменить» (ГАЗО, ф. 151 (Правление мукачевской греко-католической епархии в Ужгороде), оп 17, 1895 г., д 5, лл 1—5]. Только в исключительных случаях церковь может развести супругов «от стола и постели, но разведенные не могут вступать в брак до тех пор, пока один из них не умрет

Фрондирующие церковники, забываясь прежде всего о сохранении своих доходов, призывали верующих выполнять закон о гражданском браке, поскольку он принят парламентом, но требовали, чтобы брачующиеся в день регистрации гражданского брака оформили свой «супружеский союз» и в церкви.

Другая реакционная закарпатская газетка «Неделя», обосновывая ссылками на «святое писание» закабаленное положение женщины в семье буржуазного общества, писала: «Сила и равноправие женщин в христианском обществе основаны на самовольном признании и оценке их, богом данного звания, как матерей и супругов...».

** В частности, в качестве «благодетельного» воздействия веры на сердца преступников приводилось сенсационное сообщение о возвраще-

нии «раскаившимися» ворами похищенных ими мощей св. Андрея, а в качестве примера «демократизма» и «христианского смирения» римских пап описывалась церемония омовения ног 12 священников, выступавших в роли «апостолов» Папа, писала «Церковная газета», «после облития водою отер каждому («апостолу») ногу и облобызал ее» Эта церемония была завершена имитацией «тайной вечери», на которой сам папа выполнял обязанности слуги, подавая «апостолам» кушания и вино (см. «Церковная газета», № 13, стр. 104).

Такого рода сообщения в «католической хронике» должны были подавлять умы верующих величием папского престола, вселять в сознание паствы дух «смирения», чтобы подчинить трудящихся существующему политическому порядку угнетения и эксплуатации, порядку, освященному католической церковью.

*** По указу папы Пия XI пропагандистские органы Ватикана поднимают невероятную шумиху вокруг вопроса о соединении восточной и западной церквей. Учреждаются специальные «унионистские» общества, созываются конгрессы, посвященные этой проблеме, открываются новые учебные заведения, имевшие целью подготовку «унионистских» кадров духовенства, массовыми тиражами издается соответствующая литература, католическая печать заполняется статьями и трактатами по этому «актуальнейшему вопросу церковно-духовного бытия». Вся эта шумиха призвана была прикрыть собой, как фиговым листком, подлинные цели этой кампании, а именно отвлечь массы верующих от классовой революционной борьбы, сколотить единый блок реакционно-империалистических сил против нашей страны и пролетарского революционного движения в других странах, ослабить таким образом силы революции и облегчить приход к власти фашизма.

В соответствии с этими целями папа Пий XI оживляет деятельность католического общества «Erzbruderschaft von Marie Himmelfahrt», основанного еще в 1898 году папой Львом XIII и получившего широкую поддержку со стороны германского кайзеровского правительства. Первым членом этого общества, ставившего задачу объединения церквей, являлся Лев XIII. В общество входили также многие кардиналы, архиепископы и епископы. Общее число членов этой организации превышало 100 тысяч, из которых 63 тысячи были немцами. Германский облик этого общества объяснялся тем, что правительства кайзера, Гинденбурга, а затем и Гитлера содействовали деятельности общества и вовлечению в его ряды крайне шовинистических элементов, проповедовавших, прикрываясь единением западной и восточной церквей, пресловутый «Drang nach Osten». Орган униатской мукачевской епархии «Душпастырь», обращаясь в 1930 году с призывом к верующим вступить в ряды «Erzbruderschaft», широко популяризовал те «богатые индульгенции», которыми пользуются члены этого прогерманского общества (см. «Душпастырь», № 3, 1930 г., стр. 58).

Через каждые четыре года Ватикан стал созывать «унионистские конгрессы», ставившие задачей «подготовить путь для соединения восточной церкви со вселенской церковью католической». На эти конгрессы съезжались магнаты католической церкви и иезуиты-богословы со всех частей света, обсуждавшие, обосновывавшие «теоретически» и разрабатывавшие практические меры к осуществлению католического порабощения «восточных схизматиков».

В начале XX столетия в выступлениях униатско-католических «теоретиков» по вопросам расхождений между догматами восточной и западной церквей замечается отход от той непримиримости, которой прикрывался Ватикан в прошлом. В частности, в вопросе «происхождения св. духа» богословы католической церкви нашли возможным вместо догмата «filioque» принять формулу Дамаскина «per filium» или даже разрешать греко-католикам «произнесение символа веры и без filioque».

(см. Ю. Гаджега, Руководство к изучению вопроса воссоединения восточной и западной церквей, Ужгород, 1922, стр. 45, 48)

Но в двух вопросах расхождений между церквями — в признании главенства папы над вселенской церковью и его непогрешимости — Ватикан оставался непримиримым. Диктатура римских пап и их infallibilis (непогрешимость), выражавшиеся формулой «Roma locuta, causa finita» («Рим решил, дело кончено»), не могли быть поколеблены. В этом вопросе католическая церковь не могла пойти на уступки, которые были бы равносильны подписанию смертного приговора папской власти, за которую не только церковники, но и все черные силы мировой реакции держались мертвой хваткой

Стр. 329

* В одном из номеров «Листка» за 1895 год приводилось сообщение о запрещении в Турции учебника по химии вследствие того, что в учебнике была обнаружена «крамольная» химическая формула H_2O , которая могла быть истолкована «зловредными элементами» в ущерб престижу султана.. ($H(amid) 2=O$). Это сообщение было подано без комментариев, поэтому трудно судить, осуждал или одобрял «Листок» мероприятия турецких властей. Несомненным остается одно, что мусульманских и католических мракобесов, несмотря на вероисповедные различия, объединяла ненависть к науке и прогрессу

Стр. 331.

* Образцом низкопробных писаний, долженствовавших утвердить божественное начало всего существующего, может служить «Слово в неделю XXIX после пятидесятницы», составленное Е. Фенциком. В этом «слове» говорилось «. Обратим взгляд на вселенную, на весь окружающий нас видимый мир, глянем на небо и на землю, и на все, что на небе и на земле! Кто положил под ноги нашу землю, которая нас держит над бездною, которая как любящая мать дает нам жилище, одежду, пищу? Кто източает из утробы земли воду, чтобы напоить и омыти нас? Кто зажег на небесах солнце., кто дал нам день для работы и ночь для отдыха? Кто повелел гордому коню, дождему волю смиритися перед нами и служить нам? Кто повелел корове давать нам молоко, кто овце питати нас сыром? Все это дал, мол, бог, а не сила природы, как утверждают в своем «гордом безумии» некоторые люди. В таком же духе выступала «Göög katholikus Szemle» (№ 21, 27 мая; № 27, 8 июля 1900 года) и другие унитатские газеты

Стр. 342

* Христианские религиозные обряды и празднования сочетались в Закарпатье с пережитками обычаев и поверий, сохранившихся еще с первобытной эпохи и оказавшихся живучими потому, что вся совокупность общественно-экономических отношений и засилье реакционного духовно-религиозного мировоззрения создавали питательную почву для распространения этих отсталых представлений. Подтверждением этого могут служить приводимые ниже примеры, заимствованные нами из этнографических исследований.

Праздник рождества в жизни русинов-верующих этой эпохи занимал большое место. С этим днем было связано особенно много обычаев и поверий, показывающих, как глубоко вкоренились в сознание масс различного рода суеверия. Так, перед «святой вечерей» по распространенному обычаю крестьяне вводили в хату так называемого «полозника» — ягненка или теленка, считая, что вместе с ним в семью «взазит» плодородие. Пол хаты устилали соломой, по которой каждый член семьи должен был покататься несколько раз, чтобы «боль поперека (поясницы) на весь год вошла в солому» В «святой вечер» хозяин с женой выходил «пострашить» плодовые деревья. При этом муж ударял обухом

-секиры по деревьям, а жена от имени деревьев просила хозяина не трогать их, «после этого они будут уже хорошо вести себя и принесут обильные плоды» («Славянские известия», № 40, 1889 г., стр. 943)

В день рождения хозяйка дома устилает пол соломой и садится на нее, чтобы курица-наседка в будущем году прилежно высидывала яйца, а если в хозяйстве имеются ульи пчел, то она «считает необходимым дунуть в каждый из них столько раз, сколько роев желает получить из него в будущем году». В этот же день, когда наступят сумерки, хозяйка раздевается донага, берет блюдо с сырыми бобами и бегаёт по комнате, рассыпая их. Этим «она желает отвести от семьи и от дома гибельные последствия пожара и града» (Де-Воллан Г. А., Угрославянские народные песни, Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 13, вын. 1, 1885 г., стр. 15) От рождения и до «богоявления» женщины обычно воздерживались от прядения, боясь чтобы овцы не «одурели» и не вертелись, как веретено

Вечером накануне дня «Ивана-купала» на вершинах гор крестьяне зажигали костры и сгоняли туда украшенный венками и увешанный колокольчиками скот, при этом старались открыть животному рот так, чтобы в него падало отражение костров. Это должно было предохранить скот от заболеваний. Для предотвращения градобития во время грозы втыкали в плетень лопату или ставили во дворе вверх лезвием топор

Вера в «дурной глаз» и в чудодейственную силу «приворотных» средств была особенно распространённой. Против «сглажения» пили «гашеную» воду, смазывали слюной глаза, перевязывали руки и ноги красными ленточками и нитками Матери иногда, чтобы «приворожить» женихов к дочерям, омывали их медовой водой По свидетельству Де-Воллана, «девушка тому, кого хочет приобрести себе в мужья, даёт выпить воды, которою омыла свое тело». Накануне «Андреева дня», ночью, девушка, добыв себе одежду своего возлюбленного и взяв горсть конопляного семени, «ссеет семя в огороде или на улице и заборанивает штанами, говоря.

Ой Андрею, Андрею,
Конопля ты сею
Дай ми, боже, знати,
Из кем буду брати!»

(«Славянские известия», № 40, 1889 г., стр. 945—946).

В обычаях, связанных с рождением ребенка и со смертью взрослых, сочетались с церковным ритуалом обряды, сохранившиеся еще с «языческих» времен Новорожденного перед крещением погружали в холодную, как лед, воду, в которую предварительно клали все травы, считавшиеся чудодейственными Присутствующие на «родинах» родственники и соседи кидали в чарку с водкой медные деньги и преподносили их роженице, которая выпивала водку, а деньги высыпала за пазуху, чтобы ребенок «стал богатым» С умершими мужчинами часто клали в гроб любимые ими вещи (пастушью дудку, пояс, нож), а также «деньги на дорогу»

Среди отсталых масс крестьянства особенно долго жила вера в привидения, чертей, леших, домовых, якобы активно вмешивающихся в людские дела. Суевериями были заражены и грамотные люди, в частности учителя. В одном из воспоминаний священника М. Козика, опубликованном в закарпатской печати, рассказывалось о певце учителе, который якобы не один раз ночью видел в классе школы своего умершего предшественника Этот «ночной гость» не только перелистывал классный журнал, но и устраивал «большие беспорядки»: вынимал рамы из окон, разбрасывал книги и тетради, разливал чернила и т. п. «Я, свидетельствовал учитель, поговорил обо всем этом с нашим священником и мы начали служить заупокойные литургии и парастасы до тех пор, пока господь не вмилосердился над покойным, пока он не перестал являться...» (газета «Русская правда», № 9, 1 октября 1939 года)

Вера в духов и чертей породила и различного рода заклинания против них. Наиболее «действенным» из них была молитва, рекомендованная еще Турунским религиозным сборником XVII века. При встрече с чертом, говорилось там, верующий, осеняя себя крестным знаменем, должен несколько раз повторить: «Крест на мне, крест у мене, крест надо мною, крест предо мною, крестом ся крещу, крестом ся сограждаю, крестом бесы проганяю».

В «Юрьев день», по вкоренившемся поверью, «босоркани» — ведьмы выдвигали у коров молоко и портили животных. Чтобы не допустить ведьму к корове, крестьяне ставили перед дверьми хлева борону и разбрасывали у входа зерна мака, чтобы босоркани, начав считать мак, задержались у входа до петухов, когда им уже «ходить не вольно». В некоторых селах Закарпатья во время засухи мужчины заставляли женщин купаться, а сопротивлявшихся насильно бросали в воду, чтобы таким образом обнаружить «колдунью», по вине которой возникло бедствие (указ. соч. Де-Воллан Г. А., стр. 25).

Между суевериями, которые были распространены в Закарпатье, писал Де-Воллан, «особенно ужасна вера в так называемых упырей, то есть, кровожадных чудовищ, которые, блуждая в ночное время, тайно нападают на людей и убивают их. В прежнее время было совершенно обыкновенным делом, что люди, слывшие при жизни колдунами, по смерти признавались за упырей; живые спасались только тем, что, вырыв из земли трупы таких людей, разрубали их на части и сжигали». Еще в 1817 году во время страшного голода в Мукачевском округе «произведено было много поруганий над мертвыми телами, причем, правда, воздерживались от сжигания, но, вбивая в сердце вырытому трупу кол, отрубали ему голову и клали ее между ногами. Такое суеверие, заключал Де-Воллан, и ныне (70-е годы XIX века. — *И. К.*) не совсем еще потеряло силу» (указ. соч. Де-Воллан Г. А., стр. 11; некоторые данные о поверьях содержатся в статье Ф. Потушнякя [«Душа в народном поверью села Осия»]. Наук. збірн. «Просвіта» в Ужгороді, річник XIII — XIV, 1938, стр. 33—44).

** Венгерская газета «Hazańk» (№ 5 за 1869 год), говоря о пагубном влиянии церкви и духовенства на массы верующих-русинов, писала: «Касательно религиозности и набожности этот народ всех прочих народов страны превосходит, а то настолько, что результат всех дел своих божиему милосердию поручив, пренебрегает часто собственными выгодами и если вследствие отсюда проистекающего бездействия в крайнюю нужду упадет, утешает себя словами. «Як біг дасть, так і буде!» (цит. по газете «Свет», № 10, 9 (21) марта 1869 года).

Вот другие поговорки, бытовавшие в Закарпатье и являвшиеся результатом распространения рабской христианской идеологии.

«Милостив бог, а я но его милости неубог!»;

«Что бог послал, то и мякотько»;

«Воля божья, а суд царев»;

«Не доверяй пустому слову, но писанием подтвержденному»;

«Некто не каже: «На, господи!», но каже: «Подай, господи!»;

«Одна нога боса, а на другій ничь не є, бо на бога не наліє»;

«Каб не грішив, то й не страдав би»;

«Од серця до бога навпростець дорога»;

«Бедность учит, а счастье губит».

«Як гордость твоя смирится, тогда бог возвысит тя» (в написании слов сохранен язык оригинала. — *И. К.*).

Часть III. Глава I

Стр 382

* Установленная Габсбургами после подавления революции 1848—1849 годов военно-полицейская система управления Венгрией продолжалась

до 1867 года (этот период получил название в литературе «provisorium»). 20 октября 1860 года Франц-Иосиф в условиях углубляющегося кризиса монархии вынужден был объявить о восстановлении венгерской конституции и предоставлении венгерскому парламенту законодательных функций. Однако это была попытка прикрыть конституционной ширмой абсолютистско-полицейский режим, вызывавший огромное недовольство народных масс Венгрии.

Наместник Венгрии генерал Бенедек в специальном обращении призвал население к «сплочению» вокруг габсбургского престола и выражал надежду, что венгры «оправдают доверие императора, даровавшего Венгрии конституцию» и с «благодарностью» воспримут это проявление королевской милости. Но через несколько дней тот же наместник издал приказ, запрещающий на территории всей Венгрии проведение каких бы то ни было собраний и демонстраций, так как, указывалось в этом приказе, имели место случаи, когда факельные шествия, организованные для выражения благодарности императору, превращались в антиправительственные демонстрации [ГАЗОФ, ф. 2 (Городское управление Мукачева), оп. 1, д. 1, лл. 2, 5, д. 2, л. 1].

Стр. 389.

* В 1901 году из 415 депутатов венгерского парламента 275 человек принадлежало к либеральной партии, которая уже на протяжении 35 лет стояла у власти в Венгрии [внутри правительственной партии существовало несколько групп: «старые либералы» (Селль, Ю. Андраши, С. Тиса), «банфисты», бывшая национальная партия (гр. Аппони), аграрии (Карольи, Желинский)]. К числу оппозиционных партий относились: «партия 1848 года» или «партия независимости» (83 депутата), возглавляемая сыном Лайоша Кошута Ференцем Кошутом; Э Барта, Б. Комьяти, «угронисты» (11 депутатов), «народная партия» (27 депутатов), возглавляемая Я Зичи, Раковским и др. (АВПР, ф. Политархив, 1903 г, д. 578, лл. 113—115).

Все эти партии являлись помещичье-буржуазными реакционными партиями, враждебными интересам демократии и трудящихся. Депутатами парламента от закарпатских комитатов, примыкавшими обычно к правительственной партии, являлись крупные помещики (Перени, Томчани и др.), высшее духовенство (епископы Панкович, Фирцак, каноник Пастеллий), высшие чиновники и представители буржуазии (Кенде, Бернаг, Бузат и др.).

Наиболее значительной оппозиционной силой в парламенте являлась «партия независимости», которая выступала за установление торгово-таможенной границы между Венгрией и Австрией, создание самостоятельного венгерского государственного банка, введение венгерского командного языка в армии и т. п. Выражая интересы венгерской промышленной буржуазии, эта партия стремилась упрочить гегемонию господствующих классов Венгрии над угнетенными ими народами.

Стр. 428

* Закарпатская интеллигенция, принимавшая участие в национально-культурном движении, за незначительным исключением состояла из представителей духовенства. Кроме А Добрянского, тоже выходца из среды церковников, получившего светское образование, все остальные общественные деятели, писатели, авторы учебников, книг «для народа» являлись потомственными членами униатского клира. А. Духнович — каноник прешовской епархии. И. Раковский — профессор духовной семинарии, писатели И Сильвай, А. Павлович, А Кралицкий, Ю Ставровский, Е. Фенчик и другие — все были священниками, богословами, монахами.

Клерикальный состав закарпатской интеллигенции — явление не случайное, оно определялось особенностями исторического развития Закарпатья — колониальной зависимостью и чрезвычайной отсталостью его в условиях национальной и политической дискриминации русинов в Австро-

Венгрии почти единственным полем деятельности местной интеллигенции было поприще священнослужителя. Немногочисленные кадры учителей также состояли отчасти из низших служителей церкви.

** А. И. Добрянский, происходивший из мелкопоместного закарпатского дворянства, родился в селе Рудлево Земплинского комитата в семье священника. Среднее образование он получил в Левочской гимназии, а высшее — в Кошицах и Ягре, окончив два факультета университета — юридический и философский. Кроме того, он прошел курс обучения в Горнолесной академии в Банской Штиявице (Словакия) и получил диплом горного инженера.

В течение 1840—1848 годов А. Добрянский работал инженером в Вицшахте близ Штиявицы, а также на шахтах Чехии и Силезии. В эти годы он познакомился с деятелями чешского национального движения и проникся идеями «славянской взаимности» и австрославизма. В 1848 году А. Добрянский был избран в венгерский парламент. В мае 1849 года он был назначен австрийским правительством помощником гражданского комиссара Франца Зичия, прикомандированного к царской интервенционистской армии, а через месяц — интендантским комиссаром при III корпусе русских войск генерала Ридигера.

С этого времени почти на протяжении 20 лет А. Добрянский занимал высшие должности в австрийском государственном аппарате и за свои заслуги перед австрийским и русским правительствами был награжден многими орденами, пожалован «рыцарским достоинством» и чином гофрата. В 1867 году, после установления австро-венгерского дуализма, А. Добрянский выходит в отставку и продолжает свою национально-политическую деятельность в Закарпатье и Галиции.

Стр 441

* Утверждение А. Добрянского о существовании «русинской автономии» в средневековую эпоху не обосновано. Если и можно говорить о «русинской автономии», то только условно, в том смысле, что закарпатские области иногда, как, например, при Ф. Корятовиче, находились под управлением русско-славянского князя, который в условиях развития децентралистических тенденций, определяемых ростом экономического и политического могущества крупнейших феодальных магнатов и ослаблением центральной королевской власти, мог на время добиться большей или меньшей независимости от королевской власти. Именно такую временную, относительную независимость феодальных владетелей Закарпатья А. Добрянский и выдавал за «русинскую автономию».

Глава I

Источники и литература

Стр 524

* В настоящей работе рассматривается главным образом состояние изучения истории Закарпатья XVIII—XIX веков. Историкография истории Закарпатья более раннего периода рассматривается постольку, поскольку это необходимо для выяснения сущности общенсторических концепций буржуазной историографии.

Стр 527.

* Некоторые отрывочные исторические данные о закарпатских комитетах были опубликованы ранее выхода в свет исследования И. Базиловича К числу их относятся сочинения венгерских чиновников Давида Фрелиха (1641 год) и Франциска Эразми (1684 год), посвященные истории Венгрии XVI—XVII веков, в которых приводились некоторые официальные данные общего характера и о положении закарпатских областей.

Краткие исторические справки о городах Земплинской, Спишской,

Абауйской и других жуп с русинским населением содержались в описаниях венгерских городов и сел Габора Сердагели (*G. Szerdahelyi, Celebrium Hungariae urbim et oppidum Chartographia Bibartita, Kassai, 1732*). Такого же рода историко-географические описания венгерских жуп, в том числе закарпатских, даны в сочинениях Матвея Бела (*M. Béla, Compendium Hungariae Geographicum ad exemplar Notitiae Hungariae Novae historicogeographicae, Pressburg, 1753*) и Густава Венцеля (*Wenzel Gustáv, Krilikai fejtegetések Máramaros vármegye történetéhez, Pest, 1857*).

В последней четверти XVIII столетия закарпатский священник Даниил Бабила написал историю мукачевской епархии XVII—XVIII веков («*Historia Dioeceseana*»), оставшаяся в рукописи. В 1794 году вышел очерк венгерского автора Антония Дечия, «Краткое размышление о венгерских русских» («*A magyar oroszokról való igen rövid elmélkedés, Kassai, 1797*»), в котором давалась надуманная схема заселения Закарпатья славянами. Некоторые сведения по истории униатской церкви в Закарпатье приводились в сочинении графа Игнатия Батьяни «*Leges Ecclesiasticae Regni Hungariae*», изданном в конце XVIII века. В трудах венгерских историков XVIII ст. (Стефан Катона, издавший в 43 томах капитальный труд «*Historia critica*», содержащий огромное количество исторических источников, и Георгий Прай—автор исследования под названием «*Appales*») вопросы истории Закарпатья затрагивались только мимоходом, в общих чертах и освещались тенденциозно, преследуя прежде всего ту цель, чтобы доказать «историческое право» венгерских феодалов на захват закарпатских земель.

Стр. 530

* В 1850 году венгерский историк Карл Мейсарош издал компилятивное произведение «Угорские русские» («*A Magyarországi oroszok*»), в которой широко использовал фактические данные из труда И. Базиловича «*Brevis notitia*...» и рукописи М. Лучкая «*Historia Carphato-Ruthenorum*...»

Некоторые вопросы истории Закарпатья нашли отражение и в трудах русских авторов первой половины XIX века. Выходец из Закарпатья И. Орлай в своей статье «История о карпато-россах» (см. И. Орлай. История о карпато-россах, «Северный вестник», т. I, III, СПб, 1804) дает характеристику основных этапов истории русинов до XIV столетия, рассматривая ее в органической связи с историей древнерусского народа. Период XIV—XVI столетий (от князя Ф. Корнятовича до установления церковной унии) И Орлай освещает в самых общих чертах, он преувеличивает значение «русинской автономии» в эпоху Корнятовича, ошибочно считая, что зависимость Закарпатья от венгерских феодалов не ограничивала культурно-национальное развитие русинов.

В статье проф. Н. И. Надеждина по истории южнославянских народов (см. Н. И. Надеждин, Записки о путешествии по южнославянским странам, ЖМНП, ч. 34, СПб, 1842) приводился ряд обоснованных доказательств подтверждающих автохтонность русско-славянского населения за Карпатами и опровергающих версию, распространявшуюся немецкими и венгерскими реакционными историками о заселении этой области русинами только в период первых Арпадов

Стр. 549.⁶

* Таким же духом религиозно-христианской идеологии и мракобесия были пронизаны и «труды» закарпатских авторов, посвященные проблемам педагогики. А. Волошин в своей книге «О социальном выхождении», изданной в 1924 году, заявлял, что не социальная революция, а «христианская культура» и «христианская наука» уничтожили рабство, свергли феодально-крепостнические порядки и «заставили все государства признать права граждан на свободу и равенство» (стр. 1) В основу «социального воспитания» подрастающего поколения, по его мнению, должна быть положена

«христианская педагогика», которая сочетает «моральное воспитание» и идею «христианской солидарности людей», выражающуюся в «любви к ближнему» (стр. 6, 19, 52). Политический смысл этих поучений заключается в том, чтобы отвратить трудящихся от революционной борьбы против эксплуатации и угнетения и распространить среди них живые социальные принципы христианства

Стр 555.

* Стремясь любыми средствами противопоставить украинский народ русскому, украинские буржуазные националисты, грубо извращая историческую правду, выдвигали тезис об особой «национально-государственной традиции» украинского народа. Идеализируя историческое прошлое украинского народа, общественно-экономические и политические отношения на Украине в XV—XVI веках, они превозносили «казацко-рыцарские традиции» украинцев, отрицая вместе с тем свободолюбивые и революционно-демократические традиции русского народа. Они затушевывали классовые противоречия в украинском обществе, представляя его «цельным национальным организмом», породившим в прошлом и своеобразную «национальную государственность», отличительными чертами которой якобы являлись «всенародное», «всенациональное» равенство, всенародное владение землей и ее богатствами, всенародная культура (см. Н. Григоріі в, Українська державно-національна традиція, Народознавство, I—III, Прага, 1931, стр. 122; Д. Донцов, Українська державна думка і Європа, Львів, 1918, стр. 67—69, Жак, Українець чи руский?, ч. I, Мукачево, 1938, стр. 22; Р. Лашенко, Лекції по історії українського права, ч. I, Прага, 1923, стр. 39, 43—44, 82) «Украинская и московская государственность, заявлял С. Днистрянський, это два разных мира»: первая, мол, развивалась в соответствии с европейскими принципами, вторая — на ориентальной основе (см. С. Днистрянський, Загальна наука права і політики, т. I, Прага, 1923, стр. 148, 151, 152). Все эти псевдонаучные рассуждения представляли собой самую злостную клевету на исторические традиции украинского и русского народов.

Стр. 556.

* Украинско-немецкие националисты, препарировав соответствующим образом антропологические и этнологические изыскания украинских буржуазных ученых Вовка, Сумцова, Раковского, дополнив их расовыми бреднями С. Рудницкого (см. С. Рудницкий, До основ українського націоналізму, журнал «Воля», т. II, Вiдeнь, 1920) и гитлеровских людоедов, состреляли человеконенавистническую «расовую теорию украинского национализма». Авторы ее не только относили украинцев и русских к различным расам, но шли еще дальше в своей лютой ненависти к советским народам. Они, надеявшиеся при помощи гитлеровской Германии осуществить свои антинародные планы создания «самостийной Украины», поспешили разработать во всех деталях «национальную расовую политику», направленную к сохранению «расовой чистоты украинцев». Нет необходимости приводить рассуждения и доводы создателей этой «политики», «национальной биологии», «национальной демографии», «квантитативной политики» прироста населения и «национальной евгеники», обеспечивающей получение «расово полноценного приплода», которые относятся уже к специальной области психиатрии.

Одним из проповедников расистских идей в Закарпатье выступал Иван Гашпар, который в бредовой статье «Социальная биология русинов» пытался обосновать негодными средствами не только то, что, мол, украинский народ по своему происхождению ничего общего не имеет с русским народом, но и что украинцы Закарпатья и западных областей Украины представляют собой совершенно отличные от всех украинцев антропологические типы.

Все эти человеконенавистнические расистские измышления преследо-

вали ту цель, чтобы расчленил украинский народ и оторвал его от братского русского народа, воспрепятствовать воссоединению украинского народа в едином Украинском Советском государстве и облегчить осуществление Гитлером его захватнических планов.

Стр 557

* Для обоснования «особых» путей формирования украинского народа украинские буржуазно-националистические историки распространяли антинаучную «кельтскую» теорию происхождения Руси, которую впервые выдвинул французский автор XVII столетия Жак Шаррон, а позднее «разработал» С. Шелухин. Название «Русь» и имя «пришельцев русинов», утверждал совершенно безосновательно Шелухин, происходят от области «Рутения» в Южной Франции, население которой якобы еще до нашей эры называлось «рутенами» или «русинами» (см. С. Шелухин, Кельтская теория происхождения Руси из Франции, Прага, 1934, «Территория Украины», Прага, 1944, стр. 10, Н. Григоріів, Українська державно-національна традиція, стр. 83).

Летописные памятники Киевской Руси украинские буржуазно-националистические авторы считали не древнерусскими, а «украинскими» памятниками. Так, Р. Лашенко заявлял, что «самым важным памятником украинского «земской права» надо считать «Русскую Правду», а нормы последней, как памятника украинского правового творчества, в самой основе своей совершенно противоположны правовой идеологии «народа московского», который якобы под влиянием Золотой Орды стал носителем «норм и положений права мусульманского» (см. указ соч. Р. Лашенко, стр. 38—39, 43—44). Этот же антинаучный взгляд украинско-националистические фальсификаторы распространяли и на литературный памятник трех братских народов «Слово о полку Игореве» (см. С. Гафинец, В. Сокирка, Українська література й культура, Прага, 1942, стр. 7).

** Украинские буржуазно-националистические авторы извращали также и период феодальной междоусобной борьбы русско-славянских князей, пытаясь изобразить ее как борьбу русского народа против украинского (см. указ соч. И. Жак, стр. 22, Д. Донцов, стр. 5, В. Пачовский, стр. 18). Ижаки и пачовские, шкирпаны и бирчаки, фальсифицируя историю, выдавали войны периода феодальной раздробленности за «русско-украинские войны». «Начало кровавой борьбы, утверждали они, уходит своими корнями еще в XII столетие, когда Андрей Боголюбский убивает тысячами украинцев при взятии Киева в 1169 году».

Советская историческая наука давно раскрыла полную научную несостоятельность разделения восточнославянских княжеств XI—XIII веков на великорусские, украинские и белорусские и доказала, что борьба между многочисленными русскими княжествами была не чем иным, как обычной для раннефеодальной эпохи борьбой феодальных владетелей отдельных областей. Искажая историю раннефеодального периода, последователи М. Грушевского преследовали все ту же антинародную цель — затуманить общность происхождения и истории украинского и русского народов и противопоставить их один другому.

Стр. 558.

* Третируя славного сына украинского народа Богдана Хмельниченко, украинские буржуазно-националистические наймиты империализма всячески возвеличивали предателей своего народа выговских и мазеп, стремившихся оторвать Украину от России и отдать ее на поток и разграбление польским панам, турецким султанам и шведским баронам Д. Донцов, А. Хомик и др. изображали Полтавскую битву сражением «варварского мира» против «европейского мира», Карла XII и Мазепу называли «выдающимися людьми мировой истории», а антинародный договор Мазепы со шведским королем, по их словам, должен был обеспечить создание «суверенного украинского государства» (см. указ соч. Д. Дон-

ц о в, стр 22, 27—29, А Х о м и к, Значіння східно-європейських націй для цілого людства, «Воля», т 5, № 1, Відень, 1919, «Календар «Про світа» на 1931 рік», Ужгород, 1930, стр 65—66).

Один из закарпатских немецко-фашистских прислужников Ижак писал, что гетман Мазепа «восстал на защиту прав и свободы» украинского народа так же, как в свое время и гетман Выговский (см указ соч И ж а к, стр 22—23) Еще более откровенно восхваляли предателей украинского народа волошинцы, называя себя «мазепинцами» — «борцами за свободу Украины» Подымая на щит и превознося ренегатов украинского народа, подвизавшихся в прошлом, украинско-немецкие националисты Закарпатья пытались прикрыть свои чудовищные преступления против жизненных интересов украинского и других советских народов.

** Грубому извращению подвергались и последующие периоды в истории украинского и русского народов. Так, например, движение декабристов на Украине они трактовали как национально-украинское движение, подчеркивая, что тайные общества на Украине совершенно не были связаны с аналогичными организациями в России, так как, мол, «украинские декабристы» были выразителями республиканских идей, а русские декабристы — носителями «централистического духа» (см указ соч Д. Д о н ц о в, стр 40) Стоит ли доказывать, что деление декабристов на «украинских» и «русских» искусственно и антиисторично, что это деление преследовало все ту же цель — показать «различия» в общественно-политических идеалах украинского и русского народов, доказать «превосходство» украинской «национально-государственной идеи» над русской.

Особенно гнусной фальсификации подвергались светлый образ, мировоззрение и творчество революционера-демократа Т. Г. Шевченка. М. Антонович в своей «Истории Украины» (пражское издание 1942 года) цинично заявлял, будто Т. Шевченко являлся «провозвестником современного национализма с лозунгом. национальные интересы — выше всего» Другие фашистские прислужники из желтоблакитного лагеря, потерявшие совесть и честь, дошли до чудовищного утверждения, что будто бы слова «Заповіта» — «поховайте та вставайте, кайдани порвіте» направлены против русского народа (см С. Г а ф и н е ц ь, В. С о к и р к а, Українська література й культура, Прага, 1942, стр. 20, 21, указ соч Д. Д о н ц о в, стр 18, 41)

Мы с презрением отбрасываем эту грязную клевету на великого украинского кобзаря, чья жизнь, мировоззрение, деятельность и творчество были пронизаны пламенной любовью к русскому народу, к трудящимся всех национальностей России, глгучей ненавистью к крепостному праву, помещичье-самодержавному строю, к угнетателям трудящихся — русским, польским, украинским помещикам-эксплуататорам

Украинские буржуазные националисты распространяли насквозь лживую версию о том, что «нация» в трудах Т. Шевченка и И. Франка «всегда стояла выше всего» (см указ соч С. Г а ф и н е ц ь, В. С о к и р к а, стр 22) Это была негодная попытка выхолостить революционное содержание и острую социальную направленность творчества двух великих украинских революционных демократов, посвятивших всю свою жизнь борьбе за освобождение трудящихся от классового и национального гнета

Стр 559

* Украинские буржуазные националисты в Закарпатье распространяли антинаучную басню о том, будто территория Закарпатья являлась «прародиной» славян и что поэтому украинско-немецким националистам — волошинцам, являющимся «цветом» украинской нации, историей предназначено превратить «Карпато-Украину» в центр «самостийной и соборной Украины». Этими разглагольствованиями волошинцы прикрывали свое предательство интересов украинского народа, свое пособничество в осу-

* Архивные и статистические данные, характеризующие исторически сложившуюся социальную структуру в Закарпатье, полностью опровергают измышления украинских буржуазных националистов о «бесклассовости» закарпатоукраинского общества. Изучение именных списков дворян в Закарпатье показывает, что наряду с венгерскими, немецкими, румынскими и другими землевладельцами в феодальную эпоху было немало закарпатоукраинских немцев, которые включались в списки дворян под рубрикой «*Nobiles rutheni, orosz pemesek*». Большая часть закарпатоукраинских дворян слилась постепенно с чужеземной шляхтой в одно эксплуататорское сословие, восприняв венгерский язык, обычаи, культуру, переимав свои имена на мадярский лад. Меньшая часть сохранила свои национальные черты. Особенно значительной была прослойка русских помещиков в жупе Марамарош, являвшихся потомками мелкой местной шляхты. Даже в сельскохозяйственной переписи конца XIX столетия отмечается наличие землевладельцев «рутенгов», принадлежавших к мелкопоместному дворянству Анталовци и Брензовичи, Добей и Герзаничи, Волкаи и Коссеи, Добрянские и Горзвы — все это дворянско-помещичьи роды закарпатоукраинского происхождения, существовавшие до последнего времени.

Приведенные нами в настоящей работе данные о социальной структуре сельского и городского населения Закарпатья, развитии промышленности и внутреннего рынка свидетельствуют о глубоком классовом расслоении в закарпатском обществе и выделившейся уже во второй половине XIX столетия прослойке национальной закарпатской деревенской и городской буржуазии. В первые десятилетия XX века, особенно в период вхождения Закарпатья в состав буржуазной Чехословакии, процесс развития национальной закарпатской буржуазии усиливается.

Выражением этого, в частности, явилось основание «Подкарпатского банка», ставшего центром объединения закарпатской буржуазии, связанной с торговлей, предпринимательской деятельностью и финансовыми операциями. Основной капитал банка составлял 5 млн, резервный фонд — 700 тысяч и вклады — 40 млн. чешских крон. Во главе этого банка стоял фашистский наймит А. Волошин; в состав правления входили братья Михаил и Юрий Брашайки, Константин Грабарь, священник села Йовра Фленько, кулак Туркеняк и другие «патриоты».

«Подкарпатский банк», находившийся под контролем заграничных финансовых монополий, проводил широкие финансовые операции, приносящие значительные прибыли его воротилам, сосредоточившим в своих руках значительную часть акций. Банк выплачивал по вкладам 5—8% годовых, выдавал ссуды из 8—16%, предоставлял кредиты ломбардам, торговым фирмам, землевладельцам и выступал в качестве акционера и собственника многих промышленных предприятий и финансовых учреждений небанковского типа. Банку принадлежали свечной завод «Гелнос», литейный завод «Аккорд», книгопечатня «Унио», кирпичный завод «Керамос» и страховое общество «Бескид». Большое место в «патриотической» деятельности занимала спекуляция землей. Приобретая на льготных условиях крупные участки земли, банк продавал ее мелкими парцеллами крестьянам по высоким ценам. Доходной статьей операций банка являлись «лицитации» — продажа с торгов имущества и земли мелких заемщиков — крестьян, не погасивших в установленный срок взятой ссуды.

Каждый член правления банка, как определял его устав, должен был иметь не менее 200 акций стоимостью в 500 чешских крон каждая. Многие из членов правления держали в своих руках значительно больше акций. В частности, А. Волошин имел 600 акций на общую сумму 600 тысяч крон. На каждую акцию в среднем приходилось в год 30—35 крон чистой

прибыли За время существования банка, по самым скромным подсчетам, такие держатели акции, как Волошин, Грабарь, Брашайки, получили по 400—450 тысяч крон дивидендов Если же к этому прибавить доходы от частных спекулятивных операций, не отраженных в документах банка, то прибыли их надо измерять миллионами крон. А. Волошин, возглавляя «Подкарпатский банк», приобрел два дома в Ужгороде и поместье в Венгрии, его подручный В. Фединец скупил 300 хольдов земли А. Волошин и Ю. Брашайко возглавляли также краевой кооперативный союз, кооперативное общество инвализов «Надея» и разные другие «дружества», используя их в целях обогащения.

Помимо членов правления банка, крупными держателями акций являлись закарпатские кулаки, торговцы, спекулянты, представители униатского духовенства. Радванский кулак Иван Саглица, например, имел на текущем счету в «Подкарпатском банке» 300 тысяч крон; на эксплуатации лесорубов и спекуляциях нажил миллионы владелец полонин, огромных стад скота и арендатор лесных угодий Марамароша Ключуряк, миллионными состояниями располагали кулаки и спекулянты Тулайда из Ясини, Щербан из села Богдан и др. Представители закарпатоукраинской буржуазии являлись также владельцами предприятий, магазинов, курортов, ресторанов. Братьям Гига принадлежала мебельная фабрика в Мукачеве, на фасаде которой крупными буквами было выведено: «Покупая мебель у этой карпато-русской фирмы, вы выполните лозунг свой к своему!». Братья Котрич были владельцами «русской фирмы» по продаже вина; Д. Андришину принадлежал «украинский курорт» в Вышкове. В любом каталоге закарпатских промышленных предприятий и торговых фирм этого периода можно было найти немало и других представителей закарпатоукраинской буржуазии, которые являлись акционерами и шефами всякого рода коммерческих обществ — «дружеств». К числу их относилось «Карпатское дружество для купли и продажи дров» в Ужгороде, акционерное общество «Подкарпато-русское электротранзевдение», кредитное общество «Русская касса» и т. д.

Орган Коммунистической партии Чехословакии газета «Руде право», разоблачая спекуляцию кукурузой, предназначенной для голодающего населения Закарпатья, писала в августе 1929 года, что кучка закарпатоукраинских капиталистов, во главе с крупным спекулянтом Василием Струком, использовала голод на верховине в целях личной наживы. Являясь директором общества «Добиткарска сполечность» Струк и его компаньоны, получив монополию на поставку кукурузы, взвинчивали цены на зерно, поставляли недоброкачественную кукурузу, заволаки вместо хлеба спирт и ром, наживая на спекуляциях сотни тысяч крон.

Таковы только некоторые факты, разоблачающие буржуазно-националистические выдумки о «бесклассовости» и «безбуржуазности» закарпатоукраинского общества

Стр. 563

* Фашистские выкормыши в Закарпатье вслед за немецкими глашатаями человеконенавистничества распространяли дикие идеи оголтелого расизма и проповедовали политику «социально-расового отбора», призванную приостановить «перепроизводство посредственных и низших типов» и поднять «плодотворность родов богатыми и гениальными людьми.» (см. «Господарский народный календарь на 1944 год», Унгвар, 1943, стр. 76).

** Стремясь оправдать политику фашистского разбоя Гитлера и его сателлитов, снять с них ответственность за развязывание второй мировой войны, закарпатские прислужники Гитлера пытались доказать неизбежность войн, кризисов и бедствий на земле «космическим влиянием». Один из проповедников этой «теории» писал, что космические вибрации и токи, действуя на психику людей, способствуют накоплению «психико-динамической энергии», которая и прорывается наружу, порождая на земле войны,

кризисы и бедствия (см «Господарський народний календарь на 1944 год», Унгвар, 1943, стр. 88)

Другие жалкие и нищие духом проповедники христианской морали в годы фашистского разгула призывали голодные и угнетенные массы, стремясь отвлечь их от борьбы с фашизмом, к заботе о «христианском счастье» Человек XX века, — писал А Попович, — может повторить слова «великого короля славного Вавилона» Навуходоносора о том, что он достиг славы, подчинив себе всю землю и силы природы Но человек от этого не стал счастливым, так как забыл «наибольшую правду», высказанную Христом «Не хлебом единым жив будет человек» Надо все помыслы направлять к тому, поучал этот проповедник мракобесия, чтобы «накормить душу», ибо «голодная душа» — источник человеческого несчастья. Главное в жизни — это достичь «гармонии между богом и человеком», а ключ к счастью — в самоотречении «Самоотрекающийся человек, — заключал этот папский прислужник, — есть идеал счастливого человека» (см журнал «Народна школа», № 8—9, Унгвар, 1943, стр 180—183)

*
*
*

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПР — Архив внешней политики России.

ГАЗО — Государственный архив Закарпатской области.

ГАЗОФ — Мукачевский филиал Государственного архива Закарпатской области

«Протест» — «I mi в € вропі. Протест галицьких русинів проти мадярського тисячоліття»

СК — Справочная книга по вопросам эмиграции (под редакцией С. Я. Яновского и А. И. Костелянского).

СКД — Сборник консульских донесений

Акció — A hegyvidéki, Erdélyrészi (Szekelföldi) és felvidéki gazdasági akciók 1909 évi működésének ismertetése

Deb — A Debreczeni kereskedelmi és iparkamarai évkönyv

His — Hivatalos statisztikai közlemények.

Kassai — A Kassai kereskedelmi és iparkamarai évkönyv

Kjsé — A Magyar kir. kormány 1899 évi működéséről és az ország közállapotairól szóló jelentés és statisztikai évkönyv.

Mos — A Magyar korona országainak. mezőgazdasági termelése.

Msc — Magyar statisztikai évkönyv.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I ТРУДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- К Маркс, Ф Энгельс Борьба в Венгрии, Соч, т 6 (второе издание).
- К. Маркс, Ф. Энгельс Венгрия, Соч, т 6 (второе издание)
- К. Маркс, Ф Энгельс Манифест Коммунистической партии, Соч., т 4 (второе издание)
- К. Маркс, Ф Энгельс Немецкая идеология, Соч, т 3 (второе издание).
- К. Маркс, Ф Энгельс Победа контрреволюции в Вене, Соч., т. 5 (второе издание)
- К. Маркс, Ф. Энгельс Революция в Вене, соч, т 5 (второе издание).
- К. Маркс Капитал, М., 1955, т 1 (главы 8, 11, 12, 13, 24) т 2 (главы 4 и 8), т. 3 (главы 1, 5, 16, 21, 47, 48).
- К Маркс К критике политической экономии, Соч, т. 13 (второе издание).
- К Маркс Письмо П В. Анненкову Избранные произведения К Маркса и Ф Энгельса, т 2, Госполитиздат, 1948
- Ф Энгельс Австрия -- Развитие революции, Соч, т 15 (второе издание).
- Ф Энгельс Анти-Дюринг, М., 1950.
- Ф Энгельс Бруно Бауэр и раннее христианство, Соч, т 15 (первое издание)
- Ф Энгельс Германия и панславизм, Соч, т 11 (второе издание)
- Ф Энгельс Демократический панславизм, Соч, т 6 (второе издание)
- Ф. Энгельс. Какое дело рабочему классу до Польши?, Соч, т. 16 (второе издание)
- Ф Энгельс Карл Маркс «К критике политической экономии», Соч, т 13 (второе издание).
- Ф Энгельс Демократический панславизм, Соч, т. 6 (второе издание)
- Ф. Энгельс Начало конца Австрии, Соч, т 4 (второе издание)
- Ф Энгельс Революция и контрреволюция в Германии, Соч, т 8 (второе издание).
- В И Ленин Аграрная программа русской социал-демократии, Соч., т 6
- В И Ленин Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч, т 13
- В. И Ленин Аграрный вопрос в России к концу XIX века, Соч, т 15.
- В И Ленин. Аграрный вопрос и «критики Маркса», Соч, т 5
- В И Ленин Борьба с голодающими, Соч т 5
- В. И Ленин II Конгресс Коммунистического интернационала, Соч., т 31
- В И Ленин Детский труд в крестьянском хозяйстве, Соч, т 19
- В И Ленин Детский труд в сельском хозяйстве, Соч, т 19
- В И. Ленин Доклад об Объединительном съезде РСДРП, Соч, т 10.
- В И Ленин Духовенство и политика, Соч, т 18
- В И Ленин Еще одно уничтожение социализма, Соч, т 20
- В. И Ленин. Железо в крестьянском хозяйстве, Соч, т 19
- В И. Ленин Заработная плата сельских рабочих, Соч, т 20

- В. И. Ленин Из экономической жизни России, Соч, т 6
- В И Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч, т 22
- В И Ленин Итоги дискуссии о самоопределении, Соч, т 22
- В И Ленин. Как епископ Никон защищает украинцев?, Соч, т 19.
- В И. Ленин Капитализм в сельском хозяйстве, Соч, т 4.
- В. И. Ленин Капитализм и иммиграция рабочих, Соч, т 19.
- В И Ленин. Капиталистический строй современного земледелия, Соч, т 16
- В И Ленин К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства, Соч, т. 19
- В И Ленин К вопросу о политике министерства народного просвещения, Соч., т 19
- В. И Ленин. Китайская война, Соч, т. 4
- В И Ленин Классы и партии в их отношении к религии и церкви, Соч, т 15
- В. И. Ленин Крах II Интернационала, Соч, т 21
- В И Ленин Крестьянство и наемный труд, Соч., т 20
- В И Ленин. Крепостное хозяйство в деревне, Соч, т 20
- В И Ленин Критические заметки по национальному вопросу, Соч, т 20
- В. И Ленин К характеристике экономического романтизма, Соч., т. 2.
- В И Ленин. Мелкое производство в земледелии, Соч, т. 19
- В И Ленин. Национальный состав учащихся в русских школах, Соч., т. 19.
- В. И. Ленин. Новая глава всемирной истории, Соч., т 18
- В. И. Ленин Новые данные о законах развития капитализма в земледелии, Соч, т 22.
- В. И Ленин Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни, Соч., т 1.
- В. И Ленин. О «культурно-национальной» автономии, Соч, т 19.
- В. И Ленин О праве наций на самоопределение, соч, т 20
- В И Ленин О смещении политики с педагогики, Соч, т. 8
- В. И. Ленин Отсталая Европа и передовая Азия, Соч., т 19
- В И Ленин Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу, Соч, т 31.
- В И. Ленин Проект программы нашей партии, Соч, т 4.
- В И. Ленин. Проект речи по аграрному вопросу во Второй государственной думе. Соч. т 12.
- В И. Ленин. Пятидесятилетие падения крепостного права, Соч, т 17.
- В И. Ленин Развитие капитализма в России, Соч, т 3
- В И Ленин Рецензия на книгу К. Каутского «Аграрный вопрос», Соч, т. 4
- В И. Ленин. Рецензия на книгу Р. Гвоздева, Соч, т 4.
- В. И Ленин Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 года, Соч, т. 28.
- В. И. Ленин. Социализм и крестьянство, Соч, т 9
- В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение, Соч., т. 22
- В. И Ленин. Сущность «аграрного вопроса в России», Соч., т. 18.
- В И. Ленин. Украина, Соч., т. 25.
- В. И. Ленин Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1.
- В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., т. 1.

II. ДОКЛАДЫ Н. С. ХРУЩЕВА И ПАРТИЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Н. С. Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, М., 1956

Н. С. Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXII съезду партии, М., 1961

Н. С. Хрущев. Доклад о программе КПСС, М., 1961

Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1961
Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.), «Правда», 12 января 1954 года

III ИСТОЧНИКИ

1. Неопубликованные архивные материалы

Архив внешней политики России

Фонды

Канцелярия (1846—1914)

Особый политический отдел (1911—1917)

Политический архив (1898—1914).

Посольство в Вене (1900).

Государственный архив Закарпатской области

Фонды.

Административная комиссия жупы Берег (1846—1900).

Административная комиссия жупы Угоча (1890—1900).

Административная комиссия жупы Унг (1840—1905).

Архив баронов Перени (1802—1902)

Архив кадастровых карт Подкарпатской Руси (1850—1860)

Архив пяти коронных городов Закарпатья (1800—1860).

Бургомистр города Ужгорода (1840—1905).

Бургомистр города Берегово (1819—1909)

Великобычковский нотариат (1870—1890).

Венгерские королевские соляные рудники (1840—1880).

Галмиский окружной королевский суд (1851—1900).

Главный жупан комитата Берег (1865—1906).

Главный жупан комитата Угоча (1870—1900).

Главный жупан комитата Унг (1850—1900).

Дирекция королевского венгерского имущества в Марамарош Сигете (1871—1900).

Жупное управление комитата Берег (1890—1900).

Жупное управление комитата Угоча (1890—1900).

Жупное управление комитата Унг (1890—1900).

Мукачевский монастырь (1889—1905)

Поджупан комитата Берег (1880—1901).

Поджупан комитата Угоча (1880—1902).

Поджупан комитата Унг (1880—1908)

Правление мукачевской греко-католической епархии (1890—1899).

Солотвинская венгерская королевская главная дирекция колерудников (1871—1900).

Ужгородский окружной королевский суд (1890—1895)
Урбарнальный суд в Ужгороде (1890—1899)
Экспозитура горных районов министерства земледелия (1897—1913).

Мукачевский филиал Государственного архива Закарпатской области

Фонды

Бургомистр города Мукачева (1800—1879)
Мукачевско-Чинадиевская латифундия Шенборна-Бухгейм (1800—1870).

Архивные фонды Ужгородского областного историко-краеведческого музея:

отдельные документы фамильного архива Перени, «Петиция сельских громад», протоколы общих собраний «Общества Василия Великого» и другие документы, относящиеся к национально-культурному движению.

2. Опубликованные документы и материалы

О Марков, Материалы для социальной истории Подкарпатской Руси в XVIII веке, «Подкарпаторусский сборник», Ужгород, 1931
А Л Петров, Материалы для истории Угорской Руси, тт I—VIII, СПб., Прага, 1905—1923
«Сборник консульских донесений», СПб., вып. 3, 4, 6 за 1899 год, вып. 3, 6 за 1900 год и вып. 3 за 1901 год
В А Францев, К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси, Ужгород, 1924 (материалы даны в приложении)

**

«Воз'єднання українського народу в єдиній Українській Радянській державі (1939—1949 рр)», Збірник матеріалів, Київ, 1949
В. Гаджега, Додатки к Истории русинов и русских церквей, Науков збірн «Просвіта», Ужгород, 1922—1938
Е. Еган, Економічне положенє руських селян в Угорщині, Львів, 1901 «І ми в Європі, Протест галицьких русинів проти малярського тисячоліття», Житє і слово», т 5, Львів, 1896
М. Ричалка, О В Духнович — педагог і освітній діяч, Братслава, 1959 (материалы и документы даны в приложении)
«Шляхом Жовтня», Збірник документів, т I, Ужгород, 1957

**

«A hatályos Magyar törvények gyűjteménye», I k., 1000—1873-ik törvények, Bdp., 1912; II k., Bdp., 1914
«A Magyar Munkásmozgalom Történetének Válogatott» Dokumentumai, I k., Bdp., 1951, II k., Bdp., 1954
«A Magyarországi munkásmozgalom 1818—1917-ig», Bdp., 1957—1958.
«Dokumentumok a Magyar párttörténet tanulmányozásához (1847—1917)», I k., Bdp., 1954
E m b e r Gy ö z ö, Iratok az 1848 i Magyarországi parasztmozgalmak történetéhez, Bdp., 1951
K e m é n y, G á b o r, Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában, I k., Bdp., 1952, II k., Bdp., 1956
M K o m j á t h y, A közös minisztertanács szervezeti problémái minisztertanácsi jegyzőkönyvek tükrében, Bdp., 1958.
«Magyarországot illető országos törvény és kormánylap», I. Pest, 1853

«Magyarországi szocial-demokrata Párt. Bericht der Sozial-demokratischen Partei Ungarns zu dem am 18—24 August 1907 in Stuttgart stattfindenden Internationalen Sozialisten Kongresse», Bdp., 1907.

«Országos Levéltár, Penzügyminiszterium», 1906.

Scotus Viator, Racial Problems in Hungary (Appendices), London, 1908

3. Статистические материалы и справочные издания

A С Будилович, Статистические таблицы распределения славян, СПб, 1875,

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», Таллин, 1959

N N, Словаки и русские в статистике Венгрии, «Славянский сборник», т I, СПб, 1875.

«Сельское хозяйство капиталистических стран». Статистический сборник. М., 1958.

«Справочная книга по вопросам эмиграции (под редакцией С Я Яновского и А. И. Костелянского)», СПб, 1913

«A bányászak helyzete. A Magyarországi Szakszervezeti Tanács megbízásából, Bdp., 1904

«A Budapesti Részénytársaságok állapota és uzleteredményei az 1906 — ban Budapesti székeslőváros statisztikai Hivatala, Bdp, 1908.

«A Debreczeni kereskedelmi és iparkamarai mezőgazdasági főbb viszonyainak leírása az 1867 dik évtől 1876 ig terjedő időszakra vonatkozólag Debreczen, 1879 «A Debreczeni kereskedelmi es iparkamarai kerület mezőgazdasági főbb viszonyainak leírása az 1894 — dik Debreczen, 1895 «A Debreczeni kereskedelmi es iparkamarai jelentese a kereskedelemügyi M kir. miniszter urhoz a kamara kerületének 1903 évi közzgazdasági viszonyairól, Debreczen, 1904 «A Debreczeni kereskedelmi és iparkamarai évkönyv, Debreczen, 1909, 1919.

A hegyvidéki, Erdélyrészi (Szekelyföldi és felvidéki gazdasági akciók 1909 évi működésének ismertetése, Bdp, 1910 «A Kassai kereskedelmi es iparkamaránk jelentése kerülete közzgazdasági kizonyairól az 1910 évben», Kassa, 1911 «A magyar korona országainak mezőgazdasági statisztikája», 1895—1896, I—II k, Bdp, 1887; II, IV k 1899, Bdp, 1900, IV k 1905, Bdp, 1906, I k 1909, Bdp, 1910 «A Magyar korona országainak mezőgazdasági statisztikája», IV kötet. A gazdaságok megoszlása jelleg és nagyság szerint, Bdp, 1900 «A Magyar korona országainak gazdacsimtára», Bdp, 1899 «A Magyar korona országainak 1900 évi népszámlálása», II rész, Bdp, 1904 «A Magyar korona országainak 1901—1915, évi mezőgazdasági termelése, Bdp., 1924. «A Magyar korona országainak 1910 évi népszámlálása», II k 1900, Bdp, 1901; II, V k., 1910, Bdp, 1911, «A Magyar korona országai gyáripárok uzemi és munkás statisztikája az 1906 évről», Bdp, 1910. «A Magyar mezőgazdasági statisztikája 1913 év», Bdp, 1915 «A Magyar kir kormány 1899 évi működéséről és az ország közállapotairól szóló jelentés es statisztikai évkönyv», II k, Bdp, 1900, I—II k, Bdp., 1901 «A Magyar korona országaiaban Az 1870 év elejen végrehajtos népszámlálása» Pest, 1871 «A Magyar kiraly iparfelügyelők tevékenysége 1899—1900 évben», Bdp, 1901 «A Magyar korona országainak külkereskedelmi forgalma Szerkeszti es kidja A Magyar kiraly központi statisztikai Hivatal, Bdp, 1907—1914 «A Magyar kiraly központi statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv, I f., XV k., Bdp., 1907 «A népoktatás Magyarországon az 1907 cv, Bdp, 1908 «A Magyar városok statisztikai évkönyv, Bdp, 1912 «A Magyarországi szocialis-

ztikus munkásmozgalmak, Bdp., 1903, 1909. «A Pallas Nagy Lexikona», Bdp., 1895

Balogh P., A nepfajok Magyarországon, Bdp., 1902

«Beregvár megye népoktatás ügye 1876—1886 években», Beregszáz, 1887.

Bohacz A., Visledky scitáni lřdu v Uhrach, «Slovansky Przhled», Praha, 1913.

Brachelly, Handbuch der Geographie und Statistik des Kaiserthums Oesterreich, Leipzig, 1861—1867.

Compass, Finanzielles Jahrbuch fur Oesterreich—Ungarn, II B., Wien, 1915.

«Comptes rendus et mémoires du VIII Congrès International d'Hygiene et de Démographie, Bdp., 1896

Csaplovics I., Marmaroser Gespanschaft. Topogr—stat. Archiv d'König Ungarn, Wien, 1821

Czoernig, Etnographie der Oesterreichischen Monarchie, B I, Wien, 1857.

«Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkacsiensis Cassoviae, Budaë, Ungvár, 1856, 1861, 1874, 1893, 1899

«Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Eperjesinsis» Cassoviae, Eperjesini, 1898, 1908.

«Egán ede jelentése a negyvidéki akcióról», Bdp., 1900.

Eckhardt F., A Magyar közgazdaság 100 éve, Bdp., 1941

«Ertesítvénye az Ungvári kir. kath. főgimnásium az 1871—1900», Ungvár, 1901 «Ertesítője az Ungvári kir. gör. szert, kath. éneklész-tanítóképezde az 1894—1900», Ungvár, 1901.

Fényes Elek Magyarország statistikája, I k., Pest, 1842. Statistik Kön Ungarn, I Th., Pest, 1843. A Magyar birodalom statisticái, geographiái és történeti tekintetben, Pest, 1847. Magyarország leírása 1847—ben, I, Pest, 1848. Magyarország földrajzi szótara, II, Pest, 1851. Az Ausztriae birodalom statistikája, Pest, 1857.

Fincicky M., Polgármesteri jelentés Ungvár város közelhatárról, Ungvár, 1912

Galgóczi K., Magyarország a Szerb Vajdaság s Temesi Bánság mezőgazdasági statisztikája Pest, 1855.

Hardy L., Agrarstatistische Beiträge und Studien zur Alföldler Landwirtschaftsfrage, Bdp., 1910.

Hegedus L., Geschichte der Ehtsehung und des Bestandes der Pester Ungarischen Commercial Bank, B II, Bdp., 1917

Hegedus L., A Pesti Magyar Kereskedelmi Bank története, II k., Bdp., 1917

Heder I., Jelentés Máramaros vármegyei iparfejlesztő bizottságának 1907 év működéséről, M—Sziget, 1908

«Hivatalos statistikái közlemények», IV évfolyam, I füzet, Pest, 1871, V évfolyam, I, II, V füz., Pest 1872, V évfolyam, I füz., Pest, 1874 «Hivatalos statisztikái közlemények Magyarország malomipara», Bdp., 1885.

«Hundert Jahre Oesterreichischer Wirtschaftsentwicklung 1848 -1948, Wien, 1949

Hunfálvy Iános, A Magyar birodalom természetj viszonyainak leírása, Pest, 1865

Hunfálvy I., A Magyar-Osztrák monarchia rövid statistikája, Pest, 1864

Iványy Bela, Két középkori sóbányastatutum «Századok», N I, Bdp., 1911.

Kelety, Károly, Hazánk és népe a közgazdaság és társadalmi statisztika szemponjából, Pest, 1871.

Kelety K., Ungarn auf der Wiener Weltausstellung, Bdp., 1873.

Korabinsky I M., Geographische, Historischen u. Produkten Lexikon von Ungarn, Pressburg, 1786.

«Közgazdasági és statisztikai évkönyv», 1892—1893 Bdp., 1895

Křízek V., Statistika císařství Rakouského, Praha, 1872.

«Landwirtschaftliche Statistik der Länder der Ungarischen Krone, Bd. 1—5, Bdp., 1897—1900.

Lang és Fekelfalussy, Magyarország népességi statisztikája, Bdp., 1884

Magyar Compass Pénzügyi és kereskedelmi évkönyv, Bdp., 1903. «Magyar statisztikai évkönyv», I k., 1871, Bdp., 1872; II k., 1873, Bdp., 1874; III k., 1874, Bdp., 1875, VII k., 1877, Bdp., 1879, VIII k., 1878, Bdp., 1879; III k., 1885, Bdp., 1886; VI k., 1889, Bdp., 1891; II k., 1888, Bdp., 1892; III k., 1895, Bdp., 1896; VIII k., 1900, Bdp., 1901; IX k., 1901, Bdp., 1902; XIII k., 1904, Bdp., 1905; XIII k., 1905 Bdp., 1906; XX k., 1912, Bdp., 1914. «Magyar statisztikai közlemények Uj sorozat, 42 k., 56 k., Bdp., 1911 «Magyar statisztikai közlemények, V k., Bdp., 1907; 67 k., Bdp., 1918. «Mezőgazdasági munkabérek Magyarországon 1896—ben, Bdp., 1898; 1905 évben, Bdp., 1906.

Niderle L, Uhersti rusini ve svétle madarské statistiky, Praha, 1904.

«Publications statistiques Hongrois» (1901—1905), Bdp., 1915.

Schmidt, Statistik des Oesterreichisch—Ungarischen kaiserstaates, Wien, 1872

Springer Joh, Statistik d Österreichischen Kaiserstaates, B. I, Wien, 1840.

«Statistická příručka Republiky Československé, I, Praha, 1920; II, Praha, 1925, III, Praha, 1928.

«Statistický Lexikon obcí v Republice Československé. Podkarpatská Rus, t IV, Praha, 1925.

Swartner M, Statistik des Königreichs Ungern, Wien, 1798; Ofen, 1809

Tehnická práce v zemi Podkarpatoruské 1919—1933», Uzgorod, 1933. «Uzemi és munkás statisztika az 1906 évr. Bdp., 1907; 1910 évr., Bdp., 1911

4. Периодическая печать

а) Газеты:

«Карпат». Унгвар, 1873—1874, 1876—1877. «Наука», Унгвар, 1897—1900, 1905—1906, 1908, 1911—1912. «Неделя», Будапешт, 1896—1900 «Новый свет», Унгвар, 1871—1872. «Свет», Унгвар, 1866—1871. «Церковный вестник», Будин, 1858. «Церковная газета», Будин, 1856—1858 «Bereg», Beregszász, 1866, 1876, 1879—1880, 1886, 1900 «Görög katolikus Szemle», Ungvár, 1899—1900, 1904. 1915 «Kárpáti Hirnök», Ungvár, 1861. «Kárpáti Lapok», Ungvár, 1895 «Kelet», Ungvár, 1884, 1889, 1898—1899. «Magyar Kárpát», Ungvár, 1875—1876 «Ung», Ungvár, 1866, 1868, 1884—1885, 1888, 1903, 1907, 1917. «Ungvár», Ungvár, 1880—1881, 1883, 1888—1901 «Ungvári közlöny», Ungvár, 1901, 1903—1905.

б) Журналы: («Месяцословы», календари, сборники):

«Земский правительственный вестник для королевства Угорщины», Будин, 1850—1859 «Календарь Подкарпатский», Унгвар, 1897, 1899. «Месяцослов», Перемышль, 1854; Львов, 1857; Унгвар, 1862—1889, 1903, 1910—1912. «Месяцослов для угорских русинов», Унгвар, 1850, 1852. «Месяцослов крестный», Унгвар, 1889—1893. «Месяцослов церковный», Унгвар, 1893—1899.

«Сова», Унгвар, 1871 «Угрорусский листок», Унгвар, 1885—1903 «Felvideki Sion», Ungvár, 1889—1891. «Kalendárj narodni vszych szvjatech», Ungvár, 1894 «Naptár görög katholikus», Ungvár, 1897—1899.

5. Литературные первоисточники

Добрянский А И Проект политической программы для Руси австрийской, Львов, 1871, Куда мы дошли? Рассуждение старого австрийского патриота о нынешнем положении в Австрии, Львов, 1898, О современном религиозно-политическом положении Австро-Угорской Руси, М, 1885, Плоды учения гр. Л. Н. Толстого, СПб, 1896, Римско-немецкая империя Гогенцоллернов и греко-славяне «Славянское обозрение», тт. II—III, СПб., 1892

Духнович А. В Автобиография, Ужгород, 1928; Избранные сочинения, Ужгород, 1941. Избранные сочинения, Пряшев, 1955, Народная педагогия, Львов, 1857 История Пряшевской епархии, СПб, 1877

Митрак А, Путевые впечатления на Верховине Газета «Свет», № 16, Ужгород, 1867

Раковский И, Письма из венгерской Руси «Вестник Юго западной и Западной России», т I, Киев, 1868; т II, 1869

Сильвай И, Автобиография, Ужгород, 1938

IV. ТРУДЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ

Герцен А И, Статьи о Польше, СПб, 1907

Петефи Шандор, Собрание сочинений, тт. 1—2, М, 1952

Танчич Михай, Мой жизненный путь, М, 1952

Франко І «Iдеї» і «ідеали» галицької москвофільської молодіжї, Львів, 1905 Кошут і кошутська війна, «Житє і слово», I, Львів, 1894. Матеріали і уваги до історії Австро-Руського відродження, 1772—1848, «Житє і слово», III, Львів, 1895 Політична хроніка, «Житє і слово», кн. 1—2, Львів, 1896 Проти Ватикану, Київ, 1953 Стара Русь, «Літературно-науковий вісник», IX, Львів, 1906

Франко И, Избранные сочинения, т I, М, 1948

Чернышевский Н Г Национальная бестактность, Полное собрание сочинений, т 7, М, 1950. Национальная бестолковость, т 7 Прочность австрийского порядка, Сборник «Н Г Чернышевский и Н А Добролюбов Избранные педагогические высказывания», М, 1949

V. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, МОНОГРАФИИ, ОБЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ

1. Периодические издания

а) Газеты:

«Закарпатская Украина», Ужгород, 1946—1948 «Закарпатська правда», Ужгород, 1946—1947, 1953 «Нове життя», Пряшів, 1954 «Советское Закарпатье», Ужгород, 1949—1950

♦♦

«Діло», Львів, 1882 «Карпато-руський голос» Ужгород, 1933—1934 «Нова неделя», Ужгород, 1939 «Свобода», Ужгород, 1932—1935 «Село», Унгвар, 1911. «Слово», Львов, 1861—1862, 1864—1865, 1871—1874, 1878—1885

♦♦

«Alkotmány», Bdp, 1903 «Budapesti Hirlap», Bdp, 1904, 1905 «Budapesti Naplo», Bdp, 1902 «Budapesti Szemle», Bdp., 1903 «Földmuvelő»,

Bdp, 1896, 1897, 1903 «Határszélei ujság», Ungvár, 1908, 1916 «Hirnök», Bdp, 1841. «Köztelek», Bdp, 1902 «Magyarország», Bdp, 1903 «Magyar Nemzet», Bdp, 1903. «Népszava», Bdp, 1891, 1905—1906, 1910, 1912 «Pester Lloyd», Bdp, 1904 «Pesti Hirlap», Bdp, 1841, 1913, 1915—1916 «Podkar-patske Hlasy», Uzhorod, 1928

б) Журналы: (сборники, альманахи, календари, «месяцословы» и т. п.):

«Блокнот агитатора» відділу пропаганди і агітації Закарпатського обко-му КП України, Ужгород, 1946, 1947. «Вопросы истории», М, 1948—1961. «Дружно вперед», Пряшів, 1953, 1955. «Дукля», Пряшів, 1955—1957. «Известия» Академии наук СССР, серия историческая и философская, М, 1945 «Историк-марксист», М, 1941 «Мировое хозяйство и мировая политика», М, 1939 «Народний календар на 1960 рік», Братіслава, 1959. «Радянське Закарпаття» (альманах), Ужгород, 1948, 1955—1956 «Славяне», М, 1945 «Советская педагогика», М, 1954, 1956. «Советская этнография», М, 1941 «Український історичний журнал», Київ, 1958—1961. «Беседы в обществе любителей российской словесности», СПб., 1871. «Варшавские университетские известия», Варшава, 1894. «Вестник», Вена, 1850—1853, 1863 «Вестник Западной России», Вильна, 1865—1866 «Вестник Русского географического общества», СПб., 1852 «Вестник Юго-западной и Западной России», Киев, 1862 «Возрождение» (альманах), Пряшів, 1933 «Временник Ставропигийского института», Львов, 1870—1872 «Галичанин» (литературный сборник), Львов, 1862—1863 «Галиcko-Русская Матица» (научно-литературный сборник), Львов, 1901—1902, 1906 «Древняя и новая Россия», СПб., 1880, 1881 «Душпастьер», Ужгород—Пряшів, 1930 «Живая мысль» («Карпаторусский журнал политики и культуры»), Прага, 1933 «Житє і слово», Львів, 1897 «Журнал министерства народного просвещения», СПб., 1868, 1891—1895 «Записки Научного товариства ім Шевченка», Львів, 1903, 1908, 1920 «Известия отделения русского языка и словесности» Российской академии наук, СПб., 1906, 1914. «Известия С-Петербургского славянского благотворительного общества», 1883—1904. «Исторический вестник», СПб., Петроград, 1880, 1885, 1917 «Календарь «Унио», Унгвар, 1919, 1921 «Календарь русский земледельческий», Ужгород, 1924. «Календарь «Карпатської правди», Мукачів, 1926. «Календар «Земля і воля» на 1936 рік», Ужгород, 1935. «Календар «Просвіт», Ужгород, 1922, 1933—1937 «Календарь русский народный», Ужгород, 1932, 1936 «Календарь общества им А. Духновича», Унгвар, 1940 «Карпатская Русь», Прага, 1924 «Карпатский край», Ужгород, 1924. «Карпатский свет» («Литературно-общественный журнал общества им А. Духновича»), Ужгород, 1928—1938 «Киевлянин», Киев, 1850. «Киевская старина», Киев, 1887, 1901. «Критическое обозрение», СПб., 1879 «Литературно-научовий вістник», Львів, 1899 «Литературна неделя», Унгвар, 1942 «Миссийный вестник», Ужгород—Пряшів, 1933, 1935, 1937. «Москвитянин», М 1841 «Народна школа», Ужгород, 1935—1936 «Наши стремления» («Альманах учеников русской гимназии в Мукачево»), Мукачево, 1935 «Науковий збірник т-ва «Просвіта» в Ужгороді», 1922—1924, 1929, 1931—1932, 1934—1935, 1938 «Наш родной край» («Новинка для молодежи Подкарпатской Руси»), Тячево, 1931 «Отечественный сборник», Вена, 1854, 1858, 1866 «Подкарпатска Русь» («Часопис посвящений познаю родного края та педагогичным справам»), Ужгород, 1924, 1926, 1932—1933. «Православный карпаторусский вестник», Ужгород, 1936. «Православное обозрение», М, 1868, 1871—1873. «Пчолка» («Часопис для молодежи, родни и народу»), Ужгород, 1931 «Русский архив», М, 1879, 1914. «Русский филологический вестник», Варшава, 1901 «Русское богатство», СПб., 1914 «Руська молодежь», Унгвар, 1942 «Славянин», СПб., 1826—1827. «Славянский век», Вена, 1889, 1892, 1900—1904, 1906. «Славянские известия», СПб., 1889—1910 «Славянский мир», М, 1878. «Славянское обозрение»,

СПб., 1892 Славянский сборник», СПб., 1874—1875, 1877. «Странник», СПб., 1867. «Учитель», Ужгород, 1929 «Шляхи», Львів, 1916

«Historický časopis», Bratislava, 1953—1960. «Századok», Bdp., 1911, 1919, 1948—1960 «Társadalmi Szemle», Bdp., 1946. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1959. «Közgazdasági Szemle», Bdp., 1908 Szakszervezeti Ertesítő», Bdp., 1905. «Uj Hang», Bdp., 1939 «Uj március», Bdp., 1925

2. Труды советских авторов

Анучин В. А., Спиридонов А. И., Закарпатская область, М., 1947.

Бондарь А. Д., Из истории школы в Закарпатской Украине до воссоединения ее с Советской Украиной. «Советская педагогика», № 3, 1954.

Борисов И. К., А. В. Духнович. Альманах «Дукля», Пряшів, № 1, 1955.

Водовозов Н. В., Карпатская литература на русском языке Научные записки Московского городского педагогического института им. Потемкина, т. 20, вып. I, 1952.

Водовозов Н. В., Закарпатская литература в борьбе за воссоединение Закарпатья с Россией. Ученые записки Московского городского педагогического института им. Потемкина, т. XI, вып. 5, 1955.

Воскресенский Н. С., Начало журналистики в Закарпатье. Научные записки Ужгородского государственного университета, Ужгород, т. VI, 1952.

Евсеев И. Ф., Народные комитеты Закарпатской Украины — органы государственной власти (1944—1945), М., 1954.

Исламов Т. М., Избранные документы по истории венгерского рабочего движения. «Вопросы истории», № 7, 1956

Исламов Т. М., Политическая борьба в Венгрии в начале XX века, М., 1959

Коломиец И. Г.: Из истории земельных отношений в Закарпатье, газета «Закарпатская Украина», 21—23 августа 1946 года; Волошинцы — наемники гитлеровской Германии, «Закарпатская Украина», 5—6 апреля 1947 года; Что такое «Просвіта», «Закарпатская Украина», 16 мая 1948 года; Что такое «Общество им. А. Духновича», «Закарпатская Украина», 9 мая 1948 года. Очерки по истории Закарпатья. Борьба крестьянства Закарпатья против феодального гнета и католического порабощения в XV—XVIII веках. Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, т. 121, Томск, 1953, Очерки по истории Закарпатья, Пряшев, 1955 Очерки по истории Закарпатья, ч. II, Томск, 1959

Коломиец И., Фурманов С., Эпигоны Грушевского и его «школы». «Закарпатская Украина», 4, 10, 29 февраля и 24 марта 1948 года.

Коломиец И., Гильбух З. На поводу у буржуазной историографии. «Закарпатская Украина», 24 апреля 1948 года

Ландор Б. Л., Венгерская революция 1848/1849 г и царская интервенция «Исторические записки», т. 9, М., 1940.

Лебович М. Ф., Венгрия накануне буржуазно-демократической революции 1918 г. и провозглашение республики. Наукові записки Львівського державного університету ім. Івана Франка, т. 25, серія історична, випуск V, Львів, 1953.

Линтур П. В.: Идея братского единства украинского и русского народов в творчестве писателей Закарпатья Сборник «В сім'ї єдиній», Ужгород, 1954; Влияние русской литературы на творчество закарпатских писателей XIX века. Наукові записки Ужгородського державного університету, Ужгород, 1956; Новый труд о Добрянском Альманах «Дукля», № 2, Пряшів, 1957. Неизданный дневник А. Митрака Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 33, Ужгород, 1958.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. I—II, М., 1950

Маркуш В. М., Крестьянская война в Венгрии и Закарпатье в 1514 году. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. V. Збірник студентських наукових робіт, випуск I, Ужгород, 1952.

Медведев С. Р., Природные ресурсы Закарпатской Украины. «Гидротехническое строительство», № 7—8, 1945.

Мельникова И. Н., Закарпатская Украина в революции 1848 года. «Вопросы истории», № 8, 1948.

Мельникова И. Н., Национально-освободительная борьба украинцев в Закарпатской Руси в 1848 году «Революции 1848—1849», т. I, М., 1952

«Революции 1848—1849», тт. 1—2, М., 1952.

Рот А. М., Иосиф Добровский о языке закарпатских украинцев. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 9, Ужгород, 1954

Тарле Е. В., Панкратова А. М., Третьяков П. Н., Конгресс венгерских историков. «Вопросы истории», № 7, 1953

Тарле Е. В., Крестьяне Венгрии до реформы Иосифа II, Соч., т. I, М., 1957.

Трайнин И. П., Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад, М., 1947.

Удальцов И. И., Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 году, М., 1951.

Чубуков Я., Подрывная деятельность американских и англо-французских интервентов и их агентов в Закарпатье, газета «Советское Закарпатье», 24 ноября 1949 года.

Чумаков Т. М., Социальные мотивы в творчестве А. Павловича. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 33, Ужгород, 1958.

**

Белоусов С. М., Возз'єднання українського народу в єдиній Українській Радянській державі, Київ, 1951.

Волинський П. К., Корисне і потрібне видання (Рецензія на «Избранные произведения» А. Павловича). «Літературна газета», № 51, Київ, 1955.

Галаан Я., Твори, т. II, Київ, 1953.

Гуржій І., Розклад феодално-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст., Київ, 1954.

«Закарпатська область» (Короткий довідник), Ужгород, 1947.

Ілько В. І.: Боротьба трудящих Закарпаття за возз'єднання з Радянською Україною (1939—1954), Ужгород, 1954; З історії обезземелення селян Закарпаття в другій половині XIX ст. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 29, Ужгород, 1957; До питання розшарування селянства на Закарпатті в другій половині XIX ст. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 30, Ужгород, 1957; З історії селянських рухів на Закарпатті в другій половині XIX ст. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 36, Ужгород, 1958.

«Історія української літератури», т. I, Київ, 1954.

«Історія УРСР», т. I, Київ, 1954.

Климентюк М., Підступи американських імперіалістів на Закарпатті, Ужгород, 1952

Коломієць І. Г.: Що дала Радянська влада робітникам і селянам Закарпаття. «Блокнот агітатора» відділу пропаганди і агітації Закарпатського обкому КП(б) У, № 12, Ужгород, 1946; З історії освіти на Закарпатті, «Закарпатська правда», 26 червня 1946 року; Історична довідка «Закарпатська область» (Короткий довідник), Ужгород, 1947.

Компанієць І. І., Становище і боротьба трудящих мас Галичини, Буковини та Закарпаття на початку ХХ ст., Київ, 1960

Лелекач М. М. Про приналежність Закарпаття до Київської Русі в Х—ХІ ст Наукові записки Ужгородського державного університету, т. II, Ужгород, 1949; Культурні зв'язки Закарпаття з Україною і Росією в XV—XVIII ст Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 9, Ужгород, 1954; Процес закріпачення закарпатського селянства в XIV—XV ст Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 24, Ужгород, 1957.

Лінтур П. В., З історії братніх зв'язків Рецензія на книгу д-ра С. В. Добоша «А. И. Добрянский — жизнь и творчество», «Літературна газета», № 37, Київ, 1956

Мельник В. М., Посилення класової боротьби на Закарпатті у другій половині XVII і на початку XVIII ст. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 29, Ужгород, 1957.

Мешко І. М., Аграрна програма Лайоша Кошута в період визрівання угорської буржуазної революції 1848—1849 рр. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 38, Ужгород, 1959.

Неточаєв В. І., Закарпаття напередодні першої світової війни (1908—1914). Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 29, Ужгород, 1957.

Неточаєв В. І., Колоніальна політика угорського буржуазного уряду на Закарпатті в кінці XIX і на початку ХХ ст. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 36, Ужгород, 1958

Піддубний Г., Закарпатська Україна, Харків, 1933.

Пявко М., Гончаренко А., Український педагог — Олександр Духнович. Альманах «Дукля», Пряшів, № 1, 1957.

Усенко В., Вплив Великої Жовтневої соціалістичної революції на розвиток революційного руху в Закарпатті в 1917—1919 рр., Київ, 1955.

Хичій О. Ф., З історії шкільництва на Закарпатті з XVIII ст до возз'єднання його з Радянською Україною Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 29, Ужгород, 1957.

Чубуков Я., Відгуки в Закарпатській Україні на російську революцію. Літературно-художній альманах «Радянське Закарпаття», № 1, Ужгород, 1956.

Шульга І. Г., Втягнення феодалних господарств Закарпаття в товарно-грошові відносини в другій половині XVIII ст. (по архівах Мукачівсько-Чинадівської латифундії Шенборна). Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 30, Ужгород, 1957

Шульга І. Г., Становище селян Закарпатської України в 70—80-х роках XVIII ст. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 36, Ужгород, 1958

Шерстюк Ф., Становище робітничого класу і робітничий рух на Україні в другій половині XIX ст., Київ, 1948.

Шевченко Ф., Боротьба за Радянську владу на Закарпатті, Київ, 1950

Шлепаков А. М., Українська трудова еміграція в США і Канаді (кінець XIX —початок ХХ ст.), Київ, 1960.

Штернберг Я. І., Відгуки на Україні на селянські виступи в Угорщині в кінці XIX ст. Доповіді та повідомлення, видання Ужгородського державного університету. № 1, Ужгород, 1957.

Штернберг Я. І., З історії спільної боротьби угорських і українських селян під час визвольної війни 1703—1711 рр. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 38, Ужгород, 1959.

3. Литература, изданная в зарубежных социалистических странах

Андич Э., Венгерское рабочее движение в период первой мировой войны и влияние Великой Октябрьской социалистической революции. «Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae», т. I, ч. II, Vdr., 1954.

Волощук І, Про сучасну українську літературу в Чехословаччині, Альманах «Дукля», № 4, Пряшів, 1955

Галечка Т, Про ставлення до традицій. «Дукля», № 3, Пряшів, 1957

Гапак Павло, Внески до історії українців в Угорщині у другій половині XIX і початком XX століть «Дукля», № 2—3, Пряшів, 1957

Гапак П, За правильне висвітлення діяльності А. І. Добрянського. «Дукля», № 1, Пряшів, 1959.

Добош С В, Добрянский — очерк жизни и деятельности, Пряшев, 1956

Матула В, Людовит Штур, Братіслава, 1956.

Павлович А И, Избранные произведения (под общей редакцией И С Шлепцекого), Пряшев, 1955

Панькевич Іван, Іван Франко і закарпатські українці. «Дукля», № 3, Пряшів, 1957

Перени И, Из истории закарпатских украинцев (1849—1914). «Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae», 14, Vdr., 1957.

Ричалка М, Духнович — педагог і освітній діяч, Братіслава, 1959

Ступак Ю. П., Педагогічні погляди О. В. Духновича, Братіслава, 1956.

Тот З, Кошут и национальный вопрос в 1848—1849 гг. «Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae», Vdr., 1953

Ханак Петер, Угнетенные народы Австрийской империи и венгерская революция 1848—1849 гг «Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae», Vdr., 1953.

Шлепецкий А., А. И. Павлович. Журнал «Дружно вперед» № 12, Пряшев, 1955.

Шлепецкий А, Закарпатські будителі та наша сучасність, Пряшів, 1957.

Шлепецкий А С, Співець Маковиці. «Народний календар на 1960 рік», Братіслава, 1959.

**

Arató Endre K hospodárskym dejinám Slovenska od r. 1849 do r. 1900 «Historický casopis», I, c 3, Bratislava, 1953.

Dzvonik M, Ohlas Řijnove Socialistické revoluce na Slovensku, Bratislava, 1957.

Erény T, O některých otázkách dejin dělnického hnutí v Uhrach. Sborn. «Otázky vývoje kapitalismu v českých zemích a v Rakousku-Uhersku do roku 1918», Praha, 1957.

Faltan M, Cesta slovenského roľníctva k socializmu, Bratislava, 1954.

Harák Pavel Postavenie proletariátu na Slovensku v rokoch 1848—1867 «Historický casopis», r. V, c. 3, Bratislava, 1957.

Haraksim L'udovit, Hnutie Ukrajincov Zakarpatska a východného Slovenska a myslienka slovanskej vzájmnosti «Historický casopis», VIII, c. 2—3, Bratislava, 1960.

Holotik L'udovit, Z výsledkov kongresu maďarských historikov. «Historický casopis», I, c 2, Bratislava, 1953.

Kovács Andre, Maďarské a slovenské národné hnutie v prvej polovici minulého storočia. Sborn. «L'udovit Stur», Bratislava, 1956.

Lazar E., Príspevok k otázke slovensko-ukrajinských vzťahov v 19 stor. Sbornik «Z dejín československo-ukrajinských vzťahov», Bratislava, 1957.

Ledererová Ema, Pociatky priemyselneho kapitalizmu v Uhorsku, Bratislava, 1954

Luby S., Dejiny súkromného práva na Slovensku, Bratislava, 1946. «L'udovit Stur Život a dielo» (1815—1856), Sbornik, Bratislava, 1956.

Mérei I., Príspevok k dejinám hnutia poľnohospodárskych robotníkov v Uhorsku «Kapitoly z uhorských dejín», Bratislava, 1952.

Mészáros Július K problematike feudálnych prežitkov na Slovensku v druhej polovici XIX storočia, Bratislava, 1955; K problémom zrusenia poddanstva na Slovensku. Urbaniálny patent z 2 marca 1853 «Historický casopis», roc I, c 4, Bratislava, 1953; K otázke koloniálneho postavení Uherska. Sbornik «Otázky vývoje kapitalizmu...», Praha, 1957.

Molnár Michal, Sturovci a Zakarpatská Ukrajina. Sborn. «L'ubovit Stur», Bratislava, 1956

Nemes Dezider, Robotníctvo v revolúcii r. 1848—1849. «Kapitoly z unorských dejín», Bratislava, 1952.

«Otázky vývoje kapitalizmu v českých zemích a v Rakousku-Uhersku do roku 1918», Praha, SNPL, 1957.

Pach P. Z., K problémom pôvodnej akumulácie kapitalu v Uhorsku, Bratislava, 1952.

Pach Zsigmond Pál, Některé zásadní otázky tak zvaného pruského typu kapitalistického vývoje zemedelství v Uhrách za dualismu. Sbornik «Otázky vývoje kapitalizmu...», Praha, 1957.

Pach P. Z., K otázce zvládnutosti vývoje kapitalizmu v Rakousku-Uhersku Sbornik «Otázky vývoje kapitalizmu...», Praha, 1957.

Priesterová Eva, Výsledky výzkumných prací rakouských komunistů o vzniku rakouského národa a jeho vlivu na vývoj kapitalizmu v Rakousku-Uhersku. Sbornik «Otázky vývoje kapitalizmu...», Praha, 1957.

Reiman Pavel, O tendencích kapitalistického vývoje na území bývalého Rakouska-Uherska. Sbornik «Otázky vývoje kapitalizmu...», Praha, 1957.

Riha O., Zákonitosti a specifické rysy vývoje kapitalizmu v Rakousku-Uhersku. Sborn. «Otázky vývoje kapitalizmu...», Praha, 1957.

Spiesz Anton, K problematice počátku priemyselnej revolúcie na Slovensku. «Historický casopis», II, Bratislava, 1954.

Stavrovský Emilian, Spoločne ľudové tradície poľského, západo-ukrajinského a východoslovenského ľudu v 16. az v pivej polovici 18. storočia. Príspevky k medzislovenským vzťahom v československých dejinách «Slovenské studie», III, vid SAV, Bratislava, 1960.

Tichý F., Ze slovensko-ukrajinských styků v padesátých a sedesátých letech minulého století. Sborník «Z dejin československo-ukrajinských vzťahov», Bratislava, 1957.

**

«A magyar nép története», Bdp., 1951.

«A magyarországi munkásmozgalom 1848—1917-ig», Bdp., 1957

Andics Erzsébet Mai történetírásunk problémái, Bdp., 1950; A Magyarországi munkásmozgalom az 1848—1849-és forradalomtól és szabadságharcától az 1917-és Nagy Októberi Szocialista forradalomig, Bdp., 1954; A Habsburgok és a forradalmak elleni cári segítség kérdése (A müncheni egyezménytől 1849 májusáig). «Századok», 94 évf., 4 szám, Bdp., 1960

Arató Endre, A Magyar nemesség és az ostrák udvar nemzetiségi politikája a szabadságharc előtt, «Századok», N 2, Bdp., 1955.

Arató Endre, A nemzetiségi kérdés története Magyarországon 1790—1840, I k., Bdp., 1960; II k. (1840—1848), Bdp., 1960

Babics A., A Pécsvidéki kozszénbányászat története, Bdp., 1952.

Barta István, A kormány parasztpolitikája 1849-ben, «Századok», N 1—2, Bdp., 1956.

Berend Iván — Ránki György. Magyarország gyáripára 1900—1914, Bdp., 1956, A monopolkapitalizmus gazdasági alaptörvénye érvényesülésének néhány kérdése Magyarországon az első világháború előtt. 1900—1914. Tanulmányok a kapitalizmus történetéhez Magyarországon 1867—1918, Bdp., 1956, A Magyarországi monopóliumok szerepének kérdéséhez 1900—1914, Bdp., 1956

Erényi T., A magyar szakszervezeti mozgalom története. 1898—1917 között, Bdp., 1956.

Goldi Tamás, A magyarországi vasútépítés a külföldi nagytőke profitforrása 1867—1900. Tanulmányok a kapitalizmus történetéhez Magyarországon 1867—1918, Bdp., 1956.

Hanák Péter, Az 1905-ös orosz forradalom hatása Magyarországon. «Magyar Történeti Kongresszus 1953 június 6—13», Bdp., 1954; A dualizmus válságának elmélyülése a XX. század első éveiben, «Századok», N 3, Bdp., 1955, A dualizmus válságának problémái a XIX. század végén, Bdp., 1958.

Kemény Gy., A Magyar nemzetiségi kérdés története 1790—1918, Bdp., 1947

Király J., A parasztság felbomlásának néhány kérdése (1900—1914). «Századok», N 1—4, Bdp., 1952.

Kolossa T., Adatok az agrárproletariatus arányához és összetételéhez az Ostrák-Magyar Monarchiában, Bdp., 1958.

«Magyarország története», III, Bdp., 1950.

«Magyarország újkorai története 1790—1918», I, Bdp., 1957.

Mérei S. Gy., Adalékok a magyar mezőgazdaság kapitalista fejlődésének történetéhez, Bdp., 1950.

Mérei Gy., Mezőgazdasági arútermelés és a parasztság helyzete Magyarországon a feudalizmus válságának elmélyülése idején, «Századok», N 4—6, Bdp., 1956.

- Mód Aladár, 400-év küzdelem az önálló Magyarországért, Bdp., 1954.
- Molnár Erik, A Magyar történetírás fejlődése az elmúlt évtizedben. «Századok», N 1—3, Bdp., 1960
- Nemes Dézsö, Az Általános munkásegylet története, Bdp., 1952.
- «Parasztságunk a Habsburg önkényuralom korszakában 1849—1867, Bdp., 1951
- Pach P. Zs. A dualizmus rendszerének első évei Magyarországon, «Századok», N 1—3, Bdp., 1955.
- Pach P., Magyar gazdaságtörténet 1848—1900, Bdp., 1957.
- Pach ZS. P., Über einige charakteristische Züge des sogenannten preussischen Weges der Entwicklung in der Landwirtschaft Ungarns in der 2. Hälfte des 19. Jhs «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», VII Jahrgang, Heft 6, Berlin, 1959
- Révai I., Irodalmi Tanulmányok, Bdp., 1950.
- Sándor Pál, Parasztságunk a habsburg önkényuralom korszakában 1849—1867, Bdp., 1951.
- Sándor P., A XIX századvégi agrárválság és a magyar nagybirtok, Bdp., 1958.
- Sándor Vilmos: Nagyipari fejlődés Magyarországon 1867—1900, Bdp., 1954; A tőkés gazdaság kibontakozása Magyarországon, Bdp., 1958.
- Sas Andor, Egy kárpáti latifundium, a hűberi világ alkonyán. A munkácsi Schönborn-uradalom társadalmi és gazdasági viszonyai a XIX sz első felében, Bdp., 1955.
- Simon Péter, A század forduló földmunkás és szegényparaszt mozgalmai 1891—1907, Bdp., 1953.
- Szabó J., Tanulmányok a magyar parasztság történetéből, Bdp., 1948.
- Szántó Bela, A Magyar munkásmozgalom 1914-ig, Bdp., 1948.
- Szuhay Miklós, A parasztság felbomlásának egyes kérdései Magyarországon az első világháború előtt. Tanulmányok a kapitalizmus történetéhez Magyarországon. 1867—1918, Bdp., 1956.
- «Tanulmányok a kapitalizmus történetéhez Magyarországon 1867—1918, Bdp., 1956
- Tóth Zoltán, A nemzetiségi kérdés a dualizmus korában (1867—1900), «Századok», N 3. Bdp., 1956.

4. Произведения зарубежных авторов, изданные в Советском Союзе

- Ачади И, История венгерского крепостного крестьянства, М., 1956
- Госиоровский М, История словацкого рабочего движения 1848—1918, М., 1958
- Неедлы З, История Закарпатской Руси до XIV ст Известия АН СССР, серия историческая и философская, т II, № 4, М., 1945.
- Немеш Д., Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие революционных сил в Венгрии в 1917—1918 гг., М., 1957.
- Пах П. Ж., Об особенностях первоначального накопления капитала в Венгрии «Вопросы истории», № 2, 1955
- Пристер Е., Краткая история Австрии, М., 1952.
- Санто Бела, Борьба беднейшего крестьянства и батраков Венгрии в 90-х годах XIX в. «Историк-марксист», № 6, 1941.
- Хевеши Акузиус, Венгерское крестьянство и его борьба, М.-Л., 1927.
- Шолле З., Рабочее движение в чешских землях в конце XIX века, М., 1954.
- Шолле З., Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны, М., 1955.

5. Литература, изданная в Закарпатье и на Западной Украине до воссоединения их с Советской Украиной

Аристов Ф. Ф. Хронологический перечень напечатанных сочинений А В Духновича «Карпатский свет», I, Ужгород, 1928; Адольф Иванович Добрянский «Карпатский свет», №№ 1—2, 5—7, Ужгород, 1931.

Аристов Ф. Ф. и Бескид Н. А. Хронологический перечень напечатанных сочинений Евгения Андреевича Фенцика Собрание сочинений Ф. А. Фенцика, ч I, приложение к журналу «Карпатский свет», Ужгород, 1932

Балецкий Е., Язык грамматики Сабова з 1890 року, Унгвар, 1944.

Батыцкий А. Г., Угорская Русь, Перемышль, 1877

Бережский Ю., О борьбе за нашу церковную автономию. Журнал «Русский вестник», Ужгород, 1929.

Бескид А., Добрянский как вождь и общественный деятель. «Карпатский свет», Ужгород, 1929

Бескид Н.: Карпаторусская древность, Ужгород, 1928, Ю. Ставровский — Попрадов «Карпатский свет», № 2—3, Ужгород, 1929; Жизнь и творчество А. Духновича. «Карпатский свет», № 4, Ужгород, 1928, № 7—9, 1929; №№ 3—4, 7—8, 1930; А. В. Духнович и его поэзии, Ужгород, 1930, Общественная жизнь до Духновича Газета «Карпаторусский голос», № 107—108, Ужгород, 1934.

Вергун Д. И., Е. А. Фенцик (Владимир) и его место в русской литературе, Ужгород, 1926

Вилинский В. С., Корни единства русской культуры, Ужгород, 1928.

Габриель Фр., Материалы к истории крепостничества на Подкарпатской Руси. «Народный сборник Сабова», Ужгород, 1934.

Гаджега Ю. Статьи по вопросам «православия», народности и католичества, Ужгород, 1921; Руководство к изучению вопроса воссоединения восточной и западной церквей, Ужгород, 1922; История Общества св. Василия Великого и речь ко дню 60-летия его учреждения, Ужгород, 1925; История Ужгородской богословской семинарии, Ужгород, 1928.

Геровский Г. Русский язык в церковно-славянско-русской грамматике Михаила Попа-Лучкая, Ужгород, 1930; История угрорусской литературы в изображении Володимира Бирчака, Унгвар, 1943.

Грабец М., К истории Марамарош-Сигетского процесса, Ужгород, 1928

Григаший М., География Подкарпатской Руси, Ужгород, 1920.

«Дела Галицкой и Угорской Руси». Газета «Слово», №№ 72—74, Львов, 1871

Добош П. И. и Федор П. С., Руководство к карпаторусскому букварю, Ужгород, 1925.

Дулишкович И., Исторические черги угрорусских, тетрадь I, Унгвар, 1874, тетрадь II, 1875, тетрадь III, 1877.

Духнович А. В. Книжица читальная для начинающих. Будин, 1851; Правила чина св. Василия Великого в Угорщине, Львов, 1858.

Жаткович Юрий Калман. Несколько слов о русских, живущих в Угорщине «Месяцослов на 1890 год», Унгвар, 1890, Об отношениях некоторых епископов Крижевацких к епархии Мукачевской «Листок», № 3—5, Унгвар, 1890, Иосиф де-Камелис, епископ мукачевский, «Листок», № 6—8, Унгвар, 1890, Русские епархии в Угорщине «Крестный месяцослов на 1891 год», Унгвар, 1890; Мануил Ольшавский, епископ мукачевский, «Листок», № 1—4, Унгвар, 1891; Епископы марамарошские, «Листок», № 14—22, Унгвар, 1891, Князь Федор Корятович «Листок», № 12, Унгвар, 1891; Юрий Драгобецкий, епископ крижевацкий «Крестный календарь на 1893 год», Унгвар, 1892, Иоанн Брадач, епископ мукачевский, «Месяцослов

на 1898 год», Унгвар, 1897; Алексей Повчий, епископ мукачевский «Подкарпатский календарь на 1899 год», Унгвар, 1898; Воеводство Крайнянское. «Месяцослов на 1903 год», Унгвар, 1902.

«История подкарпаторуськой литературы», Унгвар, 1942.

Кадлец К., Подкарпатска Русь (с дополи. И. Долинского), Ужгород, 1922

Каминский И. Национальное самосознание нашего народа. Памяти А. Духновича, Ужгород, 1926. Воспоминания «Карпаторусский голос», Ужгород, 4—5, 11—12 февраля 1933 года; Послы и сенаторы карпаторусского народа в 1848—1849 годах «Земледелельский календарь на год 1937», Ужгород, 1936. Додатки к истории «Общества св. Василия Великого» в 1895—1902 годах, Ужгород, 1937. «Карпаторусский сборник», Ужгород, 1930

Кондратович (Кондратович) И. М.: Заметки на один руський меморанд из рока 1849 «Карпаторусский вестник», Ужгород, 1922; История Подкарпатское Руси для народа, Ужгород, 1925; К истории стародавняго Ужгорода и Подкарпатской Руси, Ужгород, 1929; Очерки из истории Мукачевской епархии «Карпаторусский сборник», Ужгород, 1931; История Подкарпатское Руси, Ужгород, 1930; Епископ Тарасович и церковное соединение руинов Газета «Неделя», № 1, Ужгород, 5 января 1936 года; Нове пути подкарпатское историографии, Унгвар, 1941.

Крайняница В. И., Духнович—народовец. «Календарь общества им. А. Духновича на 1941 год», Унгвар, 1940

Кралевицкий А.: Даты к истории угорских руинов По жерелам Базилевича и Болудянского «Галичанин», кн. I, вып. 3—4, Львов, 1863. Короткий опис монастыря Мария-Повчанского чина св. Василия Великого в Угрии «Галичанин», кн. I, вып. 2, Львов, 1863; О чине св. Василия Великого вообще «Месяцослов на 1865 год», Унгвар, 1864; Древнии правила церкви о избрании епископов. «Слово», № 22, Львов, 1864; Историческое описание монастырей чина св. Василия Великого в Угоршине «Месяцослов на 1865 год», Унгвар, 1864; Александр Васильевич Духнович, крылошанин пряхшевский. «Месяцослов на 1866 год», Унгвар, 1865. Древние исторические памятники Из архива монастыря Мстичевского. «Свет», № 8, Унгвар, 1868; Дарственные грамоты монастыря Заречского. «Свет», № 2, Унгвар, 1868, Славянская журналистика в Вене на 1870 год «Слово», № 25, Львов, 1870, А. Духнович. «Временник Ставропигийского института» на 1871 год, Львов, 1870, Монастырь благовещения пресвятой богородицы в Бороняве. «Временник Ставропигийского института» на 1872 год, Львов, 1871, Монастырь воздвижения честного креста на горе Буковской. «Временник Ставропигийского института» на 1872 год, Львов, 1871; Монастырь св. Петра и Павла Бискадский. «Временник Ставропигийского института» на 1872 год, Львов, 1871; Монастырь св. Михаила в Мстичеве «Временник Ставропигийского института» на 1872 год, Львов, 1871; Нечто о старинной архимандрии Выходской чина св. Василия Великого в горах Шитницких в Угрии «Литературный сборник Галицко-русской Матицы», Львов, 1872; Грамота князя Федора Корнятовича. Газета «Карпат», № 25, Унгвар, 1874; О давной паншине. «Карпат», № 32, Унгвар, 1875; Монастырь св. о. Николая на горе Чернецкой возле Мукачева. «Временник Ставропигийского института» на 1891 год, Львов, 1890; Иоаннийский Базилевич, протонгумен Мукачевского монастыря. «Листок», № 9, Унгвар, 1891; Краснобродский монастырь. «Листок», № 9, Унгвар, 1891.

Лаппо И., Происхождение украинской идеологии новейшего времени, Ужгород, 1926.

Левицкий И., Грамматика языка русского в Галиции, Перемышль, 1849.

Левицкий И., Карпатська Русь в XIX веке в биографиях и портретах, т. I, Львов, 1898; т. II, 1899; т. III, 1900; т. IV, 1901.

Линтур П, А В. Митрак. Очерк жизни и деятельности, Ужгород, 1937

Лукович А. Национальная и языковая принадлежность русской части Подкарпатской Руси, Ужгород, 1929.

Недзельский Е А. В Духнович. «Временник Ставропигийского института» на 1929 год, Львов, 1928, Очерки карпаторусской литературы второй половины XIX века, Ужгород, 1929; Угрорусский театр, Унгвар, 1941

«Об енцикликке мукачевского епископа Панковича, направленной против «Света» «Слово», № 12—13, Львов, 1871.

«Особенности положения русских в Угорщине». «Карпат», №№ 14—17, Унгвар, 1884.

Павлович Н, Русская культура и Подкарпатская Русь, Ужгород, 1926

Панас И Карпаторусские отзвуки русского похода в Венгрию 1849 года «Карпаторусский сборник», Ужгород, 1930, К вопросу о русском национальном имени, Ужгород, 1934.

Папп А, О шизматических агитациях, Унгвар, 1912.

Петров А. Канонические визитации 1750—1767 г. в вармеях Земплинской и Абауйской Науков сборн «Просвета», роч III, Ужгород, 1924; К истории русских «интриг» в Угрии в XVII веке. «Карпаторусский сборник», Ужгород, 1938

Погорелов В А, Михаил Лучкай и его Grammatica Slavo-Ruthena, Ужгород, 1930.

«Подкарпатская Русь 1919—1936», Ужгород, 1936

«Поздравление русинов от Литературного заведения Пряшовского» на 1850 год. Перемышль, 1850, на 1851 год, Вена 1851; на 1852 год, Будин, 1852

«Покаяние Исповедный руководитель для молодежи», Унгвар, 1905.

Попов А. В, А В Духнович. Критическо-биографический очерк, Мукачево, 1929

Потушняк Ф, Вода, земля и воздух (в народном верованю), Унгвар, 1944.

«Прикарпатска Русь в XIX веце», I вып, I том, Львов, 1898.

Репеев А, Народное господарство в пользу и употребление земледельцев русских, Унгвар, 1864.

Русак Ю П. Очерки культурной истории Подкарпатской Руси, Ужгород, 1927, Мукачевская епархия и ея борьба за права русского языка и народности во время епископства Василия Поповича. «Карпаторусский сборник Ужгород, 1931, Воспоминания, Ужгород, 1938.

«Русины «римокатолики» в Угорщине», «Слово», № 21, Львов, 1871.

Сабов Е. Христоматия церковнославянских и угрорусских литературных памятников с прибавлением угрорусских народных сказок на подлинных наречиях, Унгвар, 1893; Очерк литературной деятельности и образования карпаторуссов, Ужгород, 1925; Речь по случаю открытия памятника А. Духновичу в Севлюше, Ужгород, 1925; Речь по случаю открытия памятника Владимира — Евгения Андреевича Фенцика 16 мая 1926 года в стольном граде Ужгороде, Ужгород, 1926.

Салтыков А. А., Евразийцы и украинцы. К проблеме единства русской национальной культуры, Ужгород, 1930.

«Сборник статей, посвященный памяти А. И. Добрянского», Ужгород, 1929.

Свенцицкий И. С., Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, ч. I, Львов, 1906, ч. II, 1909.

Сова П., Прошлое Ужгорода Исторический очерк, Ужгород, 1937.

Стрипский К., Язык литературной традиции Подкарпатской Руси, Ужгород, 1930.

Студинский К., Александр Духонович и Галичина. «Науков, сборн.

«Просвета» в Ужгороде за рок 1923», рочн III, Ужгород, 1924.

«13—на смерть, 13—в тюрьму. Кровавые выборы в Белках 15 января 1906 г.», Ужгород, 1936

Ф. Е. Эгоизм личный и национальный. «Слово», №№ 40—41, Львов, 1887

Ф. Е. Выбор соймового депутата Наши дела. Изобилие дуловенства. «Слово», №№ 63—64, Львов, 1887.

Федор П. С. Краткий очерк деятельности А. И Добрянского, Ужгород, 1926, Очерки карпаторусской литературы, Ужгород, 1929; Краткий обзор истории карпаторусской народной школы. Журнал «Народная школа». № 7, Ужгород, 1936.

Филевич И., Несколько слов о значении Карпат для русской науки. «Галицко-русский вестник», ч I, Львов, 1894.

Фомыч Ф., Народный бунт в Верхней Угрии 1831 года «Слово», №№ 118—120, Львов, 1872.

Францев В. А. Из эпохи возрождения Угорской Руси «Научно-литературный сборник Галицко-русской Матицы», кн. 1, Львов, 1902; К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси, Ужгород, 1924.

Хома I., Мария-Повчанский паломник, Унгар, 1907.

Чекан Ф., Колонизация Подкарпатской Руси и национальные отношения накануне нового века. «Карпаторусский голос», №№ 13, 15, 17, Ужгород, 1933

Шараневич И., Старинные пути русско-угорские через Карпаты и русско-польские через Сян и Вислу, Львов, 1869.

Шкирпан Н. Р., Записки по истории Подкарпатской Руси, Мукачево, 1922.

Шкирпан Н. Р., Духнович и национальное возрождение в Подкарпатской Руси. «Карпатский свет», Ужгород, 1928.

Яворский Ю. А. К библиографии литературы об А. В. Духновиче. «Карпатский свет», Ужгород, ноябрь 1929, К изучению А. О. Кралицкого. Библиографические справки, Ужгород, 1930.

Бадан А., Исторія соціальних рухів и соціалістичне теорії, Ужгород, 1928.

Бачинський Ю., Українська іміграція в З'єднаних Державах Америки, Львів, 1914

Бірчак В., Літературні стремління Підкарпатської Руси, Ужгород, 1937

Брик І., Слов'янський з'їзд у Празі 1848 р і українська справа. Записки наукового т-ва ім Шевченка, т 129, Львів, 1920

Гаєриель Ф. Ужгородська камеральна домінія а 90 роках XVIII ст. «Подкарпатска Русь», кн. 1—8, Ужгород, 1932; Життя в барбоськом (цирюльном) ужгородськом цеху «Подкарпатска Русь», XII, Ужгород, 1934.

Гаджега В. Додатки к исторії Русинов и руських церковей в Мармароше. Студіє исторично-архивне Науков зборн. т-ва «Просвета», рочник I, Ужгород, 1922, Додатки к исторії русинов и руських церковей в Ужанской жупе Науков. зборн. «Просвета», рочник II, Ужгород, 1923, рочник III, 1924; Перва проба исторії греко-католическое мукачевское епархіє. Науков зборн «Просвета», рочник III, Ужгород, 1924; Додатки до исторіє русинов и руських церковей в жупе Угоча. Науков. зборн «Просвета», рочник IV—V, Ужгород, 1927, Михаил Лучкай, життєпис и творы. Науков. зборн. «Просвета», рочник VI, Ужгород, 1929, Додатки до исторіє русинов и руських церковей в був. жупе Земплинской. Науков. зборн. «Просвіта», річник VII—VIII, Ужгород, 1931; річник IX, 1932; річник X, 1934, річник XI, 1935; річник XII, 1937; річник XIII—XIV, 1938; Наше культурне и церковне справи на епископских нарадах р. 1773 у Ведни, «Под-

карпатська Русь», рочн. III, 1920, О первых початках народного школьництва на Подкарпатское Руси. «Подкарпатська Русь», № 5, Ужгород, 1927; Історія катедрального капитулу греко-кат. епархії мукачевської. «Подкарпатська Русь», рочн. IV, Ужгород, 1927.

Гнатюк В.: Угорська мизерія. «Житє і слово», Львів, 1897., Угорські новини. «Житє і слово», Львів, 1897

Драгоманів М., Австро-руські спомини, Львів, 1892.

Е. Б. Прохлеоробске сполки (дружества), Ужгород, 1933.

Еден скоирницький сирохман, Утцюзнина, газдувство и прошлость южнокарпатських русинов, 1922.

Етнографічні матеріали з Угорської Русі, т. I. Етнографічний збірник Наукового т-ва ім. Шевченка, т. III, Львів, 1897.

За клінський К., Народні оповідання про давнину, Ужгород, 1925.

Кинах Г., Матеріали до історії зносин Подкарпатської Русі з Галичиною в XIX в. Науков. зборн. «Просвета», рочн. II, Ужгород, 1923

Контратович І., Додатки до історії шкільництва Підкарпатської Русі «Подкарпатська Русь», № 2, Ужгород, 1924

Левицький І., Українська бібліографія Австро-Угорщини за роки 1887—1900, т. I, Львів, 1909; т. II, 1910, т. III, 1911

Лелекач М. Руська шляхта на Підкарпатській Русі (шляхта Ужгородської Країні). Журнал «Подкарпаторуський голос», XI—XIII, Ужгород, 1935, Нові причинки до політичної діяльності Адольфа Добрянського. Науков. збірн. «Просвіта», річн. XIII—XIV, Ужгород, 1938; Криваві вибори в Севлюші (1865). Журнал «Земля і воля», № 4, Ужгород, 1938. Подкарпатское письменство на початку XX века, Унгар, 1944; Мукачевська богословська школа, Унгар, 1944.

Лукич Василь, Угорська Русь, її розвой і теперишній стан, Львов, 1887

Мицюк О.: Герой чужої історії. «Календар «Земля і воля» на 1936 рік», Ужгород, 1935; Нариси з соціально-господарської історії Підкарпатської Русі, т. I, Ужгород, 1936; т. II, Прага, 1938; З еміграції угорусинів перед світовою війною. Науков. збірн. «Просвіта», річник XIII—XIV, Ужгород, 1938.

Мураний І., Давне дяки, Ужгород, 1934.

Назар А., Шкільництво на Підкарпатті, «Календар «Карпатської правди» на 1927 рік», Мукачів, 1926.

Натан Ф., До історії основания села Ясіня. «Подкарпатська Русь», № 6, Ужгород, 1927

Охримович В., Вражіння з Угорської Русі, Львів, 1895.

Панькевич І., Славяноруська граматика Арсенія Коцака друге половини XVIII века Науков. зборн. «Просвета», Ужгород, 1927; Походження роду Александра Духновича. Науковий збірн. «Просвіта», річн. XI, Ужгород, 1935; Др. Василь Гаджега і перші початки організації наукового руху на Підкарп. Русі. Науков. збірн. «Просвіта», річн. XIII—XIV, Ужгород, 1938.

Потушняк Ф., Душа в народнім повір'ю села Осій. Науков. збірн. «Просвіта», річник XIII—XIV, Ужгород, 1938.

Светлик П.: Один з документів першої весни народів. «Подкарпатська Русь», Ужгород, 1928; Обезник Марамарошского викарія. «Подкарпатська Русь», Ужгород, 1928.

Созанський М., Поетична творчість Олександра Духновича. Наукові записки т-ва ім. Шевченка, т. 86, Львів, 1908.

Стрипський Г., Угорські русини і словаки в Америці. «Житє і слово», VI, 1897.

Стрипський Я., Початки друкарства на Підкарпатті, Унгар, 1944.

Студинський К., Кореспонденція Якова Головацького в літах 1850—1862, Львів, 1905.

Таньчак К., Між Мадьярщиною, Польщею і Чехословаччиною, Ужгород, 1934.

Тихий Ф., Поезії А. Духновича, Ужгород, 1922.

Шаш А.: Вандрівка бережського дерева з Мукачева до Гданська. VI звіт дирекції Державної торговельної академії в Мукачеві за рік 1927—1928, Мукачево, 1929, Нарис соціальної і господарської історії Шенборнської латифундії Мукачівсько-Чинадієвської в першій половині XVIII ст. Науков. збірн. «Просвіта», річн. IX, Ужгород, 1932. Дещо из торговельно-господарское историе панства Мукачевсько-Чинадеевского у XVIII ст. «Подкарпатска Русь», IX, Ужгород, 1932; X, 1933.

Якеш А., Шимек И., Школьніцтво на Подкарп Русі Журнал «Учитель», рочн. X, Ужгород, № 9—10, 1929.

Balogh J., Munkács — vár története, Munkács, 1890.

Bacsinszky Tivadar, Orosz-ruszin kapcsolatok a XIX. század közepén, Ungvár, 1942.

Beregi Gyula, Több világgosságot! (Köpirat Kárpátskájá Rus politikai és kulturális kuzdelmejhez), Uzhorod, 1920

Halász Géza, Otvenezzer Bereg megyei orosz létkérdése, Munkács, 1896

Hodinka A.: A Munkácsi gör—szert püspökség okmánytára, Ungvár, 1911; Adalékok az Ungvári vár és tartománya és Ungvár városánk történetéhez, Ungvár, 1917.

Horváth Iános, Ung megye monográfiája, Ungvár, 1872.

Karpinec E., A Ruthen nép krízise, Ungvár, 1912.

Komáromy A., Ugocsa vármegye történetéből, Ugocsa, Nagy-Szölös, 1866

Lehoczky T.: Bereg vármegye monográfiája, Ungvár, I—III, 1881—1884. Bereg megye és a Munkács vár 1848—1849-ben, Munkács, 1889.

Papp I., Adalékok Máramaros történetéhez, M-Sziget, 1909.

Potusnyák Ferenc, A ruszin népviselet, Ungvár, 1944.

Roth Béla, Kárpátalja tizenöt év előtt, Ungvár, 1933.

Sipos István, Mikor kötelezi a kódex a keleti egyházat?, Ungvár, 1944.

Vargha Géza, Skismatikus vitapontok, Ungvár, 1915.

Beskid A., Maramaros, Uzhorod, 1925

Beskid K.: Maramarosky proces, Huszt, 1926. Obrázky z byvalého maďazského ráje, Huszt, 1926.

Gabriel F.: Selský stav v Uzhorodském komorním panství na sklonku XVIII století. Sbornik zemske musejní společnosti v Uzhorode, 1932,

Poddanské pomery na Uzhorodském panství ke konci XVIII st. Науков. збірн. «Просвета», рочн. X, Ужгород, 1934.

«Chust v Marmarosi», Chust, 1937.

Richard D., Podkarpatská Rus jindi a nyní, Muvaceve, 1927.

Tichy Frantisek, Prvý podkarpatoruský umelecký projev literární. Науков збірн. «Просвіта», Ужгород, 1938.

Wiesner F., Vodstvo a minerální prameny zeme podkarpatoruské, Uzhorod, 1935

Kaindl R., Geschichte der Bucowina, B. II, Czernowitz, 1903.
 Radványi Nicolaus, Die Archive in der Podk. Rus, Ungvár, 1922.

6. Литература, изданная в дореволюционной России

- А. И. Я., Словаки в водвороте мадьяризации народностей Венгрии. «Славянские известия», № 1, СПб., 1906.
 Алабин П., Четыре войны, ч. 1, Самара, 1888.
 Арсений, Русские в Венгрии. ЖМНП, т. 6, ч. СXXXVIII, СПб., 1886
 Аристов Ф. Ф., А. В. Духнович, как историк. «Русский архив», №№ 4—5, М., 1914.
 Аристов Ф. Ф., Карпато-русские писатели, т. I, М., 1916.
 А. С., Базилиане в Галичине. «Славянские известия», № 2, СПб., 1904.
 Бахтин Н. Н., Угорская Русь, Петроград, 1915.
 Бельговский К. П., Русский народ в Карпатах, Киев, 1915.
 Богданович М., Угорская Русь, М., 1914.
 Броневский В., Путешествие из Триеста до Петербурга в 1810 году, ч. I—II, М., 1828.
 Будилович А. С.: Червонорусская эмиграция. «Славянское обозрение», т. III, СПб., 1892, О значении русского похода 1849 г. для австро-угорских народов «Русская беседа», № 1, СПб., 1896; Об основных воззрениях А. И. Добрянского, СПб., 1901, Современный мадьяризм в перспективах угро-славянской истории «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества», № 1, СПб., 1902; К вопросу о племенных отношениях в Угорской Руси, СПб., 1904.
 Василевский Л. (Плохоцкий), Венгерские «руснаки» и их судьба. «Русское богатство», № 3, СПб., 1914
 Васильев А. Ф., Зарубежная Русь, Петроград, 1915.
 Веселитский-Божидарович Г., Германизация Востока и славянский отпор. «Славянские известия», № 10, СПб., 1889
 Воблый К. Г., Заатлантическая эмиграция, ее причины и следствия, Варшава, 1904.
 Вознесенский А., Зарубежная Русь к началу XX века, М., 1901.
 Воскресенский Г. А., Православные славяне в Австро-Венгрии, СПб., 1914
 Головацкий Я. Ф.: Дополнение к очерку славяно-русской библиографии В. М. Ундольского, СПб., 1847; Карпатская Русь. «Славянский сборник», т. I, СПб., 1875; т. II, 1877; Народные песни Галицкой и Угорской Руси, I—IV, М., 1878.
 Грот К. Я.: Памяти Адольфа Ивановича Добрянского. «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества», № 3, СПб., 1902, Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбе славянства и в русских исторических изучениях, Петроград, 1915.
 Гумецкий И. И., Значение русского Прикарпатья для России, СПб., 1914.
 Де-Воллан Г. А.: Мадыры и национальная борьба в Венгрии, М., 1877; Угорская Русь, М., 1878; Очерк истории угорских русских. «Русский архив», М., 1897; Угорорусские народные песни. «Записки Русского географического общества», т. 13, вып. I, СПб., 1885.
 Дешко А. П., О Карпатской Руси. «Киевская старина», т. 19, Киев, 1887.
 Добрянский А., О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира. ЖМНП, ч. 208, СПб., 1880.

«Заметки по этнографии и статистике Угорской Руси». ЖМНП, СПб., февраль 1892 года

К а з а н с к и й П Е., Присоединение Галичины, Буковины и Угорской Руси, Одесса, 1914.

К р ю к о в Н А., Славянские земли Сельское хозяйство в славянских землях, т. II, ч I—II, Петроград, 1915—1916

К у л а к о в с к и й П А., Славянский съезд в Софии «Славянские известия», № 5—6, СПб., 1910

К у с т о д и е в К.: Конгресс католиков Венгрии и угорские русские. «Православное обозрение», М., март-декабрь 1871 года, К истории разочарований австрийских славян Посольство угорских русских в Вене в 1849 году. «Русский вестник», ч. 98, СПб., апрель 1872 года; Церковь угорских русских и сербов в их взаимоотношении. «Православное обозрение», М., май-июнь 1873 года

«Латинизация и мадьяризация русских в Венгрии». «Русское обозрение», СПб., июль 1892 года.

Л и х у т и н М Д., Записки о походе в Венгрию в 1849 году, М., 1875.

Л о з и н с к и й С Г. Национальный вопрос и политические партии Австрии, СПб., 1907; Царствование Франца-Иосифа, Петроград, 1916.

Л у ч и ц к и й И., Крестьяне и крестьянская реформа в восточной Австрии «Киевская старина», ч. LXXII, Киев, март 1903 года.

М а т и с о в, Движение народной жизни в Угорской Руси. «Беседа», кн VI—VII, М., 1871.

М Д., Словаки и славенское околье в Угорщине. ЖМНП, ч. СXXXIX, СПб., август 1868 года.

Н а д е ж д и н Н И., Записки о путешествии по южно-славянским странам ЖМНП, ч. 34, СПб., 1842.

Н Н., О современном положении русских в Угрии. «Славянский сборник», т I, СПб., 1875.

О В., Об унии венгерских русинов. «Русская беседа», кн. XVI, М., апрель 1859 года.

О р е у с И., Описание венгерской войны 1849 года, СПб., 1880.

О р л а й И.: История о карпато-россах, или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся. «Северный вестник», тт 1—4, СПб., 1804; О юго-западной Руси. «Труды Общества истории и древностей российских», ч. 3, кн. I, М., 1826.

«Отчет о конгрессе для организации католической церкви Венгрии в отношении ко всем угорским греко-католикам и особенно в отношении к угорским русским»

«Православное обозрение», М., март-апрель 1872 г

О ч е в и д е ц, Угорщина (Угорская Русь), СПб., 1911.

П е т е р с о н А., Венгрия и ее жители, СПб., 1876.

П е т р о в А Л.: Старопечатные церковные книги в Мукачево и Унгваре ЖМНП, СПб., июнь 1891 года, Заметки по Угорской Руси ЖМНП, ч. ССLXXIX, СПб., февраль 1892 года; Памятники угрорусской письменности ЖМНП, СПб., октябрь 1893 года; Материалы для истории Угорской Руси Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В И. Ламанского, СПб., 1905; Статьи об Угорской Руси Записки историко-филологического факультета С-Петербургского университета, ч. 81 (приложение к LXXXI части), СПб., 1906, «Старая вера» и уния в XVII—XVIII вв. Материалы для изучения Угорской Руси, т. II, СПб., 1906, Пределы угрорусской речи в 1773 году по официальным данным Записки историко-филологического факультета С-Петербургского университета, ч. CV, СПб., 1911, Мадьярская гегемония в Угрии (Венгрии). Угорская Русь, Петроград, 1915; Об этнографической границе русского народа в Австро-Угрии, Петроград, 1915,

Перфецкий Е, Обзор угрорусской историографии. «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 19, кн. I, СПб., 1914

Пиц О, Очерк политической и литературной истории словаков за последние сто лет «Славянский сборник», т. II, СПб., 1877.

Погодин А Л Зарубежная Русь, Петроград, 1915, Славянский мир, Петроград, 1915

Покос Л В, Славянские народы Австро-Венгрии, Киев, 1915

Пономарев В П, Австро-Венгрия и ее славянские народы, Баку, 1915

Попов Н Избиение русских в конституционной Венгрии и постановления Мункачевского съезда. «Вестник Западной России», т. II, кн VI, Вильна, 1866, Русский писатель в Венгрии А В. Духнович. «Беседы в обществе любителей российской словесности», вып. III, М., 1871; Церковное движение в Угорской Руси «Православное обозрение», М., январь 1871 года; Современные вопросы в церковно-народной жизни карпаторуссов «Православное обозрение», М., июль 1874 года. Прикарпатский русин Мнение карпаторусса о последствиях русско-венгерской войны 1849 года. «Славянские известия», № 6, СПб., 1890.

Путник, Современное состояние Угорской Руси. «Русский вестник», т. 265, М., февраль 1900 года.

«Промышленная политика Венгрии и мероприятия венгерского правительства», СПб., 1908.

Свенцицкий И, Обзор сношения Карпатской Руси с Россией в первую половину XIX века. «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», XI, СПб., 1906.

Сонцов Д, Из воспоминаний о венгерской кампании (Заметки участника и очевидца), М., 1871.

Спановский Я., Русский народ в Карпатах, Киев, 1915.

Срезневский И И., Угорская Русь. «Вестник Русского географического общества», т. IV, кн I, СПб., 1852.

Сремец, Календарный вопрос в России и на Западе, СПб., 1894.

Сумцов Н, Народно-песенный комментарий к галицко-русской эмиграции. «Славянское обозрение», т. III, СПб., сентябрь-декабрь 1892 года

Терлецкий В, Угорская Русь и возрождение сознания народности между русскими в Венгрии, Киев, 1874.

Томашевский С, Етнографічна карта Угорської Русі, СПб., 1910.

Томашевский С., Угорская Русь. Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. 3, Петроград, 1916.

Троицкий С. Православие, уния и католичество у славян и румын в Австро-Венгрии, СПб., 1914; Как живут и страдают православные униаты в Австро-Венгрии, СПб., 1914.

Уриил Метеор, Положение угорских русских под управлением Стефана Панковича, епископа мукачевского. «Славянский сборник», т. I, СПб., 1875; т. II, 1877.

Ф., Исторический очерк угрорусского народа и угрорусской церкви. «Славянские известия», №№ 50, 52, СПб., 1899.

Феерчак П. И., Очерк литературного движения угорских русских, Одесса, 1888.

Филевич И П. Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки «Варшавские университетские известия», V, Варшава, 1894; Очерк карпатской территории и населения. ЖМНП, IV—V, СПб., 1895.

Флоринский Т. Д. Зарубежная Русь и ее горькая доля, Киев, 1900, Славянское племя, Киев, 1907.

«Формы национального движения в современных государствах» (под редакцией А. И. Костелянского), СПб., 1910.

Францев В., Обзор важнейших изучений Угорской Руси. «Русский филологический вестник», №№ 1—2, Варшава, 1901.

Явдык Л., История Угорской Руси, Варшава, 1904

7. Литература, изданная в других капиталистических странах

Аидин, Где выход?, „Славянский век“, №№ 14—16, Вена, 1916.

Бескид Н. А.: Карпатская Русь, Пряшев, 1920; Поэзия Попрядовъ, Пряшев, 1928.

Вергун Д., Новейшая карпаторусская библиография, Журнал „Прикарпатская Русь“, Нью-Йорк, 1920.

Вергун Д. И., Очерк карпаторусской литературы, Прага, 1925.

„Восемь лекций о Подкарпатской Руси“, Сборник, Прага, 1925.

Водозов В. В., Новая Европа, Прага, 1925.

Дворский В., Подкарпатская Русь как область, „Восемь лекций о Подкарпатской Руси“ Прага, 1925.

Кадлец К., Национальные и вероисповедные отношения до переворота, „Восемь лекций о Подкарпатской Руси“, Прага, 1925.

Кржепинский И., Автономия Подкарпатской Руси, „Восемь лекций о Подкарпатской Руси“, Прага, 1925.

Кучанко Г., Угорская Русь и ее русские жители, Вена, 1897

Мацневич, Руководство по истории русской литературы, Пряшев, 1928

Петров А. Л., Отзвуки реформации, Няговские поучения на евангелие, Прага, 1923, Карпаторусские межевые названия из половины XIX и из начала XX в., Прага, 1929; Древнейшая грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии, Прага, 1930.

Свенцицкий, И. Славяне в Америке, „Славянский век“, № 44, Вена, 1902.

Семерад Ян, Национальные отношения и языковой спор в Подкарпатской Руси, „Восемь лекций о Подкарпатской Руси“, Прага, 1925.

Скацелик Ф., Подкарпатская Русь в свете статистики здравоохранения, „Восемь лекций о Подкарпатской Руси“, Прага, 1925.

Сладек Б., Экономические условия Подкарпатской Руси, „Восемь лекций о Подкарпатской Руси“, Прага, 1925.

Францев В. А., Из истории борьбы за русский литературный язык Подкарпатской Руси в половине XIX ст., Прага, 1931.

Яворский Ю. А.: Из истории научных исследований Закарпатской Руси, Прага, 1928; Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI—XVIII вв., Прага, 1931; Значение и место Закарпатья в общей схеме русской письменности, Прага, 1930

Бородаєвський С. В., Історія кооперації, Прага, 1925.

Дністрянський С., Загальна наука права і політики, т. I, Прага, 1923.

Кучанко Г., Русини в Угорщині, Відень, 1897.

Мицюк О., Аграрна політика 1800 - 1825 (гектографированное издание), Прага, 1926; Вплив української суспільно-господарської думки на московську. „Науковий збірник Українського вільного університету в Празі“, т. III, Прага, 1942.

Онацький Є., Навкруги Ватикану, Прага, 1943.

Петрашек Ф., Сідогнідий скот карпатський, Прага, 1930.

Понятенко Л., Культура, національність та асиміляція, Вінніпег Ман, 1917.

Рахівський О., Вітки из угоруського письменства XVII—XVIII вв., Будапешт, 1919.

Старосольський В., Теорія нації, Відень, 1922.
Чижевський Д., Нариси з історії філософії на Україні, Прага, 1931.
Яворський А., Українська справа в європейському освітленні,
Відень, 1905

**.

Drobný V. a Fr., Podkarpatská Rus, její přírodní a zemědělské poměry, Praha, 1921.

Chmelar Jos., Klima St. a Nečas Jar., Podkarpatské Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových, Praha, 1923.

Hromádka I., Zeměpisné prostředí života na Podkarpatské Rusi. Sb. „Podkarpatská Rus,“ Praha, 1936.

Ianšák S., Slovensko v době uhorského feudalizmu. Hospodářské poměry od r. 1514—1848, Bratislava, 1932.

Kadlec C., Podkarpatská Rus, Praha 1920.

Klíma S., Zeměpisný obraz Podkarpatské Rusi, Praha, 1923.

Kral I., Osídlení Podkarpatské Rusi, Praha, 1923. Podkarpatská Rus, Praha, 1924. Polonina Rívna v Podkarpatské Rusi, Praha, 1925.

Kubíjovic V., Rozšíření kultur a obyvatelstva v severních Karpatech, Bratislava, 1932.

Matoušek K., Podkarpatská Rus, Praha, 1924.

„O Halické a Uherské Rusi,“ „Časopis Českého Musea,“ I, Praha, 1843.

Opocenský Jan, Konec Monarchie R.-U., Praha, 1928.

„Podkarpatská Rus,“ Bratislava, 1936.

Perfekcij E., Dvě stati k dějinám Podkarpatské Rusi, Bratislava, 1922.

Socialne-hospodářské poměry Podkarpatské Rusi ve století XIII—XVI, Bratislava, 1924.

Petrov A., Národopisná mapa Uher, Praha, 1924.

„Selská hromada v Uherské Rusi,“ „Sborník Československé jednoty,“ Praha, 1887.

Sládek B., Hospodářské poměry v Podkarpatské Rusi, Praha, 1925.

„Správa o činnosti na Podkarpatské Rusi za 1935—1936, Praha, 1936.

Zapletal F., Rusíni a naši buditele, Praha, 1921.

**

„A Bántlin fele vegyigyárok r. t. Perecseny..., 50 éves története 1893—1943, Bdp., 1943.

Agoston Péter, A magyar világl nagybirtok története, Bdp, 1913.

„A magyar nemzet története“, III k., Bdp., 1895.

Arádi Viktor, A ruthén schisma per, Bdp., 1914.

Arkóvy Z., Vámszövetség vagy önálló vámterület, Bdp., 1909.

Asztalos Miklós, A nemzetiségek története Magyarországon, Bdp. 1934.

Balogh—Beery László, A magyar-lengyel közös határ és a rutén-terület, Bdp, 1936.

- Bánffy D., Magyar nemzetiségi politika, Bdp., 1903.
- Beksis G., Közjogunk és nemzeti törekvésünk, Bdp., 1903.
- Bernát István, Tanulmányok az agrárpolitika és a magyar agrármozgalom köreiből, Bdp., 1927.
- Berzeviczy Albert, Az abszolutizmus kora Magyarországon, I k., Bdp., 1922; II k., 1925.
- Bihar I., Egán edét meggyilkolták, Bdp., 1901.
- Bodrogkőzy Zoltan, A magyar agrármozgalom története, Bdp., 1929.
- Bokány D., A társadalom és az általános, egyenlő, titkos választójog., Bdp., 1909.
- Böhm Vilmos, Ket forradalom tüzein, Bécs., 1923.
- Bonkáló Sándor: A kárpátaljai rutén irodalom és művelődés. Pécs, 1935
- A magyar rutének, Bdp., 1920.
- Bóór György, A magyarországi ruszin időszaki sajtó a XIX. században, Kl., 1943.
- Darach G., A Rutén kérdés tegnap és ma, Bdp., 1938.
- Decsy Antal, Az magyar oroszokul való igen rövid elmélkedés, Kassa, 1797.
- Domanovszky Sándor. A magyar kérdés történeti szempontból tekintve, Bdp., 1920.
- Ecseri S. L., Az alföldi munkás kérdés és a mezőgazdasági válság, Bdp., 1898.
- Éckhardt F., A magyar közgazdaság 100 éve, Bdp., 1941.
- Frdélyi I., Nemzeti iparunk, Pest, 1845.
- Fellner Fr., A nemzetközi fizetési mérleg és alakulása Magyarországon, Bdp., 1908
- Gratz C., Általános választójog és nemzeti politika, Bdp., 1905.
- Hodinka A., A Munkácsi görög-katholikus püspökség története, Bdp., 1910.
- Homan B. és Szerfű Gy, Magyar története, V k., Bdp., 1938.
- Ieszenszky E., A földbirtok viszonyok alakulása Magyarországon Korunk, I k., Bdp., 1936.
- Komáromy A., Ugocsa vármegye keletkezése, Bdp., 1896.
- Karácsonyi Iános, Magyarország egyháztörténete, Veszprém, 1929.
- Kostelszky, Nemzeti politika a Felvidéken, Bdp., 1893.
- Kazyl I., Az északkárpatmenti hegyvidéki nép gazdasági hegyzetének javítására irányuló állami segítő akció hat évi működésének ismertetése, Bdp., 1904.
- Lehoczkv T., Bereg vármegyei főispánok Bdp., 1871; Bereg vármegye keletkezése, Bdp., 1872;
- Markos G., A magyar ipar 100 éve, Bdp., 1942.
- Mészáros Károly: A magyarország oroszok története, Pest, 1850; Ungvár története a legrégebb időktől máig, Bdp., 1861.
- Milthoffer S., A mezeti munkásviszonyok hazánkban, Bdp., 1898.
- Miskolczi Agost, A máramosi skizmaper 1913–1914. „Magyar Szemle” Bdp., 1928.
- Nagy Károly, A magyar nemzet története, Bdp., 1937,
- Nagy Sándor, A jobbágyság története Magyarországon, Nagy Becskerek, 1891.
- Nyegre L., Máramaros megye, Bdp., 1900.
- Podhradszky G., Magyar-ukrán történelmi kapcsolatok, Bdp., 1916.
- Rezler G., A magyar nagypárt munkásság kialakulása. 1867-1914; Bdp., 1945
- Steier L., A tót nemzetiségi mozgalom fejlődésének története, Lip-toszentmiklós, 1912.
- Szabó E., Az ipari munkásság hullamzása, Bdp., 1904.

- Szabó István, Ugocsa megye, Bdp., 1937.
 Szabo O., A magyar oroszokról (Ruthének), Bdp., 1913.
 Szechenyi S., Hítel, Bdp., 1904.
 Szilágyi I., Máramaros váremegye egyetemes leírása, Bdp., 1876.
 Thirring Gusztáv, A magyarországi vivândorlás és a külföldi ma-
 gyarság, Bdp., 1904.
 Varga I., A Magyar kartellek, Bdp., 1912.

♦♦

- Andrassy I., Ungarns Ausgleich mit Österreich, Leipzig, 1897.
 Biedermann I. H. Die ungarischen Ruthenen ihr Wohngebiet, ihr
 Erwerb und ihre Geschichte, Innsbruck, B. I, 1862; B. II, 1868; Russische
 Umtriebe in Ungarn, 1867; Die ruthenische Nationalität und ihre bedeutung
 für Österreich, Wien, 1863.
 Fellner Fr., Da Volksvermögen Österreichs und Ungarns, Wien,
 1913.
 Keller R., Die Industrieförderung in Ungarn, Praga, 1906.
 Mercator, Die Nationalitätenfrage und die ungarische Reichidee,
 Bdp., 1908.
 Mailath I., Die Kreditgenossenschaften in Ungarn, Bdp., 1903.
 Pellesch I., Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom
 von der ältesten Zeit bis auf die Gegenwart, Wien, B. I, 1878; II, 1880.

♦♦

- Daranyi I., The State and Agricultur in Hungari, London, 1905.
 Gerando F., Le complot rouge en Ruthéne, Paris, 1930.
 Gonnard R., L'Émigration européenne au XX-e siècle, Paris, 1906.
 Hanulya Ioseph P., Rusin Literature, Cleveland, Ohio, 1941.
 Martel René, La Ruthénie Subcarpathique (Podkarpatska Rus),
 Paris, 1935
 Nilles N., Symbolae ad illustrandam historiam Ecclesiae Orientalis
 in Terris Sancti Stephani, I II, Innsbruck, 1885.
 Seton-Watson R. W., German, Slav and Magyar, London, 1916.
 Scotus Viator, Racial Problems in Hungary, London, 1908.
 Schütz G., La situation matérielle des classes laborieuses en Hong-
 rie avant la guerre (1890--1913), Paris, 1930.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Развитие промышленности, капиталистического рынка и кредитной системы	3
Глава I. Промышленность Закарпатья и положение промышленных рабочих	—
1. Некоторые особенности промышленного развития Венгрии и Закарпатья	—
2. Характеристика важнейших отраслей промышленного производства	21
3. Мелкое кустарное производство	52
4. Положение промышленных рабочих	72
Глава II. Развитие капиталистического рынка	103
1. Внутренняя торговля	—
2. Внешняя торговля Венгрии и закарпатский рынок	118
3. Кредитно-банковские учреждения	128
Часть II. Национальное и духовное угнетение трудящихся Закарпатья	145
Глава I. Ассимиляторская политика господствующих классов Австро-Венгрии в Закарпатье	—
1. Провал планов насильственной мадьяризации закарпато-украинских трудящихся	—
2. Отсталость народного образования и подчинение его целям ассимиляции закарпатских украинцев	181
3. Преследование и ликвидация литературно-просветительного «Общества Василия Великого»	224
Глава II. Греко-католическая церковь Закарпатья на службе господствующих классов Австро-Венгрии и Ватикана	266
1. Попытки окатоличения закарпатских украинцев и вопрос о церковной автономии	266
2. Антинародная роль униатского духовенства	281
3. Клерикальная печать — орудие реакции и мракобесия	318
Часть III. Общественное движение в Закарпатье	344
Глава I. Борьба трудящихся Закарпатья против социального и национального угнетения	—
1. Выступления рабочих и крестьян против капиталистической эксплуатации и помещичьего гнета	—
2. «Аграрно-социалистическое» движение в Венгрии и закарпатское крестьянство	36
3. Борьба трудящихся против политического бесправия, национального угнетения и религиозных притеснений	381
Глава II. Национально-культурное движение клерикально-буржуазной интеллигенции	421
1. Условия возникновения и характер национального движения в Закарпатье	—

2. Мирозрение и деятельность «будителей»	428
А. И. Добрянский и его проекты разрешения национально-го вопроса в Австро-Венгрии	—
А. В. Духнович и «национальное возрождение» русинов	462
Национально-культурная деятельность других представи-гелей закарпатской клерикальной интеллигенции	476
3. Закарпатское «будительство» как общественное движение	495
Заключение	511
Историография, источники и литература	524
Глава I. История Закарпатья в исторических исследованиях	—
1. Буржуазная историография истории Закарпатья	—
2. Марксистская историография истории Закарпатья	566
Глава II. Исторические источники и литература по истории Закарпатья второй половины XIX столетия	583
1. Труды классиков марксизма ленинизма — теоретическая и методологическая основа исторического исследования	—
2. Исторические источники и литература	592
Примечания	616
Часть I. Глава I	—
Глава II	618
Часть II. Глава I	624
Глава II	630
Часть III. Глава I	637
Источники и литература. Глава I	639
**	
Принятые сокращения	646
Источники и литература	647
I. Труды основоположников марксизма ленинизма	—
II. Доклады Н. С. Хрущева и партийные документы	649
III. Источники	—
1. Неопубликованные архивные материалы	—
2. Опубликованные документы и материалы	650
3. Статистические материалы и справочные издания	651
4. Периодическая печать	653
5. Литературные первоисточники	654
IV. Труды революционных демократов	654
V. Периодические издания, монографии, общие исторические исследования, статьи	651
1. Периодические издания	—
2. Труды советских авторов	656
3. Литература, изданная в зарубежных социалистических странах	659
4. Произведения зарубежных авторов, изданные в Советском Союзе	662
5. Литература, изданная в Закарпатье и на Западной Украине до воссоединения их с Советской Украиной	663
6. Литература, изданная в дореволюционной России	669
7. Литература, изданная в других капиталистических странах	672

Иван Гаврилович Коломиец

**СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАКАРПАТЬЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ**

(Том второй).

Редактор К. П. Ярошевский

Технический редактор М. И. Волкова

Корректор Т. А. Никифорова

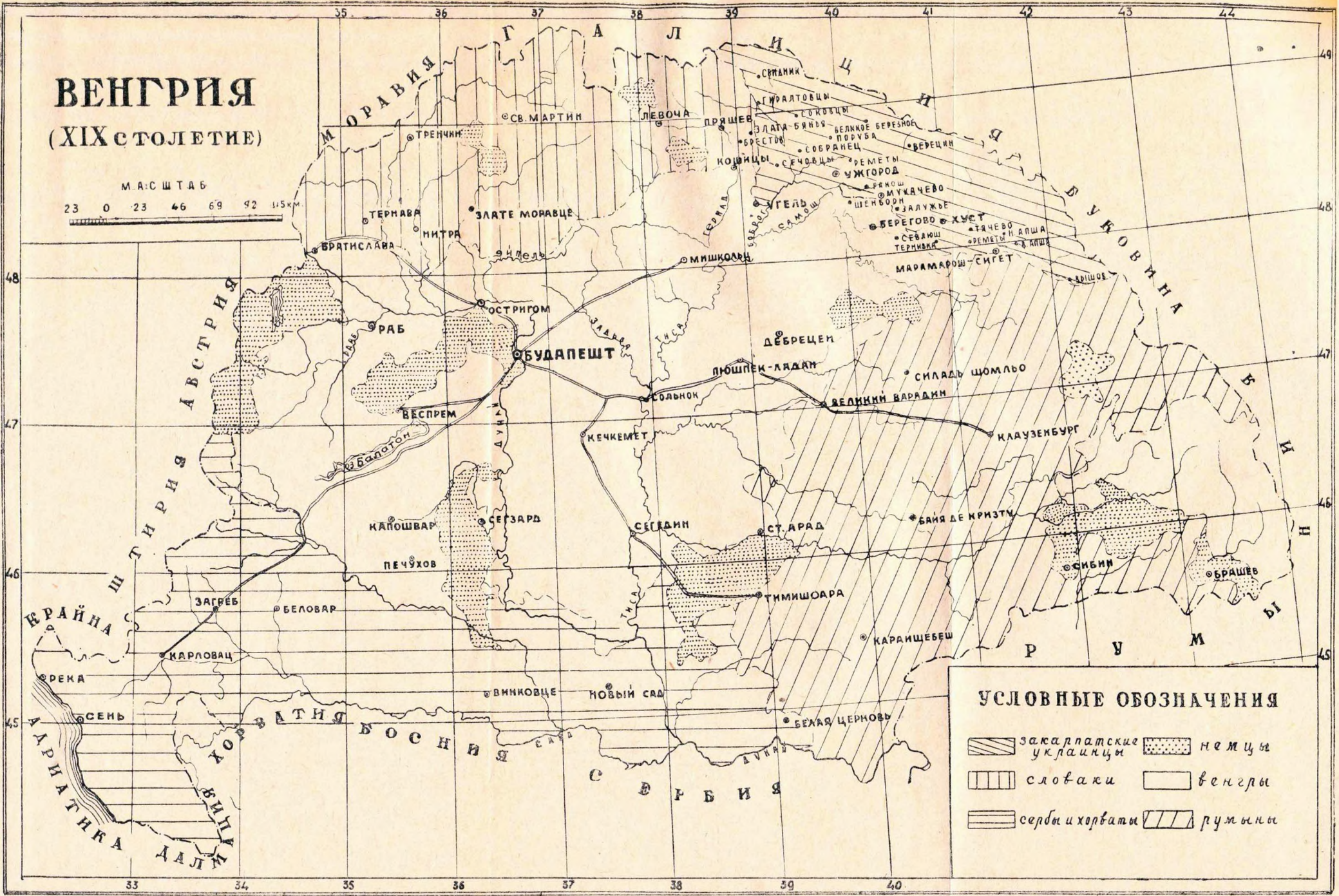
КЗ00534 Сдано в набор 10/XI-61 г. Подписано к печати 4/VI-62 г.
Бумага 60×92¹/₁₆. Объем 42,25 печ. л. + 4 вклейки, 21,125 бум. л.
Заказ 6179 Тираж 1 000 экз. Цена в переплете 3 р. 10 к.

г. Томск, типография № 1 Полиграфиздата, Советская, 47.

ВЕНГРИЯ (XIX столетие)

М А С Ш Т А Б

23 0 23 46 69 92 115 км

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- закарпатские украинцы
- немцы
- словаки
- венгры
- сербы и хорваты
- румыны

ЗАКАРПАТСКАЯ УКРАИНА

Административная карта
(XIX столетие)

Условные обозначения:

.... Границы комитата

Берег - название комитата

10 0 10 20 30 40 50 км.

Цена 3 руб. 10 коп.

И. Г.
КОЛОМИЕЦ

ЗАКАРПАТЬЕ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

2

1962